№ 45. — «Библіотека Русскаго Пролетарія». — № 45

«Le socialisme du prolétariat» par W. Possé.

Prix: 2 руб. 5 francs

IV
ЦА155
П863

В. А. ПОССЕ.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА

ПРОЛЕТАРСКАГО СОЦІАЛИЗМА

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
15, rue de Candolle.
1905

Поступили въ продажу слѣдующія изданія «Библіотеки Русскаго Пролетарія»:

Г. А. Куклинъ.

ИТОГИ

РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ ЗА 40 ЛѢТЪ

(1862-1902 гг.)

Сборникъ программъ, программныхъ статей русскихъ революціонныхъ партій и группъ и краткихъ очерковъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія. Цѣна: 3 р. 20 коп., 8 фр., 6 м. 50 пф.

Г. А. Куклинъ.

СѢВЕРНЫЙ СОЮЗЪ РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ

и

СТЕПАНЪ ХАЛТУРИНЪ.

Цѣна: 15 коп., 40 сант.

Г. А. Куклинъ.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ИЗУЧЕНІЮ ИСТОРІИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ (1800—1854 г.)

Оглавленіе: Декабристы. — Народныя волненія въ царствованіе Николая I. — Тайное украинское общество «Кирилло-Меѳодіевскаго братства.—Петрашевцы.—Политическая эмиграція при Николаѣ I. — Польское движеніе при Александрѣ I и Николаѣ I.

Изданіе иллюстрировано 13 портретами и 5 снимками картинъ.

Цѣна: 1 руб. 60 коп., 4 фр.

№ 45. — «Библіотека Русскаго Пролетарія». — № 45

ЦА155
П863

В. А. ПОССЕ.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА

ПРОЛЕТАРСКАГО СОЦІАЛИЗМА

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
15, rue de Candolle.
1905

2 й экз.

Н.

В. А. ЛОССЕ.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА

ПРОЛЕТАРСКАГО СОЦІАЛИЗМА

Счастливыя натуры умѣютъ улавливать моментъ, но никогда мыслящій наблюдатель не имѣетъ права молчать на томъ основаніи, что его, какъ онъ знаетъ, въ данный моментъ выслушаютъ лишь немногіе.

Фридрихъ Ланге.

К.

ЦА155
П863

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

Ц 6957 у

2010 г.

У 87

Предисловіе.

Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ работа, выходящая теперь въ законченномъ видѣ подъ названіемъ «Теорія и практика пролетарскаго соціализма», выпускалась въ свѣтъ отдѣльными частями подъ названіемъ «Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ».

Приступая къ работѣ, я предполагалъ написать небольшое поясненіе къ выработанному мною проекту соціалдемократической программы, но въ самомъ процессѣ работы, поощряемый событіями, почти ежедневно подтверждавшими многіе изъ моихъ «еретическихъ» взглядовъ, въ особенности, на сущность и значеніе всеобщихъ стачекъ, я постепенно расширялъ планъ и пытался разобраться во всѣхъ спорныхъ вопросахъ пролетарскаго соціализма и пролетарской борьбы; думаю поэтому, что названіе, которое я даю теперь своей книгѣ болѣе соотвѣтствуетъ ея содержанію, чѣмъ то, подъ которымъ появлялись ея отдѣльные выпуски.

Изученіе пролетарской борьбы и думы, нерѣдко мучительныя, думы, содержаніемъ которыхъ являлись такія великія событія, какъ современныя всеобщія стачки, и такіе мелкіе партійные эпизоды, какъ всевозможные соціалдемократическіе съѣзды и споры, не могли остаться безъ вліянія на мои убѣжденія: многое «еретическое» укрѣпилось, многое «ортодоксальное» окончательно рухнуло. Если я чувствую теперь связь съ соціалдемократіей, то только съ соціалдемократіей,

какъ борющейся пролетарской массой, а не съ соціалдемократіей, какъ партіей соціалдемократическихъ депутатовъ и литераторовъ. Я никогда не былъ соціалдемократомъ — *государственникомъ*, презрительно относящимся къ стачкамъ и видящимъ все спасеніе въ захватѣ государственной власти, но теперь мнѣ хочется подчеркнуть, что я соціалдемократъ *антигосударственный*, видящій во всеобщей революціонной стачкѣ единственнкй путь къ пролетарской соціальной революціи, которая должна вмѣсто капиталистическаго строя установить строй *коммунистическій*, я соціалдемократъ-*коммунистъ*. Пробиваясь сквозь буржуазныя преграды на путь чисто пролетарскаго соціализма, я иногда попадалъ на пути ложные, но я не боялся идти по нимъ до конца, помня слова Лессинга: «ложные пути научаютъ насъ находить путь истинный».

И въ этой книгѣ, указывая читателю тотъ путь, который мнѣ кажется истиннымъ, я стараюсь помочь ему прослѣдить до конца и пути ложные, но тѣмъ не менѣе поучительные.

Вдумчивый читатель замѣтитъ въ моей книгѣ не столько кристализированное міровоззрѣніе, сколько развитіе, эволюцію его подъ вліяніемъ все большаго и большаго проникновенія въ сущность пролетарской борьбы, и для меня, какъ автора, было бы наибольшимъ удовлетвореніемъ, если бы моя работа послужила хотя для нѣсколькихъ пролетаріевъ толчкомъ пойти дальше, чѣмъ пошелъ я, въ изученіи истинныхъ задачъ борющагося рабочаго класса.

Самъ я строю свои убѣжденія не на «Credo», не на «Вѣрую», а на «Знаю», знаніе же по самой сущности своей не можетъ быть застоемъ, оно — безпрерывное, безостановочное движеніе впередъ.

«Вѣрующимъ» знаніе обыкновенно представляется ересью; тѣмъ болѣе борющійся пролетаріатъ долженъ

внимательно вдумываться въ каждую соціалдемократическую ересь, а не предавать ее анаѳемѣ по распоряженію партійныхъ авторитетовъ.

Въ статьѣ «Грустное недоразумѣніе», помѣщенной въ № 57 «Искры», Плехановъ приводитъ характерное письмо одного изъ ортоксальныхъ искровскихъ соціалдемократовъ.

«Куда аппелировать? — пишетъ этотъ «вѣрующій» — «таковъ вопросъ, который являлся у насъ каждый разъ, когда приходилось натолкнуться на «ересь» въ литературѣ или на практикѣ. — Въ «Искру» бывалъ моментальный отвѣтъ. Онъ не высказывался, онъ мыслился и мыслился вслѣдъ за вопросомъ... *Отвѣтъ давался машинально, какъ машинально протягивается рука къ глазамъ, чтобы защитить отъ внезапно ударившаго въ нихъ свѣта*».

Не будьте свѣтобоязливы, господа!

Я знаю, что лишь очень немногіе послѣдуютъ этому призыву, я знаю, что моя книга въ настоящее время будетъ бойкотироваться всѣми, мечтающими объ исключительно *буржуазной* революціи, какъ вообще бойкотируется все, что пишу, все что я говорю, но въ этомъ бойкотѣ я вижу одно изъ доказательствъ, что мнѣ удалось отчасти порвать путы рутинной мысли, путы, которыми буржуазные элементы соціалдемократіи стараются сдержать революціонные порывы международнаго пролетаріата.

«Если вы порвете путы рутинной мысли — писалъ въ 1881 году Карлъ Марксъ — то можете быть увѣрены, что васъ станутъ бойкотировать: это единственное оружіе, которымъ рутинеры умѣютъ владѣть въ своемъ первомъ смущеніи».

1 Марта 1905 г.

В. Поссе.

Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?

Глава I.

Названіе партіи.

Суть конечно не въ названіи. Названіе періодическаго органа, политической организаціи, религіозной секты, политической партіи и т. п., становится значительнымъ, многоговорящимъ и дорогимъ не само по себѣ, а потому, что совершалось и совершается подъ его знаменемъ! Иногда насмѣшливое прозвище, брошенное противниками, становится въ концѣ концовъ дорогимъ и почетнымъ для общественныхъ борцовъ. Вспомнимъ хотя бы названіе «Гезы» (нищіе), брошенное испанскимъ царедворцемъ по адресу нидерландскихъ протестантовъ, названіе, которое изъ оскорбительнаго превратилось въ концѣ концовъ въ почетное и боевое.

«Отечественныя записки» — само по себѣ названіе довольно нелѣпое, но оно много говоритъ уму и сердцу цѣлаго поколѣнія лучшихъ русскихъ людей. «Гражданинъ», само по себѣ названіе очень значительное, является въ русской журналистикѣ символомъ ничтожества и мракобѣсія. Въ Россіи «Новое Время», ассоціируется съ представленіемъ о продажности и человѣконенавистничествѣ, въ Германіи «Новое Время» («Die neue Zeit») ассоціируется съ представленіемъ о неподкупномъ служеніи наукѣ и рабочему классу.

Партія съ громкимъ названіемъ «радикаловъ-соціалистовъ» прикрываетъ во Франціи отсутствіе и радикализма и соціализма; партія со скромнымъ названіемъ «Французской рабочей» является въ той же Франціи истинной выразительницей революціоннаго соціализма.

Русскому пролетаріату, стоящему наканунѣ созданія единой партіи, съ единой программой, слѣдуетъ выбрать названіе, съ которымъ были бы связаны лучшія революціонныя традиціи мірового рабочаго движенія.

Съ перваго взгляда такимъ названіемъ является «коммунистическая партія». Съ этимъ названіемъ связана память двухъ величайшихъ представителей идеи рабочаго класса: Маркса и Энгельса, и отъ имени «коммунистической партіи» появился знаменитый манифестъ, который по словамъ Энгельса, въ предисловіи къ нѣмецкому изданію 1890 года, «несомнѣнно является всего шире распространеннымъ, наиболѣе интернаціональнымъ произведеніемъ изъ всей соціалистической литературы», онъ «является общей программой многихъ рабочихъ всѣхъ странъ отъ Сибири, до Калифорніи.» И тѣмъ не менѣе предложеніе назвать свою партію коммунистической навѣрное не встрѣтило бы сочувствія со стороны огромнаго большинства русскихъ пролетаріевъ, такъ какъ *массовое* рабочее движеніе въ своихъ *массовыхъ* проявленіяхъ нигдѣ не носило названія коммунистическаго; не подъ этимъ названіемъ зародилось рабочее движеніе и у насъ.

Съ массовымъ рабочимъ движеніемъ гораздо тѣснѣе связано названіе «соціалистическаго». Цѣлый рядъ крупныхъ рабочихъ партій носилъ и носитъ это названіе; «соціалистическими» оффиціально называются международные рабочіе конгрессы, и когда на Брюссельскомъ рабочемъ конгрессѣ поднятъ былъ вопросъ объ общемъ названіи для международной партіи борющагося пролетаріата, то со стороны Парижскаго центральнаго революціоннаго комитета было предложено—«международная *соціалистическая* партія», со стороны бельгійской рабочей партіи—«международная *соціалистическая* рабочая партія». Обсужденіе этого вопроса было отложено до слѣдующаго конгресса, но на этомъ конгрессѣ, состоявшемся въ 1893 г. въ Цюрихѣ, вопросъ объ общемъ названіи не обсуждался, и по знаменательной случайности многія резолюціи этого конгресса упоминаютъ не о международной соціалистической партіи, а о международной соціалдемократіи. Изъ резолюцій двухъ слѣдующихъ конгрессовъ «международная соціалдемократія», исчезаетъ, и мы снова встрѣчаемся

съ «соціалистами», съ «международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ» и т. д. Очень возможно, что на слѣдующемъ конгрессѣ, на который нѣмецкая соціалдемократія явится послѣ своей блестящей избирательной побѣды нынѣшняго года, мы въ резолюціяхъ снова встрѣтимся съ «международной соціалдемократіей». Несомнѣнно на международной почвѣ происходитъ борьба между наименованіями «соціалистическимъ» и «соціалдемократическимъ». Первое болѣе мило народамъ романскимъ, второе — народамъ германскимъ. Въ Германіи и Австріи объединенное рабочее движеніе идетъ подъ названіемъ соціалдемократіи, а во Франціи нѣтъ въ настоящее время политической партіи, которая носила бы названіе соціалдемократической. Прежде было иначе. Если не ошибаемся, впервые соціалдемократами стали называть себя въ концѣ 30-хъ годовъ нѣкоторые изъ англійскихъ чартистовъ, но первой партіей формально назвавшей себя соціалдемократической была французская партія 40-хъ годовъ, во главѣ которой стояли Луи Бланъ и Ледрю Лорэнъ. Она, по выраженію Энгельса, какъ небо отъ земли отличалась отъ нынѣшней нѣмецкой соціалдемократіи, но тѣмъ не менѣе коммунисты до революціи 48-го года считали возможнымъ «поддерживать ее противъ консервативной и радикальной буржуазіи, не отказываясь при этомъ отъ права относиться критически къ фразамъ и иллюзіямъ, вытекающимъ изъ революціонныхъ традицій».

1848 годъ показалъ, что фразы соціалдемократическихъ идеологовъ были гораздо двухсмысленнѣе, чѣмъ думали коммунисты. Рѣчь Ледрю Лорэна по отношенію къ парижскимъ рабочимъ была по истинѣ предательской, и на немъ лежитъ часть отвѣтственности за звѣрства Кавеньяка. Измѣна Ледрю Лорэна рабочему классу не была измѣной единичнаго лица, это была измѣна сознательнаго представителя мелкой буржуазіи. За соціалдемократами шли рабочіе, но соціалдемократы представляли интересы мелкой буржуазіи. Къ коммунизму и соціализму тогдашніе французскіе соціалдемократы относились крайне отрицательно, желая улучшить положеніе рабочихъ, не нарушая ни современнаго общества, ни современнаго государства, во всемогущество котораго они вѣрили, или показывали видъ,

что вѣрятъ. Понятно, что у французскаго пролетаріата со словомъ «соціалдемократія» не связывается представленія о правильномъ выраженіи идеи рабочаго класса. И во имя французскихъ соціалдемократовъ, мы не предложили бы русскому пролетаріату назвать свою партію соціалдемократической.

Если названіе «соціалдемократическая партія» имѣетъ право бороться съ названіемъ «соціалистическая», какъ на международной почвѣ, такъ и въ отдѣльныхъ странахъ, то не во имя французскихъ, а во имя нѣмецкихъ традицій. Въ Германію слово «соціалдемократія» занесено изъ Франціи, и первый видный представитель нѣмецкой соціалдемократіи, Лассаль, вмѣстѣ съ названіемъ воспринялъ отъ французскихъ соціалдемократовъ не мало ихъ отрицательныхъ чертъ, въ томъ числѣ чрезмѣрную вѣру въ современное государство. Но въ процессѣ своего развитія нѣмецкій рабочій классъ очистилъ свою идеологію отъ лассальянской государственности и, сохранивъ для своей партіи названіе соціалдемократической, выставилъ программу коммунистическую, вѣрную основнымъ принципамъ первыхъ коммунистовъ.

Въ Германіи и Австріи рабочій классъ и соціалдемократія сдѣлались почти тождественны: внѣ соціалдемократіи — тамъ нѣтъ сознательнаго рабочаго движенія, и съ этимъ фактомъ необходимо считаться пролетаріату всѣхъ другихъ странъ и въ особенности намъ русскимъ, территоріально соприкасающимся съ нѣмцами и съ австрійцами.

Называя себя соціалдемократіей, русскій пролетаріатъ показываетъ, что онъ стремится къ полному сліянію съ могучимъ пролетаріатомъ нѣмецкимъ, и не случайностью, не произволомъ отдѣльныхъ лицъ, а вліяніемъ пролетаріата сосѣднихъ странъ, объясняется что въ 90-хъ годахъ русское рабочее движеніе, проявляясь массовыми вспышками, стало организоваться въ мѣстные союзы и комитеты, представители которыхъ называли себя соціалдемократами*). Не случай-

*) Замѣчательно, что еще «Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ» въ основаніи котораго дѣятельное участіе принималъ Степанъ Халтуринъ, заявлялъ въ своей программѣ, изданной 12 января 1879 г., что онъ «тѣсно примыкаетъ по своимъ задачамъ къ *соціально-демократической партіи Запада.*»

ность, что въ 1898 году эти мѣстныя организаціи сдѣлали попытку образованія единой *соціалдемократической* партіи. Попытка эта не удалась, ни формальнаго, ни фактическаго единства не было, но была упорная борьба, было много страданій, было много жертвъ во имя *соціалдемократіи*. Многимъ сознательнымъ и борющимся русскимъ пролетаріямъ «соціалдемократія» стала словомъ дорогимъ и многоговорящимъ. Но на ряду съ борцами, называющими себя соціалдемократами, ведутъ борьбу, страдаютъ и жертвуютъ собой «соціалисты-революціонеры», среди которыхъ также не мало пролетаріевъ и которые свое соціалистическое, а не соціалдемократическое наименованіе, унаслѣдовали отъ борцовъ славной памяти «Народной Воли».

Соціалдемократическая газета «Искра», разбирая въ № 5 (іюнь 1901) «манифестъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ» пришла къ заключенію, что между принципами этого манифеста и принципами русскихъ соціалдемократовъ нѣтъ почти никакой *разницы*, что «соціалисты-революціонеры представляютъ собою плоть отъ плоти и кость отъ костей русскихъ соціалдемократовъ», что соціалисты-революціонеры по вопросу о политической борьбѣ стоятъ выше «соціалдемократическихъ недорослей», а по вопросу о необходимости «строго конспиративной организаціи ядра партіи, ограниченнаго по своему составу и численности» превзошли, повидимому, не однихъ только «недорослей», а всѣхъ вообще русскихъ соціалдемократовъ. Призывая «соціалистовъ-революціонеровъ» соединиться съ «соціалдемократами», «Искра» спрашивала: «неужели соціалисты-революціонеры думаютъ, что они нравственно обязаны *называться*, какъ Перовская и Желябовъ, въ такое время, когда Перовская и Желябовъ, навѣрное, назывались бы иначе». И въ примѣчаніи она поясняетъ: «говоримъ: *называться*, потому что *думаютъ* соціалисты-революціонеры по нынѣшнему, т. е. *какъ соціалдемократы*».

Этотъ призывъ вскорѣ смѣнился объявленіемъ соціалистамъ-революціонерамъ безпощадной войны, но мы цѣнимъ призывъ къ соединенію несравненно больше объявленія войны; мало того мы думаемъ, что названіе партіи русскаго пролетаріата соціалдемократической, а не соціалистической нельзя считать вполнѣ

предрѣшеннымъ. Вопросъ о соединеніи поднимется вновь. Объединятся пролетаріи обѣихъ фракцій, пролетаріи по своимъ интересамъ и взглядамъ, откинувъ буржуазные элементы, которыхъ не мало въ обѣихъ фракціяхъ.

Какъ будетъ называться эта объединенная партія? Соціалдемократической, соціалистической или какънибудь иначе, напримѣръ пролетарской, просто рабочей или коммунистической?

Мы полагаемъ, что въ концѣ концовъ и на международной и на русской почвѣ побѣдитъ названіе: «соціалдемократическая», такъ какъ нѣмецкіе и австрійскіе пролетаріи лучше другихъ владѣютъ марксистскимъ методомъ и, окончательно освободившись отъ лассальянской государственности, внесутъ наибольшую долю энергіи и выдержки въ классовую борьбу международнаго пролетаріата. Но, разумѣется, чѣмъ большее число пролетаріевъ всѣхъ странъ будетъ называть себя соціалдемократами, тѣмъ сильнѣе въ «соціалдемократіи» будетъ выступать идея рабочаго класса, тѣмъ революціоннѣе будетъ ея борьба.

Во всякомъ случаѣ въ данный моментъ идетъ дѣло пока лишь объ объединеніи русскихъ пролетаріевъ, именующихъ себя соціалдемократами, и мы въ предлагаемомъ на обсужденіи товарищей проектѣ программы, считаемъ наиболѣе правильнымъ называть партію *соціалдемократической*.

Надо замѣтить, что такъ сказать этимологически это названіе крайне удачно. Освобожденіе пролетаріата, освобожденіе рабочаго класса возможно только при торжествѣ народной воли (демократизмѣ) и при уничтоженіи частной собственности и товарнаго производства (соціализмѣ).

Народовольцы иногда называли себя соціалистами революціонерами, иногда соціалистами-народниками, что однозначуще съ соціалистами-демократами.

Товарищи, сдѣлавшіе въ 1898 году попытку создать единую соціалдемократическую партію назвали ее еще *рабочей*. Не лишнее ли это слово? Не заключаетъ ли уже слово «соціалдемократическая» также и понятіе «рабочая»? Можетъ ли «соціалдемократическая»

партія не быть партіей «рабочей»? Лишнимъ казалось это слово Адлеру и другимъ членамъ комиссіи, пересматривавшей австрійскую соціалдемократическую программу въ 1901 году. Они предложили измѣнить названіе партіи, поставивъ вмѣсто «соціалдемократической рабочей партіи Австріи» — «Австрійская соціалдемократія». Но это предложеніе встрѣтило сильный протестъ со стороны многихъ товарищей, и комиссія поспѣшила единогласно взять предложеніе обратно. Предлагая измѣнить названіе болѣе длинное на болѣе короткое, комиссія, по словамъ Адлера, желала сдѣлать программу возможно красивѣе.

«Партія», — сказалъ Адлеръ на Вѣнскомъ партейтагѣ, — «говорящая въ своей программѣ, что носителемъ всего общественнаго развитія является организованный рабочій классъ, прекрасно конечно можетъ носить названіе «рабочей партіи», но точно также хорошо она можетъ обойтись и безъ этого названія, но я всегда со вниманіемъ относился не только къ мыслямъ, но и къ чувствамъ рабочаго класса, и какъ только мы увидѣли, что это измѣненіе названія, правда, не вызываетъ опасенія, какъ бы вмѣстѣ съ этимъ не измѣнилась сущность партіи, но что ваши чувства оскорбляются измѣненіемъ этого названія, сдѣлавшагося историческимъ, такъ тотчасъ комиссія единогласно рѣшила взять обратно предложенное измѣненіе названія».

Мнѣ кажется, что предложеніе выкинуть слово «рабочее» непріятно затронуло чувство австрійскихъ пролетаріевъ не потому, что это названіе сдѣлалось уже историческимъ, а потому что отъ ихъ вниманія не ускользнуло стремленіе нѣкоторыхъ интеллигентныхъ соціалдемократовъ противопоставлять соціалдемократію рабочему классу. Адлеръ менѣе, чѣмъ кто-нибудь способенъ намѣренно дѣлать подобныя противопоставленія, именно потому онъ такъ просто сдѣлалъ свое предложеніе и такъ просто взялъ его обратно.

Но среди русскихъ соціалдемократическихъ вожаковъ есть лица очень рѣзко противопоставляющіе рабочій классъ соціалдемократіи, и у насъ вопросъ объ оставленіи или исключеніи слова «рабочій» является очень чувствительнымъ. «Красота» здѣсь должна уступить мѣсто ясности и опредѣленности.

Итакъ по моему мнѣнію фактически объединенная партія должна называться «соціалдемократической рабочей», какъ это уже было установлено на съѣздѣ 1898 года.

Измѣнить, по моему мнѣнію, слѣдуетъ одно только слово: вмѣсто «россійская» — «русская». Измѣненіе это *не* маловажное.

Съѣздъ 1898 года выбралъ для партіи названіе «россійская», вмѣсто «русская» преднамѣренно, желая показать, что партія является представительницей интересовъ не спеціально русскаго пролетаріата, а всѣхъ національностей, населяющихъ территорію современной россійской имперіи.

«Наконецъ наша партія есть партія «*всероссійская*» — говоритъ авторъ извѣстной брошюры «Рабочее дѣло въ Россіи», ибо она защищаетъ интересы всероссійскаго пролетаріата безъ различія національности и вѣроисповѣданія, стремится объединить подъ своимъ знаменуемъ для общей борьбы рабочихъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію».

Въ сущности всякая соціалдемократическая партія защищаетъ интересы пролетаріата безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Но та соціалдемократическая партія, наканунѣ организаціи которой мы, вѣроятно, стоимъ, не можетъ претендовать въ настоящее время на объединеніе подъ своимъ знаменемъ всѣхъ рабочихъ, населяющихъ Россію.

У польскихъ, литовскихъ и финляндскихъ рабочихъ есть свои прекрасно организованныя пролетарскія партіи, которыя могутъ конечно войти въ тѣсный союзъ съ нашей, только еще организующейся партіей, но о полномъ слитіи, о вступленіи подъ знамя нашей программы рабочихъ этихъ національностей, какъ отдѣльныхъ членовъ, подчиненныхъ общей партійной организаціи, не можетъ быть и рѣчи.

Своеобразное положеніе занимаетъ въ данномъ случаѣ организованный еврейскій пролетаріатъ. Представители «общееврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ» (Бунда) принимали участіе въ съѣздѣ 1898 г., и «Бундъ» вошелъ въ партію, какъ «автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата». Рѣшеніе съѣзда не упоминаетъ, должны ли были являться рус-

скія организаціи самостоятельными въ вопросахъ, касающихся спеціально *русскаго* пролетаріата. Справедливость требовала-бы, чтобъ это было такъ, но тогда какая бы это была единая партія, гдѣ русскіе бы дѣйствовали самостоятельно въ вопросахъ касающихся спеціально русскаго пролетаріата, а евреи въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата? На практикѣ автономность Бунда, какъ она формулирована въ рѣшеніяхъ съѣзда, вѣроятно вызвала бы много недоразумѣній, но «практики» не было, такъ какъ фактически не существовало объединенной соціалдемократической рабочей партіи.

Отношеніе Бунда къ партіи за все время ея существованія можно формулировать такъ: «не было никакихъ отношеній», заявилъ недавно (1903 г.) заграничный комитетъ Бунда въ своемъ оффиціальномъ органѣ «Послѣднія извѣстія».

Россійской соціалдемократической рабочей партіи фактически не существовало, а между тѣмъ еврейскій пролетаріатъ, союзъ котораго долженъ былъ входить въ эту партію, какъ автономная организація, сложился по заявленію заграничнаго комитета Бунда въ самостоятельную политическую партію.

«Если бы «Искра» дала себѣ трудъ, — писалъ заграничный комитетъ въ N⁰ 112 «Послѣднихъ извѣстій» — заглянуть напримѣръ въ N⁰ 30 Arbeiterstimme, въ статью «П. П. С. объ еврейскомъ рабочемъ движеніи», или въ передовую статью N⁰ 12 Warschaver Arbeiter, или—такъ какъ она не знаетъ по еврейски — въ брошюры: «Къ вопросу о національной автономіи», «IV съѣздъ Бунда», «Возваніе къ еврейской интеллигенціи» (изд. по русски), то она, къ немалому своему удивленію, узнала бы, что мысль о томъ, что еврейскій пролетаріатъ *сложился въ самостоятельную* политическую партію» (мы подчеркнули эти слова, которыя поразили «Искру» своей «новизной») можетъ быть сюрпризомъ только для тѣхъ, которые совершенно не знакомы съ литературою Бунда. Если-бы «Искра», далѣе дала себѣ трудъ освѣжить въ своей памяти исторію соціалдемократическаго движенія въ Россіи за послѣдніе 5 лѣтъ, она, къ великому своему прискорбію, убѣдилась бы что то, что ей теперь кажется «новостью», есть въ сущности уже совершившійся фактъ,

противъ котораго можно метать «искры», но, не признавать которыхъ было бы ребячествомъ.»

Разъ еврейскій пролетаріатъ сложился уже въ самостоятельную политическую партію, то естественно и русскому пролетаріату прежде всего нужно сложиться въ самостоятельную *русскую* политическую партію и затѣмъ уже устанавливать связь съ самостоятельными партіями другихъ національностей, населяющихъ территорію россійской имперіи.

«Бундъ можетъ быть и желаетъ быть», — писалъ заграничный комитетъ Бунда 27 апрѣля 1903 года въ отдѣльно изданной статьѣ «Автономія и Федерализмъ», —«федеративной *частью* россійской партіи, построенной на федеративныхъ началахъ, но онъ не можетъ находиться въ «федеративной связи» съ нею, ибо такая «связь» предполагаетъ двѣ *стороны*: Бундъ и Россійскую партію, а это не можетъ быть: безъ Бунда россійская партія перестаетъ быть «россійской», т. е. прекращаетъ свое существованіе; однѣ объединенныя русскія соціалдемократическія организаціи могутъ составить *русскую* партію, а не россійскую.»

Еслибы русскими товарищами этотъ вопросъ былъ поставленъ также опредѣленно, то можетъ быть былабы избѣгнута товарищеская полемика между «Искрой» и членами Бунда, находящимися какъ заграницей, такъ и въ Россіи. О характерѣ этой полемики можно судить, хотя-бы по слѣдующему отрывку изъ заявленія Одесскихъ организованныхъ прикащиковъ, членовъ Бунда, помѣщеннаго въ № 114 «Послѣднихъ извѣстій»: «Мы не удивляемся, что г. корреспондентъ, который, судя по всему, душевно страдаетъ по поводу «неоффиціальнаго» функціонированія Бунда въ Одессѣ и горитъ желаніемъ во чтобы то ни стало подорвать довѣріе къ Бунду на Югѣ, —прибѣгъ къ недостойному революціонера оружію — клеветѣ; мы также не удивляемся, что «Искра» безъ колебанія помѣстила у себя завѣдомо ложное свѣдѣніе: мы знаемъ, что она съ удовольствіемъ печатаетъ всякія измышленія, могущія скомпрометировать Бундъ. Насъ только удивляетъ, что корреспондентъ «Искры» рѣшился избрать объектомъ своей клеветы прикащиковъ, ибо, если онъ принимаетъ участіе въ одесскомъ революціонномъ движеніи, онъ не

могъ не знать, что идетъ на встрѣчу несомнѣнной опасности быть пойманнымъ съ поличнымъ.»

Мы опасаемся, какъ-бы на предстоящемъ съѣздѣ бундисты не стали пытаться ловить своихъ товарищей-искристовъ съ поличнымъ, что потребуетъ, если вѣрить одесскимъ прикащикамъ, не мало времени.

Нѣтъ, было-бы гораздо лучше, если бы русскіе соціалдемократическія организаціи собрали свой русскій съѣздъ, организовали бы свою русскую партію и затѣмъ взяли-бы на себя иниціативу созыва съѣзда всероссійскаго изъ представителей всѣхъ революціонныхъ партій, дѣйствующихъ въ предѣлахъ Россіи, въ томъ числѣ и соціалистовъ революціонеровъ, которыхъ Плехановъ слишкомъ поспѣшно назвалъ «соціалистами-реакціонерами».

Итакъ я предлагаю, чтобъ русскія соціалдемократическія организаціи объединились-бы въ *русскую соціалдемократическую рабочую партію.*

Глава II

Построеніе программы

Пролетаріатъ—единственный классъ, интересы котораго совпадаютъ съ интересами всего человѣчества; пролетаріатъ—единственный классъ, интересы котораго совпадаютъ съ дальнѣйшимъ ходомъ экономическаго развитія; пролетаріатъ—единственный классъ, требованія котораго могутъ быть обоснованы научно. Программа партіи пролетаріата не только по своему содержанію, но и по самому своему построенію должна рѣзко отличаться отъ программъ буржуазныхъ и феодальныхъ партій. Только у партіи пролетаріата возможна научная теоретическая часть программы, на которой какъ на твердой основѣ зиждется часть практическая, указывающая тѣ измѣненія, которыя предстоитъ произвести пролетаріату въ существующемъ политическомъ и общественномъ строѣ, а также тѣ средства борьбы, которыя диктуются ему самимъ его общественнымъ положеніемъ. Построеніе пролетарской программы до извѣстной степени намѣчено уже «коммунистическимъ манифестомъ». Сначала—научное изложеніе хода общественнаго развитія, изъ котораго сама собой вытекаетъ характеристика пролетаріата, его партіи и его противниковъ; затѣмъ — практическія мѣропріятія и отчасти средства борьбы.

Но «манифестъ», конечно не программа.

«Программу не слѣдуетъ смѣшивать съ манифестомъ»,—сказалъ въ 1891 г. В. Либкнехтъ на Эрфуртскомъ партейтагѣ,—съ манифестомъ, «который бросается, какъ обвинительный актъ современному обществу, который ставится передъ нимъ, какъ зеркало, каковымъ былъ сорокъ три года тому назадъ коммунистическій манифестъ».

Программа должна быть схематичнѣе, короче, суше; въ ней нѣтъ мѣста ни негодующимъ обвиненіямъ, ни боевымъ восклицаніямъ; ея теоретическая часть должна состоять изъ ряда краткихъ научныхъ положеній, вытекающихъ одно изъ другого, но по своей формѣ

по возможности самостоятельныхъ; ея практическая часть должна состоять изъ ряда требованій, формулированныхъ *по возможности* съ законодательною точностью.

«Коммунистическій манифестъ» — не программа, но онъ, до извѣстной степени, даетъ путеводную нить для ея построенія.

Авторы «Манифеста» лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, владѣли научнымъ методомъ при изученіи общественныхъ явленій. Они превосходно выяснили себѣ соотношеніе между категоріей необходимости и категоріей свободы, между объективнымъ и субъективнымъ отношеніемъ къ общественнымъ явленіямъ. Можно разсматривать ходъ общественнаго развитія совершенно объективно, съ точки зрѣнія необходимости или закономѣрности, тогда передъ нашимъ умственнымъ взоромъ совершается смѣна явленій въ ихъ безпрерывной причинной зависимости. Каждое явленіе одновременно —слѣдствіе предыдущаго и причина послѣдующаго. Причина поглощается слѣдствіемъ, и такимъ образомъ порождается новое явленіе. Постоянства нѣтъ. Все движется, все безпрерывно измѣняется; но эта непрерывность иногда какъ бы нарушается, когда количественное накопленіе измѣненій въ томъ или въ другомъ явленіи достигаетъ качественнаго размѣра: намъ кажется тогда, что *количество* переходитъ въ *качество*, что то или другое явленіе превращается въ свою противоположность.

Въ этомъ процессѣ «воля» и сознательная дѣятельность, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ, представляется звеномъ въ общей цѣпи причинъ и слѣдствій. Здѣсь нѣтъ мѣста случайности. Чѣмъ больше мы углубляемся въ ходъ общественнаго развитія, чѣмъ большимъ количествомъ точныхъ фактовъ мы располагаемъ, тѣмъ легче намъ понять, почему тотъ или другой общественный классъ стремился къ той или другой цѣли, почему онъ дѣйствовалъ такъ, или иначе, и тѣмъ легче будемъ мы предвидѣть, какъ тотъ или другой общественный классъ будетъ мыслить и дѣйствовать впослѣдствіи.

Разсматривая такъ ходъ общественнаго развитія, человѣкъ является лишь объективнымъ наблюдателемъ, объективнымъ мыслителемъ, въ кругъ наблюденій ко-

тораго входитъ даже его собственная дѣятельность. Но люди не только мыслители, они дѣятели, и, какъ дѣятели они выходятъ изъ области необходимости и вступаютъ въ область свободы. При объективномъ наблюденіи своей собственной дѣятельности, психическая личность человѣка распадается на субъектъ и объектъ; при вступленіи въ область дѣятельности субъектъ и объектъ сливается въ одно «я», которое сознаетъ себя не какъ слѣдствіе предыдущихъ явленій, а лишь какъ причину явленій послѣдующихъ. Дѣятель чувствуетъ себя свободнымъ поступать такъ, или иначе, его личность дѣлается *желающей*, волевой. Но направленіе и сила воли или желанія въ бо̀льшей или меньшей степени опредѣляется предшествовавшимъ дѣятельности объективнымъ наблюденіемъ хода общественнаго развитія. Воля, какъ бы приспособляется къ разуму, она становится все разумнѣе и устойчивѣе, другими словами, желанія человѣка дѣлаются осмысленнѣе, дѣятельность болѣе плодотворной. Узнавъ изъ наблюденія «силу вещей», узнавъ направленіе хода общественнаго развитія, человѣкъ руководствуется этимъ при выискиваніи путей для удовлетворенія своей потребности, для улучшенія своей жизни. Его роль по отношенію ко всѣмъ другимъ явленіямъ увеличивается, онъ все болѣе становится властителемъ природы и творцомъ своей собственной судьбы, онъ становится дѣятелемъ *сознательнымъ*.

Соціалдемократическая программа должна быть, конечно, программой *сознательныхъ дѣятелей*. Въ ней пролетарій является сначала объективнымъ наблюдателемъ, или мыслителемъ, такъ сказать, со стороны, извнѣ наблюдающимъ весь ходъ общественнаго развитія, въ которомъ прошлая, настоящая и вытекающая отсюда будущая исторія его собственнаго класса является наиболѣе интереснымъ звеномъ въ общей причинной цѣли.

Это—теоретическая часть программы. Здѣсь все должно быть совершенно объективно, здѣсь нѣтъ мѣста пожеланіямъ, здѣсь должны быть лишь подчеркнуты тѣ явленія въ ходѣ общественнаго развитія, которыя характеризуютъ историческую роль пролетаріата; но и самъ пролетаріатъ и его партія выступаютъ здѣсь, какъ явленія наблюдаемыя.

Въ практической части программы вступаетъ въ свои права категорія свободы. Здѣсь пролетаріатъ выступаетъ, какъ дѣятель, какъ вершитель своей судьбы. Здѣсь онъ субъектъ, а не объектъ. Здѣсь выдвигаются его желанія, вытекающія изъ его классовыхъ интересовъ и потребностей, желанія, осмысленныя пониманіемъ хода общественнаго развитія и своей исторической роли.

Вотъ тѣ основы, изъ которыхъ, по моему мнѣнію, должны исходить составители научной марксистской программы партіи пролетаріата. Тогда программа будетъ цѣльной, стройной, ясной и научной.

Разсмотрѣніе существующихъ программъ показываетъ, что подобная программа находится еще въ процессѣ выработки. Большинство программъ соціалистическихъ партій различныхъ странъ и національностей страдаетъ отсутствіемъ стройности, что объясняется неясностью плана ихъ построеній.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ «недоразумѣній» является представленіе, что соціалистическая или соціалдемократическая программа непремѣнно должна дѣлиться на программу maximum и на программу minimum, при чемъ программа maximum приравнивается къ теоретической части, а программа minimum къ практической. Отсюда проистекаетъ величайшая путаница понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и путаница самой программы. Отношеніе между maximum'омъ и minimum'омъ программы, т. е. наибольшимъ и наименьшимъ, совершенно неоднородно съ отношеніемъ между теоретическими положеніями или принципами и практическими мѣрами или мѣропріятіями.

Отъ «максимально-минимальной» путаницы особенно пострадала программа итальянской соціалистической партіи, принятая на Римскомъ конгрессѣ въ сентябрѣ 1900 году. Ея программа minimum выработана совершенно отдѣльно отъ программы maximum и выпущена совершенно самостоятельно съ приложеніемъ туманнаго доклада «комиссіи», заключающаго въ себѣ попытку выяснить, что такое программа minimum.

«Соціалистическая программа minimum,—говоритъ этотъ докладъ,— «не есть собраніе всѣхъ различныхъ реформъ, предназначенныхъ для улучшенія жизни рода человѣческаго, изъ которыхъ каждая партія мо-

жетъ брать, что ей кажется хорошимъ; она не есть сантиментально-гумманитарная программа. Каждая изъ указанныхъ реформъ, взятая сама по себѣ можетъ не быть чисто соціалистической, наоборотъ, обыкновенно онѣ не соціалистичны, но согласованныя съ общей цѣлью, онѣ соединены общимъ соціалистическимъ духомъ и соціалистическимъ значеніемъ.

«...Соціалистическая программа minimum, — говорятъ далѣе докладчики, — не есть программа, которая можетъ быть проведена цѣликомъ, или большими группами реформъ въ болѣе или менѣе отдаленный періодъ до завоеванія государственной власти пролетаріатомъ, т. е. программа перехода отъ буржуазной эпохи къ соціалистической во время и при диктатурѣ пролетаріата, перехода условій и свойствъ котораго соціалистическая партія въ настоящее время не можетъ предвидѣть. Еще менѣе представляетъ она программу, которая непосредственно можетъ быть проведена въ жизнь, т. е. избирательную или парламентскую программу, программу максимальную для одного или болѣе законодательныхъ періодовъ. Съ общей точки зрѣнія она представляетъ матеріалъ для спеціально-агитаціонной программы, которая можетъ быть принята, сообразуясь съ временемъ и обстоятельствами.

«...Итальянская соціалистическая программа minimum въ общемъ отражаетъ тенденціи желаній, которыя итальянская соціалистическая партія можетъ формулировать и принять, сообразуясь съ конкретными проблемами, выдвигаемыми страной; въ такомъ видѣ она включаетъ въ себѣ, или должна была-бы включать всю дѣятельность, всю жизнь партіи, это есть *единственная* программа... То, что обыкновенно называется программой maximum есть предвидѣніе и способъ ориентироваться въ пониманіи вопроса, конечный пунктъ эволюціи. Истинная жизнь партіи заключается въ добровольномъ движеніи сознательной и постоянной дѣятельности. Программа же есть быстрое и преходящее выраженіе или теоретическая формулировка этой жизни. Это само собою служитъ отвѣтомъ тѣмъ, которые съ пессимистическими сомнѣніями спрашиваютъ себя: должна-ли существовать программа minimum, независимо отъ случайной и мѣстной агитаціонной программы? На это можно было бы кратко замѣ-

тить, *что она должна существовать, потому что существуетъ,* и вопросъ только въ ея формулировкѣ...

Наконецъ программа эта не ищетъ и не достигаетъ идеала краткости, не будучи урокомъ для дѣтей; она не стремится также стать трактатомъ съ параграфами, подобно римскому договору. Пробѣлы, неясности, ошибки, излишества, несоразмѣрности программы отражаютъ и разоблачаютъ неясность, колебаніе, теоретическіе пробѣлы, существующіе еще въ партіи,—если только докладчики правильно поняли свою задачу.»

Для уясненія того, что такое эта программа minimum, которая «должна существовать потому, что существуетъ», не достаточно, оказывается, длиннаго предисловія-доклада, изъ котораго мы привели существенныя мѣста. Сама программа начинается опять-таки длинными разсужденіями о томъ, что такое программа minimum?... Здѣсь она характеризуется, между прочимъ, по отношенію къ программѣ maximum, какъ средство къ цѣли. Но можно-ли цѣль называть maximum'омъ, т. е. наибольшимъ, а средство — minimum'омъ, т. е. наименьшимъ? Въ тоже время въ этомъ вступленіи указывается, что программа minimum не должна быть перечнемъ реформъ, а должна лишь указать общую идею преобразованій, «должна содержать все то, что служитъ для организаціи и экономическаго, политическаго и административнаго воспитанія пролетаріата, чтобы подготовить его—взять въ свои руки и поддерживать управленіе коллективистическимъ обществомъ; такимъ образомъ, — говорится въ заключеніе всѣхъ этихъ разсужденій, — мы указываемъ три вида соціальныхъ преобразованій, которые должны охватить всѣ реформы дѣйствительно органической или истинно соціалистической программы, такъ какъ эти реформы неразрывно связаны съ захватомъ государственной власти пролетаріатомъ съ цѣлью соціализаціи средствъ производства».

Это заключеніе трудно примирить съ приведенными разсужденіями въ предисловіи доклада о томъ, что «программа minimum не есть программа перехода отъ буржуазной эпохи къ соціалистической во время и при диктатурѣ пролетаріата».

Бѣда съ этой программой minimum!

Мнѣ невольно вспоминается, что на одномъ изъ

моихъ рефератовъ одинъ изъ оппонентовъ, отлучая меня отъ соціалдемократіи, между прочимъ, за отсутствіе въ моемъ проектѣ дѣленія на maximum и minimum, буквально такъ опредѣлилъ что такое соціалдемократическая программа minimum: «программа minimum должна формулировать тѣ требованія, которыя не нарушаютъ существующаго строя». Чтобы показать абсурдность этой формулировки, я въ заключительномъ словѣ сказалъ: «программа, формулирующая тѣ требованія, которыя не нарушаютъ существующаго строя, эта программа не революціонной соціалдемократіи, а охраннаго отдѣленія». Эти слова вызвали страшное негодованіе минимальныхъ соціальдемократовъ съ ихъ максимальной нетерпимостью, и чьей-то недобросовѣстности я обязанъ дошедшимъ до меня слухамъ, будто бы я назвалъ «Искру» органомъ охраннаго отдѣленія. Само собой разумѣется, что мои слова никакого отношенія, ни къ «Искрѣ», ни къ ея программѣ не имѣли.

Возвращаясь къ итальянской программѣ, надо замѣтить, что ея составители, при всей сбивчивости, съ которой они пытаются опредѣлить неопредѣлимую программу minimum, прекрасно понимаютъ, что не можетъ быть такой соціалистической программы, которая не нарушала бы существующаго строя.

Преобразованія, внесенныя въ итальянскую программу minimum довольно произвольно раздѣлены на *три* отдѣла: 1) преобразованія политическія, 2) преобразованія экономическія, 3) преобразованія податной системы и административныя. При выставленіи реформъ всѣхъ этихъ трехъ категорій, составители, видимо, постоянно боялись, какъ-бы не перейти «minimum». Но это имъ не удавалось.

«Экспропріація необработанныхъ земель и передача ихъ для обработки рабочимъ ассоціаціямъ (§ 17), абсолютный нейтралитетъ государства въ конфликтахъ труда съ капиталомъ (§ 3), прекращеніе всякой колоніальной политики, основанной на военномъ завоеваніи» (§ 6) и т. д. — все это врядъ-ли осуществимо при существованіи буржуазнаго государства, а послѣ паденія его, за минимальную программу врядъ-ли будутъ стоять даже самые минимальные соціалдемократы.

Среди требованій итальянской программы много очень жизненныхъ и истинно пролетарскихъ, но общее построеніе ея таково, что невольно хочется сказать, что существованіе итальянской программы minimum съ ея предисловіями и введеніями дѣлаетъ «*обычное*» дѣленіе программы на maximum и minimum, совершенно невозможнымъ.

Названіе программы minimum формально встрѣчается еще въ программѣ соціалистической партіи Бразиліи, программѣ принятой въ 1901-мъ году на Сантосскомъ конгрессѣ. И здѣсь опять таки этотъ «minimum» вноситъ въ построеніе программы путаницу. Программа разбита на двѣ самостоятельныя части. Одна названа: принципы партіи, другая—программа minimum, — сопоставленіе, какъ я уже указывалъ, совершенно невозможное. Въ «принципы» попадаютъ средства борьбы: пропаганда, агитація, образованіе союзовъ, давленіе труда на капиталъ съ цѣлью ограниченія рабочаго дня и т. д.; въ minimum абсолютный нейтралитетъ государства въ конфликтахъ между трудомъ и капиталомъ, референдумъ въ политическихъ и *экономическихъ* вопросахъ, на основѣ прямой иниціативы народа, прогрессивный налогъ на наслѣдства, съ цѣлью постепенной отмѣны наслѣдованія и т. д.

Неужели можно назвать «minimum», съ какой-бы точки зрѣнія ни было хотя-бы постепенную отмѣну наслѣдованія, которое является одной изъ главныхъ основъ современнаго буржуазнаго строя?

Въ программѣ «англійской соціалдемократической федераціи», въ программѣ, пересмотрѣнной на Бирмингамскомъ конгрессѣ въ Августѣ 1901 г., программа minimum фигурируетъ подъ названіемъ «*паліативныя средства*», которыя «должны служитъ для облегченія бѣдствій нашего существующаго общества». Эти паліативныя средства раздѣлены на національныя и на мануципальныя.

Надъ этими паліативными средствами возвышается *программа* въ собственномъ значеніи слова, въ которую входитъ требованіе всеобщей подачи голосовъ, референдумъ, уничтоженіе постоянныхъ армій, обязательное свѣтское и даровое обученіе, учрежденіе международныхъ третейскихъ судовъ и наконецъ два чисто

соціалистическихъ требованія: объявленіе средствъ производства, распредѣленія и обмѣна коллективной или общественной собственностью и «регулированіе обществомъ въ общихъ интересахъ всѣхъ его членовъ производства и распредѣленія богатства».

Надъ этой программой въ собственномъ значеніи слова высится *цѣль*, которая опредѣляется какъ «соціализація средствъ производства, распредѣленія и обмѣна, которые должны контролироваться демократическимъ государствомъ въ интересахъ всего общества; полная эмансипація труда отъ господства капитализма и ландлордизма и установленіе соціальнаго и экономическаго равенства обоихъ половъ».

Таково построеніе программы «англійской соціалдемократической федераціи». Его ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать удачнымъ. Научное теоретическое основаніе совершенно отсутствуетъ. Раздѣленіе на цѣль программы и паліативныя средства въ высшей степени произвольно. Цѣль почти буквально повторяется въ § 6 и § 7 программы, а первое паліативное національное средство (всеобщее даровое обученіе) повторяетъ въ болѣе широкой формулировкѣ § 4 программы въ собственномъ значеніи слова, программы во всякомъ случаѣ не паліативной, а максимальной.

Сходное построеніе находимъ мы и у «англійской независимой рабочей партіи». Здѣсь надъ «*программой*» возвышаются средства, и все вѣнчается, какъ у «соціалдемократической федераціи», *цѣлью*. Научное обоснованіе отсутствуетъ. *Цѣль* формулирована кратко и опредѣленно: «промышленная республика, основанная на соціализаціи земли и капитала». Первымъ средствомъ выставленъ воспитаніе общества въ принципахъ соціализма. «Программа», указавъ, что истинная цѣль промышленности заключается въ производствѣ жизненныхъ средствъ необходимости, заявляетъ, что въ виду этого земля должна быть объявлена общественною собственностью, капиталъ долженъ быть предметомъ коллективнаго владѣнія и потребленія, трудъ и результатъ его —богатство— должны быть справедливо распредѣлены между всѣмъ населеніемъ, и затѣмъ, для достиженія этой цѣли, требуется принятіе ряда мѣръ, между прочимъ предоставленія работы всѣмъ способнымъ къ труду взрослымъ, ищущимъ ее, по установ-

ленной тредъ-юніонами платѣ съ опредѣленнымъ minimum въ 6 пенсовъ въ часъ.

И это построеніе нельзя, конечно, назвать удачнымъ.

Изъ соціалистическихъ программъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ намъ извѣстны программа «соціалистической рабочей партіи Соединенныхъ Штатовъ» и «національная программа» «соціалистической американской партіи».

Обѣ эти программы носятъ характеръ манифестовъ. Программа «соціалистической рабочей партіи» С. А. Штатовъ, кидая современному обществу обвиненіе въ томъ, что оно попираетъ неотъемлемое право всѣхъ на жизнь, свободу и стремленіе къ счастію, призываетъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ Соединенныхъ Штатовъ и всѣхъ другихъ честныхъ гражданъ организоваться подъ знаменемъ соціалистической рабочей партіи въ общество, сознающее свои классовые интересы, знающее свои права и готовое завоевать ихъ, захвативъ власть, чтобы объединенные непобѣдимымъ духомъ солидарности при наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ современной классовой борьбы, мы могли положить конецъ этой варварской борьбѣ уничтоженіемъ классовъ, возвращеніемъ земли и всѣхъ средствъ производства, перевозки и распредѣленія народу, какъ коллективному цѣлому и замѣной современнаго анархическаго производства промышленной войны и соціальной неурядицы кооперативной республикой, въ которой каждый рабочій будетъ свободно развивать и вполнѣ пользоваться своими способностями, увеличенными современными факторами цивилизаціи.

Практической части въ этой «программѣ» нѣтъ.

Какъ манифестъ ее нужно признать довольно удачной, но еще удачнѣе «національная программа» «соціалистической партіи». Въ ней указанъ рядъ практическихъ средствъ, какъ ступеней къ уничтоженію капитализма и къ введенію кооперативной республики, мѣръ дѣйствительныхъ, а не паліативныхъ, какъ напримѣръ, требованіе общественной собственности на всѣ средства перевозки и сообщенія, а также на всѣ индустріи, находящіяся въ веденіи трестовъ, монополій и союзовъ. Практическимъ средствамъ предпослано теоретическое обоснованіе, единственнымъ не-

достаткомъ котораго является то, что оно носитъ характеръ манифеста, въ которомъ указаніе на объективный ходъ экономическаго развитія смѣшано съ субъективными заявленіями и призывами. Во всякомъ случаѣ этотъ манифестъ можетъ сослужить въ дѣлѣ пропаганды и агитаціи гораздо лучшую службу, чѣмъ максимально-минимальныя программы. Классовой характеръ борьбы рабочаго класса не смягченъ въ этомъ манифестѣ заявленіемъ о совмѣстной борьбѣ съ буржуазіей, «насколько буржуазія выступаетъ революціонной», какъ это сдѣлано въ коммунистическомъ манифестѣ.

«Рабочій классъ — говоритъ программа соціалистической американской рабочей партіи, — является той активной силой, которая осуществитъ этотъ новый и высшій строй общества; всѣ другіе классы вопреки ихъ кажущимся или дѣйствительнымъ столкновеніямъ одинаково заинтересованы въ поддержаніи частной собственности на орудія производства богатства. Демократы, республиканцы и всѣ другія партіи, не стоящія за полное уничтоженіе капиталистической системы производства, *одинаково* являются представителями класса капиталистовъ. Рабочіе могутъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать какъ классъ въ своей борьбѣ противъ общихъ силъ капитализма, организовавшись въ политическую партію, отдѣльную и противоположную *всѣмъ* партіямъ имущихъ классовъ».

Совершенно иначе, чѣмъ эти американскіе программы-манифесты, построена программа «Бельгійской рабочей партіи», принятая на Брюссельскомъ конгрессѣ 1893 года. Ея практическая часть разработана подробнѣе и лучше. чѣмъ въ какой-нибудь изъ указанныхъ раньше программъ. Общее построеніе не лишено стройности и гармоніи.

Во главѣ стоитъ «*декларація принциповъ*», разбитая на семь основныхъ положеній и три заявленія. За «декларацією» слѣдуетъ: I. *политическая программа*, содержащая въ себѣ 11 требованій, изъ которыхъ большинство содержитъ по нѣсколько детальныхъ пунктовъ, затѣмъ: II. *экономическая программа* съ тремя отдѣлами: A. *Общія мѣры* B. *Мѣропріятія, касающіяся промышленныхъ рабочихъ*, C. *Мѣропріятія, касающіяся сельскохозяйст-*

венныхъ рабочихъ. Каждый изъ этихъ отдѣловъ раздѣляется на рядъ подотдѣловъ, а тѣ въ свою очередь на детальные пункты; за экономической программой слѣдуетъ III *коммунальная* или общинная, распадающаяся на отдѣльныя требованія съ детальными пунктами.

Это, кажется, самая обширная изъ всѣхъ существующихъ практическихъ программъ, и она, навѣрное служитъ хорошую службу бельгійскимъ товарищамъ въ ихъ пропагандѣ и агитаціи.

Минимальные соціалдемократы разныхъ толковъ много издѣвались надъ детальностью проекта программы «Жизни». Несравненно больше издѣвательствъ должна была бы вызвать программа Бельгійской рабочей партіи, такъ какъ она несравненно детальнѣе. Особенно «смѣшило» выставленное «Жизнью» требованіе демократизаціи желѣзныхъ дорогъ и театровъ введеніемъ одинаковой платы, а слѣдовательно и одинаковыхъ удобствъ для всѣхъ пассажировъ и зрителей. На экземплярѣ проекта программы «Жизни», вывѣшенномъ въ Женевской библіотекѣ какой-то «писака острыхъ фразъ», желая, видимо, убить проектъ послѣ словъ: «установленіе единой платы въ театрахъ и въ другихъ мѣстахъ общественныхъ развлеченій» прибавилъ карандашемъ «*и баняхъ*».

И часто намъ приходилось потомъ слышать насмѣшливыя замѣчанія, что «Жизнь» ввела въ свою программу даже «бани».

Бельгійскіе рабочіе не такъ смѣшливы, какъ минимальные русскіе соціалдемократы. Никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ смѣяться надъ своей партійной программой, гдѣ, между прочимъ, выставлено требованіе «*учрежденія даровыхъ общественныхъ бань и прачешныхъ.*»

«Насмѣшники», навѣрное, этого не знали, какъ не знали того, что о «баняхъ и прачешныхъ» заботится не только програма Бельгійской рабочей партіи, но и одна изъ резолюцій Лондонскаго Международнаго соціалистическаго конгресса 1900 года.

«Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно, смѣяться, право не грѣшно», но часто... глупо!

Разумѣется, не въ этихъ мелочахъ сущность требованій Бельгійской программы. Сущность ихъ въ

рядѣ требованій, расчищающихъ путь соціалистическ кому обществу, каковы: экспропріація во имя обще ственной пользы каменоугольныхъ копей, каменоломне и подпочвы вообще, а также наиболѣе крупных средствъ производства и передвиженія, націонализаці лѣсовъ, постепенный переходъ къ государству и об щинамъ всѣхъ земель и т. п.

Эти требованія стоятъ въ *практической* част программы, которая, по мнѣнію минимальныхъ соціал демократовъ, можетъ быть лишь «программою — mini mum». Какъ это швейцарско-россійскіе соціалдемо краты не догадались до сихъ поръ отлучить бельгійску рабочую партію отъ соціалдемократіи!?

Вѣдь дерзкіе бельгійцы называютъ свой партійны органъ «Le peuple» «органомъ соціальной демократіи».

Признавая не мало достоинства за бельгійскою программою, ставя ее выше итальянской, бразильской и англійскихъ, я не хочу сказать, чтобы она была идеальной. Далеко нѣтъ. Самымъ существеннымъ ея недостаткомъ является то, что «теоретическая часть» (декларація принциповъ) исходитъ не изъ *необходимости* побѣды пролетаріата и установленія соціалистическаго строя, необходимости, обусловленной самимъ ходомъ общественнаго развитія, а изъ долженствованія, обусловленнаго справедливостью. Въ бельгійской «деклараціи» выдвинута на первый планъ скорѣе вѣра, чѣмъ знаніе.

Плехановъ въ своей статьѣ, поясняющей искровскій проектъ, характеризуетъ соціалдемократическую программу какъ «Вѣрую». Сравненіе очень неудачное. Соціалдемократическая программа не «*Вѣрую*», а «*Знаю*», *не* «*Символъ вѣры*», а «*Символъ знанія*».

Другое дѣло программы буржуазныя и феодальныя. Программа напр., консервативной помѣщичьей партіи можетъ быть только «*Вѣрую*».

И дѣйствительно, программа нѣмецкихъ юнкеровъ содержитъ, хотя бы такое положеніе: «Государство и церковь—Богомъ указанныя учрежденія; ихъ взаимодѣйствіе — необходимое условіе оздоровленія нашей народной жизни» *).

*) Образцовое буржуазное «*Вѣрую*» можно найти въ превосходномъ памфлетѣ П. Лафарга «Религія капитала», переводъ котораго можно найти въ «Библіотекѣ Русскаго Пролетарія».

Это — «Вѣрую»; но повторяю идеалъ соціалдемократической программы — быть, какъ можно дальше отъ «Вѣрую» и, какъ можно, ближе къ «Знаю».

Если «декларація принциповъ» бельгійской рабочей партіи страдаетъ приближеніемъ къ «*Вѣрую*», то декларація принциповъ «французской соціалистической партіи» страдаетъ чрезмѣрною обстоятельностью, что дѣлаетъ ее похожей на программный комментарій.

Съ этой оговоркой программу «французской соціалистической партіи», написанную Жаномъ Жоресомъ и принятую на Турскомъ конгрессѣ въ мартѣ 1902 г., слѣдуетъ признать во всѣхъ отношеніяхъ одной изъ самыхъ изящныхъ.

Программа начинается обстоятельной характеристикой соціалистическаго движенія въ рамкахъ демократическаго государства, выясняется «нетерпимое противорѣчіе между политическимъ строемъ, явившимся послѣдствіемъ революціоннаго движенія» и существляющимъ демократію и строемъ экономическимъ, въ которомъ «владѣетъ, руководитъ, эксплуатируетъ и управляетъ олигархія капитала». Пролетаріатъ самымъ ходомъ общественнаго развитія выдвигается, какъ борецъ, которому суждено устранить это противорѣчіе полнымъ преобразованіемъ общества. Декларація подробно разбираетъ и средства борьбы, останавливаясь и на всеобщей стачкѣ, «идея которой непреодолимо внушается растущими размѣрами рабочей организаціи».

Въ заключеніе кратко формулируется цѣль дѣятельности партіи: международное объединеніе рабочихъ, завоеваніе власти, соціализація средствъ производства и обращенія.

За декларацією или «программой принциповъ» слѣдуетъ практическая программа, «программа реформъ».

Она распадается на десять отдѣловъ (демократизація политической власти, полная свѣтскость государства, демократическая и гуманная организація судопроизводства; устройство семьи согласно съ правами личности; развитіе дѣятельности государства и общины въ смыслѣ увеличенія ихъ собственности и расширенія ихъ промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ учрежденій» и т. д.). Каждый отдѣлъ заключаетъ

рядъ пунктовъ съ точно формулированными требованіями, напр. «націонализація желѣзныхъ дорогъ, шахтъ, французскаго банка, страховыхъ обществъ, сахарныхъ и водочныхъ заводовъ и т. д.».

Разобранныя до сихъ поръ программы врядъ-ли сколько-нибудь вліяли на программы и программныя заявленія русскихъ соціалдемократовъ. Большинству русскихъ товарищей онѣ, вѣроятно, даже неизвѣстны. Русскія программы вырабатывались, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ программъ нѣмецкихъ и отчасти программы «французской рабочей партіи», въ составленіи которой, кромѣ Геда и Лафарга, принималъ участіе и Карлъ Марксъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ программъ, сдѣлаемъ небольшую историческую справку.

Нѣмецкая соціалдемократическая партія образовалась среди самой жгучей вражды между ея вожаками.

Преемникомъ Лассаля въ роли президента «Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза» сдѣлался, какъ извѣстно Швейцеръ, человѣкъ съ большими организаторскими способностями, но и съ большими диктаторскими наклонностями.

За Швейцеромъ сначала стояло большинство организованныхъ нѣмецкихъ рабочихъ—«лассальянцевъ». Только очень незначительная часть примкнула къ графинѣ Хайцфельдъ, которая тоже предъявляла права на лассалевскую диктатуру. Несравненно значительнѣе была та часть пролетаріевъ, которая сгруппировалась вокругъ Бебеля и Либкнехта, объявившихъ безпощадную войну Швейцеру и вообще «лассальянцамъ».

Въ концѣ концовъ «соціалдемократы» распались на два враждебныхъ лагеря: на «Всеобщій нѣмецкій союзъ» съ Швейцеромъ и Тельке во главѣ и на «Саксонскую народную партію» съ Бебелемъ и Либкнехтомъ.

Органомъ Швейцера былъ «Соціалдемократъ», выступавшій, какъ органъ нѣмецкой соціалдемократической рабочей партіи, органомъ Бебеля и Либкнехта — «Демократическая недѣля». Между этими газетами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велась ожесточенная полемика. Особенно рѣзки и съ безпристра-

стной точки зрѣнія обыкновенно несправедливы были нападки Либкнехта и Бебеля, обвинявшихъ Швейцера въ продажности, низости, нравственной испорченности и т. д. Постепенно вліяніе Швейцера начало ослабѣвать, но не вслѣдствіе нападокъ Бебеля и Либкнехта, а вслѣдствіе его собственныхъ диктаторскихъ наклонностей. Чѣмъ больше развивается классовое сознаніе пролетаріата, чѣмъ меньше способенъ онъ выносить надъ собою какую-бы то не было диктатуру, въ томъ числѣ диктатуру ради его собственной пользы, диктатуру, къ которой какъ то инстинктивно стремятся многіе интеллигенты-вожаки. «Въ томъ-то и проклятіе диктатуры, — говоритъ по поводу Швейцера извѣстный историкъ нѣмецкой соціалдемократіи Мерингъ, — что диктаторъ никогда не можетъ сообразить, когда его диктатура начинаетъ становиться излишней».

«Въ томъ-то и проклятіе диктатуры,—сказалъ-бы я, — что она всегда излишня».

Но, возставая противъ швейцеровской диктатуры, нѣмецкій пролетаріатъ бросалъ свое могучее quos ego его противникамъ, переходившимъ въ своихъ обвиненіяхъ всякія границы. Надо замѣтить, что Бебель и Либкнехтъ выработались въ настоящихъ соціалдемократическихъ вождей, потому что умѣли прислушиваться къ голосу пролетаріата, умѣли видѣть въ немъ своего учителя. Не Бебель и Либкнехтъ воспитали рабочій классъ, а рабочій классъ воспиталъ Бебеля и Либкнехта. Швейцеръ долженъ былъ сойти съ политической арены не потому, чтобы онъ прислуживался передъ Бисмаркомъ, какъ несправедливо говорили про него противники, а потому, что на немъ была печать диктаторскаго проклятія.

Первое крупное сраженіе между обѣими партіями произошло на Эйзенахскомъ конгрессѣ 1869 г. Послѣ бурныхъ сценъ, вызванныхъ провѣркою полномочій, лассальянцы удалились съ конгресса, гдѣ остались преимущественно сторонники Бебеля и Либкнехта, получившіе съ тѣхъ поръ названіе «эйзенахцевъ».

Эйзенахцы выработали на конгрессѣ программу соціалдемократической рабочей партіи, про которую Телке говорилъ, что она въ сущности программа лассалевская. Съ Телке согласенъ и Мерингъ, при-

бавляющій, что въ программѣ нѣтъ ничего, чего-бы не защищалъ «Соціалдемократъ», но революціонный смыслъ лассалевскихъ производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ въ ней затушеванъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ первый періодъ общественно-политической дѣятельности у Либкнехта и Бебеля была несомнѣнная склонность къ компромиссамъ съ буржуазнымъ либерализмомъ и недостаточная отчетливость пролетарско-классовой точки зрѣнія.

Эйзенахская программа, эта старомодная бабушка программы Эрфуртской, распадается на двѣ части, впереди идутъ «ближайшія требованія въ агитаціи соціалдемократической рабочей партіи»; онѣ начинаются требованіемъ всеобщей подачи голосовъ и кончаются «государственной поддержкой системы товариществъ и государственнымъ кредитомъ для производительныхъ ассоціацій съ демократическими гарантіями».

Ни соціализма, ни коммунизма въ этихъ ближайшихъ требованіяхъ не было ни капли. Подъ ними могъ бы подписаться любой демократъ, готовый заставить пролетаріевъ пролить свою кровь за охрану священной собственности.

За ближайшими требованіями слѣдуютъ основныя положенія, защищать которыя каждый членъ соціалдемократической рабочей партіи «обязуется всѣми силами». Положенія эти составлены скорѣе по схемѣ «вѣрую», чѣмъ по схемѣ «знаю». Первое положеніе гласитъ: «Современныя политическія и соціальныя условія въ высшей степени несправедливы и потому противъ нихъ нужно бороться съ величайшей энергіей». Второе положеніе указываетъ, что «борьба за освобожденіе рабочаго класса не является борьбой за классовыя привиллегіи и особыя права, но за *равныя права и равныя обязанности и за уничтоженіе всякаго классового господства*».

Непримиримость интереса пролетаріата и буржуазіи затушована здѣсь демократическимъ принципомъ «равныхъ правъ и равныхъ обязанностей» въ будущемъ.

Третій пунктъ говоритъ о стремленіи соціалдемократической партіи къ замѣнѣ современнаго способа

производства товарищескимъ трудомъ, гарантирующимъ каждому рабочему полный продуктъ труда.

Здѣсь очень осторожно обойденъ вопросъ объ экспропріаціи экспропріаторовъ, объ уничтоженіи частной собственности, къ чему, какъ говорилъ коммунистическій манифестъ, сводится все ученіе коммунистовъ. Эта осторожность отразилась на множествѣ популярныхъ соціалдемократическихъ брошюръ, гдѣ на первый планъ выдвигается, что соціалдемократы отнюдь не хотятъ уничтожать собственность, а лишь постепенно, въ будущемъ измѣнить ея характеръ. Надо надѣяться, что пролетаріатъ скоро заставитъ вожаковъ отбросить эту осторожность и вернуться къ коммунистической формулѣ уничтоженія частной собственности.

Четвертое положеніе объявляетъ «политическую свободу неизбѣжнымъ предварительнымъ условіемъ къ экономическому освобожденію рабочаго класса. Соціальный вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отдѣлимъ отъ политическаго, его разрѣшеніе обусловленно этимъ послѣднимъ и возможно только въ демократическомъ государствѣ.»

Пятое положеніе превозглашаетъ «единство организаціи соціалдемократической рабочей партіи».

Шестое положеніе заявляетъ, что «соціалдемократическая рабочая партія считаетъ себя вѣтвью интернаціональной рабочей ассоціаціи, насколько это позволяютъ законы о союзахъ».

Программа показала, что принципіальныхъ различій между лассальянцами и эйзенахцами не существуетъ, но диктаторскія склонности отдѣльныхъ лицъ и «человѣческое, слишкомъ человѣческое», т. е, тщеславіе, придирчивость, взвинченное самолюбіе и т. д., отъ которыхъ рѣдко свободны политическіе дѣятели, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣшало объединенію обоихъ фракцій, пока наконецъ выросшее классовое сознаніе пролетаріата не отодвинуло все это на задній планъ и не потребовало единой партіи для единаго класса. Объединеніе произошло на Готскомъ конгрессѣ въ маѣ 1875 года, гдѣ 127 представителей *всѣхъ* соціалдемократовъ Германіи единогласно приняли новую, такъ называемую «Готскую программу».

Примиренію обѣихъ фракцій не могло помѣшать

даже письмо Маркса, присланное изъ Лондона 5 мая 1875 г. представителямъ эйзенахцевъ: Браке, Гейбу, Ауеру, Бебелю и Либкнехту. Въ этомъ письмѣ Марксъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ проектъ готской программы, на которомъ сошлась предварительная конференція изъ лассальянцевъ и эйзенахцевъ. Марксъ нападаетъ на эйзенахцевъ за ихъ уступки лассальянцамъ, которыхъ по его мнѣнію нужно было заставить просто подчиниться, не торгуя своими принципами. Въ этомъ письмѣ содержится и знаменитая, часто цитируемая фраза, что «каждый шагъ практическаго движенія важнѣе дюжины программъ».

Вожакамъ эйзенахцевъ приходилось выбирать между Марксомъ и пролетаріатомъ. Они выбрали пролетаріатъ, и въ этомъ ихъ огромная заслуга. Они не опубликовали рѣзкаго письма Маркса и, по требованію рабочаго класса, дружески пожали искренно протянутую имъ руку своихъ противниковъ. Касаясь этого эпизода, Либкнехтъ въ своей рѣчи на Эрфуртскомъ партейтагѣ 1891 г. сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Положеніе дѣлъ во время этого письма было таково. Обѣ фракціи соціалдемократовъ эйзенахцы и лассальянцы, многіе годы вели между собою борьбу. Сначала думали, конечно, что цѣли различны, что между нами стоятъ вопросы, раздѣляющіе насъ принципіально, но въ теченіе самой борьбы пришли къ убѣжденію, что для *массы членовъ обѣихъ фракцій* такихъ вопросовъ не существуетъ, что, если боевыя слова звучатъ различно, то цѣль, требованія, стремленія на обѣихъ сторонахъ все же совершенно одинаковы. Такъ постепенно на обѣихъ сторонахъ пробило дорогу убѣжденіе, что необходимо два раздѣленныхъ потока соединить въ одинъ. Вмѣсто того, чтобы растрачивать силы въ этой *братоубійственной борьбѣ*, онѣ должны быть соединены и направлены противъ общаго врага. Это сказалъ себѣ каждый и эта мысль выступила съ такою *элементарною силой*, что на обѣихъ сторонахъ *вожди не могли болѣе воспрепятствовать объединенію рядовыхъ, еслибъ они даже были противъ этого.* Нѣсколько дней тому назадъ здѣсь говорилъ нашъ самый старый товарищъ, старшина партіи, нашъ Телке: онъ вспомнилъ старое время борьбы, я хочу ему напомнить болѣе пріятное

событіе. Въ одно прекрасное утро, вскорѣ послѣ выхода изъ тюремнаго заключенія въ Губертсбургской крѣпости, сидѣлъ я въ Лейпцигѣ въ редакціонной комнатѣ. Вдругъ входитъ человѣкъ, который мнѣ показался не совсѣмъ незнакомымъ, но о которомъ я не тотчасъ могъ сказать, кто онъ былъ. Я продолжалъ работать. Тогда мнѣ сообщили: Телке здѣсь и желаетъ съ вами говорить. Я тотчасъ поднялся, Телке подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку, которую я тотчасъ сжалъ въ своей; для этого не требовалось предварительнаго заключенія мира. Мы отправились въ сосѣднюю комнату. «*Мы должны жить въ мирѣ*», *сказалъ Телке, и я отвѣтилъ ему:* «*да, мы должны жить въ мирѣ*» (Оживленное одобреніе со стороны всѣхъ членовъ эрфуртскаго партейтага). Съ этого момента миръ для меня былъ заключенъ и, когда около того-же времени были сдѣланы подобные-же шаги на сѣверѣ, въ Гамбургѣ, Альтонѣ и въ другихъ мѣстахъ, тогда для всѣхъ моихъ друзей въ Германіи стало несомнѣннымъ: теперь мы должны, во что бы то ни стало, объединиться. Нѣкоторыя горячія головы съ той и другой стороны старались задерживать дѣло мира, но объединеніе *должно* было быть, оно было необходимо въ интересѣ партіи. Мы сошлись для переговоровъ, чтобы согласиться относительно объединительной программы. Съ той и другой стороны были сдѣланы уступки, и наконецъ послѣ долгихъ, долгихъ обсужденій мы объединились на извѣстномъ вамъ проектѣ, который почти безъ измѣненій былъ принятъ готскимъ объединительнымъ конгрессомъ. Когда Марксъ узналъ о проектѣ, онъ написалъ свое письмо, предназначенное для нѣкоторыхъ изъ насъ, эйзенахцевъ. Мы внимательно прочли письмо. Я долго прожилъ съ Марксомъ въ боевомъ товариществѣ, я его ученикъ, пившій вмѣстѣ съ нимъ въ Лондонѣ изъ кубка изгнанія. Я, всегда гордый тѣмъ, что могу назвать себя его ученикомъ и другомъ, я былъ поставленъ передъ вопросомъ, въ интересѣ ли партіи, если мы теперь поступимъ такъ, какъ хочетъ Марксъ? То, что онъ говорилъ теоретически противъ этого проекта, было правильно до послѣдней буквы, такъ думалъ я тогда, такъ думаю и теперь. Но теорія и практика — двѣ различныя вещи. Въ теоріи я безусловно довѣрялъ сужденію Маркса, въ

практикѣ я шелъ своимъ собственнымъ путемъ. Я спросилъ себя: возможно-ли программу, такую, какъ ее здѣсь требовалъ Марксъ, провести теперь? Послѣ зрѣлаго размышленія я пришелъ къ убѣжденію, что это невозможно и, подъ опасностью разойтись на нѣкоторое время съ Марксомъ, —что и произошло, хотя не надолго,—я заявилъ: это не идетъ; высоко стоитъ для меня Марксъ, но выше стоитъ для меня партія. (*браво*).

Готская программа распадается на три части: Первая заключаетъ четыре основныхъ положенія.

1) Трудъ источникъ всякаго богатства и всей культуры, и такъ какъ всеобще—полезный трудъ возможенъ только при посредствѣ общества, то обществу, т. е. всѣмъ его членамъ, принадлежитъ общій продуктъ труда, при общей обязанности работать на основаніи равнаго права каждому по его разумнымъ потребностямъ.

2) Въ современномъ обществѣ средства труда являются монополіей класса капиталистовъ; обусловленная этимъ зависимость рабочаго класса причина нищеты и рабства во всѣхъ формахъ.

3) Освобожденіе труда требуетъ превращенія средствъ труда въ общее владѣніе общества и общественнаго регулированія общей работы съ обще-полезнымъ употребленіемъ и правильнымъ распредѣленіемъ продукта труда.

4) Освобожденіе труда должно быть дѣломъ рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ остальные классы представляютъ лишь реакціонную массу.

Здѣсь опять таки нѣтъ объективной точки зрѣнія на ходъ общественнаго развитія, но какъ выводы изъ этого хода развитія, «положенія» Готской программы являются огромнымъ шагомъ впередъ, сравнительно съ положеніями программы Эйзенахской. Марксъ въ своемъ письмѣ критиковалъ нѣкоторыя изъ этихъ положеній, въ томъ числѣ и послѣднее о реакціонной массѣ. Но мнѣ кажется исторія ежедневно доказываетъ его справедливость, т. е. въ данномъ случаѣ не справедливость Маркса, а справедливость лассалевскаго утвержденія, что «всѣ остальные классы по отношенію къ классу пролетаріата, представляютъ лишь реакціонную массу.»

Вторая часть программы перечисляетъ основныя требованія соціалистической рабочей партіи Германіи. Партія всѣми законными средствами стремится къ свободному государству и соціалистическому обществу, стремится разбить желѣзный законъ заработной платы, посредствомъ уничтоженія системы наемнаго труда, уничтожить эксплуатацію всякаго вида, устранить всякое соціальное и политическое неравенство.

Затѣмъ идетъ заявленіе о международномъ характерѣ рабочаго движенія и вытекающихъ отсюда обязанностяхъ для партіи. За этимъ заявленіемъ выступаетъ требованіе учрежденія соціалистическихъ производительныхъ товариществъ съ государственной помощью, и въ концѣ концовъ перечисляются основы свободнаго государства, т. е. всеобщая подача голосовъ и другія демократическія требованія, которыя почти въ томъ-же видѣ заключала Эйзенахская программа и которыя въ немного измѣнномъ видѣ перешли въ программу Эрфуртскую.

Третья часть выставляла требованія въ предѣлахъ современнаго общества. Здѣсь, кромѣ требованія неограниченной коалиціонной свободы и рабочаго законодательства, мы встрѣчаемъ «возможно большее расширеніе политическихъ правъ и свободъ въ смыслѣ выше приведенныхъ требованій (во второй части программы) и единаго прогресивнаго подоходнаго налога въ государствѣ и общинѣ, вмѣсто всѣхъ существующихъ, особенно отягощающихъ народъ, косвенныхъ налоговъ».

Готская программа заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ принципіальную часть, затѣмъ рядъ требованій, въ корнѣ измѣняющихъ политическій и общественный строй и затѣмъ рядъ желательныхъ мѣропріятій въ предѣлахъ современнаго общества до кореннаго переворота. Здѣсь есть слѣдовательно, если хотите, программа maximum (вторая часть) и программа minimum (третья часть). Но соотношеніе между ними не противорѣчитъ логикѣ, такъ какъ программа maximum и программа minimum, обѣ являются практическими требованіями, слѣдовательно двумя величинами соразмѣримыми. Такое дѣленіе имѣетъ смыслъ. Но распредѣленіе требованій сдѣлано довольно случайно, и въ особенности вторая часть построена недостаточно послѣдовательно. Особенно ее портило указаніе на «за-

конныя средства». Исключительный законъ, вскорѣ послѣ Готскаго партейтага свалившійся на объединенную партію, заставилъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ поспѣшить вычеркнуть эту нелѣпую законность, что и было сдѣлано на Виденскомъ конгрессѣ въ 1880 году.

Двѣнадцать лѣтъ съ 1878-го по 1890 годъ партія мужала и крѣпла, благодаря незаконной дѣятельности, къ которой ее вынудилъ исключительный законъ. Наконецъ законъ палъ вмѣстѣ со своимъ вдохновителемъ Бисмаркомъ. Передъ испуганной буржуазіей стояла могучая партія съ ея крѣпкой организаціей, съ ея вожаками, воспитанными и дисциплинированными самой массой, съ ея почти $1^1/_2$ милліонами избирателей.

Первою мыслью пролетаріата, освободившагося отъ исключительныхъ цѣпей, была мысль о пересмотрѣ партійной программы.

Новая программа была принята на Эрфуртскомъ партейтагѣ 1891 г. Партейтагу были представлены четыре проекта и цѣлый рядъ «поправокъ», исходившихъ какъ отъ различныхъ партійныхъ группъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. «Поправки» имѣли въ виду, конечно, такъ сказать, оффиціальный проектъ, исходившій отъ партійнаго правленія (Parteivorstand), но комиссія, выбранная партейтагомъ для обсужденія проектовъ и поправокъ, приняла не проектъ партійнаго правленія, а проектъ, выработанный редакціей «Die Neue Zeit», другими словами—Карла Каутскаго. Между этими двумя проектами нѣтъ существенной разницы, но формулировка Каутскаго несомнѣнно точнѣе и вообще удачнѣе. Изъ двухъ остальныхъ проектовъ одинъ принадлежалъ И. Штерну, другой «молодымъ»: Ауербаху, Камфмейеру и Луксу. Проектъ Штерна наименѣе удаченъ, но въ проектѣ «молодыхъ» есть нѣсколько удачныхъ штриховъ, напр., указаніе на то, что «капиталистъ превращается въ простого собирателя прибылей».

Обсужденія программы въ общемъ засѣданіи партейтага совсѣмъ не было, такъ какъ почти все время ушло на выясненіе обвиненій личнаго характера, выдвинутыхъ «молодыми» противъ видныхъ вождей партіи, каковы Зингеръ, Ауеръ и Бебель. Послѣ пятидневныхъ «личныхъ» преній, оппозиція была уничтожена. Партейтагъ могъ, наконецъ, заняться настоя-

щимъ дѣломъ. Докладчикъ комиссіи В. Либкнехтъ произнесъ блестящую рѣчь въ защиту нѣсколько видоизмѣненнаго проекта Каутскаго, и этотъ проектъ былъ безъ преній единогласно принятъ партейтагомъ.

Эрфуртская программа въ смыслѣ научности представляетъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ программой Готской. Построеніе ея отличается единствомъ и послѣдовательностью. Искусственныхъ подраздѣленій нѣтъ, но программа естественно распадается на принципіальную или теоретическую часть и практическія требованія, соединенныя въ двѣ группы.

Принципіальная часть въ объективной формѣ указываетъ ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества, развитія, которое съ естественной необходимостью ведетъ къ превращенію товарнаго производства въ соціалистическое и къ освобожденію пролетаріатомъ всего человѣчества отъ угнетенія.

Объективная точка зрѣнія выдержана достаточно строго. Партія *почти* все время смотритъ на себя самое со стороны. Впрочемъ отношеніе между рабочимъ классомъ и соціалдемократической партіей формулировано неудачно.

«Этой борьбѣ рабочаго класса дать сознательную единую форму и указать ему естественно необходимую цѣль, такова задача соціалдемократической партіи», говоритъ Эрфуртская программа. Здѣсь соціалдемократическая партія противопоставляется рабочему классу, а не выводится изъ него, какъ его естественное порожденіе.

Практическія требованія распадаются на общедемократическія и требованія спеціально для охраны рабочаго класса (національное и международное законодательство, коалиціонная свобода и т. д.).

Такое выдѣленіе чисто рабочихъ требованій очень удобно въ цѣляхъ пропаганды и агитаціи.

Обще-демократическія требованія формулированы удачно, но онѣ все-же остаются демократическими, а не соціалдемократическими. Здѣсь нѣтъ и намека на тѣ мѣры, которыя составляютъ практическую часть Коммунистическаго манифеста. Здѣсь нѣтъ и намека на тѣ,—говоря словами Коммунистическаго манифеста— «деспотическія вторженія въ право собственности и въ производственныя буржуазныя отношенія»,

«которыя кажутся экономически недостаточными и несостоятельными, но которыя съ развитіемъ движенія переростаютъ самихъ себя и неизбѣжны, какъ средства къ перевороту всего способа производства». Въ отсутствіи этихъ мѣръ существенный недостатокъ Эрфуртской программы.

Этихъ требованій не было и въ трехъ другихъ проектахъ, но ихъ требовали поправки къ проекту партійныхъ товарищей въ Лигницѣ и товарища Хуго Ланде въ Эльберфельдѣ. Вообще въ нѣмецкой партіи было и осталось не мало сторонниковъ внесенія въ практическую часть программы *соціалистическо-экономическихъ* требованій. Этого важнаго вопроса намъ придется подробно коснуться въ одной изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ мы будемъ выяснять практическую часть предлагаемаго нами проекта.

Приблизительно за два года до принятія Эрфуртской программы въ ряды организованныхъ пролетарскихъ партій вступила родная сестра германской соціалдемократіи—соціалдемократія австрійская. Она выступила съ такъ называемой Гайнфельдской программой, выработанной докторомъ Викторомъ Адлеромъ и принятою 1-го января 1889 г. на Гайнфельдскомъ партейтагѣ. Карлъ Каутскій ставитъ эту программу очень высоко. Въ одной изъ своихъ статей *) онъ называетъ ее «продуманнымъ, законченнымъ произведеніемъ искусства», онъ сравниваетъ ее даже съ Аполлономъ Бельведерскимъ. Похвалы эти несомнѣнно преувеличены, и самъ авторъ Гайнфельдской программы на Вѣнскомъ партейтагѣ отклонилъ ихъ не безъ нѣкоторой иронiи.

Гайнфельдская программа раздѣляется на три части:

1) Декларація принциповъ, 2) резолюція о политическихъ правахъ и 3) резолюція о рабочемъ законодательствѣ и соціальной реформѣ.

Въ первой части принципамъ предшествуетъ введеніе, въ которомъ выясняется основная задача соціалдемократической партіи.

«Соціалдемократическая рабочая партія въ Австріи стремится освободить весь народъ безъ различія націи,

*) Die Neue Zeit 1901/1902. № 3.

расы и пола изъ оковъ экономической зависимости, устранить его политическое безправіе и поднять его изъ духовной приниженности. Причину такого недостойнаго состоянія слѣдуетъ искать не въ отдѣльныхъ политическихъ учрежденіяхъ, но въ опредѣляющемъ сущность всего общественнаго состоянія и надъ ней господствующемъ фактѣ, что средства труда монополизированы въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Владѣлецъ рабочей силы — рабочій классъ, становится черезъ это рабомъ владѣльцевъ средствъ труда, класса капиталистовъ, политическое и экономическое господство которыхъ находитъ выраженіе въ современномъ государствѣ. Принадлежностъ средствъ производства отдѣльнымъ лицамъ, *политически* означая классовое государство, *экономически* означаетъ увеличивающуюся бѣдность массъ и ростущее обнищаніе все болѣе широкихъ народныхъ слоевъ. Вслѣдствіе техническаго развитія и колоссальнаго нарощенія производительныхъ силъ эта форма владѣнія оказывается не только излишней, но для преобладающаго большинства народа, она и фактически устраняется, въ то время какъ одновременно создаются необходимыя духовныя и матеріальныя предусловія для формы общаго владѣнія. Переходъ средствъ труда въ общее владѣніе всего народа обозначаетъ такимъ образомъ не только освобожденіе рабочаго класса, но и выполненіе исторически необходимаго развитія. Носителемъ этого можетъ быть только проникнутый классовымъ сознаніемъ и организованный, какъ политическая партія, пролетаріатъ. Политически организовать пролетаріатъ, наполнить его сознаніемъ его положенія и его задачи, сдѣлать и сохранить его духовно и физически способнымъ къ борьбѣ, является поэтому настоящей программой соціалдемократической рабочей партіи въ Австріи, для проведенія которой она будетъ пользоваться цѣлесообразными и естественному правовому чувству народа соотвѣтствующими средствами. Впрочемъ партія должна направлять и будетъ направлять свою тактику сообразно съ временными условіями, въ особенности съ поведеніемъ противниковъ.»

Вотъ та часть программы, которая составляетъ ея сущность и которая приводитъ въ восторгъ Каутскаго.

Несомнѣнно, здѣсь въ сжатой, сильной формѣ ска-

зано очень много, и многое сказано очень удачно. Но методъ, которому слѣдовалъ самъ Каутскій, въ построеніи теоретической части Эрфуртской программы, несравненно болѣе подходитъ для марксистской программы, чѣмъ методъ, которому въ данномъ случаѣ слѣдовалъ Адлеръ. Адлеръ дѣлаетъ ошибку огромнаго большинства составителей соціалистическихъ программъ, не выдерживая объективной точки зрѣнія, при изображеніи хода общественнаго развитія. Вслѣдствіе этого естественная неизбѣжность побѣды пролетаріата и замѣны буржуазнаго строя соціалистическимъ выступаетъ недостаточно выпукло; научные выводы оттѣсняются на задній планъ партійными заявленіями, неизбѣжно носящими, такъ сказать, субъективный характеръ.

Программа превосходно опредѣляетъ значеніе соціалдемократіи, когда говоритъ, что носителемъ общественнаго развитія можетъ быть только пролетаріатъ, сознающій свои классовые интересы и организованный, какъ политическая партія, но программа противорѣчитъ сама себѣ въ слѣдующихъ за этимъ мѣстомъ строкахъ, гдѣ формулируется собственная программа соціалдемократической партіи. Не говоря уже о томъ, что у соціалдемократической партіи оказываются, какъ бы, двѣ «программы»: одна, формулированная въ началѣ, другая — въ концѣ, не говоря уже объ этомъ внѣшнемъ недостаткѣ, мнѣ кажется, что въ программѣ вообще не слѣдуетъ спеціально пояснять, что должна изъ себя представлять эта программа; это должно быть ясно изъ всего ея содержанія.

Наконецъ, противопоставляя соціалдемократическую партію пролетаріату, который изъ носителя общественнаго развитія превращается вдругъ въ какую-то аморфную массу, Адлеръ дѣлаетъ ту-же ошибку, какъ и Каутскій въ Эрфуртской программѣ.

За этимъ введеніемъ, «все-же» выставляются слѣдующія общія основныя положенія.

Первое положеніе говоритъ о международномъ характерѣ партіи и затѣмъ повторяетъ то, что сказано въ началѣ введенія.

Второе — говоритъ о необходимости свободы печати, собраній и сообществъ.

Третье—о всеобщемъ равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ.

Четвертое—о рабочемъ законодательствѣ.

Пятое — объ обязательномъ даровомъ и свѣтскомъ образованіи и объ отдѣленіи церкви отъ государства.

Шестое—о всеобщемъ народномъ вооруженіи.

Седьмое—снова толкуетъ о задачахъ рабочей партіи въ нѣсколько другихъ словахъ, чѣмъ введеніе.

Восьмое — коментируетъ требованіе единаго прямого прогрессивнаго налога.

Въ этихъ восьми положеніяхъ мы видимъ, такимъ образомъ, смѣшеніе принципіальныхъ положеній съ практическими требованіями, снабженными коментаріями, болѣе умѣстными въ пояснительной запискѣ.

«Резолюція о политическихъ правахъ» опять таки начинается съ выясненія всемірно-историческихъ задачъ пролетаріата, повторяетъ требованія свободы выраженія мнѣній, присоединяя къ нему шесть реформъ, расширяющихъ политическія права народа.

Наконецъ резолюція о рабочемъ законодательствѣ и соціальной реформы, нося характеръ полемической статьи по вопросу о соціальной реформѣ, приводитъ основы рабочаго законодательства.

Нѣтъ, о законченности, гармоніи и художественной красотѣ въ этой программѣ не можетъ быть и рѣчи. Отдѣльныхъ удачныхъ очень много, но единаго, строго проведеннаго плана не существуетъ. Понятно, что и авторъ Гайнфельдской программы и партія скоро почувствовали необходимость выработать новую программу. Новая программа, выработанная опять таки Адлеромъ, была принята на Вѣнскомъ партейтагѣ въ ноябрѣ 1901 г. Вѣнская программа съ гораздо большимъ правомъ можетъ быть названа художественнымъ произведеніемъ, чѣмъ гайнфельдская. Дѣленіе на декларацію принциповъ и двѣ резолюціи изчезло и она, подобно Эрфуртской, состоитъ изъ теоретическаго введенія, и вытекающихъ изъ него ряда практическихъ требованій. Изъ общедемократическихъ требованій выдѣлены, какъ и въ Эрфуртской программѣ, требованія, касающіяся спеціально рабочаго класса. Введеніе сохранило всѣ достоинства и всѣ недостатки введенія декларації принпиповъ Гайнфельдской программы. Про практическую часть можно сказать тоже, что про прак-

тическую часть Эрфуртской программы; онѣ почти тождественны. Съ демократической точки зрѣнія, повторяю, противъ нихъ трудно сдѣлать много возраженій, съ соціалдемократической точки зрѣнія въ нихъ, повторяю, не достаетъ мѣропріятій, наносящихъ ударъ частной собственности, что необходимо для расчистки пути къ соціалистическому строю.

На ряду съ этой общей Вѣнской программой у австрійской соціалдемократіи имѣется еще программа національностей, принятая на Брюнскомъ партейтагѣ 1899 года. Эта программа касается спеціально національнаго вопроса, имѣющаго для Австріи огромное значеніе. Она указываетъ правильный путь къ его разрѣшенію, о чемъ намъ придется говорить, когда мы будемъ разбирать вопросъ о федеративномъ устройствѣ Россіи.

Эрфуртская и Вѣнская программы составлены вѣрными учениками Маркса, но ни Марксъ, ни Энгельсъ не принимали участіе въ ихъ составленіи.

Единственной программой, если не считать, конечно, коммунистическаго манифеста, составленной при непосредственномъ участіи Маркса и Энгельса, является программа «французской рабочей партіи», принятая на Парижскомъ конгрессѣ въ іюнѣ 1880 г. Ею марксизмъ внесенъ во французское рабочее движеніе, и вообще она имѣетъ историческое значеніе. Она заслуживаетъ названія «произведенія искусства». Составители, видимо, поставили своей задачей довести краткость и сжатость до крайнихъ предѣловъ.. И въ ней дѣйствительно нѣтъ лишнихъ словъ, но мы-бы сказали, что въ ней не достаетъ многихъ словъ.

Она состоитъ изъ краткаго принципіальнаго обоснованія и практическихъ требованій, распадающихся на часть политическую и часть экономическую.

Приведемъ принципіальное обоснованіе, за которымъ такъ и чувствуется Марксъ.

«Принимая во вниманіе,

что освобожденіе производительнаго класса есть освобожденіе всѣхъ человѣческихъ существъ безъ различія пола и расы;

что производители сумѣютъ стать свободными лишь настолько, насколько они будутъ обладать сред-

ствами производства (землею, фабриками, судами, банками, кредитами и т. д.)

что существуютъ только двѣ формы, въ которыхъ средства производства могутъ имъ принадлежать:

1) форма индивидуальная, которая никогда не существовала, какъ общій фактъ, и которая болѣе и болѣе ограничивается промышленнымъ прогрессомъ;

2) форма коллективная, матеріальные и интеллектуальные элементы которой создаются самимъ развитіемъ капиталистическаго класса.

Принимая во вниманіе,

что это коллективное присвоеніе можетъ исходить только изъ революціоннаго дѣйствія производительнаго класса или пролетаріата, организованнаго въ отдѣльную политическую партію;

что подобную организацію слѣдуетъ осуществлять всѣми средствами, которыми располагаетъ пролетаріатъ, въ томъ числѣ всеобщей подачей голосовъ, превращенной такимъ образомъ изъ орудія обмана, какимъ она была до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія;

французскіе соціалистическіе рабочіе, ставя цѣлью своихъ усилій политическую и экономическую экспропріацію класса капиталистовъ и возвращеніе коллективности всѣхъ средствъ производства, рѣшили въ качествѣ средства организаціи и борьбы принять участіе въ выборахъ съ слѣдующими немедленными требованіями»...

Превосходно! Все, какъ-будто высѣчено изъ одного гранитнаго куска или какъ нѣмцы говорятъ «aus einem Guss»! Но для программы партіи, программы, которая должна пропагандировать въ широкихъ массахъ, которая должна шевелить непривычные къ діалектическому мышленію умы, этихъ выводовъ не достаточно. Имъ должно предшествовать краткое изображеніе хода общественнаго развитія съ его ободряющей необходимостью. Этой объективной необходимости въ программѣ, составленной Марксомъ и Энгельсомъ и ихъ видными друзьями и учениками Гэдомъ и Лафаргомъ, не видно. Рабочій классъ выступаетъ у нихъ прямо, какъ борецъ съ «свободной волей».

Эта односторонность программы объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что она приноровлена къ опредѣленному моменту, къ выступленію партіи въ избирательную компанію 1881 году.

Для жизни партіи во всемъ ея цѣломъ нужна программа съ болѣе развитымъ, съ болѣе широкимъ принципіальнымъ основаніемъ. Правда, программа «французской рабочей партіи» всегда сопровождается прекрасной пояснительной запиской, прекрасными коментаріями Гэда и Лафарга, въ которыхъ имѣется все то, чего не хватаетъ самой программѣ, но програмные коментаріи имѣютъ уже то неудобство, что какъ бы то ни было являются индивидуальнымъ мнѣніемъ ихъ составителей, мнѣніемъ, не санкціонированнымъ волей всей партіи. Исходными пунктами для всесторонней пропаганды и агитаціи должны быть мысли самой программы, а не ея комментарія. Красота построенія программы стоитъ въ извѣстной зависимости отъ ея сжатости; но этою красотою иногда приходится жертвовать во имя опредѣленности пропаганды, требующей возможно болѣе широкаго программно-партійнаго обоснованія.

Что касается до практическихъ немедленныхъ требованій, то ихъ ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать минимальными, и они должны возбуждать глубокое негодованіе минимальныхъ соціалдемократовъ, воспитанныхъ на передовыхъ статьяхъ «Послѣднихъ извѣстій», «соціалдемократовъ», заявлявшихъ, что внесеніемъ въ практическую часть программы требованій, нарушающихъ существующій строй, я терзаю и заколачиваю въ гробъ дорогое имъ существо—соціалдемократію.

Практическія требованія программы, составленной Марксомъ, заключаютъ въ себѣ, напримѣръ, уничтоженіе государственнаго долга, уничтоженіе всѣхъ договоровъ, отчуждающихъ государственную собственность (банка, желѣзныхъ дорогъ, копей и т. д.), передачу всѣхъ государственныхъ мастерскихъ въ распоряженіе работающимъ тамъ рабочимъ и наконецъ отмѣну наслѣдованія по боковой линіи и всякаго наслѣдованія по прямой линіи, превышающаго 20 тысячъ франковъ.

Скажите по совѣсти, господа минимальные соціалдемократы, нарушаетъ немедленное выполненіе этихъ

требованій не только вообще существующій строй, какъ выражаетесь вы, но даже и существующій *буржуазный* строй, какъ слѣдовало бы выражаться, если уже говорить о максимальныхъ и минимальныхъ требованіяхъ?

И такія требованія, какъ передача въ распоряженіе рабочихъ промышленныхъ предпріятій и почти полное уничтоженіе права наслѣдованія поставлены рядомъ съ законодательнымъ уменьшеніемъ рабочаго дня. Марксъ и товарищи навѣрное считали, что даже и это послѣднее требованіе нарушаетъ существующій строй и они, конечно, были правы.

Во время обсужденія вопроса объ уменьшеніи рабочаго дня въ Россіи, послѣ стачекъ 1896 г., Побѣдоносцевъ воскликнулъ: «Восьмичасовой рабочій день и первое мая — это та пропасть, въ которую стремится все человѣчество!» Для Побѣдоносцева существуетъ, конечно, только самодержавно-буржуазное человѣчество, и онъ съ своей точки зрѣнія, до извѣстной степени, правъ. Все, что укрѣпляетъ организацію рабочаго класса, все, что подымаетъ его боевую готовность, все это—пропасть для современнаго буржуазнаго общества, рѣшительный ударъ которому нанесетъ, какъ выражается программа французской рабочей партіи, революціонное дѣйствіе производительнаго класса.

Мы заканчиваемъ разсмотрѣніе построеній иностранныхъ соціалистическихъ программъ, пропуская тѣ изъ нихъ, ознакомленіе съ которыми, по нашему мнѣнію, не можетъ прибавить ничего новаго къ уже сказанному, и переходимъ къ разсмотрѣнію программъ русскихъ.

Не только по содержанію, но и по своему построенію русская соціалистическая или соціалдемократическая программа по необходимости должна отличаться отъ программъ западно-европейскихъ и американскихъ. У русскаго пролетаріата нѣтъ законныхъ средствъ борьбы. Каждый его шагъ впередъ—незаконенъ и революціоненъ. Революція—его *ближайшая* цѣль. Его программѣ не приходится считаться съ противорѣчіемъ между политической демократіей и экономической олигархіей, ему не приходится превращать орудіе обмана

въ орудіе освобожденія; политическую свободу, и экономическую свободу онъ одинаково долженъ взять съ бою, онѣ для него сливаются вмѣстѣ больше, чѣмъ для пролетаріата другихъ странъ, и это должно отражаться на практической части его программы, гдѣ удары въ частную собственность должны дополнять удары въ буржуазный абсолютизмъ. На западѣ, гдѣ существуютъ различныя политическія «вольности», гдѣ есть законныя орудія обмана, способныя превращаться въ законныя орудія освобожденія, еще возможно допустить, чтобы практическія требованія урѣзывались во имя законности, чтобы онѣ взвѣшивались на вѣсахъ мирной эволюціи, но у насъ это не допустимо.

Однимъ изъ любимыхъ девизовъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ является рискованное утвержденіе: «законность убиваетъ нашихъ враговъ.»

«Иронія всемірной исторіи выкидываетъ злыя шутки,—писалъ въ 1895 г. Энгельсъ въ предисловіи къ «Классовой борьбѣ во Франціи» Карла Маркса.—Мы, «революціонеры и потрясатели основъ» вѣрнѣе идемъ къ своей цѣли законными путями, нежели незаконными. А партію порядка, какъ называютъ себя наши враги, губитъ ея же дѣтище, — законная почва. Въ отчаяніи она повторяетъ за Одилономъ Барро: la légalité nous tue, законность—наша смерть, а мы — мы наживаемъ на этой законности крѣпкіе мускулы и румяныя щеки и выглядываемъ, какъ сама жизнь.»

Увы, а можетъ быть и слава Богу, намъ не нажить на этой законности крѣпкихъ мускуловъ, румяныхъ щекъ. Въ Россіи законность убиваетъ не нашихъ враговъ, а насъ. Выпрямляясь, русскій пролетаріатъ неизбѣжно сталкивается съ законностью, и его историческая задача —повалить эту законность не для того, чтобы создать противорѣчія между политической демократіей и экономической олигархіей, а чтобы, говоря словами Каутскаго, немедленно свое политическое освобожденіе пополнить своимъ соціальнымъ освобожденіемъ, такъ какъ его предыдущее общественное положеніе стоитъ въ непримѣримомъ противорѣчіи къ его политическому господству. Его ближайшая цѣль — соціальная революція.

Выясненіе сущности и значенія русской соціальной революціи составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ

послѣдующихъ главъ, но уже и здѣсь мы считали необходимымъ указать на свою точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ, такъ какъ отъ того или другого взгляда на революцію, къ которой стремится русскій пролетаріатъ, зависитъ даже само построеніе его программы.

Зародышемъ русской соціалдемократической *рабочей партіи* слѣдуетъ считать не эмигрантскую группу «освобожденія труда», а Сѣверно-русскій рабочій союзъ, основанный въ Петербургѣ въ декабрѣ 1878 года рабочими Степаномъ Халтуринымъ и Викторомъ Обнарскимъ. Первой соціалдемократической рабочей программой слѣдуетъ считать не программу «группы освобожденія труда», а программу Сѣвернаго союза, выработанную Халтуринымъ и его товарищами по союзу, въ который какъ извѣстно, допускались только рабочіе.

Программа Сѣвернаго союза включаетъ въ себя и манифестъ ко всѣмъ русскимъ рабочимъ, и оффиціальный уставъ и, наконецъ, программу въ собственномъ значеніи слова.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ о тяжести и несправедливости существующаго «политическаго и экономическаго гнета» выясняется значеніе «общерусскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы *городского и сельскаго* населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія, служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы». Затѣмъ подробно излагается уставъ союза, при чемъ указывается, что въ члены союза допускаются только рабочіе. За уставомъ слѣдуютъ программныя требованія съ предварительнымъ указаніемъ, что «сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ *тѣсно примыкаетъ* по своимъ задачамъ къ *соціально-демократической партіи Запада.*»

Первыми требованіями выставлены слѣдующія четыре: «1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне не справедливаго; 2) учрежденіе *свободной народной федераціи общинъ*, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права; 3) уничтоженіе поземельной собственности и замѣна ея

общиннымъ землевладѣніемъ; 4) правильная ассоціаціонная организація труда предоставляющая въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Отдѣльно, съ предпосылкой на значеніе политической свободы, поставлены «непосредственныя требованія союза», среди которыхъ кромѣ требованій свободы слова, печати, собраній и сходокъ; уничтоженія сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ; уничтоженія сословныхъ правъ и преимуществъ; обязательнаго и безплатнаго обученія во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ и т. п., мы встрѣчаемъ: право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія; учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ», и, наконецъ, ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

За этою «программой» и въ связи съ ней идетъ манифестъ, проникнутый тѣмъ же духомъ, какимъ проникнуты воззванія и произведенія нѣмецкаго рабочаго Вейтлинга, одного изъ родоначальниковъ германской соціалдемократіи. Особенно характерны въ этомъ отношеніи *неоднократныя* ссылки на ученіе Христа, «ученіе въ сущности совпадающее съ ученіемъ соціализма».

«Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію». Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ: не мы развращаемъ міръ, а вы; не мы причиняемъ зло, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть и вокресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ»...

На ряду съ указаніями на ученіе Христа «забытое и непонятое», но возрождающееся въ современномъ рабочемъ соціализмѣ, рѣзко подчеркивается солидарность русскаго пролетаріата съ пролетаріатомъ всего міра.

«Великая *соціальная* *) борьба уже началась и

*) Подчеркнуто всюду мною. В П.

намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія милліоновъ — и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную силу...»

Построеніе этого программнаго воззванія еще очень несовершенно; научное обоснованіе отсутствуетъ, нѣтъ «необходимости» соціальнаго переворота, а только его «справедливость», но тѣмъ не менѣе это произведеніе пробуждающагося русскаго рабочаго имѣетъ огромное значеніе. Оно проникнуто сильнымъ революціонно-классовымъ чувствомъ, и надъ нѣкоторыми требованіями и указаніями рабочихъ, піонеровъ русскаго рабочаго движенія и теперь бы еще не мѣшало поразмыслить нашимъ ученымъ освободителямъ труда, таково, напримѣръ требованіе «свободной народной федераціи общинъ».

Приблизительно черезъ два года послѣ появленія программы Сѣвернаго союза русскихъ рабочихъ, разбитаго правительствомъ въ самомъ началѣ его дѣятельности, появляется программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли. Здѣсь нѣтъ наивности перваго революціоннаго порыва пробуждающагося рабочаго класса, здѣсь нѣтъ ссылокъ на ученіе Христа, здѣсь много ссылокъ на науку, но эта программа не столько рабочихъ, сколько *для рабочихъ*: революціонный интеллигентъ оттѣсняетъ въ ней революціоннаго рабочаго съ его вѣрнымъ классовымъ инстинктомъ.

Соціально-революціонная партія выдвигается здѣсь какъ нѣчто отдѣльное отъ борющагося пролетаріата. Она «вѣрный союзникъ народа», рабочій народъ можетъ всегда братски протянуть ей руку, люди этой партіи набираются изъ всѣхъ сословій русскаго царства и т. д. На ряду съ этой вѣрной союзницей, народъ, по словамъ программы, можетъ найти поддержку въ отдѣльныхъ лицахъ изъ другихъ сословій, въ людяхъ образованныхъ, которымъ также хотѣлось-бы, чтобъ въ Россіи жилось свободнѣе и лучше, но которыхъ «не очень тревожитъ то обстоятельство, что русскій крестьянинъ въ кабалѣ у хозяина и кулака, потому что этотъ гнетъ имъ не знакомъ, но они испытали на своей шкурѣ произволъ полицейскій и чиновничій и охотно помогли-бы ему съ ними поконъ-

чить». Въ другомъ мѣстѣ программы говорится объ обязанности, уже просто «всѣхъ понимающихъ дѣло и честныхъ людей, поддержать насъ (т. е. революціонеровъ) и положить конецъ этому безобразію» (т. е. тяжелому положенію народа и его «безобразной» жизни).

Съ другой стороны о единственно-вѣрномъ и сильномъ союзникѣ русскаго рабочаго класса, какимъ, по мнѣнію Халтурина и его товарищей, являются западноевропейскіе «братья рабочіе», въ программѣ рабочихъ членовъ Народной Воли совершенно не упоминается. Въ этомъ одинъ изъ ея самыхъ существенныхъ недостатковъ сравнительно съ программой Сѣверно-русскаго союза.

Программа распадается на шесть частей, обозначенныхъ буквами: А, Б, В, Г, Д, Е.

Въ отдѣлѣ А рисуется соціалистическій строй, причемъ не указывается на его неизбѣжность, а приводится лишь утвержденіе, что «историческій опытъ человѣчества, а также и изученіе, и наблюденіе жизни народовъ убѣдительно и ясно доказываютъ, что народы только тогда достигнутъ наибольшаго счастья и силы, что люди тогда только станутъ братьями, будутъ свободны и равны, когда устроютъ свою жизнь согласно съ соціалистическимъ ученіемъ».

Въ отдѣлѣ Б рисуется современный строй.

«Поглядите: въ деревняхъ крестьянская земля постепенно переходитъ въ руки кулаковъ и спекулянтовъ; въ городахъ фабричные и заводскіе рабочіе попадаютъ все въ большую кабалу къ фабриканту; капиталисты становятся силой, съ которой разъединеннымъ рабочимъ бороться трудно; государство и правительство стягиваютъ къ себѣ все богатство и силу страны при содѣйствіи цѣлой арміи чиновниковъ, вполнѣ независимыхъ отъ народа и вполнѣ покорныхъ волѣ правительства; весь народъ отданъ подъ надзоръ жадной и невѣжественной полиціи (урядниковъ и другихъ полицейскихъ чиновъ)».

Въ отдѣлѣ В говорится о врагахъ и друзьяхъ народа и указывается, что перемѣны въ порядкѣ должны быть понятны народу, согласны съ его требованіями и приближать жизнь къ соціалистическому строю.

Отдѣлъ Г содержитъ перечисленіе «перемѣнъ въ

государственномъ строѣ и народной жизни» для «ближайшаго времени».

Этотъ отдѣлъ составленъ очень продуманно, и значительная часть выставленныхъ въ немъ требованій почти безъ измѣненій могла бы быть перенесена въ современную русскую соціалдемократическую программу.

Мы встрѣчаемъ здѣсь «обще-русскій союзъ» самостоятельныхъ во внутреннихъ дѣлахъ областей и общинъ, право народовъ, насильственно присоединенныхъ къ русскому царству отдѣлиться или остаться въ общерусскомъ союзѣ; объявленіе земли, заводовъ и фабрикъ народною собственностью и предоставленіе ихъ въ пользованіе земледѣльческимъ, заводскимъ и фабричнымъ общинамъ; полную свободу слова и совѣсти и т. п.

Въ концѣ этого отдѣла программа предлагаетъ городскимъ рабочимъ что помнить, «отдѣльно отъ крестьянства они всегда будутъ подавлены правительствомъ, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не въ нихъ, а въ крестьянствѣ».

Отдѣлъ Д выясняетъ дѣятельность организаціонную и подготовительную къ революціи и рекомендуетъ рабочимъ кружкамъ «устраивать, гдѣ нужно, стачки противъ фабрикантовъ и готовиться къ борьбѣ съ полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта».

Отдѣлъ Е рисуетъ картину предстоящей революціи. «Для успѣха дѣла» — говоритъ между прочимъ программа — «крайне важно овладѣть крупнѣйшими городами и удержать ихъ за собой. Съ этой цѣлью возставшій народъ немедленно по очищеніи города отъ врага долженъ избрать свое Временное Правительство изъ рабочихъ, извѣстныхъ своею преданностью народному дѣлу».

Въ заключеніе предусматривается возможность конституціи и указывается, что и въ этомъ случаѣ дѣятельность рабочихъ не должна измѣниться.

У программы много крупныхъ недостатковъ, но есть и очень крупныя достоинства, такъ что неудивительно, что К. Марксъ, которому «исполнительнымъ комитетомъ» была прислана эта программа, отнесся къ ней съ величайшимъ вниманіемъ.

Въ библіотекѣ нѣмецкихъ соціалдемократовъ со-

хранился экземпляръ этой программы, испещренный отмѣтками К. Маркса.*) Изъ нихъ видно, что многія заявленія и требованія программы вызвали у автора «Капитала» самое сочувственное отношеніе.

Онъ, напр., подчеркнулъ или отмѣтилъ большинство практическихъ требованій въ отдѣлѣ Г.

Его, видимо, нисколько не поразило и не возмутило, что авторы «рабочей программы» признавали возможнымъ добиваться *въ ближайшее время* экспропріаціи или вѣрнѣе конфискаціи всей земли, фабрикъ и заводовъ и что они ставили это требованіе на ряду съ требованіемъ дарового и доступнаго всѣмъ образованія.

Нѣкоторыя заявленія программы Марксъ зачеркнулъ, видимо, будучи ими недоволенъ, но указанныя выше требованія отдѣла Г онъ сочувственно отмѣтилъ чертами на поляхъ.

Если бы онъ былъ живъ, россійскіе революціонные соціалдемократы, узнавъ о такомъ «извращеніи сущности соціалдемократіи», навѣрное, стали бы его ядовито называть «господинъ Марксъ». Ихъ «товарищъ» можетъ требовать лишь того, что «не нарушаетъ существующаго строя»!

Что касается Маркса, то онъ, какъ извѣстно, гордился такими товарищами, какъ члены «Народной Воли»,[1] которые примирили его съ Россіей и русскими.

Несомнѣнно и въ этой «рабочей программѣ» онъ на ряду съ недостатками увидѣлъ широкую революціонную перспективу, почуялъ горячую вѣру въ рабочій народъ.

И возможно, что, если бы онъ дожилъ до появленія проекта группы «Освобожденія труда» и прочелъ бы его, то нашелъ бы, что этотъ проектъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является шагомъ назадъ сравнительно съ программой рабочихъ членовъ «Народной Воли».

Проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ, выработанный группой «Освобожденія Труда», въ которую входили Аксельродъ, Дейчъ, Игнатовъ, Засуличъ и Плехановъ, опубликованъ былъ сначала въ 1883 году и затѣмъ переизданъ въ переработанномъ видѣ въ

*) См. «Былое» Историко-революціонный сборникъ № 3 1903 г.

1884 году *). Мы будемъ имѣть въ виду проектъ переработанный. Про него Плехановъ говоритъ, что онъ «не былъ, насколько мы знаемъ, *открыто принятъ* ни одной изъ дѣйствующихъ въ Россіи организацій, хотя *всѣ* серьезныя русскія соціалдемократическія организаціи работали въ его духѣ». Это заявленіе подлежитъ спору, но не подлежитъ спору другое заявленіе того-же Плеханова, что «программа группы «*Освобожденіе Труда*» представляетъ собою скорѣе очень сжато написанную статью, чѣмъ программу въ собственномъ смыслѣ слова: она содержитъ въ себѣ не только изложеніе взглядовъ ея авторовъ, но и защиту этихъ взглядовъ, отвѣты на тѣ возраженія, которыя должны были подняться со всѣхъ сторонъ». Это несомнѣнно, но къ этому нужно прибавить, что статья-программа группы «Освобожденіе Труда» содержитъ именно только изложеніе взглядовъ ея авторовъ, а не изложеніе взглядовъ русскаго рабочаго класса; нѣтъ въ ней и характеристики общественнаго развитія, необходимо приводящаго къ соціализму.

Статья-программа прямо начинается съ сообщенія о томъ, къ чему «стремятся соціалдемократы» безъ указанія того процесса, который порождаетъ и соціалдемократовъ, и ихъ стремленія. Стремятся соціалдемократы къ «полному освобожденію труда отъ гнета капитала», а не къ уничтоженію угнетенія и эксплуата-

---

*) Во второмъ выпускѣ «Матеріаловъ для выработки партійной программы» Н. Рязановъ сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «Перепздавая въ своей замѣчательной брошюрѣ „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ“ “Проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ“, тов. Аксельродъ замѣчаетъ, что она издана въ 1885 г. Тов. Плехановъ въ комментаріи къ новому проекту добавляетъ, что проектъ этотъ былъ выработанъ въ 1884 г., а опубликованъ въ 1885 г. Но и тов. Аксельродъ и тов. Плехановъ одинаково ошибаются. Группа «Освобожденія труда» опубликовала *дать* программы. Когда былъ выработанъ первый проектъ можно сказать только гадательно: въ 1883 или въ 1884 г., но *опубликованъ* онъ былъ въ 1884 г. Второй былъ выработанъ не раньше 1887 г., какъ видно хоть бы изъ этого, что въ немъ ни однимъ словомъ не упоминается партія «Народной Воли», которой въ первой программѣ было посвящено нѣсколько строкъ. *Опубликованъ* этотъ проектъ въ 1888 г. въ приложеніи къ брошюрѣ «Чего хотятъ соціалъ-демократы.»

ціи человѣка человѣкомъ во всѣхъ ихъ формахъ, какъ сказалъ бы сознательный, хотя, быть можетъ, и не ученый представитель пролетаріата.

«Такое освобожденіе» — говоритъ программа далѣе — «можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность всѣхъ *средствъ* и *предметовъ* производствъ, перехода, который повлечетъ за собой:

а) устраненіе современнаго товарнаго производства, (т. е. купли и продажи продуктовъ на рынки) и

б) замѣну его новой системой общественнаго производства по заранѣе составленному плану въ виду удовлетворенія потребностей, какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго изъ его членовъ *въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время**). Противъ этихъ положеній нельзя-бы ничего возразить, но оговорка о «предѣлахъ» *по меньшей мѣрѣ* излишня: авторы проекта, какъ бы хотѣли предупредить, что и въ будущемъ соціалистическомъ строѣ будетъ существовать противорѣчіе между потребностями и ихъ удовлетвореніемъ.

«Эта коммунистическая революція вызоветъ самыя коренныя измѣненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

Замѣняя современное *господство продукта**) *надъ производствомъ — господствомъ производителя надъ продуктомъ*, она внесетъ сознательность туда, гдѣ господствуетъ нынѣ слѣпая необходимость; упрощая и осмысливая всѣ общественныя отношенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставитъ каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣдываніи общественными дѣлами предполагаетъ устраненіе современной системы политическаго представительства и замѣну ея *прямымъ народнымъ законодательствомъ*».

Удивительный способъ выражаться для программы, предназначаемой быть программой борющагося пролетаріата! «Господство продукта надъ производителемъ!»

---

*) Подчеркнуто мною. В. П.

Неученый пролетарій скажетъ на это: «Помилуйте, господа почтенные, надо мной господствуетъ совсѣмъ не какой-то тамъ «продуктъ», а хозяинъ, предприниматель, капиталистъ; это надъ капиталистомъ господствуетъ продуктъ, а не надо мною.»*) Такъ скажетъ простой пролетарій, но онъ, вѣдь, не-ученый!

Съ вопросительнымъ видомъ остановится неученый пролетарій и передъ «устраненіемъ современной системы политическаго представительства и замѣной ея *прямымъ народнымъ законодательствомъ*».

Это несомнѣнно одинъ изъ первыхъ козырей программы, недаромъ онъ выдвинутъ на самый передній планъ непосредственно за «господствомъ продукта надъ производителемъ».

Недоразумѣніе пролетарія начнетъ разсѣиваться, если онъ прочтетъ въ № 4 «Зари» слѣдующее признаніе Плеханова:

«На счетъ представительной системы и прямого народнаго законодательства, надо прямо сказать, что въ этомъ отношеніи группа «Освобожденія Труда» находилась подъ вліяніемъ *идей Риттингаузена*, и что прекрасная работа Каутскаго: «Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Socialdemokratie, Stuttgart 1893», заставила ее значительно измѣнить свой взглядъ.»

Недоумѣніе неученаго пролетарія совершенно разсѣется, если онъ заглянетъ въ «прекрасную работу Каутскаго» и прочтетъ тамъ хотя бы слѣдующее:

«Въ дѣйствительности предлагаемый Риттингаузеномъ методъ законодательства при посредствѣ народа ведетъ не къ упрощенію его, а къ безнадежной путаницѣ. Передача законодательной работы изъ *одного* собранія *десяти тысячамъ* собраній, дѣйствующихъ на ряду съ другъ другомъ, но независимо другъ отъ друга, могла бы имѣть лишь *одинъ* результатъ: *хаосъ*» (ст. 61).

И далѣе: «Пока соціалдемократія форму предста-

*) Намъ могутъ указать, что и въ «Капиталѣ» Маркса можно встрѣтить сходныя съ этимъ выраженія, но что можетъ быть допустимо въ обширномъ трудѣ, гдѣ авторъ, по его словамъ «кокетничалъ» своеобразной манерой выражаться, то все же недопустимо въ программѣ.

В. П.

вительныхъ собраній считаетъ неизбѣжной для урегулированія ея собственныхъ дѣлъ, было бы *просто смѣшно**), если бы при урегулированіи государственныхъ дѣлъ, она объявила эту форму излишней и вредной и пожелала бы провозгласить ея отмѣну.

Это *дѣтское, но не невинное удовольствіе мы можемъ предоставить анархистамъ...*» (стр. 80).

И наконецъ: «мы думаемъ достаточно разъяснили, какая *нелѣпость**) (Unzibg) риттингаузенская метода народнаго законодательства!»

Такъ вотъ что за штука *эти идеи Риттингаузена*, которыя такъ долго господствовали надъ членами группы «Освобожденія Труда»— скажетъ неученый пролетарій и, если онъ при этомъ соціалдемократъ, то, навѣрное, начнетъ съ недовѣріемъ посматривать на Плеханова, такъ долго и уже въ зрѣломъ возрастѣ предававшагося анархическому «удовольствію».

За анархическимъ козыремъ программа-статья говоритъ о «*солидарности интересовъ производителей всѣхъ странъ*» и, *о захватѣ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соотвѣтствующихъ странъ*» и переходитъ къ выясненію особенностей задачъ русскихъ соціалдемократовъ.

Здѣсь въ центръ поставлена община. Она во всемъ виновата.

«Патріархальныя общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются, община превращается въ простое средство закрѣпощенія государству крестьянскаго населенія, а во многихъ мѣстностяхъ она служитъ также орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Въ то-же время, пріурочивая къ землѣ интересы огромной части производителей, она препятствуетъ ихъ умственному и политическому развитію, ограничивая ихъ кругозоръ узкими предѣлами деревенскихъ традицій. Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія».

Тутъ, какъ видите, гнѣвъ съ общины начинаетъ переноситься на «производителя» — мужика.

«Главнѣйшая опора абсолютизма заключается

---

*) Курсивъ мой. В. П.

именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ. Отсюда — неустойчивость политическихъ воззрѣній, а временами унынie и полное разочарованіе нашей интелегенціи».

Ну и подлецъ же этотъ мужикъ! Господа, матерьяльнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система, возвышаютъ во имя мужика свой голосъ, а онъ хоть бы ухомъ повелъ и только въ унынie вводитъ образованные слои высшихъ классовъ. Не даромъ онъ классъ низшій и надъ нимъ, какъ надъ производителемъ господствуетъ продуктъ!

«Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежно если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса.» Видите, какъ скоро защитники своихъ матерьяльныхъ и умственныхъ интересовъ превращаются просто въ защитниковъ интересовъ трудящагося класса!

«*Разложеніе общины создаетъ* у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата.» Такъ пишутъ ученые «освободители труда», неученый представитель труда сказалъ бы: «*Развитіе капитализма создаетъ* у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата».

Промышленный пролетаріатъ «легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе.»

О томъ, что рабочій классъ самъ по себѣ,—безъ всякихъ призывовъ,—революціоненъ, объ этомъ ни слова.

Теперь на сцену выступаетъ абсолютизмъ и борьба съ нимъ.

Образованныя соціалдемократами и тѣсно связанныя между собою рабочія организаціи «не замедлятъ перейти въ удобный моментъ къ общему на него нападенію, при чемъ не остановятся и передъ такъ называемыми террористическими дѣйствіями, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы».

О стачкахъ ни слова!

За «общимъ нападеніемъ» и террористическими дѣйствіями выплываетъ цѣль — демократическая конституція.

Перечисляются демократическія (но, конечно, не соціалдемократическія) требованія, «опираясь на которыя рабочая партія выдвигаетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр.

1) Радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленій ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ и т. п.

2) Устраненіе современной податной системы и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога.

3) Законодательное регулированіе отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организаціи соотвѣтствующей *инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ.*

4) Государственная помощь производительнымъ *ассоціаціямъ*, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.)

Въ заключеніе программа говоритъ о сближеніи рабочей партіи съ земледѣльческимъ населеніемъ и по отношенію къ общинѣ неожиданно слагаетъ гнѣвъ на милость.

«Появленіе «соціалдемократическаго» агитатора измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины.»

Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Въ *примѣчаніи* къ программѣ «людямъ, находящимся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ» дозволяется дѣйствовать въ его средѣ и оказывать этимъ услуги соціалдемократическому движенію. «Соціалдемократы не только не оттолкнутъ отъ себя такихъ людей, но приложатъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и пріемахъ своей дѣятельности». Но будутъ ли они признаны тоже соціалдемократами?—этотъ вопросъ остается безъ отвѣта.

Такова статья-программа группы «Освобожденія Труда».

Ея главный недостатокъ, что и промышленный пролетаріатъ, и крестьянство являются въ ней не самостоятельной революціонной массой, а средствомъ для успѣха образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ.

Если про программу рабочихъ членовъ «Народной Воли» можно сказать, что это программа не рабочихъ, а для рабочихъ, то про программу группы «Освобожденія Труда» можно сказать, что это *программа интеллигентныхъ революціонеровъ для интеллигентныхъ революціонеровъ*.

Неизмѣримо выше этой «программы-статьи» стоитъ Манифестъ Россійской Соціалдемократической Рабочей партіи», выпущенный соціалдемократическимъ съѣздомъ 1898 года.

Это не программа, но и не статья, это — манифестъ въ настоящемъ значеніи слова Въ этомъ «манифестѣ» соціалдемократія не отдѣляется отъ рабочаго движенія.

«Она сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ».

Манифестъ выдвигаетъ не идеалъ революціонеровъ изъ «высшихъ классовъ», а «*классовой идеалъ сознательныхъ рабочихъ всего міра*».

Русскій пролетаріатъ является въ «Манифестѣ» революціоннымъ самъ по себѣ, въ силу своего общественнаго положенія; подобно пролетаріату всего міра онъ ростетъ и здѣсь въ борьбѣ съ буржуазіей. Рабочій классъ освобождаетъ самъ себя безъ всякихъ посторонникъ «освободителей труда».

Манифестъ не выискиваетъ въ низшихъ классахъ причинъ унынія и разочарованія классовъ «высшихъ» онъ рѣзко и опредѣленно говоритъ:

«Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, *трусливѣе и подлѣе* становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя и политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата».

Здѣсь Манифестъ почти буквально повторяетъ слова Каутскаго изъ его уже цитированной «превосходной работы» «Parlamentarismus» etc., но онъ, къ сожалѣнію останавливается на полъ-дорогѣ, не слѣдуя за Каутскимъ до конца.

«Дѣйствительно буржуазія въ Европѣ на востокъ отъ Рейна стала такъ слаба и такъ труслива, что кажется бюрократическій и сабельный режимъ могутъ быть сломлены не раньше, чѣмъ пролетаріатъ будетъ въ состояніи завоевать политическую власть, кажется что *паденіе военнаго абсолютизма должно повести непосредственно къ захвату политической власти пролетаріатомъ*».

Отсюда прямой выводъ, что русскій абсолютизмъ свалитъ пролетарская революція, направленная вообще противъ буржуазнаго гнета. Паденіе абсолютизма не по формѣ, конечно, а по существу, совпадаетъ такимъ образомъ съ паденіемъ буржуазнаго владычества. Поэтому «Манифестъ» не вполнѣ послѣдователенъ, когда заявляетъ, что

«Русскій пролетаріатъ сброситъ съ себя ярмо самодержавія, чтобы съ тѣмъ большей энергіей продолжать борьбу съ капитализмомъ и буржуазіей до полной побѣды соціализма».

Слѣдовало бы сказать:

«Русскій пролетаріатъ, *уничтожая гнетъ буржуазіи, тѣмъ самымъ сбрасываетъ съ себя ярмо самодержавія* и расчищаетъ путь для новаго соціальнаго строя».

Но во всякомъ случаѣ пролетарскаго сознанія въ «Манифестѣ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи» гораздо больше, чѣмъ въ программѣ-статьѣ группы «Освобожденія Труда».

Проектъ программы, опубликованный въ іюнѣ 1902 года «Искрой» и «Зарей» примыкаетъ не къ «Манифесту», а къ «программѣ-статьѣ», но на немъ также чувствуется и вліяніе Эрфуртской программы.

Борьба двухъ вліяній самымъ печальнымъ образомъ отражается на проектѣ «Искры» и «Зари».

Онъ много выигралъ бы, если-бы составители вполнѣ отдались вліянію Эрфуртской программы и совершенно не впутывали «статьи» группы «Освобожденія Труда».

Эрфуртская программа по образцу «Коммунистическаго Манифеста» прямо начинаетъ съ характеристики буржуазнаго общества *въ его развитіи* и выводитъ изъ этого развитія классовую борьбу пролетаріата и ея послѣдствія.

Проектъ «Искры» и «Зари» все это перевертываетъ

въ верхъ ногами, начиная съ международности «великаго освободительнаго движенія пролетаріата» и «конечной цѣли» русской соціалдемократіи. Переходя къ буржуазному обществу проектъ отдѣляетъ характеръ его отъ «хода его развитія», что нарушаетъ послѣдовательность изложенія и ведетъ къ многословію. Вообще проектъ не считается съ правиломъ «словамъ тѣсно, мыслямъ просторно»; въ немъ напротивъ, словамъ просторно, мыслямъ тѣсно. Его теоретическая часть чуть ли не вдвое длиннѣе хотя бы теоретической части проекта «Жизни», и въ ней однако упущены такія характерныя и важныя для соціалдемократіи черты современнаго общественнаго развитія, какъ «превращеніе капиталистовъ въ простыхъ собирателей прибыли», какъ возможность при современномъ развитіи промышленности удовлетворять потребностямъ всѣхъ членовъ общества, какъ ростъ необезпеченности представителей умственнаго труда; всѣ эти черты нашли себѣ мѣсто въ краткой теоретической части проекта «Жизни». Нашло тамъ мѣсто и указаніе на просвѣтленіе классоваго *сознанія* пролетаріата, что тоже упущено «Искрой» и «Зарей».

Плохо воспринявъ положительныя стороны Эрфуртской программы, проектъ «Искры» и «Зари» усиливаетъ одну изъ ея ошибокъ. Въ Эрфуртской программѣ соціалдемократія не выведена изъ классоваго рабочаго движенія, а противопоставлена ему.

Проектъ «Искры» и «Зари» идетъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше. Его соціалдемократія, висящая въ воздухѣ, организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію.

Такимъ образомъ, съ одной стороны мы видимъ пролетаріатъ, съ другой соціалдемократію, съ третьей партію пролетаріата. У «Искры» и «Зари» не только сознательный пролетаріатъ не сливается съ соціалдемократіей, но даже политическая партія пролетаріата и соціалдемократія представляютъ два различныхъ существа, иначе соціалдемократія не могла бы «организовать пролетаріатъ въ партію. Это разъединеніе видно также и изъ слѣдующаго заявленія «проекта»:

«*Считая* свою партію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, русская соціалдемократія пре-

слѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціалдемократы всѣхъ другихъ странъ».

Если бы соціалдемократія, по мнѣнію: «проекта». была партіей пролетаріата, онъ сказалъ бы: «являясь однимъ изъ отрядовъ» и т. д.

Теоретическая часть проекта «Искры и «Зари» заканчивается указаніемъ, что ближайшей политической задачей Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія ставитъ низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его республикой на основѣ демократической конституціи.

Далѣе идетъ перечисленіе политическихъ требованій, значительно урѣзанныхъ сравнительно съ Эрфуртской программой.

Требованіе отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства выдѣлено, какъ «основное условіе демократизаціи нашего государственнаго хозяйства». За демократизаціей государственнаго хозяйства идетъ рабочее законодательство и, наконецъ,—мѣры «въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ».

Въ слѣдующихъ главахъ намъ придется касаться и рабочей, и крестьянской программы «Искры» и «Зари»; здѣсь же пока ограничимся мѣткой характеристикой этихъ двухъ отдѣловъ программы, данной въ N⁰ 4-мъ «Зари» (стр. 158 отд. 2-й) однимъ изъ авторовъ его Н. Ленинымъ.

«Въ первомъ изъ нихъ (рабочемъ) всѣ рѣшенія чрезвычайно просты, понятны даже совсѣмъ мало посвященному и мало думавшему человѣку, «естественны», близки, легко осуществимы. Во второмъ, наоборотъ, большинство рѣшеній чрезвычайно сложны, «непонятны» съ перваго взгляда, искусственны, мало вѣроятны, трудно осуществимы».

Проектъ заканчивается обѣщаніемъ «поддерживать всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка» и заявленіемъ твердаго убѣжденія въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій возможно лишь

путемъ сверженія самодержавія и созыва *учредительнаго собранія*, свободно избраннаго всѣмъ народомъ».

Заявленіе «твердаго убѣжденія» совершенно излишне и прямо смѣшно, такъ какъ врядъ-ли даже самый минимальный искристъ можетъ думать, что «полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе» демократической республики, т. е. перваго изъ указанныхъ проектомъ политическихъ преобразованій, возможно при существованіи самодержавія.

Что касается до обѣщанія поддерживать всякое, не только революціонное, но и оппозиціонное движеніе, то составители проекта, вѣроятно думаютъ, что они находятся въ хорошемъ обществѣ К. Маркса, который нѣчто подобное заявилъ въ концѣ «Коммунистическаго Манифеста». Но это было въ 1847 году, и то, что тогда было допустимо, то не допустимо теперь послѣ іюньскихъ дней 1848 года и. послѣ майскихъ дней 1871 года, когда, говоря словами Маркса, «открылась та истина, что малѣйшее улучшеніе положенія пролетаріата въ *предѣлахъ* буржуазной республики остается *утопіей* и что эта утопія становится *преступленіемъ* при первой попыткѣ осуществить ее».

Черезъ два мѣсяца послѣ опубликованія проекта «Искры» и «Зари» появился проектъ соціалдемократической организиціи «Жизни» (въ августѣ 1902 г.).

По *внѣшнему* построенію проектъ «Жизни» имѣетъ много общаго съ проектомъ «Искры» и «Зари».

Программа дѣлится на принципіальную часть и практическую, распадающуюся на общедемократическія требованія, на требованія спеціально рабочія и на требованія крестьянскія (аграрная программа). Но въ проектѣ «Жизни» нѣтъ обѣщанія поддерживать всякое оппозиціонное движеніе, его теоретическая часть твердо стоитъ на ногахъ, соціалдемократія не противопоставляется ни пролетаріату, ни его партіи, демократическія требованія полнѣе и шире, аграрная программа понятна всякому, и ея требованія продиктованы не заботой о развитіи классовой борьбы, о чемъ заботится капитализмъ, а необходимостью поднять деревенскую культуру и повысить производительность крестьянскаго труда.

Наконецъ, въ началѣ 1903 года появился проектъ группы «Борьба».

Построеніе его сходно съ построеніемъ двухъ предыдущихъ проектовъ.

Теоретическая часть написана болѣе сжато и сильно, чѣмъ теоретическая часть проекта «Искры» и «Зари», но и въ проектѣ «Борьбы» соціалдемократія является чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ пролетаріата и его партіи.

«Такимъ образомъ, — говоритъ проектъ «Борьбы», — основной задачей соціалдемократіи является развитіе классоваго самосознанія пролетаріата и организація его въ особую самостоятельную политическую партію».

Въ аграрной программѣ «Борьбы» выдѣляется требованіе «экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ и переходъ ихъ земли въ собственность государства».

Предлагаемый мною проектъ программы «Русской соціалдемократической рабочей партіи» является развитіемъ проекта «Жизни», въ выработкѣ котораго я принималъ дѣятельное участіе.

На съѣздѣ организаціи «Жизни, работавшемъ надъ составленіемъ проекта программы, я предлагалъ внести въ практическую часть требованія, направленныя къ уничтоженію частной собственности на землю и средства производства, но послѣ возраженій со стороны нѣкоторыхъ товарищей взялъ это предложеніе обратно, рѣшивъ еще разъ хорошенько подумать и поработать надъ этимъ важнымъ вопросомъ.

Послѣ съѣзда чѣмъ больше я думалъ и работалъ, чѣмъ больше бесѣдовалъ съ товарищами, пріѣзжавшими изъ Россіи, тѣмъ сильнѣе крѣпло во мнѣ убѣжденіе, что пролетаріатъ въ Россіи, какъ и на Западѣ въ своей программѣ можетъ имѣть въ виду лишь *пролетарскую,* а не *буржуазную* революцію и что поэтому ему въ практической части программы необходимо выставить требованія, являющіяся вторженіемъ въ право частной собственности, и я счелъ себя не только въ правѣ, но и *обязанным*ъ выступить съ предлагаемымъ проектомъ.

Изъ моихъ критическихъ замѣчаній на существующія соціалистическія программы самъ собой вытекаетъ планъ построенія предлагаемаго мною проекта. За теоретической частью, дающей объективную характеристику развитія современнаго общества, развитія,

которое создаетъ пролетаріатъ съ его классовой борьбой и съ сознательной выразительницей этой борьбы — соціалдемократіей, слѣдуетъ указаніе на *пролетарскія средства* революціоннаго переворота во имя проявленія истинной народной воли.

Вмѣстѣ съ свободнымъ проявленіемъ народной воли наступаетъ возможность практическаго осуществленія не только политическихъ, но и экономическихъ или соціальныхъ требованій соціалдемократіи.

Перечисленію этихъ требованій посвященъ второй отдѣлъ практической части программы.

Третій отдѣлъ включаетъ въ себѣ сводъ тѣхъ требованій, которыя рабочій классъ во всемъ мірѣ выставляетъ въ своей повседневной экономической борьбѣ и осуществленіе которыхъ онъ въ Россіи добивается въ *до-революціонный* періодъ, т. е., какъ при формальномъ самодержавіи, такъ и въ томъ случаѣ, если по соглашенію между господствующими классами, оно смѣнится лже-конституціонализмомъ.

Таково построеніе предлагаемаго мною проекта.

Слѣдующая глава будетъ посвящена поясненію его теоретической части.

Глава III

Теоретическая часть программы

I

Современное общество, основанное на частной собственности и товарномъ производствѣ, постепенно раздѣляется на два класса съ противоположными интересами: на пролетаріатъ или неимущихъ и трудящихся, лишенныхъ средствъ производства и обращенія, и вслѣдствіе этого принужденныхъ продавать свою рабочую силу, и буржуазію или имущихъ, никакихъ цѣнностей не производящихъ, но сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ средства производства и обращенія.

Этимъ первымъ положеніемъ программа прямо вводитъ въ самую сущность современнаго общественнаго развитія. Здѣсь выдвинуты всѣ наиболѣе характерныя черты современнаго общественнаго строя, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи должны привести къ отрицанію этого строя, должны превратиться въ свою противоположность.

Развернемъ формулу и проанализируемъ ея отдѣльныя части.

Современное общество основано на частной собственности и товарномъ производствѣ.

Говоря «современное общество», мы слѣдуемъ примѣру «Коммунистическаго Манифеста» и подобно ему уже самимъ этимъ выраженіемъ отмѣчаемъ международный, интернаціональный характеръ современныхъ общественныхъ формъ, а слѣдовательно и международность классовой борьбы и соціалдемократіи.

«Современное общество», — говоритъ Марксъ въ своихъ замѣчаніяхъ на Готскую программу, — есть капиталистическое общество, существующее во всѣхъ культурныхъ странахъ, болѣе или менѣе свободное отъ средневѣковой примѣси, болѣе или менѣе видо-

измѣненное особенностями историческаго развитія каждой страны, болѣе или менѣе развитое. Напротивъ, «современное государство» измѣняется въ зависимости отъ границъ страны.»

Такимъ образомъ, по воззрѣнію Маркса, современное общество признается во всякомъ случаѣ, какъ единый организмъ, законы развитія котораго по существу не зависятъ отъ политическихъ границъ.

Характеризуется современное общество прежде всего частной собственностью и вытекающимъ изъ нея товарнымъ производствомъ.

Частная собственность лежитъ въ основѣ всѣхъ юридическихъ и моральныхъ надстроекъ современнаго общества. Она находится въ процессѣ развитія и изъ собственности первоначальной переходитъ въ собственность буржуазную. Первоначальная частная собственность основана на собственномъ трудѣ, но въ процессѣ общественнаго развитія она превращается въ свое отрицаніе, въ частную собственность, основанную на чужомъ трудѣ, что должно повести въ дальнѣйшемъ развитіи вообще къ уничтоженію частной собственности.

Теорія коммунистовъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» сводится къ одному выраженію — «къ уничтоженію частной собственности». Процессъ перехода превращенія первоначальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ въ частную собственность, основанную на чужомъ трудѣ, тѣсно связанъ съ другимъ характернымъ признакомъ современнаго общества *товарнымъ производствомъ*. И оно находится въ процессѣ развитія.

Постепенно продукты начинаютъ производиться не для собственнаго потребленія, а для продажи, для обмѣна на деньги, которыя, въ свою очередь, могутъ быть обмѣнены на какой угодно другой товаръ. Продуктъ на ряду съ *потребительной* цѣнностью пріобрѣтаетъ цѣнность *мѣновую*, которая является отношеніемъ количества труда необходимаго для производства даннаго продукта къ количеству труда необходимаго для производства продукта, служащаго денежной единицей; точнѣе — отношеніемъ рабочей энергіи, выражающейся въ рабочемъ времени, необходимымъ для созданія даннаго продукта, къ рабочей энергіи, выра-

жающейся въ рабочемъ времени, необходимымъ для производства продукта, служащаго денежной единицей.

Само собою разумѣется, что товарное производство предполагаетъ частную собственность на товары.

«Товары не могутъ сами пойти на рынокъ и тамъ сами обмѣниваться»,—говоритъ Марксъ во второй главѣ I тома «Капитала», — мы должны поэтому обратиться къ ихъ хранителямъ, т. е. товаровладѣльцамъ. Товары суть вещи, и поэтому не въ силахъ сопротивляться человѣку. Если они не подчиняются по доброй волѣ, то онъ можетъ употребить силу, другими словами — взять ихъ. Чтобы поставить данныя вещи во взаимныя отношенія въ качествѣ товаровъ, хранители ихъ сами должны относиться другъ къ другу, какъ лица, воля которыхъ царитъ въ этихъ вещахъ. Такимъ образомъ, каждый товаровладѣлецъ волею другого, т. е. при посредствѣ общаго обоимъ товаровладѣльцамъ волевого акта присваиваетъ себѣ чужой товаръ, отчуждая собственный. *Оба должны, слѣдовательно, признавать другъ друга частными собственниками.*»

Такимъ образомъ товарное производство и частная собственность тѣсно связаны между собою, и они обусловливаютъ постепенное раздѣленіе всего общества на два класса: пролетаріатъ и буржуазію, что программа выражаетъ опять таки въ первомъ же предложеніи своего перваго положенія.

«Современное общество постепенно раздѣляется на два класса съ противоположными интересами.»

Мы не говоримъ, современное общество уже *раздѣлено* на два класса съ противоположными интересами. Это было-бы невѣрно. Эту ошибку допустилъ проектъ нѣмецкаго «партійнаго правленія» 1891 года, но на нее указалъ и ее исправилъ Каутскій. Проектъ говорилъ, что отдѣленіе рабочихъ отъ средствъ работы и т. д. привело къ раздѣленію общества на два класса: работающихъ и владѣющихъ. «Это положеніе, — справедливо писалъ Каутскій*) — можно понимать такъ (и это ближайшее пониманіе), какъ будто онъ хочетъ сказать, что вообще въ современномъ обществѣ существуютъ только два класса: работающіе и владѣющіе, но въ четвертомъ положеніи самъ проектъ гово-

*) Neue Zeit, IX Jahrgang 1890-91, № 54, стр. 782.

ритъ о городскомъ и сельскомъ среднемъ сословіи, о мелкихъ бюргерахъ и мелкихъ крестьянахъ. Эти классы относятся столь же къ имущимъ, сколько къ трудящимся; то, что первое положеніе утверждаетъ, какъ *совершившійся фактъ* существуетъ лишь въ *тенденціи*. *Тенденція* капиталистическаго способа производства состоитъ въ томъ, чтобы экспропріировать средніе классы и раздѣлить общество на два класса: рабочихъ, которые ничѣмъ не владѣютъ, и владѣющихъ, которые ничего не работаютъ. Но мы еще совсѣмъ не такъ далеко, чтобы существовали только эти два класса, до этого мы, можетъ быть, никогда не дойдемъ, такъ какъ слѣдуетъ ожидать, что капиталистическій способъ производства раньше погибнетъ отъ своихъ собственныхъ противорѣчій, чѣмъ сдѣлаетъ свои послѣдніе выводы.»

Съ этимъ нельзя было не согласиться, и ошибка была исправлена. Но это не помѣшало составителямъ проекта «Искры» и «Зари» формулировать третье свое положеніе, такъ, что раздѣленіе на два класса можно понять, какъ совершившійся фактъ, а не какъ тенденцію.

«Главная особенность такого общества (буржуазнаго), — говоритъ проектъ «Искры« и «Зари», — составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ, какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшимъ классамъ общества.»

Раздѣленіе общества здѣсь формулировано во всякомъ случаѣ, какъ фактъ, какъ состояніе, а не какъ тенденція, развитіе. Впрочемъ, составители какъ будто старались отсутствіе указанія на «тенденцію» замѣнить величайшею неопредѣленностью при формулировкѣ «факта». У нихъ имѣется одинъ только классъ: классъ, владѣющій самой важной и «значительной частью средствъ производства и обращенія товаровъ». Этому классу

не противопоставляется никакого другого опредѣленнаго класса, а что-то совершенно неопредѣленное, именно «огромное большинство населенія», смѣсь изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ. Между тѣмъ въ соціалдемократической программѣ, наряду съ указаніемъ на то, что современный способъ производства еще не окончательно отразился на всей классовой структурѣ общества, необходимо *на первый планъ* выдвинуть ясно, опредѣленно, въ простой и выпуклой формѣ, что классу буржуазіи уже и теперь противостоитъ классъ пролетаріевъ. Сдѣлать это не трудно, стоитъ только заглянуть въ «Коммунистическій Манифестъ», гдѣ на первой страницѣ просто и ясно сказано: «Все общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два большихъ враждебныхъ лагеря, на два большихъ другъ другу противостоящихъ класса: буржуазію и пролетаріатъ».

Здѣсь слѣдуетъ лишь выкинуть, или измѣнить слишкомъ картинное для программы и вполнѣ подходящее для манифеста выраженіе — «два большихъ враждебныхъ лагеря». Это и сдѣлано какъ въ проектѣ «Жизни», такъ и въ нашемъ.

Непосредственно за указаніемъ на постепенное раздѣленіе общества на два класса, первое положеніе нашей программы характеризуетъ въ нѣсколькихъ словахъ каждый изъ этихъ классовъ. Пролетаріатъ опредѣляется, какъ неимущіе и трудящіеся, лишенные средствъ производства и принужденные вслѣдствіе этого продавать свою рабочую силу.

Пролетаріи древняго міра были тоже неимущими и лишенными средствъ производства, но они не были трудящимися, такъ какъ тогда не существовало капиталистическаго товарнаго производства, которое сумѣло и рабочую силу превратить въ товаръ.

Современный пролетарій какъ бы соединяетъ въ себѣ древняго пролетарія и древняго раба, но онъ все же спеціальный продуктъ развитія современнаго общества, его появленіе обусловливается уничтоженіемъ формальнаго рабства и крѣпостного права, уничтоженія, идущаго рука объ руку съ такъ называемымъ первоначальнымъ накопленіемъ, которое основывается на самомъ грубомъ насиліи, которое состоитъ главнымъ образомъ въ экспропріаціи непосредственныхъ произ-

водителей, экспропріаціи, совершаемой «съ самымъ безпощаднымъ вандализмомъ, подъ дѣйствіемъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ грязныхъ, самыхъ мелочно-злобныхъ страстей». *) Въ результатѣ передъ собственникомъ, захватившимъ землю и другія средства производства, стоитъ «свободный» пролетарій, у котораго нѣтъ средствъ производства, но который тѣмъ не менѣе обладаетъ очень драгоцѣннымъ для капиталиста товаромъ — своей рабочей силой. У этого товара имѣется своя специфическая потребительная цѣнность, онъ обладаетъ «способностью быть источникомъ цѣнности и притомъ бо̀льшаго количества цѣнности, чѣмъ та цѣнность, которую онъ самъ имѣетъ». Какъ всякій товаръ, и рабочая сила опредѣляется количествомъ общественно необходимаго для его производства времени, въ данномъ случаѣ издержками на поддержаніе и воспроизведеніе рабочей силы, которую пролетарій тратитъ, работая у капиталиста въ теченіе опредѣленнаго времени. Онъ продаетъ мѣновую цѣнность своего товара, т. е. рабочей силы и тѣмъ, согласно съ законами товарнаго обмѣна, отчуждаетъ потребительную цѣнность своего товара, т. е. рабочей силы. Въ мѣновой цѣнности заключенъ прошлый трудъ, создавшій ее, т. е. въ данномъ случаѣ издержки существованія рабочаго. Потребительная-же цѣнность, пріобрѣтенная капиталистомъ, или живой трудъ,—величина иная и притомъ *бо̀льшая*. Живой трудъ покрываетъ не только издержки существованія рабочаго, т. е. мѣновую цѣнность его рабочей силы, но создаетъ еще излишекъ, сверхъ-цѣнность, *прибавочную цѣнность*, остающуюся въ рукахъ капиталиста, купившаго товаръ. Пролетарій работаетъ для капиталиста, скажемъ, 12 часовъ: въ теченіе 6 часовъ онъ, скажемъ, вырабатываетъ свою мѣновую цѣнность, свою мѣновую цѣну, за которую куплена рабочая сила капиталистомъ, остальные 6 часовъ вырабатывается прибавочная цѣнность, попадающая, какъ прибыль въ карманъ капиталиста. «Потребительная цѣнность рабочей силы, самый трудъ, также мало принадлежитъ продавцу ея, какъ потребительная цѣнность проданнаго масла, торговцу масла.. Владѣлецъ денегъ уплатилъ дневную

*) «Капиталъ», томъ I, глава 24.

цѣнность рабочей силы; ему принадлежитъ поэтому потребленіе ея въ продолженіе одного дня, т. е. дневной трудъ. То обстоятельство, что дневное содержаніе рабочей силы стоитъ только полъ рабочаго дня, хотя рабочая сила можетъ дѣйствовать, т. е. работать цѣлый день, что поэтому цѣнность, которую создаетъ ея потребленіе въ продолженіе одного дня вдвое больше ея собственной цѣнности, составляетъ особую удачу покупателя, но ни въ коемъ случаѣ не составляетъ несправедливости по отношенію къ продавцу», — иронически замѣчаетъ Марксъ.

Вотъ она хитрая механика производства прибавочной цѣнности, которая является основой превращенія денегъ въ капиталъ!

За первоначальнымъ накопленіемъ слѣдуетъ вторичное накопленіе. Открытое и грубое насиліе смѣняется дѣйствіемъ «экономическихъ законовъ», отчего эксплоатируемому производителю нисколько не легче.

Мѣновую цѣнность своей рабочей силы пролетарій получаетъ въ видѣ заработной платы.

Одной изъ самыхъ главныхъ научныхъ заслугъ Маркса является раскрытіе этой хитрой капиталистической механики. Онъ показалъ, что заработная плата не то, чѣмъ она *кажется*, что она не *цѣнность или цѣна труда,* но только замаскированная форма *для цѣнности или цѣны рабочей силы.* «Этимъ, — говоритъ Марксъ въ своей критикѣ готской программы, — все прежнее буржуазное представленіе, представленіе о заработной платѣ, точно также, какъ вся предыдущая, направленная противъ него критика, разъ навсегда были разбиты и было ясно установлено, что наемному рабочему позволено работать для своей собственной жизни, т. е. для того, чтобы жить, лишь по стольку, поскольку онъ извѣстное время даромъ работаетъ для капиталиста (конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и для тѣхъ, которые вмѣстѣ съ капиталистомъ пожираютъ прибавочную цѣнность); что вся капиталистическая система производства вертится на томъ, чтобы продолжить этотъ даровой трудъ, растянувъ рабочій день, или развивъ производительность большимъ напряженіемъ рабочей силы и т. д.»

Чтобы понимать хитрую механику буржуазнаго строя, необходимо ясно представлять себѣ разницу

между цѣнностью *труда*, которая достается капиталисту, и цѣнностью *рабочей силы*, которую получаетъ рабочій и которая соотвѣтствуетъ цѣнѣ продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія его существованія.

Во всѣхъ этихъ понятіяхъ видимо не совсѣмъ разобрался даже Плехановъ. Въ статьѣ «Критика нашихъ критиковъ», помѣщенной во второмъ, и одновременно третьемъ N⁰ «Зари», на стр. 139 Плехановъ говоритъ: «Но, установивъ чрезвычайно важное различіе между *платой*, получаемой работникомъ и *цѣною силы*, онъ (Марксъ) уже не утверждаетъ, что повышеніе степени эксплуатаціи рабочаго непремѣнно ведетъ къ паденію заработка. Нѣтъ, по прямому и ясному смыслу его законченной доктрины пониженіе цѣны рабочей силы и относительное ухудшеніе положенія рабочаго можетъ сопровождаться повышеніемъ его платы.»

Между тѣмъ Марксъ, оставаясь вѣрнымъ своей теоріи цѣнности, ни въ коемъ случаѣ не могъ говорить о пониженіи цѣны *рабочей силы* въ связи съ повышеніемъ *заработной платы*, онъ могъ говорить и дѣйствительно говорилъ, что поденная, понедѣльная плата и т. д. можетъ оставаться, или даже повышаться, хотя *цѣна труда* будетъ понижаться. Это можетъ получиться въ томъ случаѣ, если при сохраненіи старой заработной платы, число рабочихъ часовъ въ день будетъ увеличено: тогда за каждый часъ работы капиталистъ заплатитъ меньше, но отъ этого не понизится, какъ думаетъ Плехановъ, цѣна и соотвѣтственно цѣнность *рабочей силы*, потому что она, по ученію Маркса, зависитъ не отъ труда, который выполняетъ данный рабочій, а отъ цѣнности продуктовъ, необходимыхъ для его существованія, слѣдовательно, отъ труда рабочихъ, изготовляющихъ эти средства существованія. Повторяемъ, *цѣнность рабочей силы и заработная плата совершенно не зависятъ отъ производимаго данными рабочими труда, а лишь отъ средствъ его существованія.* Благодаря этому фокусу, весь трудъ кажется оплаченнымъ трудомъ. «При барщинномъ трудѣ трудъ крестьянина на самого себя и его принудительный трудъ на помѣщика раздѣляются между собою совершенно осязательно во времени и пространствѣ. При рабскомъ трудѣ даже та часть рабочаго

дня, въ теченіе которой рабъ возмѣщаетъ только цѣнность своихъ собственныхъ средствъ существованія и когда онъ, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ работаетъ на самого себя, кажется трудомъ на его господина. Весь его трудъ представляется въ видѣ неоплаченнаго труда. При наемномъ трудѣ, наоборотъ, даже прибавочный или неоплаченный трудъ представляется въ видѣ оплаченнаго. Въ одномъ случаѣ отношеніе собственности скрадываетъ трудъ раба на себя самого, въ другомъ денежное отношеніе скрадываетъ даровой трудъ наемнаго рабочаго.

Нетрудно поэтому понять громадную важность превращенія цѣнности и цѣны рабочей силы въ форму заработной платы или въ цѣнность и цѣну самого труда. На этой формѣ проявленія, которая дѣлаетъ *дѣйствительное отношеніе невидимымъ* и показываетъ *прямо противоположное*, покоятся всѣ правовыя представленія рабочаго и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, *всѣ его иллюзіи относительно свободы*, всѣ апологетическія увертки вульгарной экономіи».*)

Вотъ что заключается въ понятіи «продажи рабочей силы».

Буржуазная политическая экономія называетъ капиталиста «работодателемъ». Изъ всѣхъ ея нелѣпыхъ выраженій это, быть можетъ, самое нелѣпое. Даетъ работу или трудъ не капиталистъ, а пролетарій и даетъ ее даромъ, получая лишь средства для новаго воспроизведенія рабочей силы. Получаемая капиталистомъ «прибавочная цѣнность» составляетъ его доходъ и отчасти идетъ на удовлетвореніе его потребностей нормальныхъ и ненормальныхъ, отчасти на воспроизведеніе капитала, превращаясь въ *средства производства* и рабочую силу.

Пролетарій принужденъ сначала продавать свою рабочую силу, такъ какъ «первоначальное накопленіе» лишило его земли и другихъ средствъ производства, а безъ этихъ средствъ онъ не можетъ превратить свою рабочую силу въ трудъ. Трудъ его въ процессѣ воспроизведенія капитала создаетъ машины и массу другихъ средствъ производства, но трудъ его

*) «Капиталъ» томъ I. Пер. подъ ред. Струве, стр. 447, 448.

купленъ капиталистомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи права частной собственности куплены и новыя средства производства.

Владѣніе средствами производства, созданными чужимъ трудомъ и «оживляемыми» въ процессѣ производства чужой, купленной рабочей силой — таковъ главный признакъ современнаго капиталиста.

Первое положеніе нашей программы называетъ классъ капиталистовъ—*буржуазіей*. Мы здѣсь опять-таки слѣдуемъ примѣру «Коммунистическаго Манифеста». Но для выясненія этого понятія, для выясненія классового характера буржуазіи характеристики «Коммунистическаго Манифеста», несмотря на всю ея яркость, *въ настоящее время* недостаточно.

Прежде всего необходимо сговориться относительно понятія общественнаго класса вообще. Не смотря на то, что слово «классъ» въ соціалистической литературѣ встрѣчается на каждомъ шагу, твердо установленнаго и общепринятаго пониманія его до сихъ поръ въ сущности нѣтъ. То же можно сказать о «партіи», «соціальной революціи», даже самомъ «соціализмѣ». Много недоразумѣній, много товарищескихъ и нетоварищескихъ нападокъ исчезло бы, если бы русскіе соціалдемократы и вообще соціалисты выяснили себѣ эти понятія до конца. Время выработки партійной программы, казалось бы особенно благопріятно для выясненія этихъ понятій, но, къ сожалѣнію, у господствующихъ нынѣ минимальныхъ и искрящихся соціалдемократовъ слишкомъ много самоувѣренности, чтобы они могли заняться этой какъ бы соціальной азбукой. Не даромъ ихъ *Минерва*, какъ выразился одинъ изъ минимальныхъ соціалдемократовъ, особенно разносившій нашъ проектъ, *выходитъ* не изъ головы Юпитера, а изъ *«пѣны морской»*.

Карлъ Марксъ не оставилъ точнаго опредѣленія «класса». Въ третьемъ томѣ «Капитала» онъ началъ было изслѣдованіе понятія «класса», но не закончилъ его, прервавъ на самомъ интересномъ и рѣшающемъ мѣстѣ. Каутскій въ своей недавно опубликованной работѣ «О классовыхъ интересахъ» *) пытается закончить это изслѣдованіе Маркса. Онъ приходитъ къ

*) См. «Библіотека Русскаго Пролетарія» № 35.

заключенію, что отдѣльные классы образуются «не только общностью источниковъ дохода, но также и вытекающей изъ нея общностью интересовъ и общностью противоположности къ другимъ классамъ, изъ-которыхъ каждый стремится присвоить источники доходовъ другихъ, чтобы сдѣлать доходнѣе свой собственный.»

Вмѣстѣ съ Марксомъ онъ видитъ въ современномъ обществѣ три крупныхъ класса: наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ ссбственниковъ. У нихъ три разныхъ источника дохода: заработная плата, прибыль и поземельная рента, которые при данной величинѣ національнаго дохода могутъ увеличиваться лишь одинъ насчетъ другого. Идеалъ перваго класса, наемныхъ рабочихъ, лежитъ въ будущемъ, идеалъ второго класса, капиталистовъ, лежитъ въ настоящемъ, идеалъ третьяго класса, поземельныхъ собственниковъ, въ прошломъ.

Но Каутскій не можетъ не видѣть также, что классъ капиталистовъ включаетъ въ себѣ представителей промышленнаго, торговаго и денежнаго капитала, причемъ источникъ дохода денежныхъ капиталистовъ, именно, процентъ повышается на счетъ прибыли и такимъ образомъ ставитъ ихъ въ противоположность ко всѣмъ остальнымъ капиталистамъ. Если-бы Каутскій въ данномъ случаѣ былъ вполнѣ послѣдователенъ, онъ долженъ былъ-бы отказаться отъ указаннаго Марксомъ дѣленія общества на три класса и раздѣлить его на четыре. Но онъ этого не дѣлаетъ и такимъ образомъ самъ нарушаетъ свое собственное опредѣленіе. Но если даже принять четыре класса: наемныхъ рабочихъ, промышленныхъ капиталистовъ, денежныхъ капиталистовъ и поземельныхъ собственниковъ, то все-же останутся обширные слои населенія, не подходящіе ни подъ одинъ изъ этихъ классовъ. Нѣкоторые соціалдемократы, подобно «Группѣ освобожденія труда» и порожденной ею «Искрѣ», говорятъ еще о «высшихъ и низшихъ» классахъ, причемъ къ «низшимъ» причисляютъ, конечно, пролетаріатъ. Можно встрѣтить также указаніе на «образованные классы» къ которымъ пролетаріатъ, конечно, не причисляется.

Намъ кажется, что всей этой путанницы можно избѣжать, если принять ни три, ни четыре класса, не говоря уже объ искровскомъ неопредѣленномъ числѣ

классовъ, а всего лишь два: одинъ, интересамъ котораго противорѣчитъ существующій строй съ современными производственными отношеніями, другой, интересы которыхъ совпадаютъ съ сохраненіемъ существующаго строя и его производственными отношеніями. Въ докапиталистическую эпоху такими двумя классами были буржуазія и крупно-поземельные собственники. Въ настоящее время такими двумя классами являются —пролетаріатъ и буржуазія. Различіе между интересами пролетаріата и интересами буржуазіи несоизмѣримо съ различіемъ между современными поземельными собственниками и промышленными и денежными капиталистами. Разница между пролетаріатомъ съ одной стороны и всѣми категоріями капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ съ другой, такъ сказать—*качественная*. Различіе-же между крупными поземельными собственниками и различными категоріями капиталистовъ лишь *количественное*. Всѣ эти категоріи живутъ эксплуатаціей другихъ и сами не создаютъ никакихъ цѣнностей. Пролетаріатъ же никого не эксплуатируетъ, но самъ эксплуатируется.

Всѣ эти категоріи капиталистовъ и поземельныхъ собственниковъ господствуютъ и дѣлятъ между собою государственную власть, пролетаріатъ же угнетается и борется за уничтоженіе этого господства.

Дѣленіе на классы имѣетъ для насъ смыслъ лишь въ соединеніи съ понятіемъ борьбы и, мы, видимъ, что чѣмъ сильнѣе становится пролетаріатъ, тѣмъ сплоченнѣе становятся его господствующіе противники.

Классы—это борцы, выдѣляющіеся изъ всей остальной массы населенія: изъ нихъ одинъ отстаиваетъ настоящее, другой — расчищаетъ путь для будущаго. И такихъ борцовъ въ настоящее время только два. Классовая физіономія пролетаріата гораздо опредѣленнѣе и выдержаннѣе, чѣмъ классовая физіономія его противника, у котораго феодальныя черты перемѣшались въ настоящее время съ чертами буржуазными. Буржуа многое воспринялъ отъ феодальныхъ поземельныхъ собственниковъ, но феодалъ еще больше приспособился къ буржуазной хитрой механикѣ. Не мало лицъ во всѣхъ странахъ, которыя соединяютъ въ себѣ поземельнаго собственника, денежнаго, промышленнаго и даже торговаго капиталиста. Но тонъ задаетъ элементъ буржуазный,

ибо способъ эксплуатаціи и въ городѣ, и въ деревнѣ— буржуазный, способъ покупки рабочей силы, создающей прибавочную цѣнность. Поэтому классъ, стоящій за существующій общественный строй, мы въ правѣ назвать однимъ словомъ — буржуазіей, что въ настоящее время равнозначуще классу капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Оба эти названія встрѣчаются въ нашей программѣ.

Объединяя различныя категоріи капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ подъ названіемъ буржуазіи, какъ врага пролетаріата, мы не думаемъ, конечно, чтобы они представляли такое же опредѣленное цѣлое, какъ рабочій классъ. Они нерѣдко дерутся между собою изъ за своихъ рентъ, прибылей, процентовъ, и эта драка часто приноситъ нѣкоторую пользу пролетаріату. Марксъ по поводу борьбы англійскихъ промышленныхъ капиталистовъ съ англійской поземельной аристократіей очень кстати приводитъ старую англійскую пословицу, что «когда два вора вцѣпятся другъ другу въ волоса, то изъ этого всегда выйдетъ что-нибудь полезное».

Характерно, что здѣсь онъ не считаетъ крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленную буржуазію двумя отдѣльными классами, а лишь двумя фракціями одного и того же класса.

«И въ самомъ дѣлѣ», — говоритъ онъ, — «громкій, страстный споръ между *двумя фракціями господствующаго класса* о томъ, которая изъ нихъ болѣе безсовѣстно эксплуатируетъ рабочаго, и справа и слѣва помогъ правдѣ выйти наружу*).

Раздоры, выгодные пролетаріату, иногда происходятъ въ одной и той-же «фракціи» промышленнаго капитала. Русское фабричное законодательство развивалось и развивается не только подъ вліяніемъ рабочаго движенія, но и подъ вліяніемъ борьбы интересовъ фабрикантовъ различныхъ районовъ.

Законъ 1-го іюля 1882 года запретившій работу дѣтей до 12-ти лѣтъ отъ роду и ограничившій работу малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 12—15 лѣтъ 8-ю часами въ сутки, былъ отчасти, какъ доказываетъ Туганъ-

*) «Капиталъ», I т., стр. 570 (Перев. подъ ред. Струве).

Барановскій, «побѣдой петербургскихъ фабрикантовъ надъ московскими».

Законъ 2-го іюля 1897 года, ограничившій рабочій день взрослыхъ рабочихъ $11^1/_2$ часами, прошелъ *отчасти* подъ вліяніемъ борьбы лодзинскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ съ московскими*).

Законные воры дерутся между собою, но въ минуту серьезной опасности они представляютъ одну шайку, защищающую, при помощи современнаго государства, современный воровской строй.

Итакъ, по нашему мнѣнію, существуетъ лишь два класса: пролетаріатъ и буржуазія. Остальное населеніе не имѣетъ классовой структуры; интересы его огромнаго большинства совпадаютъ съ интересами пролетаріата, но пониманіе этого совпаденія только еще начинаетъ пробуждаться. Во всякомъ случаѣ съ каждымъ днемъ силы «реакціонной массы« убываютъ, силы же пролетаріата могуче ростутъ.

II

Усовершенствованіе техники, дѣлая трудъ болѣе производительнымъ, обусловливаетъ ростъ общественнаго богатства, но оно присваивается классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ первой половинѣ этого положенія мы указываемъ на положительную сторону капиталистическаго производства, на то, что обыкновенно, считаютъ «прогрессомъ». Несомнѣнно, капиталистическое производство стоитъ въ связи съ усовершенствованіемъ техники, усиленіемъ производительности труда и ростомъ общественнаго богатства.

Впервые буржуазія «показала, что въ состояніи создать человѣческая дѣятельность. Она сотворила чудеса совсѣмъ иныя, чѣмъ египетскія пирамиды, римскіе водопроводы и готическіе соборы»**). Само

---

*) См. *Туганъ Барановскій.* «Русская фабрика», 2-ое изд., стр. 428.

**) «Манифестъ Коммунистической Партіи»— Библіотека Русскаго Пролетарія, № 20, стр. 18.

собою разумѣется, что буржуазія руководствовалась при этомъ не идеальными соображеніями, а просто погоней за прибылью.

Капиталисты, конечно, прекрасно знали и знаютъ, что съ ростомъ производительности возрастаетъ масса продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и масса «прибавочнаго продукта», въ которомъ заключается прибавочная цѣнность; они знали и знаютъ также, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ производительности труда идетъ «удешевленіе рабочаго», а это опять таки благопріятно отражается на прибавочной цѣнности. Изъ прибавочной цѣнности образуется и «фондъ накопленія», и «фондъ потребленія». Оба повышаются съ возрастаніемъ производительности труда; капиталистъ можетъ и болѣе накоплять, и болѣе наслаждаться. Такимъ образомъ погоня за прибылью ведетъ къ погонѣ за производительностью труда, а для этого необходимо прежде всего усовершенствованіе техники: примѣненіе къ производству всѣхъ открытій естествознанія, введеніе и усовершенствованіе машинъ и т. д.

Буржуазія «создаетъ» крупную промышленность со всѣми ея «чудесами», но «создаетъ», разумѣется, по-своему, по-буржуазному — чужими нервами и мускулами, чужимъ потомъ и кровью. Она поощряетъ техническій процессъ; но опять таки поощряетъ по своему, по буржуазному, выдавая награды исключительно самой себѣ и обрекая истинныхъ творцовъ его на всевозможныя лишенія.

Кто изобрѣлъ паровую машину? Ремесленникъ, часовщихъ Уаттъ. Кто изобрѣлъ прядильную машину? Цирульникъ Аркрайтъ. Кто изобрѣлъ пароходъ? Ювелирный рабочій, Фультонъ. Кто сдѣлалъ возможной передачу силы посредствомъ электричества на большія разстоянія? Рабочій — электротехникъ Граммъ. Ни одного изъ нихъ нельзя, конечно, назвать капиталистомъ. Не капиталистами были и ученые, открывшіе механическій эквивалентъ теплоты, которые, по словамъ Кропоткина, сдѣлали этимъ больше для развитія крупной промышленности, чѣмъ всѣ капиталисты въ мірѣ. Но главнымъ творцомъ остается масса рабочихъ.

Давъ прекрасную картину цивилизованной страны, съ тысячью шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, съ искусственными гаванями, съ цѣлыми лабиринтами под-

земныхъ галлерей, съ расчищенными лѣсами и съ фруктовыми рощами, съ многочисленными городами, заключающими въ своихъ стѣнахъ сокровища промышленности. искусства и науки, Кропоткинъ говоритъ:*)

«Цѣлыя поколѣнія людей, родившихся и умершихъ въ нищетѣ, униженныхъ и оскорбленныхъ господствующими классами, истомленныхъ трудомъ, завѣщали XIX-му вѣку это огромное наслѣдство...

Милліоны человѣческихъ существъ потрудились для созданія цивилизаціи, которой мы такъ гордимся. Другіе милліоны, разсѣянные по всѣмъ угламъ земного шара, трудятся и теперь для ея поддержанія. Безъ нихъ отъ всего этого черезъ пятьдесятъ лѣтъ остались-бы груды муссора.

Даже мыслъ, даже геній изобрѣтателя — явленія коллективныя, плодъ прошлаго и настоящаго. Тысяча писателей, поэтовъ, ученыхъ трудились цѣлые вѣка для того, чтобы выработать знаніе, чтобы разсѣять заблужденіе, чтобы создать ту сферу мыслей, безъ которой не могло-бы явиться ни одно изъ чудесъ нашего вѣка. Но эти тысячи поэтовъ, ученыхъ и изобрѣтателей были въ свою очередь продукты труда прошлыхъ вѣковъ. И развѣ въ теченіе всей ихъ жизни ихъ не кормили и не поддерживали какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи цѣлые легіоны всевозможныхъ рабочихъ и ремесленниковъ...

Всякая машина имѣетъ въ своемъ прошломъ... длинную исторію безсонныхъ ночей и нужды, разочарованій и радостей, второстепенныхъ усовершенствованій, изобрѣтенныхъ нѣсколькими поколѣніями неизвѣстныхъ рабочихъ, понемногу прибавлявшихъ къ первоначальному изобрѣтенію тѣ мелкія подробности, безъ которыхъ самая плодотворная идея остается безплодной».

Что такое «*усовершенствованіе техники*», что такое «*ростъ производительности труда*», лучше всего показываютъ цифры.

То количество, напр., пряжи, которое въ прежнее время, до введенія машинъ, производили 1.100 рабочихъ, теперь производитъ 1 рабочій. Точно также и число рабочихъ, необходимыхъ для напечатанія опре-

*) «Хлѣбъ и Воля», стр. 5 и слѣд.

дѣленнаго количества листовъ, сократилось въ тысячу разъ.

Въ *одинъ часъ* въ настоящее время отпечатываютъ столько же, сколько раньше успѣвали отпечатать въ *100 дней*. *)

Цѣна транспорта съ введеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, напр., понизилась въ 20 разъ.

Въ 1837 году въ Пруссіи было 423 паровыхъ машины *въ 7500* лошадиныхъ силъ; въ 1879 году двигательная сила прусскихъ паровыхъ машинъ выражалась уже 934.884 лошадиными силами; въ 1897 г.—2.881.799 лош. силъ. Десять лѣтъ тому назадъ работа, производимая паровыми машинами всего міра, равнялась 200 милльонамъ лошадиныхъ силъ или замѣняла работу *тысячи милльоновъ* людей. **) И съ тѣхъ поръ ростъ паровыхъ машинъ и ихъ силъ шелъ съ прогрессивной быстротой.

Для характеристики роста продуктивности труда въ сельскомъ хозяйствѣ самыя эффектныя иллюстраціи даютъ западныя хозяйства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ трудъ одного рабочаго при посредствѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и пары лошадей даетъ 6.200 пудовъ хлѣба въ одно лѣто.

Одна машина въ однѣ сутки жнетъ, обмолачиваетъ, провѣиваетъ и упаковываетъ пшеницу съ 25 десятинъ.

Такихъ поразительныхъ цифръ можно привести безконечное множество изъ всѣхъ отраслей промышленности и изъ всѣхъ капиталистическихъ странъ. И даже наша Россія лѣтъ 15 тому назадъ могла «гордиться» *самымъ колоссальнымъ* гидравлическимъ прессомъ для стали, который производилъ *давленіе въ полмилльона пудовъ*.***)

У капиталиста аппетитъ едва-ли худшій, чѣмъ у «короля и церкви», но, все-же онъ не въ состояніи пожирать того, что создаетъ ему пролетарій при по-

---

*) См. *Сеньобосъ*. «Политическая исторія современной Европы». 3-е изд., т. II, стр. 560 и слѣд.

**) *Каутскій*. «Эрфуртская программа», стр. 9.

***) «Die Neue Ziet», IX Jahrgang. «Jm Zeitalter des Stahls» von Zerbst, стр. 218.

мощи машинъ. Значительная часть добавочнаго продукта сберегается, образуя богатство, которое можно назвать общественнымъ не только потому, что оно создано трудомъ трудящагося общества, т. е. главнымъ образомъ пролетаріатомъ, но и потому, что въ концѣ концовъ оно будетъ вырвано изъ рукъ присвоившихъ его капиталистовъ и возвращено всему обществу.

Можно только приблизительно представить себѣ величину этихъ накопленныхъ богатствъ. По приблизительному вычисленію извѣстнаго англійскаго статистика Мюльгаля общее ежегодное сбереженіе всего міра равняется приблизительно 12 милліардамъ франковъ. Это, конечно, очень приблизительно, и дѣйствительная цифра значительно превышаетъ вычисленную Мюльгалемъ. Надо, впрочемъ, отличать дѣйствительное сбереженіе отъ фиктивнаго. Къ сбереженіямъ относятъ и государственные долги, образовавшіеся, конечно, главнымъ образомъ изъ добавочнаго капитала, изъ прибавочной цѣнности, созданной рабочими, но удержанной капиталистами и затѣмъ отчасти переданной своему исполнительному органу — государству. Только часть этого долга покрывается государственными желѣзными дорогами, общественными зданіями и другими полезными учрежденіями, представляющими дѣйствительно богатство. Другая-же, быть можетъ, болѣе значительная часть поглощена тратами непроизводительными, преимущественно на войну и на вооруженный миръ.

Болѣе реальными сбереженіями, чѣмъ государственные долги, является капиталъ, вложенный въ обрабатывающую промышленность. Поучительныя цифры въ этомъ отношеніи даютъ промышленныя переписи (цензы) Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1880 году этотъ капиталъ составлялъ 2.790 милліоновъ долларовъ; въ 1890 — 6.524 мил. дол. и въ 1900 году—9.854 м. дол., т. е. около 20 милліардовъ рублей. Извѣстное представленіе о ростѣ общественнаго богатства даетъ также развитіе желѣзнодорожныхъ вѣтвей и торговаго флота. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1890 году общая длина рельсовыхъ путей составляли 268.409 кил., къ концу 1901 года—317.354 кил. Въ Россіи: въ 1890 году —30.957 кил.; въ 1901 г. — 63.194 кил. На всемъ зем-

номъ шарѣ въ 1890 году—617.285 кил., въ 1901 году—816.755 кил. Капиталъ, вложенный въ желѣзнодорожныя сооруженія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1895 году, равнялся приблизительно 23 милліардамъ рублей, въ 1900 году болѣе чѣмъ 24 милліардамъ рублей. Торговый флотъ Британской имперіи въ 1900 г. состоялъ изъ 22.701 паруснаго судна и 13.282 пароходовъ, вмѣщавшихъ въ общемъ 11.120.388 тонъ, или болѣе 560 милліоновъ пудовъ. Въ германскомъ торговомъ флотѣ въ 1871 году было лишь 147 пароходовъ, вмѣщавшихъ 81.994 тонны, въ 1902 г. — 1.463 парохода, вмѣщавшихъ 1.506.059 тоннъ, т. е. за 31 годъ транспортная собственность коммерческаго флота Германіи увеличилась почти въ 20 разъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы придать, такъ сказать, конкретную форму словамъ о «ростѣ общественнаго богатства».

Перейдемъ теперь ко второй половинѣ нашего положенія, къ «присвоенію общественнаго богатства классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ».

Въ проектѣ программы «Жизни» эта часть второго положенія была формулирована немного иначе; тамъ было указано, что «общественное богатство присваивается *постепенно уменьшающимся въ своемъ числѣ* классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ» Сначала мы перенесли эту формулировку въ нашъ проектъ безъ всякихъ измѣненій, но теперь рѣшаемся выкинуть слова «постепенно уменьшающимся въ своемъ числѣ». Мы дѣлаемъ это отчасти подъ вліяніемъ замѣчаній на нашъ проектъ представителя Бельгійской рабочей партіи Эмиля Вандервельда, которыя онъ любезно прислалъ намъ по нашей просьбѣ. Вопросъ о томъ уменьшается-ли или не уменьшается число капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, послѣ появленія извѣстной книги Бернштейна, вызывалъ очень много споровъ, при чемъ рѣшенію его въ ту или другую сторону придавалось слишкомъ много значенія. При внимательномъ разсмотрѣніи дѣло совсѣмъ не такъ важно для успѣха рабочаго движенія, какъ это многимъ кажется.

Въ концѣ 24-ой главы I тома «Капитала», давая сжатый очеркъ историческаго генезиса капитала,

Карлъ Марксъ говоритъ между прочимъ: «Послѣ того, какъ этотъ процессъ преобразованія (вытѣсненія частной собственности, добытой собственнымъ трудомъ, капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого труда) уже достаточно и въ глубь и въ ширь разложилъ старое общество, и рабочіе оказались превращенными въ пролетаріевъ, а условія ихъ труда — въ капиталъ, послѣ того, какъ капиталистическій способъ производства сталъ уже на собственныя ноги,—дальнѣйшее обобществленіе труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ средства производства общественно эксплуатируемыя, т. е. сообща примѣняемыя, иными словами, дальнѣйшая эксплуатація частныхъ собственниковъ облекается въ новую форму. Теперь подлежитъ экспропріаціи уже не рабочій, ведущій самостоятельное хозяйство, но капиталистъ, эксплуатирующій многихъ рабочихъ.

Эта экспропріація совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства, посредствомъ централизаціи капиталовъ. Одинъ капиталистъ избиваетъ многихъ. Рука объ руку съ этой централизаціей или экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развивается кооперативная форма труда» и т. д. Нѣсколькими строками ниже Марксъ прибавляетъ, что «вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты» и т. д.

Здѣсь Марксъ прямо говоритъ объ уменьшеніи числа капиталистовъ и *съ перваго взгляда* кажется, что онъ противорѣчитъ тому, на что онъ самъ-же указывалъ въ 23 главѣ, разъясняя всеобщій законъ капиталистическаго накопленія:

«Возрастаніе общественнаго капитала происходитъ посредствомъ возрастанія многихъ индивидуальныхъ капиталовъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ ростъ индивидуальныхъ капиталовъ, а съ нимъ и концентрація средствъ производства, происходятъ въ пропорціи, соотвѣтствующей долѣ каждаго индивидуальнаго капитала въ совокупномъ общественномъ ка-

питалѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ первоначальнаго капитала откалываются куски, которые функціонируютъ какъ первые самостоятельные капиталы. Большую роль при этомъ играетъ, между прочимъ, раздѣлъ имуществъ въ семействахъ капиталистовъ. *Съ накопленіемъ капитала возрастаетъ поэтому болѣе или менѣе число капиталистовъ.* Два обстоятельства характеризуютъ этотъ ходъ концентраціи, непосредственно покоящійся на накопленіи или даже тождественный съ нимъ. Во-первыхъ: ростъ концентраціи общественныхъ средствъ производства въ рукахъ индивидуальныхъ капиталистовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ограниченъ степенью возрастанія общественнаго богатства. Во-вторыхъ: часть общественнаго капитала, вложенная въ каждую отдѣльную отрасль производства, раздѣляется между многими капиталистами, которые противостоятъ другъ другу, какъ независимые и другъ съ другомъ конкурирующіе товаропроизводители. Итакъ, мы видимъ, что не только накопленіе и сопутствующая ему концентрація раздробляется и происходитъ въ одно и тоже время на многихъ пунктахъ, но и возрастаніе функціонирующихъ капиталовъ сопровождается образованіемъ новыхъ и раздробленіемъ старыхъ. Накопленіе является, такимъ образомъ, съ одной стороны ростущею концентраціей средствъ производства и ростущимъ господствомъ надъ трудомъ, съ другой стороны — взаимнымъ отталкиваніемъ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ.»

Итакъ съ одной стороны Марксъ утверждаетъ, что число капиталистовъ уменьшается, съ другой, — что число капиталистовъ увеличивается. Противорѣчіе, повторяю, *съ перваго взгляда*, неразрѣшимое.

Во время споровъ противники обыкновенно ссылались то на одно изъ этихъ мѣстъ, то на другое. Лица, старавшіяся разбить ортодоксальный марксизмъ и самого Маркса, приводили лишь конецъ 24 главы съ утвержденіемъ о ростѣ капиталистовъ и противоставляли ему недостаточно продуманныя цифры подоходной статистики, доказывающія, что «число имущихъ» увеличивается. Марксъ обвинялся при этомъ въ игнорированіи дѣйствительности, въ построеніи своихъ положеній не индуктивнымъ путемъ, не путемъ изученія точныхъ фактовъ, а путемъ діалектическимъ,

который при этомъ обыкновенно отождествлялся съ путемъ метафизическимъ. На это обвиненіе, нелѣпость котораго очевидна для всякаго безпристрастнаго читателя произведеній Маркса, лучше всего отвѣчаетъ самъ авторъ «Капитала» въ предисловіи ко второму его изданію. Приведя выдержки изъ рецензіи на «Капиталъ» русскаго статистика и экономиста И. И. Кауфмана, Марксъ прибавляетъ: «Авторъ очень мѣтко и, поскольку дѣло идетъ о сдѣланномъ мною лично приложеніи очень благосклонно изображаетъ здѣсь то, что онъ называетъ моимъ дѣйствительнымъ методомъ. Но вѣдь это не что иное, какъ діалектическій методъ.

Правда, способъ изложенія долженъ формально отличаться отъ способа изслѣдованія. Изслѣдованіе должно усвоить себѣ предметъ въ деталяхъ, проанализировать различныя формы его развитія и найти ихъ внутреннюю связь. Только тогда, когда этотъ трудъ законченъ, можетъ быть соотвѣтствующимъ образомъ изображено дѣйствительное движеніе. Если это удается и если въ построеніи идеально отразится жизнь предмета, то можетъ показаться, что передъ нами апріорная конструкція.

Мой діалектическій способъ въ своемъ основаніи не только отличается отъ гегелевскаго, но даже составляетъ прямую его противоположность. Для Гегеля процессъ мысли, который онъ, подъ именемъ идеи превращаетъ даже въ нѣчто самостоятельное, является деміургомъ дѣйствительности, представляющей лишь внѣшнее его обнаруженіе. Для меня же идеальное начало является, наоборотъ, лишь прошедшимъ черезъ человѣческій мозгъ матеріальнымъ началомъ.»

Несомнѣнно, строгіе критики Маркса не умѣютъ въ немъ разобраться, не умѣютъ отдѣлить методъ изслѣдованія отъ формы изложенія, но передъ лицомъ той массы фактовъ дѣйствительности, которые собраны въ «Капиталѣ», все же удивительна смѣлость тѣхъ, которые рѣшаются утверждать, что Марксъ игнорировалъ дѣйствительность. Нѣтъ, Марксъ, можно сказать, погружался въ дѣйствительность, онъ погружался, вооруженный великимъ методомъ, почерпнутомъ изъ изученія законовъ вселенной, методомъ, которымъ руководствовались всѣ великіе умы, всѣ мыслители, во всѣхъ областяхъ знанія, методомъ, заключающимся

въ томъ, чтобы брать явленіе въ его развитіи, методомъ, вытекающимъ изъ той простой истины, что міръ представляетъ изъ себя не совокупность готовыхъ вещей, а рядъ процессовъ. Этотъ методъ Марксъ называлъ діалектическимъ. Кому не нравится это названіе, тотъ можетъ выбрать другое, но оспаривать правильность его болѣе, чѣмъ трудно.

Но все это лишь попутно. Вернемся къ противорѣчію убыли и роста капиталистовъ.

Если противники Маркса ссылаются лишь на то мѣсто «Капитала», которое говоритъ объ убыли капиталистовъ, то защитники его обыкновенно сознательно или безсознательно игнорируютъ это мѣсто, выдвигая лишь утвержденіе о ростѣ числа капиталистовъ. Такъ, напримѣръ, дѣлаетъ Бебель въ своей извѣстной Гановерской рѣчи противъ Бернштейна.*) Само собой разумѣется, необходимо съ одинаковымъ вниманіемъ отнестись къ обоимъ указаннымъ мѣстамъ «Капитала». И мы не побоимся сказать, что оба эти мѣста вѣрны, что противорѣчіе между ними лишь кажущееся.

Въ одномъ мѣстѣ Марксъ характеризуетъ одну стадію развитія капитализма, въ другомъ — другую. Число капиталистовъ ростетъ, пока въ накопленіи капитала большую роль играетъ еще экспропріація частной собственности, добытой собственнымъ трудомъ; убыль же числа капиталистовъ начинается тогда, когда эта стадія экспропріаціи уже закончена или заканчивается, и крупные хищники начинаютъ экспропріировать и уничтожать болѣе мелкихъ хищниковъ. Само собой разумѣется, что на ряду съ этой *экспропріаціей* продолжается *эксплуатація* пролетаріата.

Въ міровомъ хозяйствѣ капитализмъ одновременно переживаетъ различныя стадіи. Въ однѣхъ странахъ экпропріирующей способности капитала—еще раздолье въ области экспропріаціи, въ области частной собственности, добытой своимъ трудомъ, въ другихъ крупному капиталу приходится сосредоточиться на пожираніи мелкихъ капиталовъ; въ нѣкоторыхъ странахъ развитіе промышленнаго капитала въ самомъ разгарѣ, въ другихъ оно вытѣсняется развитіемъ капитала денежнаго и т. д. Но и въ одной и той же

*) См. «Жизнь» 1902 г., № 1.

странѣ въ различныхъ областяхъ промышленности капиталъ переживаетъ различныя стадіи, такъ что и въ предѣлахъ одной страны увеличеніе числа капиталистовъ сталкивается съ ихъ убылью.

Во всякомъ случаѣ, при рѣшеніи этого вопроса, надо различать капиталистовъ отъ имущихъ, производство отъ распредѣленія, капиталистовъ, не только потребляющихъ доходъ, но и воспроизводящихъ капиталъ, отъ капиталистовъ, участвующихъ лишь въ распредѣленіи дохода, потребляющихъ его, но не воспроизводящихъ капитала. Наконецъ необходимо имѣть въ виду все капиталистическое общество во всѣхъ странахъ со всѣми отраслями производства, а не отдѣльныя его части.

У критиковъ Маркса, каковы Бернштейнъ, Черкезовъ *) и многіе другіе, царитъ въ этомъ отношеніи величайшая путаница, они не разбираются въ стадіяхъ развитія капитализма, переживаемыхъ обществомъ одновременно. Они понятіе «капиталисты» постоянно подмѣниваютъ понятіемъ «имущіе» и наоборотъ. Они опираются, главнымъ образомъ, на подоходную статистику Англіи, не считаясь со своеобразнымъ характеромъ ея современнаго капитализма.

Остановимся прежде всего на этомъ послѣднемъ пунктѣ.

Англія переживаетъ въ настоящее время натишье въ развитіи не только сельскохозяйственной, о и обрабатывающей промышленности; процвѣтаетъ въ ней, главнымъ образомъ, капиталъ денежный, к торымъ она ссужаетъ другія страны. Ея «общественное богатство» растетъ теперь преимущественно на счетъ промышленнаго развитія другихъ странъ, гдѣ ея деньги двигаютъ фабрично-заводское производство и насчетъ эксплуатаціи нѣкоторыхъ своихъ колоній, главнымъ образомъ, Индіи.

Въ своей интересной работѣ «Fields, Factories and Work-shops», Кропоткинъ указываетъ, что англійскими капиталистами въ иностранную промышленность и иностранные займы вложено около 2-хъ милліардовъ фунтовъ стерлинговъ или 20 милліардовъ рублей, проценты на которые идутъ изъ прибавочной цѣнности,

*) См. «Наканунѣ» 1899 г., № 2 и 3.

выжимаемой изъ пролетаріевъ другихъ странъ. Онъ-же указываетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ волна промышленнаго развитія отхлынула отъ Англіи и катится все болѣе на востокъ. Англія становится ссудной кассой для остальной Европы, и въ ней въ настоящее время господствуютъ поэтому условія крайне благопріятныя для увеличенія числа капиталистовъ-процентщиковъ. Своеобразный характеръ англійскаго капитализма въ современной его стадіи не ускользнулъ и отъ вниманія Маркса.

«Одной Индіи»,—писалъ Марксъ въ III т. «Капитала», — приходится платить 5 милліоновъ фунтовъ ежегоднаго трибута за «хорошее правительство» и какъ проценты и дивиденды на британскій капиталъ и т. д., причемъ здѣсь еще не приняты во вниманіе суммы, которыя ежегодно посылаются въ Англію отчасти чиновниками, какъ сбереженіе изъ ихъ жалованья, отчасти англійскими купцами, какъ часть ихъ прибылей. Изъ каждой британской колоніи по тѣмъ-же причинамъ постоянно получается большія денежныя посылки. Большинство банковъ въ Австраліи, Вестъ-Индіи, Канадѣ основано британскимъ капиталомъ, дивиденды приходятся платить въ Англіи. Точно также Англія владѣетъ множествомъ иностранныхъ государственныхъ бумагъ европейскихъ, сѣверо и южно-американскихъ, съ которыхъ она получаетъ проценты, къ этому присоединяется еще ея участіе въ иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, копяхъ и т. д., съ соотвѣтствующими дивидендами...» *)

Разумѣется, при такомъ обильномъ денежномъ дождѣ, падающемъ со всѣхъ частей свѣта на Британскій островъ, тамъ, какъ грибы, должны расти «имущіе», но не промышленные капиталисты, и *этотъ ростъ скрываетъ экспропріацію крупными промышленными капиталистами мелкихъ промышленниковъ-капиталистовъ.*

Но и въ Англіи число крупныхъ богачей сравнительно съ ростомъ населенія, а главное съ ростомъ общественнаго богатства, попадающаго въ ихъ руки, увеличивается очень незначительно.

Изъ чиселъ, приводимыхъ Черкезовымъ для уни-

*) «Das Kapital». B. III, S. 130.

чтоженія Маркса, видно, что за двадцать лѣтъ съ 1869 по 1889 г. число лицъ, получавшихъ въ годъ 50.000 фунтовъ стерлинговъ *и болѣе*, увеличилось съ 52 до 79. Чтобы понять, что значитъ это небольшее увеличеніе, необходимо было бы знать дѣйствительную сумму состоянія каждаго изъ нихъ, по сравненію съ ростомъ всего богатства страны; но этихъ данныхъ у насъ нѣтъ.

Если мы изъ Англіи перенесемся въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, то мы увидимъ, что тамъ пятью капиталистами-магнатами—Рокфеллеромъ, Гариманомъ, Піермонтомъ Морганомъ, Вандебильтомъ и Гульдомъ, захвачена въ свои руки большая часть каменоугольныхъ районовъ Сосдиненныхъ Штатовъ, всѣ желѣзныя дороги, ведущія въ эти районы, большая часть областей, доставляющихъ желѣзную руду, а затѣмъ и всѣ громадныя учрежденія для ея обработки, для производства желѣза, стали и тѣхъ продуктовъ, которые изготовляются изъ этихъ металловъ. Они-же монополизировали весь керосинъ, имъ принадлежитъ значительная часть золотыхъ, серебрянныхъ, мѣдныхъ и свинцовыхъ копій и средства передвиженія и освѣщенія многихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ; у нихъ цѣлый флотъ океанскихъ судовъ и т. д.

Представьте себѣ сколько мелкихъ капиталистовъ должно было быть «избито», сведено на нуль, подчинено при этомъ захватѣ промышленнаго господства этими пятью капиталистами—королями. И изъ этихъ пяти королей уже выдѣляется императоръ, мистеръ Морганъ, полновластный распорядитель международнаго судоходнаго треста, стремящійся наложить свою властную руку уже и на капиталистовъ европейскихъ.

Въ менѣе поразительныхъ размѣрахъ подобное же явленіе можно замѣтить и въ другихъ странахъ, гдѣ промышленность находится въ полномъ расцвѣтѣ. Повсюду люди, стоящіе ближе къ промышленной жизни могутъ наблюдать избіеніе мелкихъ капиталистовъ крупными, но это явленіе не улавливается или плохо улавливается современной статистикой. Число господствующихъ въ промышленности, на денежномъ рынкѣ и даже въ поземельной собственности уменьшается. Но имъ требуется много всевозможныхъ слугъ: слугъ — чиновниковъ, слугъ — депутатовъ,

слугъ — журналистовъ, слугъ — техниковъ и т. д. На долю этихъ слугъ выпадаютъ хорошіе доходы и они, конечно, увеличиваютъ число «имущихъ». Но вполнѣ причислить ихъ къ классу капиталистовъ врядъ ли возможно, они лишь примыкаютъ къ нему.

Въ основныхъ своихъ чертахъ, тенденція капиталистическаго развитія, указанная Марксомъ, не опровергается, а подтверждается современнымъ развитіемъ; и развитіе классовой противоположности, что представляетъ для насъ особенную важность, нисколько не нарушается отъ того, что число лицъ, получающихъ хорошіе доходы, въ нѣкоторыхъ странахъ нѣсколько увеличивается.

Можно предвидѣть, что съ развитіемъ капитализма въ пока еще отсталыхъ странахъ денежный дождь перестанетъ падать на Британскій островъ, и тогда на его денежномъ рынкѣ, на его биржѣ начнется усиленное пожираніе мелкихъ ростовщиковъ. Это послѣднее на Лондонской биржѣ совершается уже и теперь, хотя не въ такой степени, какъ на биржахъ Парижской или Петербургской, и оно называется... «игрой».

Маркса цифры Бернштейновъ и Черкезовыхъ не убиваютъ, но въ виду того, что въ міровомъ капиталистическомъ хозяйствѣ въ настоящее время одновременно совершаются два процесса, одинъ, увеличивающій число капиталистовъ, а другой—уменьшающій ихъ число, и въ виду того, что несомнѣнно нѣсколько увеличивается число лицъ съ хорошимъ потребительнымъ доходомъ, лицъ, хотя и не участвующихъ въ «воспроизведеніи капитала», но во всякомъ случаѣ примыкающихъ къ классу капиталистовъ, въ виду всего этого, программа не можетъ утверждать, что классъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ уменьшается въ своемъ числѣ. Да это, повторяю, и не слишкомъ важно. Важно то, что число пролетаріевъ безостановочно ростетъ и что общественное богатство присваивается Морганами, Ротшильдами, Круппами и Морозовыми.

Этого не отрицаетъ и Черкезовъ, доказывающій, что число *бѣдныхъ въ Англіи* за 50 лѣтъ съ 1845 по 1894 г. возросло на 9 милліоновъ.

Что же значитъ сравнительно съ этою колоссаль-

ною цифрою увеличеніе числа крупныхъ богачей съ 52 до 79 въ теченіе двадцати лѣтъ!

А возьмите теперь «красное королевство» Саксонію, гдѣ, какъ показали послѣдніе выборы на 5 человѣкъ 3 соціалдемократа; въ этой типичной капиталистической странѣ, гдѣ капитализмъ приближается къ своему «отрицанію», число лицъ, получающихъ въ годъ менѣе 400 марокъ, т. е. менѣе 200 руб. съ 1882 по 1895 г., увеличилось на 141.101 человѣкъ, но за то ежегодный доходъ самого крупнаго саксонскаго богача поднялся съ 2.570.000 марокъ до 3.625.000 марокъ.

III

Вслѣдствіе этого въ буржуазномъ обществѣ все глубже развивается противорѣчіе между жизненнымъ уровнемъ промышленнаго пролетаріата и возрастающею производительностью его труда, все больше становится разстояніе между имущими и неимущими, все рѣзче появляется несотвѣтствіе между потребностями трудящихся массъ и ихъ удовлетвореніемъ.

Это положеніе отчасти пояснено уже тѣмъ, что мы только что говорили о ростѣ общественнаго богатства. Намъ теперь приходится пояснять не столько сущность основного противорѣчія капиталистическаго строя, противорѣчія между богатствомъ праздныхъ и бѣдностью трудящихся, сколько ту формулировку, которую даетъ этому противорѣчію наша программа. Эта формулировка отличается отъ формулировки обычной тѣмъ, что въ ней не говорится ни о нищетѣ, ни о вырожденіи, ни объ одичаніи рабочаго класса. Въ ней нѣтъ сгущенности темныхъ красокъ, въ ней нѣтъ обвинительнаго акта противъ капиталистическаго строя, что, какъ справедливо думаетъ Каутскій, совсѣмъ не составляетъ задачи соціалдемократической программы.

Мы формулируемъ не «теорію нищеты», а тѣ явленія общественнаго развитія, которыя вызываютъ революціонное недовольство пролетаріата, которыя побуждаютъ его стремиться къ измѣненію существующаго строя.

Вся наша программа проникнута сознаніемъ, что значеніе пролетаріата, вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго строя повышается, а не понижается, что тенденція капитала — подчинить себѣ трудъ, встрѣчается съ тенденціей труда — подчинить себѣ капиталъ, что тенденція вырожденія встрѣчается съ болѣе могучею тенденціею — возрожденія и, что въ концѣ концовъ одичаніе не на сторонѣ класса рабочихъ, а на сторонѣ класса капиталистовъ.

Мы указываемъ въ согласіи съ Вѣнскою программою австрійскихъ соціалдемократовъ на противорѣчіе между жизненнымъ уровнемъ промышленнаго пролетаріата и ростомъ производительности его труда, но мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма положеніе рабочаго класса абсолютно ухудшалось; условія жизни промышленнаго пролетаріата въ настоящее время лучше, чѣмъ были нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, и онѣ, конечно, неизмѣримо лучше положенія крѣпостныхъ и рабовъ, особенно, если помнить, «что не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ». Но съ другой стороны, несомнѣнно положеніе трудящихся было-бы неимѣримо лучше, если бы результатами возростающей производительности ихъ труда пользовались и распоряжались они сами, а не буржуазія и ея государство. Промышленный пролетаріатъ съ каждымъ днемъ сознаетъ это все больше и больше, и вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ ростетъ его революціонность и сила.

«Товарищи, — обращался къ делегатамъ Вѣнскаго партейтага Викторъ Адлеръ, — вы живете среди рабочихъ, вы близко знаете условія ихъ жизни. Обратитесь къ прошлому и скажите мнѣ: получается-ли у васъ впечатлѣніе, что жизнь рабочихъ теперь хуже, чѣмъ десять лѣтъ назадъ и что рабочіе глубоко убѣждены въ томъ, что черезъ десять лѣтъ положеніе ихъ еще болѣе ухудшится?... Я спрашиваю особенно товарищей изъ крупныхъ промышленныхъ отраслей, дѣйствительно-ли жизненное положеніе рабочихъ у нихъ хуже, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ; спросите нашихъ рабочихъ перемѣнили-ли бы они все свое теперешнее жизненное положеніе на то, какимъ оно было десять лѣтъ тому назадъ?...» «Я агитаторъ,— говорилъ Адлеръ дальше, — мнѣ приходилось говорить въ сотняхъ со-

браніяхъ. и я никогда не говорилъ рабочимъ: вамъ съ каждымъ днемъ становится хуже, миновали хорошіе дни. Эти *филистерскія жалобы* о худыхъ временахъ я предоставляю другимъ. Я, напротивъ, старался вызвать раздраженіе: посмотрите, какъ выглядитъ міръ, какъ ростетъ богатство, которое вы производите, и посмотрите, что вамъ достается; въ лучшемъ случаѣ — крохи, дающія вамъ возможность жить нѣсколько лучше, но эти крохи не выдерживаютъ сравненія съ тѣмъ, что вы могли-бы имѣть.

Это *противорѣчіе* и является динамитомъ, революціоннымъ взрывчатымъ веществомъ въ каждомъ мозгу, а совсѣмъ не *нищета. (Апплодисменты).* Одна нищета можетъ, пожалуй, сдѣлать пьяницу, не больше (восклицаніе: *совершенно вѣрно!*); но революціонера дѣлаетъ убѣжденіе, что эта нищета не является необходимой, революціонера дѣлаетъ указанное противорѣчіе. Я не говорю: вамъ становится все хуже, я стараюсь пробудить въ рабочихъ аппетитъ къ богатствамъ, которыя ихъ окружаютъ, и при этомъ я говорю имъ: вамъ-же живется нѣсколько лучше, потому что вы организованы, потому что вы соціалдемократы. Ваше положеніе уже совсѣмъ другое, чѣмъ раньше, но вамъ еще многого не достаетъ, чтобы было такъ хорошо, какъ другимъ.» *(Оживленное одобреніе).*

Вотъ, что значитъ указанное нами «противорѣчіе между жизненнымъ уровнемъ промышленнаго пролетаріата и возрастающею производительностью его труда». Мы говоримъ далѣе, что «разстояніе между имущими и неимущими все возрастаетъ». Это само собою вытекаетъ изъ экспропріирующей способности капитала, о которой мы уже достаточно говорили. Наконецъ, третье положеніе программы говоритъ о «все рѣзче проявляющемся несоотвѣтствіи между потребностями трудящихся массъ и ихъ удовлетвореніемъ». Это несоотвѣтствіе въ своемъ развитіи имѣетъ, конечно, огромное революціонное значеніе и объясняется, опять-таки не нищетою, а нравственнымъ и умственнымъ ростомъ промышленнаго пролетаріата. Если-бы пролетаріатъ впадалъ все больше и больше въ матеріальную и духовную нищету, тогда бы не могли возрастать его потребности, и тогда противорѣчія капиталистическаго строя скорѣе вели бы къ полному

вырожденію цивилизованнаго общества, а не къ его соціалистическому возрожденію.

Такое представленіе о вліяніи развитія буржуазнаго общества на положеніе промышленнаго пролетаріата не совсѣмъ совпадаетъ съ тѣмъ мѣстомъ «Капитала» Маркса, которое обыкновенно считается обоснованіемъ, такъ называемой, «теоріи обнищанія».

«Наконецъ, законъ,—говоритъ Марксъ въ главѣ о «Всеобщемъ законѣ капиталистическаго накопленія», — который всегда поддерживаетъ равновѣсіе между относительнымъ избыткомъ населенія или промышленной резервной арміей и энергіей накопленія, сильнѣе приковываетъ рабочаго къ капиталу, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Законъ этотъ обусловливаетъ накопленіе нищеты, соотвѣтствующее накоплению капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть, слѣдовательно, въ то же самое время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала».

Если это мѣсто взять отдѣльно, внѣ связи со всѣмъ ученіемъ Маркса, то оно кажется невѣрнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности промышленный пролетаріатъ не «принижается», напротивъ его сила и экономическая мощь постоянно возрастаютъ, какъ наэто указываетъ, напримѣръ, Каутскій. *)

Марксъ разумѣется видѣлъ эту тенденцію къ возрастанію силы пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, и на ряду съ вышеприведеннымъ мѣстомъ о накопленіи богатства на одномъ полюсѣ, и накопленіи нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала, мы въ томъ же «Капиталѣ» встрѣчаемъ слѣдующее утвержденіе: «Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты, угнетенія, раб-

*) См. *К. Каутскій.* «Классовые интересы». Библіотека Русскаго Пролетарія», № 35.

ства, вырожденія, эксплуатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возростающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства».

Здѣсь прекрасно подчеркнутъ второй изъ упомянутыхъ нами «законовъ», а именно возрастаніе силы пролетаріата, но это указаніе слишкомъ ослабляется вторичнымъ упоминаніемъ о нищетѣ, вырожденіи, рабствѣ и т. д.

Намъ кажется, что можно оставаться вѣрнымъ ученикомъ Маркса и находить въ то же время, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Капитала» соотношеніе между развитіемъ современнаго общества и развитіемъ пролетаріата формулировано не совсѣмъ точно. Вѣрный другъ Маркса и одинъ изъ лучшихъ его истолкователей Энгельсъ писалъ въ 1890 г. Каутскому: «Невѣрно, что нищета пролетаріевъ становится все больше. Ростъ организаціи быть можетъ создаетъ препятствіе росту нищеты, но что несомнѣнно ростетъ — это необезпеченность существованія пролетаріевъ.»

Это заявленіе, конечно, не совпадаетъ съ первымъ изъ мѣстъ, приведенныхъ нами изъ «Капитала» Маркса.

Другой извѣстный истолкователь Маркса, Каутскій, говоритъ объ экономической мощи пролетаріата и понимаетъ усиленіе нищеты лишь въ смыслѣ тенденціи.

Но что значитъ усиленіе нищеты, въ смыслѣ тенденціи? Это лишь значитъ, что развитіе капитализма создаетъ условія, которыя вели-бы къ прогрессивному обнищанію пролетаріата, но дѣйствіе этихъ условій чѣмъ-то парализуется. Чѣмъ-же? Другими условіями, создаваемыми тѣмъ-же капиталистическимъ строемъ, а именно ростущею организаціею пролетаріата.

По поводу «теоріи обнищанія» въ соціалистической литературѣ всѣхъ странъ велись ожесточенные споры не менѣе, чѣмъ по поводу убыли или роста капиталистовъ. Въ результатѣ этихъ споровъ для большинства учениковъ Маркса, кажется, выяснилось, что «теоріи обнищанія» не существуетъ.

Еще въ 1899 году Бебель въ своей рѣчи противъ Бернштейна заявилъ, что «ни у Маркса, ни у Энгельса,

ни у Лассаля, ни у Родбертуса нѣтъ такъ называемой теоріи обнищанія, по которой нищета массъ усиливается вмѣстѣ съ усиленнымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства».

Не выяснилъ себѣ этого вопроса, кажется, одинъ лишь русскій истолкователь Маркса — Плехановъ, который въ № 2-3 «Зари» посвятилъ «теоріи обнищанія» чрезвычайно путанную статью, гдѣ видимо старается доказать буквальную вѣрность каждаго слова «Капитала» по этому поводу. Читая эту статью, никакъ не можешь понять, какой въ сущности точки зрѣнія на вопросъ объ обнищаніи матеріальномъ и духовномъ пролетаріата держится самъ авторъ ея? Сначала какъ будто онъ признаетъ, что положеніе пролетаріата абсолютно улучшается, что обнищаніе его можно понимать лишь въ относительномъ смыслѣ, сравнительно съ обогащеніемъ капиталистовъ, затѣмъ, оказывается, что обнищаніе совсѣмъ не относится къ промышленному пролетаріату, и что Марксъ здѣсь имѣлъ въ виду лишь «лумпенпролетаріатъ», но въ концѣ концовъ выходитъ, что все-же положеніе промышленнаго пролетаріата во всѣхъ отношеніяхъ ухудшается и что пролетаріатъ принижается.

«Пролетаріатъ,—говоритъ Плехановъ, — находился въ положеніи человѣка, плывущаго противъ могучаго теченія: если бы онъ безъ сопротивленія отдался силѣ воды, то его понесло бы *очень далеко* назадъ; но онъ сопротивлялся; онъ старался подвинуться впередъ, и потому теченіе отодвинуло его назадъ *не такъ далеко*, какъ *могло бы* отодвинуть; но *оно все таки отодвинуло его*, потому что *оно все таки было гораздо сильнѣе*».

Критикуя Струве, Плехановъ вспоминаетъ, что у Ибсена тролли предлагаютъ Пееру Гюнту слегка помять ему лѣвый глазъ. «Ты будешь, правда, слегка косить послѣ этого, — успокоительно прибавляетъ ихъ глава, — но все, что не представится твоему взору, покажется тебѣ прекраснымъ и отраднымъ». Надъ нашимъ критикомъ, — прибавляетъ Плехановъ, — подобная же операція сдѣлана была *школой Брентано*, свято хранящей традицію Кэри-Бастіа».

Надъ нашимъ почтеннымъ критикомъ критика, — скажемъ мы отъ себя,—кто-то совершилъ еще болѣе злую

операцію: у него помяты оба глаза, такъ что, въ то время, какъ одинъ глазъ видитъ все отраднымъ и прекраснымъ, другому все представляется мрачнымъ и безнадежнымъ. Вообще зрѣніе Плеханова нельзя назвать вполнѣ нормальнымъ, иначе не могло бы произойти слѣдующаго казуса: на стр. 140 извѣстныя слова Маркса о «нищетѣ» приведены совершенно правильно, а именно: «Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ, — т. е. на сторонѣ класса, *производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала*,—накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубенія и нравственнаго униженія»; на стр. же 150 та же цитата появляется уже безъ словъ, въ первомъ случаѣ подчеркнутыхъ самимъ критикомъ критика «о классѣ, производящемъ свой собственный продуктъ въ видѣ капитала», но, вѣроятно, въ видѣ конпенсаціи за это исчезновеніе, подчеркнуты всѣ остальныя слова. Еслибъ не произошло этого фокуса, Плехановъ не могъ бы утверждать, что Марксъ, говоря о нищетѣ и проч., имѣлъ въ виду лумпенпролетаріатъ, который, какъ извѣстно, не занимается производствомъ своего собственнаго продукта въ видѣкапитала. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, кажется, всѣ сотрудники «Искры» подвергнуты какой-то операціи. Заявилъ же Ленинъ на одномъ изъ своихъ рефератовъ и заявилъ не безъ гордости, что «Искра» цитируетъ, не только выкидывая слова, но и вставляя ихъ отъ себя.

Не знаемъ какого рода операціей объясняется еще слѣдующій казусъ въ той же статьѣ Плеханова. Критикъ критика, стараясь доказать ростъ нищеты народныхъ массъ, пускается въ область преступности во Франціи и затѣмъ торжественно заявляетъ: «Просимъ также нашего «критика» замѣтить, что *преступность* растетъ не только во Франціи, но во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, изученныхъ въ этомъ отношеніи».

Англія, несомнѣнно, капиталистическая страна и, несомнѣнно, изучена въ этомъ отношеніи, и мы просимъ нашего «сверхкритика» замѣтить, что преступность тамъ не растетъ, а падаетъ! Въ Англіи число осужденныхъ уменьшилось за послѣдніе 20 лѣтъ на 28%, несмотря на то, что населеніе Англіи и Уэльса

за это-же время увеличилось болѣе, чѣмъ на 13%. Средняя ежегодная цифра осужденныхъ за *преступленія* была въ пятилѣтіе 1880—1885 г. — 9962; въ слѣдующее пятилѣтіе среднее число осужденныхъ понизилось до 9.126 чел.; въ 1890—95 г. до 8.253 чел.; въ 1895—1900 г. — до 7.766 чел. и, наконецъ, въ 1901 году было осуждено всего лишь 7.091 челов. Такимъ образомъ число преступниковъ, если принять въ разсчетъ ростъ населенія, уменьшилось за это время на 41,8%. Число осужденныхъ за мелкія преступленія и *проступки* также понизилось, хотя и въ меньшей степени, оно упало съ 149.046 въ 1880—1885 г. до 141.509 въ 1901 году, т. е., принимая въ расчетъ ростъ населенія, понизилось на 22,5%.

Если мы распредѣлимъ общія числа осужденныхъ по группамъ, то убѣдимся, что процентъ сокращенія преступности измѣняется въ зависимости отъ возраста осужденныхъ и отъ тяжести преступленія. Наиболѣе сильнѣе сокращеніе замѣчается въ рядахъ малолѣтнихъ, несовершенолѣтнихъ осужденныхъ.

Число преступныхъ дѣтей моложе 12 лѣтъ сократилось за 11 лѣтъ съ 214 до 20, т. е. въ 10 разъ, число малолѣтнихъ отъ 12—16 лѣтъ сократилось за это время съ 3.678 до 1.361, т. е. почти въ 3 раза, наконецъ число несовершеннолѣтнихъ (16—21) сократилось за это же вермя съ 22.983 до 14.027, т. е. болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза (на 64%).

Если мы возьмемъ среднія цифры осужденныхъ по тяжести преступленій, то увидимъ, что до 60-хъ годовъ XIX вѣка число осужденныхъ скорѣе увеличивалось, чѣмъ сокращалось. Съ 60-хъ годовъ начинается уменьшеніе числа наиболѣе тяжкихъ преступленій; за послѣдніе 40 лѣтъ число это уменьшилось приблизительно въ четыре раза. За послѣдніе 21 годъ число это уменьшилось абсолютно почти въ 2 раза (на 94%); относительно же, т. е. принимая въ расчетъ населеніе, это число сократилось на 130%. *)

«Ага, вотъ оттого-то и соціализмъ не прививается въ Англіи, что тамъ преступность и одичаніе не ростутъ, а убываютъ»,—скажетъ, можетъ быть, кто-нибудь изъ

*) См. статью Д. Сатурина «Тюрьма или Школа?» въ «Образованіи за 1903 г.

минимальныхъ соціалдемократовъ. Ну, и Богъ съ нимъ, съ *такимъ* соціализмомъ, который вытекаетъ изъ одичанія народныхъ массъ! Истинный соціализмъ порождается умственнымъ и нравственнымъ подъемомъ могучаго пролетаріата. Только такой соціализмъ и возможенъ.

IV.

Это противорѣчіе обостряется промышленными кризисами съ сопровождающими ихъ безработицей и всевозможными лишеніями для рабочихъ массъ.

Выясненіе причинъ и механизма промышленныхъ кризисовъ принадлежитъ къ труднѣйшимъ вопросамъ политической экономіи и нельзя сказать, чтобы въ настоящее время уже существовала вполнѣ законченная, вполнѣ безупречная съ научной точки зрѣнія, теорія кризисовъ. Возможно, что окончательно эта задача будетъ разрѣшена уже послѣ того, какъ рухнетъ современный капиталистическій строй. Наиболѣе яснымъ, наиболѣе согласнымъ съ общимъ марксистскимъ міровоззрѣніемъ представляется намъ то пониманіе промышленныхъ кризисовъ, которое даетъ Каутскій въ «Эрфуртской программѣ» и нѣкоторыхъ другихъ своихъ работахъ. Кстати сказать, Каутскій постоянно указываетъ на огромныя трудности, сопряженныя съ выработкой законченной теоріи, обхватывающей и поясняющей всѣ явленія, связанныя съ возникновеніемъ и развитіемъ промышленныхъ кризисовъ.

«Крупные современные кризисы, потрясающіе всемірный рынокъ», — говоритъ Каутскій въ «Эрфуртской программѣ», — являются вслѣдствіе перепроизводства, которое въ свою очередь вытекаетъ изъ неизбѣжнаго, при товарномъ производствѣ, *отсутствія планомѣрности*».

Въ послѣднихъ словахъ, подчеркнутыхъ самимъ Каутскимъ, именно: въ отсутствіи планомѣрности,— лежитъ для него сущность вопроса.

«При господствѣ развитого товарнаго производства на рынкѣ всегда оказывается или слишкомъ мало, или слишкомъ много товаровъ», — говоритъ Каутскій.

«Недостатокъ товара обыкновенно ведетъ къ расцвѣту промышленности, излишекъ товаровъ—къ кризису.

Расцвѣтъ и кризисъ въ промышленномъ хозяйствѣ неразрывно связаны другъ съ другомъ».

Это простое положеніе, высказанное Каутскимъ въ его книгѣ «о Бернштейнѣ и соціалистической программѣ», въ сущности очень важно, такъ какъ изъ него вытекаетъ, что для пониманія сущности кризиса необходимо изучить всѣ явленія, составляющія «расцвѣтъ промышленности». Это изученіе показываетъ, между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиной кризисовъ можетъ быть не только перепроизводство, но и недостаточность производства или недопроизводство (Unterproduktion).

На это указалъ еще К. Марксъ во второмъ томѣ «Капитала» и съ этимъ совершенно согласенъ Каутскій.

«Если,—говоритъ онъ, *)—на рынокъ поступаетъ, напримѣръ, недостаточно сырья, то долженъ произойти застой въ производительномъ процессѣ, и является кризисъ. Такимъ не вслѣдствіе перепроизводства возникшимъ кризисомъ былъ недостатокъ хлопка въ началѣ 60-хъ годовъ въ Ланкаширѣ, вызванный американской междуусобной войной. Подобный кризисъ, предшествовавшій всеобщему кризису, видѣли мы на высшей точкѣ развитія послѣдняго расцвѣта въ Германіи, когда временами желѣзо, уголь и хлопокъ были слишкомъ въ обрѣзъ, такъ что нѣкоторыя фабрики принуждены были пріостановить работу или ограничить производство».

Марксъ указалъ также въ томъ же второмъ томѣ, что причиной кризиса можетъ быть и недостатокъ пропорціональности въ производствѣ. Каутскій находитъ, что это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Плехановъ-же, для котораго, въ противоположность Каутскому, никогда не существуетъ никакихъ трудностей, обрушивается въ № 4 «Зари» на тѣхъ экономистовъ, которые «по старой привычкѣ до сихъ поръ изображаютъ *излишекъ* производства, какъ слѣдствіе... *недостатка* его въ нѣкоторыхъ отрасляхъ народнаго хозяйства: капиталъ неправильно («непропорціонально»)

*) «Die Neue Zeit», XX Jahrgang, № 4.

раздѣленъ между разными отраслями—въ этомъ, по ихъ словамъ, все дѣло. Но такое объясненіе, не выдерживающее самаго легкаго прикосновенія критики, свидѣтельствуетъ—говоритъ Плехановъ—лишь объ упорномъ нежеланіи или о полной неспособности дающихъ его экономистовъ бросить критическій взглядъ на капиталистическое общество и подмѣтить существующее въ немъ несоотвѣтствіе между производительными силами и имущественными отношеніями».

Плехановъ объясняетъ кризисы исключительно несоотвѣтствіемъ между ростомъ производства и покупательною способностью населенія во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, другими словами, онъ сводитъ дѣло къ недостаточности потребленія (Unterkonsumption) и здѣсь опять таки встрѣчается съ совершенно иными взглядами классиковъ марксизма.

«Такихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, мѣсто о кризисахъ, мы не нашли ни въ одной другой программѣ», — писалъ Каутскій въ 1891 году по поводу проекта нѣмецкой соціалдемократической программы, составленной партійнымъ правленіемъ.—«Что ихъ пониманіе предполагаетъ уже нѣкоторую экономическую ясность, показываютъ, между прочимъ, недоразумѣнія въ разсужденіяхъ, которыя докторъ Фридлендеръ опубликовалъ объ этомъ въ «Vorwärts'ѣ», и въ которыхъ онъ снова подогрѣваетъ старую ошибку, будто кризисы являются продуктомъ не отсутствія планомѣрности, а *недостаточности потребленія* (Unterkonsumption). Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробное обсужденіе этого вопроса, который достаточно разобранъ Энгельсомъ въ его «Anti Dühring».

«Сказать, что кризисы—писалъ Марксъ—происходятъ отъ недостатка способныхъ платить потребителей, будетъ простымъ тождесловіемъ. Капиталистическій строй не знаетъ иного рода потребленія, кромѣ платящаго, исключая лицъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ, и мошенниковъ. То, что товары не находятъ сбыта, означаетъ только, что они не находятъ покупателей, способныхъ заплатить за нихъ, т. е. не находятъ потребителей (предполагая, что товары покупаются, въ концѣ концовъ, для производительнаго или личнаго потребленія). Если же этому тождесловію придать видъ болѣе глубокой основательности,— сказавъ,

что рабочій классъ получаетъ слишкомъ незначительную долю своего собственнаго продукта и что бѣдѣ можно помочь, увеличивъ долю его участія, вслѣдствіе чего повысится его заработная плата, то на это придется только замѣтить, что кризисъ каждый разъ подготовляется какъ разъ такимъ періодомъ, въ продолженіи котораго заработная плата вообще повышается, и когда, въ дѣйствительности, рабочій классъ получаетъ долю въ той части годичнаго продукта, которая предназначена для потребленія. Такіе періоды должны бы, наоборотъ, предотвратить кризисы, съ точки зрѣнія этихъ рыцарей «простого» здраваго смысла. Слѣдовательно, оказывается, что капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ условія, независимыя ни отъ доброй воли, ни отъ злого умысла, допускающія сравнительное благосостояніе рабочаго класса только на короткое время и которыя бываютъ всегда только буревѣстниками кризиса.» *)

Марксъ опровергаетъ здѣсь «теорію недостаточнаго потребленія» совершенно вѣрнымъ указаніемъ на предшествующій кризису расцвѣтъ, когда потребленіе рабочихъ массъ не сокращается, а увеличивается; слѣдовательно, причину наступленія кризиса приходится искать во всякомъ случаѣ въ производствѣ, а не въ распредѣленіи продуктовъ и не въ ихъ потребленіи.

Характернымъ признакомъ понятія «промышленный кризисъ», признакомъ, его опредѣляющимъ, является періодичность, временность; «промышленный кризисъ»—не имѣетъ смысла безъ соотвѣтствующаго расцвѣта или подъема промышленности.

Расцвѣтъ промышленности является причиной кризиса, который въ свою очередь является причиной новаго расцвѣта.

«Внезапное и толчками происходившее расширеніе размѣровъ производства предполагаетъ и его внезапное сокращеніе».

«Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, постоянно его повторяютъ, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ

*) «Капиталъ», томъ II, стр. 310 рус. перевода.

это движеніе поперемѣннаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторяетъ его». *)

Можно ли искать основу этой *періодичности* въ потребленіи?

Разумѣется, нѣтъ: небольшія *колебанія* въ потребленіи рабочихъ массъ слѣдствіе, а не причина періодичности промышленныхъ подъемовъ и кризисовъ.

Если бы при капиталистическомъ строѣ возможно было заранѣе соразмѣрять производство съ потребленіемъ, то не было бы и кризисовъ, но это невозможно, такъ какъ «никто не знаетъ общаго хода дѣлъ, каждый слѣдитъ лишь за своими», каждый спѣшитъ получить какъ можно больше прибыли и замѣчаетъ, что рынокъ уже не вмѣщаетъ «прибыльныхъ» продуктовъ лишь тогда, когда продукты уже готовы.

«Сбытъ произведенныхъ въ излишествѣ товаровъ затрудняется, идетъ медленнѣе, склады торговыхъ домовъ начинаютъ переполняться, а горячка все еще продолжается. Но вотъ одинъ изъ торговыхъ домовъ долженъ уплатить фабриканту за забранные нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ товары, а эти товары еще не проданы, денегъ нѣтъ, и торговый домъ банкротится. Вслѣдъ за нимъ банкротится и обманувшійся въ разсчетахъ фабрикантъ, у котораго нѣтъ денегъ и есть срочные платежи. Банкротство слѣдуетъ за банкротствомъ. Всѣ приходятъ въ смущеніе, слѣпое довѣріе смѣняется страхомъ, наступаетъ всеобщая паника и *крахъ* готовъ.» **)

Капиталистъ, производя продукты, имѣетъ въ виду не *потребительную* цѣнность, а *мѣновую*, но безъ первой не можетъ быть второй и продукты въ концѣ концовъ сталкиваются съ потребленіемъ.

Если бы потребленіе росло съ тою же скоростью, какъ капиталъ, если бы оно всегда было пропорціонально производству въ разныхъ отрасляхъ промышленности, тогда бы, конечно, не могло быть ни перепроизводства, ни недопроизводства, тогда не было бы ни расцвѣтовъ промышленности, ни кризисовъ, но тогда не было бы и вообще капиталистическаго строя.

Надо замѣтить еще, что при современномъ строѣ

---

*) Марксъ. «Капиталъ», томъ I, пер. подъ ред. Струве, стр. 532.
**) К. Каутскій. «Эрфуртская программа», стр. 46.

потребленіе никогда не совпадаетъ съ удовлетвореніемъ потребностей широкихъ массъ. Потребности *никогда* не удовлетворяются вполнѣ, даже въ періоды самыхъ «пышныхъ расцвѣтовъ» промышленности, такъ что можно сказать — при современномъ строѣ никогда не бываетъ перепроизводства; и если въ періодъ сильнаго кризиса рабочія массы покончатъ съ капиталистическимъ строемъ, то кризисъ сразу прекратится.

Вотъ въ какомъ только смыслѣ можно понимать то мѣсто изъ III-го тома «Капитала», гдѣ Марксъ говоритъ, что «послѣдней причиной всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ остается всегда бѣдность и ограниченность потребленія массъ...»

Во всякомъ случаѣ это мѣсто относится къ числу неточныхъ, которыхъ въ III-мъ томѣ можно, вѣроятно, найти не мало, такъ какъ онъ оставленъ Марксомъ въ необработанномъ видѣ.

«Бѣдность и ограниченность потребленія массъ» — величина сравнительно постоянная и, какъ таковая, не можетъ быть причиною *смѣны* легкаго сбыта товаровъ труднымъ сбытомъ или полною его пріостановкою, а именно въ этой *смѣнѣ* сущность кризисовъ.

Чтобы признать «бѣдность и ограниченность потребленія массъ» причиною кризисовъ, необходимо доказать, что эта «бѣдность и ограниченность потребленія» подвержена значительнымъ періодическимъ колебаніямъ, соотвѣтствующимъ смѣнамъ хорошаго и плохого сбыта товаровъ, но отъ этихъ смѣнъ не зависящимъ.

Этого еще никто не доказалъ.

Плехановъ, защищая свой взглядъ на кризисы и взглядъ проекта «Искры» и «Зари» противъ нападокъ Рязанова, хочетъ, *кажется* *), это доказать.

«Не противорѣчитъ нашему взгляду», — говоритъ онъ между прочимъ, — «и то замѣчаніе Маркса, что ссылка на неспособныхъ платить потребителей не объясняетъ происхожденія кризисовъ. Мы очень хорошо знаемъ, что — *не объясняетъ*, такъ какъ весь вопросъ въ томъ и заключается, *чѣмъ вызвано отсутствіе названныхъ потребностей*. Кто хочетъ отвѣтить на

*) Съ увѣренностью сказать, что хочетъ доказать Плехановъ, мы не беремся.

этотъ вопросъ, тотъ долженъ показать, *въ какой причинной связи находится это отсутствіе* съ общимъ характеромъ и развитіемъ производственныхъ отношеній въ капиталистическомъ обществѣ. Нашъ проектъ немногими словами *обнаруживаетъ эту причинную связь*. Онъ показываетъ, что развитіе капиталистическихъ отношеній роковымъ образомъ (т. е. опять-таки независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ) ведетъ къ относительному, а иногда и абсолютному обѣдненію пролетаріата».

Обращаемся къ проекту и видимъ, что «относительное или даже абсолютное ухудшеніе положенія рабочаго класса» упоминается, какъ *слѣдствіе* «кризисовъ и періодовъ промышленнаго застоя», а не какъ ихъ причина.

За «кризисами и періодами промышленнаго застоя» слѣдуютъ «періоды промышленнаго расцвѣта». Не эти ли послѣдніе объясняются «относительнымъ или даже абсолютнымъ ухудшеніемъ положенія рабочаго класса»?!

Въ данномъ случаѣ Плехановъ очень кстати вспоминаетъ «непривлекательнаго героя въ одной изъ комедій Плавта, который, попавъ въ затрудненіе, восклицаетъ: теперь я долженъ путать, того требуетъ положеніе дѣлъ».

Да, несомнѣнно авторы проекта «Искры» и «Зари» должны «путать»: «этого требуетъ положеніе дѣлъ». Плехановъ совершенно заслуженно считается человѣкомъ остроумнымъ!

Соціалистическія и соціалдемократическія программы въ виду недостаточной выясненности «теоріи кризисовъ» или совсѣмъ не упоминаютъ о кризисахъ или упоминаютъ просто, какъ о явленіи, неразрывно связаннымъ съ капиталистическимъ производствомъ, указывая при этомъ на несомнѣнныя послѣдствія кризисовъ для развитія рабочаго движенія. Вѣнская программа идетъ нѣсколько дальше, опредѣленно говоря, что кризисы вытекаютъ изъ *отсутствія планомѣрности* въ капиталистическомъ производствѣ.

«Вытекающіе изъ *непланомѣрности* капиталистическаго производства кризисы, съ сопровождающими ихъ безработицей и нищетой, ускоряютъ и обостря-

ютъ это развитіе», — гласитъ соотвѣтствующее положеніе Вѣнской программы.

Это положеніе, формулированное Адлеромъ, одобренное Каутскимъ, одобренное партейтагомъ и т. д., должно бы, казалось, если вѣрить Плеханову, погибнуть отъ малѣйшаго прикосновенія критики! Его программный проектъ, точнѣе проектъ «Искры» и «Зари», не «обнаруживаетъ» отсутствія планомѣрности въ капиталистическомъ производствѣ, но за то несомнѣнно «обнаруживаетъ» отсутствіе планомѣрности въ головахъ своихъ составителей.

«Такое положеніе дѣлъ,» — гласитъ искровскій проектъ, — «внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся взаимное ихъ соперничество на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ промышленныхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе разоряютъ мелкихъ производителей, еще больше увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса».

Словъ, какъ видите, здѣсь не жалѣли, и разобраться въ этихъ словахъ не такъ-то легко.

Перепроизводство проявляется въ кризисахъ, слѣдовательно, причины перепроизводства — въ то же время причины кризисовъ. Перепроизводство, видимо, признается равнозначущимъ съ «все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытомъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ». Причины затруднительности сбыта — причины кризисовъ.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ «такому положенію дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющемуся ихъ взаимному соперничеству на всемірномъ рынкѣ.»

Что же за «такое положеніе дѣлъ»? Его надо искать въ предыдущемъ абзацѣ, и тамъ мы находимъ

«техническій прогрессъ», «примѣненіе все въ большихъ размѣрахъ женскаго и дѣтскаго труда», «относительное уменьшеніе потребностей предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ», «увеличеніе зависимости наемнаго труда отъ капитала» и «повышеніе уровня его эксплуатаціи». Все это явленія характера международнаго, они выражаютъ развитіе всего буржуазнаго общества независимо отъ границъ, отдѣляющихъ одну страну отъ другой, и опредѣленіе ихъ, какъ «положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ» нельзя назвать слишкомъ удачнымъ, но это не важно, гораздо важнѣе, что такая общая и неопредѣленная фраза совершенно не показываетъ, что̀ именно въ «положеніи дѣлъ» существенно важно для періодической смѣны расцвѣтовъ и застоевъ промышленности? Послѣднимъ передъ этой фразой стоитъ указаніе на повышеніе «уровня эксплуатаціи» наемнаго труда, но, если бы этотъ уровень и не повышался, то *возможность* кризисовъ была бы все же не устранена.

Каутскій въ «Эрфуртской программѣ» на простомъ, наглядномъ примѣрѣ показываетъ, что промышленный кризисъ въ его «существеннѣйшихъ явленіяхъ» возможенъ даже помимо всякой эксплуатаціи наемнаго труда.

На ряду «съ такимъ положеніемъ дѣлъ» проектъ ставитъ обостреніе «взаимнаго (!) соперничества» буржуазныхъ странъ на всемірномъ рынкѣ». Составители проекта, вѣроятно, знаютъ еще *не взаимное соперничество* буржуазныхъ странъ, но могутъ ли они доказать, что при устраненіи какого бы то ни было соперничества буржуазныхъ странъ на всемірномъ рынкѣ, исчезнутъ и кризисы?

«Но предположимъ на минуту» — говоритъ Каутскій въ «Эрфуртской программѣ», — «какъ это ни не вѣроятно, что въ близкомъ будущемъ картелямъ *удается создать международную организацію міровой промышленности, безъ всякой возможности возрожденія конкурренціи.**) Каковы были бы послѣдствія? Въ *лучшемъ случаѣ* одна изъ сторонъ конкурренціи между капиталистами была бы устранена. Другія стороны этой конкурренціи остались бы, но здѣсь не

*) Подчеркнуто мною. В. П.

мѣсто ихъ изслѣдовать. Отмѣтимъ только одинъ пунктъ: чѣмъ полнѣе уничтожается междуусобная конкурренція предпринимателей внутри какой нибудь отрасли промышленности, тѣмъ глубже становится противоположность ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей тѣхъ отраслей промышленности, которыя нуждаются въ ихъ товарѣ. Если прекращаются битвы между производителями одного и того же товара, то тѣмъ ярче разгораются они *между ними и потребителями въ широкомъ смыслѣ значенія словъ*. А въ этомъ смыслѣ каждый производитель есть въ то же время и потребитель. Владѣлецъ бумаго-прядильни, напримѣръ, независимо отъ его личнаго потребленія, является потребителемъ хлопка, угля, машинъ, масла для смазки и проч. Весь классъ капиталистовъ распался бы тогда уже не на индивидуумы, а на отдѣльныя группы, ведущія между собою отчаянную борьбу».

Составители искровскаго проекта сами видятъ, что «такого положенія дѣлъ» и «взаимнаго соперничества» недостаточно [и, поддерживая ими кризисы сверху, снизу подставляютъ «развитіе производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ».

Наконецъ, въ комментаріи къ программѣ Плехановъ, какъ мы видѣли, ловко перебрасываетъ то, что въ «проектѣ» указано, какъ «слѣдствіе» кризисовъ,—въ ихъ причины.

Такимъ образомъ, «кризисы» оказывается окруженными цѣлымъ хороводомъ причинъ, но толку все же выходитъ мало, такъ какъ составители проекта, путаясь въ различныхъ проявленіяхъ капиталистическаго строя, не видятъ, что основные элементы кризисовъ даются уже самимъ *товарнымъ производствомъ*, которое — предварительное условіе и основа производства капиталистическаго.

Мы при составленіи своего проекта старались помнить, что теоретическая часть программы не должна содержать въ себѣ ничего не установленнаго научнымъ знаніемъ вполнѣ опредѣленно, и что она должна быть, какъ можно *короче* и *яснѣе* *), поэтому мы бе-

*) Либкнехтъ еще до эрфуртскаго партейтага говорилъ, что «прежде всего необходимо, чтобы программа была одновременно такъ коротка и такъ ясна, какъ это только возможно». Съ этимъ согласенъ и Каутскій.

ремъ промышленные кризисы просто, какъ фактъ, и выдвигая неизбѣжно сопровождающія ихъ явленія — «безработицу и всевозможныя лишенія для рабочихъ массъ», констатируемъ опять-таки несомнѣнное ихъ слѣдствіе — *обостреніе* «противорѣчія», указаннаго въ предыдущемъ положеніи, т. е. противорѣчія между ростомъ производительности труда промышленнаго пролетаріата и его жизненнымъ уровнемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несоотвѣтствія между потребностями трудящихся массъ и ихъ удовлетвореніемъ, а также и связанное съ этимъ обостреніемъ расширеніе пропасти между имущими и неимущими.

«Положеніе» нашего проекта въ шесть разъ короче соотвѣтствующаго «положенія» искровскаго проекта, но *революціонное* значеніе промышленныхъ кризисовъ выступаетъ отъ этого во всякомъ случаѣ не менѣе выпукло.

Для соціалдемократической программы важна не «теорія кризисовъ», а ихъ несомнѣнно огромное революціонное дѣйствіе. Если постепенное обнищаніе не можетъ создать революціонера, а можетъ создать, говоря словами Адлера, лишь пьяницу, то рѣзкій переходъ отъ сравнительно сноснаго существованія во время «расцвѣта промышленности» къ голоду во время кризиса несомнѣнно можетъ сдѣлать и дѣлаетъ массу революціонеровъ. Кризисъ всегда ведетъ къ массовой безработицѣ, а «безработица — самый страшный бичъ рабочаго класса», но, къ счастью, бичъ, направляющій рабочихъ на революціонно-соціалистическій путь.

Во время кризиса даже наиболѣе «счастливо» устроившимся рабочимъ становится ясно, что при современномъ строѣ для трудящихся нѣтъ «обезпеченности существованія», что они всегда могутъ быть «выкинуты на мостовую».

Злая нелѣпость буржуазнаго строя проявляется во время кризисовъ въ самой ужасной и въ то же время *очевидной* формѣ.

Трудящіеся голодаютъ и мерзнутъ, потому что произвели слишкомъ много, потому что склады завалены товарами.

Этотъ фактъ сильнѣе пробуждаетъ соціалистическое сознаніе рабочихъ, чѣмъ самая усиленная пропаганда. Кризисы всегда сопровождаются подъемомъ

революціонно-пролетарскаго движенія. Такъ, напр., революціонное движеніе 1848 года стоитъ въ несомнѣнной связи съ кризисомъ 1847 года.

Революціонный подъемъ прошлаго и нынѣшняго года, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ стоитъ опять таки въ несомнѣнной связи съ современнымъ кризисомъ, необычайно обострившимъ борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Грандіозныя стачечныя возстанія, которыя въ данную минуту переживаетъ Югъ Россіи, вызваны, конечно, кризисомъ, а не пропагандой «Искры» и «Зари». Даже успѣхъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ объясняется не столько тактикой вожаковъ, не столько «революціонными усиліями» Вильгельма II и «ростовщическимъ таможеннымъ тарифомъ», сколько переживаемымъ Германіей кризисомъ. Какъ всякое движеніе въ мірѣ, такъ и міровое рабочее движеніе, имѣетъ волнообразную форму, но волны подымаются все выше, и близится девятый валъ.

Можно сказать, что соціалистическое движеніе подымается и опускается вмѣстѣ съ кризисами, но паденіе становится все слабѣе, подъемъ все сильнѣе. Почти съ увѣренностью можно сказать, что великая побѣдоносная революція пролетаріата совпадетъ съ великимъ промышленнымъ кризисомъ, который, какъ намъ кажется, проявится всего сильнѣе и революціоннѣе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи, гдѣ соціальные контрасты особено сильны. Въ Америкѣ революціонную энергію скопляютъ промышленные тресты, неминуемо ведущіе къ страшному кризису; въ Россіи, странѣ культурно-буржуазной эксплуатаціи и азіатскаго безправія трудящихся массъ, въ Россіи нѣтъ предохранительныхъ клапановъ для накопляющихся революціонныхъ паровъ, и капиталистическая машина должна взлетѣть на воздухъ съ страшною силою.

Старый міръ вспыхнетъ съ двухъ концовъ, въ самой демократической республикѣ и въ самой деспотической монархіи.

Пустъ дрожатъ господствующіе классы передъ грядущей революціей!

V

Процессъ капиталистическаго развитія, вытѣсняя мелкія, самостоятельныя хозяйства крупными предпріятіями, въ которыхъ вмѣстѣ работаютъ сотни и тысячи наемныхъ рабочихъ, увеличиваетъ число пролетаріевъ и, ставя ихъ въ одинаковое положеніе, создаетъ благопріятныя условія для ихъ объединенія, просвѣтленія ихъ классового сознанія и организаціи совмѣстной борьбы противъ класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Если утвержденіе объ уменьшеніи числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ вносить въ программу нельзя, то, напротивъ, положеніе о *вытѣсненіи мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствъ крупными предпріятіями* внести необходимо. Это явленіе необходимое слѣдствіе капиталистическаго развитія и въ тоже время необходимое условіе его продолженія. Надо только помнить, что «подъ вытѣсненіемъ» подразумѣвается очень сложное явленіе, очень сложный процессъ. Капитализмъ проходитъ разныя стадіи и постепенно завоевываетъ одну область за другой; высшія формы капиталистическаго развитія терпятъ на ряду съ собой формы первичныя; «домашняя промышленность» съ ея самой безжалостной капиталистической эксплуатаціей держится рядомъ съ мануфактурой и фабрикой. Процессъ особенно осложняется въ сельскомъ хозяйствѣ, которое постепенно переплетается съ промышленностью индустріальной. Капиталы промышленные, торговые, земельные, и денежные переплетаются между собою, отчасти поддерживаютъ другъ друга, отчасти борются между собою, но источникомъ ихъ жизни, но основнымъ условіемъ ихъ существованія, ихъ взаимной борьбы, ихъ взаимной поддержки всегда остается эксплуатація производителей, эксплуатація трудящихся, эксплуатація производящихъ прибавочную цѣнность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ капиталъ не спѣшитъ съ «вытѣсненіемъ», въ буквальномъ значеніи этого слова. Ему иногда выгодно оставить производителю *видимость* его самостоятельности, чтобы тѣмъ вѣрнѣе выжимать прибавочную цѣнность, не жалѣя ни здоровья, ни жизни своей жертвы. Въ борьбѣ съ промышленнымъ капиталомъ, капиталъ земельный

готовъ даже надѣлить своихъ сельскохозяйственныхъ пролетаріевъ небольшими клочками земли, чтобы удержать въ деревнѣ «рабочія руки», чтобы не дать рабочей силѣ, этому живому источнику обогащенія, безпрерывно утекать въ промышленные центры. И торговый капиталъ не прочь покровительствовать «охранѣ» своихъ жертвъ — «кустарей», чтобы удержать за собою удобный матеріалъ для эксплуатаціи.

При современномъ строѣ собственность даже тогда угнетаетъ и эксплуатируетъ труженника, когда частица ея какъ-бы находится въ его распоряженіи «Для мелкаго производителя, — справедливо говоритъ Каутскій въ «Эрфуртской программѣ», — собственность на средства производства изъ гарантіи отъ нищеты превращается въ цѣпь, приковывающую его къ нищетѣ; для него частная собственность пріобрѣла совершенно обратное значеніе. То, что какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ было для крестьянина и ремесленника благословеніемъ, стало теперь его проклятіемъ».

Пролетарій собственникъ, — это одно изъ самыхъ чудовищныхъ явленій современнаго строя, одно изъ явленій, особенно дорогихъ сердцу эксплуататоровъ, такъ какъ у пролетаріевъ-собственниковъ несравненно меньше чувство классовой солидарности, чѣмъ у пролетаріевъ, владѣющихъ одною только рабочею силою.

Къ счастью, капиталистическое развитіе увеличиваетъ несравненно скорѣе число пролетаріевъ совершенно свободныхъ отъ собственности, чѣмъ число пролетаріевъ-собственниковъ. Наиболѣе крупные хищники эксплуатируютъ на фабрикахъ и заводахъ, эксплуатируютъ при посредствѣ машинъ. Капиталистическія предпріятія не только «вытѣсняютъ» «*мелкія самостоятельныя хозяйства*»; между самими капиталистическими предпріятіями тоже происходитъ борьба и крупныя капиталистическія предпріятія вытѣсняютъ болѣе мелкія капиталистическія предпріятія, крупные хищники пожираютъ мелкихъ хищниковъ. Сотни мелкихъ предпріятій, въ которыхъ эксплуатируются единицы и десятки рабочихъ, замѣняются десятками, въ которыхъ работаютъ сотни и тысячи.

Въ то же время эксплуатація на дому, эксплуатація «мелкаго ремесленника», мелкаго крестьянина, кустаря,

эксплуатація черезъ посредство цѣлаго ряда посредствующихъ хищниковъ замѣняется непосредственно эксплуатаціей на огромныхъ фабрикахъ и заводахъ, на огромныхъ поляхъ и лугахъ латифундій. Передъ анонимными компаніями, передъ правленіемъ національныхъ и международныхъ трестовъ и картелей непосредственно подымается сплоченная армія десятковъ и сотенъ тысячъ промышленныхъ рабочихъ.

Передъ «главными управленіями» латифундій и всякихъ графскихъ и княжескихъ экономій выростаетъ сплоченная масса изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и изъ рабочихъ на сельскохозяйственныхъ, винокуренныхъ и другихъ сельскопромышленныхъ заводахъ.

Постепенная концентрація промышленныхъ предпріятій — фактъ несомнѣнный и фактъ революціонный. Революціонный въ двухъ отношеніяхъ: эта концентрація создаетъ возможность производства соціалистическаго, такъ какъ его трудъ уже обобществленъ, и она же создаетъ живую силу для осуществленія этого перехода—*сплоченный*, *сознательный* пролетаріатъ.

Концентрація капитала не всюду выражается въ своей высшей формѣ, въ формѣ концентраціи технической, т. е. въ объединеніи самого производства продуктовъ; нерѣдко она сначала проявляется лишь въ экономической формѣ, когда технически предпріятія остаются разъединенными, но экономически онѣ сосредоточиваются во владѣніи одного капиталиста, одной акціонерной компаніи, одного синдиката промышленниковъ или треста. Съ революціонной точки зрѣнія особенно важна, конечно, высшая форма концентраціи, концентрація техническая, и она въ большей или меньшей степени обыкновенно слѣдуетъ за концентраціей экономической.

Статистика даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Германіи, имѣются точныя и достаточно детально обработанныя данныя о промышленномъ развитіи за послѣднее время, улавливаетъ только техническую концентрацію, отмѣчая самостоятельными предпріятія, разъединенныя технически, но экономически сосредоточенныя въ рукахъ одного капиталиста.

Принявъ это во вниманіе, посмотримъ на развитіе промышленности съ точки зрѣнія концентраціи. Въ Германіи въ 1892 г. было 423 предпріятія для добычи

каменнаго угля; въ 1901 году — 336, т. е. число предпріятій уменьшилось болѣе, чѣмъ на 20%, но за тоже время число добываемаго угля возросло съ 71.372.200 тоннъ до 108.539.400 тоннъ, т. е. болѣе, чѣмъ на 50% и цѣнность его увеличилась съ 526.979.000 марокъ до 1.015.254.000 марокъ, т. е. болѣе, чѣмъ на 90%. Экономически почти вся добыча каменнаго угля находится въ рукахъ каменноугольнаго треста, и это отразилось какъ на ростѣ технической концентраціи, такъ и на колоссальномъ повышеніи цѣны продукта.

Въ желѣзномъ производствѣ (съ доменными печами) число заводовъ съ 109 въ 1892 году понизилось до 108 въ 1899 году, но число рабочихъ увеличилось съ 24.325 до 36.334, т. е. за 7 лѣтъ на 50%; количество приготовленнаго желѣза за это время поднялось съ 4.937.500 тоннъ до 8.143.100, т. е. болѣе, чѣмъ на 65%; цѣнность добытаго продукта поднялась съ 229.296.000 до 455.875.000 марокъ, т. е. почти на 100%. Хорошій примѣръ не только для концентраціи производства, но и для роста продуктивности труда и *въ особенности* для роста прибавочной цѣнности. Въ этомъ «въ особенности»—особенность капиталистическаго строя.

Изъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ перенесемся въ другую характерную для Германіи область, въ заводы пивоваренные. Точныя статистическія данныя мы имѣемъ здѣсь только для сѣверной и средней Германіи, гдѣ существуетъ на пиво налогъ. Въ 1882 г. въ этой области было 10.921 пивоваренный заводъ, въ 1901 г. 6.674, т. е. число ихъ уменьшилось почти на 42%, но добыча пива въ то же время поднялась съ 22.113.000 гектолитровъ до 45.041.000, т. е. болѣе, чѣмъ на 100%. Число небольшихъ заводовъ, платившихъ до 60 марокъ налогу, уменьшилось съ 2.979 до 1.284, т. е. болѣе, чѣмъ вдвое; число самыхъ крупныхъ заводовъ, платящихъ больше 15.000 марокъ налогу, увеличилось съ 199 до 493, т. е. въ $2^1/_2$ раза. Яркій примѣръ «техническаго» поглощенія мелкихъ предпріятій крупными.*

Сравненіе промышленныхъ переписей 1882 года и 1895 года показываетъ, что за эти 13 лѣтъ число лицъ

*) Для этихъ примѣровъ мы пользовались оффиціальными цифрами, опубликованными въ «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» за 1903 годъ.

производящихъ «самостоятельно» въ промышленности и ремеслѣ, уменьшилось на 139.382 человѣка или на 5,2%, между тѣмъ, какъ все населеніе увеличилось на 14,8%; число наемныхъ рабочихъ въ промышленности возросло на 20%. Число занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ сильно понизилось: въ 1882 г. лица, главнымъ занятіемъ которыхъ было сельское хозяйство, составляли 43,38%, въ 1885 г. только 36,19%.

Въ этомъ уменьшеніи отражается завоеваніе промышленнаго и торговаго капитала и превращеніе части сельскохозяйственныхъ пролетаріевъ въ пролетаріевъ промышленныхъ. Число сельскохозяйственныхъ рабочихъ уменьшилось на 4,3%, но число «самостоятельныхъ» поднялось на 280.692 человѣка, что составляетъ увеличеніе на 12,5%. Это увеличеніе «самостоятельныхъ» дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ марксизма утверждать, что въ сельскомъ хозяйствѣ не происходитъ концентраціи капитала, а что скорѣе мелкія и среднія хозяйства побѣждаютъ крупныя. На это надо замѣтить, что для распредѣленія на рубрики при разработкѣ переписи 1882 г. былъ принятъ другой методъ, чѣмъ при разработкѣ переписи 1895 года, при чемъ имперское статистическое бюро заявляетъ, что число «самостоятельныхъ» въ 1882 году было принято нѣсколько ниже дѣйствительнаго, такъ какъ часть «самостоятельныхъ» попала подъ рубрику «поденщиковъ съ землей». Каутскій, внося соотвѣтствующую поправку, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что число «самостоятельныхъ» не только не увеличилось, но уменьшилось на 913.613, а число батраковъ и батрачекъ, а также поденщиковъ безъ земли возросло на 201.323, такъ что число пролетаріевъ и въ сельскомъ хозяйствѣ увеличилось. Во всякомъ случаѣ нельзя говорить объ успѣшной борьбѣ въ Германіи мелкихъ сельскохозяйственныхъ производителей съ крупными, когда хозяйства наиболѣе мелкія (до двухъ гектаровъ*) въ каждомъ) потеряли 17.494 гект., а хозяйства крупныя (свыше 100 гект.) пріобрѣли 45.533 гектара.

Во Франціи за десять лѣтъ съ 1882 — 1892 годъ хозяйства съ 1—40 гект. потеряли 653.817 гект., хозяйства же меньше одного гектара пріобрѣли 243.422

*) Гектаръ = немного меньше десятины.

гектара. Хозяйства съ владѣніемъ меньше, чѣмъ въ одну десятину! Тутъ можетъ дѣло идти или объ огородничествѣ, или о той «собственности», которая приковываетъ къ нищетѣ.

Конечно, концентрація земли и земледѣльческихъ хозяйствъ явленіе гораздо болѣе сложное, чѣмъ концентрація промышленнаго капитала. Прежде всего нужно замѣтить, что *экономически* земельную собственность все болѣе и болѣе косвенно концентрируютъ въ своихъ рукахъ денежные капиталисты. Мы имѣемъ въ виду гипотечную задолженность. Число земель, дѣйствительными собственниками которыхъ являются не столько землевладѣльцы, сколько земельные банки и отдѣльные денежные капиталисты, съ каждымъ днемъ ростетъ. Въ одной Пруссіи съ 1886—1895 годъ долговая отягощенность земель возросла на $1^1/_2$ милліарда марокъ. У насъ въ одномъ лишь дворянскомъ банкѣ заложено земель болѣе, чѣмъ на 600 милліоновъ рублей.

Понятно, что эта экономическая концентрація идетъ пока независимо отъ концентраціи технической и не можетъ ей способствовать, подобно тому, какъ это происходитъ въ индустріи.

Далѣе, имѣетъ большое значеніе, что примѣненіе машинъ къ сельскому хозяйству началось несравненно позже, чѣмъ введеніе ихъ въ промышленности обрабатывающей. Въ главныхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности крупное производство уже торжествуетъ; въ сельскомъ хозяйствѣ оно еще только начинаетъ «приспособляться», но всѣ данные за то, что и здѣсь оно восторжествуетъ, хотя, надо надѣяться, восторжествуетъ уже лишь въ соціалистической формѣ.

Для всякаго знающаго сельскаго хозяина «несомнѣнно, что современное развитіе сельскаго хозяйства какъ разъ именно крупному предпріятію предоставляетъ болѣе богатыя вспомогательныя средства науки и техники, которыя позволяютъ ему при посредствѣ спеціально обученнаго хозяйственнаго персонала во всѣхъ этихъ отношеніяхъ» (скотоводствѣ, примѣненіи машинъ, введеніи улучшеній и проч.) «одерживать верхъ» *) надъ мелкими предпріятіями.

*) Кремеръ. (Handbuch von Goltz I, S. 1961). Цит. по «Die Agrarfrage» Каутскаго.

Наконецъ, надо принять во вниманіе и то, что «вытѣснить» сельскаго самостоятельнаго производителя, «вытѣснить» крестьянина труднѣе, чѣмъ производителя промышленнаго, производителя городского, ремесленника. У крестьянина масса выносливости и ничтожныя потребности, кромѣ того извѣстную роль играетъ и привязанность къ своему клочку земли. Мелкій крестьянинъ-собственникъ нерѣдко работаетъ за двоихъ поденщиковъ и питается хуже самаго «чистаго пролетарія».

«Гораздо еще болѣе, чѣмъ ремесленникъ держится за свою мастерскую, держится крестьянинъ за свою землю» — говоритъ Каутскій въ своемъ «Аграрномъ вопросѣ» *). «Чѣмъ больше ростетъ населеніе, чѣмъ больше требованія на землю, тѣмъ упорнѣе цѣпляется онъ за свой клочокъ. Въ Америкѣ онъ оставляетъ или оставлялъ до послѣдняго времени свою землю съ легкимъ сердцемъ, если она не приносила ему дохода, чтобы двинуться на западъ, гдѣ было еще достаточно земли. Въ Германіи и Франціи нѣтъ лишенія, передъ которымъ бы онъ остановился, чтобы удержать свой клочокъ, нѣтъ цѣны слишкомъ высокой для увеличенія его».

Эта цѣпкость сохранитъ, вѣроятно, очень многихъ крестьянъ-собственниковъ вплоть до побѣды пролетаріата.

Но объ этомъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Теперь-же вернемся къ обрабатывающей промышленности и посмотримъ, какъ она концентрируется у насъ въ Россіи.

Съ 1882 г. по 1895 г. добыча каменнаго угля поднялась у насъ съ 891 *сотни* вагоновъ до 3.348 *сотенъ* вагоновъ, при этомъ въ *крупныхъ* копяхъ, отправляющихъ въ годъ 5 тысячъ вагоновъ и болѣе, добыча возросла съ 388 сотенъ вагоновъ до 2.641 сотни вагоновъ, т. е. почти *въ семь* разъ, въ копяхъ же, отправляющихъ отъ 1 тысячи до 5 тысячъ вагоновъ, она почти не увеличилась (въ 1882 г. — 344 сотни вагоновъ; въ 1895 г. — 358 сотенъ вагоновъ).

Число хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, имѣющихъ болѣе 100 рабочихъ, въ 50 губерніяхъ Россіи съ 1866 г.

*) Второе нѣмецкое изданіе, стр. 127.

по 1894 г. возросло съ 168 до 224, т. е. на 25%, число же рабочихъ на нихъ возросло съ 82.004 человѣкъ въ 1866 г. до 234.506 человѣкъ въ 1894 году, т. е. почти на 300%.

Въ 1866 г. не было ни одной хлопчатобумажной фабрики, имѣвшей 5000 или болѣе рабочихъ; въ 1879 году была такая фабрика лишь одна; въ 1894 г. ихъ было уже 8 съ 54.981 рабочимъ.

Количество рабочихъ на крупныхъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ за 15 лѣтъ увеличилось (съ 1879 — 1894 г.) болѣе, чѣмъ въ шесть разъ.

Ростъ промышленныхъ рабочихъ до извѣстной степени соотвѣтствуетъ, конечно, «вытѣсненію мелкихъ, самостоятельныхъ хозяйствъ крупными предпріятіями, въ которыхъ работаютъ сотни и тысячи наемныхъ рабочихъ».

Въ 1887 году горнозаводскихъ, фабричныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ было въ Россіи 1.536.125; въ 1897 году уже — 2.512.414, увеличеніе на 64%, по $6^1/_2$% въ годъ, т. е. въ *пять разъ скорѣе*, чѣмъ растетъ населеніе. Фактъ огромнаго *революціоннаго* значенія! Армія освобожденія всѣхъ трудящихся и угнетенныхъ ростетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ. Въ настоящее время число рабочихъ въ крупномъ производствѣ и желѣзнодорожномъ транспортѣ должно превышать *три милліона* *). «Но, разумѣется», — говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій—«эта цифра далеко не выражаетъ собою всего числа рабочихъ въ крупномъ капиталистическомъ промышленномъ производствѣ вообще, такъ какъ въ нее не входятъ рабочіе въ строительномъ производствѣ — штукатуры, плотники и пр., число которыхъ должно быть громадно (вѣроятно, болѣе милліона), рабочіе въ водномъ и сухопутномъ нежелѣзнодорожномъ транспортѣ, по нагрузкѣ товаровъ и судовъ, рабочіе на рыболовныхъ тоняхъ и многіе другіе».

Въ общемъ «промышленнаго пролетаріата» въ Россіи въ настоящее время врядъ ли меньше пяти милліоновъ.

Сельско-хозяйственныхъ рабочихъ — не меньше

*) М. И. Туганъ-Барановскій. «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», т. I, изд. 2-ое, стр. 375 и слѣд.

$3^1/_2$ милліоновъ, такъ что пролетаріатъ составляетъ у насъ, «*вѣроятно*», *) отъ 8 до 9 милліоновъ. Значительная часть этого пролетаріата такъ или иначе связана съ землей или, вѣрнѣе, съ деревней, но наша «деревня» гораздо болѣе революціонна, чѣмъ деревня Западной Европы; такъ что эти 9 милліоновъ надо думать, въ скоромъ времени поймутъ, что современный буржуазный строй не совмѣстимъ съ ихъ интересами. Девяти милліоновъ трудящихся пролетаріевъ вполнѣ достаточно, чтобы «покончить съ господствомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ» въ Россіи.

У нихъ къ тому же во всѣхъ странахъ союзники, сила которыхъ также ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

Въ Германіи, если судить по послѣднимъ выборамъ, число сознательныхъ, а, слѣдовательно, и революціонныхъ пролетаріевъ ростетъ съ быстротой, поражающей интеллигентныхъ вожаковъ.

Каутскій не за долго до выборовъ высказывалъ въ итальянской газетѣ «Avanti» предположеніе, что за соціалдемократовъ будетъ подано $2^1/_2$ милліона голосовъ; въ дѣйствительности они получили болѣе 3 милл.

За пять лѣтъ число соціалдемократическихъ *избирателей* возросло не на 400.000, какъ предполагалъ Каутскій, а на 900.000, что соотвѣтствуетъ почти $4^1/_2$ милліонамъ населенія, такъ какъ 1 избиратель приходится въ Германіи почти на пять жителей.

Мы уже указывали на одну изъ причинъ этого роста революціоннаго сознанія, мы указывали на революціонизирующее дѣйствіе кризиса. Но на ряду съ этимъ «сильнымъ», временнымъ средствомъ, болѣе медленно, но безпрерывно и основательно пролетаріатъ въ соціалдемократическомъ направленіи воспитываетъ сама фабричная жизнь, заключающая въ себѣ, говоря словами нашей программы, благопріятныя условія для объединенія пролетаріевъ, для просвѣтленія ихъ классового сознанія и организаціи совмѣстной борьбы противъ класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

---

*) Про русскія статистическія цифры всегда приходится говорить «вѣроятно», такъ какъ наша статистика еще очень недостаточна и очень не совершенна.

Эта положительная сторона современной фабрики для революціонера-пролетарія, конечно, несравненно важнѣе ея отрицательныхъ сторонъ.

Фабрика обобществляетъ не только трудъ, она, если можно такъ выразиться, обобществляетъ самихъ трудящихся, она придаетъ ихъ психологіи общественный характеръ.

Сама атмосфера современныхъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ порождаетъ соціалдемократическое настроеніе. Нѣмецкій богословъ Гере*), лѣтъ 12 тому назадъ превратившійся на три мѣсяца въ простого фабричнаго, чтобы изучить рабочую среду, разсказываетъ, какъ одинъ молодой рабочій на вопросъ, много ли на фабрикѣ соціалдемократовъ, съ энтузіазмомъ воскликнулъ: «О, у насъ здѣсь все — соціалдемократично, даже сами машины».

«Практическое изслѣдованіе» Гере вообще чрезвычайно интересно и важно для пониманія воспитательнаго значенія современной фабрики; и очень характерно, что этотъ богословъ, поставившій сначала своей цѣлью борьбу съ соціалдемократіей, унесъ изъ фабричной атмосферы такую сильную соціалистическую заразу, что въ концѣ концовъ сбросилъ пастырское одѣяніе, сдѣлался соціалдемократомъ и является теперь однимъ изъ 81 соціалдемократическихъ депутатовъ, выбранныхъ въ рейхстагъ въ іюнѣ нынѣшняго года. Особенно сильное впечатлѣніе на Гере произвело чувство солидарности, господствовавшее надъ всѣми остальными чувствами рабочихъ, побѣждавшее личныя антипатіи, зависть, ревность и проч. Рабочій почти никогда не забываетъ, что съ нимъ рядомъ работаетъ товарищъ и что ихъ интересы настолько-же едины, насколько они противоположны интересамъ фабричнаго начальства.

Въ столкновеніяхъ съ фабричной администраціей «фабрика», безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній, а просто по инстинкту держалась какъ одинъ человѣкъ. Чувство классовой общности по наблюденію Гере проявляется у рабочихъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо

*) «Drei Monate Fabrikarbeiter und Handwerksbursche». Eine praktische Studie von Paul Goere, Kandidat der Theologie, General secretär des evanq-socialen Kongresses in Berlin, Leipzig, 1891.

проявлялось чувство національное или расовое. И это чувство проявляется не только въ особыхъ торжественныхъ случаяхъ, но въ каждой мелочи повседневной жизни.

«Съ перваго же дня моего поступленія на фабрику», — разсказываетъ Гере, — «выяснилось, что я былъ не способенъ такъ же стойко и сильно работать, какъ опытные товарищи, стоявшіе со мной въ одномъ ряду. Это тотчасъ принято было во вниманіе и, вмѣсто того, чтобы эксплуатировать новаго и еще боязливаго товарища и заставлять его работать вмѣсто себя, его всегда ставили на самое легкое мѣсто, а иногда даже совсѣмъ ставили въ сторону, чтобы скорѣе и лучше исполнить за него работу. И такое-же товарищеское отношеніе, такое-же дружеское снисхожденіе встрѣчалъ я со стороны большинства слесарей и машинныхъ рабочихъ».

По мнѣнію Гере чувство солидарности воспитывается самимъ процессомъ труда. Онъ «основывался у насъ на принципѣ трудового участія всѣхъ въ производствѣ одного и того-же продукта; отъ мастера и монтера до укладчика и перевозчика каждый имѣлъ дѣло съ одинаковымъ объектомъ, участвуя въ единомъ полномъ смысла цѣломъ, въ сложномъ произведеніи искусства машиннаго организма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ постоянно жило сознаніе взаимной необходимости и отвѣтственности... Ибо каждая рабочая категорія была необходима для процесса работы, каждая въ своемъ урокѣ зависѣла отъ быстрой, акуратной и толковой дѣятельности другихъ. Всѣ хорошо знали, какъ много значитъ, напримѣръ, для слесаря, чтобы буравщикъ буравилъ какъ разъ по предписанію; всѣ видѣли, какъ много труда стоило поправить дѣло, испорченное однимъ и боялись справедливыхъ упрековъ и жалобъ товарищей по работѣ, привлекавшихъ въ такихъ случаяхъ виновнаго къ непріятной отвѣтственности...»

Несомнѣнно, богословъ, пробывшій фабричнымъ рабочимъ всего лишь три мѣсяца, склоненъ, идеализировать процессъ труда, но *долю правды* въ его словахъ найдетъ, вѣроятно, и тотъ, кому приходится участвовать въ этомъ процессѣ работы всю жизнь.

Не только на фабрикѣ, но и внѣ ее пролетарская

жизнь воспитываетъ рабочаго въ коммунистическомъ направленіи. Гере разсказываетъ, какъ въ кварталахъ и домахъ, населенныхъ исключительно рабочими, исчезаетъ семейная обособленность, какъ всѣ дѣти, постоянно играющіе вмѣстѣ, относятся другъ къ другу какъ братья и сестры, независимо отъ формальнаго родства, какъ однѣ и тѣ-же вещи служатъ хозяйству цѣлаго ряда семей, какъ семейный кругъ замѣняется кругомъ цѣлаго квартала, гдѣ всѣ живутъ въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и чувствъ.

Міровоззрѣніе фабричнаго населенія развивается, по наблюденіямъ Гере, опять-таки «подъ давленіемъ все измѣняющаго строя крупнаго фабричнаго производства». Фабричные рабочіе «свободны отъ всѣхъ традиціонныхъ, твердыхъ жизненныхъ формъ, выросшихъ изъ почвы прежнихъ общественныхъ группировокъ».

Рабочіе легко отбрасываютъ традиціонные взгляды отцовъ и стремятся къ «все обхватывающему образованію».

Духовный кризисъ совершается у наиболѣе способныхъ и вдумчивыхъ «безъ всякаго принужденія и вліянія со стороны», онъ совершается «подъ давленіемъ жизненныхъ условій», онъ вытекаетъ изъ возникающаго въ нихъ сознанія «противоположностей и недостатковъ», изъ «*самостоятельнаго* размышленія объ окружающихъ ихъ людяхъ и вещахъ».

То, что Гере говоритъ о нѣмецкихъ рабочихъ, вѣрно и для англійскихъ, французскихъ, *русскихъ* и т. д. Пролетарская психологія интернаціональна, какъ интернаціонально капиталистическое производство.

Какъ вѣрно понимаетъ зависимость революціонной психологіи пролетаріата отъ окружающей среды этотъ нѣмецкій богословъ, сравнительно съ тѣми русскими интеллигентными «соціалдемократами», которые, подобно Ленину, ставятъ своей революціонной задачей «совлечь рабочее движеніе съ пути опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ матерьяльныхъ элементовъ матерьяльной среды» *) и съ интеллигентнымъ высокомѣріемъ утверждаютъ, что «о самостоятельной, самими рабочими массами вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи» **).

*) Н. Ленинъ. «Что дѣлать?»
**) Id.

Въ согласіи съ Гере и, само собою разумѣется, въ несогласіи съ Ленинымъ о революціонномъ вліяніи на рабочихъ «матерьяльной среды» говоритъ (въ № 6 «Жизни») и Максъ Грюндвальдъ, одинъ изъ «лѣвыхъ» нѣмецкихъ соціалдемократовъ.

«Принудительная общая работа на капиталистической фабрикѣ» — говоритъ онъ — «вызываетъ у пролетаріевъ-рабочихъ сильное чувство общности, настолько сильное, что въ исторіи еще ни разу не приходилось, чтобы даже самая воодушевляющая общая идея породила что-нибудь подобное. Какъ колеса и винты, цѣпи и ремни соединяютъ составныя части машины, такъ машина *сама* сковываетъ всѣхъ своихъ рабочихъ въ одинъ общій солидарный кругъ. Если эта солидарность направляется общимъ желаніемъ и болѣе и менѣе яснымъ сознаніемъ, она порождаетъ *организацію.*»

Будемъ надѣяться, что русскимъ сознательнымъ рабочимъ удастся въ концѣ концовъ совлечь русскихъ соціалдемократическихъ «академиковъ» съ пути высомѣрія, который тоже опредѣляется «взаимодѣйствіемъ матерьяльныхъ элементовъ и матерьяльной среды».

VI

Съ интересами промышленнаго пролетаріата совпадаютъ интересы ремесленниковъ и земледѣльцевъ, огромное большинство которыхъ при капиталистическомъ строѣ обречено на полуголодное прозябаніе.

Слово «ремесленникъ» мы беремъ въ самомъ широкомъ значеніи, т. е. мы здѣсь имѣемъ въ виду не только мелкаго производителя, производящаго по заказу потребителя, но и всѣхъ вообще работающихъ на дому, сохраняющихъ большую или меньшую «видимость» самостоятельности и собственности, мы здѣсь имѣемъ въ виду также не только «мастеровъ», но и «подмастерьевъ», мы имѣемъ въ виду и всѣ разнообразныя категоріи «кустарей», нисшіе слои которыхъ смѣшиваются съ промышленнымъ пролетаріатомъ.

Придавать слову «ремесленникъ» такое широкое значеніе можетъ быть не научно. Этою словесною на-

учностью можно, какъ намъ кажется, пожертвовать въ данномъ случаѣ, такъ какъ изъ всѣхъ названій, обычно употребляемыхъ для пестрой массы мелкихъ промышленныхъ производителей, еще не слившихся съ промышленнымъ пролетаріатомъ, «ремесленникъ» (Handwerker) — наиболѣе международное и наиболѣе коренное въ томъ смыслѣ, что «ремесло» въ самомъ научномъ значеніи этого слова является первичною формою мелкаго производства для продажи.

Изъ ремесленныхъ категорій, особенно важное значеніе для русскаго сознательнаго пролетаріата имѣютъ кустари.

В. Ильинъ въ своей книгѣ «Развитіе капитализма въ Россіи» называетъ кустаря-крестьянина «роднымъ братомъ» крупнаго промышленника. Называя кустаря мелкимъ буржуа, Ильинъ утверждаетъ, что этотъ «мелкій буржуа стремится своими мелкими средствами отстоять въ сущности тѣ-же самые классовые интересы, для защиты которыхъ крупный фабрикантъ жаждетъ протекціонизма, премій, привиллегій и проч.»

Изъ этихъ словъ казалось-бы явствуетъ, что по мнѣнію автора классовые интересы кустаря и крупнаго фабриканта одни и тѣ-же, но въ примѣчаніи къ выше приведенному мѣсту, авторъ говоритъ: «Чувствуя, что конкуренція его погубитъ, мелкій буржуа стремится задержать ее, — точно такъ-же, какъ его идеологъ, народникъ, чувствуетъ, что капитализмъ губитъ милые его сердцу «устои», и потому стремится «предотвратить», не допустить, задержать и проч. и проч.»

Изъ этого примѣчанія, кажется, явствуетъ, что интересы кустаря противоположны интересамъ капиталиста, и что авторъ примѣняетъ къ нашему кустарю извѣстныя слова «Коммунистическаго Манифеста» «о среднихъ сословіяхъ». «Они, такимъ образомъ, не революціонны, а консервативны. Болѣе того, они реакціонны, они пытаются повернуть назадъ колесо исторіи».

Но за этими извѣстными словами въ «Комммунистическомъ Манифестѣ» слѣдуютъ другія не менѣе извѣстныя слова: «Если они (среднія сословія) революціонны, то только въ виду предстоящаго имъ перехода въ пролетаріатъ, такимъ образомъ они защищаютъ не свои настоящіе, но свои будущіе интересы, такимъ

образомъ они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія, чтобы стать на точку зрѣнія пролетаріата».

Этимъ послѣднимъ словамъ самъ Марксъ придавалъ впослѣдствіи особенно важное значеніе; онъ напоминаетъ о нихъ въ своей жестокой критикѣ готской программы.

По нашему мнѣнію въ настоящее время по отношенію къ кустарямъ могутъ имѣть значеніе лишь слова «о революціонности».

Положеніе кустарей въ огромномъ большинствѣ случаевъ даже хуже положенія промышленнаго пролетаріата и многимъ изъ нихъ при «переходѣ въ пролетаріатъ» придется не опуститься, а подняться. Ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами пролетаріата; каждый шагъ впередъ пролетаріата улучшаетъ и ихъ положеніе, побѣда пролетаріата — ихъ побѣда. Справедливость этого положенія становится очевидна, если серьезно познакомиться съ кустаремъ въ его прошломъ и настоящемъ. Такое знакомство даетъ превосходное изслѣдованіе М. И. Туганъ-Барановскаго «Русская фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ». Туганъ-Барановскій указываетъ, что кустарные промыслы отчасти выросли изъ домашняго производства сельскаго населенія, отчасти порождены фабрикой и крупной мастерской. Кустари первой категоріи уже въ XVII и XVIII вѣкѣ были подчинены посредникамъ-капиталистамъ, которые владычествовали на рынкѣ. «Власть надъ рынкомъ всегда сопровождается властью надъ производителями». Эти кустари были и остались жертвами эксплуатаціи со стороны торговаго капитала.

Кустари другой категоріи, болѣе обширной и значительной, въ дореформенную эпоху вели упорную борьбу съ крупными капиталистами и часто оказывались побѣдителями. Рядомъ неопровержимыхъ фактовъ Туганъ-Барановскій доказываетъ, что въ Николаевскую эпоху, когда малоразвитая техника еще не была на сторонѣ крупнаго производства, фабрики и заводы вытѣснялись мелкими производителями - кустарями. «Кустарь билъ фабриканта», но въ большинствѣ случаевъ самъ попадалъ въ сѣти торговаго капиталиста. Но во всякомъ случаѣ побѣда въ области производства дѣлала положеніе кустаря довольно сноснымъ. Дѣло совершенно измѣнилось, когда техника окончательно

стала на сторону крупнаго производства; фабрикантъ началъ бить кустаря. Тяжесть зависимости отъ торговаго капитала страшно усилилась. Положеніе кустарей становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе невыносимымъ; они массами бѣжали на работу къ своимъ побѣдителямъ фабрикантамъ, но тѣ брали съ выборомъ, брали только наиболѣе умѣлыхъ, другимъ-же оставляли ихъ «самостоятельность», предпочитая выжимать изъ нихъ потъ работой на дому. Капиталисты стараются теперь не только сохранить «кустарей», но и увеличить ихъ число, такъ какъ при ихъ посредствѣ создавать прибавочную цѣнность иногда еще проще, чѣмъ при посредствѣ фабричнаго рабочаго. «Машина и домашняя система, — говоритъ Туганъ-Барановскій, — являются различными методами достиженія одной и той-же цѣли: пониженія издержекъ производства и повышенія прибыли. Машина является методомъ пониженія издержекъ производства путемъ повышенія производительности труда; домашняя система выжиманія пота — методомъ пониженія издержекъ производства путемъ увеличенія эксплуатаціи рабочаго. Результатъ съ точки зрѣнія капиталиста одинъ и тотъ-же—увеличеніе барыша».

«Всѣмъ извѣстно,—продолжаетъ Туганъ-Барановскій, — что нищенская плата, непомѣрно продолжительный рабочій день и крайняя эксплуатація дѣтскаго труда являются характерными отличительными чертами нашей кустарной промышленности. Не менѣе извѣстно, что такъ называемый самостоятельный кустарь въ дѣйствительности находится въ полной зависимости отъ посредника — мастерка, свѣтелочника, скупщика, — который изъ него выжимаетъ буквально всѣ соки, практикуя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ наглый обманъ, плутовство, расплату не деньгами, а товаромъ по непомѣрно высокой цѣнѣ, закабаленіе кустаря въ неоплатнаго должника и пр. и пр.».

Кустарей у насъ считается до $7^1/_2$ милліоновъ, и эта громадная армія въ концѣ концовъ будетъ на сторонѣ борющагося пролетаріата, такъ какъ если теперь многіе изъ нихъ считали-бы счастьемъ попасть въ ряды современныхъ фабрично-заводскихъ пролетаріевъ, то пролетарская революція дастъ имъ возможность вступить въ ряды пролетаріевъ—побѣдителей, проле-

таріевъ, освободившихся отъ всякой эксплуатаціи, отъ всякаго угнетенія.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время большинство кустарей еще не проникнуты классовымъ пролетарскимъ сознаніемъ, такъ какъ ихъ матеріальной средѣ недостаетъ многихъ «благопріятныхъ» условій для ихъ объединенія, просвѣтлѣнія ихъ классоваго сознанія и организаціи совмѣстной борьбы противъ класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ этомъ отношеніи положеніе городскихъ ремесленниковъ-подмастерьевъ, пекарей, сапожниковъ, портныхъ и т. д., благопріятнѣе, и, насколько мы можемъ судить по сообщеніямъ товарищей пропагандистовъ, соціалистическая пропаганда среди нихъ находитъ очень воспріимчивую почву. Положеніе «самостоятельныхъ производителей» въ Западной Европѣ въ общихъ чертахъ сходно съ ихъ положеніемъ у насъ. Даже въ Англіи имѣются «кустари», живущіе совершенно въ русскихъ условіяхъ.

«Кажется трудно найти двѣ европейскія страны до такой степени несходныя между собой, какъ Россія и Англія, — говоритъ Туганъ-Барановскій, — а между тѣмъ изученіе англійской кустарной промышленности показываетъ, что англійскіе кустари многими чертами поразительно напоминаютъ своихъ русскихъ собратьевъ. Такая же организація промысла, такая же зависимость отъ скупщика, такая же бѣдность, такая же безпомощность, такой же непомѣрно длинный рабочій день и даже такая же невѣжественность».

Это утвержденіе иллюстрируется авторомъ многими характерными фактами.

Въ Германіи, гдѣ когда-то дѣйствительно процвѣтали ремесла, мы видимъ теперь, что большинство ремесленниковъ обречено на голодное прозябаніе.

«Правда, число маленькихъ и среднихъ предпріятій огромно, — говоритъ Бебель въ своей рѣчи противъ Бернштейна. — и это привело Бернштейна къ заключенію, что въ близкомъ будущемъ немыслимо исчезновеніе среднихъ слоевъ. Голыя, поверхностно разсмотрѣнныя цифры даютъ ему на это кажущееся право. Въ 1882 г. всѣхъ самостоятельныхъ предпріятій, считая и домашнюю промышленность, было 2.270.000; въ 1895 г. —2.146.000, уменьшеніе всего на 5,4%. Но населеніе за

этотъ періодъ увеличилось на $14^1/_2\%$, такимъ образомъ въ 1895 г. должно бы быть приблизительно 2.600.000 предпріятій, а ихъ въ дѣйствительности было лишь 2.146.000, слѣдовательно, относительное уменьшеніе не на $5,4\%$, а на 20%.

Уменьшеніе одиночныхъ предпріятій составляетъ 188.000 т. е. $12,6\%$. И здѣсь огромный упадокъ, полный крахъ предпріятій. Тѣ предпріятія, въ которыхъ у мастера нѣтъ ни одного помощника, ни одного ученика, составляютъ, однако, еще цѣлыхъ 61% всѣхъ предпріятій. Товарищи, вы почти всѣ—люди, стоящіе въ практической жизни, и ко всѣмъ вамъ я обращаюсь съ вопросомъ: какое экономическое значеніе имѣетъ въ нашей промышленности этотъ 61% мастеровыхъ предпріятій? Всѣ они, безъ исключенія, влачатъ чисто пролетарское существованіе, и большая часть изъ нихъ поставлена хуже, чѣмъ хорошо оплачиваемые рабочіе. Въ экономическомъ отношеніи эти предпріятія совершенно не должны приниматься въ расчетъ, *они должны болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой желать, чтобы этому общественному строю, какъ можно скорѣе, былъ положенъ конецъ*».

Идеологами всѣхъ этихъ ремесленниковъ могутъ быть только сознательные пролетаріи, только соціалисты и соціалдемократы. Переходъ всѣхъ ремесленниковъ въ фабрично заводскій пролетаріатъ не является необходимымъ условіемъ соціальной революціи, не является онъ необходимымъ и послѣ соціальной революціи. Пролетаріатъ, совершивъ соціальную революцію, экспропріируетъ эксплуататора и положитъ конецъ производству *ради прибыли*, но ему нѣтъ основаній и нѣтъ возможности держаться какой-нибудь одной опредѣленной формы производства продуктовъ ради удовлетворенія потребностей производителей. Вполнѣ возможно представить себѣ, что послѣ соціальной революціи на ряду съ крупнымъ производствомъ сохранится и будетъ развиваться производство мелкое, производство ремесленное. Могутъ найтись производители, которые пожелаютъ быть въ своей работѣ самостоятельными, производить тѣ или другіе предметы для своего потребленія или для потребленія другихъ членовъ общины у себя на дому съ помощью хотя бы небольшихъ электрическихъ двигателей и въ

этомъ имъ, конечно, никто не будетъ препятствовать. Такъ что совершенно правы нѣмецкіе соціалдемократы, которые, выступая защитниками интересовъ мелкихъ производителей, говорятъ имъ, что соціальная революція ихъ кажущуюся самостоятельность и дѣйствительное рабство замѣнитъ дѣйствительною самостоятельностью и дѣйствительной свободой.

Сказанное по поводу ремесленниковъ въ значительной степени относится и къ земледѣльцамъ. Мы намѣренно употребляемъ слово земледѣлецъ, а не крестьянинъ, чтобы показать, что мы имѣемъ въ виду только тѣхъ, кто лично занимается *земледѣліемъ*, т. е. пашетъ, коситъ и т. д. Между «крестьянами» и у насъ, и на Западѣ уже не мало лицъ, переставшихъ быть *земледѣльцами* и сдѣлавшихся болѣе или менѣе крупными *землевладѣльцами* и эксплуататорами.

Едва ли не самымъ отвратительнымъ типомъ эксплуатора является деревенскій кулакъ, деревенскій паукъ, деревенскій міроѣдъ. Изъ міроѣдовъ, эксплуатирующихъ только односельчанъ, выростаютъ крупные хищники, скупающіе окружныя земли у помѣщиковъ и тѣснящіе малоземельныхъ крестьянъ цѣлой округи; нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ-хищниковъ владѣютъ десятками тысячъ десятинъ земли и превратились въ купцовъ. Пользуясь малоземельемъ, бѣдностью, темнотой и безправіемъ сельскаго люда, кулаки съ необычайной быстротой порабощаютъ себѣ окружныхъ крестьянъ, доводя ихъ до нищеты и до полнаго истощенія. Они жирѣютъ одинаково на урожаѣ и на неурожаѣ и на послѣднемъ можетъ быть еще больше, чѣмъ на первомъ. *) «Система» хозяйства у нихъ самая простая. Скупивъ землю, необходимую крестьянамъ, они сдаютъ ее въ аренду и при этомъ стараются такъ опутать арендаторовъ всевозможными условіями и неустойками, чтобы возможно большая часть сжатаго хлѣба перешла въ ихъ амбары. Современный самодержавный полицейскій строй чрезвычайно удобенъ всѣмъ категоріямъ кулаковъ, отъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ. Они злѣйшіе враги всякаго прогресса, и ихъ земельный капитализмъ не имѣетъ ни-

---

*) Одинъ изъ такихъ хищниковъ описанъ нами въ очеркахъ «На холерѣ».

чего общаго «съ сознательнымъ научнымъ примѣненіемъ агрономіи», съ раціонализаціей земледѣлія и другими великими заслугами капиталистическаго производства въ земледѣліи, о которыхъ говоритъ Марксъ во второй главѣ третьяго тома «Капитала», по тѣмъ не менѣе «непосредственнымъ производителямъ» приходится платить этому разуваевскому капиталу ту же цѣну, какъ капиталу культурному и заслуженному — «цѣну своего полнаго обнищанія».

Кулаки—заклятые враги пролетаріевъ, враги всякаго революціоннаго движенія, и надо быть Плехановымъ, чтобы надѣяться на Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, какъ на союзниковъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, чтобы думать, что «они по необходимости должны предварительно пережить свой «періодъ бурныхъ стремленій», чтобы «напередъ знать», «что между кулакомъ и его «батюшкой царемъ» должны произойти сильныя неудовольствія». *)

Надѣясь съ одной стороны на бурныя стремленія Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, Плехановъ возлагаетъ не меньшія надежды въ борьбѣ съ современнымъ режимомъ на гибель «мужика». «Подобно прокурору», — говоритъ Плехановъ, — «въ шуточномъ стихотвореніи «Рѣчь Желеховскаго» онъ (Тихомировъ) готовъ умильнымъ голосомъ воскликнуть теперь:

Христу благодареніе,
Въ мужичкѣ для насъ спасеніе!

И дѣйствительно мужичекъ спасъ бы г. Тихомірова и его нынѣшнихъ «единомышленниковъ», если бы г. Тихомировъ и его нынѣшніе единомышленники могли спасти мужичка, завѣщаннаго намъ добрымъ старымъ временемъ. Но, его не спасетъ никакая ужъ сила». **)

Въ противоположность Плеханову, мы съ одной стороны полагаемъ, что промышленному пролетаріату нѣтъ никакихъ основаній надѣяться на кулаковъ,

---

*) См. брошюру Плеханова «Новый защитникъ самодержавія или Горе господина Тихомирова» (стр. 45); эту брошюру можно было бы назвать съ нѣкоторымъ основаніемъ и такъ: «Новый защитникъ буржуазіи или Горе господина Плеханова».

**) См. то же «Горе», стр. 42.

съ другой стороны мы думаемъ, что «мужичекъ» можетъ оказать очень серьезную поддержку городскому рабочему въ его борьбѣ за соціализмъ, и что «мужичка» въ свою очередь можетъ спасти сила промышленнаго пролетаріата.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большинство нашихъ мужиковъ состоитъ изъ бѣдноты, что оно не живетъ, а прозябаетъ и, что подняться до жизни оно можетъ лишь послѣ низверженія самодержавно-буржуазнаго господства. В. Ильинъ въ «Развитіи капитализма въ Россіи», на основаніи различныхъ данныхъ, (главнымъ образомъ на военно-конной переписи) приходитъ къ заключенію, что зажиточное крестьянство или сельская буржуазія составляетъ не болѣе $^1/_5$ доли дворовъ (что соотвѣтствуетъ приблизительно $^3/_{10}$ населенія), число же сельскихъ пролетаріевъ собственниковъ, у которыхъ или совсѣмъ нѣтъ лошадей, или одна лошадь, и которыхъ Ильинъ называетъ наемными рабочими съ надѣломъ, составляетъ не менѣе половины всего числа крестьянскихъ дворовъ (что соотвѣтствуетъ приблизительно $^4/_{10}$ населенія); остальную массу составляетъ среднее крестьянство. «Въ большинствѣ случаевъ, говоритъ Ильинъ, — средній крестьянинъ не можетъ свести концовъ съ концами безъ того, чтобы не прибѣгать къ займамъ подъ отработки и т. п. безъ того, чтобы не искать «подсобныхъ» стороннихъ заработковъ, состоящихъ тоже отчасти изъ продажи рабочей силы, и т. д. Каждый неурожай выбрасываетъ массы средняго крестьянина въ ряды пролетаріата».

Н. Ленинъ въ своемъ обращеніи «Къ деревенской бѣднотѣ», фактическая часть котораго, повидимому, построена на тѣхъ же данныхъ, какъ и книга Ильина, высчитываетъ, что «къ деревенской бѣднотѣ принадлежитъ громадное большинство, почти $^2/_3$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ въ Россіи» ($6^1/_2$ милліоновъ дворовъ изъ 10 милліоновъ); среднихъ крестьянъ, у которыхъ по одной парѣ рабочаго скота около $^1/_5$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ (около 2 милліоновъ); наконецъ, зажиточныхъ крестьянъ («богатыхъ», по выраженію Ленина), имѣющихъ болѣе чѣмъ по парѣ рабочаго скота, — 0,15 дворовъ ($1^1/_2$ милліона). Изъ этихъ послѣднихъ только очень небольшая часть дѣйствительно

богаты, и эти богатые, главнымъ образомъ, кулаки. Деревенскую бѣдноту Ленинъ считаетъ роднымъ братомъ городского рабочаго. Среднимъ крестьянамъ онъ доказываетъ выгоду соединенія съ рабочими-соціал-демократами. Что касается до богатыхъ крестьянъ, то съ ними соціалдемократы могутъ сдѣлать лишь первый шагъ, добившись свободы, а затѣмъ начать бороться противъ нихъ за соціализмъ. Впрочемъ, Ленинъ, видимо надѣется, что съ богатыми крестьянами можно сдѣлать и второй шагъ. «Но можно-ли,— пишетъ онъ, —теперь уже сразу сказать, какое требованіе встанетъ на очередь завтра для второго шага? Нѣтъ, этого сказать нельзя, потому что мы не знаемъ, какъ будутъ себя держать завтра богатые крестьяне и многіе образованные люди, занятые всякими кооперація̀ми и всякимъ перетеканіемъ земли отъ капитала къ труду.

Можетъ быть, они еще не успѣютъ завтра-же сойтись съ помѣщиками и захотятъ добить помѣщичью власть до конца. Отлично».

Ленинъ, какъ видите, сильно расходится съ Плехановымъ въ своихъ взглядахъ на «мужичка». Расходится онъ съ Плехановымъ въ *данномъ случаѣ* (т. е. въ обращеніи «Къ деревенской бѣднотѣ») и во взглядахъ на «образованныхъ людей.»

Члены «Группы освобожденія труда» и въ частности Плехановъ очень высоко ставили «образованныхъ людей», приводимыхъ въ унынie непониманіемъ мужика, Ленинъ-же ставитъ ихъ на одну доску съ богатыми крестьянами и считаетъ вѣроятнымъ, что эти «образованные люди»завтра-же соединятся съ помѣщиками. Къ этимъ «образованнымъ людямъ» Ленинъ, видимо, относитъ народниковъ, соціалистовъ-революціонеровъ и нѣмецкаго соціалдемократа Эдуарда Давида, выбраннаго въ нынѣшнемъ году рабочими Майнца въ Германскій рейхстагъ. Надо замѣтить, что соціалисты-революціонеры и Эдуардъ Давидъ составляютъ одинъ изъ пунктовъ душевнаго разстройства Ленина. Онъ ихъ суетъ рѣшительно всюду и обыкновенно совершенно не къ мѣсту, особенно не къ мѣсту упоминаніе о нихъ въ туманно-обвинительной формѣ въ такой брошюрѣ, какъ «Къ деревенской бѣднотѣ», которая должна служить своего рода оффиціальнымъ объясненіемъ для крестьянъ «Чего хотятъ соціалдемократы».

Упоминаніе о Давидѣ просто смѣшно, такъ какъ деревенская бѣднота, если къ ней попадетъ книга Ленина, вѣроятно смѣшаетъ его съ царемъ Давидомъ-Псалмопѣвцемъ, но двухсмысленные намеки на солидарность крѣпостниковъ и соціалистовъ-революціонеровъ *) можно извинить лишь душевнымъ разстройствомъ автора.

Обращеніе «Къ деревенской бѣднотѣ» точно также, какъ книга «Что дѣлать» показываютъ, что у автора ихъ несомнѣнно бываетъ «intervala lucida», минуты просвѣтленія, и просвѣтленія иногда блестящаго. Къ такимъ «intervala lucida» принадлежитъ все то, что Ленинъ говоритъ о современномъ положеніи крестьянства и о совпаденіи интересовъ огромнаго большинства его съ интересами промышленнаго пролетаріата. Но на ряду съ этими свѣтлыми промежутками мы встрѣчаемъ мѣста, которыя не могутъ не вызвать у читателя чувства и огорченія, и опасенія за почтеннаго автора. Таково, напримѣръ, мѣсто, гдѣ объясняется, какъ долженъ рабочій соціалдемократъ держать себя въ деревнѣ. «Деревня вся цѣликомъ, какъ муха въ паутинѣ, въ лапахъ у сосѣда—помѣщика, не выходитъ изъ кабалы всю жизнь и некуда дѣться ей отъ этой кабалы. Надо сейчасъ выбрать самыхъ *толковыхъ, разумныхъ и надежныхъ крестьянъ*, которые ищутъ правды и не убоятся первой полицейской собаки, и *разъяснить этимъ крестьянамъ, отчего происходитъ ихъ безисходная кабала*, разсказать, *какъ помѣщики надували крестьянъ и обирали* ихъ въ дворянскихъ комитетахъ, *разсказать про силу богатыхъ* и поддержку ихъ царскимъ правительствомъ, разсказать о требованіяхъ рабочихъ-соціалдемократовъ. Когда крестьяне поймутъ всю эту *нехитрую механику*, тогда надо хорошенько обдумать сообща, нельзя-ли дать дружный отпоръ этому помѣщику, нельзя-ли крестьянамъ заявить свои первыя и главныя требованія (подобно тому, какъ въ городахъ рабочіе заявляютъ свои требованія фабрикантамъ). Если закабалено этимъ помѣщикомъ большое село или нѣсколько деревень, то лучше бы всего было достать отъ ближняго соціалдемократическаго комитета черезъ довѣренныхъ людей *листовку*:

*) См. стр. 60

въ листовкѣ соціалдемократическій комитетъ напишетъ, какъ слѣдуетъ, съ самаго начала, *отъ какой кабалы страдаютъ крестьяне* и чего они *въ первую голову требуютъ* (чтобы плата за съемную землю была дешевле или чтобы при зимней наемкѣ разсчитывали по настоящимъ цѣнамъ, а не за полъ-цѣны, или чтобы за потравы такъ не преслѣдовали, не тѣснили, или разныя другія требованія). Изъ такой листовки всѣ грамотные крестьяне *узнаютъ* хорошо, *въ чемъ дѣло*, да и неграмотнымъ объяснятъ. *Тогда крестьяне увидятъ ясно, что соціалдемократы стоятъ за нихъ, что соціалдемократы всякій грабежъ осуждаютъ.*»*)

Неужели безъ «ближняго соціалдемократическаго комитета» и его волшебной «листовки» крестьяне не будутъ знать, чего «они въ первую голову требуютъ», неужели «ближній соціалдемократическій комитетъ», гдѣ, навѣрное, засѣдаютъ «образованные люди», лучше знаетъ «требованія» крестьянъ, чѣмъ они сами?! Развѣ «комитетскихъ», а не крестьянскихъ лошадей и коровъ загоняютъ за «потравы»?

Даже «самые толковые, разумные и надежные крестьяне» безъ «соціалдемократа» не знаютъ, отчего происходитъ ихъ безысходная кабала!

И въ концѣ концовъ все для того, чтобы узнать, что «соціалдемократы всякій грабежъ осуждаютъ». Хорошее, нечего сказать, опредѣленіе сущности соціалдемократизма! И что такое «грабежъ»?

И съ «*законной*» и съ «*обычной*» точки зрѣнія очень многія требованія соціалдемократіи можно назвать «грабежемъ».

Впрочемъ, вѣдь по мнѣнію «Искры» намъ предстоитъ «буржуазная революція», которая, разумѣется, «осудитъ всякій грабежъ» и, пожалуй, введетъ смертную казнь за нарушеніе священнаго права частной собственности.

Ленинъ не въ состояніи ликовать при мысли, что мужичка «не спасетъ никакая ужъ сила», но и онъ возлагаетъ какія-то надежды на кулаковъ.

Въ число его «богатыхъ мужиковъ», на сколько можно понять, входятъ и кулаки, а съ богатыми му-

---

*) Подчеркнуто всюду мною. В. П.

жиками, по его мнѣнію, обязательно надо идти вмѣстѣ. Фабричный рабочій, деревенскій батракъ и кулакъ съ нѣсколькими тысячами десятинъ земли соединятся въ одномъ революціонномъ порывѣ, чтобы отыскать въ перегородкѣ дверь!

Первый шагъ непремѣнно «вмѣстѣ съ богатѣями»!

Кто думаетъ, что съ самаго начала надо бороться и съ помѣщиками, и съ богатѣями, тотъ «засоряетъ глаза деревенской бѣднотѣ»!

Не засорены ли глаза у самого Ленина?

Только при засореніи глазъ можно совершенно правильно указывать, что «богатѣямъ» вѣрить нельзя, что «они и теперь уже понабрали и купчей земли и съемной, да имъ еще мало» и въ то же время, даже безъ передышки, рекомендовать деревенской бѣднотѣ идти съ ними въ союзѣ, чтобы дѣлать вмѣстѣ первый шагъ.

Нѣтъ, всѣ эти разсужденія о возможности союза съ тѣми, интересамъ которыхъ противорѣчитъ измѣненіе существующаго капиталистическаго строя, — говоря словами Ленина—«одинъ обманъ, одна издѣвка надъ крестьянствомъ».

«Союзы» съ буржуазіей для «перваго шага» всегда оказывались «обманомъ и издѣвкой» для неимущей и трудящейся массы.

Несомнѣнно, что соціалдемократъ-рабочій неспособенъ давать деревенской бѣднотѣ подобныхъ совѣтовъ; что же касается «образованныхъ людей», то, вѣдь говоритъ же Ленинъ, что «многіе образованные люди могутъ завтра-же, какъ только худшая кабала будетъ ограничена и урѣзана, соединиться съ помѣщиками»...

У «честныхъ и развитыхъ людей», у которыхъ, по словамъ Плеханова, «не можетъ быть вопроса, нужна-ли намъ (!) эта свобода», у этихъ людей найдутся потомъ очень дѣйствительныя средства привести въ уныніе уже не «высшіе классы», а «деревенскую бѣдноту».

Съ «переходомъ на точку зрѣнія пролетаріата» надо быть тоже очень осторожнымъ. Переходъ серьезный, переходъ безъ «обмана и издѣвки» предполагаетъ совпаденіе интересовъ.

У *земледѣльцевъ* интересы совпадаютъ съ интере-

сами промышленнаго пролетаріата, потому что при современномъ капиталистическомъ строѣ и тѣ, и другіе обдѣлены и угнетены, потому что и тѣ, и другіе, какъ труженники и производители всѣхъ цѣнностей, могутъ стать свободными людьми только въ такомъ обществѣ, гдѣ трудъ и производство перестанутъ быть источниками эксплуатаціи и угнетенія для тружениковъ и производителей.

Конечно, совпаденіе интересовъ не есть еще единство сознанія этихъ интересовъ. Условія жизни промышленнаго пролетаріата болѣе благопріятны для выработки соціалистическаго сознанія, чѣмъ условія жизни земледѣльцевъ.

Для западно-европейскихъ крестьянъ-земледѣльцевъ однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій является ихъ *разбросанность*, русскіе земледѣльцы находятся въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятномъ положеніи: значительная часть ихъ живетъ въ обширныхъ деревняхъ и селахъ и привыкла дѣйствовать «міромъ».

Ленинъ слишкомъ быстро ставитъ крестъ надъ «міромъ».

Совершенно вѣрно, что въ «мірѣ» происходитъ борьба между богатѣями и бѣднотой, но сама эта борьба носитъ «мірской», общественный характеръ и несомнѣнно воспитываетъ *солидарность бѣдноты*. «Сходъ» объединяетъ бѣдноту болѣе, чѣмъ богатѣевъ, и нерѣдки случаи, когда бѣднота беретъ верхъ. *)

Но и помимо этого «міръ», мірское самоуправленіе пріучаетъ къ общественной жизни, къ созданію изъ индивидуальной воли — воли общественной.

Мы увѣрены, что мірское воспитаніе русскихъ крестьянъ скажется самымъ благопріятнымъ образомъ при созидательной работѣ послѣ побѣды пролетаріата.

Рано также ставить крестъ и на «общинномъ землевладѣніи» и легкомысленно видѣть въ немъ однѣ лишь отрицательныя стороны.

Въ этомъ отношеніи русскіе марксисты, въ противоположность Марксу, не мало погрѣшили. Прежде

*) Объ одной изъ такихъ побѣдъ очень живо разсказываетъ *И. С.* въ очеркѣ «Изъ деревенскихъ впечатлѣній». (См. «Жизнь», № 6, 1902).

всего они слишкомъ увлеклись почтеннымъ русскимъ ученымъ Б. Н. Чичеринымъ, главнымъ творцомъ теоріи, по которой общинное землевладѣніе результатъ финансовой политики государства. По словамъ М. М. Ковалевскаго, «наши историки покинули мало-по-малу теорію г. Чичерина, которая въ настоящее время имѣетъ приверженцевъ только заграницей, особенно во Франціи», но это не мѣшаетъ авторамъ «приложенія» къ докладу русскихъ соціалдемократовъ лондонскому соціалистическому конгрессу 1896 года рѣшительно заявлять, что представленіе о русской общинѣ, какъ остаткѣ первобытнаго коммунизма, — «совершенно ошибочно», что «новѣйшія изслѣдованія обнаружили его несостоятельность» и «съ полной убѣдительностью показали, что русское общинное землевладѣніе создано, съ одной стороны, властью помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами, а съ другой — финансовой политикой государства». Для авторовъ «приложенія» къ докладу «не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе или менѣе раціональная реформа налоговъ, ведущая къ облегченію податного гнета, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ могилой русскаго общиннаго землевладѣнія, которое къ тому же, невыгодно для бѣднѣйшей части сельскаго населенія».

Не знаемъ, писалъ ли этотъ докладъ Плехановъ, или кто-нибудь другой, но во всякомъ случаѣ авторъ очень близокъ къ тѣмъ, про которыхъ Некрасовъ сказалъ: «что ему книга послѣдняя скажетъ, то на сердце сверху и ляжетъ», и очень далекъ отъ такихъ серьзныхъ мыслителей, какъ К. Марксъ.

К. Марксъ, какъ извѣстно, очень серьезно занимался вопросомъ о русской общинѣ и пришелъ къ заключенію, что «русская крестьянская община», — «уже очень разложившаяся *форма первобытной общинной собственности*» и что «если русская революція будетъ сигналомъ къ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ дополнятъ другъ друга, тогда современная русская общинная собственность можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія».

Намъ кажется, что русскимъ «марксистамъ» пока еще не удалось опровергнуть этого осторожнаго заявленія Маркса.

Подождемъ, что дастъ серьезное изслѣдованіе во-

проса объ «общинѣ», предпринятое не-марксистомъ К. Р. Качоровскимъ, но уже вышедшій первый томъ («Общее введеніе») открываетъ въ этомъ вопросѣ много новыхъ сторонъ и показываетъ, что терминъ «русская крестьянская земельная община» охватываетъ очень разнообразныя формы, изъ которыхъ выдѣляются два *типа*: «первый типъ, основное ядро котораго составляютъ бывшія государственныя общины (а также иородческія, казаческія, удѣльныя и т. п.), представляетъ дѣйствительную... общину обычнаго права, общину, говоря крестьянскими словами, «вольную», натуральную», «самонатурную».... «Землевладѣніе остальной части общинъ — бывшихъ помѣщичьихъ — наоборотъ, представляетъ въ большей степени государственно-юридическій, чѣмъ обычно-правовой институтъ».

Качоровскій отмѣчаетъ также рядъ фазисовъ, переживаемыхъ общиною подъ вліяніемъ «факторовъ естественныхъ и экономическихъ»: «сначала *развитія*, затѣмъ *дѣйствія* и, наконецъ, *замиранія*.

Все русское крестьянство проходитъ черезъ общину: «на востокѣ она въ будущемъ и развивается, въ центрѣ — въ настоящемъ и въ полной силѣ и на западѣ — въ прошломъ и идетъ къ упадку и разложенію».

Особенно интересны и важны для насъ общины сибирскія, находящіяся въ «развитіи», — въ этихъ общинахъ происходитъ борьба малоземельныхъ «малолѣтовъ», отстаивающихъ *право на трудъ* съ многоземельными «старозаимщиками», захватившими большія участки, когда еще не было «земельнаго утѣсненія», и отстаивающими *право труда*.

Результатомъ борьбы является созданіе своеобразной формы общиннаго землепользованія.

Во всякомъ случаѣ въ русскомъ крестьянствѣ еще живетъ сила коллективнаго творчества въ созданіи той или другой формы землепользованія въ зависимости отъ измѣняющихся условій. Эта сила можетъ сыграть большую роль при выработкѣ соціалистическихъ формъ общественнаго производства.

Для тѣхъ «соціалдемократовъ», которые, подобно

*) См. «Манифестъ коммунистической партіи» (Предисловіе Энгельса къ нѣмецкому изданію 1890 г.) стр. 7. нашего перевода.

авторамъ лондонскаго доклада, «не вѣрятъ въ полную демократизацію русскихъ государственныхъ учрежденій въ ближайшемъ будущемъ», «община»—не интересна; для тѣхъ же, которые, вмѣстѣ съ западноевропейскими соціалдемократами, вѣрятъ въ близкую побѣду пролетаріата надъ буржуазіей, община — интересна и интересна, главнымъ образомъ, съ своей положительной стороны.

Въ 1871-мъ году французскіе крестьяне, къ которымъ парижскіе коммунары обращались съ призывомъ соединиться, чтобы отнять у буржуазіи всѣ средства производства, остались равнодушны.

Марксъ объяснилъ это тѣмъ, что «между коммунальнымъ Парижемъ и провинціями» не успѣло установиться свободное сообщеніе.

«Деревенскіе депутаты»—говоритъ онъ въ «Гражданской войнѣ» — «знали какъ нельзя лучше — и этого они опасались больше всего — что стоитъ установиться свободному сообщенію между коммунальнымъ Парижемъ и провинціями, и черезъ какіе нибудь три мѣсяца вспыхнетъ поголовное крестьянское возстаніе.»

Намъ кажется, что французскіе крестьяне не откликнулись вслѣдствіе болѣе глубокой причины: они не могли понять солидарности своихъ интересовъ съ интересами городскихъ пролетаріевъ, и не могли понять въ значительной степени потому, что между ними не было солидарности и сплоченности, что они были раздѣлены своей мелкой земельной собственностью....

Русскіе коммунары, надо надѣяться, окажутся счастливѣе парижскихъ, и до *нѣкоторой* степени они будутъ этимъ обязаны деревенскому «міру» и общинному землевладѣнію.

VII

Сила пролетаріата увеличивается и постепеннымъ вступленіемъ въ его ряды части представителей умственнаго труда, необезпеченность которыхъ возрастаетъ съ развитіемъ капиталистическаго строя.

Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ «стихотвореній въ прозѣ» сравнилъ русскій народъ, т. е. «народъ про-

стой», народъ мужицкій — со сфинксомъ. Но въ дѣйствительности названіе сфинкса гораздо болѣе подходитъ къ интеллигенціи. Интеллигенція — сфинксъ, передъ которой съ недоумѣніемъ стоитъ пролетаріатъ, стараясь разгадать заданную сфинксомъ загадку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его самого. Древній сфинксъ спрашивалъ Эдипа: какое животное утромъ ходитъ на четырехъ ногахъ, днемъ на двухъ ногахъ и вечеромъ на трехъ? Эдипъ, сказавъ: «человѣкъ», разгадалъ загадку, и чудовище бросилось въ море.

Современный сфинксъ-интеллигенція задаетъ современному Эдипу-пролетаріату, идущему, чтобы освободить не одинъ городъ, а все человѣчество, болѣе мудреную загадку: «Какое животное одновременно ходитъ на четырехъ ногахъ, на двухъ ногахъ и на трехъ ногахъ?» И пролетаріатъ отвѣчаетъ: «Интеллигенція.» Загадка разгадана, сфинксъ исчезаетъ.

Въ интеллигенціи три основныхъ элемента: одинъ состоитъ изъ слугъ капиталистовъ, слугъ буржуазіи. Эти слуги не могутъ ходить прямо, они ползаютъ или ходятъ на четверенкахъ. Другой элементъ состоитъ изъ интеллигентовъ-пролетаріевъ, идущихъ нога въ ногу съ сознательными представителями промышленнаго труда, идущихъ прямо, идущихъ такъ, какъ слѣдуетъ ходить человѣку, сознающему свое человѣческое достоинство. Большая часть этихъ прямо идущихъ интеллигентовъ и по своему происхожденію, и по всѣмъ своимъ воззрѣніямъ и привычкамъ, а, главное, по бѣдности и необезпеченности своей трудовой жизни заслуживаетъ почетнаго названія пролетарія.

Наконецъ третій элементъ состоитъ изъ идейныхъ инвалидовъ, изъ буржуазныхъ идеалистовъ, сохранившихъ по атавизму революціонный духъ буржуазіи, въ то время, какъ она его уже окончательно потеряла, сдѣлавшись силой консервативной. Они вытолкнуты изъ рядовъ буржуазіи, съ которой они были кровно связаны и имъ не поспѣть за пролетаріатомъ, они ковыляютъ въ хвостѣ его, опираясь на костыль, они ходятъ прямо, но на трехъ ногахъ, т. е. съ костылемъ.

Сфинксъ-интеллигенція опасенъ тѣмъ, что эти три элемента такъ перемѣшаны между собою, что пролетаріатъ нерѣдко принимаетъ четвероногаго интеллигента за двуногаго, тѣмъ болѣе, что четвероногій

ползая передъ капиталистами, передъ пролетаріемъ стоитъ прямо, высоко поднявъ свою голову съ сіяніемъ ложной учености.

Мы могли-бы привести немало примѣровъ, когда четвероногіе сходили за самыхъ настоящихъ двуногихъ, но мы ограничимся указаніемъ лишь на одного четвероногаго, скрывающагося подъ псевдонимомъ Atlanticus, не потому, чтобъ онъ былъ самымъ опаснымъ и самымъ интереснымъ, а потому что онъ касается чрезвычайно опасныхъ и интересныхъ вопросовъ, а также и потому, что его, по какому-то странному недоразумѣнію, въ ряды пролетарскихъ писателей ввелъ самый видный изъ современныхъ идеологовъ марксизма, несомнѣнно интеллигентъ-пролетарій — Карлъ Каутскій.

Въ 1898 году въ соціалдемократическомъ издательствѣ Дитца, съ предисловіемъ Карла Каутскаго, появилась книга Atlanticus'a: «Взглядъ въ государство будущаго. Производство и потребленіе въ соціальномъ государствѣ» (Ein Blick in den Zukunftstaat. Produktion und Konsum im Sozialstaat).

Свое предисловіе Каутскій начинаетъ указаніемъ, что предлагаемая работа была прислана для опубликованія въ «Neue Zeit», оффиціальномъ журналѣ соціалдемократической партіи, редакторомъ котораго онъ состоитъ. Объемъ работы оказался слишкомъ великъ для журнала, но она показалась Каутскому столь интересной и важной, что онъ посовѣтовалъ издателю «Neue Zeit» Дитцу, издать ее отдѣльной брошюрой. Каутскій заявляетъ, что онъ несетъ извѣстную отвѣтственность за ея появленіе «и это тѣмъ болѣе,—прибавляетъ онъ —что авторъ сочиненія по понятнымъ причинамъ появляется передъ публикой подъ псевдонимомъ, благодаря пресловутой свободѣ, которой наука пользуется въ странѣ поэтовъ и мыслителей».

Для насъ причины выступленія автора подъ псевдонимомъ не вполнѣ понятны. Но, вѣроятно, Каутскій намекаетъ на то, что авторъ принадлежитъ къ оффиціальному научному міру Германіи. Если это такъ, то Каутскій могъ-бы, и не читая книги, понять, что онъ имѣетъ дѣло съ четвероногимъ.

Взявъ на себѣ отвѣтственность за появленіе этой книги въ соціалдемократическомъ издательствѣ, Ка-

утскій оговаривается, что она «написана никакъ не съ нашей точки зрѣнія»... «но при всѣхъ различіяхъ и противоположностяхъ онъ (авторъ) *все-же соціалистъ* и его работа не имѣла никакой надежды быть принятой въ буржуазномъ издательствѣ, но мы были-бы, добавляетъ Каутскій, очень огорчены, если-бы она совсѣмъ не могла появиться, такъ какъ она заполняетъ пробѣлъ въ современной *соціалистической**) литературѣ или, по крайней мѣрѣ, пролагаетъ путь къ его заполненію.»

Въ серединѣ предисловія Каутскій еще разъ подчеркиваетъ, что предлагаемая работа имѣетъ большія заслуги и еще разъ оговаривается, что онъ не можетъ подписаться подъ каждымъ ея выраженіемъ, но находитъ нужнымъ пояснить свое сомнѣніе (Bedenken) только по одному пункту, именно, по вопросу о колоніальной политикѣ. Свое сомнѣніе Каутскій выражаетъ въ очень мягкой формѣ и заканчиваетъ предисловіе пожеланіемъ книжкѣ «хорошаго успѣха».

Мы остановимся прежде всего на томъ вопросѣ, который вызвалъ у Каутскаго сомнѣніе, именно, на колоніальной политикѣ. Atlanticus полагаетъ, что и въ государствѣ будущаго, въ соціальномъ государствѣ, которое послѣ своей *окончательной* побѣды устроитъ нѣмецкая соціалдемократія, колоніальная политика будетъ играть большую роль. Нѣмецкіе соціалдемократы должны стремиться уже въ настоящее время къ тому, чтобы захватить какъ можно болѣе колоній для того, чтобы послѣ созданія у себя въ Европѣ соціалистическаго государства, ввести въ колоніяхъ... принудительныя работы для чернокожихъ и желтокожихъ туземцевъ. Трудность устройства тропическаго сельскаго хозяйства, по мнѣнію автора, лежитъ единственно въ недостаткѣ рабочихъ силъ. «Но, — заявляетъ онъ,— даже эта трудность преодолима. Бѣлые, конечно, не могутъ ни при какихъ условіяхъ привлекаться къ физической работѣ въ собственно тропическомъ поясѣ. Слѣдовало-бы, выражаясь просто, ввести извѣстное принужденіе работать для туземцевъ. Это принужденіе работать ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ разсматривать, какъ рабство, оно при соотвѣтствующихъ

*) Въ обоихъ случаяхъ подчеркнуто нами. В. П.

результатахъ работы, совсѣмъ не должно быть дольше чѣмъ трудовая обязанность бѣлаго въ Европѣ».

Высчитавъ выгоды отъ этого принужденія къ работѣ, Atlanticus заявляетъ далѣе: «Если изъ-за туманной сантиментальности не захотятъ рѣшиться и на такое временное принужденіе работать для чернокожихъ, тогда, конечно, ничего не подѣлать. По своей волѣ въ современныхъ условіяхъ негръ, при ограниченности его потребностей, рѣдко станетъ работать. Если иногда, особенно въ соціалдемократической прессѣ проклинается жестокосердечіе голландцевъ, принуждавшихъ на Явѣ туземцевъ къ работѣ, то при этомъ не знаютъ, какъ незначительно совершается работа, и какъ несказанно лѣниво и невнимательно она совершается туземцами».

Въ этихъ «простыхъ» словахъ соціалиста-интеллигента, вводимаго Каутскимъ въ соціалдемократическую литературу, намъ чувствуется что-то зловѣщее. Не менѣе зловѣщими кажутся намъ разсужденія соціалиста, о возможности соглашенія соціалдемократовъ съ прусскимъ юнкерствомъ, которому, по мнѣнію Atlanticus'а, въ моментъ устройства соціалистическаго общества представится случай очень выгодно продать свои имѣнія.

Заботясь о выгодахъ прусскаго юнкерства, нашъ интеллигентный соціалистъ не забываетъ, конечно, и духовенства. Въ бюджетъ нѣмецкаго соціалистическаго государства Атлантикусъ вноситъ кругленькую сумму въ 100 милліоновъ марокъ, которыя придется платить ежегодно 30000 священниковъ. По его мнѣнію, соціалдемократы дѣлаютъ тяжелую ошибку, требуя отдѣленія церкви отъ государства. «Это значитъ, — говоритъ онъ, — въ случаѣ побѣды выпустить изъ рукъ самое могучее оружіе, которое могло бы привести къ соціализму еще сопротивляющіеся круги вѣрующихъ. Именно христіанство въ высшей степени соціалистично, даже коммунистично и, при удержаніи государственной зависимости, представители церкви вскорѣ стали бы еще съ большимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и горячностью выступать за новый порядокъ и власть, которая тогда окажется точно также установленной Богомъ, чѣмъ они это дѣлаютъ теперь по отношенію къ власти современной».

Неужели эти іезуитскія разсужденія о попахъ, съ жаромъ защищающихъ соціалистическое начальство, не вызвали въ душѣ Каутскаго чувства отвращенія? Впрочемъ, вѣдь и «Искра» расчитываетъ на русскихъ поповъ, какъ на союзниковъ и съ удовольствіемъ печатаетъ письмо, гдѣ попъ раскланивается передъ ея программой, удостовѣряя, что она соотвѣтствуетъ духу православной церкви.

Еще щедрѣе, чѣмъ поповъ, награждаетъ Атлантикусъ офицеровъ. 25000 офицерамъ германское соціалдемократическое государство должно будетъ платить ежегодно 125 мил. марокъ. Атлантикусъ, само собой разумѣется, и въ соціалистическомъ государствѣ оставляетъ постоянное войско и видимо желаетъ увеличить военный флотъ, чтобы отнять часть колоній у Англіи.

Какъ человѣкъ высокой нравственности, онъ возлагаетъ на соціалистическое государство борьбу со «свободной любовью», находя невозможнымъ измѣнить современныя постановленія о бракѣ.

Наконецъ, Атлантикусъ считаетъ важнымъ подчеркнуть, что въ будущемъ государствѣ можетъ сохраниться и монархія.

И этому четвероногому господину Каутскій выдаетъ патентъ *соціалиста*, и про эту книгу онъ говоритъ, что она заполняетъ пробѣлъ въ *соціалистической* литературѣ!

Впрочемъ, пролетарію въ одномъ отношеніи должно быть полезно появленіе въ соціалдемократическомъ издательствѣ подобной книги; оно показываетъ ему, какія буржуазно-іезуитскія натуры могутъ скрываться подъ интеллигентно-соціалистической оболочкой, и какъ необходимо, чтобы въ соціадемократической программѣ были опредѣленно указаны тѣ измѣненія существующаго строя, которыя соціалдемократія намѣрена произвести въ моментъ своей побѣды.

Въ «Коммунистическомъ манифестѣ» Марксъ упоминаетъ о массѣ образовательныхъ элементовъ, которые попадаютъ въ среду пролетаріата изъ среды господствующихъ классовъ. Увеличиваютъ ли эти элементы силу пролетаріата—большой вопросъ. Огромное большинство этихъ элементовъ всегда готово пойти въ лакеи буржуазіи, разъ та поманитъ ихъ звонкою монетою.

Каутскій до извѣстной степени правъ, когда говоритъ въ Эрфуртской программѣ, что «интеллигентный пролетаріатъ скоро будетъ отличаться отъ другихъ наемныхъ рабочихъ лишь однимъ *высокомѣріемъ*. Въ большинствѣ случаевъ онъ все еще воображаетъ, что представляетъ изъ себя нѣчто высшее, чѣмъ пролетаріи, онъ все еще причисляетъ себя къ буржуазіи, но это уже похоже на то, какъ слуги говорятъ «мы» о своихъ господахъ. Эти люди перестали быть умственными вождями буржуазіи, а стали ея клакерами.

Какъ чума, распространяется среди нихъ *карьеризмъ*. Не *развитіе* своихъ умственныхъ способностей, а *выгодная продажа* ихъ составляетъ ихъ главную заботу. Главнымъ средствомъ выдвинуться впередъ становится *проституированіе своего я... Продажа своихъ убѣжденій и бракъ изъ-за денегъ* стали въ глазахъ большинства нашихъ интеллигентовъ двумя столь же понятными, какъ и неизбѣжными, средствами завоевать себѣ счастья. Вотъ что дѣлаетъ капиталистическій способъ производства изъ идеалистовъ, изслѣдователей и мечтателей!»

Не этотъ слой интеллигенціи мы имѣемъ въ виду, когда говоримъ объ увеличеніи силы пролетаріата вступленіемъ въ его ряды части представителей умственнаго труда. Мы имѣемъ въ виду народныхъ учителей и учительницъ, фельдшеровъ, фельдшерицъ и другихъ маленькихъ интеллигентныхъ людей, которые большею частью вышли не изъ среды эксплуататоровъ, а изъ среды эксплуатируемыхъ, которымъ приходится жить «по-мужицки» и которые не могутъ мечтать ни о какой карьерѣ.

И чѣмъ больше развивается капиталистическій строй, тѣмъ легче становится сдѣлаться маленькимъ интеллигентнымъ человѣкомъ, но тѣмъ больше кандидатовъ на скудно оплачиваемое мѣсто, тѣмъ чаще этимъ интеллигентнымъ работникамъ приходится оставаться безъ работы и безъ куска хлѣба. Въ пролетарскомъ обществѣ, гдѣ школа выдвинется на первый планъ, гдѣ потребуется въ сто разъ болѣе народныхъ учителей и другихъ культурныхъ труженниковъ, чѣмъ теперь, этимъ людямъ предстоитъ начать настоящую жизнь, жизнь не менѣе трудовую, но безъ матеріальныхъ лишеній и безъ той массы нравственныхъ уни-

женій, которыя имъ приходится переживать въ настоящее время. Ихъ интересъ совпадаетъ съ интересомъ пролетаріата, и, сознавая это, они вступаютъ въ ряды борцовъ за соціализмъ.

Самоотверженнымъ союзникомъ промышленнаго пролетаріата можетъ быть и *часть* учащейся молодежи, которая еще не пропитана буржуазной дѣловитостью и законностью, у которой не успѣло еще развиться стремленіе къ эксплуатаціи людей, и у которой жизнь и работа приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ развиваетъ духъ товарищества, духъ солидарности, которой нѣсколько сближаетъ ея психологію съ психологіей пролетарской.

Впрочемъ, на союзъ съ *частью* учащейся молодежи пролетаріатъ можетъ разсчитывать почти исключительно только въ Россіи, гдѣ нѣтъ даже «буржуазной свободы», что въ общемъ представляетъ извѣстныя удобства для класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, но что невыносимо давитъ нѣкоторыхъ изъ ихъ «дѣтей», у которыхъ буржуазный эгоизмъ не успѣлъ еще заглушить свойственнаго человѣку состраданія, а поводовъ для проявленія этого чувства въ Россіи болѣе, чѣмъ достаточно. Наконецъ, у насъ, гдѣ пріобрѣтеніе высшаго образованія еще сравнительно дешево, среди учащейся молодежи встрѣчаются лица изъ среды угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, выросшія въ бѣдности и продолжающіе бѣдствовать въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ имъ приходится не только учиться, но и зарабатывать посторонними занятіями средства, необходимыя для скуднаго пропитанія. Обыкновенно это натуры сильныя, умѣющія заражать товарищей духомъ борьбы и протеста. Наконецъ и дѣти «интеллигентовъ-слугъ», интеллигентовъ-четвероногихъ часто умѣютъ держаться прямо и, негодуя на лакейство своихъ отцовъ, съ тѣмъ большею отвагою бросаются въ бой.

Среди русской молодежи такимъ образомъ много самоотверженныхъ борцовъ. Готовностью «пострадать за идею», принять мученическій вѣнецъ они нерѣдко превосходятъ настоящихъ пролетаріевъ-рабочихъ, но имъ не хватаетъ классового пролетарскаго инстинкта; пролетарская точка зрѣнія—не свойственна имъ сама по себѣ, имъ приходится на нее «становиться», а это

не такъ легко, за то легко съ нея сбиться и попасть на точку зрѣнія буржуазную.

Товарищеская солидарность учащейся молодежи не можетъ, конечно, замѣнить солидарности классовой: университетская «работа» сближаетъ не такъ, какъ работа фабрично-заводская.

Наконецъ, всѣ условія жизни учащейся молодежи хотя тяжелыя, все же иныя, чѣмъ условія жизни промышленныхъ рабочихъ.

Вотъ почему такъ часто даже самые развитые и самоотверженные «студенты» быстро устаютъ и отстаютъ въ длительной пролетарской борьбѣ. Они или гибнутъ въ моменты первыхъ порывовъ или ковыляютъ потомъ «на трехъ ногахъ». Неувѣренные, разочарованные, они, однако, не способны на измѣну своимъ прекраснымъ, но нѣсколько туманнымъ идеаламъ. Очень возможно, что въ революціонный моментъ, въ послѣднемъ бою, они отбросятъ свои костыли и героями станутъ въ первые ряды борющагося пролетаріата. Они во всякомъ случаѣ всегда его друзья, самоувѣренные же и ученые слуги буржуазіи всегда его враги и враги тѣмъ болѣе опасные, что они умѣютъ прикидываться «соціалистами».

VIII

Такимъ образомъ, всей совокупностью условій развитія капиталистическаго строя, пролетаріатъ становится могучимъ врагомъ буржуазіи, не имѣющимъ никакого интереса въ сохраненіи существующаго строя и единственнымъ классомъ, необходимымъ для хозяйственной жизни всѣхъ промышленныхъ странъ. Капиталисты же и крупные землевладѣльцы превращаются исключительно въ собирателей прибылей и становятся ненужными для руководства промышленными предпріятіями.

Одна изъ главныхъ особенностей такъ называемаго бернштеніанства это — интеллигентное недовѣріе къ силамъ рабочаго класса и преклоненіе передъ мощью буржуазіи.

«Рабочій классъ еще недостаточно зрѣлъ, чтобы взять въ свои руки производство, чтобы замѣнить буржуазный порядокъ угнетенія человѣка человѣкомъ пролетарскимъ порядкомъ взаимопомощи»—вотъ мысль, которая красной нитью проходитъ черезъ всѣ разсужденія и сочиненія явныхъ и тайныхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ бернштеніанцевъ *), вотъ мысль, которая вызывала негодованіе «вождей», воспитанныхъ пролетаріатомъ,—Либкнехта и Бебеля.

Но, разумѣется, всѣ эти разсужденія и сочиненія могутъ ослаблять лишь пролетаріевъ-интеллигентовъ, они не ослабляютъ рабочій классъ, они не усиливаютъ разлагающейся буржуазіи, они лишь показываютъ, какъ трудно «становиться на пролетарскую точку зрѣнія».

Конечно, сознательныхъ и безсознательныхъ бернштеніанцевъ можно встрѣтить и среди бывшихъ рабочихъ, среди людей, *вышедшихъ* изъ рабочаго класса, но все это не измѣняетъ того факта, что пролетаріатъ становится могучимъ врагомъ буржуазіи, и что часъ его окончательной побѣды уже близокъ.

«Сила пролетаріата», — говоритъ Каутскій *) — возрастаетъ постоянно, несмотря на то, что его доля въ общественномъ производствѣ падаетъ. Его экономическая сила заключается не въ его богатствѣ, но въ его числѣ, его организаціи, его интеллигентности, его экономической необходимости и не въ меньшей

---

*) Наивный Амвросій, авторъ «Правды ростовскихъ событій», изданной съ особымъ одобреніемъ «Зари», полагаетъ, что «крайности бернштеніанства», въ которыя, по его словамъ, впадалъ главный ораторъ ростовскихъ митинговъ, состоятъ «въ пропагандѣ въ массѣ по вопросу о плохихъ мостовыхъ и объ отсутствіи фонарей на темныхъ улицахъ». (См. стр. 7 «Правды»).

Милый человѣкъ! Поищите-ка лучше крайностей бернштеніанства у тѣхъ людей, которые думаютъ, что безъ буржуазіи рабочіе не могутъ выработать въ себѣ политическаго сознанія, которые похлопываютъ по плечу либераловъ и возлагаютъ надежды на Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Не даромъ они такъ злятся на «господина Бернштейна» и желаютъ его поскорѣе «похоронить». Онъ откровенно и открыто сказалъ то, что составляетъ сущность ихъ революціонной души, но что они утаиваютъ, по удачному выраженію Старовѣра, какъ «секретную болѣзнь». Такой откровенности не прощаютъ.

*) «Классовыя интересы». Библіотека Русскаго Пролетарія. № 35.

степени, наконецъ, въ томъ фактѣ, что... его классовые интересы совпадаютъ съ интересами всего общественнаго прогресса, такъ что все, къ чему пролетаріатъ стремится въ правильномъ классовомъ интересѣ, необходимо также и съ общественной точки зрѣнія».

По вычисленію Каутскаго пролетаріатъ составляетъ въ Германіи отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ всего населенія, большинство составляетъ онъ и въ другихъ странахъ, но сущность его силы не въ числѣ, а въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ мелкими крестьянами, этими «пролетаріями-собственниками», является единственнымъ классомъ, «необходимымъ для хозяйственной жизни всѣхъ промышленныхъ странъ».

«Римскій пролетаріатъ, — сказалъ Сисмонди, — жилъ на счетъ общества, современное общество живетъ на счетъ пролетаріата».

Въ этомъ залогъ неизбѣжной побѣды современнаго пролетаріата, въ этомъ разгадка паденія древняго Рима.

«Римскіе пролетаріи», — говоритъ Марксъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ по поводу одной изъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ», — «сдѣлались не наемными рабочими, а тунеядцами, болѣе похожими на вещь, чѣмъ «бѣлые бѣдняки» Южныхъ Штатовъ Сѣверной Америки....»

Сила современнаго человѣчества въ томъ, что тунеядцами являются въ настоящее время не пролетаріи, а собственники, что у пролетаріевъ—живая, идеальная душа, что они умѣютъ жить будущимъ, собственники же все болѣе и болѣе походятъ на бездушную вещь, на автомата, рѣжущаго купоны.

Сенъ Симонъ говоритъ, что еслибъ ангелъ смерти отмѣтилъ дома всѣхъ чиновниковъ, начиная съ короля, и всѣ эти чиновники сразу погибли, то жизнь народа отъ этого ничуть не пострадала бы. Гэдъ въ своемъ «Коллективизмѣ» *) добавляетъ къ этому справедливому замѣчанію не менѣе справедливое указаніе, что еслибы ангелъ смерти отмѣтилъ дома всѣхъ капиталистовъ, то хозяйственная жизнь народовъ не пришла бы отъ этого въ замѣшательство.

Капиталисты и крупные земельные собственники

*) См. «Библіотека Русскаго Пролетарія», №. 19.

властвуютъ, но не управляютъ. Политическое управленіе передано ими слугамъ-бюрократамъ, слугамъ-чиновникамъ, хозяйственное управленіе, управленіе производствомъ передано слугамъ-директорамъ, слугамъ-инженерамъ, управленіе общественнымъ мнѣніемъ слугамъ-журналистамъ.

Собственники фабрикъ, заводовъ, шахтъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. обыкновенно имѣютъ меньше понятія о фабрично-заводской или желѣзно-дорожной техникѣ, чѣмъ любой изъ рабочихъ.

О знаменитомъ Круппѣ слуги-журналисты разсказывали, какъ о знатокѣ своего пушечнаго дѣла, какъ о фактическомъ руководителѣ своихъ громадныхъ заводовъ. Но въ дѣйствительности онъ былъ простымъ собирателемъ прибылей, и смерть его не внесла ни малѣйшаго замѣшательства въ сложную жизнь его заводовъ.

Корнелій Вандербильдъ, собственникъ безконечнаго числа всевозможныхъ предпріятій, собирающій прибавочную цѣнность, производимую сотнями тысячъ, если не милліонами рабочихъ — молодой человѣкъ съ ограниченными умственными способностями, интересующійся главнымъ образомъ спортомъ. Но у Круппа и Вандербильда есть еще имена; въ большинствѣ же случаевъ капиталисты превращаются въ «анонимовъ», передавая даже представительство анонимнымъ акціонернымъ обществамъ.

Проѣзжайте по промышленному району, хотя бы такой капиталистической страны, какъ Бельгія и спрашивайте, кому принадлежатъ всѣ эти безчисленные фабрики и заводы? — и вы большею частью получите отвѣтъ: *анонимному* обществу такому-то, *анонимному* обществу такому-то.

Разумѣется, большая часть акцій всѣхъ этихъ анонимныхъ обществъ находится въ рукахъ нѣсколькихъ богачей, но отъ потребителей и производителей они скрыты «анонимомъ».

И у насъ въ Россіи за послѣдніе годы капиталисты все болѣе и болѣе начинаютъ скрываться за болѣе или менѣе анонимными акціонерными компаніями. Въ 1889-мъ году было вновь основано 29 акціонерныхъ компаній; въ 1895-мъ году — уже 86; въ 1898 году — 153. Кто властвуетъ хотя-бы надъ южно-

русской желѣзодѣлательной промышленностью? Общество новороссійское, южно-русское, донецкое и т. д. А за этими обществами со столь русскими названіями скрываются англійскіе, французскіе, бельгійскіе милліонеры: Коккерили, Бальфуры, Юзы и т. д. Капиталисты скрываются подъ видомъ акціонерныхъ компаній, во первыхъ потому, что это помогаетъ имъ подчинить своему вліянію капиталы и сбереженія лицъ*), ускользающихъ отъ непосредственной экспропріаціи, во вторыхъ потому, что при постоянныхъ и усиливающихся столкновеніяхъ капитала съ трудомъ капиталистамъ кажется, что гораздо безопаснѣе властвовать анонимно.

Развитіе акціонерной формы въ послѣднемъ счетѣ все-же выгодно рабочему классу. Сосредоточеніе капитала въ рукахъ анонимныхъ акціонерныхъ обществъ облегчитъ экспропріацію капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Пролетаріатъ *въ моментъ побѣды* не станетъ, конечно, нарушать «безопасность» жизни капиталистовъ, но процентныя бумаги сразу потеряютъ волшебную силу приносить проценты и сдѣлаются просто бумагами. которыми капиталисты при желаніи могутъ оклеивать свои комнаты. Земли-же, фабрики, заводы, шахты, желѣзныя дороги и т. д., т. е. дѣйствительное богатство окажется въ распоряженіи создавшихъ его, т. е. трудящихся и, чтобы принять участіе въ этомъ распоряженіи, капиталистамъ тоже придется трудиться.

Крупныхъ землевладѣльцевъ экспропріировать не трудно, но что дѣлать съ ихъ многочисленными слугами, съ бюрократами, управляющими государствомъ. съ директорами, инженерами и проч., управляющими производствомъ? Первыхъ, т. е. бюрократовъ, побѣда

*) Крупные капиталисты, основывая компанію, удерживаютъ въ своихъ рукахъ большинство акцій, сохраняя за собою большинство голосовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть надъ всѣмъ акціонернымъ капиталомъ. Кромѣ того право голоса по уставу дается обыкновенно лишь лицамъ, имѣющимъ болѣе или менѣе значительное число акцій. Акціонерная форма особенно выгодна финансистамъ, которые, руководя биржевой игрой и навязывая публикѣ рискованныя бумаги, быстро экспропріируютъ маленькихъ людей. Вообще, какъ намъ уже приходилось указывать, денежный капиталъ постепенно вытѣсняетъ другія его формы.

пролетаріата сдѣлаетъ ненужными, такъ какъ вмѣстѣ съ этой побѣдой исчезаетъ государство, являющееся формой господства надъ пролетаріатомъ; что касается до вторыхъ, то они окажутся полезными и при новой формѣ производства, хотя, конечно, при этой новой формѣ управлять производствомъ будетъ коллективная воля общины, состоящей изъ всѣхъ производителей. Общиной будутъ выбираться и смѣняться руководители производства, насколько они вообще окажутся необходимыми. Но вопросъ о нужности или ненужности современныхъ управителей не совпадаетъ съ вопросомъ о силѣ ихъ сопротивленія, которое они могутъ оказать замѣнѣ буржуазнаго государства пролетарскимъ обществомъ. Сила бюрократовъ несомнѣнно очень значительна, побѣда пролетаріата имъ несомнѣнно очень невыгодна, и борющемуся пролетаріату надо знать и помнить, что фактически самый трудный бой ему придется выдержать съ бюрократами или что почти одно и то же—съ государствомъ.

IX

Развитіе промышленности, дающее возможность современному обществу, при планомѣрномъ устройствѣ производства, удовлетворять потребности всѣхъ его членовъ, и сознательная классовая борьба пролетаріата неизбѣжно ведутъ къ замѣнѣ современнаго капиталистическаго строя строемъ соціалистическимъ.

И это положеніе основано на *знаніи*, а *не* на *вѣрѣ*. Мы *знаемъ*, а *не просто вѣримъ*, что при современномъ развитіи промышленности сознательная классовая борьба пролетаріата должна въ корнѣ измѣнить существующій строй въ строй соціалистическій, основныя черты котораго мы тоже знаемъ, а не выдумываемъ, такъ какъ логически выводимъ ихъ изъ развитія явленій современныхъ.

Мы уже раньше показали, что пролетаріатъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе могучимъ врагомъ буржуазіи, и что ростъ его силы—необходимое слѣдствіе развитія промышленности. Мы по-

казали также, что интересы его требуютъ уничтоженія частной собственности на средства производства; отсюда логическій выводъ, что онъ уничтожитъ эту частную собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнитъ буржуазный строй міромъ пролетарскимъ или соціалистическимъ.

Возможность удовлетворять потребности *всѣхъ*—на лицо, но потребности пролетаріевъ, создающихъ эту возможность, не удовлетворяются; причина этого противорѣчія—въ современномъ общественномъ устройствѣ.

Разъ пролетаріи *сознаютъ* эту причину и разъ они *въ силахъ* устранить ее, они ее устранятъ; это мы знаемъ, какъ знаемъ, что растеніе тянется къ свѣту, что перелетныя птицы летятъ осенью въ теплые края...

Сознанная потребность всесторонняго довольства и сознанная возможность удовлетворить эту потребность, вотъ та «необходимость», которая превратитъ капиталистическій строй въ строй соціалистическій.

Но вѣрна-ли первая посылка о возможности удовлетворять въ настоящее время потребности всѣхъ при условіи планомѣрнаго устройства производства для потребленія, а не для прибыли?

«Мальтузіанская» теорія пыталась отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, но не было, кажется, теоріи, которая такъ скоро и блестяще была бы опровергнута фактами.

Мальтусъ утверждалъ, что народонаселеніе увеличивается скорѣе, чѣмъ производительная сила человѣка.

Въ дѣйствительности — какъ разъ наоборотъ. Въ Англіи населеніе возросло съ 1844 г. на 62%; ея производительныя силы увеличились болѣе, чѣмъ на 130%. Во Франціи населеніе почти не увеличивается, а производство одной пшеницы за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія учетверилось; въ Соединенныхъ Штатахъ развитіе производства въ десятки разъ обгоняетъ увеличеніе населенія, несмотря на огромную эмиграцію.

Бебель въ своей книгѣ «Женщина и соціализмъ» приводитъ интересное вычисленіе Гертцка, что съ примѣненіемъ способовъ крупнаго производства во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и промышленности *всѣ* потребности 22 милліоннаго населенія Австріи могли бы удовлетворяться при двухъ съ половиной часахъ

ежедневной работы работоспособныхъ мужчинъ того же населенія, съ полнымъ освобожденіемъ отъ работы всѣхъ, не достигшихъ 16 лѣтъ и старше 50 лѣтъ.

Такимъ образомъ и теперь могла бы быть самымъ щедрымъ образомъ удовлетворена быть можетъ, самая важная человѣческая потребность — потребность въ свободномъ отъ работы времени, потребность въ досугѣ.

Кропоткинъ въ своихъ сочиненіяхъ «Fields, factories and workshops» и «Хлѣбъ и Воля» на основаніи точныхъ данныхъ приходитъ къ заключенію, что, напримѣръ, производство хлѣба, овощей фруктовъ можно увеличить въ четыре раза въ теченіе года или двухъ, какъ только трудъ станетъ «общественнымъ».

«Нѣтъ, довольство для всѣхъ — не мечта. Оно, можетъ быть, было мечтою тогда, когда человѣку едва удавалось, цѣною страшнаго труда, получить двадцать пудовъ ржи съ десятины, когда онъ выдѣлывалъ собственными руками нужныя для земледѣлія и промышленности орудія. Но оно перестало быть мечтой съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ изобрѣлъ двигатель, который, съ помощью небольшого количества желѣза и нѣсколькихъ фунтовъ угля, доставляетъ ему послушную и удобную силу, способную привести въ движеніе самую сложную машину. Но для того, чтобы это довольство перешло въ дѣйствительность, нужно, чтобы весь этотъ огромный капиталъ — города, дома, распаханныя поля, заводы, пути сообщенія, воспитаніе — перестало считаться частною собственностью, которою захватившій ее распоряжается по своему усмотрѣнію.*)»

И это «нужно» прежде всего пролетаріату, а то, что нужно пролетаріату, то *неизбѣжно*.

«Изъ всѣхъ классовъ, которые и нынѣ противостоятъ буржуазіи, только пролетаріатъ — истинно революціонный классъ. Остальные классы приходятъ въ упадокъ и гибнутъ вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности; пролетаріатъ-же—ея спеціальный продуктъ»...

«Жизненныя условія стараго общества уже уничтожились въ жизненныхъ условіяхъ пролетаріата. У пролетарія нѣтъ собственности, его отношеніе къ

*) П. Кропоткинъ «Хлѣбъ и Воля», стр. 20.

женѣ и дѣтямъ не имѣютъ ничего общаго съ буржуазными семейными отношеніями; современный промышленный трудъ, современное иго капитала, такое же въ Англіи, какъ во Франціи, въ Америкѣ, какъ и въ Германіи, стерло съ него весь національный характеръ. Законы. нравственность, религія, являются для него какъ разъ столь-же многочисленными буржуазными предразсудками, за которыми скрываются столь-же многочисленные буржуазные интересы.

Всѣ прежніе классы, завоевавъ себѣ господство, старались упрочить себѣ свое уже пріобрѣтенное жизненное положеніе, подчиняя все общество условіямъ своего пріобрѣтенія. Пролетаріи могутъ завоевать общественныя производительныя силы, лишь уничтоживъ свои собственные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ прежніе способы пріобрѣтенія. У пролетаріевъ нѣтъ ничего своего для обезпеченія, имъ предстоитъ разрушить всѣ существовавшія до сихъ поръ частныя обезпеченности и частныя обезпеченія».*)

Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ, истинность которыхъ подлежитъ въ настоящее время еще меньшему сомнѣнію, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, — *сущность революціоннаго марксизма.*

Соціалдемократъ долженъ ясно представлять себѣ что соціализмъ не есть идеалъ, возникшій въ головахъ какихъ-нибудь буржуазныхъ «міроисправителей», что соціализмъ уже въ настоящее время нѣчто реальное, что онъ ростетъ и развивается вмѣстѣ съ силою и сознаніемъ пролетаріата, что жизненныя условія новаго общества коренятся въ жизненныхъ условіяхъ пролетаріата, что эти жизненныя условія, проявляясь въ настоящее время необезпеченностью существованія и всевозможными лишеніями для пролетаріата, таятъ въ себѣ зародышъ довольства, свободы и равенства для всѣхъ.

Такъ называемая зрѣлость капиталистическаго общества для перехода въ общество соціалистическое есть ничто иное, какъ зрѣлость пролетаріата, т. е. зрѣлость его сознанія и организованности.

---

*) См. нашъ переводъ «Манифеста коммунистической партіи» Библіотека русскаго пролетарія № 20. Стр. 25 и 26. Въ вольномъ переводѣ Плеханова это мѣсто «сглажено» и смягчено. В. П.

Революціонному марксизму хотятъ нерѣдко навязать мистическое представленіе о какомъ-то возстаніи техническо-экономическихъ производительныхъ силъ противъ современныхъ формъ производства, при чемъ люди куда-то исчезаютъ.

Но такое представленіе совершенно чуждо Марксу и можно только пожалѣть, что не всѣ марксисты достаточно энергично протестуютъ противъ этого подношенія буржуазныхъ «данайцевъ».

Пролетарій долженъ знать и знаетъ, что возстать приходится ему самому, а не машинамъ, и возстанетъ онъ не тогда, когда ученые придутъ къ заключенію, что капиталъ уже достаточно сконцентрированъ для экспропріаціи, а тогда, когда почувствуетъ и сознаетъ свою силу...

Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о такъ называемой «соціальной революціи». Въ нашей программѣ этого выраженія не встрѣчается уже по одному тому, что за нимъ не стоитъ еще вполнѣ опредѣленнаго представленія.

Проектъ «Искры» и «Зари», который вообще гонится за революціонными словами. а не за революціонной сущностью, пять разъ упоминаетъ «соціальную революцію». Онъ отождествляетъ ее съ замѣной капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими и затѣмъ выдвигаетъ ее какъ всемогущее одушевленное существо.

«Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя планомѣрную орагнизацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, *соціальная революція* *) пролетаріата уничтожитъ дѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою».

«Необходимымъ условіемъ» появленія «этой соціальной революціи» проектъ выдвигаетъ «диктатуру пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ».

---

*) Подчеркнуто нами. В. И.

Такимъ образомъ, по проекту «Искры» и «Зари», завоеваніе политической власти пролетаріатомъ и подавленіе всякаго сопротивленія эксплуататоровъ не есть еще соціальная революція, а лишь ея условіе. Будетъ-ли пролетаріатъ только «подавлять» сопротивленіе, или онъ же замѣнитъ капиталистическія производственныя отношенія соціалистическими — это изъ проекта не вполнѣ ясно.

Посмотримъ теперь, что подразумѣвалъ подъ соціальною революціею Карлъ Марксъ.

Въ предисловіи «Къ критикѣ политической экономіи» онъ опредѣляетъ соціальную революцію, «какъ болѣе медленный или болѣе быстрый переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества, переворотъ, вытекающій изъ измѣненій его экономическихъ основъ».

Въ другомъ мѣстѣ по поводу разсужденія Ругэ о «соціальной революціи съ политической душой» Марксъ замѣчаетъ: «Насколько соціальная революція съ политической душой является парафразой или безсмыслицей, *настолько разумна политическая революція съ соціальной душой.* Революція вообще политическій актъ. Но безъ революціи не выполнимъ соціализмъ. Онъ нуждается въ этомъ политическомъ актѣ, какъ нуждается въ *разрушеніи и уничтоженіи.* Но гдѣ начинается его *организаторская дѣятельность*, гдѣ выступаетъ *его самоцѣль, его душа, тамъ соціализмъ сбрасываетъ политическій покровъ*».

Нельзя сказать, чтобы оба эти мѣста были вполнѣ ясны, и первое изъ нихъ Каутскій и Бернштейнъ толкуютъ различно.

«Если твердо держаться этого опредѣленія», — говоритъ Каутскій, *) — то изъ понятія соціальной революціи уже заранѣе выдѣляется «измѣненіе экономическихъ основъ», какое, напримѣръ, вызвала паровая машина или открытіе Америки. Это измѣненіе — причина революціи, а не сама революція».

Бернштейнъ возражаетъ, что изъ словъ Маркса въ предисловіи «Къ критикѣ политической экономіи» такое ограниченіе не вытекаетъ. «Измѣненіе эконо-

*) Karl Kautsky «Sozialreform und soziale Revolution», стр. 4.

мическихъ основъ, — говоритъ Бернштейнъ. *) — какъ разъ по воззрѣнію Маркса относится къ соціальной революціи, переворотъ надстройки отъ него не отдѣлить. Процессъ совершается при продолжительномъ перемѣнномъ вліяніи. И Марксъ ни въ коемъ случаѣ не предпринимаетъ такого дѣленія. Онъ характеризуетъ эпоху соціальной революціи, говоря: «Съ измѣненіемъ экономической основы быстрѣе или медленнѣе перевертывается вся огромная надстройка. «Съ» конечно нельзя понимать въ смыслѣ необходимой хронологической параллельности, но оно запрещаетъ толкованіе, предполагающее полное слѣдованіе одного за другимъ во времени».

Въ данномъ случаѣ можетъ показаться, что толкованіе Бернштейна болѣе правильно, но оно противорѣчитъ другому мѣсту, приведенному нами изъ Маркса, на которое, кстати сказать, не ссылается ни Каутскій, ни Бернштейнъ. Это мѣсто совпадаетъ съ опредѣленіемъ соціальной революціи, которое даетъ самъ Каутскій, не вполнѣ удовлетворенный опредѣленіемъ Маркса въ предисловіи «Къ критикѣ политической экономіи». «Завоеваніе государственной власти до тѣхъ поръ угнетеннымъ классомъ, т. е. *политическая революція*», — говоритъ онъ, — «является существеннымъ признакомъ *соціальной революціи* въ узкомъ смыслѣ въ противоположность *соціальной реформѣ*».

«Не *стремленіе* къ соціальнымъ реформамъ, но опредѣленно выраженное ограниченіе ими отличаетъ *соціальнаго реформатора* отъ *соціальнаго революціонера*. Съ другой стороны только такая *политическая революція* дѣлается соціальной, которая *исходитъ* отъ класса *до тѣхъ поръ общественно угнетеннаго*, который былъ вынужденъ свое политическое освобожденіе пополнить своимъ соціальнымъ освобожденіемъ, такъ какъ его предыдущее общественное положеніе стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи къ его политическому господству. Раздоръ внутри господствующихъ классовъ, какія бы насильственныя формы гражданской войны онъ не принималъ, не является соціальной революціей.

*) Ed. Bernstein «Die neueste Prognose der sozialen Revolution». Soz. Monatohefte 1902 № 8 стр. 588.

«Соціальная революція не можетъ быть заключеніемъ соціальнаго развитія, она можетъ быть лишь началомъ новаго развитія».

И такъ по Каутскому соціальная революція всегда революція политическая, состоящая въ захватѣ власти классомъ, до тѣхъ поръ угнетеннымъ, который долженъ свое политическое освобожденіе пополнить соціальнымъ. Замѣна капиталистическаго способа производства соціалистическимъ не входитъ въ понятіе соціальной революціи, а является ея слѣдствіемъ. На это указываетъ послѣднее изъ приведенныхъ нами положеній Каутскаго, это подтверждаетъ и вся его книга о соціальной революціи, гдѣ даже такія реформы, какъ отдѣленіе церкви отъ государства, введеніе полной свободы печати и собраній, уничтоженіе наслѣдственныхъ привиллегій, распространеніе всеобщаго избирательнаго права и т. д. совершаются не въ моментъ соціальной революціи, а на другой день *послѣ* соціальной революціи». О «замѣнѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими» нечего и говорить; эта замѣна произойдетъ, по Каутскому, путемъ длительнаго процесса. «На другой день послѣ соціальной революціи» онъ сохраняетъ еще систему процентовъ, которые государство, общины и товарищества принуждены будутъ платить бывшимъ промышленникамъ и землевладѣльцамъ.

Такимъ образомъ, Каутскій идетъ совершенно въ разрѣзъ съ проектомъ «Искры» и «Зари», который завоеваніе власти пролетаріатомъ считаетъ не соціальной революціей, а лишь ея условіемъ. Вообще видно, что авторы проекта при составленіи его еще не читали книги Каутскаго о «соціальной революціи», которая, кажется, вышла нѣсколько позже опубликованія проекта. Теперь слѣдуетъ ожидать статьи Плеханова, въ которой онъ сдѣлаетъ признаніе, сходное тому, которое онъ уже сдѣлалъ по поводу «идей Риттингаузена».

«Что касается до «соціальной революціи»—будемъ мы читать — «то надо прямо сказать, что въ этомъ отношеніи группа «Искра» и «Заря» находилась тогда подъ вліяніемъ *идей Кропоткина*, и что прекрасная работа Каутскаго «Die soziale Revolution», Berlin 1902, заставила ее значительно измѣнить свой взглядъ».

Теоретическая часть программы «Искры» и «Зари» очень революціонно говоритъ о «соціальной революціи», но практическая часть расчитана на революцію *буржуазную*.

«Революція, на встрѣчу которой быстро идетъ современная Россія»,—торжественно заявляла «Искра» по поводу крестьянскихъ волненій — «будетъ *буржуазной* революціей въ томъ смыслѣ, что она окончательно очиститъ путь общественнаго развитія отъ всѣхъ историческихъ пережитковъ крѣпостного права и дастъ полный просторъ развитію капитализма и порождаемой имъ классовой борьбѣ».

Къ этой «великой миссіи» — очисткѣ пути для капитализма—«Искра» и готовитъ русскій пролетаріатъ. Здѣсь, разумѣется, если и есть вліяніе чьихъ-нибудь «идей», то никакъ уже не Кропоткина.

Будемъ надѣяться, что когда-нибудь Плехановъ напишетъ признаніе и по поводу «буржуазной революціи» въ такомъ родѣ:

«Что касается «буржуазной революціи», то надо прямо сказать, что группа «Искры и «Зари» народилась подъ вліяніемъ *идей Струве* и что прекрасная статья Каутскаго «Славяне и революція», помѣщенная въ «Искрѣ», хотя и была намъ извѣстна, но, къ сожалѣнію, не вѣрно истолкована. Эту статью нашъ нѣмецкій товарищъ заканчивалъ слѣдующими словами: «Россія давно уже перестала быть для Западной Европы простымъ оплотомъ реакціи и абсолютизма. Дѣло обстоитъ теперь, пожалуй, какъ разъ наоборотъ. Западная Европа становится оплотомъ реакціи и абсолютизма въ Россіи. Гнилой царскій тронъ трещитъ по всѣмъ швамъ и, быть можетъ, онъ давно уже развалился бы, если бы западно-европейская буржуазія постоянно не скрѣпляла его заново своими милліонами. Въ 1848 г. царь послалъ опору своего могущества въ Европу, чтобы задавить возстаніе европейской буржуазіи; теперь эта самая буржуазія шлетъ опору своего могущества въ Россію, чтобы дать царю силу раздавить всѣ свободолюбивыя движенія въ его собственной странѣ. Съ царемъ русскіе революціонеры, быть можетъ, давно бы уже справились бы, если бы имъ не приходилось одновременно вести борьбу и противъ его союзника — европейскаго капитала.

Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ имъ удастся справиться съ обоими врагами и что новый «священный союзъ» рухнетъ скорѣе, чѣмъ его предшественники. Но, какъ бы ни окончилась теперешняя борьба въ Россіи, кровь и счастье мучениковъ, которыхъ она породитъ, къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ достаточно, не пропадутъ даромъ. Они оплодотворятъ восходы соціальнаго переворота во всемъ цивилизованномъ мірѣ, заставятъ ихъ расти пышнѣе и быстрѣе.

Въ 1848 году славяне были трескучимъ морозомъ, который побилъ цвѣты народной весны. Быть можетъ теперь имъ суждено быть той бурей, которая взломаетъ ледъ реакціи и неудержимо принесетъ съ собою новую, счастливую весну для народовъ».

Въ то время мы поняли эти слова нашего нѣмецкаго товарища въ томъ смыслѣ, что онъ передалъ нашей группѣ, *гегемонію* надъ революціоннымъ пролетаріатомъ всего міра, что онъ открываетъ намъ боевыя кассы западноевропейскаго пролетаріата и т. д., чтобы помочь намъ въ союзѣ со всѣми революціонными и оппозиціонными силами русскаго народа до помѣщиковъ-крѣпостниковъ включительно побѣдить всѣхъ фальсификаторовъ революціонной марксистской теоріи въ области мысли и всѣхъ фальсификаторовъ революціонной соціалдемократической борьбы въ области дѣла. Наше пониманіе мы тогда-же высказали въ редакціонномъ примѣчаніи къ статьѣ Каутскаго. Съ тѣхъ поръ намъ многое уже представляется въ другомъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что намъ удалось побѣдить фальсификаторовъ, именуемыхъ «хвостистами» и безъ помощи революціоннаго пролетаріата всего міра и его боевыхъ кассъ. Мы побѣдили и исправили «хвостистовъ» при помощи «идей» героя пьесы Горькаго «На днѣ» русскаго мудреца Луки, который, какъ извѣстно, исправилъ двухъ жуликовъ, заставивъ ихъ другъ друга выпороть. Они теперь съ еще большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ мы, кричатъ: Да здравствуетъ буржуазная революція! Да здравствуетъ капитализмъ! Они теперь наши друзья. Тѣмъ не менѣе, мы сохраняемъ за собою гегемонію и боевыя кассы для войны съ тѣми, кто осмѣливается говорить о пролетарской революціи».

Какъ-бы то ни было, а ясно, что «соціальная революція»—понятіе не установившееся, и мы не внесли

се въ нашъ проектъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ не чувствовалось никакой надобности. Не даромъ о «соціальной революціи» не упоминаетъ *ни одна изъ извѣстныхъ западноевропейскихъ соціалдемократическихъ или соціалистическихъ программъ.*

Но, если говорить о соціальной революціи, то для насъ это «экспропріація экспропріаторовъ», это конфискація пролетаріатомъ, т. е. обществомъ трудящихся земли и всѣхъ средствъ производствъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

«Экспропріація экспропріаторовъ» можетъ быть дѣломъ одной революціи, одного краткаго революціоннаго періода.

«Превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ производителей, въ капиталистическую, есть, конечно, процессъ несомнѣнно болѣе продожительный, тяжелый и трудный, чѣмъ превращеніе капиталистической собственности, фактически уже покоющейся на общественномъ производствѣ въ собственность общественную. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь же дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народными массами»*).

«Экспропріація экспропріаторовъ»—революціонный актъ; развитіе соціалистическаго производства — эволюціонный процессъ, такъ какъ съ самаго начала будутъ существовать разнообразныя формы производства и вести между собою борьбу на почвѣ большей или меньшей производительности и удобствъ труда. Общимъ для всѣхъ этихъ формъ будетъ лишь то, что продукты будутъ производиться не для прибыли, а для удовлетворенія потребностей какъ самого производителя, такъ и всего общества.

Въ нашемъ проектѣ не упоминается «соціальная революція», въ немъ нѣтъ и «диктатуры пролетаріата», ни простой, ни подавляющей, мало того, мы не упоминаемъ даже «завоеванія политической власти».

«Диктатуры» нѣтъ и въ другихъ соціалистическихъ программахъ, за исключеніемъ, разумѣется, проекта

*) Карлъ Марксъ «Капиталъ» т. I стр. 646 пер. подъ ред. Струве.

«Искры», но о «диктатурѣ пролетаріата» говорили Марксъ и Энгельсъ.

Тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ считать выраженіе «диктатура» въ примѣненіи къ побѣдѣ пролетаріата крайне неудачнымъ.

Диктатура предполагаетъ безапелляціонную власть и что—то же—произволъ одного лица по отношенію къ массѣ или во всякомъ случаѣ меньшинства по отношенію къ большинству. Таковы были историческія диктатуры. Побѣда же пролетаріата означаетъ побѣду «огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства», она означаетъ торжество свободы и справедливости; она будетъ въ высшей степени демократичной, такъ какъ пролетарій не можетъ не быть демократомъ. Демократія и диктатура! Совмѣстимыя ли эти понятія?*)

Завоеваніе политической власти упоминается въ «Эрфуртской программѣ» и внесено въ окончательную редакцію программы Вѣнской, хотя ни въ Гайнфельдской программѣ, ни въ проектѣ программы Вѣнской о завоеваніи политической власти пролетаріатомъ не упоминалось.

Мы не вносимъ завоеваніе власти въ свой проектъ, потому что по нашему представленію побѣда пролетаріата можетъ явиться лишь какъ выраженіе воли народныхъ массъ, и для этого необходимо не завоеваніе власти, а уничтоженіе власти. Государственная власть всегда была и остается до сихъ поръ выраженіемъ господства одного класса надъ другимъ; побѣда-же пролетаріата по самой сущности — уничтоженіе дѣленія общества на классы, слѣдовательно, уничтоженіе классового господства, уничтоженіе государственной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государства. Свободное проявленіе воли народныхъ массъ обезпечивается не завоеваніемъ государственной власти, а замѣной ея самоуправленіемъ. Пролетарскія реформы, наносящія смертельный ударъ праву частной собственности и рас-

*) Когда о «диктатурѣ пролетаріата» говорятъ русскіе соціалдемократическіе командиры, считающіе себя призванными вести пролетаріатъ не туда, куда онъ хочетъ, а куда онъ долженъ идти, то мнѣ всегда слышится не «диктатура пролетаріата», а диктатура *надъ* пролетаріатомъ.

чищающія путь соціалистическому производству, нельзя ввести при посредствѣ современнаго государства или государственной власти, завоеванной пролетаріатомъ. Бюрократія и казарменная армія не измѣнятъ своему буржуазно-самодержавному духу, попавъ въ руки пролетаріата; при посредствѣ тайныхъ совѣтниковъ и урядниковъ вожаки соціалдемократіи нигдѣ не въ состояніи будутъ ввести пролетарскую свободу и равенство, но очень легко могутъ сами превратиться въ урядниковъ и тайныхъ совѣтниковъ.

Долой бюрократію, долой армію, долой государственныхъ поповъ! Вотъ что должно быть лозунгомъ пролетаріата; и только уничтоживъ бюрократію, распустивъ всю армію и уничтоживъ государственность церкви, пролетаріатъ можетъ совершить свою соціальную революцію, только при этомъ условіи онъ можетъ экспропріировать экспропріаторовъ. И для этого не потребуется никакой диктатуры.

Въ этомъ направленіи, по нашему глубокому убѣжденію, должна и будетъ развиваться соціалдемократія.

Въ «Программѣ работниковъ» Лассаль говоритъ, между прочимъ, что буржуазія понимаетъ нравственную цѣль государства исключительно, какъ охрану личной свободы индивидуума и его собственности. «Эта идея ночного сторожа, милостивые государи», — прибавляетъ Лассаль,—«идея ночного сторожа, потому что она можетъ мыслить само государство лишь подъ видомъ ночного сторожа, вся функція котораго состоитъ въ томъ, чтобы препятствовать грабежу и кражѣ со взломомъ. Къ сожалѣнію, эта идея ночного сторожа не только свойственна собственно либераламъ, но вслѣдствіе недостаточнаго развитія мысли, ее довольно часто можно встрѣтить даже у многихъ такъ называемыхъ демократовъ. Если бы буржуазія захотѣла послѣдовательно высказать свое послѣднее слово, —то она должна была бы сознаться, что изъ этихъ ея мыслей вытекаетъ заключеніе, что, разъ нѣтъ разбойниковъ и воровъ, и государство совершенно излишне».

Это послѣднее слово никогда не рѣшится высказать буржуазія, но его спокойно можетъ высказать пролетаріатъ.

Государство возникло вмѣстѣ съ возникновеніемъ господъ и рабовъ, кредиторовъ и должниковъ, господ-

ствующаго мущины и порабощенной женщины. Оно съ самаго начала было и осталось до сихъ поръ орудіемъ порабощенія, и оно должно исчезнуть съ исчезновеніемъ самого порабощенія. Ни о какой «нравственной цѣли» не можетъ быть рѣчи.

Въ своей книгѣ «Женщина и соціализмъ» Бебель опредѣляетъ государство, какъ «*насиліе и организацію, охраняющую и поддерживающую собственность*. «При посредствѣ законовъ», — говоритъ далѣе Бебель, — «государство обезпечиваетъ собственнику его владѣнія и выступаетъ противъ нарушителя законно установленнаго порядка, какъ судья и мститель. По своей внутренней сущности, такимъ образомъ, интересъ господствующаго класса собственниковъ, и государственная власть всегда консервативны. Государственная организація измѣняется лишь тогда, когда этого требуетъ интересъ собственности. И такъ, если государство *необходимая организація* государственнаго порядка, покоющагося на классовомъ господствѣ, то оно теряетъ *неохбодимость своего существованія и возможность его,* какъ только падаютъ классовыя противоположности вслѣдствіе уничтоженія частной собственности Государство постепенно уничтожается вмѣстѣ съ устраненіемъ отношеній господства и подчиненія, точно также, какъ религія уничтожается, если нѣтъ болѣе вѣры въ сверхъ естественныя существа или въ надѣленныя разумомъ сверхчувственныя силы. Слова должны имѣть содержаніе: теряя его они перестаютъ образовывать понятія».

Говоря въ другомъ мѣстѣ той же книги о государственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ противъ народныхъ массъ, Бебель замѣчаетъ: «Послѣдняя искра вѣры въ чувство справедливости господства властей разрушается и познается, какъ природа государства, примѣняющаго подобныя средства, такъ и сущность общества, ихъ требующаго. Борьба до уничтоженіе обоихъ — таково слѣдствіе».

О, какъ бы возмутились противъ этихъ словъ наши минимальные соціалдемократы, какъ бы они заулюлюкали на меня, какъ на анархиста, являющагося въ волчьей шкурѣ въ стадо послушныхъ овецъ Плеханова и «Искры», еслибъ я выдалъ эти слова за свои! Но ихъ говоритъ Бебель и они, конечно, не посмѣютъ

называть его анархистомъ. Они не посмѣютъ ихъ даже опровергать. но постараются истолковать по своему, по минимальному.

X

При соціалистическомъ строѣ уничтожается частная собственность на всѣ средства производства и обращенія (землю, шахты, заводы, фабрики, желѣзныя дороги, торговые склады и проч.), и они переходятъ въ распоряженіе всего общества. Товарное производство, имѣющее цѣлью прибыль, замѣняется при этомъ производствомъ общественнымъ, имѣющимъ цѣлью продукты, необходимые для равномѣрнаго удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общества безъ исключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается раздѣленіе общества на классы и устанавливается полная равноправность между расами, національностями, вѣроисповѣданіями и полами.

Разсмотрѣвъ развитіе буржуазнаго общества, мы увидѣли, что это развитіе неминуемо ведетъ къ его «отрицанію», что основы его должны превратиться въ свою «противоположность». Первое положеніе программы указываетъ эти основы: частная собственность, товарное производство, раздѣленіе на классы. Десятое положеніе характеризуетъ соціалистическое общество, порождаемое развитіемъ общества буржуазнаго, указывая на общественныя основы, отрицающія основы общества буржуазнаго. Частная собственность уничтожается, и всѣ средства производства переходятъ въ распоряженіе всего общества. Производство товаровъ, которое имѣетъ въ виду исключительно прибыль, исключительно мѣновую цѣнность, уступаетъ свое мѣсто производству, имѣющему въ виду исключительно удовлетвореніе потребностей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества, *производству ради полезности продуктовъ*. Прибыль—этотъ злой геній современнаго человѣчества, этотъ демонъ, во имя котораго пролиты потоки крови и потоки слезъ, этотъ единственный богъ буржуазіи, возвышающій и губящій ее, низвергается. Смерть его въ жизни пролетаріата, въ жизни

класса, который создалъ его, и который убьетъ его*). Дѣленіе на классы исчезаетъ, такъ какъ оно держится частной собственностью на средства производства и прибылью. Классовая солидарность пролетаріата, созданная его борьбой, его совмѣстными страданіями, становится солидарностью человѣчества. Мы уже указывали, что всѣ эти измѣненія не являются мечтаніями и простыми пожеланіями, что они имѣютъ уже и въ настоящее время реальную силу, такъ какъ для пролетаріевъ, отъ которыхъ зависитъ будущее, нѣтъ ни частной собственности, нѣтъ ни прибыли, но у нихъ есть солидарность.

При формулировкѣ этого положенія мы намѣренно уклонились отъ обычнаго противопоставленія частной *собственности* въ буржуазномъ обществѣ и общественной *собственности* въ обществѣ соціалистическомъ, такъ какъ въ самомъ словѣ собственность уже заключается понятіе преимущественнаго права извѣстнаго лица или группы лицъ на ту или другую вещь, причемъ вещью очень часто бываетъ человѣкъ.

Мы знаемъ, что многіе соціалдемократы усиленно протестуютъ противъ буржуазныхъ «вымысловъ», будто соціалдемократія противъ собственности. Такъ, напримѣръ, извѣстный представитель нѣмецкой соціалдемократіи, Браке, въ своей очень распространенной агитаціонной брошюрѣ «Nieder mit den Sozialdemokraten» изслѣдуетъ вопросъ, хотятъ-ли соціалдемократы уничтожить собственность, и заявляетъ, «что соціалдемократія никогда не выставляла требованія подвергнуть изслѣдованію эти отношенія владѣній (существующую *индивидуальную собственность*), чтобы видѣть ихъ иначе урегулированными. Никогда и нигдѣ! И кто все же утверждаетъ это о соціалдемократахъ, тотъ или не понимаетъ или лжетъ. Соціалдемократы говорятъ себѣ, что изслѣдованіе о томъ, какъ кто-нибудь достигъ своего владѣнія, было-бы ненужной работой, и они этимъ не занимаются. У нихъ не вызываетъ зависти, что господинъ фонъ Ротшильдъ во Франкфуртѣ на Майнѣ *владѣетъ* 40 милліонами гульденовъ, а теперь даже больше. Они не спрашиваютъ о высотѣ имущества

*) Характерно, что въ многословномъ проектѣ «Искры» и «Зари» совершенно не упоминается о «прибыли».

господина фонъ Блейхредера въ Берлинѣ и его «друзей»... Это положéніе личностей какъ владѣльцевъ они принимаютъ какъ существующій *фактъ* и *уважаютъ* его (respectieren)».

«Соціалдемократія, — говоритъ Браке въ другомъ мѣстѣ своей брошюры,—вообще далека отъ того, чтобы желать сегодня или завтра уничтожить *собственность*, но она возвѣщаетъ, что — не вдругъ, не завтра, но въ постоянномъ развитіи — придетъ время, когда рабочій народъ будетъ охранять *свое* право на собственный продуктъ труда противъ права собственности на доходъ труда *другихъ*. *Капиталистическое* понятіе собственности *перейдетъ въ понятіе собственности рабочаго*. *Объ уничтоженіи* (Aufhebung), такимъ образомъ, нигдѣ нѣтъ рѣчи, а возвѣщенное *превращеніе* никого не задѣнетъ»*).

Всѣ эти разсужденія продиктованы желаніемъ успокоить собственниковъ, но развѣ это дѣло соціалдемократовъ? Идя по этому пути «успокоенія», легко дойти до заявленія Струве, что соціализмъ въ сущности только «проблема», и, какъ таковая, не имѣетъ права на внесеніе въ программу, легко дойти до смѣшенія соціалдемократизма съ либерализмомъ, до чего дошелъ не только Струве, но и Бернштейнъ, начавшій свою критику марксизма съ заявленія, что «соціализмъ послѣдній выводъ изъ либерализма».

Въ виду такихъ успокоеній и смѣшеній необходимо ясно сказать: да, мы *хотимъ* завтра-же уничтожить частную собственность и, если мы не уничтожаемъ ее, то только потому, что мы еще для этого недостаточно сильны, недостаточно организованы.

Способы уничтоженія частной собственности и замѣны производства ради прибыли производствомъ ради самого продукта, мы постараемся разсмотрѣть при поясненіи практической части нашей программы, теперь же остановимся лишь на послѣднемъ предложеніи разбираемаго положенія, а именно, на «установленіи полной равноправности между расами, національностями, вѣроисповѣданіями и полами».

Мы вносимъ эту равноправность въ теоретическую часть, потому что она не только пожеланіе или тре-

*) Курсивъ всюду въ подлинникѣ. В. П.

бованіе партіи, она — до извѣстной степени уже реальное явленіе, она постепенно осуществляется въ реальныхъ жизненныхъ условіяхъ пролетаріата.

Эксплуатація и борьба противъ эксплуатаціи постепенно уничтожаетъ различія національныя, расовыя, вѣроисповѣдальныя и половыя. Буржуазіи очень выгодно сохранить эти различія для пролетаріевъ и, такимъ образомъ, разъединить ихъ, и она особенно въ лицѣ своихъ правительственныхъ и церковныхъ органовъ, а также своихъ газетныхъ лакеевъ очень старается въ этомъ направленіи, но сила, объединяющая пролетаріевъ, сила, коренящаяся въ самомъ развитіи бржуазнаго общества, оказывается неизмѣримо болѣе могучей, чѣмъ всѣ эти старанія.

Въ соціалистической литературѣ много говорится объ увеличивающемся примѣненіи женскаго труда, какъ признакѣ усиливающейся эксплуатаціи и обнищанія народныхъ массъ. Съ этой только точки зрѣнія упоминаетъ о женскомъ трудѣ и проектъ «Искры» и «Зари». Но для соціалдемократа важнѣе другая, положительная сторона этого явленія: участіе въ современномъ промышленномъ производствѣ повышаетъ личность женщины, уравниваетъ ея личность съ личностью мужчины. Женщина-работница перестаетъ быть рабой своего мужа-рабочаго, она становится его товарищемъ. Это, повторяю, явленіе огромнаго соціальнаго значенія. Побѣда пролетаріата сама въ себѣ уже заключаетъ побѣду равноправности женщины съ мужчиной, такъ какъ угнетается, эксплуатируется, борется и побѣждаетъ одинаково, какъ пролетарій-мужчина, такъ и пролетарій-женщина.

XI

Капиталистическое производство международно, поэтому и классовая борьба носитъ международный характеръ и ведется соединенными усиліями пролетаріевъ всѣхъ странъ. Сознательной выразительницей этой борьбы является международная соціалдемократія.

Буржуазія, гоняясь по всему міру за прибылью, повсюду насаждаетъ капитализмъ, повсюду вводитъ

усовершенствованные способы производства и эксплуатаціи рабочей силы. Капиталъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе международнымъ, и не рѣдко одинъ и тотъ же крупный капиталистъ эксплуатируетъ рабочихъ въ разныхъ странахъ и даже въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ замкахъ Англіи, Бельгіи, Франціи, Германіи и т. д., сохранившихъ феодальный обликъ, но внутри обставленныхъ всѣмъ современнымъ комфортомъ до электрическаго освѣщенія и телефоновъ включительно, живутъ капиталисты, получающіе прибавочную цѣнность отъ эксплуатаціи труда не только своихъ соотечественниковъ, но и рабочихъ самыхъ различныхъ странъ, какъ культурныхъ, такъ и самыхъ варварскихъ. Въ купонахъ и дивидендахъ ихъ акцій и облигацій нерѣдко одновременно таится кровь и потъ англійскаго трэдъ-уніониста, русскаго мужика и африканскаго негра. Въ англійскій банкъ, въ это темное, мрачное зданіе безъ оконъ стекается золото со всего міра. Портреты императоровъ и королей, конституціонныхъ и неконституціонныхъ, и символическія изображенія республикъ смѣшиваются здѣсь въ одну кучу, и рядомъ стоятъ «несгораемые сундуки, гдѣ хранятся «сбереженія», опасенія и надежды коронованныхъ властителей, ростовщиковъ и угольныхъ торговцевъ. И рядомъ съ этимъ мрачнымъ зданіемъ всемірно-англійскаго банка высится болѣе веселое зданіе — всемірно-лондонской биржи. Въ биржевые часы здѣсь слышится гулъ голосовъ и кажется, что люди помѣшались на *всемірной географіи*. Конго обмѣнивается на Днѣпръ, капскіе «кафры» сопровождаютъ парижскіе трамваи, «Черное море» переливается въ «Суэцкій каналъ», Брюсселемъ уплачивается за Нью-Іоркъ и т. д. И всѣ эти «Нью-Іорки», «Днѣпры» и «Брюсселя» покорно переходятъ изъ рукъ въ руки, но на мѣстахъ и въ Брюсселѣ, и въ Нью-Іоркѣ, и на нашемъ Черномъ морѣ ростетъ непокорство, ростетъ возмущенье силъ, создавшихъ всю цѣнность, включенную въ эти бумаги и векселя.

Во имя единой прибыли экспропріируетъ и эксплуатируетъ буржуазія во всѣхъ концахъ міра; во имя единой освободительной идеи соціализма возстаютъ пролетаріи во всѣхъ концахъ міра. Соціализмъ французскій, англійскій, нѣмецкій и т. д. — лишь раз-

ная степени проясненія пролетарскаго сознанія; чѣмъ яснѣе это сознаніе, тѣмъ больше единства въ соціализмѣ.

Соціализмъ — общественный идеалъ пролетаріата. «Онъ съ естественной необходимостью образуется повсюду, гдѣ пролетаріатъ приходитъ къ сознанію своего классового положенія и развиваетъ самостоятельное мышленіе».

....Форма, которую этотъ идеалъ принимаетъ въ отдѣльныхъ странахъ, даже въ отдѣльныхъ головахъ, имѣетъ безконечное число варіацій въ мелочахъ, но типъ уже цѣлое столѣтіе всегда и повсюду остается одинъ и тотъ же, это — признакъ, что онъ вытекаетъ изъ глубочайшихъ потребностей большого класса, а не изъ каприза или мечтаній отдѣльныхъ личностей».*)

«Соціалистическая идея—продуктъ рабочаго класса»**). Носительницей этой идеи является международная соціалдемократія. Идея соціализма неразрывно связана съ борьбой пролетаріата. Выразительницей этой борьбы является международная соціалдемократія. «Соціалдемократія» — какъ выразился Адлеръ на Вѣнскомъ партейтагѣ—«мозгъ рабочаго класса». Но мозгъ не есть ли человѣкъ, на сколько онъ сознаетъ и мыслитъ? И соціалдемократія не есть ли рабочій классъ, на сколько онъ сознаетъ себя, на сколько онъ мыслитъ, на сколько онъ борется?

Соціализмъ созданъ рабочимъ классомъ и созданъ не въ кабинетахъ и университетахъ, онъ созданъ на фабрикахъ и въ фабричныхъ кварталахъ, онъ созданъ и создается на улицахъ Парижа, Ліона, Бирмингама, Лондона, Брюсселя, Барцелоны, Ростова, Одессы... Онъ созданъ мученіями пролетарскаго голода и пролетарскихъ болѣзней, онъ созданъ кровью іюньскихъ, мартовскихъ и майскихъ дней; онъ созданъ кровью, пролитою десятками тысячъ возставшихъ рабочихъ, онъ выростаетъ изъ жизненныхъ условій и психологіи пролетаріата, жизненныхъ условій и психологіи, противоположныхъ условіямъ и психологіи буржуазіи.

Идея соціализма создана рабочимъ классомъ;

---

*) *Каутскій.* «Классовые интересы».

**) Изъ рѣчи Адлера на Вѣнскомъ партейтагѣ.

Марксомъ, Энгельсомъ она лишь научно обоснована. Не Марксъ и Энгельсъ внесли соціализмъ въ рабочій классъ, а рабочій классъ ихъ заразилъ своимъ могучимъ стремленіемъ къ соціализму.

Таковъ нашъ взглядъ, таково наше знаніе, таково наше глубокое убѣжденіе! Но не таковъ взглядъ, не таково знаніе, не таково убѣжденіе тѣхъ, кто теперь господствуетъ надъ русскими интеллигентами-соціалдемократами.

Въ проектѣ «Искры» и «Зари», правда, въ одномъ мѣстѣ соціалдемократія названа «сознательной выразительницей классового движенія пролетаріата», но это или по недосмотру, или «на всякій случай»; на первый же планъ выдвинута соціалдемократія, какъ нѣчто самостоятельное, властно распоряжающееся пролетаріатомъ.

Она ставитъ «своею задачею сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою историческую миссію», Она «организуетъ его въ самостоятельную политическую партію», она «разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ», она «обнаруживаетъ передъ всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ея положенія»... и т. д.

Какъ видите, соціалдемократія распоряжается очень рѣшительно, но что она такое и откуда взялась—неизвѣстно, во всякомъ случаѣ, разъ она организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, то она, значитъ, была раньше этой партіи, какъ Богъ, создавшій изъ хаоса небо и землю былъ раньше неба и земли. «Въ началѣ бѣ Слово». Въ началѣ была соціалдемократія.

Искровская соціалдемократія не то Богъ, бывшій «раньше всѣхъ вѣковъ», не то та чудодѣйственная моло ая изъ удалой пѣсни «Ахъ вы сѣни мои, сѣни», на мотивъ которой пишется большинство статей «Искры».

Откуда выходила молода соціалдемократія — неизвѣстно, но попала она въ «сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя» и выпускала сокола, который по ея мановенію превращался то въ «классовое политическое сознаніе» и летѣлъ въ пролетаріатъ. то въ «классовую борьбу», которая неслась въ русскую деревню, то, на-

конецъ, въ цѣлые отряды, которые маршировали къ земцамъ, студентамъ, попамъ, босякамъи т. д. Картина, по-истинѣ, феерическая!... И всѣ эти волшебные полеты и маршировки можно документально подтвердить выписками изъ книги главнаго вдохновителя «Искры» Ленина («Что дѣлать?») и изъ самой «Искры».

«Классовое политическое сознаніе — говоритъ Ленинъ на 59 стр. своей книги—можетъ быть принесено только изъ-внѣ, т. е. изъ-внѣ экономической борьбы, изъ-внѣ сферы отношеній рабочихъ къ хозяевамъ. Область, изъ которой только и можно было почерпнуть это знаніе, есть область отношеній *всѣхъ* классовъ и слоевъ къ государству, область взаимоотношеній между *всѣми* классами. Поэтому на вопросъ: что дѣлать, чтобы принести рабочимъ политическое знаніе? Нельзя давать одинъ только тотъ отвѣтъ, которымъ въ большинствѣ довольствуются практики, не говоря уже о практикахъ, склонныхъ къ экономизму, именно, отвѣтъ: «идти къ рабочимъ»! Чтобы принести *рабочимъ* политическое знаніе, соціалдемократы должны *идти во всѣ классы* населенія, должны разсылать *во всѣ стороны* отряды своей арміи».

Подъ «классами» Ленинъ, какъ видно изъ предлагаемаго имъ рецепта для образованія изъ рабочаго соціалдемократа (на стр. 52) понимаетъ и *помѣщиковъ и поповъ, сановниковъ и крестьянъ, студентовъ и босяковъ.*

Итакъ, чтобы «принести» рабочимъ классовое политическое сознаніе, соціалдемократія должна посылать свои отряды къ попамъ и сановникамъ, ища между ними союзниковъ. При этихъ «посылкахъ» Ленинъ, видимо, вспомнилъ одного почтеннаго патера, который поучалъ такъ:

«Всякаго рода людямъ разрѣшается посѣщать мѣста разврата съ цѣлью обращать тамъ падшихъ женщинъ, хотя и довольно правдоподобно, что они будутъ тамъ грѣшить, какъ не разъ уже испытано, что вовлекались въ грѣхъ видомъ и ласками этихъ женщинъ. И хотя и есть ученые, не одобряющіе этого мнѣнія и считающіе, что нельзя разрѣшать добровольно подвергать опасности свое спасеніе для помощи ближнему, тѣмъ не менѣе я весьма охотно принимаю это, оспариваемое ими, мнѣніе».

«Искра» въ свою очередь заявляетъ, что «нашъ прямой долгъ вмѣшиваться во всякій либеральный вопросъ» и приказываетъ пролетаріату «подталкивать впередъ всякое демократическое движеніе», а, главное, «умѣть ловить всякаго либерала въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ и заставить его двинуться на аршинъ». «А упрется — благоразумно прибавляетъ «Искра»—такъ мы пойдемъ впередъ безъ него и черезъ него».

Чтобы сдѣлать пролетаріатъ способнымъ къ такимъ фокусамъ, его, разумѣется, по указанію Ленина, необходимо совлечь «съ пути опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ матерьяльныхъ элементовъ и матерьяльной среды», тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію того же Ленина, «о самостоятельной самими рабочими массами вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи».

Ленинъ несомнѣнно учился «политикѣ» у французскаго моралиста Жубера, который писалъ въ началѣ этого столѣтія, что «политика — искусство вести массы не туда, куда онѣ хотятъ, а туда, куда онѣ должны».

Эти слова взялъ эпиграфомъ для своихъ циркуляровъ нѣкій націоналъ либеральный докторъ Гизебрехтъ, организующій въ настоящее время борьбу съ «необразованной массой» и «чернью», другими словами съ 3 милліонами нѣмецкихъ рабочихъ—соціалдемократовъ.

Отчего бы и «Искрѣ» не взять этотъ выразительный эпиграфъ? Вѣдь ея историческая миссія и заключается, какъ разъ, въ томъ, чтобы вести массу не туда, куда она хочетъ идти, а туда, куда она, по мнѣнію «Искры», должна идти... напр., къ «слабымъ» и «бѣднымъ» земцамъ.

«Искра», какъ извѣстно, требуетъ, чтобы рабочіе поддерживали даже «крѣпостниковъ-помѣщиковъ», разъ тѣ начинаютъ ссориться съ самодержавіемъ. Она проникнута старой вѣрой Плеханова въ нашу буржуазію, наше «общество».

«Само положеніе дѣлъ—писалъ Плехановъ въ «Горе г. Тихомирова»—необходимо будетъ толкать на *посильную для нея* борьбу всю нашу буржуазію, т. е. наше «общество», нашъ торгово-промышленный міръ, нашихъ помѣщиковъ, этихъ дворянъ въ мѣщанствѣ и, наконецъ, даже деревенское «третье сословіе».

Прекрасно! Но въ союзѣ съ «дворянами въ мѣщанствѣ» могутъ идти лишь «*соціалдемократы въ мѣщанствѣ*», да буржуазные Донъ-Кихоты.

Струве, кажется, принадлежитъ къ Донъ-Кихотамъ, но пошелъ въ буржуазію онъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Плеханова.

Донъ-Кихоты, даже буржуазные, благороднѣе революціонеровъ въ мѣщанствѣ. Трогательно видѣть, какъ Струве гарцуетъ на своемъ благородномъ, но тощемъ конѣ въ сопровожденіи анонимнаго земца Санчо-Панчо на жирномъ ослѣ. На головѣ у Струве цирульный тазъ, принятый имъ за рыцарскій шлемъ, но это не мѣшаетъ ему отважно освобождать отъ вѣтряныхъ мельницъ нашу буржуазію. эту вульгарную дочь трактирщика, которую почтенный рыцарь принимаетъ за прекрасную Дульцинею.

Мы совершенно не понимаемъ, почему «Искра» встрѣтила Струве такими страшными словами, какъ «базаръ политическихъ сдѣлокъ», «пѣнкосниматель-ство», «измѣна и лицемѣріе», къ тому еще стоящіе у колыбели»?!

И самъ Струве, навѣрное, не понимаетъ.—Сами же говорили... а тутъ вдругъ... «измѣна и лицемѣріе»...

Не потому ли такой гнѣвъ, что Струве говоритъ, то, что разгнѣванные лишь думаютъ? Впрочемъ, иногда ихъ слова предательски выражаютъ и ихъ затаенныя мысли.

Посмотрите, напримѣръ, какъ характерны похвалы «Искры» по адресу бельгійскихъ соціалистовъ, заключившихъ незадолго до всеобщей стачки 1902 г. союзъ съ либеральной буржуазіей, которая имъ, какъ извѣстно, измѣнила!

«Какъ умные и практичные люди—писала «Искра» въ № 20-мъ—бельгійскіе соціалисты знаютъ, что въ борьбѣ съ противниками нельзя пренебрегать никакими союзниками, а потому они и постарались всѣми силами привлечь на свою сторону либеральную буржуазію.»

Чего же вы сердитесь на Струве, который, какъ «умный и практичный человѣкъ» именно и старается «всѣми силами» привлечь на *вашу* сторону либеральную буржуазію.

И ему это можетъ удастся гораздо лучше, чѣмъ вамъ самимъ, потому что онъ *скромнѣе* и послѣдовательнѣе васъ. Вы слишкомъ избалованы похвалами окружающихъ васъ. Для вашихъ вѣрноподданныхъ вы —люди, «выдающіеся своею ученостью и мудростью, руководимые божественною мудростію, которая надежнѣе всякой философіи», вы — «общество людей или, вѣрнѣе, ангеловъ, которое было предсказано пророкомъ Исаіей въ слѣдующихъ словахъ: «Грядите, ангелы, быстрые и легкіе», вы «орлиные умы», вы «толпа фениксовъ», вы «измѣнили лицо соціалдемократіи».

У васъ замѣчаютъ иногда противорѣчія, вы, напр., послѣ приказа пролетаріату заключить союзъ съ буржуазіей, разъясняете, что подобные союзы всегда приносили пролетаріату одинъ только вредъ, но вамъ это прощаютъ, такъ какъ знаютъ, что у васъ «настолько хорошее о себѣ мнѣніе, что вы считаете полезнымъ и какъ бы необходимымъ для блага соціалдемократіи, чтобы ваше вліяніе распространялось повсюду, и вы могли-бы управлять всякою совѣстью».

Вышеприведенные похвалы и это оправданіе взяты нами изъ одной старой книги, но они не потеряли своей свѣжести.

Да, вы—слишкомъ избалованы. Вамъ присылаютъ письма, что «въ настоящее время для русскихъ революціонеровъ *насущной задачей является*—регулярное распространеніе (и безусловно въ достаточномъ количествѣ), какъ газеты «Искры», такъ и журнала «Зари», *что только при этомъ условіи можно разсчитывать на успѣшный ходъ нашей революціонной борьбы*».

И вы печатаете ихъ. Вамъ присылаютъ письма, что «ваша программа вполнѣ соотвѣтствуетъ духу православной церкви». Вы и ихъ печатаете съ удовольствіемъ.

Вы импонируете интеллигентнымъ соціалдемократамъ, вы ихъ навѣрное объедините подъ своимъ« крылышкомъ», но для пролетаріата массоваго, пролетаріата-рабочаго ваше крылышко слишкомъ мало уже по одному тому, что вы, подобно утопическимъ соціалистамъ, «не замѣчаете на сторонѣ пролетаріата никакой исторической самодѣятельности, *никакого спеціально ему свойственнаго политическаго движенія*».

Вы надменно заявляете, что не желаете *выражать то, что уже сознано пролетаріатомъ безъ какой бы то ни было помощи со стороны «революціонной бациллы»*; вы не можете «согласиться на эту смѣшную и позорную роль пятаго колеса въ телѣгѣ». *)

Но, повѣрьте, и пролетаріатъ не согласится играть роль телѣги, на козлахъ которой вы намѣрены возсѣдать. Вы открыто заявляете, что вашимъ революціоннымъ образцомъ является Робеспьеръ, что вы—террористы à la Робеспьеръ.

Будьте же послѣдовательны: идите въ ряды буржуазіи, готовьтесь воздвигать гильотины и декретами вводить «высшее существо». Пролетаріату не нужно ни «высшихъ существъ». ни гильотинъ, ни «революціонныхъ бациллъ», ни Робеспьеровъ; онъ революціоненъ самъ по себѣ, по всей своей сущности и по своему общественному положенію и тѣмъ, кто пытается его «совлекать» и «толкать» онъ грозно крикнетъ: «руки прочь!»

Оставьте всѣ эти дѣтскіе «полеты», «посылки отрядовъ» и заботы о развитіи капитализма, а прислушайтесь лучше къ тому гулу, подобному гулу морского прибоя, который въ данное время несется съ береговъ Чернаго Моря и Днѣпра! Это *выпрямляется* русскій рабочій богатырь, готовясь дать сигналъ къ мировой соціальной революціи.

На меня же не гнѣвайтесь: говорю, что думаю, а думаю, *вѣроятно*, не то, что думаете вы.

*) «Заря», № 4, отд. I, стр. 30.

Глава IV.

Самодержавная буржуазія и буржуазное самодержавіе.

I.

«Если не по содержанію, то по формѣ борьба пролетаріата противъ буржуазіи сначала національна; пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ сначала покончить со своею собственной буржуазіей», говоритъ манифестъ коммунистической партіи. Послѣднюю половину этого положенія мы взяли было для перехода отъ теоретической части программы къ практической, но вскорѣ мы увидѣли, что слова коммунистическаго манифеста въ данномъ случаѣ мало подходятъ къ русской дѣйствительности уже по одному тому, что буржуазія, господствующая въ Россіи, менѣе всего можетъ быть названа національной. «Своею собственной» для русскаго пролетаріата является не только русская, но, пожалуй, еще болѣе нѣмецкая, англійская, французская, бельгійская, вообще западноевропейская буржуазія. Значительная часть «русской» промышленности находится въ рукахъ иностранцевъ. Русскій промышленный пролетаріатъ эксплуатируется не столько русскимъ, сколько *иностраннымъ капиталомъ*.

Русскому соціалдемократу необходимо хорошенько выяснить себѣ роль и значеніе иностранныхъ капиталовъ въ Россіи, такъ какъ отъ этого до *извѣстной степени* зависитъ пониманіе сущности и силы русскаго самодержавія, а отчасти и сущности и силы борющагося съ нимъ русскаго пролетаріата.

Очень много полезныхъ и интересныхъ въ этомъ отношеніи данныхъ можно найти въ извѣстномъ трудѣ Г. Ф. Брандта «Иностранные капиталы». По даннымъ, приводимымъ Брандтомъ, на югѣ Россіи въ концѣ 90-хъ годовъ было 17 большихъ чугуноплавильныхъ заводовъ съ 29 дѣйствующими и 12 вновь строящимися доменными печами; изъ нихъ русскимъ капиталистамъ

принадлежатъ только три-четыре — Сулинскій, два брянскаго общества и, «можетъ быть», Донецко-Юрьевскій. Изъ 22 болѣе и менѣе крупныхъ южныхъ заводовъ, перерабатывающихъ уже готовый чугунъ или желѣзо, только два или три принадлежатъ русскимъ подданнымъ.

Каменноугольная промышленность тоже находится преимущественно въ иностранныхъ рукахъ.

Въ *Домбровскомъ бассейнѣ* крупныхъ каменноугольныхъ предпріятій — 6, владѣющихъ 11 копями; изъ нихъ 5, владѣющихъ 9-ю копями, принадлежатъ иностранцамъ и только одно предпріятіе (съ 2-мя копями) — «русское», а именно «Варшавское общество каменноугольной и заводской промышленности», учрежденное въ 1874 году проф. Яковымъ Натансономъ и банкиромъ Леопольдомъ Кронебергомъ.

Въ *Донецкомъ бассейнѣ* въ 90-хъ годахъ изъ 15-ти крупныхъ каменноугольныхъ предпріятій 9 принадлежали иностранцамъ. Съ тѣхъ поръ преобладаніе иностраннаго капитала въ донецкихъ каменноугольныхъ предпріятіяхъ еще усилилось, и газеты, сообщавшія осенью 1903 г. о смерти «*послѣдняго русскаго* углепромышленника, Карпова» выразились не слишкомъ не точно.

Не менѣе, если не болѣе сильно преобладаніе капиталовъ въ *нефтяной промышленности.*

Въ этой важной отрасли «русскаго хозяйства» господствуютъ Ротшильды, Нобели и другіе знатные иностранцы.

«Торгово-промышленная газета» (органъ русскаго министерства финансовъ) въ 1903 году писала, что «Нобель, Ротшильдъ и англійскія компаніи, купившія заводы Шибаева и Тагіева въ Баку, диктуя цѣны на нефтяное топливо, до извѣстной степени держатъ въ своихъ рукахъ техническія производства въ Россіи, въ томъ числѣ и хлопчатобумажное».

Но «техническія производства, въ томъ числѣ и хлопчатобумажное» попадаютъ подъ власть иностранцевъ не только косвенно, но и непосредственно.

По словамъ того же оффиціознаго органа министерства финансовъ въ настоящее время «не рѣдки случаи перехода чисто русскихъ хлопчатобумажныхъ предпріятій въ иностранныя руки».

Такъ въ 1902 и 1903 г.г. подъ самой Москвой въ руки иностранцевъ перешли двѣ большія русскія прядильно-ткацкія фабрики, на которыхъ въ 1898 году работало болѣе 8.300 рабочихъ.

Нерѣдко иностранный капиталъ «вступаетъ въ русское дѣло», при чемъ владѣльцемъ продолжаетъ считаться русскій предприниматель. «Чисто-русскія фамиліи» — замѣчаютъ «Московскія Вѣдомости» (1903 г. № 235) — «далеко не всегда говорятъ объ участіи исключительно русскихъ капиталистовъ. Намъ извѣстны нѣкоторыя подмосковныя мануфактуры, гдѣ, со вступленіемъ въ дѣло иностраннаго капитала, сидятъ на директорскихъ мѣстахъ англичане, а вмѣстѣ съ ними появились иностранные техники и мастера».

Вообще иностранный капиталъ проникаетъ рѣшительно во всѣ важныя отрасли промышленности и почти повсюду пріобрѣтаетъ господствующее положеніе. Даже электрическіе трамваи въ большинствѣ русскихъ городовъ находятся въ рукахъ иностранцевъ, преимущественно бельгійцевъ.

«Иностранные капиталы» явились въ Россію со всѣми новѣйшими техническими усовершествованіями, съ опытными инженерами и мастерами; они перенесли къ намъ промышленность въ ея высшей капиталистической стадіи. Этимъ объясняется, что «на страницахъ исторіи желѣзной промышленности всего земнаго шара», по словамъ горнаго инженера Монковскаго*), «не встрѣчалось примѣра такого быстраго роста чугуноплавильной промышленности», какъ у насъ, особенно на югѣ, «что ни одной странѣ не удавалось въ такой мѣрѣ повысить производительность чугуна за десятилѣтній промежутокъ времени». Россія почти не знала длительнаго и мучительнаго процесса выработки современнаго крупнаго производства, оно явилось къ ней готовымъ, оно немедленно возникаетъ повсюду, куда вторгается иностранный капиталъ. Создавая съ необычайной быстротою крупное производство, «иностранный капиталъ» съ тою же быстротою создаетъ сильный классъ промышленнаго пролетаріата. Капиталъ у насъ иностранный, трудъ же свой собственный, русскій. Русская промышленная буржуазія слаба,

*) «Торгово-промышленная газета» 1898 г. № 188.

русскій промышленный пролетаріатъ силенъ. Это фактъ огромной важности. Марксъ въ своихъ очеркахъ «Революція и контръ-революція въ Германіи» выставляетъ положеніе: «каковъ хозяинъ, таковъ работникъ». «Хозяиномъ» русскаго пролетаріата является буржуазія не столько русская, сколько наиболѣе энергичная англійская, французская, бельгійская, нѣмецкая. Революціонная энергія русскаго пролетаріата куется *отчасти* промышленной энергіей западно-европейской буржуазіи.

Уже само по себѣ крупное капиталистическое производство революціонизируетъ пролетаріатъ. Въ производствахъ, созданныхъ «иностранными капиталами», революціонизирующее вліяніе имѣютъ кромѣ того иностранные мастера и рабочіе, привозящіе съ собою въ Россію не только техническія знанія и ловкость, но и *болѣе высокія*, чѣмъ у русскихъ, *потребности*, большую независимость, чувство собственнаго достоинства и т. п. Русскій стремится подняться до «уровня жизненныхъ потребностей» иностранца, и это стремленіе играетъ роль важнаго революціоннаго фактора.

Способствуя созданію революціоннаго пролетаріата, иностранные капиталисты *косвенно и безсознательно* подкапываются подъ «устои русской жизни», но прямо и сознательно они готовы всѣми силами поддерживать эти устои, столь благопріятныя для капитализма.

Въ то время, какъ Плехановъ и К°, «готовятъ» пролетаріатъ къ буржуазной революціи для расчистки пути капитализму, иностранные капиталисты находятъ, что лучшихъ политическихъ условій для развитія капитализма, чѣмъ политическія условія Россіи трудно подыскать.

Профессоръ одного изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, объѣзжавшій фабрики и заводы Западной Европы, разсказывалъ намъ, что фабриканты, директора и инженеры въ одинъ голосъ заявляли ему, что русское самодержавіе—наилучшая государственная форма для развитія крупной промышленности, и вообще завидовали русскимъ политическимъ условіямъ.

Правда, въ самое послѣднее время иностранные капиталисты были недовольны «зубатовскимъ заигрываніемъ» съ рабочими и вообще правительственнымъ

«попустительствомъ», имъ пришлось даже оказать давленіе на русское правительство черезъ посланниковъ и консуловъ.*), но правительство быстро «исправилось» и проявило энергію, которая должна была успокоить иностранныхъ капиталистовъ.

II

Необходимая расчистка пути капитализму была произведена въ 60-хъ годахъ «великими реформами» и, главнымъ образомъ, *освобожденіемъ крестьянъ*.

«Національнаго собранія» у нашей буржуазіи, правда, не было, но у ней былъ «національный обѣдъ», на которомъ присутствовало до 180 интеллигентныхъ представителей «третьяго сословія». Обѣдъ происходилъ 28-го декабря 1857 года въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ Москвы, и на немъ въ торжественной обстановкѣ, кушая русскаго поросенка и запивая его французскимъ шампанскимъ, идеологи и представители русской буржуазіи санкціонировали эру русскаго капитализма и признали русскаго царя политическимъ управляющимъ буржуазной Россіи.

Нѣтъ, кромѣ шутокъ, московскій обѣдъ 28 декабря 1857 года имѣетъ несомнѣнно историческое значеніе, и отчетъ о немъ, составленный М. Н. Катковымъ и помѣщенный въ 12-ой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1857 г. очень важенъ для пониманія либеральнаго «духа» нашей буржуазіи.

На обѣдѣ говорили Катковъ, Л. Станкевичъ, Н. Ф. Павловъ, М. Погодинъ, проф. Бабстъ, Кавелинъ и, наконецъ, знаменитый откупщикъ В. А. Кокоревъ. Всѣ говорили о новой эрѣ и почти всѣ заканчивали свои рѣчи тостомъ за здоровье царя.

«Пусть же знаютъ—говорилъ будущій вдохновитель Александра III Катковъ, — что въ русской литературѣ есть нѣчто, примиряющее всѣ разногласія, и это нѣ-

---

*) Въ газетныхъ извѣстіяхъ о послѣднихъ стачкахъ на югѣ встрѣчаются сообщенія о посѣщеніи бельгійскимъ посланникомъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ для выясненія необходимости энергичныхъ мѣръ подавленія рабочихъ безпорядковъ.

Съ подобными же «представленіями» являлись иностранные консулы и къ «слишкомъ мягкому» одесскому градоначальнику Арсеньеву.

что есть исполняющійся нынѣ завѣтъ и смыслъ нашей исторіи: это духъ нашего народа, это взаимность живой вѣры, соединяющей народъ и царя, мысль о которомъ неразрывна и едина съ мыслью о благѣ народномъ».

Затѣмъ слѣдовалъ подобающій тостъ за царя.

«Всѣ мы чувствуемъ, въ какую важную, знаменательную эпоху своего развитія и внутренняго устройства вступаетъ Россія—говорилъ Станкевичъ, — какія важныя задачи предстоитъ ей рѣшить по призыву Того, кому Провидѣніе назначило заботливо бодрствовать надъ нею, угадывать ея потребности, искать средствъ удовлетворить ихъ, средствъ обезпечить общее благо всѣхъ ея гражданъ, а въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ несовмѣстимыя начала замѣнить прочными началами справедливости и христіанской любви».

И затѣмъ, по примѣру Каткова, сердечный тостъ за царя.

«Всемогущая воля—восклицалъ радикалъ Н. Ф. Павловъ, основатель „Русскихъ Вѣдомостей“ — отклоняетъ отъ себя начинаніе великаго дѣла и предоставляетъ иниціативу дворянству. Встрѣтимъ же высокую мысль, одушевленную единымъ благомъ народа, съ тою просвѣщенною готовностью, которую можно уже требовать отъ Россіи».

И въ заключеніе тостъ за «Того, кто призываетъ Россію на подвигъ правды и добра».

«20-го ноября открываетъ для насъ,—говорилъ другъ Герцена Кавелинъ, — возможность озаботиться о правильномъ устройствѣ нашего экономическаго быта, — я говорю возможность, потому что нашему благоразумію и любви къ отечеству предоставлено пріискать среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Чтобы оцѣнить весь глубокій смыслъ этого довѣрія, вспомнимъ, что общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный неизмѣннымъ законамъ, но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Люди или предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляютъ въ этомъ смыслѣ свои дѣйствія; или они отступаютъ передъ задачей и, увлекаясь разными побужденіями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дѣла. Въ пер-

вомъ случаѣ жизнь совершается стройно и послѣдовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ пожертвованій, со всевозможною пощадою интересовъ всѣхъ и каждаго; во вторыхъ задача все таки рѣшается, но только само собой, какъ придется, съ матерьяльнымъ ущербомъ и безъ чьей-либо заслуги, напротивъ съ утратой нравственнаго достоинства, въ подтвержденіе *неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узами.*

Начало предстоящаго святого дѣла счастливо предзнаменуетъ первый путь. Задача указана и поставлена *въ разумныхъ предѣлахъ. Просвѣщеннѣйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другого рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль, въ этомъ, Мм. Гг., скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха.*

Кто просвѣщеннѣе другихъ, тотъ, естественно, и разумнѣе; кто высоко стоитъ на общественной лѣстницѣ, тотъ и способнѣе обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей, а высокое призваніе нравственно подымаетъ каждаго человѣка, тѣмъ болѣе сословіе, принимающее дѣятельное участіе въ судьбахъ народа.»

И въ концѣ концовъ, чтобы не отстать отъ Каткова, Станкевича и Павлова, опять таки тостъ за «Того и пр».

Рѣчь Кавелина вызвала особенно шумные аплодисменты, и Катковъ сопровождаетъ ее справедливымъ замѣчаніемъ: «Рѣчь эта, какъ нельзя лучше, говоритъ сама за себя». Да эта рѣчь, какъ нельзя лучше, говоритъ само за себя, но не менѣе хорошо она говоритъ и за всю русскую либерально-дворянскую буржузію, для которой неоспорима истина, что «правда, нравственность и *выгода* соединены нерасторжимыми узами».

Прекраснымъ дополненіемъ къ кавелинской характеристикѣ «просвѣщеннѣйшаго сословія» служитъ рѣчь М. Погодина. Указавъ на огромныя заслуги дворянства передъ отечествомъ, Погодинъ спрашиваетъ:

«Останется ли дворянство равнодушнымъ къ тому великому, гражданскому и человѣческому подвигу, который теперь ему представляется? Нѣтъ, этого не будетъ, и этого не можетъ быть! Ему нужно только съ *свойственнымъ этому сословію вообще въ Европѣ благоразуміемъ и осторожностью* вникнуть въ *великое* и вмѣстѣ *мудреное* дѣло; ему нужно ознакомиться ближе со всѣми возникающими явленіями, удостовѣриться въ твердости и *благонадежности* новыхъ отношеній, *уравновѣсить всѣ частныя выгоды, къ общей всего народа пользѣ.* Задача мудреная, которую вдругъ рѣшить невозможно. Всякое право священно, оборони Богъ отъ какого бы то ни было нарушенія чьего-либо права».

Погодинъ въ своемъ восторгѣ передъ сословіемъ не только просвѣщеннѣйшимъ, но и осторожнѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ, поднялъ бокалъ уже не за «Того и пр. и пр.», а «въ честь и благодарность достойнаго историческаго дворянства».

Революціонное (въ буржуазномъ смыслѣ) значеніе и смыслъ отмѣны крѣпостнаго права ясно и опредѣленно указалъ въ своей рѣчи профессоръ Бабстъ.

«Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія говорилъ Шторху одинъ изъ фабрикантовъ, родоначальниковъ нашей мануфактурной промышленности, что послѣдняя не можетъ широко развиваться при обязательномъ крѣпостномъ трудѣ; еще въ 1819 г. увѣнчало Вольное экономическое общество сочиненіе, доказавшее строго фактически всю невыгоду крѣпостного труда для сельскаго хозяйства.

«Время первобытныхъ формъ народнаго хозяйства проходитъ и для насъ безвозвратно. Потребности великаго народа растутъ, и имъ нельзя уже удовлетворить незатѣйливыми и неразвитыми формами первобытнаго хозяйства, *основаннаго на крѣпостномъ трудѣ, трудѣ неповоротливомъ и мало производительномъ.*

Намъ нужно не только удвоить, но удесятерить свое производство, свой трудъ и богатство, чтобы только опередившіе насъ въ экономическомъ развитіи народы не отбили у насъ рынковъ, принадлежащихъ намъ по праву, по нашимъ географическимъ и историческимъ условіямъ. Усилить же наши производительныя силы можемъ мы только при правильной организаціи народнаго труда, который тогда сильно и гордо бросится

на разработку и обработку богатствъ, кроющихся въ нѣдрахъ нашей родины».

«За процвѣтаніе же и успѣхъ свободнаго русскаго труда».

«Свободный трудъ» капитализму необходимъ, безъ «свободныхъ же учрежденій» онъ свободно можетъ обойтись.

Глубже всѣхъ проникъ въ сущность революціи, совершавшейся у насъ 55 лѣтъ тому назадъ, В. А. Кокоревъ, этотъ откупщикъ изъ мужиковъ, этотъ видный представитель нашей *чумазой буржуазіи*.

Во время обѣда онъ ограничился нѣсколькими теплыми словами и предложеніемъ еще и еще выпить за драгоцѣнное здравіе «Того и пр. и пр.».

«Настоящую рѣчь» Кокоревъ почему то не произнесъ на обѣдѣ, а приложилъ ее къ протоколу или отчету обѣда.

Эту настоящую рѣчь «геніальнаго» откупщика Катковъ характеризуетъ, какъ «поступокъ».

Для чумазыхъ «освобожденіе» открывало такую широкую перспективу народной эксплуатаціи, что они въ лицѣ Кокорева предлагали взять на себя даже часть расходовъ по выкупу крестьянскихъ душъ.

«Царь уповаетъ на народъ, — гласила рѣчь, приложенная къ протоколу, — народъ уповаетъ на царя. Вотъ *въ этомъ взаимномъ упованіи* и состоитъ русская особенность и рѣзкая разница между Европой и Россіей. Пусть теперь углубится Европа во внутренній смыслъ нашихъ настроеній; вѣдь вездѣ отъ этихъ настроеній происходятъ всѣ прочія явленія въ жизни народовъ.

Европа въ своихъ движеніяхъ приходила къ пропасти смутной неизвѣстности; *мы пришли къ упованію;* значитъ, *мы читали исторію европейскихъ народовъ внимательно и обратили въ свою пользу самую нашу запоздалость*».

Развивъ затѣмъ мысль о необходимости уплатить мелкопомѣстнымъ дворянамъ за крестьянскія усадьбы и огороды и вознаградить помѣщиковъ сѣверныхъ губерній, гдѣ половина дохода помѣщиковъ извлекается изъ ихъ личнаго права на крестьянина, Кокоревъ продолжалъ:

«Другое дѣло губернія хлѣбородныя и черноземъ-

ныя. *Тамъ помѣщики будутъ въ большой выгодѣ отъ новаго порядка.* Вотъ живыя доказательства: недавно я купилъ въ Орловской губерніи 2200 десятинъ земли у графа Р. за 100.000 рублей и отдалъ эту землю въ аренду за 9000 руб. въ годъ, тогда какъ имѣніе съ крестьянами никогда не можетъ дать такихъ процентовъ. Въ той же губерніи мнѣ предлагаетъ князь О. 3500 десятинъ земли по той же разцѣнкѣ, какъ я купилъ у графа Р.; но я не могъ на это согласиться потому только, что на этой землѣ живутъ 500 крестьянъ, значитъ и нѣтъ возможности пріобрѣсти эту землю купцу, а владѣніе подъ чужимъ именемъ никому не понутру. Надо вамъ сказать, что за 500 лицъ крестьянъ никакой не полагалось цѣны».

Выясняя, какъ выгодно помочь правительству въ «освобожденіи крестьянъ», Кокоревъ говоритъ:

«Мы всегда скупы на такіе расходы, гдѣ выгода отвлеченна; *но въ дѣлахъ очевидной пользы никто и никогда не затрудняется.* Сдѣлать выгоду отъ устройства крестьянъ очевидною для всѣхъ — есть дѣло литературы: тогда возбудится во всѣхъ желаніе участвовать въ пожертвованіяхъ...»

«Зачѣмъ держать въ секретѣ такія благодѣтельныя предположенія и желанія, извѣстность о которыхъ дѣйствовала бы успокоительно на многихъ, какъ напримѣръ: предположеніе *нѣкоторыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ подаритъ своимъ крестьянамъ усадебную осѣдлость;* другое, еще болѣе широкое предположеніе со стороны богатѣйшихъ, дать бѣднымъ и часть землицы, чтобы было можно на ней попахать и коровку покормить, дабы черезъ это пособіе и бѣдные крестьяне обратились въ зажиточныхъ? Мы не будемъ называть теперь славныя имена этихъ истинныхъ благодѣтелей; но пройдетъ время, когда всѣ почтутъ за обязанность и долгъ воздать имъ дань признательности отъ лица всей земли Русской...»

«*А желаніе купцовъ покупать населенныя земли для отдачи ихъ въ аренду* крестьянамъ, само собой разумѣется безъ всякаго права на вмѣшательство въ частную жизнь крестьянъ, *принесло бы удивительную пользу.* Сколько бы мелкопомѣстныхъ дворянъ сейчасъ же получили деньги за свои помѣстья?

«Купцы имѣютъ обычай жертвовать огромныя суммы

на поминки. Какое славное назначеніе для этихъ суммъ!

«О нашемъ времени наши дѣти и внуки скажутъ: Знаменателенъ былъ 1858 г. Царь, въ упованіи на дворянъ и народъ, произнесъ желаніе устроить положеніе крестьянъ. Крестьяне съ твердымъ упованіемъ ждали покойной развязки этого дѣла, дворяне разстались съ своимъ правомъ и промѣняли прежде *неблагозвучное выраженіе душевладѣльцы на человѣческое слово землевладѣльцы*, сдѣлавъ это также съ твердымъ упованіемъ на то, что отъ общаго развитія жизни, доходы ихъ отъ земли возмѣстятъ личные, подушные оброки съ крестьянъ, а купцы сами вызвались заплатить небогатымъ дворянамъ за жилища крестьянъ. Всѣ помогали дѣлу по мѣрѣ своихъ силъ».

Въ этой рѣчи «откупщика изъ мужиковъ» необычайно вѣрно показана сущность *предстоявшей* тогда реформы, которую многіе интеллигенты и до сихъ поръ еще, черезъ полстолѣтія послѣ ея проведенія, не могутъ себѣ хорошенько уяснить.

«Неблагозвучное» выраженіе душевладѣльцевъ измѣнилось въ благозвучное землевладѣльцевъ, въ число которыхъ могли свободно вступить Разуваевы и Колупаевы, и отдача земли крестьянамъ въ аренду принесла имъ по истинѣ «удивительную пользу». Продолжали разувать и колупать мужика и чистокровные дворяне, особенно тѣ, которые облагодѣтельствовали своихъ крестьянъ, подаривъ имъ не только усадебную осѣдлость, но еще и четверть нормальнаго надѣла.

Для Кокорева было, какъ дважды два — четыре, несомнѣнно, что наступило время, когда выгоднѣе имѣть землю безъ мужиковъ рядомъ съ мужиками безъ земли, чѣмъ владѣть мужиками съ землею. Онъ зналъ также, что выгода сравниваетъ бѣлую кость съ черной, дворянскую буржуазію съ чумазой и что объединяющимъ цементомъ является «*упованіе*», именуемое менѣе удачно самодержавной бюрократіей, бюрократическимъ самодержавіемъ или просто самодержавіемъ. Русская буржуазія, дѣйствительно, внимательно прочла исторію европейскихъ народовъ и предпочла *упованіе* революціоннымъ дѣйствіямъ. Европейская буржуазія точно также послѣдовала совѣту русскаго чумазаго и «углуби-

лась во внутренній смыслъ русскихъ отношеній». Въ Россію подъ «охрану» упованія явились иностранные капиталы; но этого мало: въ бездонный мѣшокъ «упованія» посыпались милльярды, скопленные французскими и нѣмецкими буржуями; гимнъ «упованія» «боже царя храни» встрѣчался рукоплесканіями въ республиканской столицѣ, новые улицы и монументы которой стали называться въ честь главы русскаго упованія, русскаго царя. Въ «упованіи» слились титулованные и не титулованные, бѣлокостные и чумазые, чиновные и нечиновные, просвѣщенные и не просвѣщенные распорядители и эксплуататоры «освобожденнаго труда». Сюда присоединились и представители буржуазіи заграничной и этимъ ускорили ростъ борца, которому суждено покончить со всѣмъ этимъ «упованіемъ».

Французскій кличъ «Enrichessez-vous!» (Обогащайтесь!) у насъ перевели: «Грабьте, воруйте!» Въ этомъ грабежѣ спѣшили принять участіе и чумазые, и бѣлокостные, и чиновники, и самъ самодержецъ. Одни берутъ концессіи и даютъ взятки, другіе даютъ концессіи и берутъ взятки; одни грабятъ народъ частнымъ образомъ, другіе казеннымъ; интенданты превращаются въ поставщиковъ, поставщики въ интендантовъ, биржевые дѣльцы въ министровъ, министры въ биржевыхъ дѣльцовъ; бюрократы — свои люди и для дворянъ, и для промышленниковъ, и для купцовъ; для однихъ повышаются пошлины, для другихъ создается золотой банкъ и выдаются вывозныя преміи; народныя деньги бросаются направо и налѣво, при чемъ не забываются, конечно, и чиновные карманы. Въ этомъ *всероссійскомъ упованіи* всѣ — товарищи, всѣ—братья въ наживѣ, всѣ, начиная съ царя, кончая чумазымъ, — капиталисты, предприниматели и казнокрады. Разумѣется, товарищи и братья часто ссорятся, такъ какъ лакомыхъ кусковъ не хватаетъ для всѣхъ, разумѣется многимъ кажется, что они обижены, что братья, состоящіе въ данный моментъ чиновниками, плохо дѣлятъ казенный пирогъ, что они сами бы дѣлили его лучше, разумѣется даже и братья во чиновничествѣ подкапываются другъ подъ друга и дерутся между собою изъ самого большого ножа, чтобы отрѣзать самый большой кусокъ.

Взаимныя ссоры обостряются, усиливаются, когда

почва подъ ногами начинаетъ колебаться, когда рабочій народъ, на спинѣ котораго разыгрывается все это «упованіе», начинаетъ поводить широкими плечами и разгибать свою могучую спину...

И тогда раздаются крики о похищеніи упованія бюрократами, объ извращеніи его природы и т. д. Эти крикивъ настоящее время можно встрѣтить и на страницахъ «Гражданина» и на страницахъ «Освобожденія», несмотря на то, что эти два органа стоятъ на противоположныхъ полюсахъ самодержавной буржуазіи.

Прочтите, напримѣръ, плачъ по самодержавію какого-то «земца» плачъ, именуемый «На поворотѣ» и помѣщенный Струве въ первой *книжкѣ* «Освобожденія», хотя и съ оговоркой, но все же съ удовольствіемъ, какъ плачъ *союзника*.

Союзникъ и сотрудникъ Струве опредѣляетъ истинное самодержавіе, какъ «живую власть, осуществляющую живую правду». Оно, по его словамъ «покоится въ глубинѣ историческаго прошлаго и связано преданіемъ съ великими событіями народной жизни...»

Но, увы, бюрократія мѣшаетъ этой живой власти осуществлять живую правду.

«Для истинной жизни верховной власти» — философствуетъ сотрудникъ «Освобожденія» — «нужны нравственныя начала, которыя служили бы основаніемъ для единенія и союза съ живыми духовными силами народа», а въ настоящее время «поддерживаются и распространяются взгляды, что верховная власть, только опираясь на силы бюрократіи, можетъ сломить революціонныя движенія, путемъ приказа начальства водворить порядокъ и добрые нравы, при помощи чиновниковъ духовнаго вѣдомства укрѣпить народныя массы въ духѣ покорности православной церкви и самодержавію». Почтенный «земецъ» изъ дворянъ, видимо, хочетъ увѣрить самодержца, что ему, земцу въ компаніи со Струве удастся то, что не удается бюрократіи: «сломить революціонныя движенія, водворить порядокъ и добрые нравы, укрѣпить народныя массы въ духѣ покорности православной церкви и самодержавію».

Не въ первый уже разъ со страницъ «Освобожденія» раздаются крики недовольныхъ «унывающихъ» о неспособности бюрократіи подавлять революціонныя

движенія, въ частности, рабочія, но повѣрьте, «милые бранятся, только тѣшатся»: въ концѣ концовъ они все же бросятся въ объятія своихъ чиновныхъ братьевъ съ крикомъ: «руби, стрѣляй, вѣшай», и самымъ неучтивымъ образомъ оттолкнутъ отъ себя Струве, этого «рыцаря печальнаго образа», который пойметъ тогда, какую печальную роль онъ игралъ въ этой буржуазной «вспышкѣ у домашняго очага». Ахъ, эти вспышки! Имъ не надо придавать серьезнаго значенія. Гдѣ ихъ не бываетъ?! Возьмите хотя бы почтенное товарищество «Искры», устроенное для расчистки пути капитализму, внесенію классовой борьбы въ деревню, поддержки всякаго оппозиціоннаго движенія, войны съ революціонными фракціями и другихъ столь же полезныхъ, пріятныхъ и выгодныхъ предпріятій. Все шло превосходно, товарищи были также единодушны и краснорѣчивы, какъ «народные представители» на вышеописанномъ московскомъ обѣдѣ; но товариществу вздумалось устроить торжественный съѣздъ; съѣздъ вышелъ поистинѣ «*невиданный*», «*небывалый*», и вотъ послѣ этого «небывалаго съѣзда» часть «товарищей» вдругъ неистово начинаетъ кричать: «Долой самодержавіе, долой бюрократію», причемъ имѣетъ въ виду не самодержавіе Романова, не бюрократію Плеве, а самодержавіе и бюрократію своихъ собственныхъ министровъ. Но стоитъ крикунамъ удѣлить частицу партійнаго «самодержавія», и они успокоются.

III.

Съ нашей точки зрѣнія между самодержавіемъ и буржуазіей не существуетъ антагонизма: самъ самодержецъ и всѣ главные бюрократы — буржуа; съ другой стороны въ каждомъ русскомъ буржуа и въ каждомъ иностранномъ буржуа на русской почвѣ есть частица самодержавія. Самодержавіе это одна изъ формъ политическаго господства буржуазіи. *Это воля угнетающаго класса, являющаяся произволомъ по отношенію къ классу угнетаемому.*

Въ началѣ 70-хъ годовъ нѣкоторые русскіе революціонеры отдѣляли политическую власть отъ власти капитала, которая у насъ была, по ихъ мнѣнію, лишь въ зародышѣ.

Ткачевъ въ своей извѣстной полемикѣ съ Энгельсомъ заявлялъ: «У насъ нѣтъ городского пролетаріата, это, конечно, вѣрно; но за то у насъ нѣтъ также и буржуазіи... нашимъ рабочимъ придется бороться только съ *политической властью*,—*власть капитала* у насъ еще въ зародышѣ. И Вамъ, Милостивый Государь, должно быть извѣстно, что борьба съ первой гораздо легче, чѣмъ со второй». Отождествляя политическую власть съ государствомъ, Ткачевъ утверждалъ далѣе, что русское государство «только издалека кажется силой». «У него нѣтъ корней въ экономической жизни народа; *оно не воплощаетъ въ себѣ интересовъ ни одного сословія*... У васъ (въ Западной Европѣ) государство не кажущаяся сила. Оно опирается обѣими ногами на капиталъ; оно воплощаетъ въ себѣ извѣстные экономическіе интересы... У насъ дѣло обстоитъ совсѣмъ наоборотъ, — наша общественная форма обязана своимъ существованіемъ государству, *этому такъ сказать висящему въ воздухѣ государству*, которое не имѣетъ ничего общаго съ существующимъ общественнымъ порядкомъ, государству, корни котораго въ прошломъ, а не въ настоящемъ.»

Эти путанныя разсужденія Ткачева получили отъ Энгельса основательную отповѣдь.

«Крупная буржуазія Петербурга, Москвы, Одессы»— писалъ Энгельсъ въ 1875 году въ журналѣ «эйзенахцевъ» «Volksstaat»,—которая въ послѣдніе десять лѣтъ, особенно благодаря желѣзнымъ дорогамъ, неслыханно быстро развилась и имѣла удовольствіе за послѣдніе шарлатанскіе годы принять участіе въ крахѣ, всѣ экспортеры зерна, конопли, льна, сала, всѣ дѣла которыхъ построены на нищетѣ крестьянъ, вся крупная русская промышленность, существующая только охранительными пошлинами, даруемыми ей государствомъ, всѣ эти значительные и быстро ростущіе элементы населенія не имѣютъ будто бы никакого интереса въ существованіи русскаго государства? Не говоря уже о безчисленномъ войскѣ чиновниковъ, которое заполняетъ и разворовываетъ Россію — и составляетъ тамъ настоящее сословіе. И если господинъ Ткачевъ увѣряетъ насъ все же, что русское государство «не имѣетъ корней въ экономической жизни народа, не воплощаетъ въ себѣ интересовъ никакого сословія, что

оно виситъ въ воздухѣ, то намъ представляется, какъ будто въ воздухѣ виситъ не русское государство, а г. Ткачевъ».

Не смотря на эту отповѣдь Энгельса, шесть лѣтъ спустя, другой русскій революціонеръ П. Б. Аксельродъ поучалъ Хурскій международный соціалистическій конгрессъ совершенно въ духѣ Ткачева.

«Не говоря уже о значительной разницѣ въ политическомъ гнетѣ, не слѣдуетъ забывать — говорилъ Аксельродъ, — что въ Германіи и теперь даже правительство представляетъ собою все-таки агента экономически привиллегированныхъ классовъ и *непосредственно* опирается хотя-бы на классъ землевладѣльцевъ, а отчасти и крупной буржуазіи. Первостепенную роль въ подавленіи низшихъ классовъ играютъ все-таки политически организованныя имущественныя сословія. Правительственныя лица не могутъ здѣсь считаться одни отвѣтственными за преслѣдованія соціалистовъ и подавленіе рабочаго движенія. Послѣднее является организованной борьбой низшихъ классовъ противъ высшихъ—и система террора противъ представителей власти быть можетъ еще и въ данную минуту была бы нецѣлесообразной въ Германіи...

«*Наше правительство не опирается на какой-нибудь, хотя-бы консервативный, классъ общества.* Развившись изъ историческихъ условій, оно въ настоящее время опирается только на массу чиновниковъ и солдатъ, представляя собою разбойничью шайку, высасывающую жизненные соки страны и безпощадно подавляющую всякую оппозицію изъ какого-бы класса общества она не исходила. Искреннихъ защитниковъ у него нѣтъ или очень мало. Значительная часть общества индифферентна къ борьбѣ революціонныхъ элементовъ съ правительствомъ. *Недовольные же элементы всѣхъ классовъ прямо или косвенно содѣйствуютъ революціоннымъ группамъ и спеціально «исполнительному комитету»* — какъ центру борьбы противъ общаго врага. Такимъ образомъ борьба ведется собственно между двумя организованными группами—революціоннымъ меньшинствомъ съ одной стороны и правительствомъ съ другой. Желая собственными силами подавить революцію *ради своихъ личныхъ*

интересовъ, правительство должно само и нести отвѣтственность за всѣ свои звѣрскія дѣянія».

И это говорилось уже послѣ 1-го марта 1881 года, уже послѣ того, какъ каждое либеральное копыто старалось возможно больнѣе ударить умиравшую «Нар. Волю», послѣ того, какъ многочисленная категорія либераловъ, которыхъ Плехановъ характеризуетъ, какъ «честныхъ и неподкупныхъ, умныхъ и образованныхъ», «искренно сочувствующихъ страданіямъ своей родины, всею душою стремящихся принести ей пользу» *), устами Чичерина заявила, что «власти необходимо прежде всего показать свою энергію, что она не свернула своего знамени передъ угрозой».

Противоположный ткачево-аксельродовскому взглядъ на соотношеніе между самодержавіемъ и буржуазіей господствовалъ среди значительной части русскихъ соціалдемократовъ, работавшихъ въ Россіи во второй половинѣ 90-хъ годовъ. Взглядъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ брошюрѣ «Кто совершитъ политическую революцію?», напечатанной въ одной изъ тайныхъ типографій въ предѣлахъ Россіи.

Въ этой брошюрѣ очень много цѣнныхъ замѣчаній, направленныхъ противъ революціонеровъ, проникшихся плехановскимъ духомъ и впослѣдствіи укрѣпившихся въ «Искрѣ».

«У насъ—говоритъ авторъ—распространено мнѣніе, что господствующимъ элементомъ въ русскомъ обществѣ является «абсолютизмъ», который представляетъ изъ себя какую-то особую силу, стоящую внѣ классовъ и надъ классами; этотъ абсолютизмъ «покровительствуетъ» теперь крупной буржуазіи, какъ прежде «покровительствовалъ» онъ помѣщикамъ; буржуазія пока мирится съ господствомъ этой поддерживающей ея силы, но по существу дѣла она находится въ непримиримомъ антагонизмѣ съ своей временной благодѣтельницей; до поры, до времени антагонизмъ этотъ находится въ скрытомъ состояніи, но не далекъ уже тотъ день, когда онъ прорвется наружу, — буржуазія возстанетъ противъ абсолютизма и потребуетъ дарованія «народу», т. е. прежде всего ей самой, права

*) См. Рецензію Г. П. въ «Зарѣ» (№ 2-3 стр. 357) на книгу: «Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія».

участвовать въ законодательствѣ при посредствѣ своихъ представителей. Исходя изъ такого взгляда, многіе теперешніе революціонеры формулируютъ ближайшую задачу русскаго пролетаріата такъ: пролетаріатъ долженъ итти рука объ руку съ буржуазіей въ ея борьбѣ противъ общаго врага всѣхъ классовъ русскаго общества, — противъ абсолютизма; и, только низвергнувъ абсолютизмъ, онъ очутится лицомъ къ лицу съ своимъ собственнымъ врагомъ — буржуазіей и поведетъ противъ нея борьбу правильно организованную, открытую, нестѣсняемую никакими «внѣшними» препятствіями, вродѣ «произвола администраціи» и т. д., — словомъ борьбу, совершающуюся въ рамкахъ правового порядка»

Опровергая этотъ, какъ видите, чисто «искровскій» взглядъ, авторъ брошюры говоритъ:

«Прежде всего, абсолютизмъ есть вовсе не какая-нибудь самостоятельная общественная сила, стоящая надъ классами, а только извѣстная форма государственнаго устройства, т. е. форма организаціи господства того или иного класса. Эта форма, подобно всякой другой государственной формѣ, должна наполниться какимъ-нибудь опредѣленнымъ содержаніемъ, т. е. за абсолютизмъ долженъ стоять какой-нибудь классъ. Не государственная форма сообщаетъ силу классу, а наоборотъ — она сама получаетъ силу отъ класса. Слѣдовательно толковать объ «абсолютизмѣ», какъ о самостоятельной силѣ «покровительствующей» излюбленному ею классу — значитъ переворачивать дѣйствительность вверхъ дномъ.

Спрашивается далѣе, какимъ классовымъ содержаніемъ можетъ вообще наполняться абсолютическая форма государственнаго устройства и какой именно классъ даетъ ей силу у насъ въ настоящее время?

Сторонники разсматриваемаго воззрѣнія предполагаютъ, что господство буржуазіи можетъ облекаться только въ одну опредѣленную форму государственнаго устройства, которая поэтому и называется буржуазною. Въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ не то.

Буржуазія господствуетъ во всѣхъ странамъ Западной Европы и въ Америкѣ, а между тѣмъ формы государственнаго устройства во всѣхъ этихъ странахъ далеко не одинаковы. Стало быть, господство буржу-

азіи можетъ уживаться съ различными государственными формами. Почему оно не способно уживаться съ абсолютизмомъ?»

Далѣе авторъ устанавливаетъ разницу между положеніемъ буржуазіи на Западѣ и у насъ, объясняя ее главнымъ образомъ, тѣмъ, что подъ вліяніемъ необычайно быстро развивающагося у насъ капиталистическаго хозяйства, дворянское сословіе, такъ сказать, преждевременно окончательно ослабѣло. Наша буржуазія не имѣла, такимъ образомъ, по мнѣнію автора, «сильнаго соперника, съ которымъ бы ей приходилось бороться за классовое преобладаніе въ обществѣ, за политическое господство. Возвышеніе «всероссійскаго купечества», на степень не только экономически, но и политически господствующаго класса совершилось постепенно и незамѣтно; оно не встрѣчало сколько-нибудь значительнаго отпора со стороны одряхлѣвшаго и сходящаго съ исторической сцены хозяина дореформенной Россіи...»

«Вотъ почему наша буржуазія не совершила, не могла совершить и никогда не совершитъ политической революціи, она и такъ получила все, что ней нужно для упроченія своего господства...»

«Да, наша буржуазія пользуется всѣми правами, которыми пользуется западноевропейская буржуазія въ государствахъ съ «представительнымъ правленіемъ». Разница только въ томъ, что эти права русской буржуазіи не оформлены на бумагѣ, не подтверждены въ законодательномъ порядкѣ. Но отъ этого нашъ чумазый не только ничего не проигрываетъ, а напротивъ, очень много выигрываетъ; неоформленныя права гораздо лучше обезпечиваетъ его господство надъ пролетаріатомъ. Въ абсолютной монархіи верховная властъ юридически принадлежитъ самодержцу, въ монархіи ограниченной — народу, но фактически въ томъ и въ другомъ случаѣ верховная власть находится въ рукахъ господствующихъ классовъ. Первая форма государственнаго устройства гораздо удобнѣе для господствующаго класса, чѣмъ послѣдняя.

Въ Россіи юридически безправны всѣ классы, фактически же пользуется всѣми правами одна лишь буржуазія. Оформить свое господство, превратить свои фактическія права въ юридическія—для нея невыгодно

ибо это значило бы провогласить принципъ юридической принадлежности верховной власти всѣмъ классамъ общества и такимъ образомъ дать пролетаріату юридическую точку опоры для притязаній на фактическое пользованіе правами, которыя признаны за всѣми слоями населенія.

Напротивъ при абсолютической формѣ правленія буржуазія, фактически пользуясь всѣми правами господствующаго класса, юридически является такой же безправною, какъ и пролетаріатъ — она господствуетъ слѣдовательно подъ личиной безправія. Этой юридической фикціей всеобщаго безправія передъ лицомъ самодержца замаскировывается политическое господство буржуазіи до такой степени, что даже многіе изъ нашихъ революціонеровъ, стремящихся организовать русскихъ рабочихъ въ самостоятельную партію, вѣрятъ нелѣпой сказкѣ о безправности нашей буржуазіи, и о скрытомъ антагонизмѣ между нею и абсолютизмомъ; исходя изъ такого, основаннаго на фикціи, воззрѣнія, они и приходятъ къ совсѣмъ не соціалдемократическому выводу, что русскій пролетаріатъ долженъ—не завоевывать для себя политическія права у буржуазіи, а напротивъ, помогать этой буржуазіи... низвергнуть абсолютизмъ, чтобы провозгласить юридическій принципъ принадлежности верховной власти народу. Въ дѣйствительности современный русскій абсолютизмъ представляетъ изъ себя ничто иное, какъ самодержавіе русской буржуазіи, ея полное, безусловное, исключительное и неограниченное господство надъ низшими слоями населенія, прежде всего и болѣе всего—надъ пролетаріатомъ».

Въ этихъ разсужденіяхъ много вѣрнаго, но авторъ дѣлаетъ ошибку, сводя нашу буржуазію къ «всероссійскому купечеству», къ «чумазому», противопоставляя ее «слабому» дворянству, и не замѣчая огромной роли, которую играетъ у насъ буржуазія западноевропейская. Наше дворянство не погибло, какъ думаетъ авторъ, а слилось съ буржуазіей, обуржуазилось. Наша буржуазія, какъ мы указывали уже выше, охватываетъ и всероссійское купечество, и дворянство, и высшее чиновничество и къ ней, наконецъ, какъ источникъ предпринимательской энергіи и огромныхъ матеріальныхъ средствъ, надо причислить и многочисленныхъ

иностранныхъ капиталистовъ, создавшихъ у насъ крупное производство, непосредственно или посредственно устраивая въ Россіи свои собственные заводы, или ссужая казенныхъ и частныхъ предпринимателей своими милліардами. Невѣрно, по нашему мнѣнію, выясняетъ авторъ и причину, почему наша буржуазія достигла господства безъ насильственной революціи, почему она, по образному выраженію Кокорева, пришла не къ неизвѣстности, а къ упованію. Дѣло не въ томъ, что дворянское сословіе было слишкомъ слабо, чтобы оказать сопротивленіе «чумазому», а въ томъ, что капитализмъ перенесенъ былъ къ намъ уже въ готовомъ видѣ, что онъ уже на Западѣ продѣлалъ свою исторію съ ея насильственными буржуазными революціями; въ Россіи ему никто уже не оказывалъ сопротивленія, такъ какъ онъ совпадалъ съ выгодой не только купечества, но дворянства и чиновничества. Но какъ бы то ни было, авторъ брошюры твердо стоитъ на землѣ и во всѣхъ отношеніяхъ выгодно отличается отъ его превосходительства генералъ-лейтенанта Мартова, которому, кстати сказать, очень хочется быть высокопревосходительствомъ и полнымъ генераломъ отъ «Искры». Почтенный генералъ въ своей статьѣ «Всегда въ меньшинствѣ», помѣщенной въ № 2-3 «Зари», съ необычайной легкостью вспорхнулъ на воздухъ и повисъ тамъ въ очень неудобной и некрасивой позѣ.

«Въ области политическихъ злобъ дня — читаемъ мы въ этой статьѣ — интересы пролетаріата и буржуазной интеллигенціи — *какъ и всѣхъ нереакціонныхъ слоевъ имущихъ и привиллигированныхъ классовъ* — въ настоящее время и на достаточно долгій періодъ будущаго совпадаютъ во многихъ пунктахъ, поскольку общность тяготѣющаго надъ всѣми нами самодержавнаго ига *сковываетъ насъ всѣхъ крѣпкими узами солидарности порабощенныхъ противъ поработителей.*»

«И если въ дальнѣйшемъ изложеніи неоднократно подчеркивается необходимость для соціалистической интеллигенціи отдѣлиться, отмежеваться отъ либерально-буржуазнаго общества, то авторъ имѣетъ въ виду размежеваніе въ средѣ соціально-политическихъ *идей*. Но это не значитъ, чтобы онъ рекомендовалъ полити-

ческую изоляцію соціалистовъ отъ либеральнаго общества. Такая изоляція — въ виду отмѣченной выше извѣстной общности ближайшихъ политическихъ задачъ — была бы вредна для общаго дѣла борьбы съ абсолютизмомъ».

«Идейная борьба — разъ она ведется вполнѣ сознательно и открыто — не страшна для того (хотя бы и не формальнаго) *союза всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ общественныхъ элементовъ, который является* conditio sin qua non *для торжества дѣла свободы.* Наоборотъ эта идейная борьба должна привести *къ выживанію въ каждомъ лагерѣ элементовъ наиболѣе политически приспособленныхъ къ данной исторической обстановкѣ, властно требующей комбинированія силъ революціонныхъ и просто оппозиціонныхъ* элементовъ для достиженія наибольшаго эффекта въ борьбѣ съ самодержавіемъ. А это значитъ, между прочимъ, что взоръ того, кто удрученъ картиной повальнаго безлюдья въ либеральномъ лагерѣ, можетъ съ надеждой обратиться къ образу *будущихъ* мужей, которые вдохнутъ въ русскій либерализмъ новую жизнь, и явятъ намъ величавыя фигуры собственныхъ Іогановъ Якоби и Лафаэтовъ тамъ, гдѣ мы до сихъ поръ съ сокрушеніемъ видѣли однихъ только рыцарей «мирнаго культурнаго развитія.»

Послѣ всего этого уже совершенно послѣдовательнымъ является слѣдующее заявленіе Мартова:

«Общество признаетъ за пролетаріатомъ право идти въ хвостѣ *его* политическаго движенія, но оно категорически отрицаетъ — въ силу противоположности его классовыхъ интересовъ — право пролетаріата на политическую гегемонію. *И послѣднія событія въ Россіи показали, что воспитанный на «чисто экономической» борьбѣ пролетаріатъ пригоденъ какъ разъ къ роли такого хвоста и только хвоста.*» *)

Такъ оцѣнилъ генералъ Мартовъ обуховскія событія 1901 г.,**) такъ понялъ онъ силу и значеніе воспитаннаго на экономической почвѣ пролетаріата, кото-

---

*) Подчеркнуто, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ, повсюду мною. В. П.

**) Статья появилась въ свѣтъ приблизительно черезъ полгода послѣ безпорядковъ 1901 г. на Обуховскомъ заводѣ.

рый приблизительно черезъ годъ послѣ появленія статьи Мартова поразилъ весь міръ своими грандіозными всеобщими стачками.

Право, удивляешься, какъ не покраснѣли отъ стыда чернила соціалдемократической типографіи Дитца, печатавшей эти безстыжія строки. Онѣ вѣдь тогда еще не привыкли къ печатанью либеральныхъ статей «Освобожденія», но, впрочемъ, и въ «Освобожденіи» мы не встрѣчали утвержденія, что современный русскій пролетаріатъ пригоденъ только къ роли хвоста либеральнаго общества.

И какими въ дѣйствительности жалкими кажутся всѣ эти интеллигентные генералы Мартовскаго покроя, которые, если и умѣютъ пользоваться пролетарскими средствами борьбы, стачкой и бойкотомъ, то лишь для того, чтобы выжить изъ редакціи своего «уважаемаго товарища», полнаго генерала Ленина, котораго Мартовъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду, говоря объ «идейной борьбѣ» и «выживаніи элементовъ наиболѣе политически приспособленныхъ».

IV.

По искровской ортодоксіи самодержавіе—пережитокъ крѣпостного права, мѣшающій развитію у насъ капитализма. Пережитокъ этотъ часто называется крѣпостью, хотя и грозною, но, видимо, висящею въ воздухѣ. Уничтожить эту крѣпость въ интересахъ буржуазіи, которая въ Россіи также безправна, какъ и пролетаріатъ. Если буржуазія медлитъ со своимъ штурмомъ, то вѣроятно, лишь потому, что еще не достаточно подросли ея величавые Лафаэты и Якоби; она можетъ занять ихъ изъ искровскаго генеральнаго штаба и тогда этотъ штабъ поведетъ буржуазію въ союзѣ съ пролетаріатомъ на побѣдоносный штурмъ и произведетъ буржуазную революцію, уничтожитъ самодержавную крѣпость, заставитъ пролетаріатъ выстроить другую, болѣе крѣпкую, крѣпость капитализма и затѣмъ начнетъ готовить пролетаріатъ къ правильной осадѣ этой новой крѣпости.

Въ Россіи въ настоящее время въ рабскомъ положеніи одинаково находятся и Савва Морозовъ, и самый

послѣдній изъ его чернорабочихъ и самарскій купецъ Соколовъ, и самый бѣдный изъ его мужиковъ-арендаторовъ, у котораго Соколовымъ давно уже спущено двѣ шкуры и теперь сдирается третья и послѣдняя.

Марксистское положеніе о связи между политической и экономической силой въ Россіи не примѣнимо. Здѣсь классъ экономически могучій — политически совершенно безсиленъ.

«Позвольте», негодующе прервутъ насъ искровскіе «агенты», «Искра» говоритъ какъ разъ противоположное тому, что вы ей навязываете», и насъ забросаютъ цитатами, пестрящими «соціальной революціей», «борьбой съ капитализмомъ» и т. д. Эти цитаты извѣстны каждому искровскому «агенту» до агента 666 степени включительно *).

Почтенные господа агенты, мы хорошо знаемъ, что искровская ортодоксія не только двуликая, но многоликая, въ этомъ ея самая характерная особенность. Читая произведенія искровскихъ генераловъ, вы по всѣмъ вопросамъ найдете самыя разнорѣчивыя разсужденія: за либераловъ, противъ либераловъ, за Струве, противъ Струве, за терроръ, противъ террора, за всеобщую стачку, противъ всеобщей стачки; за нетерпимость въ принципіальныхъ вопросахъ, за самую широкую терпимость въ этихъ вопросахъ и. т. д. и т. д.

Въ этомъ отношеніи искровская ортодоксія совершенно совпадаетъ съ ортодоксіей іезуитской, и въ предыдущей главѣ мы для характеристики искристовъ могли пользоваться замѣчательной книгой Паскаля «Письма къ провинціалу о морали и политикѣ іезуи-

---

*) На «невиданнымъ» съѣздѣ, по утвержденію Бунда, въ защиту искровскаго устава партіи Плехановъ указывалъ «какое ошеломляющее впечатлѣніе на судей произвело заявленіе Желябова (кстати сказать вымышленное Плехановымъ), что онъ (Желябовъ, а не Плехановъ) не членъ исполнительнаго комитета, а лишь агентъ четвертой степени. «Ого», должны были подумать судьи, каковы же агенты первой степени!» «Что касается членовъ исполнительнаго комитета, то они должны были представляться ихъ воображенію настоящими богами». Надо думать, что въ рѣшеніяхъ съѣзда, «не подлежащихъ оглашенію» имѣется постановленіе, по которому Плехановъ при случаѣ долженъ ошеломить судей, хотя бы женевскихъ, что онъ агентъ 666 степени. Число какъ извѣстно апокалепсическое!

товъ», которая написана два съ половиною вѣка тому назадъ, но по отношенію къ искристамъ не потеряла своей свѣжести. *) Соціалдемократы, не безусловно преклоняющіеся передъ искровской политикой и моралью, могутъ возразить намъ, что конечно въ произведеніяхъ искристовъ можно встрѣтить очень странныя мнѣнія, но что несправедливо было бы навязывать ихъ всей корпораціи.

Знаете ли вы, друзья мои, что буквально этими словами пытался сначала защищать іезуитовъ вѣрный католикъ Паскаль, пока одинъ изъ друзей не открылъ ему сущность духа іезуитскаго общества. «Вы думаете сдѣлать многое въ ихъ пользу, говорилъ Паскалю этотъ другъ,—указывая, что нѣкоторые изъ ихъ отцовъ столь же строго держатся евангельскихъ (соціалдемократическихъ) правилъ, насколько другіе имъ противорѣчатъ, и вы заключаете изъ этого, что эти неразборчивые взгляды не принадлежатъ всему обществу. Я хорошо это знаю; вѣдь, если бы это было такъ, они не допустили бы противоположныхъ имъ. Но, такъ какъ справедливо и то, что среди нихъ находятся представители столь распущенныхъ мнѣній, вы можете заключить отсюда такъ же и то, что духъ общества не есть духъ христіанской (соціалдемократической) строгости; такъ какъ въ такомъ случаѣ они не потерпѣли бы столь противныхъ ему.—Такъ что же! отвѣтилъ я, какое же можетъ быть намѣреніе всего общества? У нихъ, по всей вѣроятности, нѣтъ ничего установленнаго, и каждый свободенъ говорить то, что придетъ ему въ голову. — Этого не можетъ быть, отвѣтилъ онъ; такой многочисленный орденъ не могъ бы просуществовать при такомъ отчаянномъ поведеніи и безъ единой души, которая управляла бы имъ и направляла бы всѣ его движенія; кромѣ того, у нихъ *существуетъ особое правило: ничего не печатать безъ вѣдома ихъ настоятелей.* — Но какъ же! сказалъ я, какимъ образомъ одни и тѣ же настоятели могутъ одобрять столь различныя воззрѣнія? — Это то и надо объяснить вамъ, возразилъ онъ.

— Знайте же, что цѣль ихъ не въ извращеніи нра-

*) При цитатахъ намъ пришлось лишь въ одномъ мѣстѣ «христіанство» замѣнить словомъ «соціалдемократія»

вовъ: такого намѣренія нѣтъ у нихъ. Но и исправленіе ихъ не единственная цѣль ихъ: это было бы плохой политикой. Вотъ въ чемъ заключается ихъ замыселъ. У нихъ настолько хорошее о себѣ мнѣніе, что они считаютъ полезнымъ и какъ бы необходимымъ для блага религіи (соціалдемократіи), чтобы ихъ вліяніе распространилось повсюду, и они могли бы управлять всякою совѣстью. И такъ какъ строгія евангельскія (соціалдемократическія) правила пригодны для управленія людьми извѣстнаго рода, то они и пользуются ими въ этихъ случаяхъ, когда они благопріятны для нихъ. Но, такъ какъ эти правила не согласуются съ желаніями большинства людей, то они не примѣняютъ ихъ по отношенію къ такимъ людямъ, чтобы было чѣмъ удовлетворить всѣхъ. По этой-то причинѣ, что имъ приходится имѣть дѣло съ людьми всѣхъ положеній и столь различныхъ народностей, имъ и необходимо имѣть казуистовъ, которые приспособлялись бы ко всему этому разнообразію. На основаніи этого начала вы легко можете судить, что, если бы они придерживались однихъ только распущенныхъ казуистовъ, они повредили бы себѣ въ своемъ главномъ намѣреніи, состоящемъ въ томъ, чтобы привлечь къ себѣ всѣхъ людей; потому что люди дѣйствительно благочестивые ищутъ болѣе строгаго руководителя. Но такъ какъ людей такого рода не много, имъ и не нужно много строгихъ духовниковъ, чтобы руководить ими. Для немногихъ не много у нихъ и наставниковъ; между тѣмъ какъ толпа распущенныхъ казуистовъ предлагаетъ свои услуги толпѣ тѣхъ, которые ищутъ распущенности.

Посредствомъ такого руководительства, *услужливаго и принаравливающагося*, какъ называетъ это отецъ Пето, они простираютъ свои руки на весь міръ (всю россійскую соціалдемократію.)»

Іезуитизмъ развивается отнюдь не только на основѣ католической церкви, для него повсюду готова благопріятная почва, гдѣ группа лицъ заранѣе считаетъ себя призванной управлять массами, хотя бы во имя самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ цѣлей. особенно, если эти лица не порождаются самой народной массой, а подходятъ къ ней со стороны, облаченные въ генеральскіе мундиры.

Отъ іезуитской морали не вполнѣ свободна даже нѣмецкая соціалдемократія, но тамъ свѣтъ гласности проникаетъ во всѣ партійные закоулки и не даетъ разростись іезуитизму; тамъ, кромѣ того, лишь часть вожаковъ пришла со стороны, большинство же вышло изъ рабочей массы; но все же, повторяю, и нѣмецкой соціалдемократіи приходится считаться съ опасностью іезуитской заразы.

На дрезденскомъ партейтагѣ много говорилось о статьѣ соціалдемократа Бернхарда «Партійная мораль», гдѣ выставлялись принципы партійной морали и политики, которые съ разныхъ сторонъ были названы на партейтагѣ іезуитскими. Бебель со всею силой своего негодующаго краснорѣчія обрушился на эту партійную мораль, такъ какъ по его мнѣнію наивный Бернхардъ выболтнулъ лишь то, что думаютъ многіе соціалдемократическіе вожди.

Прочитавъ одно мѣсто изъ статьи Бернхарда, гдѣ тотъ защищаетъ необходимость для партійныхъ вождей скрывать извѣстныя вещи отъ массы пролетаріата, какъ родители скрываютъ иногда правду отъ дѣтей, Бебель восклицаетъ: «Товарищи, могутъ ли быть выставлены болѣе ужасные принципы, какъ прочитанные? (Совершенно вѣрно!) Не издѣвательство ли это надо всѣмъ, что имѣетъ значеніе для партіи, для партійной жизни, для партійной прочности? (Совершенно вѣрно!) Этимъ ясно сказано: масса это — misera contribuens plebs римскихъ патриціевъ, это — масса надъ которой, встрѣчаясь, смѣются авгуры! Да, она хороша для работы, для агитаціи, для денежныхъ взносовъ, для подачи голосовъ, а въ остальномъ — она партійное стадо, она — дѣти, которымъ нельзя говорить всего, что думаешь! (Бурные апплодисменты). А партійные вожаки это ничшіанскіе сверхчеловѣки, люди силы, голова которыхъ полна широкихъ замысловъ, которые все знаютъ, все видятъ, все предусматриваютъ, они земное провидѣніе партійныхъ товарищей, которымъ передано руководство, ибо масса не въ состояніи руководить сама собой. (Очень хорошо!) Подобное выраженіе я уже раньше слыхалъ и жестоко схватился съ сказавшимъ его, но я боюсь, что многіе думаютъ такъ. Далѣе въ статьѣ говорится: «И, если она (партія) возникла, каждый принадлежащій къ ней индивидуумъ получа-

етъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о своей, жизненной цѣли, и неужели вожди должны тогда разрушать это ощущеніе счастья сомнѣніями и недоумѣніями, и людей, жизнь которыхъ начала получать содержаніе, снова сбрасывать въ тупое массовое существованіе, только потому, что они не могутъ выносить непріятнаго чувства, испытываемаго ихъ культурною душою, если они не всегда могутъ сказать полную правду и должны кое что замалчивать?». «Культурная душа вождей, которые умалчиваютъ передъ массой, которые всегда даютъ массѣ лишь столько мудрости, сколько они находятъ для нея хорошимъ! Нѣтъ, чортъ возьми, сказалъ я себѣ: это не слыхано, чтобы партіи бросали въ лицо подобныя вещи. Кто выставляетъ подобныя положенія, тотъ не имѣетъ болѣе права принадлежать къ партіи. (Совершенно справедливо! и бурные апплодисменты). Я рѣшилъ послѣ партсйтага идти во второй берлинскій избирательный округъ, гдѣ живетъ Бернхардъ и гдѣ я точно также организованъ, и, какъ выводъ изъ его поведенія, требовать его исключенія. (Оживленное одобреніе). Сегодня Бернхардъ взялъ назадъ сказанное имъ въ статьѣ. Я принимаю это и вмѣстѣ съ тѣмъ для меня падаетъ необходимость дальнѣйшихъ шаговъ противъ его личности. (Одобреніе). Вы видите, что мы дѣйствительно имѣемъ всѣ причины смотрѣть зорко. По отношенію къ товарищамъ, которые могутъ дѣлать то, что хотятъ, Бернхардъ — и теперь я говорю, можетъ быть правдивое слово — въ своей наивности высказалъ то, что нѣкоторые вожди думаютъ, но они чертовски осторожны и не даютъ этого замѣтить. Много говорятъ о терроризмѣ вождей, но нѣтъ партіи, гдѣ было бы менѣе терроризма вождей, чѣмъ въ соціалдемократіи, и это должно такъ остаться, необходимо, чтобъ такъ осталось. Кто хочетъ быть у насъ вождемъ, тотъ долженъ такъ дѣйствовать, какъ хочетъ партія, а не такъ, какъ хочетъ онъ. (Одобреніе). Онъ долженъ исполнять то, къ чему стремится масса, что она чувствуетъ и думаетъ. Вожди — *орудіе партіи, а не генералы и командиры, говорящіе: я иду впередъ, и вы должны мнѣ повиноваться, да масса этого и не потерпитъ*».

Бебель попадаетъ здѣсь не только въ Бернхарда

и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ вождей, но еще болѣе въ вождей русскихъ, и попадаетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые русскіе вожди при всей своей «дипломатіи» нерѣдко проявляютъ почти такую же наивность, какъ Бернхардъ. Такъ, напримѣръ, Плехановская редакція «Искры» въ отвѣтъ на требованіе Ленина «свѣта, побольше свѣта», замѣчаетъ: «товарищъ Ленинъ какъ будто забылъ и то, что политическій свѣтъ имѣетъ *свои законы интерференціи*, благодаря которымъ неумѣлое осуществленіе девиза *«больше свѣта»* ведетъ иногда къ затмѣнію. Стараться дѣлать пролетаріатъ судьею въ безчисленныхъ распряхъ, возникающихъ между кружками, значитъ склоняться къ самому худшему изъ видовъ псевдо-«демократизма».

Худшимъ видомъ псевдо-«демократизма» Плехановъ, видимо, считаетъ и уваженіе къ только что принятымъ постановленіямъ съѣзда. Съѣздъ отказался утвердить прежнюю редакцію «Искры», но Плехановъ, чтобы прекратить распрю между кружками, «кооптировалъ» всѣхъ прежнихъ членовъ редакціи, не выбранныхъ съѣздомъ, причемъ выбранному Ленину пришлось уйти изъ редакціи. Характерно, что Ленинъ въ письмѣ по поводу своего выхода изъ редакціи, которое тоже старались скрыть отъ пролетаріата, заявляетъ, что онъ соглашался, чтобы выходъ его не предавался гласности. Но особенно характерно для искровской партійной морали передовая статья «Чего не дѣлать» въ № 52. «Въ нашемъ центрѣ, говорится въ этой статьѣ, намъ нужны люди, отличающіеся не только смѣлостью, рѣшительностью и настойчивостью, но также огромной *осмотрительностью*. Они должны быть по истинѣ *мудры, какъ зміи.*»*) Изъ отвѣта редакціи на письмо Ленина въ № 53 мы узнаемъ еще, что не только въ центрѣ, но и вообще въ партіи, которая иносказательно называется «оркестромъ», рѣшительно неспособны къ участію люди *прямолинейные*. Зміи обыкновенно криволинейны. «Но первымъ признакомъ политической мудрости, поучаетъ криволинейная редакція «Искры», является умѣнье считаться съ даннымъ положеніемъ дѣлъ. Кто не обладаетъ такимъ умѣнь-

*) Въ обоихъ случаяхъ курсивъ въ подлинникѣ.

смъ, тотъ не рожденъ для политической дѣятельности, и тотъ поступитъ благоразумнѣе, если будетъ отклонять отъ себя всякія отвѣтственныя политическія роли. Политика требуетъ отъ людей, занимающихся ею, большой гибкости ума; она не знаетъ неизмѣнныхъ, разъ навсегда данныхъ правилъ». Далѣе выясняется, что люди разсуждающіе въ политикѣ по формулѣ «да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго, показали себя совершенно неспособными возвыситься до *діалектики*, что истина всегда конкретна и что все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста». «Въ политикѣ неизмѣнныя, разъ навсегда принятыя правила неизбѣжно и быстро ведутъ къ *пораженію*. Кто хочетъ стать достойнымъ *побѣды*, у того должно оставаться неизмѣннымъ одно только желаніе во что бы то ни стало прійти къ своей цѣли. Все остальное у него можетъ и должно быть измѣнчиво, потому что все остальное имѣетъ для него лишь *относительную* цѣнность».

Для выясненія необходимости зміиной политики говорится слѣдующее: «Всѣ мы такъ называемые ортодоксы,—обязаны вести энергичную и непримиримую борьбу съ «*ревизіонизмомъ*» во всѣхъ его видахъ и разновидностяхъ. «Ревизіонизмъ» совершенно несогласимъ съ нашими взглядами. Его конечный выводъ —полное отрицаніе *соціализма*. Поэтому помириться съ ревизіонизмомъ можетъ только тотъ, кто сознательно или безсознательно склоняется въ примиренію съ существующимъ *буржуазнымъ* порядкомъ вещей. Таково общее правило. Спрашивается, значитъ-ли оно, что, всегда враждуя съ *ревизіонизмомъ*, мы всегда и вездѣ обязаны враждовать съ *ревизіонистами?* Люди, отличающіеся «прямолинейностью извѣстной птицы», конечно, скажутъ, что — да. Мы же полагаемъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, наша практическая политика должна опредѣляться обстоятельствами времени и мѣста.»

Эти «обстоятельства времени и мѣста», по мнѣнію автора, могутъ повести къ необходимости мира съ ревизіонистами, такъ какъ война съ ними можетъ оказаться полезной для ревизіонизма, не ослабляя, а усиливая его. Далѣе идутъ наставленія въ смыслѣ миролюбія, мягкости.

Если вспомнить, что редакціонная коллегія, къ которой принадлежалъ и авторъ статьи «Чего не дѣлать?», выставляла на своемъ знамени войну съ ревизіонистами, если принять во вниманіе, что несомнѣнно тотъ же авторъ, который написалъ передовицу въ N⁹ 52-мъ,—въ передовицѣ N⁰ 49 (т. е. приблизительно за мѣсяцъ) сожалѣетъ, что дрезденскій партейтагъ не достаточно круто обошелся съ ревизіонистами, не исключилъ ихъ изъ партіи и повторяетъ нелѣпую фразу о томъ, что если нѣмецкая соціалдемократія не похоронитъ Бернштейна, то Бернштейнъ похоронитъ нѣмецкую соціалдемократію, если вспомнить все это, то получается превосходная иллюстрація къ іезуитской морали. Впрочемъ, и сама по себѣ статья «Чего не дѣлать» сдѣлала бы честь любому ученику Игнатія Лойолы.

«Нашъ центръ *обязанъ* очень строго относиться къ нарушенію дисциплины въ нашихъ рядахъ. И тѣмъ не менѣе было бы очень жаль, если бы онъ временами не умѣлъ воздерживаться отъ исполненія этой своей важной обязанности». «Ясно также, что въ интересахъ поддержанія и укрѣпленія дисциплины иногда бываетъ полезно закрывать глаза на ея нарушеніе».

Всѣ эти фразы почти буквально можно найти въ сочиненіяхъ іезуитовъ.

У Плеханова для іезуитской политики имѣется свое наименованіе — дипломатія. Въ N⁰ 4 «Зари» онъ указываетъ, между прочимъ, что «Группа Освобожденіе Труда» внесла въ свою программу государственную помощь производительнымъ товариществамъ и очень неопредѣленно формулировала аграрныя требованія въ угоду народническимъ *предразсудкамъ*.

По поводу спеціально аграрныхъ требованій Плехановъ говоритъ: «Эти послѣднія должны были особенно сильно затрогивать народническіе предразсудки нашихъ тогдашнихъ революціонеръ. Группа „Освоб. Труда“ хорошо понимала это и потому выражалась очень „дипломатично“».

При составленіи проекта программы «Искры-Зари» Плехановъ, навѣрное, тоже руководствовался не своими убѣжденіями, а «предразсудками» на этотъ разъ соціалдемократическими.

Выступая на «небываломъ съѣздѣ» противъ по-

правки, устанавливающей «двухлѣтнюю продолжительность парламента», Плехановъ, по словамъ отчета делегаціи Бунда, «высказалъ чрезвычайно характерныя мысли, которыя стоитъ отмѣтить. Мы—говоритъ онъ приблизительно—не должны связывать себя никакими сроками. Если парламентъ будетъ хорошъ, мы продлимъ его полномочія на 6, 7 лѣтъ, вообще сдѣлаемъ его произвольно долгимъ; если онъ будетъ плохъ, мы его разгонимъ въ нѣсколько дней. То же самое относится ко всѣмъ нашимъ программнымъ требованіямъ, не исключая и такого кардинальнаго пункта, какъ всеобщее избирательное право: можетъ наступить моментъ, когда намъ придется, въ интересахъ пролетаріата, лишить избирательнаго права нѣкоторые слои буржуазіи».

Да, такія «мысли» стоитъ отмѣтить, но, читая ихъ не знаешь, стоитъ ли огорчаться и не лучше ли просто разсмѣяться.

Въ «дипломатіи» Плехановъ по его собственнымъ словамъ *) былъ «слишкомъ опытенъ» уже въ 1882 г., когда онъ вмѣстѣ съ «дипломатомъ» Львомъ Тихомировымъ состоялъ въ редакціи «Вѣстника Народной Воли».

«Дипломатъ» Тихомировъ не скрылъ, впрочемъ, отъ товарища по редакціи дипломата Плеханова своей душевной пустоты, дряблости и просто дрянности. По словамъ Плеханова «г. Тихомировъ «съ ученымъ видомъ знатока» изрекалъ сугубыя глупости всякій разъ, когда заходила рѣчь о Марксѣ». Онъ былъ въ сущности совершенно равнодушенъ «ко всему, что выходило за предѣлы узко-практическихъ нуждъ «партіи». «По поводу происходившихъ тогда на югѣ антиеврейскихъ безпорядковъ онъ разсуждалъ, какъ антисемитъ». Съ нѣмецкой соціалдемократической партіей Тихомировъ не хотѣлъ сближаться, потому что въ партіи, состоящей изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, навѣрное, много никуда негоднаго народа и ни въ какія дѣловыя сношенія съ нею вступать невозможно».

---

*) См. Почему и какъ мы разошлись съ редакціей «Народной Воли» въ № 54 «Искры».

«Не менѣе крупные перлы его взглядовъ выступали чуть не ежедневно на божій свѣтъ»...

И вотъ съ этимъ-то человѣкомъ дипломатъ Плехановъ рѣшился «*подготовить* русскаго читателя къ усвоенію соціалдемократическихъ взглядовъ».

Убѣжденный соціалдемократъ Плехановъ могъ «только одобрять уступчивость г. Тихомирова», который, считаясь членомъ Исполнительнаго Комитета Народной Воли, соглашался изъ «дипломатіи» и желанія привлечь будущихъ членовъ Группы «Освобожденіе Труда» напечатать въ первой же книжкѣ «Вѣстника Народной Воли» статью Плеханова, въ которой тотъ утверждалъ, что партія «Народной Воли» «*была самой революціонной, но за то (!) и самой безпринципной изъ всѣхъ существовавшихъ у насъ партій*»*).

«Дипломатія» Тихомирова не возмущала Плеханова; напротивъ, онъ, видимо, за нее прощалъ ему и безпринципность, и антисемитизмъ.

Разъединила Плеханова и Тихомирова, по словамъ перваго, «тайная полиція» въ лицѣ Дегаева. Подъ вліяніемъ Дегаева Тихомировъ отказался отъ «дипломатіи», не нашелъ возможнымъ принять Плеханова и товарищей въ «партію Народной Воли», какъ цѣлую группу и «рѣшительно высказался *противъ* соціалдемократіи».

„«*Это было непріятно, но дѣлать было нечего*»**). Я вышелъ изъ редакціи «Вѣстника Народной Воли». Мы выступили, какъ группа, назвавшаяся группою «Освобожденіе Труда», и моя статья «*Соціализмъ и политическая борьба*» явилась въ видѣ отдѣльной брошюры послѣ того, какъ я дополнилъ ее и *значительно смягчилъ заключавшуюся въ ней критику «партіи Народной Воли»****).

Свои воспоминанія Плехановъ заканчиваетъ меланхолическимъ замѣчаніемъ: «Думайте объ этомъ, что хотите, я же повторю: *человѣкъ предполагаетъ, а тайная полиція располагаетъ*».

Человѣкъ предполагалъ вступить «въ самую без-

---

*) Курсивъ Плеханова, восклицательный знакъ послѣ «за то» поставленъ мною. В. П.

**) Подчеркнуто мною. В. П.

***) Курсивъ Плеханова.

принципную изъ всѣхъ существовавшихъ у насъ партій» и дѣйствовать тамъ въ союзѣ съ антисемитомъ Тихомировымъ, а тайная полиція расположила дѣла такъ, что онъ основалъ Группу «Освобожденіе Труда», породившую «Соціалдемократъ», «Искру», «Зарю», «Лигу» и въ концѣ концовъ «партію».

Благодѣтельница эта «тайная полиція»! Въ данномъ случаѣ она оказалась благодѣтельнѣе самой «дипломатіи». Но «дипломатія», какъ видите, не умерла и собирается пышно расцвѣсти на страницахъ «Искры».

Характерно, что эту «дипломатію», спеціально статью «Чего не дѣлать?» либеральное «Освобожденіе» привѣтствовало, прямо захлебываясь отъ восторга. Дипломатическая статья «Искры» — «знаменательный поворотъ», она «крупное и исключительное событіе», общественное значеніе котораго должно быть сознано представителями всѣхъ группъ нашей оппозиціи».

Освобожденскій дипломатъ, правда, не рѣшается утверждать, чтобы авторъ искровской статьи «ясно сознавалъ то значеніе, которое имѣютъ развитыя имъ мысли» и отрекался отъ принятой имъ соціалдемократической тактики. Это отреченіе по словамъ «Освобожденія» «въ глазахъ единомышленниковъ автора было бы преступною измѣной», но освобожденцы «могли бы только привѣтствовать» его.

Но и безъ этой «преступной измѣны» искровская «дипломатія» прямо нектаръ для «дипломатіи» освобожденской.

Взгляды статьи «Чего изволите?»... виноватъ... «Чего не дѣлать?», по мнѣнію освобожденскаго дипломата «не погибнутъ, а разовьются и будутъ широко практически использованы. Русскій же либерализмъ долженъ съ своей стороны сдѣлать все возможное, чтобы содѣйствовать этому процессу».

Да проститъ намъ читатель эту продолжительную экскурсію въ область іезуитской политики или искровской «дипломатіи». Она, казалось намъ вообще поучительной и въ частности объясняющей, почему мы останавливаемся на буржуазномъ ликѣ искровской ортодоксіи, какъ на самомъ характерномъ.

Согласно съ буржуазнымъ ликомъ искровской ортодоксіи, искровскіе генералы придаютъ особенное значеніе положенію своей программы, гласящему, что

«Рос. С.-Д. Р. Партія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка». Даже на «невиданномъ *) съѣздѣ» нашлись лица, которыхъ смутило обязательство поддерживать «всякое оппозиціонное движеніе», и Плеханову пришлось внѣ очереди опровергать «новыя заблужденія». Въ концѣ концовъ поддержка всякаго оппозиціоннаго движенія была принята, хотя, навѣрное, не всѣмъ было ясно, что это за штука «всякое оппозиціонное движеніе».

Одновременно съѣздъ постановилъ «считать дѣятельность соціалистовъ-революціонеровъ вредной не только для политическаго развитія пролетаріата, но и для обще-демократической борьбы противъ абсолютизма» и, по предложенію Плеханова, «настоятельно рекомендовалъ всѣмъ товарищамъ обращать въ своей пропагандѣ вниманіе рабочихъ на антиреволюціонный и противопролетарскій характеръ того направленія, которое выразилось въ органѣ г. Петра Струве „Освобожденіе“».

---

*) «Невиданнымъ» съѣздъ искристовъ называетъ сама «Искра». Она имѣетъ въ виду «невиданную полноту представительства». Но его можно назвать *невиданнымъ и неслыханнымъ* по многимъ другимъ основаніямъ. Онъ считался съѣздомъ не русской, а россійской партіи, представляющій пролетаріатъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россійскую имперію, но на него не были приглашены представители ни латышскаго, ни литовскаго, ни большинства польскаго пролетаріата. Приглашенные представители еврейскаго и небольшой части польскаго пролетаріата ушли, отказавшись отъ удовольствія участвовать въ искровской россійской партіи, тѣмъ не менѣе «партія» осталась «россійской», а не русской.

Невиданнымъ и неслыханнымъ надо признать и воскресеніе группы «Освобожденія Труда», получившей два голоса на ряду съ «Лигой» и организаціей «Искры», хотя всѣ члены «группы» уже раньше вошли и въ «Лигу», и въ «Искру». Видно, что генералы уже теперь готовятся «дѣлать» выборы. Эффектно было и «неслыханное» распаденіе «Кавказскаго Союза» на три комитета съ превращеніемъ двухъ голосовъ въ шесть.

«Невиданнымъ» можно назвать и воздержаніе почти половины членовъ при важнѣйшихъ голосованіяхъ. Невиданной и неслыханной была, по выраженію «Бунда», та «аркадія», которая наступила на съѣздѣ послѣ удаленія «всякаго революціоннаго и оппозиціоннаго движенія». Искровскіе пастушки сначала цѣловались, потомъ неожи

Эти два «движенія», значитъ, исключаются изъ «поддержки», можетъ быть, потому, что они кажутся Плеханову недостаточно буржуазными.

Въ своей резолюціи Плехановъ уже прямо выставляетъ аксіому, «что соціалдемократія должна поддерживать буржуазію». Въ программѣ «дипломатично» сказано, что Р. С.-Д. Р. П. поддерживаетъ «всякое революціонное и оппозиціонное движеніе», но не упомянуто, что оно должно быть непремѣнно буржуазнымъ; въ резолюціи же «дипломатія» сплоховала, и изъ нея ясно, что поддерживать можно только буржуазію и не ту, которая считаетъ своимъ выразителемъ Струве, а ту, которая стоитъ направо отъ него, ибо буржуазіи болѣе лѣвой, чѣмъ «освобожденцы» въ Россіи не существуетъ. Плехановъ, видимо, хочетъ заставить свою партію поддерживать лучше столь милыхъ его сердцу Колупаевыхъ и Разуваевыхъ съ ихъ «бурными стремленіями».

Однако довольно!

Поучительно знакомство съ людьми, которые, слѣдуя совѣту Плеханова, сразу сдѣлались «миролюбивыми, мягкими, уступчивыми», а, главное, «мудрыми, какъ зміи», но все же оно часто вызываетъ въ душѣ чувство, заставившее Тургенева воскликнуть: «Дальше, читатель, дальше!..»

данно стали кусаться и грызться. Они грызутся и до сихъ поръ, хотя со времени невиданнаго съѣзда прошло, по крайней мѣрѣ, пять мѣсяцевъ.

Не знаемъ, какое названіе приметъ съѣздъ оффиціально: «невиданный» или «неслыханный». По французски его бы Плехановъ, навѣрное, назвалъ «introuvable» («лучше не найдешь»), какъ Людовикъ XVIII въ первую минуту назвалъ «палату», состоявшую казалось изъ его крайнихъ приверженцевъ. Эта палата безъ преній отмѣнила разводъ, какъ «позорное учрежденіе», но во многихъ другихъ отношеніяхъ палата не оправдала ожиданій Людовика XVIII. И съѣздъ надо полагать не оправдалъ ожиданій Плеханова. О «разводѣ» на съѣздѣ, кажется, не говорили, но зато тамъ, если вѣрить «Послѣднимъ извѣстіямъ», происходило очень торжественное «вѣнчаніе», не знаемъ только: было ли это вѣнчаніе на бракъ или на царство?

V

Въ то время какъ освободители труда декретируютъ изъ за границы поддержку буржуазіи, представители труда, пролетаріи въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ, принуждены вести неустанную, непрерывную борьбу какъ съ русской, такъ и съ международной буржуазіей. Одну и ту же борьбу съ одними и тѣми же по своей сущности хищниками наживы приходится вести всѣмъ рабочимъ Россіи, рабочимъ русскимъ, польскимъ, литовскимъ, еврейскимъ, латышскимъ и т. д. на заводахъ и фабрикахъ *казенныхъ* и *частныхъ*, принадлежащихъ какъ *русскимъ*, такъ и *иностранцамъ*, какъ *дворянамъ*, такъ и *купцамъ*.

Борьба повсюду ведется на *экономической* почвѣ изъ за столь презираемыхъ многими интеллигентными революціонерами копѣекъ заработной платы и получасовъ рабочаго времени и повсюду рабочимъ приходится въ концѣ концовъ сталкиваться съ главнымъ боевымъ орудіемъ буржуазіи, государственною властью въ лицѣ полицейскихъ и казаковъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Жизнь каждымъ своимъ ударомъ учитъ русскихъ рабочихъ, что «хозяева» и «начальство» — тѣсно сплоченная сила, глубоко враждебная трудящемуся люду, а вы хотите убѣдить пролетаріатъ, что онъ долженъ идти съ хозяевами противъ начальства! Тщетныя усилія!

Помню нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось осматривать знаменитую Юзовку. Ночью я любовался вихремъ бѣлаго пламени, вырывавшагося изъ бессеменовой печи и миріадами искръ, осыпавшими темное небо; я съ восторгомъ слѣдилъ, какъ раскаленныя глыбы металла съ необычайной быстротой превращались въ огненные змѣи, которыя, слегка дрожа и изгибаясь, съ шипѣніемъ пробивались чрезъ отверстія поставленныхъ препятствій и затѣмъ подъ ударами вертящейся пилы падали раскаленными готовыми рельсами. Днемъ я осмотрѣлъ рабочіе дома, школы, больницы, санитарныя приспособленія и т. п. и возвращался въ «господскій» домъ Юзовъ, если далеко не очарованный, то все же удивленный культурностью

этого промышленнаго города, «созданнаго» англійскими капиталами среди новороссійскихъ степей; какъ вдругъ мой взглядъ упалъ на красивое высокое зданіе, построенное въ сторонѣ и на возвышеніи и какъ бы господствующее надъ всей Юзовкой.

— А это что такое? спросилъ я сопровождавшаго меня «завѣдующаго» юзовскимъ «помѣстьемъ» съ его 40 тысячами жителей.

— Это — казачья казарма, построенная тоже на счетъ завода. Благодаря хлопотамъ профессора Д. И. Менделѣева, въ Юзовкѣ теперь постоянно стоятъ казаки, а заводъ принялъ на себя расходы по ихъ содержанію...

Какой трогательный союзъ: великій русскій ученый, либеральный англійскій капиталистъ и казачій офицеръ съ нагайкою въ рукахъ!

Кого изъ троихъ прикажете поддерживать. И вы можете мѣнять эти фигуры. Вы можете мѣнять эти фигуры, не стѣсняясь національностью, ученой спеціальностью и родомъ оружія — суть союза не измѣнится.

Для иллюстраціи того, *какъ* воюетъ буржуазія съ самодержавіемъ, можно взять любой изъ газетныхъ отчетовъ о всевозможныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ горнозаводчиковъ, сахарозаводчиковъ, винокуровъ и д. т.

Со стороны капиталистовъ мы слышимъ на всѣхъ этихъ съѣздахъ «просьбы» и «жалобы», звучащія какъ самыя рѣшительныя «требованія», со стороны представителей правительства готовность сдѣлать все, что угодно господамъ фабрикантамъ и заводчикамъ, лишь бы они считались съ предѣлами «физически возможнаго». «Господа!», — сказалъ на съѣздѣ винокуренныхъ заводчиковъ тов. мин. финансовъ Коковцевъ — «по опыту послѣднихъ восьми лѣтъ заводчики знаютъ, какъ чутко относится министерство финансовъ ко всѣмъ ихъ нуждамъ и, если чего оно не можетъ сдѣлать, то значитъ это уже совершенно невозможно!»*)

Послѣ «съѣздовъ», «совѣщаній» и просто «воздѣйствій», преміи, нормировки охранительныя пошлины и пр. сыплются на заводчиковъ и фабрикантовъ особенно усиленно; но не дремлютъ, конечно, и круп-

*) Цитировано по статьѣ Д. Соскиса «Экономическая политика г. Витте», въ № 3 нелегальной «Жизни».

ные землевладѣльцы - дворяне: для нихъ ссуды съ прощеніемъ недоимокъ, кассы помощи и проч.

Огромное большинство капиталистовъ и землевладѣльцевъ отлично понимаетъ, что никакая «конституція» не можетъ для нихъ сдѣлать то, что «уже совершенно невозможно». Конституція начинаетъ выступать въ ихъ воображеніи, какъ нѣчто желательное, когда особенно сильно вздымаются волны рабочаго и крестьянскаго движенія, но имъ, конечно, хочется такой конституціи, которая бы не ослабила, а усилила «государственную власть» и сдѣлала ее способною справиться съ рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ

Что конституціонныя вожделѣнія даже «*прогрессивнаго* элемента земства» вызываются страхомъ передъ рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ, показываетъ извѣстное «открытое письмо отъ группы земскихъ дѣятелей, въ № 2 «Освобожденія».

«Между тѣмъ, — говорится въ письмѣ, «новѣйшая реакціонная политика самодержавной бюрократіи потерпѣла полнѣйшее банкротство. Такъ, крестьянской реформой, съ введеніемъ земскихъ начальниковъ и новымъ продовольственнымъ уставомъ, думали дать близкоскъ народу отеческое попеченіе и нужную дисциплину,—*а дождались небывалыхъ за послѣднее время по своимъ размѣрамъ областныхъ крестьянскихъ бунтовъ*».

«Не касаясь множества другихъ, не менѣе неудачныхъ попытокъ бюрократіи усилить свое вмѣшательство, приведемъ лишь разительный примѣръ близорукаго ея ослѣпленія въ стремленіи «объять необъятное» и *взять въ свои немощныя (!) руки даже такія сложныя стороны жизни общества, какъ рабочій вопросъ. А на дѣлѣ получается поразительное по своему стремительному росту рабочее движеніе!* И такъ, бюрократія, получивъ совершенно несвойственное себѣ (?!) развитіе и проникая въ всѣ самыя затаенныя и чувствительныя мѣста частной жизни русскихъ людей, дѣйствительно все (?) перепутала, расшатала, озлобила и *готовитъ ужасную катастрофу* и не только себѣ, но, можетъ быть, *и многимъ культурнымъ сторонамъ русской жизни.*

Не менѣе сбылось предсказаніе Сперанскаго насчетъ *уничтоженія бюрократіей и самодержавія.*»*)

*) Подчеркнуто всюду мною.

Такимъ образомъ, «прогрессивные элементы земства», какъ рекомендуетъ авторовъ этихъ тирадъ Струве, недовольны бюрократіей, что она все въ Россіи «расшатала», что при ней развилось рабочее движеніе, начались крестьянскіе бунты, что она ведетъ Россію къ революціи. Поэтому долой бюрократическое самодержавіе и да здравствуетъ самодержавіе дворянское. Либеральные чумазые поютъ ту-же пѣснь и кричатъ: долой бюрократическое самодержавіе, да здравствуетъ самодержавіе чумазое.

Бюрократія служитъ въ настоящее время одновременно различнымъ слоямъ буржуазіи (въ томъ числѣ и землевладѣльческой) и при этомъ получаетъ, конечно, и сама до нѣкоторой степени самостоятельное значеніе, становясь какъ бы отдѣльнымъ слоемъ буржуазіи. Всѣ эти слои тѣсно связаны между собою, (иногда одно и то же лицо принадлежитъ одновременно къ разнымъ слоямъ), но все же между ними происходятъ трепія, каждому слою кажется, что, будь вся власть въ его рукахъ, онъ лучше бы всего управился съ революціоннымъ движеніемъ и укрѣпилъ существующій общественный порядокъ. Въ концѣ концовъ эти тренія могутъ повести къ договору по распредѣленію вліянія на государственную власть и участія въ дѣлежѣ казеннаго пирога, могутъ повести къ «конституціи».

Эта буржуазная конституція само по себѣ нисколько не измѣнила бы положенія рабочаго класса, но возможно, что она облегчила бы его освободительное движеніе. Но какое бы значеніе не придавать этой буржуазной конституціи, этой юридической санкціи фактически уже существующаго самодержавія буржуазіи, она ни въ коемъ случаѣ не можетъ явиться результатомъ союза буржуазіи съ пролетаріатомъ; она можетъ лишь явиться результатомъ страха буржуазіи передъ пролетаріатомъ.

Пролетаріатъ въ своей борьбѣ стремится уничтожить не формальное самодержавіе царя, а сущность бюрократическаго самодержавія, которое выражаетъ собою среднюю волю различныхъ слоевъ господствующей въ Россіи буржуазіи. Въ этой борьбѣ всегда и всюду всѣ слои буржуазіи одинаково враждебны пролетаріату, и, если какой нибудь слой буржуазіи сталъ бы притворяться его союзникомъ, то пролетаріатъ дол-

женъ не колеблясь отвергнуть этотъ союзъ и продолжать безъ колебаній и отклоненій идти къ своей цѣли — къ устраненію эксплуатаціи и угнетенія человѣка человѣкомъ.

Кокоревъ въ своей выше приведенной рѣчи сказалъ: «Мы читали исторію европейскихъ народовъ внимательно и обратили въ пашу пользу самую нашу запоздалость». «Мы» — въ данномъ случаѣ — русская буржуазія.

Пусть же и русскій пролетаріатъ внимательно читаетъ исторію европейскихъ народовъ, пусть и ему послужитъ на пользу его запоздалость, пусть онъ внимательно читаетъ исторію всѣхъ безчисленныхъ предательствъ западно-европейской буржуазіи, на зовъ которой такъ часто шелъ простодушный и великодушный рабочій пролетаріатъ, чтобы залить своей кровью улицы Парижа, Ліона и многихъ другихъ городовъ, подъ выстрѣлами и ударами своихъ союзниковъ и ихъ наемниковъ. Пусть онъ внимательно читаетъ исторію іюньскихъ дней 1848 г., когда по распоряженію либеральнаго республиканца Кавеньяка были зарѣзаны и разстрѣляны десятки тысячъ парижскихъ рабочихъ. Пусть онъ внимательно читаетъ кровавыя страницы избіенія парижскихъ коммунаровъ, когда представители либеральной буржуазіи, когда свободомыслящіе республиканцы показали еще больше жестокости и звѣрства, чѣмъ палачи современнаго русскаго «самодерж вія».

Онъ оцѣнитъ тогда и змѣиную мудрость тѣхъ своихъ друзей, которые хотятъ заставить его поддерживать русскую буржуазію.

Русскій пролетаріатъ, какъ мы указали въ началѣ этой главы, созданъ не только русской буржуазіей, онъ созданъ буржуазіей всемірной. За русской самодержавной бюрократіей стоитъ не только русская буржуазія, за ней стоитъ буржуазія всемірная. И въ тотъ моментъ, когда пролетаріатъ Россіи могучимъ ударомъ разобьетъ самодержавную бюрократію, въ тотъ моментъ дрогнетъ и пошатнется весь буржуазный міръ, сразу исчезнетъ все его упованіе, и подъ дружными ударами пролетаріевъ всѣхъ странъ разрушится міръ наживы и насилія и воспрянетъ міръ свободнаго труда и общечеловѣческаго братства.

Глава V.

Средства и способы борьбы.

I.

Стачка рабочихъ.

Одна изъ реакціонныхъ нѣмецкихъ газетъ заявила недавно, что *«всякая стачка — маленькая революція»*. Въ извѣстномъ смыслѣ это совершенно вѣрно. Во всякой стачкѣ рабочихъ имѣется зародышъ революціоннаго рабочаго движенія, зародышъ пролетарской революціи. Въ каждой отдѣльной стачкѣ проявляется во первыхъ *противоположность интересовъ* хозяина и «его» рабочихъ, во вторыхъ *солидарность рабочихъ* между собою, а это — двѣ основы классовой борьбы пролетаріата. Стачки въ своемъ развитіи неминуемо ведутъ къ созданію рабочихъ организацій и *рабочихъ союзовъ*. Завоевывая себѣ право стачекъ, рабочіе одновременно завоевываютъ право союзовъ и наоборотъ. «Коалиціонной свободой» одинаково обозначается и право союзовъ, и право стачекъ. Стачка, воспитывая рабочихъ бороться на почвѣ производства, нанося предпринимателямъ удары въ самое чувствительное для нихъ мѣсто — въ ихъ прибыль, ведетъ къ *бойкоту* въ смыслѣ совмѣстнаго (коллективнаго) отказа отъ покупки товаровъ той или другой предпринимательской фирмы, съ которой, напр., въ данное время ея рабочіе ведутъ борьбу путемъ стачки. Связь стачки съ бойкотомъ является обыкновенно выраженіемъ связи забастовщиковъ одной или нѣсколькихъ фабрикъ съ рабочими вообще: рабочіе, какъ потребители, стараются поддержать своихъ товарищей, какъ стачечниковъ. Но и независимо отъ бой-

кота стачки въ своемъ развитіи устанавливаютъ *боевую связь* между забастовщиками отдѣльныхъ фабрикъ и рабочимъ классомъ вообще. Стачечниковъ, борющихся за улучшеніе своего положенія съ даннымъ капиталистомъ или данной группой капиталистовъ, поддерживаютъ рабочіе другихъ фабрикъ, устраивая *стачки по симпатіи.*

Вообще стачка имѣетъ тенденцію (стремленіе) расширяться съ одной стороны *профессіонально*, съ другой *районно.* Стачки отдѣльныхъ фабрикъ превращаются въ стачки рабочихъ *цѣлой отрасли промышленности въ странѣ.* На ряду съ этимъ стачка иногда охватываетъ рабочихъ цѣлаго большого района независимо отъ той или другой профессіи: бастуютъ рабочіе одновременно всѣхъ отраслей промышленности въ данной мѣстности. За послѣднее время стачечное движеніе начинаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходить даже за предѣлы отдѣльныхъ странъ, принимая международный характеръ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше стачки принимаютъ *массовой* или *всеобщій* характеръ.

Въ то же время въ революціонномъ движеніи пролетаріата все большую роль начинаетъ играть борьба съ государственной властью, этой политической представительницей капиталистовъ. И тутъ на помощь является массовая или всеобщая стачка, при помощи которой пролетаріатъ стремится *усилить свое политическое положеніе* и ослабить господствующее положеніе буржуазіи (напримѣръ введеніемъ всеобщей подачи голосовъ). Политическія массовыя стачки повсюду пріобѣтаютъ огромное значеніе. Стачка тѣсно сьязана и съ *демонстраціями.* Внушительными демонстраціи бываютъ обыкновенно только во время стачекъ, и съ другой стороны демонстраціи усиливаютъ революціонное значеніе стачекъ. Международная рабочая демонстрація 1-го мая съ самаго начала во многихъ странахъ пріобрѣла характеръ всеобщей стачки, и, если она не имѣла и не имѣетъ того огромнаго значенія, которое могла имѣть для освобожденія рабочаго класса, то въ этомъ виноваты тѣ «вожди-политики», которые всѣми силами боролись и борются противъ «всеобщей стачки» 1-го мая.

Особенно въ этомъ отношеніи постарались нѣмец-

кіе соціалдемократы, представитель которыхъ Вильгельмъ Либкнехтъ прямо заявлялъ, что его партія на парижскомъ конгрессѣ протестовала бы противъ установленія празднованія 1-го мая, если бы она замѣтила, что этотъ день хотятъ отмѣтить всеобщимъ прекращеніемъ работъ.

Наконецъ, даже потребительные и производительныя рабочія общества, которыя развиваются, не смотря на протесты нѣкоторыхъ ортодоксальныхъ марксистовъ, получаютъ особое значеніе въ виду стачекъ, въ особенности массовыхъ, предоставляя свои запасы и свое производство въ распоряженіе стачечниковъ.

Ставя преграды ненасытной эксплуатаціи капиталистовъ, стачки спасаютъ рабочихъ отъ полнаго физическаго и духовнаго вырожденія, онѣ вырываютъ у буржуазіи уступки въ видѣ уменьшенія рабочаго дня, увеличенія рабочей платы и т. д; но эта лишь одна сторона ихъ боевого значенія. Еще важнѣе, что развивая рабочую солидарность, пріучая рабочій классъ къ самообладанію и дисциплинѣ, помогая ему сознать свои силы и слабости, *наглядно* доказывая ему, что онъ въ сущности творецъ всего богатства, что безъ его труда нѣтъ производства, нѣтъ культуры, нѣтъ жизни, стачки подготовляютъ окончательную побѣду пролетаріата надъ буржуазіей, подготовляютъ соціальную революцію, подготовляютъ экспропріацію экспропріаторовъ во имя устраненія угнетенія человѣка человѣкомъ.

И тѣ, кто смотрятъ на стачки, какъ на низшее и устарѣлое средство борьбы, не достойное названія революціоннаго, тѣ не понимаютъ вообще сущности рабочаго движенія и пролетарской революціи. Споря съ нѣмецкими противниками «стачкизма», Швейцеръ еще въ 60-хъ годахъ, прекрасно сказалъ:

«Стачки исторически необходимая переходная стадія къ полному господству соціалистическаго и коммунистическаго движенія».

Развитіе стачечнаго движенія стоитъ, конечно, въ зависимости отъ промышленнаго развитія, и промышленное развитіе, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дѣлаетъ стачки опасными для господства буржуазіи. Различныя отрасли промышленности все тѣснѣе связываются между собою и все больше зависятъ отъ правильности

желѣзнодорожнаго и пароходнаго передвиженія. Остановка одной отрасли производства и въ особенности пріостановка транспорта колеблетъ всю промышленность, и колебанія чувствуются далеко за предѣлами данной страны.

Концентрація производства ведетъ далѣе къ концентраціи рабочихъ, и рабочимъ современныхъ огромныхъ заводовъ, сосредоточенныхъ въ опредѣленныхъ промышленныхъ районахъ, неизмѣримо, конечно, легче начать и провести массовую стачку, чѣмъ рабочимъ былыхъ мануфактуръ, чѣмъ «рабочимъ на дому».

Огромное значеніе имѣетъ, конечно, и то, что съ каждымъ днемъ жизнь каждаго «цивилизованнаго человѣка» и въ особенности капиталиста-буржуа становится въ прямую зависимость отъ непрерывности промышленнаго производства. Отъ рабочихъ зависитъ сразу лишить буржуа и воды (водопроводы), и кухни (газъ), и освѣщенія (газъ, электричество), и сообщенія съ другими (телеграфъ, телефонъ, желѣзныя дороги и т. д.), и газетъ и пр. и пр.

Рабочіе только еще начинаютъ учиться пользоваться этимъ оружіемъ, но уже и эти «уроки» заставляютъ трепетать капиталистовъ всего міра. Буржуа съ ужасомъ думаетъ теперь не о баррикадахъ, не о динамитѣ, а о всеобщей стачкѣ, когда, по мановенію волшебнаго жезла, сразу останавливается движеніе, улицы погружаются во мракъ, телефоны бездѣйствуютъ, сообщеніе политическихъ и биржевыхъ новостей прекращается и т. д.

Но «стачки» еще въ періодѣ развитія, рабочимъ придется еще много «учиться», много разъ терпѣть пораженія, прежде чѣмъ имъ удастся «уничтожить всѣ частныя обезпеченія и частныя обезпеченности» и установить обезпеченіе и обезпеченность всѣхъ и каждаго.

Мы намѣтили характерныя черты развитія стачекъ. Для доказательства, выясненія и развитія выше сказаннаго мы приведемъ теперь *факты* изъ исторіи стачечнаго движенія въ различныхъ странахъ; это тѣмъ болѣе необходимо, что многочисленныя *теоретическія* сужденія иностранныхъ и русскихъ соціал-

демократовъ по вопросу о всеобщей стачкѣ показываютъ, что исторія развитія стачечнаго движенія отнюдь не можетъ быть названа «общеизвѣстной» въ соціалдемократическихъ кругахъ. Такъ, напримѣръ, голландскій соціалдемократъ Флигенъ въ «Die Neue Zeit» отъ 14 ноября 1903 г., обрушиваясь на идею всеобщей стачки, говоритъ, между прочимъ:

«И такъ первый вопросъ: что мы видѣли до сихъ поръ въ этой области? Нельзя, конечно, установить, гдѣ впервые обнаружилась идея всеобщей стачки. Первая попытка ея примѣненія была сдѣлана въ Бельгіи въ 1893 г. соціалдемократическими рабочими при борьбѣ за избирательное право. Этой попыткѣ особенно могучую силу придали, главнымъ образомъ, углекопы. Намъ нѣтъ надобности дѣлать изысканія о томъ, какія бы послѣдствія имѣла эта попытка, если бы правительство рѣшилось противодѣйствовать натиску рабочихъ. Новая попытка въ 1902 г., послѣ того, какъ рабочій классъ усилился почти десятилѣтнею организаціонной и просвѣтительной работой, потерпѣла позорную неудачу. Во Франціи мы имѣли нѣсколько пробъ всеобщей стачки со стороны углекоповъ, въ Испаніи — со стороны барцелонскихъ рабочихъ. Значительнѣе была всеобщая стачка, послужившая для демонстраціи въ Швеціи въ 1902 г. Объ успѣхѣ или неуспѣхѣ здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ это должно было быть лишь демонстраціей рабочей воли и непосредственный успѣхъ не ставился цѣлью. Затѣмъ въ началѣ этого года мы имѣли въ Голландіи попытку всеобщей стачки, чтобы принудить правительство взять обратно законопроектъ, отмѣнявшій право стачекъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ общественныхъ службъ».

И это все, что Флигену извѣстно о попыткахъ всеобщей стачки! Онъ не знаетъ или не хочетъ знать ни ланкаширской всеобщей стачки 1842 г., ни испанской всеобщей стачки — революціи въ 1873 г., ни массовыхъ стачекъ въ Америкѣ и Австраліи, ни южно-русскихъ стачекъ прошлаго года, ни массы очень поучительныхъ всеобщихъ стачекъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи, Австріи и т. д.

Флигенъ умалчиваетъ объ англійской стачкѣ 1842 года, Либкнехтъ, напротивъ, какъ разъ на основаніи этой стачки старался доказать на Парижскомъ кон-

грессѣ 1889 г., что всеобщая стачка — вещь невозможная.

«Англійскіе рабочіе» — говорилъ онъ — «были въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ превосходно организованы, гораздо лучше, чѣмъ французы теперь, и все же ихъ большія стачки, точно также какъ другія попытки всеобщей забастовки, потерпѣли неудачу».

Можно подумать, что англійскія рабочія организаціи устраивали въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ планомѣрныя всеобщія стачки, и эти стачки потерпѣли неудачу. Между тѣмъ эти стачки носили такой же стихійный характеръ, какъ наши южнорусскія и превратились во «всеобщія» независимо отъ рабочихъ организацій. Вообще ссылаться на англійскія стачки чартистскаго періода въ доказательство невозможности всеобщей забастовки, какъ мы увидимъ, во многихъ отношеніяхъ рисковано.

Среди русскихъ соціалдемократовъ находились «еретики», которые еще задолго до массовыхъ стачекъ 1902 и 1903 годовъ, отлично понимали значеніе массовыхъ забастовокъ для революціонной борьбы русскаго пролетаріата. «Нѣтъ, баррикады отжили свой вѣкъ, да они и не нужны! — писалъ въ концѣ 90-хъ годовъ авторъ уже цитированной нами брошюры «Кто совершитъ политическую революцію?» — «У пролетаріата есть другое, несравненно болѣе могучее, по-истинѣ страшное оружіе въ борьбѣ съ своимъ врагомъ это — всеобщая стачка».

За то искровскіе ортодоксы обходили вопросъ о всеобщей стачкѣ презрительнымъ молчаніемъ. Въ своей книгѣ «Что дѣлать?» Ленинъ, правда, нарушаетъ этотъ обѣтъ молчанія и насмѣшливо упоминаетъ о «всеобщей стачкѣ», какъ о «дубинѣ» и ставитъ проповѣдь ея на одну доску съ проповѣдью «эксцитативнаго террора».

Къ террору «Искра часто возвращалась, но для выясненія вопроса о «всеобщей стачкѣ» долгое время казалось достаточнымъ презрительно брошеннаго слова — «дубина». Только въ серединѣ мая 1903 г., когда давно уже окончились грандіозныя всеобщія стачки въ Бельгіи, Швеціи, Испаніи, Австраліи, Швейцаріи, Америкѣ, Австріи, Голландіи и т. д., «Искра» нашла необходимымъ написать *дипломатическую* статью о все-

общей стачкѣ. Въ этой статьѣ она разводила тройную революціонную бухгалтерію, находя съ *одной стороны*, что всеобщая стачка заранѣе обречена на неудачу и растрачиваетъ громадную энергію массового движенія «крайне непроизводительно», съ *другой* стороны, что она пріобрѣтаетъ громадное значеніе, разоблачая истинный характеръ буржуазнаго общества и показывая, что «всздѣ организованный пролетаріатъ въ борьбѣ за интересы своего класса противостоитъ всему буржуазному обществу, которое, несмотря на раздирающія его внутреннія разногласія, является единымъ, когда затронуты существенные интересы частной собственности» и, наконецъ, съ *третьей стороны*, что «содѣйствовать успѣху» пролетарскаго «движенія»—«дѣло простого политическаго расчета всѣхъ тѣхъ, кому дорога политическая свобода», т. е. помогать пролетарскому движенію «дѣло простого расчета» буржуазіи, такъ какъ по «идеологіи» «Искры» буржуазіи, конечно, дорога политическая свобода.

Въ то же время искровскій «Южный Рабочій», приглашая пролетаріатъ объединиться вокругъ редакціи «Искры» и «Зари», увѣрялъ своихъ читателей, что *въ Россіи невозможны массовыя стачки, что русскимъ надо сначала завоевать себѣ политическую свободу, а потомъ уже вести экономическую борьбу.*

Это писалось, какъ разъ, наканунѣ массовыхъ южнорусскихъ стачекъ, возникшихъ на чисто экономической почвѣ. Не знаемъ, какъ послѣ этого заговорили редакторы «Южнаго рабочаго», но «Искра» со свойственной ей... непринужденностью заявила въ № 47, что „стачки нынѣшняго лѣта, которыя происходили, какъ извѣстно, не только на югѣ, но отчасти также и въ центральномъ промышленномъ округѣ, еще разъ съ самой очевидной и убѣдительной ясностью показали, до какой степени была правильна тактика революціонной соціалдемократіи, отстаиваемая *«Искрой» и «Зарей»*".

Если до этой побѣды искровской «тактики» массовыя стачки были въ Россіи «невозможны», то послѣ «побѣды» оказалось, что въ «Западной Европѣ, не смотря на полувѣковую исторію соціалистическаго движенія, на организаціи и политическую свободу *такихъ* стачекъ» (какъ въ Россіи) «не бывало. Тамъ грандіозныя

стачки случаются лишь (!?) въ извѣстныхъ профессіяхъ»*).

Увы, факты изъ исторіи мірового рабочаго движенія показываютъ, что утвержденія «искристовъ», какъ до побѣды ихъ тактики, такъ и послѣ побѣды, одинаковы вздорны. Но редакторамъ и вожакамъ «Искры» не до фактовъ: вообразивъ себя Фаустами и Мефистофелями они убиваютъ всѣ свои силы, чтобы совлекать, привлекать, вовлекать и увлекать буржуазныхъ Маргаритъ и Мартъ... изъ «Освобожденія» и другихъ менѣе романтическихъ мѣстъ.

Многіе думаютъ, что идея всеобщей стачки возникла въ головѣ одного изъ современныхъ соціалистовъ или анархистовъ, особенно часто въ качествѣ «изобрѣтателя» фигурируетъ французскій «министерскій соціалистъ» Аристидъ Бріанъ, въ дѣйствительности же идея всеобщей стачки въ разныхъ странахъ самостоятельно возникала, какъ естественное слѣдствіе естественно расширяющихся частичныхъ стачекъ.

Разумѣется, прежде всего она возникла въ **Англіи**, гдѣ раньше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, развилось капиталистическое производство и началась ожесточенная борьба между представителями труда и капитала. Въ началѣ этой борьбы положеніе рабочаго класса въ Англіи было по истинѣ ужаснымъ: хищническая эксплуатація капиталистовъ не знала никакихъ границъ, и трудящееся населеніе Англіи было, казалось, обречено на полное вырожденіе. Но въ тоже время капиталистическое производство создавало условія для развитія солидарности среди рабочихъ и толкало ихъ на борьбу путемъ стачекъ. Капиталисты тотчасъ почуяли опасность и направили противъ рабочихъ свою законодательную власть, издавъ на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій законы, запрещавшіе рабочимъ, подъ угрозою тюремнаго заключенія, устраивать союзы съ цѣлью совмѣстной борьбы для улучшенія своего положенія. Въ отвѣтъ на это рабочее движеніе приняло форму революціонныхъ вспышекъ, направленныхъ, какъ непосредственно противъ капиталистовъ, такъ и противъ государственной власти. То тамъ, то тутъ вспыхивали «рабочіе безпорядки», при-

*) См. «Искру» № 53 «О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни»?

нимавшіе иногда грандіозные размѣры. Въ 1816 г. въ Скальфильдѣ около Лондона масса рабочихъ устроила манифестацію, очень напоминающую нѣкоторыя изъ русскихъ рабочихъ демонстрацій. Въ прокламаціяхъ и рѣчахъ положеніе Англіи опредѣлялось такъ: «Четыре милліона въ нуждѣ, четыре милліона въ нищетѣ, полъ милліона въ блестящей роскоши». Правительство прислало войска, демонстранты были разсѣяны. Для охраны порядка и собственности снова усердно начала работать законодательная машина. Правительство представило секретной комиссіи парламента отчетъ «о собраніяхъ и союзахъ, явно разсчитанныхъ на нарушеніе общественнаго порядка» и о существованіи «заговора, имѣвшаго цѣлью разрушить всѣ политическія учрежденія королевства и подкопаться подъ принципъ собственности». Парламентъ вотировалъ пріостановку Habeas Corpus, т. е. пріостановилъ дѣйствіе закона, ограждавшаго неприкосновенность личности; мировымъ судьямъ было предоставлено право арестовывать и заключать въ тюрьму безъ суда авторовъ и продавцевъ революціонныхъ сочиненій; администрація получила право распускать всякое собраніе, на которомъ возбуждалась ненависть или презрѣніе къ правительству или къ конституціи, причемъ за отказъ разойтись назначалась смертная казнь. Эти мѣры въ свою очередь еще болѣе обострили рабочее движеніе. Въ 1817 г. произошло знаменитое шествіе рабочихъ въ Лондонѣ, извѣстное подъ названіемъ «шествія людей въ одѣялахъ», такъ какъ рабочіе, отправляясь въ длинный путь, захватили съ собой одѣяла; въ то же время одинъ изъ рабочихъ отрядовъ, отчасти вооруженный, напалъ на Ноттингамъ; происходили и другіе болѣе мелкіе «безпорядки»; но всѣ они потерпѣли пораженіе, всѣ они были усмирены англійскими войсками, этими наемниками англійской буржуазіи. Начался періодъ судебныхъ процессовъ и административныхъ преслѣдованій. Но уже съ 1819 г. рабочее движеніе снова поднимается революціонной волной. Въ августѣ этого года происходитъ знаменитый митингъ въ Петерлау близъ Манчестера, въ которомъ участвуетъ болѣе 50.000 человѣкъ. Девизомъ митинга было: «Свобода или смерть!». Гусарскій полкъ врѣзывается въ толпу, и падаетъ не мало жертвъ.

Буржуазное законодательство снова отвѣчаетъ рядомъ драконовскихъ мѣръ. Въ Англіи царствуетъ положеніе, совершенно сходное съ нашей «усиленной охраной». Всѣ мирныя манифестаціи запрещены. Свобода печати, свобода собраній, неприкосновенность личности фактически уничтожаются. Въ 1820 г. пять политическихъ дѣятелей гибнутъ на висѣлицѣ. Но движеніе не утихаетъ, и въ 1824 г. буржуазія пробуетъ парализовать движеніе уступкою: запрещеніе союзовъ и стачекъ отмѣняется. Тогда рабочее движеніе выливается въ форму хроническихъ стачекъ. Палата спѣшитъ направить противъ стачекъ новый законъ, по которому подвергается тюремному заключенію всякій, кто агитируетъ въ пользу повышенія заработной платы насиліемъ, угрозою или застращиваніемъ. Тюрьмы наполняются рабочими стачечниками, но движеніе не утихаетъ.

Именно въ это время возникаетъ идея всеобщей стачки, какъ средства классовой борьбы. Вопросъ о всеобщей стачкѣ выдвигается почти одновременно сторонниками Овэна или «соціалистами» и чартистами или «соціалдемократами», т. е. двумя группами, возникшими на почвѣ рабочаго движенія.

Овэнисты были *экономистами* и выдвигали всеобщую стачку, какъ средство *для достиженія восьми часового рабочаго дня*. Чартисты были *политиками* и разсчитывали на всеобщую стачку *для достиженія всеобщей подачи голосовъ*.

Первыми вступили въ борьбу экономисты, которые образовали изъ рабочихъ особые союзы, напоминавшіе массонскія ложи. Въ эти союзы, кромѣ рабочихъ, допускались и крестьяне.*) Союзы стали подготовлять всеобщую стачку путемъ стачекъ частичныхъ, пріобрѣтавшихъ все болѣе упорный характеръ. Испуганные фабриканты сорганизовались въ «лигу», члены которой обязывались не принимать на свои фабрики участниковъ рабочихъ союзовъ. Кромѣ того они направляли противъ организованныхъ рабочихъ *локаутъ* («lockout»), т. е. одновременное закрытіе мастерскихъ.

Не бездѣйствовала, конечно, и государственная

*) Въ союзъ допускались не только мужчины, но и женщины.

власть въ своей пресловутой троичной формѣ: законодательной, административной и судебной. Борьба была упорная, но фабриканты оказались сильнѣе рабочихъ уже по одному тому, что въ ихъ распоряженіи была масса дѣтей бѣдняковъ, которыхъ администраторы «приходовъ» отдавали въ полное распоряженіе предпринимателей.

Овэнисты ослабѣвали, когда на политическую сцену выступили чартисты.

Про чартистовъ мы уже сказали, что это была группа, выросшая на почвѣ рабочаго движенія, но сѣмена были буржуазныя, и урожай вышелъ плохой: плевелы заглушили пшеницу. Они не представляли единаго цѣлаго съ рабочимъ классомъ, они стояли отдѣльно отъ него, стараясь извнѣ внести въ него политическое сознаніе, они стремились къ буржуазной революціи во время фактическаго господства буржуазіи, они навязывали рабочимъ роль поддерживателей то того, то другого слоя буржуазіи; идеаломъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, для О' Бріена были французскіе якобинцы, въ особенности Робеспьеръ. Чартисты создали опредѣленную политическую программу въ смыслѣ демократизаціи парламента, но у нихъ не было и не могло быть программы соціальныхъ измѣненій въ пролетарскомъ духѣ. *) Попытка создать аграрную программу («аграрный планъ О' Коннора) носила мелко-буржуазный характеръ. Чисто буржуазнымъ былъ и банковый планъ Атвуда.

Туганъ-Барановскій въ своихъ «Промышленныхъ кризисахъ» довольно вѣрно замѣчаетъ, что «за отсутствіемъ положительной программы соціальныхъ реформъ, чартизмъ не могъ добиться осуществленія и своей политической программы», но это отсутствіе положительной программы соціальныхъ реформъ было лишь однимъ изъ выраженій буржуазнаго духа чартизма. Этотъ буржуазный духъ сильно сказывался и въ ихъ практической дѣятельности. Опираясь на пролетарское движеніе для подготовленія буржуазной революціи, чартисты должны были взять въ свой арсеналъ и спеціально-пролетарское оружіе — *всеобщую*

*) Наши искристы во многихъ отношеніяхъ похожи на англійскихъ чартистовъ, насколько вообще каррикатура похожа на оригиналъ.

стачку, но они боялись пускать въ ходъ это оружіе, способное разрушить не только пережитки феодальнаго строя, но и основы строя буржуазнаго. Они часто угрожали *господствующимъ слоямъ* буржуазіи всеобщею стачкою, но въ рѣшительный моментъ они умоляли рабочихъ не прибѣгать къ этому средству. *)

«Хартія» (Charter, чартеръ), принятіе которой парламентомъ добивались чартисты, состояла, какъ извѣстно, изъ шести требованій: всеобщая подача голосовъ, тайная баллотировка, ежегодный парламентъ, вознагражденіе депутатовъ, отмѣна избирательнаго ценза, раздѣленіе страны на округа для равномѣрнаго распредѣленія депутатскихъ мѣстъ.

Эти требованія чартисты рѣшили представить въ видѣ петиціи съ возможно большимъ числомъ подписей. Но что значитъ «петиція» безъ реальной поддержки, безъ болѣе существеннаго воздѣйствія?! Чартисты опирались на рабочихъ, орудіемъ же рабочихъ въ борьбѣ съ хозяевами было до сихъ поръ — стачка, естественно, что и для поддержки петиціи пришлось подумать о стачкѣ и при томъ стачкѣ всеобщей, такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло объ интересахъ всего рабочаго класса.

Первымъ изъ чартистовъ открыто заговорилъ о воздѣйствіи на парламентъ банкиръ Томасъ Атвудъ. На Бирмингамскомъ митингѣ лѣтомъ 1838 г. Атвудъ заявилъ, что въ случаѣ, если на парламентъ не подѣйствуетъ петиція съ двумя милльонами подписей, слѣдуетъ на недѣлю пріостановить во всемъ королевствѣ всѣ работы. Онъ особенно настаивалъ при этомъ, что «національная стачка» должна быть совершенно *мирной*. Она должна быть, по его мнѣнію, «торжественнымъ, священнымъ всеобщимъ возстаніемъ *не рабочаго противъ хозяина*, а *всѣхъ* противъ *общаго* врага».

Въ подобной формѣ всеобщая стачка, не могла,

---

*) Данныя о чартистскомъ движеніи мы заимствуемъ, главнымъ образомъ, изъ «History of the chartist movement» by K. G. Gamage и «Die Entstehung und die ökonomische Grundsätze der chartistenbewegung» von John Tilsdsley. Гаммаджъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ чартистскомъ движеніи, и его книга считается самымъ полнымъ и точнымъ источникомъ для изученія чартизма.

конечно, осуществиться, и оружіемъ классовой борьбы нельзя пользоваться для совмѣстнаго дѣйствія противъ яко-бы «общаго» врага: вѣдь англійскій парламентъ, разумѣется, также мало «виситъ въ воздухѣ», какъ и русское самодержавіе.

«Мы сомнѣваемся» — замѣчаетъ Гаммаджъ — «былъ ли мистеръ Атвудъ готовъ принять почти неизбѣжныя послѣдствія своего совѣта, но онъ воспользовался имъ, чтобы произвести впечатлѣніе на огромное собраніе, къ которому онъ обращался».

Вслѣдъ за Атвудомъ «всеобщей стачкой» въ мирной формѣ «производили впечатлѣніе» и многіе другіе ораторы на многочисленныхъ митингахъ, созываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ Великобританіи.

На этихъ народныхъ собраніяхъ были выбраны делегаты въ «національный конвентъ», не имѣвшій, конечно, никакихъ «оффиціальныхъ» правъ. Конвентъ былъ партійнымъ представительствомъ чартистовъ, онъ собрался въ Лондонѣ въ февралѣ 1839 г. Большинство делегатовъ состояло изъ лицъ «средняго сословія». Конвентъ занялся обсужденіемъ способовъ воздѣйствія на парламентъ, въ томъ числѣ бойкота и «священнаго мѣсяца» (всеобщей стачки въ теченіе мѣсяца).

Противъ «всеобщей стачки» особенно рѣзко выступилъ англійскій священникъ І. Стефенсъ, принимавшій участіе въ чартистскомъ движеніи «въ качествѣ тори» (партіи консерваторовъ-землевладѣльцевъ). Выбранный въ «конвентъ» онъ не принялъ участія въ его засѣданіяхъ, агитируя въ народныхъ собраніяхъ.

«Національная забастовка» — говорилъ онъ — «означаетъ всеобщую анархію и замѣшательство, и возстаніе нашей части націи, самой слабой, самой разрозненной противъ всѣхъ остальныхъ частей націи, которыя стоятъ, какъ единое цѣлое, руководимое единой головой»...

Въ самомъ конвентѣ рѣшительнымъ противникомъ «всеобщей стачки» явился поклонникъ Робеспьера О'Бріенъ. Всеобщая стачка все же была принята въ принципѣ, но ея провозглашеніе было отложено до выясненія вопроса о судьбѣ петиціи.

Между тѣмъ «мирныя демонстраціи» повели въ Бирмингамѣ къ кровавымъ столкновеніяхъ съ полиціей

и войсками; эти столкновенія, начавшіеся 8-го іюля 1839 года, привели 15-го іюля къ взрыву народнаго гнѣва, который направился не столько противъ «общаго врага», сколько противъ «средняго класса». Вечеромъ толпа потушила всѣ уличные фонари, городъ погрузился въ темноту, полиція была безсильна. Въ разныхъ мѣстахъ были подожжены дома богатыхъ купцовъ и промышленниковъ. Лица «имущихъ и господствующихъ классовъ» бѣжали изъ города. Но въ концѣ концовъ «мятежъ» былъ усмиренъ.

Бирмингамскія событія были плохой поддержкой для мирнаго протеста *всѣхъ* противъ общаго врага.

13-го іюля палата общинъ отвергла петицію огромнымъ большинствомъ. «Конвенту» пришлось заняться вопросомъ о «національной стачкѣ».

Делегатъ Лавори заявилъ, что безполезно ждать чего-нибудь отъ палаты общинъ и что необходимо дѣйствовать рѣшительно. Онъ былъ, по его словамъ, въ Шотландіи, Кумберландѣ и Уэстморландѣ, и всюду народъ былъ того мнѣнія, что «священный мѣсяцъ» лучше всего начать, когда хлѣбъ созрѣлъ и картофель еще не вырытъ; въ виду этого онъ предлагалъ конвенту объявить всеобщую стачку 12-го августа. Во время обсужденія этого предложенія явился посланный отъ отсутствующихъ делегатовъ Атвуда и Фильдена, находившихся въ палатѣ общинъ, гдѣ имъ позволено было высказаться по поводу представленной ими петиціи чартистовъ. Атвудъ и Фильденъ просили прислать къ нимъ депутацію отъ конвента для обсужденія положенія дѣлъ. Депутація была послана, и Атвудъ заявилъ ей, что теперь необходимо позаботиться о новой петиціи съ еще гораздо большимъ числомъ подписей, чѣмъ на только что поданой и отвергнутой *).

О «священномъ мѣсяцѣ» или даже «священной недѣлѣ» мистеръ Атвудъ больше уже не говорилъ. Послѣ доклада вернувшейся въ конвентъ депутаціи было прочитано письмо доктора Тэйлора, который удостовѣрялъ, что подготовленіе къ «священному мѣсяцу» распространяется въ промышленныхъ округахъ «*съ быстротою пламени*». Конвентъ былъ въ нерѣ-

*) Подъ отвергнутой петиціей подписалось милльонъ двѣсти восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.

шительности. Съ одной стороны совѣтъ Атвуда звучалъ почти, какъ насмѣшка; съ другой стороны пролетарское «пламя» всегда опасно, и «священный мѣсяцъ» можетъ оказаться рискованнымъ для «священной собственности.».

Обсужденіе предложенія Лавори было отложено сначала на два дня, потомъ еще на день, затѣмъ проголосовано и принято, но черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ О'Брієнъ велъ на митингахъ оживленную агитацію противъ всеобщей стачки, вопросъ о «священномъ мѣсяцѣ» былъ снова подвергнутъ пересмотру.

О'Брієнъ представилъ на обсужденіе и голосованіе длинную резолюцію; въ ней приводился рядъ доводовъ противъ провозглашенія всеобщей стачки, которая при «настоящемъ отчаянномъ состояніи общественнаго настроенія, вѣроятно, поведетъ къ замѣшательству и анархіи». «Хотя обязанность конвента принимать участіе во всѣхъ народныхъ опасностяхъ, но въ наши обязанности не входитъ создавать опасность безъ нужды, ни для себя самихъ, ни для другихъ. Создавать ее для себя было бы безумiемъ, создавать ее для другихъ было бы преступленiемъ».

Въ концѣ концовъ предлагалось назначить комитетъ, который бы обратился къ народу съ воззванiемъ, приглашая высказаться о томъ, начинать ли 12 августа «священный мѣсяцъ», или нѣтъ, и указывая при этомъ на тѣ доводы, которые не позволили конвенту самостоятельно провозгласить «священный мѣсяцъ». Послѣ очень неопредѣленныхъ и дипломатическихъ рѣчей резолюція О'Брієна была принята большинствомъ шести голосовъ: двадцать делегатовъ голосовали за, шесть противъ, семь отъ голосованія отказались.

Делегатъ Крэгъ заявивъ, что «*конвентъ совершилъ самоубійство*», сложилъ свои полномочія.

Это было совершенно вѣрное опредѣленіе положенія дѣлъ.

Рѣшеніе конвента было струей холодной воды въ «пламя», распространявшееся въ промышленныхъ округахъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и выбранный комитетъ. *Большинство чартистскихъ вождей превратилось въ пожарныхъ, заливавшихъ пролетарское пламя.* Съ своей стороны правительство при

поддержкѣ какъ либераловъ, такъ и консерваторовъ, дѣйствовало «безъ колебаній»: митинги разгонялись полиціей и войсками, тюрьмы наполнялись политически неблагонадежными. На сѣверѣ Англіи рабочее населеніе было сильно возбуждено: то тамъ, то тутъ прорывалось пламя, говорившее о клокотавшей въ пролетаріатѣ революціонной энергіи. О *мирной* всеобщей стачкѣ «рабочихъ и хозяевъ» теперь не могло быть, конечно, и рѣчи.

6-го августа 1839 года генеральный совѣтъ конвента поступилъ, наконецъ, «рѣшительно» и опредѣленно, обратившись къ рабочимъ съ воззваніемъ-мольбой — отказаться отъ попытки «священнаго мѣсяца». Воззваніе было предложено О'Бріеномъ и одобрено О'Коннеромъ.

«Генеральный Совѣтъ» умолялъ «братьевъ чартистовъ» отказаться отъ проекта священнаго мѣсяца, какъ въ настоящее время крайне «непрактичнаго», но въ то же время совѣтывалъ рабочимъ въ теченіе двухъ или трехъ дней не работать, а устраивать «торжественныя процессіи и торжественные митинги». «Совѣтъ» умолялъ при этомъ организованныхъ рабочихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ихъ болѣе бѣдствующими братьями при устройствѣ «моральной демонстраціи 12 августа», такъ какъ иначе «невозможно спасти страну отъ кровавой революціи, которая, потребовавъ огромныхъ жертвъ жизнями и собственностью, окончилась бы полнымъ подчиненіемъ рабочаго класса капиталистамъ.» Воззваніе положило конецъ вопросу о «священномъ мѣсяцѣ». 12-го августа было собрано много митинговъ, на которыхъ вотированы прошенія королевѣ, чтобы она удалила худыхъ совѣтниковъ и пригласила хорошихъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вождямъ не удалось все же удержать рабочихъ въ границахъ «моральной демонстраціи», и дѣло не обошлось безъ столкновеній съ полиціей и войсками.

Покончивъ со своимъ «священнымъ мѣсяцемъ», конвентъ поспѣшилъ покончить и съ самимъ собой. 6 сентября 1839 г., по предложенію О'Бріена, онъ объявилъ себя распущеннымъ.

Потушить окончательно «пламя» рабочаго движенія было не такъ легко, тѣмъ болѣе, что власти въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи невольно раздували его.

Въ ноябрѣ 1839 года въ Уэльсѣ вспыхнули очень серьезные «рабочіе безпорядки». Вечеромъ 4 ноября около десяти тысячъ рабочихъ, преимущественно углекоповъ, двинулись въ Ньюпортъ. Часть изъ нихъ была вооружена. Цѣлью похода было, главнымъ образомъ, освобожденіе изъ тюрьмы арестованныхъ вожаковъ. Въ городѣ были уже «приготовлены войска». Произошло форменное сраженіе: были убитые и раненые. Побѣдителями оказались солдаты.

Гаммаджъ приводитъ по этому поводу трогательное по своей простотѣ письмо одного 18-лѣтняго юноши, написанное къ родителямъ за нѣсколько часовъ до геройской смерти на улицахъ Ньюпорта.

Понтипуль. Воскресенье. Ночь. 4-го ноября 1839 г.

«Дорогіе родители, я надѣюсь это письмо застанетъ васъ такими же здоровыми, какъ я чувствую себя въ данный моментъ. Сегодня ночью я долженъ принять участіе въ славной борьбѣ за свободу; и, если Господу угодно будетъ сохранить мнѣ жизнь, мы скоро увидимся; если нѣтъ, не печальтесь обо мнѣ, мнѣ суждено пасть въ благородномъ дѣлѣ. Простите!

Вашъ вѣрный

Георгъ Шеллъ.»

Уэльское возстаніе вспыхнуло и быстро погасло, какъ эта молодая жизнь 18-лѣтняго героя!

Гораздо серьезнѣе было ланкаширское движеніе 1842 г., носившее характеръ революціонной всеобщей стачки. Эта стачка вызвана была не агитаціей чартистовъ, а страшной нуждой промышленнаго пролетаріата, она вспыхнула на экономической почвѣ, но тотчасъ пріобрѣла политическій характеръ, и часть чартистовъ старалось использовать ее, какъ боевое средство, для достиженія «народной хартіи».

«Нужда въ фабричныхъ округахъ была въ 1842 г.» — пишетъ Гаммаджъ — «такъ велика и такъ широко распространена, что недовольство трудящихся классовъ достигло крайнихъ предѣловъ. Пониженіе заработной платы слѣдовало за пониженіемъ, такъ что тысячи были принуждены жить буквально подаяніемъ. Въ концѣ іюля въ Эстонѣ, Стэлейбриджѣ и Гайдѣ

созывались митинги, на которыхъ ораторы совѣтывали прекратить работать, чтобы заставить хозяевъ относиться болѣе справедливо къ рабочимъ.»

5-го августа вспыхнула всеобщая стачка въ Эгстонѣ; 7-го августа на митингѣ въ Мотрамъ-Мурѣ было рѣшено не возобновлять работъ, пока «хартія» не сдѣлается закономъ. 8-го августа послѣ митинга въ Гайѣ около Стэлейбриджа толпа двинулась по окрестнымъ фабрикамъ и всюду пріостановила работу. На слѣдующій день толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженная дубинами, со знаменами двинулась въ Манчестеръ. При входѣ въ городъ рабочихъ встрѣтили городскія власти въ сопровожденіи войскъ. Начались переговоры. Вожаки рабочихъ заявили, что ихъ девизъ — миръ, законъ и порядокъ. Тогда войска были уведены, и рабочіе вошли въ городъ; здѣсь они разбились на группы и переходили отъ фабрики къ фабрикѣ, отъ мастерской къ мастерской, повсюду останавливали работу. Отъ лавочниковъ они требовали хлѣба и денегъ, тѣ не смѣли отказывать. Въ концѣ концовъ всѣ заводы фабрики и мастерскія остановились, лавки были закрыты.

«Въ теченіе трехъ дней» — говоритъ Гаммаджъ — «Манчестеръ представлялъ зрѣлище небывалое въ его исторіи».

12-го августа въ Манчестерѣ собрался митингъ делегатовъ фабричныхъ округовъ, на которомъ обсуждался вопросъ, должна ли стачка продолжаться съ цѣлью повышенія заработной платы или съ цѣлью добиться осуществленія хартіи. Огромнымъ большинствомъ было рѣшено, что стачка должна продолжаться во имя хартіи. Но на слѣдующихъ народныхъ собраніяхъ не разъ еще поднимался вопросъ о цѣли стачки: нѣкоторые видные чартисты высказывались противъ соединенія дѣла хартіи со стачкой, съ другой стороны находились ораторы, считавшіе, что стачка должна вестись лишь за непосредственныя улучшенія матерьяльнаго положенія рабочихъ. Что касается большинства стачечниковъ, то ими руководило не столько стремленіе добиться какой-нибудь опредѣленной цѣли, сколько чувство протеста противъ капиталистическаго угнетенія, отъ котораго они настрадались слишкомъ достаточно. Изъ Манчестера движеніе распро-

странилось на весь ланкаширскій промышленный районъ. Повсюду забастовщики одной фабрики шли къ другой, и возгласовъ: «Кончайте, бастуйте!» было обыкновенно достаточно, чтобы фабрика останавливалась, и къ старымъ забастовщикамъ примыкали новые, и всѣ вмѣстѣ шли дальше. Повсюду лавочники волей неволей дѣлились своими запасами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фабриканты пытались удерживать своихъ рабочихъ отъ прекращенія работы, но тогда стекла разбивались, толпа врывалась въ зданія и останавливала машины; въ нѣкоторыхъ случаяхъ пускались въ ходъ угрозы поджечь фабрику. Изъ Ланкашира движеніе перекинулось въ Іоркширъ. Въ серединѣ августа на 50 миль вокругъ Манчестера вся работа была остановлена; рабочіе были господами положенія, и торговцы не смѣли отказывать имъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Власти во многихъ мѣстахъ совершенно растерялись и не знали, что дѣлать; но въ другихъ были пущены въ ходъ войска. Самое кровавое столкновеніе произошло въ Престонѣ, гдѣ въ толпу рабочихъ и работницъ, осыпавшихъ солдатъ камнями, было сдѣлано нѣсколько залповъ, покрывшихъ землю убитыми и ранеными.

Между тѣмъ пламя пролетарскаго протеста стало прорываться и въ другихъ мѣстахъ Англіи. Особенно серьезно было положеніе въ Стафорширѣ: въ самомъ Стафордѣ пріостановилась вся работа и торговля, во многихъ другихъ городахъ рабочіе толпами ходили по улицамъ, приводя въ ужасъ представителей имущихъ классовъ. Вообще, казалось, Англія вступила въ періодъ побѣдоносной пролетарской революціи, но въ дѣйствительности поднявшаяся революціонная волна, не встрѣтивъ даже серьезнаго сопротивленія, упала, ничего не разбивъ, и отнюдь не пошатнувъ устоевъ капиталистической Англіи.

Въ чемъ же кроется причина этой съ перваго раза странной неудачи революціоннаго взрыва англійскаго рабочаго класса въ 1842 году? Порывъ былъ, но не было сознанія, не было сознанной цѣли, достойной этого порыва. Чартистамъ и сторонникамъ свободной торговли, пытавшимся руководить этимъ движеніемъ, желательны были лишь политическія ре-

формы и расчистка пути для дальнѣйшаго развитія капитализма, но для этого стачечное движеніе 42-го года было слишкомъ пролетарскимъ. Въ то время, какъ цѣлые промышленные округа охвачены были революціонной стачкой, вожди—политики ссорились между собою изъ за того, какую часть буржуазіи слѣдуетъ поддерживать рабочему классу. Движеніе англійскихъ рабочихъ въ 42 году было по своей формѣ пролетарскимъ и соціальнымъ, но передъ нимъ не стояло соціальной цѣли. Рабочіе революціонно протестовали противъ соціальной неправды и соціальнаго угнетенія, но у нихъ не было яснаго представленія о соціальной правдѣ и соціальной свободѣ. Въ нихъ уже была могучая разрушительная сила, но въ нихъ еще не выросла, не развилась сила творческая. Они могли уже остановить все производство, но они не были еще въ состояніи взять его въ свои руки.

Но, если движеніе 42 года не повело къ революціонному перевороту, не пошатнуло устоевъ капиталистическаго общества, то все же оно прошло далеко не безслѣдно. Рабочій классъ Англіи за эти нѣсколько мѣсяцевъ сильно выросъ и выпрямился.

Послѣ 1842 г. рабочія организаціи стали быстро развиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ эксплуатаціи капиталистовъ были поставлены извѣстныя границы. Постепенно англійскіе организованные рабочіе добились у господствующихъ классовъ ряда уступокъ, которые пріостановили вырожденіе трудящихся массъ Англіи. Создались болѣе благопріятныя условія для повседневной борьбы рабочаго класса съ классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Эта борьба не стихаетъ, а разгорается, воюющія стороны постоянно стоятъ подъ ружьемъ, и часто вспыхиваетъ бой, вспыхиваютъ стачки.

Англійскія стачки имѣютъ тенденцію становиться *всеобщими* въ томъ смыслѣ, что въ серьезныхъ случаяхъ стачку устраиваютъ *всѣ* рабочіе данной профессіи, напримѣръ, машиностроительной, углекопной и т. д., при этомъ ихъ нерѣдко поддерживаютъ и другіе рабочіе стачками по симпатіи. Стачки при этомъ отличаются иногда необычайнымъ упорствомъ со стороны обѣихъ воюющихъ сторонъ и продолжительностью. Съ крупными стачками обыкновенно соединя-

ются грандіозные митинги и манифестаціи. Изъ массовыхъ англійскихъ стачекъ новѣйшаго времени особенно замѣчательны стачки рабочихъ на лондонскихъ докахъ въ 1889 г. и стачка машиностроительныхъ рабочихъ 1898 года.

Рабочіе лондонскихъ доковъ до этой стачки не были организованы и считались бѣдными изъ бѣдныхъ, обездоленными изъ обездоленныхъ, но тѣмъ не менѣе они проявили во время стачки рѣдкую стойкость, единодушіе и дисциплину.

Стачка этихъ наиболѣе обездоленныхъ изъ англійскихъ рабочихъ вызвала живую поддержку со стороны всѣхъ рабочихъ организацій, изъ которыхъ многіе *забастовали по симпатіи*. Во все время продолженія стачки Лондонъ волновался и по временамъ казалось, что начинается гражданская война. По улицамъ двигались, то красные полки солдатъ, то темныя толпы стачечниковъ-манифестантовъ. Въ процессіяхъ и митингахъ принимало участіе до сорока тысячъ и болѣе рабочихъ.

Вотъ какъ описываетъ одну изъ этихъ процессій стачечниковъ очевидецъ шведскій писатель Густавъ Стефенъ въ своихъ «Очеркахъ современной Англіи»*).

«Курьерскій поѣздъ мчитъ насъ мимо восхитительно зеленѣющихъ долинъ, и, пролетѣвъ тунель, останавливается въ подземномъ Лондонѣ. Изъ газетъ мы узнаемъ, что къ стачкѣ примкнули и другіе рабочіе, кромѣ рабочихъ въ докахъ; что вызваны войска; что хозяева доковъ несутъ огромные убытки вслѣдствіе забастовки, и т. д. Закоптѣлыя станціи, какъ и всегда кишатъ народомъ, но необычайнымъ является здѣсь присутствіе въ 11 часовъ утра такой массы рабочихъ. Собравшись въ густыя толпы, они ведутъ переговоры, и озабочены однимъ и тѣмъ же дѣломъ, поглотившимъ всѣ ихъ интересы. И когда мы изъ грязной станціи Альтатанъ въ Истъ-Ендѣ, выходимъ на улицу, то убѣждаемся, что «Лондонъ бѣдныхъ» имѣетъ дѣйствительно видъ, подтверждающій газетныя сообщенія о необычайномъ возмущеніи въ Истъ-Ендѣ. По широкимъ мостовымъ Уайтчапеля гремятъ, по обыкновенію безчисленные фургоны и омнибусы; но на тротуарахъ стоятъ безконечно густыя толпы людей, которые, какъ

*) «Жизнь» 1898 г. т. 19, стр. 272.

видно, ждутъ чего-то чрезвычайнаго. И оно наступаетъ. Отъ самаго конца восточной части Коммерсіальрода, гдѣ виднѣются массивныя, точно крѣпостныя, ворота Вестъ-Ендскихъ и Истъ-Ендскихъ доковъ, приближается, извиваясь, черная чудовищная змѣя, которая превращаетъ эту улицу и даже всю эту часть города въ исполинскій муравейникъ. Въ полномъ порядкѣ, строго и тихо движется толпа по десяти человѣкъ въ рядъ, неся съ собой развѣвающіеся знамена и флаги, съ различными надписями, гласящими о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ. Барабанщики и гарнисты разсѣяны между отдѣльными партіями, а на высокихъ телѣгахъ красуются лодки, подъемныя машины, тачки для каменнаго угля и мѣшки для зерна, которые служатъ какъ бы эмблемами рабочихъ, разгружающихъ и нагружающихъ суда и занимающихся перевозкой угля. Съ этой цѣлью многіе изъ участниковъ демонстраціи несутъ на своихъ плечахъ лопаты, клещи, молотки и желѣзныя полосы. Такъ проходятъ они мимо насъ, старые и молодые, иногда крѣпкіе издоровые, но большей частью тощіе и изнуренные, немногіе въ приличномъ, хотя и потертомъ платьѣ, а остальные же въ отвратительныхъ лохмотьяхъ.

Зрѣлище становится постепенно все оживленнѣе. *Изъ мелочныхъ и съѣстныхъ лавокъ выходятъ люди и раздаютъ пищу участникамъ процессіи.* Народная толпа сочувственно привѣтствуетъ ихъ, и въ благодарность имъ раздается громкое ура со стороны стачечниковъ».

Стачка окончилась побѣдою рабочихъ: хозяевамъ пришлось выполнить предъявленныя забастовщиками требованія. Но, что особенно важно—единеніе между «бѣдными изъ бѣдныхъ» и «обездоленными изъ обездоленныхъ», проявившееся во время стачки, было укрѣплено образованіемъ союза (трэдъ уніона) доковыхъ рабочихъ. Одновременно, подъ вліяніемъ этой же грандіозной стачки, образовались новые союзы рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, на газовыхъ заводахъ, моряковъ и даже сельскихъ батраковъ. Эти новые *трэдъ-уніоны* проникнуты болѣе демократическимъ и болѣе боевымъ духомъ, чѣмъ трэдъ-уніоны старые, и ихъ образованіе является началомъ новой эры въ англійскомъ рабочемъ движеніи.

Стачка машиностроительныхъ рабочихъ велась одной изъ самыхъ сильныхъ рабочихъ организацій Amalgated Society of Engineers, насчитывающей болѣе 92.000 членовъ и располагающей кассой съ 3 милліонами рублей. Со стороны хозяевъ выступила федерація отъ предпринимателей машиностроительнаго производства съ капиталомъ въ милліардъ рублей. Стачечники требовали введенія восьмичасового рабочаго дня и ограниченій хозяйскаго произвола въ установленіи условій труда. Стачка продолжалась болѣе шести мѣсяцевъ, съ іюля 1897 г. по февраль 1898 г. Рабочимъ эта стачка обошлась, если счесть потерянный заработокъ, приблизительно въ 46 милліоновъ рублей, фабрикантамъ въ 56 милліоновъ рублей.

Побѣжденными этотъ разъ оказались рабочіе, побѣжденными, но не разбитыми. Пораженіе не ослабило ихъ организаціи, напротивъ, число членовъ увеличилось, касса быстро заполнилась, а главное, съ тѣхъ поръ машиностроительные рабочіе прониклись болѣе боевымъ, болѣе революціоннымъ духомъ и сдѣлали крупный шагъ впередъ къ пролетарскому соціализму. *Стачка, разъ она длится нѣсколько мѣсяцевъ и охватываетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, всегда огромная побѣда для пролетарскаго движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для пролетарскаго освобожденія, каковы бы не были ея непосредственные результаты.*

«Мы — граждане великой свободной страны — говоритъ отчетъ Центральнаго союза машиностроительныхъ рабочихъ за 1901 г. — «и наши обязанности не кончаются заботою о своей профессіи, если и можно сказать, что онѣ этимъ начинаются... Союзъ машиностроительныхъ рабочихъ будетъ продолжать являться не только хранителемъ ихъ интересовъ, но и дѣятельнымъ факторомъ для приближенія того хорошаго времени, когда всеобщій принципъ товарищеской работы будетъ признанъ въ обществѣ, что обезпечитъ каждому пользованіе полнымъ продуктомъ его труда.»

Неудачей окончилась и пятимѣсячная стачка углекоповъ 1898 г., въ которой участвовало болѣе 100.000 человѣкъ. Требованіе углекоповъ отмѣнить «подвижную скалу заработной платы въ зависимости отъ продажной цѣны угля», не было исполнено. Но и эта

стачка въ конечномъ счетѣ принесла пользу рабочему движенію: нижне-ульскіе углекопы, до тѣхъ поръ не организованные, рѣшили основать свой профессіональный союзъ (трэдъ-уніонъ) и войти въ національную федерацію углекоповъ.

Всѣхъ организованныхъ въ «союзы» (трэдъ-уніоны) въ Англіи въ настоящее время около 2 милліоновъ. Средства союзовъ съ 1892 по 1900 г. болѣе, чѣмъ удвоились. Къ концу 1900 г. 100 главныхъ союзовъ, охватывающихъ $^2/_3$ всѣхъ организованныхъ рабочихъ, имѣли въ своихъ кассахъ около 37 милліоновъ рублей. «Трэдъ-уніоны» начинаютъ соединяться въ *мѣстные* союзы, охватывающіе трэдъ-уніоны отдѣльныхъ профессій одной и той же мѣстности, для взаимной поддержки въ борьбѣ. Связью между всѣми трэдъ-уніонами, являются ежегодные конгрессы и парламентскій комитетъ, состоящій изъ нѣсколькихъ руководителей трэдъ-уніоновъ. Съ 1899 г. образовался «всеобщій союзъ трэдъ-уніоновъ» опять таки съ цѣлью взаимной поддержки во время стачекъ.

На ряду съ профессіональными союзами (трэдъюніонами или синдикатами) для борьбы англійскаго рабочаго класса имѣютъ большое значеніе и производительно-потребительныя товарищества. Эти товарищества имѣютъ въ настоящее время болѣе 2-хъ милліоновъ членовъ, ихъ годовой *оборотъ* равняется почти 900 милліонамъ рублей. Собственное производство продуктовъ превышаетъ 50 милліоновъ рублей. Товарищества объединены въ «союзъ», парламентомъ котораго является ежегодный конгрессъ. На Донкастерскомъ конгрессѣ 1903 г. присутствовало 1400 делегатовъ и нѣсколько «гостей» изъ Германіи, Швейцаріи и т. д. На этомъ конгрессѣ было рѣшено, между прочимъ, устроить школы, гдѣ бы вырабатывались знающіе служащіе для предпріятій потребительно-производительныхъ товариществъ.

Ростущая организованность англійскихъ рабочихъ и ихъ «мирная борьба» очень тревожатъ, конечно, англійскихъ капиталистовъ. Они призываютъ на помощь одно изъ трехъ лицъ государственной власти — власть судебную, которая въ Англіи въ высшей инстанціи, палатѣ лордовъ, сливается съ властью законодательной, и государственная власть, разумѣется, спѣ-

шитъ угодить господамъ капиталистамъ. Призывъ на помощь послѣдовалъ въ 1900 г. по поводу стачки всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ тафвалевской компаніи. По окончаніи стачки желѣзнодорожная компанія начала противъ союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ процессъ, требуя покрытія убытковъ, причиненныхъ стачкой. Въ мотивахъ указывалось, что стачечники въ борьбѣ съ компаніей не только нарушили договоръ, но и дѣйствовали при этомъ незаконными средствами, выставляя сторожевые посты или пикеты, останавливавшіе рабочихъ, желавшихъ работать. Суду приходилось разрѣшить вопросъ о допустимости отвѣтственности всего рабочаго союза за дѣйствіе отдѣльныхъ членовъ его и о законности или незаконности стачечныхъ пикетовъ. Судъ во всѣхъ инстанціяхъ до палаты лордовъ включительно рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу компаніи, и касса союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ опустошена, чтобы покрыть судебныя издержки и уплатить «убытки» компаніи. Очень характерно, что капиталисты прибѣгли къ помощи судебной власти, сперва по поводу желѣзнодорожной стачки, которая всегда представляетъ совершенно особую опасность для капиталистическаго производства, но успѣхъ желѣзнодорожной компаніи повелъ за собою цѣлый рядъ подобныхъ же процессовъ въ другихъ отрасляхъ капиталистическаго хозяйства. Рабочіе пробовали обратиться къ защитѣ нижней палаты, но и та оказалась, конечно, на сторонѣ капиталистовъ. Это столкновеніе съ государственной властью, будь она парламентская, будь она самодержавная, къ которому неизбѣжно ведетъ классовая борьба рабочаго класса, не разобьетъ, конечно, организацій англійскаго рабочаго класса, но можетъ быть излечитъ его отъ излишняго миролюбія.

Революціонные соціалдемократы очень много говорятъ за послѣднее время о буржуазности англійскаго рабочаго класса, о неспособности его проникнуться соціалистическими идеями и т. д.

Выслушивая и читая эти презрительные отзывы объ англійскомъ пролетаріатѣ, я невольно вспоминаю то, что писалъ Каутскій въ 1893 г. въ своей не разъ уже нами цитированной работѣ «Der Parlamentarismus ect» по поводу отношеній между англійской буржуазіей и англійскимъ пролетаріатомъ. «Она (либераль-

ная партія) фактически плѣнница рабочаго пролетаріата, благодаря его экономическому значенію и политической силѣ, которую онъ черпаетъ изъ избирательнаго права. Либералы въ настоящее время съ болью въ сердцѣ видятъ себя вынужденными дѣлать рабочимъ уступки и на счетъ промышленныхъ капиталистовъ, и не только на счетъ поземельныхъ собственниковъ.

«Куда оно поведетъ это развитіе и куда оно должно повести — ясно: либеральная партія въ скоромъ времени будетъ доведена до той точки, гдѣ ей придется рѣшать, желаетъ ли она остаться буржуазной партіей или сдѣлаться чисто рабочей партіей. Если она рѣшится на первое, то она разорветъ съ рабочими, а это неизбѣжно приведетъ ее къ гибели, такъ какъ число ея приверженцевъ быстро исчезаетъ въ буржуазныхъ кругахъ и оно слишкомъ мало, чтобы сохранить ея жизнеспособность. Но за ней поднимается независимая рабочая партія, которая изъ каждаго колебанія, изъ каждаго сопротивленія либеральной партіи по отношенію къ пролетаріату, получаетъ новую пищу, и она заступила бы ея мѣсто въ тотъ моментъ, когда либералы захотѣли бы крикнуть рабочимъ: До сихъ поръ, но не дальше. Но, если у либераловъ не окажется на это мужества, если они позволятъ толкать себя далѣе по пути уступокъ рабочимъ, тогда возможно, что они воспрепятствуютъ образованію соціалдемократической рабочей партіи. Но это удалось бы либеральной партіи лишь въ томъ случаѣ, если бы она сама развилась въ соціалдемократію: всѣ элементы, имѣющіе интересъ въ капиталистической эксплуатаціи исчезли бы изъ нея, а изъ буржуазныхъ составныхъ частей остались бы лишь перебѣжчики изъ буржуазіи порвавшіе съ капиталистическимъ обществомъ».

Мы приводимъ эти слова Каутскаго не потому, чтобы мы были съ ними согласны — мы не можемъ себѣ представить превращенія или «развитія» либеральной партіи въ соціалдемократію, если, конечно, подъ соціалдемократіей понимать не редакцію «Искры» и «Зари», а рабочій классъ, сознавшій свои интересы, — но намъ важно было напомнить, что Каутскій, который въ настоящее время очень презрительно отзывается о революціонности англійскаго пролетаріата, еще такъ недавно заявлялъ, что экономическая и по-

литическая мощь этого пролетаріата такъ велика, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ политическихъ представителей буржуазіи. Если его сужденіе объ англійскомъ пролетаріатѣ въ 1893 г. было невѣрно, то можно думать, что въ этомъ отношеніи онъ ошибается и въ 1903 г.

Мы не думаемъ, чтобы англійская либеральная партія была плѣнницей англійскаго пролетаріата, но мы полагаемъ, что имѣется достаточно несомнѣнныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о ростѣ, организованности и сознательности въ англійскомъ пролетаріатѣ. Мы думаемъ также, что англійскіе трэдъ-уніоны и потребительно-производительныя товарищества будутъ имѣть огромное *творческое* значеніе въ пролетарской соціальной революціи. Что касается до всеобщей стачки, какъ главнаго средства въ пролетарской революціи, то она подготовляется стачками профессіональными, стачками «по симпатіи, подготовляется «эволюціонно» и неизбѣжно, не смотря на то, что ее въ настоящее время почти никто въ Англіи не проповѣдуетъ.

Неблагопріятнымъ моментомъ для революціоннаго воспитанія англійскаго пролетаріата являлась до сихъ поръ его оторванность отъ пролетаріата другихъ странъ, но развитіе всего человѣческаго общества усердно заботится о томъ, чтобы парализовать условія, создавшія эту обособленность.

Въ 1897 году на Бирмингамскомъ конгрессѣ трэдъюніоновъ было отвергнуто предложеніе объ учрежденіи международныхъ съѣздовъ, а въ 1898-мъ году на Бристольскомъ конгрессѣ почти единогласно была принята резолюція, рекомендующая «парламентскому комитету позаботиться объ установленіи обмѣна отчетами съ иностранными рабочими союзами, объ устройствѣ международныхъ конгрессовъ однородныхъ отраслей труда и вообще о международной сплоченности рабочихъ».

И дѣйствительно за послѣдніе годы на всѣхъ международныхъ конгрессахъ рабочихъ одной и той же спеціальности англичане принимаютъ самое дѣятельное участіе. Такъ на 13-мъ международномъ конгрессѣ углекоповъ, засѣдавшемъ въ маѣ 1902 г. въ Дюссельдорфѣ, отъ Англіи было 42 делегата, представлявшихъ 705.000 рабочихъ. При обсужденіи вопроса о восьми-

часовомъ рабочемъ днѣ англійскіе депутаты рѣшительно высказывались противъ мирныхъ соглашеній съ хозяевами. «30 лѣтъ рабочіе надѣялись на такія соглашенія и ничего не получили, только борьбою они могутъ добиться для себя желательныхъ результатовъ».

На международномъ конгрессѣ рабочихъ, занятыхъ въ ткацко-прядильной промышленности, засѣдавшемъ въ Цюрихѣ въ іюнѣ 1902 года, изъ 69-ти делегатовъ, представителей 277.390 организованныхъ рабочихъ, на Англію приходилось 29 делегатовъ, представлявшихъ 50.000 рабочихъ. По предложенію англійскихъ делегатовъ конгрессъ принялъ предложеніе объ учрежденіи международной стачечной кассы. При внесеніи этой резолюціи англійскіе делегаты указывали, что англійскіе рабочіе менѣе всѣхъ заинтересованы въ стачечной кассѣ, но понимаютъ всю ея необходимость для континентальныхъ товарищей.

Дѣятельное участіе представителей англійскаго рабочаго класса въ созданіи международной рабочей организаціи видно изъ того, что конференція секретарей рабочихъ союзовъ разныхъ странъ собралась въ іюлѣ 1903 года въ столицѣ Ирландіи, Дублинѣ. На этой конференціи присутствовали представители Англіи, Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Голландіи и Норвегіи. Конференція, между прочимъ, обсуждала вопросъ о поддержкѣ международнымъ пролетаріатомъ стачекъ въ отдѣльныхъ странахъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что англійскій пролетаріатъ самымъ живымъ и дѣятельнымъ образомъ принимаетъ участіе въ созданіи орудій для борьбы съ капитализмомъ на международной почвѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и условій *для международныхъ всеобщихъ стачекъ*.

Въ **Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ** буржуазія еще раньше, чѣмъ во Франціи, провозгласила «права человѣка» и «равенство всѣхъ людей», она родилась вмѣстѣ съ политической свободой, она не знала никакихъ пережитковъ феодальнаго строя, но, можетъ быть, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ политическая свобода буржуазіи не «*дополнялась*» въ такой степени *экономическимъ деспотизмомъ надъ трудящимися*, какъ въ сѣвероамериканской «демократической

республикѣ». Въ теченіе почти столѣтія послѣ провозглашенія «правъ человѣка» и «равенства всѣхъ людей» милліоны негровъ находились тамъ въ рабствѣ, и это рабство было отмѣнено лишь тогда, когда оно сдѣлалось *невыгоднымъ* болѣе сильной части сѣвероамериканской буржуазіи. Но экономическій деспотизмъ безпощадно давилъ не однихъ только чернокожихъ тружениковъ, онъ распространялся и на тружениковъ бѣлокожихъ. Но бѣлокожіе труженики были, большею частью, пролетаріи, и у нихъ было свое пролетарское средство борьбы—*стачка*, и сила его росла вмѣстѣ съ ростомъ пролетаріата.

«Всеобщая подача голосовъ»—говоритъ извѣстный нѣмецкій и американскій соціалдемократъ Зоргэ — «это пресловутое оружіе рабочаго класса сдѣлалось въ Сосдиненныхъ Штатахъ сильнѣйшимъ средствомъ порчи и власти буржуазныхъ классовъ, буржуазіи».

Другое дѣло — стачка. Она сдѣлалась въ Соединенныхъ Штатахъ сильнѣйшимъ средствомъ борьбы и возрожденія рабочаго класса, пролетаріата.

Значеніе и опасность для буржуазіи сѣвероамериканскихъ стачекъ постигли нѣкоторые представители третьяго лица государственной троицы еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Приговаривая стачечниковъ къ денежному штрафу одинъ изъ Нью-іорскихъ судей замѣтилъ въ 1836 году: «Это не только споръ между хозяевами и рабочими, это столкновеніе, отъ котораго можетъ пострадать *гармонія всего союза*» (Соединенныхъ Штатовъ), гармонія безудержной наживы, — прибавимъ мы отъ себя.

Для американскихъ же рабочихъ стачка съ самого начала явилась, по справедливому замѣчанію одного изъ членовъ статистическаго бюро въ Нью-Іоркѣ, «жертвой въ настоящемъ для блага въ будущемъ».

Американскія стачки имѣютъ для воспитанія классоваго чувства и сознанія рабочаго класса тѣмъ большее значеніе, что очень большой процентъ среди нихъ составляютъ *стачки по симпатіи*, гдѣ рабочіе терпятъ лишенія и приносятъ жертвы исключительно для того, чтобы поддержать своихъ товарищей на другой фабрикѣ и въ другой области производства.

«Эффектъ отъ этихъ стачекъ по симпатіи» — гово-

ритъ нью-іоркскій статистикъ—«огроменъ; несомнѣнно больше, чѣмъ отъ стачекъ прямыхъ».

«Стачки по симпатіи» сдѣлались въ Соединенныхъ Штатахъ столь обычнымъ явленіемъ, что въ договоръ о наймѣ стали вноситься оговорки о правѣ рабочаго прекратить работу для поддержки стачки въ другомъ производствѣ.

Съ 1887 по 1894 годъ «стачки по симпатіи» коснулись 3.620 предпріятій. Въ 1892 году въ одномъ лишь штатѣ Нью-Іоркѣ «стачки по симпатіи» остановили работу въ 738 мастерскихъ съ 6.943 рабочими; при этомъ рабочіе потеряли около 500 тысячъ рублей заработной платы; но за то одержана была побѣда надъ 377 хозяевами.

Первая, или по крайней мѣрѣ первая, попавшая въ исторію американскаго рабочаго движенія, стачка произошла въ 1781 г.*). Это была стачка булочниковъ въ Нью-Іоркѣ. Вторая извѣстная стачка произошла въ 1796 году. Это была стачка сапожниковъ въ Филадельфіи. Это были лишь слабые предвѣстники настоящаго стачечнаго движенія, которое началось во второй половинѣ 30-хъ годовъ, когда въ Соединенныхъ Штатахъ нарождается крупная промышленность, когда тамъ, по замѣчанію Зорге, совершается революція болѣе важная, чѣмъ іюльская, — революція въ способахъ передвиженія. Штаты начинаютъ покрываться желѣзнодорожною сѣтью, а вмѣстѣ съ тѣмъ выростаютъ всевозможные заводы и фабрики. Съ этого времени не проходитъ года безъ нѣсколькихъ стачекъ, но всѣ эти стачки носятъ частичный характеръ и длятся недолго. Первый періодъ промышленно-капиталистическаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первый періодъ стачечнаго движенія, продолжается до войны за освобожденіе невольниковъ въ серединѣ 60 годовъ. Послѣ войны промышленность и капитализмъ начинаютъ шагать гигантскими шагами. Накопляются огромные капиталы, число пролетаріевъ увеличивается

*) Данныя для исторіи стачекъ въ Соединенныхъ Штатахъ мы заимствуемъ главнымъ образомъ изъ сочиненія E. Levasseur «L'ouvrier americain» и изъ статей F. A. Sorge «Die Arbeiterbewegung in den Vereinigten Staaten», напечатанныхъ въ «Die Neue Zeit» за 1890—1891 годъ.

необычайно быстро, какъ вслѣдствіе мѣстной экспропріаціи мелкихъ собственниковъ, такъ и вслѣдствіе наплыва изъ Европы тружениковъ, экспропріированныхъ уже у себя на родинѣ. За пышнымъ расцвѣтомъ промышленности слѣдуетъ въ 70-хъ годахъ промышленный кризисъ, и во время него революціонное недовольство пролетаріата прорывается знаменитою стачкою желѣзнодорожныхъ служащихъ въ іюлѣ 1877 года. Стачка началась въ Мартинсбургѣ (западной Виргиніи). Компанія бальтиморской и огейской желѣзной дороги сократила плату своимъ служащимъ на 10%. Рабочіе отправились къ предсѣдателю компаніи, чтобы разъяснить ему, что подобное сокращеніе не даетъ имъ возможности содержать свои семьи, но предсѣдатель не пожелалъ выслушать рабочихъ. Тогда 600 человѣкъ забастовало и заставило присоединиться къ стачкѣ остальныхъ служащихъ. Поѣзда были остановлены, движеніе прекратилось по всей линіи. Компанія, разумѣется, обратилась ко второму лицу государственной троицы, къ власти исполнительной, и губернаторъ западной Виргиніи прислалъ ей на помощь *милицію*. Стачечники не испугались, тѣмъ болѣе, что часть ихъ была вооружена. Воюющія стороны обмѣнялись выстрѣлами. На сторону стачечниковъ встало большинство населенія, и улицы Балътиморы заполнились толпами возбужденнаго народа. Положеніе милиціи и губернатора сдѣлалось критическимъ и онъ принужденъ былъ обратиться къ президенту союза С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и въ Бальтимору явились союзныя войска. Ихъ попытки очистить улицы и возстановить порядокъ потерпѣли сначала неудачу. Между тѣмъ движеніе стало распространяться, принимая форму всеобщей стачки. Оно достигло Питсбурга, гдѣ забастовали рабочіе-служащіе пенсильванской желѣзной дороги. Прежде всего стачечники завладѣли стрѣлками и остановили движеніе. Около станціи на полотнѣ желѣзной дороги собралась тысячная толпа. Полиція съ шерифомъ во главѣ оказалась безсильной. Губернаторъ двинулъ войска, явившіеся не только съ ружьями, но даже и съ пушкой. Стачечники встрѣтили войска выстрѣлами, началась перестрѣлка. Толпа, захватившая оружейные магазины, заставила солдатъ отступить и овладѣла пушкой. Послѣ этого желѣзно-

дорожные магазины, 126 локомотивовъ и 600 вагоновъ были сожжены. Движеніе распространялось все далѣе. Поѣзда были остановлены на многихъ другихъ линіяхъ. Стачкой охвачены были и Чикаго и Канзасъ. Такъ продолжалось нѣсколько недѣль, но въ концѣ концовъ, какъ и въ Англіи въ 1842 году, какъ до извѣстной степени у насъ въ 1903 году, революціонно-стачечная волна стала спадать сама собою, не давъ стачечникамъ никакихъ положительныхъ выгодъ, но послуживъ могучимъ ударомъ молота, кующаго мечъ пролетаріата для освобожденія всего человѣчества. И новыя стачки, отъ которыхъ все больше и больше дрожитъ и колеблется экономическій деспотизмъ демократической республики, заботятся о томъ, чтобы мечъ, не ржавѣлъ, а закалялся все сильнѣе.

За шесть лѣтъ съ 1881 по 1886 годъ въ Соединенныхъ Штатахъ было 3.902 стачки, захватившіе 22.304 фабрики и мастерскія; общее число стачечниковъ равнялось 1.323.000 человѣкъ. Въ среднемъ на годъ приходилось за этотъ періодъ около 650 стачекъ; въ періодъ съ 1888 по 1894 г. это среднее число поднялось до 1.292.

«Зловѣщій гулъ нѣкоторыхъ изъ этихъ стачекъ (съ 1888 по 1894 годъ) донесся до Европы», замѣчаетъ Лавассеръ, этотъ типичный буржуа, для котораго массовыя стачки не могутъ не быть «зловѣщими».

Въ стачкѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ 1887 года участвовало болѣе 30.000 человѣкъ; всеобщая стачка углекоповъ 1894 г. охватила весь углепромышленный районъ въ 11 штатахъ; въ ней приняло участіе 130.000 человѣкъ, и она повела къ сильному «угольному голоду». Но особенно зловѣщими для буржуазіи были стачки Гомстедовская 1892-го года и Пулльмановская 1894 года.

Гомстедъ — промышленный городокъ на берегу Мононгагелы, недалеко отъ Питсбурга; здѣсь находится большой сталелитейный заводъ, принадлежащій «Carnegie Steel Company», у которой кромѣ гомстедовскаго имѣется въ томъ же Питсбургскомъ округѣ еще нѣсколько заводовъ. Въ Гомстедѣ работало 3.800 человѣкъ; изъ нихъ лишь 800 были организованы, остальные 3.000, большей частью иностранцы (богемцы, венгры и т. д.), ни къ какому рабочему союзу (трэдъ-

юніону) не принадлежали. Конфликтъ изъ за размѣра заработной платы возникъ между компаніей и организованными рабочими, но къ послѣднимъ тотчасъ по объявленіи стачки присоединились и всѣ неорганизованные рабочіе.

«Рабочій союзъ» прежде всего выбралъ «Совѣщательный комитетъ» («Advisory committee»), который немедленно (24 іюня) организовалъ всѣхъ стачечниковъ «по военному». Было образовано три смѣны, изъ которыхъ каждая подъ руководствомъ своихъ вождей несла службу въ теченіе 8 часовъ. 800 славянъ и венгерцевъ организовались въ особый «резервъ». «Часовые» заняли всѣ выходы изъ завода. Рабочіе «расположились лагеремъ» на берегу Мононгагелы. Одинъ изъ отрядовъ занялъ вокзалъ желѣзной дороги, и былъ данъ приказъ останавливать всѣхъ, не имѣющихъ «пропуска» отъ Комитета. На дорогахъ, ведущихъ къ Гомстеду, поставлены аванпосты; за движеніемъ по рѣкѣ наблюдаетъ небольшой пароходъ и нѣсколько лодокъ: выработана цѣлая система сигналовъ флагами, свистками и огнями. Однимъ словомъ мѣстность «занята» рабочими.

Попытка питсбургскаго шерифа (начальника полиціи) проникнуть на заводъ, окончилась неудачей, и онъ былъ даже принужденъ обратиться за помощью къ рабочему «комитету», чтобы избѣжать «непріятностей со стороны стачечниковъ».

Между тѣмъ «компанія» наняла триста «пинкертоновскихъ людей» *), вооружила ихъ скорострѣльными ружьями, револьверами и двинула на баркахъ, буксируемыхъ пароходомъ, по Мононгагелѣ въ Гомстедъ. «Пинкертовскихъ людей» сопровождалъ представитель «компаніи» и помощникъ шерифа. «Экспедиція» снаряжена была тайкомъ, и предполагалось, что, высадившись ночью въ Гомстедѣ, она захватитъ стачечниковъ врасплохъ.

---

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ «агентство Пинкертона», представляющее изъ себя какъ бы частное «третье отдѣленіе». У него цѣлая армія сыщиковъ, оно беретъ на себя надзоръ за поведеніемъ того или другого лица, снабжаетъ фабрикантовъ «сыщиками-рабочими», слѣдящими за настроеніемъ рабочихъ и т. д.; все это, разумѣется, по соотвѣтствующей «таксѣ».

Но на дѣлѣ на удалось соблюсти тайны, не удалось и высадиться ночью. Экспедиція прибыла въ 4 часа утра, и была встрѣчена стачечниками, готовыми къ оборонѣ. Началась перестрѣлка. Нѣсколько человѣкъ изъ «пинкертоновскихъ людей» были ранены, въ томъ числѣ ихъ «капитанъ»; высадиться не удалось ни одному человѣку. Полковникъ, исполнявшій должность помощника шерифа, забралъ раненыхъ и отправился на пароходѣ, чтобы отвести ихъ въ ближайтій госпиталь. Барка, изъ которыхъ одна была блиндирована (покрыта броней), остались съ «людьми» на серединѣ рѣки подъ выстрѣлами рабочихъ. Пароходъ съ возвращавшимся на мѣсто битвы полковникомъ былъ встрѣченъ такимъ сильнымъ огнемъ, что поспѣшилъ ретироваться въ Питсбургъ, оставивъ «людей» въ отчаянномъ положеніи. Стачечники пытались взорвать и поджечь «барки»; попытка не удалась; но послѣ усиленной перестрѣлки «пинкортоновскіе люди» выкинули, наконецъ, бѣлый флагъ, отдавшись, безъ всякихъ условій въ распоряженіе «Совѣщательнаго комитета». На баркахъ оказалось семь убитыхъ и болѣе 20 раненыхъ. Стачечники потеряли убитыми 11 человѣкъ. Отъ гнѣва рабочихъ плѣнныхъ «пинкертоновскихъ» шпіоновъ спасъ «Совѣщательный комитетъ».

На другой день предсѣдатель «Совѣщательнаго комитета» отправился къ губернатору штата съ заявленіемъ, что въ Гомстедѣ все спокойно, что собственность компаніи охраняется самими рабочими и что безполезно созывать милицію, такъ какъ это могло бы произвести нежелательное дѣйствіе на настроеніе рабочихъ. Между тѣмъ движеніе стало распространяться и на Питсбургъ. Государственная власть приняла рѣшительныя мѣры. Въ Гомстедѣ было объявлено военное положеніе, и туда двинуты войска подъ командой генерала Сновдена. На этотъ разъ стачечники не оказали сопротивленія. Многіе изъ вожаковъ были арестованы и, преданные высшему суду Филадельфіи, приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ за «государственную измѣну».

«Среди рабочаго населенія» — говоритъ Лавассеръ — «долго еще сохранялось сильное возбужденіе; опьяненныя событіями, рабочіе дошли до того, что стали смотрѣть на заводъ, какъ на свою собственность,

считали узурпаціей возвращеніе правъ настоящимъ собственникамъ и непростительнымъ оскорбленіемъ появленіе другихъ рабочихъ, принявшихъ новый тарифъ».

— Думаете ли Вы, что стачка принесла какую-нибудь выгоду труду?—спросилъ одного рабочаго предсѣдатель сенаторской комиссіи производившей разслѣдованіе по поводу гомстедовскихъ событій.

— Она была урокомъ, какъ всѣ стачки.

— Какимъ урокомъ?

— Это научаетъ рабочихъ приготовляться къ слѣдующей стачкѣ...

Гомстедовская стачка урокъ серьезный и важный, но еще болѣе серьезнымъ и важнымъ урокомъ является *Пулльмановская стачка 1894 года*, повлекшая за собою одну изъ самыхъ грандіозныхъ «всеобщихъ стачекъ по симпатіи», отъ которыхъ когда-либо дрожалъ буржуазный міръ.

Пульманъ устроилъ около Чикаго своего рода Юзовку. На своей собственной землѣ онъ построилъ не только огромные заводы — мастерскія для приготовленія желѣзнодорожныхъ вагоновъ, но и дома для рабочихъ. Образовался «городъ Пульмана» съ 14,000 жителей—рабочихъ, для которыхъ Пульманъ является хозяиномъ не только, какъ фабрикантъ, но и какъ владѣлецъ всѣхъ домовъ. Такое совмѣщеніе фабрикантамъ очень пріятно, такъ какъ усиливаетъ зависимость рабочихъ. Предпріимчивый Пульманъ не только строитъ вагоны, но отчасти и самъ ихъ эксплуатируетъ по соглашенію съ американскими желѣзнодорожными компаніями: на всѣхъ американскихъ линіяхъ хорошо извѣстны удобные «Pullmanu Cars». «Предпріимчивость» приноситъ мистеру Пульману очень «хорошіе» доходы, но они не ограждены отъ колебаній, вызываемыхъ промышленными кризисами. Во время кризиса 1893 г. доходы Пульмана начали падать, и онъ для «возстановленія равновѣсія» поспѣшилъ понизить заработную плату «своимъ» рабочимъ, сохранивъ, разумѣется, прежнюю цѣну на «свои» квартиры. Рабочіе заволновались и отправились объясняться съ Пульманомъ, но тотъ былъ непоколебимъ. Въ 1892 — 93 г. г. дѣла шли, по его словамъ, сносно, онъ получилъ чистаго дохода милліоновъ 8 или 10, но теперь, дай Богъ, и половину собрать. И справедливо ли со стороны ра-

бочаго жаловаться, теряя какихъ-нибудь 100 рублей въ годъ, когда самъ Пульманъ теряетъ, быть можетъ, цѣлыхъ 5 милліоновъ рублей.

Пульманъ былъ «добрый баринъ» и очень мило разъяснялъ это всегда «своимъ» рабочимъ, но у тѣхъ былъ злой совѣтчикъ и подстрекатель — голодъ, не давшій имъ «успокоиться». Въ концѣ концовъ съ обѣихъ сторонъ одновременно была объявлена война.

Рабочіе уже рѣшили объявить стачку, такъ Пульманъ объявилъ локаутъ (закрытіе мастерскихъ).

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль стачка была мирной и частичной. Рабочіе голодали, но не позволяли себѣ никакихъ насилій и оберегали хозяйское добро. Пульманъ потиралъ руки отъ удовольствія, находя, что стачка недурно уравновѣшиваетъ кризисъ и продолжалъ собирать хорошіе доходы со своихъ многочисленныхъ вагоновъ, катавшихся по всей Сѣверной Америкѣ. Къ концу іюня*) статечники стали ослабѣвать и готовы были сдаться, когда на помощь имъ пришли желѣзнодорожные рабочіе. 25 іюня на конгрессѣ въ Чикаго «союзъ рабочихъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ» постановилъ поддержать «пульмановскихъ рабочихъ» всеобщей стачкой по симпатіи. Это рѣшеніе поддержано было и рабочимъ орденомъ «рыцарей труда».

Съ другой стороны на помощь къ Пульману является союзъ желѣзнодорожныхъ компаній. Движеніе принимаетъ характеръ гражданской войны. Сначала бойкотируются лишь «вагоны Пульманы»: ихъ отказываются прицѣплять, смазывать и т. д., но затѣмъ вообще останавливается все движеніе на цѣломъ рядѣ важныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Такъ въ теченіе двухъ недѣль между Нью-Іоркомъ и Санъ-Франциско не перевозятся ни товары, ни почта. Въ самомъ Чикаго стачка переходитъ въ возстаніе. Стачечники поджигаютъ зданія всемірной выставки и, пока пожарные гасятъ начавшійся пожаръ, сжигаютъ вагоны и желѣзнодорожный матерьялъ двадцати компаній. Во многихъ штатахъ стачечники вооружаются и начинаются стычки съ милиціей.

Пути сообщенія въ рукахъ рабочихъ, и наиболѣе

*) Мастерскія были закрыты въ серединѣ мая.

рѣшительные подъ предводительствомъ Кокея направляются въ захваченныхъ поѣздахъ на столицу Сѣв. Амер. Соединенныхъ Штатовъ Вашингтонъ, гдѣ тоже вспыхиваетъ революціонная стачка.

Правительство въ лицѣ «демократа» Кливеленда пускаетъ въ ходъ всѣ государственныя силы и средства для подавленія опаснаго возстанія. Во многихъ мѣстахъ объявлено военное положеніе, всѣ «формальности» при арестахъ отброшены. На помощь полиціи выступаютъ союзныя войска. Но революціонному движенію не такъ страшны всѣ эти власти и войска, какъ отсутствіе опредѣленно сознанной соціальной цѣли... Энтузіазмъ постепенно ослабѣваетъ, число стачечниковъ уменьшается, и къ концу сентября все окончательно стихаетъ, и даже рабочіе Пульмана берутся за работу по уменьшенному тарифу.

Капиталъ и его государство снова побѣдили, но это пиррова побѣда, *побѣда для буржуазіи по-истинѣ зловѣщая*.

Изъ массы стачекъ послѣдняго періода особенно замѣчательна стачка 150.000 углекоповъ въ 1902 г., которая длилась почти полгода и окончилась третейскимъ судомъ, удовлетворившимъ главныя требованія стачечниковъ.*)

Для буржуазіи одинаково зловѣщи и неуспѣшныя, и успѣшныя всеобщія стачки, такъ какъ и тѣ, и другія усиливаютъ революціонность, организованность и сознательность рабочаго класса. Порожденная самою жизнью идея организованной всеобщей стачки во имя соціальной революціи, во имя экспропріаціи экспропріаторовъ находитъ себѣ среди американскихъ пролетаріевъ все болѣе и болѣе сознательныхъ сторонниковъ. Американская буржуазія пытается теперь защитить свой капиталистическій строй реакціонными законами противъ свободы слова и печати. Но остановить революціонное стачечное движеніе какими-нибудь реакціонными законами также невозможно,

*) См. описаніе этой стачки въ моей брошюрѣ «Всеобщія стачки» «Библ. Русск. Прол.», № 21. Излагая теперь исторію развитія стачекъ, я, конечно, не привожу описанія тѣхъ стачекъ, которыя нашли мѣсто въ упомянутой брошюрѣ, а ограничиваюсь лишь соотвѣтствующими ссылками.

какъ невозможно, размахивая хотя-бы самыми острыми шпагами, остановить порывъ могучаго вихря.

«Всеобщая стачка» вырабатывается и революціонно развивается на Американскомъ материкѣ не въ однихъ только «культурныхъ» Сѣв. Ам. Соединенныхъ Штатахъ. Она колеблетъ буржуазную почву и въ такихъ отсталыхъ американскихъ республикахъ, какъ *Аргентинская*, *Чили* и пр.; и ихъ буржуазія, гоняясь по всему свѣту за прибылью, захватила въ капиталистическій водоротъ пролетаріатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ толкнула на путь пролетарской революціи.

Въ ноябрѣ 1902 г. въ **Аргентинѣ** произошла всеобщая стачка, очень характерная по своему развитію изъ небольшой забастовки рыночныхъ рабочихъ въ Буэносъ-Айресѣ. Къ этимъ забастовщикамъ «по симпатіи» присоединились извощики и портовые рабочіе. Правительство для устрашенія стачечниковъ заняло рабочіе кварталы войсками и замѣнило стачечниковъ солдатами, переодѣтыми съ штатское платье. Союзъ рабочихъ синдикатовъ отвѣтилъ провозглашеніемъ всеобщей стачки. Сенатъ вотировалъ законъ противъ иностранцевъ, дающій право удалять безъ суда безпокойные элементы. 22 ноября 50 рабочихъ синдикатовъ (союзовъ) прекратило работу. Правительство прибѣгло къ чисто русскимъ репрессіямъ. Движеніе было подавлено, но, несомнѣнно, чтобы вскорѣ возобновиться съ новою силой. *)

Въ **Чили** стачка портовыхъ рабочихъ въ Вальпарайзо, происходившая въ маѣ 1903 г., остановила въ городѣ на нѣсколько дней всю работу и торговлю. Зданіе пароходной компаніи было подожжено; на улицахъ происходили кровавыя стычки между стачечниками и полиціей, подкрѣпленной войсками. Число убитыхъ достигло 40, раненыхъ 200. Разумѣется, и здѣсь побѣда пока на сторонѣ буржуазіи, парламентъ которой спѣшитъ выработать «исключительные законы».

---

*) Когда эти строки были уже набраны (февраль 1904 г.), мы встрѣтили въ иностранныхъ газетахъ сообщеніе о новой стачкѣ портовыхъ рабочихъ въ Буэносъ-Айресѣ. Вся торговля и транспорты остановлены. Торговая биржа закрыта и т. д. *В. П.*

Изъ далекой Америки перенесемся въ еще болѣе далекую **Австралію**, прямо къ «антиподамъ». Въ Австраліи все необычайно, все не «по нашему»: осень въ маѣ, весна въ ноябрѣ. листья у деревьевъ голубыя, яйца несутъ не только птицы, но и звѣри, а, главное, соціализмъ гуляетъ подъ руку съ капитализмомъ и «рабочимъ тамъ не жизнь, а прямо рай».

Этотъ «рай» давно ужъ воспѣвается въ самыхъ восторженныхъ пѣснопѣніяхъ всѣми сторонниками «культуры» и гармоніи. Но въ самый разгаръ пѣснопѣній вдругъ — бацъ «всеобщая стачка» 1890 года. Пѣснопѣнія на моментъ смолкаютъ, но затѣмъ начинаются съ новой силой, какъ вдругъ—бацъ «всеобщая стачка» въ маѣ 1903 года. Въ ноябрѣ въ Австраліи весна, это — правда и четвероногіе звѣри тамъ яйца несутъ, это — тоже правда, но дружеская прогулка капитализма съ соціализмомъ и капитала съ трудомъ, это, господа, сказки. И тамъ кипитъ борьба «труда» съ «капиталомъ», и тамъ пролетаріи соединяются не для «гармоніи», а для войны съ капиталистами.

«Морская» стачка 1890 г. началась, какъ это нерѣдко бывало и въ Европѣ, по незначительному поводу. Одна изъ корабельныхъ компаній въ Мельбурнѣ (главномъ городѣ государства Викторія) отказала служащему, принадлежавшему къ рабочему союзу.*) Тотчасъ союзъ матросовъ и кочегаровъ бойкотировали судно, на которомъ служилъ уволенный. Бойкотъ обострилъ отношенія между всѣми портовыми рабочими и всѣми корабельными компаніями. Компаніи потребовали, чтобы товарищество корабельныхъ служащихъ вышло изъ состава «совѣта рабочихъ союзовъ», не соглашаясь въ противномъ случаѣ продолжать начатые переговоры объ увеличеніи платы и объ уменьшеніи часовъ работы. «Товарищество служащихъ» отказалось исполнить требованіе компаній и объявило стачку. Къ стачкѣ скоро присоединились матросы и портовые рабочіе, и не только въ самомъ Мельбурнѣ, но и другихъ приморскихъ городахъ.

Бой разгорался. Вскорѣ вся Австралія раздѣли-

*) Данныя для стачечнаго движенія въ Австраліи мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ сочиненія A. Metin «Socialisme sans doctrines».

лась на два враждебныхъ лагеря. Къ забастовщикамъ присоединился еще цѣлый рядъ рабочихъ организацій, въ томъ числѣ многочисленные стригуны шерсти; «союзы», продолжавшіе работать, поддерживали стачечниковъ денежными пособіями. Но и капиталисты проявили не мало «солидарности» и упорства. Война длилась цѣлыхъ три мѣсяца; рабочіе держались, пока ихъ кассы окончательно не опустѣли. Побѣда оказалась за хозяевами. Побѣдители ликовали, думая, что рабочія организаціи окончательно разбиты. Въ дѣйствительности же они стали съ тѣхъ поръ развиваться съ необычайной быстротой, готовясь къ новымъ битвамъ. Классовое сознаніе рабочихъ за время стачки значительно прояснилось, и на выборахъ они перестали съ тѣхъ поръ поддерживать консерваторовъ или либераловъ, а стали выставлять своихъ рабочихъ кандидатовъ. Развитію классового сознанія и пониманію, что такое государственная власть даже въ такомъ «раю», какъ Австралія, способствовало и то, что во время бурныхъ стачекъ въ Квинслендѣ въ 1890 и 1894 гг., «мобилизировала» полицію и волонтеровъ, а также отмѣнила на 2 года «конституціонныя гарантіи». Но особенно сильно двинуло впередъ боевое сознаніе австралійскаго рабочаго класса всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ въ маѣ 1903 г. Здѣсь рабочіе столкнулись непосредственно съ «крайне-демократическимъ правительствомъ» Викторіи, *) гдѣ желѣзныя дороги принадлежатъ государству. Правительство запретило «своимъ» желѣзнодорожнымъ служащимъ примкнуть, къ рабочему союзу, на который опирается рабочая партія». Въ отвѣтъ на это запрещеніе вспыхнула стачка, и въ теченіе нѣсколькихъ дней все желѣзнодорожное движеніе было «парализовано» на всемъ материкѣ. Буржуазія была страшно испугана. «Крайне демократическое правительство» экстренно созвало парламентъ и внесло драконовскій законъ, дѣлающій стачку лицъ, находящихся на службѣ у государства, преступленіемъ, наказуемымъ тюремнымъ заключеніемъ. Законъ былъ поспѣшно принятъ. Разумѣется, были мобилизованы и всѣ «силы», имѣю-

*) «Крайне демократическимъ» правительство Викторіи называетъ либеральный англійскій журналъ «Rewew of Reviws».

щіяся въ распоряженіи правительства. И на этотъ разъ стачечники были «побѣждены», но побѣдители поняли «зловѣщее» значеніе своей побѣды, когда на выборахъ въ австралійскій союзный парламентъ, происходившихъ въ декабрѣ того же года рабочая партія провела въ нижнюю палату 29 депутатовъ вмѣсто прежнихъ 16. Теперь изъ трехъ партій (консервативной, либеральной и рабочей) она самая сильная. Еще удачнѣе прошли для рабочихъ выборы въ верхнюю палату или сенатъ: число депутатовъ рабочей партіи поднялось съ 8 на 17; консерваторовъ осталось въ сенатѣ лишь 6, либераловъ—13. Англійскія газеты сообщаютъ, что послѣ этихъ выборовъ австралійская буржуазія рѣшила начать противъ соціализма безпощадную войну. Тѣмъ лучше*). Лишь въ безпощадной борьбѣ съ буржуазіей вырабатываются творцы новой пролетарской жизни. Пролетаріатъ другихъ частей свѣта найдетъ въ пролетаріатѣ австралійскомъ стойкихъ и вѣрныхъ союзниковъ.

«Искреннее желаніе австралійскаго рабочаго класса» — писалъ недавно извѣстный Томъ Мэнъ — «быть признаннымъ частью международнаго рабочаго движенія, принимая участіе въ борьбѣ и тріумфахъ, переживаемыхъ рабочими всего міра въ организованномъ движеніи отъ бѣдности къ благосостоянію... Лучше, чѣмъ когда-нибудь, мы понимаемъ и цѣнимъ завѣтъ *«Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»*

---

*) Поэты, воспѣвающіе австралійскій рабочій «рай», утверждаютъ, что въ Новой-Зеландіи и Новомъ Южномъ Уэльсѣ и т. д. стачки сдѣлались ненужными и невозможными, благодаря введенію *обязательныхъ третейскихъ судовъ*. Рѣшаемся противопоставить гармоничной поэзіи слѣдующую прозаическую газетную замѣтку, которую мы встрѣтили въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ «Vorwärts».

«Противъ принудительнаго третейскаго суда къ Новомъ Южномъ Уэльсѣ выступилъ сильный «союзъ углекоповъ». Союзъ просилъ судъ объ измѣненіи заработной платы. Послѣ внимательнаго ознакомленія съ дѣловыми книгами предпринимателей судъ постановилъ не повысить, а понизить заработную плату. Вмѣсто того, чтобы подчиниться рѣшенію, какъ этого требуетъ законъ, углекопы начали стачку. За это предусмотрѣны денежные штрафы и тюрьма. Но у союза нѣтъ денегъ, а у государства нѣтъ достаточнаго числа тюремъ, чтобы посадить всѣхъ углекоповъ. Это событіе считается чувствительнымъ ударомъ для системы обязательныхъ третейскихъ судовъ...»

Про **Испанію** въ противоположность австралійскимъ государствамъ никто не скажетъ, что въ ней живется, какъ въ «раю». Испанія подобно Россіи страна безпрерывной «*смуты*». Съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія «смута» въ Испаніи не прекращается, а *развивается*. Наиболѣе характернымъ признакомъ этого развитія «смуты» является все болѣе и болѣе сознательное и активное выступленіе *пролетаріата* за свое *соціальное* освобожденіе. Карлистскіе заговоры, военные «пронунціаметно» и пр. постепенно отступаютъ на задній планъ передъ «*всеобщими стачками*», достигшими здѣсь необычайной революціонной силы.

Надо замѣтить, что «Интернаціоналъ» («Международное Товарищество Рабочихъ») пустилъ наиболѣе глубокіе и крѣпкіе корни именно въ Испаніи; при этомъ огромное большинство испанскихъ членовъ «Интернаціонала» стояло на сторонѣ «федералистовъ» или «бакунистовъ». Испанская вѣтвь «Интернаціонала» даже по признанію Энгельса, который, какъ извѣстно, болѣе чѣмъ отрицательно относился къ «федералистамъ», «была превосходно организована».

Послѣ раскола на гаагскомъ конгрессѣ 1872 г. и фактическаго самоупраздненія «Интернаціонала», какъ союза пролетаріевъ всѣхъ странъ, «испанская федерація» продолжала существовать еще лѣтъ пять или шесть и поддерживала связь путемъ ежегодныхъ конгрессовъ съ болѣе слабыми, но все же слишкомъ живучими, чтобъ сразу погибнуть, федераціями юрской, итальянской и бельгійской.

«Въ одной Каталоніи» говоритъ П. А. Кропоткинъ въ своихъ «Запискахъ революціонера» — тогда было болѣе 100.000 работниковъ, организованныхъ въ сильные рабочіе союзы; больше 80.000 испанцевъ принадлежали къ Интернаціоналу, правильно собирались на конгрессы, и точно платили свои членскіе взносы съ чисто испанскимъ сознаніемъ долга. Я говорю объ этихъ организаціяхъ на основаніи личнаго знакомства на мѣстѣ».

Уже въ то время испанскіе рабочіе были *дѣятельными* сторонниками всеобщей стачки, какъ главнаго орудія борьбы пролетаріата за свое освобожденіе, и въ этомъ отношеніи они были вѣрны Интернаціоналу. Брюссельскій конгрессъ Интернаціонала въ 1868 г.,

т. е. въ періодъ наибольшаго расцвѣта Международнаго Товарищества Рабочихъ, *единогласно* принялъ резолюцію зятя Маркса и яраго марксиста Лонгэ, въ которой рабочимъ всѣхъ странъ въ случаѣ войны рекомендовалось устроить всеобщую забастовку. Вообще одной изъ главныхъ цѣлей Интернаціонала была взаимная поддержка на случай массовыхъ стачекъ. Во время революціоннаго движенія 1873 г., послѣдовавшаго за отреченіемъ короля Амедея, рабочіе-интернаціоналисты въ разныхъ мѣстахъ Испаніи провозгласили всеобщую стачку. Намъ къ сожалѣнію неизвѣстно объективное изложеніе этой попытки. То, что пишетъ о ней Энгельсъ въ своей статьѣ «Die Bakunisten an der Arbeit» (Бакунисты на работѣ) менѣе всего можетъ быть названо объективнымъ изложеніемъ. Каждое слово этой статьи проникнуто самой субъективной ненавистью къ бакунистамъ. Во всякомъ случаѣ и Энгельсъ долженъ признать, что провозглашеніе всеобщей стачки въ Алькоѣ повело въ концѣ концовъ къ временному торжеству рабочихъ въ этомъ промышленномъ городѣ. Но онъ при этомъ высмѣиваетъ уличную битву пятитысячной толпы рабочихъ съ 32 жандармами и нѣсколькими вооруженными буржуа, битву, явившуюся слѣдствіемъ провозглашенія всеобщей стачки. «Это была — говоритъ Энгельсъ — первая уличная битва интернаціональнаго союза (der Allianz). Дрались 20 часовъ пять тысячъ человѣкъ противъ тридцати двухъ жандармовъ и нѣсколькихъ вооруженныхъ буржуа, побѣдили ихъ послѣ того, какъ они выпустили всѣ свои заряды и потеряли въ общемъ *десять человѣкъ*. Да внушитъ союзъ (Allianz) своимъ посвященнымъ изрѣченіе Фальстафа, что предосторожность лучшая часть храбрости».

Большой человѣкъ былъ Энгельсъ, но, пуская эту стрѣлу, онъ на моментъ сдѣлался очень маленькимъ. Онъ снова подымается, когда вслѣдъ за этой неумѣстной насмѣшкой прибавляетъ: «Понятно, что всѣ ужасныя извѣстія буржуазныхъ газетъ о безсмысленно сожженныхъ фабрикахъ, о массовыхъ растрѣлахъ жандармовъ, объ облитыхъ керосиномъ и сожженныхъ людяхъ — чистыя выдумки. Побѣдоносные рабочіе, если ими даже руководятъ алльянисты (федералисты), девизъ которыхъ: «нужно дѣйствовать безъ стѣсне-

нія», поступаютъ всегда слишкомъ великодушно со своими побѣжденными противниками, и тѣ тогда измышляютъ на нихъ всѣ тѣ гнусности, которыя они сами навѣрное совершили бы въ случаѣ своей побѣды».

Революціонное движеніе 1873 г. не принесло рабочимъ, боровшимся путемъ всеобщихъ стачекъ и возстаній, никакихъ непосредственныхъ выгодъ, но въ этомъ, какъ можно судить даже по пристрастному изложенію событія Энгельсомъ, виновата отнюдь не всеобщая стачка, а обычная подлая измѣна буржуазныхъ союзниковъ. «По англійскимъ газетнымъ корреспонденціямъ для непримиримыхъ руководителей движенія не было ничего важнѣе, какъ отвергать всякую связь съ этими такъ называемыми интернаціоналистами, отклонять всякую отвѣтственность за нихъ и объявить, что они держали ихъ вождей точно также, какъ всѣхъ бѣглецовъ парижской коммуны, подъ самымъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Наконецъ, какъ мы увидимъ, въ Севильѣ непримиримые, во время битвы съ правительственными войсками, *стрѣляли также и въ своихъ союзниковъ бакунистовъ*».

Во всякомъ случаѣ рабочіе неудачу движенія 1873 г. не поставили на счетъ всеобщей стачки. Довѣріе къ этому пролетарскому средству борьбы не пропало у нихъ даже тогда, когда въ Испаніи была введена всеобщая подача голосовъ. Если въ Германіи побѣды пролетаріата исчисляются количествомъ завоеванныхъ соціалдемократами депутатскихъ мандатовъ, то въ Испаніи о ростѣ пролетарскаго движенія приходится судить по массовымъ стачкамъ, когда другъ за друга, какъ одинъ человѣкъ, встаютъ пролетаріи разныхъ профессій въ разныхъ городахъ, нерѣдко останавливая въ цѣлыхъ провинціяхъ всю промышленную жизнь. Эти стачки ведутъ иногда къ очень значительнымъ экономическимъ уступкамъ со стороны испуганой буржуазіи, но съ другой стороны онѣ причиняютъ, конечно, пролетаріямъ много острыхъ страданій, и часто улицы Барцелоны, Бильбао, Рейса и другихъ промышленныхъ городовъ поливаются кровью рабочихъ; льется она и на поляхъ Андалузіи, гдѣ сельскіе рабочіе тоже организуются въ союзы и борются всеобщими стачками вмѣстѣ со своими городскими братьями.

Нѣкоторыя изъ испанскихъ стачекъ описаны нами въ брошюрѣ «Всеобщія стачки» и мы не будемъ къ нимъ, конечно, возвращаться, но за тѣ 10 мѣсяцевъ, которые прошли съ появленія въ свѣтъ названной брошюры, испанской буржуазіи приходилось много разъ дрожать передъ революціоннымъ возстаніемъ производителя на почвѣ производства. Таковымъ была напримѣръ, всеобщая стачка въ Бильбао въ сентябрѣ 1903 г. Стачка началась, какъ это бываетъ обыкновенно, по сравнительно незначительному поводу. Шахтеры потребовали, чтобы заработная плата уплачивалась имъ каждую недѣлю, а не каждыя двѣ недѣли или мѣсяцъ, какъ это практиковалось до сихъ поръ; кромѣ того они требовали устраненія посредниковъ при наймѣ. Хозяева отказались и тотчасъ работа на всѣхъ шахтахъ остановилась. Черезъ нѣсколько дней стачка приняла характеръ всеобщей забастовки. Забастовщики группами ходили по всѣмъ фабрикамъ и мастерскимъ Бильбао, и его окрестностей и повсюду останавливали работу. Прекратилось и желѣзнодорожное движеніе. Обычная картина: всѣ фабрики, магазины, лавки закрыты, на улицахъ нѣтъ ни конокъ, ни извозчиковъ, газеты не выходятъ. За этимъ первымъ актомъ наступаетъ второй. Въ городъ вступаютъ войска и располагаются на площадяхъ военнымъ лагеремъ. Сначала мелкія стычки между отдѣльными группами стачечниковъ и военныхъ отрядовъ, затѣмъ конныя атаки на безоружную толпу: раздавленныя женщины и дѣти. Народное негодованіе возрастаетъ, на улицахъ строятся баррикады, раздаются залпы, падаютъ убитые, выдвигается артиллерія. Стачка переходитъ уже въ настоящую гражданскую войну. Между тѣмъ броженіе начинается въ Барцелонѣ и другихъ городахъ. Даже самые большіе оптимисты изъ буржуазіи начинаютъ понимать, что дѣло становится серьезнымъ. Иностранные капиталисты-предприниматели спѣшатъ вывѣсить на своихъ домахъ и фабрикахъ свои національные флаги; консулы и посланники совѣщаются съ правительствомъ. По настоянію правительства, защищающаго интересы всей буржуазіи, капиталисты въ Бильбао дѣлаютъ нѣкоторыя уступки стачечникамъ, и революціонная вспышка быстро затихаетъ. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и те-

леграфъ снова несетъ вѣсть о всеобщей стачкѣ всѣхъ портовыхъ рабочихъ, которая сливается съ всеобщей стачкой ткачей, а затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о пріостановкѣ работы всѣхъ производствъ провинціи Таррагони. Все это производитъ впечатлѣніе, что Испанія переживаетъ острый періодъ соціальной революціи.

Но какъ мало интереса проявляютъ къ этой пролетарской революціи соціалдемократическая печать другихъ странъ.

Извѣстія объ испанскихъ событіяхъ лишь изрѣдко появляются въ соціалдемократическихъ газетахъ и печатаются петитомъ гдѣ-нибудь на газетныхъ задворкахъ, какъ нѣчто незначительное и къ «соціалдемократіи» отношенія не имѣющее. Чувствуется, что испанскіе донкихоты съ ихъ всеобщими стачками и баррикадами — шокируютъ умныхъ и разсчетливыхъ соціалдемократовъ, какъ ортодоксовъ, такъ и ревизіонистовъ. Вопросъ о томъ, ужиналъ ли тотъ или другой изъ нѣмецкихъ депутатовъ съ журналистомъ Гарденомъ, выставляется, какъ вопросъ міровой важности, а движеніе, въ которомъ изъ чувства солидарности, десятки и сотни тысячъ пролетаріевъ подвергаютъ себя всевозможнымъ лишеніямъ и рискуютъ своей жизнью, замалчивается.

На дрезденскомъ партейтагѣ Бебель заявилъ, что Гере свое «показаніе» о томъ, что онъ не читалъ какой то статьи въ буржуазномъ журналѣ «Die Zukunft», даетъ передъ всемъ міромъ. Увы, всѣми этими партійными дрязгами и мелочами истинная пролетарская борьба застилается отъ міра пролетаріевъ въ Германіи, во Франціи, въ Россіи. Можетъ быть, кровь и слезы, проливаемыя испанскими, русскими, французскими и т. д. пролетаріями въ ихъ современной борьбѣ, пошатнули бы наконецъ буржуазный строй, если бы большинство соціалдемократическихъ вожаковъ не погрузились въ партійныя дрязги, забывая во имя *политической партіи соціальную борьбу* пролетаріата.

Въ **Италіи** пролетаріатъ по своему революціонному настроенію, по своей пылкости и отвагѣ очень похожъ на пролетаріатъ испанскій. Революціонная энер-

гія итальянскихъ трудящихся массъ долгое время поглощалась національнымъ движеніемъ, направленнымъ противъ австрійскаго гнета. Австрійское владычество было низвергнуто, но гнетъ не уменьшился. Либеральная буржуазія «освобожденная» и «объединенная» кровью пролетаріата, предалась самымъ безграничнымъ капиталистическимъ оргіямъ. Милитаризмъ, колоніальный авантюризмъ, казнокрадство, все это ложилось непомѣрной тяжестью на пролетаріатъ, изъ котораго помѣщики и промышленники выжимали огромную прибавочную цѣнность. Трудолюбивый и болѣе, чѣмъ скромный въ своихъ потребностяхъ, итальянскій пролетаріатъ былъ доведенъ до нищеты и голода. Начинается массовое переселеніе. Рабочіе бѣгутъ изъ «благодатной» Италіи въ Швейцарію, Францію, Америку, бѣгутъ отъ нищеты и голода.

Но одновременно съ этимъ «бѣгствомъ» начинается и борьба. Вспыхиваютъ голодные бунты и мѣстныя возстанія. Въ маѣ 1898 года въ Миланѣ происходитъ настоящая уличная революція съ баррикадами и сотнями убитыхъ и раненыхъ. Правительство при одобреніи либеральной буржуазіи дѣйствуетъ безпощадно. Миланскія дамы изъ оконъ своихъ палаццо апплодируютъ солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ на улицахъ рабочихъ.

«Революція» подавлена, бунты усмирены, начинаются суды, издаются исключительные законы и декреты. Эти законы и декреты направлены не только противъ «бунтовъ» и «возстаній», но и противъ новой приближающейся опасности — противъ революціонной всеобщей стачки.

Миланскій опытъ показываетъ пролетаріату, какое огромное значеніе для успѣха «революціи» имѣла бы всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ, которая помѣшала бы «военной мобилизаціи».

Но это не ускользаетъ отъ вниманія и представителей буржуазіи. Большинство палаты представляетъ правительству право созывать «подъ знамя» запасныхъ, служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, почтѣ, телеграфѣ, оставляя ихъ при выполненіи желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ обязанностей; другими словами въ моментъ стачки правительство превращаетъ значительную часть стачечниковъ въ солдатъ,

подчиненныхъ военной дисциплинѣ. Стачка для нихъ равносильна дезертирству и карается по военнымъ законамъ.

Кромѣ того правительству предоставлено недостающій контингентъ служащихъ и рабочихъ пополнять солдатами, находящимися на дѣйствительной службѣ.

Либерально-рдаикальное министерство Цанарделли-Джіолитти прибѣгаетъ къ этимъ «мѣрамъ» во время всеобщей стачки желѣзнодорожныхъ служащихъ сѣверной Италіи въ февралѣ 1902 г.

«Мѣры» оказываются дѣйствительными, и стачка быстро разбивается.

Но понятно, что подобныя мѣры очень опасны не только для стачечниковъ, но и для буржуазіи съ ея правительствомъ. Въ моментъ сильнаго революціоннаго подъема служащіе и рабочіе не прекратятъ стачки даже и превращенные въ солдаты, но тогда это будетъ стачка *ожесточенная*, стачка съ сожженными позади кораблями. Кромѣ того въ эту стачку легко могутъ быть вовлечены и «солдаты на дѣйствительной службѣ». Между стачечниками и солдатами для буржуазіи очень опасно перекидывать хотя бы самый легкій и узкій мостъ.

Вообще итальянское правительство едва-ли не болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое, ведетъ опасную игру, превращая съ одной стороны рабочихъ-стачечниковъ во временныхъ солдатъ, съ другой солдатъ во временныхъ рабочихъ, замѣняющихъ стачечниковъ. Такъ, напримѣръ, въ теченіе 1900 года солдаты два раза командировались «на жатву» во время крупныхъ стачекъ жнецовъ и жницъ. При *такихъ* столкновеніяхъ съ солдатами рабочіе, навѣрное, окажутся побѣдителями, превративъ невольныхъ враговъ въ своихъ вольныхъ друзей.

Время «бунтовъ» въ Италіи проходитъ, стихаетъ и «пропаганда дѣломъ», пропаганда убійствами и взрывами*), но за то вступаютъ въ свои права стачки, при-

*) Убійства коронованныхъ и не коронованныхъ лицъ, взрывы государственныхъ и частныхъ зданій и пр., мы считаемъ *вредными* для классовой борьбы пролетаріата, но мы понимаемъ *трагизмъ* жизни лицъ, прибѣгающихъ къ этимъ средствамъ и мы не можемъ, конечно, относиться къ нимъ презрительно, и подобно Либкнехту, говорить, что «бомбу можетъ бросить *всякій оселъ*».

нимающія массовой характеръ, а вмѣстѣ съ ними крѣпнетъ рабочая организація и рабочая солидарность, которая нерѣдко величественно проявляется и среди рабочихъ, совершенно не организованныхъ. Въ итальянскомъ стачечномъ движеніи за послѣднее время усиленное участіе принимаютъ *сельскохозяйственные рабочіе* и имъ удается во многихъ случаяхъ значительно улучшить свое положеніе.

По статистикѣ, опубликованной въ 1902 году въ «Riforma Soziale», въ 1899 году въ итальянской деревнѣ было всего 9 стачекъ, а въ 1900 и 1901 годахъ деревенскія стачки были такъ многочисленны, что ихъ невозможно и сосчитать. Въ провинціи Навара происходило, напримѣръ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 127 стачекъ. Въ провинціи Мантуѣ стачками или ихъ угрозами 50.000 семей сельскихъ рабочихъ увеличили свой годовой заработокъ на 15%. Въ окрестностяхъ Пармы послѣ 70 стачекъ сельскіе рабочіе увеличили свой ежегодный заработокъ на 90 франковъ каждый. Въ провинціи Веронѣ въ 34 общинахъ заработокъ рабочихъ увеличился на 20%. Въ окрестностяхъ Верчелли «padroni» (хозяева) должны были уменьшить рабочій день съ 13 часовъ на 10.

«И въ этомъ родѣ движеніе идетъ отъ Альпъ до Сициліи.»

При итальянской системѣ «латифундій» стачка является превосходнымъ боевымъ оружіемъ въ рукахъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Въ виду осыпающагося хлѣба на корню хозяева становились обыкновенно «сговорчивы».

Очень многочисленны стачки и въ индустріи. Въ 1900 году было 383 стачки съ 80.858 стачечниками (74% мужчинъ, 20% женщинъ и 6% дѣтей). Изъ этихъ стачекъ только 39 кончились пораженіемъ рабочихъ. Хотя и рѣдко, но начинаютъ вспыхивать и стачки по симпатіи или солидарности. Среди стачекъ 1901 года особенно сильное впечатлѣніе на буржуазію произвели стачки портовыхъ рабочихъ въ Неаполѣ и Генуѣ, на время совершенно пріостановившія нагрузку и выгрузку судовъ, что, какъ всегда, при стачкахъ въ крупныхъ торговыхъ портахъ вызываетъ болѣе или менѣе сильное «потрясеніе» въ торговой политикѣ.

«Всеобщія стачки», останавливающія всѣ отрасли

производства въ данной мѣстности, находятся въ Италіи, еще въ стадіи нерѣшительныхъ попытокъ (въ Пизѣ, Флоренціи, Римѣ и т. д.). Но въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстностяхъ временами свирѣпствуетъ настоящая *стачечная «эпидемія»*. Неуспѣваетъ кончиться стачка въ одной отрасли производства, какъ вспыхиваетъ въ другой; нерѣдко, конечно, «больны» сразу нѣсколько производствъ.

Въ итальянскомъ стачечномъ движеніи начинаютъ принимать участіе даже и дѣти, которыхъ буржуазія до сихъ поръ эксплотировала особенно безпощадно.

Весной 1902 года въ Миланѣ забастовали 400 дѣвочекъ, работающихъ въ модныхъ магазинахъ. Для ихъ поддержки, изъ чувства солидарности и симпатіи, забастовало около 4.000 мальчиковъ рабочихъ въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ. Дѣти-стачечники устроили митингъ на «биржѣ труда», произносили тамъ рѣчи и выставили цѣлый рядъ требованій, касающихся охраны труда.

Однимъ словомъ, несомнѣнно, что итальянскій пролетаріатъ, какъ и пролетаріатъ другихъ странъ стачками спасается отъ «обнищанія» и стачками *воспитывается* къ выполненію своей великой освободительной и творческой задачи.

Для пониманія и оцѣнки рабочаго движенія въ **Швейцаріи**, необходимо принять во вниманіе огромное вліяніе на всю швейцарскую жизнь наплыва иностранцевъ. Швейцарія различными особенностями своей природы и своего общественнаго и политическаго устройства привлекала и привлекаетъ въ свои предѣлы иностранцевъ троякаго рода: богатыхъ путешественниковъ, бѣдныхъ рабочихъ и политическихъ эмигрантовъ.

Путешественники вызвали въ Швейцаріи обширный отельный промыслъ съ массою лакеевъ всевозможныхъ степеней. Этотъ промыслъ способствуетъ благосостоянію «средняго класса» и вноситъ въ психологію неимущихъ много чертъ, мѣшающихъ развитію пролетарскаго сознанія.

Рабочіе, являющіеся въ особенности изъ Италіи, представляютъ изъ себя живой революціонный эле-

ментъ, но онъ не сливается съ пролетаріатомъ швейцарскимъ уже по одному тому, что лишенъ въ противоположность рабочимъ швейцарцамъ всѣхъ политическихъ правъ и не огражденъ даже отъ самого грубаго произвола администраціи. Въ острые моменты классовой борьбы, швейцарскія власти не церемонятся съ рабочими иностранцами и высылаютъ неблагонадежныхъ съ буржуазной точки зрѣнія изъ предѣловъ Швейцаріи. За одинъ только 1902 годъ было выслано такимъ образомъ болѣе 1200 человѣкъ. Эта огромная разница въ политическихъ правахъ создаетъ между полноправными гражданами и лишенными всѣхъ правъ значительный антагонизмъ. Антагонизмъ усиливается и разницей въ потребностяхъ, обыкновенно болѣе низкихъ у рабочихъ пришлыхъ, которые поэтому вліяютъ на заработную плату въ смыслѣ ея пониженія. Конечно, все это не имѣло бы большого значенія, еслибы пришлые рабочіе составляли лишь небольшой процентъ всего пролетаріата, эксплуатируемаго на швейцарской территоріи, и могли раствориться въ пролетаріатѣ туземномъ; но дѣло въ томъ, что въ очень многихъ отрасляхъ рабочіе иностранцы составляютъ большинство, какъ, напримѣръ, среди строительныхъ рабочихъ, землекоповъ, каменьщиковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, пивоваровъ и т. д.*)

Разница правового положенія и антагонизмъ между пролетаріями туземными и пришлыми очень затрудняютъ организацію рабочого класса въ Швейцаріи и отчасти парализуютъ благопріятныя условія ея демократическаго устройства.

Что касается, наконецъ, политическихъ эмигрантовъ, среди которыхъ въ свое время въ Швейцаріи было очень много очень выдающихся агитаторовъ, то они конечно имѣли и имѣютъ вліяніе на швейцарское рабочее движеніе лишь постольку, поскольку они принимаютъ въ немъ непосредственное участіе. Надо впрочемъ замѣтить, что въ общемъ дѣятельность даже такого исключительнаго и геніальнаго агитатора, какимъ былъ Вильгельмъ Вейтлингъ, въ концѣ концовъ

*) Данныя для рабочаго движенія Швейцаріи мы беремъ преимущественно изъ статей Otto Lang въ «Sozialistische Monatshefte» 1901 № 10, 11 и въ «Die Neue Zeit», 1903, № 34.

не оставила почти никакихъ слѣдовъ. И въ Швейцаріи, какъ и повсюду, сознаніе и сила рабочаго класса развиваются самимъ процессомъ его борьбы въ условіяхъ и съ условіями капиталистическаго производства. Въ этой борьбѣ швейцарскій пролетаріатъ начинаетъ понимать, что «вся демократія—говоря словами Юлія Фребеля — глупость, если народъ не можетъ быть поставленъ въ положеніе, которое позволяетъ массамъ принять цѣльное, полное, радостное участіе въ политической жизни»; и швейцарскій пролетаріатъ начинаетъ понимать, что — говоря словами Ланге — «формальное равенство, которое создаетъ демократія, не можетъ дать никакой охраны противъ соціальной несвободы и многообразной неправды и нищеты, сопровождающихъ ее».

Въ Швейцаріи во второй половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія капиталистическое производство достигло развитія достаточнаго для сознательной классовой борьбы пролетаріата. Въ это время быстро возростаютъ силы и значеніе рабочихъ стачекъ. Въ первой половинѣ 60 хъ годовъ въ годъ бывало не болѣе 3-хъ, 4-хъ стачекъ, въ 1868 году ихъ число поднялось до 13, а въ 1869 году до 26. Особенно большое значеніе для швейцарскаго рабочаго движенія имѣли двѣ побѣдоносныя стачки 1869 года, одна въ Женевѣ, другая въ Базелѣ. Въ Женевѣ 3.000 строительныхъ рабочихъ добились пониженія рабочаго времени съ 12 часовъ на 11. Въ Базелѣ рабочіе въ шелковой промышленности добились повышенія заработной платы. Въ обоихъ случахъ иностранныя секціи Интераціонала оказали значительную денежную поддержку. «Это доказательство международной солидарности и благопріятный исходъ движенія — говоритъ Ланге — завоевали Интернаціоналу у швейцарскихъ рабочихъ большое уваженіе и довѣріе». Вліянію Интернаціонала на швейцарскій пролетаріатъ способствовало конечно и то, что, большинство конгрессовъ Интернаціонала (женевскій базельскій, лозанскій) происходили въ Швейцаріи. Швейцарская секція Интернаціонала — юрская федерація—проявила, какъ извѣстно, большую живучесть. Она стояла на сторонѣ федералистовъ и считала главнымъ средствомъ борьбы пролетаріата всеобщую стачку. Съ тѣхъ поръ идея всеобщей стачки упорно продол-

жаетъ жить въ кругахъ сознательнаго швейцарскаго пролетаріата, вѣрнѣе, пролетаріата, трудящагося на швейцарской территоріи, такъ какъ среди пришлыхъ, «лишенныхъ правъ», рабочихъ она имѣетъ гораздо больше успѣха, чѣмъ между полноправными швейцарскими гражданами. Но проведенію въ жизнь этой идеи мѣшали различныя особенности Швейцаріи, отчасти указанныя нами выше. Въ массовыхъ стачкахъ однако недостатка не было, и онѣ принимали иногда такой «зловѣщій» для буржуазіи характеръ, что она выставляла противъ стачечниковъ свою демократическую полицію и милицію. Въ 1875-мъ году милиція «усмиряла» ружейными залпами стачку рабочихъ, строившихъ сенъ-готтардскую желѣзную дорогу; въ 1889 г. милиція была выставлена противъ стачки типографскихъ рабочихъ въ Бернѣ; въ 1901 г. противъ стачки рабочихъ, прорывающихъ симплонскій тунель, наконецъ въ 1902 году противъ всеобщей стачки въ Женевѣ.

Женевская стачка 1902 года была въ Швейцаріи первой, которая дѣйствительно заслуживаетъ названія всеобщей. Подробное описаніе этой стачки читатель можетъ найти въ моей брошюрѣ «Всеобщія стачки».

Какъ большинство всеобщихъ стачекъ, женевская забастовка 1902 года непосредственно окончилась побѣдой буржуазіи. Но тѣмъ не менѣе она несомнѣнно принесла огромную пользу дѣлу освобожденія рабочаго класса: она показала пролетаріату, сколько грубого деспотизма кроется въ самой демократической буржуазной свободѣ, когда дѣло коснется не только священной собственности, но и священной прибыли; она вызвала поразительный порывъ пролетарской солидарности, значительно ослабивъ антагонизмъ между полноправными и лишенными правъ, она дала серьезный толчекъ къ борьбѣ противъ милитаризма, противъ военной службы во всѣхъ ея формахъ до милиціи и «вооруженнаго народа» включительно; она пошатнула идола «законности», которому особенно усиленно поклоняются въ «демократическихъ» государствахъ. Что послѣ этой «неудачной» стачки женевскій пролетаріатъ нисколько не палъ духомъ, показываетъ упорная, продолжительная стачка строительныхъ рабочихъ,

длившаяся всю осень 1903 г. Стачечники заставили часть хозяевъ уступить, но наиболѣе крупные предприниматели продолжали упорствовать; тогда часть стачечниковъ по соглашенію со всѣми товарищами рѣшила лучше совершенно покинуть Женеву, чѣмъ возвращаться на работу при старыхъ условіяхъ. Во все время стачки превосходно функціонировала «коммунистическая» столовая, которую поддерживали своими взносами организованные рабочіе другихъ профессій.

Стачка женевскихъ строительныхъ рабочихъ имѣла еще и ту хорошую сторону, что «убила» «законъ о коллективныхъ конфликтахъ», которымъ буржуазные демократы и «соціалдемократы» милльерановскаго пошиба надѣялись уничтожить стачечное движеніе. Стачечники игнорировали этотъ законъ, несмотря на то, что на страницахъ нѣкоторыхъ «соціалдемократическихъ» органовъ «вожаки» торжественно заявляли: «Существуетъ законъ, и такъ какъ онъ существуетъ, обязанность каждаго гражданина ему подчиняться».

Вообще для политическаго воспитанія швейцарскаго и въ особенности женевскаго пролетаріата стачки 1902 и 1903 года сдѣлали очень много, научивъ, если не всѣхъ, то все же значительную часть рабочихъ подъ радикальными и демократическими оболочками видѣть буржуазную сущность.

Въ ближайшемъ будущемъ швейцарской буржуазіи придется, вѣроятно, пережить еще болѣе крупныя всеобщія стачки, чѣмъ стачка 1903 года, и какъ бы не были «блестящи» ея побѣды, эти «возстанія производителя на почвѣ производства» неминуемо приведутъ къ уничтоженію ея господства и созданію *новаго великаго Интернаціонала* уже не для борьбы съ буржуазіей, а для соціалистическаго творчества освобожденнаго пролетаріата.

Въ рабочемъ движеніи **Франціи** такъ много грандіозныхъ уличныхъ сраженій съ баррикадами и потоками крови, что для поверхностнаго взгляда почти незамѣтно стачечное движеніе, но въ дѣйствительности оно и во Франціи играло огромное значеніе и тѣсно связано со многими самыми трагическими про-

явленіями революціонной борьбы французскаго пролетаріата.

Уже «при старомъ режимѣ» стачки были довольно многочисленны и сопровождались кровавыми столкновеніями рабочихъ съ полиціей и войсками. Особенно крупными были стачки рабочихъ шелковой промышленности въ Ліонѣ въ 1744 г. и 1752 г.; кузнецовъ въ Сентъ-Этьенѣ въ 1752 г.; суконщиковъ въ Руанѣ въ 1736 г., въ 1744 г. и въ 1772 году; суконщиковъ въ Нимѣ въ 1787 г.; суконщиковъ въ Амьенѣ въ 1772 г.; рабочихъ бумажнаго производства въ Дофинэ въ 1724 году и въ Парижѣ въ 1783 г.; портныхъ, сапожниковъ, плотниковъ и типографщиковъ въ Парижѣ въ 1789 г., незадолго до собранія генеральныхъ штатовъ *). Правительство стараго режима смотрѣло на стачки, какъ на опасное преступленіе противъ существующаго строя; совершенно также смотрѣли на стачки и всѣ правительства новаго режима, какъ революціонныя, такъ и реакціонныя. Какъ извѣстно, уже учредительное собраніе великой французской революціи закономъ 14 іюня 1791 г. запретило рабочіе союзы и совмѣстную защиту рабочими своихъ экономическихъ интересовъ. Это запрещеніе было отмѣнено лишь въ 1864 г. Но разумѣется отсутствіе коалиціонной свободы затрудняло, но не останавливало развитіе классовой борьбы путемъ стачекъ. Стачки пріобрѣтали во Франціи значеніе орудія борьбы между двумя классами въ той же мѣрѣ, въ какой, подъ вліяніемъ развитія крупной капиталистической промышленности, «народъ» все болѣе и болѣе распадался на два класса съ опредѣленными и явно противоположными интересами, на буржуазію и пролетаріатъ.

Первымъ великимъ историческимъ столкновеніемъ этихъ двухъ классовъ было ліонское возстаніе 1831 г. Въ основѣ этого знаменитаго возстанія лежало столкновеніе между рабочими и хозяевами на чисто экономической почвѣ. Вслѣдствіе кризиса 1830 г., вызваннаго іюльской революціей, хозяева ліонскихъ шелковыхъ фабрикъ, не желая уменьшать своей прибыли,

*) Многія данныя для стачечнаго движенія во Франціи мы беремъ изъ книги Paul Louis: «Histoire du socialisme français». Paris, 1901 г.

уменьшили заработную плату, которая и безъ того была еле достаточна, чтобы не умереть съ голоду. Рабочіе добились отъ городского муниципальнаго совѣта и префекта созванія соединеннаго собранія делегатовъ отъ фабрикантовъ и рабочихъ; собраніе установило минимумъ заработной платы, префектъ принялъ это рѣшеніе, но фабриканты отказались принять установленный делегатами минимумъ и, предупреждая стачку рабочихъ, прибѣгли къ локауту, т. е. сами закрыли фабрики и мастерскія.

Въ отвѣтъ на указаніе, что у рабочихъ нѣтъ хлѣба и, что они должны умирать съ голоду, нѣкоторые изъ фабрикантовъ цинично заявляли: «Если у нихъ нѣтъ въ животѣ хлѣба, мы воткнемъ туда штыки». Тогда тридцать тысячъ ткачей поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и густыми толпами двинулись изъ рабочаго предмѣстья Croix Rousse на центральныя улицы Ліона. Ихъ девизъ былъ начертанъ на черномъ знамени, которое они несли впереди: «Умереть, сражаясь или жить, работая». У нихъ не было руководителей. Исторія не записала имени ни одного вождя, ни одного героя, ибо они всѣ были героями. У нихъ не было догмы, имъ никто не вносилъ извнѣ классового сознанія. Они двигались, крѣпко держась другъ друга, повинуясь инстинктивному чувству классовой солидарности и своею обильно пролившеюся кровью они начертали одну изъ первыхъ страницъ пролетарскаго соціализма. «Это было первое событіе—говоритъ Поль Луи—долгой экономической борьбы, которая съ тѣхъ поръ продолжалась безпрерывно. Впервые истинный народъ, тотъ, который живетъ своей ежедневной работой, поднялъ оружіе за свое собственное дѣло внѣ всякаго посторонняго руководительства». На встрѣчу ткачамъ двинулась со своими штыками вѣрная стража буржуазіи, національная гвардія, но она не могла ни остановить, ни разсѣять толпы, залившей, какъ могучая волна, буржуазный городъ. Властямъ вмѣстѣ съ войсками пришлось оставить Ліонъ.

Это было 21 декабря 1831 года. Второй городъ Франціи цѣлыхъ десять дней находился въ рукахъ возставшихъ рабочихъ. Но для рѣшительной побѣды нужна была солидарность не однихъ ліонскихъ ткачей, а солидарность всего трудящагося люда Франціи, а

для созданія этой солидарности нужно было еще много битвъ, еще много крови, еще много временныхъ пораженій. Вся французская буржуазія со всѣмъ своимъ государствомъ, со всѣми своими властями явилась на помощь ліонскимъ фабрикантамъ. Парламентъ въ адресѣ королю единогласно требовалъ рѣшительныхъ мѣръ противъ «ліонской анархіи». Характерно, что уже при этой первой открытой битвѣ между двумя классами выступаетъ страшное слово «анархія», которое съ тѣхъ поръ играетъ такую большую роль во французскомъ революціонномъ движеніи.

«Собственность—заявлялъ парламентъ—нарушена въ самомъ своемъ принципѣ, свободѣ промышленности грозитъ разрушеніе. Король можетъ разсчитывать на содѣйствіе всѣхъ, чтобы задушить всѣ зачатки анархіи, укрѣпить всѣ священные принципы, на которыхъ покоится само существованіе общества».

Черезъ нѣсколько дней въ Ліонъ вступила сильная армія подъ командою одного изъ королевскихъ принцевъ и маршала Суля. Возстаніе было затоплено въ потокахъ рабочей крови. Но эта кровь лишь укрѣпила чувства солидарности, съ такой элементарной силой проявившейся 21 декабря. Рабочіе начинаютъ организоваться въ тайные союзы и открытыя общества взаимопомощи. Въ 1834 г. рабочая солидарность проявляется въ Ліонѣ всеобщей стачкой ткачей. Правительство спѣшитъ закрыть общества взаимопомощи и арестовать рабочихъ вожаковъ. Тогда снова вспыхиваетъ возстаніе. 9-го апрѣля въ ліонскомъ рабочемъ предмѣстьѣ Croix Rousse начинается сраженіе между рабочими и войсками. Плохо вооруженные ткачи съ необычайною стойкостью выдерживаютъ натискъ въ 15.000 регулярныхъ войскъ съ сильной артиллеріей. Сраженіе длится четыре дня, убитыхъ болѣе 1.200 человѣкъ. Рабочіе сломлены, хотя на этотъ разъ ихъ возстаніе отозвалось и въ Парижѣ, гдѣ произошло сраженіе на улицѣ Трансноненъ, окончившееся тоже побѣдою правительственныхъ войскъ.

За декабремъ 1831 г. и апрѣлемъ 1834 г. слѣдуетъ знаменитый іюнь 1848 г.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ извѣстныхъ своимъ трагизмомъ іюньскихъ дняхъ, но укажемъ, что и здѣсь столкновеніе началось на экономи-

ческой почвѣ между правительствомъ — хозяиномъ національныхъ мастерскихъ и работавшими тамъ пролетаріями. Возстаніе было отвѣтомъ на закрытіе мастерскихъ и его девизомъ, какъ девизомъ декабря 1831 года было: «Умереть, сражаясь или жить, работая». Для буржуазіи и это возстаніе было анархіей, и она противоставила ему свой девизъ: порядокъ.

«*Порядокъ!* кричитъ Кавеньякъ, грубое эхо французскаго Національнаго Собранія и республиканской буржуазіи. *Порядокъ!* гремѣла его картечь, разрывая въ клочья тѣло пролетаріата. Ни одна изъ многочисленныхъ революцій французской буржуазіи съ 1789 года не была покушеніемъ на *порядокъ*, такъ какъ онѣ оставляли нетронутымъ господство буржуазіи и рабство рабочихъ, не касались *буржуазнаго* порядка и измѣняли лишь политическую форму этого господства и этого рабства. Іюньское возстаніе посмѣло коснуться этого порядка. Горе Іюню!»

Буржуазный порядокъ необходимо включаетъ въ себѣ смерть, или голодъ безъ работы, ему необходима резервная армія голодающихъ, безработныхъ. Въ тотъ моментъ, когда всякій получитъ возможность жить полною жизнью, жить, работая,—въ тотъ моментъ конецъ порядку буржуазіи, въ тотъ моментъ наступитъ свобода пролетаріата.

Въ этотъ революціонный 48-ой годъ у многихъ сознательныхъ французскихъ пролетаріевъ возникла мысль о «*всеобщей стачкѣ*», какъ средствѣ разрушенія буржуазнаго «порядка», но она не была приведена въ исполненіе, такъ какъ во-первыхъ связь между французскими пролетаріями различныхъ мѣстъ и профессій не была еще достаточна, во-вторыхъ многія отрасли капиталистическаго хозяйства, особенно важныя длд осуществимости всеобщей стачки, какъ напримѣръ, желѣзныя дороги, были еще въ зародышѣ, однимъ словомъ, вообще капиталистическая почва во Франціи не была еще подготовлена для всеобщихъ стачекъ.

Но стачечное движеніе послѣ 1848 г. продолжало безостановочно развиваться, укрѣпляя солидарность пролетаріата всей Франціи, всѣхъ профессій; въ то же время и промышленное развитіе дѣлало капиталистическій порядокъ все болѣе чувствительнымъ къ

массовымъ стачечнымъ ударамъ. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Наполеона III было полно крупными стачками въ различныхъ промышленныхъ центрахъ Франціи, стачками съ революціонными демонстраціями, баррикадами и жестокими кровавыми усмиреніями. Это стачечное движеніе несомнѣнно сыграло важную роль въ разрушеніи имперіи.

Война 1870—71 г., парижская Коммуна съ ея трагической смертью, торжество буржуазіи подъ видомъ торжества демократической республики — все это на время какъ бы ошеломило и парализовало революціонныя силы французскаго пролетаріата, но вскорѣ онѣ снова пробудились. Пробужденіе ознаменовалось съ одной стороны рядомъ анархическихъ покушеній, которыя прогремѣли, напугавъ буржуазію, но не принеся пролетаріату рѣшительно никакой пользы, съ другой, развитіемъ синдикальнаго движенія*) и ростомъ стачекъ, которыя все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ всеобщихъ, потрясая порядокъ не только въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, но и въ деревняхъ.

Такъ, напримѣръ, въ теченіе одного 1899 г. во Франціи было около 750 стачекъ, въ которыхъ участвовало около 180.000 рабочихъ. Въ новомъ столѣтіи стачечное движеніе приняло еще болѣе угрожающіе размѣры. Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ стачекъ послѣдняго времени была всеобщая стачка углекоповъ въ октябрѣ 1902 г., описаніе которой читатель можетъ найти въ нашей брошюрѣ «Всеобщія стачки». Укажемъ здѣсь только, что въ этой стачкѣ участвовало 120.000 углекоповъ, которыхъ поддерживали не только французскіе рабочіе, но отчасти и рабочіе иностранные и, что она не принесла результатовъ, соотвѣтствующихъ силѣ солидарности, проявленной пролетаріатомъ, отчасти потому, что нѣкоторые парламентскіе соціалисты приложили всѣ усилія, чтобы пріостановить борьбу пресловутымъ третейскимъ судомъ. Вскорѣ послѣ этой стачки забастовали вольнонаемные матросы въ Марселѣ, не пожелавшіе слушать краснорѣчивыхъ парламентскихъ ораторовъ и прибѣгать къ

*) Рабочіе союзы во Франціи называются синдикатами.

правительственному посредничеству, и имъ не пришлось въ этомъ раскаиваться, такъ какъ въ концѣ концовъ они добились гораздо большаго, чѣмъ углекопы. *) Вообще французскіе портовые рабочіе предпочитаютъ вести борьбу за улучшеніе своего положенія безъ всякихъ посредниковъ, и хозяевамъ приходится нерѣдко уступать, такъ какъ портовые рабочіе, особенно марсельскіе всегда на сторожѣ, всегда готовы къ новому бою. Они много сдѣлали въ смыслѣ усовершенствованія средствъ экономической борьбы пролетаріата. Такъ, напримѣръ, весною 1903 г. въ томъ же Марселѣ портовые рабочіе уменьшили продолжительность рабочаго дня, не устраивая стачки, а самовольно прекращая работу ежедневно часомъ раньше. Разумѣется и чувство солидарности по отношенію ко всему борющемуся пролетаріату у французскихъ портовыхъ рабочихъ развито очень сильно. Въ значительной степени поддержкѣ портовыхъ рабочихъ Лоріана обязана своимъ успѣхомъ стачка металургическихъ рабочихъ въ бретанскомъ городкѣ Эннебонѣ, продолжавшаяся около полутора мѣсяца, съ конца іюня до начала августа 1903 г. Дѣло шло о ежедневной прибавкѣ въ 25 сант. 87 металургическимъ рабочимъ, матерьяльное положеніе которыхъ было особенно печально. Для тѣхъ интеллигентныхъ революціонеровъ, которые презрительно говорятъ о жалкой копейкѣ на рубль, въ данномъ случаѣ не изъ за чего было волноваться. Но иначе посмотрѣли на дѣло настоящіе пролетаріи: не говоря уже о томъ, что въ интересахъ 87 товарищей забастовали всѣ 1700 рабочихъ соотвѣтствующей фабрики, въ конфликтѣ приняло живое участіе и почти все рабочее населеніе Эннебана и сосѣдняго Лоріана. Съ своей стороны буржуазія выдвинула противъ стачечниковъ всѣ свои силы: полицію, войско, суды, но ничто не помогло.

«Или мы получимъ удовлетвореніе — говорили стачечники — или насъ придется арестовать и уничтожить до послѣдняго». Въ Лоріанѣ толпы рабочихъ пытались освободить арестованныхъ изъ тюрьмы и

*) Подъ вліяніемъ марсельской стачки морской министръ Пелле-танъ ввелъ при работахъ въ мастерскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ морскаго министерства, 8 часовой рабочій день.

держали въ осадѣ судей, вынесшихъ по обыкновенію жестокіе приговоры противъ арестованныхъ стачечниковъ. Положеніе приняло такіе угрожающіе размѣры, что правительство, какъ представитель всего буржуазнаго класса, убѣдило компанію завода, на которомъ происходила стачка, уступить рабочимъ; и даже судьи принуждены были смягчить свой приговоръ. Это побѣдоносное движеніе прошло безъ всякаго участія политическихъ вождей. «Въ теченіе 40 дней стачка съ ея 50 организованными собраніями — говоритъ органъ Всеобщей Конфедераціи труда — не выступилъ съ рѣчью ни одинъ политикъ, ни одинъ журналистъ, ни одинъ депутатъ».

Этого никакъ нельзя сказать про всеобщую стачку ткачей, происходившую осенью 1903 г. на сѣверѣ Франціи. Здѣсь съ многочисленными рѣчами выступало необычайно много политиковъ, депутатовъ и журналистовъ, но не въ этихъ рѣчахъ значеніе послѣдняго «возстанія» французскихъ ткачей.

Ткачи и прядильщики долины Лиса, работающіе на фабрикахъ въ Армантьерѣ, Уплинѣ, Лилѣ, Рубэ и т. д., составляютъ едва ли не самую обездоленную часть французскаго пролетаріата. Про нихъ можно сказать, что они не живутъ, а медленно умираютъ въ тяжеломъ трудѣ. Еще Бланки, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, въ яркихъ краскахъ рисовалъ ужасную судьбу этихъ ткачей, ткавшихъ тонкія полотна для буржуазныхъ приданыхъ, а себѣ и своимъ дѣтямъ грубый саванъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ изъ каждыхъ 70 дѣтей, родившихся у ткачей сѣверной Франціи, лишь одинъ достигалъ возраста 5 лѣтъ, 69 умирало раньше. Ужасные подвалы Лиса, гдѣ въ немногіе часы сна лежали въ повалку мужчины, женщины и дѣти, возвращавшіеся изъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ, послужили темой для одного изъ самыхъ сильныхъ по чувству возмущенія стихотвореній Виктора Гюго въ его «Возмездіяхъ».

Конечно и въ этой страшной нищетѣ зарождался и развивался духъ протеста и борьбы, конечно несчастные изъ несчастныхъ устраивали стачки и нерѣдко вырывали у хозяевъ тѣ или другія уступки, но на сторонѣ хозяевъ были машины, которыя въ ткацкомъ производствѣ совершенствовались особенно быстро:

изобрѣтенія выбрасывали тысячи рабочихъ изъ фабрикъ и замѣняли непокорныхъ взрослыхъ рабочихъ болѣе покорными женщинами и дѣтьми. Въ результатѣ положеніе ткачей и прядильщиковъ сѣверной Франціи за время столѣтней борьбы, которую они ведутъ со своими хозяевами, улучшилось очень незначительно, такъ что и въ настоящее время большинство изъ нихъ влачитъ существованіе, которое трудно назвать человѣческою жизнью. Но, если ихъ матерьялькое положеніе улучшилось очень мало, то классовое сознаніе съ боевою солидарностью достигло въ настоящее время очень высокаго развитія, какъ это показала октябрская стачка 1903 г. Поводомъ къ стачкѣ послужило заявленіе фабрикантовъ о невозможности сохранить прежнюю заработную плату послѣ того, какъ войдетъ въ силу (1 апрѣля 1904 г.) постановленіе закона Мильерана-Кальяра о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ. Эта угроза уменьшить и безъ того голодную заработную плату освѣжила въ душахъ ткачей массу всевозможныхъ вопіющихъ обидъ и несправедливостей, причиняемыхъ имъ хозяевами. Они потребовали, чтобы тарифъ заработной платы, завоеванный ими еще въ 1889 г., былъ дѣйствительно примѣненъ на всѣхъ фабрикахъ, а не только на нѣкоторыхъ, какъ это было до сихъ поръ; они потребовали устраненія всевозможныхъ хозяйскихъ ухищреній, которыми урѣзывалась условленная заработная плата, они хотѣли законнаго сокращенія рабочаго дня, но не соглашались на уменьшеніе платы и т. д.

Стачка вспыхнула въ Армантьерѣ и Уплинѣ, гдѣ почти одновременно встало около 15.000 ткачей и прядильщиковъ. Она была совершенной неожиданностью для вожаковъ-соціалистовъ, принадлежавшихъ къ двумъ политическимъ фракціямъ гэдистовъ и жоресистовъ. Гэдисты, засѣдавшіе въ совѣтѣ федераціи текстильныхъ рабочихъ, были крайне недовольны этимъ движеніемъ, вспыхнувшимъ безъ ихъ разрѣшенія и пустили въ ходъ все свое вліяніе, чтобы не дать разрастись движенію во всеобщую стачку, вопросъ о полезности которой не былъ еще ими разсмотрѣнъ. Жоресисты взяли стачку подъ свое покровительство и проявили не мало энергіи, чтобы убѣдить рабочихъ не выходить изъ предѣловъ, установленныхъ законами и

распоряженіями придержащихъ властей. Но энергія и жоресистовъ, и гэдистовъ была совершенно ничтожной по сравненію съ энергіей правительства, котовое при первомъ же извѣстіи о стачкѣ, затопило мѣстность войсками всѣхъ родовъ оружія. Не смотря на это стачка быстро разлилась по всей долинѣ Лиса и превратилась во *всеобщую*. Стачечники раздѣлились на группы и двинулись въ сосѣдніе города и деревни, повсюду останавливая работу. Каждый отрядъ быстро возрасталъ, такъ какъ къ нему присоединялись новые забастовщики. Поразительную картину, судя по газетнымъ сообщеніямъ, представляли эти процессіи «возставшихъ» пролетаріевъ, гдѣ старые и молодые ткачи шли рядомъ съ дѣвушками и женщинами, несшими на рукахъ малолѣтнихъ дѣтей. Воздухъ оглашался пѣніемъ «Интернаціонала» и «Краснаго Знамени» и, какъ бы повинуясь этимъ величавымъ звукамъ, повсюду, гдѣ проходили процессіи, замолкалъ фабричный шумъ, гасли фабричные огни...

Стачка распространилась на Лиль, Рубэ и рядъ другихъ городовъ сѣвернаго департамента. Въ Армантьерѣ нѣсколько дней были закрыты всѣ фабрики, мастерскія и магазины. Между стачечниками и войсками нерѣдко происходили стычки, при чемъ рабочіе устраивали баррикады и заграждали путь конницѣ протянутыми проволоками, сорванными съ телеграфныхъ и телефонныхъ столбовъ. Не обошлось дѣло и безъ оскорбленія «священной собственности». Изъ нѣкоторыхъ фабрикъ вылетали куски полотна и развѣвались въ воздухѣ, какъ громадныя серпантины, которыя такъ забавляютъ веселящуюся буржуазію. Рабочіе «серпантины» были не такъ забавны. Вскорѣ послѣ начала стачки фабриканты вступили въ переговоры съ «стачечнымъ комитетомъ», но вели ихъ такъ«дипломатично», прибѣгая къ такимъ увертками и задержкамъ, что негодованіе армантьенскихъ стачечниковъ вырвалось стихійно-революціоннымъ порывомъ.

13 октября, черезъ 10 дней послѣ начала стачки, огромная толпа манифестантовъ съ криками: «тарифъ или смерть!», «Да здравствуетъ всеобщая стачка!» заполняетъ площадь около меріи, и требуетъ обѣщаннаго отвѣта хозяевъ. Отвѣта нѣтъ, и толпа безъ всякаго предварительнаго соглашенія, безъ чьихъ нибудь

призывовъ бросается на главную улицу, улицу роскошныхъ магазиновъ и банковъ, и въ какихъ нибудь десять минутъ повсюду зеркальныя стекла разбиты, двери сломаны, магазины и банки заполнены толпою голодныхъ стачечниковъ, среди которыхъ особенно много женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей. Вопли, крики смѣшиваются съ революціонными пѣснями, на улицу летятъ, развѣваясь въ воздухѣ куски матерій, зеркала, денежные ящики. Но вдали ужъ слышится лошадиный топотъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ толпу врѣзываются жандармы и драгуны. Лошади топчутъ женщинъ и дѣтей, толпа бѣжитъ, порядокъ возстановленъ. Но къ вечеру около меріи снова собирается десятитысячная толпа. Городъ погруженъ въ темноту: стачечники не допустили зажечь фонари. Во многихъ мѣстахъ разобрана мостовая и протянуты проволоки, чтобъ затруднить движеніе конницы. Съ одной стороны слышатся звуки «Интернаціонала», съ другой, бряцаніе оружія, нетерпѣливое ржаніе лошадей. Наконецъ раздается зловѣщій звукъ рожка, предупреждающаго объ атакѣ, и въ это же время небо заливается заревомъ отъ вспыхнувшаго пожара. Второй сигналъ, третій — и атака началась...

Подобные же взрывы происходили въ Рубэ, Хазебрукѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ въ районѣ «возстанія». Но эти вспышки не разлились въ широкое революціонное пламя, онѣ быстро потухли подъ вліяніемъ уступокъ, которыя испуганная палата депутатовъ заставила сдѣлать армантьенскихъ и уплинскихъ фабрикантовъ.

Послѣ шести недѣль забастовки армантьенскіе и и уплинскіе ткачи вернулись на фабрики побѣдителями. Ихъ матеріальное положеніе, вѣроятно, улучшится, но улучшится едва замѣтно. Ихъ классовое сознаніе несомнѣнно повысится и повысится очень замѣтно.

Этой стачкой разбита популярность многихъ политиковъ, враговъ всеобщей стачки, но среди рабочихъ ея идея пріобрѣла многихъ сознательныхъ сторонниковъ, и трагическіе октябрскіе дни въ Армантьерѣ не прошли безслѣдно какъ для пролетаріевъ въ блузахъ, такъ и для пролетаріевъ въ военныхъ мундирахъ. Во время стычекъ рабочіе постоянно кричали солдатамъ:

«Вотъ наша грудь, но вы наши братья, вы не рѣшитесь стрѣлять въ нее». Эти возгласы, эти сцены не могли пройти безслѣдно для солдатъ и возможно, что близко уже то время, когда «Интернаціоналъ», начатый стачечниками, будетъ подхваченъ солдатами.

Развитіе стачечнаго движенія дало твердую основу французскимъ теоретикамъ «всеобщей стачки». Въ 1848 г. идея всеобщей стачки была, по выраженію Энгельса, «парадною лошадью» нѣсколькихъ соціалистовъ-утопистовъ, теперь она жизненный двигатель быстро развивающагося революціонно-синдикальнаго рабочаго движенія. Въ то время, какъ различныя фракціи французскихъ соціалистовъ-политиковъ хирѣютъ, мельчаютъ или пропитываются буржуазнымъ духомъ, революціонное-синдикальное движеніе, находящее себѣ выраженіе во «Всеобщей Конфедераціи Труда» бодро подымаетъ обновленное знамя «Интернаціонала», стараясь укрѣпить его прежде всего на французской почвѣ.

«Всеобщая Конфедерація Труда» объединяетъ на федеративныхъ началахъ мѣстныя рабочія организаціи (синдикаты, биржи труда и т. д.). На ея VII конгрессѣ, происходившемъ въ Монпельѣ, были представители отъ 449 рабочихъ организацій. Ея задача — во-первыхъ объединить работниковъ, связавъ всѣ ихъ союзы и организаціи въ *партію класса*, въ партію труда, на «твердой почвѣ экономическихъ интересовъ» независимо отъ политическихъ дѣятелей; во вторыхъ — направить новую партію труда *къ прямому дѣйствію* во всѣхъ формахъ противъ силъ эксплуатаціи и угнетенія (капитала и государства) и подготовить соціальное преобразованіе путемъ *всеобщей стачки*, которая, внеся въ капиталистическое общество дезорганизацію, разложеніе, позволитъ трудящимся взять въ свое распоряженіе общественное производство.

Для пропаганды «всеобщей стачки» въ «конфедераціи» имѣется особая «комиссія стачекъ и стачки всеобщей»; эта комиссія стоитъ въ посторонней связи съ мѣстными стачечными комитетами.

Конфедерація различаетъ всеобщую стачку *реформирующую* и всеобщую стачку *экспропріирующую*.

Реформирующія всеобщія стачки направлены на достиженіе частичныхъ улучшеній въ положеніи ра-

бочаго класса; онѣ стремятся вырвать уступки у буржуазіи и ея государства и въ то же время подготовляютъ рабочій классъ къ всеобщей стачкѣ *экспропріирующей*, которая кладетъ конецъ капиталистическому строю эксплоатаціи и угнетенія, экспропріируя экспропріаторовъ.

Черезъ реформирующія стачки пролетаріатъ приходятъ къ стачкѣ экспропріирущей.

Рабочія организаціи, входящія въ «конфедерацію» уже теперь стараются основательно разобраться въ вопросѣ о томъ, что дѣлать въ случаѣ побѣдоносной стачки экспропріирующей? Обсужденіе этого вопроса является конечно необходимымъ разъ о «соціальной революціи», объ «экспропріаціи экспропріаторовъ» говорится серьезно, искренно, а не просто изъ «дипломатіи».

Въ **Бельгіи** идея всеобщей стачки имѣла довольно много сторонниковъ еще въ 1848 г., но попытки путемъ всеобщей стачки добиться измѣненія политическаго строя, въ частности введенія всеобщей подачи голосовъ, сдѣлались возможными лишь тогда, когда бельгійскій пролетаріатъ достаточно воспитался стачками экономическими. За вторую половину прошлаго столѣтія Бельгія пережила много крупныхъ экономическихъ стачекъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись одновременно и бурныя, и упорныя стачки углекоповъ.

Въ 80-хъ годахъ въ бельгійскомъ рабочемъ классѣ начало пробуждаться политическое сознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность воздѣйствовать на политическую жизнь путемъ участія въ парламентскихъ и общинныхъ выборахъ, но для этого прежде всего было необходимо *завоевать* право голоса. Началась политическая борьба, и въ этой борьбѣ пролетаріатъ естественно прибѣгъ къ тому средству, которымъ онъ научился пользоваться, отстаивая свое существованіе отъ безудержной эксплуатаціи хозяевъ, онъ прибѣгъ къ стачкѣ. Политическая всеобщая стачка не была навязана ему сверху его интеллигентными вожаками, она была не столько результатомъ пропаганды и агитаціи, сколько стихійнымъ порывомъ, порожденнымъ всѣми условіями жизни пролетаріата. И въ 1893 г. и въ 1902 г. вожакамъ приходилось «декретировать»

всеобщую стачку уже тогда, когда пламя ея, независимо отъ нихъ, охватывало широкіе слои рабочаго класса. Вожаки въ обоихъ случаяхъ сдѣлали гораздо больше для пріостановки стачечнаго движенія, чѣмъ для возбужденія его. Въ 1893 г. стачка прекратилась, не успѣвъ еще разлиться по всей странѣ, но тѣмъ не менѣе она была, если не полной, то все же значительной побѣдой пролетаріата, получившаго доступъ къ избирательной урнѣ, хотя и не на основѣ всеобщаго избирательнаго права въ его чистомъ видѣ *). Въ 1903 г. стачка разлилась по всей странѣ и сразу подняла болѣе 300.000 пролетаріевъ, но она не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, не вырвала у парламентскаго большинства и правительства ни малѣйшей уступки. Вожаки поспѣшили остановить движеніе, увидя, что врагъ не испугался и готовъ принять рѣшительный бой. Отвѣтомъ на этотъ вызовъ могла быть только революція, но революція эта могла быть лишь революціей пролетарской, революціей соціальной. Вступая въ кровавый бой, пролетаріатъ уже не могъ удовольствоваться всеобщей подачей голосовъ, онъ несомнѣнно захотѣлъ бы пополнить свое политическое освобожденіе освобожденіемъ соціальнымъ, и ему пришлось бы бороться не только съ консерваторами-католиками, но съ либералами, прогрессистами и т. д., однимъ словомъ, со всѣми слоями буржуазіи отъ самой крупной, до самой мелкой. Такая революція не входила въ расчеты бельгійскихъ соціалдемократовъ, связанныхъ въ то время союзомъ съ либеральной буржуазіей. Необходимо замѣтить, что стачка 1902 г. съ перваго момента получила характеръ борьбы активной и къ ней очень мало подходило названіе стачки мирной. Пролетаріатъ прекратилъ работы, но не скрестилъ руки на груди, какъ это казалось многимъ необходимымъ для внушительности демонстраціи. Стачечники во многихъ мѣстахъ являлись толпами въ лавки и трактиры, требуя безплатно хлѣба и вина. «Теперь всеобщая стачка заявляли они, и теперь всякій долженъ дѣлиться

*) Подробно о бельгійскихъ всеобщихъ стачкахъ точно также какъ о голландской и шведской см. уже упомянутую мною брошюру «Всеобщія стачки».

своими запасами». Эти заявленія, которыя иногда нельзя было не принимать во вниманіе, приводили въ ужасъ не только крупныхъ, но и мелкихъ лавочниковъ, даже изъ числа, «сочувствующихъ соціализму». Либеральные бюргермейстеры, хотя и были «горячими сторонниками» всеобщей подачи голосовъ, рѣшили дѣйствовать противъ стачечниковъ съ энергіей Клейгельса. «Гражданская гвардія», эта буржуазная милиція стрѣляла и атаковала пролетаріевъ манифестантовъ, не за страхъ токмо, а и за совѣсть. Изъ Германіи съ ея трехмилліонной соціалдемократической партіей долетали извѣстія, что императоръ Вильгельмъ не потерпитъ революціи въ Бельгіи.

Вотъ тѣ причины, которыя побудили бельгійскихъ вожаковъ пробить отбой. Мы не будемъ разбирать вопроса, насколько они были въ данномъ случаѣ правы, но разочарованный тонъ, которымъ проникнуты рѣчи и статьи многихъ бельгійскихъ соціалистовъ послѣ «неудачи» 1902 г., намъ совершенно непонятенъ. Всеобщая стачка 1902 г. показала, что пролетаріатъ въ рѣшительныя минуты не только не получаетъ поддержки со стороны либеральной буржуазіи, но, напротивъ встрѣчаетъ въ ней ожесточеннаго врага; она показала, что всеобщую стачку не легко удержать въ границахъ мирной политической демонстраціи; она показала необходимость *дѣятельнаго* союза пролетаріата различныхъ странъ; но она отнюдь не указала слабости бельгійскаго пролетаріата, какъ боевой революціонной арміи.

Соціалистическій депутатъ Брюсселя, Луи Бертранъ въ брошюрѣ, изданной вскорѣ послѣ всеобщей стачки, говоря о тактикѣ рабочей партіи, отказывается отъ формулы, которую онъ прежде самъ защищалъ: «Мирно, если возможно, революціонно, если необходимо».

«Останемся революціонерами, что касается до *цѣли*, которую мы преслѣдуемъ, но заявимъ, что мы разсчитываемъ придти къ ней *средствами* законными, мирными, легальнымъ оружіемъ избирательной записки...

«Если придется воспользоваться легальнымъ средствомъ всеобщей стачки, воспользуемся имъ, но организуемъ эту стачку, которая, чтобъ имѣть успѣхъ,

должна длиться цѣлыя недѣли. Пусть каждый рабочій скопитъ сотню франковъ, и успѣхъ подобной стачки очевиденъ».

Ахъ, не во франкахъ здѣсь дѣло, а въ ясномъ классовомъ сознаніи, которое несовмѣстимо съ преклоненіемъ передъ буржуазными идолами, изъ нихъ же первый есть законность. Законными средствами пролетаріатъ никогда не добьется своего освобожденія, и всеобщая стачка никогда не можетъ быть законной. Если для нѣкоторыхъ соціалистическихъ депутатовъ всеобщая стачка 1902 г. была урокомъ въ смыслѣ необходимости бороться лишь законными средствами, то для массы пролетаріата, какъ, вѣроятно, покажетъ недалекое будущее, она была урокомъ незаконности.

Голландія пережила въ 1903 г. двѣ чрезвычайно характерныя всеобщія стачки, раздѣленныя промежуткомъ въ какихъ-нибудь два мѣсяца. Первая стачка возникла на экономической почвѣ и развилась совершенно стихійно изъ незначительнаго столкновенія портовыхъ рабочихъ съ одною изъ транспортныхъ компаній. Въ теченіе однѣхъ сутокъ она охватила всѣхъ портовыхъ рабочихъ, затѣмъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и т. д. Хозяйственная жизнь страны была сразу пріостановлена, и прекращеніе желѣзнодорожнаго движенія отозвалось далеко за предѣлами Голландіи. Ударъ былъ нанесенъ организованнымъ и неорганизованнымъ пролетаріатомъ съ необычайной быстротой и единодушіемъ. Буржуазія съ ея правительствомъ испугалась и согласилась исполнить требованія рабочихъ.

Вторая стачка, въ подготовленіи которой дѣятельное участіе приняли политическіе дѣятели, по ихъ собственному признанію, противники, какъ вообще всеобщей стачки, такъ и той, которую они подготовляли, должна была воздѣйствовать на парламентъ и удержать его отъ голосованія законовъ, направленныхъ противъ коалиціонной свободы. Не смотря на двухмѣсячную подготовительную работу и массу вожаковъ, стачка началась чрезвычайно вяло и, не оказавъ никакого воздѣйствія на парламентъ, закончи-

лась среди раздоровъ руководителей. Это показываетъ, что «сдѣлать» или «назначить» всеобщую стачку очень трудно, что необходимый для нея энтузіазмъ нельзя возбудить по командѣ сверху, особенно, если на верху стоятъ люди, признающіе борьбу лишь при помощи избирательныхъ записокъ. Теперь они въ своихъ нападкахъ на борьбу всеобщими стачками ссылаются на свой опытъ, не понимая, что этотъ опытъ говоритъ совсѣмъ не противъ стачекъ, а противъ руководства движеніемъ, которому не сочувствуетъ.

«Если бы мы — говоритъ одна изъ такихъ руководительницъ, госпожа Роландъ Хольстъ *) — остались внѣ комитета (подготовившаго стачку и руководившаго ею), или бы вышли изъ него, т. е. если бы мы стояли внѣ великаго народнаго движенія, — конечно, на насъ тогда не пало бы часть отвѣтственности въ позорѣ пораженія, но *тогда мы не были бы больше рабочей партіей* **) и это было бы несчастье несравненно болѣе вредное по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ уничтоженіе организаціи желѣзнодорожныхъ служащихъ и все остальное. Мы были бы оттѣснены къ свободомыслящимъ демократамъ; мы потеряли бы пограничную линію между собою и буржуазной демократіей, мы были бы въ будущемъ принуждены опираться на мелкую буржуазію, мы потеряли бы довѣріе рабочихъ въ тотъ моментъ, который на многіе годы былъ рѣшающимъ для будущаго рабочаго движенія въ смыслѣ пріобрѣтенія этого довѣрія».

Слова, достойныя появиться на первой страницѣ «Искры»! Какъ легко «соціалдемократія», разъ она представляетъ изъ себя командира пролетаріата, явившагося къ нему изъ буржуазіи, можетъ перестать быть рабочей партіей. Стоило бы голландской соціалдемократіи не принять участія въ руководствѣ всеобщей стачкой, которую госпожа Роландъ Хольстъ сама называетъ «глупостью», и она, т. д. соціалдемократія, а не стачка, перестала бы быть рабочей партіей. Увы, несомнѣнно уже имѣются «соціалдемократическія» партіи, переставшія быть рабочими. И можетъ быть для голландской соціалдемократіи было бы

*) «Die Neue Zeit» 21 Iahrg. № 31.

**) Курсивъ подлинника.

лучше перестать быть рабочей партіей, отказавшись отъ руководства пролетарскими глупостями. А то посмотрите въ какое ужасное положеніе поставила себя голландская соціалдемократическая рабочая партія.

«Наша партія—говоритъ госпожа Роландъ Хольстъ — находится въ настоящее время въ очень непріятномъ положеніи. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, дуетъ сильный вѣтеръ реакціи. Надъ нашими вождями насмѣхаются на улицѣ, *въ буржуазной прессѣ ихъ ругаютъ и на нихъ клевещутъ* (О ужасъ!), соціалдемократическимъ школьнымъ учителямъ грозитъ опасность потерять свои мѣста; уваженіе, которымъ мы пользовались со стороны части буржуазнаго общества, *перешло въ горькую враждебность;* мелкая буржуазія, которая была по отношенію къ намъ настроена довольно хорошо, отстраняется теперь отъ насъ полу-пугливо, полу-возмущенно».

И эти люди, плачущіе о потери буржуазной любви и сочувствія, явятся на амстердамскій международный конгрессъ, какъ сознательные представители голландскаго пролетаріата, другихъ представителей, какъ «анархистовъ», на конгрессъ не допустятъ, или вышвырнутъ вонъ изъ залы. Да, можетъ быть, для нѣкоторыхъ голландскихъ соціалдемократовъ было бы выгодно перестать быть рабочей партіей, но несомнѣнно, это было полезно бы голландскому пролетаріату. Впрочемъ, какъ бы не доказывала Роландъ Хольстъ, Флигены и др., что всеобщая стачка «нелѣпость», «глупость», «преступленіе», голландскіе рабочіе снова неожиданно и негаданно возстанутъ противъ буржуазнаго строя, властно пріостановивъ промышленную жизнь страны. Будетъ ли это бой «послѣдній и рѣшительный», или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, только такими «безумными» въ глазахъ «соціалдемократическихъ» филистеровъ пролетарскими движеніями приближается освобожденіе отъ капиталистическаго рабства.

У самихъ голландскихъ рабочихъ неудача не вызвала никакого унынія. Въ концѣ 1903 г. въ Голландіи было нѣсколько съѣздовъ различныхъ рабочихъ профессіональныхъ союзовъ и на нихъ выяснилось, что рабочія организаціи, якобо разбитыя всеобщей стачкой, развиваются съ необычайной быстротой и притомъ на болѣе твердыхъ основахъ. Всюду бьетъ

ключемъ новая жизнь, всюду замѣчается приливъ новыхъ силъ, призванныхъ къ сознательной пролетарской борьбѣ всеобщими стачками; и въ большинствѣ отдѣльныхъ союзовъ и организацій пробудилось стремленіе къ объединенію на федеративныхъ началахъ.

Въ **Швеціи** оригинальная всеобщая стачка 1902 г. была подготовлена рядомъ систематическихъ демонстрацій въ пользу всеобщаго избирательнаго права. И сама она была чрезвычайно внушительной демонстраціей силы рабочаго класса, устроившаго трехдневную всеобщую забастовку. Какъ всякая демонстрація или манифестація, эта стачка имѣла, конечно, цѣлью произвести впечатлѣніе и воздѣйствіе на власть имущихъ, но забастовщики, заранѣе установивъ краткій срокъ ея продолжительности (3 дня), не смотрѣли на нее, какъ на рѣшительный бой, который долженъ тотчасъ принудить буржуазію къ исполненію, поставленнаго требованія. Эта стачка была не сраженіемъ, а смотромъ. Сознательный пролетаріатъ захотѣлъ подсчитать свои силы и показать ихъ своему врагу. И смотръ вышелъ во всѣхъ отношеніяхъ по истинѣ величественный. 150.000 рабочихъ «праздновали» въ теченіе трехъ дней, и пріостановка обычной дѣловой жизни въ главнѣйшихъ городахъ Швеціи показала, и самому пролетаріату и шведской буржуазіи и всему міру, *наглядно* показала кѣмъ создается и поддерживается современная культура.

Парламентъ, какъ извѣстно, въ моментъ стачки принялъ резолюцію, приглашавшую правительство внести законопроектъ о всеобщей подачѣ голосовъ.

Но еще важнѣе то впечатлѣніе, которое стачка произвела на самихъ рабочихъ, укрѣпивъ ихъ вѣру въ свои силы, укрѣпивъ ихъ товарищескую солидарность. Этой солидарности пришлось вскорѣ выдержать тяжелыя испытанія въ рядѣ экономическихъ столкновеній съ хозяевами, которымъ захотѣлось дать почувствовать рабочимъ силу своего капитала. Особенно замѣчательна борьба хозяевъ съ портовыми рабочими Стокгольма, длившаяся цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ, съ марта 1903 г. по январь 1904 г., и окончившаяся полною побѣдою рабочихъ. Рабочимъ удалось не только

отстоять прежнюю заработную плату, которую хотѣли понизить хозяева, но и добиться признанія очень существенныхъ правъ за своимъ профессіональнымъ союзомъ, отъ котораго теперь въ извѣстной степени будетъ зависѣть привлеченіе новыхъ рабочихъ силъ. Знаменательно, что рабочіе во время этой десятимѣсячной забастовки не ограничились пассивнымъ выжиданіемъ, но основали свое товарищество или свою артель, для выполненія портовыхъ работъ, (выгрузки, транспортировки и проч.), независимо отъ предпринимателей. Это товарищество, названное «Прогрессомъ», продолжаетъ дѣйствовать и послѣ окончанія стачки.

Въ настоящее время (мартъ 1904 г.) въ рабочихъ кругахъ Швеціи идетъ сильное движеніе въ пользу новой всеобщей стачки и при томъ *настоящей*, а не просто мирной демонстраціи.

Движеніе вызвано попытками буржуазіи уклониться отъ своего обѣщанія — ввести въ Швецію всеобщую подачу голосовъ.

Въ родственной Швеціи **Даніи** не было до сихъ поръ всеобщихъ стачекъ въ собственномъ значеніи слова, но она не разъ переживала грандіозныя столкновенія между трудомъ и капиталомъ, сильно потрясавшія ея промышленный организмъ. Такъ въ 1899 г. самымъ важнымъ событіемъ внутренней жизни Даніи былъ массовой локаутъ, пріостановившій работу всѣхъ строительныхъ рабочихъ. Онъ былъ слѣдствіемъ забастовки копенгагенскихъ плотниковъ. Это столкновеніе превратилось въ упорную борьбу между всѣми организованными рабочими и всѣми организованными предпринимателями. Борьба длилась около 4 мѣсяцевъ; строительныхъ рабочихъ поддерживали не только всѣ датскіе рабочіе другихъ профессій, но многія заграничныя рабочія организаціи. Одни нѣмецкіе пролетаріи собрали въ пользу датскихъ товарищей болѣе 200 тысячъ марокъ. Передъ этой международной солидарностью пролетаріевъ не устояли датскіе капиталисты, и борьба окончилась побѣдою рабочихъ.

Въ **Норвегіи** до послѣдняго времени почти не было крупной промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ было очень слабо и рабочее движеніе. Но съ конца прошлаго столѣтія капитализмъ начинаетъ дѣлать быстрые успѣхи и здѣсь. Появляются крупные заводы, фабрики и другія капиталистическія предпріятія; начинается классовая борьба между промышленнымъ пролетаріатомъ и буржуазіей, находящая свое выраженіе въ мелкихъ, но частыхъ стачкахъ. Стачки вызываютъ профессіональные союзы, число которыхъ за послѣдніе пять лѣтъ увеличилось почти вдвое. На основѣ профессіональнаго движенія развивается соціалдемократическая партія.

Оляфъ Кринген, *) указывая, что «въ основѣ норвежской соціалдемократической партіи лежитъ широкое профессіональное движеніе», считаетъ это, видимо, совершенно естественнымъ, но другой норвежскій соціалдемократъ, Эрикъ Брунте, **) указывая, что партійному правленію приходилось до сихъ поръ тратить много времени и силъ на руководство и поддержку стачекъ, замѣчаетъ, что это не имѣетъ ничего общаго съ дѣятельностью политической партіи. Видимо и въ Норвегіи уже появились соціалдемократы, желающіе оторваться отъ рабочаго движенія.

Въ **Германіи** пролетаріату несомнѣнно вредитъ, что его политическая партія, соціалдемократія, не достаточно тѣсно связана съ профессіональными рабочими союзами, что въ его классовой борьбѣ политическое теченіе идетъ какъ бы независимо отъ экономическаго, что «партія» въ лицѣ ея представителей иногда даже противопоставляетъ политическіе интересы соціалдемократіи экономическимъ интересамъ борющагося пролетаріата. Просматривая ежегодные отчеты соціалдемократическаго партійнаго правленія и протоколы соціалдемократическихъ партейтаговъ, удивляешься, какъ мало вниманія партія удѣляла и удѣляетъ экономической борьбѣ нѣмецкихъ рабочихъ,

---

*) См. Жизнь № 6 1902 г.

**) «Die Neue Zeit» XX Jahgang № 26.

въ частности ихъ многочисленнымъ стачкамъ, бойкотамъ и т. д. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда партейтаги принуждены были снизойти до обсужденія тѣхъ или другихъ вопросовъ, касающихся экономической борьбы рабочаго класса, большинство ихъ делегатовъ нерѣдко проявляло настроеніе, совершенно неподходящее для представителей пролетаріата. Очень характерно въ этомъ отношеніи такъ называемое «бантовское дѣло», которымъ пришлось заняться любекскому партейтагу въ 1901 г.

Въ Бантѣ произошла стачка строительныхъ рабочихъ. Соціалдемократы оказались не только въ числѣ забастовавшихъ рабочихъ, но и въ числѣ хозяевъ. Хозяева соціалдемократы боролись противъ рабочихъ соціалдемократовъ совершенно также, какъ обыкновенно борются капиталисты. Они замѣнили забастовщиковъ малотребовательными итальянцами, согласившимися работать по 14 часовъ въ сутки, что казалось чрезмѣрнымъ нѣмецкимъ рабочимъ соціалдемократамъ. Побѣжденные рабочіе сочли необходимымъ потребовать исключенія изъ партіи хозяевъ-побѣдителей. «Дѣло» прошло по всѣмъ партійнымъ инстанціямъ и было наконецъ рѣшено партейтагомъ *въ пользу хозяевъ*. Пренія были необычайно кратки, настолько кратки, насколько длинны и страстны бываютъ на нѣмецкихъ соціалдемократическихъ партейтагахъ пренія, когда дѣло касается высоко важнаго для пролетаріата вопроса о какой нибудь перебранкѣ двухъ журналистовъ. Защитники соціалдемократическихъ предпринимателей опирались на принципъ, по которому «въ экономической стачкѣ соціалдемократическіе предприниматели пользуются равнымъ правомъ съ рабочими». Нѣкоторые ораторы такъ яро защищали предпринимателей, что делегатъ изъ Банта Гемоль, стоявшій на сторонѣ рабочихъ, выразилъ ироническое удивленіе, какъ это предприниматели не догадались потребовать исключенія изъ партіи стачечниковъ? Разъясняя «дѣло» Гемоль указалъ (безтактный человѣкъ!), что «тѣ же предприниматели, которые, какъ *товарищи* выступали за 8-ми часовой рабочій день, заставляли итальянцевъ работать 14 часовъ». «Должны ли мы терпѣть это въ нашихъ рядахъ?» — спросилъ онъ. «Принимайте же въ партію ужъ и Кютменеровъ, и Крупповъ!» Пред-

ставитель «правленія партіи» Геришъ, защищая предпринимателей и нападая на рабочихъ, особенно возмущался, что рабочіе уже послѣ стачки выпустили воззваніе, въ которомъ просили товарищей изъ *другихъ мѣстъ* не предлагать пока своихъ услугъ бантовскимъ хозяевамъ.

Послѣ рѣчи Гериша пренія, не смотря на протесты меньшинства, были закрыты, и партейтагъ принялъ резолюцію, которая, признавая, что «поведеніе товарищей-предпринимателей было не безупречно, не находила однако достаточныхъ основаній для исключенія ихъ изъ партіи».

Тотъ же партейтагъ не согласился исключить изъ партіи нѣсколькихъ строительныхъ рабочихъ въ Гамбургѣ, которые поддерживали хозяевъ въ ихъ борьбѣ съ «рабочимъ союзомъ», добивавшимся уничтоженія сдѣльныхъ работъ.

Многіе представители нѣмецкой соціалдемократической партіи, видимо, боятся, какъ бы не увлечься классовымъ чувствомъ. Ради безпристрастія «правленіе партіи» не рѣшилось включить въ списокъ наказаній, выпавшихъ на долю борющагося пролетаріата, каторжныхъ работъ и тюрьмы, къ которымъ въ 1899 г. буржуазный судъ приговорилъ рабочихъ въ Лобтау, хотѣвшихъ остановить «сверхурочныя работы» и устроившихъ «безпорядки». Приговоръ, по которому 9 обвиняемыхъ въ «безпорядкахъ» получили въ общемъ 53 года каторжныхъ работъ и 8 лѣтъ тюрьмы, былъ признанъ даже многими буржуазными газетами проявленіемъ *классовой* ненависти буржуазіи, а отнюдь не выраженіемъ какого бы то ни было правосудія. Соціалдемократическая партія возмущалась этимъ приговоромъ, но занести жертвъ въ списокъ мучениковъ классовой борьбы правленіе не рѣшилось. Правленіе партіи заявило печатно, что «не удобно прикрашивать поступки, вызвавшіе наказаніе, или ставить ихъ въ связь съ партійнымъ движеніемъ».*)

*) На сколько «безпристрастны» нѣкоторые соціалдемократическіе вожди можно судить, между прочимъ, потому, что въ 1901 г. извѣстный соціалдемократъ Клосъ голосовалъ въ Штутгарскомъ городскомъ совѣтѣ за выдачу наградныхъ полицейскимъ, «охранявшимъ порядокъ» во время стачки трамвайныхъ служащихъ. «Всякій трудъ долженъ быть вознаграждаемъ» — говорилъ онъ.

Делегатъ Кнаппъ, защищая партійное правленіе на Ганноверскомъ партейтагѣ, заявилъ о важности «научить рабочихъ, какъ держаться въ случаѣ подобномъ лобтаускому», т. е. научить ихъ не устраивать «безпорядковъ». Даже Ледебуръ, находившій, что правленіе партіи поступило неправильно и что лобтаускій приговоръ стоитъ въ связи съ пролетарскимъ движеніемъ, оговаривался, что, конечно, соціалдемократы должны осудить поведеніе рабочихъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ несомнѣнно было со стороны рабочихъ «нарушеніе закона».

«Я утверждаю» — воскликнулъ этотъ едва ли не самый радикальный изъ соціалдемократическихъ радикаловъ — «что при извѣстной осторожности можно избѣжать почти всѣхъ наказуемыхъ дѣяній».

Это, разумѣется, уже «идеалъ»! Но какой возвышенный идеалъ! Одновременно торжествуютъ и ненарушимые прусскіе законы и нѣмецкіе соціалдемократы! Какъ не вспомнить словъ Энгельса о «румяныхъ щекахъ», нажитыхъ соціалдемократами, благодаря «законности».

Соціалдемократическіе рабочіе думаютъ совсѣмъ иначе, но вѣдь вырвалось же у делегата Фогта на Мюнхенскомъ партейтагѣ 1902 г. характерное восклицаніе:

«Рабочему делегату стало невозможно на нашихъ партейтагахъ сказать свое слово!», и кто то сочувственно откликнулся возгласомъ: «Совершенно справедливо!»

Кромѣ ненарушимости законовъ въ «идеалъ» входитъ еще отсутствіе стачекъ. Къ стачкамъ многіе соціалдемократическіе политики относятся очень недружелюбно. «Стачка» — писалъ въ началѣ 1904 года «Vorwärts» — по *принципу* заимствована изъ *либеральнаго*, а не изъ соціалистическаго круга мыслей».

«Какой партійно политическій интересъ соціалдемократія сама по себѣ должна имѣть въ стачкахъ, это невозможно понять. Стачки въ началѣ современнаго рабочаго движенія *можетъ быть* являются имѣющимъ значеніе пробудителемъ классового сознанія. Въ странѣ сильнѣйшей соціалдемократіи партія не нуждается въ подобныхъ дѣйствіяхъ; здѣсь стачки исключительно средство къ улучшенію экономическаго положенія

извѣстныхъ профессій, онѣ чисто профессіонально-союзной природы».

Не смотря на такое презрительное отношеніе къ стачкамъ центральнаго органа нѣмецкой соціалдемократіи, мы рѣшаемся думать, что стачечная борьба имѣла и имѣетъ гораздо больше значенія для созданія боевой силы нѣмецкаго пролетаріата, чѣмъ «борьба избирательная», что партійная солидарность питается и укрѣпляется, главнымъ образомъ, стачками и что, наконецъ, нѣмецкій пролетаріатъ въ своей классовой борьбѣ неминуемо придетъ къ «всеобщимъ стачкамъ», которыя подготовляются многочисленными стачками частичными.

Нѣмецкій пролетаріатъ начинаетъ свою стачечную борьбу еще до революціи 1848 г., ставя первыя слабыя преграды хищнической эксплуатаціи нарождающагося капитализма. Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Берлинѣ вспыхиваетъ стачка набойщиковъ ситца, въ Бранденбургѣ желѣзнодѣлательныхъ рабочихъ.

Но гнетъ капитализма въ то время былъ слишкомъ безпощаденъ и жестокъ, положеніе пролетаріата слишкомъ отчаянно и ужасно, чтобы его протестъ и возмущеніе могли остаться въ предѣлахъ «мирныхъ» стачекъ, подавляемыхъ къ тому же полицейскою и военою властью. Въ серединѣ 40-хъ годовъ по всей Германіи разливается волна рабочихъ бунтовъ. Изъ нихъ особенно знамениты бунты силезскихъ ткачей, такъ ярко и вѣрно исторически изображенные Гауптманомъ въ его извѣстной драмѣ.

Это былъ крикъ отчаянья и голода, но въ то же время, какъ справедливо замѣчаетъ Мерингъ*), и «признакъ того, что пролетаріатскія массы начали сознавать свое право на человѣческое существованіе».

Бунты были жестоко усмирены, при чемъ въ ходъ были пущены даже пушки; «виновные» наказаны плетьми и каторгой. Но нѣтъ такихъ пушекъ, и нѣтъ такихъ наказаній, которыя могли бы остановить ростъ революціоннаго сознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и революціонной силы современнаго пролетаріата.

---

*) Franz Mehring. Geschichte der deutschen socialdemokratie, 2 Bände Stuttgart 1898. Изъ этого сочиненія нами взяты многія данныя для рабочаго движенія въ Германіи.

За «голодными бунтами» 44 года прогремѣла мартовская революція 48 года. Пролетаріатъ пролилъ свою кровь за свободу, но, увы, свобода оказалась *буржуазной*. Городская милиція, этотъ якобы «оплотъ народной свободы» на другой же день послѣ революціи превратилась, по выраженію Меринга, въ «полицейское войско, которое могло вызывать легкое сожалѣніе о до-мартовской жандармеріи»... «Она неистовствовала, какъ подстрѣленный кабанъ, за святость собственности и противъ „подстрекателей“».

Побѣду пролетаріата буржуазія увѣнчала своимъ предательствомъ, но нѣтъ такого предательства, которое могло бы остановить ростъ братской солидарности трудящихся и неимущихъ! Съ моментомъ перваго предательства нѣмецкой буржуазіи совпадаетъ моментъ первой попытки самостоятельной организаціи всего нѣмецкаго пролетаріата.

Въ началѣ апрѣля 1848 г. 150 берлинскихъ рабочихъ устроили рабочій клубъ, который рѣшилъ организовать центральный комитетъ, выбранный рабочими различныхъ фабрикъ и мастерскихъ. Комитетъ былъ выбранъ 19 апрѣля, а 23 августа уже былъ созванъ рабочій конгрессъ, въ которомъ приняли участіе представители отъ рабочихъ почти всѣхъ большихъ городовъ. Конгрессъ положилъ начало союзу нѣмецкихъ рабочихъ, «Рабочему Братству», съ центральнымъ комитетомъ во главѣ и печатнымъ органомъ «Die Verbrüderung». И центральный комитетъ и редакція «Братства» находились въ Лейпцигѣ, гдѣ черезъ 15 лѣтъ послѣ того возникла нѣмецкая соціалдемократическая партія. «Братство» сдѣлало много для пробужденія и укрѣпленія классового сознанія нѣмецкихъ рабочихъ, *дѣятельно поддерживая* стачки, *которыхъ было необычайно много въ 1848 году*. Въ одномъ Берлинѣ послѣ мартовскихъ дней ихъ было нѣсколько десятковъ. Многія изъ этихъ стачекъ окончились побѣдою рабочихъ. Но что особенно важно — этими стачками были созданы національно-профессіональные союзы, изъ которыхъ особенно сильными съ самаго начала были союзъ наборщиковъ и союзъ сигарныхъ рабочихъ. Эти союзы съ своей стороны укрѣпляли стачечное движеніе. Либеральная буржуазія отнеслась къ стачкамъ и рабочимъ союзамъ съ ярою ненавистью, и по

ея змѣиному свисту на стачечниковъ, какъ на преступниковъ яростно накидывались полицейскіе судьи. У либеральныхъ газетъ, только что восхвалявшихъ мартовскіе революціонные дни, нашлось не мало аргументовъ противъ стачекъ и стачечниковъ. «Національная Газета» торжественно заявляла, что стачки допустимы лишь съ разрѣшенія начальства, такъ какъ иначе, государство распадется на ассоціаціи, беззаконно борющіяся между собою. «Газета Фосса» («Vossische Zeitung) доносила на стачечниковъ, какъ на подкупленныхъ заграницей, такъ какъ они получали поддержку отъ заграничныхъ рабочихъ.

«Еще и нынѣ невозможно безъ радости читать»— говоритъ Мерингъ — «какъ толково руководители этой пролетарской борьбы наборщики, Борнъ и Фрелихъ, сигарные рабочіе Кольвекъ и Стеханъ расправлялись съ буржуазной галиматьей, порожденной въ нечестивомъ бракѣ тупоумія съ бѣшеной жаждой прибыли».

Въ 50-ые годы, въ этотъ періодъ торжества реакціи, стачечное движеніе нѣмецкихъ рабочихъ ослабѣваетъ, чтобы въ серединѣ 60-хъ снова подняться могучей волной.

Изъ многочисленныхъ стачекъ 1865 г. особенно сильное впечатлѣніе и на пролетаріатъ, и на буржуазію произвела десятинедѣльная стачка наборщиковъ въ Лейпцигѣ. Наибольшей высоты движеніе достигло въ 69 г., когда въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Аугсбургѣ и многихъ другихъ промышленныхъ центрахъ рабочіе различныхъ отраслей труда вырвали не мало уступокъ у господствующихъ классовъ. Эпидемія стачекъ испугала нѣкоторыхъ соціалдемократическихъ вождей. Органъ эйзенаховцевъ (Либкнехта и Бебеля) «Volkstaat» («Народное государство») протестовалъ противъ «безсмысленнаго дѣланья стачекъ», лассальянецъ Іоркъ совершенно въ духѣ «Искры» утверждалъ, что при стачкахъ «большая часть силъ растрачивается безуспѣшно».

Эпидемія стачекъ на время пріостановилась, но не вслѣдствіе этихъ протестовъ и предостереженій, а вслѣдствіе франко-прусской войны.

По окончаніи войны стачечное движеніе разливается по всей Германіи съ новой силой. Стачки пріобрѣтаютъ *массовой* характеръ. Рабочіе нерѣдко тер-

пять пораженія, но совмѣстно пережитыя лишенія никогда не проходятъ даромъ. Развитію рабочихъ союзовъ дается могучій толчокъ, и вообще подъ вліяніемъ стачекъ боевая солидарность рабочихъ дѣлаетъ огромные успѣхи. И эта солидарность *заставляетъ* партійныхъ вожаковъ примириться между собой. Эйзенаховцамъ и лассальянцамъ приходится слиться въ одну партію, разъ они хотятъ считаться партіей рабочаго класса.

Буржуазныя партіи всѣхъ «направленій» съ правительствомъ во главѣ продолжаютъ относиться къ стачкамъ съ величайшей ненавистью, и эта ненависть ростетъ вмѣстѣ съ развитіемъ небольшихъ забастовокъ въ массовыя стачки, нарушающія «правильный» ходъ капиталистическаго производства и эксплуатаціи.

Солидарность рабочаго класса, созданная столькими совмѣстными жертвами во время массовыхъ стачекъ, не могла уже быть разбита никакими исключительными законами. Бисмаркъ могъ разбить соціалдемократическую политическую организацію, могъ нанести ударъ организаціямъ профессіональнымъ, но естественная связь между всѣми нѣмецкими пролетаріями, связь, которую поддерживала безпрерывная экономическая борьба, не только не ослабѣла, но даже еще болѣе окрѣпла за 12 лѣтъ исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ.

Стачки поддерживали и спасали соціалдемократію. Въ 1885 г. она, казалось, гибла: къ внѣшнимъ ударамъ присоединились внутреннія распри; но, какъ разъ въ это время поднялась могучая стачечная волна и влила въ ослабѣвшую партію новыя силы, силы единства и борьбы. Весною 1886 г. главный «сослуживецъ» Бисмарка пресловутый Путкамеръ пытается подкосить соціалдемократію извѣстнымъ *стачечнымъ указомъ*; административнымъ путемъ отмѣняетъ онъ коалиціонную свободу и думаетъ, что этимъ убита, по его выраженію, *гидра революціи, которая таится за каждой стачкой*».

Но нѣтъ такихъ декретовъ, которыми можно было бы уничтожить стачки и поразить на смерть таящуюся за ними гидру революціи.

Декретъ Путкамера уничтожается небывалыми по своимъ размѣрамъ стачками конца 80-хъ годовъ. Пер-

вое мѣсто между ними занимаетъ всеобщая стачка нѣмецкихъ углекоповъ, вспыхнувшая въ маѣ 1889 г. Въ ней принимаютъ участіе 90.000 углекоповъ Рейнской провинціи и Вестфаліи, 13.000 — Саарской области, 10.000 — Королевства Саксоніи, 19.000 — Силезіи.

Политическимъ выраженіемъ этихъ массовыхъ стачекъ были выборы 20 февраля 1890 г., давшіе $1^1/_2$ милліона соціалдемократическихъ голосовъ. Исключительный законъ противъ соціалистовъ палъ, увлекая за собой своего главнаго вдохновителя «всесильнаго» Бисмарка.

Въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ нѣмецкое рабочее движеніе продолжаетъ развиваться и крѣпнуть попрежнему въ упорной стачечной борьбѣ. Политическія (соціалдемократическія) и профессіональныя рабочія организаціи особенно сильны въ тѣхъ округахъ, которыя за послѣднее время пережили наиболѣе упорныя массовыя стачки. Первое мѣсто занимаетъ Гамбургъ, этотъ главный оплотъ соціалдемократической партіи. Здѣсь въ 1897 г. въ теченіе трехъ мѣсяцевъ происходила знаменитая стачка портовыхъ рабочихъ, за которой съ противоположными чувствами слѣдили пролетаріатъ и буржуазія не только въ Германіи, но во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Стачечники держались необычайно дружно; не мало силы и бодрости придавало имъ дѣятельное сочувствіе нѣмецкихъ и заграничныхъ пролетаріевъ, которые изъ своихъ скудныхъ средствъ собрали для нихъ въ общемъ около $1^1/_2$ милліона марокъ. Послѣ этой стачки правительство въ лицѣ самого Вильгельма II задумало поразить гидру революціи закономъ, по которому подстрекательство къ забастовкѣ должно было караться каторгой. О выработкѣ этого закона Вильгельмъ оповѣстилъ весь міръ въ двухъ торжественныхъ рѣчахъ. Но даже буржуазные представители въ парламентѣ поняли, что «каторжный законопроектъ» запоздалъ по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ лѣтъ и можетъ обострить борьбу, но не можетъ остановить стачечнаго движенія: законопроектъ былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ почти безъ обсужденія. Послѣ Гамбурга соціалдемократія всего сильнѣе въ Саксоніи, которая вполнѣ заслуживаетъ названіе «краснаго королевства». И Саксонія пережила недавно «истори-

ческую» стачку въ Криммитчау, гдѣ въ 1903 г. около полугода ткачи боролись за десяти-часовой рабочій день не только противъ своихъ фабрикантовъ, но противъ всей нѣмецкой буржуазіи и, вѣрнаго наемника саксонскаго правительства. Съ своей стороны нѣмецкій пролетаріатъ поддерживалъ криммитчаутскихъ борцовъ щедрыми пособіями. Со всѣхъ концовъ Германіи изъ всѣхъ фабрикъ и мастерскихъ посылались трудовые гроши, изъ которыхъ составлялись сотни, тысячи и милліоны рублей. Каждый рабочій считалъ долгомъ положить свою лепту на алтарь рабочей солидарности. И въ то время, какъ эти трудовыя приношенія стекались особенно обильно, въ то время, когда нѣмецкій пролетаріатъ началъ считать побѣду криммитчаутскихъ ткачей дѣломъ своей чести, стачечный комитетъ совершенно неожиданно призналъ борьбу проигранной и сдался фабрикантамъ со всей своей арміей безъ всякихъ условій. Соціалдемократическія газеты, которыя наканунѣ капитуляціи убѣдительно доказывали, что пораженіе фабрикантовъ неминуемо, выясняютъ теперь, что прекратить борьбу для ткачей было въ данное время самымъ благоразумнымъ. Намъ, кажется, что это пораженіе свидѣтельствуетъ не столько о благоразуміи криммитчаутскихъ ткачей, сколько объ излишкѣ благоразумія въ руководящихъ кругахъ нѣмецкой соціалдемократіи.

«Излишекъ благоразумія» проявляется между прочимъ въ боязни всеобщихъ стачекъ, которыя якобы безполезно растрачиваютъ силы и вообще въ низкой оцѣнкѣ боевого значенія экономической борьбы. «Vorwärts» послѣ пораженія криммитчаутскихъ ткачей, такъ сказать, оффиціально заявлялъ, что соціалдемократія, какъ таковая, стала интересоваться борьбою въ Криммитчау лишь послѣ того, какъ въ дѣло вмѣшалось саксонское правительство, придавъ движенію политическій характеръ. Но и послѣ этого правленіе соціалдемократической партіи на столько далеко стояло отъ борьбы, что для него, по словамъ, «Vorwerts'a», прекращеніе стачки было такою же неожиданностью, какъ для всякаго посторонняго зрителя.

«Кримитчаутскіе рабочіе—писалъ Мерингъ въ брошюрѣ «Кримитчау въ осадномъ положеніи», изданной въ разгарѣ борьбы — «стоятъ противъ цѣлаго міра

враговъ: гнетущей власти капитала, могучаго организма классового государства, общественнаго мнѣнія, на сколько оно фабрикуется правительственными газетами...

«Противъ такихъ противниковъ криммитчаутскіе стачечники пропали, не смотря на свое мужество, если не явится на помощь нѣмецкій рабочій классъ. Эта необходимая задача давно сознана нѣмецкими рабочими; но они должны будутъ повышать свою дѣятельную помощь въ той же мѣрѣ, въ какой стачка въ Криммитчау раскрывается, какъ великая классовая борьба, которая касается каждаго рабочаго, къ какой бы профессіи, вѣрѣ или партіи онъ не принадлежалъ. На бумагѣ нѣмецкіе рабочіе имѣютъ коалиціонное право уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія, но какъ мало охраны даетъ писаное право, это они узнаютъ ежедневно и теперь въ Криммитчау сильнѣе, чѣмъ когда нибудь. Лишь тогда, когда они позаботятся о томъ, чтобы каждый преступникъ, нарушающій коалиціонное право, самъ себѣ обжигалъ пальцы и въ будущемъ держался на благородномъ разстояніи, только тогда они будутъ владѣть коалиціоннымъ правомъ, какъ дѣйствительнымъ оружіемъ.

«На пути къ этой цѣли успѣхъ криммитчаутскихъ текстильныхъ рабочихъ будетъ мощнымъ шагомъ впередъ, и *потому нѣмецкій пролетаріатъ долженъ бросить на вѣсы всю свою силу, чтобы обезпечить побѣду своимъ передовымъ борцамъ*».

Этой силой могла быть всеобщая стачка, по крайней мѣрѣ, стачка всѣхъ текстильныхъ рабочихъ, во всякомъ случаѣ «трехмилліонная пролетарская партія» должна бы, кажется, выдвинуть въ этой борьбѣ противъ буржуазіи и правительства что нибудь болѣе существенное, чѣмъ парламентскія рѣчи, но большинство соціалдемократическихъ вожаковъ не считали себя даже въ правѣ обсуждать этотъ вопросъ. Экономическая борьба ихъ не касается, имъ едва хватаетъ времени на обсужденіе вопроса о томъ, можетъ ли соціалдемократъ бывать въ качествѣ вице-президента рейхстага на придворныхъ торжествахъ и пріемахъ.*)

*) На сколько важенъ для нѣмецкой соціалдемократіи вопросъ о вицепрезидентствѣ видно изъ характернаго примѣчанія Каутскаго къ

Но какъ бы ни относились къ всеобщей стачкѣ соціалдемократическіе политики вопросъ о ней поставленъ на очередь и въ Германіи самой жизнью, самимъ рабочимъ движеніемъ. На рабочихъ собраніяхъ во время и послѣ криммитчаутской борьбы нерѣдко слышались горячія рѣчи въ пользу всеобщаго возстанія производителя на почвѣ производства, и эти рѣчи несомнѣнно будутъ съ каждымъ днемъ встрѣчать все большій и большій откликъ. Правда, полиція уже начинаетъ распускать собранія при упоминаніи о всеобщей стачкѣ, но это сдѣлаетъ ее (стачку, а не полицію) еще болѣе популярной.

Но, если полиція не позволяетъ обсуждать всеобщую стачку на народныхъ собраніяхъ, то на партейтагахъ не хотятъ позволить заняться обсужденіемъ ея уже сами представители нѣмецкой соціалдемократіи. Въ Дрезденѣ докторъ Фридебергъ въ самой скромной формѣ попытался было обратить вниманіе товарищей по съѣзду на вопросъ о всеобщей стачкѣ, но потерпѣлъ полное фіаско. Онъ внесъ слѣдующую резолюцію: «партейтагъ рекомендуетъ партійному правленію въ порядокъ дня ближайшаго партейтага внести вопросъ о всеобщей стачкѣ». Предсѣдатель Зингеръ спрашиваетъ, кто поддерживаетъ обсужденіе этого предложенія? Почти никто не подымается, и Зингеръ снимаетъ предложеніе съ очереди. Фридебергъ указываетъ къ порядку, что его предложеніе было подписано необходимымъ числомъ товарищей, въ томъ числѣ Каутскимъ, Штадтхагеномъ, Цеткиной и Люксембургъ. Предложеніе приходится снова поставить на обсужденіе, которое заканчивается чрезвычайно быстро. Фридебергъ обосновываетъ свое предложеніе очень нерѣшительно и какъ бы извиняясь за свою смѣлость. Онъ желалъ бы лишь, чтобы впослѣдствіи теоретически занялись этимъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что онъ стоитъ въ порядкѣ дня амстердамскаго международнаго конгресса. Онъ отнюдь не хочетъ осуждать прежнюю

статьѣ Lusnia «Unbewaffnete Revolution?», которую редакція «Die Neue Zeit» не печатала въ теченіе цѣлаго года. «Время выборовъ въ рейхстагъ и ландтагъ, точно также, какъ время дебатовъ о вицепрезидентѣ казалось намъ не подходящимъ, чтобы ставить на очередь *еще и* обсужденіе вопроса о революціи.

тактику, онъ желаетъ ее лишь пополнить. Но среди всѣхъ этихъ извиненій онъ высказалъ все же нѣсколько очень смѣлыхъ мыслей. «Въ преніяхъ о тактикѣ — сказалъ онъ между прочимъ — было уже указано, какъ мало мы въ сущности достигли въ сорокалѣтней, напряженной борьбѣ, и какъ часто мы теряли даже тѣ избирательные округа, которые были уже нами завоеваны, *такъ какъ настроеніе пролетаріата — его представленіе о классовой борьбѣ измѣнилось. Это показываетъ намъ, что мы должны идеалъ классовой борьбы еще болѣе выдвинуть на первый планъ, а это достигается лучше всего массовыми пролетарскими дѣйствіями*».

Противъ предложенія рѣзко выступилъ Легіенъ, Онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы вопросъ о всеобщей стачкѣ обсуждался на партейтагѣ. Онъ вспоминаетъ, что нѣмецкіе соціалдемократы на международныхъ конгрессахъ всегда высказывались противъ всеобщей стачки, и что онъ самъ на парижскомъ конгрессѣ заявилъ, что для соціалдемократа въ Германіи этого вопроса вообще не существуетъ. «Настоящимъ отцомъ всеобщей стачки» Легіенъ называетъ французскаго адвоката Бріана и побиваетъ всеобщую стачку, разбивая слова Бріана, сказанныя въ 1889 г., что онъ адвокатъ Бріанъ, «совсѣмъ не думаетъ проводить въ жизнь всеобщую стачку, а хочетъ лишь бросить ея идею въ массы, чтобъ ихъ организовать».

Легіена поддерживаетъ Ледебуръ, соглашаясь, что говорить о всеобщей стачкѣ опасно. Послѣ этого пренія немедленно закрываются и предложеніе поставить вопросъ о всеобщей стачкѣ въ порядокъ дня будущаго партейтага, отклоняется огромнымъ большинствомъ.

Нельзя поэтому не удивляться смѣлости Каутскаго, который, когда вопросъ о вицепрезиденствѣ сошелъ съ очереди, открылъ страницы своего журнала для обсужденія вопроса не только о революціи, но и о всеобщей стачкѣ.

Первымъ выступилъ Рудольфъ Хильфердингъ, высказавшійся въ духѣ французскаго адвоката Бріана. Онъ желаетъ, чтобы за всеобщимъ избирательнымъ правомъ стояла воля къ всеобщей стачкѣ, но чтобъ эта воля старалась не переходить въ дѣйствіе. «Отрицаніе возможности всеобщей стачки — говоритъ

онъ — означаетъ, если не отсутствіе мысли, то самоуничтоженіе пролетаріата. Всѣ позиціи пролетаріата, которыя обозначаются, какъ позиціи силы, происходятъ и зависятъ отъ его положенія, какъ производителя. Онѣ могутъ быть уничтожены болѣе или менѣе насильственно. Что не можетъ быть уничтожено, не уничтожая самого общества, это пролетарій, какъ производитель. Эту силу пролетаріатъ долженъ сознавать, онъ долженъ быть готовъ воспользоваться ею, какъ предостереженіемъ и принужденіемъ, если дѣло идетъ о томъ, чтобы разрушить планы тѣхъ, которые хотятъ принизить современнаго, сознательнаго, гордаго пролетарія до безправнаго илота».

И непосредственно за этими сильными, быть можетъ слишкомъ сильными словами, Рудольфъ Хильфердингъ, вспомнивъ, вѣроятно, поученія Либкнехта и Легіена, заявляетъ, что одною изъ задачъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ на амстердамскомъ конгрессѣ быть «рѣзкое выступленіе противъ псевдо-революціонной анархической иллюзіи, которая стремится вызвать всеобщую стачку, чтобы въ произведенномъ этимъ замѣшательствѣ уничтожить капиталистическое общество и поставить на его мѣсто соціалистическое». «Слѣдуетъ — прибавляетъ онъ — выступить и противъ безполезной растраты силъ, которыя почти всегда безуспѣшно пропадаютъ при всеобщихъ стачкахъ цѣлыхъ городовъ и провинцій, и лишь вредятъ мудрой и послѣдовательной синдикальной политикѣ».

Всеобщую стачку Хильфердингъ понимаетъ и восхваляетъ лишь какъ «регулятивную идею въ томъ смыслѣ, что она по возможности должна оставаться только идеей, т. е. сохраняться въ сознаніи и волѣ пролетаріата съ такой живостью и энергіей, чтобы всякій, кто дѣлаетъ нападеніе на основы нашей политической дѣятельности, въ ужасѣ отшатнулся бы назадъ, если онъ видитъ какія послѣдствія могли бы вызвать его дѣянія».

Прочитавъ эти глубокомысленныя разсужденія, Плехановъ навѣрное воскликнулъ: «Вотъ человѣкъ, который умѣетъ мыслить діалектически!» Но одинъ изъ нѣмецкихъ наемныхъ рабочихъ Флюхтигъ, вѣроятно, съ діалектикой незнакомый, прочитавъ эти разсужденія, разсмѣялся и прислалъ въ «Die Neue Zeit» довольно ядо-

витую замѣтку по поводу статьи Хильфердинга. Флюхтигъ, кстати сказать, нѣсколько кокетничающій своимъ пролетарскимъ званіемъ, пессимистически относится къ возможности въ Германіи всеобщей стачки, но такихъ пессимистовъ мы все же предпочитаемъ оптимистамъ въ духѣ Хильфердинга. Флюхтигъ пессимистъ не только по отношенію къ всеобщей стачкѣ, но и по отношенію къ всеобщей подачѣ голосовъ и къ парламентаризму. «Это избирательное право (всеобщая, равная, тайная подача голосовъ) — насмѣшливо восклицаетъ наемный рабочій — такъ удобно. Каждые пять лѣтъ въ худшемъ случаѣ теряютъ два часа своего заработка, кладутъ себѣ тайно избирательную записку, и выполняютъ такимъ образомъ весь свой долгъ имперскаго гражданина и человѣка партіи.»

«Это избирательное право — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — правда обезпечитъ намъ когда нибудь большинство въ рейхстагѣ. Но, кто вѣритъ, что до этого дойдетъ, тотъ платитъ талеръ. Сила нашей фракціи въ рейхстагѣ теряетъ численно въ значеніи, чѣмъ болѣе «либеральныя» партіи оттѣсняются и Крехеры роднятся съ Рихтеромъ.*) Если у насъ отнимутъ это избирательное право, то, конечно, отнимутъ прекрасное средство пропаганды, но ничего болѣе».

Во что Флюхтигъ дѣйствительно вѣритъ это — въ само рабочее движеніе:

«О, вы маловѣрные, — восклицаетъ онъ — Зачѣмъ вы такъ боязливы! Не всеобщему избирательному праву обязаны мы законодательнымъ успѣхомъ въ имперіи, *но существованію рабочаго движенія*!... Рабочее движеніе нельзя ни остановить, ни ухудшить и всего менѣе мѣрами насилія».

И такой вѣрѣ въ рабочее движеніе Флюхтигъ въ концѣ концовъ повѣритъ и въ силу всеобщей стачки, но этой вѣрѣ научитъ его не плехановская «діалектика», а само рабочее движеніе.

Справедливость требуетъ замѣтить, что среди нѣмецкихъ соціалдемократовъ есть все-е люди, которые подходятъ къ вопросу о всеобщей стачкѣ смѣло и

*) Крехеръ — представитель крайнихъ консерваторовъ, Рихтеръ — представитель свободомыслящихъ.

оригинально. Таковъ, напр., Parvus. Безбоязненно подошелъ къ этому вопросу и Густавъ Экштейнъ. Положенію Хильфердинга, что за всеобщимъ избирательнымъ правомъ должна стоять воля къ всеобщей стачкѣ, онъ противопоставилъ положеніе: «За всеобщей стачкой должна стоять воля къ рѣшительной битвѣ». «Это покажется — прибавляетъ онъ — я это хорошо знаю, многимъ товарищамъ прямо, какъ ересь, такъ какъ они привыкли смотрѣть на законность, какъ на талисманъ, который во всѣхъ опасностяхъ слѣдуетъ сохранять неприкосновеннымъ. Но она лишь боевое средство, которое въ соотвѣтствующемъ случаѣ можетъ быть замѣнено другимъ; въ данное время оно насъ такъ поддерживаетъ, что мы имѣемъ всѣ основанія держаться его. Но именно потому мы всегда должны быть готовы, что наши противники выйдутъ противъ насъ, отбросивъ нынѣшнія законныя рамки. И уже вслѣдствіе возможности государственнаго переворота, мы должны быть въ состояніи замѣнить законныя срадства борьбы другими. Иначе, намъ быть можетъ пришлось бы, конечно, нѣсколько въ другомъ смыслѣ, примѣнить къ себѣ самимъ слова: «La légalité nous tue» (Законность насъ убиваетъ)».

На этомъ мы пока разстанемся съ Германіей. Вопросъ о всеобщей стачкѣ, какъ видите, поставленъ тамъ на очередь въ печати, но гораздо важнѣе, что онъ поставленъ на очередь въ самомъ рабочемъ движеніи, какъ на это указываетъ развитіе, усиленіе и расширеніе стачекъ частичныхъ. И невольно въ заключеніе хочется повторить вслѣдъ за Флюхтигомъ: «Маловѣрные, зачѣмъ вы такъ боязливы!»

Въ **Австріи** тенденція соціалдемократической партіи обособиться отъ экономическаго рабочаго движенія гораздо слабѣе, чѣмъ въ Германіи. Здѣсь соціалдекратія считаетъ стачки пролетаріата, живущаго на австрійской территоріи, своимъ *партійнымъ* дѣломъ и справедливо гордится ими, какъ самымъ величавымъ проявленіемъ классовой борьбы.

Вотъ, что говоритъ общее представительство со-

ціалдемократіи Австріи въ своемъ отчетѣ Вѣнскому партейтагу 1901 года по поводу грандіозной *всеобщей стачки углекоповъ* Богеміи и Моравіи.

«Стачка углекоповъ, буря которой шумѣла въ теченіе первой четверти 1900 года и на высотѣ которой 70.000 человѣкъ стояли въ борьбѣ противъ самой звѣрской части класса австрійскихъ предпринимателей, была блестящимъ свидѣтельствомъ зрѣлости, который когда-либо могла выдать себѣ партія. Какъ ни слаба была организація углекоповъ, какъ не велика была склонность въ рядахъ этихъ самыхъ бѣдныхъ и угнетенныхъ изъ всѣхъ пролетаріевъ къ дѣйствіямъ возбужденныхъ страстей, какъ ни традиціонно обыкновеніе австрійскихъ властей отвѣчать на стачечныя движенія въ углекопныхъ округахъ ружейными залпами, какъ ни трудно было руководить борьбой, которая одновременно кипѣла въ сотняхъ мѣстъ, все же она была полна единства и проведена такъ толково и внушительно, что министерство Кербера и даже парламентъ принуждены были пойти на уступки и провести сокращеніе рабочаго времени при работахъ въ шахтахъ. Окончательный формальный законъ, введшій 9-ти часовой рабочій день, былъ, правда, вслѣдствіе парламентскихъ неурядицъ, принятъ лишь весною 1901 года. Соціалдемократическій союзъ и въ комиссіи, и въ общемъ собраніи энергично боролся за свое предложеніе 8 часового рабочаго дня, но, къ сожалѣнію, напрасно. Но, когда на прямой вопросъ соціалдемократическаго оратора представитель правительства въ публичномъ засѣданіи парламента заявилъ, что законопроектъ считаетъ 9-тичасовой рабочій день отъ начала спуска въ шахту перваго рабочаго и до подъема послѣдняго, то и соціалдемократическій союзъ голосовалъ за принятіе законопроекта. Перваго іюля этотъ законъ получилъ санкцію, послѣ того, какъ онъ въ палатѣ господъ съ большимъ трудомъ избѣжалъ пораженія со стороны углепромышленныхъ графовъ. Что *стачка углекоповъ была борьбою всей соціалдемократической партіи противъ экономической эксплоатаціи*, показываетъ и почтенная сумма въ 328740 кронъ, которая была собрана воодушевленною солидарностью австрійскаго и международнаго рабочаго класса. Эта самая могучая изъ всѣхъ экономическихъ битвъ, пе-

режитыхъ до сихъ поръ Австріей, продолжалась съ 2 января по 8 апрѣля 1900 года».

Намъ нечего прибавлять къ этой партійной характеристикѣ всеобщей стачки углекоповъ, но ради безпристрастія слѣдуетъ указать, что стачка вспыхнула *противъ воли* соціалдемократическихъ руководителей. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи, такъ сказать, официальное удостовѣреніе въ отчетѣ чехославянской соціалдемократіи тому-же вѣнскому партейтагу.

«И въ экономической борьбѣ—говоритъ этотъ отчетъ — проявилась большая боевая готовность и сила нашихъ организацій. Мы упомянемъ здѣсь всеобщую стачку углекоповъ, которая, *начавшись прямо противъ воли партіи*, все же встрѣтила съ ея стороны дѣятельную поддержку, что облегчило спокойное теченіе стачки и ея хотя не полный успѣхъ.»

Здѣсь уже партія витаетъ надъ рабочимъ движеніемъ и даруетъ ему побѣду, несмотря на то, что оно идетъ въ разрѣзъ съ его волей. Что въ самомъ дѣлѣ значитъ трехмѣсячная стачка 70.000 углекоповъ по сравненію съ рѣчами 10 соціалдемократовъ въ вѣнскомъ парламентѣ?!

Если не противъ воли, то во всякомъ случаѣ помимо воли соціалдемократической партіи произошли замѣчательныя стачки 1902 г. въ Тріестѣ и Галиціи. Тріестская стачка, начавшаяся забастовкой кочегаровъ, перешла во всеобщую и на нѣсколько дней остановила всю промышленную и торговую жизнь въ Тріестѣ. Въ галицейской стачкѣ принимало участіе до 100.000 сельскохозяйственныхъ рабочихъ; противъ нихъ по приказу польской шляхты австрійское правительство направило полицейскія, военныя, административныя и судебныя силы, но стачечникамъ все же удалось добиться повышенія заработной платы. Эта стачка особенно ясно показала, какое огромное значеніе имѣютъ массовыя забастовки для сельскохозяйственныхъ рабочихъ, какимъ сильнымъ революціоннымъ средствомъ онѣ являются въ рукахъ деревенскаго пролетаріата, разъ только онъ научился имъ пользоваться и *примѣнять во время*, т. е. когда спѣлые помѣщичьи хлѣба нетерпѣливо ждутъ серпа или косы.

Еще раньше, чѣмъ въ Галиціи къ массовымъ стачкамъ въ своей классовой борьбѣ прибѣгъ деревенскій

пролетаріатъ въ **Венгріи**. Здѣсь въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ ведется упорная борьба между сельскимъ пролетаріатомъ и деревенскими магнатами. Борьба эта проявляется главнымъ образомъ стачками, которыя ведутъ къ образованію союзовъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, и въ этихъ союзахъ идетъ энергичная подготовительная работа для всеобщей сельскохозяйственной стачки.

Вообще въ Австріи и Венгріи точно также, какъ и въ другихъ странахъ стачки становятся болѣе внушительными, несмотря на то, что борьба національностей, свирѣпствующая въ искусственно составленной имперіи Габсбурговъ, является для рабочаго движенія моментомъ неблагопріятнымъ. Но нѣтъ такой національной вражды, которую въ концѣ концовъ не преодолѣла бы пролетарская солидарность.

Мы подошли къ Россіи, но сперва намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ о самой близкой въ данное время и самой интересной для Россіи странѣ — **Японіи**.

Японія была захвачена въ капиталистическій водоворотъ позднѣе всѣхъ современныхъ «культурныхъ» государствъ, позднѣе даже Россіи, и отчасти въ зависимости отъ этого капитализмъ развился въ ней необычайно быстро, необычайно «пышно», быстрѣе и пышнѣе, чѣмъ даже въ Россіи. Вотъ нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ. Въ 1894 г. фабрикъ съ паровыми, электрическими и т. д. двигателями было 2409, въ 1900 г. число ихъ *уменьшилось* до 2388, но производительная способность ихъ, выраженная въ лошадиныхъ силахъ, за тѣ же 7 лѣтъ *поднялась* съ 41.031 до 95.392, т. е. болѣе, чѣмъ на 120%. Вывозъ каменнаго угля съ 1886 по 1889 г. поднялся по вѣсу въ 4 раза, по цѣнности въ 6 разъ. Желѣзнодорожная сѣть 1882 г. по 1889 г. поднялась съ 280 километровъ въ 1882 г. до 1686 кил. въ 1889 г.

Зная эти цыфры, можно напередъ съ увѣренностью сказать, что въ Японіи уже существуетъ рабочее движеніе, что пролетаріатъ ея уже подготовляется стачками для сознательной борьбы, какъ со своей собственной, такъ и международной буржуазіей. И дѣйстви-

тельно достовѣрныя данныя*) объ японскомъ рабочемъ движеніи вполнѣ подтверждаютъ эту увѣренность. Стачки были извѣстны еще японскимъ среднимъ вѣкамъ, это были лишь небольшія забастовки подмастерьевъ; промышленнаго пролетаріата въ современномъ значеніи этого слова тогда еще не существовало. Настоящее пролетарское движеніе начинается лишь съ 80-хъ годовъ, когда японскій капитализмъ въ своей погонѣ за прибылью особенно ярко проявилъ свою жестокую хищническую природу. Съ необычайною быстротою промышленный пролетаріатъ былъ брошенъ въ капиталистическій адъ нищеты, угнетенія, безчисленныхъ профессіональныхъ болѣзней и жестокихъ издѣвательствъ. Но у современной крупной промышленности кромѣ мертвой воды есть вода живая. Зародилась и быстро стала развиваться пролетарская солидарность, пролетарскій совмѣстный протестъ. Пришелъ конецъ терпѣнію, былъ сдѣланъ первый шагъ къ концу страданія. Послѣ ряда мелкихъ стачекъ въ 1900 г. грянула желѣзнодорожная стачка машинистовъ и кочегаровъ, которая продолжалась 5 дней, и внесла большое замѣшательство въ желѣзнодорожное движеніе. Буржуазія страшно перепугалась, желѣзнодорожная компанія поспѣшила уступить стачечникамъ, но тотчасъ послѣ возобновленія работъ, парламентъ по предложенію правительства принялъ законъ, по которому всякое подстрекательство къ стачкѣ наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ. Но этотъ законъ не остановилъ стачечнаго движенія, а положилъ лишь начало соціалистической партіи, основу которой составили желѣзнодорожные рабочіе, выигравшіе стачку 1900 г.

«Во всѣхъ концахъ и углахъ идетъ броженіе — говоритъ Экштейнъ—безпрерывно возникаютъ стачки, которыя правда часто, особенно вслѣдствіе грубого и безцеремоннаго вмѣшательства полицейской силы, ос-

*) Данныя для рабочаго движенія въ Японіи мы заимствуемъ изъ превосходныхъ статей Густава Экштейна «Die Arbeiterbewegung im modernen Japon», помѣщенныхъ въ «Die Neue Zeit» за 1904 годъ. Экштейнъ имѣлъ возможность познакомиться съ японскимъ движеніемъ не только по первоисточникамъ, но и по личнымъ наблюденіямъ за время своего пребыванія въ «странѣ восходящаго солнца».

таются безуспѣшными, но онѣ являются симптомомъ того, какъ уже могуче въ настоящее время движеніе въ Японіи, тѣмъ болѣе, что эти экономическія битвы часто ведутъ къ основанію рабочихъ союзовъ. Разумѣется японскимъ рабочимъ приходится еще дорого платить за ученіе, но отъ этого не былъ избавленъ рабочій классъ ни въ одной странѣ. Самоотверженная и энергичная работа заслуженныхъ вождей движенія служитъ ручательствомъ того, что если эти битвы пока часто безуспѣшны, то все же онѣ не безплодны».

Японскій пролетаріатъ уже и теперь имѣетъ почетное право стать въ ряды международнаго пролетаріата рядомъ со своими товарищами и братьями, пролетаріями русскими. Всемірная буржуазія, господствующая, какъ въ Россіи, такъ и въ Японіи, пользуясь недостаточною сознательностью японскихъ и русскихъ рабочихъ, сдѣлала ихъ на время жестокими врагами, но близко то время, когда всемірный пролетаріатъ объединитъ ихъ въ своихъ трудовыхъ рядахъ.

Въ **Россіи** рабочій классъ проявлялъ свою пролетарскую солидарность еще въ самый разгаръ крѣпостнаго права, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Слово «стачка» было въ то время, кажется, неизвѣстно, но фактически стачечная борьба уже существовала. Тугану Барановскому удалось разыскать въ департаментскихъ архивахъ чрезвычайно интересныя «дѣла» о рабочихъ безпорядкахъ на *поссесіонныхъ фабрикахъ**), и въ своемъ изслѣдованіи «Русская фабрика» онъ даетъ поучительную картину упорной борьбы, которую рабочіе вели со своими хозяевами за увеличеніе платы, уменьшеніе рабочаго дня и за освобожденіе отъ фабричнаго крѣпостничества. Повсюду рабочіе прежде всего прибѣгаютъ къ прошеніямъ, стараясь чтобъ они достигли непосредственно царя, но эти прошенія они нерѣдко подкрѣпляютъ массовымъ отказомъ отъ работы.

---

*) «Поссессіонными фабриками назывались такія, которыя получили отъ правительства пособіе землей, строеніями, рабочими людьми или были устроены на счетъ денежныхъ суммъ, отпущенныхъ казной въ пособіе безъ возврата, или же получили дозволеніе на покупку крестьянъ, если владѣльцы ихъ по званію своему не имѣли на это права.»

Такъ, напримѣръ, еще въ 1800 году рабочіе Фряновской поссессіонной шелковой фабрики (въ Богородскомъ уѣздѣ), подавъ жалобу на владѣльца фабрики Лазарева императору Павлу, въ ожиданіи отвѣта, отказались работать. «Они сами собой — говоритъ соотвѣтствующее «дѣло» — отлучились отъ фабрики и отъ домовъ своихъ и, скитаясь толпой въ развращенномъ видѣ по разнымъ мѣстамъ, позволяли себѣ многія непристойства.» Въ отвѣтъ на жалобу послѣдовали плети, которыми жестоко были наказаны зачинщики. Но упорство рабочихъ не удалось сломить, и въ 1802 году Богородскій земскій судъ писалъ, что «Фряновскіе мастеровые, закоснѣвъ въ буйствахъ, къ повиновенію впредь владѣльцу признаются безнадежными.» Послѣ долгой упорной борьбы, Фряновскіе рабочіе добились въ концѣ 30-хъ годовъ выполненія многих своихъ требованій, между прочимъ свободнаго выбора старостъ.

Розгамъ, плетямъ, Сибири, рекрутчинѣ и прочимъ правительственнымъ увѣщаніямъ рабочіе, какъ Фряновской фабрики, такъ и всѣхъ другихъ поссессіонныхъ фабрикъ и заводовъ, противоставляли свою непоколебимую солидарность и мученическое самоотверженіе. Даже канцелярскій слогъ враждебныхъ рабочимъ чиновничьихъ отчетовъ не можетъ скрыть величавой стойкости рабочей толпы и не менѣе величаваго мученическаго вѣнца, который принимали ихъ ходоки, защищая интересы своихъ братьевъ по труду.

Поразительно въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ 50-лѣтняя борьба рабочихъ на большой суконной фабрикѣ Осокина въ Казани. Въ отвѣтъ на жалобу, поданную императору Павлу почти одновременно съ рабочими фряновской мануфактуры, казанскіе суконщики получили угрозу ссылки въ Сибирь и требованіе дать подписку въ повиновеніи хозяину, но рабочіе отказались дать требуемую подписку и еще упорнѣе стали бороться противъ Осокина. Осокинъ требовалъ, между прочимъ, чтобы въ работахъ принимали участіе и женщины, но суконщики воспротивились этому и Осокину не удалось ввести женскаго труда. Въ 1817 г. рабочіе тайно отправили съ жалобой государю своихъ повѣренныхъ Соколова и Ефремова. Оба повѣренные были арестованы и отправлены обратно въ Казань

въ кандалахъ. По дорогѣ Ефремовъ «претерпѣвшій въ пути неограниченное мученіе, не могши снести сего, умеръ», а Соколовъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ. Несмотря на это, подача жалобъ не прекращается, и въ 1819 г. рабочіе для подкрѣпленія одной изъ своихъ жалобъ устраиваютъ стачку. Они «отказывались работать на фабрикѣ и значительная часть ихъ совсѣмъ не являлась на фабрику». Чиновники составляютъ новое положеніе, регулирующее отношеніе между владѣльцами и рабочими; положеніе, облеченное въ сенатскій указъ, прочитывается имъ лично губернаторомъ, но рабочіе, говоритъ «дѣло», «съ грубостью объявили, что хотя они все то, о чемъ имъ было внушаемо, а равно и относящіеся къ сему документы, и поняли совершенно, но все оное почитаютъ за обманъ». Зачинщики были взяты подъ стражу и отправлены на иркутскую фабрику, всѣ прочіе «подвергнуты полицейскимъ наказаніямъ». Тогда рабочіе заключаютъ тайное письменное соглашеніе, которымъ обязываются ни въ коемъ случаѣ не уступать требованіямъ начальства.

Въ 1824 г. десять рабочихъ были приговорены къ наказанію плетьми, и одинъ рабочій *Михаилъ Мясниковъ*, виновный лишь въ томъ, что передалъ бумагу съ соглашеніемъ своему отцу, долженъ былъ присутствовать при наказаніи его товарищей, при чемъ ему было объявлено, что, если онъ выдастъ лицо, составившее соглашеніе, то будетъ избавленъ отъ наказанія, если же нѣтъ, то будетъ наказанъ тяжелѣе другихъ. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; Михаилъ Мясниковъ присутствовалъ при наказаніи его товарищей, при чемъ его отецъ былъ засѣченъ до смерти, *но товарищей своихъ не выдалъ*.

Борьба продолжалась съ прежнимъ упорствомъ рабочихъ, съ прежнею жестокостью властей; въ концѣ концовъ непоколебимое упорство побѣдило жестокость: въ 1849 г. казанскіе суконщики «получили свободу, за которую такъ отчаянно боролись».

Борьба осокинскихъ рабочихъ типична для борьбы на всѣхъ поссессіонныхъ фабрикахъ. Жалобы и забастовки съ одной стороны, плети и Сибирь, съ другой, и въ концѣ концовъ большею частью побѣда, хотя, конечно, и не полная, самоотверженной солидарности надъ без-

пощадной жестокостью. «Дѣло» о волненіяхъ на шелковой фабрикѣ въ селѣ Кубавлѣ (Богородскаго уѣзда) сохранило для исторіи интересный случай нравственнаго воздѣйствія рабочей солидарности даже на палача и солдатъ. Въ 1834 г. рабочіе подали жалобу на недостаточность заработной платы и *прекратили работы*. Полиція хотѣла арестовать зачинщиковъ, но рабочіе отстояли ихъ, тотда явились войска, и началось обычное наказаніе плетьми. «Когда троихъ наказали — гласитъ новое прошеніе рабочихъ министру финансовъ — а потомъ хотѣли наказывать еще двоихъ, то заплечный мастеръ, видя, что всѣ понятые и собравшійся народъ единогласно кричали, что напрасно кровь проливаютъ, и къ тому же указъ не читали, бросилъ плети и не сталъ наказывать и прямо сказалъ капитанъ-исправнику: самъ наказывай, а солдаты также преклонили ружья, а капитанъ-исправникъ приказалъ наказывать сотскому сторонней деревни».

Какъ бы то ни было, но и въ этой крѣпостнической атмосферѣ зародилось и стало быстро развиваться стачечное движеніе. Само собой разумѣется, что оно зародилось совершенно самопроизвольно, безъ всякихъ революціонныхъ бациллъ и воздѣйствій со стороны. О развитіи рабочихъ стачекъ въ крѣпостную эпоху свидѣтельствуетъ между прочимъ Бутовскій въ своемъ «Опытѣ о народномъ богатствѣ», появившемся въ Петербургѣ въ 1847 г.

«Отъ нихъ (рабочихъ, отдаваемыхъ въ наймы къ помѣщикамъ на чужія фабрики) нельзя ожидать никого старанія, никакого порядка, фабриканту угрожали ежеминутные побѣги, воровства, плутовскія шашни; мы слышали, что подобные работники, на которыхъ не дѣйствуютъ ни увѣщанія, ни угрозы, *часто гуртомъ оставляли заведенія и останавливали работы въ самыя дорогія минуты*».

Вступая въ борьбу съ хозяевами, рабочіе не хохотѣли признавать себя крѣпостными и, чѣмъ больше развивалось стачечное движеніе, тѣмъ сильнѣе росло это чувство свободы. Несомнѣнно, что борьба поссессіонныхъ рабочихъ за свою свободу была однимъ изъ факторовъ, способствовавшихъ отмѣнѣ крѣпостного права вообще. Конечно, это было лишь однимъ изъ выраженій несовмѣстимости современнаго промышленнаго

развитія съ крѣпостнымъ состояніемъ. Крѣпостная зависимость была уничтожена, и промышленность, основанная на «свободномъ трудѣ», начала развиваться быстро и пышно; но свобода, способствуя развитію производительныхъ силъ, неминуемо должна была дать могучій толчекъ и развитію стачечнаго движенія. Не успѣлъ хорошенько укрѣпиться пореформенный капитализмъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ начинаютъ вспыхивать крупныя и серьезныя стачки, иногда протекающія очень бурно. Съ 70-хъ годовъ рабочіе безпорядки становится постояннымъ элементомъ въ русской смутѣ, и этотъ элементъ, постепенно отодвигая на задній планъ всѣ остальные, въ началѣ новаго столѣтія дѣлается господствующимъ. Почти всѣ рабочіе «безпорядки и волненія» трехъ послѣднихъ десятилѣтій включаютъ въ себя стачки.

Изъ стачекъ 70-хъ годовъ наиболѣе серьезными были стачки-безпорядки на Невской мануфактурѣ въ 1870 г., на суконной мануфактурѣ барона Штиглица въ 1875 г. и цѣлая эпидемія мирныхъ забастовокъ на на различныхъ петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ въ 1878—1879 годахъ. Въ петербургскихъ стачкахъ впервые проявилось «*стачечное зараженіе*». Первая стачка произошла въ мартѣ 1878 г. на Новой Бумагопрядильнѣ *). Она была вызвана пониженіемъ заработной платы и «новыми правилами».

Дореформенные рабочіе поссесіонныхъ фабрикъ, какъ мы видѣли, подкрѣпляли свои прошенія министрамъ и царю забастовками; пореформенные свободные пролетаріи вѣрили настоящимъ образомъ лишь въ стачки, но еще не избавились окончательно отъ суевѣрія, что и «прошеніе» можетъ помочь. Устроивъ стачку, они на всякій случай рѣшили обратиться съ жалобой къ наслѣднику. Прошеніе было торжественно снесено къ Аничкову дворцу и принято, если не самимъ наслѣдникомъ, то самимъ градоначальникомъ. «Прошеніе» осталось безъ всякаго отвѣта, если не считать усиленіе полицейскихъ мѣръ, и многіе изъ стачечниковъ навсегда были излечены отъ своего суевѣрія. Стачка длилась двѣ недѣли, не принося *непосредственныхъ* выгодъ рабочимъ, но она во всякомъ слу-

*) См. Г. Плехановъ «Русскій рабочій въ революц. движеніи».

чаѣ не понизила, а повысила боевое настроеніе петербургскихъ рабочихъ. Въ ноябрѣ того же года вспыхнула стачка на прядильной фабрикѣ Кенига за Нарвской заставой. Любопытно, что эту стачку начали «задніе» мальчики отъ 12—14 лѣтъ, на которыхъ наложили новыя обязанности — «сортировку пыли», заднихъ мальчиковъ поддержали средніе (17—19 лѣтъ), а затѣмъ встали и всѣ взрослые рабочіе. Стачечники держались такъ стойко, что Кенигу, не желавшему уступить, пришлось разсчитать всѣхъ рабочихъ.

Между стачками на Новой Бумагопрядильнѣ и у Кенига произошли стачки на фортепіанной фабрикѣ Беккера и табачной фабрикѣ Мичри, окончившіяся побѣдой рабочихъ и работницъ. Въ 1879 году въ стачечномъ движеніи замѣтны уже слабые признаки всеобщности. Солидарность переходитъ за предѣлы одной фабрики и объединяетъ въ классовой борьбѣ петербургскихъ рабочихъ различныхъ хозяевъ. Движеніе началось опять таки на Новой Бумагопрядильнѣ, находящейся на Обводномъ Каналѣ, и немедленно заразило рабочихъ фабрики Шау за Невской заставой. Между стачечниками этихъ двухъ фабрикъ установились постоянныя сношенія при посредствѣ выборныхъ, и были выработаны общія требованія, предъявленныя хозяевамъ. Объединенные стачечники по собственной иниціативѣ обратились съ воззваніемъ къ рабочимъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, сущность котораго заключалась въ словахъ: «Будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго». Эти простыя, но тѣмъ не менѣе полныя глубокаго смысла слова вылились у рабочихъ изъ самого «нутра», помимо всякихъ постороннихъ вліяній, и могутъ служить превосходнымъ девизомъ для всего рабочаго движенія. «Эти слова: «Будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго», — говоритъ Плехановъ, — какъ видно, хорошо выразили тогдашнее настроеніе петербургскихъ рабочихъ, потому что послѣ неизмѣнно повторялись ими во всевозможныхъ случаяхъ ихъ борьбы съ полиціей и предпринимателями».

Воззваніе не осталось безъ отвѣта: почти на всѣхъ фабрикахъ происходили сборы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхнули даже небольшія стачки по симпатіи. Стачечники держались спокойно, но полиція, конечно,

усердствовала и арестовывала зачинщиковъ. Аресты зачинщиковъ всюду и всегда страшно возбуждаютъ стачечниковъ, нерѣдко готовыхъ идти подъ пули, чтобы освободить захваченныхъ въ плѣнъ товарищей. И въ данномъ случаѣ стачечники двинулись толпою къ дому градоначальника съ требованіемъ освободить арестованныхъ. Полиція и жандармы отрѣзали имъ дорогу, произошла обычная битва между вооруженными и безоружными, и безоружные были разбиты. Послѣ этой побѣды полиція приняла противъ стачки еще болѣе рѣшительныя мѣры. Аресты и высылки приняли массовой характеръ, лавочникамъ запрещено было выдавать продукты стачечникамъ въ долгъ и пр.

Рабочіе продержались двѣ недѣли, но затѣмъ принуждены были сдаться, получивъ лишь самыя незначительныя уступки. Несмотря на «пораженіе», эти стачки были огромнымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія рабочей солидарности и сознанія. Только во время совмѣстной борьбы, только во время совмѣстныхъ лишеній и страданій пролетаріи проникаются сознаніемъ необходимости твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго, а это сознаніе пролетарское «симъ побѣдиши».

Въ началѣ 80-хъ годовъ «стачки волненія» вспыхиваютъ почти одновременно въ различныхъ концахъ россійской имперіи, и гдѣ разъ прогремѣла стачка, все равно успѣшная или неуспѣшная, тамъ уже навсегда завелась неискоренимая смута. Особенно бурнымъ въ этомъ отношеніи былъ 1882 г., когда крупныя стачки происходили въ Нарвѣ на Кренгольмской мануфактурѣ, въ Перми на пушечномъ заводѣ, въ Петербургѣ на гвоздичномъ заводѣ, въ Жирардовѣ около Варшавы на заводѣ Гиллѣ и т. д.. Самой замѣчательной была Жирардовская стачка, *) положившая начало польскому стачечному движенію. Стачку начали женщины шпулярки, протестуя противъ уменьшенія заработной платы. Постепенно движеніе захватило и всѣхъ рабочихъ мужчинъ, такъ что къ концу четвертаго дня изъ 8000 рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ,

*) Л. Плохоцкій. «Стачечная борьба польскихъ рабочихъ», Жизнь № 6, 1902. Изъ этой интересной статьи мы заимствуемъ данныя о стачкахъ въ Польскомъ краѣ.

уже никто не работалъ. Стачка носила «бурный» характеръ. Дѣло дошло до столкновенія съ казаками и войскомъ. Толпу не устрашили ни казацкія нагайки, ни солдатскія атаки, ни даже ружейные залпы. Послѣ залпа, убившаго трехъ стачечниковъ наповалъ и ранившаго 15 человѣкъ, толпа не разсѣялась, какъ это бываетъ обыкновенно. Эта стойкость испугала губернатора и онъ обратился къ рабочимъ съ рѣчью, обѣщая отдать подъ судъ стрѣлявшихъ, выпустить арестованныхъ и т. д. На шестой день владѣльцы фабрики, испуганные возраставшимъ волненіемъ среди стачечниковъ, сдались. Они обязались сократить рабочій день на одинъ часъ, повысить плату шпуляркамъ, дать раненымъ занятія на фабрикѣ до конца ихъ жизни, похоронить на свой счетъ убитыхъ, заплатить за дни стачки, причемъ никого ничѣмъ за стачку не наказывать, завести фабричныя лавки, въ которыхъ съѣстные припасы продавались бы дешевле, чѣмъ въ городскихъ, разсчитать директора Франке и другихъ особенно нелюбимыхъ рабочими членовъ администраціи. Однимъ словомъ побѣда была полная.

Развитіе стачечнаго движенія заставило правительство вступить на путь рабочаго законодательства. Въ іюнѣ 1882 г. былъ изданъ законъ, запрещавшій пріемъ на фабрики малолѣтнихъ ниже 12 лѣтъ и ограничившій работу подростковъ отъ 12—15 лѣтъ 8 часами при полномъ запрещеніи для нихъ ночной работы. Въ то же время для надзора для выполненія этихъ правилъ введены фабричные инспектора.

Между тѣмъ стачки и волненія разгорались все сильнѣе. Главнымъ очагомъ былъ теперь Ярославско-Владимірскій районъ, этотъ русскій Ланкаширъ съ его извѣстными промышленными центрами, Иваново-Вознесенскимъ, Орѣхово-Зуевымъ и т. д. «Въ 1884 и 1885 гг. во Владимірской губерніи, — говоритъ фабричный инспекторъ Дементьевъ — стачки участились и приняли такой бурный характеръ, что улучшеніе положенія рабочихъ сдѣлалось прямо необходимымъ. Внѣшнее спокойство достигалось только при помощи военной силы». Наиболѣе ярко, сильно и бурно проявились рабочее недовольство и рабочая солидарность въ исторической морозовской стачкѣ 1885 г., когда сразу забастовало 8000 рабочихъ Никольской ману-

фактуры Саввы Морозова въ Орѣхово-Зуевѣ. Одной изъ главныхъ причинъ «возстанія» было систематическое злоупотребленіе штрафами, которые достигая 300.000 рублей и болѣе въ годъ, составляли до 40% выдаваемой заработной платы. Стачка, руководимая рабочими Волковымъ и Моисеенкомъ, сопровождалась погромомъ фабричныхъ зданій. Изъ Владиміра были вызваны войска, начались аресты, высылки, и черезъ недѣлю стачка прекратилась. Часть арестованныхъ была предана суду присяжныхъ, которые оправдали всѣхъ обвиняемыхъ. На судѣ раскрылась масса всевозможныхъ злоупотребленій со стороны фабричной администраціи. Но правительство, конечно, не подумало бы о борьбѣ съ этими злоупотребленіями, не допустило бы ихъ оглашенія, не предало бы арестованныхъ гласному суду присяжныхъ, если бы не было серьезно испугано «зловѣщимъ» для него взрывомъ возмущенія 8000 морозовскихъ рабочихъ. Испугъ послужилъ толчкомъ къ изданію закона 3 іюня и правилъ 1 октября 1886 г.

Этимъ закономъ и этими правилами были, такъ сказать, санкціонированы почти всѣ требованія, которыя выставили морозовскіе рабочіе, начиная свою стачку. Введены расчетныя книжки; запрещены произвольные штрафы, размѣры которыхъ должны быть съ этихъ поръ утверждаемы фабричными инспекторами; запрещены выдачи платы товарами и купонами, установлено обязательно выдавать заработную плату не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ; запрещено дѣлать вычеты на на уплату долговъ, за врачебную помощь и т. д.; обязанности фабричныхъ инспекторовъ значительно расширены и проч.

Мы видимъ здѣсь, какъ рабочіе путемъ боевыхъ стачекъ могутъ оказывать серьезное вліяніе на законодательство даже въ самодержавномъ государствѣ. Морозовская стачка показала кромѣ того, что русскіе рабочіе уже научились хорошо формулировать свои требованія и начали понимать значеніе законодательной охраны труда лучше многихъ ученыхъ «соціальполитиковъ». Въ этомъ отношеніи очень характерно, что въ тѣ же 80-ые годы рабочими Шуйско-Ивановскаго района велась систематическая борьба *за уничтоженіе ночныхъ работъ*. Послѣ ряда мелкихъ забастовокъ на отдѣльныхъ фабрикахъ борьба эта осенью

1888 г. вылилась въ стачку ткачей всѣхъ Шуйскихъ фабрикъ. Ткачи держались очень дружно, и фабриканты принуждены были уступить. Ночныя работы были отмѣнены, но за то продолжительность рабочаго дня увеличена на одинъ часъ*). Ткачи были этимъ, конечно, недовольны и начали борьбу за уменьшеніе рабочаго дня: въ 1893 г. дружной стачкой имъ удалось добиться сокращенія рабочаго времени на одинъ часъ.

За этотъ же періодъ были крупныя стачки и безпорядки на мануфактурахъ Каретникова въ Тейковѣ, Зологина въ Твери, на Измайловской мануфактурѣ въ Москвѣ, на фабрикахъ Корзинкина въ Ярославлѣ, на Нитвинскихъ рудникахъ въ Пермской губерніи и т. д. Въ виду такого обширнаго и во многихъ случаяхъ побѣдоноснаго рабочаго движенія, трудно понять, какъ могъ Плехановъ въ 1891 г. заявить въ нѣмецкой соціалдемократической печати, что «до сихъ поръ русскому рабочему приходилось страдать подъ гнетомъ капитализма, *не имѣя возможности оказать ему серьезнаго сопротивленія*»,

«Теперь все ближе приближается время протеста — говорилъ онъ — время сознательной борьбы русскаго пролетаріата за его экономическое и политическое положеніе».

Время протеста въ началѣ 90-хъ годовъ не приближалось, оно было уже на лицо. Классовая борьба пролетаріата чипѣла въ Россіи уже въ 80-ые годы. Но, конечно, въ 90-ые годы эта борьба была шире, глубже и сознательнѣе, чѣмъ въ 80-ые годы, точно также, какъ начало новаго столѣтія далеко оставляетъ за собою въ этомъ отношеніи послѣдніе годы прошлаго вѣка.

Въ началѣ 90-хъ годовъ на первый планъ выдвигается стачечное движеніе въ Польскомъ краѣ, чему отчасти способствовала энергичная и умѣлая первомайская пропаганда**), но, разумѣется, основную причину нужно искать въ колоссальномъ развитіи крупной

*) «Рабочее движеніе въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ за послѣдніе 15 лѣтъ».

**) О «Первомъ Маѣ», какъ заграницей, такъ и въ Россіи, намъ придется еще говорить нѣсколько позже.

промышленности въ Лодзи и другихъ промышленныхъ центрахъ Западнаго Края, необычайно быстро выросшихъ, благодаря наплыву иностранныхъ капиталовъ, предпринимателей и даже рабочихъ. Въ 1890 году въ Варшавѣ образуется касса сопротивленія, быстро пріобрѣтающая членовъ во всѣхъ варшавскихъ фабрикахъ. «Самое существованіе кассы — говоритъ Плохоцкій — вліяетъ одобряющее на рабочую массу, которая расхватываетъ атитаціонную брошюрку, выясняющую значеніе этой кассы и пользу стачекъ.» Въ 1891 г. въ Домбровѣ происходила стачка 2.000 горнорабочихъ, требовавшихъ измѣненія способа выдачи заработка; затѣмъ, подъ вліяніемъ празднованія Перваго Мая, которое почти вездѣ изъ манифестаціи превращается въ стачку, въ Лодзи бастуютъ около 5.000 рабочихъ, а въ знакомомъ уже намъ Жирардовѣ цѣлую недѣлю «стоятъ всѣ фабрики, и происходитъ кровавое столкновеніе между забастовщиками и казаками.» Въ іюнѣ стачечная эпидемія захватываетъ Варшаву, гдѣ одновременно бастуютъ фабрики различныхъ промышленныхъ отраслей. Между тѣмъ, по примѣру варшавской кассы, въ Лодзи возникаютъ нѣсколько спеціальныхъ кассъ сопротивленія въ отдѣльныхъ ремеслахъ. Стачечное движеніе постепенно захватываетъ не только фабричныхъ, заводскихъ, рудничныхъ, но и строительныхъ рабочихъ, которые весною 1892 года упорной стачкой добиваются улучшенія условій труда. Развиваясь вширь, стачечное движеніе прорывается въ тоже время бурнымъ взрывомъ въ майскомъ возстаніи лодзинскихъ рабочихъ. Возстаніе началось 5-го мая 1892 года стачкой на одной изъ небольшихъ фабрикъ въ сѣверо западной части Лодзи. Стачечники, требовавшіе сокращенія рабочаго дня и увеличенія платы, двинулись съ пѣснями къ другимъ фабрикамъ, провозглашая всеобщую забастовку. Призывъ былъ встрѣченъ сочувственно, толпа пополнялась все новыми и новыми стачечниками, грозной волной двигалась по улицамъ Лодзи, на встрѣчу ей была выслана полиція и отрядъ войскъ. Полиція произвела нѣсколько арестовъ, рабочіе бросились отбивать арестованныхъ. Въ солдатъ посыпались камни, тѣ отвѣтили выстрѣлами, убившими пять человѣкъ. Но толпа не разсѣялась, а съ яростью бросилась на солдатъ, и ея натискъ

былъ такъ силенъ, что полиція и войска въ безпорядкѣ отступили. Гурко изъ Варшавы телеграфировалъ: «Стрѣлять, патроновъ не жалѣть.» Въ разныхъ концахъ города начались схватки между рабочими и войсками. Войскъ было около 4.000, но противъ нихъ стоялъ весь лодзинскій пролетаріатъ. Побѣда стала склоняться на сторону стачечниковъ, которые повсюду перешли въ наступленіе, такъ что уже не рабочимъ, а солдатамъ приходилось сооружать баррикады. Тюрьма и казармы были взяты стачечниками приступомъ; всѣ арестованные освобождены, власти и фабриканты бѣжали изъ города; войска тоже должны были отступить и очистить его. Лодзь находилась въ рукахъ рабочихъ; настроеніе ихъ было торжествующее, но какъ воспользоваться побѣдой никто хорошенько не зналъ. Многіе рабочіе обвиняли соціалистовъ, что тѣ только прокламаціи разбрасываютъ, а потомъ, когда ихъ присутствіе крайне необходимо, ихъ не отыщешь.

Между тѣмъ власти, конечно, не бездѣйствовали. Прежде всего имъ удалось въ лодзинскомъ предмѣстьи Балуты вызвать еврейскій погромъ; стачечники не принимали въ немъ участія, но онъ содѣйствовалъ упадку духа и унынію, которое вообще наступаетъ легко послѣ народной побѣды, результатами которой народъ не умѣетъ или не можетъ воспользоваться. Со всѣхъ сторонъ къ Лодзи сгоняли солдатъ, и вскорѣ городъ почти безъ сопротивленія былъ занятъ сорокотысячной арміей. Черезъ нѣсколько дней сто тысячъ возставшихъ рабочихъ вернулись на фабрики, и все пошло своимъ порядкомъ. Жертвъ съ обѣихъ сторонъ было много: рабочихъ было убито 108, солдатъ убито и тяжело ранено 50. Но кровь пролилась не даромъ. Лодзинская стачка-революція всколыхнула пролетаріатъ всей Польши. При извѣстіи о событіяхъ въ Лодзи забастовали рабочіе Побьяницъ, Згержи, Здунской Воли и продержались двѣ недѣли. Въ іюлѣ забастовала часть горнорабочихъ Домбровскаго округа и т. д.

«Вообще майскія событія въ Лодзи» — говоритъ Плохоцкій — произвели громадное впечатлѣніе на рабочихъ всей Польши. О нихъ зналъ буквально каждый, и они стали однимъ изъ исходныхъ пунктовъ новой эпохи польскаго рабочаго движенія.»

Почти одновременно съ стачкой-возстаніемъ въ Лодзи, въ томъ же 1892 году произошли бурные рабочіе безпорядки и въ одномъ изъ центровъ нашего промышленнаго юга, тоже созданнаго» иностранными капиталами. «Культурная» эксплуатація англійскихъ капиталистовъ довела рабочихъ Юзовскаго завода до взрыва отчаянья и ненависти. Рабочіе произвели погромъ и были жестоко усмирены военной силою. Арестованные были преданы военному суду, и нѣкоторые приговорены къ смертной казни.

Въ серединѣ 90-хъ волна рабочаго движенія особенно могуче подымается въ Петербургѣ. Здѣсь въ маѣ 1896 года происходитъ великая стачка рабочихъ почти всѣхъ ткацко-прядильныхъ фабрикъ.

Этой массовой стачкѣ ткачей предшествовала масса стачекъ на отдѣльныхъ петербургскихъ фабрикахъ, заводахъ и т. д.*)

Зимою 1894/95 года происходятъ «безпорядки» на Семянниковскомъ заводѣ и стачки «въ Порту» (портовыхъ рабочихъ) и на бумагопрядильнѣ Воронина. Въ ноябрѣ 1895 года вспыхиваетъ стачка на фабрикѣ Торнтона, забастовка-бунтъ папиросницъ у Лаферма и стачка на фабрикѣ «Т-ва механическаго производства обуви». Всѣ эти стачки и волненія, сопровождавшіяся нѣкоторыми уступками со стороны хозяевъ, подняли въ рабочихъ энергію и «вѣру въ силу массового натиска.»

Тайныя рабочія организаціи разливались и крѣпли; броженіе охватило постепенно весь рабочій Петербургъ. Въ началѣ 1896 года происходятъ забастовки на ткацкой фабрикѣ Лебедева, у Кенига на Самсоньевской мануфактурѣ, вновь у Воронина, на Сѣстрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ, на Калинкинской мануфактурѣ, въ мастерскихъ варшавской желѣзной дороги, на Бальтійскомъ заводѣ, вновь у Лаферма...

Всѣ эти потрясенія «порядка» показывали, что въ нѣдрахъ трудового Петербурга клокотали могучія силы протеста. Настоящимъ образомъ онѣ прорвались въ

---

*) Данныя для исторіи петербургскихъ стачекъ 90-хъ годовъ мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ «Очерка петербургскаго рабочаго движенія» Петербуржца. («Жизнь» № 4 и 5, 1902 г. и «Библіотека Жизни», № 13).

майской стачкѣ ткачей, которая грянула непосредственно за ходынской коронаціей. Первой остановилась 27-го мая Россійская мануфактура, хотя требованіе рабочихъ уплатить за коронаціонные дни было исполнено. Въ тотъ же день остановилась большая «Екатерингофская» мануфактура; затѣмъ «зараза» охватила двѣ «Кениговскихъ», «Митрофаньевскую», «Тріумфальную», «Новую», «Кожевниковскую» и т. д. Съ Обводнаго канала стачка распространилась за Нарвскую и Невскую заставы, на Выборгскую и Петербургскую сторону, на Васильевскій островъ. Въ началѣ іюня бастовало болѣе 30.000 ткачей, и работа остановилась почти во всѣхъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ мануфактурахъ или фабрикахъ. Заволновались рабочіе и другихъ отраслей производства, поговаривали о всеобщей стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ; но для проявленія этой высшей формы рабочей солидарности петербургскій пролетаріатъ въ то время еще не былъ готовъ.

Въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, говорятъ, очень боялись, что стачка распространится и на большіе механическіе заводы, и считали, что тогда придется «уступить».

Но, не присоединяясь къ стачкѣ, рабочіе механическихъ заводовъ отнюдь не оставались равнодушны къ борьбѣ своихъ товарищей ткачей; они поддерживали ихъ матеріальною помощью.

«На заводахъ шли правильно организованные сборы.» Многіе изъ «заводскихъ» даже и противъ всеобщей стачки возражали на томъ основаніи, что тогда всѣ лишатся заработка и некому будетъ помогать. Возраженіе въ данномъ случаѣ, конечно, не основательное, такъ какъ все равно достаточной денежной поддержки они оказать не могли, при русскихъ условіяхъ даже непосредственнаго успѣха можно ожидать гораздо больше отъ всеобщности, отъ широкаго захвата стачки, чѣмъ отъ ея длительности и упорства.

Основнымъ требованіемъ ткачей было сокращеніе рабочаго дня съ 13 часовъ на 10 1/2 час. Добиться выполненія его имъ не удалось, и забастовщики послѣ двухъ, трехъ недѣль упорной борьбы вернулись на фабрики при старыхъ условіяхъ, но вернулись они,

какъ замѣчаетъ Петербуржецъ, уже не тѣми, какими покинули ихъ при началѣ забастовки.

За двѣ недѣли стачки классовая солидарность и классовое сознаніе петербургскихъ рабочихъ сдѣлали гигантскій шагъ впередъ. Стачечники пріостановили острую борьбу, чтобы подготовиться къ еще болѣе острой и рѣшительной.

Во время стачки имъ постоянно приходилось сталкиваться съ представителями государственной власти и они хорошо поняли ея родственныя отношенія съ фабрикантами; имъ пришлось почувствовать силу правительственно-хозяйской власти, но они почувствовали и свою собственную силу. Силу рабочихъ почувствовало и само буржуазное самодержавіе. Уже во время стачки фабричные инспектора старались успокоить стачечниковъ увѣреніемъ, что само правительство озабочено необходимостью сократить рабочій день законодательнымъ путемъ. Эти обѣщанія несомнѣнно производили успокаивающее дѣйствіе и были приняты рабочими къ свѣдѣнію. Буржуазное самодержавіе поняло, что совершенно обмануть рабочихъ на этотъ разъ опасно. Рабочіе были «на чеку» не въ одномъ только Петербургѣ. Вѣсть о петербургской стачкѣ разнеслась по всей Россіи, и во многихъ мѣстахъ всколыхнулся рабочій народъ. Въ Москвѣ при полученіи извѣстія о стачкѣ на заводахъ и фабрикахъ началось сильное возбужденіе.

«Забастовка и стачка были у всѣхъ на языкѣ; многихъ потянуло въ Петербургъ».—«Помогать, помогать! — съ возбужденными лицами кричали рабочіе, одной изъ московскихъ фабрикъ, прочитавъ прокламацію о борьбѣ петербургскихъ ткачей. «Вѣтеръ съ запада дуетъ! Забастуемъ братцы!*)»

Вскорѣ забастовали на заводѣ Перунда, въ мастерскихъ Курской желѣзной дороги, въ мастерскихъ Смоленской, на фабрикѣ Грессера и т. д.

Еще болѣе «неспокойно» было въ Западномъ краѣ, гдѣ на ряду съ пролетаріями польскими, нѣмецкими, русскими стали принимать живое участіе въ стачечной

---

*) «Изъ воспоминаній рабочаго», К. Мироновъ («Вѣстникъ Русской Революціи, № 3).

борьбѣ и пролетаріи еврейскіе съ ихъ сильно развитымъ товарищескимъ чувствомъ.

Въ 1894 году въ Бендзинскомъ уѣздѣ, Петраковской губ. дважды вспыхивала стачка 5000 ткачей и прядильщиковъ акціонерной фабрики «Заверце», принадлежащей берлинскимъ капиталистамъ. Получивъ извѣстіе о первой забастовкѣ, берлинскіе акціонеры телеграфировали, что слѣдуетъ закрыть фабрику на шесть недѣль и разсчитать вожаковъ; рабочіе не испугались; тогда на помощь берлинскимъ капиталистамъ явилась русская администрація въ лицѣ губернатора Миллера, но и его увѣщанія произвели мало впечатлѣнія; въ концѣ концовъ нѣмецкая фабричная администрація пошла на уступки, уплативъ за дни стачки и обѣщавъ разсмотрѣть требованіе о повышеніи расцѣнокъ. Рабочіе прекратили стачку, но, такъ какъ изъ «разсмотрѣнія» ничего ни выходило, то черезъ мѣсяцъ снова забастовали. На этотъ разъ политическій представитель берлинскихъ капиталистовъ не ограничился увѣщаніемъ, а принялъ «мѣры»: изъ Ченстова явились драгуны, иностранныхъ подданныхъ стали высылать въ Пруссію и Австрію, предварительно подвергая тѣлесному наказанію и т. д.

Черезъ двѣ недѣли стачечникамъ пришлось признать себя побѣжденными, но, конечно, они вернулись къ своимъ станкамъ не болѣе мирными, чѣмъ отошли отъ нихъ. Одновременно съ этой стачкой въ Домбровскомъ округѣ бастовали рабочіе литейнаго завода Фицнера и Гамнера, ткацкой фабрики Дителя и угольной копи «Миражъ»; но всего «зловѣщѣе» для самодержавной буржуазіи была всеобщая стачка ткачей Бѣлостока и окрестностей, въ которой приняло участіе 26.000 польскихъ, нѣмецкихъ и еврейскихъ пролетаріевъ. Противъ нихъ въ тѣсномъ союзѣ стояли фабриканты, ксендзы и полицейскіе. Забастовщикамъ помогали окрестные крестьяне, снабжая ихъ даромъ или по баснословно дешевой цѣнѣ съѣстными припасами... Но все же международные фабриканты, ксендзы и полицейскіе пока оказались сильнѣе.

Однимъ словомъ самодержавная буржуазія, казалось, одерживала «побѣду за побѣдой», но она чувствовала, что подобныя побѣды не ослабляютъ, а усиваютъ «врага». Какъ бы то ни было, но фабриканты

и заводчики отъ всѣхъ промышленныхъ районовъ Россіи на совѣщаніи со своимъ министромъ Витте постановили, что необходимо законодательнымъ путемъ ограничить рабочій день, какъ это было уже обѣщано петербургскимъ стачечникамъ. Это постановленіе, въ формѣ доклада министра финансовъ, пошло на усмотрѣніе Николая II, который, разумѣется, вполнѣ согласился съ министромъ финансовъ, что вопросъ о нормировкѣ рабочаго дня нужно рѣшить въ положительную или отрицательную сторону, и для этого созвать совѣщаніе изъ министровъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и оберпрокурора Синода, подъ предсѣдательствомъ послѣдняго *). Совѣщаніе занималось, главнымъ образомъ, выясненіемъ вопроса, какъ отразится законодательное урегулированіе рабочаго времени на рабочихъ безпорядкахъ. Министры пришли въ этомъ отношеніи къ правильному заключенію, что безпорядковъ этимъ закономъ не прекратишь, но во всякомъ случаѣ и не усилишь, такъ что лучше все-же законъ издать, тѣмъ болѣе, что этого хотятъ господа фабриканты. Согласившись съ господами фабрикантами, министры высказали нѣсколько оригинальныхъ взглядовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ, человѣкъ довольно откровенный, началъ съ заявленія, что «законъ этотъ можетъ имѣть лишь внѣшнее, т. е. показное значеніе», внутреннее значеніе для прекращенія безпорядковъ, по его мнѣнію, можетъ имѣть лишь фабричная полиція, о введеніи которой онъ очень хлопоталъ. Министръ финансовъ защищалъ фабричную инспекцію, предпочитая ее фабричной полиціи, но находилъ нужнымъ усилить строгость законовъ, карающихъ виновныхъ въ противоправительственной пропагандѣ. Толковѣе всѣхъ говорилъ министръ юстиціи Муравьевъ, находившій, что и въ смыслѣ водворенія спокойствія на фабрикахъ изданіе закона о нормировкѣ рабочаго времени не будетъ безполезно, такъ какъ законъ этотъ устраняетъ хотя одинъ изъ поводовъ къ безпорядкамъ. Побѣдо-

*) Для исторіи закона 2 іюня 1897 года мы пользуемся копіями съ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ и журнала совѣщанія четырехъ министровъ. Эти документы переданы намъ однимъ товарищемъ и до сихъ поръ не были еще опубликованы.

носцевъ и здѣсь говорилъ, какъ подобаетъ говорить оберъ-ханжѣ: «законъ необходимъ, потому что онъ вызывается нравственными побужденіями, человѣколюбіемъ, милосердіемъ; заботливостью о слабыхъ. Опасеніямъ за послѣдствіе закона не слѣдуетъ придавать значенія. Указываютъ на то, что законъ не успокоитъ умы рабочихъ, что они въ требованіемъ своихъ пойдутъ дальше... Да, восьмичасовая норма, 1 мая и другое — это бездна, въ которую стремится человѣчество, но у насъ все это чужое, наносное и отражается своеобразно. У насъ нѣтъ условій, которыя существуютъ на Западѣ: до сихъ поръ у насъ еще удерживаются патріархальныя отношенія между фабрикантами и рабочими и т. д.» Изъ особаго совѣщанія дѣло о законѣ снова перешло на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества, а оттуда въ особую комиссію изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ и представителей различныхъ отраслей отечественной промышленности. Въ комиссіи былъ выработанъ законопроектъ, который поступилъ, наконецъ, въ государственный совѣтъ.

Путь, какъ видите, долгій, но пройденъ онъ былъ для русскихъ канцелярскихъ условій необычайно быстро. Фабричные инспектора во время стачки 1896 г. говорили рабочимъ, что законопроектъ о максимальномъ рабочемъ днѣ будетъ подписанъ черезъ два года; между тѣмъ на дѣлѣ законъ былъ опубликованъ черезъ годъ. Эта поразительная быстрота объясняется новымъ «воздѣйствіемъ» со стороны рабочихъ. Если стачки 1896 года дали толчекъ ко всевозможнымъ совѣщаніямъ объ ограниченіи рабочаго дня, то стачки и подготовленія къ нимъ въ началѣ 1897 года, несомнѣнно, произвели еще болѣе чудесное дѣйствіе, заставивъ чиновниковъ поторопиться и отрѣшиться отъ обычной волокиты.

Не успѣло пройти 1-ое января, когда «ожидали» «закона», какъ забастовали двѣ фабрики Маквелля, рабочіе которыхъ во время лѣтнихъ стачекъ предупреждали фабричнаго инспектора, что устроютъ стачку въ январѣ, если правительство не выполнитъ обѣщаній. Вслѣдъ за «маквельцами» заволновались рабочіе и на другихъ фабрикахъ и заводахъ; повсюду пошли разговоры о всеобщей забастовкѣ. Фабриканты, ин-

спектора, полицейскіе «бросились» уговаривать рабочихъ не устраивать всеобщей стачки, обѣщая, что законъ будетъ изданъ не позже весны. Въ уговорахъ и увѣщаніяхъ, по примѣру польскихъ ксендзовъ, приняли участіе и русскіе попы, но встрѣтили со стороны рабочихъ сильный отпоръ. Въ церквахъ рабочихъ районовъ попы произносили проповѣди, въ которыхъ говорили, что врагъ рода человѣческаго дьяволъ обуялъ грѣшную душу рабочихъ, и они, послушавшись разныхъ жидовъ, англичанъ, нѣмцевъ и прочихъ враговъ и измѣнниковъ отечества, стали бунтовать противъ своихъ благодѣтелей-хозяевъ и неусыпно заботившагося объ ихъ нуждахъ правительства, сами того не подозрѣвая, какой великій грѣхъ они совершаютъ передъ господомъ богомъ. Въ отвѣтъ на одну изъ такихъ тирадъ одинъ изъ рабочихъ крикнулъ попу: «Еслибъ ты самъ проработалъ столько, сколько мы работаемъ, то и безъ англичанъ додумался бы до стачки.» Этотъ отвѣтъ по своей искренной правдивости заслуживаетъ быть записанъ въ исторію на ряду со словами, которыя 18 марта 1848 года какой-то рабочій крикнулъ изъ толпы знаменитому юристу и прусскому министру Савиньи, разъяснявшему толпѣ, что король далъ гораздо больше, чѣмъ когда-либо отъ него требовали. «Старикъ — крикнулъ рабочій — этого ты не понимаешь, не дано равно ничего.» Попы не ограничивались проповѣдями: какой то старецъ Амвросій, увѣшанный крестами въ сопровожденіи двухъ монаховъ (по убѣжденію рабочихъ дьухъ шпіоновъ) пріѣзжалъ по вечерамъ на заводы и фабрики и пытался вести бесѣды о великомъ грѣхѣ стачки. На одной изъ фабрикъ рабочіе отвѣтили на проповѣдь старца градомъ прѣлаго картофеля и рваныхъ галошъ. Монашескія поѣздки и церковныя проповѣди о грѣховности стачки пришлось скоро прекратить. Болѣе благопріятно были встрѣчены увѣщанія со стороны фабрикантовъ и фабричныхъ инспекторовъ, тѣмъ болѣе, что они во многихъ случаяхъ совали рабочимъ въ руки синицу, дѣлая небольшія уступки. Но рабочіе даже наиболѣе спокойныхъ фабрикъ прямо заявляли: «Мы не ручаемся за то, что не бросимъ работу. *Если придутъ и скажутъ: «бросьте работу», мы не можемъ не бросить.*» И дѣйствительно на большинствѣ фаб-

рикъ, куда приходили делегаты отъ стачечниковъ, и говорили: «Бросьте работу», рабочіе тотчасъ бросали. Вскорѣ бастовало однихъ ткачей около 18.000, кромѣ того въ стачкѣ принялъ участіе и чугунный Александровскій заводъ Николаевской желѣзн. дороги, и были близки къ забастовкѣ заводы Обуховскій, Балтійскій и Бертовскій.

«Правительство совсѣмъ растерялось. На одномъ изъ правительственныхъ совѣщаній Витте спросилъ Клейгельса, можетъ ли онъ заставить рабочихъ работать? «Если бы рабочіе толпились на улицѣ, — отвѣтилъ градоначальникъ,—нарушали бы тишину и порядокъ, я съ ними справился бы. Но разъ они сидятъ по домахъ, я ничего не могу съ ними подѣлать.»

Стачка длилась около недѣли, и прекратилась отчасти подъ вліяніемъ частичныхъ уступокъ и формальнаго заявленія министерства финансовъ, что законопроектъ о нормировкѣ рабочаго дня скоро поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Во всякомъ случаѣ стачка заставила канцелярскую машину идти полнымъ ходомъ, и менѣе, чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ окончанія стачки, опубликованъ былъ законъ 2 іюня 1897 года, ограничившій рабочій день одинадцатью съ половиной часами. Министры были совершенно правы, предполагая, что этотъ законъ не уничтожитъ рабочихъ безпорядковъ, не прекратитъ рабочихъ стачекъ. Русскіе рабочіе, подобно своимъ западноевропейскимъ собратіямъ неудержимо стремятся въ «бездну» «восьмичасовой нормы, Перваго мая и многого другого», да, господинъ Побѣдоносцевъ, многого другого, въ томъ числѣ свободы совѣсти и мысли.

Законъ 1897 года не только не остановилъ стачекъ, но мѣстами самъ послужилъ поводомъ для широкаго стачечнаго движенія. Такъ, напримѣръ, въ Западномъ краѣ рабочіе во многихъ мѣстахъ еще раньше, путемъ стачекъ сумѣли ограничить рабочій день не $11^1/_2$ часами, а $10^1/_2$, 10 и даже $9^1/_2$ часами. Фабриканты, опираясь на новый законъ, вздумали были удлинять рабочее время, но встрѣтили дружный стачечный отпоръ и были побѣждены по всей линіи: не только повсюду рабочіе отстояли уже раньше завоеванное сокращеніе рабочаго дня, но на нѣкоторыхъ фабрикахъ сократили его еще больше. Вообще періодъ

1897-99 года былъ чрезвычайно богатъ стачками въ Западномъ краѣ. Въ 1897 году было 42 стачки, изъ нихъ 32 выиграли рабочіе. Въ 1898 году—44, изъ нихъ 36 выиграны. Въ 1899 г. — 67, изъ нихъ34 выиграны. Требованія сокращенія рабочаго дня съ каждымъ годомъ играютъ все большую и большую роль при возникновеніи стачекъ, въ 1896 г. такихъ стачекъ было 4, а въ 1899 уже 41.

Не всѣ стачки проходили мирно, а стачка горнорабочихъ въ Домбровскомъ округѣ въ 1897 г. окончилась даже вмѣшательствомъ войскъ и залпомъ въ толпу, причемъ убито было 4 человѣка и тяжело ранено 3.

Конечно, не только въ Западномъ краѣ фабриканты пробовали воспользоваться закономъ 1897 г., чтобы усилить эксплуатацію рабочихъ: такія попытки дѣлались и въ самой коренной Россіи, напримѣръ, въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ, но, кажется, повсюду, терпѣли неудачу. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что рабочіе сумѣли воспользоваться имъ лучше хозяевъ. Шуйскимъ ткачамъ онъ помогъ добиться даже 9-часового дня. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Шуѣ ткачи работали по 12 часовъ въ день, затѣмъ постепенно подъ вліяніемъ стачечной борьбы, рабочій день все уменьшался и послѣ изданія закона 1897 г. понизился до 9 часовъ, причемъ заработная плата не только не понизилась, но даже повысилась. Этими результатами шуйскіе ткачи обязаны не только своимъ собственнымъ стачкамъ, но и стачечной борьбѣ рабочихъ петербургскихъ, лодзинскихъ, бѣлостокскихъ, варшавскихъ и т. д., рабочихъ не только русскихъ, но польскихъ, еврейскихъ, нѣмецкихъ, латышскихъ, литовскихъ и т. д. Въ знаніи этого факта заключается и пониманіе классового единства пролетаріевъ всѣхъ національностей.

Пониманіе единства интересовъ пролетаріевъ всѣхъ національностей развивается у россійскихъ рабочихъ одновременно съ пониманіемъ буржуазной сущности русскаго самодержавія. Уясненію этой сущности не мало способствовала максвелевская стачка 1899 г., сопровождавшаяся полицейскимъ погромомъ и шемякинымъ судомъ.

14 декабря 1899 г. 3000 рабочихъ максвелевской фабрики въ Петербургѣ, выведенные изъ терпѣнія все-

возможными уловками и приёмками фабричной администраціи, забастовали, какъ одинъ человѣкъ. Въ тотъ же день къ нимъ присоединились рабочіе фабрики Паля. Стачечники держались совершенно мирно, но полиція стремительно бросилась «усмирять» и «подавлять». Клейгельсъ, говорившій въ 1897 г., что онъ ничего не можетъ подѣлать съ рабочими, разъ они не нарушаютъ тишины и порядка» и «сидятъ дома», рѣшился, видимо, «исправить» эту фразу, тѣмъ болѣе, что стачка охватывала лишь двѣ фабрики и для распространенія ея на всѣхъ петербургскихъ рабочихъ предпраздничное, зимнее время было крайне неблагопріятно. Шлиссельбургскій трактъ, гдѣ находятся забастовавшія фабрики, былъ немедленно «занятъ» пѣшими и конными военными силами; всѣ лавки съ съѣстными припасами, кухмистерскія и т. д. были закрыты. Но «осады» храброму Клейгельсу оказалось мало, онъ рѣшился прибѣгнуть еще и къ «штурму». Въ ночь съ 16-го на 17-ое декабря къ рабочей казармѣ при фабрикѣ Максвеля, гдѣ жило около 800 рабочихъ явились полицейскіе и жандармы, чтобы арестовать «зачинщиковъ». Рабочіе заперли казарму изнутри, и не открывали ее не смотря на требованія полиціи. Тогда полиція вызвала подкрѣпленіе, явился отрядъ конныхъ, и начался штурмъ. Рабочіе защищались отчаянно, въ нападавшихъ полицейскихъ летѣли дрова, доски, рабочіе инструменты и пр.; «врага» отбивали не только взрослые рабочіе, но женщины и дѣти. Въ концѣ концовъ полицейскимъ удалось ворваться въ казарму, и тамъ началась ожесточенная бойня. Полицейскіе дѣйствовали нагайками и шашками; били стариковъ, женщинъ, дѣтей, даже больныхъ, лежавшихъ въ постеляхъ; на лѣстницахъ и въ корридорахъ раздавались крики приставовъ: «Принять его хорощенько!» «Рубите ихъ какъ капусту» и пр.

Вообще петербургскіе полицейскіе, воспитанные Клейгельсомъ, проявили въ данномъ случаѣ такую же звѣрскую кровожадность, какъ и парижскіе полицейскіе, воспитанные «дружественнымъ и союзнымъ» Лепиномъ во время послѣдняго нападенія на парижскую биржу труда, гдѣ безоружныхъ рабочихъ рубили шашками при одобрительныхъ крикахъ полицейскихъ командировъ.

Послѣ побѣдоноснаго штурма и звѣрской бойни, 200 человѣкъ по указанію фабричной администраціи были арестованы. Стачечники лишились наиболѣе энергичныхъ товарищей, и стачка прекратилась. Рабочіе вернулись на фабрики съ затаенной ненавистью къ правительству. Всѣхъ пострадавшихъ во время стачки было болѣе 400 человѣкъ, изъ нихъ болѣе 100 человѣкъ были высланы изъ Петербурга, и разнесли по всѣмъ концамъ Россіи святую ненависть къ буржуазному самодержавію и самодержавной буржуазіи. Около 80 раненыхъ во время бойни попало въ больницы; 15 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, были преданы суду, который засѣдалъ при закрытыхъ дверяхъ, и, конечно, исполнилъ свой долгъ, т. е. приговорилъ, тяжело избитыхъ полицейскими рабочихъ къ тяжелымъ наказаніямъ. Судъ такъ вольно обошелся со всѣми предусмотрѣнными закономъ формальностями, что сенатъ кассировалъ приговоръ, и дѣло просматривалось вторично опять таки при закрытыхъ дверяхъ, но судъ вновь исполнилъ свой буржуазный долгъ.

Говорятъ, что Струве, который въ то время считался соціалдемократомъ, совѣтовалъ осужденнымъ подать просьбу о помилованіи на Высочайшее имя, но тѣ отказались, и многіе рабочіе дѣлали по поводу высочайшаго совѣта Струве очень нелестныя для него замѣчанія. Это показываетъ, что многіе русскіе рабочіе уже въ то время обладали большимъ политическимъ тактомъ, чѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ интеллигентовъ марксистовъ. Впрочемъ, Струве въ данномъ случаѣ могъ бы сказать, что онъ находится въ хорошемъ обществѣ Фердинанда Лассаля, который весною 1864 г. совѣтывалъ двумъ рабочимъ, Молю и Лотцу, приговореннымъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, подать королю прошеніе о помилованіи. Но и Максвельскіе рабочіе находились не въ дурномъ обществѣ. Моль и Лотцъ рѣшительно отвергли подобное предложеніе, заявивъ, что они лучше согласились бы просидѣть четыре года, чѣмъ унизиться передъ королемъ, прося у него милости. Лассаль выслушавъ возраженія, замѣтилъ, что онъ гордится стоять во главѣ подобныхъ людей. Здѣсь Лассаль уже не находится въ хорошемъ обществѣ Струве. Струве гордится, что стоитъ теперь во главѣ умѣренныхъ от-

цовъ, отвага которыхъ не идетъ дальше Высочайшихъ прошеній.

Максвелевская стачка, съ сопровождавшей ее полицейской бойней, произвела сильное впечатлѣніе на петербургскихъ рабочихъ. «Стали задумываться — разсказываетъ рабочій Мироновъ въ своихъ воспоминаніяхъ — и обсуждать, что дѣлать. Одни высказывались за то, чтобы учинить расправу съ приставомъ Баричемъ и Клейгельсомъ. Другіе говорили, что Баричъ и Клейгельсъ не причемъ: они исполнили только приказаніе высшаго начальства; поэтому *слѣдуетъ устроить общую забастовку, какъ протестъ противъ гнусныхъ дѣйствій правительства.* Третьи, наконецъ, возражали на это, что не только общей, но и никакой забастовки теперь устроить невозможно, потому что наступаетъ Рождество. Наконецъ, рѣшено было устроить сборъ, чтобы оказать хотя бы денежную помощь стачечникамъ».

Мы видимъ здѣсь, какъ сама жизнь наводитъ рабочихъ на мысль о политической всеобщей забастовкѣ, какъ самомъ дѣйствительномъ средствѣ борьбы противъ правительства.

1899 годъ ознаменовался для Россіи еще болѣе важными событіями, чѣмъ максвелевская стачка. Мы имѣемъ въ виду майскія революціонныя стачки въ Ригѣ и Либавѣ, сыгравшія огромную роль въ дѣлѣ пробужденія классового сознанія латышскаго пролетаріата.

До послѣдняго времени латышскій народъ, въ томъ числѣ и латышскіе рабочіе, смотрѣли на русское правительство съ благодарностью и довѣріемъ, такъ какъ оно въ интересахъ руссификаціи страны ограничило привиллегіи мѣстнаго дворянства и духовенства, отъ притѣсненій которыхъ латыши страдали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Майскіе дни 1899 г. показали латышскимъ рабочимъ, что русское правительство является крайнимъ сторонникомъ прибалтійскихъ капиталистовъ и лютымъ врагомъ латышскаго рабочаго класса, разъ онъ начинаетъ бороться за свое освобожденіе. Майскіе дни дорого обошлись латышскимъ рабочимъ, но за то они въ нѣсколько дней сдѣлали въ смыслѣ пробужденія классового сознанія больше, чѣмъ можетъ сдѣлать мирная пропаганда въ нѣсколько лѣтъ.

Латышскіе рабочіе увидѣли, кто ихъ враги, они кромѣ того почувствовали свою силу и свою слабость.

За послѣднія десятилѣтія въ главныхъ прибалтійскихъ городахъ въ Ригѣ и Либавѣ стала быстро развиваться промышленность, превращая многочисленныхъ латышскихъ безземельныхъ крестьянъ въ городской промышленный пролетаріатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась, разумѣется, и стачечная борьба изъ за повышенія заработной платы, сокращенія рабочаго дня, удаленія нелюбимыхъ мастеровъ и т. д. Стачки постепенно учащались, подготовляя почву для массового взрыва 1899 г.. Въ Ригѣ революціонная всеобщая стачка началась, какъ это обыкновенно бываетъ, незначительнымъ столкновеніемъ *) на экономической почвѣ. Въ мартѣ 1899 г. на джутовой фабрикѣ Гольдфедеръ-Ландау и К° работницы стачкой добились уменьшенія рабочаго дня; 1-ое мая работницы, къ которымъ, присоединились и рабочіе, устроили новую стачку требуя на этотъ разъ давно обѣщаннаго повышенія заработной платы. Фабричная дирекція не только не выполнила даннаго раньше обѣщанія, но немедленно обратилась къ властямъ съ просьбою прислать войска. Просьба была тотчасъ исполнена, и около фабрики расположились солдаты, которыхъ признательная дирекція обильно снабжала спиртными напитками. «Военныхъ дѣйствій», однако, сначала не было, такъ какъ забастовщики держались мирно и въ высшей степени сдержанно. 4 мая забастовавшимъ рабочимъ и работницамъ было объявлено, что они или должны приниматься за работу, или отдать свои расчетныя книжки и получить въ полицейскихъ участкахъ свои паспорта. Тогда забастовщики рѣшили идти жаловаться на фабричную администрацію губернатору Суровцову, въ которомъ видѣли представителя русскаго царя, защитника латышскаго народа. Узнавъ о намѣреніи стачечниковъ, Суровцевъ принялъ соотвѣтствующія мѣры для встрѣчи рабочихъ, и сговорился съ начальникомъ штаба 20-го армейскаго корпуса о присылкѣ войскъ

*) Данныя для латышскаго рабочаго движенія мы беремъ изъ статей Ф. Розина въ «Листкахъ Свободнаго Слова» № 13, въ иллюстрированномъ листкѣ «Первое Мая», изданномъ организац. «Жизнь» и въ № 3 «Жизни» за 1902 г.

на тотъ случай, если полиціи не удастся своими силами «уговорить» рабочихъ и работницъ. 5-го мая въ 3 часа дня забастовщики отправились отъ фабрики, которая лежала за чертою города, по шоссе къ Александровскимъ воротамъ, гдѣ для ихъ встрѣчи были приготовлены полицейскіе, солдаты, пожарные. Передъ «воротами» стачечники были задержаны полиціей, которая заманила часть ихъ, преимущественно женщинъ, въ Александровскій паркъ; здѣсь у стачечниковъ стали отбирать расчетныя книжки, не выдавая ни паспортовъ, ни заработанныхъ денегъ. Это вызвало, конечно, протесты, нашедшіе себѣ откликъ у толпы, стоявшей вокругъ парка, окруженнаго заборомъ. Какъ разъ въ это время окончились работы на большомъ вагонномъ заводѣ Феникса, находящемся недалеко отъ Александровскаго парка. На заводѣ работало много мужей и братьевъ работницъ джутовой фабрики. Узнавъ отъ стоящей на улицѣ толпы о томъ, что дѣлается въ паркѣ, заводскіе рабочіе двинулись на помощь къ работницамъ, надъ которыми полиція и солдаты позволяли себѣ нагло издѣваться. Полиція приказала пожарной командѣ обливать рабочихъ изъ пожарныхъ трубъ. Это положило конецъ терпѣнію рабочихъ. Заборъ былъ разломанъ, и толпа хлынула въ паркъ. Одинъ изъ околодочныхъ надзирателей выстрѣлилъ въ толпу изъ револьвера, ранивъ двухъ рабочихъ; солдаты, находившіеся въ паркѣ выстрѣлили въ рабочихъ холостыми зарядами и затѣмъ подъ напоромъ толпы вмѣстѣ съ полиціей укрылись въ зданіе сада. Отсюда они стали стрѣлять уже не холостыми зарядами и, когда толпа отступила, бросились на нее въ штыки. Рабочіе защищались камнями, бутылками, бросали солдатамъ въ глаза песокъ и золу. На мѣсто битвы прибылъ самъ губернаторъ съ войсками, и приказалъ очистить улицы отъ народныхъ массъ. Толпа показала много упорства и, разсѣянная въ одномъ мѣстѣ, собиралась въ другомъ; при этомъ было убито 16, тяжело ранено 22, болѣе или менѣе «легко» ранено болѣе 60 рабочихъ; пострадало нѣсколько человѣкъ и со стороны полиціи и солдатъ. Арестованныхъ было масса. Такъ закончился первый день рижскаго бунта. На другой день, когда на улицахъ рабочаго предмѣстья еще стояли

лужи крови, когдо во многихъ домахъ раздавался плачъ осиротѣлыхъ семей, и слышались стоны раненыхъ, Рига по указу свыше украсилась флагами, изъ церковныхъ колоколовъ несся праздничный звонъ. Оффиціальная Рига праздновала высокоторжественный день рожденія государя императора. Контрастъ былъ страшенъ, и праздничный трезвонъ колоколовъ прозвучалъ для рабочаго народа, какъ злобное издѣвательство. По словамъ Розина, не будь этого праздника, оскорбившаго чувства народа, рижскіе рабочіе, быть можетъ, успокоились бы, затаивъ свое горе. Дѣйствительно утро 6-го мая прошло совершенно спокойно. На всѣхъ городскихъ фабрикахъ и заводахъ, въ томъ числѣ и на заводѣ Фениксъ, работы продолжались. Но когда рабочіе возвращались домой, то видъ оффиціальнаго торжества не могъ не возмутить ихъ. Въ 6 часовъ вечера, около одного изъ полицейскихъ участковъ, въ которомъ находились девять арестованныхъ рабочихъ джутовой фабрики, собралась толпа рабочихъ и работницъ. Жены арестованныхъ просили освободить мужей, указывая, что дѣтямъ приходится голодать. «Можете идти въ бардакъ» — цинично крикнулъ приставъ. Возмущенная толпа начала штурмовать участокъ. Немедленно явились два батальона 115-го вяземскаго полка и оттѣснили толпу въ сосѣднія улицы. Въ толпѣ пробудились разрушительные инстинкты, начались поджоги и погромы. Толпа разрушала, но не грабила, имущество сжигалось и уничтожалось, но не присваивалось; даже деньги бросались на улицу, какъ ненужный хламъ. Особенно большую ненависть рабочіе проявили къ военнымъ, полицейскимъ и чиновникамъ. Многіе домовладѣльцы дѣлали на своихъ домахъ надписи: «Здѣсь не живутъ военные и полицейскіе», и этимъ избѣгали разгрома. 7-го мая рабочіе снова штурмовали участокъ, желая освободить арестованныхъ, но войскамъ подъ командой губернатора Суровцева снова удалось разбить рабочихъ, изъ которыхъ многіе испытали на себѣ страшное дѣйствіе малокалиберныхъ ружей.

Въ ночь съ 7 на 8 мая рабочіе въ числѣ 7000 собрались въ одномъ изъ загородныхъ садовъ для обсужденія положенія дѣлъ и дальнѣйшихъ дѣйствій. Было рѣшено *прибѣгнуть къ всеобщей стачкѣ*, оста-

новивъ работу на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, и во время стачки держать себя спокойно, не давая повода къ вмѣшательству вооруженной силы. Въ отвѣтъ на это рѣшеніе въ Ригѣ фактически было объявлено военное положеніе. Городъ былъ раздѣленъ на три района, подчиненныхъ полковымъ командирамъ, располагавшимъ соотвѣтствующимъ числомъ войскъ. 8-го мая прошло сравнительно спокойно, но 9-го снова начались безпорядки. Нѣсколько заводовъ и мастерскихъ были разгромлены или подожжены. 10-го мая начинается всеобщая забастовка, которая къ 13 мая постепенно захватила огромное большинство рижскихъ заводовъ и фабрикъ. Значительная часть рабочихъ держалась спокойно, но погромы и поджоги продолжались тѣмъ болѣе, что разошлась во всю такъ называемая босая команда, поведеніе которой возбуждало негодованіе у самихъ рабочихъ и сильно понизило ихъ боевое настроеніе.

Всеобщая стачка перепугала и фабрикантовъ, и представителей власти, которые сначала совсѣмъ растерялись и городъ нѣкоторое время находился въ рукахъ рабочихъ, но тѣ не знали, что предпринять, и стали ослабѣвать не столько подъ ударами военной силы, сколько отъ отсутствія опредѣленной практической программы. Буря пронеслась и черезъ двѣ недѣли послѣ начала бунта съ внѣшней стороны все пошло по старому. Убитые похоронены, арестованные сосланы, высланы или оставлены въ тюрьмахъ; вся остальная масса вернулась къ рабочимъ станкамъ; загудѣли фабричныя трубы, зашумѣли фабричные станки, — съ внѣшней стороны все пошло по старому. Но въ сознаніи рабочихъ произошла огромная перемѣна. Стихійный рижскій бунтъ былъ началомъ сознательной борьбы.

Одновременно съ Ригой волновалась и Либава.

Къ 1 мая 1899 г. рабочіе многихъ либавскихъ фабрикъ, заводовъ, построекъ и т. д. объявили стачку. Они выставили различныя «наболѣвшія» требованія о сокращеніи рабочаго времени, повышеніи заработной платы, устраненіи грубыхъ мастеровъ и т. д. Предприниматели отказались исполнить эти требованія, и на нѣкоторыхъ фабрикахъ началась забастовка. Работа во многихъ мѣстахъ совсѣмъ прекратилась, въ гавани

стояли пароходы, напрасно ожидая разгрузчиковъ и нагрузчиковъ, а рабочіе въ праздничныхъ костюмахъ гуляли небольшими группами по улицамъ. Безпорядковъ не было, но все же курляндскій губернаторъ поспѣшилъ пріѣхать въ Либаву для усмиренія «бунтующихъ». Сами «бунтующіе» толковали пріѣздъ губернатора совсѣмъ иначе: они полагали, что представитель русскаго царя спѣшитъ защитить рабочихъ отъ капиталистовъ. «А если какой нибудь капиталистъ откажется исполнить справедливыя требованія рабочихъ, — говорили крайніе оптимисты, — то губернаторъ отниметъ у него фабрику и отдастъ ее рабочимъ». Вотъ почему 5 мая губернатора, пріѣхавшаго прямо съ вокзала на проволочную фабрику Беккера и чугуно-литейный заводъ Штрупа, стоящихъ другъ противъ друга, рабочіе встрѣтили радостнымъ «ура», и стали излагать ему свои требованія. Къ общему удивленію губернаторъ началъ кричать, и приказалъ арестовать одного изъ рабочихъ, позволившаго себѣ улыбаться. Рабочіе не пытались отбивать у полиціи арестованнаго товарища, но на предложеніе разойтись, двинулись по направленію къ городу. Растерявшійся губернаторъ и полицейскіе послѣдовали за толпою, которая по дорогѣ все возростала. Во главѣ шелъ рабочій, привязавшій къ палкѣ красный платокъ, около товарной станціи либаво-роменской желѣзной дороги къ процессіи присоединились рабочіе военнаго порта, бросившіе работу, узнавъ о пріѣздѣ губернатора.

«Рабочіе военнаго порта — разсказываетъ товарищъ Розинъ, бывшій самъ свидѣтелемъ этой стачки-демонстраціи — по большей части состоятъ изъ бывшихъ солдатъ, и ихъ процессія была устроена по военному, съ знаменемъ и барабанами, роль которыхъ исполняли старые жестяные чайные котлы. По приближеніи процессіи рабочихъ военнаго порта, губернаторъ, ѣхавшій позади первой процессіи, былъ такъ сказать атакованъ и съ фронта и съ тылу: ему стало жутко и онъ приказалъ полицейскимъ очистить для себя дорогу. По первому же требованію полицейскихъ пропустить губернатора, передняя толпа остановилась и раздвинулась на обѣ стороны, такъ что середина улицы осталась свободной для проѣзда «Его

Превосходительства». Затѣмъ процессія двинулась дальше. Жандармы и полицейскіе пошли съ толпою, записывая имена нѣкоторыхъ участниковъ. Тѣмъ временемъ число демострантовъ увеличилось до того, что одинъ конецъ процессіи былъ у желѣзнодорожнаго моста, а другой только еще у товарной станціи.

Миновавъ желѣзнодорожный мостъ, рабочіе стали передвигаться съ одной фабрики на другую и съ одной постройки на другую, повсюду громко и торжественно заявляя: «Feierabend!» («Шабашъ!»). Во многихъ мѣстахъ рабочіе, очевидно, только этого и ждали: они тотчасъ бросали работу и примыкали къ демонстрантамъ. Однако были трусливые, не рѣшавшіеся бросить работу. Такихъ брали на руки и силой уносили. Нѣкоторые фабриканты запирали своихъ рабочихъ на ключъ и не допускали къ нимъ демонстрантовъ. Въ такихъ случаяхъ (напримѣръ, на цементной фабрикѣ Рика) ворота фабрики были разломаны, и запертые товарищи освобождены. Но по большей части, при приближеніи демонстрантовъ, рабочіе сами бросали работу и присоединялись къ процессіи. Были случаи, что перепуганные фабриканты сами просили рабочихъ бросить работу.

Въ концѣ концовъ во главѣ процессіи появился рабочій съ гармоникой, торжественно возсѣдавшій на какой то двери, которую четверо товарищей несли на плечахъ. Такимъ образомъ процессія обошла всѣ фабрики, постройки и даже мастерскія. Жандармскій ротмистръ Базаревскій нѣсколько разъ вмѣшивался въ толпу и старался узнать фамилію и адресъ того или другого изъ демонстрантовъ, но каждый разъ его такъ сдавливали, что онъ радъ былъ выбраться вонъ.

Остановивъ всѣ работы, толпа разсѣялась. Вечеромъ рабочіе снова собрались въ павильонѣ и въ Николаевской рощѣ за заставой.

Этой процессіей, въ которой участвовало не менѣе 20 тысячъ лицъ, и при видѣ которой либавскіе бюргеры блѣднѣли и дрожали отъ страха, началась общая стачка. Многіе фабриканты (наприм. Бекеръ) уѣхали за границу или заперлись въ своихъ частныхъ квартирахъ. Рабочіе были въ восторгѣ и полны надеждъ. Весь городъ находился въ необычайно возбужденномъ состояніи, ничего подобнаго либавцы не

переживали ни раньше, ни послѣ этого замѣчательнаго дня».

Стачка продолжалась еще нѣсколько дней, и застигнутые врасплохъ фабриканты сдѣлали рабочимъ немало уступокъ. На большинствѣ либавскихъ фабрикъ была нѣсколько повышена заработная плата и сокращенъ рабочій день. Но, какъ справедливо думаетъ Розинъ, суть не въ этихъ маленькихъ непосредственныхъ успѣхахъ, суть въ томъ громадномъ моральномъ подъемѣ латышскаго рабочаго класса, подъемѣ, которымъ сопровождалась либавская стачка-демонстрація.

Латышскій пролетаріатъ пробудился, могуче стряхнувъ съ себя апатію и наивную вѣру въ русскаго царя. Теперь въ нѣдрахъ его кипитъ просвѣтительная и организаціонная соціалдемократическая работа.

«Куда не взглянешь, всюду работы много,—говоритъ Розинъ въ своей статьѣ: «О возникновеніи классового сознанія у латышскихъ рабочихъ» *),—но и работниковъ все прибываетъ. Девизъ: «Долой царя», слышится у насъ не такъ часто, какъ лозунгъ: «Работать, работать». И дѣйствительно не такъ важно для пролетаріата, свалится ли царь съ престола днемъ раньше или позже, какъ то, насколько сильны, организованны и сознательны будутъ рабочіе въ неминуемый день переворота».

Одновременно съ пробужденіемъ пролетаріата въ прибалтійскихъ провинціяхъ начинается рабочее движеніе на Кавказѣ, гдѣ нефтяная промышленность и морская торговля создаютъ обширный фабричный, желѣзнодорожный и портовый пролетаріатъ. Первыя кавказскія стачки относятся къ концу 90-хъ годовъ, онѣ необычайно быстро подготовляютъ революціонныя демонстраціи и всеобщія стачки 1903 года, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Въ то же время безостановочно развивается рабочее движеніе и на третьей промышленной окрайнѣ Россіи, въ Западномъ краѣ, гдѣ возникаетъ сильная еврейская рабочая организація — «Бундъ». Бундъ съ самаго начала стоялъ въ тѣсной связи съ профессіональнымъ движеніемъ еврейскаго пролетаріата. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ и въ началѣ

*) «Жизнь» № 3, 1902 г.

1900 г., подъ вліяніемъ быстро развивающагося стачечнаго движенія, въ Западномъ краѣ возникаютъ не только многочисленныя рабочія «кассы», но и два нелегальныхъ профессіональныхъ союза, щетинщиковъ и кожевниковъ, играющихъ немаловажную роль въ классовой борьбѣ рабочихъ Западнаго края. Союзъ кожевниковъ явился слѣдствіемъ поголовной стачки кожевниковъ въ Сморгони, продолжавшейся около двухъ мѣсяцевъ и показавшей, какими крѣпкими узами солидарности связаны рабочіе еврейскіе, польскіе и литовскіе.

«Нашъ союзъ — говоритъ первый манифестъ союза кожевниковъ,—не хитроумная выдумка, не плодъ досужаго воображенія, а неизбѣжный, естественный продуктъ условій нашей жизни и борьбы. Онъ — мощное орудіе, выкованное и закаленное въ безпрерывной продолжительной борьбѣ. Въ грозное бурное время зародился онъ; мозолистыя братскія руки спеленали его; потомъ и кровью онъ вспоенъ, тюрьмой и ссылкой воспитанъ. Радость и горе, побѣды и неудачи укрѣпили его» *).

Профессіональное движеніе подъ вліяніемъ стачекъ начинается и въ собственно русскихъ мѣстностяхъ. Оно цѣпляется за *легальныя* кассы и общества взаимопомощи наборщиковъ, машиностроительныхъ, электротехническихъ и другихъ квалифицированныхъ рабочихъ. Первая профессіональная касса, именно касса наборщиковъ, была основана въ Петербургѣ еще въ 1866 г.; въ 1869 г. такая же касса появилась въ Москвѣ; въ 80-хъ г. кассы наборщиковъ были основаны въ Харьковѣ, Одессѣ, Казани и Кіевѣ.

Въ «кассахъ» на ряду съ рабочими, принимали участіе и хозяева, нерѣдко занимавшіе всѣ важныя и почетныя должности. Кассы влачатъ довольно жалкое существованіе; въ другихъ профессіяхъ, кромѣ типографской, онѣ совсѣмъ не возникаютъ. Такъ дѣло продолжается до середины 90-хъ годовъ, когда усилившіяся стачки не только создаютъ «подпольныя» кассы сопротивленія, но и даютъ толчекъ къ образованію кассъ и обществъ взаимопомощи легальныхъ. Кассы и общества начинаютъ возникать уже не только

*) Жизнь 1902 г. № 3 «Бундъ».

въ типографской профессіи, но и у машиностроительныхъ рабочихъ, электротехниковъ и т. д.*)

Новыя общества стараются освободиться отъ хозяйскаго вмѣшательства и вліянія; то же стремленіе замѣчается и въ старыхъ «кассахъ» наборщиковъ. Кассы и общества какъ старыя, такъ и новыя развиваются теперь довольно быстро, такъ, напримѣръ, число членовъ петербургской кассы наборщиковъ въ концѣ 90-хъ годовъ увеличилось въ $2^1/_2$ раза; въ харьковской кассѣ за два года число членовъ увеличилось съ 30 до 600.

Это легально-профессіональное движеніе, будучи однимъ изъ выраженій роста самосознанія и самодѣятельности рабочаго класса, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должно было неминуемо повести къ боевымъ столкновеніямъ съ буржуазнымъ самодержавіемъ. Въ дѣло однако вмѣшивается одинъ изъ самыхъ хитроумныхъ представителей этого самодержавія оберъ-сыщикъ Зубатовъ и вмѣшивается совершенно неожиданнымъ образомъ: вмѣсто обычнаго полицейскаго «запрещать и не пущать» начинается покровительство легальному рабочему движенію, рабочихъ приглашаютъ организовываться, собираться для обсужденія своихъ нуждъ и пр.

Увѣренный, что рабочіе сами не могутъ выработать никакого міровоззрѣнія, Зубатовъ надѣялся влить въ рабочее движеніе полицейское содержаніе и «привлечь» его на сторону самодержавія.

У Зубатова нашлось много помощниковъ, среди которыхъ, на ряду съ жандармами, полицейскими и сыщиками, были, видимо, и люди изъ пролетарской среды, искренно думавшіе, что рабочій классъ можетъ улучшить свое положеніе въ союзѣ съ самодержавіемъ противъ буржуазіи. Послѣ крушенія зубатовщины въ «Освобожденіи» былъ напечатанъ любопытный отрывокъ изъ частнаго письма одного изъ такихъ зубатовскихъ мечтателей. «Мнѣ чудилось, — пишетъ онъ — что и я нашелъ свое дѣло; мнѣ мерещилось, что заря лучшаго будущаго близится, и вотъ-вотъ освѣтитъ

*) Объ этихъ легальныхъ рабочихъ кассахъ и обществахъ см. интересную статью К-цаго «Полицейскій соціализмъ и соціалдемократія» въ № 2 «Жизни» за 1902 г.

мрачный уголъ прикащичьей жизни, а вышло наоборотъ...»

Самъ Зубатовъ былъ тоже своего рода мечтатель, но мечты его были совсѣмъ иного рода, чѣмъ мечты наивнаго одесскаго прикащика, ожидавшаго зари лучшаго будущаго отъ содѣйствія русской полиціи. Зубатовъ мечтаетъ, какъ это видно изъ его тайнаго доклада отъ 8 апрѣля 1898 г., разъединить пролетаріатъ и лишить его революціонной силы. Талисманомъ для этого ему должна была служить «законность». Онъ предлагаетъ «введеніе принципа законности въ сферу заводскихъ отношеній». Разъ для рабочаго будетъ открытъ «законный исходъ изъ затруднительныхъ случаевъ его положенія», тогда «за агитаторомъ пойдетъ лишь наиболѣе юная и энергичная часть толпы, а средній рабочій предпочтетъ всегда не столь блестящій, но болѣе покойный законный исходъ. Расколотая, такимъ образомъ, толпа потеряетъ ту свою силу, на которую такъ разсчитываетъ и надѣется агитаторъ». «Введеніе принципа законности въ сферу заводскихъ отношеній» должно, по мнѣнію Зубатова, помѣшать возникновенію стачекъ, которыя онъ считаетъ очень опасными и вредными, такъ какъ «онѣ являются первоначальной школой политическаго воспитанія рабочихъ».

Планъ Зубатова находитъ поддержку у нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ представителей самодержавія, въ особенности у московскаго генералъ-губернатора, великаго князя Сергѣя Ходынскаго, и зубатовской полиціи представляется широкій просторъ вмѣшиваться въ отношенія между хозяевами и рабочими. Стараясь во что бы то ни стало предупредить стачки, зубатовцы принуждены оказывать давленіе на хозяевъ, что, конечно, тѣмъ очень не нравится. Капиталисты обвиняютъ Зубатова какъ разъ въ нарушеніи той законности, которою онъ думалъ спасти самодержавіе. Характерно, что нарушеніе Зубатовымъ «законности» возмущаетъ даже Струве. Въ первомъ выпускѣ матерьяловъ по рабочему вопросу, редакторъ «Освобожденія» восклицаетъ: «Развращающій характеръ зубатовщины — помимо ея чисто политической стороны — заключается въ томъ, что охрана рабочихъ получаетъ тутъ совершенно внѣзаконный, сверхзаконный и беззаконный характеръ. Зубатовъ возводитъ адми-

нистративный произволъ и колебаніе права въ принципъ».

Чего другого, а такого «разврата», какъ «противозаконная охрана рабочихъ», или «колебаніе права» безграничной эксплуатаціи, самодержавная буржуазія допустить не могла. Противъ зубатовской политики со стороны капиталистовъ поднялись рѣшительные протесты, особенно, когда онъ въ лицѣ Гужона затронулъ иностранные капиталы. По требованію капиталистовъ на Зубатова ополчился самъ Витте со всѣмъ своимъ министерствомъ, предпочитавшій санкціонировать фактически завоеванное рабочими право стачекъ, чѣмъ предупреждать ихъ незаконнымъ давленіемъ на капиталистовъ. *) Что касается рабочихъ, то они, конечно, были довольны, что подъ вліяніемъ зубатовщины въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ легче было добиться небольшихъ уступокъ со стороны хозяевъ, но отъ этого ихъ боевое настроеніе отнюдь не ослабѣвало, и въ общемъ число ненавистныхъ Зубатову стачекъ не уменьшалось, а возрастало, причемъ рабочимъ все чаще и чаще приходилось сталкиваться съ правительствомъ, не только, какъ охранителемъ капиталистовъ, но и какъ непосредственнымъ хозяиномъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Мечты Зубатова были тѣмъ болѣе безсмысленны, что въ Россіи значительная часть промышленности находится въ рукахъ правительства. Въ періодъ 1899—1902 годъ на казенныхъ заводахъ и въ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ происходятъ очень много стачекъ и безпорядковъ, при которыхъ и зубатовское хитроуміе не могло отдѣлить самодержавіе отъ капитализма. Игра Зубатова въ сущности была проиграна съ самаго начала и, если онъ все же могъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ «колебать право», то это объясняется растерянностью буржуазнаго самодержавія передъ слишкомъ быстрымъ и бурнымъ натискомъ пролетаріата. Рабочіе разорвали зубатовскія сѣти и увлекали зубатовцевъ къ все болѣе и болѣе рискованнымъ стачкамъ, и въ концѣ концовъ Зубатову и его

*) Уже въ 1898 г. въ министерствѣ финансовъ была выработана записка о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки. Эта записка дополнена и переработана въ 1902 г.

агентамъ пришлось принять участіе въ подготовленіи тѣхъ самыхъ стачекъ, для уничтоженія которыхъ они начали свою игру. Зубатовщина по діалектическому методу превратилась въ свою противоположность. Одесская пропаганда Шаевича и К° была зубатовскимъ «va banque». Въ одесской всеобщей стачкѣ послѣдняя ставка была проиграна, и зубатовщина съ трескомъ провалилась. Въ революціонной печати много писалось и пишется о развратѣ, внесенномъ Зубатовщиной въ рабочую среду. Намъ кажется, что зубатову не удалось, и не могло удасться развратить пролетаріатъ. Сознательные рабочіе никакому разврату не поддаются; что касается до несознательныхъ, то зубатовщина съ ея быстрымъ и рѣзкимъ проваломъ могла лишь ускорить пробужденіе ихъ сознанія. Правда, часть московскихъ рабочихъ 19 февраля 1902 г. устроили вѣрноподданическую демонстрацію передъ памятникомъ Александра II, но отрицательное значеніе этой демонстраціи совершенно ничтожно по сравненію съ огромнымъ положительнымъ значеніемъ антиправительственныхъ демонстрацій и всеобщихъ стачекъ, которыя колебали русскій самодержавно-буржуазный строй въ самый разгаръ зубатовской «игры». Рабочему движенію не опасны даже Бисмарки, а не только что Зубатовы. Мы не хотимъ, конечно, этимъ сказать, что революціонныя событія 1901—1903 гг. были слѣдствіемъ зубатовской игры, мы указываемъ лишь, что она не помѣшала имъ и не ослабила ихъ. Могучій размахъ рабочаго движенія послѣднихъ лѣтъ подготовленъ всѣмъ предыдущимъ періодомъ стачекъ и волненій, онъ ускоренъ и усиленъ промышленнымъ кризисомъ, наступившимъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Въ новомъ столѣтіи русское пролетарское движеніе проявилось прежде всего знаменательными петербургскими стачками и волненіями въ маѣ 1901 года. Стачкамъ предшествовалъ продолжительный періодъ глухого недовольства и сдержаннаго возбужденія, которыя въ концѣ концовъ прорвались наружу съ тѣмъ большею силою и рѣзкостью. Стачки вспыхнули сначала на Выборгской сторонѣ. 4-го мая забастовала ткацкая фабрика Чешера, рабочіе которой толпою двинулись по сосѣднимъ фабрикамъ, приглашая ихъ присоединиться къ стачкѣ. Примкнули Воронинская и

Самсоньевская мануфактуры, заводъ Лесснера и др. На Выборгскую сторону были немедленно двинуты полицейскіе и военные отряды. Стачечники рѣшили защищаться и въ двухъ переулкахъ устроили нѣчто въ родѣ баррикадъ. Полицейскіе и солдаты не безъ труда прорвались черезъ эти препятствія, изъ за которыхъ рабочіе осыпали ихъ градомъ камней. Одинъ изъ домовъ, населенный рабочими, непріятелю удалось взять лишь послѣ продолжительной осады, причемъ съ обѣихъ сторонъ были раненые. Въ концѣ концовъ полиція и войска, конечно, побѣдили и захватили массу плѣнныхъ. Къ 7 мая на Выборгской сторонѣ все уже успокоилось. Какое впечатлѣніе произвело на рабочихъ это сраженіе, окончившееся ихъ пораженіемъ, видно изъ письма одной работницы къ интеллигенту, напечатаннаго въ № 5 «Искры». Въ отрывочныхъ нервно-набросанныхъ словахъ этого письма такъ и чувствуется трепетъ молодого пролетарскаго сердца, почуявшаго горе и радость революціоннаго порыва: «Я, какъ услыхала, что на Выборгской битва, бросила работу, побѣжала туда, къ мосту пройти нельзя было: женщинъ сами рабочіе не пускали, я стала ждать В. на квартирѣ, а онъ больше не приходилъ. Я уже справлялась въ казармѣ о немъ, ничего не говорятъ, въ Охранкѣ тоже... или убили его или ранили до смерти... Другіе говорили, что видѣли, какъ онъ былъ впереди, это онъ крикнулъ: «Да здравствуетъ революція!» и какъ потомъ упалъ. Полиція не ушла пока всѣ не отступили, и кто не могъ встать, подбирали сами.

Вы не знаете, какъ мнѣ обидно, и это одинакаво всѣмъ намъ, всѣмъ очень хотѣлось пройтись на Невскій или въ городъ, уже очень горько умирать какъ собакамъ въ углѣ, чтобы никто не видалъ даже, это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ: вѣрно, и красной смерти для нихъ жалко. А еще обидно то, что всю зиму къ намъ ходили и изъ-за насъ спорили, а какъ разъ теперь никого не оказалось: Вы уѣхали, А. нѣтъ, и никого нѣтъ вмѣсто него. В. все говорилъ, что имъ самимъ нужно рѣшать и что это страшно, а умирать не страшно; и мнѣ все думается, можетъ, если кто изъ васъ былъ, все было бы не такъ, вы бы по другому рѣшили, и В.

живъ бы былъ. И мнѣ все думается, когда В. и другіе умирали, вы пріятно проводили время, а къ А. жена пришла или еще что-нибудь. Я знаю, вы не виноваты, это просто кому не везетъ, только посудите сами, вѣдь обидно.

Вотъ что еще я хотѣла сказать вамъ, хоть и очень многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ нѣтъ больше совсѣмъ, а все-таки мы твердо стоять будемъ. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется. Б. (уцѣлѣвшій рабочій) говорилъ, что жаль, что знамени у нихъ не было. Другой разъ и знамя будетъ, и пистолетовъ достанутъ, на камняхъ да на ножахъ далеко не уѣдешь, какъ начнутъ штыками колоть.

Я думаю, что лучше ничего бы не было, и мнѣ это стыдно: вотъ я и помянула про молодушіе. Не сердитесь за мои жестокія слова, это мое горе говоритъ, *а я хорошо понимаю, что это все къ лучшему, и другимъ говорю, и многіе у насъ думаютъ, что это ужъ къ концу идетъ, только мнѣ не вѣрится: ужъ очень скоро...*»

Не успѣло окончиться это возстаніе, какъ 7-го мая поднялись рабочіе казеннаго Обуховскаго завода, къ которымъ присоединились рабочіе Александровскаго сталелитейнаго завода. Стачка на Обуховскомъ заводѣ вспыхнула вслѣдствіе отказа помощника начальника завода, подполковника Иванова, принять обратно 26 человѣкъ, разсчитанныхъ за то, что они не явились на работу 1 мая. Прекративъ работу, стачечники вышли со двора Обуховскаго завода на Шлюссельбургскій проспектъ, производя при этомъ по словамъ обвинительнаго акта, «безпорядокъ и шумъ». На проспектѣ ихъ встрѣтилъ полицмейстеръ Полибинъ во главѣ конныхъ жандармовъ, конныхъ и пѣшихъ городовыхъ. Первыя столкновенія начались, когда полиція стала пытаться схватить зачинщиковъ. Стачечники отстаивали своихъ товарищей, одобряя другъ друга возгласами: «Чтоже братцы, неужели мы не постоимъ за своихъ, возьмемся за дѣло, не робѣйте, наше возьметъ!» Къ 6 часамъ вечера къ обуховцамъ присоединилось еще нѣсколько тысячъ человѣкъ съ Александровскаго казеннаго завода. Толпа стачечниковъ

совершенно остановила уличное движеніе на Шлюссельбургскомъ проспектѣ, и не пропускала конныхъ патрулей. По приказанію Полибина жандармы и конная стража атаковали толку съ обнаженными шашками, но были обращены въ бѣгство градомъ камней и кирпичей. «Намъ нужна свобода!» — кричали рабочіе, отбиваясь отъ жандармовъ. Часть стачечниковъ засѣла во дворѣ карточной фабрики, и по словамъ обвинительнаго акта полицмейстеръ Полибинъ съ своими городовыми трижды тщетно пытался подойти къ воротамъ фабрики, чтобы выломать ихъ. Тогда по телефону вытребованы были еще эскадронъ жандармовъ, двѣ роты пѣхоты и отрядъ городовыхъ. Въ ожиданіи ихъ прибытія, Полибинъ по соглашенію съ подполковникомъ Ивановымъ выдвинулъ противъ стачечниковъ подготовленную на заводѣ морскую команду, вооруженную ружьями и велѣлъ открыть боевой огонь. Послѣ нѣсколькихъ залповъ проспектъ былъ очищенъ. По оффиціальнымъ даннымъ этими залпами убито было три рабочихъ и около десяти болѣе или менѣе тяжело ранено. Возможно, что въ дѣйствительности жертвъ было нѣсколько больше, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что большинство матросовъ стрѣляло въ воздухъ. Это подтверждаютъ и слова одного городового, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стрѣлявшихъ матросовъ. «Надо Христа на шеѣ не имѣть, — говорилъ онъ впослѣдствіи одному изъ рабочихъ, — чтобы стрѣлять въ своего брата. Только скоты, какъ слѣдуетъ, стрѣляли.»

Увы, среди «братьевъ» одѣтыхъ особенно въ полицейскую форму, еще слишкомъ много «скотовъ».

Прибывшимъ на подкрѣпленіе солдатамъ и жандармамъ пришлось уже не очищать проспектъ, а брать приступомъ дома, въ которыхъ заперлись стачечники, не желавшіе отдаться безъ сопротивленія. Дома были взяты, и произведены многочисленные аресты. Многіе изъ арестованныхъ были высланы административнымъ порядкомъ, а 37 человѣкъ предано суду. Судъ окончился жестокимъ приговоромъ для большинства обвиняемыхъ. Главные обвиняемые Гавриловъ и Ермаковъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ: первый на 6 лѣтъ, второй на 5 лѣтъ; 20 человѣкъ приговорены къ арестанскимъ ротамъ отъ 4—5 лѣтъ; 7 чело-

вѣкъ къ тюремному заключенію отъ $1^1/_2$ — 4 лѣтъ, и только 8 человѣкъ были оправданы. Судьи, видимо, старались попадать прямо въ рабочую грудь, а не въ воздухъ. Къ тюремному заключенію приговорены между прочимъ двѣ 18-тилѣтнихъ работницы, Бурчевская и Яковлева, обвинявшіяся въ томъ, что онѣ вынимали изъ мостовой камни и подавали ихъ рабочимъ, причемъ Яковлева по словамъ обвинительнаго акта, открыто заявляла: «Мы стоимъ за братьевъ». Замѣчательно, что на судѣ Яковлева не пыталась отрицать свою вину и оправдываться. По ея, словамъ, она должна была помочь своимъ братьямъ-рабочимъ, которыхъ безъ всякой съ ихъ стороны вины избивала полиція. Жестокое «усмиреніе» не убило духа протеста у обуховскихъ рабочихъ. 7-го іюля ровно черезъ два мѣсяца послѣ «сраженія» на шлюссельбургскомъ проспектѣ на Обуховскомъ заводѣ снова вспыхнула стачка, какъ протестъ противъ вступленія въ свои служебныя обязанности подполковника Иванова, сначала, было, удаленнаго съ завода. На этотъ разъ обошлось безъ кровопролитія, но аресты вырвали много сознательныхъ рабочихъ. Дорого обходится «обуховцамъ» ихъ упорство, но и заводскому «начальству» приходится отступать. Въ 1902 году, опасаясь «майскихъ дней», заводское начальство нашло необходимымъ издать новыя «правила», по которымъ во-первыхъ ночная работа должна прекращаться ровно въ 1 часъ, а не въ $1^1/_2$, какъ было до тѣхъ поръ; во-вторыхъ больнымъ рабочимъ обѣщано пособіе—семейнымъ $^3/_4$ жалованья, холостымъ половина въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ болѣзни.

Вѣроятно, «обуховцы» не такъ сильно-бы пострадали и добились гораздо большаго, если бы стачки 1901 г. вспыхивали на разныхъ заводахъ дружно, одновременно, а не одна за другой. Забастовокъ было довольно много, но онѣ носили характеръ «стачечной эпидеміи», а не «всеобщей стачки»: стачка на одной фабрикѣ «заражала» другую фабрику, но въ то же время, какъ на этой послѣдней начиналась забастовка, на первой она уже прекращалась. Въ общемъ въ 1901 годи стачки происходили почти на всѣхъ *казенныхъ* петербургскихъ заводахъ и на многихъ частныхъ

фабрикахъ. По оффиціальнымъ даннымъ*) въ Петербургской губ. въ 1901 году было 12 стачекъ съ 14.300 забастовщиками и 41.996 потерянными рабочими днями.

Во всей Россіи стачекъ за этотъ годъ было по оффиціальнымъ даннымъ 120. По числу стачекъ первое мѣсто занимала Виленская губернія (30 стачекъ), гдѣ, какъ мы уже говорили, особенно упорную борьбу вели кожевники; но по числу забастовщиковъ первой была Петербургская губернія, на которую приходилось почти 60% всѣхъ стачечниковъ. И по революціонному значенію своихъ стачекъ Петербургъ въ 1901 г. высоко подымался надъ остальной Россіей. Но въ 1902 и 1903 гг. онъ стоялъ въ какомъ-то молчаливомъ оцѣпенѣніи, въ то время какъ грозно шумѣлъ «тихій» Донъ, мрачно гудѣли «дремучіе» уральскіе и костромскіе лѣса, высоко подымались волны на старомъ Днѣпрѣ, и небывалая буря грянула надъ Каспійской и Черной пучиной.

Казалось суровый геній революціи откликнулся, наконецъ, на призывъ истомленныхъ борцовъ:

«Душно безъ счастья и воли.
Ночь безконечно длинна.
Буря-бы грянула что-ли?
Чаша съ краями полна.
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи.»

Первымъ въ 1902 году поднялся батумскій пролетаріатъ, проявивъ по-истинѣ трогательное братское единеніе, которые особенно ярко выдѣлилось на черномъ фонѣ самодержавно-буржуазной жестокости. Контрастъ между величіемъ рабочихъ и низостью наемниковъ Ротшильда и Романова чувствуется даже при чтеніи «обвинительнаго акта», соединяющаго полицейскую бойню съ бойней судейской. Приводимыя данныя о батумскихъ «безпорядкахъ» мы беремъ почти исключительно изъ этого «обвинительнаго акта», составленнаго прокуратурой совмѣстно съ жандармеріей

*) См. Приложеніе къ «Запискѣ Мин. Фин.» о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки и пр.

не противъ убійцъ, конечно, а противъ убитыхъ и раненыхъ.

26 февраля 1902 г. директоръ керосино-нефтяного завода Ротшильда Ваншейдтъ вывѣсилъ объявленіе объ увольненіи 382 рабочихъ съ 12 марта вслѣдствіе сокращенія спроса на керосинъ въ жестянкахъ. Прикащикъ международнаго ростовщика однимъ почеркомъ выбрасывалъ на улицу около четырехъ сотенъ труженниковъ, не желая рискнуть ни одной копѣйкой «хозяйской» прибыли, выжатой изъ рабочихъ непосильнымъ трудомъ. Для Ротшильдовъ рабочіе—лишь цифры, стоящія въ графѣ «издержекъ производства», цифры которыя приходится то увеличивать, то уменьшать для того, чтобы цифры, стоящія въ графѣ «чистой прибыли» безпрерывно возростали.

Но для труженника труженникъ всегда человѣкъ, и чѣмъ больше труженникамъ приходится вмѣстѣ страдать, тѣмъ яснѣе видятъ они другъ въ другѣ товарищей и братьевъ. Рабочіе ротшильдовскаго завода достаточно страдали вмѣстѣ, чтобы увидѣть въ уволенныхъ рабочихъ своихъ братьевъ и заступиться за нихъ. Они потребовали: «чтобы никто изъ рабочихъ не былъ увольняемъ, а если работы не хватаетъ, то чтобы заводъ установилъ очередную смѣну, при чемъ тѣ, которые были заняты работами, получали бы полную плату, а внѣ-очередные, остающіеся безъ работы, получали бы половину этой платы».

Другими словами рабочіе хотѣли по-братски подѣлить работу и нужду и этимъ спасти часть товарищей отъ голодной смерти. Они соглашались голодать поочередно, а отъ «завода» требовали только, чтобы онъ временно довольствовался нѣсколько меньшею прибылью. Но ротшильдовскій прикащикъ отвѣтилъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Рабочіе забастовали. Выждавъ нѣсколько дней и видя, что рабочіе упорствуютъ, администрація завода обратилась 3 марта за «содѣйствіемъ» къ властямъ. Власти, понимающіе, что значитъ Ротшильдъ, оказались особенно предупредительны. Сначала забастовщикамъ пригрозили высылкой на родину, а, когда эта угроза не подѣйствовала, арестовали въ ночь на 8 марта «по указаніямъ администраціи завода» «зачинщиковъ» въ числѣ 32-хъ. Но чувство единенія среди рабочихъ

было такъ велико, что 8-го утромъ сначала къ полицейскому управленію, а затѣмъ къ тюрьмѣ явилась толпа человѣкъ въ 400 и потребовала, чтобы или освободили арестованныхъ, или арестовали и ихъ всѣхъ. Помощникъ военнаго губернатора послѣ нѣкотораго колебанія арестовалъ всю толпу, препроводивъ ее вмѣстѣ съ арестованными ночью въ пересыльныя казармы. Чувство товарищеской солидарности охватило тогда уже не только рабочихъ ротшильдовскаго завода, но и значительную часть вообще батумскаго пролетаріата. 9-го марта утромъ къ «пересыльнымъ казармамъ» явилась толпа уже въ нѣсколько тысячъ человѣкъ «съ вожаками впереди, шествуя правильными рядами съ пѣснями, шумомъ и свистомъ». Эти нѣсколько тысячъ пролетаріевъ черезъ своимъ вожаковъ потребовали, чтобы и ихъ посадили въ тюрьму, разъ не хотятъ освободить всѣхъ арестованныхъ раньше. На этотъ разъ «власти» возмутились дерзкимъ требованіемъ и вызвали войска, приказавъ солдатамъ «тѣснить рабочихъ и, когда это не поможетъ, отстранять ихъ прикладами», говоря по-просту, бить ихъ прикладами. Рабочіе стали защищаться чѣмъ попало: камнями, досками и пр. Началась свалка. Въ это время изъ пересыльныхъ казармъ вырвались арестованные и присоединились къ товарищамъ. Тогда «прикладовъ» оказалось мало. Солдатамъ приказано было стрѣлять «одиночнымъ порядкомъ» сначала «выше», а потомъ «ниже». Одиночный порядокъ» былъ выбранъ, вѣроятно, чтобы предупредить неразрѣшенные выстрѣлы въ воздухъ. Когда толпа разсыпалась, на мѣстѣ бойни осталось 7 убитыхъ и нѣсколько десятковъ тяжело раненыхъ, изъ которыхъ 7 человѣкъ, по словамъ обвинительнаго акта, скоро скончались. Изъ раненыхъ, доставленныхъ въ больницы, власти, вѣроятно, тоже, по указанію ротшильдовской администраціи, отобрали нѣсколько человѣкъ и предали суду.

Знаменательны и характерны для пролетарской солидарности весеннія волненія въ Батумѣ, но все же они кажутся незначительными по сравненію съ грандіозной ноябрьской всеобщей стачкой въ Ростовѣ на Дону, распространившейся изъ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на весь городъ и его окре-

стности*). Ростовъ уже не разъ переживалъ «рабочія волненія». Еще въ 1879 г. ростовскіе рабочіе устроили «бунтъ» и разнесли «полицію», которой пришлось бѣжать, и городъ до прибытія войскъ нѣсколько времени находился въ рукахъ «бунтовщиковъ». Но какая громадная разница между *бунтомъ* 1879 года и *стачкой* 1902 года! Можетъ быть, ничто такъ ярко не рисуетъ колоссальный ростъ сознанія русскаго пролетаріата за послѣднюю четверть вѣка, какъ сравненіе этихъ двухъ событій. Тогда дикій *разгромъ*, отчасти связанный съ пасхальнымъ *разгуломъ*; теперь величественно *серьезная всеобщая стачка* съ внушительными демонстраціями и многочисленными митингами, на которыхъ ораторы говорятъ о соціализмѣ, о политической борьбѣ, о соединеніи пролетаріевъ всѣхъ странъ...

Порывъ продолжался недолго; рѣчи ораторовъ были заглушены барабаннымъ боемъ и топотомъ казачьихъ лошадей, но ростовскіе рабочіе могутъ быть увѣрены, что ихъ «пораженіе» сдѣлало свое дѣло для приближенія великой побѣды человѣчества—братскаго объединенія пролетаріевъ всѣхъ странъ и національностей во имя торжества *свободнаго труда и безоружнаго мира*.

Не успѣли Россію и весь міръ облетѣть вѣсти о ноябрскихъ волненіяхъ на Дону, какъ обильно пролитою рабочею кровью пахнуло съ далекаго Урала. Вотъ какъ описываетъ кровавую драму въ Златоустѣ *одинъ изъ рабочихъ-очевидцевъ* **).

«Съ первыхъ чиселъ января 1903 г. на рабочихъ Златоуста Уфим. губ. безпрерывно набѣгала бѣда за бѣдою. Первой изъ этихъ бѣдъ былъ пожаръ, уничтоживній механическій и снарядный цеха. Расплачиваться за пожаръ пришлось, конечно, рабочимъ:—многимъ было объявлено объ увольненіи. — Второй напастью явились книжки, содержащія условія найма. Оказалось, что каждый параграфъ новыхъ правилъ налагаетъ на рабочихъ новыя цѣпи или крѣпче сковываетъ старыми. (§ 1. Наказаніе, налагаемое завѣдующими цехами, не можетъ быть обжаловано. § 2. Если

*) Подробно развитіе ростовской стачки изложено нами въ брошюрѣ «Всеобщія стачки».

**) См. «Революціонную Россію», № 22.

рабочій не является на работу въ теченіе мѣсяца 6 дней по неуважительной причинѣ или 2 недѣли по уважительной, то договоръ можетъ быть расторгнутъ. § 3. За нарушеніе тишины и порядка—тюрьма отъ 3-хъ недѣль до $1^1/_2$ года и т. п.).

8 марта рабочіе большого прокатнаго цеха безъ малѣйшихъ безпорядковъ вызвали заводскаго полиціймейстера Уманцева и попросили его передать начальству завода (начальнику Зеленцову и управителю Сертулѣ) о томъ, что новыхъ книжекъ не примутъ и, если начальство будетъ настаивать на своемъ, то 10-го марта они бросятъ работу. Вскорѣ забастовали и остальные цехи. 11-го марта переговоры продолжались. Рабочіе отказались отъ временной отстрочки принятія новыхъ книжекъ. Для удобства переговоровъ начальство предложило рабочимъ выбрать 3-хъ делегатовъ потолковѣе. Рабочіе долго не соглашались, опасаясь за судьбу выборныхъ. Только, когда имъ дали слово, что выборнымъ не грозитъ никакая опасность, рабочіе выбрали трехъ депутатовъ. Вечеромъ рабочіе разошлись, не придя съ начальствомъ ни къ какому соглашенію. На другой день, 12-го марта, рабочіе узнали, что всѣ три депутата ночью арестованы. Не смотря на такой возмутительный фактъ, рабочіе тихо, мирно всей толпой двигались отъ начальства къ начальству, требуя освобожденія арестованныхъ. Но напрасно. Управитель говорилъ, что онъ не давалъ приказанія; начальникъ сказалъ, что даже не зналъ объ ихъ арестѣ. Тогда рабочіе пошли къ квартирѣ жандармскаго ротмистра Долгова, гдѣ были встрѣчены жандармскимъ унтеръ-офицеромъ. На вопросъ рабочихъ, гдѣ арестованные, унтеръ отвѣчалъ, что они увезены. Затѣмъ вышелъ ротмистръ и сказалъ: «они здѣсь, не безпокойтесь: какъ только дѣло разслѣдуютъ, ихъ выпустятъ». Рабочіе требовали немедленнаго освобожденія арестованныхъ и упрекали въ слѣланной подлости, но въ отвѣтъ на это услышали: «служба, ничего не подѣлаешь; сегодня я выпущу, а завтра меня уволятъ.» Послѣ отказа ротмистра жены арестованныхъ стали отдавать своихъ дѣтей ему, требуя, чтобы онъ содержалъ ихъ до освобожденія ихъ отцовъ. Многіе при видѣ этого — рыдали. Отсюда рабочіе отправились чинно къ

исправнику Ключникову, который скоро обманнымъ способомъ удралъ отъ нихъ на вокзалъ встрѣчать губернатора. Губернаторъ остановился у горнаго начальника. Въ 7 часовъ вечера рабочіе собрались туда и требовали къ себѣ Уфимскаго губернатора Богдановича. Онъ долго не выходилъ, но выйдя сразу закричалъ: «Бунтовщики! я съ вами и говорить не буду, всѣхъ сошлю въ Сибирь!» Требовалъ избранія депутатовъ, на что рабочіе заявили, что выборные ихъ засажены, а другихъ не будетъ; требовали освободить арестованныхъ, говоря, что «пословъ не куютъ и не вяжутъ». Такъ рабочіе въ тотъ день ничего кромѣ ругани и не добились.

Утромъ 13-го рабочіе стали собираться на площадь передъ домомъ горнаго начальника. Скоро вышелъ къ нимъ губернаторъ, горный начальникъ, управитель завода, прокуроръ и жандармскій полковникъ Шатовъ. Губернаторъ заявилъ, что вопросъ о новыхъ правилахъ посланъ для разсмотрѣнія министру, а теперь до полученія распоряженія министра рабочіе могутъ работать по старымъ правиламъ. Рабочіе удовлетворились, но требовали немедленнаго освобожденія арестованныхъ. Мирная толпа рабочихъ человѣкъ 700 — 1200, разговаривавшая съ начальствомъ, привлекла массу любопытныхъ. Среди толпы много было женщинъ, женъ рабочихъ, и подростковъ, начинающихъ работать. Требованіе рабочихъ — освободить арестованныхъ — было настойчиво. Въ толпѣ то и дѣло слышалось: «Не расходитесь, братцы, пока не выпустятъ, вы видите, сколько имъ можно вѣрить. Если мы не выручимъ товарищей теперь, намъ не видать ихъ больше. Вѣдь не сгнили еще кости жертвъ 98 г.!» Но при этомъ не было не только буйства, но даже сильнаго движенія. Въ магазинахъ по прежнему велась обычная торговля. Губернаторъ все настойчивѣе требовалъ, чтобы толпа расходилась, говоря, что до разслѣдованія дѣла ихъ товарищи освобождены быть не могутъ. Рабочіе отвѣчали, что не разойдутся. Тогда губернаторъ, схвативъ одного рабочаго, стоящаго впереди, за воротъ пиджака, закричалъ: «Иди-ка, поговоримъ, ты давно ужъ здѣсь ораторствуешь.» Рабочіе мигомъ накинулись и оттиснули товарища въ толпу. Губернаторъ объявилъ, что поѣдетъ въ тюрьму для

разслѣдованія дѣла, но рабочіе попросили его идти вмѣстѣ съ ними пѣшкомъ. «А то вы, говорятъ, вмѣсто тюрьмы на вокзалъ уѣдете.» Губернаторъ ушелъ въ домъ и вскорѣ выслалъ печатныя объявленія, къ которыхъ говорилось: 1) немедленно разойтись, иначе прибѣгнутъ къ военной силѣ и 2) немедленно приступить къ работамъ, въ противномъ случаѣ обѣщалъ закрыть заводъ. Послѣ этого войско выстроенное сбоку между колокольней и магазиномъ, заиграло наступленіе. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на балконъ губернаторъ и махнулъ платкомъ. Раздался залпъ. Мы сначала не испугались, потому что не думали, чтобы безъ всякой причины стали убивать людей, но вдругъ видимъ, что народъ повалился, какъ подкошенный, и кровь залила всю площадь. Тутъ только мы побѣжали, а пули въ догонку такъ и свищутъ. Кто валится тутъ же, гдѣ застала пуля, кто бѣжитъ, окрававленный, кто пытается ползти. По всей площади поднялся стонъ, вой, плачъ дѣтей. Народъ бросился искать своихъ. Въ это время еще залпъ, еще и еще. Послѣ четырехъ залповъ раздавались лишь отдѣльные выстрѣлы изъ револьверовъ, — это стрѣляли «господа» въ инстинктивно искавшихъ спасенія въ дверяхъ барскаго дома... Больницы заполнились мертвыми и умиравшими. Кровь, точно ведрами вылитая, покрыла полъ больницы. Въ числѣ убитыхъ много женщинъ, дѣтей и лицъ совершенно непричастныхъ къ дѣлу.

Бойня была такъ неожиданна, что отовсюду только и слышится: «Господи! Да что же это такое? Какъ у нихъ поднялась рука?» Ужасная картина была у больницы: короба, наполненная тѣлами убитыхъ и раненыхъ... кровь льется рѣкой... слышатся стоны умирающихъ, просьбы дать хоть каплю воды... рыданія женщины, спрашивающей: «не видали ли мужа моего... въ сѣренькомъ пиджакѣ?» «Вотъ тамъ, въ коробѣ», отвѣчаютъ ей. И снова потрясающія душу рыданія.

Не смутились только свершившіе это кровавое дѣло столпы общества... Офицеръ, возвращаясь съ бойни, разсматривалъ внимательно, не сбивается ли съ рыси его иноходецъ; а заводская администрація позаботилась поливкой изъ пожарныхъ машинъ (которыя на этотъ разъ были въ полномъ порядкѣ) площади и усыпкой ее пескомъ и снѣгомъ. Забыли только из-

верги, что для смыванія крови съ совѣсти не изобрѣтено еще машинъ...»

«Когда кончились залпы,—пишетъ другой рабочій-златоустовецъ— то конные полицейскіе погнались за толпой и стали въ нее стрѣлять изъ револьверовъ. По окончаніи стрѣльбы, на площади и на сосѣднихъ улицахъ осталось убитыхъ и тяжело раненыхъ отъ 35 до 40 человѣкъ, многіе же убѣжали; такъ, напр., одинъ съ раною въ животѣ убѣжалъ версты за $1^1/_2$ домой и тамъ умеръ. Всего пострадавшихъ около 250 человѣкъ, изъ которыхъ около $^1/_3$ — женщины и дѣти. Во время этой бойни на улицахъ и площадяхъ шло обычное движеніе, а потому много пострадало людей случайно проходившихъ и проѣзжавшихъ мимо; нѣсколько пуль попало въ городское училище и тамъ перепугало учениковъ и учителей.

Близкіе бросились разыскивать между убитыми и ранеными своихъ. Туда же явились и полицейскіе въ сопровожденіи огромныхъ коробовъ, въ которые бросали мертвыхъ. Вотъ подымаютъ одного убитаго. Карманъ пиджака оттопырился, видно, чѣмъ то набитъ. Какъ вороны бросились полицейскіе къ этому трупу, надѣясь найти оружіе; но вмѣсто него изъ кармана вынимаютъ кусокъ черстваго ржаного хлѣба и двѣ печеныхъ картошки...

Послѣ обѣда было вывѣшено отъ горнаго начальника объявленіе, въ которомъ говорилось, что, если рабочіе съ 14-го не начнутъ работать, то онъ закроетъ заводъ впредь до распоряженія высшихъ властей.

14-го марта начали работать.

15-го похоронили 39 человѣкъ, причемъ 32-хъ принесли на мѣсто избіенія, гдѣ въ присутствіи огромнаго стеченія народа была отслужена панихида. 16-го тоже отпѣвали на площади еще 11 человѣкъ.

16-го была вывѣшена отъ министра государственныхъ имуществъ, за подписью главнаго начальника, телеграмма, въ которой рабочимъ приказывалось обязательно брать книжки новаго образца и съ 18-го работать въ своей смѣнѣ, — причемъ предупреждалось, что если рабочіе не выполнятъ этихъ условій, то закроютъ заводъ, и онъ простоитъ до тѣхъ поръ пока не наберутся новые рабочіе.

Умершихъ къ 15-числу было 68 человѣкъ...»

Не даромъ пролилась эта кровь. По всему міру разнеслась о ней вѣсть, сильнѣе, горячѣе забились сердца пролетаріевъ, еще яснѣе стала простая, но великая истина:

«Не пріидетъ конецъ страданію,
«Коли нѣтъ конца терпѣнію.

Замѣчательно, что особенно дѣятельное сочувствіе къ златоустовскимъ стачечникамъ проявилъ еврейскій пролетаріатъ. При извѣстіи о златоустовскомъ кровопролитіи сознательные гомельскіе рабочіе во главѣ съ гомельскимъ комитетомъ «Бунда» рѣшили устроить однодневную *всеобщую забастовку*, какъ протестъ противъ убійцъ, какъ выраженіе сочувствія къ убитымъ и пострадавшимъ.

24 марта большинство рабочихъ въ Гомелѣ, дѣйствительно бастовало.

«Мы не работаемъ», — отвѣчали евреи-рабочіе на озлобленные вопросы полицейскихъ, «потому что у насъ сегодня политическая забастовка».

Во славу православнаго царя, повинуясь приказу его вѣрныхъ слугъ, «христолюбивое воинство» разстрѣливаетъ рабочихъ оружейнаго завода, гдѣ, быть можетъ изготовлены тѣ самыя ружья, отъ которыхъ падаютъ безжизненными трупами, трудившіеся надъ ними пролетаріи. И противъ этой ужасной ироніи современнаго строя открытой всеобщей стачкой протестуютъ еврейскіе пролетаріи.

Въ Златоустѣ рабочіе боролись съ капиталомъ казеннымъ, въ Костромѣ два мѣсяца спустя имъ пришлось бороться съ капиталомъ иностраннымъ. Иностранный капиталъ такой же пайщикъ акціонерной, компаніи, именуемой «самодержавіемъ», какъ и капиталъ казенный. Мы видѣли, какъ предупредительно откликнулись русскія власти на призывъ администраціи завода Ротшильда, не менѣе предупредительно стали оказывать они содѣйствіе и администраціи Бельгійской Костромской мануфактуры, когда ея рабочіе забастовали, не соглашаясь на уменьшеніе заработной платѣ до голодной нормы. Сначала дѣло ограничивалось тѣмъ, что «губернаторъ отечески увѣщивалъ, фабричный инспекторъ отстаивалъ права фабрикан-

товъ, а полицмейстеръ грозилъ тюремнымъ замкомъ»*.) Затѣмъ, когда стачка захватила всѣхъ рабочихъ бельгійской фабрики и работа окончательно остановилась увѣщанія смѣнились многочисленными арестами. Рабочіе отвѣтили уличной демонстраціей 8-го мая.

«Толпа прошла безпрепятственно по главнымъ улицамъ Костромы, направилась къ тюремному замку, гдѣ сидѣли уже захваченные раньше товарищи, и послѣ нѣсколькихъ свалокъ съ жандармами, полиціей и войсками, при чемъ красный флагъ то исчезалъ, то появлялся вновь, манифестанты вернулись обратно въ свою часть города...»

Послѣ демонстраціи стачка дней 10 продолжалась мирно, но затѣмъ вдругъ прорвалась стихійнымъ погромомъ. Стачечники вломились во дворъ фабрики, оттѣснили полицію и солдатъ, и «черезъ минуту всѣ квартиры служащихъ бельгійцевъ были разбиты въ пухъ и прахъ». Затѣмъ толпа ворвалась въ заводскую контору, разнесла ее, разорвала конторскія книги и т. д.».

«Теперь — писалъ лѣтомъ прошлаго года корреспондентъ «Освобожденія» — «всѣ улицы Костромы спокойны: даже военные патрули не ходятъ. «Все обстоитъ благополучно». Опять городъ ушелъ въ свою безжизненную губернскую неподвижность и тишину. Только фабрика бельгійской компаніи стоитъ на краю города живымъ укоромъ. Здѣсь чинятъ поломанные заборы и вставляютъ окна. Во дворѣ, какъ коршуны на полѣ брани, расхаживаютъ полицейскіе. А дома управляющаго и инженеровъ стоятъ все еще заколоченными, какъ послѣ пожара. По солдатской улицѣ да по ближнимъ проулкамъ бродятъ также небольшими группами стачечники. Изможденные, испитые, они хмуро выглядываютъ изподлобья, и въ глазахъ ихъ чуется смутная, но уже *разумная, сознательная ненависть и тревога*».

Увы, къ сознательной любви и разумному покою пролетаріату приходится итти черезъ ненависть и тревогу. Но съ каждымъ шагомъ впередъ, съ каждой новой стачкой, съ каждымъ новымъ возстаніемъ «не-

*) См. корресподенцію изъ Костромы Т. Здѣшняго въ № 4 (28) «Освобожденія».

нависть и тревога» становятся разумнѣе. Ненависть къ отдѣльнымъ лицамъ смѣняется ненавистью ко всему буржуазному строю; тревога за свой завтрашній день, тревога за свой кусокъ хлѣба расширяется въ тревогу за участь всего трудящагося человѣчества, въ которое впился своими ядовитыми когтями коршунъ буржуазной прибыли. Одновременно съ костромскими рабочими, боровшимися съ бельгійскимъ капиталомъ въ Вышнемъ Волочкѣ въ теченіе 2-хъ недѣль бастовало нѣсколько тысячъ рабочихъ русскихъ мануфактуръ Прохорова. И здѣсь, конечно, было «содѣйствіе» властей съ присылкою войскъ и пр. Рабочіе держались дружно, рѣшивъ не сдаваться «до послѣдней крайности». Они не считали этой «крайностью» даже голодъ, отъ котораго нѣкоторые изъ нихъ заболѣли цынгой. Прохоровъ сталъ «торговаться» съ рабочими, уступая по мелочамъ и стараясь обмануть, но въ концѣ концовъ рабочимъ все же удалось добиться удовлетворенія главнѣйшихъ требованій.

Вообще въ маѣ и іюнѣ стачки происходили во всѣхъ концахъ Россіи, учащаясь и усиливаясь на югѣ, пока, наконецъ, въ началѣ іюля не вспыхнули *южныя всеобщія стачки*, которыми сдѣланъ гигантскій шагъ впередъ къ освобожденію пролетаріата отъ гнета капитала.

Прометей, прикованный къ кавказской горѣ, могуче рванулся изъ цѣпей. Испуганно отлетѣлъ кровожадный коршунъ, рвавшій его печень, но цѣпи не разорвались, онѣ заскрипѣли, натянулись и болѣзненно впились въ напряженные мускулы... И снова налетѣлъ хищный коршунъ и снова жадно терзаетъ окровавленную грудь... Но Прометей-пролетарій въ страданіяхъ черпаетъ новыя силы, и близокъ моментъ, когда цѣпи не выдержатъ его могучихъ усилій... И свободный свободною рукою высоко подыметъ онъ яркій факелъ любви и истины...

Іюльскія промышленныя стачки, захватившія промышленные центры Закавказья (Баку, Батумъ, Тифлисъ, Поти и т. д.), Одессу, Николаевъ, Кіевъ, Екатеринославъ и т. д. стояли между собою въ тѣсной связи. Повсюду было достаточно горючаго матерьяла, достаточно недовольства, накопившагося во время продолжительнаго промышленнаго кризиса, который

въ 1903 г. смѣняется промышленнымъ оживленіемъ *); небольшія стачки вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ сначала самопроизвольно и, взаимно, усиливая другъ друга, разгорѣлись въ стачки всеобщія. Таково было взаимодѣйствіе между стачками бакинской, тифлиской и одесской. Пламя этихъ всеобщихъ стачекъ было такъ сильно, что раскалило атмосферу въ Кіевѣ и Екатеринославѣ, гдѣ массовое стачечное движеніе врядъ ли началось бы въ то время независимо отъ Баку и Одессы. Къ сожалѣнію, въ Кіевѣ и особенно въ Екатеринославѣ всеобщія стачки вспыхнули все же слишкомъ поздно, когда массовое движеніе на Кавказѣ и въ Одессѣ уже стихло.

Характеръ настоящей всеобщей стачки движеніе приняло прежде всего въ Баку, гдѣ вообще пролетаріатъ проявилъ на этотъ разъ особенно много революціонной энергіи и солидарности. И это, несмотря на то, что пролетаріатъ въ Баку представляетъ въ національномъ отношеніи поразительно смѣшанную массу. По отчету о состояніи нефтяной промышленности за 1901 г. среди служащихъ и рабочихъ на нефтяныхъ промыслахъ были представители 24 національностей. Среди русскихъ можно встрѣтить рабочихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Изъ другихъ національностей здѣсь работаютъ армяне, персы, татары, грузины, лезгины, нѣмцы, шведы, евреи, поляки и т. д. Всѣхъ ихъ стянула сюда международная капиталистическая эксплуатація, чтобы превращать фонтаны вонючей нефти въ фонтаны золота, которое льется въ сундуки Ротшильдовъ, Нобелей и другихъ капиталистовъ. Условія труда ужасны: Уже сама мѣстность кажется проклятой богомъ и должна бы отпугивать живыхъ существъ.

«Когда вы въ первый разъ подъѣзжаете на желѣзной дорогѣ къ Балаханамъ (предмѣстью Баку), васъ поражаетъ никогда невиданное зрѣлище. Вы ѣдете по совершенно мертвой песчанной пустынѣ. Только ранней весной она покрыта тощею, блѣдной зеленью травъ или посѣяннаго мѣстными крестьянами-татарами ячменя. Но уже съ половины мая все голо, все выжжено. Ни деревца, ни кустика... Эта мертвая

*) Моментъ перехода отъ «кризиса» къ «расцвѣту» является однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ для массового стачечнаго движенія.

пустыня разнообразится только столь же мертвыми озерами, въ которыхъ содержаніе соли доходитъ до $25.58^0/_0$. Но вотъ передъ вами вырисовывается котловина съ цѣлымъ лѣсомъ вышекъ—четырехъ-гранныхъ деревянныхъ пирамидъ, вродѣ нашихъ россійскихъ вѣтрянокъ, только безъ крыльевъ, и болѣе высокихъ и стройныхъ. Ночью при лунномъ свѣтѣ эти вышки, черныя и стройныя, кажутся вамъ цѣлымъ лѣсомъ пирамидальныхъ тополей; но днемъ зрѣлище далеко не столь поэтическое. Вы ѣдете по хорошо шоссированной дорогѣ, которая аршинъ на $1^1/_2$—2 ниже остальной поверхности, поднятой большими отложеніями песку, выброшеннаго нефтянными фонтанами. Вся почва пропитана нефтью, воздухъ въ тихую погоду насыщенъ нефтянными газами и копотью тысячи трубъ; солнце закрыто густыми облаками дыма, который неподвижно стоитъ надъ котловиной, стѣсненной окружающими высотами. Дышется съ трудомъ, нефтяные газы раздражаютъ носъ, горло, легкія. У рабочихъ неизбѣжно развивается черезъ нѣкоторое время эмфизема и другія легочныя болѣзни. Только нордъ выноситъ изъ котловины испаренія и копоть и даетъ невольнымъ жителямъ этого, богомъ проклятаго мѣста, вздохнуть свободно, полной грудью *).»

Къ этимъ тяжелымъ природнымъ условіямъ для рабочихъ присоединяются ужасныя условія жилищныя и санитарныя. Помѣщенія тѣсны и грязны. Бань на промыслахъ почти нѣтъ, вода, съ санитарной точки зрѣнія «абсолютно негодна», но тѣмъ не менѣе ее принуждены пить рабочіе. Такъ приходится жить бакинскому международному пролетаріату, создающему, быть можетъ, самую высокую прибавочную цѣнность въ мірѣ. Но зато (ахъ, это страшное капиталистическое «зато!») владѣльцы «фонтановъ» могутъ жить въ роскошныхъ виллахъ подъ благодатнымъ небомъ Италіи и южной Франціи и вмѣсто абсолютно годной къ питью воды, пить «золотистый сокъ виноградной лозы». Доходы нефтянопромышленниковъ росли необычайно

*) См. «Всеобщая забастовка въ Баку» въ № 32 «Революціонной Россіи». Эта статья, кстати сказать, даетъ болѣе полную картину бакинской стачки, чѣмъ какая-нибудь другая. Хорошо въ ней выяснены и причины стачки.

быстро, милліоны удваивались и утраивались; цѣны на земли достигли колоссальныхъ размѣровъ; началась безудержная спекуляція... И наконецъ ударилъ кризисъ: мелкіе спекулянты разорились, но такія крупныя фирмы, какъ Нобель и Ротшильдъ, лишь сократили нѣсколько производство, выкинувъ нѣсколько тысячъ рабочихъ на улицу и уменьшивъ остальнымъ заработную плату. Это было въ 1901 г., и съ этого времени въ рабочей средѣ подымается волна недовольства. Она достигаетъ своей наибольшей высоты къ 1903 г., когда кризисъ начинаетъ смѣняться промышленнымъ оживленіемъ.

Баку не только центръ нефтяной промышленности, въ немъ большую роль играютъ рыбные промыслы и портовыя работы. Кромѣ того имѣется довольно много табачныхъ фабрикъ.

Кризисъ коснулся не только нефтяныхъ рабочихъ, но и всего трудящагося пролетаріата Баку, и вызвалъ въ немъ соотвѣтствующее настроеніе.

Съ весны 1903 г. начинается рядъ мелкихъ стачекъ (кучеровъ и кондукторовъ городской конки, рабочихъ табачной фабрики Мирзабиканца). Стачки были большею частью удачны, и это, конечно, повысило настроеніе всего бакинскаго пролетаріата. Устроенная сознательными рабочими 27 апрѣля уличная демонстрація внесла въ приподнятое настроеніе пролетаріата революціонную ноту. А тутъ стали приходить вѣсти о разгоравшемся стачечномъ движеніи въ Тифлисѣ, и у многихъ бакинскихъ рабочихъ явилась потребность поддержать тифлискихъ товарищей. Однимъ словомъ, атмосфера была крайне насыщена, когда въ мастерскихъ Хатисова вспыхнула стачка вслѣдствіе попытки хозяина уклониться отъ даннаго обѣщанія повысить заработную плату. Хатисовъ, какъ предупредительный человѣкъ, подготовился къ стачкѣ, вступивъ въ соглашеніе съ другими заводчиками относительно выполненія сдѣланныхъ ему заказовъ. Узнавъ объ этомъ рабочіе вошедшихъ въ «соглашеніе» хозяевъ тоже забастовали изъ чувства солидарности къ хатисовскимъ стачечникамъ. Такимъ образомъ соглашеніе хозяевъ, какъ это часто бываетъ, способствовало обобщенію стачки. Это было 2-го іюля. Движеніе начинаетъ теперь распространяться съ быстротою

пламени. 4-го и 5-го іюля группы стачечниковъ ходятъ отъ завода къ заводу и всюду останавливаютъ работы. Вскорѣ бастовало уже болѣе 40.000 человѣкъ.

«Съ 5-го числа — говоритъ авторъ уже цитированной статьи въ «Рев. Россіи» — рабочіе стали полными распорядителями надъ экономической и промышленной дѣятельностью бакинскаго района. Стала всякая работа, которую они хотѣло остановить, продолжалась только та, которую они позволяли продолжать. 5-го числа остановилась конка, бросили работу типографскіе рабочіе, пересталъ дѣйствовать телефонъ между Баку и Балаханами (въ городѣ онъ продолжалъ дѣйствовать), остановились станціи электрической силы. Два дня не дѣйствовало электрическое освѣщеніе. Съ 5 по 10 не ходила конка, не было товарнаго движенія. Пріостановлено было водоснабженіе въ Балаханахъ. Въ городѣ опрѣснитель дѣйствовалъ непрерывно, хотя и тамъ были непродолжительныя замѣшательства, быстро улаженныя администраціей. По отношенію къ нѣкоторымъ необходимымъ работамъ происходили такія сцены. Въ Балаханахъ пріостановили водопроводъ. Скоро отъ недостатка воды стали страдать сами рабочіе и ихъ семьи; тогда рѣшили пустить воду, но морскую воду не пускали. На сходкѣ 7-го іюля къ нимъ обратились съ просьбой пустить морскую воду въ больницу; они позволили, но только въ томъ количествѣ, какое надо для больницы, и даже поставили караулъ, чтобы какая нибудь толпа не остановила. У нѣкоторыхъ крупныхъ фирмъ въ Балаханахъ имѣются свои опрѣснители и свое электрическое освѣщеніе. Иногда рабочіе разрѣшали имъ работать, хотя другія работы на этихъ промыслахъ были пріостановлены. Желѣзнодорожные рабочіе разрѣшили пускать поѣзда, привозящіе въ котлахъ воду изъ Куры.

На станціи электрической силы въ Балловьинѣ администрація рѣшила производить электрическую энергію въ томъ количествѣ, какое необходимо для Биби-Эйбата. Рабочіе запретили: «Это чтожъ? Чтобы освѣтить клубъ, гдѣ инженеры въ карты играютъ да разсуждаютъ о томъ, какъ бы противъ насъ солдатъ вызвать? Нѣтъ, нельзя». И уходя добавили: «мы черезъ часъ придемъ, и если не остановите работы, то мы принуждены будемъ стрѣлять въ васъ изъ леволь-

веровъ» (работали одни высшіе служащіе, администраціи завода).

Въ то время, какъ разноплеменная толпа пролетаріата стихійно организовалась, власти растерялись тѣмъ болѣе, что движеніе начало захватывать даже полицейскихъ. «Городовые — пишетъ одинъ корреспондентъ «Искры» — сочувствуютъ забастовкѣ, и въ разговорахъ заявляютъ готовность присоединиться къ ней».

«Администрація или прячется — пишетъ другой корреспондентъ «Искры»,— или говоритъ раболѣпнымъ языкомъ. Казаки играютъ заискивающую роль, только слышно отъ нихъ: «Ради Бога, не подводите насъ».

Начались многочисленныя сходки подъ открытымъ небомъ, но по общему признанію ихъ нельзя назвать удачными, въ чемъ виноваты интеллигентные революціонеры, которыхъ массовое движеніе застало въ расплохъ, которые растерялись не менѣе властей. О самомъ крупномъ собраніи, происходившемъ въ Балаханахъ 7-го іюля, на которомъ присутствовало около 15.000 человѣкъ, искристскій комитетъ, — по словамъ корреспондента «Искры» — узнаетъ слишкомъ поздно и не можетъ послать ни одного оратора. «Не можетъ сдѣлать этого и бакинскій стачечный комитетъ, къ которому въ значительной степени переходитъ руководство (!) движенія. Собраніе продолжается часовъ 6, но производитъ очень грустное впечатлѣніе: никого, кто выразилъ бы общее настроеніе, формулировалъ требованія и пр.».

«Толпа стояла — сообщаетъ о томъ же собраніи корреспондентъ «Послѣднихъ Извѣстій» — и жаждала услышать смѣлое, вольное слово, но въ теченіе почти 3 часовъ не нашлось ни одного оратора». На другихъ менѣе многочисленныхъ сходкахъ выступали, правда, ораторы отъ комитета, но выступали загримированные, и при томъ такъ неловко, что это замѣтилъ не только полицмейстеръ, но и очень многіе рабочіе, на которыхъ этотъ маскарадъ произвелъ крайне невыгодное впечатлѣніе.

До какой степени было чуждо искристамъ массовое рабочее движеніе, видно изъ того, что по словамъ корреспондента «Искры» «незадолго до стачки комитетъ обсуждалъ вопросъ объ общей забастовкѣ, пред-

видя ея возможность, но рѣшилъ не вызывать ея въ виду своей неподготовленности. Но событія опередили комитетъ. Повторилась старая исторія: организація позади движенія».

По другимъ неопровергнутымъ извѣстіямъ, почти наканунѣ всеобщей стачки комитетъ рѣшаетъ не поднимать о ней вопроса *«въ виду ея невозможности»*.

Несомнѣнно, что члены комитета уже успѣли тогда проникнуться идеями своего руководящаго органа «Искры» и, вѣрные партійной дисциплинѣ, повѣрили, что всеобщія стачки даромъ растрачиваютъ революціонныя силы, и для соціалдемократовъ, умѣющихъ мыслить діалектически, являются средствомъ слишкомъ элементарнымъ; они повѣрили, что всеобщая стачка въ современной Россіи не можетъ превратиться въ революцію, но зато дворцовый переворотъ вродѣ сербскаго неизбѣжно превратился бы въ революцію.*)

Конечно, растерянность искристовъ не помѣшала рабочимъ очень опредѣленно формулировать свои экономическія требованія. Они требовали не только повышенія заработной платы и уменьшенія рабочаго дня, но и цѣлаго ряда санитарныхъ реформъ: устройства поселковъ внѣ черты промысловъ, хорошей питьевой воды, бань и т. д. Многія изъ этихъ требованій выполнены, такъ, напримѣръ, вопросъ объ устройствѣ рабочихъ поселковъ прошелъ, наконецъ, на съѣздѣ нефтепромышленниковъ, состоявшемся вскорѣ послѣ всеобщей забастовки. Администрація самой крупной фирмы братьевъ Нобель была вынуждена объявить о цѣломъ рядѣ уступокъ. «Въ настоящее время — говорится въ объявленіи администраціи — несмотря на то, что для предъявленія своихъ нуждъ, рабочіе избрали путь несогласный съ закономъ, и не оправдываемый отношеніемъ къ нимъ администраціи Товарищества, ходатайства ихъ разсмотрѣны и о результатахъ ихъ разсмотрѣнія симъ объявляется рабочимъ». Далѣе слѣдуетъ 9 пунктовъ, гдѣ перечисляются раз-

*) Въ передовой статьѣ № 43 «Искра» говоритъ между прочимъ, что бюрократическая «клика не способна теперь поднять руку на неугоднаго ей представителя», потому что она хорошо сознаетъ или инстинктивно чувствуетъ, что такой переворотъ въ современныхъ условіяхъ Россіи неизбѣжно превратился бы — въ революцію.

личныя уступки: прекращеніе работъ передъ праздниками часомъ раньше, выдача жалованья во время производства работъ, устройство помѣщеній и приспособленій для храненія платья, для мытья рукъ, кубовъ для горячей воды, столовъ и скамей для обѣда и т. д., установленіе постояннаго комплекта чернорабочихъ, зачисленіе учениковъ въ разрядъ рабочихъ и проч.

Мы, конечно, не будемъ отрицать значенія для рабочаго класса этихъ непосредственныхъ завоеваній, но не они все же дѣлаютъ бакинскую всеобщую стачку историческимъ событіемъ. Ея историческій смыслъ заключается въ томъ, что рабочій народъ самыхъ различныхъ національностей и вѣроисповѣданій почувствовалъ себя единымъ, цѣлымъ и понялъ, какая громадная сила заключается въ этомъ единеніи.

Послѣ долгихъ лѣтъ единства въ униженіи эти разноплеменные пролетаріи пережили, наконецъ, хоть нѣсколько краткихъ мгновеній единства въ торжествѣ. Эта всеобщая стачка была не взрывомъ отчаянья, а взрывомъ накопившейся силы, и взрывъ былъ праздничный, торжественный, полный ликующаго предчувствія соціальной революціи. Авторъ уже указанной статьи въ «Рев. Россіи» прекрасно выразилъ сущность этой торжественной стачки, говоря, что «сила ея распространенія, ея непреоборимаго господства надъ умами и чувствами рабочей массы, ея непреодолимая завлекательность» заключалось не только «въ сознаніи общаго гнета, въ чувствѣ протеста и возмущенія противъ него», но еще болѣе, «въ смутномъ несознаваемомъ стремленіи къ силѣ и господству своего класса».

Но часъ окончательной побѣды еще не пробилъ; «чаша вселенскаго горя» еще не полна! Пролетаріатъ былъ еще не готовъ къ творческой соціальной работѣ, а безъ соціальнаго творчества нѣтъ соціальной революціи, — онъ не выдвинулъ изъ своей среды достаточно сознательныхъ борцовъ, которые въ моментъ дезорганизаціи буржуазнаго строя, производимой всеобщей стачкой, могли бы сдѣлать первые шаги для организаціи строя пролетарскаго. Порывъ, поднявшій бакинскій пролетаріатъ, широко кругомъ всколыхнулъ рабочее море, но онъ не могъ развиться въ революцію и неминуемо долженъ былъ стихнуть. Черезъ двѣ не-

дѣли послѣ начала всеобщая стачка быстро пошла на убыль, и вмѣстѣ съ паденіемъ рабочей энергіи, подымалась «рѣшительность» буржуазнаго самодержавія и самодержавной буржуазіи, вновь занимавшихъ потерянныя было позиціи. Переходъ отъ момента торжества къ прежнему униженію вызвалъ у части пролетаріата чувство протестующаго отчаянья, и оно проявилось поджогами нефтяныхъ «вышекъ» и заводовъ. Эти «безчинства» очень возмутили искровскій комитетъ, который въ своихъ прокламаціяхъ поучалъ рабочихъ, что «стачка сама по себѣ есть мирное средство борьбы». Поджоги и разрушеніе машинъ «комитетъ» приписывалъ не только «темнымъ товарищамъ», но и «рабочимъ, подкупленнымъ полиціей». Намъ кажется, что не только у «темныхъ», «подкупленныхъ полиціей», но и у свѣтлыхъ и неподкупленныхъ рабочихъ могло въ душѣ пробудиться желаніе поджечь всѣ эти смрадные «фонтаны», когда послѣ минутнаго проблеска свободы, снова надвинулись тучи гнета и униженія...

Да тучи снова нависли, но послѣ іюльскихъ дней у большинства бакинскаго пролетаріата стало на душѣ свѣтлѣе, хотя гнетъ и униженіе онъ чувствуетъ теперь сильнѣе; моментъ новаго возстанія, видимо, близокъ.

Іюльскіе дни въ Тифлисѣ подготовлены стачечнымъ движеніемъ, безпрерывно нараставшемъ съ 1899 г., какъ это показываетъ, между прочимъ, докладная записка тифлискаго губернатора главноначальствующему края, заключеніе которой опубликовано въ № 41 «Освобожденія». Первая забастовка въ Тифлисѣ по словамъ «записки» — произошла въ августѣ 1899 г. на кожевенномъ заводѣ Адельханова. Забастовка кончилась побѣдой рабочихъ. «Она имѣла — говоритъ губернаторъ — для всѣхъ рабочихъ города Тифлиса огромное значеніе, открывъ имъ одинъ изъ способовъ борьбы съ предпринимателями.» Въ іюлѣ и августѣ 1900 г. возникаютъ почти одновременно 7 стачекъ, въ томъ числѣ въ главныхъ мастерскихъ закаспійской желѣзной дороги. «И вездѣ рабочіе довольно опредѣленно заявили свои требованія, причемъ эти требованія вездѣ были удовлетворены». «Эти забастовки впервые въ Тифлисѣ и, насколько извѣстно, на Кав-

казѣ сопровождались выпускомъ печатныхъ прокламацій «Къ товарищамъ», съ разъясненіемъ значенія и роли стачекъ вообще и приглашеніемъ рабочихъ быть твердыми и упорными въ борьбѣ съ предпринимателями. Никакихъ явныхъ признаковъ въ этой прокламаціи на принадлежность составителей ея къ какой нибудь противоправительственной партіи не было и никакихъ противоправительственныхъ задачъ этими прокламаціями не навязывалось. Успѣхъ стачки 1900 г. не замедлилъ сказаться въ 1901 г., ознаменовавшемся цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе организованныхъ стачекъ; въ январѣ вспыхнула стачка среди служащихъ трамвая Анонимнаго Общества съ требованіемъ сокращенія, главнымъ образомъ, числа рабочихъ часовъ; въ февралѣ стачка на табачной фабрикѣ Бутулова, съ требованіемъ увеличенія платы, и среди банщиковъ, — съ требованіемъ уничтоженія штрафовъ и принятія обратно уволенныхъ Яраловымъ нѣсколькихъ рабочихъ; въ маѣ на заводѣ Рукса, Коттини и снова Яралова съ требованіемъ сокращенія рабочихъ часовъ ($11^1/_2$) на одинъ часъ; въ іюнѣ на заводѣ Рукса, Кауфа, Придонова, съ требованіемъ прибавки жалованья ученикамъ и сокращенія рабочаго времени; въ декабрѣ на кожевенныхъ заводахъ Сумбатова, Халатова, Попова и Оганова, съ требованіемъ улучшенія обстановки работъ, устройства столовыхъ, раздѣваленъ и сокращенія рабочаго дня ($11^1/_2$) на одинъ часъ. Всѣ требованія стачечниковъ о сокращеніи рабочихъ часовъ и улучшеніи обстановки заводскихъ помѣщеній были удовлетворены, какъ были удовлетворены, въ большинствѣ случаевъ, и требованія ихъ объ увеличеніи заработной платы. Всѣ почти стачки 1901 г. сопровождались выпускомъ прокламацій, уже отъ имени различныхъ противоправительственныхъ сообществъ и съ навязываніемъ рабочимъ политическихъ ролей. Этотъ же годъ ознаменовался въ первый разъ, не только для г. Тифлиса, но и для всего Кавказа и Закавказья, первой противоправительственно-революціонной демонстраціей рабочихъ, правда, очень небольшой по количеству участвовавшихъ въ ней лицъ, но все же демонстраціей безусловно политической, сопровождаемой не только выбрасываніемъ красныхъ флаговъ, но и криками участвовавшихъ манифестан-

товъ: «Долой самодержавіе!», «Да здравствуетъ политическая свобода!»

Съ этого времени, по удостовѣренію губернатора, стачки начинаютъ превращаться въ революціонные безпорядки. Подъ вліяніемъ высланныхъ въ Тифлисъ изъ другихъ мѣстъ неблагонадежныхъ рабочихъ иинтеллигентовъ, вся масса въ Тифлисѣ разбилась на отдѣльныя группы, во главѣ которыхъ стояли особые руководители, внушавшіе рабочимъ необходимость руководиться девизомъ: «каждый за всѣхъ, всѣ за каждаго.» Слѣдствіемъ этого, по мнѣнію губернатора, было то, что «рабочаго движенія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ Тифлисѣ уже не существуетъ, но зато появилось «революціонное движеніе» среди рабочихъ».

Это новое движеніе губернаторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Стоило уволить фабриканту рабочаго — вся фабрика бросала работу, что стало считаться не только заслугой, но даже обязанностью; умираетъ рабочій, и вся фабрика обязуется присутствовать и провожать тѣло на кладбище; высылаютъ рабочаго — и всѣ товарищи по работѣ, въ какихъ бы отношеніяхъ они не состояли, обязываются устроить ему проводы». Почетное для рабочихъ удостовѣреніе ихъ товарищеской солидарности. И нелѣпо звучитъ послѣ этого заявленіе, что «простая рабочая масса сдѣлалась въ рукахъ противоправительственныхъ кружковъ орудіемъ и средствомъ революціонныхъ безпорядковъ», причемъ «рабочій вопросъ отошелъ на задній планъ».

«Этотъ переходъ въ теченіе 1902 г. — продолжаетъ докладная записка — настолько окрѣпъ, что за время цѣлаго ряда рабочихъ безпорядковъ, или, вѣрнѣе, безпорядковъ произведенныхъ рабочими въ текущемъ году, ни одного требованія, за исключеніемъ требованія 8-мичасового труда, которое могло бы спеціально назваться рабочимъ требованіемъ, не было; рабочіе всевозможныхъ категорій фабрикъ и заводовъ, бросая въ условленное время работу, со свистомъ и шумомъ уходили съ фабрикъ, не предъявляя предпринимателямъ никакихъ просьбъ, а, группируясь на улицахъ, вступали въ свалку съ городовыми и дворниками, разбрасывая прокламаціи, безусловно исключи-

тельно противоправительственнаго содержанія, доводя часто до необходимости вызова войска».

Въ 1903 г. это «революціонное движеніе среди рабочихъ» начинаетъ крѣпнуть, но оно, вопреки мнѣнію тифлискаго губернатора, отнюдь не ослабляетъ движенія стачечнаго. Между стачками и демонстраціями или «безпорядками» устанавливается тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Стачки подготовляютъ демонстраціи, демонстраціи подготовляютъ стачки, такъ какъ и тѣ и другія поднимаютъ боевое настроеніе рабочихъ и усиливаютъ ихъ солидарность.

«Ни однѣ похороны политическихъ, ни одни проводы — по словамъ корреспондента «Рев. Россіи» въ № 30 (20 Августа), — не прошли безъ болѣе или менѣе удачной демонстраціи. *Почти каждый мѣсяцъ было нѣсколько мелкихъ стачекъ*, то въ отдѣльныхъ цехахъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, то на заводѣ Адельханова, то въ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ». Особенно внушительной была демонстрація 1-го іюля по поводу отправки въ ссылку четырехъ политическихъ въ Восточную Сибирь. Рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и нѣкоторыхъ фабрикъ, бросивъ работу, пришли на вокзалъ проститься съ отъѣзжающими. Не только на вокзалѣ, но и на всемъ пути до ближайшей отъ Тифлиса станціи, Навтлуги, стояли шпалерами рабочіе въ ожиданіи поѣзда. Въ окнахъ видны были жандармы, но ссылаемыхъ не удалось увидать, и рабочіе стали просить, чтобы отправку поѣзда задержали. Просьба ихъ, конечно, не была исполнена, и поѣздъ тронулся. Тогда рабочіе собрались на полотнѣ желѣзной дороги, и преградили путь. Поѣздъ остановился. Манифестанты развернули красное знамя и огласили воздухъ революціонными кличами. Жандармы стали стрѣлять изъ оконъ вагоновъ, рабочіе отвѣчали градомъ камней. Выстрѣлами было ранено 5 человѣкъ, изъ нихъ 18-лѣтній юноша Багратъ Галустовъ — смертельно. Передъ Навтлугой поѣздъ былъ снова задержанъ, снова развернулось красное знамя и раздались революціонные возгласы. По словамъ одного корреспондента «Револ. Россіи» солдаты мингрельскаго и тифлискаго полковъ отнеслись къ демонстрантамъ очень сочувственно. Когда тѣ проходили мимо ихъ казармъ, они высыпали на улицу и

кричали: «Идите, идите, господа, мы васъ не тронемъ», а человѣкъ 40 солдатъ даже смѣшались съ рабочими, и шли съ красными знаменами вмѣстѣ съ рабочими до Кахетинской площади».

Послѣ этой демонстраціи стачечная эпидемія усилилась. Забастовали всѣ строительные рабочіе, требуя уменьшенія рабочаго дня отъ 16 часовъ до 10. Затѣмъ 4 іюля вступили въ борьбу приказчики Тифлискаго гостиннаго двора, такъ называемаго, Караванъ Сарая, гдѣ помѣщается болѣе 200 магазиновъ съ 2000 служащихъ. Они поступили точно также, какъ марсельскіе портовые рабочіе. Добиваясь закрытія магазиновъ въ 8 часовъ вечера вмѣсто 11, они по предварительному соглашенію стали ежедневно уходить ровно въ 8 часовъ, а на другой день въ опредѣленное время возвращались къ своимъ обязанностямъ. Они впрочемъ не ограничились этимъ, и въ первый же день, выйдя толпою изъ Караванъ-Сарая, и раздѣлясь на двѣ группы, двинулись по городу, повсюду принуждая закрывать магазины. По прошествіи 8 дней закрытіе магазиновъ въ 8 часовъ вошло въ норму.

Удачно окончилась и стачка строительныхъ рабочихъ. Между тѣмъ движеніе все расширялось, чему много способствовали вѣсти изъ Баку. Поднялись мелкія мастерскія (мѣднолитейныя, сапожныя и пр.), требуя окончанія рабочаго дня въ 6 часовъ вечера, вмѣсто 10 или 11 часовъ. Начали останавливаться заводы и большія мастерскія. Движеніе захватило даже мясниковъ, пекарей, ресторанную прислугу и т. д. Однодневную всеобщую стачку устроили и типографщики Вообще движеніе было въ полномъ разгарѣ, когда появились комитетскія прокламаціи, объявлявшія на 14-ое іюля всеобщую забастовку. 14-го іюля остановился и трамвай, но къ вечеру властямъ удалось возобновить движеніе при помощи солдатъ, которые продавали билеты и охраняли вагоны. «Вагонъ трамвая — говоритъ корреспондентъ «Искры» — представлялъ въ эти дни настоящую крѣпость: на каждомъ — 4-5 штыковъ. *Надо удивляться* — прибавляетъ онъ — *невоспитанности публики, которая не оказала никакой поддержки стачечникамъ, и не стѣснялась ѣздить подъ штыками*».

Наивный человѣкъ! Воспитанность буржуазной

публики состоитъ какъ разъ въ томъ, чтобы бороться со стачечниками, и гордиться охраной штыковъ. Кстати сказать тифлискіе искристы боялись проявленій «невоспитанности» не только со стороны «публики», но и со стороны самихъ стачечниковъ. Ихъ комитетъ въ разгаръ стачки приглашалъ стачечниковъ «изъ чисто культурныхъ соображеній» не касаться телеграфа.

Между тѣмъ по телеграфнымъ проволокамъ тифлискія власти, вѣроятно, тоже изъ «чисто культурныхъ соображеній» спѣшно требовали военныхъ подкрѣпленій, такъ какъ городъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терялъ свою «культурность».

«Мы уже пятый день сидимъ безъ мяса» — сообщаетъ тифлискій корреспондентъ «Посл. Изв.» отъ 16-го іюля. «Мясники и рѣзники прекратили работы. Почти весь Тифлисъ не работаетъ... У насъ даже побаивались лишенія воды изъ-за прекращенія работъ на водопроводѣ».

Съ 16-го іюля, т. е. черезъ день послѣ оффиціальнаго объявленія стачки искристскимъ комитетомъ, движеніе въ общемъ длившееся около двухъ недѣль, быстро пошло на убыль. Это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что большинство требованій отдѣльныхъ группъ забастовщиковъ было удовлетворено. Повліяли, конечно, и вѣсти о постепенномъ возобновленіи работъ въ Баку.

Арестованныхъ въ Тифлисѣ было масса: въ тюрьмахъ и участкахъ буквально не хватало мѣста. Гуляла и казацкая нагайка, но кровопролитныхъ столкновеній съ войсками не было. Возможно, что власти не вполнѣ полагались на войска, дисциплина которыхъ, эта тоже «культурная» основа современнаго общества, сильно пошатнулось во время стачки.

Солдаты почти открыто говорили, что будутъ стрѣлять въ воздухъ. По сообщенію корреспондента «Рев. Рос.» одинъ саперный батальонъ, спѣшно двинутый въ Тифлисъ устроилъ тоже своего рода стачку. Солдатъ заставили идти форсированнымъ маршемъ день и ночь. «Ночью вдругъ изъ рядовъ раздается команда «ложись», весь батальонъ легъ, какъ одинъ человѣкъ, офицеры сначала опѣшили, потомъ начали кричать и грозить, но ничего не помогло.» «По приходѣ въ Тифлисъ тотъ же батальонъ не отвѣтилъ на привѣтъ ба-

тальоннаго командира, за что всѣ унтеръ-офицеры были поставлены на 7 часовъ подъ ранецъ».

Въ самомъ Тифлисѣ во время всеобщей стачки кровь не пролилась, но она обильно пролилась на ст. Михайлово Закавказской желѣзной дороги. Надо замѣтить, что стачка распространилась по всей этой линіи, и товарное движеніе было одно время пріостановлено. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стачечники старались воспрепятствовать движенію не только пассивно, но и активно. Въ Михайлово за подобную попытку стачечники поплатились убитыми и ранеными, число которыхъ точно неизвѣстно, но, по нѣкоторымъ сообщеніямъ превышало 30 человѣкъ (15 убитыхъ и болѣе 15 раненыхъ). «Обвинительный актъ *) глухо замѣчаетъ: «На полотнѣ Бор. жел. дор. и на главномъ пути оказались убитые и раненые»... Ему интересны лишь 7 раненыхъ, которыхъ желательно направить «по суду» въ каторгу или арестанскія роты.

Въ другихъ отношеніяхъ, впрочемъ, «обвинительный актъ» даетъ, кажется, довольно точную и вѣрную картину активной стачки михайловскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Подобныя событія до того сами по себѣ драматичны, что они производятъ впечатлѣніе даже въ прокурорскомъ описаніи:

«14-го іюля с. г. въ 8 ч. утра въ депо ст. Михайлово раздался тревожный гудокъ, и рабочіе, около 200 человѣкъ, прекративъ работу вышли на полотно желѣзной дороги. Къ нимъ присоединились ремонтные рабочіе, и образовавшаяся такимъ образомъ толпа направилась къ расположенному вблизи ст. Михайлово керосинопроводу, гдѣ всѣхъ рабочихъ заставила прекратить работу. Проходя по путямъ, кто то изъ толпы, поднявъ вверхъ револьверъ, выстрѣлилъ, и толпа начала кричать ура. Въ это время подошелъ къ ст. Михайлово товарный поѣздъ изъ Тифлиса, и толпа, отцѣпивъ паровозъ, оставила на пути вагоны съ цѣлью прекращенія на главномъ пути движенія поѣздовъ.

*) За всякимъ кровопролитіемъ неизбѣжно слѣдуетъ «обвинительный актъ» противъ пострадавшихъ рабочихъ для оправданія властей, распоряжавшихся убійствомъ. Въ этомъ отношеніи наше правительство также «культурно», какъ и правительства западно-европейскія.

Захватывая по пути стрѣлочниковъ, толпа около паровознаго сарая потушила топку паровозовъ и сняла съ одного паровоза регуляторъ. Постепенно увеличиваясь, толпа подошла къ конторѣ нач. участ. пути и заставила всѣхъ служащихъ уйти изъ конторы, а также изъ помѣщенія телеграфа. Во главѣ толпы находился ремесленный рабочій Ром. Мегрелишвили. Отъ имени толпы было заявлено требованіе прекращенія дѣятельности телеграфа во избѣжаніе передачи депешъ съ просьбой о присылкѣ войскъ. Сойдя съ пути желѣзной дороги толпа отправилась на базаръ ст. Михайлова, закрыла лавки и заставила слѣдовать за собой всѣхъ торговцевъ».

Впереди толпы шелъ рабочій съ краснымъ знаменемъ, другіе рабочіе держали въ рукахъ зеленыя вѣтви. Остановивъ работы и торговлю, стачечники заняли стратегическую позицію на желѣзнодорожномъ мосту, около котораго главный путь Закавк. жел. дор. соединяется съ путями Боржомскимъ и Сурамскимъ. Подошедшему къ толпѣ начальнику участка пути и его помощнику одинъ изъ рабочихъ изложилъ требованія забастовщиковъ: 8-часовой рабочій день, прибавка 25% къ заработной платѣ, возвращеніе уволенныхъ рабочихъ, удаленіе нѣкоторыхъ мастеровъ. Начальникъ участка обѣщалъ сообщить по телеграфу начальнику дороги о требованіяхъ рабочихъ; какъ разъ въ это время явилась вызванная по телеграфу военная команда, и любезныя обѣщанія смѣнились приказомъ разойтись и угрозой стрѣлять. Но толпа, постоянно возраставшая, не только не разошлась, но одновременно остановила два поѣзда: батумскій и боржомскій, дѣйствуя при этомъ очень умѣло и рѣшительно. Солдаты и стражники по приказу капитана атаковали толпу, но были отбиты. Тогда былъ скомандованъ «рѣдкій огонь», и на землю повалились убитые и раненые. Говорятъ, что въ стачечниковъ цѣлились лишь «стражники», солдаты же стрѣляли въ воздухъ. Безоружная толпа, попавшая подъ выстрѣлы дальнобойныхъ бердянокъ стражниковъ принуждена была разсѣяться. О дальнѣйшемъ ходѣ михайловской стачки у насъ нѣтъ свѣдѣній, но одно несомнѣнно, что михайловскіе рабочіе вернулись въ мастерскія не съ приниженною душою, и въ рѣшительный моментъ гряду-

щей революціи они станутъ въ первые почетные ряды возставшаго пролетаріата.

Въ «іюльскіе дни» всеобщее стачечное движеніе не ограничилось Баку, Тифлисомъ и желѣзнодорожными линіями; почти одновременно массовыя забастовки происходили еще въ Батумѣ, Поти, Чіатурскомъ горномъ округѣ и т. д. Однимъ словомъ, бастовали не отдѣльныя фабрики и мастерскія, а цѣлые города, округа, бастовалъ почти весь рабочій Кавказъ отъ Каспійскаго до Чернаго моря.

На сѣверъ отъ Чернаго моря не менѣе широкое стачечное движеніе захватило Одессу, Николаевъ, Елизаветградъ, Кіевъ, Екатеринославъ.

Еще въ 1893 г. въ соціалдемократическихъ кругахъ Одессы возникла мысль о всеобщей стачкѣ матросовъ, кочегаровъ и машинистовъ на пароходахъ лѣтомъ 1894 г. Мысль эта была очень живо поддержана сознательными рабочими. Во время стачки моряковъ предполагалось агитировать въ пользу всеобщей стачки одесскихъ рабочихъ. *) Попыткѣ осуществить эту мысль помѣшалъ громадный провалъ въ первой половинѣ 1894 г., когда, кромѣ нѣсколькихъ интеллигентовъ было арестовано множество сознательныхъ рабочихъ (матросовъ, желѣзнодорожныхъ, сапожниковъ и т. д.). По странной ироніи судьбы мысль, возникшая у соціалдемократовъ въ 1893 г., была блестяще осуществлена ровно черезъ 10 лѣтъ, но толчекъ массовому движенію дали не соціалдемократы, изъ которыхъ многіе за это время превратились въ искристовъ, съ ихъ презрѣніемъ къ экономической борьбѣ, а независимцы, руководимые агентами Зубатова.

Въ январѣ 1903 г. въ Одессѣ появился нѣкій «докторъ» Шаевичъ, который началъ при несомнѣнномъ попустительствѣ полиціи и возмущеніи фабричной инпекціи организовать одесскихъ рабочихъ, чтобы, завладѣвъ ихъ довѣріемъ, внушить имъ любовь къ царю и полиціи. Послѣднее ему не удалось, но сорганизовалась часть рабочихъ очень легко, такъ какъ потребность въ профессіональной организаціи давно уже назрѣла, и удовлетворенію этой потребности мѣшали

*) «Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ». Изданіе Союза русскихъ соціалдемократовъ. 1900.

лишь полицейскія преграды. Преграды были замѣнены попустительствомъ или даже покровительствомъ, и тотчасъ въ Одессѣ возникъ союзъ рабочихъ по металлу города Одессы, къ которому въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ примкнуло до 3.000 человѣкъ. Уставъ союза, въ которомъ никакъ нельзя замѣтить никакихъ намековъ на полицейскія вожделѣнія, по удостовѣренію «Освобожденія», «въ общемъ вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію и потребностямъ рабочаго при современной и капиталистической организаціи хозяйства.» Давъ такое удостовѣреніе уставу союза «Освобожденіе» въ очень запутанныхъ выраженіяхъ поясняетъ читателямъ вредъ полицейскаго тредъ-юніонизма. Въ этихъ разсужденіяхъ невозможно не замѣтить либерально-буржуазныхъ вожделѣній. «Свободный тредъ-юніонизмъ — говоритъ «Освобожденіе» — пріучаетъ рабочихъ къ осторожности и корректности въ стачечной борьбѣ: тредъ-юніоны и ихъ руководители, въ сознаніи какъ своей отвѣтственности передъ рабочими, такъ большой опасности легкомысленнаго устройства стачекъ, не начинаютъ ихъ зря, просто для того, чтобы помѣриться силами съ предпринимателями. Иную политику ведетъ полицейскій тредъ-юніонизмъ: его дѣятели въ лицѣ г. Шаевича, ничто же сумняшася, подстрекаютъ рабочихъ къ легкомысленнымъ и обреченнымъ на неудачу стачкамъ (эта сторона дѣла совершенно правильно отмѣчена фабричнымъ инспекторомъ Поповымъ въ выше цитированныхъ донесеніяхъ).» Далѣе то-же «Освобожденіе» «съ особымъ удареніемъ» обвиняетъ полицейскій тредъ-юніонизмъ въ той «легкости», съ которой онъ, «не считаясь съ нормами даже всеобщаго права, безнаказанно прибѣгаетъ къ террористическимъ воздѣйствіямъ и приходитъ въ столкновеніе съ уголовнымъ закономъ, обязательнымъ въ самыхъ свободныхъ странахъ»!

По истинѣ ужасно! Не даромъ вознегодовали консулы самыхъ свободныхъ странъ, и Плеве убралъ Шаевича въ Вологодскую губернію.

Ахъ, спокойно спалось бы либераламъ и самыхъ свободныхъ, и самыхъ несвободныхъ странъ, если бы рабочее движеніе въ своемъ развитіи сталкивалось съ уголовнымъ закономъ только благодаря Шаевичамъ! Въ дѣйствительности Шаевичамъ волей неволей при-

шлось столкнуться съ уголовнымъ закономъ, такъ какъ у нихъ явилась нелѣпая мысль руководить рабочимъ движеніемъ, которое по самой своей сущности враждебно всѣмъ видамъ буржуазной полиціи и полицейской буржуазіи. Шаевичъ былъ, кажется, самымъ энергичнымъ «зубатовцомъ», зато онъ и запутался особенно скоро и принужденъ былъ покровительствовать тѣмъ самымъ стачкамъ, огромную опасность которыхъ сознавалъ Зубатовъ.

Уже само возникновеніе «союза», касса котораго была предназначена прежде всего для поддержки стачекъ, не могло не усилить стачечнаго движенія въ Одессѣ. Въ «своемъ секретномъ донесеніи» старшій фабричный инспекторъ Херсонской губерніи, жалуясь на вредную дѣятельность Шаевича и К°, указываетъ, что администрація и полиція не воспрепятствовали «отклоненію Союза отъ взаимопомощи къ боевой дѣятельности» и что фабричной инспекціи стало трудно воздѣйствовать (въ смыслѣ удержанія отъ забастовокъ) на «рабочихъ, увлеченныхъ новой и заманчивой идеей Союза.»

Въ апрѣлѣ «Союзъ», по словомъ фабричнаго инспектора «безъ всякихъ основаній» устраиваетъ стачку на одномъ изъ самыхъ старыхъ и надежныхъ одесскихъ заводовъ», именно заводѣ Рестеля. Подъ вліяніемъ того же Союза вспыхиваютъ стачки и въ двухъ другихъ предпріятіяхъ. Возмущенные и встревоженные предприниматели собираются на совѣщаніе и рѣшаютъ «устроить общество вспомоществованія, не уступать требованіямъ Союза, въ случаѣ необходимости выписать рабочихъ изъ другихъ городовъ, въ крайнемъ случаѣ не принимать членовъ Союза и повысить самимъ плату въ необходимыхъ случаяхъ.»

Но «зло» было все же не въ «Союзѣ». Стачечное движеніе развивалось и помимо него. Такова была стачка на заводѣ джутовыхъ издѣлій Родоконаки. Помимо «Союза» началась и стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ, которую въ самомъ началѣ остановилъ начальникъ юго-западныхъ дорогъ Немѣшаевъ, отчасти удовлетворивъ требованія забастовщиковъ, отчасти обѣщавъ «выйти съ ходатайствомъ къ министру путей сообщенія». Но стачка грузовщиковъ въ порту возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ «независим-

цевъ.» Стачка началась 4-го іюля, и уже черезъ нѣсколько дней хозяева пошли на уступки, увеличивъ поденную плату съ 80 коп. и 1 р. до $1^1/_2$ р. и уменьшивъ рабочій день на полъ часа. Часть грузовщиковъ прекратила стачку, но многіе «инородцы» (грузины, персы, турки), повсюду во время стачекъ проявляющіе больше упорства, чѣмъ чистокровные русскіе, продолжали бастовать, требуя увеличенія платы до 2 р. въ день. Это уже не входило въ расчеты Шаевича, еще меньше «удобно» было ему и «послявшимъ его» распространеніе стачечной заразы на матросовъ и кочегаровъ судовъ, приходившихъ въ Одессу. Каждое вновь прибывающее въ портъ пассажирское или торговое судно привозитъ въ лицѣ своего экипажа новыхъ стачечниковъ. Матросы, изъ которыхъ нѣкоторые дѣлали взносы въ кассу «Комитета независимцевъ», требуютъ, чтобы Шаевичъ взялъ на себя руководство ихъ стачкой. Но Шаевичу становится уже слишкомъ жарко: земля горитъ подъ ногами. Онъ начинается вертѣться, совѣтуетъ прекратить стачку, не пробивать стѣну лбомъ, а смириться» и т. д. и сразу теряетъ популярность.

На его «успокоительныя рѣчи» и призывы къ «благоразумію» толпа отвѣчаетъ насмѣшками и «обидными словами». «Ораторъ» благородно ретируется и «заболѣваетъ». Стачка разгорается. Въ порту происходятъ оживленныя сходки. «Независимцевъ», за исключеніемъ, конечно, состоящихъ на службѣ у охраннаго отдѣленія, захватываетъ общее возбужденное настроеніе. «Въ нѣкоторыхъ группахъ» — пишетъ корреспондентъ «Рев. Россіи» — рабочіе произносили пламенныя рѣчи на тему: «будетъ *имъ* кровь нашу пить, довольно мы отъ *нихъ* терпѣли, довольно *они* жили припѣваючи трудами нашихъ рукъ!» Видно было, что большинство не разбирается въ томъ, что это за «независимая рабочая партія» и какія еще существуютъ партіи, а знаетъ только свои страданія и нужды: иные наивные рабочіе-«независимцы» произносили такія филиппики противъ кровопійцъ-хозяевъ, что впору любому революціонеру.»

А стачка все разгорается...

15-го забастовываютъ служащіе на конкѣ и трамваѣ, эксплоатируемые самымъ наглымъ образомъ Біль-

гійскимъ акціоннымъ обществомъ». Съ 16-го движеніе конокъ и трамваевъ на всѣхъ линіяхъ прекращается. 17-го стачка охватываетъ буквально *всю* трудящуюся Одессу.

Этой всеобщей забастовкѣ предшествуетъ многотысячное народное собраніе въ Рубовомъ саду. Здѣсь произносились политическіе рѣчи, но соціалдемократамъ не удалось овладѣть собраніемъ, что, по словамъ корреспондента «Искры», отчасти объясняется «недостаточнымъ знаніемъ настроенія массы со стороны Комитета». Настроеніе массы во всякомъ случаѣ было очень приподнятое и революціонное, но ей было не до рѣчей и даже не до пѣсенъ. Ее охватило стихійное чувство проявить свою силу, показать «*имъ*», чѣмъ движется жизнь, что значитъ «трудъ» и его пріостановка. Всеобщая стачка, «безсмысленная» и «невозможная» для соціалдемократическихъ филистеровъ, сдѣлалась ясной и возможной для этой пролетарской толпы. Охватившее одесскую толпу рабочихъ стихійно-революціонное настроеніе не разъ было пережито пролетаріями англійскими, американскими, французскими, испанскими и т. д.; и проявилось оно совершенно также. Каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ охватило неопреодолимое стремленіе немедленно идти и повсюду остановить работу, всюду провозгласить право на свободу разогнуть свою спину по своему желанію, не считаясь съ волей хозяевъ, право хоть на моментъ почувствовать себя своимъ собственнымъ хозяиномъ, почувствовать себя дѣйствительно вольнымъ человѣкомъ.

И толпа хлынула въ городъ; переходя отъ фабрики къ фабрикѣ, отъ мастерской къ мастерской она всюду останавливала работу и все возрастала приливомъ новыхъ освобожденныхъ отъ труда. Никто не смѣлъ оказывать сопротивленія. «Былъ моментъ — пишетъ корреспондентъ «Освобожденія» — когда весь городъ находился во власти рабочей массы, слившейся воедино и безпрепятственно дефилировавшей по городскимъ улицамъ, увлекая своимъ потокомъ всѣхъ собратьевъ, не успѣвшихъ еще до того выйти изъ своихъ мастерскихъ и фабрикъ. Братскія привѣтствія, возгласы, полные бодрости и восторга, вольныя пѣсни, жизнерадостный смѣхъ и шутки носились надъ тысяч-

ными толпами, слѣдовавшими черезъ весь городъ съ утра до вечера. Настроеніе было самое приподнятое, хотѣлось вѣрить, что водворяется новая, лучшая жизнь на землѣ... Внушительная, и въ то же время, идиллически трогательная картина...»

Особенно радостными привѣтствіями встрѣчали дѣвушекъ-работницъ, выходившихъ изъ мастерскихъ и фабрикъ и присоединявшихся къ стачечникамъ... Въ этихъ братскихъ привѣтствіяхъ, въ этомъ товарищескомъ единеніи, какъ въ тяжелые годы труда, такъ и въ свѣтлыя минуты свободы—не заключается ли разрѣшеніе «женскаго вопроса», о которомъ пишутъ такъ много и часто такъ скучно?

Говоря о народномъ собраніи въ Рубовомъ саду и о стачечномъ шествіи, одна работница пишетъ: «Въ то время для насъ ничего не было ужаснаго. Передъ нами рисовалась картина счастья, свободы и братства; солнце привѣтствовало насъ и деревья шумѣли и какъ будто шептали о свободѣ... Послѣ всего этого всей массой пошли по всѣмъ заводамъ кругомъ, *вызывали рабочихъ присоединиться къ борьбѣ, чтобы показать капиталистамъ, что сила въ рукахъ рабочихъ.* И такъ весь день ходили по всѣмъ улицамъ города. Интересная картина была въ гавани, *когда освобождали всѣхъ рабочихъ* и выпускали изъ паровыхъ котловъ паръ. На пароходахъ раздавались гудки за гудками. Мальчики-подростки 12-13 лѣтъ выпускали паръ и звонили въ колокольчики. Кругомъ смѣхъ, говоръ. *Всѣ были веселы, дѣлились всѣмъ, что у кого было, бубликами и водой, всѣ были товарищи* и, казалось, вѣрили, что добьются хорошаго. Посреди улицы останавливались, говорили рѣчи, затѣмъ шли дальше, и такъ до вечера...»

Благодаря этой стихійной организаціи рабочихъ въ боевое товарищество, власти были на моментъ совершенно дезорганизованы! Полиція держалась въ сторонѣ; солдаты ходили рядомъ съ манифестантами и дружески разговаривали съ ними.

Вечеромъ съ Одесскаго вокзала не вышло ни одного поѣзда. Первымъ былъ остановленъ курьерскій поѣздъ, который долженъ былъ выйти въ 6 час. вечера. Толпа выпустила паръ и густыми рядами улеглась на рельсы. Начальство ничего не могло сдѣлать. До

5-6 час. утра дѣло было все въ томъ же положеніи. На телеграмму, посланную въ Петербургъ о событіяхъ, полученъ былъ ночью приказъ Плеве — *отправить курьерскій поѣздъ немедленно, подъ охраною войска и, если будетъ надо, то по трупамъ.* Съ неимовѣрными трудностями въ 1 часъ ночи удалось, медленно разгоняя толпу прикладами, вывести поѣздъ на Тираспольскую заставу... Такъ какъ войскъ было мало, то очистить отъ толпы вокзалъ и пути не рѣшались, и другіе поѣзда, какъ пассажирскій, такъ и почтовый не пошли...»*)

18-го всеобщая стачка была полной.

«...Сегодня, т. е. 18-го — пишетъ корреспондентъ «Искры» — *ни одинъ заводъ, ни одна мастерская* не работаютъ... на базарѣ нѣтъ хлѣба, нѣтъ мяса, такъ какъ бросили работу на бойнѣ и въ пекарняхъ; прекратилось движеніе конокъ, паровыхъ трамваевъ, пароходовъ и поѣздовъ, словомъ замерла вся жизнь, чутко прислушиваясь къ требованіямъ гитана-работника.»

Но и самодержавная полиція стала чутко прислушиваться къ требованіямъ своего начальства—международной буржуазіи. Иностранные консулы сдѣлали «энергичныя» представленія о необходимости «энергичныхъ» мѣръ для подавленія безпорядковъ. Бельгійскій посланникъ въ Петербургѣ при своемъ «представленіи» указалъ русскому правительству, что «безпорядки могутъ повести къ переводу бельгійскихъ капиталовъ изъ Россіи въ другую страну». Бельгійскихъ капиталистовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ поддержали и умѣренные «отцы» города, члены городского управленія, которое могло, но не хотѣло добиться выполненія справедливыхъ требованій трамвайныхъ служащихъ. Возмущены «бездѣйствіемъ властей» были, конечно, не только иностранные, но и русскіе «капиталы». Слышались либеральныя рѣчи о томъ, что «законъ обязателенъ даже въ самыхъ свободныхъ странахъ», и въ Петербургъ летѣли телеграммы съ жалобами на слишкомъ «мягкаго» градоначальника Арсеньева и т. д. Для настроенія буржуазнаго общества характерно, что «дачные обыватели» подали градоначальнику нѣсколько сотъ прошеній о прекращеніи безпорядковъ, пріоста-

*) «Револ. Россія», № 29.

новившихъ правильное сообщеніе между городомъ и дачами.

Энергичныя мѣры были приняты уже 18-го. Утренняя сходка, на которой собралось нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ и работницъ, закончилась вмѣшательствомъ «военной силы».

Въ дѣйствіе были пущены вновь прибывшіе изъ Бендеръ казаки, еще не затронутые «стачечной деморализаціей». Въ то время, какъ у солдатъ и даже казаковъ пережившихъ въ Одессѣ все развитіе всеобщей стачки, военно-звѣрскіе инстинкты были несомнѣнно парализированы инстинктивнымъ сочувствіемъ массовому движенію, «свѣжіе» дѣйствовали съ обычной жестокостью.

Утренняя сходка была «разсѣяна» еще безъ жертвъ: обѣ стороны дѣйствовали безъ особеннаго «ожесточенія», и нѣкоторые «затронутые» солдаты почти безъ сопротивленія позволяли себя обезоруживать. Но нападеніе на сходку, собравшуюся на томъ же мѣстѣ, въ 4 часа дня, было произведено уже съ безпощадною жестокостью: нѣсколько стачечниковъ были тяжело ранены, нѣкоторые въ томъ числѣ одна молодая дѣвушка, смертельно. Кто-то смочилъ платокъ въ свѣже пролитой человѣческой крови и поднялъ его надъ толпой, какъ красное знамя...

По примѣру «самыхъ свободныхъ странъ» войскамъ пришлось не только усмирять демонстрантовъ, но и замѣнять стачечниковъ для возстановленія передвиженія и производствъ. Матросы военнаго флота были командированы на коммерческіе пароходы, и тѣ отчасти возобновили свои курсы. Во что бы ни стало рѣшено было возобновить и движеніе трамваевъ. Нашлось нѣсколько негодяевъ, согласившихся замѣнить забастовавшихъ машинистовъ и кондукторовъ. Вечеромъ 18-го былъ снаряженъ первый трамвай, но забастовщики легли на рельсы и не пропускали его. «Мягкій» Арсеньевъ, принявъ во вниманіе «представленія» бельгійскаго посланника и прошенія дачниковъ, велѣлъ пустить въ ходъ нагайки и приклады. Казаки и солдаты, которыхъ угостили и напоили представители «бельгійской компаніи», били ожесточенно. Путь былъ очищенъ, а стачечники арестованы и загнаны въ депо и снова жестоко избиты. Въ «культур-

ныхъ» странахъ вродѣ Франціи такія избіенія арестованыхъ получили уже шутливое специфическое названіе «passer à tabac».

У насъ буржуазія до такихъ шутокъ еще не доразвилась.

Между тѣмъ стачечный порывъ сталъ ослабѣвать тѣмъ скорѣе, что у массы не было революціонныхъ руководителей, проникнутыхъ пролетарскимъ сознаніемъ. Сама рабочая масса была еще слишкомъ «молода» въ смыслѣ классового развитія, чтобы выдѣлить изъ себя вожаковъ, обладающихъ достаточной глубиной и широтой взгляда; что касается соціалдемократовъ изъ интеллигентной среды, то большинство изъ нихъ было, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ «искризма», очень удобнаго для всевозможныхъ закулисныхъ интригъ, но совершенно не пригоднаго для руководства всеобщей стачкой.

Корреспондентъ «Искры» долженъ былъ признаться, что «соціалдемократы» еще 17-го «потеряли руководство массой.»

«О роли партійныхъ организацій—пишетъ корреспондентъ «Освобожденія» — много говорить не приходится; настоящее движеніе не только не было подготовлено партіями, но они не успѣли или не сумѣли даже имъ сколько-нибудь овладѣть, когда оно уже началось. Таково общее впечатлѣніе.»

25-го іюля, т. е. приблизительно черезъ недѣлю послѣ великаго порыва 17-го іюля, представитель одесской буржуазіи, городской голова Зеленый могъ уже радостно телеграфировать министру внутр. дѣлъ, что «безчинства» прекращены и порядокъ возстановленъ. Но въ телеграммѣ еще чувствуется пережитый буржуазіей страхъ.

«Городу угрожала опасность, которой и представить себѣ нельзя, такъ какъ зачинщики закрыли поля орошенія, водопроводы, хлѣбопекарни и пр., и осудили городъ на голодъ и развитіе инфекціонныхъ болѣзней. Въ настоящее время все спокойно, хотя броженіе среди рабочаго населенія еще существуетъ.»

Для борьбы съ этимъ «броженіемъ» городской голова находитъ нужнымъ дать мѣстной печати «разрѣшеніе касаться событій послѣднихъ дней». «Зная духъ и направленіе мѣстной печати — телеграфируетъ

голова министру—я почтительнѣйше гарантирую, что всѣ статьи по данному вопросу будутъ въ интересахъ государственнаго и общественнаго спокойствія». Это ходатайство чрезвычайно характерно для «воспитанности» одесской буржуазіи: она уже понимаетъ, что свободная *капиталистическая* печать — необходимое дополненіе къ нагайкамъ и штыкамъ.

Буржуазная печать — врагъ для пролетаріата опасный, какъ показываетъ примѣръ хотя бы Франціи, гдѣ массы несомнѣнно отравляются и задерживаются въ своемъ развитіи не только алкоголемъ, но и самыми распространенными газетами въ родѣ «Petit Journal», который едва ли не хуже нашего «Свѣта». И, еслибы пролетаріату не приходилось переживать такихъ великихъ порывовъ, такого великаго подъема коллективнаго чувства, какимъ была одесская всеобщая стачка, то великая освободительная цѣль рабочаго движенія отодвинулась бы въ туманную даль. Но теперь іюльскіе дни такъ могуче двинули впередъ русскій пролетаріатъ, что у сознательнаго борца-пролетарія соціальная революція съ ея переходомъ къ новому строю должна, наконецъ, принять ясныя и конкретныя формы.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ стачки кавказской, и особенно одесской, въ концѣ іюля вспыхнула всеобщая забастовка въ Кіевѣ, гдѣ рабочій классъ быть можетъ болѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ русскомъ городѣ, подготовленъ къ сознательному массовому протесту противъ гнета самодержавной буржуазіи. Здѣсь давно ведется среди рабочихъ усиленная соціалдемократическая пропаганда, особенно плодотворная въ «до-искровскій періодъ». Надо замѣтить, что именно кіевскимъ соціалдемократическимъ комитетомъ была въ концѣ 90-хъ годовъ напечатана уже упомянутая нами брошюра: «Кто совершитъ политическую революцію», признанная еретическою въ заграничныхъ кружкахъ. Брошюра заканчивается призывомъ къ подготовленію всеобщей стачки.

«На подготовленіе всеобщей стачки должны быть направлены всѣ усилія современныхъ революціонеровъ. Работа безъ сомнѣнія колоссальная и чрезвычайно трудная, но она плодотворная, — это единственная плодо-

творная въ революціонномъ отношеніи работа въ настоящій моментъ».

Призывъ этотъ въ рядахъ интеллигентовъ былъ заглушенъ искровскими криками о войнѣ на нѣмецкій счетъ съ людьми, несогласными брать на себя роль буржуазныхъ теоретиковъ, но въ средѣ кіевскихъ рабочихъ онъ нашелъ себѣ сочувственный откликъ. Въ то самое время, какъ искровскіе «настоятели» насмѣшливо и презрительно отзывались о всеобщихъ стачкахъ, какъ о «дубинѣ», какъ о средствѣ слишкомъ элементарномъ, заранѣе обреченномъ на неудачу и т. д. желѣзнодорожные *рабочіе* кіевскихъ мастерскихъ въ одномъ изъ своихъ «листковъ», изданномъ въ началѣ 1903 г., придаютъ всеобщимъ забастовкамъ большое политическое значеніе и въ ростовскихъ ноябрскихъ дняхъ совершенно справедливо видятъ одну изъ такихъ всеобщихъ забастовокъ, которыми въ данное время неминуемо должна проявляться кипучая внутренняя жизнь Россіи.

«Внутренняя жизнь Россіи — писали они — кипитъ, какъ вулканъ, и мы видимъ, какъ она по временамъ выбрасываетъ потоки лавы, *которые захватываютъ не отдѣльныя заводы и мастерскія*. Нѣтъ, смотрите: въ Ростовѣ начали забастовку рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ а черезъ день, другой оказывается, что весь городъ бастуетъ и силой отстаиваетъ многочисленныя собранія, для того только, чтобы слышать свободное слово».

«Совершенно естественно, что именно желѣзнодорожные рабочіе при извѣстіи о событіяхъ на Кавказѣ, въ Одессѣ и въ другихъ мѣстахъ, дали сигналъ кіевской всеобщей стачкѣ. Соціалдемократическій комитетъ, зная о возбужденіи кіевскихъ рабочихъ и готовности ихъ послѣдовать примѣру бакинскихъ и одесскихъ товарищей, рѣшилъ на своемъ собраніи, состоявшемся въ лѣсу поздно вечеромъ 17 іюля, «начать» стачку въ понедѣльникъ 21 іюля, но въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ уже въ субботу 19 іюля фактически почти никто уже не работалъ» *)

*) Данныя для всеобщей кіевской стачки мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ очень живо и ярко написаннаго очерка Б. Правдина «Революціонные дни въ Кіевѣ».

На тайномъ собраніи организованныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и делегатовъ комитета были выработаны «требованія» и принятъ планъ провозглашенія стачки.

Во главѣ 15 требованій поставленъ «восьмичасовой рабочій день». Въ воззваніи къ всеобщей стачкѣ указано на борьбу «ростовскихъ, бакинскихъ и одесскихъ товарищей».

21 іюля въ $7^1/_2$ утра «тревожный гудокъ» паровой машины желѣзнодорожныхъ мастерскихъ возвѣстилъ пролетаріату и буржуазіи начало «кіевскихъ революціонныхъ дней».

«Гудокъ стоналъ, какъ раненый звѣрь; отрывистые, дикіе, зловѣщіе звуки неслись одни за другими непрерывной волной и не было имъ конца. Долой! Долой! Долой! — казалось выговаривалъ этотъ голосъ фабричнаго набата. И мысленно не мало людей прибавляло про себя: долой эксплуатацію, долой нищету, забитость и невѣжество, долой ложь, насиліе и произволъ, сковавшіе тяжелою цѣпью рабочій народъ».

При звукахъ этого гудка-набата желѣзнодорожные рабочіе, рано утромъ по обыкновенію явившіеся въ мастерскія, бросили работу и высыпали на дворъ. Одинъ изъ рабочихъ прочелъ вслухъ листокъ съ требованіями. Почти трехтысячная толпа слушала товарища «съ напряженнымъ вниманіемъ». Затѣмъ единодушное провозглашеніе забастовки и громогласное «ура!» рабочему движенію. „Слышались отдѣльныя восклицанія, произносились краткія рѣчи революціоннаго содержанія, отовсюду неслось радостное «ура"“.

Появляется начальникъ управленія юго-западныхъ дорогъ Немѣшаевъ со свитою чиновъ администраціи. Происходитъ краткій діалогъ между Немѣшаевымъ и толпою. Немѣшаевъ чувствуетъ себя еще «начальникомъ», но рабочіе въ этотъ моментъ высокаго духовнаго подъема не могутъ чувствовать себя «подчиненными». Діалогъ рѣзко прерывается, и «начальнику» приходится удалиться».

Стачечники хотятъ выйти толпою на площадь, но мастерскія уже оцѣплены войсками. Рабочихъ выпускаютъ отдѣльными группами, но тотчасъ разгоняютъ, не давая собраться.

Войсками оцѣпленъ и находящійся недалеко отъ

желѣзнодорожныхъ мастерскихъ «Южно-русскій заводъ», откуда приказано никого не выпускать въ теченіе цѣлаго дня. «Начальство» боялось, что заводъ немедленно примкнетъ къ стачкѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, соціалдемократы боялись обратнаго, что онъ не забастуетъ. Принятыя «начальствомъ» мѣры разрѣшили этотъ вопросъ въ пользу соціалдемократовъ.

Видя съ одной стороны «непріятельскіе штыки», съ другой замѣтивъ, что желѣзнодорожные рабочіе, взобравшись на крыши, пріятельски машутъ имъ фуражками, заводскіе рабочіе не стали долго раздумывать. Провозгласивъ стачку и возвѣстивъ объ этомъ тревожными гудками и революціонными пѣснями, они «повыбили окна, пробились черезъ ряды солдатъ, разошлись по домамъ» и до окончанія всеобщей стачки не возвращались на заводъ.

Матерьялъ былъ горючій, огонь принялся хорошо, стачечное пламя сразу разлилось широко.

Въ тотъ же день стачка захватила и типографскихъ рабочихъ. Сначала забастовала лишь сознательная часть этихъ рабочихъ, но къ пяти часамъ вечера ей удалось «закрыть» всѣ типографіи. «Отъ одной типографіи къ другой шумными группами перебѣгали синія блузы и «закрывали» типографіи».

Въ 7 часовъ вечера на берегу Днѣпра собралась тысячная сходка типографскихъ забастовщиковъ. Комитетскихъ «ораторовъ» здѣсь не было, но два типографскихъ рабочихъ произнесли соотвѣтствующія рѣчи о рабочей солидарности.

«Настроеніе у всѣхъ было праздничное, приподнятое; казалось, — говоритъ Правдинъ — что какая то волна подхватила всѣхъ. Все мелкое, будничное отлетѣло прочь». На сходку былъ сдѣланъ набѣгъ казаками и городовыми. Большинству рабочихъ удалось избѣжать захвата, но 64 человѣка все же были арестованы. Ночью были на квартирахъ арестованы еще 10 человѣкъ, главнымъ образомъ, желѣзнодорожные рабочіе. Но этими арестами движенія нельзя было остановить. Къ 23-му столковались о своихъ требованіяхъ» вагоновожатые (служащіе на трамваяхъ), булочники *), рабочіе различныхъ заводовъ, арсеналь-

*) У булочниковъ былъ уже хорошій стачечный опытъ. Въ 1901 г. они побѣдоносно провели очень серьезную стачку.

ные рабочіе, рабочіе пароходныхъ мастерскихъ, казеннаго водочнаго склада, папиросницы разныхъ фабрикъ, жестяники, портные и модистки, слесарно-рѣшетчики и водопроводчики, столяры и т. д.

Каждая изъ этихъ многочисленныхъ категорій выставляла свои спеціальныя требованія, вытекающія изъ особыхъ условій данной отрасли труда, но всѣ эти «требованія» возлагались на единый алтарь пролетарской солидарности... Всеобщая стачка, являясь единымъ дѣйствіемъ всѣхъ, должна была дать каждому то, что ему было особенно важно, то, что облегчало его наиболѣе острыя страданія... Само собой разумѣется, что всѣ эти требованія были чисто экономическими. Но кіевскіе пролетаріи начинали свою великую стачку не только, чтобы добиться удовлетворенія своихъ требованій»: на трудный путь борьбы и неизбѣжныхъ жертвъ они вступали, воодушевленные чувствами солидарности со своими кавказскими, одесскими товарищами, захваченные вихремъ революціоннаго протеста, увлеченные освѣжительной бурей, грянувшей надъ Чернымъ и Каспійскимъ морями. Впрочемъ, до четверга 24-го во многихъ мѣстахъ работы еще продолжались, и нѣкоторыя категоріи рабочихъ, хотя и выработали требованія, колебались, примкнуть ли имъ къ стачкѣ или нѣтъ? Власти поспѣшили положить конецъ этимъ колебаніямъ, устроивъ 23-го страшную «бойню на вокзалѣ», гдѣ толпа стачечниковъ не пропускала паровозовъ, ложась на рельсы. Для расчистки пути направлены были войска и казаки подъ командой вице-губернатора барона Штакельберга и пом. командующаго войсками Прескотта. Путь былъ очищенъ безъ выстрѣловъ, но толпа не расходилась, и на крики Штакельберга нѣкоторые рабочіе отвѣчали правдивыми словами о сытыхъ, не думающихъ о нуждѣ труженниковъ, кормящихъ ихъ.

— Я васъ усмирю пулями! — кричалъ баронъ.

— Стрѣляйте! — кричали нѣкоторые рабочіе, разрывая на груди рубахи.

Протрубилъ зловѣщій рожокъ. Раздался сухой трескъ залпа. Толпа инстинктивно упала на землю, затѣмъ ее охватила паника, она побѣжала. Но стрѣльба не прекращалась. По бѣгущимъ было дано еще два залпа. Всѣ раны были нанесены съ тылу. На мѣстѣ

осталось нѣсколько труповъ, много раненыхъ. Рабочіе подобрали трупы и отнесли ихъ на вокзалъ.

«Съ обнаженными головами, съ лицами, дышащими злобой и отчаяньемъ, положили они трупы на террасѣ къ ногамъ начальства. Одинъ изъ рабочихъ сказалъ:

— Вотъ на-те, мы принесли вамъ свѣжее мясо Жрите!

И ушли...»

«Правительство — говоритъ Правдинъ — разорвало завѣсу. Закрывъ глаза десяткамъ, оно открыло глаза тысячамъ».

Негодованіе охватило весь кіевскій пролетаріатъ, и въ четвергъ 24-го стачка становится, дѣйствительно, всеобщей. Бастуетъ все рабочее населеніе Кіева. Многіе бастуютъ исключительно изъ чувства негодованія противъ убійства на вокзалѣ.

«По всему городу ходятъ группы рабочихъ и останавливаютъ производящіяся гдѣ бы то ни было работы. У забастовщиковъ явилось также желаніе лишить городъ воды, освѣщенія и съѣстныхъ припасовъ. Это страшно возмутило всѣ слои буржуазіи и, по словамъ Правдина, даже отъ заправской интеллигенціи приходилось слышать такія, напримѣръ, разсужденія:

— Ну, имѣй себѣ дѣло съ фабрикантами; причемъ же тутъ мы? Зачѣмъ же насъ лишать хлѣба и воды? *Остается только стрѣлять!*

«Либеральная интеллигенція обнаружила страшную узость и полное отсутствіе политическаго смысла», восклицаетъ разочарованный Правдинъ, который какъ сослуживецъ Плеханова и К°, обязанъ вѣрить въ революціонные порывы не только либеральной интеллигенціи, но и «торгово-промышленнаго класса».

Въ разныхъ частяхъ города начинаютъ происходить «самостоятельныя» демонстраціи, сопровождающіяся схватками съ казаками, которымъ иногда приходится обращаться въ бѣгство.

Въ пятницу 25-го на Подолѣ при «защитѣ» войсками мельницы Бродскаго, въ которой стачечники разбивали окна, дѣло снова доходитъ до стрѣльбы. На этотъ разъ толпа показала гораздо больше самообладанія, чѣмъ на вокзалѣ. Послѣ первыхъ выстрѣловъ толпа стала «разбирать мостовую» и положительно засыпала непріятеля камнями. «Помогали въ этомъ жен-

щины и дѣти». Но въ концѣ концовъ скорострѣльныя ружья, конечно, побѣдили. Впрочемъ, большинство солдатъ, несомнѣнно, старалось не попадать въ стачечниковъ. Послѣ нѣсколькихъ залповъ убито было лишь двое и нѣсколько человѣкъ ранено.

У стачечниковъ во всякомъ случаѣ сложилось твердое убѣжденіе, что солдаты Херсонскаго полка, дѣйствовавшіе на Подолѣ, стрѣляли въ воздухъ, тогда какъ Луцкій полкъ, дѣйствовавшій на вокзалѣ, стрѣлялъ въ людей.

«Поэтому, встрѣчаясь на улицѣ съ солдатами Луцкаго полка, рабочіе ругаютъ ихъ мерзавцами, убійцами, царевыми собаками; къ херсонцамъ же они относятся дружественно и многіе говорятъ имъ при встрѣчѣ: молодцы-херсонцы!»

Въ общемъ со стороны «народа» въ Кіевѣ убито или умерло отъ ранъ во время іюльскихъ дней не менѣе 13 человѣкъ (11 человѣкъ «на вокзалѣ» и два человѣка на Подолѣ).

Со стороны «усмирителей» ранено или контужено большей частью легко около 40 человѣкъ. Въ послѣдніе дни стачки происходило не мало стычекъ между стачечниками и казаками, но «власти» не рѣшались приказывать стрѣлять. Начиная съ четверга интеллигентные революціонеры много толковали объ устройствѣ внушительной демонстраціи, но столковались лишь тогда, когда «стачечная волна уже отхлынула». Подготовленная на воскресенье 27-го демонстрація совершенно не удалась и была жалкой по сравненію съ демонстраціями «самопроизвольными».

Начиная съ понедѣльника 28 іюля рабочіе стали приниматься за работу, къ 1-му августа стачка прекратилась.

Она стоила рабочимъ не мало крови и слезъ, но эти слезы и кровь на много лѣтъ приблизили освобожденіе не только русскаго, но и всемірнаго пролетаріата. Для просвѣтленія классового сознанія эти нѣсколько бурныхъ дней были важнѣе многихъ мѣсяцевъ мирной пропаганды. Но и непосредственные результаты этой всеобщей стачки очень велики. Никогда отдѣльными частичными стачками кіевскіе рабочіе не вырвали бы у хозяевъ тѣхъ уступокъ, которыя принудила ихъ сдѣлать стачка всеобщая.

1400 типографскихъ рабочихъ добились 9-тичасового рабочаго дня, увеличенія заработной платы и половиннаго жалованья за первый мѣсяцъ болѣзни.

Рабочимъ арсенала обѣщанъ 8-мичасовой рабочій день и увеличеніе платы. На дрожжевомъ заводѣ Чокалова введенъ 8-мичасовой рабочій день. Булочникамъ исполнили всѣ требованія. Трамвайщикамъ увеличили плату. Телеграфистамъ прибавили по 5 рублей въ мѣсяцъ.

Существенныхъ уступокъ добились и желѣзнодорожные рабочіе. «Наибольшая предѣльная» плата повышена для нѣкоторыхъ категорій рабочихъ болѣе, чѣмъ на 100%, такъ, напримѣръ, до стачки наивысшая плата кузнецу была 1 руб. 20 коп., послѣ стачки — 2 руб. 50 коп.. Кромѣ того приняты мѣры для устраненія «грубаго обращенія мастеровъ, улучшенія освѣщенія и другихъ условій труда», ограничены вечернія работы и т. д.

Въ Россіи не существуетъ формально ни права стачекъ, ни права союзовъ, но русскій пролетаріатъ сумѣлъ въ 1903 году устроить такія обширныя побѣдоносныя стачки, о которыхъ нѣмецкому пролетаріату не позволяютъ и мечтать его политическіе руководители. Русскій пролетаріатъ не въ силахъ выдерживать длительныхъ забастовокъ въ родѣ послѣдней стачки въ Криммитчау, но онъ беретъ обширностью, всеобщностью стачечнаго возстанія. А для успѣха стачки всеобщность едва ли не важнѣе ея длительности.

Поразительной солидарности рабочаго пролетаріата въ Россіи соотвѣтствуетъ столь же поразительное отсутствіе солидарности среди интеллигентовъ, считающихъ себя призванными руководить русскимъ рабочимъ движеніемъ.

Раздоры между соціалдемократами и соціалистами-революціонерами давали себя чувствовать уже въ Кіевѣ, гдѣ ими *отчасти* объясняется полная неудача подготовленной демонстраціи*); но особенно значи-

*) «Надо было пережить эти дни — пишетъ въ «Револ. Россіи» одинъ изъ кіевскихъ соціалистовъ-революціонеровъ по поводу кіевской стачки—чтобы почувствовать силу борющагося рабочаго класса. Будь у насъ дѣйствительно сильная революціонная организація, трудно сказать, чѣмъ бы кончились такое движеніе, такъ какъ, если и были

тельный вредъ принесли они въ Екатеринославѣ, гдѣ и среди самихъ соціалдемократовъ не было единства, при чемъ два кружка оспаривали другъ у друга право называться «комитетомъ Р. С. Д. Р. П.». Кромѣ двухъ соціалдемократическихъ комитетовъ въ Екатеринославѣ существуетъ еще комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Со старымъ соц.-дем. коммитетомъ «доискровской формаціи» или такъ называемой «рабочей организаціей» у соц.-рев., по словамъ ихъ отчета о стачкѣ, отношенія были сравнительно недурныя, но съ комитетомъ искристовъ шла вражда, которая особенно усилилась «послѣ перехода къ комитету П. С.-Р. организованной группы рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, ранѣе примыкавшей къ соціалдемократамъ».

Таковы были отношенія между екатеринославскими революціонными «фракціями», когда извѣстія о всеобщихъ стачкахъ въ Баку, Одессѣ и, наконецъ, Кіевѣ, всколыхнули екатеринославскихъ рабочихъ, у которыхъ тоже проявилось непреодолимое стремленіе проявить силу своей пролетарской солидарности. Революціонерамъ приходилось считаться съ этимъ настроеніемъ. Соціалисты-революціонеры, повидимому, сразу увлеклись идеей всеобщей стачки и стали къ ней усиленно готовиться.

«Боевая компанія — пишетъ «Рев. Россія» — была открыта П. С.-Р. Онъ рѣшилъ тотчасъ пойти навстрѣчу настроенію рабочихъ. Работа закипѣла. Печатались и гектографировались прокламаціи; во всѣхъ кружкахъ, на всѣхъ собраніяхъ—вездѣ говорилось о необходимости начать общую стачку и поддержать южныхъ товарищей. Нѣсколько разъ созывались районныя представительскія сходки; на субботу 31-го іюля было назначено большое массовое собраніе подъ открытымъ небомъ, за Днѣпромъ.»

Что касается искристовъ, то они, судя по отчету ихъ комитета, были въ началѣ очень далеки отъ увле-

---

выставлены требованія лишь экономическаго характера, то само движеніе было рѣзко политическимъ, революціоннымъ. Нужны были вожаки, нужна сильная организація, нужно болѣе *сознательное* движеніе.

Какъ больно и стыдно становится въ такіе моменты за ту вражду, которая разъединяетъ революціонеровъ...»

ченія идеей всеобщей стачки, которую считали несвоевременной. Они рѣшились все же «примкнуть къ ней», такъ какъ убѣдились, что она все равно начнется и безъ ихъ призыва.

«Говорили»—сообщаетъ отчетъ искровскаго комитета—что настроеніе у всѣхъ очень напряженное: всѣ ждутъ не дождутся стачки; что будемъ ли мы призывать или нѣтъ, она начнется, такъ какъ къ плохому экономическому положенію прибавилось чувство солидарности, очень быстро ростущее подъ вліяніемъ извѣстій о стачкахъ въ другихъ городахъ. Относительно жел. дор. мастерскихъ не было сомнѣній, что они забастуютъ, а на другихъ заводахъ говорили, что, если жел. дор. мастерскія забастуютъ, то и они присоединятся къ стачкѣ; въ городѣ тоже увѣряли, что, какъ только заводы бросятъ работу, — «весь городъ броситъ, особенно, если заводскіе придутъ въ городъ и пригласятъ присоединиться.» Однимъ словомъ, ничего не подѣлаешь: печальная необходимость!

«Выяснивши положеніе, комитетъ рѣшилъ начать забастовку, несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства, и началъ готовиться къ ней.» «Началъ готовиться» онъ въ высшей степени оригинально.

«Числа 30-го или 31-го комитетомъ было получено приглашеніе отъ комитета соц.-рев. прислать представителя на совѣщаніе, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ, на какихъ условіяхъ можно было бы работать во время стачки сообща. Комитетъ послалъ сообщить соц.-рев., что отказывается отъ этого, но человѣкъ, которому это было поручено, ихъ не нашелъ. Свое рѣшеніе Комитетъ принялъ потому, что считалъ, благодаря (!) крупнымъ принципіальнымъ *)

*) «Искра», какъ мы указывали въ первой главѣ, заявляла въ 1901 году, что различіе между соц.-рев. и соц.-дем. лишь въ названіи, «потому что *думаютъ* соціалисты-революціонеры по нынѣшнему, т. е. какъ *соціалдемократы*». Затѣмъ оказываются уже «крупныя принципіальныя разногласія» и, наконецъ, какъ показываетъ прокламація Александровскаго комитета искровцевъ, изданная по поводу невиданнаго съѣзда, соц.-рев. «никакой (!) революціонной тактики не придерживаются и обнаруживаютъ полное шатаніе и *безпринципность* програмныхъ *вопросовъ*».

Соц.-рев. съ 1901 года измѣнились мало, но искристы, несомнѣнно, *прогрессировали* и дошли до «шатанья и безпринципности про-

разногласіямъ съ соц.-рев., невозможной совмѣстную съ ними плодотворную работу.» Это заявленіе слѣдуетъ въ искровскимъ отчетѣ непосредственно за сообщеніемъ о томъ, что комитетъ началъ готовиться къ стачкѣ.

Къ соц.-дем. «рабочей организаціи» искровскій комитетъ отнесся снисходительнѣе и, принявъ во вниманіе, что «ея сторонники довольно многочисленны», вошелъ съ ней въ соглашеніе на время стачки, но въ отчетѣ не преминулъ кольнуть ее, указавъ, что она называетъ себя Ком. Р. С.-Д. Р. П., «на что не имѣетъ никакого права».

Делегаты законнаго и незаконнаго комитета образовали «комиссію», которая, по примѣру комиссій бюрократическихъ, стала «затягивать дѣло» о стачкѣ.

Чтобы поддержать стачечное пламя, охватившее въ іюлѣ югъ Россіи и къ концу мѣсяца начавшее быстро тухнуть, необходимо было спѣшить: былъ дорогъ не только каждый день, но положительно каждый часъ. Спѣшить необходимо было и для самого Екатеринослава, такъ какъ несомнѣнно съ извѣстіями о прекращеніи стачекъ въ другихъ городахъ «остывало» настроеніе екатеринославскихъ рабочихъ. Но «комиссія» боялась, что всеобщая стачка выйдетъ «стихійной» и спѣшила принять всѣ мѣры, чтобы не дать ей вспыхнуть раньше 7-го августа, когда должны быть готовы комитетскія прокламаціи.

«Провести это рѣшеніе (задержать начало стачки) въ исполненіе — говоритъ органъ искровскаго комитета—было довольно трудно: послѣдняя недѣля передъ стачкой проходила для всѣхъ очень томительно; всѣ ждали и всѣ спрашивали, когда же начнется стачка. Когда болѣе близкимъ рабочимъ говорили, что она отложена на четвергъ, седьмого, то они были очень недовольны этимъ, такъ какъ боялись, что масса не станетъ дожидаться призыва организаціи и начнетъ стачку сама. Третьяго числа комиссіей было получено извѣстіе, что соц.-рев. выпущена прокламація къ призывомъ къ стачкѣ и что они хотятъ начать стачку 4-го; положеніе комиссіи стало еще болѣе критическимъ».

грамныхъ вопросовъ». «Прогрессъ», впрочемъ, бываетъ разный. Очень распространенъ, напр., *прогрессивный* параличъ, который начинается обыкновенно маніей величія и потерей чувства приличія.

Отвергнувъ сначала всякіе предварительные переговоры съ соціалистами-революціонерами, «соціалдемократы» снаряжаютъ теперь къ нимъ «делегата съ порученіемъ поставить имъ на видъ (!), что они не имѣли права (!) начинать стачку, не спросивши у организацій, за которыми стоитъ большая часть массы, когда эти организаціи рѣшили начать ее». Это «порученіе» создало и для соціалистовъ-революціонеровъ положеніе тоже критическое, такъ какъ невозможно было вернуть прокламацій, въ которыхъ заявлялось о началѣ стачки въ понедѣльникъ.

«Нужно было знать — говоритъ органъ соціалистовъ-революціонеровъ — какъ будутъ поступать соціалдемократы, если на слѣдующій день будетъ провозглашена стачка? Уступятъ ли они, присоединятся ли, какъ будутъ поступать въ случаѣ попытокъ удалять силою штрейкбрехеровъ? Отвѣтъ былъ очень опредѣленъ: *конечно, не уступятъ, не присоединятся и, очевидно, будутъ противиться силою.* Вопросъ тѣмъ самымъ рѣшался; можно было сколько угодно возмущаться, негодовать, но оставалось или уступить, или идти на встрѣчу такимъ сценамъ междоусобій, гибельность которыхъ нельзя переоцѣнить». Соц.-рев. уступили и сдѣлали все возможное, чтобы удержать возникновеніе стачки, но первоначально назначенный день не прошелъ безъ замѣшательства.

Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ и на заводахъ Эрау начали было бастовать, потомъ снова принялись за работу. Вечеромъ забастовали всѣ булочники—«и осались передъ лицомъ всѣхъ мобилизованныхъ силъ царскаго правительства.» Къ четвергу, когда началась забастовка въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и на заводахъ, забастовка булочниковъ была уже почти сломлена.

Вообще долгія «приготовленія» къ всеобщей стачкѣ, несомнѣнно, сильно повредили движенію, и екатеринославская забастовка, вышла гораздо менѣе внушительной, удачной, чѣмъ, «стихійныя» стачки въ Одессѣ и Баку, вспыхнувшія, къ счастью, безъ вѣдома искристовъ, а крови въ Екатеринославѣ пролилось все же очень много.

«Администрація—по словамъ искровскаго отчета—стала готовиться къ стачкѣ чуть ли не раньше, чѣмъ

организація...» И готовилась она нѣсколько иначе чѣмъ искровская организація, начавшая съ борьбы противъ соціалистовъ-революціонеровъ! «Всюду появилось удвоенное количество городовыхъ и жандармовъ; много поднадзорныхъ арестовано; войска все прибывали и прибывали — пока на двухъ рабочихъ не стало по одному солдату». Понятно поэтому, что массовая забастовка не привела административную машину въ замѣшательство и не помѣшала «властямъ» дѣйствовать съ начала до конца рѣшительно и безпощадно.

Въ первый же день въ толпу стачечниковъ, переходившихъ, по обыкновенію отъ завода къ заводу, для прекращенія работъ, войска стрѣляли даже безъ предупрежденія, и на мѣстѣ, даже по оффиціальнымъ даннымъ, осталось 12 убитыхъ и 20 раненыхъ *). На другой день толпу заманили въ ловушку и страшно избили нагайками. Вообще быстро нагнали панику, что было тѣмъ легче, что стачка началась далеко не дружно, и не было момента, когда бы бастовали, дѣйствительно, всѣ рабочіе Екатеринослава и его предмѣстій.

«Трамвайщики — говоритъ искровскій отчетъ — къ большому удивленію и разочарованію всѣхъ (!) работали.» На Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ удалось остановить заводы лишь въ субботу, когда вообще забастовка достигла наиболѣе широкихъ размѣровъ, но уже въ воскресенье «волна отхлынула», а въ понедѣльникъ рабочіе стали становиться на работу «безъ предъявленія какихъ-либо требованій».

«Извѣстіе о началѣ работъ»—говоритъ искровскій отчетъ—было такъ неожиданно и такъ ошеломляюще, что долго не вѣрили ему.»

Конечно, екатеринославская стачка не была лишена величавыхъ моментовъ, свойственныхъ массовому движенію пролетаріата. Таковы были моменты, когда многотысячная толпа со знаменами приближалась къ еще не примкнувшему къ стачкѣ заводу, и оттуда съ радостными криками выбѣгали «освободившіеся» работники и работницы. Но съ другой стороны искристы своимъ вмѣшательствомъ такъ задержали,

*) Изъ нихъ 3 вскорѣ умерли отъ ранъ.

разъединили и ослабили движеніе, что въ концѣ концовъ екатеринославская стачка оставила у большинства рабочихъ, принимающихъ въ ней участіе, очень горькій осадокъ.

Въ понедѣльникъ 11-го августа искровскіе ораторы, посланные на заводы, чтобы «выяснить рабочимъ ту громадную ошибку, которую они дѣлаютъ, идя на работу», не могли попасть туда, «такъ какъ войска и полиціи было болѣе, чѣмъ всегда.» «Кромѣ того— прибавляетъ искровскій отчетъ—«стало извѣстно, что нѣкоторымъ изъ нихъ стало опасно пойди туда, гдѣ они говорили раньше. Такъ, про одну женщину, говорившую на Кайдакахъ, иные говорили, что она «вѣдьма» и что она больше ихъ не обманетъ и не заставитъ кричать «долой самодержавіе» и что, если она придетъ, то найдутся, пожалуй, люди, которые выдадутъ ее полиціи. Это тамъ, гдѣ за день передъ этимъ хотѣли нести ее на рукахъ!»

«*Изъ рабочей среды раздавались раздражительные(?) голоса противъ Комитета «соціалистовъ», «образованныхъ»*. Не нападай они на правительство, не требуй они въ своихъ листкахъ и рѣчахъ низверженія самодержавія, и рабочіе, безъ сомнѣнія, выиграли бы стачку. Такъ разсуждало подавляющее большинство. *Въ воздухѣ чувствовалось уныніе и озлобленіе.* Атмосфера была до того тяжелая, что *Комитетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не рѣшался выпускать никакихъ прокламацій. Ихъ бы все равно не читали,.— увѣряли организованные рабочіе,—а между тѣмъ, онъ дали бы только лишній поводъ къ нападкамъ на Комитетъ.*

«Наиболѣе невѣжественная масса рабочихъ твердила, что политическая свобода нужна только для «образованныхъ»; рабочимъ же слѣдуетъ думать только объ удовлетвореніи своихъ профессіональныхъ нуждъ. Болѣе культурная и очень значительная часть рабочихъ говорила, что слѣдовало бы раньше добиться сначала сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработной платы, а затѣмъ уже бороться за политическую свободу.»

Все это подлинныя свидѣтельства Екатеринославскаго Комитета искристовъ!

Видно, что екатеринославскіе рабочіе почуяли,

какая революціонная путаница царитъ въ головахъ многихъ «образованныхъ». Они увидѣли, что «образованные заставляютъ» ихъ кричать «долой самодержавіе» иногда совсѣмъ не кстати, при томъ не разобравшись хорошенько сами, что такое «самодержавіе» и какимъ образомъ его отправить «долой».

Они увидѣли, что «образованные», не участвуя въ фабрично-заводскомъ трудѣ, пренебрежительно относятся къ прибавкамъ «пятачка на рубль» и съ одной стороны совѣтуютъ бастовать, пока не будутъ удовлетворены экономическія требованія, съ другой произносятъ «политическія рѣчи» о невозможности улучшить матерьяльное положеніе, о невозможности удачныхъ стачекъ, пока существуетъ самодержавіе... Наконецъ, рабочихъ, видѣвшихъ, какъ подъ солдатскими пулями падали ихъ братья по труду, не могли не раздражать всевозможные «долой», за которыми слѣдовали призывы держаться «мирно», главное «мирно».

Не удивительно, что въ концѣ концовъ рабочимъ пришла въ голову мысль да не «обманъ»-ли это все?

Но, если рабочіе были возмущены поведеніемъ искровскаго Комитета и озлоблены на него, то «обыватели» были отъ него въ восторгѣ.

«Честь и слава Комитету — говорили обыватели — въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ лѣтъ такъ перевоспитать эту орду... Да это — великое дѣло!».

«Вообще, отъ забастовки всѣ были въ восторгѣ, и пожертвованія въ пользу Комитета предлагались даже тѣми, со стороны которыхъ годъ-два тому назадъ можно было ожидать поступковъ совсѣмъ противоположнаго характера».

Восхищались даже «базарныя торговки!».

Да, искровскій комитетъ совершилъ по истинѣ «великое дѣло». Подъ его вліяніемъ вчерашніе доносчики поддерживаютъ пролетарское дѣло и базарныя торговки восхищаются воспитанностью стачечниковъ! Да здраствуетъ россійская революціонная соціалдемократія! Да здравствуетъ «Искра», изъ которой возгорится пламя! Да здравствуютъ буржуазные обыватели и базарныя торговки!

Баку, Тифлисъ, Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ — таковы *главные* центры всеобщестачечнаго движенія лѣтомъ 1903 г. Но массовыя стачки, демонстраціи и

вообще рабочія волненія въ теченіе лѣтнихъ и осенних мѣсяцевъ происходили и во многихъ другихъ городахъ. Про Кавказъ мы уже говорили; въ самой Россіи серьезныя массовыя стачки, сопровождавшіяся, большею частью, демонстраціями, происходили въ Николаевѣ, Елисаветградѣ, Борисоглѣбскѣ, Керчи, Конотопѣ и т. д. Возникновеніе и развитіе стачекъ повсюду напоминаетъ то, что происходило въ главныхъ центрахъ движенія: Одессѣ, Баку и т. д. Застрѣльщиками чаще всего являются желѣзнодорожные рабочіе; стачечники обобщаютъ стачку, переходя отъ завода къ заводу, отъ мастерской къ мастерской... Противъ стачечниковъ часто направлялись войска, но приказы стрѣлять отдавались съ большей осторожностью, и рабочей крови, если принять во вниманіе обширность и революціонность движенія, пролилось, по сравненію съ западно-европейскими «усмиреніями рабочихъ», не много.

Къ сентябрю стачечная волна докатилась до Москвы, гдѣ вспыхнула всеобщая стачка типографскихъ рабочихъ. Стачка была проведена дружно и умѣло. Нѣсколько дней газеты не выходили. Устроенная стачечниками уличная демонстрація была довольно внушительной и произвела впечалѣніе на всѣхъ московскихъ рабочихъ. Стачка окончилась побѣдой забастовщиковъ, добившихся значительнаго повышенія заработной платы, и повела къ образованію въ Москвѣ нелегальнаго «Союза типографскихъ рабочихъ». «Союзъ» стоитъ на чисто классовой точкѣ зрѣнія и дѣятельно работаетъ надъ развитіемъ классового сознанія типографскихъ рабочихъ.

Западный край откликнулся политическими «всеобщими забастовками» въ Двинскѣ и Бѣлостокѣ. Первая происходила въ концѣ 1903 г. по поводу отправки двухъ бундистовъ въ Сибирь до приговора и продолжалась одинъ день. Вторая возникла въ началѣ 1904 г., какъ слѣдствіе крупной стачки ткачей: цѣлью ея было освобожденіе арестованныхъ.

Въ Лодзи мелкія стачки учащаются, но онѣ даютъ слишкомъ мало. Идея всеобщей стачки пріобрѣтаетъ тамъ все больше сторонниковъ.

«Намъ прямо необходима всеобщая стачка вродѣ тѣхъ, которыя были на югѣ Россіи» — писалъ въ но-

ябрѣ лодзинскій корреспондентъ «Послѣдн. Изв.» — Только такое могучее движеніе дастъ массѣ возможность вздохнуть свободнѣе».

Петербургъ, на который были обращены взоры всѣхъ русскихъ пролетаріевъ, не откликнулся на южныя всеобщія стачки, хотя «возбужденіе» среди его рабочихъ было очень велико. Правительство заблаговременно сдѣлало все, что было въ его силахъ, чтобы не дать прорваться этому возбужденію «всеобщей стачкой», которая въ связи и одновременно со стачками южными, могла бы быть для него роковой. Самой дѣйствительной мѣрой было предупредительное отношеніе ко многимъ требованіямъ петербургскихъ рабочихъ со стороны казны и частныхъ предпринимателей.

Настроеніе рабочихъ петербургскихъ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, точно также, какъ и настроеніе ихъ начальства, хорошо рисуетъ статья нѣкоего Бабецкаго, помѣщенная 4 ноября 1903 г, въ «Гражданинѣ», органѣ, какъ извѣстно, князя Мещерскаго и Николая II. Авторъ, прочитавъ въ томъ же «Гражданинѣ», что «мастерскія желѣзныхъ дорогъ являются разсадникомъ уличныхъ безпорядковъ» и представляютъ изъ себя «республики», пожелалъ поближе познакомиться съ этимъ вопросомъ и обратился за разъясненіями къ начальнику казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, «прекрасному знатоку рабочаго быта ,и въ то же время человѣку гуманному и пользующемуся симпатіями рабочихъ».

Между сотрудникомъ «Гражданина» и знатокомъ рабочаго быта происходитъ слѣдующій характерный діалогъ:

— Скажите — говорю, Романъ Васильевичъ, вѣрно ли мое предположеніе, что ваши мастерскія избѣжали безпорядковъ, благодаря хорошей организаціи и нѣкоторымъ улучшеніямъ въ бытѣ рабочихъ, т. е. хорошей заработной платѣ, ссудо-сберегательной кассѣ, выдачѣ пособій въ несчастныхъ случаяхъ и вообще въ гуманномъ и добромъ отношеніи къ ихъ участи?

— Ошибаетесь. Организація у насъ та же, какъ и въ другихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, которыя дѣйствуютъ по уставу временнаго управленія казенныхъ дорогъ, изданному 26 марта 1891 г. Един-

ственный нашъ произволъ заключается въ томъ, что мы даемъ рабочимъ максимумъ того, что можемъ дать по уставу, требуемъ же съ нихъ и взыскиваемъ минимумъ. Къ этому побуждаютъ насъ не одни гуманныя чувства. Наше время — время всякихъ послабленій, Богъ вѣсть, къ лучшему или худшему.

— Скажите, Романъ Васильевичъ, вы вотъ пользуетесь большой популярностью среди рабочихъ, васъ любятъ и уважаютъ, можетъ ли вашъ личный авторитетъ повліять на успокоеніе умовъ, въ случаѣ безпорядковъ?

— Нисколько. Поймите, что отношенія мои къ рабочимъ чисто формальныя, въ тѣхъ же случаяхъ, когда я беру на себя трудъ и рискъ перейти съ почвы формальной на почву добрыхъ человѣческихъ отношеній и изъ начальника превращаюсь въ товарища и друга рабочихъ, я сплошь и рядомъ терплю фіаско.

. . . . . .

— Скажите, Романъ Висильевичъ, можете ли вы поручиться, что въ вашихъ мастерскихъ обойдется спокойно?

— Не могу. Я не могу даже сказать, что черезъ часъ у меня не выкинутъ краснаго флага. Положеніе наше похоже на обитателей зданія, выстроеннаго изъ горючаго, легко-воспламеняющагося матерьяла: одна искра и пожаръ готовъ.

— Кто же является зачинщикомъ и руководителемъ безпорядковъ?

— Молодежь, распущенная, безпутная молодежь. Старики — это спокойный, консервативный элементъ, безъ нихъ хоть закрывай мастерскія. Затѣмъ самымъ безпокойнымъ и вреднымъ элементомъ является крестьянскій элементъ. Городскіе рабочіе тише: семья сдерживаетъ. Вы представить себѣ не можете, какъ быстро развращается крестьянинъ въ непривычной для него средѣ.

Долго мы бесѣдовали съ Романомъ Васильевичемъ на тему рабочаго вопроса, и все сводилось къ тому, что дѣло плохо, и куда не кинь — вездѣ клинъ. Единственное средство спасти отъ разложенія семью, поднять нравственность, воспитать и перевоспитать рабочій классъ Но мы чувствовали, что все это кра-

сивыя слова и широкіе планы, и оттого разговоръ нашъ носилъ тоскливую, безнадежную нотку.

А изъ мастерскихъ доносился шумъ, стукъ и лязгъ желѣза. Глухо стучали паровые молоты, имъ вторили молотобойцы-котельщики, визжали сверла, гудѣла варганка. И надъ этой дружной работой напрягались тысячи мускуловъ: тысячи закоптѣлыхъ и покрытыхъ потомъ рабочихъ людей поливали своимъ потомъ и кровью взошедшія сѣмена русской культуры. И казалось, что эта большая нива покрылась туманомъ и копотью, и на душѣ становилось еще тоскливѣй...»

Да, господа, надъ великою трудовою нивою стоитъ еще копоть и смрадъ отъ тлѣющей и разлагающейся буржуазіи... Но уже вѣетъ свѣжій вѣтеръ и разгоняетъ смрадъ и копоть... Еще нѣсколько хорошихъ порывовъ, и на зеленѣющую ниву, вспоенную потомъ и кровью рабочаго люда, съ голубого неба польются золотистые лучи яркаго солнца свободы.

Очерку развитія стачекъ въ Россіи мы предпослали нѣсколько данныхъ о рабочемъ движеніи въ столь «близкой» къ ней Японіи; заканчивая его мы остановимся на рабочемъ движеніи еще болѣе близкой Россіи странѣ — **Финляндіи.**

Финляндія, подобно Японіи, воюетъ въ настоящее время съ русскимъ «самодержавіемъ», но, война ея въ противоположность чрезвычайно активной войнѣ японской, чисто «пассивная». Объ этой пассивной войнѣ очень много писалось въ русской революціонной печати, и мы уже давно читали въ «Искрѣ» торжественное заявленіе, что Рос. Соц. дем. Раб. П. поддержитъ Финляндскій народъ грозными манифестаціями въ различныхъ городахъ Россіи. Объ этихъ манифестаціяхъ и даже попыткахъ къ нимъ что-то ничего не слышно, а между тѣмъ финляндскій сенатъ успѣлъ уже послать русскому царю вѣрноподданическую телеграмму по поводу коварно-активныхъ дѣйствій Японіи.

Видимо, поднять русскій пролетаріатъ на защиту финляндской конституціи съ ея законнымъ политическимъ безправіемъ для всего финляндскаго рабочаго класса, не легко даже Ленину-Чемберлену, лишенному,

по свидѣтельству Плеханова, «чувства смѣшного», не легко даже Мартову, награжденному, по свидѣтельству его «сослуживцевъ», изрядною долею «истеричности»... Гораздо легче воспламеняться по поводу «политической свободы», «вѣковыхъ правъ», «вольности», «культурности» и прочихъ благъ, которыми якобы пользовался финляндскій «народъ» подъ сѣнью конституціи и воспитывать русскихъ либераловъ, указывая имъ на геройскіе подвиги либераловъ финляндскихъ; и надо отдать справедливость руководителямъ «Искры» они воспламенялись финляндскими «вѣковыми правами» съ «истеричностью» и воспитывали русскихъ либераловъ на финскихъ примѣрахъ безъ «чувства смѣшного».

Но сознательные русскіе пролетаріи не способны восторгаться конституціей, по которой неимущіе совсѣмъ лишены избирательнаго права, а имущіе имѣютъ тѣмъ больше голосовъ, чѣмъ выше ихъ доходы; они не могутъ восторгаться и «культурой», при которой «рабочій день» достигаетъ 15 и даже 16 часовъ, при чемъ въ мастерскихъ «не хватаетъ мѣста, свѣта, воздуха, чистоты*); они не считаютъ, наконецъ, нужнымъ заботиться о воспитаніи русскихъ либераловъ; поэтому имъ «финляндскія событія» важны не столько для того, «чтобы понять, какъ безпочвенны всякія надежды на мирное сожительство самодержавія съ какими бы то ни было началами европейскаго правового порядка», сколько для того, чтобы понять, какъ призрачна свобода рабочаго народа при какихъ бы ни было началахъ европейскаго буржуазнаго «правопорядка».

Болѣе $^1/_3$ населенія Финляндіи состоитъ изъ самыхъ «чистыхъ пролетаріевъ» не имѣющихъ буквально ни двора, ни кола, ни постояннаго угла. Они переходятъ съ мѣста на мѣсто, продавая за кусокъ хлѣба свою «дешевую» рабочую силу. Счастливы тѣ, которымъ удается продать себя, но часть этого «подвижнаго населенія» постоянно остается въ избыткѣ, безъ работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ куска хлѣба. И число этихъ бездомныхъ постоянно увеличивается.

---

*) См. Elna Malin. «Die Arbeiterbewegung in Finnland» «Die Neue Zeit» 22 Jahrg. № 24. Кромѣ этой статьи мы пользовались очерками рабочаго движенія въ сборникѣ «Финляндія» изд. подъ ред. Д. Д. Протопопова и статьей «О соціализмѣ въ Финляндіи» въ № 4 «Зари».

Особенно сильно растетъ число безземельныхъ сельскихъ батраковъ, такъ называемыхъ «тропарей», такъ какъ подъ вліяніемъ капиталистическаго производства крупное и среднее землевладѣніе очень быстро въ Финляндіи обезземеливаетъ мелкихъ крестьянъ.

Положеніе «тропарей» очень печально, нѣсколько лучше положеніе промышленныхъ рабочихъ, благодаря упорной экономической борьбѣ, которую они ведутъ съ хозяевами. Разумѣется и здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ *стачки*, которыя учащаются и разростаются. Въ началѣ 90-хъ годовъ въ годъ происходило отъ двухъ до трехъ болѣе или менѣе крупныхъ стачекъ, къ началу же новаго столѣтія ежегодное число крупныхъ стачекъ достигло 15. Стачки, какъ повсюду, создаютъ профессіональные союзы, и въ настоящее время болѣе 10% промышленныхъ рабочихъ соорганизованы въ союзы. Стачки съ самаго начала пришлись не по вкусу финляндской буржуазіи, «патріотическая печать» которой ведетъ противъ нихъ усиленную компанію. Такъ, напримѣръ, въ 1896 г. во время большой стачки строительныхъ рабочихъ, очень распространенная и очень патріотическая газета «U. Suometes» громила стачечниковъ, какъ подвергающихъ страну ужасамъ войны. «Стачка, по словамъ газеты та же война, и стачечники осуществляютъ свое право сильнаго». Разумѣется. и буржуазія должна осуществлять свое «право слабаго», и она его осуществляетъ, прибѣгая къ помощи русскаго самодержавія. Въ 1901 г. въ самый разгаръ «геройской борьбы» финской буржуазіи съ русскимъ самодержавіемъ, одно изъ предпринимательскихъ обществъ обратилось къ русскому правительству съ требованіемъ «прислать солдатъ для прекращенія вспыхнувшей стачки». Въ томъ же году финляндскіе капиталисты обратились къ тому же русскому правительству съ просьбой запретить рабочую газету, вредящую ихъ классовымъ интересамъ. Объ этихъ фактахъ, хорошо рисующихъ геройство финляндской буржуазіи, вы ничего не найдете въ «Искрѣ», за то тамъ можно встрѣтить достаточно жалкихъ словъ по поводу обращенія за помощью, за кускомъ хлѣба умиравшихъ съ голоду гельсингфорскихъ безработныхъ *).

*) «Искра» вообще старается умалчивать о темныхъ явленіяхъ въ странахъ съ «законнымъ правопорядкомъ». Она утаила даже ма-

Пробовала финляндская буржуазія бороться съ ненавистными стачками и при помощи русскихъ рабочихъ, которыхъ она выписывала въ качествѣ штрейкбрехеровъ (нарушителей забастовки), но это имъ не не удалось, такъ какъ русскіе рабочіе нашли условія труда въ Финляндіи болѣе тяжелыми чѣмъ въ Россіи, и поспѣшили уйти изъ страны «вольности», «вѣковыхъ правъ», «культурности» и т. д.

Борьба со стачками и союзами ведется и своими финляндскими средствами.

Такъ, напримѣръ, во время стачки на заводѣ Кархули, вспыхнувшей вслѣдствіе непомѣрныхъ штрафовъ, полиція немедленно выселила забастовщиковъ изъ помѣщеній, принадлежавшихъ заводу, а судъ наложилъ затѣмъ на нихъ высокіе штрафы.

Нѣкоторые предприниматели принуждаютъ своихъ рабочихъ давать подписку, что они не принадлежатъ и не будутъ принадлежать ни къ какому рабочему союзу. Вообще и домашнихъ средствъ у финляндскихъ хозяевъ не мало.

Русскія власти относились къ финляндскому рабочему движенію сначала очень терпимо и допускали даже конгрессы рабочей партіи, на которыхъ пренія велись даже свободнѣе, чѣмъ на нѣмецкихъ партейтагахъ. Но теперь видя, какъ растетъ рабочее движеніе, принимая гораздо болѣе опасный характеръ, чѣмъ пассивная оппозиція буржуазіи, самодержавные русскіе чиновники начинаютъ принимать и по отношенію къ рабочей партіи «мѣры пресѣченія».

Въ концѣ концовъ рабочее движеніе объединитъ въ «мѣрахъ пресѣченія» финляндскую буржуазію съ русскимъ буржуазнымъ самодержавіемъ, но зато и финляндскій пролетаріатъ соединится съ русскимъ въ великомъ средствѣ противъ всякихъ правительственно-буржуазныхъ «мѣръ пресѣченія»—«*въ всеобщей стачкѣ*.

На своемъ пятомъ съѣздѣ, состоявшемся въ августѣ 1903 года въ Улеаборгѣ *финляндская рабочая организація внесла въ свою программу всеобщую стачку*,

---

нифестъ междунар. соц. бюро противъ массовыхъ убійствъ и истязаній негровъ въ Сѣвер.-Амер. Соед. Штатахъ. Эти истязанія и убійства (линчеванія) въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ужаснѣе кишиневской рѣзни.

какъ крайнее средство для завоеванія всеобщей подачи голосовъ.

Русскій пролетаріатъ въ то же время внесъ всеобщую стачку въ русскую революціонную жизнь. Близко время, когда волна новаго великаго стачечнаго движенія прокатится по Россіи, и въ этотъ моментъ финляндская рабочая партія должна проявить свою программу, прибѣгнувъ къ «крайнему средству»; тогда, быть можетъ, русскіе, финляндскіе, польскіе, еврейскіе, латышскіе, литовскіе, грузинскіе, армянскіе и всѣ остальные «россійскіе» пролетаріи получатъ, наконецъ, право голоса, чтобы въ свободномъ соглашеніи создать свободныя условія труда и жизни.

Передъ нами развернулась теперь величавая картина борьбы пролетаріата во всемъ «цивилизованномъ мірѣ. Мы видѣли, какъ боролся и борется рабочій классъ въ *двадцати* различныхъ государствахъ и не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ, Австраліи и даже Азіи. Повсюду борьба эта проявлялась и проявляется, главнымъ образомъ, въ стачкахъ, которыя становятся все болѣе обширными, массовыми, всеобщими... Развитіе стачечнаго движенія почти тождественно съ развитіемъ движенія рабочаго. Революціонная энергія, проявляемая пролетаріатомъ разныхъ странъ въ ихъ стачкахъ такъ велика, что, если бы она сконцентрировалась, если бы отдѣльныя стачечныя вспышки слились въ единый взрывъ стачки международной, то темныя силы международной буржуазіи не могли бы устоять; но чтобы буржуазный «порядокъ» насилія человѣка надъ человѣкомъ смѣнился пролетарскимъ порядкомъ свободной взаимопомощи, необходима не только энергія разрушающая, дезорганизующая, но и энергія организующая, энергія созидающая. Пролетаріатъ уже теперь въ состояніи пріостановить всю промышленную жизнь, но онъ еще не уяснилъ себѣ, не созналъ, какъ воспользоваться этой пріостановкой, чтобы положить начало жизни новой. У его представителей и вожаковъ нѣтъ плана, нѣтъ программы положительной дѣятельности для момента дезорганизаціи буржуазнаго порядка; они не идутъ дальше ожиданій *уступокъ* со стороны буржуазіи, они какъ бы надѣются,

что побѣжденная буржуазія сама создастъ для нихъ новую жизнь.

Пока пролетаріатъ можетъ лишь дезорганизовать буржуазную власть и предъявлять къ ней требованія, а не рѣшается взять въ свои руки и по своему организовать все производство, до тѣхъ поръ его революціонное сознаніе не достигло побѣдоносной высоты. Исторія рабочаго движенія въ большинствѣ странъ показываетъ намъ, что во время всеобщихъ стачекъ пролетаріатъ развивалъ огромную революціонную энергію, которая разбивалась и падала не столько подъ ударами буржуазнаго государства, сколько отъ отсутствія положительной, творческой задачи, на разрѣшеніе которой она могла бы быть направлена. Для направленія развившейся во время всеобщей стачки революціонной энергіи на созданіе условій для новой жизни необходима *предварительная организація* наиболѣе сознательныхъ пролетаріевъ, необходима продуманная соціалистическая программа практическихъ мѣръ, необходимъ ясный планъ дѣйствій.

Далеко не такъ важна предварительная организація для возникновенія и развитія самой всеобщей стачки. Мы видѣли, что самыя могучія, самыя грандіозныя всеобщія стачки возникали и протекали стихійно и совершенно «неожиданно» для организованныхъ революціонеровъ, считавшихъ себя представителями пролетаріата. Даже профессіональные союзы рабочихъ при всеобщихъ стачкахъ-возстаніяхъ играютъ сравнительно второстепенную роль, что доказываетъ, хотя-бы, примѣръ Россіи, гдѣ профессіональныхъ союзовъ почти нѣтъ, а между тѣмъ она пережила рядъ по-истинѣ великихъ стачекъ. Это не противорѣчитъ несомнѣнному факту, что стачки создаютъ профессіональные союзы.

«Подготовительныя» и назначенныя на опредѣленный день всеобщія забастовки, рѣдко удаются; это объясняется тѣмъ, что время наивысшаго напряженія революціоннаго настроенія не можетъ быть разсчитано заранѣе и обыкновенно оно наступаетъ раньше, чѣмъ думаютъ руководители: считая *себя не готовыми*, они задерживаютъ и ослабляютъ стачку; между тѣмъ правительство и вся буржуазія, отъ которыхъ не удается скрыть назначенное время забастовки, дѣйстви-

тельно приготовляются, и силы ихъ тогда гораздо труднѣе дезорганизовать.

Для всеобщности стачки, какъ мы видѣли, нѣтъ необходимости въ предварительномъ уговорѣ. Разъ въ рабочей средѣ накопилось вслѣдствіе явленій, сопровождающихъ промышленный кризисъ, достаточно массового негодованія и вообще революціонной энергіи, то стоитъ забастовать небольшой группѣ, естественно состоящей изъ наиболѣе развитыхъ и революціонно настроенныхъ рабочихъ, чтобы стачка стала захватывать сосѣдніе фабрики и заводы съ быстротою пламени.

Отряды забастовщиковъ переходятъ отъ фабрики къ фабрикѣ, отъ завода къ заводу и «закрываютъ» ихъ. Характерную картину этихъ «походовъ» и «закрытій» мы видѣли въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи, въ Россіи и т. д. Повсюду стачечники дѣйствуютъ совершенно одинаково, хотя о какой-нибудь традиціи или примѣрѣ не можетъ быть и рѣчи. Бакинскіе рабочіе, разумѣется, не знали, какъ во время всеобщихъ стачекъ дѣйствовали рабочіе англійскіе, французскіе и т. п. Очевидно, эта тактика вытекаетъ изъ одинаковыхъ условій и одинаковой психологіи борющагося пролетаріата въ различныхъ странахъ.

Причины всеобщихъ стачекъ глубоки и значительны, но *поводы*, какъ мы видѣли, *обыкновенно* очень незначительны; вмѣстѣ съ развитіемъ стачки, съ ея подъемомъ поводы выступаютъ на задній планъ и выдвигаются причины; стачка пріобрѣтаетъ *соціальный* характеръ въ революціонномъ значеніи этого слова, она становится одновременно *и политической, и экономической*, она направляется противъ всей неправды современнаго соціальнаго строя. Неизбѣжное вмѣшательство государства въ лицѣ всѣхъ его «властей» придаетъ всякой *всеобщей стачкѣ*, возникшей на экономической почвѣ, политическій характеръ; съ другой стороны стачка, возникающая для политической цѣли, не можетъ потерять своего экономическаго характера, такъ какъ, чтобы быть дѣйствительной, она должна нанести экономическій ударъ интересамъ буржуазіи. Вообще всеобщая стачка, какъ проявленіе классовой борьбы, не можетъ быть только экономической или только политической. Въ своемъ развитіи она, повторяемъ, не-

избѣжно ведетъ къ *соціальной революціи*. Это прекрасно понимаетъ буржуазія, даже самая радикальная. Бельгійскіе либералы шли рука объ руку къ соціалистами въ борьбѣ за всеобщее избирательное право, пока дѣло ограничивалось парламентской борьбой, митингами и демонстраціями, но какъ только пролетаріатъ прибѣгъ къ всеобщей стачкѣ, союзъ сразу распался и либералы приготовились защищать «порядокъ». Они сразу поняли, что всеобщая стачка перерастаетъ поставленную вожаками политическую цѣль, что она грозитъ соціальной революціей. Испугались не только либералы, но и нѣкоторые «соціалисты», которые будучи сторонниками *незамѣтной* соціальной *эволюціи*, всѣ свои силы напрягаютъ на «спасеніе» пролетаріата отъ соціальной революціи.

Всеобщая стачка дезорганизуетъ весь соціальный строй; она бьетъ всѣ силы буржуазіи отъ рантье, мирно рѣжущихъ купоны, до дѣятельныхъ предпринимателей, она бьетъ, наконецъ, и политическаго представителя буржуазіи — правительство.

Нарушеніе обычныхъ способовъ передвиженія и сообщенія останавливаетъ правильный ходъ государственной жизни, а между тѣмъ исторія всеобщихъ стачекъ показываетъ, что забастовки чаще всего начинаютъ рабочіе и служащіе по транспорту: желѣзнодорожные, портовые и т. д. Кромѣ того во многихъ стачкахъ правительство является самымъ крупнымъ предпринимателемъ, и остановка производства вредитъ его финансамъ.

Революціонное настроеніе во время всеобщихъ забастовокъ такъ заразительно, что оно иногда захватываетъ войско, ослабляя его дисциплину и заставляя правительство быть крайне осторожнымъ въ «военныхъ дѣйствіяхъ» противъ стачечниковъ. При всякой крупной всеобщей стачкѣ являются «зловѣщіе» для буржуазіи признаки ослабленія, нерѣшительности, замѣшательства правительственной власти. Чѣмъ абсолютнѣе правительственная власть, чѣмъ меньше у ней связи съ народомъ, чѣмъ меньше она укрѣплена правовыми нормами, конституціей, парламентомъ, «народной волей» и т. д., чѣмъ исключительнѣе она опирается на штыки и нагайки, тѣмъ опаснѣе для нея всеобщія стачки, тѣмъ революціоннѣе онѣ протекаютъ,

тѣмъ сильнѣе онѣ расшатываютъ государственный организмъ; оттого то въ Россіи всеобщія забастовки и имѣютъ такое огромное революціонное значеніе.

Нанося удары буржуазіи, нанося удары ея правительству, расшатывая соціальный строй, всеобщія стачки тѣмъ самымъ разрушаютъ государство.

Въ борьбѣ съ государствомъ, которое мы понимаемъ, какъ организованное насиліе класса имущихъ надъ классомъ неимущихъ, нѣтъ болѣе сильнаго оружія, какъ всеобщая стачка; и она тѣмъ опаснѣе для него, чѣмъ болѣе оно вмѣшивается въ національное промышленное производство и обращеніе, чѣмъ большую долю ихъ оно захватываетъ въ свои руки. Въ этомъ отношеніи русское государство занимаетъ первое мѣсто. Русское правительство думало укрѣпить себя, превращаясь въ колоссальное промышленное предпріятіе съ казенными желѣзными дорогами, съ винной монополіей и пр., но этимъ оно лишь подставило себя подъ удары всеобщихъ стачекъ.

Рабочіе массы въ началѣ всеобщихъ забастовокъ переживаютъ обыкновенно высокій нравственный подъемъ. Ихъ охватываетъ чувство товарищеской солидарности («всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ»), чувство свободы, самостоятельности... Настроеніе у нихъ радостное, торжественное.

Но это пролетарское настроеніе быстро разрушается злобой и жестокостью буржуазіи и ея наемниковъ... Раздаются ружейныя залпы, льется пролетарская кровь. Настроеніе стачечниковъ измѣняется. Ихъ охватываетъ порывъ негодующаго возмущенія, жажда разрушенія. И въ этотъ порывъ уходитъ масса энергіи, которая при существованіи крѣпкой организаціи сознательныхъ пролетаріевъ, готовыхъ не только къ пораженію, но и къ побѣдѣ, могла бы быть направлена на закладку первыхъ устьевъ новаго строя.

Но и въ моменты возмущенія стачечники разрушаютъ лишь «собственность» и щадятъ людей; въ ихъ крови закипаетъ жажда разрушенія, но не подлая жажда человѣческой крови. И собственность они не присваиваютъ, а разрушаютъ.

Впрочемъ, не только въ моменты погромовъ, но и во время мирныхъ періодовъ всеобщей стачки, стачечники обыкновенно считаютъ себя въ правѣ требо-

вать, чтобы лавочники безвозмездно дѣлились съ ними жизненными припасами. Это «нарушеніе права частной собственности», этотъ «дневной грабежъ» можетъ, конечно, сильно возмущать екатеринославскихъ или даже женевскихъ базарныхъ торговокъ, но пролетаріи понимаютъ, что онъ — одно изъ существенныхъ условій успѣшности «всеобщихъ стачекъ», которыя ведутся *во имя подчиненія права собственности праву на жизнь*.

Вообще къ *дѣйствительнымъ*, а не воображаемымъ *всеобщимъ стачкамъ*, къ всеобщимъ стачкамъ, которыми борется и которыми побѣдитъ пролетаріатъ, совсѣмъ не подходятъ извѣстныя слова Вандервельда: «Рабочіе скрестили руки, чтобы добиться справедливости», слова, взятыя, между прочемъ, *совсѣмъ не кстати* Правдинымъ, какъ «motto» къ его брошюрѣ: «Революціонные дни въ Кіевѣ».

Просто «скрестивъ руки», никакой «справедливости» не добьешься, и рабочіе, устраивая всеобщія забастовки, никогда не скрещиваютъ руки, а дѣйствуютъ очень энергично и активно: «закрываютъ» фабрики и заводы, которые не забастовали сами, отвинчиваютъ въ машинахъ винты и пр., останавливаютъ поѣзда, загораждая путь, перерѣзываютъ телеграфныя проволоки, устраиваютъ демонстраціи, народныя собранія и т. д. И больше всего именно отъ активности, проявляемой забастовщиками, зависитъ успѣхъ всеобщей стачки.

Понятно, что буржуазные идеологи, какъ тѣ, которые остаются въ рядахъ буржуазіи, такъ и тѣ, которые вступаютъ въ ряды пролетаріата, чтобы спасать его отъ революціонныхъ увлеченій, яростно нападаютъ на всеобщія стачки, стараясь доказать ихъ «невозможность». И эту невозможность они «доказываютъ» съ тѣмъ большимъ азартомъ, чѣмъ чаще въ дѣйствительности происходятъ всеобщія забастовки. Имъ ненавистны дѣйствительныя забастовки, по свою критику они направляютъ противъ воображаемыхъ.

Среди критиковъ «всеобщей стачки» есть, конечно, не мало людей, искренно преданныхъ рабочему дѣлу. Это или политики, слишкомъ увлеченные избирательной борьбой и парламентскою дѣятельностью, слишкомъ затянутые въ атмосферу партійныхъ интересовъ, которые далеко не всегда совпадаютъ съ интересами

рабочаго класса, или руководители профессіональныхъ союзовъ, слишкомъ ушедшіе въ мелкую работу профессіональной организаціи. И тѣ и другіе такъ свыклись со своей дѣятельностью, такъ полюбили ее, что *она для нихъ превратилась изъ средства въ цѣль;* они инстинктивно боятся всего, что можетъ нарушить мирный ходъ этой дѣятельности, съ ея маленькими успѣхами, съ ея «отрадными фактами»; любовь къ этой мелкой дѣятельности невольно переносится и на тотъ общественный строй, въ которомъ она совершается; они хотятъ его улучшать, но имъ жалко его разрушать; умственный ихъ кругозоръ суживается, они видятъ, что дѣлается въ партіи или профессіональномъ союзѣ, но они закрываютъ глаза на рабочее движеніе во всемъ его цѣломъ, стараясь считаться только съ «дѣйствительностью», они игнорируютъ ее больше, чѣмъ самые крайніе «утописты».

Только пренебреженіе къ дѣйствительности могло породить безсмысленную фразу дипломата нѣмецкой соціалдемократической партіи Ауэра: «Всеобщая стачка — всеобщая безсмыслица», фразу съ безсмысленнымъ восторгомъ подхваченную всѣми минимальными нѣмецкими соціалдемократами, какъ политиками, такъ и экономистами или, вѣрнѣе, профессіоналистами.

Въ подтвержденіе этого положенія противники всеобщихъ стачекъ не могутъ привести ничего, кромѣ пресловутаго «доказательства» Либкнехта, которое онъ выдвинулъ на парижскомъ конгрессѣ 1889 г. противъ французскаго соціалиста Трессо, считавшаго международную всеобщую стачку началомъ соціальной революціи.

По нѣмецкому отчету *) о парижскомъ конгрессѣ Либкнехтъ «доказалъ» невозможность всеобщихъ стачекъ слѣдующимъ образомъ:

«Всеобщая стачка — вещь невозможная, такъ какъ она предполагаетъ (?) такую сильную и единую организацію рабочихъ, какой въ данное время не существуетъ и которая въ буржуазномъ обществѣ вообще не можетъ (?) существовать. Англійскіе рабочіе въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ были превосходно (!) организованы, гораздо лучше, чѣмъ французы теперь,

*) Отчетъ редактированъ самимъ Либкнехтомъ.

и все же ихъ крупныя стачки не удались, точно также какъ и другія попытки всеобщей забастовки. Но, если у рабочихъ когда-нибудь будетъ такая сильная организація, что они могли бы провести всеобщую стачку, то надо надѣяться, что они бы таковой не удовольствовались, но сдѣлали бы *лучшее (?)* употребленіе изъ своей организаціи. Тогда они — господа міра. И *останавливать тогда работу* было бы безграничной глупостью».

Очень рѣшительно! Но доказательства невозможности и глупости всеобщихъ стачекъ здѣсь все же нѣтъ, а есть лишь рядъ произвольныхъ утвержденій, уже отчасти опровергнутыхъ дѣйствительностью. Всеобщая стачка, по словамъ Либкнехта, предполагаетъ такую организацію, которая вообще невозможна въ буржуазномъ обществѣ, между тѣмъ русскія всеобщія стачки, едва-ли не самыя могучія изъ всѣхъ когда-либо потрясавшихъ буржуазный міръ, захватили цѣлые города и области, гдѣ пролетаріи совершенно не были организованы.

Какъ англійскія, такъ и другія всеобщія забастовки, по словамъ Либкнехта, не удались. Но какъ понимать «удачу»? Если ее понимать въ смыслѣ рѣшительной побѣды пролетаріата, то онъ вообще такой еще не одерживалъ; правда, нѣмецкіе соціалдемократы на каждыхъ выборахъ одерживаютъ «блестящія побѣды», но у нихъ послѣ 40 лѣтъ избирательной борьбы всего 78 депутатовъ изъ 397 въ рейхстагѣ и нѣтъ ни одного ни въ прусскомъ, ни въ саксонскомъ ландтагѣ. Они не могутъ ни провести, ни отмѣнить ни одного закона.

Если же понимать удачу въ смыслѣ увеличенія и укрѣпленія боевыхъ силъ пролетаріата, то всеобщія стачки, какъ показываетъ ихъ исторія, были болѣе удачными, чѣмъ самыя блестящія избирательныя «побѣды».

Если у рабочихъ, говоритъ Либкнехтъ, будетъ когда-нибудь такая организація и т. д., то они сдѣлаются господами міра и было бы безграничной глупостью останавливать тогда работу... Но, вѣдь, такая организація въ буржуазномъ обществѣ «невозможна», и не глупо ли говорить о господствѣ рабочихъ, вытекающемъ изъ невозможнаго предположенія?

При «невозможной» организаціи рабочіе, — дума-

етъ Либкнехтъ — не удовольствуются всеобщей стачкой. Мы думаемъ, что они не удовольствуются ею и при возможной организаціи, но это отнюдь не говоритъ противъ возможности и цѣлесообразности всеобщей стачки.

Произвольныя утвержденія Либкнехта могли показаться неопровержимымъ доказательствомъ лишь вслѣдствіе преклоненія передъ его авторитетомъ. Но преклоняться передъ авторитетомъ Либкнехта нужно съ осторожностью. Это былъ честный, самоотверженный борецъ за освобожденіе рабочаго класса, но сужденія его часто были произвольны и ему часто приходилось отъ нихъ отказываться.

Извѣстенъ его пародоксъ: «Если условія измѣнятся 24 раза въ сутки, то и я измѣню тактику 24 раза».

Въ устахъ научнаго соціалиста этотъ пародоксъ звучитъ очень странно. Для научнаго соціалиста условія не могутъ мѣняться каждый часъ, и его тактика опредѣляется не «случайностями», а законами, по которымъ развивается общество. Общественныя условія не флюгера, которыя сегодня вертятся въ одну сторону, завтра въ другую; они мѣняются, потому что развиваются, но это развитіе совершается закономѣрно. Не только теорія, но и тактика научнаго соціалиста должна быть *принципіальна*. Взгляды Либкнехта на тактику мѣнялись не потому, какъ онъ утверждалъ, что общественныя условія мѣнялись, а потому, что мѣнялся онъ самъ въ зависимости отъ большаго или меньшаго проникновенія въ общественное развитіе, а также отъ возраста, настроенія и пр.

Ошибаться свойственно человѣку. Жаль только, что Либкнехтъ свои пародоксы высказывалъ всегда тономъ непогрѣшимости и вводилъ въ соблазнъ многихъ «изъ малыхъ сихъ».

Въ 1869 г. Либкнехтъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ противъ участія въ положительной парламентской дѣятельности: «близорукость», «предательство», и т. д. «Соціализмъ» — говорилъ онъ — «болѣе не вопросъ теоріи, но вопросъ силы, который можно разрѣшить подобно всякому другому вопросу силы на улицѣ, на полѣ битвы, а не въ парламентѣ».

Въ 1891 г. тотъ же Либкнехтъ не видѣлъ для побѣды соціализма никакого другого средства, кромѣ

парламентской дѣятельности, и жестоко нападалъ на борьбу со зломъ насиліемъ.

«Если бы за нами—говоритъ онъ на Эрфуртскомъ партейтагѣ—стояло столько силы, какъ за буржуазными партіями, тогда рейхстагъ былъ бы для насъ также мало безплоденъ, какъ теперь для *другихъ*, — «защелка законодательства» работала бы для насъ также хорошо, какъ она работаетъ для нашихъ противниковъ. Этимъ не сказано, что на пути законодательства могутъ быть разрѣшены *всѣ* вопроса; *но укажите мнѣ еще другой путь, который велъ бы къ цѣли!* Правда, по мнѣнію того или другого, есть еще другой путь, путь *насилій*. Мы подготовляемся втайнѣ или какъ нибудь иначе къ тому моменту, когда, вторгнувшись съ насиліемъ, мы можемъ однимъ ударомъ измѣнить условія. Ну, тогда мы приходимъ къ *анархизму*...»

«Если мы центръ тяжести переносимъ на моментъ механическаго насилія, то мы становимся на точку зрѣнія нашихъ враговъ. Бисмаркъ былъ человѣкомъ грубого насилія, человѣкомъ политики крови и желѣза. Никто никогда не располагалъ большими средствами насилія и не пользовался ими съ меньшими стѣсненіями. И успѣхъ? Гдѣ онъ? Въ теченіе четверти вѣка онъ безгранично располагалъ полиціей, арміей, капиталомъ, государственной силой, словомъ всѣми механическими средствами силы; — мы не могли ему противопоставить ничего, кромѣ нашего добраго права, нашего искренняго убѣжденія, открытой груди, и *мы побѣдили*. Наше оружіе было лучшимъ! Въ концѣ концовъ грубая сила должна отступить передъ моральными факторами, передъ логикой фактовъ. Бисмаркъ лежитъ раздавленнымъ на землѣ — а соціалдемократія — сильнѣйшая*) партія Германіи! »

И вслѣдъ за этими почти толстовскими тирадами противъ борьбы насиліемъ слѣдуетъ заявленіе, что соціалдемократы обязаны участвовать въ «*справедливой войнѣ*»!

---

*) *Необходимое примѣчаніе:* Соціалдемократія — «сильнѣйшая партія Германіи» уже болѣе 13 лѣтъ, но до сихъ поръ у нея не хватаетъ еще силы провести черезъ парламентъ даже *десятичасовой* рабочій день. Бисмаркъ «раздавленъ», но Бюловы здравствуютъ!

Мы привели эту тираду противъ борьбы насиліемъ съ одновременнымъ признаніемъ «справедливыхъ войнъ», такъ какъ это тактическое настроеніе Либкнехта чрезвычайно характерно для всѣхъ современныхъ противниковъ всеобщей стачки, принадлежащихъ къ лагерю соціалдемократовъ.

Опредѣленнѣе всѣхъ соціалдемократическую тактику, исключающую возможность всеобщихъ стачекъ, выяснилъ недавно одинъ изъ главныхъ ревизіонистовъ, извѣстный докторъ Давидъ.

Доказавъ всѣ выгоды мирной законной дѣятельности при данныхъ нѣмецкихъ условіяхъ, Давидъ ставитъ вопросъ: «Но если на этомъ пути къ мирной силѣ противъ насъ выступятъ «люди дѣла», если постараются пригнуть насъ *репрессивными мѣрами*, если намъ будутъ навязывать *рѣшительный бой*, что должны мы тогда дѣлать?

«Ну, тогда мы *противопоставимъ законность незаконности, насиліе встрѣтимъ миролюбіемъ*. Это — единственный путь, сломитъ въ концѣ концовъ насиліе, это единственное боевое средство противъ штыка. Намъ придется позаботиться, чтобы вся тяжесть моральнаго осужденія пала на тѣхъ, которые попытаются, примѣненіемъ насилія воспрепятствовать развитію соціалдемократическаго культурнаго движенія».

Этотъ законно-миролюбивый выводъ у Давида логически вытекаетъ изъ аксіомы «всеобщая стачка — всеобщая безсмыслица», какъ изъ нея же у всѣхъ буржуазныхъ «вожаковъ» пролетаріата вытекаетъ положеніе: «пролетарская революція — безсмыслица».

Либкнехтъ призывалъ товарищей эмансипироваться отъ революціонной фразы. Они, вѣрные его теоріи, отвергающей всеобщую стачку и насиліе, эмансипировались не только отъ революціонной фразы, но и отъ самой революціи. Благо имъ! Ихъ законность, правда, не убьетъ «людей дѣла», но зато незаконность послѣднихъ, принявъ во вниманіе ихъ миролюбіе, тоже не будетъ жестокой и въ худшемъ случаѣ лишь высѣчетъ ихъ, но не убьетъ.

Къ соціалдемократамъ, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что они не эмансипировались отъ революціи, принадлежитъ Каутскій, и онъ недавно доказалъ спра-

ведливость этого обвиненія, очень рѣшительно выступивъ на защиту политической всеобщей стачки.

Въ послѣдней главѣ своихъ очерковъ «Allerhand Revolutionäres» *) («Die Neue Zeit» 22 Febr. и 5 März 1904) Каутскій дѣлаетъ много вѣрныхъ замѣчаній о силѣ, значеніи и методѣ всеобщей стачки, но онъ жестоко ошибается, полагая, что условія успѣшности «политической стачки» «нельзя изучать на обыкновенныхъ стачкахъ, предпринимаемыхъ съ экономическими цѣлями».

«Ибо политическая и экономическая стачка» — говоритъ онъ — означаютъ двѣ вещи *совершенно* различныя».

«Всѣ экономическіе факторы, которые благопріятствуютъ успѣху рабочихъ, имѣются при массовой стачкѣ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше она становится всеобщей, генеральной стачкой». Массовыя стачки по симпатіи и «анархическія» «часто сбрасываются въ одну кучу съ политической массовой стачкой, но у нихъ — говоритъ Каутскій — ничего общаго, кромѣ внѣшности, что въ обоихъ случаяхъ большія рабочія массы самыхъ различныхъ профессій прекращаютъ работу. Но ихъ задачи очень различны. При стачкѣ по симпатіи самыхъ широкихъ размѣровъ дѣло идетъ о томъ, чтобы усилить экономическое давленіе бастующихъ рабочихъ на особый слой предпринимателей давленіемъ буржуазнаго общества и буржуазнаго государства, давленіемъ, вытекающемъ изъ того, что все буржуазное общество, при уступкѣ отдѣльныхъ предпринимателей, можетъ лишь выиграть, но не потерять. При политической массовой забастовкѣ, наоборотъ, производится экономическое давленіе на предпринимателей, чтобы не ихъ, но буржуазное общество и государство принудить къ капитуляціи передъ рабочими».

Каутскій здѣсь проявляетъ довольно странное по-

*) Эти очерки появились въ «Die Neue Zeit» уже послѣ того, какъ наши очерки о развитіи стачечнаго движенія въ различныхъ странахъ были уже сданы въ печать; мы не могли потому упомянуть о взглядѣ Каутскаго, когда говорили о полемикѣ по вопросу о всеобщей стачкѣ, возникшей въ «Die Neue Zeit» послѣ дрезденскаго партейтага.

ниманіе *внѣшняго* сходства. Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о проявленіи классовой рабочей солидарности путемъ массового прекращенія работы, въ обоихъ случаяхъ рабочіе оказываютъ пріостановкой обычной промышленной жизни давленіе на государство и буржуазное общество, можно ли говорить въ такомъ случаѣ лишь о *внѣшнемъ* сходствѣ, не правильнѣе ли видѣть между этими двумя явленіями глубокую *внутреннюю связь*, коренящуюся въ общихъ источникахъ классовой солидарности, классовой борьбы и силы экономической необходимости пролетарскаго труда.

Съ другой стороны Каутскій находитъ тѣсную связь между политической стачкой и борьбой на баррикадахъ, между тѣмъ, какъ здѣсь можетъ быть рѣчь лишь объ *аналогіи*.

И какое странное для ортодоксальнаго марксиста противопоставленіе политической борьбы борьбѣ экономической? Жизнь этой противоположности не знаетъ. Исторія рабочаго движенія даетъ, какъ мы видѣли, много примѣровъ превращенія экономическихъ стачекъ въ политическія. Ростовская стачка 1902 г. возникла на экономической почвѣ, но развѣ она не носила политическаго характера? Ланкаширская стачка 1842 г. возникла тоже на чисто экономической почвѣ, но развѣ она не явилась политическимъ протестомъ и демонстраціей въ пользу «хартіи»? Почему всеобщая стачка, возникающая для достиженія законодательнаго ограниченія рабочаго дня, не имѣетъ *ничего общаго* съ всеобщей стачкой изъ за расширенія избирательныхъ правъ, нужныхъ рабочимъ прежде всего для ограниченія рабочаго дня, почему эти двѣ стачки противоположны — понять совершенно невозможно.

Исторія рабочаго движенія самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ и теоретическое утвержденіе Каутскаго, что при экономической стачкѣ рабочіе тѣмъ менѣе могутъ разсчитывать на успѣхъ, чѣмъ болѣе всеобщій характеръ принимаетъ стачка. При кіевской, напримѣръ, стачкѣ различныя категоріи рабочихъ добились экономическихъ уступокъ, несомнѣнно, благодаря общему натиску на казенныхъ и частныхъ предпринимателей. Каутскій свое утвержденіе, основываетъ, главнымъ образомъ, на томъ, что распространеніе стачки на предпріятія различныхъ хозяевъ и различ-

ныхъ отраслей труда, уничтожаетъ конкурренцію между предпринимателями, подъ давленіемъ которой часть предпринимателей могла бы уступить. Но въ дѣйствительности эта благопріятная рабочимъ конкурренція съ развитіемъ рабочаго движенія играетъ все меньшую и меньшую роль. У хозяевъ тоже несомнѣнно развивается классовая солидарность, и они теперь уже умѣютъ поступаться небольшими выгодами передъ опасностью, грозящею господству всего ихъ класса. Соглашенія между хозяевами для общей борьбы съ рабочими явленіе теперь обычное, и нерѣдко именно общность дѣйствій предпринимателей съ естественной необходимостью вызываетъ общность дѣйствій рабочихъ, т. е. всеобщую стачку.

Плохо, если въ своей борьбѣ рабочіе будутъ разсчитывать на конкурренцію между хозяевами, имъ надо прежде всего расчитывать на свою собственную солидарность, на силу массового натиска, передъ которымъ предпринимателямъ приходится отступать и независимо отъ ихъ конкурренціи или солидарности. Во время стачки въ Криммитчау соціалдемократическія газеты были полны этими надеждами на конкурренцію хозяевъ, и, можетъ быть, отчасти поэтому криммитчаускіе ткачи потерпѣли такое рѣшительное пораженіе. Впрочемъ самъ Каутскій, выясняя условія и методы политической стачки, невольно доказываетъ глубокую связь между забастовками политическими и забастовками экономическими и опровергаетъ свое утвержденіе, что условія, при которыхъ должны происходить первыя, нельзя изучать на основаніи послѣднихъ.

Условія и методы политической стачки, которыя онъ выводитъ, такъ сказать, дедуктивно изъ современныхъ общественныхъ, въ частности производственныхъ отношеній, во многомъ совпадаютъ съ положеніями, къ которымъ мы пришли индуктивно, твердо держась фактовъ изъ исторіи экономическихъ стачекъ. Здѣсь талантъ и революціонная прозорливость Каутскаго проявляются во всей своей силѣ. «То, что болѣе не удается борьбѣ на баррикадахъ — говоритъ онъ — то должна теперь произвести политическая стачка, — *дезорганизовать правительство*, ставя одновременно наивысшія требованія къ его силѣ, разсудительности и послѣдовательности, и такимъ обра-

зомъ или заставить его отступить, или принудить отказаться отъ власти. Она становится пробою силы между государственной и пролетарской организаціей. Однимъ ударомъ останавливается все производство, массы рабочихъ выносятся на улицу, на массу мелкой и крупной буржуазіи нападаетъ безумный страхъ, страхъ за жизнь, страхъ за собственность, вся вооруженная сила принуждается къ постоянной изнурительной дѣятельности, такъ какъ каждый собственникъ въ странѣ требуетъ ея охраны, и масса забастовщиковъ, находясь повсюду и нигдѣ, избѣгаетъ всякаго столкновенія съ вооруженной силой и повсюду собирается, гдѣ ея нѣтъ»...

«*Что вѣрно для каждой стачки, то въ особенности вѣрно для стачки политической: большая часть ея воздѣйствія пропадаетъ, если ее назначаютъ на опредѣленный срокъ*».

«*Политическая стачка имѣетъ наибольшіе шансы на успѣхъ тогда, когда она внезапно выростаетъ изъ даннаго положенія, которое всю народную массу приводитъ въ глубочайшее возбужденіе*»...

«*Нѣтъ ничего ошибочнѣе взгляда, что весь рабочій классъ долженъ быть профессіонально организованъ, прежде чѣмъ можно начать политическую массовую стачку*».

Съ политической стачкой «нельзя играть, нельзя обязываться произвести ее къ опредѣленному сроку; если пришло для нея время, если рабочіе энергично требуютъ ея и борьба противъ правительства загорается, тогда побѣда тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе за рѣшеніемъ забастовать слѣдуетъ выполненіе безъ колебаній, безъ переговоровъ, безъ успокоеній, прежде чѣмъ противники собрали свои силы и средства и составили свой планъ похода; она тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ меньше даютъ имъ времени опомниться и свободно вздохнуть».

Каутскій прекрасно понимаетъ, что соотношеніе между производствомъ, передвиженіемъ и правительственнымъ механизмомъ въ современномъ обществѣ крайне благопріятно для успѣха всеобщей стачки.

«Правительственный механизмъ въ настоящее время становится все въ большую и большую зависимость отъ классовъ, трудящихся изъ за заработной платы.

Все экономическое и политическое развитіе ведетъ къ тому, что предпріятія переходятъ въ руки государства и вся государственная жизнь все болѣе и болѣе обусловливается правильнымъ функціонированіемъ этихъ предпріятій. *Прежде всего сюда относится транспортъ*»..

«Будутъ ли желѣзнодорожныя предпріятія частными или государственными, ненарушимость ихъ дѣятельности все болѣе становится вопросомъ жизни для современныхъ государствъ; желѣзнодорожные служащіе подвергаются поэтому все болѣе строгой дисциплинѣ, и въ то же время военныя силы обучаются для выполненія желѣзнодорожной службы. Но какъ разъ желѣзнодорожные служащіе на ряду съ рабочими въ казенныхъ рудникахъ изъ всѣхъ крупныхъ слоевъ наемныхъ рабочихъ всего непосредственнѣе заинтересованы въ томъ, чтобы добиться правительства, зависящаго отъ пролетаріата, они всего непосредственнѣе чувствуютъ, если правительство враждебно пролетаріату. Съ другой стороны правительство при другихъ равныхъ условіяхъ чувствуетъ тѣмъ капиталистичнѣе, чѣмъ больше государственныхъ предпріятій, чѣмъ многочисленнѣе эксплуатируемые ими рабочіе, чѣмъ непосредственнѣе его интересъ въ капиталистической прибыли.

Усиливающійся переходъ предпріятій въ государственную собственность является такимъ образомъ прежде всего не средствомъ мирнаго врастанія въ соціализмъ, а *средствомъ внести современныя классовыя противоположности и классовую борьбу въ самый государственный механизмъ и сдѣлать его черезъ это чувствительнѣе*».

Всѣ эти теоретическіе выводы, какъ мы видимъ, находятъ себѣ подтвержденіе въ практикѣ всеобщихъ стачекъ, возникающихъ на экономической почвѣ; и Каутскій могъ бы еще увѣреннѣе говорить о побѣдоносной силѣ массовыхъ забастовокъ, если бы онъ не старался выдѣлить «политическую стачку», какъ нѣчто совершенно независимое отъ всего остального стачечнаго движенія. Внимательное отношеніе къ стачечной *практикѣ* показало бы также Каутскому, что успѣхъ всеобщей стачки нельзя ставить, какъ дѣлаетъ

онъ, въ зависимость отъ соблюденія рабочими «цѣлесообразной пассивности».

«Если забастовщикамъ — говоритъ онъ — удастся сохранить свою сплоченность и свою цѣлесообразную пассивность до тѣхъ поръ, пока правительственная власть дезорганизуется въ какомъ нибудь пунктѣ... то пролетаріатъ на пути къ побѣдѣ».

Нѣтъ! Пролетаріатъ только тогда на пути къ побѣдѣ, когда ему удастся сохранить свою сплоченность и проявить цѣлесообразную активность.

Всеобщія стачки, пережитыя и переживаемыя міровымъ пролетаріатомъ, и являются средствомъ укрѣпленія его сплоченности и воспитаніемъ къ цѣлесообразной активности въ моментъ дезорганизаціи современнаго государства.

Современныя массовыя или всеобщія стачки, какъ профессіональныя, такъ и порайонныя, подготовлены частичными стачками на отдѣльныхъ фабрикахъ и въ свою очередь подготовляютъ еще высшую форму стачечнаго движенія — стачки международныя. Вмѣстѣ съ развитіемъ и расширеніемъ стачечнаго движенія, развиваются и расширяются его задачи. Международной формѣ стачекъ должна соотвѣтствовать и международная, задача ихъ — соціальное освобожденіе пролетаріата. При международномъ характерѣ капиталистическаго производства и хозяина его — буржуазіи — немыслима соціальная революція, ограниченная предѣлами одного государства, но, конечно, международную стачку, которой будетъ положено начало соціальной революціи, еще меньше можно «назначить», чѣмъ всеобщую стачку какого нибудь города или района. Она, вѣроятно, какъ и современныя всеобщія стачки, *разгорится* изъ стачки мѣстной, которая вспыхнетъ, быть можетъ, по ничтожному поводу. Пламя распространится по линіямъ наименьшаго сопротивленія, по мѣстностямъ, гдѣ собрано болѣе всего горючаго матеріала, гдѣ пролетаріатъ наиболѣе сплоченъ и возмущенъ. Стачка можетъ сдѣлаться международной, не будучи еще національной: она захватитъ раньше области въ различныхъ государствахъ, чѣмъ всѣ области одного государства. Сначала требованія пролетаріата не только въ различ-

ныхъ государствахъ, но и въ различныхъ мѣстностяхъ, будутъ различны, но съ развитіемъ движенія они достигнутъ единства и будутъ направлены къ уничтоженію частной собственности на землю и средства производства; вмѣстѣ съ тѣмъ требованія замѣнятся положительными дѣйствіями; рабочіе перестанутъ требовать, а начнутъ брать и созидать.

Окончательная побѣда, вѣроятно, достанется не сразу; возможно, что потребуется не одна, а рядъ слѣдующихъ одна за другой международныхъ стачекъ, пока, наконецъ, пролетаріатъ не осилитъ буржуазію съ ея государственной властью.

Во всякомъ случаѣ побѣда достанется тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ крѣпче будетъ связь между пролетаріями различныхъ странъ и національностей, чѣмъ больше они будутъ приготовлены къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, къ совмѣстной, одновременной мобилизаціи своихъ силъ, къ одновременному прекращенію работъ.

Въ этомъ отношеніи огромное значеніе имѣетъ рабочее **первое Мая**, идея котораго стоитъ въ тѣсной внутренней связи съ идеей международной всеобщей стачки.

«Первое Мая» зародилось въ средѣ сѣверо-американскаго пролетаріата въ разгаръ массового движенія въ пользу ограниченія рабочаго дня 8 часами. Въ 1886-мъ году движеніе это достигло въ Сѣверной Америкѣ чрезвычайно сильнаго революціоннаго напряженія, и наиболѣе активные и пылкіе представители американскаго пролетаріата рѣшили перваго мая, которое уже многіе столѣтія у большинства народовъ считается праздникомъ весны и возрожденія, устроить *всеобщую забастовку* съ демонстраціями и митингами, чтобы вырвать у буржуазіи право на 8 часовъ сна и 8 часовъ отдыха.

Всеобщая стачка приняла грандіозные размѣры, и первое мая 1886 года останется въ исторіи рабочаго движенія, какъ одинъ изъ предвѣстниковъ грядущаго весенняго обновленія трудящагося человѣчества. Многія категоріи американскихъ рабочихъ добились восьмичасоваго рабочаго дня *).

*) Въ настоящее время законъ ограничиваетъ рабочій день 8-ю часами почти для всѣхъ отраслей труда въ 6 штатахъ: Каннекти-

Къ сожалѣнію, къ массовому протесту присоединился протестъ *слишкомъ* индивидуальный: во время митинга въ Чикаго въ полицейскихъ была брошена бомба, многихъ изъ нихъ убившая и ранившая. Это, несомнѣнно, ослабило дѣйствіе всеобщей забастовки и повредило всему движенію—не потому, что дало поводъ къ репрессаліямъ со стороны буржуазіи, а потому, что понизило боевое настроеніе самихъ рабочихъ, *пролетарской психикѣ которыхъ не соотвѣтствуетъ подобная «пропаганда»*.

Въ 1888 году «Первое мая», какъ день рабочей демонстраціи въ пользу ограниченія работы 8-ью часами, былъ принятъ конгрессомъ «Американской федераціи труда» засѣдавшемъ въ Санъ-Луи, и, наконецъ, въ 1889 году парижскій международный соціалистическій конгрессъ постановилъ, что рабочіе всѣхъ странъ должны 1 мая 1890 года «организовать большую международную демонстрацію», чтобы оказать на соотвѣтствующія правительства давленіе въ пользу введенія 8-ми часоваго рабочаго дня и выполненія другихъ постановленій парижскаго конгресса.

Постановленіе было принято въ послѣдній день конгресса, что называется «на спѣхъ», безъ предварительнаго обсужденія вопроса. Вообще «бюро» парижскаго конгресса ввело чрезвычайно оригинальную систему: всѣ важнѣйшія резолюціи *сначала голосовались*, а *затѣмъ* уже желающимъ предоставлялось *обсуждать* ихъ.

«Различные анархисты — говоритъ нѣмецкій отчетъ о конгрессѣ, составленный подъ редакціей Либкнехта—находили, что этотъ способъ не демократиченъ, что онъ является насиліемъ надъ конгрессомъ и т. п. Они производили такимъ образомъ систематическій шумъ, какъ только хотѣли приступить къ прочтенію резолюцій и къ «голосованію.» Въ концѣ концовъ «конгрессъ долженъ былъ воспользоваться своимъ пра-

---

кутѣ, Иллинойсѣ, Индіанѣ, Миссури, Нью-Іоркѣ и Пенсильваніи. Кромѣ того въ 21 штатахъ законодательное ограниченіе рабочаго дня существуетъ для казенныхъ и общественныхъ предпріятій, а также для работъ, исполняемыхъ по заказу государства или общины. Эти «завоеванія» въ значительной степени результатъ первомайскихъ протестовъ, какъ въ 1886 году, такъ и въ послѣдующіе годы.

вомъ хозяина дома (seinem Hausrecht). Главные нарушители порядка: Мерлино и два его друга были удалены изъ залы, и делегатамъ, поставленнымъ у дверей, предложено было допускать въ залу засѣданій лишь лицъ, имѣющихъ билеты для входа.» «Гражданка Гильомъ Шакъ протестовала противъ исключенія нарушителей порядка и покинула конгрессъ вмѣстѣ съ 7-ю англичанами и итальянцами.»

Резолюція о первомъ маѣ была принята всѣми націями за исключеніемъ русскихъ и бельгійцевъ. Русскіе мотивировали свое воздержаніе отъ голосованія невозможностью «подобной демонстраціи въ Россіи.» Бельгійцы, какъ заявилъ Фольдерсъ, не хотѣли участвовать въ голосованіи, предшествующемъ обсужденію.

Обсужденія, впрочемъ, вообще никакого не было: видимо, большинство делегатовъ не придавало резолюціи о первомъ маѣ большого значенія.

Составлена она была крайне неопредѣленно.

«Будетъ организована большая *международная манифестація въ установленное число*, такимъ образомъ, что сразу во *всѣхъ странахъ и во всѣхъ городахъ въ одинъ и тотъ же условленный день* работники предъявятъ общественнымъ властямъ требованіе уменьшить путемъ закона *рабочій день до восьми часовъ* и привести въ исполненіе другія резолюціи парижскаго международнаго конгресса.

Такъ какъ подобная манифестація уже назначена на 1 мая 1890 г. *Американской федераціей труда* на ея конгрессѣ въ Санъ-Луи въ декабрѣ 1888 г., то это число принято и для международной манифестаціи.

Работникамъ различныхъ націй предоставляется выполнить эту манифестацію такъ, какъ это будетъ имъ подсказано особыми условіями ихъ странъ.»

Изъ этой резолюціи отнюдь не слѣдуетъ, что первое мая должно «праздноваться» ежегодно, изъ нея не видно, должны ли работники прекращать въ этотъ день работы или достаточно, если ихъ представители явятся къ властямъ съ соотвѣтствующими петиціями. Но трудящійся пролетаріатъ въ большинствѣ странъ понялъ постановленіе конгресса по своему, такъ, какъ ему подсказывало его классовое, его революціонное чувство. Къ подачѣ петиціи властямъ онъ отнесся

совершенно равнодушно, но онъ готовъ былъ на большія жертвы, чтобы хоть одинъ день въ году праздновать не съ дозволенія буржуазіи, а по собственной волѣ, чтобы хоть одинъ день въ году самовольно отказаться отъ рабскаго труда для обогащенія своихъ враговъ... Пролетаріатъ инстинктивно понялъ, что сущность и сила международныхъ манифестаціи не въ предъявленіи требованій властямъ, а въ одновременномъ самовольномъ прекращеніи работъ, во *всеобщей забастовкѣ*. Это поняла и буржуазія, не безъ трепета ждавшая перваго мая. Она грозила всевозможными репрессіями «своимъ» рабочимъ, если они рѣшатся прекратить работы перваго мая и приказала «своимъ» войскамъ быть на-готовѣ... Она не разсчитывала, что ее поддержутъ не только «войска», но и нѣкоторые руководители изъ числа политическихъ и профессіональныхъ культурниковъ.

Въ Англіи профессіональные культурники рѣшили «праздновать» не первое мая, а слѣдующее за нимъ воскресенье. Въ Германіи политическіе культурники въ послѣдній моментъ употребили все свое вліяніе, воспользовались всѣмъ своимъ авторитетомъ, чтобы остановить нѣмецкихъ рабочихъ отъ прекращенія работъ перваго мая. Въ Германіи настроеніе рабочихъ въ это время было очень приподнятое: палъ исключительный законъ противъ соціалистовъ, выборы дали $1^1/_2$ милліона соціалдемократическихъ голосовъ, вспыхивали массовыя стачки и т. д. На германскій пролетаріатъ были обращены взоры всего трудящагося міра, отъ германскаго пролетаріата всѣ ожидали теперь великихъ дѣлъ, великаго революціоннаго подъема.

Вѣсть о постановленіи международнаго конгресса — устроить 1 мая интернаціональную рабочую демонстрацію была встрѣчена въ кругахъ нѣмецкихъ сознательныхъ рабочихъ съ энтузіазмомъ. Повсюду устраивались по этому поводу народныя собранія и повсюду понимали демонстрацію перваго мая, какъ однодневную праздничную забастовку пролетаріевъ всѣхъ странъ. Особенно энергично готовились къ ней Берлинъ, Гамбургъ, Мюнхенъ... Но правленіе соціалдемократической партіи, состоявшее изъ депутатовъ рейхстага, хранило загадочное молчаніе... Оно заговорило лишь въ апрѣлѣ, когда «молодые» въ Берлинѣ

выпустили воззваніе, приглашавшее всѣхъ пролетаріевъ не работать перваго мая. Депутаты сочли себя обязанными охладить рабочій энтузіазмъ, призвать забывшійся пролетаріатъ къ порядку, благоразумію, законности, умѣренности... Въ своемъ обращеніи къ рабочимъ они объясняли, что резолюція парижскаго конгресса совсѣмъ не требуетъ пріостановки работъ 1-го мая, что «при неблагопріятномъ экономическомъ положеніи нечего и думать о возможности вынудить отдыхъ отъ работъ». Подобнымъ шагомъ воспользуются лишь противники, чтобы вызвать великую классовую битву, въ которой пораженіе пролетаріата несомнѣнно, «такъ что — говоритъ воззваніе фракціи-правленія — наша могучая избирательная побѣда превратилась бы въ тріумфъ буржуазіи.» «Нѣмецкая соціалдемократія не нуждается — гордо заявлялось дальше — въ томъ, чтобы производить смотръ послѣ великаго похода и побѣды 20 февраля.» Впрочемъ, фракція позволяла рабочимъ не работать 1-го мая «*тамъ, гдѣ это не можетъ вызвать конфликтовъ*».

Однимъ словомъ «осторожность, осторожность, господа!» «Мы одержали такую блестящую побѣду, мы разбили на голову Бисмарка и буржуазію со всѣми ихъ исключительными законами, и съ нашей стороны было бы безумiемъ желать еще безъ разрѣшенія буржуазіи отпраздновать первое мая.»

«Избѣгайте конфликтовъ, держитесь законной почвы, не давайте буржуазіи *повода* нападать на васъ, и все остальное приложится» — таковъ основной принципъ тактики соціалдемократическихъ вожаковъ.

Но неужели, разъ буржуазія хочетъ и можетъ напасть на своего врага-пролетаріатъ, то ее остановитъ отсутствіе «повода». Поводъ для наступленія всегда и всюду очень легко сочинить.

Но какъ бы то ни было, призывъ къ осторожности со стороны депутатовъ былъ хорошей струей холодной воды въ разгорѣвшееся пламя пролетарскаго движенія. Въ рабочихъ рядахъ произошло замѣшательство; одни продолжали идти впередъ, другіе бросились назадъ; энтузіазмъ смѣнился недоумѣніемъ. Перваго мая большая часть нѣмецкихъ рабочихъ послѣдовало приказу фракціи и продолжала работать, но довольно значительное меньшинство рѣшило празд

новать, во что бы ни стало. Въ Гамбургѣ большая часть работъ была пріостановлена. Буржуазія, видя пролетаріатъ разрозненнымъ, видя, что большинство съ его вожаками во главѣ боится «конфликтовъ», тѣмъ сильнѣе набросилась на меньшинство, осмѣлившееся праздновать первое мая безъ ея разрѣшенія. Въ Гамбургѣ многимъ рабочимъ пришлось временно вступить въ ряды безработныхъ и вынести не мало лишеній за свой смѣлый шагъ. Впослѣдствіи Либкнехтъ и другіе депутаты любили указывать на репрессіи, которымъ подверглись гамбургскіе рабочіе, какъ на доказательство вреда праздничной забастовки, и называли смѣлость гамбургскихъ пролетаріевъ «глупостью».

Но представители гамбургскихъ рабочихъ смотрѣли на дѣло нѣсколько иначе.

«Я не могу» — говорилъ на партейтагѣ въ Галлѣ гамбургскій делегатъ Хильтеръ, — «не отнести всѣ тѣ репрессіи, которыя намъ пришлось вынести въ Гамбургѣ отъ фабрикантовъ на счетъ запоздалаго рѣшенія фракціи. Я знаю очень хорошо, что въ Парижѣ не было постановлено ввести общій порядокъ, но что родъ демонстраціи было предостановлено опредѣлить каждой странѣ. И вотъ гамбурцы рѣшили, такъ какъ фракція не взяла на себя иниціативу для нѣмецкихъ рабочихъ, провести первое мая, какъ праздникъ, по собственному почину. Наша демонстрація имѣла бы успѣхъ, если бы постановленіе фракціи не нанесло удара сзади. Этимъ воспользовались гамбургскіе работодатели, такъ какъ небольшая часть рабочихъ стала намъ оппонировать, и въ нашихъ рядахъ начался расколъ».

Каково было вліяніе постановленія фракціи на берлинское движеніе, показываютъ слова извѣстнаго берлинскаго соціалдемократа Цубейля на томъ же партейтагѣ въ Галлѣ.

«Рабочіе большинства берлинскихъ фабрикъ стояли за майскій праздникъ, и онъ вышелъ бы такъ грандіозенъ, онъ былъ бы такой демонстраціей, какой еще не переживалъ Берлинъ. Тутъ вдругъ появляется указъ фракціи. Тогда на фабрикахъ стали выступать противъ насъ, обвиняя, что мы обманули рабочихъ. Такимъ образомъ всему синдикальному движенію въ Берлинѣ этимъ постановленіемъ фракціи былъ нане-

сенъ такой ударъ, который мы будемъ чувствовать еще многіе годы.»

Во всякомъ случаѣ фракціи удалось затормозить движеніе въ пользу празднованія 1-го мая пріостановкою работы. На слѣдующій годъ партійное правленіе во избѣжаніе соблазна постановило, что первое мая слѣдуетъ праздновать въ первое майское воскресенье.

Правленіе германской соціалдемократіи охладило первомайское увлеченіе рабочихъ ни въ одной только Германіи. Указъ объ осторожности внесъ замѣшательство въ ряды пролетаріата и другихъ странъ, особенно Австріи, гдѣ соціалдемократическіе вожаки съ Адлеромъ во главѣ съ самаго начала были и остались горячими сторонниками празднованія перваго мая пріостановкою работъ. Къ счастью, вліяніе германскихъ депутатовъ на иностранныя соціалистическія партіи было не настолько велико, чтобы окончательно убить идею перваго мая. Во Франціи, Австріи, Сѣв. Америкѣ, Бельгіи, Испаніи многіе десятки тысячъ пролетаріевъ отпраздновали въ 1890 г. первое мая прекращеніемъ работъ и грандіозными демонстраціями; дѣло нигдѣ не обошлось, конечно, безъ конфликтовъ и жертвъ, но пролетаріи не отступили, и съ каждымъ годомъ число празднующихъ 1-ое мая прекращеніемъ работъ растетъ во всѣхъ концахъ свѣта. Праздникъ давно былъ бы отвоеванъ, если бы нѣмецкіе и англійскіе культурники не продолжали противодѣйствовать ему, не смотря на то, что послѣдующіе международные конгрессы, повинуясь требованію международнаго пролетаріата, принуждены были объявить первое мая ежегоднымъ праздникомъ международнаго пролетаріата и при томъ праздникомъ въ смыслѣ прекращенія работы.

«Международное празднованіе 1-го мая» — говоритъ резолюція Брюссельскаго конгресса 1891 г. — одновременно посвященно принципу восьми часовъ, регламентаціи труда и всемірному укрѣпленію пролетаріата въ его стремленіи утвердить миръ между народами.

Конгрессъ, чтобы сохранить за 1-мъ мая его истинный экономическій характеръ требованія восьмичасового рабочаго дня и укрѣпленія классовой борьбы:

Устанавляетъ единую демонстрацію для рабочихъ всѣхъ странъ.

Эта демонстрація назначается на 1-ое мая.

Рекомендуется прекращеніе работъ тамъ, гдѣ это исполнимо.»

«Соціалдемократія каждой страны — говоритъ постановленіе Цюрихскаго конгресса 1893 г. — обязана дѣлать все возможное для осуществленія прекращенія работъ и поощренія всякой попытки, сдѣланной въ этомъ направленіи различными мѣстными организаціями.

«Манифестація 1-го мая за восьмичасовой рабочій день должна въ то же время усилить въ каждой странѣ могучую волю рабочаго класса, укрѣпить надежду на приближеніе соціальнаго переворота и достиженіе интересы національнаго мира».

«Международный конгрессъ — говоритъ, наконецъ, резолюція парижскаго конгресса 1900 г. — по вопросу о манифестаціи 1-го мая, присоединяется къ постановленіямъ предыдущихъ международныхъ конгрессовъ; онъ полагаетъ, что манифестація 1-го мая есть наиболѣе цѣлесообразное демонстративное требованіе восьмичасоваго рабочаго дня; по его мнѣнію прекращеніе работъ — наиболѣе дѣйствительная форма *демонстраціи*.»

Противъ цюрихской резолюціи, составленной въ наиболѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, голосовали соціалдемократы Германіи, *Россіи**), Даніи и Болгаріи.

Самымъ горячимъ сторонникомъ полнаго прекращенія работъ 1-го мая на всѣхъ конгрессахъ выступилъ вождь австрійской соціалдемократіи Адлеръ.

«Агитаціонный характеръ Перваго мая, какъ истинно пролетарской и революціонной демонстраціи — говорилъ онъ на цюрихскомъ конгрессѣ—можетъ быть сохраненъ *только* прекращеніемъ работъ.»

«Мы австрійцы—совсѣмъ не мечтатели; для нѣкоторыхъ въ этой залѣ мы, быть можетъ, слишкомъ трезвенны. Если мы признали майскій праздникъ, такъ великолѣпное агитаціонное средство, то это вытекаетъ не изъ фантазіи, а изъ реальности. Голова, конечно, важная вещь, но чувство интернаціональной

*) Во главѣ русской делегаціи стоялъ Плехановъ.

солидарности, которое майскій праздникъ пробуждаетъ въ послѣднемъ пролетаріи, не понимающемъ еще нашихъ разсужденій, это чувство — тоже реальность.»

Значеніе майскаго праздника для этой самой важной и самой реальной изъ существующихъ реальностей, для чувства пролетарской солидарности, ярче всего видно на примѣрѣ Франціи.

Здѣсь тоже находились культурники (по сравненіи съ англійскими и нѣмецкими совершенно ничтожные), которые старались воспрепятствовать празднованію 1-го мая. Но, къ счастью, эти, такъ называемые, посибилисты имѣли значеніе лишь въ Парижѣ, гдѣ промышленный пролетаріатъ оттѣсняется менѣе революціоннымъ пролетаріатомъ торговымъ. Въ Парижѣ и въ первый и въ послѣдующіе годы майскій праздникъ проходилъ очень вяло, но за то во многихъ провинціальныхъ промышленныхъ центрахъ почти вся работа пріостанавливается, и майскій праздникъ является истиннымъ прообразомъ освобожденія пролетаріевъ отъ эксплуатаціи капиталистовъ.

Характерно, что въ 1890 году даже тѣ вожаки французскихъ соціалистовъ, которые приняли близко къ сердцу идею «Перваго мая», не надѣялись, чтобы празднество принесло сколько-нибудь широкіе размѣры и не думали, чтобы рабочіе гдѣ-нибудь рѣшились самовольно прекратить работу. Но «пролетаріатъ не поддается разсчету», какъ выразился Гортеръ по поводу первой всеобщей стачки въ Голландіи.

«Не проходило дня, чтобы не получались ободряющія вѣсти: идея манифестаціи все сильнѣе захватывала чувства рабочихъ, все глубже проникала въ массы пролетаріата и сдѣлалась центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго вертѣлись всѣ разговоры на фабрикахъ и мастерскихъ. Первое мая далеко превзошло всѣ надежды, которыя питали организаторы манифестаціи. *Города, въ которыхъ совершенно не разсчитывали на движеніе, какъ разъ поражали огромнымъ числомъ празднующихъ рабочихъ.* Товарищи въ Цеттѣ, напр., пользуются такимъ вліяніемъ, что могли добиться большинства въ городскомъ совѣтѣ, но они не осмѣлились рекомендовать всеобщей забастовки и удовольствовались подготовленіемъ вечернихъ собраній. Каково же было ихъ удивленіе и ихъ радость, когда перваго

мая не работали всѣ портовые рабочіе, и ихъ примѣръ, побудилъ бросить работу бондарей; къ полудню праздничная забастовка сдѣлалась въ Цеттѣ всеобщей.»

На сѣверѣ Франціи въ Рубэ рабочіе нашли, что одинъ день праздновать мало и не работали цѣлыхъ три дня. Во многихъ мѣстахъ праздникъ перваго мая слился съ обыкновенной стачкой: рабочіе забастовывая ради праздника, выставляли въ то-же время своимъ хозяевамъ различныя экономическія требованія.

Вообще «Первое Мая» въ 1890 г. прошло во Франціи такъ блестяще, что Лафаргъ считаетъ его одной изъ важнѣйшихъ датъ XIX столѣтія.

«Перваго Мая 1890 г. зардѣлась заря новаго времени». «Первое мая 1890 г. пробудило широкія массы пролетаріата».

Массы, казалось, заразили своимъ воодушевленіемъ и своею товарищескою солидарностью даже политическихъ представителей соціалистическихъ партій. Въ Парижѣ образовался для организаціи Перваго Мая «генеральный комитетъ» изъ представителей всѣхъ соціалистическихъ фракцій, но единодушіе продолжалось не долго. Вскорѣ «генеральный комитетъ» сдѣлался, по словамъ Лафарга, «очагомъ интригъ», который могъ только повредить пролетарскому празднику, и, если въ 1891 году первое мая прошло въ Парижѣ болѣе оживленно, чѣмъ въ 1890 г., то въ этомъ «генеральный комитетъ» во всякомъ случаѣ не виноватъ.

По настоящимъ образомъ отпраздновала первое мая 1891 опять-таки провинція. Работы пріостановились во многихъ промышленныхъ городахъ и мѣстечкахъ, до тѣхъ поръ очень мало затронутыхъ соціалистической пропагандой.

Буржуазія скрежетала зубами, а республиканское правительство распорядилось, чтобы полиція, жандармы и войска дѣйствовали безъ стѣсненій, не допуская ни сборищъ, ни манифестацій. Дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ городовъ: Марселѣ, Клиши, Ліонѣ, Сенъ-Кентенѣ, Шарвиллѣ, Бордо, Нантѣ и т. д. жандармы и войска атаковали и разгоняли манифестантовъ съ буржуазною жестокостью; но пережить страшную

*) Paul Lafargue. Der erste Mai in Frankreich. «Die Neue Zeit», 1890-91, № 36.

кровавую драму выпало на долю рабочихъ маленькаго промышленнаго города на сѣверѣ Франціи Фурми.

Въ Фурми рабочіе-соціалисты рѣшили не работать перваго мая и заранѣе заявили объ этомъ хозяевамъ. Хозяева организовали синдикатъ, отъ имени котораго объявили, что каждый рабочій, не явившійся въ мастерскую, будетъ совершенно уволенъ. Эта угроза повела къ тому, что къ соціалистамъ присоединились изъ чувства возмущенія и солидарности и всѣ рабочіе еще не не затронутые пропагандой: — въ результатѣ перваго мая всеобщая забастовка.

Мастерскія были пусты, за то улицы и площади были полны рабочими въ самомъ праздничномъ настроеніи. «Никогда — говоритъ Лафаргъ — не бывало болѣе мирной толпы». Тѣмъ не менѣе жандармы, отражая злобное настроеніе хозяевъ, нашли поводъ наброситься на толпу и произвести многочисленные аресты. Это было утромъ. Послѣ обѣда на площадь пришла съ пѣснями группа молодыхъ людей, женщинъ и дѣтей и стала требовать освобожденія арестованныхъ. Войска, занимавшія площадь, не предупреждая манифестантовъ, открыли по нимъ огонь. «Это было первое примѣненіе лебелевскихъ ружей и бездымнаго пороха». На мѣстѣ было убито 9 человѣкъ: 30-тилѣтній мужчина, два молодыхъ человѣка, два 12-тилѣтнихъ мальчика и четыре молодыхъ дѣвушки въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ. Одна изъ нихъ держала въ рукахъ зеленую вѣтвь только что распустившейся березы и упала, сраженная пулей, рядомъ съ своимъ женихомъ, тоже убитымъ на мѣстѣ».

Эта молодая невинная кровь пролилась не даромъ. Вѣсть о злодѣяніи облетѣла весь міръ, — и скоро не будетъ пролетарія, сердце котораго при упоминаніи о Фурми не затрепетало бы святой ненавистью къ этому проклятому строю наживы и убійства по приказу.

Похороны убитыхъ превратились въ траурную, но величавую манифестацію пролетаріевъ; тысячи работниковъ и работницъ, шедшія на кладбище, чувствовали, что хоронятъ своихъ братьевъ и сестеръ. Никогда цари и царицы самыхъ многочисленныхъ «домовъ» не оставляли послѣ себя столько близкихъ, столько родныхъ, какъ эта безвѣстная работница, упавшая на землю съ зеленою вѣткою мира въ рукахъ...

Убійства въ Фурми усилили возмущеніе французскихъ пролетаріевъ, которое, по обыкновенію, вылилось, главнымъ образомъ, въ массовыя стачки. Въ самомъ Фурми всеобщая стачка продолжалась цѣлую недѣлю. Но и независимо отъ Фурми 1-ое мая 1891 г. еще болѣе, чѣмъ 1-ое мая предыдущаго года, повело къ многочисленнымъ экономическимъ забастовкамъ. Это замѣчается и въ другихъ странахъ. Со времени установленія праздненства 1-го мая стачечное движеніе усиливается въ концѣ апрѣля и началѣ мая. Первое мая не только вызываетъ стачки, но какъ бы стягиваетъ, концентрируетъ ихъ около себя.

«Интернаціонализмъ — говоритъ Лафаргъ — придаетъ майской демонстраціи своеобразный, почти мистическій характеръ. Трогательно, когда рабочіе, никогда не выходившіе за предѣлы своихъ промышленныхъ мѣстечекъ и живущіе вдали отъ всякой агитаціи, оживленно распрашиваютъ, какъ обстоитъ дѣло съ майскимъ праздникомъ въ другихъ странахъ, названіе которыхъ они еле знаютъ и географическое положеніе которыхъ имъ навѣрное совершенно неизвѣстно. Они надѣются на 1-ое мая, какъ на день освобожденія, ибо они говорятъ себѣ, что борьба товарищей въ другихъ мѣстахъ должна содѣйствовать улучшенію ихъ собственной судьбы — какимъ образомъ — они этого хорошенько не знаютъ. Самые покорные становятся въ этотъ день смѣлыми и пользуются случаемъ, чтобы потребовать у хозяевъ улучшенія условій труда и начинаютъ стачку, не зная, какъ они ее проведутъ и выдержатъ. Въ ихъ глазахъ 1-ое мая обладаетъ какой то таинственной силой, которая должна помочь имъ одержать побѣду».

Эти замѣчательныя слова примѣнимы и къ пролетаріату въ Россіи, гдѣ первое мая имѣетъ не менѣе важное революціонное значеніе, чѣмъ за границей. «Маевка» пришлась по сердцу рабочимъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію. Она ознаменовалась цѣлымъ рядомъ величавыхъ демонстрацій: въ Харьковѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ, Варшавѣ, Ростовѣ на Дону и т. д. 1-ое мая у насъ точно также вызываетъ и стягиваетъ къ себѣ стачки; особенно сильно вліяніе 1-ое мая сказывается на стачечное движеніе въ Западномъ Краѣ. Такъ еще въ 1891 г. «*почти* *вездѣ*»

(въ царствѣ Польскомъ) «*празднованіе 1-го мая*» — по словамъ Плохоцкаго — «*изъ манифестаціи превращается въ стачку*».

И въ прибалтійскомъ краѣ уже описанная выше Либавская стачка-манифестація 1899 года произошла отчасти подъ вліяніемъ первомайской агитаціи.

Въ Петербургѣ въ связи съ «первымъ маемъ» стояли стачки въ 1901 г.; въ Харьковѣ въ 1899 г. и т. д. Рабочіе въ Россіи доказали уже, какъ мало понимали силу пролетаріата тѣ «соціалдемократы», которые заявляли въ 1898 г., что «разумѣется, у насъ нельзя устраивать демонстрацій», «нельзя устраивать у насъ и открытыхъ собраній».

Самодержавная реакція у насъ теперь сильнѣе чѣмъ когда нибудь, а рабочій пролетаріатъ устраиваетъ «демонстраціи», «открытыя собранія» и «всеобщія стачки».

И чѣмъ дальше, тѣмъ внушительнѣе будутъ становиться майскія демонстраціи и майскія стачки. Правда, майскому празднику у насъ, несомнѣнно, мѣшаетъ разница стилей. Чтобы праздновать въ одинъ день съ западно-европейскимъ и американскимъ пролетаріатомъ, намъ приходится придерживаться новаго стиля, но народная масса живетъ по старому стилю, и майскій праздникъ, организуемый 18-го апрѣля, не совпадаетъ въ народномъ сознаніи съ днемъ весенняго возрожденія. Съѣзду «россійской соціалдемократіи», если бы на немъ были, дѣйствительно, представители россійскаго пролетаріата, надо бы было серьезно выяснить стараго или новаго стиля слѣдуетъ придерживаться русскимъ рабочимъ при празднованіи 1-го мая и, выяснивъ это, принять соотвѣтствующую резолюцію. Но невиданный съѣздъ, въ теченіе $1^1/_2$ мѣсяцевъ засѣдавшій гдѣ-то за-границей, очень внимательно отнесся къ либераламъ и фабричнымъ дворникамъ, а о «первомъ маѣ» и «всеобщихъ стачкахъ», которыя какъ разъ въ то время бушевали на югѣ Россіи, попросту забылъ. И, дѣйствительно, что толку для господъ дипломатовъ въ такихъ чисто пролетарскихъ движеніяхъ, какъ «Первое Мая» и «всеобщія стачки»? Здѣсь нельзя устроить никакой выгодной комбинаціи съ двумя «тройками», нельзя сохранить равновѣсіе и почетное положеніе, балансируя

между «Чемберленомъ» и «скандальной женой», здѣсь не можетъ торжествовать своеобразная моральная діалектика, превращающая ложь въ истину и наоборотъ, здѣсь въ этихъ массовыхъ движеніяхъ слишкомъ много простора, много свѣта, котораго не выносятъ свѣтобоязливые искристы. И чѣмъ дальше будутъ отъ пролетаріата ихъ «очаги интригъ», тѣмъ лучше. Но мы увѣрены, что между «искристами» есть много самоотверженныхъ, революціонныхъ натуръ, которымъ станетъ, наконецъ, невыносима эта атмосфера дипломатіи, интригъ, взаимнаго выслѣживанья и подсиживанья; они оттолкнутъ отъ себя и «твердыхъ» и «мягкихъ», отряхнутъ прахъ съ ногъ своихъ и пойдутъ «въ народъ», пойдутъ на фабрики, заводы, въ деревни, чтобы по-простуразсказать русскимъ пролетаріямъ, какъ страдаетъ и борется рабочій народъ въ другихъ странахъ. Пусть эти искренніе соціалдемократы изучатъ міровое рабочее движеніе, пусть вникнутъ въ его сущность, такую простую и ясную, и пусть ихъ умъ и чувство послужатъ проводникомъ революціонной пролетарской энергіи между пролетаріатомъ русскимъ и заграничнымъ: этой энергіи повсюду много, но, чтобы она разрядилась побѣдоноснымъ взрывомъ, для этого необходимы знающіе и чувствующіе революціонные проводники.

II.

Стачка солдатъ.

Въ одномъ изъ номеровъ «Револ. Россіи» помѣщена очень характерная сценка «съ натуры».

Разскащица ѣдетъ въ вагонѣ жел. дор. гдѣ-то на югѣ Россіи вскорѣ послѣ южныхъ всеобщихъ стачекъ и присутствуетъ при бесѣдѣ на эту животрепещущую тему между нѣсколькими пассажирами: мелкопомѣстной помѣщицей, учительницей, жандармомъ, рабочимъ-кочегаромъ и военнымъ писаремъ. Учительница пережила одесскія событія и была, видимо, однимъ изъ мыслящихъ и чувствующихъ проводниковъ революціонной энергіи.

— Скажите откровенно — обратилась она къ жандарму — что вы чувствуете, когда вамъ велятъ стрѣлять въ беззащитную толпу? Вѣдь у васъ одинъ богъ, одни обычаи, вѣдь, можетъ быть, на той сторонѣ есть ваши родные; вѣдь вы знаете, что люди требуютъ только справедливости, что, если вы бросите службу, вы будете въ такомъ же положеніи, какъ и они. Вѣдь вы видите, что рабочіе никого не грабятъ, а вы поднимаете на нихъ руки. Вѣдь васъ должны потомъ вѣчно преслѣдовать эти блѣдныя, измученныя лица...

Взоры всѣхъ обратились на жандарма, и даже его маленькій сынишка выпучилъ на него глазенки. Моментъ на лицѣ жандарма было смущеніе, но онъ скоро оправился.

— Нѣтъ, барышня, *солдатъ не имѣетъ права разсуждать*, отвѣтилъ онъ, стараясь говорить твердо: *солдатъ ничего не чувствуетъ, ему внушаютъ*, что внутренній врагъ опаснѣе непріятеля и т. д.

Вскорѣ жандармъ вышелъ изъ вагона, и разговоръ сдѣлался еще оживленнѣе.

— Проклятая эта военная служба — заговорила мелкопомѣстная помѣщица — вотъ у меня сынъ офицеръ, а что хорошаго? Ничего, одно глупство; сегодня какой то чортъ умеръ, собираютъ на вѣнокъ, завтра какой то дуракъ переводится — собираютъ на обѣдъ. и такъ безъ конца, а жалованья 80 рублей. Если бы не получалъ изъ дому, то и дать было бы не изъ чего...

Лучше быть простымъ сторожемъ, да быть самому по себѣ...

Тутъ въ разговоръ вмѣшался военный писарь.

— Какъ же быть? Вѣдь если стукнуло 21 лѣтъ, то долженъ идти на службу, а служба то солдата въ сто разъ хуже: Вотъ рабочіе устраиваютъ стачки, добиваясь улучшенія своего положенія, а развѣ солдаты въ лучшемъ положеніи? Служба тяжелая, получаетъ гроши и одѣвается большею частью на свой счетъ, потому что казенныя вещи выдаютъ такія, что и одѣть-то нельзя. Кормятъ, скажемъ, хорошо, но разъ въ день. А всякій знаетъ, что значитъ солдатскій чай. Значитъ, надо утромъ и вечеромъ что-нибудь купить, а на какія деньги? Если дома въ деревнѣ есть родные, то, слова нѣтъ, помогаютъ; но вѣдь извѣстно, что стоитъ деревнѣ-

то послать... А кончитъ службу, что дѣлать солдату? Хорошо если дома земля есть, а если вотъ я мѣщанинъ, что такимъ дѣлать? Иди опять на ту же фабрику, заводъ и въ чернорабочіе. Вотъ давече я былъ свидѣтелемъ всеобщей забастовки въ Одессѣ. *По истинѣ это была трогательная картина,* какъ эти рабочіе ходили, другъ дружку забирали и говорили: «не будемъ работать, пока не увеличатъ платы, не уменьшатъ рабочихъ часовъ...» «Вотъ вы, барышня,— обратился онъ къ учительницѣ—спрашивали, что чувствуетъ солдатъ, когда ему командуютъ стрѣлять? А я вотъ подлинно знаю, что когда былъ Харьковскій и Полтавскій крестьянскій бунтъ, то солдаты не послушались команды и ихъ даже не судили, а раскассировали по другимъ полкамъ, боясь, что, если это обнаружится, то могутъ только заразить другія войска... *Да и солдатъ чувствуетъ* и ему не весело живется... Сидѣли мы какъ-то въ канцеляріи—продолжалъ солдатикъ, *улыбаясь* — офицеръ мой и я. Я и говорю ему: *а что, ваше благородіе, было бы, если бы вдругъ все войско забастовало? — Что ты, что ты говоришь, да ты соціалистъ, что-ли?—Да я, ваше благородіе, вѣдь, правду говорю!* Вѣдь подумайте сами, чѣмъ же солдату лучше рабочаго?...»

Эта случайная бесѣда въ вагонѣ третьяго класса, записанная, повидимому, стенографически вѣрно, является однимъ изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ великаго броженія, которое подъ вліяніемъ рабочаго движенія происходитъ въ рядахъ арміи.

Жандармъ классически опредѣляетъ, въ чемъ заключается сила и надежность современной арміи для буржуазнаго порядка: солдатъ самъ ничего не чувствуетъ и не думаетъ, ему по командѣ внушаютъ мысли и чувства.

Военный же писарь на основаніи не внушеннаго, а пережитого показываетъ, что основы надежности арміи для самодержавной буржуазіи шатаются: солдатъ начинаетъ самъ чувствовать, а затѣмъ и думать; его *трогаютъ* проявленія рабочей солидарности во время всеобщихъ стачекъ, онъ начинаетъ понимать, что ему живется еще хуже рабочаго, въ немъ зарождается мысль о собственномъ освобожденіи путемъ, сходнымъ съ тѣмъ, которымъ борются рабочіе, путемъ всеобщей

военной стачки. Противъ *внушенія* со стороны начальства подымается *пробужденіе* чувствъ и мыслей подъ вліяніемъ массовыхъ рабочихъ стачекъ, тѣмъ болѣе, что войска все болѣе и болѣе пополняются пролетаріями, пережившими стачечную борьбу до поступленія на службу.

Пробужденіе сознанія солдатъ проявляется уже и въ фактахъ. Въ Голландіи осенью 1903 года вскорѣ послѣ двухъ рабочихъ всеобщихъ стачекъ забастовалъ цѣлый полкъ, недовольный обращеніемъ командира, пищею и т. д.: всѣ солдаты одновременно отказались исполнять приказанія начальства и, выйдя изъ казармъ, разошлись по домамъ. Солдатскія «забастовки» происходили въ томъ же году и въ Венгріи, когда солдатъ задержали на службѣ послѣ отбытія установленнаго срока, такъ какъ новый наборъ невозможно было произвести вслѣдствіе парламентской обструкціи противъ новаго военнаго закона. Во Франціи, въ Версалѣ отрядъ саперовъ въ февралѣ 1901 года отказался работать, протестуя противъ недостаточной и плохой пищи. Въ Россіи во время кавказской всеобщей стачки 1903 г. одинъ батальонъ самовольно легъ на землю, отказавшись идти форсированнымъ маршемъ. Въ Митавѣ солдаты, работающіе въ полковой сапожной мастерской, забастовали, требуя увеличенія вознагражденія.

Все это лишь примѣры, случайно попавшіе въ печать и отмѣченные нами за послѣдніе мѣсяцы; они, конечно, далеко не исчерпываютъ случаевъ небольшихъ «стачекъ солдатъ», происходящихъ постоянно во всѣхъ странахъ свѣта.

Наряду съ этими массовыми протестами противъ худого обращенія, худой пищи и т. д. все учащаются отказы стрѣлять въ стачечниковъ, а самовольная стрѣльба въ воздухъ, а не въ людей становится *обычнымъ явленіемъ*.

За послѣдніе годы во Франціи солдаты отказывались стрѣлять въ стачечниковъ или нападать на нихъ во время стачекъ въ Шалонѣ-на-Марнѣ, Дюнкирхенѣ, Монсо, Крезо и т. д.

При каждой сколько-нибудь значительной стачкѣ французское правительство заполняетъ мѣстность войсками, но разсчитывать на нихъ въ случаѣ серьезнаго столкновенія съ рабочими становится все рискованнѣе.

Нѣкоторые полки, навѣрное, очень легко позволили бы себя обезоружить. Въ этомъ отношеніи очень характерный случай произошелъ въ 1903 г. въ Реймсѣ во время обученія солдатъ 132 линейнаго полка, какъ надо сражаться съ *безоружнымъ* врагомъ, другими словами усмирять стачечниковъ. Шла генеральная репетиція. Вооруженный отрядъ долженъ былъ отбить атаку безоруженной толпы, которую изображали солдаты того же полка. Толпа медленно съ пѣснями приближалась къ вооруженному отряду. Отрядъ отвѣчаетъ на пѣсни ружейнымъ залпомъ (холостымъ, разумѣется); но толпа не только не отступаетъ, но окружаетъ солдатъ и безъ затрудненій обезоруживаетъ ихъ. Солдаты отдаютъ ружья такъ дружески, что офицеръ, руководящій этимъ характернымъ для демократической республики упражненіемъ, недовольно воскликнулъ по адресу побѣжденнаго отряда:

«Хороши вы солдаты, нечего сказать! Что же, если бы васъ послали противъ стачечниковъ, вы точно также позволили бы себя обезоружить?!»

По свидѣтельству корреспондентовъ свободной печати именно такъ позволяли себя обезоруживать нѣкоторые солдаты во время южныхъ всеобщихъ стачекъ въ Россіи. Это, конечно, были исключительные случаи, но съ другой стороны тоже несомнѣнно исключительными были случаи, когда солдаты при залпахъ старались попасть въ стачечниковъ. Долго армія была опорою буржуазнаго порядка насилія и эксплоатаціи, но теперь она постепенно становится для него огромной опасностью. Замѣчательно, что эту опасность еще въ 1792 году предвидѣлъ одинъ французскій писатель, графъ Баррюель-Боверъ, который, кстати сказать, едва ли не первый употребилъ названіе пролетарій для неимущихъ новаго времени въ противоположность собственникамъ. Въ своей брошюрѣ «Cri de l'honneur et de la vérité» (Крикъ чести и истины), посвященной «собственникамъ» (aux propriétaires), Баррюель-Боверъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Очень плохо, что даютъ названіе гражданъ этимъ людямъ, которымъ нечего терять, и которые предрасположены ко всѣмъ преступленіямъ. Истинные граждане—тѣ, у которыхъ есть собственность; другіе лишь *пролетаріи* или производители дѣтей *и ихъ не*

слѣдовало бы, какъ въ Англіи, *никогда вооружать* или допускать къ голосованію... *Собственники*, кто бы вы ни были въ другихъ отношеніяхъ, остерегайтесь поддерживать ложное ученіе: люди, которые ничего не имѣютъ, вамъ не подобны» *).

Собственники не могли послѣдовать этому совѣту. Во взаимной борьбѣ, въ погонѣ за прибылью, въ которой крупные предприниматели давили мелкихъ, болѣе «культурная» буржуазія отбивала у менѣе культурной народныя массы для эксплоатаціи и международные рынки для сбыта, собственники разныхъ государствъ должны были вооружить пролетаріатъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и допустить его къ голосованію.

Въ 50-хъ годахъ другой французскій писатель экономистъ Шевалье уже съ ужасомъ писалъ, что «буржуазія сохраняетъ свое господство, только противоставляя массамъ силу самихъ массъ: положеніе критическое, бросающее въ дрожь, и его невозможно продлить, такъ какъ штыки начинаютъ пріобрѣтать разумъ».

Конечно, противъ этого разума были приняты съ самаго начала соотвѣтствующія мѣры, изъ которыхъ самой дѣйствительной до сихъ поръ остается отупляющая военная дисциплина; она, между прочимъ, успѣшно противодѣйствуетъ развитію между солдатами чувства солидарности, и всеобщая стачка солдатъ, ихъ массовое возстаніе противъ воинской повинности, въ которую входитъ и повинность убивать даже своихъ близкихъ родныхъ, была бы несбыточной мечтой, *если бы въ казарму не вторгалось вліяніе фабрики*, если бы съ развитіемъ стачечнаго движенія не усиливалось сближеніе между солдатами и бастующими рабочими. Всеобщая стачка рабочихъ развивается самостоятельно изъ стачекъ мелкихъ, частичныхъ, всеобщая стачка солдатъ можетъ вспыхнуть лишь, какъ слѣдствіе воспитанія солдатъ въ чувствѣ пролетарской солидарности и ненависти къ существующему строю стачками рабочими. Мелкія стачки солдатъ, примѣры которыхъ мы приводили имѣютъ значеніе, какъ показатели происходящаго въ арміи броженія, но онѣ не могутъ сдѣлаться явленіемъ обычнымъ, не могутъ стать столь

*) Jean Jaurès. «Histoire Socialiste», vol. II.

частыми, продолжительными, упорными, чтобы самостоятельно воспитать въ солдатахъ чувство солидарности и массового протеста, необходимаго для всеобщей стачки.

Надо имѣть въ виду, что между стачкой солдатъ и стачкой рабочихъ имѣется существенное различіе; это — явленія не столько однородныя, сколько аналогичныя.

Рабочій связанъ съ отдѣльнымъ предпринимателемъ *«свободнымъ договоромъ»*; солдатъ связанъ со своимъ государствомъ *повинностью*.

Дѣлая пролетарія производителемъ, буржуазія оставила ему формальную свободу, чтобы развить между рабочими свободную конкурренцію въ предложеніи своей рабочей силы, чтобы самой имѣть формальную и фактическую свободу выбрасывать на улицу, выбрасывать на голодную смерть производителей, дѣлающихся излишними при введеніи нашихъ машинъ, при усиленіи примѣненія дѣтскаго труда и т. д.

Дѣлая пролетарія орудіемъ охраны и усиленія существующаго порядка, необходимаго для всей буржуазіи, она связала его повинностью съ государствомъ, съ правительственной властью, представляющей общіе интересы собственниковъ-эксплуататоровъ. Повинность исключаетъ всякую не только фактическую, но и формальную свободу. Пролетарій-солдатъ, чтобы выполнять свое назначеніе, охранять своихъ враговъ противъ своихъ товарищей и братьевъ, необходимо долженъ былъ быть лишенъ самой минимальной доли свободно распоряжаться собой, его необходимо было отучить не только свободно дѣйствовать, но и свободно чувствовать и мыслить.

Свобода труда, какъ ни какъ, а включала въ себѣ свободу при извѣстныхъ условіяхъ отказываться отъ продолженія работы; а на свободѣ труда покоится ростъ прибавной цѣнности, ростъ капитала, поэтому буржуазія должна была, скрѣпя сердце, мириться съ неизбѣжностью стачекъ и даже «легализировать» ихъ.

Другое дѣло — воинская повинность. Она направлена не на производство цѣнностей, а на охрану присвоенія ихъ классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Эта охрана требуетъ безпрекословнаго повиновенія и несовмѣстима ни съ какой

свободой. Для производства цѣнностей буржуазія создала *фабрику*, работа на которой организуетъ пролетаріатъ для борьбы противъ капиталистическаго порядка; для охраны этого порядка буржуазія создала *казарму*, насыщенную обманомъ, развратомъ, устрашеніемъ, глупостью, жестокостью; въ этой атмосферѣ долженъ въ самомъ зародышѣ погибнуть всякій вольный порывъ. Но въ борьбѣ съ рабочими стачками буржуазіи все чаще приходится выводить солдата изъ казармы и вводить его въ революціонную атмосферу фабрики. Такимъ образомъ фабрика революціонизируетъ казарму и, революціонизируя, уничтожаетъ ее.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что требованіе солдатъ въ мѣстностяхъ, захваченныхъ стачечнымъ движеніемъ, ослабляетъ дисциплину и способствуетъ пробужденію въ солдатахъ способности мыслить и чувствовать. Но этого мало. Буржуазіи все чаще и чаще приходится соединять въ солдатѣ охранителя порядка съ производителемъ цѣнностей; все чаще и чаще буржуазія пользуется солдатами для производства работъ, пріостановленныхъ стачками, она начинаетъ даже образовывать военные батальоны для наиболѣе важныхъ отраслей труда, въ особенности для желѣзнодорожнаго транспорта, пріостановка котораго такъ опасна существующему строю. Скоро буржуазіи придется убѣдиться, что она въ данномъ случаѣ изъ огня попадаетъ въ «полымя». Зараза всеобщей стачки неминуемо захватитъ и солдатъ-производителей, и ихъ стачка, возникающая на почвѣ повинности государству, будетъ по необходимости исключительно революціонной.

Наконецъ, проникновенію революціонно-фабричной атмосферы въ казарму способствуетъ постоянное уменьшеніе «дѣйствительной» службы, неизбѣжное при безостановочномъ развитіи военной техники, и усиленіи значенія «резерва» и «ополченія». На «дѣйствительной службѣ», не говоря уже объ ополченіи и резервѣ, съ каждымъ годомъ увеличивается число пролетаріевъ, сознаніе которыхъ на столько разбужено, что его уже не въ силахъ заглушить казарменная дисциплина, тѣмъ болѣе, что впереди передъ нимъ снова стоитъ фабрика съ ея рабочей средой. Протестъ противъ воинской повинности начинается иногда уже на порогѣ казармы:

отказы отдѣльныхъ лицъ отбывать воинскую повинность въ настоящее время становятся довольно частыми во всѣхъ странахъ съ обязательной службой; встрѣчаются уже первые признаки и стачки рекрутовъ; такъ, напр., въ Сентъ-Этьенѣ (во Франціи) во время призыва 1901 г. болѣе 40 человѣкъ отказались тянуть жребій. По ихъ словамъ, они не хотѣли «безчестить себя, изучая ремесло убійцы» *).

Въ Финляндіи, какъ извѣстно, въ теченіе 2-хъ, 3-хъ лѣтъ, фактически не было «призыва» вслѣдствіе почти всеобщей стачки юношей, подлежащихъ ему. Здѣсь, правда, стачка вызвана была протестомъ не противъ воинской повинности, а противъ спеціальнаго военнаго закона, но она показываетъ, какимъ сильнымъ оружіемъ въ рукахъ пролетаріата можетъ быть подобная забастовка.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что всеобщая стачка солдатъ отнюдь не является утопіей, что къ ней ведетъ само общественное развитіе съ его классовой борьбой, что есть всѣ основанія надѣяться, что въ моментъ пролетарской революціи всеобщую стачку рабочихъ дополнитъ всеобщая или массовая стачка солдатъ.

Обѣ эти стачки тѣсно связаны между собой, но онѣ, какъ мы уже указали, не однородны, и въ революціи онѣ будутъ играть разныя роли.

Всеобщая стачка рабочихъ, внося замѣшательство въ производство и обращеніе, дезорганизуетъ государство, но въ то же время увеличиваетъ и расширяетъ рабочую организацію, постепенно созданную совмѣстнымъ трудомъ и совмѣстной борьбой; всеобщая стачка солдатъ дезоганизуетъ государство, дезорганизуя солдатскую организацію; она является *массовымъ дезертирствомъ* не для того, чтобы создать новую военную организацію, а чтобы *уничтожить* и ту, и другую, какъ несовмѣстимую съ пролетарскою свободою и пролетарскимъ порядкомъ. Во всеобщей стачкѣ рабочіе дезорганизуютъ буржуазію, но себя организуютъ; солдаты же, уже уничтожая военную дисци-

*) См. Лагардель. «Пролетаріатъ и армія.» («Жизнь», 1902 г., № 1.) Въ этой статьѣ указаны между прочимъ способы антимилитаристической пропаганды во Франціи и Бельгіи.

плину, дезорганизуютъ, такъ сказать, самихъ себя, чтобы усилить организацію пролетаріата, противъ которой была создана ихъ собственная организація.

Во всеобщей стачкѣ солдатъ и всеобщей стачкѣ рабочихъ, какъ взятыхъ вмѣстѣ, такъ и отдѣльно, нѣкоторые представители интересовъ пролетаріата, видятъ могучее средство *противодѣйствія войнамъ*, которыя всегда являются зломъ для пролетаріата.

Мы уже помянули, что брюссельскій конгрессъ «Интернаціонала» въ 1868 г. принялъ резолюцію, рекомендовавшую рабочимъ «въ случаѣ войны пріостановить всякую работу» и такимъ образомъ, «объявить войну войнѣ». Черезъ 23 года тоже въ Брюсселѣ подобную же резолюцію международному соціалистическому конгрессу предложилъ голландскій делегатъ Домела Ньювенхуисъ.

«Принимая во вниманіе — гласила резолюція Домелы Ньювенхуиса — что національныя раздоры никогда не лежатъ въ интересѣ пролетаріата, но въ интересѣ его угнетателей; принимая во вниманіе, что всѣ современные войны, вызываются исключительно классомъ капиталистовъ въ своемъ интересѣ, что они въ его рукахъ средство отвлечь революціонное движеніе и утвердить господство буржуазіи, укрѣпивъ самую постыднѣйшую эксплуатацію; принимая во вниманіе, что ни одно правительство не можетъ оправдываться тѣмъ, что оно было провоцировано, такъ какъ война—результатъ международной воли капитала; международный конгрессъ въ Брюсселѣ постановляетъ, что соціалисты всѣхъ странъ на объявленіе войны отвѣтятъ народнымъ воззваніемъ къ всеобщей забастовкѣ».

Въ пояснительной рѣчи Домела дополнилъ свою резолюцію указаніемъ на обязанность сознательнаго пролетаріата отказываться идти на войну, т. е. присоединить къ всеобщей стачкѣ рабочихъ стачку солдатъ. Онъ понималъ, что всеобщая стачка рабочихъ и солдатъ является революціей, но, по его мнѣнію, объявленіе правительствами войны,—лучшій моментъ для пролетарской революціи. Въ предстоящей европейской войнѣ, по словамъ Домелы, правительства постараются поставить соціалистовъ въ первые ряды,

чтобы они другъ друга перестрѣляли, и соціалисты обязаны отказаться стрѣлять, что бы имъ не угрожало. «Войнѣ между націями мы должны предпочесть гражданскую войну пролетаріата съ буржуазіей».

Отвѣчая на заявленіе нѣмецкихъ соціалдемократовъ, въ которомъ они торжественно обѣщали идти, и младъ и старъ, на поле битвы для защиты отечества въ случаѣ справедливой *оборонительной* войны, Домела совершенно вѣрно замѣтилъ: «Къ различенію оборонительныхъ и наступательныхъ войнъ ведетъ шовинизмъ. Я не признаю этого различія. Извѣстно, что дипломаты умѣютъ всякую войну, смотря по надобности, выставлять то оборонительной, то наступательной».

Въ доказательство возможности успѣшнаго массового отказа отъ воинской повинности Домела сослался, между прочимъ на голландскую секту Пельцбекеровъ, которую даже Наполеонъ I не могъ заставить отбывать воинскую повинность.

Въ «комиссіи» резолюція Домелы Ньювенхуиса была отвергнута почти всѣми голосами и принята резолюція Либкнехта, гласящая, что войны исчезнутъ лишь съ торжествомъ соціализма и «что отвѣтственность за предстоящую міровую войну передъ исторіей и человѣчествомъ падаетъ исключительно на господствующіе классы».

Въ пользу резолюціи Либкнехта и противъ резолюціи Домелы Ньювенхуиса высказался, между прочимъ, извѣстный французскій соціалистъ Вальянъ. Послѣ словесной дуэли между Либкнехтомъ и Домелой Ньювенхуисомъ нѣмецкая резолюція была принята огромнымъ большинствомъ голосовъ. За голландскую голосовали, кромѣ голландцевъ, большинство французовъ и англичанъ.

Либкнехтъ въ своей заключительной рѣчи въ сильныхъ выраженіяхъ, но безъ серьезныхъ доводовъ, «отдѣлалъ», какъ всеобщую стачку рабочихъ, такъ и всеобщую стачку солдатъ; не пощадилъ онъ и личность Ньювенхуиса, осмѣлившагося заподозрить нѣмецкихъ соціалдемократовъ въ шовинизмѣ.

Домела Ньювенхуисъ былъ «осмѣянъ», но онъ зналъ, что «идеи меньшинства всегда сначала кажутся смѣшными».

На Цюрихскомъ международномъ конгрессѣ въ 1893 г. Домела снова выступилъ съ резолюціей болѣе краткой, но и болѣе опредѣленной, чѣмъ предложенная имъ въ Брюсселѣ.

«Конгрессъ постановляетъ пригласить международную рабочую партію быть готовой къ тому, чтобы на объявленіе войны правительствомъ отвѣтить всеобщей пріостановкой работы повсюду, гдѣ рабочіе могутъ оказать вліяніе на войну и въ соотвѣтствующихъ странахъ отвѣтить на объявленіе войны отказомъ исполнять воинскую повинность.»

Въ комиссіи голландская резолюція была отвергнута, и принята резолюція нѣмецкая, которая являлась простымъ подтвержденіемъ соотвѣтствующаго постановленія конгресса въ Брюсселѣ. Докладчикомъ комиссіи былъ Плехановъ, который на Цюрихскомъ конгрессѣ единолично представлялъ всю пролетарскую Россію. «Россія» такъ распиналась за Германію, что Домела Ньювенхуисъ по его словамъ одно время думалъ, что не послалъ ли русскій пролетаріатъ своимъ делегатомъ на конгрессъ не Плеханова изъ Женевы, а Бисмарка изъ Берлина. «Военная стачка, по словамъ Плеханова, достигала бы какъ разъ противоположнаго тому, что предполагалось ей достигнуть. Она прежде всего разоружила бы культурные народы и отдала бы западную Европу русскимъ казакамъ. Русскій деспотизмъ смылъ бы всю нашу культуру, и вмѣсто свободы пролетаріата, для которой военная стачка должна была бы быть блестящимъ знаменіемъ, воцарился бы русскій кнутъ. Такимъ образомъ якобы революціонное предложеніе Голландіи превращается въ реакціонную противоположность».

Въ своемъ заключительномъ словѣ Плехановъ пошелъ еще дальше.

«Если бы прошла голландская резолюція — говорилъ онъ—то этимъ оказана была бы поддержка лишь царю, человѣку, который угнетаетъ свободу, моритъ съ голоду народъ, человѣку, который долженъ пасть вмѣстѣ со всей своей системой, если русскій народъ, если свобода хочетъ побѣды. *Если бы нѣмецкая армія перешла нашу границу, она пришла бы какъ освободительница*, подобно тому, какъ французы національнаго конвента сто лѣтъ тому назадъ явились въ Германію,

чтобы, какъ побѣдители государей, принести народу свободу».

Спасибо за такихъ освободителей! Мы знаемъ «культурный» уровень нѣмецкаго офицера, мы знаемъ, что самая невѣроятная пытка, самое наглое издѣвательство надъ человѣческою личностью—явленіе *обычное* въ нѣмецкой казармѣ, мы знаемъ, какіе выродки, потерявшіе всякое моральное чувство, командуютъ въ рядахъ нѣмецкой арміи, которую Плехановъ призываетъ въ русскіе предѣлы для освобожденія русскаго народа. Мы не можемъ, конечно, восхищаться и русскою арміей, но все же мы думаемъ, что русское офицерство человѣчнѣе прусскаго. Изъ русскаго офицерства вышли декабристы, Бакунинъ, Лавровъ, Кропоткинъ, Толстой, Сухановъ и много другихъ выдающихся и самоотверженныхъ гражданъ. Врядъ-ли можно указать столько же выдающихся лицъ, вышедшихъ изъ нѣмецкаго офицерства!

Тамъ больше знамениты Аренберги и Брюзевицы, прославившіеся безсмысленными и жестокими преступленіями.

Что касается «культуры», то Россіи трудно, конечно, смыть позорно-ужасное пятно Кишинева, но для нѣмецкой культурности характерна хотя бы слѣдующая сценка, помѣщенная на одной изъ послѣднихъ страницъ «Vorwärts'a».

Во время послѣднихъ полицейскихъ преслѣдованій и высылокъ русскихъ студентовъ и студентокъ изъ Пруссіи, антисемиты собрали въ Берлинѣ народное собраніе, на которомъ *депутатъ рейхстага* Бёклеръ произнесъ рѣчь противъ евреевъ на тему «Зильберфарбъ Мандельштамъ». Послѣ этой рѣчи предсѣдатель собранія и одинъ нѣмецкій «рабочій» выразили надежду, что Германія скоро переживетъ свой Кишиневъ. Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей нѣмецкіе граждане рѣшили немедленно начать репетицію «Кишинева».

На собраніи присутствовало нѣсколько русскихъ студентовъ и студентокъ еврейскаго происхожденія. Нѣмцы кинулись на нихъ, избили, выбросили въ садъ и тамъ снова били. «*Даже женщинъ, бѣжавшихъ отъ озвѣрѣвшихъ антисемитовъ, ихъ бросали на землю и съ самыми ужасными ругательствами били ногами.* Особенно выдѣлялся своими подвигами нѣкій госпо-

динъ Брунсъ, такъ сильно повредившій одному русскому студенту глазъ, что тотъ долженъ былъ обратиться въ амбулаторій скорой помощи.»

Это событіе «Vorwärts» сопровождаетъ буквально слѣдующимъ коментаріемъ:

«Что поведеніе антисемитовъ у всѣхъ благовоспитанныхъ людей должно возбудить отвращеніе, объ этомъ нечего распространяться. Но съ другой стороны русскіе студенты могли бы знать, что ихъ ожидаетъ среди этихъ людей. Былъ бы выигришъ для нихъ, если бы они въ будущемъ оставили господъ Бёклера и К⁰ однихъ между собой.»

Затѣмъ происшествіе было забыто. Очень сравнительно мало надѣлалъ шуму и «случай» съ однимъ русскимъ евреемъ, котораго въ трактирѣ Конитца *избили до смерти.* Двое изъ убійцъ были привлечены къ суду; одинъ изъ нихъ оправданъ, другой отплатился какимъ то легкимъ наказаніемъ, болѣе легкимъ, чѣмъ полагается въ Германіи за оскорбленіе величества.

Ну какъ же Плеханову не распинаться за прусскую армію, которая охраняетъ подобную культуру отъ русскаго варварства?!

Но краснорѣчію Плеханова не удалось все же увлечь за собою всѣхъ делегатовъ конгресса, и Ньювенхуисъ отнюдь не чувствовалъ себя «разбитымъ» указаніемъ опасности русскаго варварства для нѣмецкой культуры.

«Не смѣшно ли — говорилъ онъ — называть Россію оплотомъ жестокости и варварства, какъ будто Германія оплотъ кротости и образованія? У Германіи достаточно своихъ деспотовъ, точно также какъ въ Россіи, и еще толкуютъ о какой-то свободѣ въ Германіи! Гейне уже сказалъ въ своихъ «Путевыхъ картинкахъ»: «Намъ нѣмцамъ нечѣмъ рисковать; немножко больше немножко меньше холопскаго блаженства—это не такъ важно. Намъ грозятъ господствомъ кнута, но я бы охотно выдержалъ немного кнута, еслибы зналъ навѣрное, что и наши враги его получатъ. Но я бьюсь о закладъ, что они, по обыкновенію, пойдутъ на встрѣчу новой силѣ и, граціозно улыбаясь, предложатъ себя для постыднѣйшей службы и за это, такъ какъ разъ все же необходимо быть отсеганнымъ, выпросятъ себѣ привиллегію почетнаго кнута.»

— Это было уже давно! — прервалъ Ньювенхуиса Бебель.

— Но, можетъ быть, Гейне и теперь написалъ бы также, спокойно замѣтилъ Ньювенхуисъ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ, и теперь, когда всѣ прусскіе министры съ канцлеромъ во главѣ, при одобреніи нѣмецкой либеральной буржуазіи, выпрашиваютъ у Плеве привилегію печетнаго кнута, теперь, надо думать, и Бебель согласится, что слова Гейне необычайно своевременны.

Рѣчь Ньювенхуиса на Цюрихскомъ конгрессѣ вообще была очень удачной: и дѣльной, и остроумной. Особенно много интересныхъ замѣчаній сдѣлалъ онъ относительно «военной стачки».

«Настоящая сила милитаризма теперь не въ постоянномъ войскѣ, а въ резервѣ. Резервистъ — солдатъ-гражданинъ — и воспрепятствовать мобилизаціи этихъ резервовъ является нашей спеціальной задачей. Говорятъ, что отказъ отъ военной службы невозможенъ: будутъ предавать суду, разстрѣливать. Но представьте себѣ дѣло практически: въ каждой деревнѣ отъ 5 — 10 резервистовъ; если они отказываются явиться, кто будетъ ихъ преслѣдовать? Полиція? Граждане?

Слѣдствіемъ отказа отъ военной службы будетъ, правда, гражданская война, но ее слѣдуетъ предпочесть войнѣ націй; гражданская война будетъ вестись, по крайней мѣрѣ, противъ настоящаго врага, противъ капитализма.

Одновременно съ нами засѣдаетъ конгрессъ желѣзнодорожныхъ служащихъ; въ ихъ рукахъ простою забастовкою сдѣлать невозможною никакую войну, и если мы еще завоюемъ вниманіе женщинъ, то уже время покончить съ фразою и приступить къ практической работѣ. И многія знаменія времени говорятъ за нашу резолюцію. Возмущеніе войскъ въ Англіи, Бельгіи, Италіи...»

За голландскую резолюцію на этотъ разъ голосовали Австрія, Голландія, Франція и Норвегія, но остальныя 14 «націй» (въ томъ числѣ, конечно, «плехановская» Россія)—противъ.

Результатъ голосованія былъ бы, вѣроятно, обратный, если бы большинство делегатовъ состояло не изъ «профессіональныхъ политиковъ», а изъ рабочихъ

Это откровенно высказалъ извѣстный французскій соціалистъ Дежантъ. Теперь идея всеобщихъ стачекъ, какъ солдатской или военной, такъ и рабочей, сдѣлалось достояніемъ широкихъ рабочихъ массъ, особенно во Франціи.

«Теперь — писалъ въ № 1 «Жизни» Лагардель — мысль о томъ, что всеобщая стачка можетъ парализовать армію, такъ распространена въ рабочей средѣ, что иногда бываетъ неудобно оспаривать ее».

Знаменательно, что Вальянъ, нападавшій въ 1891 г. вмѣстѣ съ Либкнехтомъ на идею противодѣйствія войнѣ всеобщею стачкой, теперь (въ февралѣ 1904 г.) видитъ во всеобщей стачкѣ средство спасенія отъ европейской войны, въ которую можетъ превратиться война русско-японская.

«И теперь мы не должны колебаться—пишетъ онъ въ «Le Socialiste»—теперь же намъ нужно сообразить, что мы можемъ сдѣлать. *И, если бы національный и интернаціональный пролетаріатъ не отвѣтилъ бы на нашъ призывъ съ достаточной энергіей, и не сумѣлъ бы обобщенной стачкой защитить свою жизнь, свои требованія, свое освобожденіе*, наша обязанность дѣйствовать и ни передъ чѣмъ не отступать, чтобы его спасти, чтобы предотвратить опасность, чтобы избѣжать войны. Лучше возстаніе, чѣмъ война.»

Въ одномъ Вальянъ сильно ошибается, а именно, что «мы» можемъ спасти пролетаріатъ, если онъ не въ состояніи спасти себя самъ. Какъ бы «мы» скорѣе не повредили пролетаріату, высмѣивая съ своей профессіонально-политической точки зрѣнія средства борьбы, вырабатываемыя имъ самимъ путемъ трудной и долгой экономической борьбы? Погубить пролетаріатъ профессіональные политики («мы»), къ счастію, не могутъ, но задержать ростъ его классового сознанія они въ силахъ. Въ Германіи, напримѣръ, профессіональные политики несомнѣнно сильно поддаются вліянію буржуазной среды и отчасти «угашаютъ» революціонный «духъ», порождаемый въ пролетаріатѣ условіями его жизни и труда.

Они внушаютъ ему, что внѣ «законности» нѣтъ спасенія, что армія должна быть «неприкосновенна», что за отечество каждый долженъ бороться, не жалѣя

жизни, какъ своей собственной, такъ, разумѣется, и жизни варваровъ-русскихъ и т. д.

Изъ нѣмецкихъ соціалдемократическихъ теоретиковъ наиболѣе революціоннымъ считается Каутскій, но и онъ пишетъ:

«Такъ какъ у насъ нѣтъ намѣренія вести въ арміи пропаганду и возбуждать ее къ неповиновенію—и объ этомъ во всей нѣмецкой соціалдемократіи не думаетъ въ настоящее время никто — то вопросъ, какія формы могло бы и должно принять это неповиновеніе, не подлежитъ для насъ обсужденію».

Изъ политическихъ вождей нѣмецкой соціалдемократіи самымъ революціоннымъ считается Бебель, но и онъ, вызывая одобреніе реакціонеровъ всѣхъ странъ, произноситъ въ рейхстагѣ рѣчи на тему «о любви къ отечеству и народной гордости».

Въ засѣданіи рейхстага 7-го марта 1904 года онъ заявилъ, между прочимъ, слѣдующее *):

«Вы (т. е. буржуазныя партіи) не можете болѣе провести ни одной побѣдоносной войны безъ насъ и *вы побѣдите съ нами, но не противъ насъ.* (Многократное «совершенно вѣрно» у соціалдемократовъ.) Если дѣло будетъ идти о существованіи Германіи, *то мы удемъ сражаться на войнѣ до послѣдняго человѣка,* чтобы защитить наше отечество, нашу землю. *Всегда и повсюду будемъ мы до послѣдняго издыханія бороться противъ попытки оторвать отъ Германіи хотя бы лишь клочекъ территоріи.* (Возгласъ справа: это очень хорошо!) Я говорю не въ угоду вамъ. Но въ виду постоянно повторяющихся нападокъ, я хотѣлъ, наконецъ, ясно установить, что вы не можете такъ просто раздѣлаться съ нами, что мы не желаемъ, чтобы насъ третировали.»

Вотъ какъ «мы» умѣемъ говорить, вотъ какъ «мы» протестуемъ противъ знаменитыхъ словъ «Коммунистическаго Манифеста»: «У рабочихъ нѣтъ отечества».

Но какъ бы «мы» не протестовали эти слова останутся истиной, а слова о «борьбѣ до послѣдняго издыханія изъ за клочка нѣмецкой земли» и уже теперь, къ счастію, звонкая, но пустая фраза.

Но, тѣмъ не менѣе, рѣчь Бебеля очень знамена-

*) Пользуемся отчетомъ «Vorwärts'a».

тельна. Она показываетъ, что революціонному интернаціонализму придется выдержать серьезную борьбу съ патріотизмомъ нѣмецкой соціалдемократіи.

Пламя стачки-революціи вспыхнетъ во всякомъ случаѣ не въ Германіи. Гораздо вѣроятнѣе, что оно вспыхнетъ въ Америкѣ, Франціи и Россіи, и будемъ надѣяться, что передъ нимъ не устоитъ «патріотизмъ» нѣмецкой соціалдемократіи и что нѣмецкіе солдаты откажутся идти въ Россію для охраны культурнаго порядка отъ зловредной всеобщей стачки даже въ томъ случаѣ, если во главѣ прусской арміи будетъ поставленъ генералъ Плехановъ.

III.

Стачка плательщиковъ налоговъ.

Массовой отказъ отъ уплаты налоговъ считается классическимъ оружіемъ либеральной буржуазіи въ борьбѣ съ реакціоннымъ правительствомъ, но это классическое оружіе хранилось больше для виду: буржуазія остерегалась пользоваться имъ, опасаясь, какъ бы оно не убило вмѣстѣ съ феодальнымъ правительствомъ и ея либеральную «оппозицію».

Такъ, напр., въ 1848 г. прусское національное собраніе очень много говорило о необходимости массового отказа отъ уплаты налоговъ въ отвѣтъ на самое безцеремонное нарушеніе его правъ правительствомъ, но никакъ не могло рѣшиться проголосовать постановленія о признаніи за гражданами права не платить налоговъ противозаконно дѣйствующему министерству Брандербурга. Правда, въ послѣдній моментъ «государственнаго переворота», когда въ собраніи явились уже солдаты, была спѣшно принята резолюція объ отказѣ въ правѣ взиманія налоговъ, но въ самой неопредѣленной формѣ. Сдѣлавъ этотъ страшный шагъ, либералы испугались, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не произошла всеобщая стачка плательщиковъ налоговъ, и не наступила «анархія». Депутаты спѣшили разъяснять гражданамъ, что отказъ отъ уплаты податей «средство мирное», что властямъ можно оказывать лишь

«пассивное сопротивленіе»... Вскользь указывалось, что съ формальной стороны постановленіе объ отказѣ въ налогахъ не безупречно и т. д. Однимъ словомъ разогнанные правительствомъ либеральные народные представители всѣми силами старались, чтобы плательщики налоговъ не приняли ихъ постановленіе въ серьезъ и, начавъ съ сопротивленія пассивнаго, не перешли къ сопротивленію активному, т. е. къ революціи. Въ общемъ усилія либераловъ увѣнчались успѣхомъ, и всеобщая стачка плательщиковъ налоговъ не состоялась; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рейнской провинціи и Силезіи постановленіе объ отказѣ въ налогахъ послужило искрой для активныхъ революціонныхъ вспышекъ.

Лассаль во второй своей рѣчи о сущности конституціи, указывая на теоретическую неясность, которая господствовала въ головахъ депутатовъ національнаго собранія по вопросу объ отказѣ отъ уплаты податей, говоритъ, что это средство можетъ быть превосходнымъ для народа, который уже обладаетъ реальною силой; *для народа же который только еще хочетъ завоевать реальную силу, отказъ въ уплатѣ податей имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда цѣлью ставится вызвать всеобщее возстаніе.*

Мы думаемъ, что для народа, уже обладающаго реальною силою, массовой отказъ уплачивать налоги не имѣетъ смысла, но мы согласны, что для народа, желающаго завоевать реальную силу, всеобщая стачка плательщиковъ налоговъ можетъ послужить однимъ изъ исходныхъ пунктовъ для всеобщаго возстанія, для революціи. Она дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, какъ стачка рабочихъ и стачка солдатъ; она вноситъ замѣшательство въ государственный порядокъ, она дезорганизуетъ правительство, и ея дѣйствіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ абсолютнѣе, чѣмъ самодержавнѣе форма этого правительства, чѣмъ меньше оно ограничено и въ то же время укрѣплено законными нормами.

Подобно всеобщей стачкѣ рабочихъ она не только дезорганизуетъ правительственныя силы, но и организуетъ революціонныя силы. Въ Россіи, напримѣръ, массовой отказъ отъ уплаты податей навѣрное сопровождался бы оживленными крестьянскими сходами,

на которыхъ составлялись бы мірскіе приговоры, выработкой плана дѣйствій и т. д.

Какую огромную силу солидарности и какую удивительную организаторскую способность можетъ проявить въ данномъ случаѣ русское крестьянство, показываетъ борьба съ откупомъ въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Эта борьба представляетъ изъ себя явленіе очень сходное съ тѣмъ, что мы понимаемъ подъ всеобщей стачкой плательщиковъ налоговъ. Въ борьбѣ съ откупомъ крестьяне во многихъ губерніяхъ (Саратовской, Рязанской, Нижегородской, Владимірской. Пензенской, Екатеринославской, Тверской, Виленской, Ковенской и т. д.) цѣлыми волостями отказывались покупать водку, протестуя противъ ея дороговизны и плохого качества. Такъ какъ откупъ не только обогощалъ откупщиковъ, но и составлялъ одинъ изъ источниковъ государственныхъ средствъ, то крестьяне своей замѣчательной стачкой косвенно наносили ударъ самому государству, и правительство, конечно, посылало военныя команды, чтобы принуждать мужиковъ снова пить откупную водку. Въ настоящее время массовой отказъ отъ водки былъ бы уже прямо возстаніемъ противъ казны, противъ самого важнаго косвеннаго налога.

Поводомъ для стачки противъ откупа была дороговизна и недоброкачественность водки, но, разумѣется, причину нужно искать глубже, въ общемъ возмущеніи крестьянства противъ своего подневольнаго положенія. Эта борьба была однимъ изъ грозныхъ симптомовъ для господствующаго класса, и онъ отдалилъ революціонную развязку, уничтоживъ крѣпостное право.

Огромное значеніе народной борьбы съ откупомъ прекрасно понялъ и оцѣнилъ Н. А. Добролюбовъ.

«Въ народной массѣ нашей — писалъ онъ въ 1859 г. — есть *дѣльность*, *серьезность*, есть *способность къ жертвамъ*... Скажемъ по совѣсти: кто изъ насъ, годъ тому назадъ, могъ хотя бы въ предположеніи указать такое средство противодѣйствія откупу? *Мѣра, принятая крестьянами, такъ далека отъ нашихъ цивилизованныхъ и осторожныхъ нравовъ*, она *такъ радикальна для златой середины нашего пониманія*, что мы даже въ теоріи не могли ее придумать, даже другимъ не могли предложить ее... А ужъ, ка-

жется, чего легче предлагать другимъ самыя неудобоисполнимыя мѣры! И чего бы стоило, вмѣсто всякихъ воззваній къ постороннимъ силамъ о поправкѣ дѣла, сказать: «народу нужно отказаться отъ хлѣбнаго вина, чтобы принудить откупщиковъ къ уступкѣ»... Да вотъ никто не сказалъ же! *А народъ сдѣлалъ это самое безъ всякихъ спросовъ, справокъ и глубокомысленныхъ соображеній.* Теперь г. докторъ Вернадскій увѣряетъ, что эту рѣшимость онъ утвердилъ въ народѣ, другіе говорятъ, что вообще литература произвела такое движеніе. Но, не говоря о г. докторѣ и статскомъ совѣтникѣ Вернадскомъ, былъ ли хоть кто-нибудь изъ литераторовъ въ своихъ твореніяхъ столь дерзокъ, чтобы дойти хоть только до сознанія необходимости тѣхъ мѣръ, которыя народная сила осуществила на дѣлѣ?

Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ красно говорить; оттого они и не умѣютъ и не любятъ останавливаться и услаждать его звукомъ, исчезающемъ въ пространствѣ. *Слово ихъ никогда не праздно*; оно говорится ими. какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности. Сотни тысячъ народа въ какихъ нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, *безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій*, въ разныхъ концахъ обширнаго царства, отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ. *Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армяшичка, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой же способности приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу — и заключается величіе простой народной массы,* величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы со всей нашей отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ *претензіи* на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности бываютъ такъ

жалки, *мизерны* и даже почти *непристойны* въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ».

Дѣльность, серьезность, способность къ жертвамъ свойственны не только русскому народу, онѣ свойственны вообще трудящейся и неимущей массѣ, но русскій народъ менѣе, чѣмъ какой-нибудь другой, развращенъ буржуазной законностью и болѣе другихъ «народовъ» чувствуетъ враждебность современнаго государства народному дѣлу и народному благу. Въ его нѣдрахъ уже народился протестъ противъ всѣхъ государственныхъ повинностей, и, можетъ быть, близокъ моментъ, когда онъ прорвется въ массовой стачкѣ противъ *повинности податной*, точно также, какъ противъ *повинности личной*, т. е., главнымъ образомъ, повинности военной; эти стачки будутъ важнымъ дополненіемъ къ всеобщей стачкѣ производителей, къ всеобщей стачкѣ рабочихъ. Тактика податной стачки выработается самими стачечниками, какъ стачечниками же выработалась тактика забастовки рабочей или трудовой.

«Мы» же пока будемъ говорить, что все это «невозможно» и видѣть все «народное дѣло» въ крикахъ «долой самодержавіе», а затѣмъ «намъ» придется изумляться, какъ изумлялись «мы» «на другой день послѣ южныхъ всеобщихъ стачекъ», которыя наканунѣ ихъ считали совершенно невозможными.

Но неужели «изумленіе» не излечитъ «насъ» отъ жалкихъ, лицемѣрныхъ и непристойныхъ претензій освобождать народъ при помощи прусской арміи, буржуазнаго «правопорядка» и партійнаго іезуитизма?!

Глава VI.

Революція и народная воля.

Въ предыдущей главѣ мы познакомились со средствами и способами революціонной борьбы пролетаріата, мы познакомились съ основами его революціонной тактики. Мы видѣли, что эта тактика опредѣляется условіями жизни пролетаріата и стоитъ въ зависимости отъ общественнаго развитія, поэтому она закономѣрна, поэтому она *принципіальна*. По отношенію къ революціонной борьбѣ пролетаріата ничего не можетъ быть ошибочнѣе извѣстнаго пародокса Либкнехта: «Если обстоятельства измѣнятся 24 раза въ сутки и я долженъ измѣнить 24 раза свою тактику».

«Обстоятельства», которыми опредѣляется тактика пролетарской борьбы не могутъ «измѣняться» ежечасно, такъ какъ — это основы современнаго буржуазнаго строя. Не правъ Либкнехтъ и въ своемъ противопоставленіи «принципіальной точки зрѣнія» и «тактики».

«Я заявляю здѣсь — сказалъ онъ на эрфуртскомъ партейтагѣ — что свою *принципіальную точку зрѣнія* я никогда не измѣнялъ и не могу измѣнить, но свою *тактику* я и въ будущемъ готовъ измѣнить, если этого требуютъ обстоятельства».

Мы же думаемъ, что надъ тактикой должна всегда господствовать принципіальная точка зрѣнія, которая ничто иное, какъ пониманіе условій общественнаго развитія, ведущихъ къ торжеству пролетаріата и уничтоженію всякаго насилія человѣка надъ человѣкомъ.

Пролетарская масса въ своей тактикѣ руководится, конечно, главнымъ образомъ, своимъ классовымъ инстинктомъ; у передовой части этой массы къ классовому инстинкту присоединяется знаніе условій общественнаго развитія.

Для успѣшной борьбы, для принципіальной тактики очень важно это соединеніе пролетарскаго инстинкта со знаніемъ, пролетарскаго чувства съ мыслью.

Инстинктъ указываетъ путь вѣрно, но онъ можетъ быть побѣжденъ буржуазной мыслью, и тогда пролетаріатъ временно сходитъ съ вѣрнаго революціоннаго пути. Образованной буржуазіи удается иногда увлечь пролетаріатъ съ того пути, по которому онъ *хочетъ* идти, повинуясь своему инстинкту, и направить его туда, куда онъ по мнѣнію буржуазіи *долженъ* идти, т. е. вмѣсто того, чтобы разрушать современный общественный и государственный строй, укрѣплять его.

Для пролетарія, не потерявшаго своего классового инстинкта и овладѣвшаго объективнымъ знаніемъ общественныхъ условій, основами революціонной тактики является прежде всего дезорганизація буржуазіи съ ея государствомъ и организація пролетарскихъ массъ. Дезорганизовать буржуазію и ея государство пролетаріатъ можетъ лишь пріостановкой производства и массовымъ отказомъ отъ государственныхъ повинностей. Но эти массовыя дѣйствія въ то же время организуютъ пролетаріатъ и устанавливаютъ связь между нимъ и другими слоями народа, заинтересованными въ разрушеніи современнаго буржуазнаго строя.

Дезорганизація государственной власти, какъ выраженія буржуазнаго насилія, съ одновременной организаціей народныхъ массъ — первый актъ пролетарской или соціальной революціи. Въ *главныхъ чертахъ* онъ одинаковъ для всѣхъ народовъ и странъ.

Вторымъ актомъ должно быть свободное проявленіе *народной воли*. До сихъ поръ никогда и нигдѣ народъ не проявлялъ *свободно* своей воли. Народъ, правда, нерѣдко призывался и призывается къ всеобщему голосованію, къ всеобщей подачѣ голосовъ для выборовъ своихъ представителей, но всегда голосованія происходили подъ тѣмъ или другимъ, прямымъ или косвеннымъ давленіемъ господствующихъ классовъ и никогда не была вполнѣ обезпечена безграничная свобода избирательной агитаціи.

«Всѣ предыдущія движенія — говоритъ Коммунистическій манифестъ — были движеніями меньшинства или въ интересахъ меньшинства. Пролетарское движеніе является самостоятельнымъ движеніемъ огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства». Только такое движеніе можетъ повести къ свободному проявленію народной воли, только такое

движеніе можетъ создать условія для свободной агитаціи и свободныхъ выборовъ.

Въ Россіи народъ не могъ бы проявить свободно своей воли, если бы правительство, уступая рабочему движенію съ его всеобщими стачками, само созвало земскій соборъ даже на основѣ всеобщей подачи голосовъ. Сохраняя въ своихъ рукахъ государственную машину, оно сумѣло бы такъ «сдѣлать» выборы, что представители пролетаріата, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и представители истинныхъ интересовъ малоземельнаго крестьянства оказались бы въ меньшинствѣ. Въ моментъ своей революціи сознательный пролетаріатъ не долженъ предъявлять буржуазному самодержавію и самодержавной буржуазіи никакихъ «требованій»; онъ долженъ стремиться не къ уступкамъ со стороны самодержавно-буржуазной власти, а къ уничтоженію ея. Свои требованія онъ предъявитъ свободному народу и докажетъ ему, что пролетарскія требованія совпадаютъ съ народнымъ дѣломъ и народнымъ благомъ.

Всюду, гдѣ пролетаріату удастся дезорганизовать правительственную власть, немедленно должны быть удалены должностныя лица, и завѣдываніе всѣми общественными дѣлами и учрежденіями должно перейти въ руки представителей организованнаго пролетаріата. Смѣна должностныхъ лицъ въ мѣстностяхъ побѣдоносныхъ всеобщихъ стачекъ, какъ показываютъ примѣры Ліона, Манчестера, Лодзи, Риги, Баку и т. д. не представляетъ большихъ трудностей. Мы видѣли, какъ быстро «*теряются*» власти. Въ большинствѣ случаевъ они, вѣроятно, бѣгутъ или «добровольно» сложатъ свои полномочія. Мстить пролетаріатъ не будетъ, такъ какъ месть и жестокость не свойственны его психикѣ, какъ это свидѣтельствуетъ исторія рабочаго движенія во всѣхъ странахъ и въ томъ числѣ у насъ въ Россіи. Во всякомъ случаѣ сознательная часть его должна употребить все свое вліяніе, чтобы воспрепятствовать безсмысленнымъ и вреднымъ для народнаго дѣла актамъ народной мести.

Мы здѣсь говоримъ какъ разъ противоположное тому, что писало центральное правленіе союза коммунистовъ въ своемъ мартовскомъ воззваніи 1850 года. Оно рекомендовало нѣмецкимъ рабочимъ не только не противиться «примѣрамъ народной мести противъ не-

навистныхъ лицъ и общественныхъ зданій, но брать руководство этими примѣрами въ свои руки». Этотъ совѣтъ давался подъ вліяніемъ увлеченія буржуазными революціями, но въ настоящее время его навѣрное не повторили бы члены центральнаго правленія коммунистическаго союза. Въ моменты освобожденія, которые переживалъ современный пролетаріатъ во время всеобщихъ стачекъ его массовое чувство было свободно отъ подлой жажды человѣческой крови. Правда, буржуазная пресса старалась выставить парижскій пролетаріатъ во время коммуны какимъ то кровожаднымъ чудовищемъ, но на дѣлѣ во время коммуны вспышки народнаго гнѣва отступаютъ на задній планъ передъ тѣми великими порывами гуманности, которые проявили парижскія народныя массы въ моментъ своего, къ сожалѣнію, столь краткаго торжества.

«Какимъ-то чудомъ — писалъ Марксъ въ своемъ знаменитомъ манифестѣ по поводу гражданской войны во Франціи — коммуна преобразила Парижъ. Блудный Парижъ второй имперіи исчезъ безслѣдно! Столица Франціи перестала быть сборнымъ пунктомъ британскихъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, ирландскихъ абсентеистовъ, американскихъ экс-рабовладѣльцевъ и выскочекъ, русскихъ экс-помѣщиковъ и валашскихъ бояръ. Ни одного трупа не лежало въ Morgue, не было ни одного ночного грабежа, почти ни одной кражи; въ первый разъ съ февраля 1848 г. улицы Парижа стали безопасны, хотя на нихъ не появлялось ни одного полицейскаго. «Мы — говорилъ одинъ изъ членовъ Коммуны, — не слышимъ болѣе ни объ убійствахъ, ни о грабежахъ, ни о насиліяхъ противъ личности; полиція, какъ кажется, увлекла за собой въ Версаль всѣхъ своихъ консервативныхъ друзей». Кокотки отправились вслѣдъ за своими покровителями, этими обратившимися въ бѣгство приверженцами религіи, семьи и, главнымъ образомъ, собственности. На сцену снова выступили истинныя парижанки, героическія, великодушныя, самоотверженныя, какъ женщины древняго міра. Парижъ трудящійся, мыслящій, борющійся, истекающій кровью, но сіяющій вдохновеннымъ сіяніемъ исторической иниціативы, почти забывалъ о каннибалахъ, стоявшихъ передъ его воротами, весь отдавшись дѣлу закладки основъ новаго общества».

Однимъ изъ самыхъ торжественныхъ дней Коммуны было 6-ое апрѣля, когда 137 батальонъ національной гвардіи «при громкихъ и радостныхъ крикахъ народа» сжегъ гильотину, какъ символъ ненавистной пролетаріату смертной казни. Этотъ героическій фактъ невольно вспомнился намъ, когда на одномъ изъ женевскихъ собраній Плехановъ съ пафосомъ говорилъ о томъ желанномъ моментѣ, когда на Казанской площади будетъ воздвигнута гильотина для Николая II!

И зараженные этой плехановской психологіей искристы на своемъ невиданномъ съѣздѣ отказались внести въ свою программу требованіе отмѣны смертной казни при пошлыхъ крикахъ: «а для Николая II!» Вѣроятно, искристы уже назначили на почетную должность палача одного изъ своихъ уважаемыхъ товарищей.

Впрочемъ, здѣсь смѣяться можно только сквозь слезы. Всѣ эти революціонеры съ плехановской психологіей, всѣ эти революціонеры, стремящіеся походить на Робеспьера, всѣ эти «герои» несостоявшейся у насъ кровавой буржуазной революціи, будутъ, вѣроятно, играть извѣстную роль въ революціи пролетарской.

«Во всякой революціи бокъ о бокъ съ ея истинными представителями — говоритъ Марксъ въ «Гражданской войнѣ» — выдвигаются люди другого чекана. Это или герои прошлыхъ революцій, сросшіеся съ ними, не понимающіе смысла настоящаго движенія, но пользующіеся большимъ вліяніемъ на народъ по своему гражданскому мужеству и личному характеру или просто по традиціи; или же *пустые крикуны, повторяющіе изъ году въ годъ одно и то же стереотипныя нападки на существующее правительство и снискивающіе себѣ этимъ славу революціонеровъ высшей пробы.* Такіе люди всплыли наружу и послѣ 18 марта; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они играли даже первостепенную роль и, насколько это отъ нихъ зависѣло, задерживали истинное движеніе рабочаго сословія, и тормозили развитіе всякой революціи. Они — неизбѣжное зло; освободиться отъ нихъ можно только со временемъ...»

Этого «неизбѣжнаго зла» очень много въ обѣихъ русскихъ революціонныхъ фракціяхъ. «Героевъ прошлыхъ революцій» больше, кажется, въ лагерѣ соціалистовъ-революціонеровъ, пустыхъ же крикуновъ, изъ

году въ годъ повторяющихъ однѣ и тѣ же стереотипныя фразы, видимо, больше въ лагерѣ искристовъ.

Великодушный, даже къ своимъ бывшимъ угнетателямъ, пролетарій, разумѣется, въ первый же моментъ побѣды освободитъ всѣхъ заключенныхъ, какъ политическихъ, такъ и *уголовныхъ*. Онъ не можетъ не освободить уголовныхъ «преступниковъ», такъ всѣ они прежде всего жертвы преступнаго буржуазнаго строя, на уничтоженіе котораго направлена пролетарская революція. Мы знаемъ, что освобожденію уголовныхъ преступниковъ не сочувствуютъ многіе соціалисты, не говоря уже объ искристахъ, видимо, вполнѣ довольныхъ русскимъ уложеніемъ о наказаніяхъ.

Одинъ извѣстный западно-европейскій соціалистъ, въ общемъ очень сочувственно отозвавшійся о предлагаемомъ нами проектѣ программы, къ требованію освобожденія уголовныхъ преступниковъ отнесся отрицательно.

«Вы хотите освободить уголовныхъ преступниковъ?! — писалъ онъ намъ — я нѣтъ!»

Противъ освобожденія пролетаріатомъ въ моментъ революціи уголовныхъ преступниковъ, навѣрное, высказался бы и Фридрихъ Энгельсъ.

Въ уже цитированномъ нами памфлетѣ противъ «бакунистовъ» Энгельсъ рѣзко нападаетъ на революціонное правительство Картагены, которое въ 1873 г. году освободило изъ каторжной тюрьмы всѣхъ заключенныхъ.

«Что эта революціонная мѣра» — пишетъ Энгельсъ насмѣшливо — внушена бакунистами, въ этомъ послѣ разоблаченій отчета объ «Альянсѣ» (бакунинскомъ Интернаціоналѣ) не можетъ быть сомнѣнія. Тамъ доказано, какъ Бакунинъ мечтаетъ о «снятіи оковъ со всѣхъ худыхъ страстей» и объявляетъ русскаго разбойника образцомъ всѣхъ истинныхъ революціонеровъ. Что правильно для русскаго, то хорошо и для испанца. Если такимъ образомъ картагенское правительство освободило отъ оковъ «худыя страсти» запрятанныхъ разбойниковъ и этимъ довело до крайнихъ предѣловъ деморализацію своихъ войскъ, то оно дѣйствовало совершено въ духѣ Бакунина.»

Если и доказано, что картагенское правительство освободило заключенныхъ подъ вліяніемъ бакунистовъ,

то отнюдь не доказано, что это освобожденіе усилило деморализацію революціонныхъ войскъ; по крайней мѣрѣ, Энгельсъ не приводитъ ни одного доказательства. Мы думаемъ, что облагораживающее вліяніе пролетарской революціи, о которомъ такъ хорошо говоритъ Марксъ, должно нравственно поднять и большинство преступниковъ противъ буржуазныхъ законовъ, но, конечно, только въ томъ случаѣ, если они будутъ освобождены изъ своихъ ужасныхъ каторжныхъ тюремъ. Кромѣ того мы увѣрены, что разнузданныхъ худыхъ страстей гораздо меньше въ «Мертвомъ домѣ» и въ «Мірѣ отверженныхъ», чѣмъ въ аристократическихъ вертепахъ, гдѣ «сливки» буржуазнаго общества безнаказанно предаются всевозможнымъ оргіямъ, въ родѣ изнасилованія малолѣтнихъ дѣвочекъ. Со многими изъ этихъ привиллигированныхъ разбойниковъ Энгельсу, вѣроятно, приходилось встрѣчаться въ англійскомъ «обществѣ». Чего же такъ бояться освобожденія разбойниковъ не привиллигированныхъ?

Свой взглядъ на «преступленіе» и «наказаніе» мы болѣе подробно выяснимъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ, когда будемъ говорить объ отмѣнѣ буржуазной системы наказаній, теперь же въ пользу освобожденія уголовныхъ преступниковъ въ первый же моментъ пролетарской побѣды укажемъ еще на ту товарищескую помощь, которую «уголовные» такъ часто оказываютъ въ русскихъ тюрьмахъ своимъ «политическимъ» товарищамъ по заключенію.

Въ одиннадцатомъ листкѣ «Жизни», призывая русскую интеллигецію къ протесту противъ правительственныхъ издѣвательствъ надъ харьковскими и полтавскими крестьянами, мы уже говорили объ этой трогательной связи между заключенными революціонерами и разбойниками, и мы повторяемъ здѣсь то, что вылилось тогда изъ сердца, возмущеннаго правительственной жестокостью и интеллигентнымъ равнодушіемъ.

Берите примѣръ — писали мы — хотя бы съ этихъ «уголовныхъ» преступниковъ, со всѣхъ этихъ разбойниковъ, воровъ, бродягъ, которыхъ ваши судьи наказываютъ во имя вашего буржуазнаго благополучія. Эти «уголовные», эти «разбойники» понимаютъ величіе закованныхъ революціонеровъ лучше, чѣмъ вы, люди громкихъ именъ. Боясь нарушить свое спокойствіе,

вы сторонитесь борцовъ за свободу народа, а они, эти «разбойники» не страшатся пытокъ и смерти, лишь бы улучшить участь политическихъ, лишь бы дать имъ возможность вернуться на поле битвы....

Участники современной борьбы въ тюрьмахъ могутъ разсказать много трогательныхъ исторій о самоотверженныхъ услугахъ «уголовныхъ» «политическимъ». Возьмите, напримѣръ, февральскій «бунтъ» въ полтавской тюрьмѣ. Когда «уголовные» услыхали крики политическихъ, плачъ женщинъ, они, какъ одинъ человѣкъ, бросились на помощь. «Желѣзная дверь изъ отдѣленія уголовныхъ» — разсказываетъ одинъ политическій — «съ трескомъ вылетѣла, и толпа уголовныхъ около 300 человѣкъ, съ молотами и топорами въ рукахъ, бросилась къ намъ съ крикомъ: васъ бьютъ? скажите, васъ били? мы защитимъ васъ! Стража и солдаты мгновенно бѣжали, успѣвъ втолкнуть насъ въ камеры, уголовные бросились къ нашимъ дверямъ, пожимая намъ руки черезъ рѣшетки, обѣщая намъ свою поддержку. Взволнованные всѣмъ происшедшимъ мы съ трудомъ успокоили ихъ....»

Невольно вспоминается трогательная сцена между распятымъ Христомъ и разбойникомъ!

И въ моментъ побѣды, въ моментъ народнаго освобожденія, революціонеры раскроютъ всѣ тюрьмы, освободятъ всѣхъ заключенныхъ, какъ политическихъ, такъ и уголовныхъ. Сознательный пролетаріатъ протянетъ тогда руку своему несчастному брату. Онъ введетъ «разбойника» въ новое царство свободы, справедливости и труда!

А вы равнодушные? Гдѣ будете вы тогда? Счастье ваше, что пролетаріатъ не знаетъ буржуазной жестокости, что онъ великодушенъ и благороденъ, что онъ сотретъ съ лица земли всѣ тюрьмы и не захочетъ мстить вамъ за ваше жестокое и подлое равнодушіе!

Съ буржуазной точки зрѣнія не мыслимо не только освобожденіе уголовныхъ преступниковъ, но и конфискація всѣхъ запасовъ, предметовъ первой необходимости, для распредѣленія между всѣми нуждающимися, но въ томъ то и дѣло, что буржуазная точка зрѣнія не можетъ быть точкою зрѣнія пролетаріата.

Искристы и однородные съ ними буржуазные соціалдемократы заботятся, главнымъ образомъ, о томъ,

чтобы пролетаріатъ не компрометировалъ себя въ глазахъ крупной и мелкой буржуазіи, и они будутъ прилагать всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать такому «грабежу», какъ захватъ въ моментъ всеобщей стачки хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, одежды и пр., изготовленныхъ трудомъ пролетаріата, но тѣмъ не менѣе принадлежащихъ буржуазіи. Усилія буржуазныхъ соціалдемократовъ будутъ однако тщетными, такъ какъ исторія стачечнаго движенія показываетъ, что пролетаріатъ во всѣхъ странахъ считаетъ совершенно справедливымъ въ моментъ всеобщей стачки брать для поддержанія своей жизни «излишки» продуктовъ, которыми завалены торговые склады, хлѣбные элеваторы, лавки и т. д. Съ пролетарской точки зрѣнія это справедливо и необходимо. Только при этомъ условіи всеобщая стачка можетъ быть доведена до побѣдоноснаго конца.

Запасовъ въ моментъ стачки-революціи будетъ, надо полагать, много, такъ какъ она, вѣроятно, вспыхнетъ во время кризиса, вызваннаго перепроизводствомъ. Подѣлятъ «запасы» пролетаріи и крестьяне по-справедливости, по-любовно, никого не обижая, въ томъ числѣ и тѣхъ, у кого запасы будутъ взяты. Дѣло пойдетъ дружно и весело. За это говоритъ много характерныхъ фактовъ изъ жизни рабочихъ и крестьянской бѣдноты.

Отношеніе къ войску опредѣлится прежде всего тѣмъ, что пролетаріатъ долженъ всѣми силами стремиться всеобщую стачку рабочихъ дополнить стачкою солдатъ. Рабочіе и крестьяне не могутъ разбить современную армію, выступая противъ солдатъ не только съ камнями, но и съ самодѣльными бомбами. Но они могутъ разбить и обезоружить ихъ, выходя на встрѣчу солдатамъ, какъ братья, и открывая имъ свою грудь съ возгласомъ: «Стрѣляйте въ эти открытыя груди, если рука ваша не дрогнетъ передъ братоубійствомъ.» Мы видѣли, какъ трогаетъ, какъ захватываетъ солдатъ порывъ товарищеской солидарности, проявляемой рабочими во время всеобщихъ стачекъ. Въ такіе моменты призывъ къ возстанію противъ братоубійственной военной дисциплины, призывъ къ уходу изъ казармъ и полковъ, навѣрное, вызоветъ массовое дезертирство, которое въ силу своей заразительности быстро

разобьетъ всю войсковую организацію, превратившись во всеобщую стачку солдатъ.

Пролетаріатъ не можетъ и не долженъ разсчитывать, чтобы на его сторону перешли организованныя войска со всѣми своими кадрами, такъ какъ офицеры въ своей массѣ принадлежатъ къ буржуазіи, противъ которой направлено его революціонное движеніе; пролетаріату, повторяемъ, важно разбить всю военную организацію. Сохраненіе войскъ съ офицерами, примирившимися съ новымъ порядкомъ, опасно пролетаріату, такъ какъ «примиреніе» можетъ легко исчезнуть, и «войска» измѣнятъ въ самую рѣшительную минуту. Солдаты, вернувшіеся домой, въ семью, въ ряды своихъ товарищей рабочихъ, явятся гораздо лучшими защитниками революціонныхъ завоеваній, чѣмъ перешедшее на сторону революціи организованное войско.

Самодержавно-буржуазная администрація смѣнена, войско распущено, острая нужда неимущихъ устранена, тюрьмы раскрыты.

Вотъ условія, при которыхъ сознательный пролетаріатъ ведетъ свою избирательную агитацію среди рабочей и крестьянской массы, еще не поднявшейся до соціалистическаго сознанія. Эта «избирательная агитація» будетъ въ то же время соціалистической пропагандой, которая въ этотъ революціонный моментъ съ необычайной быстротой и легкостью подыметъ соціалистическій инстинктъ, живущій въ груди каждаго пролетарія, въ груди каждаго обездоленнаго и трудящагося, на высоту соціалистическаго сознанія.

Сущность соціализма не удается постигнуть большинству ученыхъ буржуа, но она удивительно легко постигается самыми необразованными пролетаріями. Исторія рабочихъ движеній во всѣхъ странахъ даетъ много поразительныхъ примѣровъ того, какъ воспріимчива въ революціонные моменты рабочая масса къ соціалистической пропагандѣ, какъ быстро она проникается соціалистическимъ ученіемъ.

Лафаргъ въ своей статьѣ о «Первомъ маѣ» приводитъ характерное признаніе одной реакціонной газеты, которая, заявивъ, что соціалистическія теоріи безсмысленны и преступны, принуждена въ то же время согласиться, что только онѣ въ состояніи воодушевить и разшевелить народныя массы. «Послѣднее замѣча-

ніе совершенно вѣрно — прибавляетъ Лафаргъ — теоріи Маркса не утопическія мечтанія геніальнаго мыслителя, но духовный рефлексъ явленій дѣйствительности капиталистическаго общества. Въ этомъ непреодолимая сила ихъ пропаганды».

Въ проектѣ программы мы говорили о созывѣ всероссійскаго учредительнаго собранія, такъ какъ, конечно, стремленіе русской соціалдемократіи должно быть направлено къ тому, чтобы во всѣхъ мѣстахъ Россіи по возможности одновременно вспыхнули всеобщія стачки рабочихъ и возстанія противъ государственныхъ повинностей, и чтобы народные представители всей Россіи собрались для совмѣстнаго обсужденія основъ новаго строя.

Но на дѣлѣ учредительное собраніе будетъ, вѣроятно, созвано уже послѣ того, когда отдѣльныя мѣстности и города созовутъ свои мѣстныя учредительныя собранія и приступятъ къ творческой работѣ въ смыслѣ созданія условій, необходимыхъ для развитія соціалистическаго хозяйства. Очень вѣроятно, что Россія, какъ и весь міръ, въ извѣстный періодъ пролетарской революціи будетъ представлять изъ себя рядъ революціонныхъ коммунъ, подобныхъ парижской коммунѣ 1871 года, отчасти разъединенныхъ мѣстностями, гдѣ еще нѣкоторое время будетъ въ той или другой формѣ держаться старый порядокъ.

Свою практическую программу сознательный пролетаріатъ будетъ, конечно, стремиться осуществить, не дожидаясь побѣды пролетарской революціи во всей Россіи или во всемъ мірѣ; и чѣмъ энергичнѣе примется онъ за творческую работу въ завоеванныхъ революціей общинахъ, тѣмъ скорѣе падутъ остатки стараго міра.

Выясненію этой практической программы будутъ посвящены слѣдующія главы.

Глава VII.

Государственная власть и общественное самоуправленіе.

I.

Разсѣять тотъ яко-бы философскій туманъ, которымъ призванные и не призванные ученые бюрократы окружили понятіе *государства* лежитъ по-истинѣ въ *кровныхъ* интересахъ пролетаріата. Въ предыдущихъ главахъ намъ уже приходилось мимоходомъ касаться вопроса о государствѣ; приступая теперь къ разсмотрѣнію общественной организаціи, которая, по нашему мнѣнію, болѣе всего соотвѣтствуетъ интересамъ пролетаріата, вѣрнѣе всего ведетъ къ торжеству соціалистическаго идеала, мы считаемъ необходимымъ снова вернуться къ этому вопросу и по возможности внимательно отнестись къ государственнымъ идеямъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ являются чрезвычайно авторитетными для современныхъ русскихъ соціалдемократовъ. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ философомъ-бюрократомъ **Гегелемъ,** тѣмъ самымъ Гегелемъ, на котораго такъ любятъ ссылаться въ своей перебранкѣ «мягкіе» и «твердые» искристы, тѣмъ самымъ Гегелемъ, во имя котораго Плехановъ такъ ловко «діалектически» кувыркается и «по мягкому» и «по твердому», постоянно оставаясь «на высотѣ положенія».

По Гегелю государство — «нравственный организмъ», «всеобщая воля», «объективный духъ», «царство свободы», «высшая изъ всѣхъ цѣлей, цѣль въ себѣ, самоцѣль и конечная цѣль». Государство пред-

ставляетъ изъ себя — говоритъ Гегель — «богатое расчлененіе нравственнаго міра, архитектонику его разумности, которая порождаетъ силу цѣлаго изъ гармоніи его членовъ путемъ яснаго раздѣленія круговъ общественной жизни и ихъ правъ, а также путемъ строго размѣренныхъ соотношеній каждой колонны, арки и контрфорса»...

Государство, по мнѣнію Гегеля, существуетъ, какъ «цѣлое» раньше своихъ «частей», т. е. раньше лицъ, его составляющихъ, которые въ немъ рождаются и имъ порождаются.

Гегель возмущается «поверхностной философіей», «размазней сердца», «суетными мнѣніями» демократовъ вродѣ Фриза, который говоритъ, что «всякое общественное дѣло должно получать *жизнь снизу, изъ народа*» и что «всякой отдѣльной задачѣ народнаго образованія и служенія націи должны посвящать себя *живыя* общественныя группы, неразрывно объединенныя священною силою дружбы». Этимъ демократическимъ предразсудкамъ Гегель противопоставляетъ государственную «законность», увѣряя, что «гдѣ царствуетъ законность, тамъ есть и разумность, разумъ, который можно и должно познать».

Проникнутая разумомъ, государственная власть «поддерживаетъ господство общественнаго надъ частными интересами». «Если эти интересы изолируются, берутъ верхъ надъ общимъ благомъ и угрожаютъ цѣлому, то долгъ правительства обязываетъ его отъ времени до времени обновлять и освѣжать здоровье народа потрясеніями войны, чтобы жизнь цѣлаго не застаивалась, какъ въ болотѣ, а продолжала свое теченіе».

«Цѣлительная сила войнъ», по мнѣнію Гегеля, обнаруживается между прочимъ въ томъ, что ихъ нерѣдко предпринимаютъ для устраненія внутреннихъ опасностей и что счастливыя войны препятствовали внутреннимъ безпорядкамъ и укрѣпляли внутреннюю государственную власть.

Наполеонъ I, воплощавшій въ себѣ сильное «государство», предпринимавшее «цѣлительныя» войны, вызывалъ въ періодъ своего могущества, восторженное преклоненіе со стороны философа-бюрократа.

«Я видѣлъ императора» — писалъ Гегель Нитгам-

меру наканунѣ битвѣ подъ Іеной — «*эту міровую душу*, въ то время, когда онъ проѣзжалъ по городу съ цѣлью рекогносцировки; — въ самомъ дѣлѣ испытываешь удивительное чувство, когда видишь такое существо, сконцентрированное въ одномъ пунктѣ, сидящее на лошади и въ то же время повелѣвающее и управляющее міромъ... Такіе успѣхи въ теченіе времени отъ четверга до понедѣльника возможны лишь для этого необыкновеннаго человѣка, которому нельзя не удивляться». *)

Правда, послѣ паденія Наполеона свои восторги Гегель перенесъ на его побѣдителя, герцога Велингтона, представителя англійской государственной власти. Велингтона Гегель считалъ типичнымъ государственнымъ человѣкомъ, а всякій «государственный человѣкъ» былъ ему столь же милъ, сколь непріятенъ ему былъ «человѣкъ принциповъ».

Нападая на извѣстный «билль о реформѣ» 1831 г., расширявшій кругъ избирателей въ парламентъ, Гегель выражаетъ, опасеніе, что «hommes à principes» (люди принциповъ) станутъ цѣниться выше, чѣмъ «hommes d'état» (государственные люди) и «абстрактное мышленіе» пріобрѣтетъ больше вліяніе, чѣмъ слѣдуетъ.

«Противоположность между hommes d'état и hommes à principes, рѣзко выступавшая во Франціи въ самомъ началѣ революціи и еще не обнаружившаяся въ Англіи, можетъ явиться на сцену вслѣдствіе открытія широкаго пути въ парламентъ. Новый классъ можетъ легко пріобрѣсти вліяніе — боится Гегель — такъ какъ принципы, какъ таковые, просты, а потому они легко схватываются даже невѣжественными людьми».

Понятно, что Гегель преклоняется и передъ Макіавелли, этимъ теоретикомъ «государственныхъ людей», борющихся противъ принциповъ, которые «легко схватываются невѣжественными людьми».

«Гегель — говоритъ Куно Фишеръ — умѣлъ цѣнить значеніе и духовное величіе Макіавелли и нахо-

*) Данныя для характеристики государственныхъ идей и личности Гегеля мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ извѣстнаго труда гегельянца Куно Фишера: «Гегель. Его жизнь, сочиненія и ученіе».

дилъ, что Фридрихъ Великій въ своемъ Антимакіавелли, правда, оспариваетъ и отвергаетъ основныя положенія итальянскаго государственнаго человѣка, но въ своей военной политикѣ на практикѣ слѣдовалъ имъ!»

Эта макіавеллевская политика и сдѣлала въ концѣ концовъ изъ Пруссіи «государство, основанное на разумѣ».

Пруссія 20-хъ годовъ, Пруссія «священнаго союза», поставившая своей цѣлью вытравить всѣхъ вольнодумцевъ, всѣхъ людей принциповъ, представлялась Гегелю «государствомъ, основаннымъ на разумѣ». Не даромъ Германія, по мнѣнію Гегеля, лежала какъ разъ въ центрѣ «разумной части земли».

Въ своей «философіи природы» великій нѣмецкій діалектикъ прилагаетъ свой знаменитый методъ, между прочимъ, для выясненія «характернаго различія между Новымъ свѣтомъ (Америкой) и Старымъ свѣтомъ (Азіей, Африкой, Европой)».

Америка въ своихъ двухъ частяхъ представляетъ «неразвитое раздвоеніе», между тѣмъ, какъ Старый свѣтъ съ его тремя частями составляетъ «совершенное, развитое и примиренное раздвоеніе». Африка и Азія образуютъ противоположность, а Европа есть примиреніе противоположностей, «разумная часть земли, равновѣсіе рѣкъ, долинъ и горныхъ странъ, заключающее въ своемъ центрѣ Германію».

Считая Пруссію «государствомъ, построеннымъ на разумѣ», Гегель цѣнилъ и Россію, гдѣ въ то время царилъ Николай I.

Онъ совѣтывалъ своему другу лифляндскому барону Икскулю, которому не удавалось постичь тайны гегелевской философіи, искать «вліятельнаго положенія въ Россіи».

«Вы счастливы — писалъ Гегель Икскулю — «что имѣете отечество, занимающее такое огромное положеніе во всемірной исторіи, отечество, которому, безъ сомнѣнія, предстоитъ еще гораздо болѣе высокое назначеніе. Другія современныя государства какъ будто уже болѣе или менѣе достигли цѣли своего развитія, быть можетъ, кульминаціонный пунктъ нѣкоторыхъ изъ нихъ находится уже позади, и форма ихъ пріобрѣла постоянный характеръ, тогда какъ Россія, бу-

дучи уже, пожалуй, наиболѣе могучею силою среди остальныхъ государствъ, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ неограниченную возможность развитія своей интенсивной природы. Вы съ вашимъ состояніемъ, талантомъ и знаніемъ имѣете личное счастье надѣяться въ близкомъ будущемъ въ награду за оказанныя уже услуги, на важное положеніе, въ этомъ колоссальномъ зданіи».

Разумѣется, Гегель ожидалъ развитія Россіи, скорѣе въ николаевскомъ духѣ, чѣмъ въ духѣ тѣхъ революцій, которыя, къ его великому огорченію, стали подъ конецъ его жизни потрясать Западную Европу.

«Гегель былъ увѣренъ — пишетъ Куно Фишеръ — что эра революцій и государственныхъ переворотовъ закончилась паденіемъ Наполеона, что наступила пора разумнаго изслѣдованія и прогресса, какъ онъ возвѣстилъ это въ своихъ вступительныхъ рѣчахъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ: эра сознательнаго, спокойнаго и обдуманнаго развитія, признанная въ его системѣ заключительнымъ актомъ мудрости, *эволюція справедливости* въ мірѣ, составляющая и по Канту задачу будущаго...

Взрывы революціи вспыхивали вновь на міровой сценѣ и открывали неожиданныя и непріятныя картины будущаго какъ философу Гегелю, такъ и историку Нибуру.»

Презираемая Гегелемъ «чернь», вѣроятно, отъ неумѣнія «мыслить діалектически» нарушала «эру справедливости» самымъ непріятнымъ и неожиданнымъ образомъ, такъ какъ видѣла въ правительствѣ не представителя «нравственнаго организма», «всемірнаго духа» и «свободы», а «злонамѣренную и враждебную народу власть, передъ которой нужно быть на сторожѣ...». *)

Хорошо еще, что у всякаго государства, построеннаго на разумѣ, имѣется *полиція*, вдохновляемая всемірнымъ духомъ.

«Одно изъ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ бѣдствій,

---

*) «Мысль — говоритъ Гегель — что правительство, какъ таковое, есть злонамѣренная и враждебная народу власть, передъ которою нужно быть на сторожѣ и искать защиты въ конституціи, есть представленіе, по своему происхожденію и настроенію, свойственное черни».

которое должна предупреждать и устранять бдительная полиція — говоритъ Гегель — есть возмущеніе *черни*, т. е. массы совершенно неимущихъ людей, боящихся труда, настроенныхъ противъ общества и государства, всегда готовыхъ къ возстанію и насилію».

Роль полиціи, какъ видите, почти столь же «цѣлительна», какъ и роль войнъ.

Къ «цѣлительнымъ» государственнымъ силамъ принадлежитъ, конечно, и наказаніе.

Наказаніе, по Гегелю, абсолютная отрицательность права, т. е. его утвержденіе. Отрицаніе права — преступленіе, а отрицаніе этого отрицанія — наказаніе.

Въ наказаніи обнаруживается право и справедливость.

Наказаніе есть право *по отношенію* къ преступнику и при томъ его собственное право, такъ какъ онъ имѣетъ право требовать, чтобы къ нему отнеслись, какъ къ разумному и свободному существу, а не какъ къ вредному существу, которое хотятъ сдѣлать безвреднымъ. «Возмездіе — говоритъ Гегель — не должно быть непремѣнно равнымъ преступленію, за исключеніемъ убійства, за которымъ необходимо должна слѣдовать смертная казнь. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь есть полный объемъ бытія, слѣдовательно, наказаніе въ этомъ случаѣ должно состоять не въ отнятіи у жизни какой-либо цѣнности, а въ отнятіи самой жизни».

И такъ осужденный, которому накидываютъ на шею петлю, можетъ радоваться, что обрѣтаетъ наконецъ, свое утерянное право.

Конечно, подобныя выгоды не пріобрѣтаются даромъ.

Государство требуетъ отъ гражданъ жертвъ. Эти жертвы предполагаютъ существованіе храбрости, но храбрости особенной, спеціально государственной. Она, по словамъ Гегеля, представляетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ «отвага животнаго и работника» или храбрость рыцаря, она носитъ не личный, а *политическій* характеръ и воплощается въ особомъ *сословіи храбрости*, именно въ *постоянномъ войскѣ*, въ которомъ долженъ служить каждый гражданинъ.

«Истинная храбрость образованныхъ народовъ есть готовность къ жертвѣ на службѣ государства, при чемъ

особь есть лишь одна изъ многихъ единицъ. Здѣсь важна не личная отвага, а подчиненіе всеобщему». «Эта форма храбрости требуетъ, слѣдовательно, совершеннаго повиновенія и отреченія отъ собственнаго мнѣнія, *отсутствія* собственнаго духа и въ то же время самаго интенсивнаго и широкаго *присутствія* духа и рѣшимости въ необходимый моментъ, самой враждебной и въ то же время личной борьбы противъ особей при совершенно равнодушномъ и даже благосклонномъ отношеніи къ нимъ, какъ особямъ». «Принципъ современнаго міра, *мысль* и *всеобщее*, придалъ храбрости высшую форму; этотъ принципъ изобрѣлъ *огнестрѣльное оружіе*, изобрѣтеніе его вовсе не случайное, превратило чисто личную храбрость въ абстрактную».

Такимъ образомъ японскіе и русскіе солдаты, покрывая своими трупами Манджурію, проявляютъ храбрость «абстрактную» и «подчиняются всеобщему».

Для проявленія подобной «абстрактной храбрости», для принесенія государству жертвъ, для вѣчной «покорности и услужливости» необходимо, по увѣренію Гегеля, сознаніе *благородное*.

Благородному сознанію онъ противополагаетъ сознаніе *низменное*, которое «видитъ въ государственной власти лишь оковы и притѣсненіе, служитъ противъ воли, покоряется понуро и всегда готово къ возстанію».

«Благородное же сознаніе» не имѣетъ другой цѣли, какъ отдаться государственной власти съ готовностью жертвовать собою; государственная власть съ его точки зрѣнія должна быть возвышенна, олицетворена, превращена въ абсолютнаго властителя; она должна встрѣчать поклоненіе, какъ земное божество... Гдѣ есть жертва, тамъ есть героизмъ. Отчужденіе отъ самого себя, имѣющее характеръ добровольнаго и восторженнаго подчиненія, т. е. жертвы своимъ *я*, состоитъ въ «героизмѣ службы»... Героизмъ этой службы завершается въ «героизмѣ лести».

«Такимъ образомъ тенденція этой власти — быть властью *неограниченнаго монарха* — становится *неограниченною*; языкъ лести возводитъ власть на степень чистой «*всеобщности*»».

Эта божественная власть, возведенная на степень всеобщности «героизмомъ службы и лести», должна все

же остановиться передъ неприкосновенностью «частной собственности». Уничтожить частную собственность государство, по мнѣнію Гегеля, не имѣетъ права.

Какъ не «всеобща» государственная власть, она все же представляетъ лишь одну изъ силъ «дѣйствительности», которая у Гегеля совпадаетъ съ разумомъ». Другой силой дѣйствительности является *богатство*. Эти двѣ силы одинаково возникаютъ изъ правового строя, изъ правового государства и всемірнаго царства, изъ государства и права, изъ государства и обладанія. И какъ по отношенію къ государственной власти сознаніе бываетъ «благороднымъ» и «низменнымъ», такъ и по отношенію къ «богатству». «Благородное сознаніе» испытываетъ благодарность къ богатству за полученныя благодѣянія, «низменное же сознаніе» принимаетъ благодѣянія богатства, какъ «преходящія и презрѣнныя наслажденія».

Изъ представителей богатства Гегель особо выдѣляетъ представителей *крупнаго землевладѣнія*, называя ихъ «субстанціональнымъ сословіемъ естественной нравственности». Они принимаютъ участіе въ законодательной дѣятельности, составляя особую (верхнюю) палату. Это, по его мнѣнію, какъ бы монархи среди народа, своимъ рожденіемъ призванные и уполномоченные служить поддержкою трону и обществу».

Вторую палату законодательнаго собранія составляютъ представители «обширныхъ сферъ гражданскаго общества». Здѣсь большую роль у Гегеля играетъ *должность*. Критикуя вюртембергскую конституцію, представлявшую право избирательнаго голоса лицамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста и обладающимъ извѣстнымъ цензомъ, Гегель настаиваетъ на необходимости при дарованіи избирательнаго голоса считаться прежде всего съ тѣмъ, есть ли у человѣка должность или нѣтъ? «У кого есть должность, тотъ въ глазахъ людей составляетъ *нѣчто*; если же у человѣка нѣтъ ничего, кромѣ опредѣленнаго количества лѣтъ и гульденовъ, то онъ въ глазахъ міра не составляетъ *ничего* и потому не можетъ быть представителемъ ничего».

И самъ философъ, вѣроятно, не чувствовалъ бы себя «чѣмъ-нибудь», если бы не имѣлъ «должности».

«Моя земная цѣль — писалъ онъ Нитгаммеру 10 октября 1811 г. — достигнута, такъ какъ человѣкъ,

получившій должность и привлекательную жену, вполнѣ законченъ; это главныя статьи, составляющія цѣль стремленій въ личной жизни, остальное уже не настоящія главы, а лишь параграфы и примѣчанія».

«Какъ ни привлекательна обособленность и независимость—писалъ онъ Нитгаммеру въ 1807 г., когда у него не было еще «должности»—тѣмъ не менѣе всякая дѣятельность должна стоять въ связи съ государствомъ и заключается въ работѣ для него».

Не только будучи директоромъ гимназіи, но и будучи уже профессоромъ, философъ считалъ себя «чиновникомъ». Такъ, напр., въ расцвѣтѣ своей берлинской профессуры, онъ обращается съ жалобой на одну рѣзкую анонимную рецензію въ прусское министерство, ссылаясь на то, что онъ «прусскій чиновникъ». Вѣроятно, онъ чувствовалъ себя «прусскимъ чиновникомъ» и тогда, когда добивался запрещенія читать лекціи талантливому молодому ученому Бенеке, относившемуся слишкомъ критически къ гегелевской философіи.

Куно Фишеръ, сообщая со словъ Гайма, что свою статью противъ вюртембергскихъ земскихъ чиновъ, будировавшихъ противъ короля, Гегель написалъ, по предложенію министра фонъ Вангенгейма, обѣщавшаго философу мѣсто канцлера въ Тюбингенскомъ университетѣ, замѣчаетъ:

«Такая побочная цѣль нисколько не ослабила бы объективную цѣнность его статьи; мы не сомнѣваемся также въ томъ, что Гегель обладалъ способностью и стремился къ сочетанію дѣятельности преподавателя съ какой нибудь административной дѣятельностью; быть можетъ, онъ хотѣлъ даже вполнѣ посвятить себя административной дѣятельности. Когда онъ подавалъ прошеніе объ отставкѣ баденскому правительству, получивъ приглашеніе въ Берлинъ, онъ почти прямо сказалъ, что ищетъ случая, становясь старше, перейти отъ временной функціи преподаванія философіи въ университетѣ къ другой дѣятельности».

Занять чисто административную должность Гегелю не удалось, но, и будучи профессоромъ философіи, онъ считался настолько полезнымъ прусскому государству, «построенному на разумѣ», что среди лицъ, чествовавшихъ Гегеля въ Берлинѣ 27 августа 1826 г. былъ и

тогдашній Плеве, министръ юстиціи Камитцъ, котораго Куно Фишеръ рекомендуетъ, какъ «вызывавшаго страхъ и ненависть гонителя демагоговъ».

Во всякомъ случаѣ, Гегель старался, чтобъ его жизнь не расходилась съ его ученіемъ о государствѣ. Въ этомъ ученіи сквозь туманную оболочку красивыхъ и нравственныхъ словъ довольно ясно просвѣчиваетъ «истинная сущность» государства. «Нравственный организмъ» «діалектически» развертывается въ союзъ или «взаимное упованіе» «богатства и должности», богачей и чиновниковъ, господствующихъ надъ народною массою, надъ «чернью», которая отчасти превращена въ «постоянное войско», по мѣрѣ надобности отправляемое на военную бойню для сохраненія внутренняго спокойствія. Въ «хитрой механикѣ» этого господства богатства и должности большую роль играетъ обманъ, а въ этомъ обманѣ — хитрое сплетеніе красивыхъ и нравственныхъ фразъ, выдаваемое за сущность государства. Это сплетеніе въ сущности не имѣетъ ничего общаго съ діалектикой, если ее понимать, какъ методъ мышленія, разсматривающій явленія въ ихъ возникновеніи и развитіи, оно скорѣе относится къ области *резонерства!* «Резонерству» самъ Гегель даетъ превосходное опредѣленіе. Всякое резонерство, по его словамъ, бываетъ произвольнымъ, при чемъ одни основанія считаются хорошими, другія — дурными въ зависимости отъ субъективныхъ мнѣній, оцѣнокъ и интересовъ. Нѣтъ ничего, чтобы не могло быть обосновано и прикрашено резонерствомъ.

«Въ наше время — говоритъ Гегель — богатое рефлексіей и резонерствомъ, не далеко ушелъ тотъ человѣкъ, который не можетъ найти хорошихъ основаній для всего, даже и самого дурного и извращеннаго. Все, что было испорчено въ мірѣ, испорчено изъ хорошихъ основаній».

Резонерство — методъ преимущественно софистовъ и іезуитовъ, но на него въ своемъ государственномъ ученіи сбивается и самъ Гегель, увлекаемый своимъ бюрократическимъ субъективизмомъ. Резонерство часто смѣшиваютъ съ діалектикой, и, напр., типичный современный резонеръ Плехановъ серьезно считаетъ себя діалектикомъ.

Мы потому такъ подробно остановились на государственномъ ученіи Гегеля, что оно имѣло сильное вліяніе на нѣкоторыхъ вожаковъ соціалдемократіи, въ особенности на Лассаля, который вообще не сумѣлъ, подобно Марксу, «перевернуть» гегелевскую философію достаточно рѣшительно. Лассаль увлекся сплетеніемъ красивыхъ и нравственныхъ словъ, послужившимъ Гегелю для прикрытія государственной сущности; Лассаль призналъ всѣ красивыя опредѣленія, данныя государству Гегелемъ, за истину и старался связать идею этого истиннаго государства съ идеей четвертаго сословія или рабочаго класса.

Въ «Программѣ работниковъ» онъ заявляетъ, что четвертое сословіе понимаетъ цѣль государства именно такъ, какова она по-истинѣ (wie er in Wahrheit beschaffen ist) и для выясненія этого пролетарскаго пониманія государства заимствуетъ у Гегеля сплетеніе красивыхъ и нравственныхъ словъ, которымъ тотъ прикрывалъ наготу классового господства.

Указавъ, что исторія—это борьба съ природой, съ нищетой, незнаніемъ, бѣдностью, безсиліемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ несвободою всякаго рода, въ которой мы находились, когда человѣческій родъ выступалъ въ началѣ исторіи, Лассаль заявляетъ, что «функція государства состоитъ въ выполненіи этого развитія свободы, этого развитія человѣческаго рода къ свободѣ.» «Государство — это единство индивидумовъ въ ихъ нравственномъ цѣломъ, которое въ милліонъ разъ увеличиваетъ силы *всѣхъ* отдѣльныхъ лицъ, включенныхъ въ это объединеніе, которое дѣлаетъ въ милліонъ разъ многообразнѣе силы, представляемыя въ распоряженіе ихъ *всѣхъ*, какъ отдѣльныхъ лицъ.

«Цѣль государства такимъ образомъ не въ томъ, чтобы *охранить* отдѣльному лицу его личную свободу и собственность, съ которыми онъ по идеи буржуазіи уже вступаетъ будто-бы въ государство; цѣль государства скорѣе заключается какъ разъ въ томъ, чтобы этимъ объединеніемъ дать отдѣльнымъ лицамъ возможность достигнуть такихъ цѣлей, такой ступени бытія, которой они, *какъ* отдѣльныя лица, *никогда* не могли бы достигнуть, сдѣлать ихъ способными добиться такой суммы *образованія*, *силы и свободы*, которая

для нихъ въ общемъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, была бы по-просту не достижима.

«Цѣль государства такимъ образомъ—привести человѣческое существо къ тому, чтобы оно *положительно развернулось* и *прогрессивно развивалось*, другими словами образовать человѣческое *назначеніе* — т. е. культуру, къ которой способенъ человѣческій родъ, въ *дѣйствительное бытіе*; оно является *воспитаніемъ и развитіемъ* человѣческаго рода къ свободѣ.

Вотъ дѣйствительная нравственная природа государства, мм. гг., вотъ его истинная и высшая задача. И это на столько такъ, что она поэтому во всѣ времена *силою* (Zwang) самихъ вещей болѣе или менѣе выполнялась государствомъ, даже безъ его воли, даже безсознательно, даже противъ воли его руководителей.»

Въ примѣчаніи къ той же «программѣ работниковъ» Лассаль указываетъ на опасность идеи *либерализма*, превращающей государство просто въ буржуазное общество, идеи, которая порождаетъ «современное варварство» и ведетъ къ застою и паденію. Онъ радуется, что въ Германіи противъ этой идеи «борется античное образованіе, которое разъ навсегда сдѣлалось непреходящимъ основаніемъ нѣмецкаго духа.» Этимъ образованіемъ порождается правильный, по мнѣнію Лассаля, взглядъ, что «*государство есть учрежденіе, въ которомъ должны осуществляться всѣ добродѣтели человѣчества.*»

Въ увлеченіи государственной идеей Лассаль защищаетъ не только государство, «какимъ оно должно быть», но и государство, каково оно въ настоящее время хотя-бы въ Пруссіи; онъ ищетъ союзниковъ для защиты «государства» не только среди представителей «античнаго образованія», но и среди членовъ прусской судебной палаты.

Въ своей послѣдней защитительной рѣчи онъ обращается къ судьямъ (берлинской судебной палаты), какъ къ людямъ, которые не принадлежатъ къ «тѣмъ современнымъ варварамъ, которые ненавидятъ государство, не то или другое опредѣленное государство, не ту или другую государственную *форму*, но *государство вообще*, и которые, какъ они неоднократно ясно сознавались, лучше всего желали бы от-

мѣнить всякое государство, юстицію и полицію продать съ молотка наименѣе требовательнымъ, войну предоставить вести акціонернымъ обществамъ, чтобы нигдѣ во всемъ цѣломъ не осталось ни одного нравственнаго пункта, откуда можно было-бы оказать сопротивленіе ихъ вооруженному капиталами стремленію къ эксплуатаціи.

«Какъ ни велики различія, раздѣляющія насъ съ вами, милостивые государи — говоритъ онъ прусскимъ судьямъ—*по отношенію къ этому разложенію и уничтоженію всего нравственнаго мы стоимъ рука объ руку*. Древній огонь Весты, государство я защищаю съ вами противъ этихъ современныхъ варваровъ».

Гегельянскимъ «обожествленіемъ» государства объясняется и отношеніе Лассаля къ Бисмарку, въ которомъ онъ несомнѣнно тоже видѣлъ союзника въ борьбѣ за «древній огонь Весты» противъ «современныхъ варваровъ». Лассаль понималъ, конечно, что Гегель, видѣвшій въ Наполеонѣ I «всемірный духъ на конѣ», въ Бисмаркѣ угадалъ бы всемірный духъ въ прусской каскѣ.

Бисмаркъ былъ такой же типичный государственный практикъ, какъ и Наполеонъ I, и оба, держались политики «желѣза и крови», неизбѣжныхъ спутниковъ «нравственнаго организма», именуемаго государствомъ.

Необходимость желѣза и крови должны были признать и оба государственныхъ теоретика: Гегель и Лассаль. Мы видѣли уже, какъ цѣлительны были въ глазахъ Гегеля войны; что же касается Лассаля, то его послѣднимъ планомъ было заставить гамбургскихъ рабочихъ принять резолюцію, требующую отъ Бисмарка, чтобы онъ присоединилъ къ Пруссіи Шлезвингъ-Гольштанію противъ воли Австріи. Лассаль понималъ, конечно, что это присоединеніе не обойдется безъ желѣза и крови, но, вѣдь, безъ кровавыхъ жертвъ «древній огонь Весты» можетъ погаснуть.

Если Лассаль съ одной стороны своею могучею агитаціонной дѣятельностью способствовалъ тому, что пробужденіе классового сознанія пролетаріата пошло ускореннымъ темпомъ, то съ другой стороны попыткой объединить идею рабочаго класса съ идеей государства онъ отчасти увлекъ пролетаріатъ на ложный путь. Конечно, жизнь жестоко учила, учитъ и въ концѣ

концовъ научитъ пролетаріатъ правильному отношенію къ государству, какъ къ силѣ ему враждебной, но соціалдемократія не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ далеко еще не освободилась отъ государственныхъ идлюзій. Здѣсь видно, какъ опасно можетъ быть для пролетаріата внесеніе извнѣ идей, заимствованныхъ даже у самого Гегеля.

Признаніе государства истиннымъ творцомъ соціализма окутано у Лассаля гегельянскимъ туманомъ, у многихъ другихъ соціалистовъ-государственниковъ эта идея выступаетъ съ дѣтскою простотою и наивностью. Типичнымъ примѣромъ подобной простоты и дѣтской вѣры въ государство можетъ служить извѣстная книга «Merrie England» (Радостная Англія) англійскаго соціалиста **Роберта Блатчфорда**, редактора соціалистической газеты «Clarion». «Merry England»—одна изъ самыхъ распространенныхъ соціалистическихъ книгъ. Въ одной Англіи она разошлась въ милліонѣ экземпляровъ. Она переведена на нѣмецкій, французскій, голландскій и испанскій языки. Въ Бельгіи ее издалъ оффиціальный органъ бельгійской соціалдемократіи, и переводчикъ рекомендуетъ ее, какъ сочиненіе, гдѣ «соціалистическія теоріи изложены съ ясностью и мощью неопровержимыхъ аргументовъ». И нѣмецкій «Vorwärts» считаетъ Блатчфорда однимъ изъ выдающихся соціалистическихъ мыслителей. Во всякомъ случаѣ Блатчфордъ занимаетъ въ международной соціалдемократіи авторитетное мѣсто, и познакомиться съ его взглядами на соотношеніе между соціализмомъ и государствомъ очень интересно.

«Соціализмъ—говоритъ Блатчфордъ — не состоитъ въ захватѣ насиліемъ собственности богатыхъ и въ раздѣлѣ ея между бѣдными. Соціалисты не требуютъ, чтобы простымъ постановленіемъ парламента или внезапной революціей было установлено равенство между людьми и чтобы ихъ обязали удержать его...

«Нѣтъ, соціализмъ не представляетъ ничего подобнаго. Это—научная система управленія, очень разумная, очень справедливая и очень *практическая*.

«Обыкновенно раздѣляютъ — говоритъ Блатчфортъ —соціализмъ на два вида:

1. Соціализмъ практическій.
2. Соціализмъ идеальный.

Въ дѣйствительности это двѣ части одного и того же цѣлаго; соціализмъ практическій—это своего рода предварительный этапъ къ соціализму идеальному, такъ что мы могли-бы съ большимъ правомъ называть его соціализмомъ элементарнымъ и соціализмомъ болѣе развитымъ.

Практическій соціализмъ такъ простъ, что его можетъ понять ребенокъ. Это—своего рода національная система кооперацій, *организованная государствомъ*. Его программа состоитъ, главнымъ образомъ, въ требованіи, чтобы земля и орудія производства сдѣлались общею собственностью націи и чтобы пользовалась и распоряжалась ими нація къ выгодѣ націи.»

Въ видѣ примѣра Блатчфордъ беретъ добычу и обработку соли.

«Копи и фабрики составляютъ собственность нѣсколькихъ фирмъ, конкуррирующихъ между собою. Результаты: множество мелкихъ фирмъ раззорены и много крупныхъ на пути къ этому. Рабочіе въ соляной промышленности работаютъ по 12 часовъ въ день, зарабатывая по 3 шиллинга въ день, а публика больше разбрасываетъ соли, чѣмъ потребляетъ. Поставьте эту отрасль подъ управленіе государства, — перестанутъ производить соль для безполезной растраты; *установятъ десяти часовой рабочій день* и увеличатъ заработную плату до 40 шиллинговъ (20 руб.) въ недѣлю.

«Можно примѣнить тотъ же режимъ къ другимъ отраслямъ промышленности...» «Вы замѣчаете — говоритъ авторъ — что при режимѣ практическаго соціализма существуетъ заработная плата, и, вѣроятно, заработная плата руководителей будетъ выше заработной платы рабочихъ, и заработная плата артистовъ, докторовъ и другихъ интеллигентныхъ и обученныхъ лицъ будетъ выше заработной платы ткачей и матросовъ.»

Таковъ по Блатчфорду «практическій соціализмъ». Что касается «идеальнаго», то при его режимѣ не будетъ «ни денегъ, ни заработной платы». Но «государство» остается. «Промышленность страны будетъ организована и направляема государствомъ, совершенно также это имѣетъ мѣсто въ настоящее время для желѣзныхъ дорогъ.» «Единственная разница, между

первымъ министромъ (идеальнымъ, конечно!) и угольщикомъ будетъ состоять въ рангѣ и занятіяхъ».

Блатчфордъ ставитъ далѣе вопросъ: «какимъ образомъ соціализмъ можетъ быть осуществленъ?». Но ставитъ его, какъ и большинство соціалистовъ-государственниковъ очень неохотно. «Я сознаюсь,—говоритъ онъ—что я поднимаю этотъ вопросъ съ большой неохотой. Установленіе и организація соціалистическаго государства—это два пункта, на которыя я обращаю всего менѣе вниманія.»

«Соціализмъ не можетъ быть осуществленъ внезапной *революціей*. Онъ естественно выйдетъ изъ нашей организаціи и разовьется постепенно. Но его ростъ и развитіе могутъ быть ускорены.

«Меня—говоритъ далѣе авторъ—всегда забавляло слышать вопросы людей слишкомъ практичныхъ: что вы будете дѣлать? когда вы начнете? гдѣ вы остановитесь? Дорогой, господинъ Смитъ, слишкомъ поздно спрашивать когда мы начнемъ? *Мы начали**). *Почти всѣ законы болѣе и менѣе соціалистичны, такъ какъ почти всѣ создаютъ для государства право управлять отдѣльными личностями въ выгодъ націи. Но въ эти послѣдніе годы законы становятся все болѣе и болѣе соціалистическими...*»

Въ видѣ примѣра Блатчфордъ приводитъ отмѣну права частныхъ владѣльцевъ брать плату за проѣздъ по дорогамъ и черезъ мосты, установленіе извѣстной нормы для ширины улицъ, запрещеніе строить дома задняя стѣна къ задней и т. д. Среди «соціалистическихъ законовъ» будущаго авторъ указываетъ, между прочимъ, запрещеніе загрязнять рѣки, ставя и эту реформу рядомъ, на одну линію съ «переходомъ земли и всѣхъ орудій производства во власть государства.»

Но чтобы осуществить соціалистическія реформы, нужно — замѣчаетъ Блатчфордъ—расположить въ ихъ пользу публику и имѣть демократическій парламентъ.

«Такимъ образомъ первая необходимая вещь — воспитаніе народа, вторая — соціалистическая партія.

«Я хорошо знаю, что можно имѣть демократическій парламентъ и не добиться никакой соціалистической реформы. Примѣръ Америка. Но, если демокра-

---

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

тическій парламентъ имѣетъ за собой соціалистическую страну, то не можетъ быть мѣста никакимъ опасеніямъ.»

Таковъ соціализмъ въ представленіяхъ Блатчфорда, и таково въ чистомъ видѣ представленіе большинства интеллигентныхъ соціалистовъ — государственниковъ. Очень характерно, что для руководителей и людей образованныхъ, изъ которыхъ будетъ состоять бюрократія «соціалистическаго» государства, Блатчфордъ въ періодъ «практическаго соціализма» хочетъ сохранить высшее вознагражденіе, чѣмъ для «ткачей и матросовъ». Даже въ періодъ «идеальнаго соціализма» одни будутъ «угольщиками», другіе «первыми министрами».

Блатчфордъ принадлежитъ къ тѣмъ соціалистамъ, которые вполнѣ сознательно стоятъ на государственной точкѣ зрѣнія, у которыхъ современное государство сливается съ государствомъ соціалистическимъ, но среди соціалистовъ не мало и такихъ, которые, защищая «государство» во имя соціализма, имѣютъ въ виду общественную организацію, *по существу* совершенно не похожую на то государство, которое существовало до сихъ поръ и существуетъ въ настоящее время. Къ такимъ «государственникамъ» по недоразумѣнію принадлежитъ извѣстный бельгійскій соціалистъ **Де Папъ** (De Paepe)*), который въ своемъ докладѣ Брюссельскому конгрессу «Интернаціонала» 1874 года объ организаціи общественныхъ службъ въ будущемъ обществѣ (De l'organisation des services publics dans la société future), *формально* защищая необходимость государства, *по существу* доказываетъ его зловредность для пролетаріата.

«Экономисты, сторонники манчестерской школы, съ учениками Бастіа во главѣ—говоритъ Де Папъ въ концѣ своего обширнаго доклада — свели функцію государства до роли сторожа общественной безопасности; мы снимаемъ съ государства-жандарма его аксельбантъ и портупею и передаемъ общественную безопасность подъ охрану общины; это они, быть можетъ, намъ простятъ, но чего они не могутъ намъ простить,

*) Де Папъ, родившійся въ 1841 году въ Остенде и умершій отъ чехотки въ 1890 г. въ Каннѣ, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ знаменитаго «Интернаціонала» и однимъ изъ основателей бельгійской рабочей партіи.

что въ ихъ глазахъ мерзость запустѣнія, это то, что мы хотимъ замѣнить въ рукахъ государства саблю, которая убиваетъ, книгой, которая просвѣщаетъ, киркой, которая проникаетъ въ земныя нѣдра, локомотивомъ, который перевозитъ пассажировъ и продукты; это то, что мы хотимъ сдѣлать изъ государства вмѣсто агента угнетенія и деспотизма, агента просвѣщенія и агента производства и обращенія товаровъ.

«Мы видѣли въ государствѣ то, что въ немъ видятъ и чего въ немъ не видятъ; мы видѣли собственными глазами и безъ очковъ Бастіа, что государство насъ разстрѣливаетъ, насъ судитъ, насъ заключаетъ въ тюрьмы и мы хотимъ лишить государство его судовъ, его тюремщиковъ и его разстрѣльщиковъ Мы видѣли своими глазами, что государство, да, даже современное государство, государство буржуазное, когда оно хотѣло производить само вмѣсто того, чтобы предоставить производство кампаніямъ капиталистовъ, имѣющихъ въ виду лишь обогащеніе, производило лучше и дешевле, чѣмъ эти кампаніи: мы имѣемъ здѣсь въ виду государственныя желѣзныя дороги въ Бельгіи, почтовое вѣдомство и постройку морскихъ портовъ. Но то, чего мы не видѣли и что придется увидѣть намъ или нашимъ потомкамъ, это — *государство рабочее, государство, основанное на соединеніи свободныхъ рабочихъ общинъ*, окончательно взявшее на себя завѣдываніе всѣми крупными соціальными предпріятіями, которыя государство буржуазное предоставляетъ Мирамъ, Лафанамъ и Дюмонсо къ великому вреду рабочаго класса...»

«Что насъ задѣваетъ болѣе всего — говоритъ нѣсколько раньше Де Папъ—это то инстинктивное отвращеніе, которое соціалисты, согласные съ нами въ другихъ пунктахъ, чувствуютъ къ передачѣ какой-бы то ни было функціи государству, къ какому бы то ни было государственному вмѣшательству; между ними и нами, думаемъ мы, существуетъ по-просту большое недоразумѣніе: быть можетъ насъ раздѣляетъ одно только слово государство; если это такъ, мы охотно отбросили бы это слово, заявивъ все же, что мы сохраняемъ саму вещь (la chose) и даже въ бо́льшемъ объемѣ подъ болѣе пріятной оболочкой какого-нибудь другого

названія: общественной администраціи, делегаціи федеративныхъ общинъ и т. д.»

Что защита «государства» у Де Папа въ значительной степени недоразумѣніе, видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ его доклада, которыя во многомъ вполнѣ соотвѣтствуютъ антигосударственному представленію объ организаціи пролетарскаго общества.

«Но на ряду съ тѣми—говоритъ Де Папъ—которые ставятъ намъ въ упрекъ роль, отводимую нами государству, есть и такіе, которые отвергаютъ роль, отводимую нами общинѣ. Для якобинцевъ всѣхъ оттѣнковъ государство—великое все, богъ Панъ, въ которомъ все должно жить и двигаться. Для нихъ государство не только спеціальный органъ, имѣющій безъ сомнѣнія очень большое значеніе и высокое(!) назначеніе, но весь соціальный организмъ въ цѣломъ! Они не понимаютъ, какъ можно войти въ жизнь безъ входнаго государственнаго билета и какъ можно уйти изъ этого міра безъ государственнаго паспорта; они не простятъ намъ, что мы отнимаемъ у государства все его сіяніе, весь его блескъ, его блестящее вооруженіе, его прекрасныя красныя и черныя одѣянія, чтобы одѣть его въ блузу углекопа или кочегара. Нѣтъ больше генераловъ республики, нѣтъ больше прокуроровъ республики! Ну, развѣ это не мерзость запустѣнія? Сдѣлать изъ общины стержень соціальной организаціи, не смѣшно ли это!? Община (коммуна) не является ли простымъ территоріальнымъ подраздѣленіемъ департамента (губерніи), какъ этотъ послѣдній—простое подраздѣленіе государства, которому принадлежитъ право назначенія префекта и мэра, губернатора и бюргермейстера. Такъ хочетъ республика единая и нераздѣльная! Что касается вашей соціальной коммуны (общины), которая не удовлетворяется полученіемъ жизни отъ государства, а претендуетъ напротивъ на то, что изъ нея должно исходить государство, что она должна сдѣлать изъ государства двигателя соціализма, то эта старая поджигательница (pétroleuse) подвиги которой мы уже знаемъ и которую мы уже три раза убивали при крикахъ *да здравствуетъ республика* въ 1793 гильотиной, въ іюнѣ 1848 г. ружейными залпами, въ маѣ 1871 г. митральезами!

Очень хорошо! господа великіе граждане Горы!

Мы признаемся, что ваши громы немножко страшнѣе громовъ вашихъ въ данномъ случаѣ союзниковъ, первосвященниковъ ортодоксальной экономической секты, которые удовлетворяются тѣмъ, что даютъ вашимъ подвигамъ благословеніе *своей* науки: во имя свободы труда, предоставляйте работать скорострѣльнымъ ружьямъ, предоставляйте палить изъ митральезъ, предоставляйте проходить пулямъ черезъ тѣло пролетарія... Но, господа, именно потому, что мы не хотимъ позволять себя осуждать, заключать въ тюрьмы, разстрѣливать или гильотинировать, именно потому мы не желаемъ больше вашихъ судей, вашихъ тюремщиковъ, вашихъ сыщиковъ и вашихъ палачей. Якобинскому представленію всемогущаго государства и подчиненной общины мы противополагаемъ представленіе общины освобожденной, которая сама назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ безъ исключенія, сама создаетъ свои уставы, свои мѣстныя службы, свою полицію. «Либеральному» представленію государства-жандарма мы противопоставляемъ представленіе государства *разоруженнаго*, которому за то поручено обученіе юношества и центральное завѣдываніе крупными работами. — Община становится по преимуществу органомъ политическихъ функцій или того, что называется ими: закона, правосудія, безопасности, гарантіи договора, покровительства немощнымъ, гражданской жизни; но она въ то же время органъ всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ службъ. Государство становится по преимуществу органомъ научнаго единства и необходимыхъ обществу крупныхъ работъ въ ихъ цѣломъ. Политическая децентрализація и экономическая централизація — таково, намъ кажется, положеніе, къ которому приводитъ это новое представленіе о двойной роли общины и государства, представленіе, основанное на анализѣ общественныхъ службъ, которыя раціонально свойственны каждому изъ этихъ двухъ естественныхъ органовъ коллективной жизни».

Здѣсь, повторяемъ, много вѣрныхъ указаній; особенно цѣннымъ мы считаемъ протестъ противъ якобинства, которое такъ упорно присасывается къ соціалдемократіи. Такъ, напримѣръ, «Искра» пытается подойти къ русскому пролетаріату не только съ іезуитизмомъ, но съ родственнымъ ему якобинизмомъ.

Откровенный Ленинъ прямо заявляетъ, что «якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, *сознавшаго* свои классовые интересы, это и есть *революціонный соціалдемократъ*». Это опредѣленіе является прямымъ выводомъ изъ всего, что говорила до сихъ поръ «Искра», но въ данное время ея «криволинейные» вожди въ родѣ Плеханова откровенность считаютъ «недипломатичной» и пытаются отвести глаза отъ якобинства и іезуитства дешевыми анекдотами и натянутыми шутками.

Въ «представленіяхъ» Де Папа, повторяемъ, много пролетарской правды, но на ряду съ этимъ не мало и существенныхъ недоразумѣній. Исходя изъ понятія о «вещи» не существующей, а лишь воображаемой, изъ государства, лишеннаго политической власти, но за то организующаго общественное производство, Де Папъ не можетъ хорошенько разобраться въ понятіи «вещи» реально существующей, государства, какъ проявленія политической власти господствующаго класса. Отнимая у государства военную, полицейскую, судебную и т. д. власти, Де Папъ уничтожаетъ само государство, уничтожаетъ всю ту организацію, которую постепенно создали классы угнетающіе и эксплуатирующіе, чтобы держать въ повиновеніи угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ. Де Папъ придаетъ большое значеніе государственнымъ монополіямъ, государственнымъ желѣзнымъ дорогамъ и т. д. и противопоставляетъ эти государственныя предпріятія предпріятіямъ частныхъ компаній, между тѣмъ, какъ тѣ такъ и другія одинаково являются предпріятіями капиталистическими, буржуазными, основанными на эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей. Не являются ли, наприм., владѣльцы государственныхъ бумагъ собственниками государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и не составляютъ-ли доходы съ нихъ прибавочной стоимости, получаемой капиталистами въ видѣ «купоновъ» или процентовъ? Не стоитъ ли водочная монополія въ зависимости отъ крупныхъ водочныхъ заводчиковъ?

Во всякомъ случаѣ государственныя хозяйственныя предпріятія устраиваетъ крупная буржуазія въ своихъ выгодахъ.

Государственныя предпріятія облегчаютъ, между прочимъ, «финансовую политику», т. е. облегчаютъ ту

«хитрую механику», благодаря которой рабочій народъ не только кормитъ своихъ эксплуататоровъ, но и содержитъ, войско полицію и другія средства своего угнетенія. Часть прибавочной цѣнности, получаемой отъ государственныхъ предпріятій, идетъ на пополненіе государственной казны, когда становится затруднительнымъ и невозможнымъ для буржуазіи увеличивать налоги.

Конечно, сосредоточенье промышленныхъ предпріятій, земель и т. д. въ рукахъ государства должно облегчить пролетаріату ихъ экспропріацію, но то же можно сказать и о концентраціи капитала въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ и предпринимательскихъ союзовъ (трестовъ, синдикатовъ и т. п.).

Пролетарская соціальная революція состоитъ не въ переходѣ частныхъ предпріятій въ руки государства, а въ переходѣ и частныхъ, и государственныхъ предпріятій къ *обществу*, организованному на началахъ *дѣйствительнаго* равенства, и для этого, какъ намъ уже приходилось указывать, необходимо уничтожить централизованную силу буржуазіи — государство. Говоря о необходимости «отнять» у государства политическую власть, Де Папъ, хотя и не точно высказываетъ именно эту мысль. Но, противникъ якобинцевъ, онъ попадаетъ подъ ихъ вліяніе, когда въ одномъ мѣстѣ своего доклада сочувственно приводитъ мнѣнія соціалистовъ Англіи, Франціи и Германіи, которые стремятся «не къ тому, чтобы ниспровергнуть современное государство, организованное сверху книзу, а чтобы овладѣть имъ и воспользоваться для эмансипаціи пролетаріата огромной централизованной силой, которой располагаетъ государство»...

Де Папъ сравниваетъ государство съ фабричной машиной и современную вражду рабочихъ противъ государства вообще уподобляетъ былой враждѣ противъ фабричныхъ машинъ. Теперь рабочіе поняли необходимость машины и кричатъ: «Намъ машины!»

«Прекрасно, государство — машина: это орудіе общественныхъ службъ. Какъ всѣ другія машины, оно также необходимо для современнаго крупнаго производства и вытекающаго изъ него крупнаго обращенія продуктовъ. Какъ всѣ другія машины, оно также было смертоносно для рабочихъ, оно также до сихъ

поръ функціонировало исключительно для прибыли привиллегированныхъ классовъ. Чтобы положить этому конецъ, слѣдуетъ, чтобы рабочіе завладѣли этой машиной...»

Здѣсь передъ глазами Де Папа, вѣроятно, промелькнули всѣ составныя части государства — солдатъ, жандармъ, чиновникъ, полицейскій, палачъ и т. д., и онъ спѣшитъ добавить:

«Но овладѣвъ имъ (государствомъ), пусть они посмотрятъ, не требуетъ ли машина-государство важныхъ измѣненій, чтобы она не могла причинять поврежденій; пусть они посмотрятъ, не слѣдуетъ ли въ ней устранить нѣкоторыя колеса, которыя къ ней придѣлала буржуазная эксплуатація, и добавить другія колеса, о которыхъ не позаботилась буржуазная невнимательность; пусть они посмотрятъ даже, не слѣдуетъ-ли цѣликомъ поставить ее на новыя основы?...»

Но, спрашиваемъ мы, не будетъ ли это тогда нѣчто совсѣмъ новое, не будетъ ли это совсѣмъ другая «вещь», чѣмъ современное государство и можно ли сохранять для нея старое названіе, ведущее къ путаницѣ понятій и рискованнымъ недоразумѣніямъ?!

Де Папъ такъ упорно держится за слово «государство» и впадаетъ въ рядъ противорѣчій съ одной стороны подъ «положительнымъ» вліяніемъ якобинцевъ-гегельянцевъ, съ другой подъ «отрицательнымъ» вліяніемъ анархистовъ. Онъ замѣчаетъ, что многіе анархисты, нападая на государство, отрицаютъ необходимость вообще всякой общественной организаціи и, защищая противъ нихъ общину и вообще общественную организацію, онъ ошибочно беретъ подъ защиту и государство.

«Анархія» ему вообще симпатична, онъ «съ сожалѣніемъ» отбрасываетъ это слово и готовъ соединить его съ «государствомъ».

«Мы можемъ очень хорошо представить государство безвластное (мы готовы были сказать государство анархическое, но воздержались, такъ какъ многіе изъ нашихъ читателей нашли бы, что эти два термина не могутъ быть соединены одинъ съ другимъ)».

И такъ государство безъ государственной власти! Это тоже, что сказать: государство не государственное.

Мы видимъ, что Де Папу, проникнутому пролетарскимъ антигосударственнымъ чувствомъ, никакъ не удается спасти государство, которое ничто иное, какъ органъ классового господства и, какъ таковой, ни въ коемъ случаѣ не пригодно для пролетаріата, стремящагося уничтожить дѣленіе общества на классы.

Де Папъ ошибался, если думалъ, что уничтоженіе государства тождественно съ установленіемъ «анархіи», понимаемой, какъ полная независимость личности отъ авторитета общества.

Мы думаемъ, что и при пролетарской или соціалистической общественной организаціи, когда не можетъ быть рѣчи ни о какомъ государствѣ, воля отдѣльныхъ личностей должна быть до извѣстной степени ограничена въ интересахъ всего общежитія. Эти ограниченія воли отдѣльныхъ лицъ только тогда потеряютъ значеніе и исчезнутъ, когда человѣчество перевоспитается въ новой общественной организаціи, построенной не на борьбѣ классовъ, а на пролетарской взаимопомощи, на пролетарскомъ принципѣ: «всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ».

Чтобы постигнуть природу государства, надо исходить не изъ «идеи государства», не изъ представленія о государствѣ желательномъ, о государствѣ воображаемомъ, а изъ историческихъ фактовъ, показывающихъ происхожденіе и развитіе государства въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ. Придерживаясь этого исторически-эволюціоннаго или реально-діалектическаго метода, Морганъ, **Энгельсъ** и другіе показали, что государство возникло изъ родовой организаціи, когда вмѣстѣ съ возникновеніемъ частной собственности общество начало раздѣляться на имущихъ и не имущихъ, на господъ и рабовъ. Родовое устройство,—говоритъ Энгельсъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства» — «не знало другого средства принужденія, кромѣ общественнаго мнѣнія». Но для общества, состоящаго изъ господъ и рабовъ, имущихъ и неимущихъ, потребовалась особая общественная сила, отдѣленная отъ народной массы, особая организація для поддержанія порядка, т. е. повиновенія порабощенныхъ

поработителямъ. Сначала «порядокъ» поддерживали непосредственно сами поработители, удерживая въ своемъ исключительномъ распоряженіи оружіе, но постепенно имъ удалось создать такое общественное устройство, при которомъ «порядокъ» стали поддерживать сами порабощенные и угнетенные, часть которыхъ превращалось въ солдатъ, превращенныхъ «дисциплиной» въ слѣпое орудіе угнетателей. Большое значеніе при созданіи этого новаго порядка играло то, что поработители, пользуясь сами знаніемъ и его результатами, забивали мозги порабощенныхъ религіозными предразсудками. Въ систему порабощенія, какъ необходимое звѣно, введена была «церковь». Но едва-ли не самымъ важнымъ для укрѣпленія системы или «порядка» угнетенія была замѣна обычнаго права, которымъ регулировались всѣ отношенія между людьми, правомъ писаннымъ, законами, каждое нарушеніе которыхъ сопровождалось наказаніемъ.

Изданіе и примѣненіе законовъ, вторгавшихся въ самую интимную жизнь каждаго человѣка, господствующій классъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, выдѣливъ изъ себя *бюрократію* законодательную, судебную и административную.

Составъ порабощенныхъ и поработителей, угнетенныхъ и угнетающихъ въ теченіи исторіи мѣнялся, часть угнетенныхъ попадала въ ряды угнетателей и наоборотъ, но фактъ угнетенія одного класса другимъ оставался и орудіемъ угнетенія продолжало служить государство, эта, если хотите, соціальная «машина», спеціально созданная и усовершенствованная для угнетенія большинства неимущихъ меньшинствомъ имущихъ. Эта машина перешла въ руки буржуазіи, какъ только эта послѣдняя достигла положенія класса господствующаго или угнетающаго.

«Политическая власть въ собственномъ значеніи—говоритъ «Коммунистическій манифестъ»—есть организованная власть одного класса для угнетенія другого». «Современная государственная власть не болѣе, какъ комитетъ, управляющій общественными дѣлами всего буржуазнаго класса».

Видя въ государствѣ организованную силу угнетенія господствующаго класса, Энгельсъ понималъ,

что въ соціалистическомъ обществѣ съ уничтоженіемъ классового господства нѣтъ мѣста и государству.

«Коль скоро не будетъ общественныхъ классовъ, — говоритъ онъ*) — которые нужно было бы держать въ подчиненіи, коль скоро съ классовымъ господствомъ и борьбой за существованіе, отдѣльныхъ личностей, коренящейся въ существовавшей до тѣхъ поръ анархіи производства, устранены и вытекающія отсюда столкновенія и эксцессы, то нѣтъ болѣе ничего для подавленія, что дѣлало бы необходимымъ особенную репрессивную силу — государство...»

«Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія становится постепенно излишнимъ во всѣхъ областяхъ и угасаетъ тогда само собой. Вмѣсто правительства надъ личностями выступаетъ управленіе вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отмѣняется» оно *отмираетъ*».

Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе о несовмѣстимости государства съ соціалистическимъ строемъ высказывается **Бебель**. Мы уже цитировали въ 3-ей главѣ нѣкоторыя характерныя въ этомъ отношеніи мѣста изъ его книги «Женщина и соціализмъ». Здѣсь мы только укажемъ, что Бебель совершенно правъ, говоря въ одномъ изъ примѣчаній къ своему вышеуказанному сочиненію, что «читателю его должно быть ясно», что о государствѣ въ соціалистическомъ обществѣ не можетъ быть и рѣчи.

И **Каутскій**, подобно Энгельсу и Бебелю, видитъ во всякомъ государствѣ прежде всего организацію или «учрежденіе господства» и онъ понимаетъ, что «съ герцогомъ падаетъ и его мантія», что съ классовымъ господствомъ падаетъ и государство. «Научный соціализмъ позналъ — говоритъ Каутскій въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ программы партійнаго правленія — «что государство ничто иное, какъ органъ классового господства». «Пролетаріатъ можетъ воспользоваться своимъ господствомъ лишь для того, чтобы какъ только позволятъ обстоятельства, устранить основы классового дѣленія, т. е. пролетаріатъ

*) Fr. Engels. «Herrn Eugen Dühring Umwälzung der Wissenschaft».

завоюетъ государство не для того, чтобы сдѣлать его государствомъ «истиннымъ», но, чтобы его уничтожить: не для того, чтобы выполнить «истинную» государственную цѣль, но чтобы сдѣлать государство безцѣльнымъ».

«Споръ о томъ — добавляетъ Каутскій — будетъ ли соціалистическое общежитіе государствомъ или нѣтъ, называли праднымъ препирательствомъ изъ-за словъ. Если бы это было вѣрнымъ, тогда каждую попытку замѣнить неясныя понятія опредѣленными слѣдовало бы объявить праздным препирательствомъ изъ-за словъ. Можно бы, напримъ., также и споръ о томъ, рыба-ли китъ или нѣтъ, назвать не имѣющимъ никакого значенія для естествознанія препирательствомъ изъ-за словъ. Будущее соціалистическое общежитіе также мало будетъ государствомъ, какъ родъ, средневѣковая община, семья».

Нѣкоторымъ товарищамъ Бебеля и Каутскаго все же очень трудно отказаться отъ «соціалистическаго государства», какъ это показываетъ рѣчь Либкнехта на Эрфуртскомъ партейтагѣ, произнесенная уже послѣ того, какъ Каутскій основательно указалъ, что споръ о томъ, будетъ ли будущее соціалистическое общежитіе государствомъ, отнюдь не простое препирательство изъ-за словъ.

«Далѣе слѣдуетъ замѣтить — говоритъ Либкнехтъ — что въ проектѣ нѣтъ слова «государство», его не было и въ проектѣ правленія и во всѣхъ другихъ проектахъ точно также и въ Магдебургскомъ, который содержитъ нѣкоторыя очень хорошія формулировки. О вопросѣ государства, т. е. вопросѣ, является ли соціалистическое общество *государствомъ* или нѣтъ, я не хочу здѣсь распространяться. Я знаю, что въ этомъ пунктѣ я держусь иного мнѣнія, чѣмъ нѣкоторые коллеги. Но на сколько дѣло касается меня, разница является чисто споромъ о словахъ. Что государство можетъ быть лишь формой общества; что буржуазное общество пользуется всякой формой государства для эксплуатаціи; что буржуазное государство при всѣхъ условіяхъ должно быть государствомъ классовымъ; и что пока существуетъ буржуазное общество, государство должно быть классовымъ, т. е. государственно организованной эксплуатаціей, это истина, которая сама собой по-

нятна для всякаго мыслящаго соціалдемократа. Для меня вопросъ заключается лишь въ томъ, могутъ ли форма и организація, которыя даетъ себѣ человѣческое общество, послѣ того какъ пало классовое государство вмѣстѣ съ буржуазнымъ обществомъ и капиталистическимъ производствомъ, быть названы государствомъ или нѣтъ. Я не могъ найти — и въ этомъ я отступаю отъ различныхъ моихъ друзей — что въ словѣ и понятіи «государство» необходимо заключается понятіе угнетенія и эксплуатаціи. Слово государство имѣетъ вѣдь очень широкое значеніе, оно значитъ вообще упорядоченное общество. Говорятъ о государствѣ пчелъ, о государствѣ муравьевъ, о государствѣ ученыхъ, при чемъ здѣсь не думаютъ объ эксплуатаціи и угнетеніи, но хотятъ выразить понятіе замкнутаго и упорядоченнаго общежитія. Какъ бы то ни было мы не могли выраженіе государство внести въ новую соціалдемократическую программу, во-первыхъ уже потому, что это понятіе спорно и во-вторыхъ потому, что мы теперь имѣемъ дѣло съ государствомъ лишь настолько, насколько оно намъ враждебно. То, что мы должны сказать ясно заключается въ слѣдующемъ: государство представляетъ въ настоящее время и должно представлять, пока существуетъ классовое господство, господствующіе классы, оно должно быть классовымъ государствомъ и съ этимъ государствомъ мы должны бороться въ политической борьбѣ, пользуясь всѣмъ оружіемъ, которое у насъ имѣется, чтобы добиться политической власти для освобожденія себя отъ этого классового государства. Въ другомъ отношеніи намъ съ этимъ государствомъ не приходится имѣть дѣла».

Во всякомъ случаѣ и Либкнехтъ защищаетъ свою государственную позицію очень слабо и неувѣренно, и можно сказать, что въ настоящее время наиболѣе видные вожаки нѣмецкой соціалдемократіи представляютъ себѣ государство въ его «дѣйствительномъ», «истинномъ» видѣ, какъ организованное насиліе господствующаго класса и, признавая, что пролетаріатъ борется за уничтоженіе классового господства, понимаютъ, что торжество пролетаріата въ то же время и смерть для всякаго государства, но (къ сожалѣнію, очень большое «но») они утверждаютъ, что *торжество пролета-*

ріата будетъ достигнуто при посредствѣ государства при посредствѣ государственной власти; основы соціалистическаго строя, по ихъ представленію, могутъ быть заложены лишь государствомъ, которое умретъ лишь послѣ выполненія этой великой задачи.

«Пролетаріатъ — говоритъ Энгельсъ въ «Развитіи научнаго соціализма» — овладѣваетъ *государственною* властью и превращаетъ средства производства въ *государственную* собственность».

«Добиться политическихъ правъ и ими воспользоваться, *заставить государственную власть служить своимъ интересамъ*, такова — говоритъ Каутскій *) — неизбѣжная необходимость для пролетаріата; онъ долженъ поэтому организоваться, какъ самостоятельная политическая партія, задача которой въ охранѣ его интересовъ въ государственной жизни и которая должна поставить *своею конечною цѣлью завоеваніе государства, этого самаго сильнаго и единственно достаточнаго рычага для совершенія перехода средствъ производства въ общую собственность*».

Возражая далѣе противъ выраженія «классовое государство» въ примѣненіи къ существующему государству, Каутскій спрашиваетъ: «развѣ существуетъ другое государство?» «Мнѣ указываютъ на народное государство. Подъ этимъ понимаютъ, конечно, государство, завоеванное пролетаріатомъ. Но и оно также будетъ «классовымъ государствомъ». Пролетаріатъ будетъ господствовать надъ другими классами».

И такъ пролетаріатъ для осуществленія соціализма неизбѣжно долженъ завоевать современное государство, но оно вѣдь, какъ утверждаетъ Бебель въ согласіи съ научнымъ соціализмомъ ничто иное, какъ «насиліе и организація, охраняющая и поддерживающая собственность», но, вѣдь, какъ говоритъ Каутскій въ той же статьѣ, которую мы только что цитировали, «за мистическимъ понятіемъ государства, о которомъ юристы умѣли говорить лишь хорошее, скрывалось нѣчто вполнѣ реальное, именно тотъ классъ, который рекрутировался изъ юристовъ, именно *бюрократія*, охранявшая интересы всѣхъ господствующихъ классовъ въ ихъ цѣломъ»; неужели же бюрократія, эта охранительница

*) «Die Neue Zeit» IX Jahrgang II Band № 50.

капиталистическихъ интересовъ, будучи «завоевана» пролетаріатомъ, окажется способной уничтожить классовое господство и положить начало соціалистическому строю?! Неужели бюрократія въ совокупности съ арміей, полиціей и вообще всѣмъ современнымъ государственнымъ аппаратомъ такъ таки сразу и превратится въ свою «противоположность», лишь только попадетъ въ руки пролетаріата?! Это было бы превращеніе уже не столько «діалектическое», сколько мистическое или кабалистическое.

Энгельсъ впрочемъ, видимо считаетъ подобное превращеніе типично діалектическимъ.

Указавъ*), что государство, оффиціально являясь представителемъ всего общества, по существу было представителемъ господствующаго класса, онъ утверждаетъ что «первый актъ, въ которомъ государство дѣйствительно выступитъ представителемъ всего общества—захватъ въ собственность средствъ производства во имя общества—будетъ въ то же время его послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ, какъ государства». Затѣмъ оно, по Энгельсу, умретъ. Несомнѣнно, что до сихъ поръ *оффиціальнымъ* представителемъ всего общества въ качествѣ «государства» являлась бюрократія съ коронованной или не коронованной главой, ей же выпадаетъ на долю *дѣйствительное* представительство всего общества и, вѣроятно, отъ такой непривычной роли она заболѣетъ и умретъ. Царствіе небесное! Но ей ли въ предсмертныхъ судорогахъ устанавливать новый пролетарскій строй?!

Мы видимъ, что съ появленіемъ государства въ роли творца соціалистическаго строя, ставшее было яснымъ понятіе государства, снова сдѣлалось неопредѣленнымъ, противорѣчивымъ, мистическимъ. Это, если не видитъ, то несомнѣнно чувствуетъ Каутскій, утвержденіе котораго о возможности только «классового государства» расходится, кстати сказать, съ представленіемъ Энгельса о «государствѣ *дѣйствительномъ* представителѣ *всего* общества».

Въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Аграрный вопросъ» Каутскій снова повторяетъ о государственной власти то, что говорилъ лѣтъ десять тому назадъ, а

*) «Herrn Eugen Dühring. Umwälzung der Wissenschaft».

именно, что она — «самый могучій рычагъ для уничтоженія капиталистической системы». «Пролетаріатъ съ необходимостью законовъ природы долженъ стремиться завоевать ее.» «Но (снова очень значительное и серьезное «но», на это разъ въ обратную сторону!) не слѣдуетъ диктатуру пролетаріата представлять себѣ такимъ образомъ, что въ одинъ прекрасный день чернь крупныхъ городовъ насильственнымъ ударомъ завоюетъ министерства и воспользуется принудительными средствами государственной власти для разграбленія богатыхъ.

«Пролетаріатъ не можетъ бороться за обладаніе государственной властью безъ того, чтобы *не поднять* въ этой борьбѣ самого себя и *государство на высшую ступень; онъ не можетъ заставить служить ее своимъ интересамъ, прежде чѣмъ ему не удастся это возвышеніе.* Въ этой борьбѣ онъ сперва пріобрѣтаетъ необходимыя моральныя и интеллектуальныя качества, которыя дѣлаютъ его способнымъ для господствующаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ для уничтоженія великаго классоваго господства. Но борьба пролетаріата за государственную власть не означаетъ просто борьбу за завоеваніе ея средствъ силы, оно по естественной необходимости означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ превращенію абсолютной монархіи или олигархіи въ демократію, и стремленіе къ отодвиганію назадъ государственныхъ задачъ господства и выдвиганію государственныхъ задачъ культуры, стремленіе къ превращенію *полицейскаго* и *военнаго государства въ государство культурное.*

Это само собой разумѣется и не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій».

Надо правду сказать, что писатели всѣхъ ранговъ и степеней прибѣгаютъ къ стереотипнымъ фразамъ: «это не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій», «это само собой разумѣется», не тогда, когда ихъ утвержденія, дѣйствительно, сами собою разумѣются и не требуютъ поясненій, а, наоборотъ, тогда, когда они сомнительны и требуютъ очень серьезныхъ и подробныхъ поясненій. Такъ въ данномъ случаѣ поступаетъ и Каутскій. «Само собою разумѣется!» А утвержденіе представителей научнаго соціализма, что государство, не что иное, какъ организованная охрана частной собственности,

а утвержденіе, что оно въ сущности совпадаетъ съ бюрократіей? Какъ это примирить съ подъемомъ государства на культурную высоту? И зачѣмъ же ему умирать, если оно превращается въ носителя культуры? И почему же быть столь строгимъ къ тѣмъ, которые говорятъ о соціалистическомъ государствѣ? Разъ государство остается государствомъ, потерявъ сущность «военную» и «полицейскую» и пріобрѣтя сущность «культурную», то почему ему не здравствовать и послѣ уничтоженія частной собственности на средства производства!? Нѣтъ, это новое «но», выставленное Каутскимъ совсѣмъ не «само собой разумѣется», оно вноситъ лишь еще болѣе путаницы въ понятіе государства, понятіе, выяснить которое до конца, повторяю, лежитъ въ *кровныхъ* интересахъ пролетаріата.

Надо что-нибудь одно: или бороться съ государствомъ или поднимать его на культурную высоту.

Лассаль, Де Папъ, Блатчфордъ и другіе хотятъ или хотѣли поднимать его и они были во всякомъ случаѣ послѣдовательнѣе Каутскаго.

Представителямъ научнаго соціализма, понявшимъ сущность государства, какъ организованнаго насилія для защиты господствующаго положенія капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, необходимо, чтобы быть послѣдовательными, отвергнуть государство не только послѣ установленія пролетарскаго строя, но и въ моментъ его установленія; имъ необходимо отказаться отъ надежды на государство, какъ «на самый могучій и единственно пригодный рычагъ» для уничтоженія частной собственности и дѣленія общества на классы; имъ надо поискать другого рычага, быть можетъ менѣе «могучаго», но за то болѣе надежнаго.

II

Рычагъ для подъема общества на соціалистическую высоту указанъ не Гегелемъ и его послѣдователями, не философами и доктринерами разныхъ степеней, а самимъ пролетаріатомъ въ моментъ его краткаго, частичнаго торжества, въ моментъ **парижской коммуны 1871 г.**, которая была прообразомъ будущей соціальной революціи,

и въ которой, правда, слабо и несовершенно, но все же крайне поучительно проявилось то направленіе, которому долженъ слѣдовать пролетаріатъ при созданіи новой общественной организаціи на истинно демократическихъ, безклассовыхъ основахъ. Коммуна была чрезвычайно поучительной между прочимъ и для **Маркса**, значеніе котораго не въ томъ, чему онъ самъ научился у Гегеля, а въ томъ, чему онъ научился у борющагося пролетаріата; и въ небольшой работѣ Маркса о парижской «коммунѣ»*), написанной имъ въ качествѣ представителя центральнаго комитета «Интернаціонала», сущность «коммуны» выяснена лучше, чѣмъ во всей остальной литературѣ, посвященной великому возстанію парижскихъ рабочихъ въ 1871 г.

Парижскіе пролетаріи, желая «спасти страну», рѣшили взять въ свои руки управленіе общественными дѣлами. Большинство ихъ вожаковъ состояло изъ «бланкистовъ», революціонеровъ-заговорщиковъ, стремившихся ввести новый общественный порядокъ при посредствѣ «захвата власти» группой революціонныхъ диктаторовъ; они были въ теоріи сторонниками «диктаторской централизаціи» въ рукахъ революціоннаго правительства, направляющаго по своему усмотрѣнію старую государственную машину. Но имъ пришлось подъ вліяніемъ революціоннаго инстинкта пролетарскихъ массъ дѣлать, по словамъ Энгельса, «какъ разъ противное тому, что имъ предписывала школьная дисциплина.» «Рабочее сословіе—говоритъ Марксъ—не могло просто на просто вступить во владѣніе уже готовымъ государственнымъ механизмомъ и обратить его на служеніе своимъ собственнымъ цѣломъ.» Оно не думало также объ исправленіи этого механизма, оно съ самого начала приняло мѣры для разрушенія его.

«По мѣрѣ того, какъ прогрессъ современной промышленности развивалъ, расширялъ и увеличивалъ сословную рознь между капиталомъ и трудомъ, государственная власть — пишетъ Марксъ, вдохновенный коммуной — пріобрѣтала все болѣе и болѣе характеръ общественной силы, направленной къ порабощенію труда, характеръ машины для сословнаго господства. Послѣ каждой революціи, которая представляла собою

*) «Гражданская война во Франціи». Библ. русск. прод., № 27.

шагъ впередъ въ сословной борьбѣ, гнетущій характеръ государственной власти выступаетъ все рѣзче.» «Государственная власть, царившая, повидимому, высоко надъ обществомъ, на самомъ дѣлѣ была самымъ вопіющимъ скандаломъ этого общества, источникомъ его порчи.»

Въ этихъ словахъ Марксъ лишь формулируетъ то, что уже созналъ парижскій пролетаріатъ 1871 г. Коммуна была противоположностью государственной власти, но она все же была извѣстной организаціей общественнаго управленія. Она «образовалась изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, выбранныхъ округами Парижа посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Члены ея были отвѣтственны и смѣняемы. Большинство ихъ состояло, само собой разумѣется, изъ рабочихъ или завѣдомыхъ поборниковъ рабочаго сословія. Коммуна была учрежденіемъ не парламентскимъ, а рабочимъ и соединяла въ себѣ какъ исполнительную, какъ и законодательную власть. Полиція, служившая до сихъ поръ орудіемъ правительственной власти, была немедленно лишена всѣхъ своихъ политическихъ обязанностей и превращена въ отвѣтственное и смѣняемое во всякое время орудіе коммуны. Та же судьба постигла и чиновниковъ другихъ отраслей управленія. Начиная съ членовъ коммуны и до самыхъ послѣднихъ служащихъ, *общественныя должности оплачивались заработною платою.* Присвоенные высшимъ государственнымъ сановникамъ привиллегіи и оклады изчезли вмѣстѣ съ этими сановниками. Общественныя должности перестали быть частною собственностью въ рукахъ креатуръ центральнаго правительства. Не одно только городское управленіе, но и вся иниціатива, принадлежавшая государству, перешла къ коммунѣ.»

Постоянное войско было уничтожено, духовенство лишено привиллегій и поддержки, школы освобождены отъ вмѣшательства, какъ церкви, такъ и государства. Судьи лишены своей пресловутой независимости и сдѣланы выборными и смѣняемыми; гильотина сожжена при радостныхъ крикахъ народа.

Всѣ выборы должны были происходить на основаніи всеобщей подачи голосовъ, при чемъ право голоса и право быть выбраннымъ имѣли даже иностранцы.

«Всеобщая подача голосовъ — говоритъ Марксъ —

«вмѣсто того, чтобы служить народу черезъ каждые 3 года или 6 лѣтъ какого-нибудь члена господствующаго сословія, который бы представлялъ и давилъ его въ парламентѣ, должна была служить народу, организованному въ коммуну, точно также, какъ служитъ индивидуальное право голоса каждому работодателю при пріисканіи рабочихъ, надзирателей и бухгалтеровъ для своего предпріятія.»

У народа, организованнаго въ коммуны, *не было представителей*, у него были лишь отвѣтственные и во всякое время смѣняемые исполнители его воли.

Организовавшись въ коммуну, парижскій пролетаріатъ, не хотѣлъ, конечно, быть «главою Франціи», не хотѣлъ властвовать надъ остальною Франціей.

Во всѣхъ своихъ воззваніяхъ Парижская коммуна *приглашала* всѣ общины Франціи, какъ городскія, такъ и деревенскія къ *свободному соединенію* съ Франціей въ одну національную организацію, которая, говоря словами Энгельса, «*впервые была бы создана дѣйствительно самою націей.*»

Въ очеркѣ національной организаціи, въ общихъ чертахъ набросанномъ членами парижской коммуны, прямо говорится, что «коммуна должна сдѣлаться политической формой самыхъ ничтожныхъ деревушекъ.» Общины-коммуны должны были соединяться въ окружные или областные союзы, завѣдываніе дѣлами котораго лежало бы на окружныхъ собраніяхъ. Окружныя собранія посылали-бы уполномоченныхъ въ національное собраніе. Уполномоченные могли быть смѣняемы во всякое время и должны были строго придерживаться инструкцій своихъ избирателей.

Коммуна, такимъ образомъ, стремилась къ свободному союзу общинъ или мѣстныхъ самоуправленій, она стремилась къ сознанію *снизу кверху* общественнаго самоуправленія на союзныхъ или федеративныхъ началахъ.

Это была система мѣстнаго самоуправленія, но оно—говоритъ Марксъ— не должно было уже служить противовѣсомъ государственной власти, становившейся совершенно излишней.

Коммунальное устройство «возвратило бы — замѣчаетъ опять-таки Марксъ — общественному организму всѣ силы, которыя до сихъ поръ поѣдало у него «го-

сударство, этотъ паразитъ, питающійся соками общества и мѣшающій ему свободно двигаться.»

Самое устройство коммуны было уже «великой соціальной реформой», «воплощеніемъ идеи рабочаго сословія». Она «была правленіемъ народа посредствомъ самого народа», она была «давно искомой политической формой, подъ которой могло бы совершиться, экономическое освобожденіе труда» и «должна была служить рычагомъ для ниспроверженія экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется классовое устройство, а слѣдовательно и кастовое господство.» Она была рычагомъ для экспропріаціи экспропріаторовъ.

Такова характеристика, данная Марксомъ парижской коммунѣ.

Замѣчательно, что и Энгельсъ совершенно отказывается отъ своей вѣры въ государство, устанавливающее соціалистическій строй, какъ только вспоминаетъ великую попытку парижскаго пролетаріата. Въ предисловіи къ «Гражданской войнѣ во Франціи» онъ дѣлаетъ нѣсколько очень цѣнныхъ замѣчаній противъ «философскихъ предразсудкомъ на счетъ государства.»

Онъ указываетъ, что «предразсудокъ на счетъ государства, особенно у нѣмцевъ, изъ философскихъ кружковъ проникъ въ общее сознаніе буржуазіи и даже многихъ рабочихъ.»

«Философъ представляетъ себѣ государство, какъ «осуществленіе идеи» или какъ переведенное на философскій языкъ царство божіе на землѣ, какъ область, въ которой господствуетъ или должна господствовать вѣчная истина и справедливость. Изъ этого проистекаетъ суевѣрное почтеніе къ государству и ко всему тому, что такъ или иначе связано съ государствомъ, почтеніе тѣмъ болѣе прочное, что люди уже съ колыбели проникаются убѣжденіемъ въ невозможности удовлетворить общественныя нужды и потребности иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, т. е. посредствомъ государства и его чиновниковъ. Иной воображаетъ себя богъ знаетъ какимъ смѣльчакомъ, когда отказывается отъ вѣры въ наслѣдственную монархію и становится приверженцемъ демократической республики. *Въ дѣйствительности же государство въ демократической республикѣ не меньше, чѣмъ въ монархіи, есть лишь машина для угнетенія одного класса другимъ*;

въ самомъ лучшемъ случаѣ, оно есть зло, которое перейдетъ по наслѣдству къ побѣдоносному въ классовой борьбѣ пролетаріату, и отъ худшихъ сторонъ котораго надо будетъ, по примѣру коммуны, какъ можно скорѣе, избавиться въ ожиданіи того времени, когда новое, выросшее въ свободныхъ общественныхъ условіяхъ поколѣніе окончательно сброситъ съ себя всю государственную ветошь.»

Намъ кажется только, что пролетаріатъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы этого «лучшаго случая» наслѣдованія «зла» не наступило, чтобы государственная ветошь была сброшена уже революціоннымъ поколѣніемъ.

Оцѣнивая «зло» государства очень вѣрно, Энгельсъ въ указанномъ предисловіи къ «Гражданской войнѣ» впадаетъ, къ сожалѣнію, въ ошибку, которую дѣлаютъ многіе анархисты.

У него государственная власть отдѣляется отъ *всего* общества и становится его *повелителемъ*.

«Путемъ простого раздѣленія труда общество создало себѣ особые органы для охраненія своихъ общественныхъ интересовъ. Но съ теченіемъ времени эти органы, и во главѣ ихъ государственная власть, превратились изъ слугъ общества въ ихъ повелителей.»

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ въ другихъ мѣстахъ признаетъ самъ Энгельсъ, государственная власть не повелитель всего общества, а орудіе господства одного класса надъ другимъ.

Въ доказательство того, что «государственная власть становится совершенно независимой по отношенію къ тому самому обществу, которому она должна бы служить простымъ орудіемъ», Энгельсъ ссылается на Америку.

«Нигдѣ въ мірѣ «политики» на представляютъ собой до такой степени вліятельной и до такой степени обособленной части населенія, какъ въ Сѣверной Америкѣ.»

Нація находится подъ «игомъ» этихъ «политиковъ», организованныхъ въ двѣ партіи, *или вѣрнѣе* двѣ большихъ шайки политическихъ спекуляторовъ, которые поперемѣнно овладѣваютъ властью и эксплуатируютъ ее самыми грязными средствами для самыхъ грязныхъ цѣлей, а нація остается безсильной передъ этими

двумя большими союзами политиковъ, которые, повидимому, находятся у ней въ услуженіи, а на самомъ дѣлѣ грабятъ ее и господствуютъ надъ нею.»

Здѣсь у Энгельса куда то совершенно пропадаетъ классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей и замѣняется борьбой «политиковъ» и «націи».

Это совершенно искаженное отраженіе общественной жизни въ старомъ анархическомъ зеркалѣ. Шайки «политиковъ» въ Америкѣ, дѣйствительно, существуютъ, но онѣ, несомнѣнно, находятся въ услуженіи у буржуазіи, главнымъ образомъ у «трестовъ» и различныхъ архимильонеровъ въ родѣ Вандербильта, Моргана, Гульда и т. д.

«Политики» до нельзя «наглы», какъ наглы всѣ лакеи богатыхъ господъ, но наглость еще не господство.

Господствуютъ въ Сѣверной Америкѣ, какъ и во всемъ остальномъ цивилизованномъ мірѣ, не политики, а крупные капиталисты, «хозяева», въ рукахъ которыхъ находится государственная машина.

И. Гурвичъ, прекрасный знатокъ американской жизни, цитируетъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ изъ Америки», которыя онъ помѣщалъ въ «Жизни», слѣдующую характеристику этого господства хозяевъ, характеристику, принадлежащую также хорошему знатоку американской жизни В. Т. Стэду:

«Быть можетъ черезъ тысячу лѣтъ учебники исторіи разскажутъ дѣтямъ нашихъ отдаленныхъ потомковъ, что въ концѣ XIX вѣка Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, номинально сохраняя тѣнь республиканскихъ учрежденій, въ дѣйствительности находились подъ менѣе или болѣе деспотическимъ управленіемъ «хозяевъ»; такимъ образомъ, западное полушаріе воспресило передъ взорами міра знакомое зрѣлище древняго Рима, гдѣ тѣнь республики блуждала по семи холмамъ долго послѣ того, какъ Августъ сосредоточилъ всю власть въ рукахъ цезарей. Президенты приходятъ и уходятъ, какъ призрачные консулы въ императорскомъ Римѣ, но владычество «хозяина» остается попрежнему. Неписанное право запрещаетъ переизбраніе президента на третье четырехлѣтіе, но срокъ правленія «хозяина» не ограниченъ никакимъ закономъ.»

Господство «хозяина», какъ въ Сѣв. Ам. Соед. Шт. такъ и во всемъ остальномъ мірѣ, можетъ быть устра-

нено лишь съ уничтоженіемъ государства, но и государство вмѣстѣ съ шайкою «политиковъ» можетъ быть уничтожено лишь съ устраненіемъ «хозяина».

Коммунальное устройство общества въ смыслѣ свободнаго союза свободныхъ общинъ, гдѣ правительствомъ является весь народъ, возможно лишь при томъ условіи, если одновременно съ этой новой политической организаціей «экспропріаторы будутъ экспропріированы».

Внѣ «экономическаго освобожденія труда» — говоритъ Марксъ — «коммунальное устройство немыслимо, внѣ его оно пустой призракъ».

Но и внѣ коммунальнаго устройства, внѣ этого истиннаго *демократизма* невозможно «экономическое освобожденіе труда», не возможенъ *соціализмъ*. Торжество «коммуны» означаетъ такимъ образомъ не только политическое, но и экономическое равенство, оно означаетъ *равенство соціальное*; всѣ члены общины будутъ *производителями*, другими словами рабочими; хозяевъ между ними не будетъ.

И такъ парижскій пролетаріатъ въ краткій моментъ своего торжества указалъ пролетаріату на общественную организацію, соотвѣтствующую его соціальному освобожденію, онъ указалъ, что государство должно быть уничтожено и замѣнено свободнымъ союзомъ свободныхъ общинъ производителей.

III.

Коммунальное или общинное устройство будущаго пролетарскаго общества указывается не только Коммуной 1871 г., но и всѣмъ развитіемъ общества современнаго.

Общественная жизнь и въ настоящее время не ограничивается, конечно, господствомъ буржуазіи и борьбой пролетаріата; общество и въ настоящее время худо-ли, хорошо-ли, но разрѣшаетъ извѣстныя общеполезныя, *культурныя* задачи. Если органомъ господства является преимущественно государство, то выполненіе культурныхъ задачъ выпадаетъ преимущественно на долю *мѣстныхъ самоуправленій* (городскихъ и сельскихъ общинъ, земствъ и т. п.).

Средства господства, какъ указываетъ Каутскій въ «Аграрномъ вопросѣ», неуклонно централизовались въ государствѣ, культурныя же задачи въ значительной степени оставались децентрализованными въ общинахъ и округахъ, т. е. въ мѣстномъ самоуправленіи. Но вмѣстѣ съ «концентраціей» буржуазіи и усиленіемъ государства у господствующаго класса явилось стремленіе подчинить общины (городскія и сельскія) централизованной государственной власти и превратить мѣстныя самоуправленія въ мѣстныя государственные органы. Нашлись, конечно, и ученые бюрократы, которые «доказали», что «самоуправленіе» является частью управленія государственнаго. Въ этомъ отношеніи очень характерна статья Н. Н. Лазаревскаго о «самоуправленіи», которой начинается сборникъ «Мелкой Земской Единицы», изданный русскими либералами. Съ юридическою «легкостью» разбивъ всѣ теоріи, которыя видѣли въ «мѣстномъ самоуправленіи», самостоятельную общественную организацію, Лазаревскій торжественно заявляетъ: «Самоуправленіе есть завѣдованіе государствомъ, черезъ государственныхъ должностныхъ лицъ дѣлами *мѣстнаго* государственнаго управленія». Но, къ счастью, на дѣлѣ накинуть на мѣстное самоуправленіе государственную петлю гораздо труднѣе, чѣмъ на словахъ.

Общинное, какъ городское, такъ и сельское управленіе, слишкомъ тѣсно связано со *всѣмъ* населеніемъ, съ его насущными интересами и нуждами, оно слишкомъ *близко* къ нему, чтобы изъ него можно было сдѣлать *исключительно* органъ классового господства.

Мы видимъ, напротивъ, что въ борьбѣ съ государственной властью мѣстное самоуправленіе нерѣдко защищаетъ интересы не господствующаго класса, а всего населенія; тѣмъ болѣе, что во многихъ западноевропейскихъ городскихъ самоуправленіяхъ пролетаріи пріобрѣли уже такую силу и значеніе, что могутъ приступить къ практической работѣ въ направленіи такъ называемаго «муниципальнаго соціализма». Интересна въ этомъ отношеніи исторія мѣстнаго самоуправленія въ Англіи.

Лѣтъ 30 тому назадъ Марксъ характеризировалъ англійское мѣстное самоуправленіе, какъ «дополненіе къ центральнымъ государственнымъ органамъ, дополъ-

неніе, состоящее изъ продажныхъ приходскихъ собраній, *корыстныхъ городскихъ совѣтовъ*, свирѣпыхъ попечителей бѣдныхъ въ городахъ и наслѣдственныхъ мировыхъ судей въ деревняхъ»; въ настоящее время мы видимъ въ Англіи не мало городскихъ совѣтовъ, упорно борющихся съ корыстолюбіемъ капиталистовъ, поддерживаемыхъ государствомъ и вообще принимающихъ рѣшительныя мѣры для матерьяльнаго и духовнаго подъема рабочаго класса. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ мѣстнаго самоуправленія вообще и англійскаго въ частности, нѣмецкій соціалдемократъ К. Гуго (Линдеманъ) въ одной изъ своихъ поучительныхъ работъ *) показываетъ, что нѣкоторыя англійскія городскія самоуправленія, въ особенности Глазговское, въ своей дѣятельности руководятся двумя принципами: «самой широкой муниципализаціей частныхъ предпріятій, носящихъ монопольный характеръ и управленіемъ ими въ интересахъ общества, а не съ цѣлью извлеченія несправедливыхъ барышей, способствующихъ сохраненію низкаго размѣра налоговъ».

Эти принципы безъ натяжки можно признать состоящими въ родствѣ съ принципами соціализма. Гуго показываетъ далѣе, какъ часто парламентъ со своей законодательной властью вмѣшивался въ борьбу мѣстныхъ самоуправленій съ частными компаніями, «принося общественные интересы въ жертву вліятельнымъ группамъ частныхъ лицъ», но самоуправленіе, удовлетворяя насущныя нужды всего населенія, оказывается сильнѣе частныхъ компаній, не смотря на поддержку парламента. «Борьба между частными предпринимателями, которымъ ихъ монопольныя предпріятія обезпечиваютъ богатый и вѣрный источникъ доходовъ, и городскими управленіями продолжается часто очень долго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ тянется цѣлыя десятилѣтія, но всегда кончается побѣдою послѣднихъ».

Шагъ за шагомъ города вытѣсняютъ частную предпріимчивость и постепенно обращаютъ въ свою собственность (муниципализируютъ) водоснабдительныя и газоснабдительныя сооруженія, городскія желѣзныя дороги, базары, кладбища, бани, прачешни и т. д.

*) К. Гуго «Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи». Изд. Тов. «Знаніе».

Располагая тѣми производительными силами, которыя развились, благодаря частной предпріимчивости, и превосходя ее единствомъ плана и размѣромъ своихъ средствъ, городское самоуправленіе успѣшно доминируетъ во всей области удовлетворенія общественныхъ потребностей».

Начинаютъ возникать и муниципальныя мастерскія для вытѣсненія такъ называемой «потогонной системы». Въ этихъ мастерскихъ заработная плата и продолжительность работы обыкновенно соотвѣтствуютъ нормамъ, установленнымъ рабочими союзами.

Мало того. Сдавая работы подрядчикамъ, городскія управленія нерѣдко ставятъ условіемъ, чтобы рабочіе этихъ подрядчиковъ получали заработную плату не ниже извѣстной нормы и работали не больше опредѣленнаго числа часовъ.

Проф. П. Виноградовъ въ своей статьѣ о «Мѣстномъ самоуправленіи въ Англіи» *) отмѣчаетъ одну особенно характерную черту этого самоуправленія: «органы и учрежденія возникаютъ въ мѣстной жизни вслѣдъ за потребностями и въ удовлетвореніе появляющихся порознь потребностей. Такимъ образомъ мѣстное самоуправленіе XIX вѣка является въ истинномъ смыслѣ слова дѣтищемъ его соціальной политики».

Въ то время, какъ въ «парламентахъ»—по свидѣтельству одного изъ старѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей Бебеля—накопляются цѣлыя горы печатной бумаги, порождающія ничтожнаго мышенка, во многихъ городскихъ управленіяхъ, идетъ положительная культурная работа. И это не только въ Англіи. Во Франціи, Бельгіи, Италіи, Германіи, повсюду замѣтно оживленіе мѣстнаго самоуправленія, повсюду въ городскіе и даже сельскіе совѣты и собранія проникаютъ пролетаріи и не только для того, чтобы бороться съ представителями буржуазіи, но и для положительной культурной работы, подготовляющей общество къ истинно коммунистическому строю. Число «соціалистическихъ» общинныхъ совѣтовъ возрастаетъ довольно быстро, особенно во Франціи.

Проф. Виноградовъ, изучая англійское мѣстное

*) См. сборникъ «Мелкая земская единица».

самоуправленіе, замѣтилъ, что «нѣтъ недостатка въ признакахъ того, что низшіе классы, привыкшіе къ организаціи и самостоятельности въ своихъ религіозныхъ и промышленныхъ союзахъ, начинаютъ заботиться о своихъ мѣстныхъ интересахъ не только косвенно, путемъ выборовъ, но и путемъ непосредственнаго участія въ управленіи. Въ этомъ направленіи, повидимому, предстоитъ дальнѣйшее развитіе приходской единицы наиболѣе доступной такому непосредственному воздѣйствію».

Признаковъ прямого воздѣйствія сознательнаго пролетаріата на общественную жизнь путемъ участія въ мѣстномъ управленіи много не въ одной Англіи.

Не даромъ соціалдемократія въ разныхъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Германіи, принуждена серьезно заняться вопросомъ о «коммунальной политикѣ» и выработать особую коммунальную программу, заключающую рядъ общеполезныхъ реформъ. Гуго-Линдеманъ въ своемъ увлеченіи дѣятельностью городскихъ самоуправленій идетъ такъ далеко, что въ предисловіи къ своей уже указанной работѣ заявляетъ, что «ближайшее будущее прогресса зависитъ отъ развитія городскаго самоуправленія».

Это, конечно, большое увлеченіе. Ближайшее и дальнѣйшее «будущее прогресса» зависитъ прежде всего отъ развитія классовой борьбы пролетаріата, но несомнѣнно, что въ моментъ побѣдоноснаго возстанія пролетаріата городскія и сельскія общины, преобразованныя по образу парижской коммуны 1871 г., сыграютъ большую роль въ соціализаціи средствъ производства и обращенія, и эта роль будетъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ независимѣе мѣстное самоуправленіе отъ государства и чѣмъ больше оно выполняетъ культурныхъ задачъ. Во всякомъ случаѣ однимъ изъ рычаговъ для экспропріаціи экспропріаторовъ и установленія соціалистическаго строя можетъ послужить лишь *преобразованное* мѣстное самоуправленіе, но ни въ коемъ случаѣ не государство.

Глава VIII.

Національная автономія и всемірная федерація.

I.

Коммунальная или общинно-союзная организація обществъ ведетъ къ объединенію человѣчества, а не къ распаденію его на множество небольшихъ, совершенно «независимыхъ» другъ отъ друга группъ, какъ это нѣкоторые думаютъ. «Зависимость» общинъ и ихъ союзовъ другъ отъ друга будетъ очень сильной и постоянно возрастающей, но эта зависимость не подчиненности, а взаимопомощи.

Если всмотрѣться и вдуматься въ современный «государственный порядокъ», то нельзя не придти къ заключенію, что *централизація разъединяетъ людей* и что только свободная федерація снизу кверху можетъ установить между людьми тѣсную связь, дѣйствительное объединеніе. Народы, централизованные въ русскомъ или въ австрійскомъ государствѣ, разъединены національною враждою, которая непремѣнно исчезла бы, какъ только каждой народности или національности была бы предоставлена возможность составить самостоятельный національный союзъ общинъ, который могъ бы на равныхъ правахъ вступить въ союзъ или федерацію съ другими національными союзами, независимо отъ того входили ли тѣ или другія общины въ составъ Россіи, Германіи, Австріи, Венгріи и т. д. Только свободная федерація общинъ и ихъ союзовъ при одновременномъ уничтоженіи централизованныхъ «государствъ» и государственныхъ границъ можетъ разрѣшить національный вопросъ въ смыслѣ братскаго объединенія различныхъ національностей, изъ кото-

рыхъ каждая получитъ возможность свободно развивать положительныя стороны своей національности, свой языкъ, свою литературу, свое искусство.

Побѣда пролетаріата устанавливаетъ равенство, но не однообразіе и, уничтожая государство, не уничтожаетъ національностей.

У пролетаріевъ нѣтъ отечества, но невѣрно было бы сказать, что у нихъ нѣтъ національности. Мы видимъ, что у пролетаріевъ по большей части угнетенныхъ небольшихъ народностей, съ развитіемъ классового сознанія идетъ рука объ руку и развитіе самосознанія національнаго, которое, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ буржуазнымъ «національнымъ» или шовинизмомъ. «Самое понятіе объ идеалѣ человѣка замѣчаетъ Драгомановъ*) — составляется и *продолжаетъ составляться* у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самого этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а, напротивъ того, ихъ постояннаго развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національныя антипатіи, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ».

Можно, конечно, думать, что въ соціалистическомъ обществѣ въ концѣ концовъ исчезнетъ различіе, вызываемое національностью, хотя дифференціація личныхъ особенностей будетъ возрастать, но и для приближенія къ этому идеалу необходимо предварительное освобожденіе всѣхъ національностей, признаніе ихъ полной равноправности.

Стремленіе крупныхъ націй «поглотить» мелкія неизбѣжно вызываетъ у послѣднихъ отпоръ и болѣзненно обостренное національное чувство. Для того, чтобы слиться, національностямъ приходится сначала отмежеваться. Замѣчательно, что знаменитый «Интернаціоналъ», выдвигая на первый планъ международность рабочаго движенія, состоялъ изъ ряда *національныхъ* союзовъ и при этомъ не считался съ государственными границами, признавая за равный съ другими и польскій національный союзъ, хотя Польша

*) «Историческая Польша и Великорусская Демократія».

была раздѣлена между тремя государствами. Впрочемъ польская національность, въ виду трагическивеличественной исторіи ея народа, пользовалась нѣсколько исключительнымъ признаніемъ со стороны даже Маркса, который въ началѣ своей публицистической и общественной дѣятельности къ другимъ славянскимъ національностямъ относился съ недостойнымъ этого великаго мыслителя высокомѣріемъ и презрѣніемъ.

Въ 1848 г. по поводу панславянскаго конгресса въ Прагѣ, на которомъ Бакунинъ выступилъ съ манифестомъ, требующимъ независимости всѣхъ славянскихъ народностей, Марксъ разражается въ своей «Новой Рейнской газетѣ» буквально слѣдующими тирадами:

«Какъ это было бы хорошо, если бы кроаты, пандуры и казаки образовали передовой отрядъ европейской демократіи, если бы посолъ Сибирской республики передалъ свои грамоты въ Парижѣ! Конечно, блестящая перспектива, но чтобы европейская демократія ждала бы ихъ осуществленія,—этого не станетъ требовать и самый горячій панславистъ и кстати какъ разъ тѣ націи, спеціальной независимости которыхъ требуетъ манифестъ — спеціальные враги демократіи. Мы повторяемъ: кромѣ поляковъ, русскихъ и въ крайнемъ случаѣ славянъ Турціи ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ будущаго на томъ простомъ основаніи, что у всѣхъ остальныхъ славянъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ историческихъ, географическихъ, политическихъ и промышленныхъ условій для самостоятельности и жизнеспособности».

«Мы знаемъ теперь, гдѣ сосредоточены враги революціи: въ Россіи и въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ, и никакія фразы, никакія указанія на неопредѣленное демократическое будущее этихъ странъ не остановитъ насъ отъ того, чтобы обращаться съ нашими врагами, какъ врагами. И если Бакунинъ въ концѣ концовъ восклицаетъ: «По истинѣ ничего не долженъ лишиться славянинъ, выиграть долженъ онъ! По-истинѣ онъ долженъ жить! И мы будемъ жить. Пока у насъ оспаривается малѣйшая часть нашихъ правъ, пока единый членъ нашего общаго тѣла держится отдѣленнымъ и оторваннымъ, до

тѣхъ поръ мы будемъ бороться за права, будемъ непримиримо бороться на жизнь и смерть, пока, наконецъ, славянство не будетъ стоять великимъ, свободнымъ и независимымъ» — если революціонный панславизмъ говоритъ это серіезно и гдѣ дѣло *идетъ о фантастически-славянской національности*, которая совершенно оставляетъ въ сторонѣ революцію, тамъ мы знаемъ, что дѣлать. Тогда борьба, «непримиримая борьба на жизнь и смерть» съ предающимъ революцію славянствомъ; *истребительная борьба и терроризмъ безъ всякихъ стѣсненій*—не въ интересахъ Германіи, но въ интересахъ революціи!»

Не знаю, отказался ли Марксъ отъ этихъ словъ впослѣдствіи, но теперь смѣяться надъ жизнеспособностью «австрійскихъ» и «венгерскихъ» славянъ не рѣшится, вѣроятно даже такой ученый попугай ученыхъ людей, какъ Плехановъ.

Что касается спеціально до кроатовъ, надъ которыми Марксъ издѣвается, такъ сказать, «въ первую голову», то не можемъ не привести слѣдующаго поучительнаго факта, сообщаемаго въ статьѣ одного *венгерскаго* соціалиста о всеобщей стачкѣ на венгерскихъ желѣзныхъ дорогахъ, происходившей въ апрѣлѣ 1904 года *).

«Когда поѣздъ, привезшій обратно загребскихъ стачечниковъ изъ Будапеста, подъѣхалъ къ Загребской стаціи, кроатскіе и *венгерскіе* желѣзнодорожные служащіе *единодушно* запѣли *кроатскій національный гимнъ*».

Это былъ единодушный протестъ стачечниковъ какъ господствующей венгерской, такъ и угнетенной кроатской національности противъ *венгерскаго національнаго государства*.

Венгерскіе пролетаріи, протестующіе гимномъ кроатской національности, не признаваемой за равноправную венгерскимъ правительствомъ! Могъ-ли это представить себѣ Марксъ?! Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ былъ строгъ и не справедливъ не къ однимъ славянамъ.

*) Эта въ высшей степени интересная стачка, моментально остановившая все желѣзнодорожное движеніе въ Венгріи, произошла уже послѣ того, какъ глава о «средствахъ и способахъ борьбы» была напечатана.

Призывая Германію къ революціонной войнѣ съ Даніей изъ-за Шлезвинга-Гольштиніи, Марксъ обрушивается вообще на всѣхъ скандинавцевъ (шведовъ, норвежцевъ, датчанъ).

«Право Германіи противъ Даніи — право цивилизаціи противъ варварства, прогресса противъ застоя. Если бы даже существовали договоры съ Даніей, что очень сомнительно, то право это важнѣе всѣхъ договоровъ, такъ какъ это право историческаго развитія.

«Датчане — народъ, стоящій въ самой безграничной коммерческой, промышленной, политической и литературной зависимости отъ Германіи. Извѣстно, что фактическая столица Даніи не Копенгагенъ, а Гамбургъ, что Данія всѣ свои литературныя, точно также какъ матерьяльныя жизненныя средства получаетъ черезъ Германію и что датская литература — за исключеніемъ Хольберга — жалкій пересказъ нѣмецкой. Какъ не безсильна была издавна Германія, все же у нея есть удовлетвореніе, что скандинавскія націи и особенно Данія попали подъ ея господство, что по отношенію къ нимъ она еще прогрессивна и революціонна. Скандинавизмъ — форма, подъ которой датчане призвали поддержку норвежцевъ и шведовъ противъ Германіи.

«Скандинавизмъ состоитъ въ увлеченіи жестокой, грязной, пиратской, древнесѣверной національностью, этою глубокой скрытностью, которая свои чувства и мысли не можетъ превращать въ слова, но въ поступки, а именно въ грубость противъ женщинъ, постоянное похмѣлье (Betrunkenheit) и кровожадное бѣшенство, смѣняемое слезливой сантиментальностью». «Война противъ Даніи—дѣйствительно революціонная война...»*)

Что бы сказалъ теперь Марксъ, видя, что, благодаря упорной борьбѣ, алкоголизмъ въ Норвегіи быстро уменьшается, въ то время, какъ въ Германіи усиливается?! А сколько силы, выдержки и самоотверженія показываетъ въ своей борьбѣ скандинавскій пролетаріатъ! Не пришлось бы германскому пролетаріату

*) Цитировано по Мерингу «Geschichte der deutschen Socialdemocratie». Первое изд. т. I стр. 374.

кое-чему поучиться у шведскаго, напримѣръ, умѣнью завоевывать свои права всеобщими стачками.

Ошибка Маркса показываетъ, какъ опасно отрицать «жизнеспособность и право на самостоятельное существованіе» какой-бы то ни было національности. Мы не рѣшимся этого сдѣлать даже по отношенію къ бурятамъ. Что касается до саркастическаго замѣчанія Маркса по поводу «Сибирской республики», то, право, она кажется намъ нисколько не менѣе вѣроятной, чѣмъ республика Германская.

Полная равноправность всѣхъ даже столь презираемыхъ Марксомъ австрійско-славянскихъ національностей признана нынѣ огромнымъ большинствомъ сознательнаго пролетаріата.

Такъ, напр., національная равноправность и свободная федерація положена въ основу программы національностей, принятой соціалдемократами Австріи на ихъ общемъ Брюннскомъ партейтагѣ 1899 г. Эта программа имѣетъ большое значеніе для разрѣшенія національнаго вопроса не только въ Австріи, но и въ Россіи. Мы приведемъ ее цѣликомъ, въ буквальномъ переводѣ, такъ какъ врядъ ли она извѣстна большинству русскихъ соціалдемократовъ, органъ которыхъ, вѣроятно, сознательно не познакомилъ ихъ ни съ одной изъ иностранныхъ соціалдемократическихъ програмъ. «Искра» хорошо понимаетъ, что она можетъ «господствовать» лишь при невѣжествѣ своего «народа». Она, по прекрасному выраженію Плеханова, направленному по адресу Мартова, «выясняетъ истину, урѣзывая ее».

«Такъ какъ національная сумятица въ Австріи — гласитъ брюннская программа — парализуетъ всякій политическій прогрессъ и всякое культурное развитіе народовъ, такъ какъ эта сумятица объясняется прежде всего политической отсталостью нашихъ общественныхъ учрежденій и такъ какъ въ частности продолженіе національнаго спора является однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыми господствующіе классы обезпечиваютъ себѣ свое господство и препятствуютъ всякому сильному проявленію дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ,

партейтагъ заявляетъ:

Окончательное урегулированіе вопроса о національ-

нальностяхъ и языкахъ въ Австріи въ смыслѣ одинаковаго права, и равноправности, и разума является прежде всего культурнымъ требованіемъ, а потому лежитъ въ жизненныхъ интересахъ пролетаріата; оно возможно только въ истинно-демократическомъ общежитіи, которое основано на всеобщемъ равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ, въ которомъ устранены всѣ феодальныя привиллегіи въ государствѣ и въ странахъ, ибо лишь въ подобномъ общежитіи рабочіе классы, составляющіе въ дѣйствительности элементы, поддерживающіе государство и общество, могутъ сказать свое слово;

охрана и развитіе національныхъ особенностей всѣхъ народовъ въ Австріи возможны лишь на основѣ одинаковаго права и при избѣжаніи всякаго угнетенія, поэтому слѣдуетъ бороться прежде всего противъ всякаго бюрократически государственнаго централизма точно также, какъ противъ феодальныхъ привиллегій отдѣльныхъ странъ.

При этихъ предварительныхъ условіяхъ, и только при нихъ будетъ возможно установить въ Австріи вмѣсто національнаго раздора національный порядокъ и притомъ съ признаніемъ слѣдующихъ руководящихъ принциповъ:

1. Австрію слѣдуетъ превратить въ демократическое союзное государство національностей.

2. На мѣсто историческихъ коронныхъ земель образуются національно отграниченныя самоуправляющіяся единицы, законодательство и управленіе которыхъ сосредоточивается въ національныхъ палатахъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права.

3. Всѣ самоуправляющіяся области одной и той же націи образуютъ вмѣстѣ національно единый союзъ, который завѣдуетъ своими національными дѣлами совершенно автономно.

4. Право національнаго меньшинства охраняется спеціальнымъ закономъ имперскаго парламента.

5. Мы не признаемъ никакой національной привиллегіи и поэтому отвергаемъ требованіе государственнаго языка; насколько необходимъ посредническій языкъ, устанавливается имперскимъ парламентомъ.

Партейтагъ, какъ органъ международной соціалде

мократіи въ Австріи, высказываетъ убѣжденіе, что на основѣ этихъ руководящихъ положеній возможно соглашеніе народовъ. Онъ торжественно заявляетъ, что признаетъ право каждой національности на національное существованіе и національное развитіе;

но что народы могутъ достигнуть всякаго прогресса своей культуры лишь въ тѣсной солидарности, а не въ мелочномъ спорѣ другъ съ другомъ, что въ особенности рабочій классъ всѣхъ языковъ, какъ въ интересѣ каждой отдѣльной націи, такъ и въ интересѣ всеобщемъ, твердо держится международнаго боевого товарищества и братства и долженъ вести свою политическую и профессіонально-союзную борьбу объединенными сомкнутыми рядами».

Принципы «брюннской программы», сводящіеся къ признанію автономіи національностей и замѣнѣ государственнаго централизма свободной федераціей народовъ при полной ихъ равноправности лежатъ, дѣйствительно, «въ жизненныхъ интересахъ пролетаріата» и примѣнимы не только къ народамъ, населяющимъ Австрію, но и ко всему человѣческому обществу. Признаніе ихъ уже принесло большую пользу въ дѣлѣ объединенія разноплеменнаго пролетаріата, заключеннаго въ границы Австріи, гдѣ соціалдемократическая партія организована въ согласіи съ принципами брюннской программы на національно-федеративныхъ началахъ. Эти принципы должна бы признать и «россійская соціалдемократія», если бы она была, дѣйствительно борющимся пролетаріатомъ, населяющимъ Россію, но, такъ какъ въ дѣйствительности она представляетъ лишь кружки интеллигентовъ, подчиненныхъ искровскимъ іезуитамъ, то ей чужды положенія брюннской программы.

«Не дѣло пролетаріата» — заявила «Искра» въ N⁰ 33 — «проповѣдывать федерализмъ и національную автономію».

«Искра», такимъ образомъ, въ національномъ вопросѣ становится на точку зрѣнія, какъ разъ противоположную той, изъ которой исходили соціалдемократы различныхъ народностей Австріи, провозглашая принципы брюннской программы.

II.

Разрѣшеніе національнаго вопроса въ смыслѣ дѣйствительнаго признанія національной автономіи и федеративнаго союза народностей требуетъ уничтоженія государственныхъ границъ, которыя отнюдь не совпадаютъ съ границами этнографическими или національными. Искусственно раздѣленъ не только польскій народъ, но и малорусскій, армянскій, литовскій и т. д.

Фактически «государственныя» границы уничтожитъ лишь пролетарская революція, но представителямъ международнаго соціализма необходимо уже и нынѣ признать національные союзы независимо отъ существующихъ «государствъ», тѣмъ болѣе, что пролетаріатъ, вопреки приказамъ «Искры» объединяется въ національныя», а не въ «государственныя» соціалистическія партіи.

Въ воображеніи Плехановыхъ и Мартовыхъ имѣется «всероссійская» соціалдемократическая партія, но въ дѣйствительности мы имѣемъ партіи польскую, литовскую, латышскую, украинскую, армянскую и т. д. Одной изъ главныхъ задачъ соціалистическихъ партій является, конечно, пропаганда и агитація, которую успѣшно можно вести только «на родномъ языкѣ», а «родной языкъ» является основнымъ выраженіемъ національности. Необходима, слѣдовательно, «національная» соціалистическая литература, «національный» соціалистическій періодическій органъ, «національные» соціалистическіе агитаторы и руководители, необходима, однимъ словомъ, «національная» организація или партія, необходима для успѣха пролетарскаго дѣла, какъ для него же необходимо, чтобы національныя организаціи или партіи объединились на федеративныхъ началахъ въ одинъ великій пролетарскій «интернаціоналъ».

Къ сожалѣнію, соціалистическіе политики, составляющіе «международное соціалистическое бюро», которое распоряжалось на послѣднемъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ, до того проникнуты государственнымъ духомъ, что не могутъ примириться съ существованіемъ національныхъ соціалистическихъ партій и признаютъ законными лишь партіи государственныя.

Правда, «бюро» признало законными партіи поль-

скую и чешскую и дало имъ право голоса на конгрессѣ, хотя фактически не существуетъ государствъ, ни польскаго. ни чешскаго, но здѣсь, вѣроятно, было принято во вниманіе существованіе «царя польскаго» въ титулѣ россійскаго императора и богемской короны св. Венцеслава, вѣнчаться которой хотятъ заставить австрійскаго императора представители чешской буржуазіи.

Нѣтъ, кромѣ шутокъ, отношеніе «международнаго бюро» и руководимаго имъ амстердамскаго соціалистическаго конгресса къ національнымъ соціалистическимъ партіямъ даже съ централистической точки зрѣнія крайне непослѣдовательно и попросту нелѣпо.

На февральской конференціи «международнаго соціалистическаго бюро», занимавшейся подготовленіемъ амстердамскаго конгресса были отклонены, главнымъ образомъ, по настоянію Плеханова просьбы литовской и армянской соціалдемократическихъ партій признать Литву и Арменію особыми націями и дать представителямъ ихъ пролетаріата равныя права съ представителями пролетаріата другихъ націй въ смыслѣ самостоятельнаго участія въ бюро и на конгрессѣ.

Въ то же время бюро признало основательнымъ требованіе люксембургской соціалдемократіи на признаніе Великаго Герцогства Люксембурга особой «націей» съ двумя голосами въ бюро и на конгрессѣ.

Люксембургъ представляетъ такое же небольшое нѣмецкое герцогство, какъ какой-нибудь Рейсъ или Липпе, и только вслѣдствіе дипломатическихъ и династическихъ случайностей не включенъ формально въ Германскую имперію, хотя и объединенъ съ ней таможенной линіей.

Населеніе Люксембурга (около 800.000 чел.), говоритъ по-нѣмецки и въ своемъ «гимнѣ» поетъ, что «люксембурцы — нѣмцы и нѣмцами хотятъ остаться». Тѣмъ не менѣе Люксембургъ признанъ «націей», Литвѣ же съ ея $2^1/_2$ милліонами литовцевъ, говорящихъ на совершенно своеобразномъ и очень богатомъ языкѣ, въ этомъ отказано.

Если бы въ княжествѣ рулетки знаменитомъ Монако нашлось нѣсколько соціалистовъ, имъ, навѣрно, дали бы право представлять на конгрессѣ монакскую націю, такъ какъ Монако представляетъ независимое

государство, почти умѣщающееся на рулетномъ столѣ; признать же за націю литовцевъ, латышей, украинцевъ для соціалистическихъ бюрократовъ представляется невозможнымъ, ибо ни одинъ изъ этихъ народовъ не представляетъ независимаго государства.

Рѣшеніе «бюро» было, впрочемъ, не окончательнымъ, послѣднее слово въ этомъ отношеніи долженъ былъ сказать конгрессъ. Многіе ожидали, что конгрессъ серьезно займется вопросомъ о правѣ національнаго представительства независимо отъ государственной самостоятельности, но конгрессъ интересовался лишь словесною дуэлью между Жоресомъ и Бебелемъ и безъ преній передалъ вопросъ о правѣ представительства національныхъ партій на безаппеляціонное рѣшеніе «бюро».

Не знаемъ, осталось ли «бюро» при своемъ прежнемъ рѣшеніи по отношенію къ литовцамъ и армянамъ, но оно принуждено было сообщить конгрессу, что представитель украинской соціалистической партіи протестуетъ противъ отказа признать Украину за особую націю. Этотъ протестъ среди театральной шумихи конгресса прошелъ совершенно незамѣченнымъ. Мы знаемъ также, что представителю латышской соціалдемократической партіи было отказано въ правѣ національнаго голоса и предложено присоединиться къ искристамъ или соціалистамъ-революціонерамъ. Онъ безъ протеста присоединился въ качествѣ «госпитанта» къ искристамъ; къ нимъ же съ протестомъ присоединились представители еврейскаго Бунда, которому бюро отказало въ правѣ на особый голосъ. Характерно, что бундистъ, пытавшійся пояснить на конгрессѣ, почему Бундъ требуетъ права на особое представительство и особый голосъ независимо отъ «россійской соціалдемократической партіи» нашелъ необходимымъ заявить, что Бундъ стоитъ не на національной, а на государственной точкѣ зрѣнія, т. е. Бундъ требовалъ особаго отдѣльнаго голоса не какъ представитель еврейской націи, а какъ представитель сильной организаціи въ предѣлахъ русскаго государства. Было бы послѣдовательнѣе, если бы Бундъ высказался и противъ національной и противъ государственной точки зрѣнія, если бы онъ требовалъ себѣ права на самостоятельное представительство въ качествѣ рабочей

организаціи, объединяющей нѣсколько тысячъ пролетаріевъ, совершенно независимо отъ того, что они русскіе подданные.

Вообще, если откинуть принципъ представительства національнаго, то слѣдовало бы принять принципъ предствительства организаціоннаго, т. е. допускать представителей всѣхъ рабочихъ партій и организацій, независимо отъ націи или государства и при голосованіяхъ принимать во вниманіе число членовъ, входящихъ въ каждую партію или организацію. Тогда бы конгрессъ гораздо больше представлялъ международную волю пролетаріата, чѣмъ теперь, когда англійскіе трэдъ-юніоны съ ихъ 2 милліонами пролетаріевъ не пользовались даже однимъ голосомъ, а лишь частью его, а Катаяма съ его очень проблематичной японской соціалистической партіей, въ которой, по его собственнымъ словамъ, полиція насчитываетъ не болѣе 3000 членовъ, пользовался двумя голосами. Все это конгрессу необходимо было серьезно обдумать, если бы у него дѣйствительно было желаніе серьезно обсуждать серьезные вопросы.

Каутскій ошибочно предполагалъ *), что амстердамскому конгрессу придется посвятить много времени для разрѣшенія трудностей, вытекающихъ изъ понятій «національность» и пытался самъ выяснить этотъ вопросъ, но это ему не удалось, хотя, по обыкновенію, онъ и высказалъ нѣсколько отдѣльныхъ вѣрныхъ мыслей.

Онъ указываетъ, что тамъ, гдѣ нѣсколько націй живутъ вмѣстѣ въ одномъ государствѣ, но говорятъ на разныхъ языкахъ, соціалистическая пропаганда неизбѣжно должна быть многоязычной, что въ свою очередь вызываетъ необходимость особыхъ національныхъ организацій.

Онъ признаетъ, что «для *цѣлей пропаганды* организація пролетаріата должна быть *національной* и потому *раздѣленной* **) по національностямъ, но съ другой стороны «для цѣлей *борьбы*» онъ считаетъ необходимымъ единую организацію, обхватывающую всѣ націи.

---

*) «Zum Internationalen Kongress». Die Neue Zeit 6 August 1904.

**) Подчеркнуто всюду въ подлинникѣ.

«Нелегко—говоритъ Каутскій—найти форму организаціи, которая удовлетворяетъ этимъ обоимъ другъ другу видимо противорѣчащимъ условіямъ» и тотчасъ прибавляетъ: «Раньше всего эта проблема выдвинулась въ Австріи и тамъ она разрѣшена наиболѣе совершеннымъ образомъ». Въ Австріи, какъ мы знаемъ, проблема дѣленія и объединенія разрѣшена очень просто, а именно федераціей національныхъ организацій. Другого рѣшенія этой проблемы. намъ кажется, нельзя придумать, но оно чрезвычайно просто и примѣнимо къ пролетаріату всѣхъ національностей во всемъ мірѣ. Но то, что превосходно для Австріи, то по мнѣнію Каутскаго не подходитъ къ Россіи.

«Это государство — говоритъ онъ — заключаетъ въ себѣ на ряду съ большой русской національностью (въ европейской Россіи 76 милліоновъ, изъ нихъ опять таки 17 милліоновъ малороссовъ) еще многочисленные обломки народовъ всевозможнаго рода, какъ то: 7 мил. поляковъ, $2^1/_2$ мил. литовцевъ, 1 мил. латышей, 2 мил. финляндцевъ, столько же грузинъ, 1 мил. армянъ, 5 м. евреевъ и т. д.). Изъ всѣхъ нихъ рекрутируется русскій пролетаріатъ и съ развитіемъ пролетарскаго движенія образуется для каждой изъ этихъ націй особая соціалистическая литература и организація. И число ихъ будетъ все расти. Но, если повсюду трудно различныя національныя организаціи одного государства соединять въ общую организацію, то вдвойнѣ трудно это въ Россіи, гдѣ каждая организація должна быть тайной, и гдѣ внутреннее общеніе при рѣдкомъ населеніи, огромныхъ разстояніяхъ и недостаткѣ въ средствахъ передвиженія столь незначительно. Здѣсь каждая организація въ каждой мѣстности гораздо болѣе предоставлена сама себѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, здѣсь связь различныхъ организацій, если онѣ принадлежатъ къ той же національности, слаба, ихъ объединеніе и руководство центральнымъ органомъ менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, можетъ быть формально и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь покоится на «веществахъ невѣсомыхъ» (Imponderabilien).

«Къ этимъ «невѣсомымъ» принадлежатъ и постановленія международныхъ конгрессовъ. Отъ того, каковы будутъ эти постановленія при повѣркѣ мандатовъ, зависитъ усиленіе національнаго раздробленія или на-

ціональнаго объединенія русскаго (!) соціализма. Не требуется пояснять, какъ важно было бы послѣднее какъ разъ въ данный моментъ, какъ вредно было бы, если бы международный конгрессъ къ своему девизу: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь» прибавилъ: «пролетаріи Россіи, разъединяйтесь по націямъ!»

Ясностью и послѣдовательностью эти разсужденія не отличаются. Все, что говоритъ Каутскій объ особыхъ условіяхъ Россіи, какъ разъ доказываетъ необходимость и неизбѣжность національныхъ соціалистическихъ организацій, образованіе которыхъ совсѣмъ не разъединяетъ пролетаріатъ разныхъ національностей, а подготовляетъ его объединеніе на федеративныхъ началахъ для совмѣстной сознательной борьбы, предварительнымъ условіемъ которой является пропаганда и агитація на родномъ языкѣ. Но у Каутскаго въ дѣло вмѣшиваются «невѣсомыя вещества» и на сцену появляется «*русскій*» пролетаріатъ, рекрутируемый изъ поляковъ, финляндцевъ, латышей и т. д. и какой-то «русскій» соціализмъ, который «объединится», если конгрессъ постановитъ не признавать литовскихъ, армянскихъ, финляндскихъ и т. д. мандатовъ. Въ дѣйствительности подобныя «невѣсомыя» скорѣе могутъ помѣшать объединенію пролетаріата Россіи, а не содѣйствовать ему; смѣшно въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы русскій соціализмъ, подъ которымъ Каутскій, вѣроятно, подразумѣваетъ не то искровское «меньшинство», не то Плеханова, могъ бы поглотить польскія, финляндскую, латышскую, литовскую, малорусскую и т. д. соціалистическія партіи. О поглощеніи не можетъ быть рѣчи, возможно лишь федеративное объединеніе, а для него необходимо признаніе ряда равноправныхъ организацій.

Отказъ признать національныя организаціи въ предѣлахъ Россіи кажется Каутскому важнымъ не только «для развитія русской соціалдемократіи», но и «для самого конгресса». Здѣсь на сцену выступаютъ «національныя государства», встревоженныя многочисленностью негосударственныхъ націй.

«Великая нація — пишетъ Каутскій — какъ большая, такъ и маленькая имѣетъ одинъ голосъ. Составляемое этимъ преобладаніе маленькихъ націй еще значительно увеличилось бы, если бы каждой націи

Россіи и вообще восточной Европы, какъ бы ни была незначительна ея организація, дать голосъ. Съ другой стороны отдѣльное государство получаетъ черезъ это множественный вотумъ. Австрія располагаетъ уже теперь четырьмя голосами на международномъ конгрессѣ — нѣмецкая Австрія, Венгрія, Чехія, Польша, въ делегаціи которой преобладаетъ, конечно, элементъ галиційскій. Если въ русской делегаціи на ряду съ великоруссами признать еще представителей малороссовъ, литовцевъ, латышей, финновъ, армянъ, грузинъ, евреевъ, какъ особыя націи съ особымъ избирательнымъ правомъ, то Россія получитъ восемь голосовъ (независимо отъ Польши, которую мы причисляемъ къ Австріи) — почти столько же, сколько всѣ государства Западной Европы вмѣстѣ.

Каутскій, какъ видите, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ «государственной» точки зрѣнія, не можетъ отказаться отъ признанія какихъ-то особыхъ правъ за «государствами» по сравненію съ націями; даже Венгрію онъ причисляетъ къ Австріи. Ему представляется чѣмъ-то не суразнымъ, что финляндцы, латыши, литовцы и т. д. получатъ на конгрессѣ право голоса, такъ какъ это дастъ «Россіи» цѣлыхъ 8 голосовъ, но онъ не предлагаетъ отнять право голоса у Люксембурга, Болгаріи, Сербіи, Румыніи и другихъ «государствъ», гдѣ борющагося пролетаріата сравнительно очень мало. Тотъ же государственный предразсудокъ тяготѣетъ и надъ «международнымъ соціалистическимъ бюро».

А между тѣмъ представителямъ международнаго соціализма необходимо ясно и опредѣленно разъ навсегда признать права всѣхъ націй и протестовать противъ насилія «государствъ», въ которыя эти націи втиснуты противъ своей воли. Можно бы большимъ націямъ дать больше голосовъ, чѣмъ маленькимъ, но соціалистамъ, провозглашающимъ право всѣхъ націй на самостоятельное существованіе, нельзя требовать превращенія финновъ, литовцевъ, латышей, поляковъ и т. д. въ русскихъ только потому, что ихъ давитъ русское государство.

«Слѣдовало-бы думать — заявила на Мюнхенскомъ партейтагѣ Роза Люксембургъ — «что, если стоишь подъ господствомъ того же капитализма, подъ давленіемъ

того же классового государства, подъ палкой той же полиціи и классовой юстиціи, то имѣешь и тѣ же интересы и слѣдовало бы образовать общую партію для охраны этихъ интересовъ. Эта истина должна быть хорошо извѣстна даже соціалдемократическимъ грудным младенцамъ.»

Очень рѣшительно и очень просто! Удивительно только, что сама Роза Люксембургъ на международныхъ конгресахъ и въ международномъ бюро представляетъ особую польско-литовскую соціалдемократическую партію, совершенно независимую отъ партіи россійской.

Зачѣмъ ея ученики и сторонники, составляющіе соціалдемократію Царства Польскаго и Литвы примыкаютъ на конгресахъ къ польской, а не къ русской делегаціи?

Дѣло не такъ просто, такъ какъ кромѣ общаго гнета есть отдѣльный языкъ.

Гнетъ является общимъ въ сущности для пролетаріевъ всѣхъ странъ, и даже гнетъ государственной власти носитъ международный характеръ. Возьмите хотя-бы кенигсбергскій процессъ, гдѣ русская и прусская прокуратура дѣйствовала въ полномъ единеніи противъ прусскихъ пролетаріевъ, помогавшихъ пропагандѣ русскихъ, латышскихъ и литовскихъ пролетаріевъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нѣмецкіе, латышскіе, литовскіе и русскіе пролетаріи могли образовать единую партію безъ автономныхъ національныхъ организацій, но, по нашему мнѣнію, тѣсный федеративный союзъ русской, еврейской, латышской, литовской и т. п. партій пролетаріата въ Россіи съ германской соціалдемократической партіей былъ бы въ высшей степени важенъ для успѣха пролетарской борьбы.

Пролетаріатъ долженъ стремиться къ тому, чтобы государственныя границы не препятствовали федераціи національныхъ соціалистическихъ партій, которыя, какъ намъ кажется, могли бы организоваться тоже до извѣстной степени независимо отъ государственныхъ границъ. Примѣромъ такой внѣ-государственной партіи, стремящейся охватить, пролетаріатъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи, является «Украинская соціалистическая партія.»*)

*) См. статію Плохоцкаго «Нѣсколько словъ объ украинскомъ соціализмѣ» въ «Жизни» за 1902 г.

Какъ эта партія, такъ и русинскіе соціалдемократы признаютъ единымъ цѣлымъ весь малорусскій или русинскій народъ «отъ Карпатъ до Кавказа», «отъ Дона до Сана», всюду, гдѣ только раздается «родная рѣчь», независимо отъ того страдаетъ ли этотъ народъ подъ игомъ россійскаго или австрійскаго государства.

«Мы, русинскіе соціалдемократы — говоритъ ихъ декларація, прочитанная на общеавстрійскомъ партейтагѣ въ Брюннѣ — стоимъ на почвѣ международной солидарности пролетаріата всѣхъ національностей въ Австріи и знаемъ, что только въ братскомъ союзѣ и нашъ народъ, который одной изъ своихъ частей принадлежитъ къ этому государству, можетъ завоевать національную независимость. Однако *мы не желаемъ упускать изъ виду фактъ, что въ границахъ этого государства живетъ только часть нашего народа и что за кордономъ громадное большинство украинскаго народа подъ ярмомъ царскаго абсолютизма принуждено терпѣть полное лишеніе національныхъ правъ, долженствующее вести къ его національной смерти.* Мы убѣждены, что международное могущество пролетаріата разовьется только тогда, когда каждый народъ будетъ вершителемъ своей исторіи. Мы знаемъ, что соціальное и политическое освобожденіе обусловливаетъ и національную эмансипацію. Поэтому русинскіе соціалдемократы стремятся къ національной свободѣ всего своего народа, чтобы соединенный и освобожденный малорусскій народъ сталъ въ качествѣ равноправнаго члена въ ряду народовъ.»

«Международное соціалистическое бюро», какъ мы указывали выше, держится иного мнѣнія, и не согласилось признать Украину за особую націю, но оно не можетъ уничтожить малорусскій языкъ, какъ не могли его уничтожить ни россійскіе, ни австрійскіе бюрократы.

III

Среди русскихъ революціонеровъ было не мало группъ и лицъ, придававшихъ огромное значеніе федеративному переустройству Россіи съ предоставленіемъ національностямъ, включеннымъ въ нее, права на

полное отдѣленіе. Первымъ смѣло высказавшимся въ этомъ направленіи былъ М. А. Бакунинъ, и Драгомановъ отчасти правъ, говоря, что, когда въ Россіи появится партія приверженцевъ «федеральныхъ идей», «тогда имя М. А. Бакунина получитъ новыя права на благодарность, какъ имя одного изъ предшественниковъ партіи, которая не только одна можетъ быть названа дѣйствительно интернаціональною (безъ сокрытія подъ фирмою космополитизма жала германизаціи, мадъяризаціи, полонизаціи, обрусѣнія и т. п., какъ у государственниковъ), но и въ частности для Россіи представляетъ единственное условіе сколько-нибудь раціональнаго направленія политической и соціальной жизни въ этомъ чудовищно большомъ государствѣ».

Уже въ своей извѣстной брошюрѣ «Народное Дѣло», изданной въ 1862 г., Бакунинъ отъ имени «русской революціонной партіи» заявляетъ:

«Хотимъ самоуправленія народнаго-общиннаго, волостнаго, уѣзднаго, областнаго и, наконецъ, государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобы не было въ Россіи чиновничества и *чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.*

«Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финляндіи и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распоряжаться собою и управлять по своему произволу безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

«Хотимъ братскаго, а если будетъ возможно, федеративнаго союза съ Польшей, Литвой, Украиной, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края...»

Далѣе идетъ обѣщаніе «искать тѣснаго союза« съ Италіей, съ мадъярами. румынами и греками.

Къ сожалѣнію смѣлая и вѣрная мысль о «вольной областной федераціи всѣхъ освобожденныхъ народовъ» испорчена не только перспективою «царя», но и примѣсью панславизма, который совершенно не вяжется съ братскимъ союзомъ *всѣхъ* народовъ.

Выразивъ желаніе установить братскій или федеральный союзъ съ «народами Закавказскаго края», которыхъ къ славянамъ никакъ отнести нельзя, Баку-

нинъ неожиданно устремляется «къ осуществленію завѣтной славянской мечты: къ созданію *великой и вольной федераціи Всеславянской*», въ которой должна проявиться «единая и нераздѣльная общеславянская сила.»

Національная автономія и федерація, за которыя, по нашему мнѣнію, долженъ высказаться сознательный пролетарій, имѣютъ цѣлью совсѣмъ не обособленіе національностей, а, напротивъ уничтоженіе національныхъ предразсудковъ и установленіе тѣсной взаимной связи, которая возможна лишь между равноправными; эта равноправность, такъ сказать, идейно или морально нарушается Бакунинымъ, когда онъ говоритъ объ «единой и нераздѣльной общеславянской силѣ» и о какомъ-то особомъ «дѣлѣ славянскомъ». Пролетарій стремится установить такой строй, при которомъ торжествовала бы совсѣмъ не «общеславянская» или «общегерманская», «общеанглосаксонская» и т. д. сила, а сила общечеловѣческая, при которой всѣ и каждый служатъ прежде всего дѣлу человѣчества. Осуществленію этого идеала препятствуетъ между прочимъ національная вражда; первымъ условіемъ для ея устраненія является, по нашему мнѣнію, освобожденіе «націй негосударственныхъ» изъ подъ гнета «націй государственныхъ», вотъ почему пролетаріатъ долженъ стоять за національную автономію; но автономныя націи не могутъ жить обособленно; въ ихъ жизненныхъ интересахъ вступить между собою въ тѣсный союзъ, объединиться на федеративныхъ началахъ и здѣсь, конечно, желателенъ не «всеславянскій», а «всечеловѣческій союзъ»; во всякомъ случаѣ союзы будутъ заключаться прежде всего въ зависимости отъ территоріальной, хозяйственной и культурной *близости*, а не отъ племеннаго родства, разъ «націи», на которыя разбилось это «племя» *не имѣютъ общаго языка*, не живутъ въ сосѣдствѣ и стоятъ на разныхъ культурныхъ ступеняхъ.

Поляки, напр., несомнѣнно раньше вступятъ въ федеративный союзъ съ нѣмцами и венграми, чѣмъ съ болгарами и сербами; латыши, которыхъ тоже можно причислить къ славянскому племени, скорѣе могутъ заключить союзъ съ эстами, принадлежащими къ финско-угорской расѣ, чѣмъ съ кроатами и т. д. Драго-

мановъ, доказывая, что «по существу своему идея космополитизма и человѣчества вовсе не противна идеи національности, а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе», замѣчаетъ: «союзъ всего человѣчества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общинъ и племенъ извѣстныхъ національностей и тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ.»

Это совершенно вѣрно, но отсюда слѣдуетъ также и то, чта національная связь исчезаетъ, когда теряется единство языка, психическое сходство и сосѣдство.

Несомнѣнно, что при свободномъ построеніи пролетарскаго общества образованіе союзовъ общинъ будетъ опредѣляться не только національною связью, выражающеюся, главнымъ образомъ, въ общности языка, но и общностью территоріи. Тамъ, гдѣ національности перемѣшаны, какъ, напр., въ Прибалтійскомъ или Западномъ краѣ, не только областные союзы общинъ, но и самыя общины, будутъ, вѣроятно, объединять лицъ различныхъ національностей, что, конечно, не помѣшаетъ образованію на ряду съ общинами и союзами общинъ территоріальными, союзовъ національныхъ для совмѣстнаго служенія задачамъ, тѣсно связаннымъ съ единствомъ національнаго языка.

Въ виду всего этого «великая и вольная федерація всеславянская» представляется намъ мало вѣроятной, но то, что Бакунинъ говоритъ о ея характерѣ, вполнѣ примѣнимо къ великой и вольной федераціи всечеловѣческой, федераціи и болѣе вѣроятной, и болѣе желательной, чѣмъ федерація всеславянская.

«Каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ, чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ и всѣ за каждаго и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемоніи...»

Свои федеративныя идеи Бакунинъ неоднократно

развивалъ и защищалъ послѣ 1862 года, постепенно очищая ихъ отъ злополучнаго «панславизма». Многое, что онъ высказывалъ объ организаціи будущаго общества въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и теперь еще поражаетъ своею *свѣжестью*.

Такъ въ рѣчи на конгрессѣ «Лиги мира и свободы» 1868 г.*) Бакунинъ выставляетъ принципъ, по которому «прошедшее не должно связывать настоящаго, а настоящее не можетъ связывать будущаго» и по которому «неограниченное право принадлежитъ живущимъ поколѣніямъ.»

Во имя свободы каждаго населенія большаго или малаго, слабаго или сильнаго, а также каждой отдѣльной личности, Бакунинъ отрицаетъ «историческое право» и «политическую неотразимость государства» и требуетъ «признанія для личностей, также какъ и для ассоціацій, общинъ, провинцій и націй права свободнаго удаленія изъ союзовъ...»

На основаніи этихъ принциповъ онъ просто и ясно разрѣшаетъ пресловутый вопросъ о границахъ Польши, вопросъ, не мало испортившій крови нѣкоторымъ польскимъ и русскимъ революціонерамъ, «дѣлившимъ» между собою Украйну, Бѣлоруссію и Литву.

Въ программѣ, составленной имъ для «Gmina» органа образовавшагося въ Цюрихѣ общества «Towarzystwo socyalistyczne polskie», онъ, по словамъ Драгоманова, въ § 5 заявляетъ слѣдующее:

«Противники всякаго панства (государства) мы, разумѣется, отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ пернародные люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ, отвергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ.»

Это, по нашему мнѣнію, единственно правильное разрѣшеніе вопроса о «національныхъ границахъ» не только польскихъ, но и русскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и т. д.

Подобно Бакунину и Герценъ былъ горячимъ сто-

*) См. Е. А. Шумкина «Изъ революціоннаго движенія въ Россіи». Отд. I, стр. 46.

ронникомъ національной автономіи и федераціи; въ «Колоколѣ» можно найти превосходныя страницы въ духѣ бакунинскихъ «федеративныхъ идей».

Подобно Бакунину Герценъ въ вопросѣ о національныхъ границахъ отвергаетъ «историческія права».

«Но скажите» — пишетъ онъ въ 1859 г. въ своемъ второмъ письмѣ къ польскому патріоту — «что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать какая полоса земли куда принадлежитъ, *не спросясь людей на ней живущихъ*. Да вѣдь такъ парижскіе дипломаты совѣщались о томъ, чего слѣдуетъ желать и чего не слѣдуетъ желать румынамъ въ Молдо-Валахіи.»

Отвѣчая на вопросъ, кому (Россіи или Польшѣ) должна «принадлежать» Малороссія, Герценъ говоритъ:

«У насъ людей изгнанія, печальныхъ свидѣтелей столькихъ неудачныхъ сочетаній и распаденій, не можетъ, не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна *принадлежать* та или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщикомъ, что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны *принадлежать* Польшѣ.

«Развяжемъ-же имъ руки, развяжемъ-же имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ правежъ къ вамъ, или если умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и независимость отъ обоихъ.

«Вотъ почему я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ, и никто никому не *принадлежитъ*, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ. Въ 1851 г. католическая реакція въ Фрибургскомъ кантонѣ вывела изъ терпѣнія протестанскій Муртенъ. Жители Муртена рѣшили отложиться отъ кантона, дѣло не состоялось, но никому и въ голову не пришло говорить о томъ, принадлежитъ-ли Муртенъ кантону или нѣтъ. Федеральныя единства могутъ даже существовать при такомъ антагонизмѣ, какой народится между Сѣверными Штатами и Юж-

ными въ Америкѣ. Централизація, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фрунту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Бонапартомъ».

Бакунинъ и Герценъ возставали противъ государственной централизаціи и проповѣдовали федерацію, исходя, главнымъ образомъ, изъ представленія объ идеальномъ по ихъ мнѣнію устройствѣ общества; нѣкоторые другіе сторонники федерализма приходили къ тѣмъ же выводамъ, исходя изъ прошлаго, опираясь на факты всемірной и въ частности русской исторіи. Таковъ былъ одинъ изъ самыхъ вдумчивыхъ русскихъ ученыхъ профес. Казанскаго университета Щаповъ, искренность антигосударственныхъ убѣжденій котораго русское правительство почтило своимъ преслѣдованіемъ.

Въ своей вступительной лекціи, прочитанной въ 1876 г., Щаповъ прямо заявляетъ себя сторонникомъ начала «областности», противополагаемаго имъ началу «централизаціи».

«Скажу напередъ — заявилъ онъ — не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на каѳедру русской исторіи.

Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало областности* — позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи, развилось даже какое то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія...

«...Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго

въ свѣтѣ государства русскаго... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII вѣкѣ, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе всего XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ въ знаменитое время тайныхъ обществъ разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. д. — и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ *областной элементъ*, сколько загадочный, столько же быть можетъ, *зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи*».

Но особенно много для историческаго обоснованія и пропаганды федеральнаго принципа сдѣлалъ проф. Кіевскаго университета малороссъ М. Драгомановъ, который, подобно сибиряку Щапову, не избѣжалъ конфликта съ русскимъ правительствомъ и умеръ въ изгнаніи.

Обладая огромными историческими знаніями, Драгомановъ умѣлъ показать связь «федеральныхъ идей» съ освободительнымъ движеніемъ въ разныхъ странахъ, но свою федеральную программу онъ строилъ, подобно Бакунину, независимо ни отъ какихъ такъ называемыхъ «историческихъ» преданій и «государственныхъ претензій».

Централизмъ, даже самый революціонный былъ ему ненавистенъ, такъ какъ онъ хорошо зналъ, что централисты-якобинцы французской революціи «въ политико-административномъ отношеніи явились только завершителями дѣла Ришелье и Людовика XIV и въ свою очередь отцами Наполеоновщины».

Говоря о крупныхъ русскихъ дѣятеляхъ и мыслителяхъ, видящихъ въ вольной федераціи единственно возможную форму будущаго политическаго строя,

нельзя, конечно, не упомянуть П. А. Кропоткина. Въ своей извѣстной книгѣ «Хлѣбъ и Воля» онъ справедливо указываетъ, что «каждому экономическому фазису соотвѣтствуетъ въ исторіи свой политическій фазисъ».

«Нельзя говоритъ онъ — разрушить теперешнюю форму собственности, не вводя вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго строя политической жизни», и этотъ новый строй свободнаго общества, взявшаго въ свои руки общее наслѣдіе, — землю, фабрики и т. д. — можетъ быть, по мнѣнію Кропоткина лишь такой организаціей, которая основана «на свободномъ союзѣ и вольной федераціи». Увѣренность, что въ основѣ будущаго общества будетъ лежать децентрализація и федерація, Кропоткинъ могъ почерпнуть, между прочимъ, изъ замѣченнаго имъ факта, что *хозяйственная жизнь* уже въ современномъ обществѣ начинаетъ проявлять тенденцію къ децентрализаціи.

Въ своемъ изслѣдованіи «Fields, Factories and Workshops» Кропоткинъ рядомъ цыфровыхъ данныхъ доказываетъ, что промышленность всѣхъ родовъ децентрализируется, распространяясь по всему земному шару.

«Каждый народъ поочередно дѣлается промышленной націей, и приближается время, когда всѣ народности Европы, Соединенные Штаты и даже самые отсталые народы Азіи и Америки будутъ вырабатывать все то, что имъ необходимо».

«Наступающей эпохѣ европейской исторіи предстоитъ разрѣшить задачу, какимъ образомъ выращивать хлѣбъ и производить мануфактурные товары для того же народа, который занимается обработкой земли и мануфактурнымъ производствомъ. Каждый районъ долженъ сдѣлаться собственнымъ производителемъ и потребителемъ какъ мануфактурныхъ товаровъ, такъ и продуктовъ земледѣлія».

Понятно, какую твердую научную опору стремленіе къ политической децентрализаціи находитъ въ этой теоріи децентрализаціи хозяйственной.

Само собой разумѣется, что указываемая Кропоткинымъ территоріальная децентрализація промышленности отнюдь не противорѣчитъ несомнѣнной капиталистической концентраціи.

Большинство русскихъ революціонныхъ группъ 60-хъ и 70-хъ годовъ находилось подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ бакунинскихъ идей, такъ что въ программахъ и въ программныхъ заявленіяхъ этого времени часто встрѣчается требованіе федеративнаго переустройства Россіи.

Программа газеты «Народное Дѣло», выходившей заграницей съ 1868 по 1870 г., требуетъ «полной воли для всѣхъ народовъ, нынѣ угнетенныхъ имперіей, съ правомъ полнѣйшаго самораспоряженія, на основаніи ихъ собственныхъ инстинктовъ, нуждъ и воли; дабы — говоритъ она — федерируясь снизу вверхъ, тѣ изъ нихъ, которые *захотятъ* быть членами русскаго народа, могли бы создать сообща дѣйствительно вольное и счастливое общество въ дружеской и федеративной связи съ *такими же* обществами въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ».

Лавровскій «Впередъ» въ своей первой программной статьѣ, помѣщенной въ т. I 1873 г. заявляетъ, что съ развитіемъ прогресса «начало государственное и централизаціонное все болѣе уступаетъ началу свободной федераціи все болѣе мелкихъ общественныхъ единицъ».

«Именно въ замѣнѣ искусственной и случайной группировки личностей существенными и сознанными противуположеніями ихъ, именно въ увеличеніи автономнаго начала въ мелкихъ группахъ коммунъ и свободныхъ союзовъ на счетъ централизаціоннаго начала современныхъ легальныхъ государствъ заключается, по нашему мнѣнію, политическій прогрессъ человѣчества».

«Всѣ нынѣшнія централизаціонныя политическія программы намъ прямо враждебны». Говоря о Польшѣ редакція «Впередъ» называетъ своимъ братомъ и союзникомъ всякаго поляка, который «поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ».

«Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне мало значенія. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Польшей и Россіей, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоя-

тельно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному (!) или соціальному центру она потянетъ».

Тотъ же федеральный принципъ выставляется въ передовой статьѣ № 48 газеты «Впередъ», написанной Лавровымъ, гдѣ указывается, что общежитіе, осуществляющее принципъ коллективизма предполагаетъ, между прочимъ, «свободную федерацію, какъ типъ всякаго общежитія». Эта статья появилась въ 1876 г. Два года спустя революціонная группа «Общины», во главѣ которой стояли П. Аксельродъ, Н. Жуковскій, Д. Клеменсъ и З. Ралли, заявляетъ, что задача соціально-революціонной партіи, состоящая «въ обезпеченіи трудящемуся населенію безбѣднаго существованія, свободнаго развитія своихъ способностей и удовлетворенія потребностей», можетъ быть осуществлена *лишь въ свободномъ союзѣ автономныхъ общинъ*, при коллективномъ и равноправномъ пользованіи орудіями труда и средствами ко всестороннему развитію личности при порядкѣ общежитія, гарантирующемъ полную свободу лица въ группѣ и группы (общины) въ союзѣ равноправныхъ группъ (общинъ)».

«*Мы смотримъ* — говоритъ программное заявленіе «Общины» — *на вольную федерацію общинъ, какъ на первый шагъ, съ котораго должна начаться новая фаза общественнаго развитія* *)».

Программа знаменитаго революціоннаго общества «Земля и Воля» въ своихъ основныхъ чертахъ совпадаетъ съ программой «Общины», но «землевольцы» считали своими учителями не группу русскихъ эмигрантовъ, а Разина, Пугачева и ихъ сподвижниковъ, въ «программу» которыхъ, по увѣреніямъ землевольцевъ, входило, между прочимъ, «учрежденіе казачьихъ круговъ», т. е. «вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли».

Программу «народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ» (Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ) землевольцы считали программой громаднаго большинства русскаго народа и въ ихъ время, т. е. въ 70-ые годы XIX вѣка.

*) См. Г. Куклинъ. «Итоги» отд. I стр. 84.

«Земля и Воля» въ 1879 г., какъ извѣстно, распалась на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю». «Черный Передѣлъ», въ которомъ ближайшее участіе принимали Аксельродъ и Плехановъ, остался вѣренъ идеямъ «Земли и Воли» и усиленно подчеркивалъ свою враждебность «государственности и централизаціи».

Въ «Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ», помѣщенномъ въ № 1 «Чернаго Передѣла», дается превосходная характеристика якобинцевъ, вчитаться и вдуматься въ которую мы усиленно совѣтуемъ искристамъ прежде, чѣмъ повѣрить современному Плеханову, что каждый соціалдемократъ долженъ быть террористомъ à la Робеспьеръ или согласиться съ его вѣрнымъ ученикомъ Ленинымъ, что «якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соціалдемократъ».

„Сторонники по преимуществу правительственной иниціативы — пишетъ «чернопередѣлецъ» своимъ бывшимъ товарищамъ — якобинцы представляютъ себѣ, во имя громкихъ и высокихъ принциповъ, думать и дѣлать все, что имъ угодно. Абстрактно понимая свободу, они во имя ея уничтожаютъ монополіи, привилегіи, цехи и другія корпораціи, и въ то же время во имя той же свободы издаютъ декреты, лишающіе рабочихъ права ассоціацій, сходокъ, стачекъ, т. е. естественнаго права самозащиты. Якобинство (говоритъ Прудонъ) было главною причиною паденія свободы во Франціи, и оно же съ 1804 по 1815 г. грозило уничтоженіемъ ея во всей Европѣ. Наполеонъ I, образованный въ школѣ Робеспьера, который былъ для него всегда великимъ геніемъ, захвативъ власть, сдѣлался тотчасъ же идоломъ якобинцевъ. Оттого они и прозвали его *Робеспьеромъ на конѣ*. Его 18 брюмера можно считать какъ бы отомщеніемъ за 9 термидора. Онъ наполнилъ якобинцами свой главный штабъ, свои совѣты, свою администрацію и всѣхъ возвелъ въ дворянство. За то и секта выказала ему свою признательность; она изобрѣла формулу посвященія: «императоръ значитъ — революція, императоръ значитъ — демократія».

Таковъ якобинизмъ, какимъ рисуетъ его Прудонъ, этотъ честный и талантливый защитникъ народныхъ

правъ и интересовъ. Онъ совершенно правъ, утверждая, что политическая свобода якобинцевъ привела во Франціи къ политическому рабству наполеоновскаго абсолютизма. Но было бы несправедливо думать, что якобинцы стремились къ этому сознательно. Для лучшихъ представителей его политическая свобода была не пустое слово, не пустой звукъ, брошенный на вѣтеръ, а искреннее, глубокое убѣжденіе, выработанное у нихъ подъ вліяніемъ древнихъ классиковъ и современной имъ философіи. Это была своего рода религія, «благая вѣсть», которой они мечтали обновить одряхлѣвшее общество и водворить царство Свободы, Равенства и Братства. Мечтатели сложили голову за эту свободу, но сами вырыли ей яму, сами разбили тотъ кумиръ, которому поклонялись! Виновата та система, тѣ способы и пріемы борьбы, которыми они хотѣли реализировать свой идеалъ, свою «единую нераздѣльную республику».

«Въ послѣднихъ трехъ словахъ скрываются причины и послѣдствія ихъ пораженія и гибели. Что такое «единая нераздѣльная республика»? Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго, что «государство—это я», это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что «имперія—это революція, демократія».

«*Въ основѣ ихъ одинъ принципъ — государственность и централизація: авторитетъ и инициатива власти, съ одной стороны, безгласность и подчиненіе массы — съ другой.*

«*Разъ революціонная партія выставила на своемъ знамени этотъ принципъ, она — партія реакціи и застоя. Она теряетъ почву подъ ногами, лишается довѣрія и поддержки массы и, слѣдовательно, сама себя обрекаетъ на пораженіе и смерть.*"

Слова, по-истинѣ золотыя, и для искровской партіи, быть можетъ, пророческія!

Программа «Народной Воли», сильно отклонившейся отъ «Земли и Воли», во многомъ расходилась съ программой «Чернаго Передѣла», но федеративный принципъ, предполагающій общинно-областное устройство будущаго общества, остался дорогъ большинству народовольцевъ.

Программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли, этотъ, по нашему мнѣнію, самый замѣчательный

документъ, оставленный намъ народовольцами, указываетъ, что «государственное устройство должно быть основано на союзномъ договорѣ всѣхъ общинъ» и «каждая община въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вполнѣ независима и свободна».

«Свобода общины — говоритъ программа далѣе — т. е. право ея вмѣстѣ со всѣми общинами и союзами вмѣшиваться въ государственныя дѣла и направлять ихъ по общему желанію всѣхъ общинъ, не дастъ возникнуть государственному гнету, не допуститъ того, чтобы безнравственные люди забрали въ свои руки страну, разоряли ее въ качествѣ разныхъ правителей и чиновниковъ и подавляли свободу народа, какъ это дѣлается теперь».

«Русское государство, по характеру и условіямъ жизни населенія, дѣлится на области, самостоятельныя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, но связанныя въ одинъ общерусскій союзъ».

«*Народы насильственно присоединенные къ русскому царству, вольны отдѣлиться или остаться въ общерусскомъ союзѣ*».

Намъ уже приходилось говорить, что Марксъ очень заинтересовался программой рабочихъ членовъ «Народной Воли» и испещрилъ присланный ему экземпляръ различными отмѣтками. Слова о предоставленіи народамъ право отдѣлиться онъ не только подчеркнулъ, но и отмѣтилъ на поляхъ крестомъ.

Въ противоположность къ «программѣ рабочихъ членовъ партіи» въ программѣ Исполнительнаго комитета федеративный принципъ, если и высказанъ, то сравнительно слабо и неопредѣленно.

Несомнѣнно, что между русскими революціонерами конца 70-хъ годовъ было не мало, если не сознательныхъ, то безсознательныхъ якобинцевъ-централистовъ, вліяніе которыхъ ослабляло федеративную тенденцію партіи «Народной Воли».

«А сколько среди насъ — писалъ Аксельродъ въ статьѣ «Переходное время партіи» — такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда, у насъ очень мало *сознательныхъ* и *послѣдовательныхъ* якобинцевъ, но вѣдь безсознательныхъ и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія».

Для выясненія отношенія «Народной Воли» къ федеративному принципу очень важно письмо Желябова къ Драгоманову, относящееся къ 1880 г. *)

«Насъ, *убѣжденныхъ автономистовъ* — писалъ Желябовъ — винятъ въ централизмѣ... за Учредительное собраніе.

Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная коммиссія, а, во-вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть иступленные враги? гдѣ наши феніи, Парнель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, — а ставишь ближайшей задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части, и требуешь Учредительнаго собранія».

Желябовъ, какъ будто, и самъ думалъ, что учредительное собраніе противорѣчитъ распаденію имперіи на автономныя части; оно также мало противорѣчитъ этому «спасенію», какъ политическія требованія — «существеннѣйшему благу», экономическому освобожденію.

Распаденіе имперіи на автономныя части несомнѣнно должно повести къ соединенію этихъ частей въ федерацію, которая послѣ пролетарской революціи навѣрное охватитъ пространство даже болѣе обширное, чѣмъ современная Россія. Съ нашей точки зрѣнія «распаденіе имперіи» является лишь необходимымъ условіемъ для болѣе тѣсной связи между различными національными и областными группами населенія; свободную федерацію мы считаемъ связью болѣе тѣсною и крѣпкою, чѣмъ государственная централизація. Для установленія этой связи необходимо, конечно, учредительное собраніе, которое можно назвать, если хотите, конгрессомъ. Этотъ «конгрессъ» будетъ съ одной стороны, какъ справедливо указываетъ Желябовъ, ликвидаціонной комиссіей, съ другой — собра-

*) Драгомановъ приводитъ отрывки изъ этого письма въ своей уже не разъ цитированной нами книгѣ «Историческая Польша и Великорусская демократія».

ніемъ для совмѣстной выработки началъ новой взаимной общественной зависимости, которая въ данномъ случаѣ совпадетъ съ *взаимопомощью*.

Возникшій одновременно съ «Народной Волей» и просуществовавшій такъ недолго «Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» въ первыхъ двухъ пунктахъ своей программы говоритъ о «ниспроверженіи существующаго политическаго и экономическаго строя государства» и объ «учрежденіи свободной народной федераціи общинъ».

Сѣверный союзъ состоялъ, какъ извѣстно, исключительно изъ рабочихъ и объявилъ себя примыкающимъ къ соціалдемократической партіи Запада.

Такимъ образомъ первые сознательные русскіе рабочіе-соціалдемократы ясно и опредѣленно высказались за свободную федерацію свободныхъ общинъ.

Но первые русскіе соціалдемократы-интеллигенты въ своей программѣ, выработанной въ Женевѣ, требовали демократической конституціи и законодательнаго собранія, но ни однимъ словомъ не упоминали о замѣнѣ централизованнаго государства федераціей общинъ или областей. Мы говоримъ о группѣ «Освобожденія труда», состоявшей изъ нѣсколькихъ эмигрантовъ, не задолго до того руководившихъ «Черпымъ Передѣломъ».

Съ тѣхъ поръ для русскихъ соціалдемократовъ вопросъ о федераціи какъ бы не существовалъ. Впервые снова выдвинула его въ своемъ проектѣ программы организація «Жизни», выставивъ требованіе союзно-областной или федеративной республики съ правомъ каждой области на полное отдѣленіе. Но господствующая искровская или якобинско-іезуитская соціалдемократія постаралась убить проектъ «Жизни» презрительнымъ молчаніемъ; въ своемъ же проектѣ, какъ группа якобинская, она требовала «сосредоточенія всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія», а какъ группа іезуитская добавляла фразу о «признаніи права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства», поясняя ее заявленіемъ, что «не дѣло пролетаріата проповѣдывать федерализмъ и національную автономію».

Соціалисты-революціонеры относятся несравненно

сочувственнѣе къ національной автономіи и федеративному устройству общества, чѣмъ искристы; въ «Револ. Россіи» было нѣсколько статей, очень горячо отстаивающихъ эти начала, но въ общемъ и у партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ отношеніи къ вопросу о вольной федераціи вольныхъ союзовъ общинъ проявляются неопредѣленность и колебанія.

Такъ въ «Манифестѣ партіи соц.-рев.», выпущенномъ въ 1900 г., среди выставляемыхъ партіей требованій мы не находимъ замѣны централистическаго государства федераціей.

Въ проектѣ программы соц.-рев., опубликованномъ въ № 46 «Рев. Рос.» мы, правда, встрѣчаемъ федеративное начало, но формулировано оно, по нашему мнѣнію, недостаточно опредѣленно. Въ «политической и правовой области» проектъ требуетъ «установленія демократической республики, съ широкой автономіей областей и общинъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ; возможно болѣе широкаго примѣненія федеративнаго начала къ отношеніямъ между отдѣльными національностями» и, наконецъ, «признанія за ними безусловнаго права на самоопредѣленіе».

Выраженія «*широкая* автономія», «возможно болѣе *широкое* примѣненіе федеративнаго начала», «*безусловное* право» являются, конечно, многообѣщающими, но мы предпочли, если бы партія просто заявила, что она стремится къ установленію свободной федераціи общинъ и областей, свободной въ томъ смыслѣ, что каждая община и область могутъ отдѣлиться даже въ томъ случаѣ, если онѣ русскія, а не инородческія.

Намъ кажется, что пролетарская партія должна ясно и опредѣленно высказаться не только за свободу національности, но и за свободу *каждой* общины и *каждаго* союза общинъ или области. Какъ необходимо вполнѣ опредѣленное отношеніе къ этому вопросу, показываетъ слѣдующая любопытная дискуссія на небываломъ съѣздѣ искристовъ. Ленинъ былъ противъ слова «областное» въ программномъ пунктѣ, гласящемъ: «широкое мѣстное и *областное* самоуправленіе».

«Это слово очень неясно — говорилъ Ленинъ — и можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что соціалдемократія требуетъ раздѣленія всего государства на многія области».

Либеръ, представитель Бунда, остаивалъ слово «областное», такъ какъ слова мѣстное самоуправленіе означаетъ самоуправленіе деревень и городовъ, областное же союзъ деревень и городовъ.

Онъ, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильно высказался за самоуправленіе общинъ и за самоуправленіе союзовъ городскихъ и сельскихъ общинъ.

Но тутъ, конечно, вмѣшался «урѣзыватель истины» Мартовъ и со свойственнымъ ему апломбомъ заявилъ, что аргументація Либера «не имѣетъ ничего общаго съ соціалдемократической аргументаціей». *За самовольные союзы общинъ мы стоять не можемъ*», восклицаетъ онъ.

У этого каррикатурнаго якобинца, видимо, уже просыпается желаніе подавлять *самовольные* (какое характерное выраженіе!) *союзы* общинъ, т. е. союзы, организовавшіеся по своей волѣ, безъ разрѣшенія центральныхъ властей. Но громадное пространство Россіи и опытъ нашего централизованнаго управленія даетъ «поводъ» строгому къ «самовольнымъ союзамъ» Мартову «считать необходимымъ и цѣлесообразнымъ существованіе областнаго самоуправленія для такихъ крупныхъ единицъ, какъ Финляндія, Польша, Литва и Кавказъ. Въ виду этого Мартовъ предлагаетъ внести въ программу «областное самоуправленіе для тѣхъ окраинъ, которыя по своимъ бытовымъ условіямъ и составу населенія отличаются отъ собственно-русскихъ мѣстностей».

Для «собственно-русскихъ мѣстностей громадное пространство Россіи и опытъ нашего централизованнаго управленія» не дали, увы, «повода» собственно-русскому Мартову признать цѣлесообразность областного самоуправленія!

Характерно, что представители кавказскихъ комитетовъ очень обрадовались милостивому отношенію Мартова къ областному самоуправленію «крупныхъ» и тне «Костровно-русскихъ» мѣстностей.

«собственъ поддерживаетъ предложеніе тов. Мартова—повѣтствуютъ протоколы съѣзда — и считаетъ, что включеніе его въ программу партіи будетъ имѣть широкое агитаціонное значеніе и привлечетъ въ парію новыя силы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и въ томъ

числѣ и у насъ *на Кавказѣ, идея областного самоуправленія очень популярна.*

Карскій (представитель тифлисскаго комитета) находитъ, что областное самоуправленіе необходимо именно потому, что нѣкоторыя мѣстности очень сильно отличаются по своимъ бытовымъ условіямъ и могутъ развиваться лишь при предоставленіи имъ автономіи.

Русовъ (предст. Бакинскаго комитета): Я присоединяюсь къ предложенію тов. Мартова о введеніи требованія областного самоуправленія и необходимости особаго указанія на наши окраины.»

Мы не станемъ, конечно, возражать противъ необходимости областного самоуправленія для Кавказа, но мы думаемъ, что пролетаріатъ долженъ высказаться противъ «соціалдемократическаго» самовластія, недопускающаго «самовольныхъ союзовъ общинъ» въ «собственно-русскихъ мѣстностяхъ».

Горячая защита идеи «областнаго самоуправленія» со стороны кавказскихъ комитетовъ въ высшей степени поучительна: централизмъ до такой степени отвратителенъ трудовымъ массамъ нашихъ окраинъ, что мѣстнымъ искристамъ приходится дѣлаться автономистами, разъ они не хотятъ быть окончательно отрѣзанными отъ мѣстнаго пролетаріата.

Сторонниковъ одной и нераздѣльной россійской республики врядъ-ли вообще можно найти среди не «собственно-русскаго» пролетаріата.

Финляндскому пролетаріату, какъ извѣстно, и въ голову не приходитъ считать свою страну Россіей, и онъ, вѣроятно, очень удивился бы, если бы узналъ, что «россійскіе соціалдемократы» обсуждаютъ на своихъ съѣздахъ, недоступныхъ его представителямъ, слѣдуетъ ли дать Финляндіи областное самоуправленіе или нѣтъ?

Пролетарская Финляндія никогда не согласится быть поглощенной единствомъ Россіи, но она, навѣрное охотно вступитъ въ федеративный союзъ, какъ съ русскими, такъ и шведскими областями.

Пролетарская Польша? не она ли стоитъ за россійскій централизмъ? Кто рѣшится *искренно* и серьезно утверждать, что польскій рабочій не желаетъ возстановленія Польши?

Мнѣ здѣсь невольно вспоминается одно мѣсто изъ

статьи г. Ст. «Современная весталка»*), гдѣ авторъ полемизируетъ съ Южаковымъ, заявившимъ о долгѣ «помнить, что часть польской націи желаетъ устроиться съ нами и отъ насъ зависитъ въ значительной степени будущность этого желанія.»

Послѣ словъ Южакова «часть польской націи» г. Ст. дѣлаетъ въ скобкахъ замѣчаніе: «буржуазная часть, г. Южаковъ! какъ это хорошо извѣстно всякому, хотя немного знакомому съ польскими дѣлами».

Мы имѣемъ рѣдкое удовольствіе вполнѣ согласиться съ сотрудникомъ журнала г. Плеханова.

Г. Ст. совершенно правъ! Всякому, хотя немного знакомому съ польскими дѣлами, извѣстно, что *только* буржуазная часть польской націи «желаетъ устроиться съ нами» и почему она желаетъ, недурно указано Розой Люксембургъ въ ея брошюрѣ «Промышленное развитіе Польши». Роза Люксембургъ привела поучительныя данныя, что польской буржуазіи выгодны русскіе рынки, не отдѣленные отъ нея таможенной заставой, что ей даже выгодна русская внѣшняя и отчасти внутренняя политика, но она не привела никакихъ данныхъ, что это выгодно польскому пролетаріату, она не доказала, что борьба польскаго пролетаріата за національное освобожденіе противъ русской государственной власти, по мнѣнію Розы Люксембургъ, непзмѣнно покровительствующей польской буржуазіи, что эта борьба противорѣчитъ борьбѣ классовой. Намъ необходимо это констатировать, въ виду того что сторонники Р. Люксембургъ, образовавшіе «Соц.-Демокр. Партію Царства Польскаго и Литвы» ушли съ невиданнаго съѣзда искристовъ, заподозривъ этихъ послѣднихъ въ польскомъ сепаратизмѣ, который, по ихъ мнѣнію, представляетъ страшное зло для польскаго пролетаріата. Они ушли, возмущенные тѣмъ, что «Искра», комментируя свою программу, позволила польскому пролетаріату ставить своимъ лозунгомъ свободную независимую польскую республику.

Это фактъ въ исторіи небывалый! Польскіе революціонеры не хотятъ вступать въ союзъ съ русскими революціонерами изъ за того, что тѣ сочувствуютъ

*) «Заря», № 2-3, стр. 255.

свободной польской республикѣ. Не правъ-ли тогда г. Южаковъ?! Не пролетаріи-ли составляютъ ту часть націи, которая «желаетъ устроиться съ нами«?

Оттолкнула отъ «Искры» польскую соціалдемократію фраза о свободной республикѣ, привлекло же заявленіе о томъ, что проповѣдывать національную автономію и федерацію не дѣло пролетаріата.

Если бы «соціалдемократія Польши и Литвы» дѣйствительно, представляла собою польскій и литовскій пролетаріатъ, то мы бы, признаться сказать, были нѣсколько смущены этимъ эпизодомъ. Не легко защищать принципъ автономіи и федераціи, если такой по всему своему складу независимый пролетаріатъ, какъ польскій и литовскій, тяготѣетъ къ централизованному русскому государству и возмущается при мысли о свободной польской республикѣ.

Но намъ кажется, что пролетаріатъ Польши и Литвы тутъ совсѣмъ не при чемъ; и почтенный соціалдемократъ Царства Польскаго и Литвы г. Варшавскій представлялъ *въ данномъ случаѣ* не «классовое сознаніе» польскаго пролетаріата, а взгляды германской соціалдемократки Розы Люксембургъ. Мы знаемъ, что требованіе польской независимости отнюдь не вредитъ успѣхамъ польской соціалистической партіи, уничтожить которую поставила своей задачей Роза Люксембургъ. Мы знаемъ, что даже столь смѣлая Роза Люксембургъ не осмѣлилась бы потребовать на международномъ конгрессѣ, чтобы «Польша» была раскасирована между Россіей, Австріей и Германіей, мы знаемъ, что и она и ея ученики хотятъ непремѣнно представлять польскую націю, мы знаемъ, что, собираясь соединиться съ русской соціалдемократіей, они все же непремѣннымъ условіемъ ставили сохраненіе, какъ «подзаголовка», своего теперешняго названія: Соціалдемократія Царства Польскаго и Литвы.

Это требованіе «подзаголовка» указываетъ, какъ намъ кажется, на *безсознательное* стремленіе къ національной автономіи, такъ какъ мы не хотимъ думать, чтобы оно вызывалось тѣмъ же стремленіемъ къ пышнымъ титуламъ, которое побуждаетъ русскихъ самодержцевъ сохранять «подзаголовокъ» — «Царь Польскій», «Великій Князь Финляндскій» и пр. и пр. Что касается спеціально *Литвы*, то тамъ, хотя и

противъ воли Плеханова и Люксембургъ, имѣется своя Литовская Соціалдемократическая Партія, которая въ основу своей политической программы ставитъ требованіе «*демократической литовской республики, соединенной федеративно съ союзными народами, находящимися на той же ступени общественнаго и политическаго развитія*».

Латыши не требуютъ для себя самостоятельной республики, но ихъ соціалдемократическая партія является несомнѣнно сторонницей федеративнаго принципа.

Объ *украинцахъ* нечего и говорить. Всѣ ихъ революціонныя и соціалистическія партіи всегда стояли и стоятъ за автономію Украйны. Въ украинской соціалистической литературѣ требованіе *союзно-областной* республики и признаніе права за каждой областью на полное отдѣленіе, выставленныя «Жизнью», были встрѣчены очень сочувственно. Остается еще поставить вопросъ объ отношеніи къ національной автономіи и федераціи еврейскаго пролетаріата.

Мы говорили уже, что Бундъ въ лицѣ своего заграничнаго представителя заявилъ на Амстердамскомъ конгрессѣ, что онъ стоитъ на государственной, а не на національной точкѣ зрѣнія, что онъ не требуетъ признанія евреевъ особой націей. Пусть такъ! Но неужели представители Бунда станутъ отрицать, что ростъ классового сознанія еврейскаго пролетаріата идетъ рука объ руку съ ростомъ національнаго сознанія въ самомъ благородномъ и лучшемъ значеніи этого понятія?! Еврейскій пролетаріатъ не хочетъ быть болѣе паріей, «жидомъ», но онъ хочетъ остаться евреемъ и требуетъ къ себѣ, какъ еврею, такого же уваженія, какого требуетъ или долженъ требовать къ себѣ русскій пролетарій. Національное достоинство поднимается у него вмѣстѣ съ достоинствомъ личнымъ. Этотъ культурный подъемъ національнаго достоинства скорѣе, чѣмъ что-нибудь другое, сблизитъ евреевъ съ другими націями и уничтожитъ антисемитизмъ. Но, если еврейскій пролетаріатъ и не хочетъ національной автономіи, то во всякомъ случаѣ онъ не сторонникъ государственнаго централизма, это видно хотя-бы изъ того, что онъ организуется въ отдѣльную партію, которая очень ревниво отстаиваетъ свою автономность.

Стремленіе негосударственныхъ націй освободиться отъ гнета современныхъ «національныхъ» государствъ должно облегчить уничтоженіе государства вообще и созданіе снизу вверхъ свободной федераціи свободныхъ областей, образованныхъ изъ самоуправляющихся общинъ, но основнымъ двигателемъ въ этомъ направленіи является классовая борьба пролетаріата. Цѣль ея — демократизмъ и соціализмъ, а ихъ непремѣннымъ условіемъ является коммунальное или общинно-федеральное устройство общества. Это положеніе мы отчасти уже пояснили, особенно въ главѣ о «государствѣ и общественномъ самоуправленіи», дальнѣйшимъ поясненіемъ и развитіемъ его послужитъ то, что намъ придется еще сказать о гарантіяхъ народной и личной свободы, а также о мѣрахъ, устраняющихъ режимъ частной собственности. Что касается до программной формулировки общинно-федеральнаго принципа, то наиболѣе простой и ясной будетъ, кажется, слѣдующая:

Федерація областныхъ и національныхъ союзовъ самоуправляющихся общинъ.

При этой формулировкѣ мы избѣгаемъ слово «республика», которое слишкомъ тѣсно связано съ понятіемъ «государство» и не ставимъ союзы общинъ и областей въ зависимости отъ какихъ бы то ни было государственныхъ границъ; ясно изъ этой формулировки и то, что пролетарское общество не устраивается сверху внизъ, а свободно организуется *снизу вверхъ*.

Глава IX.

Гарантіи народной и личной свободы.

I.

Господство буржуазіи международно, но формы, въ которыхъ оно проявляется въ разныхъ странахъ, не одинаковы. Главное орудіе этого господства — государственная власть — видоизмѣняется въ зависимости отъ историческихъ судебъ каждой страны; ея сила, ея форма, ея отношеніе къ личности и народу опредѣляется во-первыхъ классовой борьбой въ періоды, предшествовавшіе торжеству капитализма и буржуазіи, составомъ господствующаго класса, его большею или меньшею однородностью; затѣмъ современною классовою борьбою пролетаріата, ея продолжительностью и интенсивностью, составомъ пролетаріата, его большею или меньшею однородностью; наконецъ, положеніемъ тѣхъ народныхъ слоевъ, которые еще не диффференцировались въ два класса съ противоположными интересами, и ихъ большею или меньшею близостью съ одной стороны къ пролетаріату, съ другой къ буржуазіи. Получается очень сложная картина очень сложныхъ политическихъ режимовъ. Чтобы оцѣнить эти разнообразные политическіе режимы съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, необходимо было бы разсмотрѣть, на сколько въ томъ или другомъ случаѣ «государственная» воля господствующаго класса ограничивается волею народной, на сколько «народомъ» считаются всѣ трудящіеся въ данной странѣ, на сколько сильно развиты государственная централизація, бюрократія, милитаризмъ, на сколько тѣсенъ союзъ между государствомъ и цер-

ковью, на сколько обезпечена неприкосновенность личности, свободы собраній, союзовъ, стачекъ, свободы слова и т. д. Оцѣнивать тотъ или другой политическій строй исключительно въ зависимости отъ монархическаго или республиканскаго «образа правленія» совершенно невозможно. Между тѣмъ въ соціалистической печати и на соціалистическихъ конгрессахъ очень часто при оцѣнкѣ политическаго строя той или другой страны принимается во вниманіе не вся совокупность элементовъ и отношеній, изъ которыхъ онъ слагается, а исключительно форма правленія; отсюда проистекаетъ много неясностей, недоразумѣній, противорѣчій.

Когда въ 1903 г. Фольмаръ въ своей мюнхенской рѣчи сказалъ, между прочимъ, что «соціалдемократы не буржуазные республиканцы, мышленіе которыхъ исчерпывается государственной формой, что для нихъ еще важнѣе общественныя учрежденія», Бебель безпощадно напалъ на него, какъ на опаснаго ревизіониста.

Настаивая на томъ, что «государственная форма очень существенна» Бебель ссылался на монархію въ Пруссіи», эту «монархію par excellence», подобной «которой не найти во всемъ свѣтѣ» и указывалъ, что «прусскій монархъ, который въ то же время германскій императоръ» является съ одной стороны самой важной опорой юнкерства, съ другой виновникомъ безправія соціалдемократіи. «Если бы, напротивъ, Пруссія-Германія была бы республикой, хотя бы и самой голубой*), то въ высшей степени вѣроятно, что мы имѣли бы всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право для всѣхъ представительныхъ учрежденій, вознагражденіе депутатамъ, болѣе правильное распредѣленіе избирательныхъ округовъ, на сколько возможно пропорціональную избирательную систему, гораздо болѣе свободное право собраній и сообществъ, большую свободу печати, болѣе совершенную соціальную реформу, въ пользу которой тогда наша сила падала бы на вѣсы совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, демократически устроенную военную систему,

*) Т. е. наиболѣе консервативной и наиболѣе противоположной республикѣ демократической.

отвѣтственное передъ парламентомъ правительство, однимъ словомъ, былъ бы выполненъ рядъ нашихъ ближайшихъ программныхъ требованій, изъ за которыхъ теперь намъ предстоитъ выдержать еще долгую и, вѣроятно, очень тяжелую борьбу и принести огромныя жертвы!»

Таково, по Бебелю, огромное значеніе для соціалдемократіи республиканской формы правленія.

«Не хотятъ ли Фольмаръ и Гёре еще и теперь утверждать, что государственная форма вещь болѣе второстепенная? — восклицаетъ онъ съ укоризной — «Что подумаютъ бельгійскіе, французскіе, австрійскіе, итальянскіе товарищи, прочитавъ ихъ разсужденія!»

Такъ писалъ Бебель осенью 1903 г., обличая «опаснаго ревизіониста» Фольмара. Черезъ годъ на Амстердамскомъ конгрессѣ, обличая еще болѣе опаснаго «ревизіониста» Жореса, Бебель уже не разрисовываетъ прелести консервативной (голубой) республики, а, напротивъ, съ большимъ жаромъ выставляетъ очень существенныя преимущества прусско-германской монархіи по сравненію съ такими демократическими республиками, какъ Франкоммиссі Ам. Соединенные Штаты и Швейцарія. Въ ція, Сѣв. при закрытыхъ дверяхъ*), Бебель, по отчетуо orwärts'a возражая Жоресу, указавшему на то, чт V Франція—республика, а Германія — монархія и потому дрезденская резолюція для первой не подходитъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Правда, у насъ монархія и реакціонное правительство, но со времени углекопной стачки 1889 г. у насъ ни разу не направлялись противъ стачечниковъ войска, между тѣмъ во Франціи это дѣлается чуть не каждый день... Королевская власть можетъ также иногда, какъ это было при Бисмаркѣ, попасть въ положеніе, когда она должна опереться на рабочихъ про-

*) Пренія на Амстердамскомъ конгрессѣ происходили большей частью въ «комиссіи», куда не допускалась ни публика ни „печать", тѣмъ не менѣе въ газетахъ появились краткіе очерки объ этихъ засѣданіяхъ. Отчеты въ соціалистическихъ газетахъ могутъ считаться достовѣрными, такъ какъ они составлялись или делегатами, или представителями соціалистической прессы, допущенными въ видѣ исключенія.

тивъ буржуазіи... Королевская власть должна также постоянно бояться потерять свой престижъ...»

При открытыхъ дверяхъ Бебель заявилъ, что нѣмецкіе соціалдемократы, конечно, стоятъ за республику, *но республику соціалистическую, а не буржуазную. Республика буржуазная не стоитъ, по ихъ мнѣнію, того, чтобы изъ за нея рисковать головами.*

«Буржуазная ли монархія, буржуазная ли республика — все равно обѣ являются классовыми государствами, обѣ по своей природѣ должны заботиться о сохраненіи капиталистическаго общественнаго порядка. Обѣ должны со всею своей силой выступать за то, чтобы буржуазія удержала всю свою власть при законодательствѣ. Ибо въ тотъ моментъ, когда она потеряетъ политическую власть, потеряетъ она также свое хозяйственное и соціальное положеніе. Не такъ плоха монархія, какъ вы ее представляете и не такъ хороша буржуазная республика, какъ вы ее изображаете. Даже въ нашей милитаристической, юнкерской, полицейской Германіи имѣются учрежденія, которыя для вашей буржуазной республики представляются еще идеаломъ. Посмотрите на податное законодательство въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ и посмотрите на него во Франціи. Я не знаю ни одной страны въ Европѣ, въ которой податная система была бы столь подлой, реакціонной, эксплуататорской, какъ во Франціи. Въ противоположность къ этой системѣ высасывающей всѣ соки изъ народа, при бюджетѣ въ $3^1/_2$ милльярда франковъ, мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ подоходный налогъ и налогъ на имущество.

И если дѣло идетъ объ осуществленіи требованій рабочаго класса, то буржуазная республика направляетъ всѣ орудія своей власти противъ рабочихъ. Гдѣ возможно расправляться съ рабочими такъ жестоко и подло, какъ въ великой буржуазной республикѣ по ту сторону океана, идеалѣ столь многихъ?! Также и въ Швейцаріи, гораздо болѣе демократической республикѣ, чѣмъ ваша Франція, въ одно только это короткое лѣто милиція даже при самыхъ незначительныхъ стачкахъ шесть разъ высылалась противъ рабочихъ, хотѣвшихъ воспользоваться своимъ правомъ коалиціи и собраній».

«Буржуазная республика — резюмировала рѣчь

Бебеля въ «комиссіи» одна германская соціалдемократическая газета—ничто иное, какъ незамаскированное классовое господство буржуазіи; позорное положеніе вещей, которое создано въ настоящее время въ столицѣ берлинскими городскими свободомыслящими, а во Франкфуртѣ на Майнѣ зоннеманократіей*), республика сдѣлала бы германскими государственными учрежденіями; она предоставила бы министерству Рихтера—Зоннемана — Бассермана смѣняться министерствомъ Рихтера—Зоннемана—Шпана и вооружила бы безпримѣрную низость нѣмецкихъ предпринимателей при ихъ борьбѣ съ рабочими пулями и картечью».

Гэдъ, говорившій въ комиссіи послѣ Бебеля и вполнѣ съ нимъ солидарный, поясняетъ и дополняетъ амстердамское отношеніе вожака нѣмецкой соціалдемократіи въ такихъ, надо отдать ему справедливость, совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ:

«Вы (обращаясь къ жоресистамъ) совершенно лишены чувства классовой борьбы, о которомъ, вы говорите, вы ее никогда не вели практически. Это выглядитъ очень хорошо, когда вы сворачиваете въ область историческаго развитія народовъ, къ вашему «спасенію республики». Согласимся на минуту, что республика была спасена вашими друзьями, но какъ, спрашиваю я васъ, форма республики могла бы хоть на одинъ день ускорить освобожденіе пролетаріата? *Бебель сказалъ вамъ вчера, что республиканская форма является областью, на которой объединяются всѣ фракціи буржуазнаго класса и что въ извѣстномъ смыслѣ монархія, на сколько она стоитъ надъ классами, имѣетъ надъ ней преимущества.* Вы могли бы, пожалуй, вспомнить также слова Тьера, которыя были выраженіемъ чувствъ цѣлаго класса: республика — та форма правленія, которая всего менѣе насъ раздѣляетъ. Такимъ образомъ, если бы вы даже спасли республику, то вы бы этимъ ничего не сдѣлали для пролетаріата. Если пролетаріатъ, чтобы ее спасать, когда она въ опасности, каждый разъ долженъ откладывать свои требованія, то республика — худшее изъ правительствъ... Взгляните-ка на реформы, которыми вы

*) Т. е. вліяніемъ демократа Зоннемана, издателя «Frankfurter Zeitung».

осчастливили пролетаріатъ. Вы кичитесь свѣтскостью школы и отдѣленіемъ церкви отъ государства! Предположимъ, что республиканская буржуазія все это провела бы, но это не имѣло бы никакого значенія. Посмотрите на Америку, гдѣ церковь отдѣлена отъ государства! Преподаваніе, не смотря на это остается конфессіональнымъ, такъ какъ невозможно никакое духовное освобожденіе до полнаго переворота капиталистическаго общества... Нужно ли еще говорить о десятичасовомъ законѣ, проведеніе котораго вы приписываете себѣ? Законъ рѣшенъ былъ въ разгарѣ реакціи, въ 1892 г. и вы только на десять лѣтъ задержали его примѣненіе. (Возгласы: Это не такъ. Вальянъ въ палатѣ заявилъ какъ разъ обратное!) Вы заявляете, что подготовляется поддержка немощныхъ рабочихъ; *но она даетъ рабочимъ лишь десятую часть того, что дала рабочимъ монархія Гогенцоллерновъ.* (Возгласъ: Вы знаете, что это неправда!) И что касается войны, то мы ее предусматривали въ 1877 и 1886 г., а вы подготовляете ее, голосуя военный бюджетъ (Возгласъ: Это опять такіе невѣрно.). Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что вы дѣйствуете такимъ образомъ. *Ваша ошибка фундаментальная. Вы соединяете соціализмъ съ республикой и съ французской революціей. Но мы говоримъ, что соціализмъ—результатъ чисто хозяйственныхъ явленій, и это основное воззрѣніе стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ вашимъ представленіемъ. Вы дѣлаете изъ республики первую главу или предисловіе къ соціализму.* Еслибы это было вѣрно для Франціи, тогда это было бы вѣрно и для всѣхъ странъ, поэтому мы и выставили эти вопросы передъ пролетаріатомъ всѣхъ странъ. *Не думаете-ли вы, что завоеваніе республики можетъ улучшить жизненное положеніе пролетаріата?* Но у васъ такъ мало соціалистическаго пониманія, что вы полагаете будто существуютъ различія, коренящіяся въ историческомъ происхожденіи и въ положеніи даннаго момента, которыя противорѣчатъ мысли объ единой соціалистической практикѣ, объ равномѣрномъ международномъ дѣйствіи соціализма».

Наивный читатель, вникшій въ амстердамскія разсужденія Бебеля и Гэда, можетъ подумать, что противъ нихъ протестовалъ Плехановъ вмѣстѣ со своими

сослуживцами. Не проповѣдуетъ ли Плехановъ, что русскій пролетаріатъ долженъ стремиться къ буржуазной революціи, не готовъ ли Плехановъ рисковать, если не своею головой, то головами русскихъ рабочихъ для достиженія *буржуазной республики*, которая, по его убѣжденію, неизбѣжное *предисловіе къ соціализму*. Не зоветъ ли онъ бороться пролетаріатъ за отдѣленіе церкви отъ школы и государства?

Все это такъ; у себя дома въ русской Женевѣ Плехановъ, конечно, возмутился бы, если бы какой-нибудь «сослуживецъ» вздумалъ отвергать связь буржуазной республики и буржуазной революціи съ соціализмомъ, пытаясь перескочить черезъ буржуазное предисловіе прямо къ соціальной революціи, онъ, конечно, немедленно приказалъ бы подобному «пустомелѣ» подать въ отставку, но въ международномъ Амстердамѣ онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ взглядовъ Гэда, самымъ крайнимъ противникомъ Жореса, и мы бьемся о закладъ, что онъ горячо апплодировалъ какъ Бебелю, такъ и Гэду.

И, если вы, наивный читатель, вздумаете указать кому-нибудь изъ искристовъ на противорѣчіе между амстердамскою рѣчью Гэда и рѣчами плехановской «Искры», то васъ просто признаютъ существомъ «органически неспособнымъ къ діалектическому мышленію», каковымъ, впрочемъ, въ глазахъ Плеханова оказался самъ Ленинъ, когда сдѣлался ему неудобнымъ.

За то Плехановъ созданъ для діалектическаго мышленія, онъ «органическій» діалектикъ, онъ мыслитъ и дѣйствуетъ противорѣчіями.

Въ споръ о преимуществахъ монархіи или республики вмѣшался и Каутскій, старающійся примирить внѣшнее противорѣчіе между «монархическимъ и республиканскимъ суевѣріемъ» въ «высшемъ единствѣ».

Въ № 48 «Die Neue Zeit» за 1904 г. въ статьѣ, посвященной яко-бы огромнымъ результатамъ Амстердамскаго конгресса, Каутскій «теряетъ», по его выраженію, «нѣсколько словъ» по поводу вопроса, «выдвинутаго Бебелемъ, такъ какъ выраженія Бебеля были совершенно невѣрно поняты, хотя въ нихъ не заключалось ничего, что не было бы давно признано въ нѣмецкой соціалдемократіи.»

«Бебель — пишетъ Каутскій — провелъ параллель между обращеніемъ съ рабочими въ республикахъ, каковы Америка, Франція, Швейцарія и въ монархіи, какова Германія, и онъ констатировалъ, что въ республикахъ господствующая политика часто болѣе враждебна рабочимъ, чѣмъ въ монархіяхъ, что напр., въ Германіи, не смотря на всевозможныя притѣсненія стачечниковъ судами и полиціей, случаи вмѣшательства военной силы въ стачки гораздо болѣе рѣдки, чѣмъ въ этихъ республикахъ; точно также податная система во Франціи, и, онъ могъ бы также прибавить, въ Соединенныхъ Штатахъ, гораздо испорченнѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Его вслѣдствіе этого сдѣлали адвокатомъ монархіи, несмотря на то, что онъ опредѣленно объявилъ, что мы республиканцы и что онъ республику считаетъ высшей государственной формой, чѣмъ монархію. Другіе пожелали увидѣть въ этихъ двухъ заявленіяхъ противорѣчіе: если республика враждебнѣе рабочимъ, чѣмъ монархія, то для представителя рабочаго класса нелѣпо предпочитать первую второй. Оба упрека Бебелю основываются на грубомъ непониманіи природы пролетарской классовой борьбы и проникнуты духомъ буржуазной демократіи, которая въ политическихъ формахъ, а не въ экономическихъ классовыхъ интересахъ видитъ рѣшающій факторъ нашей общественной жизни.

«Мы уже потому республиканцы, что демократическая республика является единственной политической формой, соотвѣтствующей соціализму. Монархія можетъ существовать лишь на основѣ классовыхъ различій и классовыхъ противоположностей. Уничтоженіе классовъ обусловливаетъ и уничтоженіе монархіи. *Это еще теперь не обязываетъ насъ стремиться низвергнуть монархію, такъ какъ мы еще ничего не знаемъ о времени и родѣ проведенія соціальнаго преобразованія.* Но это все же имѣетъ для насъ нѣкоторое практическое значеніе, такъ какъ препятствуетъ намъ пользоваться помощью монархіи для осуществленія даже только нашихъ ближайшихъ требованій или способствовать усиленію монархическаго правительства.

Но республика симпатична намъ не только во вниманіе къ болѣе или менѣе отдаленному будущему государству соціальной республики. И какъ буржуаз-

ная республика должна она быть для соціалистическаго пролетаріата болѣе цѣнной, чѣмъ монархія, такъ что онъ рѣшаетъ въ пользу республики тамъ, гдѣ ему представляется выборъ между обѣими государственными формами. Ибо буржуазная республика представляетъ изъ себя государственную форму, въ которой рѣшительный бой между пролетаріатомъ и буржуазіей можетъ быть проведенъ раньше всего и лучше всего. Это зависитъ отъ того, что въ республикѣ рѣзче и яснѣе всего проявляется противоположность между пролетаріатомъ и буржуазіей.

«Правда и монархія необходимымъ образомъ враждебна борющемуся за свое освобожденіе пролетаріату, такъ какъ это освобожденіе требуетъ уничтоженія классовъ, т. е. основного условія монархіи. *Но она нисколько не заинтересована въ томъ, чтобы допустить другой классъ къ его исключительному господству; сила монархіи больше всего тамъ, гдѣ различные классы держатъ другъ друга въ равновѣсіи. Это при случаѣ можетъ побудить монархическое правительство взять пролетаріатъ подъ свою защиту отъ буржуазіи.*

«*Съ другой стороны въ монархіи буржуазія при извѣстныхъ условіяхъ можетъ чувствовать себя болѣе стѣсненной правительствомъ, которое не является ея прямымъ классовымъ правительствомъ, чѣмъ пролетаріатомъ; она можетъ призывать его для ослабленія правительства и для этой цѣли укрѣплять.*

«*Наконецъ, въ монархической странѣ самъ пролетаріатъ встрѣчаетъ между собою и буржуазіей монархію, какъ противника отъ нея отличнаго. Вслѣдствіе этого его вниманіе раздѣляется, острота классовой противоположности, интенсивность классовой борьбы ослабляется.*

Совсѣмъ иначе въ буржуазной республикѣ при развитомъ капиталистическомъ производствѣ. Здѣсь буржуазія господствуетъ прямо, здѣсь пролетаріатъ и буржуазія стоятъ другъ противъ друга непосредственно, здѣсь пролетаріату не приходится перелѣзать черезъ стѣну монархическаго правительства, разъ онъ хочетъ схватить буржуазію за шиворотъ.

«Въ монархическихъ странахъ — и тѣмъ болѣе, чѣмъ абсолютнѣе монархія, такимъ образомъ больше

всего въ Россіи — пролетатіатъ часто вынужденъ концентрировать всю свою силу на борьбѣ съ правительствомъ. *Удастся ему тамъ низвергнуть государственную власть, то онъ стоитъ не въ концѣ своей борьбы, а въ началѣ новой, болѣе интенсивной фазы классовой борьбы.* Удастся ему, напротивъ, въ буржуазной республикѣ низвергнуть существующую государственную власть, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно побѣдилъ буржуазію, произвелъ ея политическую экспропріацію и сдѣлалъ неизбѣжной экспропріацію экономическую.

«Отсюда большое значеніе, которое уже и буржуазная республика имѣетъ для пролетаріата. Но именно поэтому въ республикѣ классовое сознаніе и классовая ненависть буржуазіи по отношенію къ пролетаріату болѣе развита, и буржуазія тамъ тѣмъ безсовѣстнѣе въ своей классовой борьбѣ противъ пролетаріата, тѣмъ неразборчивѣе въ средствахъ, будь это жестокое усмиреніе или коварное ухищреніе и совращеніе.»

Въ этихъ разсужденіяхъ, которыя можно озаглавить: «Нѣтъ худа безъ добра и нѣтъ добра безъ худа», встрѣчаются утвержденія, которыя можно было ожидать отъ органическаго діалектика-резонера Плеханова, но которыя поражаютъ, исходя отъ такого виднаго представителя научнаго соціализма, какъ Каутскій.

Форма правленія, монархія, превращается у него въ особую общественную силу, стоящую независимо отъ пролетаріата и буржуазіи, и при случаѣ, берущую пролетаріатъ подъ свою защиту.

Въ монархіяхъ пролетаріатъ, увѣряетъ Каутскій, только тогда начнетъ классовую борьбу, когда покончитъ борьбу съ «правительствомъ», и въ то же время, увѣряетъ Каутскій, «мы», т. е. соціалдемократы, отнюдь не обязаны практически стремиться къ низверженію монархіи.

Но, можетъ быть, болѣе всего характерна выдвигаемая Каутскимъ теорія «равновѣсія классовъ» въ сильной монархіи*). Въ Россіи, такимъ образомъ, нѣтъ

*) Въ своей книгѣ «Парламентаризмъ и пр.» Каутскій тоже упоминаетъ о «равновѣсіи классовъ», но тамъ государствомъ съ равновѣсіемъ классовъ является не самая абсолютная монархія, а самая демократическая республика Швейцарія.

класса угнетающаго и класса угнетеннаго, класса господствующаго и класса подчиненнаго, въ Россіи равновѣсіе классовъ; Германія приближается къ этому равновѣсію, а самымъ рѣшительнымъ образомъ оно нарушено въ Швейцаріи.

Теорія равновѣсія классовъ поддерживается у Каутскаго тѣми же фактами, которые приводитъ и Бебель для подтвержденія менѣе враждебнаго отношенія къ рабочему движенію правительствъ монархическихъ по сравненію съ республиканскими.

Въ Швейцаріи и Франціи милиція и войско высылаются противъ стачечниковъ чуть не ежедневно, въ прусской Германіи не высылались съ 1889 года! Во Франціи самая подлая податная система, какую только можно себѣ представить, въ Пруссіи благородный подоходный налогъ!

Поразительно, и по-истинѣ поразительно легкомысленно ссылаться на подобные «факты».

«Все одинъ и тотъ же аргументъ усмиренія стачекъ войсками и прусскаго податнаго законодательства выставляется противъ французской республики и въ пользу прусской монархіи», говоритъ фактическій редакторъ «Vorwärts'a», пораженный новыми теоріями редактора «Die Neue Zeit».

«Понятно—продолжаетъ онъ—если подобныя жалкія декораціи выдвигаются французскими товарищами вофранцузскомъ партійномъ спорѣ; но не понятно, что подобными аргументами играютъ въ Германіи соціалистическаго закона, каторжнаго законопроекта, положенія о прислугѣ, закона о нарушеніи договора найма, въ Германіи съ ея Лёбтау и Лауровой шахтой. Развѣ уже совсѣмъ забыли, что вѣчною мечтою Бисмарка было разгромить нѣмецкій пролетаріатъ въ кровавой битвѣ? *Если въ Германіи противъ стачекъ обыкновенно не высылается войско, то это заслуга полицейскаго государства и удивительной дисциплины соціалдемократическаго пролетаріата. Полиція такъ своевременно арестовываетъ перваго же демонстранта, что войску болѣе уже совершенно нечего дѣлать. Въ кого стало бы стрѣлять войско?* Оно могло бы попасть самое большее въ демонстрирующихъ хозяевъ и ихъ агентовъ штрейкбрехеровъ. *И соціалдемократія воспитала и научила нѣмецкій пролетаріатъ подчи-*

няться этой полицейской дисциплинѣ и отказываться отъ демонстрацій. Если бы въ Германіи демонстрировали подобно тому, какъ въ Шалонѣ, то сколько-бы было лѣтъ каторжной работы, сколько бы было убитыхъ? Это совсѣмъ не особенность республики стрѣлять въ стачечниковъ и совсѣмъ не преимущество монархіи оставлять солдатъ въ казармѣ. Нигдѣ не проливается столько рабочей крови, какъ въ австрійской *монархіи.*

«Но далѣе. Неужели дѣйствительно совсѣмъ забыто, къ сколькимъ сотнямъ лѣтъ каторжныхъ работъ и тюрьмы нѣмецкіе суды приговариваютъ рабочихъ, которые въ борьбѣ за свое существованіе едва только немного нарушаютъ строжайшія полицейскія предписанія, *если* они вообще ихъ нарушаютъ. Развѣ доносятся слухи о подобныхъ кровавыхъ приговорахъ изъ Франціи? Напротивъ. Слышно о «добрыхъ судьяхъ». Эта кровожадная французская буржуазія такъ плохо воспитала своихъ судей, что они не помогаютъ ей въ ея борьбѣ противъ бунтующихъ рабочихъ, а эта монархически ослабленная нѣмецкая буржуазія образовала своихъ судей такъ превосходно, что каждая судебная палата замѣняетъ цѣлый полкъ. Съ этой новѣйшей легендой слѣдовало бы такимъ образомъ покончить какъ можно скорѣе. Вторая декорація, это —французское податное законодательство, то же совсѣмъ новое открытіе. Противиться прямому обложенію доходовъ не составляетъ особенности буржуазной демократіи. Англійская буржуазія облагаетъ себя прямотаки удивительнымъ образомъ по сравненію съ нѣмецкой. Вѣрно, что во Франціи существуетъ сильное отвращеніе къ прямому подоходному налогу, но въ этомъ виновата не республика и не демократическая буржуазія, а особенности соціальной структуры Франціи. Въ странѣ существенно мелкобуржуазной, гдѣ честолюбіе гражданъ направляется на то, чтобы сдѣлаться рантье, у нихъ естественно нѣтъ склонности дѣлать взносы изъ своихъ рентъ; да и не такъ уже плохо обложеніе.

Надо принять во вниманіе, что поземельный налогъ составляетъ во Франціи необычайно высокій государственный доходъ, между тѣмъ въ Пруссіи регулированіе поземельнаго налога сдѣлало изъ него своего

рода премію для крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Далѣе надо принять во вниманіе и то, что Франція получаетъ большія суммы отъ налога на наслѣдства, ежегодно около 200 милліоновъ франковъ, тогда какъ Пруссія всего 15 милліоновъ марокъ. Сумма французскаго налога на наслѣдство такимъ образомъ больше, чѣмъ пресловутый прусскій подоходный налогъ, который въ 1901 г. далъ 185 милліоновъ марокъ, какъ разъ столько, сколько во Франціи приноситъ поземельный налогъ».

Все это совершенно вѣрно и все это основательно разбиваетъ «доказательства» Бебеля и Каутскаго, приводимые ими въ пользу «монархіи». Очень кстати главный редакторъ «Vorwärts'a» отмѣчаетъ удивительную дисциплину нѣмецкихъ соціалдемократовъ, воспитывающую ихъ къ не менѣе удивительной «дисциплинѣ полицейской!»

Многимъ гордится нѣмецкая соціалдемократія: тремя милліонами голосовъ, 80-ю депутатами, ораторскимъ талантомъ Бебеля, предсѣдательскимъ искусствомъ Зингера, административными способностями Аэура, неутомимостью Клары Цеткиной, теоретическими знаніями Каутскаго и т. д. и т. д., но главную гордость составлятъ все же, повидимому, ея полицейская дисциплина.

Вспомните, что совѣтъ партійнаго правленія съ Бебелемъ во главѣ подписываетъ вѣрноподданическій адресъ императору въ отвѣтъ на оскорбленія, которыми тотъ осыпалъ соціалдемократовъ, вспомните чудный идеалъ Ледебура, желавшаго, чтобы соціалдемократы никогда не нарушили прусскихъ законовъ, вспомните заявленіе Бебеля, что всякій, кто осмѣлился бы способствовать распространенію анархической или террористической литературы немедленно вылетѣлъ бы изъ партіи, вспомните, что тотъ же «вылетъ» обѣщанъ всякому, кто осмѣлился бы въ рейхстагѣ перейти извѣстные границы въ обструкціонной борьбѣ, вспомните письмо Бебеля къ итальянскимъ соціалистамъ, заявлявшее, что нѣмецкіе соціалдемократы не стали бы демонстрировать противъ русскаго царя, а представили бы ему мирно веселиться въ Берлинѣ, вспомните все это и преклонитесь передъ удивительной партійной дисциплиной!

Но семья не безъ урода, и нѣтъ правила безъ исключенія. На Кенигсбергскомъ процессѣ соціалдемократическій издатель депутатъ Дицъ долженъ былъ признать, что существуетъ «худая» соціалдемократическая печать, которая совершаетъ «оскорбленія величества» и за это наказывается, но его изданія принадлежатъ къ печати «хорошей», которая никогда не преслѣдуется за «оскорбленіе величества».

«Дисциплина» становится второю натурою у многихъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ, она проявляется во всѣхъ мелочахъ ея партійной жизни, и какъ разъ эти мелкія проявленія особенно характерны. Въ «Vorwärts'ѣ» часто можно встрѣтить мелкія замѣтки въ родѣ слѣдующей, случайно бросившейся намъ въ только что полученномъ номерѣ:

«Россія, Россія выше всего», этою пѣснью, превосходно характеризующей положеніе вещей, отвѣтило собраніе въ Бохумѣ на распущеніе его, послѣдовавшее единственно на томъ *незаконномъ* основаніи, что хотѣла говорить одна женщина. Это уже третье публичное собраніе въ этой мѣстности, распущенное съ поясненіемъ, что женщины не смѣютъ говорить въ публичныхъ собраніяхъ. На жалобу правительственному президенту, не смотря на ясное законное положеніе дѣла, еще не послѣдовало рѣшенія. Въ указанномъ здѣсь собраніи надзирающій чиновникъ, помимо нарушающаго законъ распущенія, имѣлъ еще безтактность сказать предсѣдательствующему: «я требую, чтобы предсѣдатель удалилъ изъ залы *эту женскую персону*».

Подъ женской персоной онъ подразумѣвалъ нашу товарку Грюнбергъ изъ Берлина, которая, какъ референтка, хотѣла говорить въ собраніи.

Необходимо очень много дисциплины, чтобы принимать спокойно эти дерзкія издѣвательства надъ закономъ, каковыми являются подобныя распущенія собраній».

Не приходится ли только нѣмцамъ пѣть теперь «Россія, Россія выше всего» именно потому, что они такъ долго пѣли «Дисциплина, дисциплина выше всего». Въ Россіи по крайней мѣрѣ нѣтъ «дисциплины», а Германія можетъ, пожалуй, соединить русскіе порядки съ нѣмецкой дисциплиной. Во всякомъ случаѣ

цѣпей на нѣмцевъ одѣвать не придется. Берне уже давно сказалъ: «Другіе народы — рабы, ихъ надо держать въ цѣпяхъ, нѣмцы—лакеи, на нихъ достаточно одѣть ливреи».

Можетъ быть Берне и не правъ, но редакторъ «Vorwärts'a» несомнѣнно правъ, когда указываетъ, что заслуга невмѣшательства войскъ въ усмиреніе рабочихъ стачекъ принадлежитъ совсѣмъ не монархіи, а полицейскому государству и удивительной дисциплинѣ нѣмецкихъ соціалдемократовъ.

Что касается Швейцаріи, то частыя «вмѣшательства» въ стачки милиціи надо отнести не на счетъ «республики», а на счетъ «недостаточности» полиціи. Не надо забывать и того, что въ Швейцаріи большинство стачечниковъ—иностранцы, и для нихъ большая часть «законныхъ путей» для защиты своихъ интересовъ закрыта, но это никакой связи съ «республикой» не имѣетъ.

Республику, которая можетъ быть и олигархической, Бебель и Каутскій, повидимому, отождествляютъ съ «демократіей»: по крайней мѣрѣ, въ 1903 г., говоря о томъ, что дала бы Германіи республика, Бебель перечисляетъ главные признаки демократическаго государственнаго строя.

Въ своей «Соціальной революціи» Каутскій очень много говоритъ о значеніи демократіи для пролетаріата, но говоритъ иначе, чѣмъ въ статьѣ, посвященной Амстердамскому конгрессу.

Въ «Соціальной революціи» выдвигается на первый планъ необходимость демократіи для духовнаго и физическаго возрожденія пролетаріата, для достиженія имъ необходимой для соціальной революціи зрѣлости.

Въ «Амстердамскомъ конгрессѣ» на первый планъ выдвигается отсутствіе монархической стѣны между пролетаріатомъ и кровожадно-коварной буржуазіей.

Здѣсь еще непримиримаго противорѣчія нѣтъ, но вогъ какъ примирить съ этими положеніями утвержденія того же Каутскаго въ «Соціальной революціи», что «англійскіе рабочіе, какъ политическій факторъ стоятъ нынѣ ниже, чѣмъ рабочіе экономически самаго отсталаго, политически самого несвободнаго государства: Россіи». Англія, какъ согласится Каутскій, монархія только номинально и во всякомъ случаѣ должна

быть причислена къ государствамъ демократическимъ, Россія же—монархія наиболѣе «абсолютная», и вотъ оказывается, по его словамъ, что «нигдѣ пролетаріатъ политически столь безсиленъ, какъ въ Англіи»; что «онъ не только потерялъ всякую самостоятельность въ высшей политикѣ, но онъ не умѣетъ даже болѣе охранять своихъ ближайшихъ интересовъ»; а русскій пролетаріатъ, напротивъ, «обладаетъ живымъ революціоннымъ сознаніемъ», что «придаетъ ему большую реальную силу».

Тутъ ужъ примирить противорѣчія становится труднѣе.

Въ статьѣ «Славяне и революція», помѣщенной въ «Искрѣ», Каутскій видѣлъ въ русскомъ пролетаріатѣ даже застрѣльщика въ всемірной соціальной революціи; онъ указывалъ, что царскій тронъ поддерживается западно-европейской буржуазіей и что такимъ образомъ паденіе его не можетъ не пошатнуть и эту буржуазную опору.

Въ «Парламентаризмѣ и пр.» Каутскій указывалъ, что въ восточной Европѣ пролетаріатъ въ своей революціи одновременно смететъ и феодальные остатки, и буржуазное господство.

Какъ все это примирить съ утвержденіемъ, что въ монархіяхъ, особенно въ Россіи, пролетаріатъ низвергнувъ правительство, будетъ стоять еще въ самомъ, началѣ классовой борьбы съ буржуазіей?

Сознаемся, что мы всего этого примирить не можемъ и потому предоставимъ примирить всѣ эти противоположности магическому діалектику и діалектическому магу Плеханову. Мы не въ состояніи примирить всѣхъ положеній и утвержденій Гэда, Бебеля, Каутскаго, но сама эта непримиримость крайне поучительна, она освѣщаетъ тѣ ложные пути, на которые легко соскальзываетъ мысль при анализѣ сложныхъ общественныхъ явленій и удерживаетъ на пути прямомъ и вѣрномъ. Этотъ путь старый и знакомый, и на немъ не приходится открывать никакихъ Америкъ!

И въ монархіяхъ, и въ республикахъ государственная власть одинаково является волею господствующаго класса. Равновѣсія классовъ нѣтъ ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ, всюду—борьба между клас-

сомъ подчиненныхъ и классомъ господствующихъ. Борьба съ «правительствомъ» и въ монархіяхъ, и республикахъ есть борьба классовая, борьба пролетаріата съ буржуазіей. Побѣда пролетаріата, не временная, а окончательная, низверженіе пролетаріатомъ государственной власти, низверженіе не временное, а окончательное, и въ республикахъ, и монархіяхъ влечетъ за собою соціальную революцію, т. е. паденіе буржуазіи. Хищническіе интересы связываютъ между собою различные слои буржуазіи въ одной странѣ и буржуазію разныхъ странъ все тѣснѣе и тѣснѣе, создавая единаго врага международнаго пролетаріата; между буржуа разныхъ странъ и національностей создается своего рода круговая порука, и *окончательная* побѣда пролетаріата не можетъ быть поэтому національной, не можетъ ограничиться одной страной, она должна быть интернаціональной. Боевая сила пролетаріата создается экономическими условіями его труда, которыя существуютъ во всѣхъ странахъ, гдѣ развивается капитализмъ и не зависитъ отъ той или другой формы правленія. Но борьба пролетаріата облегчается демократическими учрежденіями, болѣе или менѣе ограничивающими произволъ государственной власти, учрежденіями, существующими не только въ республикахъ, но и во многихъ монархіяхъ. Демократическія учрежденія каждой страны имѣютъ значеніе для *всего* пролетаріата въ томъ числѣ и для пролетаріата тѣхъ странъ, гдѣ ихъ нѣтъ, такъ какъ и въ этихъ послѣднихъ странахъ облегчаютъ пропаганду соціалистическихъ идей. Эти демократическія учрежденія явились результатомъ борьбы среди класса имущихъ, пока онъ еще былъ раздѣленъ на рѣзко враждующіе другъ съ другомъ элементы, они были результатомъ борьбы буржуазіи съ феодалами, но теперь, когда феодалы поглощены буржуазіей, воспринявшей при этомъ много феодальныхъ чертъ, классъ имущихъ въ своей массѣ

сдѣлался не только консервативнымъ, но и реакціоннымъ и нерѣдко стремится уничтожить демократическія ограниченія государственной власти. Защищать и развивать демократическія учрежденія приходится теперь пролетаріату. Облегчая борьбу пролетаріата, эти демократическія учрежденія нигдѣ, однако, не дѣлаютъ его свободнымъ, нигдѣ не не обезпечиваютъ жизненныхъ условій для гармоническаго развитія личности. Это значеніе они могутъ получить лишь при устраненіи экономической зависимости человѣка отъ человѣка, при уничтоженіи режима частной собственности. Соціальная революція *оживитъ* ихъ, *разовьетъ* и *распространитъ* на всѣ страны, сдѣлавъ изъ нихъ дѣйствительныя гарантіи народной и личной свободы.

Посмотримъ теперь, какія демократическія учрежденія уже существуетъ въ современномъ обществѣ, какое значеніе они имѣютъ теперь и какое значеніе они могутъ получить въ обществѣ пролетарскомъ при соотвѣтствующемъ оживленіи, развитіи и распространеніи.

II.

Всеобщее избирательное право — таковъ одинъ изъ основныхъ лозунговъ борьбы сотенъ тысячъ пролетаріевъ различныхъ странъ. Оно было первымъ требованіемъ хартіи чартистовъ, его завоевывали на баррикадахъ французскіе пролетаріи, за него боролись и борются демонстраціями и всеобщими стачками пролетаріи Австріи, Бельгіи, Швеціи, его считаютъ жизненнымъ нервомъ своей партіи нѣмецкіе соціалдемократы и т. д.

Многимъ соціалдемократамъ всеобщее избирательное право кажется ключемъ къ разрѣшенію всѣхъ соціальныхъ золъ. Лассаль, наприм., считалъ его «не только политическимъ, но и соціальнымъ основнымъ принципомъ рабочаго сословія», основнымъ условіемъ всякой соціальной помощи и требовалъ отъ рабочихъ, чтобы они были «глухи ко всему, что не общее и пря-

мое избирательное право или что не связано съ нимъ и не можетъ вести къ нему».

Съ другой стороны среди пролетаріевъ не только «безсознательныхъ», но и очень «сознательныхъ» не мало такихъ, которые относятся къ всеобщему избирательному праву равнодушно и даже враждебно, считая, что избирательная борьба отвлекаетъ рабочихъ отъ единственно плодотворной «борьбы экономической». Таковы анархисты и революціонные синдикалисты во Франціи, Голландіи, Испаніи и пр. Даже въ «самомъ» Берлинѣ, этомъ центрѣ нѣмецкой соціалдемократіи, членъ соціалдемократической партіи Фридебергъ «осмѣлился» недавно заявить, что изъ за всеобщаго избирательнаго права, если его отмѣнятъ, «не стоитъ пролить ни одной слезы», и собраніе, состоявшее изъ 1500 преимущественно организованныхъ рабочихъ, не только не возмутилось, но выразило Фридебергу свое полное довѣріе, отправивъ его делегатомъ на Амстердамскій конгрессъ?

Кто же правъ? Намъ кажется, что не правы обѣ стороны; при этомъ преувеличеніе значенія всеобщаго избирательнаго права вызываетъ отрицаніе его и наоборотъ.

Противники всеобщаго избирательнаго права правильно замѣчаютъ ошибки увлекающихся имъ, но нападаютъ не на «увлеченіе», а на самый принципъ. Увлекающіеся всеобщимъ избирательнымъ правомъ, какъ всесильнымъ средствомъ соціальнаго освобожденія, правильно замѣчаютъ вредъ отъ его совершеннаго отрицанія, но при этомъ остаются глухи и ко *всей* во многомъ справедливой критикѣ своихъ противниковъ и не достаточно серьезно относятся къ тѣмъ средствамъ, которые, по мнѣнію отрицающихъ всеобщее избирательное право, должны освободить рабочій классъ. Рознь усиливается, и освободительное движеніе пролетаріата замедляется. Надо постараться отнестись къ вопросу о значеніи всеобщаго избирательнаго права безъ предубѣжденія, безъ предвзятыхъ симпатій или антипатій. Надо разсмотрѣть «всеобщее избирательное право» въ его развитіи, въ его дѣйствительности и возможности; надо «раскрыть» выражаемое имъ понятіе.

Прежде всего—что представляетъ изъ себя его *все-*

общность? Не входитъ ли въ его понятіе право *каждаго* взрослаго человѣка подавать свой голосъ при выборахъ народныхъ представителей и должностныхъ лицъ? Если мы для отвѣта обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что ни въ одной странѣ нѣтъ подобной «всеобщности», хотя во многихъ существуетъ «*всеобщее* избирательное право». Для поясненія возьмемъ, хотя бы Германію, всеобщее избирательное право которой играетъ такую большую роль въ спорахъ о значеніи этого демократическаго учрежденія для пролетарской борьбы.

«Избирателемъ для германскаго рейхстага — говоритъ § 1 соотвѣтствующаго избирательнаго закона — является всякій нѣмецъ, которому исполнилось 25 лѣтъ, въ союзномъ государствѣ, гдѣ онъ имѣетъ свое жительство».

Уже въ словѣ «нѣмецъ» заключается исключеніе изъ избирательнаго права всѣхъ *иностранцевъ*, всѣхъ *не* германскихъ подданныхъ, какъ бы долго они не жили, какъ бы долго они не работали въ Германіи. Надо замѣтить, что ни въ одномъ государствѣ всего міра «иностранцы» не имѣютъ избирательнаго права. Мало того нѣтъ ни одной соціалистической или соціалдемократической программы, которая выставляла бы это требованіе. Но парижскій пролетаріатъ въ тотъ единственный разъ, когда онъ могъ временно провести въ жизнь свою волю, именно во время коммуны 1871 года, призналъ за «иностранцами» всѣ тѣ же права, какъ и за французскими гражданами, въ томъ числѣ и право избирательнаго голоса. Комиссія, провѣрявшая голосованіе 29 марта признала за иностранцами какъ «активное» такъ и «пассивное» право голоса, т. е. право выбирать и быть выбраннымъ, объявивъ, что «знамя 18-го марта — знамя всемірной республики.»

Признаніе политическихъ правъ, въ томъ числѣ права избирательнаго, за иностранцами имѣло бы въ настоящее время не только принципіальное, но и очень существенное практическое значеніе для трудящагося пролетаріата, особенно въ Швейцаріи и Сѣвер. Амер. Соед. Шт. Мы уже видѣли, что въ Швейцаріи во многихъ отрасляхъ труда, не смотря на весь швейцарскій демократизмъ, *большинство* рабочихъ лишены

всѣхъ политическихъ правъ, такъ какъ это большинство состоитъ изъ иностранцевъ.

Для Германіи вопросъ о признаніи избирательнаго права за иностранцами не имѣетъ такого важнаго практическаго значенія, но и здѣсь все же по переписи 1900 г. живетъ болѣе 750.000 иностранцевъ.

То же слово «нѣмецъ» исключаетъ изъ пользованія избирательнымъ правомъ и болѣе половины всѣхъ нѣмецкихъ подданныхъ, даже и достигшихъ 25 лѣтъ, такъ какъ оно имѣетъ въ виду лишь мужчинъ, а женщинъ, такимъ образомъ лишенныхъ правъ въ Германіи, почти на 900.000 больше, чѣмъ мужчинъ.

Въ Европѣ женщины нигдѣ не имѣютъ избирательнаго права при выборахъ въ парламенты, и только въ Англіи и Норвегіи онѣ недавно получили право голоса при выборахъ коммунальныхъ (въ мѣстныя самоуправленія). Въ Америкѣ онѣ имѣютъ право голоса при выборахъ въ законодательныя собранія нѣкоторыхъ штатовъ, и, наконецъ, въ Австраліи онѣ участвуютъ въ выборахъ даже въ союзный парламентъ.

Вопросъ о необходимости распространить «всеобщее» избирательное право и на женщинъ является спорнымъ даже для многихъ соціалистовъ. Въ Бельгіи добрая половина членовъ рабочей партіи противъ допущенія женщинъ къ голосованію; въ Швеціи по проекту закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ, внесеннымъ соціалдемократами въ парламентѣ, на женщинъ это право не распространяется.

Всѣ эти соціалдемократическіе противники политической равноправности женщинъ ссылаются на реакціонность большинства женщинъ, на подчиненность ихъ духовенству, вообще на ихъ политическую «незрѣлость». Если это и такъ, то, разумѣется однимъ изъ лучшихъ средствъ борьбы съ политическою незрѣлостью женщинъ, ихъ умственною несамостоятельностью и т. д., является допущеніе ихъ къ активной политической жизни.

Вообще для представителей пролетаріата нарушать основной принципъ демократіи—равноправность, по меньшей степени, странно, какіе бы «прогрессивные» мотивы не приводились въ пользу этого нарушенія, такъ какъ съ пролетарской точки зрѣнія прогрессъ и равноправность не разъединимы.

Единственнымъ естественно необходимымъ ограниченіемъ «всеобщности» избирательнаго права является возрастъ: дѣти не могутъ направлять политическую жизнь своими «голосами». Но гдѣ граница между возрастомъ ребенка и возрастомъ взрослаго человѣка? Во всякомъ случаѣ не тамъ, гдѣ ее устанавливаетъ германскій избирательный законъ. Не давая права голоса лицамъ, не достигшимъ 25 лѣтъ, онъ исключаетъ изъ участія въ выборахъ всю молодежь, исключаетъ людей въ расцвѣтѣ ихъ физическихъ и духовныхъ силъ, исключаетъ чуть не половину промышленнаго пролетаріата.

По промышленной переписи 1895 года изъ всѣхъ лицъ, «занятыхъ» въ германской промышленности (какъ самостоятельныхъ, такъ и служащихъ и рабочихъ) — 21,84% было моложе 20 лѣтъ, 49,87% моложе 30 лѣтъ. Если мы примемъ даже, что лицъ, «занятыхъ» въ промышленности въ возрастѣ отъ 20 — 25 лѣтъ столько же, сколько отъ 25—30 лѣтъ, хотя въ дѣйствительности первыхъ, вѣроятно, больше, то мы получимъ для возраста до 25 лѣтъ около 36% всѣхъ занятыхъ въ промышленности. Но надо принять во вниманіе, что процентное отношеніе самостоятельныхъ («хозяевъ» разныхъ степеней) въ группѣ занятыхъ промышленностью возрастаетъ съ увеличеніемъ возраста, процентное же отношеніе рабочихъ-пролетаріевъ убываетъ.

Въ общемъ въ группѣ «занятыхъ промышленностью»—24,9% «самостоятельныхъ», 3,18% «служащихъ» и 71,92% «рабочихъ». Между тѣмъ въ возрастѣ до 20 лѣтъ самостоятельныхъ было лишь 3,58%, служащихъ 1,59%, а рабочихъ 94,83%; въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ—самостоятельныхъ 15,81%, служащихъ—3,35%, рабочихъ 80,84%; за то въ возрастѣ отъ 60—70 лѣтъ самостоятельныхъ 54,90%, служащихъ—2,61%; рабочихъ — 42,49%; свыше 70 лѣтъ самостоятельныхъ 65,93%, служащихъ 1,68%, рабочихъ 32,39%.

Это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что рабочему «не дано» долго жить. Средняя продолжительность его жизни несравненно ниже средней продолжительности жизни хозяевъ. Масса нѣмецкихъ пролетаріевъ, создавъ очень много прибавочной цѣнности, умираетъ не достигнувъ избиратель-

наго возраста. Когда дѣло идетъ о выжиманіи прибавочной цѣнности, о выжиманіи трудовыхъ соковъ на фабрикѣ, буржуазія считаетъ взрослымъ юношу въ 16 лѣтъ; для него уже нѣтъ особой охраны здоровья ограниченіемъ числа рабочихъ часовъ и т. д.; когда дѣло идетъ о солдатчинѣ, она требуетъ молодыхъ людей въ 20 лѣтъ; но, когда дѣло идетъ опроявленіи политическихъ правъ, зрѣлость начинается лишь въ 25 лѣтъ.

Нѣмецкая соціалдемократическая программа требуетъ пониженія возрастной границы до 20 лѣтъ; то же требованіе встрѣчается и во многихъ другихъ соціалистическихъ программахъ; мы присоединились, было, къ нему въ нашемъ проектѣ программы, но теперь, останавливаясь на вопросѣ о «всеобщности» избирательнаго права болѣе внимательно, мы думаемъ, что *право голоса слѣдуетъ требовать для каждаго лица, достигшаго 16 лѣтняго возраста.* Нечего бояться молодыхъ голосовъ!

Молодежь часто чуетъ правду лучше людей «солидныхъ»; во всякомъ случаѣ она революціоннѣе; съ возрастомъ часто усиливается мелкій эгоизмъ, теряется способность общее дѣло ставить выше своего личнаго благополучія. Общественная жизнь только выиграетъ отъ того, что въ ней на равныхъ правахъ съ людьми «зрѣлыми» и увядающими приметъ участіе и «зеленая», свѣжая, рвущаяся впередъ, «неугомонная» молодежь.

Мы уже нашли достаточно ограниченій германскаго «всеобщаго» избирательнаго права въ первой же фразѣ избирательнаго закона, но это еще не все. Эта фраза упоминаетъ, еще «жительство» и этимъ исключается бродячій пролетаріатъ.

Для того, чтобы имѣть право подать голосъ каждый избиратель долженъ быть занесенъ въ списокъ округа, въ которомъ онъ «живетъ». Списки составляются мѣстными властями и не позже какъ за 4 недѣли до дня выборовъ выставляются для провѣрки всѣмъ желающимъ. Жалобы противъ невнесенія въ списокъ могутъ быть подаваемы втеченіи 8 дней послѣ перваго дня выставленія списковъ; въ послѣдующее время, т. е., поменьшей мѣрѣ въ теченіе 20 дней до выборовъ никто уже не можетъ требовать внесенія въ списокъ; *подавать голосъ можно только въ томъ округѣ,*

въ списокъ котораго избиратель зачисленъ. «При новыхъ отдѣльныхъ выборахъ, происходящихъ въ теченіе года послѣ общихъ выборовъ не требуется—говоритъ § 8 избирательнаго закона — новаго составленія и выставленія списковъ».

Для подвижныхъ категорій рабочихъ, напр., строительныхъ, дорожныхъ и т. д. этимъ значительно затрудняется и ограничивается избирательное право особенно во время дополнительныхъ выборовъ, которыхъ въ первый годъ бываетъ какъ разъ очень много вслѣдствіе кассированія рейхстагомъ тѣхъ или другихъ избраній, произведенныхъ, по его мнѣнію, неправильно.

Второй параграфъ избирательнаго закона «гаситъ» избирательное право для всѣхъ лицъ солдатскаго (но не офицерскаго) званія въ арміи и флотѣ, пока они «нахдятся подъ знаменемъ». «Подъ знаменемъ» солдаты считаются во все время своей дѣйствительной службы. Въ обыкновенное время въ германскомъ постоянномъ войскѣ и флотѣ числится болѣе 600 тыс. лицъ солдатскаго званія. Большинство изъ нихъ моложе 25 лѣтъ, такъ что для нихъ и безъ того не существуетъ избирательнаго права.

Но, если бы правительство мобилизировало всю армію и флотъ со всѣми резервами и ополченіями, то «подъ знаменемъ» оказалось бы около $4^1/^2$ милльоновъ лицъ солдатскаго званія съ «погашеннымъ» избирательнымъ правомъ, изъ которыхъ огромное большинство старше 25 лѣтъ. Правительство можетъ устроить подобный «избирательный фокусъ» «на законномъ основаніи», и мы были бы слишкомъ плохого мнѣнія о репрессивныхъ способностяхъ нынѣшнихъ германскихъ правителей, если бы не ожидали, что оно прибѣгнетъ къ этому «законному средству борьбы» въ нужный моментъ, но интересно, останутся ли и тогда нѣмецкіе соціалдемократы на законной почвѣ и нагуляютъ ли они еще болѣе «румяныя щеки», чѣмъ это удавалось имъ до сихъ поръ?

Третій параграфъ перечисляетъ разныя мелкія исключенія (лица, находящіяся подъ опекой; лица лишенные по суду гражданскихъ правъ и т. п.), изъ которыхъ одно является для пролетаріата довольно крупнымъ, а именно исключеніе «лицъ, которыя полу-

чаютъ или получали въ теченіе года предшествующаго выборамъ пособіе для бѣдныхъ изъ государственныхъ или общинныхъ средствъ.» Это бьетъ, главнымъ образомъ, безработныхъ во время кризисовъ. Тебѣ бросаютъ кусокъ хлѣба, чтобы смерть отъ голода превратить въ голодное прозябаніе, но ты не смѣй имѣть своего голоса!

Въ результатѣ всѣхъ этихъ ограниченій и исключеній изъ $58^1/_2$ милльоновъ жителей только $12^1/_2$ милльоновъ имѣли право голоса на послѣднихъ всеобщихъ выборахъ въ германскій рейхстагъ.

Если бы правомъ голоса пользовались всѣ лица обоего пола, начиная съ 16 лѣтъ, то число избирателей было бы больше 36 милльоновъ; если бы установить возрастную границу, какъ этого требуетъ нѣмецкая соціалдемократія, въ 20 лѣтъ, то и тогда бы избирателей обоего пола было болѣе 30 милльоновъ, а не $12^1/_2$, какъ теперь.

Изъ $12^1/_2$ милльоновъ воспользовались своимъ правомъ около $9^1/_2$ милльоновъ. Три милльона правоспособныхъ избирателей, т. е. какъ разъ столько же, сколько было избирателей соціалдемократическихъ, къ избирательнымъ урнамъ вовсе не явились. Изъ кого состоитъ эта вторая «трехмилльонная партія»? Прежде всего изъ индифферентныхъ», «равнодушныхъ», которые не видятъ никакой связи между тѣмъ или другимъ составомъ рейхстага и своими интересами. Противъ этого «равнодушія» многіе въ томъ числѣ и нѣкоторые соціалисты предлагаютъ *обязательность* выборовъ, которая уже существуетъ въ Бельгіи. Но пролетаріатъ, стремящійся къ порядку наивозможно большей личной свободы, не долженъ, мнѣ кажется, вводить никакого принужденія для пользованія своимъ правомъ. Лучшее средство противъ избирательнаго «равнодушія» это усиленіе значенія рейхстага.

Но среди воздерживающихся отъ голосованія находятся не только «равнодушные», но и устрашенные. Не смотря на то, что подача голосовъ при выборахъ въ рейхстагъ *тайная*, многіе рабочіе, особенно въ деревнѣ, не рѣшаются голосовать по своему желанію и, если не голосуютъ по желанію хозяевъ или начальства, то воздерживаются отъ голосованія. Руководятъ выборной операціей представители господствующаго

класса, и самыя строгія предписанія для соблюденія полной «тайны» голосованія не могутъ вполнѣ помѣшать имъ «угадать», кто за кого голосовалъ, и послѣ выборовъ рабочихъ и служащихъ, голосовавшихъ за «враговъ существующаго порядка» можетъ постигнуть кара въ видѣ лишенія заработка и куска хлѣба. Конечно, въ большихъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ рабочіе чуть не поголовно голосуютъ за соціалдемократовъ, карать ихъ невозможно: пришлось бы закрыть фабрики и заводы. Хозяева хотя знаютъ, что ихъ рабочіе голосуютъ за ихъ враговъ, но ничего не могутъ подѣлать и... примиряются.

Несомнѣнно, впрочемъ, что практикуемая въ настоящее время въ Германіи подача избирательныхъ записокъ въ закрытыхъ конвертахъ, гарантируетъ *до извѣстной степени* тайну. а вмѣстѣ съ тѣмъ и «свободу» голосанія. Если бы при выборахъ въ рейхстагъ была введена открытая подача голосовъ, какъ при выборахъ въ прусскій ландтагъ, то число соціалдемократическихъ голосовъ, навѣрное, сильно бы понизилось. Нѣмецкіе соціалдемократы поэтому придаютъ огромное значеніе «тайнѣ» голосованія и считаютъ ее однимъ изъ условій своихъ успѣховъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что у явнаго открытаго голосованія есть очень важное преимущество передъ голосованіемъ тайнымъ.

Явная подача голоса пріучаетъ къ смѣлости исповѣданія своихъ убѣжденій, къ смѣлости, которая одна только можетъ создать фактическую свободу убѣжденій, свободу мысли, совѣсти и слова.

«Наемный рабочій» Флютихъ въ статьѣ о «Всеобщей стачкѣ», которую мы уже цитировали въ V-ой главѣ, говоритъ, что «открытая подача голосовъ теряетъ свой ужасъ, если избиратели воспитаны къ проявленію политическаго мужества въ организаціяхъ». Онъ убѣдился въ этомъ во время выборовъ въ Прусскій сеймъ.

«У меня сердце прыгало въ груди отъ радости и смѣха, когда я видѣлъ, какъ эти столь нищенски оплачиваемые фабричные рабочіе, которые должны торговаться изъ-за каждаго пфенига сдѣльной работы съ фабричнымъ директоромъ, этому же самому господину, который властями заботливо выбранъ въ завѣдующаго

выборами, свободно и громко заявляли: я выбираю того-то и того-то; *я — соціалдемократъ*. Можно считать эту избирательную технику безсмыслицей, но то обстоятельство, что избиратели округа должны присутствовать всѣ вмѣстѣ, пробуждаетъ въ отдѣльныхъ рабочихъ сознаніе необходимости общей классовой борьбы; здѣсь онъ открыто дѣйствующій факторъ въ законодательствѣ, здѣсь онъ открыто признается передъ своимъ притѣснителемъ и своими друзьями: «*Я-соціалдемократъ*!» Эта «худшая изъ всѣхъ избирательныхъ системъ» является такимъ образомъ превосходнымъ воспитательнымъ средствомъ».

Это—очень цѣнное наблюденіе въ пользу *открытой* подачи голосовъ. Для «успѣха соціалдемократіи», т. е. для освобожденія рабочаго класса не столько важно число лицъ, голосующихъ за соціалдемократическихъ кандидатовъ, какъ ихъ качество, какъ ихъ способность постоять въ открытомъ бою за свои убѣжденія; открытая подача голосовъ уменьшаетъ число соціалдемократическихъ голосовъ, но подымаетъ и воспитываетъ голосующихъ. Извѣстно, что многіе, *тайно* голосующіе за соціалдемократовъ, *явно* отрекаются отъ нихъ. Нѣмецкіе соціалдемократы ужасно гордятся своими «тремя милльонами» голосовъ, но они какъ будто забываютъ, что это голоса *тайные*, явныхъ же соціалдемократовъ, входящихъ въ партійныя организаціи, насчитывается не болѣе 300 тысячъ. Мнѣ кажется, что открытая подача голосовъ ускорила бы ростъ этихъ явныхъ соціалдемократовъ и вообще повысила бы мужество нѣмецкой соціалдемократической партіи; это приложимо, конечно, и къ соціалистическимъ партіямъ другихъ странъ. Стоитъ-ли въ виду этого настаивать на *тайной* подачи голосовъ? Мы склоняемся къ отрицательному отвѣту. Въ буржуазномъ обществѣ выборы для пролетаріата имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ средство политическаго воспитанія и организаціи народныхъ массъ, а въ этомъ отношеніи важна открытая, а не тайная подача голосовъ. Въ пролетарскомъ же обществѣ никому не придется бояться исповѣдывать свои убѣжденія, никому не нужно будетъ укрываться «за тайну» голосованія.

Нѣкоторымъ ограниченіемъ свободнаго пользова-

нія избирательнымъ правомъ является и практикуемое въ Германіи назначеніе выборовъ въ будни. Эрфуртская программа требуетъ поэтому «*производства выборовъ и голосованія въ узаконенный нерабочій день.*»

«Тѣмъ, что выборы происходятъ въ рабочій день» —говоритъ Шёнланкъ въ своихъ поясненіяхъ къ программѣ—«многія лица, которымъ по закону принадлежитъ право голоса, фактически не допускаются къ участію въ выборахъ, имѣющихъ для нихъ огромное значеніе. Сколько рабочихъ, сколько служащихъ должны по этой причинѣ, отстраняться, какъ многихъ предприниматель принуждаетъ воздерживаться отъ голосованія или жертвовать своимъ заработкомъ, разъ они хотятъ выполнить свой долгъ! Въ крупно-промышленныхъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ Верхней Силезіи, въ Рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи съ ихъ шахтами, съ ихъ каменоломнями надзоръ и воздѣйствіе со стороны хозяевъ и ихъ чиновниковъ прямо возмутительны; въ коренныхъ мѣстахъ юнкерства, которое ведетъ своихъ подчиненныхъ со дворовъ и полей къ избирательнымъ ящикамъ, какъ барановъ на бойню, это зло проявляется самымъ ужаснымъ образомъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ протесты противъ выборовъ. Въ деревнѣ оказываетъ вліяніе и то, что слишкомъ часто мѣсто выборовъ лежитъ далеко и къ нему приходится пробираться по плохимъ дорогамъ, такъ что крестьянинъ, привязанный къ своему клочку земли, предпочитаетъ оставаться дома, чѣмъ идти подавать голосъ. Выполненіе высшей гражданской обязанности, пользованіе высшимъ правомъ государственнаго гражданина должно быть обезпечено закономъ. Только въ томъ случаѣ, если не-рабочій день, установленный закономъ, строго охраняемый, безъ всякихъ стѣсненій проводимый, удерживаемый и соблюдаемый уравняетъ путь широкимъ массамъ въ городѣ и въ деревнѣ, только тогда можетъ быть рѣчь о дѣйствительной свободѣ выборовъ.»

Несомнѣнно, что оффиціальный комментаторъ практическихъ требованій эрфуртской программы преувеличиваетъ значеніе производства выборовъ въ не-рабочій день. «*Дѣйствительная* свобода выборовъ» въ буржуазномъ обществѣ, гдѣ существуетъ между людьми отношеніе господства и подчиненности, врядъ ли во-

обще возможна, и праздничный день, какіе бы строгіе законы (охъ. уже эта слѣпая вѣра въ законы!) его не охраняли, поможетъ въ этомъ отношеніи очень мало. Въ Бельгіи выборы происходятъ по закону въ воскресенье, но о полной, дѣйствительной свободѣ голосованія и тамъ не можетъ быть рѣчи. Для боевого воспитанія пролетаріата важенъ не строгій, безъ стѣсненій проводимый, законъ о выборахъ въ праздничный день, а борьба рабочихъ съ хозяевами за предоставленіе и въ *рабочій день* достаточно свободнаго времени для подачи голоса. Эта борьба и ведется въ дѣйствительности; при послѣднихъ германскихъ выборахъ 1903 г. рабочимъ во многихъ мѣстахъ удалось добиться закрытія фабрикъ и заводовъ послѣ полудня въ день общихъ выборовъ.

Какъ бы ни былъ широкъ кругъ лицъ, на которыхъ распространяется избирательное право, какъ бы ни «дѣйствительна» была свобода голосованія, результаты выборовъ могутъ быть все же выраженіемъ воли исключительно господствующаго класса, если избирательное право, будучи всеобщимъ, не является въ то же время *равнымъ*. Буржуазія крайне изобрѣтательна въ своемъ стремленіи парализовать всеобщность избирательнаго права его неравенствомъ.

При трехклассной системѣ, примѣняемой въ Пруссіи и Саксоніи, «количество» пролетарскихъ голосовъ преодолѣвается «качествомъ» голосовъ буржуазныхъ. Всѣ избиратели дѣлятся на три класса. Въ первый классъ вписываются избиратели, начиная съ имѣющаго наивысшій доходъ и слѣдовательно платящаго наивысшій подоходный налогъ, переходя затѣмъ къ слѣдующему по высотѣ дохода и платимаго налога и т. д., до тѣхъ поръ, пока не составится изъ всѣхъ этихъ налоговъ сумма, равная трети всей суммѣ подоходнаго налога; здѣсь начинается второй классъ, въ который въ томъ же порядкѣ вносятся избиратели съ убывающими доходами, пока снова не образуется треть всей суммы подоходнаго налога; въ третій классъ вносятся всѣ остальные избиратели. Каждый классъ избираетъ въ каждомъ округѣ одинаковое число выборщиковъ, выборщики трехъ классовъ собираются вмѣстѣ и выбираютъ по большинству голосовъ одного или

нѣсколькихъ депутатовъ, посылаемыхъ въ сеймъ даннымъ округомъ.

Если бы пролетаріи составляли даже весь третій классъ, то все таки ихъ выборщики остались бы въ меньшинствѣ при выборѣ депутатовъ, такъ какъ первому и второму классу принадлежитъ $^2/_3$ голосовъ въ собраніи выборщиковъ. И дѣйствительно ни въ Пруссіи, ни въ Саксоніи рабочимъ не удается провести въ мѣстные сеймы ни одного соціалдемократа, хотя въ Саксоніи при выборахъ въ рейхстагъ, гдѣ дѣйствуетъ *равное* избирательное право, они провели почти всѣхъ своихъ кандидатовъ, пропустивъ только одного изъ 23-хъ буржуазныхъ представителей.

Въ Пруссіи въ 1893 г. въ первый классъ входило $3{,}52^0/_0$ всѣхъ избирателей, во второй $12{,}06^0/_0$; въ третій — $84{,}42^0/_0$.

Такимъ образомъ голосъ богача изъ перваго класса значилъ въ 25 разъ больше, чѣмъ голосъ пролетарія изъ третьяго класса. Съ тѣхъ поръ отношеніе измѣнилось еще больше въ пользу богачей.

Въ Австріи дѣйствуетъ еще болѣе сложная пятиразрядная избирательная система, хотя и не исключающая, но сводящая до минимума представительство пролетаріата. Всеобщее избирательное право приставлено здѣсь въ видѣ демократическаго украшенія къ системѣ представительства интересовъ различныхъ буржуазныхъ группъ. Депутаты въ австрійскій рейхсратъ въ общемъ числѣ 425 выбираются пятью куріями или разрядами избирателей.

Въ первую курію входятъ представители *крупнаго землевладѣнія*; таковыхъ при выборахъ 1901 г. считалось 5.431, и имъ по закону представлялось выбрать 85 депутатовъ. Во второй куріи избираютъ *торгово-промышленныя палаты*, въ общемъ 556 человѣкъ, и на ихъ долю приходится 21 депутатъ. Въ третьей куріи избираютъ «*города*», т. е. городскіе жители, платящіе не менѣе 4 гульденовъ прямыхъ налоговъ въ годъ; таковыхъ въ 1901 г было 493.804, избиравшихъ 118 депутатовъ. Въ четвертой куріи избираютъ *сельскія общины*, т. е. сельскіе обыватели, но опять-таки не всѣ, а платящіе прямыхъ налоговъ не менѣе 4 гульденовъ въ годъ; таковыхъ 1.585.466 челов. и они выбираютъ 129 депутатовъ.

Наконецъ въ пятой куріи господствуетъ *всеобщая* подача голосовъ съ приблизительно тѣми же ограниченіями, какъ и въ Германіи; здѣсь выбираютъ всѣ граждане, какъ уже входящіе въ первые 4 куріи, такъ и не попавшіе въ нихъ, какъ не имѣющіе имущественнаго ценза. Въ этой всеобщей куріи свыше 5 милльоновъ избирателей, и имъ предоставляется избрать всего 72 депутата.

И такъ пять тысячъ крупныхъ землевладѣльцевъ избираютъ больше депутатовъ, чѣмъ пять милліоновъ «народа». Голосъ крупнаго землевладѣльца, когда онъ выдѣленъ въ особую «курію», цѣнится въ тысячу разъ выше, чѣмъ голосъ изъ народа, а голосъ члена торгово-промышленной палаты цѣнится даже въ 7000 разъ дороже, чѣмъ голосъ избирателя «всеобщей» куріи. Это — довольно вѣрное отраженіе «соотношенія» общественныхъ цѣнностей въ буржуазномъ обществѣ!

Въ Бельгіи всеобщее избирательное право «исправлено» *множественнымъ голосованіемъ*. Правомъ голоса здѣсь пользуются всѣ мужчины въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ, имѣющіе опредѣленное мѣстожительство въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, года. Удовлетворяющіе только этимъ условіямъ имѣютъ по одному голосу, но отцы семействъ не моложе 35 лѣтъ, платящіе не менѣе 5 фр. прямыхъ государственныхъ налоговъ, а также владѣльцы недвижимой собственности, по крайней мѣрѣ, въ 2000 фр. или бельгійской ренты, приносящей не менѣе 100 фр. въ годъ, пользуются каждый двумя голосами. Лица съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, чиновники и священники пользуются тремя голосами.

«Соціалистическіе народные ораторы — разсказываетъ Вандервельдъ въ своей статьѣ «Всеобщая стачка въ Бельгіи»*) — обыкновенно характеризуютъ эту странную систему указаніемъ на то, что Іисусъ Христосъ, возвратившись на землю, не могъ бы быть избирателемъ въ Бельгіи, какъ не имѣющій опредѣленнаго мѣстожительства, ибо «Сынъ Человѣческій не имѣетъ куда приклонить голову»; съ другой стороны, знаменитѣйшій изъ отцовъ семейства св. Іосифъ. имѣлъ бы право всего на одинъ избирательный голосъ, такъ

*) См. „Жизнь“ 1902 г. Май.

какъ не могъ бы платить сто су прямыхъ налоговъ. Но за то Пилатъ Понтійскій, какъ чиновникъ, и Каіафа, какъ священникъ, имѣли бы по три голоса».

Въ Германіи при выборахъ въ рейхстагъ избирательное право *по закону* не только всеобщее, но и равное; однако и здѣсь фактически установилось нѣчто въ родѣ «множественнаго» голосованія. «Исправленіемъ» закона занялось въ Германіи капиталистическое развитіе, сильно измѣнившееe количественное распредѣленіе населенія по избирательнымъ округамъ сравнительно съ серединой 60-хъ годовъ.

По закону вся Германія распредѣляется на 397 избирательныхъ округовъ съ 100.000 жителей въ каждомъ, и въ рейхстагъ соотвѣтственно избирается 397 депутатовъ, по одному на округъ. Раздѣленіе на округа сдѣлано на основаніи переписи 1864 года и остается неизмѣннымъ, хотя не только общее населеніе съ тѣхъ поръ увеличилось на 42%, но и территоріальное распредѣленіе его совершенно измѣнилось. Промышленные центры, гдѣ избиратели состоятъ большею частью изъ сознательныхъ пролетаріевъ-соціалдемократовъ, стянули къ себѣ населеніе изъ деревень, гдѣ господствуютъ юнкера-консерваторы и католики-іезуиты. Берлинъ, напр., съ 600.000 поднялся до 1 900.000; Гамбургъ — съ 300 тысячъ до 760 тысячъ и т. д. Во многихъ же консервативныхъ сельскихъ мѣстностяхъ населеніе не только не увеличилось, но даже уменьшилось. Нѣкоторые избирательные округа вмѣсто 100.000, какъ слѣдовало бы по закону, имѣютъ теперь нѣсколько сотъ тысячъ, такъ, наприм., въ 6-мъ берлинскомъ округѣ теперь около 700.000 жителей и онъ долженъ былъ бы выбрать 7 депутатовъ, но выбираетъ только одного только же, какъ 5-ый округъ Лигница съ 60.000, жит. и 8-й округъ Маріенвердера са 64.000 жителями. Такимъ образомъ избиратели этихъ двухъ послѣднихъ округовъ по сравненію съ избирателями 6-го берлинскаго округа имѣютъ болѣе, чѣмъ по 10 голосовъ каждый. 5-ый Лигницкій округъ выбралъ представителя либеральной буржуазіи, 8-ой Маріенвердеровскій заядлаго крѣпостника, 6-ой берлинскій округъ—соціалдемократа, за котораго было подано въ 25 разъ больше голосовъ, чѣмъ за маріенвердеровскаго крѣпостника

и въ 15 разъ больше, чѣмъ за лигницкаго либерала. Если бы избирательное право было фактически равнымъ, то 6-ой берлинскій округъ послалъ бы въ рейхстагъ не одного, а шесть соціалдемократовъ, а 5-му лигницкому и 8 маріенвердерскому пришлось бы присоединиться къ сосѣднимъ округамъ, чтобы выбрать одного либерала и одного крѣпостника.

При фактически равной подачѣ голосовъ соціалдемократы со своими 3 милльонами голосовъ имѣли бы въ рейхстагѣ не 80 депутатовъ, а, вѣроятно, болѣе 100.

Понятно, что соціалдемократическая партія требуетъ новаго распредѣленія округовъ и взываетъ къ закону, но современный законъ глухъ на *лѣвое* ухо и никакихъ призывовъ идущихъ съ этой стороны не слышитъ.

Мы видимъ, что германское избирательное право, не смотря на то, что оно и формально, и фактически является «идеаломъ» по сравненію съ избирательнымъ правомъ большинства европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и отдѣльныхъ нѣмецкихъ странъ, не можетъ быть, строго говоря, названо ни всеобщимъ, ни равнымъ. Безъ натяжки оно можетъ быть названо только *прямымъ*. Избиратели при выборахъ въ рейхстагъ прямо выбираютъ депутатовъ; между тѣми и другими нѣтъ промежуточной инстанціи. Въ очень многихъ государствахъ примѣняется при выборахъ не прямая, а посредственная или двухстепенная подача голосовъ. Избиратели выбираютъ сначала довѣренныхъ или выборщиковъ, которые въ свою очередь выбираютъ уже депутатовъ. Эта система является особенно излюбленной при выборахъ въ мѣстныя самоуправленія и верхнія палаты, но она примѣняется при выборахъ и въ нижнія или вторыя палаты депутатовъ, наприм. въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, украшая нелѣпостью буржуазное безстыдство, на которомъ построено избирательное право въ этихъ странахъ.

Нелѣпость двухстепенныхъ выборовъ очень просто и ясно показалъ въ одной изъ своихъ рѣчей князь Бисмаркъ. *)

«Избирательному закону — сказалъ между прочимъ Бисмаркъ въ засѣданіи Сѣверо-германскаго рейхс-

*) См. Fürst Bismarks Reden Band VII S. 147.

тага 28 марта 1867 г. — сдѣланъ изъ среды этой палаты упрекъ за то, что онъ предписываетъ прямые, а не косвенные (посредственные) выборы; но по моему убѣжденію, косвенные выборы представляютъ изъ себя фальсификацію выборовъ, мнѣнія націи. Это можно показать на простомъ числовомъ примѣрѣ, который я представлялъ уже 20 лѣтъ тому назадъ и который я здѣсь повторю: если принять, что большинство на каждой избирательной ступени должно быть только на одинъ голосъ больше половины, то выборщикъ представляетъ уже только на одного первоначальнаго избирателя больше половины; депутатъ представляетъ только на одного человѣка больше половины выборщиковъ, общее число которыхъ само по себѣ представляетъ изъ себя лишь немного больше половины первоначальныхъ избирателей, депутатъ представляетъ такимъ образомъ при косвенныхъ выборахъ съ математическою увѣренностью лишь немного больше одной четверти первоначальныхъ избирателей, а большинство депутатовъ въ этомъ случаѣ лишь немного болѣе одной восьмой цѣлаго; я беру, конечно, самый худшій случай, очень маленькое большинство. Изъ этихъ неизбѣжныхъ ступеней дѣленія одну при прямыхъ выборахъ мы совершенно устраняемъ.

«Затѣмъ въ общемъ чувствѣ народа я постоянно находилъ еще больше интеллигентности, чѣмъ въ раздуміи выборщика (довѣреннаго) при выискиваніи, кого слѣдуетъ избрать въ депутаты, и я аппелирую къ болѣе или менѣе общему явленію — я не знаю, раздѣляютъ ли всѣ господа мои впечатлѣнія, но у меня сложилось представленіе, что прямое избирательное право посылаетъ въ парламентъ болѣе значительныхъ лицъ, чѣмъ косвенное. Чтобы быть выбраннымъ при прямомъ избирательномъ правѣ, нужно пользоваться болѣе значительнымъ престижемъ въ болѣе широкихъ кругахъ, такъ какъ мѣстное кумовство не играетъ такой роли при выборахъ въ широкихъ кругахъ, съ которыми приходится считаться при прямомъ избирательномъ правѣ».

Эти доводы, съ которыми нельзя не согласиться, являются рѣшающими въ пользу *прямыхъ* выборовъ.

Съ демократической точки зрѣнія можно еще прибавить, что чѣмъ непосредственнѣе отношеніе между

народной массой и депутатами, тѣмъ скорѣе они являются истинными выразителями ея воли. а при прямыхъ выборахъ связь между народомъ и депутатами, конечно, гораздо болѣе тѣсная, чѣмъ при выборахъ косвенныхъ или двухстепенныхъ.

Разумѣется и при прямой подачѣ голосовъ теоретически возможно, что большинство парламента будетъ представлять меньшинство избирателей, какъ это показываетъ хотя бы примѣръ Бисмарка. Можно придумать и другія комбинаціи. Мыслимъ даже и такой случай, при которомъ весь парламентъ будетъ представлять меньшинство избиратслей. Представимъ себѣ, что въ каждомъ округѣ, выбирающемъ одного депутата, выступаютъ три кандидата отъ трехъ партій: консервативной, либеральной и соціалистической. Всѣхъ округовъ, скажемъ, сто, и въ каждомъ округѣ 10.000 избирателей. Консервативные депутаты въ каждомъ округѣ получаютъ по 3600 голосовъ, либеральные по 3300, и соціалистическіе по 3100 голосовъ. Если бы подобная комбинація произошла въ странѣ, гдѣ, подобно Англіи, *нѣтъ перебаллотировокъ* и выбраннымъ считается кандидатъ, получившій относительное большинство голосовъ, то парламентъ составился бы въ данномъ случаѣ исключительно изъ консерваторовъ, хотя за нихъ во всей странѣ голосовало меньшинство избирателей, въ общемъ 360.000 противъ 640.000 либераловъ и соціалистовъ, оставшихся совсѣмъ безъ представителей.

Но въ большинствѣ странъ существуетъ перебаллотировка въ тѣхъ случаяхъ, когда при первомъ голосованіи ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ *абсолютнаго большинства*. т. е. больше половины всѣхъ поданныхъ голосовъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, наприм., въ Германіи при перебалотировкахъ допускаются только два кандидата, получившіе наибольшее число голосовъ. Въ этомъ случаѣ соціалистическіе кандидаты устраняются, и, если ихъ избиратели не захотятъ голосовать за либераловъ, то повсюду будутъ выбраны консерваторы; если же они будутъ голосовать за либераловъ, то повсюду будутъ выбраны либералы, а изъ консерваторовъ, получившихъ при первомъ голосованіи наибольшее число голосовъ въ каждомъ округѣ, не прошелъ бы ни одинъ.

Конечно, мы беремъ исключительныя условія, но точно также и для того, чтобы парламентъ при существующихъ въ большинствѣ государствъ избирательныхъ системахъ представлялъ изъ себя дѣйствительное соотношеніе общественныхъ силъ и стремленій нужны тоже исключительныя условія.

Какъ искажается дѣйствительное соотношеніе силъ въ парламентскомъ представительствѣ даже при прямой подачѣ голосовъ видно на примѣрѣ германскаго рейхстага, гдѣ соціалдемократы съ ихъ 3 милльонами избирателей имѣютъ 78 депутатовъ, а центръ съ 1 мил. 800 тыс. избирателей имѣетъ 100 депутатовъ. Здѣсь, конечно, играетъ роль, и указанное нами неравномѣрное распредѣленіе округовъ, но однимъ этимъ подобное несоотвѣтствіе между числомъ избирательныхъ голосовъ и выбранныхъ депутатовъ все же объяснить нельзя.

Еще нелѣпѣе получались результаты отъ выборовъ въ Бельгіи въ періодъ со времени введенія «всеобщаго» избирательнаго права до дополненія его пропорціональной системой распредѣленія депутатскихъ мѣстъ. Такъ, напр., на выборахъ 96 и 98 годовъ*) католики получили въ общемъ изъ 1.800.000 всѣхъ голосовъ — 848.000, т. е. меньше половины. а въ парламентѣ изъ 152 депутатскихъ мѣстъ заняли 112, т. е. около трехъ четвертей.

Во всякомъ случаѣ всеобщаго и прямого избирательнаго права, хотя бы всеобщность и была дѣйствительной, а не кажущейся, еще недостаточно, чтобы численное соотношеніе партій въ парламентѣ соотвѣтствовало таковому же въ самой странѣ; для этого необходимо еще *пропорціональное представительство*, т. е. распредѣленіе депутатскихъ мѣстъ пропорціонально числу избирателей каждой партіи, или, какъ обыкновенно выражаются, *пропорціональная избирательная система.*

Пропорціональнаго представительства требуютъ многія соціалистическія программы, въ томъ числѣ эрфуртская.

«Предствительное собраніе — говоритъ Шенланкъ

*) Въ Бельгіи палата депутатовъ возобновляется частично: каждые два года происходятъ выборы въ половинѣ округовъ.

въ своемъ комментаріи къ этому требованію программы — должно съ большею вѣрностью отражать взгляды, желанія, направленія избирателей, такъ чтобы и меньшинство при обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ въ этомъ собраніи могло бы бросить на вѣсы и свое слово. Затѣмъ различныя партіи только тогда правильно представлены, когда имѣютъ депутатовъ соотвѣтственно ихъ общему числу.

...Мы требуемъ поэтому такой системы, которая обезпечиваетъ пропорціональное представительство различныхъ партій въ законодательныхъ собраніяхъ. Руководящій принципъ при этомъ тотъ, что число представителей данной партіи опредѣляется по общему числу голосовъ вообще поданныхъ за эту партію. Права партій меньшинства такимъ образомъ охраняются, сила парламентскихъ фракцій соотвѣтствуетъ силѣ партій, перебаллотировки отпадаютъ, вся процедура значительно упрощается.

Какъ въ данномъ случаѣ устроить эти пропорціональные выборы, рѣшаетъ практика; существуютъ многочисленные проекты, обсуждать которые мы здѣсь не можемъ».

Все это такъ, за исключеніемъ только «упрощенія всей процедуры», но жаль, что оффиціальный комментаторъ программы не далъ никакихъ указаній, какъ «партія» думаетъ осуществить на практикѣ пропорціональное представительство. Это тѣмъ болѣе необходимо, что огромному большинству нѣмецкихъ соціалдемократовъ этотъ важный пунктъ программы остался, видимо, не яснымъ.

Въ 1895 году Бреславскій партейтагъ огромнымъ большинствомъ голосовъ постановилъ поставить на обсужденіе слѣдующаго партейтага вопросъ о «пропорціональной избирательной системѣ», такъ какъ она, по словамъ берлинскаго делегата Дрешера, «является однимъ изъ важнѣйшихъ требованій партій и въ то же время противниками рекомендуется, какъ средство уничтоженія соціалдемократіи». «Необходимо выяснить этотъ пунктъ». И партейтагъ безъ преній согласился съ этимъ; но на слѣдующемъ партейтагѣ въ 1896 г. въ Готѣ вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ былъ безъ обсужденія снятъ съ очереди и съ тѣхъ поръ о необходимости его обсужденія ничего болѣе не

слышно. Тщетно нѣкоторые делегаты указывали въ Готѣ, что «товарищи» какъ разъ требованія «пропорціональнаго представительства» не понимаютъ и потому партейтагу необходимо его выяснить; партейтагъ согласился не съ ними, а съ Форстеромъ, заявившимъ, что «вопросъ имѣетъ въ настоящее время лишь академическое значеніе».

Въ дѣйствительности же «пропорціональное представительство» является для нѣмецкой соціалдемократіи совсѣмъ не «просто академическимъ», т. е. чисто теоретическимъ вопросомъ, а, напротивъ, очень практическимъ вопросомъ. Съ середины 90-хъ годовъ во многихъ нѣмецкихъ странахъ (Вюртембергѣ, Баденѣ, Баваріи и т. д.) стоитъ на очереди пересмотръ избирательныхъ законовъ, и въ нѣкоторыхъ проектахъ пересмотра встрѣчается пропорціональное представительство; въ Вюртембергѣ въ 1898 г. проектъ новаго избирательнаго закона, вводившаго пропорціональное представительство, только въ послѣднюю минуту разбился о сопротивленіе центра.

Нѣтъ, повторяю, вопросъ о «пропорціональномъ представительствѣ» — совсѣмъ не просто «академическій», а очень практическій и своевременный для всѣхъ соціалистическихъ партій, придающихъ существенное значеніе парламентской борьбѣ, и, очень жаль, что нѣмецкіе соціалдемократическіе партейтаги уклонились отъ его обсужденія, тѣмъ болѣе, что и въ соціалистической литературѣ нѣтъ достаточно обстоятельныхъ работъ по этому вопросу. Но, не считая нужнымъ обсуждать пропорціональное представительство, нѣмецкая соціалдемократія не думаетъ отказываться отъ этого пункта своей программы, такъ какъ для нея является демократической аксіомой, что собраніе народныхъ представителей «должно отражать съ возможно большею вѣрностью всѣ взгляды, желанія, направленія избирателей», что необходимо дать возможность и каждому меньшинству «бросить на вѣсы и свое слово».

Нѣмецкіе соціалдемократы, вѣроятно, изумились бы, узнавъ, что искристы, которыхъ они наивно считаютъ представителями русскаго пролетаріата, отказались внести въ свою программу пропорціональное представительство, какъ разъ изъ боязни, какъ бы

оно «не обезпечило за всякимъ оттѣнкомъ партійнаго теченія возможность имѣть свое представительство». Этотъ доводъ на «невиданномъ съѣздѣ» привелъ Троцкій, поддерживая предложеніе Мартова «выкинуть пунктъ о пропорціональномъ представительствѣ».

Троцкій выставилъ противъ «пропорціональнаго представительства» еще и то, что требованіе его не является «принципіальнымъ». Почему требованіе «пропорціональнаго представительства» «не принципіально», а другія практическія требованія программы въ родѣ «жалованія народнымъ представителямъ» принципіальны — мы не знаемъ, но развѣ вообще «принципіальность» съ точки зрѣнія искристовъ является доводомъ въ пользу какого-нибудь требованія? Не выставилъ ли въ томъ же засѣданіи сослуживецъ Троцкаго по Сибирскому комитету Посадовскій положенія, что «*всѣ демократическіе принципы должны быть подчинены исключительно выгодамъ нашей* (искровской) *партіи*»? И развѣ не одобрилъ этого положенія «самъ» Плехановъ? На «съѣздѣ» былъ моментъ, когда якобинецъ Плехановъ хотѣлъ видимо, отбросить всѣ «демократическіе» принципы, замѣнивъ ихъ принципомъ «выгоднымъ»: «Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ товарища Плеханова, которому предоставляется *единогласно* кооптировать товарищей, умѣющихъ выгоду ставить выше принциповъ». Къ сожалѣнію іезуитъ Плехановъ по обыкновенію побѣдилъ якобинца Плеханова, и въ искровской программѣ осталось всеобщее избирательное право, которое всегда можетъ быть ограничено, двухлѣтній парламентъ, который можетъ быть «разогнанъ черезъ двѣ недѣли или продолженъ до безконечности», «неприкосновенность личности», которую всегда можно безъ суда вздергнуть на висѣлицу и т. д. — все по усмотрѣнію «діалектически мыслящаго» товарища Плеханова.

Для соціал*демократа*, а не соціал*якобинца* не можетъ быть и вопроса о подчиненіи демократическихъ принциповъ «выгодамъ партіи», онъ не можетъ бороться противъ права меньшинства имѣть соотвѣтствующее число представителей въ собраніяхъ, обсуждающихъ и рѣшающихъ законы, которымъ наравнѣ

съ большинствомъ должно подчиняться и меньшинство, онъ не можетъ высказаться противъ *принципа* пропорціональнаго представительства; для него можетъ быть вопросъ лишь о томъ, возможно ли полное и дѣйствительное проведеніе его на практикѣ?

Для небольшихъ представительныхъ собраній, общинныхъ и кантональныхъ, болѣе чѣмъ десятилѣтній опытъ примѣненія пропорціональнаго представительства въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно.

Эмиль Клёти, внимательно изучившій практику пропорціональныхъ выборовъ въ Швейцаріи, изъ противниковъ этой системы сдѣлался ея горячимъ сторонникомъ.

«Шагъ за шагомъ—пишетъ онъ—и почти противъ воли я долженъ былъ все больше и больше убѣждаться въ несостоятельности системы большинства и не только въ теоретическомъ, но и практическомъ превосходствѣ пропорціональной избирательной системы».

Онъ констатируетъ, что всюду, гдѣ была введена пропорціональная система уровень народнаго представительства значительно поднялся. Во время самыхъ выборовъ личная полемика уменьшилась, но борьба принциповъ нисколько не ослабѣла. Измельчанія партій незамѣтно.

Въ предѣлахъ цѣлой страны для выборовъ не только общинныхъ и провинціональныхъ, но и для выборовъ «національныхъ» въ палату и сенатъ пропорціональное представительство примѣняется въ настоящее время только въ Бельгіи, но примѣняется въ очень несовершенномъ, въ очень неполномъ видѣ; тѣмъ не менѣе ея «примѣръ» очень поучителенъ, онъ показываетъ, каково система пропорціональныхъ выборовъ не должна быть, и даетъ исходную точку для отысканія такой системы выборовъ, которая дѣйствительно обезпечивала бы представительство всѣхъ партій и теченій въ странѣ. Искристъ Гусевъ ошибается**), думая, что для выясненія значенія пропорціональнаго представительства «примѣръ Бельгіи неуда-

*) Dr Emil Klöti: «Die Proportionalwahl in der Schweiz» «Zeitschrift für schweizerische Statistik», 1902.

**) См. Протоколы 2-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П., стр. 168.

ченъ и ничего не доказываетъ», такъ какъ тамъ «существованіе множественнаго вота сильно затемняетъ значеніе пропорціональнаго представительства». Множественный «вотъ» сильно затемняетъ значеніе не пропорціональнаго представительства, а всеобщаго избирательнаго права. «Примѣръ» Бельгіи доказываетъ очень многое, но, конечно, только тому, кто его знаетъ.

Выборы въ Бельгіи производятся одновременно и «по округамъ» и «по спискамъ». Страна *очень неравномѣрно* раздѣлена на 36 избирательныхъ округовъ, которые въ зависимости отъ числа жителей посылаютъ въ палату отъ 2-хъ до 20-ти слишкомъ депутатовъ каждый. Выборы въ каждомъ округѣ происходятъ «по спискамъ». Всякая группа избирателей, состоящая не менѣе, чѣмъ изъ 100 лицъ, можетъ представить списокъ кандидатовъ на депутатскія мѣста своего округа и ихъ замѣстителей на случай, если тотъ или другой изъ выбранныхъ депутатовъ умретъ или сложитъ съ себя полномочія до новыхъ выборовъ. Имена кандидатовъ и замѣстителей ставятъ въ каждомъ спискѣ одно за другимъ въ порядкѣ, выбираемомъ партіей или группой, представляющей данный списокъ. Всѣ представленные списки отпечатываются на избирательныхъ бюллетеняхъ въ горизонтальномъ направленіи, при чемъ порядокъ опредѣляется жребіемъ.

Надъ каждымъ спискомъ («во главѣ») имѣется небольшой круглый пробѣлъ на темномъ фонѣ. Такіе же пробѣлы находятся справо отъ фамиліи каждаго кандидата и замѣстителя. Избирателю предоставляется голосовать за одинъ изъ списковъ. Онъ можетъ согласиться во всѣмъ спискомъ въ томъ порядкѣ, какъ онъ составленъ; тогда онъ зачерняетъ карандашомъ пробѣлъ «во главѣ» этого списка; но онъ можетъ отдать «предпочтеніе» какому-нибудь изъ кандидатовъ, тогда онъ оставляетъ пробѣлъ во главѣ списка не зачерненнымъ, а зачерняетъ пробѣлъ вправо отъ фамиліи этого кандидата. Сложивъ бюллетень, избиратель передаетъ его предсѣдателю избирательнаго бюро, и тотъ опускаетъ его въ избирательный ящикъ. По окончаніи голосованія бюллетени вынимаются изъ избирательныхъ ящиковъ и подсчитывается число голосовъ полученныхъ каждымъ изъ списковъ, безразлично про-

голосованъ ли весь порядокъ списка или дано «предпочтеніе» одному изъ кандидатовъ. Затѣмъ отыскивается средній или «избирательный дѣлитель». Для этого число голосовъ полученныхъ каждымъ спискомъ послѣдовательно дѣлится на 1, 2, 3, 4 и т. д. Изъ полученныхъ такимъ образомъ для всѣхъ списковъ частныхъ берется столько наибольшихъ, сколько слѣдуетъ выбрать депутатовъ. Наименьшее изъ наибольшихъ частныхъ и будетъ избирательнымъ дѣлителемъ. Въ каждомъ спискѣ считается выбраннымъ столько кандидатовъ, сколько получено частныхъ не меньшихъ, чѣмъ «избирательный дѣлитель».

Для поясненія возьмемъ выборы въ 1902 г. въ округѣ Брюсселя, который посылаетъ въ палату 21 депутата.

Подало голосовъ за списки

Дѣлимъ на	Католическій 99.725	Либеральный 59.934	Соціалистическій 57.512	Христіанско-демократическій 11.851
1	99.725	59.934	57.512	11.851
2	49.862	29.967	28.756	5.925
3	33.241	19.974	19.170	
4	24.931	14.983	11.878	
5	19.945	11.986	11.502	
6	16.620	**9.989**	9.585	
7	14.246	8.562	8.216	
8	12.245			
9	11.080			
10	9.972			

Если мы выберемъ изъ этихъ 4 списковъ 21 наибольшія числа, то наименьшимъ изъ нихъ будетъ 6-е частное въ спискѣ либераловъ, именно 9.989. Въ спискѣ католиковъ получилось 9 частныхъ не меньшихъ, чѣмъ 9989, на ихъ долю и выпало 9 депутатскихъ мандатовъ; въ спискѣ либераловъ—6; на ихъ долю выпало слѣдовательно 6 депутатскихъ мандатовъ; на долю соціалистовъ—5, на долю христіанскихъ демократовъ—1,

Послѣ распредѣленія депутатскихъ мандатовъ по спискамъ нужно еще опредѣлить, кто изъ кандидатовъ въ каждомъ спискѣ получитъ мандатъ и кто нѣтъ, если въ спискѣ было больше кандидатовъ, чѣмъ на его долю выпало мандатовъ.

Если всѣ избиратели даннаго списка голосовали «во главѣ» его, т. е. признали его порядокъ, то дѣло рѣшается просто, выбранными считаются кандидаты поставленные первыми; въ нашемъ примѣрѣ 9 первыхъ консерваторовъ, 6 первыхъ либераловъ, 5 первыхъ соціалистовъ и 1 первый христ. демократъ. Но, если были «голосованія предпочтенія», то дѣло нѣсколько осложняется, и въ депутаты можетъ попасть кандидатъ, стоящій на одномъ изъ послѣднихъ мѣстъ и не попасть кандидатъ, стоящій на одномъ изъ первыхъ мѣстъ.

Возьмемъ для выясненія процедуры съ «голосами предпочтеній» какой-нибудь фиктивный примѣръ.

Положимъ списокъ соціалистическихъ кандидатовъ и полученныхъ ими «голосовъ предпочтенія» представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Вандервельдъ 500.
Бертранъ 500.
Дельпортъ 500.
Кавро 500.
Дельбеста 2500.
Конрарди 2000.
Вотерсъ 4000.
Де Брукеръ 8500.
Ванденбругъ 1000.

Голосовъ «предпочтеній» или «именныхъ» подано въ общемъ 20.000; голосовъ за порядокъ списка 30.000; всего 50.000. Кандидатовъ выставлено было соціалистами 9; на ихъ долю пришлось, поло имъ, 5. «Избирательный дѣлитель» былъ, скажемъ, 10.000.

Чтобы достичь его первымъ тремъ кандидатамъ нужно еще по 9.500 голосовъ каждому, которые и берутся изъ голосовъ, поданныхъ за порядокъ списка; это составитъ 28.500 голосовъ, останется еще 1500; они прибавляются къ 500 голосамъ, полученнымъ 4-мъ кандидатомъ (Кавро), что составляетъ 2.000.

Теперь получится такое распредѣленіе голосовъ:

1. Вандервельдъ 11.000.
2. Бертранъ 11.000.
3. Дельпортъ 11.000.
4. Кавро 2.000.
5. Дельпастэ 2.500.
6. Конрарди 2.000.
7. Вотерсъ 4.000.
8. Де Брукеръ 8.500.
9. Вандербургъ 1,000.

Выбранными оказываются не пять первыхъ кандидатовъ, а три первыхъ, затѣмъ седьмой (Вотерсъ) и восьмой (Де Брукеръ).

Это — случай въ дѣйствительности врядъ ли возможный, особенно у соціалистовъ, которые почти никогда не голосуютъ «предпочтенія», такъ какъ ихъ списки являются результатомъ партійныхъ выборовъ въ каждомъ округѣ. Ихъ кандидаты не «назначаются» а выбираются товарищами мѣстной организаціи и заносятся въ списки въ порядкѣ количества полученныхъ ими голосовъ.

«Хорошіе соціалисты — говоритъ одна изъ популярныхъ бельгійскихъ соціалистическихъ брошюръ — голосуютъ всегда за весь списокъ».

Изложенную систему можно назвать удачной, остроумно придуманной, но она, какъ, впрочемъ, и всякая другая система пропорціональныхъ выборовъ, примѣнима лишь тамъ, гдѣ выбирается значительное число депутатовъ, а въ Бельгіи большинство округовъ выбираетъ отъ двухъ до 6 кандидатовъ,

Какая же можетъ быть пропорціональность въ округѣ, который выбираетъ только двухъ кандидатовъ при трехъ или четырехъ партіяхъ?

Представимъ себѣ, что въ какомъ нибудь округѣ съ двумя депутатами выступили католики, либералы и соціалисты. Первые получили 11.000 голосовъ, вторые 5 тысячъ, третьи — 4 тысячи. «Избирательный дѣлитель» равняется въ данномъ случаѣ 5.500 и оба мандата попадаютъ въ руки католиковъ, а 9.000 либеральныхъ и соціалистическихъ избирателей остались безъ представительства. Если такихъ округовъ 10. то вотъ уже 90.000 избирателей, которые въ большомъ

округѣ послали бы при томъ же избирательномъ дѣлителѣ, навѣрное, не менѣе 10 депутатовъ, въ маленькихъ округахъ остаются совсѣмъ безъ представительства.

Но даже въ округахъ съ 6 депутатами наиболѣе многочисленная партія беретъ непропорціонально много.

Такъ, напр., въ Лувенѣ въ 1902 г. клерикалы получили 44.895 голосовъ; соціалисты и либералы 31.092 голоса. Изъ шести депутатскихъ мандатовъ на долю клерикаловъ пришлось четыре, на долю соціалистовъ и либераловъ только 2. Такимъ образомъ консервативный депутатъ представляетъ въ среднемъ 11.220 голосовъ, соціалистическій и либеральный—15.546

Въ результатѣ у католиковъ въ «странѣ» меньшинство, хотя и значительное, а въ палатѣ большинство, хотя и незначительное.

При выборахъ 1902 и 1904 годовъ голоса распредѣлились между партіями слѣдующимъ образомъ:

Клерикалы . . .	1.327.611	49%
Либералы	649.421	24%
Соціалисты . . .	684.326	25%
Мелкія группы .	70.690	2%
Всего . . .	2.692.048	

Клерикалы получили 93 деп. мандата (56%), либералы — 43 (26%), соціалисты — 28 (17%), мелкія группы — 3 (1%).

Между тѣмъ, если-бы была примѣнена настоящая пропорціональная система, т. е. выборы происходили бы не по окружнымъ, а по «національнымъ» спискамъ, то у католиковъ былъ бы лишь 81 депутатъ, у либераловъ—40, у соціалистовъ—42, у мелкихъ группъ—3. Это какъ въ томъ случаѣ, если для отысканія «избирательнаго дѣлителя» примѣнить описанный выше «бельгійскій» способъ, такъ и въ томъ случаѣ, если вывести процентное отношеніе между числами голосовъ разныхъ списковъ и затѣмъ изъ общаго числа мандатовъ взять для каждаго соотвѣтствующій процентъ.

Но даже и при такомъ несовершенномъ и половинчатомъ пропорціональномъ представительствѣ, какъ то, которое примѣняется въ настоящее время въ Бель-

гіи, ея палата депутатовъ вѣрнѣе отражаетъ соотношеніе партійныхъ силъ въ странѣ, чѣмъ до его введенія (въ 1900 г.). Такъ, напр., въ 1894 г. клерикалы, получивъ 51% всѣхъ голосовъ, провели 68% депутатовъ, либералы же, получивъ 29%, провели лишь 13% депутатовъ. Излишекъ клерикальныхъ депутатовъ составлялъ 17%, потерянныхъ, главнымъ образомъ, либералами. Въ настоящее время «излишекъ» клерикальныхъ депутатовъ равняется лишь 7%, теряемыхъ соціалистами.

Нѣкоторые изъ бельгійскихъ соціалистовъ начинаютъ поэтому изъ сторонниковъ «пропорціональнаго представительства» превращаться въ его противниковъ. Но это совершенно напрасно. Виновато не пропорціональное представительство, а его неполное, половинчатое примѣненіе. Для отысканія системы не мнимаго, а дѣйствительнаго пропорціональнаго представительства «примѣръ Бельгіи» во всякомъ случаѣ очень важенъ. Послѣ разбора ея не трудно указать, какъ должна быть устроена система пропорціональныхъ выборовъ.

Мы видимъ, что дѣйствительное и полное проведеніе принципа «пропорціональнаго представительства» возможно только при выборахъ «*по спискамъ*», а не привыборахъ «*по округамъ*». Въ Бельгіи эти двѣ системы смѣшаны къ выгодѣ клерикаловъ, но къ большой невыгодѣ пропорціональнаго представительства.

При системѣ выборовъ «по округамъ» въ ея чистомъ видѣ, какъ она примѣняется во Франціи, Германіи, Англіи и т. д., въ каждомъ округѣ избирается только одинъ депутатъ, и эта система совершенно несовмѣстима съ пропорціональнымъ представительствомъ. Напротивъ, система выборовъ «по спискамъ» въ ея чистомъ и полномъ видѣ создаетъ возможность фактическаго осуществленія пропорціональнаго представительства. При этой системѣ, если ее брать въ законченномъ и цѣльномъ, а не половинчатомъ видѣ, каждый избиратель голосуетъ за списокъ кандидатовъ на *всѣ* мѣста въ соотвѣтствующемъ представительномъ собраніи (общинномъ, областномъ, союзномъ). Избирательные округи устраняются, каждый гражданинъ выступаетъ на выборахъ не какъ избиратель такого-то или такого-то округа, а какъ избиратель въ

такое то народное представительство. Депутаты выступаютъ не отъ того или другого округа, а отъ всѣхъ избирателей, представляемыхъ даннымъ представительнымъ собраніемъ.

Въ остальномъ можно бы слѣдовать примѣру Бельгіи. Составлять и представлять списки имѣла бы право какъ партія, такъ и отдѣльныя небольшія группы, которыя могли бы выставить даже только одного кандидата. Всякое новое и еще слабое теченіе, сторонники котораго разбросаны по всей странѣ, могли бы при этой системѣ имѣть хоть одного своего представителя въ парламентѣ, что при выборахъ по округамъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы они въ какой нибудь мѣстности, составляющей округъ, представляли изъ себя компактное большинство, что никогда не бываетъ. Если бы, напримѣръ, въ Бельгіи ввести выборы по «національнымъ» спискамъ, охватывающимъ всю страну, то группа изъ 13.000 человѣкъ могла бы уже имѣть своего представителя въ палатѣ. Пожалуй, тогда даже анархисты сдѣлались бы сторонниками парламентаризма. Понятно, что искристамъ, какъ изъ якобинскаго «большинства» (нынѣ превращеннаго въ меньшинство). такъ и изъ іезуитскаго «меньшинства» (нынѣ превращеннаго въ большинство), система пропорціональнаго представительства, должна быть ненавистна, какъ ненавистно имъ всякое новое, съ трудомъ пробивающееся теченіе.

При составленіи списковъ демократическія партіи будутъ, конечно слѣдовать примѣру бельгійскихъ соціалистовъ, устраивая свои партійные выборы. Эти выборы будутъ, вѣроятно, какъ и теперь, производиться мѣстными организаціями. Для партійныхъ выборовъ округа, такимъ образомъ, могутъ остаться, и каждый округъ можетъ выставить своего кандидата. Порядокъ помѣщенія кандидатовъ въ списки могъ бы опредѣлиться или значительностью того или другого лица, или числомъ полученныхъ имъ голосовъ на партійныхъ выборахъ или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ при системѣ выборовъ «по спискамъ» лица, присутствіе которыхъ въ парламентѣ для партіи особенно важно, никогда не могли бы быть «случайно» забаллотированы, какъ это теперь бываетъ сплошь и рядомъ. При выставленіи кандидатовъ каждою мѣст-

ностью связь между населеніемъ и депутатами не ослабѣла бы, но съ другой стороны вліяніе на выборы личныхъ симпатій и антипатій было бы значительно ослаблено, и для соціалдемократовъ осуществился бы ихъ принципъ, по которому соціалдемократическій избиратель всегда голосуетъ не за то или другое лицо, а за представителя своей партіи. Тогда, дѣйствительно, можно было бы сказать, что каждый депутатскій мандатъ принадлежитъ не выполняющему его лицу и не тому или другому избирательному округу, а всей партіи.

При такой избирательной системѣ составъ каждаго парламента могъ бы дѣйствительно отражать соотношеніе общественныхъ силъ въ данной странѣ. Мы говоримъ «могъ-бы», такъ какъ, конечно, для этого кромѣ пропорціональнаго представительства нужно дѣйствительное, а не мнимое всеобщее равное избирательное право.

Въ Германіи введеніе пропорціональной системы выборовъ по спискамъ уже само по себѣ сдѣлало бы избирательное право равнымъ, но, конечно, не всеобщимъ.

Если ввести при выборахъ въ рейхстагъ предлагаемую нами пропорціональную систему, не расширяя круга лицъ, имѣющихъ въ настоящее время право голоса, то количественное соотношеніе главныхъ фракцій при томъ же числѣ голосовъ, которое каждая получила въ 1903 г., должно измѣниться слѣдующимъ образомъ:

	Въ настоящее время	Въ случаѣ примѣненія пропорціон. системы.
Консерваторы	71	48
Центръ (католики)	100	79
Націоналъ-либералы	51	51
Свободомыслящіе	21	20
Соціалдемократы	79	120

Для нѣмецкой соціалдемократіи, которая строитъ свое будущее на парламентаризмѣ подобно тому, какъ Вильгельмъ II строитъ будущее Германіи «на водѣ», «академическій» вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ долженъ казаться очень важнымъ. Мы не ставимъ судьбу пролетаріевъ въ зависимости отъ

большаго или меньшаго числа соціалдемократическихъ депутатовъ въ томъ или другомъ парламентѣ, но мы думаемъ, что и при теперешнемъ строѣ, и при организаціи строя пролетарскаго соціалдемократамъ слѣдуетъ стоять за пропорціальное представительство для всѣхъ представительныхъ собраній. — И совершенно понятно, что парижскій международный конгрессъ 1900 г. призываетъ соціалистовъ стремиться урегулировать всеобщее избирательное право системой пропорціональнаго представительства.

И такъ всеобщее избирательное право для всѣхъ лицъ обоего пола, не исключая иностранцевъ, начиная съ 16-тилѣтняго возраста; прямая подача голосовъ и пропорціональное представительство.

Тотъ же широкій демократическій принципъ долженъ быть приложенъ и къ праву быть избираемымъ. Та же равноправность мужчинъ и женщинъ, туземцевъ и иностранцевъ, то же отсутствіе всякихъ «изъятій» и, на конецъ, тотъ же 16-лѣтній возрастъ. Иной 16-лѣтній рабочій пролетарій окажется въ парламентѣ на столько же полезенъ, насколько теперь вреденъ иной «пожившій» политиканъ.

III.

«Наиболѣе рѣшительнымъ шагомъ пролетарской революціи въ странахъ дѣйствительно парламентскихъ является—говоритъ Каутскій *)—завоеваніе всеобщаго избирательнаго права; въ странахъ же, гдѣ существуетъ лишь подобіе парламентаризма, на долю пролетаріата выпадаетъ другая важная обязанность: завоеваніе вполнѣ парламентскаго режима».

Мы держимся нѣсколько иного взгляда.

Во всѣхъ странахъ съ мнимымъ и дѣйствительнымъ парламентскимъ режимомъ, съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и безъ всякаго права, съ конституціей и абсолютизмомъ, всюду «на долю пролетаріата выпадаетъ обязанность» завоевать вполнѣ народоправческую, вполнѣ демократическую форму политическаго

---

*) «Parlamentarismus etc.»

устройства, такъ какъ только такая *форма* можетъ вмѣстить *содержаніе* пролетарской революціи: общественное устройство производства съ устраненіемъ частной собственности и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Парламентскій режимъ въ его «полномъ видѣ», какъ, наприм., въ Англіи, гдѣ, по извѣстному выраженію, «парламентъ не можетъ только сдѣлать изъ женщины мужчину», далеко еще не представляетъ изъ себя народнаго правленія и не обезпечиваетъ ни народной, ни личной свободы.

Правда, въ Англіи нѣтъ еще настоящаго всеобщаго избирательнаго права, но и завоеваніе его было бы еще далеко не достаточно для признанія англійскаго политическаго строя строемъ вполнѣ демократическимъ. Во Франціи имѣется и вполнѣ парламентскій режимъ, и всеобщее избирательное право, болѣе широкое, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, за исключеніемъ Австралійскихъ колоній, гдѣ въ большинствѣ случаевъ правомъ голоса пользуются не только мужчины но и женщины; однако и французскій политическій строй долженъ быть кореннымъ образомъ перестроенъ, чтобы вмѣстить содержаніе соціальной революціи.

Въ Англіи реакціонной помѣхой для народнаго освобожденія являются очень значительные пережитки феодализма, во Франціи ту же роль играютъ пережитки якобинскіе и имперіалистскіе, каковы централизмъ, милитаризмъ, бюрократизмъ. Но это не все. И въ Англіи и во Франціи помѣхою для народнаго или, что въ сущности то же самое, пролетарскаго освобожденія является до извѣстной степени самъ парламентъ. Тамъ, гдѣ парламентъ—«всесиленъ», тамъ онъ сильно ограничиваетъ народную волю и народную свободу. Въ парламентѣ государственная власть встрѣчается съ общественнымъ самоуправленіемъ; парламентъ въ настоящее время несомнѣнно одно изъ орудій угнетенія въ рукахъ господствующаго класса, парламентъ — въ настоящее время несомнѣнно часть «государства», но чѣмъ ближе онъ становится къ народной массѣ, чѣмъ сильнѣе на него ея непосредственное вліяніе, чѣмъ менѣе независимы депутаты отъ своихъ избирателей, чѣмъ шире кругъ избирателей, чѣмъ слабѣе другіе элементы государства—бюрократія, военщина и т. д.—

тѣмъ сильнѣе тотъ же парламентъ способствуетъ государственному саморазложенію; тѣмъ вѣрнѣе пролетаріатъ можетъ видѣть въ немъ «мѣсто наименьшаго сопротивленія» для своей атаки на государство.

Пролетаріатъ, выставляющій на своемъ знамени народную свободу и народную волю, долженъ стремиться не къ «сосредоточенію всей верховной власти въ рукахъ законодательнаго собранія», какъ говоритъ программа «Искры», а къ подчиненію всякаго представительнаго собранія волѣ народа.

Нельзя, какъ это дѣлаетъ «Искра», ставить знакъ равенства между «самодержавіемъ народа» и «сосредоточеньемъ всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа и образующаго одну палату.»

Разъ народъ самодержавенъ, то ему и должна принадлежать верховная власть, онъ и долженъ имѣть право сказать свое послѣднее и рѣшающее слово по поводу каждаго закона.

Народъ при дѣйствительно демократическомъ строѣ не «сосредоточиваетъ всю верховную государственную власть въ рукахъ законодательнаго собранія», нѣтъ онъ, какъ прекрасно выражается конституція Цюрихскаго кантона, «пользуется своею законодательною властью *при содѣйствіи* кантональнаго совѣта», т. е. законодательнаго собранія.

Въ этомъ словѣ «содѣйствіе» — истинно демократическое разрѣшеніе вопроса о соотношеніи народной воли и представительныхъ собраній.

Представительное собраніе *содѣйствуетъ* народу въ пользованіи имъ своею законодательною властью, оно вырабатываетъ и обсуждаетъ законопроекты, но народъ имѣетъ право принимать или отвергать ихъ, онъ имѣетъ право и самостоятельно выработать и принять какой-угодно законъ.

Вырабатывая въ 1869 г. на этихъ основахъ новую конституцію Цюрихскаго кантона, комиссія учредительнаго совѣта совершенно вѣрно заявила: «Дѣло идетъ о преобразованіи нашей кажущейся верховной власти въ настоящую верховную власть народа, — въ перенесеніе господства и силы изъ рукъ немногихъ на могучія плечи всего общества.»

И когда въ учредительномъ собраніи либералъ Сутеръ предложилъ ограничиться народнымъ veto, т. е. правомъ народа налагать свое запрещеніе на тотъ или другой законъ, принятый законодательнымъ собраніемъ, демократы отвѣчали ему такъ: «На государственномъ кораблѣ, какъ его устраиваетъ Сутеръ, большой совѣтъ (законодательное собраніе) держитъ компасъ и руль, въ то время, какъ настоящій правитель стоитъ на берегу и смотритъ на уходящее судно... Это —недовѣріе къ народу, къ его способности управлять государственнымъ кораблемъ... Мы, напротивъ, мы полны довѣрія къ народу... Референдумъ и иниціатива — новыя права. Въ противуположность представительной системѣ открылась новая эра народнаго, демократическаго, прямого законодательства. Сутеръ намъ говоритъ: большой совѣтъ — главный носитель законодательной власти, народъ только его помощникъ. Мы, напротивъ, говоримъ: «законодательная власть живетъ въ народѣ и для осуществленія ея онъ пользуется отчасти большимъ совѣтомъ.»

При подобномъ же пересмотрѣ Сэнтъ-Галленской конституціи въ 1831 году демократъ Діогъ, требуя для народа права утверждать законы, ставилъ вопросъ такъ: «Главное, по моему, знать, какой принципъ будетъ руководить нашимъ дѣломъ? Я знаю только одинъ—самодержавіе народа. Самодержцу принадлежитъ высшая власть, его воля—законъ. Мнѣ говорятъ о представительномъ самодержавіи, но уполномоченный уже не самодержецъ. Народъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, но, если ему въ опекуны даютъ большой совѣтъ (законодательное собраніе), то онъ уже не совершеннолѣтній.»

Принципъ непосредственнаго народнаго самодержавія нашелъ себѣ практическое выраженіе въ народной законодательной **иниціативѣ** и народномъ законодательномъ **референдумѣ**, которые составляютъ одинъ изъ краеугольныхъ камней политическаго строя Швейцаріи, прекрасно привились въ демократіяхъ Австраліи и начинаютъ примѣняться въ нѣкоторыхъ штатахъ С.-Америки.

Каутскій, указавъ въ своемъ «Парламентаризмѣ» на то, что въ Швейцаріи «существуетъ своего рода равновѣсіе классовъ», прибавляетъ:

«Съ другой стороны швейцарскіе товарищи настолько счастливы, что уже въ настоящее время (1893) имѣютъ все, что можно требовать въ отношеніи политическихъ правъ. Если они хотятъ дѣйствовать положительнымъ образомъ, проявлять практическую активность, не ограничиваться агитаціей и демонстраціями, имъ остается только немножко улучшить и прикрасить политическое зданіе, уже законченное въ цѣломъ.»

Это сильное и, по нашему мнѣнію, очень вредное преувеличеніе. Въ Швейцаріи женщины не пользуются политическими правами, въ Швейцаріи иностранцы, составляющіе чуть не половину рабочаго пролетаріата, совершенно безправны, какъ можно сказать, что тамъ имѣется «*все*, чего можно требовать въ отношеніи политическихъ правъ?»

Но, по сравненію, съ другими европейскими государствами Швейцарія имѣетъ для *своихъ гражданъ* завидныя демократическія учрежденія—народную инициативу и референдумъ.

Они являются не выдумкой какого-нибудь «политическаго ума», а естественнымъ приспособленіемъ старыхъ швейцарскихъ народоправствъ къ условіямъ новой политической жизни. Въ основѣ первыхъ швейцарскихъ общественныхъ организацій, въ основѣ ихъ общинъ, лежало право народа принимать непосредственное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общежитія, и, конечно, въ установленіи общеобязательныхъ правилъ или законовъ.

Согласно правилу древнихъ германцевъ, замѣченному еще Тацитомъ, въ швейцарскихъ самоуправляющихся общинахъ лишь незначительныя дѣла рѣшались совѣтомъ старѣйшинъ, важныя же дѣла рѣшали *всѣ*, т. е. собраніе всѣхъ общинниковъ. Изъ общинъ стали образовываться кантоны и союзы кантоновъ, но законодательство долго еще продолжало сосредоточиваться въ рукахъ самого народа, собиравшагося на «мірскіе сходы».

Мірскіе сходы (Landesgemeinde) бывали очередные и чрезвычайные. Очередные происходили обыкновенно разъ въ годъ. Граждане сходились на площади подъ открытымъ небомъ. Проекты законовъ предлагались какъ кантональнымъ совѣтомъ, такъ и просто опредѣ-

леннымъ числомъ гражданъ, напр., въ Ури для представленія законопроекта нужно было соглашеніе между 7 членами 7 различныхъ семей. Собраніе простымъ большинствомъ принимало или отвергало предложенные проекты, и затѣмъ расходилось. Этотъ порядокъ голосованія законовъ, это примитивное народное правленіе два кантона (Ури и Гларусъ) и четыре полукантона (два Унтервальдена и два Аппенцеля) сохранили до сихъ поръ.

Въ большихъ кантонахъ, какъ, напр., Бернскомъ, вмѣсто одного «мірского схода» собиралось нѣсколько окружныхъ собраній, и вопросы рѣшались по ихъ большинству, но въ этихъ кантонахъ въ XVI и XVII вѣкѣ раздѣленіе общества на господствующее меньшинство знатныхъ богачей («патриціевъ») и угнетенныхъ бѣдняковъ достигло уже такихъ размѣровъ, что сдѣлалось несовмѣстимымъ съ народоправствомъ, и народное законодательство начало постепенно вытѣсняться.

Вытѣсненіемъ народнаго законодательства «этого жизненнаго элемента швейцарскихъ народностей» Курти *) объясняетъ непрочность и нестройность швейцарскаго союза до 1848 года. Патриціи большихъ кантоновъ, устранивъ у себя народное правленіе и замѣнивъ его олигархіей, стремились подчинить себѣ и населеніе другихъ болѣе демократическихъ кантоновъ; ни о какой истинной федераціи, какъ свободномъ союзѣ взаимопомощи не могло быть при этомъ и рѣчи, такъ какъ она предполагаетъ самоуправленіе каждой изъ союзныхъ частей. Противорѣчіе между олигархіями большихъ кантоновъ и мірскими сходами въ нѣкоторыхъ маленькихъ кантонахъ послужило одной изъ причинъ «швейцарской крестьянской войны» середины XVII вѣка.

Возставшіе противъ «патриціевъ» крестьяне хотѣли возстановить старое народоправство, они стремились къ «союзу вольныхъ общинъ», управляющихся «мірскими сходами». Союзныя дѣла должны были рѣшаться «обще союзнымъ мірскимъ сходомъ». Ихъ союзная грамота начиналась заявленіемъ: «мы хотимъ имѣть и держать первый союзъ, какъ старые швейцарцы кля-

*) Ѳ. Курти. «Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи», изданіе товарищества «Знаніе».

лись нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ», они требовали, чтобы «каждому селенію была предоставлена его старинная свобода и судъ, какъ со древнихъ временъ было въ обычаѣ.»

«Политическій строй, который крестьяне хотѣли дать Швейцаріи,—говоритъ Курти—сходъ, какъ высшая власть въ каждой долинѣ, и общесоюзный сходъ, какъ представительство всей Швейцаріи,—въ гораздо большей степени соотвѣтствовалъ традиціямъ и идеѣ развитія, положительному праву и требованіямъ разума, чѣмъ существовавшій тогда порядокъ.»

«Народъ—говоритъ Гэннэ-Амрикъ—состоялъ тогда не изъ теоретиковъ и идеалистовъ. Онъ отнюдь не имѣлъ яснаго представленія о своихъ естественныхъ правахъ, но онъ чувствовалъ ихъ и долженъ былъ чувствовать, если онъ сравнивалъ свои права и вольности, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь незначительные остатки, съ одной стороны съ прежними порядками, а съ другой — съ политическимъ положеніемъ въ кантонахъ, управлявшихся мірскими сходами, гдѣ каждый пастухъ подавалъ свой голосъ на сходѣ и свободно избиралъ должностныхъ лицъ».

Патриціи дѣйствовали съ «жестокою послѣдовательностью» и іезуитскою изворотливостью; крестьяне, напротивъ, проявляли слишкомъ много довѣрчивости и миролюбія. Возстаніе было усмирено, и «что еще уцѣлѣло отъ старинныхъ правъ, то правительства уничтожали теперь безъ всякой пощады».

Но побѣжденный «народъ» не примирялся съ своею участью: то тамъ, то тутъ вспыхивали возстанія, и почти всюду лозунгомъ были старинныя права, старинная народная воля. Возставали не только крестьяне, за возстановленіе попранныхъ народныхъ правъ все чаще и чаще подымались и угнетенные горожане.

Исторія Женевы XVIII вѣка полна трагическими эпизодами упорной борьбы «простыхъ» горожанъ съ аристократіей за народное право голосовать законы. Среди мучениковъ этой борьбы особенно извѣстны Фатіо, Ле-Метръ и Мишели-дю-Крестэ.

Мишели училъ въ своихъ «максимахъ», что «чѣмъ многочисленнѣе народныя собранія, чѣмъ больше дѣлъ передается на ихъ рѣшеніе, тѣмъ прочнѣе и просвѣщеннѣе реепублика.» «Есть три рода тираній»—пи-

салъ онъ — «тиранія одного человѣка, тиранія немногихъ лицъ и тиранія массы. Незначительнѣе всѣхъ эта послѣдняя, потому что масса не обладаетъ достаточной хитростью для того, чтобы она могла сдѣлать много зла. Лишь въ свободномъ, демократическомъ государствѣ возможно то братство, которое священныя книги христіанскаго ученія вмѣняютъ въ обязанность людямъ.»

Нерѣдко побѣда склонялась на сторону народа, и права гражданъ въ смыслѣ прямого участія въ законодательствѣ расширялись, но тутъ вмѣшивались иностранныя державы, въ особенности Франція, и господствующему классу возвращались его привиллегіи.

Одновременно съ Женевой борьба за народныя права велась и въ Бернѣ, гдѣ особенно извѣстенъ заговоръ Генци въ 1774 году. Генци требовалъ, чтобы городскіе совѣты избирались народомъ и могли вырабатывать лишь проекты законовъ, «право же утвержденія или не утвержденія ихъ должно принадлежать собранію всего народа.» Генци и его товарищи были преданы измѣнниками и умерли на эшафотѣ.

Черезъ 6 лѣтъ послѣ казни Генци и товарищей, народное возстаніе вспыхнуло въ Фрейбургѣ. Дѣло дошло до сраженія, въ которымъ возставшіе были разбиты, а ихъ руководитель Шено убитъ однимъ измѣнникомъ. При извѣстіи о возстаніи, бернскіе патриціи немедленно двинули свое войско на помощь фрейбургскимъ аристократамъ. Вообще, если въ XVIII вѣкѣ въ Швейцаріи не было между кантонами союза свободы, то несомнѣнно былъ союзъ угнетенія. «Патриціевъ» объединялъ «государственный принципъ», въ силу котораго кантоны должны были «помогать другъ другу въ подавленіи возстаній безъ всякаго разслѣдованія дѣла и посредничества, существовавшихъ въ прежнія времена.»

Къ концу XVIII вѣка, когда во Франціи разразилась великая революція, въ большихъ кантонахъ Швейцаріи царилъ, по выраженію Гете, «рой мелкихъ тирановъ». Эти «мелкіе тираны» были достаточно сильны, чтобы подавлять народныя вспышки, но французской революціонной арміи они не могли оказать никакого серьезнаго сопротивленія.

Въ 1798 г. Швейцарія была «завоевана» францу-

зами, но не присоединена къ Франціи, а превращена въ «единую и нераздѣльную республику» Гельвецію. Ея конституція провозглашала «права человѣка» и вводила представительныя учрежденія по французскому образцу. Интеллигенція съ восторгомъ встрѣтила и «права человѣка», и представительныя учрежденія, но народныя массы предпочли-бы возстановленіе «старинныхъ правъ». Швейцарскія «старинныя права» имѣли много общаго съ нѣкоторыми постановленіями французской конституціи 1793 года, но какъ разъ эти постановленія и не вошли въ швейцарскую конституцію 1798 г.

Французская конституція 1793 года предоставляла народу право протеста противъ законовъ, вырабатываемыхъ представительнымъ собраніемъ: разъ въ теченіе 14 дней послѣ обнародованія закона, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ департаментовъ десятая часть «первичныхъ собраній» заявляетъ протестъ, то законъ долженъ быть переданъ на всенародное голосованіе, которое утверждаетъ или отвергаетъ его. Въ категорію «законовъ» входили, между прочимъ, объявленіе войны, бюджетъ, международные договоры.

Сама конституція 1793 г. была утверждена всенароднымъ голосованіемъ. Это было первое прямое всенародное законодательное голосованіе на территоріи цѣлой страны.

Швейцарская конституція 1798 г. не упоминаетъ о правѣ народнаго протеста, и сама она не была утверждена всенароднымъ голосованіемъ. Помимо всего остального она была чуждой народу и потому, что вводила централизмъ, между тѣмъ какъ швейцарцы такъ сказать инстинктивные сторонники мѣстной автономіи, и та демократическая война, которая въ началѣ французской революціи и подъ ея вліяніемъ поднялась въ Швейцаріи, лишь въ «образованномъ обществѣ» пробудила централистическія стремленія, въ народныхъ же массахъ она усилила стремленія центробѣжныя: нѣкоторыя общины, какъ, напр., Саксъ въ Цюрихскомъ кантонѣ, объявили себя самостоятельными республиками.

Во всякомъ случаѣ конституція единой Гельвеціи 1798 г. опиралась не на поддержку народныхъ массъ, а на французскіе штыки.

Конституція 1798 г. была замѣнена сначала конституціей 27 февраля 1802 г., продиктованной Наполеономъ, а затѣмъ конституціей 20 мая 1802 г., выработанной въ собраніи нотаблей. Конституція была передана на голосованіе всѣхъ гражданъ старше 20 лѣтъ. 72.453 голоса высказались за; 92.423 — противъ; тѣмъ не менѣе конституція была признана *принятой*, такъ какъ къ голосовавшимъ за конституцію были «по декрету» присоединены 162.172 голоса гражданъ, воздержавшихся отъ голосованія.

Это было первое примѣненіе во всей Швейцаріи *конституціоннаго или учредительнаго референдума**), который въ настоящее время является основнымъ принципомъ ея политическаго строя, но теперь уже никакой «декретъ» не можетъ распоряжаться голосами гражданъ, воздержавшихся отъ голосованія.

Противъ майской централистической конституціи 1802 г. возстали федералисты и выработали въ Швицѣ свою федералистическую конституцію. Наполеонъ нашелъ для себя выгоднымъ явиться посредникомъ между централистами и федералистами и примирить ихъ конституціей 1803 года, извѣстной подъ названіемъ «посредническаго акта». «Посреднической актъ» установилъ для большихъ кантоновъ представительное правленіе съ избирательнымъ правомъ, ограниченнымъ имущественнымъ цензомъ, но маленькіе горные кантоны сохранили свои мірскіе сходы подъ открытымъ небомъ для выбора должностныхъ лицъ и голосованія законовъ. Въ 1815 году «актъ посредничества» смѣнился союзнымъ договоромъ, по которому всякій кантонъ самостоятельно устанавливаетъ свой политическій строй и соединяется съ другими кантонами сеймомъ не изъ представителей народа, а изъ представителей делегатовъ. Большіе

---

*) Слово *референдумъ* (referendum), означающее въ настоящее время право народа непосредственнымъ всеобщимъ голосованіемъ отвергать законы, какъ основные (конституціонные), такъ и обыкновенные, выработанные и принятые собраніемъ народныхъ представителей, ведетъ свое начало отъ соотвѣтствующаго выраженія, которое употреблялось въ старомъ швейцарскомъ союзномъ собраніи, куда делегаты отъ отдѣльныхъ кантоновъ являлись ad audiendum et referendum, т. е. чтобы выслушать предложенія и затѣмъ дать о нихъ отчетъ (referre) своимъ согражданамъ.

кантоны (Бернъ, Цюрихъ, Базель, Женева, Люцернъ, Фрейбургъ, Золотурнъ и Шафгаузенъ) возстановили у себя олигархическое правленіе патриціевъ, новые кантоны (Сентъ-Галленъ, Ааргау, Тургау, Вадтъ, Тессинъ) сохранили представительныя учрежденія съ цензовымъ избирательнымъ правомъ, Граубюнденъ и Валлисъ остались федераціями общинъ и округовъ съ представительными, но не всенародными собраніями; наконецъ маленькіе горные кантоны попрежнему сохранили свое старинное устройство; только въ этихъ послѣднихъ продолжалъ горѣть огонь народной свободы и народной воли, надъ всей-же остальной Швейцаріей тяготѣлъ режимъ «мелкихъ тирановъ».

Но съ 1829 г. снова начинается періодъ безпрерывныхъ волненій, революцій, гражданскихъ войнъ, періодъ «возрожденія» народныхъ правъ въ большихъ кантонахъ. Идея народнаго самодержавія, неразрывно связанная съ идеей непосредственнаго народнаго законодательства, пролагаетъ себѣ путь къ практическому осуществленію. Въ 1831 г. Сентъ-Галленъ вводитъ у себя народное вѣто (veto), т. е. право народа налагать свое запрещеніе на принятые представительнымъ собраніемъ законы, т. е. другими словами — отвергать ихъ. Вслѣдъ за Сентъ-Галленомъ «народное вѣто» вводятъ у себя Базель-деревня (1832 г.), Валлисъ (1839 г.), Люцернъ (1841 г.). Въ 1845 году Вадтъ идетъ даже далѣе «народнаго вѣто» и вводитъ у себя факультативный референдумъ и народную инициативу. Даже наиболѣе аристократическій изъ всѣхъ кантоновъ, Бернъ принужденъ въ 1846 г. ввести въ свою конституцію факультативный референдумъ. Упорная борьба за «вѣто» велась и въ Цюрихѣ, но окончилась пораженіемъ сторонниковъ «вѣто» въ 1842 г., правда лишь для того, чтобы впослѣдствіи вспыхнуть съ новой силой и въ концѣ концовъ окончиться полной побѣдой народнаго законодательства.

Народныя побѣды въ отдѣльныхъ кантонахъ разрушили швейцарскій союзъ правительствъ, но за то создали союзъ швейцарскаго народа. Послѣ побѣды радикаловъ надъ «обособленнымъ союзомъ» (Sonderbund) въ 1847 г. конституція 1848 г. уничтожаетъ союзъ правительствъ и провозглашаетъ образованіе «народомъ 22 самодержавныхъ кантоновъ швейцарскаго

союза». Конституція заявляетъ, что кантоны самодержавны и пользуются правами, которыми не облечена власть союзная, но она устанавливаетъ принципы, которыми обязательно должны руководиться всѣ кантоны: *ихъ конституціи должны быть признаны народомъ и должны подвергаться пересмотру по требованію абсолютнаго большинства гражданъ*; этими конституціями всѣмъ гражданамъ должно быть обезпечено пользованіе политическими правами при обязательно республиканской формѣ правленія (представительной или чисто демократической), наконецъ въ нихъ не должно заключаться ничего противнаго предписаніямъ конституціи союзной. Союзная конституція была подвергнута всенародному голосованію и была принята въ $15^1/_2$ кантонахъ, а отвергнута въ $6^1/_2$, которые, конечно, подчинились большинству.

Конституція 1848 г. даетъ новый толчекъ къ распространенію народнаго законодательства въ формѣ референдума и народной инціативы. Особенно широкое примѣненіе нашло себѣ народное законодательство и вообще непосредственное народное правленіе въ цюрихскомъ кантонѣ по конституціи 1869 г. Она устанавливаетъ за всѣми правоспособными гражданами право предложенія (инціативы) новыхъ законовъ, а также отмѣны или измѣненія законовъ старыхъ. Такія требованія могутъ быть предъявлены или въ формѣ общаго указанія, или въ формѣ выработаннаго проекта. Если такое требованіе будетъ предъявлено хотя бы однимъ гражданиномъ или учрежденіемъ и встрѣтитъ поддержку со стороны одной трети членовъ кантональнаго собранія, выбираемаго всеобщей подачей голосовъ, то оно должно быть передано на голосованіе народа. Гражданинъ, сдѣлавшій предложеніе, или делегатъ того учрежденія, отъ котораго оно исходитъ, имѣетъ право лично мотивировать или обосновать свое предложеніе въ собраніи кантональнаго совѣта, если его просьба о личномъ обоснованіи будетъ поддержана 25 членами этого собранія. Предложеніе, сдѣланное 5000 правоспособныхъ гражданъ или нѣсколькими общинами, въ которыхъ по крайней мѣрѣ 5000 правоспособныхъ гражданъ высказались въ пользу даннаго предложенія, должны передаваться на народное рѣшеніе, если кантональный

совѣтъ не приметъ самъ предлагаемыхъ мѣръ. Всякое своевременно поданное предложеніе должно быть передано на народное рѣшеніе не позже, какъ во второе изъ слѣдующихъ очередныхъ народныхъ голосованій. Всякое предложеніе или проектъ должны до голосованія представляться кантональному совѣту для его отзыва и заключенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда законопроектъ, представленный народной иниціативой, поступаетъ на голосованіе, кантональный совѣтъ можетъ предложить на рѣшеніе народа кромѣ своего отзыва также измѣненный имъ проектъ.

Конституція устанавливаетъ далѣе обязательное народное голосованіе или референдумъ для всѣхъ законодательныхъ актовъ и важнѣйшихъ постановленій кантональнаго совѣта. Къ этимъ послѣднимъ относятся всѣ единовременные расходы на сумму свыше 250.000 франковъ или новые періодическіе расходы на сумму свыше 20.000 франковъ.

Народныя голосованія происходятъ ежегодно 2 раза, весною и осенью. «Участіе въ голосованіи есть долгъ всякаго гражданина». Голосованія производятся въ общинахъ посредствомъ урнъ. Вопросы рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ утвердительныхъ и отрицательныхъ голосовъ.

Почти одновременно съ Цюрихомъ обязательное голосованіе всѣхъ законовъ принялъ Бернъ, затѣмъ послѣдовалъ Золотурнъ, Ааргау и т. д. Въ настоящее время только въ одномъ Фрейбургѣ нѣтъ прямого народнаго правленія. въ остальныхъ народное правленіе примѣняется болѣе или менѣе въ широкой формѣ. Въ четырехъ кантонахъ существуютъ народныя законодательныя собранія. въ $6^1/_2$ обязательный референдумъ и иниціатива, въ $4^1/_2$ не обязательный референдумъ и иниціатива, и въ 6 тѣ же учрежденія, но не въ полномъ объемѣ.

Если союзная конституція 1848 г., являясь слѣдствіемъ «возрожденія» отдѣльныхъ кантоновъ, послужила въ свою очередь толчкомъ къ ускоренію ихъ демократической эволюціи, то опять таки эта ускоренная демократическая эволюція не могла остаться безъ воздѣйствія на конституцію союза. Чѣмъ крѣпче становился союзъ, чѣмъ больше значенія для каждаго отдѣльнаго гражданина пріобрѣтало союзное законо-

дательство, тѣмъ настоятельнѣе чувствовалась потребность усилить демократизмъ союзной конституціи введеніемъ въ нее прямого народнаго законодательства. При пересмотрѣ союзной конституціи въ 1872 г. въ нее, дѣйствительно, были внесены статьи о референдумѣ и народной иниціативѣ для союзныхъ законовъ, но въ то же время была значительно усилена зависимость отдѣльныхъ кантоновъ отъ союза; эта централистическая тенденція вызвала противъ проекта конституціи 1872 года сильную оппозицію, особенно въ старыхъ кантонахъ, и народное голосованіе отвергло его 291.072 голосами против 255.609 голосовъ

Послѣ ослабленія централистическихъ пунктовъ и измѣненія нѣкоторыхъ другихъ статей проектъ новой конституціи былъ въ 1874 г. снова подвергнутъ всенародному голосованію и на этотъ разъ принятъ 340.199 гражданами противъ 198.013 гражданъ и $14^1/_2$ кантоновъ противъ $7^1/_2$.

Ст. 89 этой конституціи устанавливаетъ для союзнаго законодательства необязательный *референдумъ*.

«Для принятія союзныхъ законовъ и союзныхъ постановленій необходимо согласіе обоихъ совѣтовъ. Союзные законы, а также общеобязательныя союзныя постановленія, которыя не могутъ быть признаны неотложными, должны, сверхъ того, предлагаются народу для принятія или отверженія, если этого потребуютъ 30.000 правоспособныхъ швейцарскихъ гражданъ и восемь кантоновъ».

Права народной иниціативы въ конституціи 1874 года не было, но оно было внесено въ нее народнымъ голосованіемъ 5 іюля 1891 г.

Съ этихъ поръ 50.000 правоспособныхъ гражданъ могутъ требовать всенароднаго голосованія всѣхъ предлагаемыхъ ими частичныхъ измѣненій или дополненій союзной конституціи. Такъ какъ не опредѣлена разница между обыкновенными законами и конституціонными дополненіями, то на практикѣ союзной народной иниціативой пользуются для предложенія всѣхъ вообще законовъ, иногда очень незначительныхъ. Такъ, наприм., въ 1893 г. правомъ народной иниціативы при пересмотрѣ конституціи 50.000 гражданъ воспользовалась для проведенія запрещенія «убоя скота безъ предварительнаго его оглушенія».

Это «запрещеніе» фигурируетъ теперь въ швейцарской союзной конституціи.

Несомнѣнно, что народное законодательство находится въ Швейцаріи еще далеко не въ конечной стадіи своего развитія. Предстоитъ еще распространеніе обязательнаго всенароднаго голосованія на законы всѣхъ кантоновъ и на законы союзные, предстоитъ еще дальнѣйшее развитіе народной иниціативы, но во всякомъ случа для установленія прямого народнаго правленія сдѣлано уже очень много и сдѣлано безповоротно. Мы останавливаемся такъ подробно на развитіи народнаго законодательства въ Швейцаріи, такъ какъ формамъ его, выработаннымъ въ долгой и упорной борьбѣ, несомнѣнно суждено стать международными, т. е. быть принятыми истинно-демократическими общежитіями всѣхъ странъ.

Народная иниціатива и референдумъ стоятъ среди требованій почти всѣхъ соціалистическихъ партій, и Парижскій международный конгрессъ 1900 г., «принимая во вниманіе, что верховная власть принадлежитъ народу и что *прямое народное законодательство* составляетъ принадлежность этой верховной власти, провозгласилъ необходимость обезпечить пользованіе этою верховною властью путемъ сохраненія *народныхъ правъ иниціативы и референдума*».

Прямого народнаго законодательства посредствомъ предложенія и отклоненія законовъ требуетъ и эрфуртская программа нѣмецкой соціалдемократіи. Въ сжатомъ, но чрезвычайно дѣльномъ поясненіи къ этому требованію Бруно Шенланкъ ссылается, между прочимъ, на исторію Швейцаріи, какъ на «поучительный примѣръ побѣднаго шествія» идеи непосредственнаго народнаго законодательства, «этой народной, исторически обусловленной мысли».

«Чѣмъ глубже мысль рабочаго класса — пишетъ Шенланкъ—проникаетъ въ политическія и общественныя условія, чѣмъ съ большею мощью ростетъ классовое сознаніе, тѣмъ яснѣе и сильнѣе покажетъ народное законодательство, что представляютъ изъ себя соціалдемократы и чего они хотятъ. То, чего хотятъ широкіе круги населенія, не можетъ тогда оставаться безъ вниманія, оно будетъ представляться на усмотрѣніе, на принятіе или отклоненіе всѣхъ гражданъ,

народное представительство будетъ стоять подъ постояннымъ контролемъ народа, рабочіе добьются того положенія, какое имъ принадлежитъ въ силу ихъ положенія, числа и политической зрѣлости».

Таково значеніе прямого народнаго законодательства въ формѣ народной иниціативы и референдума по словамъ Шенлака въ программномъ комментаріи, написанномъ по порученію партіи. Но другой германскій соціалдемократъ, имя котораго особенно тѣсно связано съ Эрфуртской программой и которому принадлежитъ поясненіе ея теоретической части, именно Карлъ Каутскій относится къ прямому народному законодательству съ большимъ недоброжелательствомъ и въ своей работѣ о «Парламентаризмѣ», а также въ разборѣ проекта программы партійнаго правленія приводитъ такъ много доводовъ противъ него, что приходится удивляться, почему онъ все же и въ своемъ собственномъ проектѣ, легшемъ въ основу Эрфуртской программы, поставилъ «прямое участіе народа въ законодательствѣ при посредствѣ права предложенія и отклоненія».

Въ доводахъ Каутскаго противъ прямого народнаго законодательства очень интересно и поучительно разобраться, чтобы еще сильнѣе укрѣпиться въ убѣжденіи, что всенародное голосованіе законовъ является однимъ изъ необходимыхъ условій истинно демократическаго общества.

Болѣе чѣмъ скептическое отношеніе Каутскаго къ народному законодательству вытекаетъ изъ его своеобразнаго отношенія къ народу и демократіи.

Онъ признаетъ, что «формально прямое законодательство по сравненію съ представительной системой безспорно прогрессъ въ смыслѣ демократіи». «Но, прибавляетъ онъ, демократія для насъ не самоцѣль, а *лишь* средство къ высшей и болѣе важной цѣли: соціальному переустройству общества. Соціалдемократія по всей своей сущности революціонна; напротивъ формальная демократія лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, въ общемъ же она скорѣе консервативна. Въ такъ называемыхъ свободныхъ штатахъ демократическими называютъ себя большею частью самыя консервативныя партіи. Такъ это въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи, такъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ въ раз-

личныхъ республикахъ Южной Америки. Почти повсюду демократической партіей является партія, представляющая интересы деревни противъ интересовъ промышленнаго населенія. А сельское населеніе по своимъ соціальнымъ тенденціямъ въ своемъ огромномъ большинствѣ реакціонно».

Въ этихъ разсужденіяхъ Каутскій прежде всего объединяетъ двѣ вещи, носящія одно и то же названіе, но по существу совершенно различныя.

Народное законодательство «формально» или «неформально» является «прогрессомъ» демократіи, какъ извѣстнаго политическаго строя, а не какъ партіи, именующей себя демократической. Если какія-нибудь партіи, именующія себя демократическими, на дѣлѣ «консервативны», то это еще ничего не говоритъ противъ демократическаго строя и народнаго законодательства. Не говоритъ противъ демократической строя и то, что онъ для соціалдемократіи не самоцѣль, а «лишь средство къ высшей цѣли». Изъ этого слѣдуетъ, напротивъ, что народное законодательство, будучи прогрессомъ демократіи, усиливаетъ это «средство къ высшей цѣли» и слѣдовательно очень важно для соціалдемократіи.

Впрочемъ, утвержденіе, что демократическій строй—*лишь* средство къ соціальному переустройству, по меньшей мѣрѣ, не точно. Что такое демократія или демократическій строй? Это народное самоуправленіе, это — отсутствіе всѣхъ привиллегій, это равноправное участіе въ дѣлахъ, касающихся всего общежитія.

Эта то политическая форма, которую пролетаріатъ долженъ повсюду установить «на другой день послѣ соціальной революціи», какъ это утверждаетъ тотъ же Каутскій въ своей работѣ, въ заголовкѣ которой стоятъ эти послѣднія слова.

Но, конечно, демократія, чтобы быть дѣйствительной, а не формальной, предполагаетъ соціальный переворотъ, вводящій экономическую равноправность и народное управленіе хозяйственной жизнью. Слѣдовательно можно сказать, что не демократія является «лишь средствомъ» къ соціальному устройству общества, а наоборотъ соціальное переустройство общества является если не средствомъ, то условіемъ для установленія дѣйствительной демократіи.

Можно себѣ представить, что формальная демократія ведетъ къ соціальному переустройству, но не съ демократическими, а съ аристократическими учрежденіями въ духѣ, положимъ, Огюста Конта, т. е. съ учеными и банкирами, какъ общественными владыками, но такой строй не является, конечно, цѣлью соціалдемократіи. «Не точны» утвержденія Каутскаго и относительно «демократическихъ партій» и представляемыхъ ими «интересовъ сельскаго населенія» «Наиболѣе консервативныя партіи», именующія себя демократическими, представляютъ не «интересы» огромнаго большинства сельскаго населенія, а лишь его иллюзіи, предразсудки, непониманіе своихъ интересовъ; дѣйствительные же интересы огромнаго большинства сельскаго населенія представляетъ, какъ доказываетъ тотъ же Каутскій во многихъ своихъ работахъ, единственно истинно-демократическая партія — соціалдемократія. «Не точно» и противопоставленіе «промышленнаго населенія» «сельскому населенію». У того и другого, если брать массу, то ея правильно понятые интересы въ сущности одинаковы. Во всякомъ случаѣ между малоземельными крестьянами и промышленнымъ пролетаріатомъ гораздо болѣе «общаго интереса», чѣмъ между промышленными рабочими и фабрикантами.

Каутскій находитъ возможнымъ говорить о сельскомъ «населеніи», о промышленномъ «населеніи», какъ о чемъ то однородномъ или, по крайней мѣрѣ, объединенномъ общими интересами, но онъ возмущается, когда говорятъ объ общихъ интересахъ *народа*. Вообще «народъ» не даетъ Каутскому покоя, и въ своей статьѣ по поводу «проекта новой партійной программы» онъ на 40 страницахъ 4 раза нападаетъ на «народъ», стараясь его уничтожить.

Недовольный тѣмъ, что проектъ программы, составленный партійнымъ правленіемъ заставляетъ соціалдемократію бороться за «учрежденія, которыя могутъ улучшить положеніе *народа вообще* и рабочаго класса въ особенности», Каутскій замѣчаетъ: «Но со времени паденія абсолютизма, съ тѣхъ поръ, какъ не стоитъ болѣе въ государствѣ на одной сторонѣ дворъ и правительство, на другой все остальное населеніе, понятіе «народъ» потеряло всякое дѣйстви-

тельное значеніе во *внутренней* политикѣ. Оно играетъ еще роль только въ отношеніяхъ государствъ другъ къ другу — въ этомъ смыслѣ народъ носитъ обыкновенно названіе *націи*. Во внутренней политикѣ «народъ» сдѣлался мистическимъ божествомъ, которому всякій политикъ приноситъ жертвы, на которое всякій предъявляетъ претензію, подобно тому, какъ во время реформаціонной борьбы всякій предъявлялъ претензію на исключительное обладаніе «истиннымъ господомъ богомъ», и о которомъ все же никто не можетъ хорошенько сказать, гдѣ оно находится. Эмансипируемся отъ этого миѳа. «Народу вообще» никто не можетъ помочь, потому что онъ состоитъ изъ самыхъ различныхъ классовъ, съ самыми противоположными интересами; я не могу поднять одинъ классъ, чтобы не повредить другому».

И такъ «до паденія абсолютизма» на одной сторонѣ стояли «дворъ и правительство», на другой «народъ», послѣ же паденія абсолютизма «народъ» исчезъ, и явились «разнообразнѣйшіе классы съ самыми противоположными интересами», классы, изъ которыхъ Каутскій («я») не можетъ «ни одного поднять, не повредивъ другому».

Этому представленію хода общественнаго развитія стоитъ только противопоставить представленіе Коммунистическаго Манифеста, чтобы понять, на сколько оно не соціалдемократично и по просту не научно.

«Исторія всего предшествующаго общества—исторія борьбы классовъ». «Въ прежнія эпохи исторіи мы находимъ почти повсюду полное расчлененіе общества на различныя сословія, *многообразную постепенность общественныхъ положеній*». «Современное буржуазное общество, вышедшее изъ гибели общества феодальнаго, не положило конца *классовымъ противоположностямъ*. Оно лишь поставило новые классы, новыя условія угнетенія, новыя формы борьбы на мѣсто старыхъ». «*Наша эпоха*, эпоха буржуазіи отличается однако тѣмъ, что она *упростила классовыя противоложности*. Все общество болѣе и болѣе раздѣляется на *два* большихъ враждебныхъ лагеря, на два большихъ, другъ другу противоположныхъ *класса*: буржуазію и пролетаріатъ».

Что касается спеціально *абсолютной* монархіи, то,

по утвержденію манифеста*), тамъ «противовѣсомъ дворянству» является буржуазія, такъ что уже никакъ нельзя сказать, если слѣдовать манифесту, что «до паденія абсолютизма» на одной сторонѣ стояло только правительство и «дворъ», а на другой «все остальное населеніе» или народъ.

Въ процессѣ общественнаго развитія масса населенія становится не разнороднѣе, какъ думаетъ Каутскій, а однороднѣе, какъ утверждаетъ Коммунистическій Манифестъ. Если «до паденія абсолютизма» народъ не былъ «миѳомъ», то теперь онъ тѣмъ болѣе не «миѳъ».

Съ пролетаризаціей населенія, съ упрощеніемъ классовыхъ противоположностей, «народъ» не исчезаетъ, а можно скорѣе сказать — возраждается. Что такое «народъ»? Это—*все населеніе* независимо отъ дѣленія его на «классы» привиллегированныхъ и не привиллегированныхъ, господствующихъ и угнетенныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ Число господствующихъ, угнетающихъ и богатыхъ относительно все уменьшается, число же неимущихъ и угнетенныхъ все возрастаетъ, такъ что пролетаріатъ въ широкомъ значеніи слова все болѣе и болѣе совпадаетъ съ народомъ.

«Пролетаріатъ — говоритъ Каутскій въ другомъ мѣстѣ разбираемой статьи — не только на равнозначущъ съ народомъ, но во *всѣхъ* государствахъ — за исключеніемъ, можетъ быть, Англіи, онъ не составляетъ даже большинства населенія; въ большинствѣ государствъ онъ составляетъ значительное меньшинство. Правда, онъ быстро ростетъ, но не такъ быстро, какъ иные ожидаютъ». Къ этимъ «инымъ», вѣроятно, принадлежитъ и самъ Каутскій, который черезъ какихъ нибудь 10 лѣтъ въ своихъ «Классовыхъ интересахъ» доказываетъ, что въ Германіи «пролетаріатъ является подавляющимъ» по своему числу, что «онъ охватываетъ двѣ трети населенія, крупные же собственники лишь не много болѣе 1%».

Пролетаріатъ не равнозначущъ съ народомъ, но онъ борется за интересы всего народа.

«Побѣда наша — побѣда ваша», говорили комму-

*) См. стр. 17 нашего перевода, «Библіотека Русскаго Пролетарія» № 20.

нары французскимъ крестьянамъ, и на эту тему у того же Каутскаго въ его различныхъ работахъ можно найти не мало краснорѣчивыхъ страницъ, но побѣда пролетаріата—побѣда не только крестьянъ, но и всей массы «маленькихъ людей», какъ опять таки не разъ указывалъ Каутскій; такимъ образомъ, если принимать существованіе не двухъ или трехъ, а многихъ «разнообразнѣйшихъ класссовъ», какъ это дѣлаетъ въ разбираемой статьѣ Каутскій, то можно сказать, что вмѣстѣ съ «подъемомъ» пролетаріата должны «подняться» и многіе другіе классы». Ничтожному сравнительно числу «привиллегированныхъ» придется, конечно, въ случаѣ побѣды пролетаріата сравняться со всей массою народа, но какъ люди, какъ часть народа, и они или, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣти выиграютъ, а не потеряютъ отъ осуществленія пролетарскаго идеала.

Бебель въ своей книгѣ «Женщина и соціализмъ» съ чувствомъ большого удовлетворенія указываетъ, что уже и въ настоящее время «революціонныя мысли проникаютъ въ самые консервативные круга и приводятъ въ полное замѣшательство ряды нашихъ враговъ. Ремесленники и ученые—говоритъ онъ—земледѣльцы и художники, купцы и чиновники, даже фабриканты и банкиры, однимъ словомъ, люди всѣхъ положеній примыкаютъ къ рабочимъ, составляющимъ массу арміи, которая борется за побѣду и достигнетъ ее. Всѣ поддерживаютъ и дополняютъ другъ друга»*).

Я не думаю, чтобы пролетаріату слѣдовало возлагать какія бы то ни было надежды на поддержку со стороны купцовъ, чиновниковъ, фабрикантовъ и банкировъ, я не думаю, чтобы они могли «дополнить» армію рабочихъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что рабочей арміи предстоитъ освободить потомство купцовъ и чиновниковъ, фабрикантовъ и банкировъ отъ развращающей человѣческую личность буржуазной атмосферы.

Каутскій въ «Классовыхъ интересахъ»**), доказываетъ, что «пролетарскіе классовые интересы сдѣлаютъ пролетаріатъ самымъ рѣшительнымъ и почти единственнымъ борцомъ за общественный прогрессъ» и,

*) См. нашъ переводъ стр. 537 (Библ. Русск. Прол. № 26).
**) Библ. Русск. Прол. № 35.

что «вмѣстѣ съ тѣмъ всякій представитель этого прогресса, происходящій изъ другого класса, стремится, если онъ обладаетъ необходимой смѣлостью и ясностью, примкнуть къ партіи борющагося пролетаріата, соціалдемократіи». Каутскій упрекаетъ въ непониманіи «дѣйствія научнаго познанія, соціальнаго чувства и *демократической послѣдовательности*» тѣхъ, которые «забываютъ, что можно отрицать *солидарность классовъ* и въ то же время признавать *солидарность людей*».

Намъ кажется, что отсутствіемъ демократической послѣдовательности страдаютъ и тѣ, которые не хотятъ понять, что, борясь за свои классовые интересы, пролетаріатъ борется за интересы всего населенія, за интересы народа вообще, что конечною цѣлью пролетарской борьбы должна быть солидарность людей, или что тоже—солидарностью народа.

Это отлично понимаетъ авторъ «Классовыхъ интересовъ», но у автора «Критики проекта партійной программы» иногда какъ будто не хватаетъ «демократической послѣдовательности».

«Господство пролетаріата — говоритъ Каутскій, какъ авторъ критики «проекта партійной программы» равнозначуще съ побѣдой соціализма — *господство народа можетъ означать все, что угодно, при случаѣ и господство ультрамонтанизма (католическаго клерикализма) или антисемитизма; оно можетъ также хорошо означать реакцію, какъ и революцію.*

«Сообразно съ этимъ мы должны опредѣлять свое отношеніе къ демократическимъ формамъ. Если мы хотимъ узнать, какую цѣнность онѣ имѣютъ для соціалистическаго движенія, то мы должны прежде всего изслѣдовать какую онѣ имѣютъ цѣнность для пролетаріата, а не для народа. Всѣ тѣ преувеличенныя надежды, какія соціалистическіе демократы питали къ дѣйствію всеобщаго избирательнаго права, прямого народнаго законодательства и т. д., слѣдуетъ поэтому уменьшить до правильнаго размѣра. Всѣ эти демократическія формы означаютъ вооруженіе не только пролетаріата, но и его противниковъ. Онѣ предоставляютъ ему, правда, возможность отважиться на борьбу въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ до тѣхъ поръ, будучи безоружнымъ, принужденъ былъ молчаливо терпѣть, но

онѣ не даютъ ему еще сами по себѣ преобладанія и побѣды».

Совершенно вѣрно, что сами по себѣ демократическія *формы* еще не даютъ пролетаріату побѣды, совершенно вѣрно также, что не слѣдуетъ возлагать преувеличенныхъ надеждъ на всеобщее избирательное право, въ чемъ сильно повинна нѣмецкая соціалдемократія; но совершенно невѣрно, что «господство народа можетъ означать господство католическаго клерикализма, антисемитизма» и вообще всевозможныхъ гнусностей. Господство клерикализма или антисемитизма является господствомъ не народа, а господствомъ католическаго духовенства или шайки антисемитовъ *надъ* народомъ, и однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ освобожденія отъ этого господства является народная самодѣятельность, участіе народныхъ массъ въ политической жизни, въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся всего общества, именно потому такъ цѣнны *всѣ* демократическія формы. Нѣтъ такихъ демократическихъ учрежденій, которыя, будучи цѣнны длъ народа, были бы вредны или безполезны для пролетаріата. Конечно, эксплуататоры, пользуясь народнымъ невѣжествомъ, могутъ пытаться и пытаются пользоваться демократическими учрежденіями для сохраненія и укрѣпленія своего господства, но это нисколько не понижаетъ цѣнности этихъ учрежденій для пролетаріата; напротивъ, перенося борьбу на демократическую почву, эксплуататоры сами подпиливаютъ тотъ сукъ, на которомъ сидятъ, сами способствуютъ пробужденію сознанія народныхъ массъ, которое въ концѣ концовъ неминуемо должно направиться противъ нихъ. Утвержденію Каутскаго. что цѣнность демократическихъ учрежденій для соціалистическаго движенія опредѣляется ихъ цѣнностью для пролетаріата, а не для народа, мы противопоставляемъ утвержденіе, что демократическія учрежденія тѣмъ особенно цѣнны для пролетаріата, что они цѣнны для народныхъ массъ. Пролетаріатъ въ его чистомъ видѣ мужаетъ и воспитывается борьбою стачечною; онъ для своего пробужденія не нуждается въ борьбѣ избирательной, въ борьбѣ законодательной и т. д., но для крестьянъ, ремесленниковъ, мелкихъ служащихъ и т. д. необходимо дѣятельное участіе въ «политической жизни», чтобы сознать связь своихъ истинныхъ инте-

ресовъ съ интересами пролетаріата, а не съ интересами капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ.

Въ качествѣ демократическаго учрежденія исключительно цѣннаго для пролетаріата Каутскій выставляетъ коалиціонную свободу и противопоставляетъ ее прямому народному законодательству, которымъ могутъ воспользоваться для своихъ выгодъ враги рабочихъ. Коалиціонная свобода, конечно, чрезвычайно важна для пролетаріата, но развѣ ею не пользуются враги его, чтобы укрѣпить свое хищническое господство? Посмотрите, что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Сѣверной Америкѣ! Прочтите хотя бы чрезвычайно интересную статью Симонса (Simons) «О союзахъ предпринимателей въ Соединенныхъ Штатахъ», помѣщенную въ № 51 «Die Neue Zeit» за 1904 годъ. Вы узнаете изъ нея, съ какимъ дьявольскимъ искусствомъ американскіе капиталисты направляютъ противъ рабочихъ коалиціонную свободу, т. е. свободу союзовъ. Они нетолько сами организуются въ союзы, но и организуютъ рабочихъ, подбирая наиболѣе благонадежныхъ съ «буржуазнымъ инстинктомъ» и перемѣшивая ихъ мелкобуржуазными элементами, въ особенности лавочниками.

Эти такъ называемые «союзы гражданъ», возникающіе на основѣ «свободы союзовъ», пользуются «свободой собраній», чтобы устраивать митинги, гдѣ проповѣдуется патріотизмъ, гармонія капитала и труда и пр. Но кромѣ мирной дѣятельности, эти американскіе зубатовцы устраиваютъ во время стачекъ «безпорядки», чтобы потомъ въ качествѣ «общественнаго мнѣнія» требовать осаднаго положенія, военнаго усмиренія и пр. Не будемъ же мы въ виду этого сомнѣваться въ цѣнности для пролетаріата свободы собраній и свободы союзовъ?!

Точно также, если бы всенародное голосованіе отвергло «прогрессивный» законъ или одобрило «реакціонный», можно ли было бы сомнѣваться въ цѣнности для пролетаріата права народа принимать и отвергать законы?

Конечно, нѣтъ! Но Каутскій, сильно сомнѣвающійся въ цѣнности этого права, ссылается при этомъ не на то, что имъ иногда пользовались и пользуются

эксплуататоры для реакціонныхъ цѣлей, а на то, что вообще «народное законодательство проявило себя до сихъ поръ (1891 г.) не какъ *революціонное*, а какъ *консервативное* учрежденіе.»

Обвиненіе очень сильное, и оно требуетъ сильныхъ доказательствъ, безспорныхъ фактовъ изъ практики народнаго законодательства. Посмотримъ, каковы эти сильныя доказательства, каковы эти безспорные факты.

«Швейцарскій фабричный законъ въ мартѣ 1877 году былъ принятъ національнымъ совѣтомъ огромнымъ большинствомъ 90 голосовъ противъ 15. При народномъ голосованіи онъ только лишь прошелъ (gelangte es nur mit knapper Noth zur Annahme). Ближайшимъ пріобрѣтеніемъ прямого народнаго законодательства было допущеніе вновь *смертной казни* къ кантонахъ, послѣ того какъ союзная конституція отмѣнила ее для всей Швейцаріи. 18 мая 1878 года 200.026 швейцарцевъ высказались за смертную казнь и лишь 180.810 противъ».

И это все, и это всѣ факты, приводимые Каутскимъ въ данномъ случаѣ для подкрѣпленія жестокаго приговора противъ народнаго законодательства, оказывающагося гораздо реакціоннѣе народнаго представительства. Эти факты, по мнѣнію Каутскаго столь сильны, что они будто бы безъ посторонней помощи приводятъ къ абсурду утвержденіе Риттингуазена, что «соціалдемократическая республика состоитъ въ отмѣнѣ представительной системы и введеніи прямого народнаго закодательства.»

Зная, какъ часто обманчивъ наружный видъ, мы, прежде чѣмъ признать приводимые Каутскимъ факты — доказательства сильными, подвергнемъ ихъ небольшому медицинскому осмотру.

Фабричный законъ 1877 года былъ принятъ при народномъ голосованіи 181.204 голосами противъ 170.857, т. е. большинствомъ 10.347 голосовъ; это немного, конечно, но вѣдь и статья о смертной казни была измѣнена большинствомъ 19.136 голосовъ, а тамъ это большинство Каутскому кажется, видимо, значительнымъ, потому что онъ говоритъ, что «противъ смертной казни было подано *только* 180.810 голосовъ.»

Но, главное, — прогрессивный фабричный законъ былъ все же народомъ не отвергнутъ, а *принятъ* и

принятъ, не смотря на то, что противъ него велась «напряженная агитація», въ которой, по словамъ Курти*), «даже *многіе рабочіе*, уступая экономическому давленію и не понимая еще значенія государственной нормировки условій труда на фабрикахъ, выступили противъ этого законопроекта.»

Такимъ образомъ слабое большинство, которымъ былъ принятъ этомъ законъ, скорѣе можетъ служить доказательствомъ «консервативности» швейцарскихъ рабочихъ, а не консервативности «народнаго законодательства». Но очень возможно, что нѣкоторые рабочіе голосовали противъ фабричнаго закона 1877 года потому, что онъ казался имъ недостаточно прогрессивнымъ: вѣдь онъ устанавливалъ не восьмичасовой, а одиннадцатичасовой рабочій день.

Здѣсь кстати слѣдуетъ вспомнить, что въ 80-хъ годахъ нѣмецкіе соціалдемократы въ рейхстагѣ голосовали *противъ* законовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ на случай немощности и болѣзни, хотя въ настоящее время Каутскій указываетъ на это «страхованіе», какъ на «подарокъ», который можетъ быть брошенъ на вѣсы въ пользу монархіи по сравненіи съ республикой. Нельзя-же на основаніи этого обвинять соціалдемократію 80-хъ годовъ въ консерватизмѣ?!

Для Курти прекрасно знакомаго съ народнымъ законодательствомъ, не только теоретически, но и практически, народное голосованіе фабричнаго закона 1877 года является доводомъ не противъ непосреднаго участія народа въ законодательствѣ, а въ пользу него.

«Здѣсь, какъ и при референдумѣ о гражданскомъ бракѣ**), снова выяснилось, *какъ трудно поколебать законъ, если онъ утвержденъ народомъ*. Относительно фабричнаго закона дѣлались лишь робкіе попытки этого рода. Хотя онъ на ряду съ другими постановленіями ввелъ одиннадцати-часовой рабочій день,

*) См. статью Курти: «Результаты швейцарскаго референдума». Эта статья появилась сначала въ журналѣ Каутскаго «Die Neue Zeit»; затѣмъ была въ русскомъ переводѣ помѣщена въ I т. «Жизни» за 1899 г. и, наконецъ, напечатана въ приложеніи къ книгѣ Курти «Исторія народнаго законодательства и пр.», изд. «Знанія».

**) Объ этомъ голосованіи будутъ сказано нѣсколько дальше.

встрѣченный сначала сильнымъ противодѣйствіемъ, онъ все таки удержался, оказался цѣлесообразнымъ и теперь требуютъ уже не отмѣны его, а дальнѣйшаго развитія.» Разсѣянію предубѣжденій противъ законодательнаго вмѣшательства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, навѣрное, не мало содѣйствовала борьба въ народныхъ собраніяхъ, предшествовавшая голосованію закона.

И такъ первый изъ приводимыхъ Каутскимъ фактовъ, если и можетъ быть названъ сильнымъ, то не какъ противникъ, а какъ защитникъ народнаго законодательства.

Перейдемъ ко второму факту, къ пресловутому голосованію «смертной казни», которымъ вообще всѣ прогрессивные противники народнаго законодательства, пользуются для посрамленія его прогрессивныхъ защитниковъ.

Каутскій сообщаетъ этотъ «фактъ» такимъ образомъ, что можно подумать, будто народное голосованіе ввело смертную казнь вопреки волѣ союзнаго собранія: «въ Швейцаріи—говоритъ онъ—представительныя собранія многократно показали себя прогрессивнѣе и къ рабочимъ благосклоннѣе, чѣмъ народъ», и далѣе слѣдуетъ проведенное уже нами обвиненіе народнаго законодательства въ консервативности, а непосредственно затѣмъ два факта-доказательства, въ томъ числѣ введеніе смертной казни.

Спросимъ, какъ произошелъ въ дѣйствительности этотъ фактъ, спросимъ опять-таки у безспорнаго авторитета въ вопросѣ швейцарскаго народнаго законодательства, у члена швейцарскаго собранія Курти.

«Одно возмутительное убійство — разсказываетъ Курти на страницахъ журнала Каутскаго — взволновало населеніе и вызвало требованіе возстановленія смертной казни. Въ союзное собраніе стали поступать соотвѣтствующія петиціи. Тогда союзное собраніе, вслѣдствіе *преувеличенныхъ* опасеній, что это движеніе можетъ привести къ народной иниціативѣ относительно измѣненія конституціи, которая представляетъ собою лишь компромиссъ партій, *предложило народу и кантонамъ частный пересмотръ*. Голосованіе вскорѣ показало, что *народъ сохранилъ бы эту гуманную статью конституціи, если бы его*

представители въ парламентъ сами не упали духомъ. большинство, высказавшееся за отмѣну статьи, не достигло даже 20.000 голосовъ. *Предложеніе союзнаго собранія было принято* большинствомъ 200.485 гражданъ и 14 земель противъ 181.588 гражданъ и 8 земель. *Но всетаки это отнюдь не означало возстановленія смертной казни въ кантонахъ:* каждый кантонъ, желавшій ввести у себя смертную казнь, долженъ былъ предварительно измѣнить свою кантональную конституцію, а *это сдѣлали лишь очень немногіе кантоны.* Если принять во вниманіе, что во многихъ другихъ государствахъ смертная казнь существуетъ и не было даже попытокъ ея уничтоженія, то Швейцаріи дѣлаетъ большую честь, что болѣе 180.000 ея гражданъ высказались противъ смертной казни и что впослѣдствіи лишь очень немногіе кантоны возстановили ее. *Во всякомъ случаѣ не на референдумъ падаетъ отвѣтственность за этотъ результатъ голосованія: онъ лишь подтвердилъ рѣшеніе парламента.*»

Для правильной оцѣнки народнаго голосованія относительно смертной казни, какъ довода противъ народнаго законодательства, слѣдуетъ еще принять во вниманіе слѣдующіе краснорѣчивые факты.

Въ проектѣ партійной программы, исходящемъ отъ Каутскаго, не было требованія отмѣны смертной казни, и это требованіе внесено въ Эрфуртскую программу лишь партейтагомъ по настоянію Фольмара.

Въ программѣ соціалдемократіи Англіи, гдѣ смертная казнь примѣняется чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, нѣтъ требованія ея отмѣны.

На съѣздѣ искристовъ предложеніе внести въ программу отмѣну смертной казни было отклонено огромнымъ большинствомъ, и въ этомъ большинствѣ навѣрное находился другъ Каутскаго Плехановъ.

Чего же быть столь строгимъ къ «народу», допустившему незначительнымъ большинствомъ возможность введенія смертной казни въ отдѣльныхъ кантонахъ?!

Помимо всего этого надо еще помнить или вѣрнѣе знать, что если возмущающее Каутскаго народное голосованіе вычеркнуло изъ конституціи отмѣну смертной казни, то оно же внесло въ союзную конституцію

запрещеніе смертной казни за политическія преступленія и полное запрещеніе тѣлесныхъ наказаній.

Измѣнена была только ст. 65 союзной конституціи. Прежній текстъ ея гласилъ: «Смертная казнь отмѣнена. На постановленія военнаго закона, какія окажутся нужнымъ принять въ военное время, эта статья не распространяется.»

Теперь текстъ ея гласитъ такъ: «*За политическія преступленія смертный приговоръ не можетъ быть произнесенъ. Тѣлесныя наказанія воспрещаются.*»

Для нѣкоторыхъ «соціалдемократовъ» плехановскаго толка, надо думать, и теперешній текстъ 65 ст. швейцарской конституціи не пріемлемъ.

Здѣсь очень кстати вспомнить статью одного изъ партійныхъ органовъ нѣмецкой соціалдемократіи «Рейнско-Вестфальской рабочей газеты» (Rheinische Westphalische Arbeiter Zeitung) по поводу убійства анархистомъ Луккени австрійской императрицы Елизаветы.

«Луккени — анархистъ (это теперь установлено) — писалъ въ сентябрѣ 1898 года «почтенный» соціалдемократическій органъ — «и онъ не можетъ считаться невмѣняемымъ; къ причинамъ подобныхъ анархистическихъ гнусныхъ дѣяній принадлежитъ *геростратовская жажда славы, которую нельзя ослабить ни смертью, ни тюрьмой, но, быть можетъ, розгами.* Мы считаемъ по этому, что въ данномъ случаѣ нужно, конечно, обсудить, *не примѣнить-ли здѣсь тѣлесное наказаніе?*»

Правда, правленіе партіи осудило эту иниціативу одного изъ своихъ органовъ, прославъ въ его редакцію заявленіе, гдѣ выясняется партійная точка зрѣнія, по которой «тѣлесное наказаніе загрубляетъ, какъ того, кто его получаетъ, такъ и того, кто его примѣняетъ.» «Въ виду этого — пишетъ «правленіе партіи» — *даже и глубочайшее отвращеніе къ анархистическимъ злодѣяніямъ* не можетъ насъ побудить къ нему» (примѣненію тѣлеснаго наказанія). Заявленіе кончается обычнымъ «соціалдемократическимъ поклономъ.»

Если «правленіе партіи» считаетъ возможнымъ «соціалдемократически раскланиваться» съ людьми, требующими тѣлесныхъ наказаній для политическихъ преступниковъ, если оно считаетъ при этомъ случаѣ

умѣстнымъ выражать «свое глубочайшее отвращеніе къ анархическимъ злодѣяніямъ», а не къ поклоннику розогъ, то главному теоретику этой партіи слѣдовало бы поостеречься нападать на народъ, который запрещаетъ тѣлесныя наказанія и не допускаетъ смертной казни за политическія преступленія.

Таковы «факты», которыми Каутскій пытается скомпрометировать «народное законодательство», таковы «факты», которые должны привести защитниковъ «народнаго законодательства» «къ абсурду». Мы боимся, какъ бы эти факты не привели къ абсурду тѣхъ, кто выставляетъ ихъ противъ «народа».

Посмотримъ теперь, какіе факты имѣются у сторонниковъ народнаго законодательства.

Народнымъ голосованіемъ были приняты двѣ союзныя демократическія конституціи 1848 и 1874 гг., и только онѣ, по словамъ Курти, «пріобрѣли популярность, доставили періоды внутренняго мира, въ теченіе котораго десятилѣтія постояннаго прогресса не смѣнялись реакціями.»

Народнымъ голосованіемъ, несмотря на ожесточенные протесты клерикаловъ, не смотря на энциклику папы Пія IX, былъ принятъ союзный законъ о гражданскомъ бракѣ, который освободилъ вступленіе въ бракъ отъ полицейскихъ и экономическихъ ограниченій и установилъ возможность развода на всей территоріи союза. Законъ былъ принятъ большинствомъ лишь 8000 голосовъ, «но—говоритъ Курти—это именно и показало какую силу и устойчивость можетъ придать законамъ референдумъ. Разъ законъ принятъ, хотя-бы незначительнымъ большинствомъ, поколебать его трудно.»

Народомъ въ 80-хъ годахъ отвергнутъ законъ о выкупѣ швейцарской центральной желѣзной дороги, при чемъ рѣшающимъ доводомъ была «слишкомъ высокая оцѣнка, по которой предстояло уплатить за дорогу при посредствѣ одного биржеваго синдиката»; повліяло на рѣшеніе народа и то, что выкупъ ограничивался одной дорогой и велъ къ выгодѣ одной мѣстности и къ ущербу другихъ.

Въ 1898 г., когда дѣло шло о выкупѣ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ и когда финансовая сторона была урегулирована не подъ диктовку «биржевого синди-

ката», когда точно были выработаны правила будущаго управленія желѣзными дорогами и распредѣленіе доходовъ съ нихъ, народъ огромнымъ большинствомъ 386.634 голосовъ противъ 182.718 одобрилъ этотъ выкупъ.

Въ 1895 году народъ въ видѣ протеста противъ «милитаризма» отвергаетъ 269.751 гол. противъ 195.178 гол. законъ «объ объединеніи военной организаціи», почти безъ преній принятый союзными представительными собраніями.

Наконецъ, осенью 1903 года народъ *отвергаетъ принятый союзнымъ собраніемъ законъ объ ограниченіи свободы слова*, законъ, который грозилъ тюремнымъ заключеніемъ за призывы печатнымъ или устнымъ словомъ къ нарушенію военной дисциплины.

Если мы отъ союзнаго законодательства перейдемъ къ законодательству кантональному, то увидимъ, что меньше всего «прогресса» замѣчается во Фрейбургѣ, гдѣ нѣтъ ни народной иниціативы, ни референдума, больше же всего въ Цюрихѣ, гдѣ широкая иниціатива и *обязательный* референдумъ.

Изъ всѣхъ законовъ, регламентирующихъ женскій трудъ, самымъ прогрессивнымъ, наиболѣе охраняющимъ женщину, Бебель считаетъ законъ, который «народъ кантона Цюрихъ принялъ въ августѣ 1894 г. 45.909 голосами противъ 12.531 гол.» *)

Не всѣ эти факты одинаково убѣдительны, но во всякомъ случаѣ они несравненно убѣдительнѣе, несравненно сильнѣе тѣхъ, которые Каутскій приводитъ противъ народнаго законодательства. Факты, по выраженію Бебеля,—упрямы, и они особенно упрямы, когда защищаютъ народъ и демократическія учрежденія. Эти упрямые факты заставляютъ Курти съ чувствомъ глубокаго убѣжденія утверждать, что референдумъ является культурнымъ средствомъ такой огромной важности, что его трудно и оцѣнить по достоинству; эти же упрямые факты заставляютъ швейцарскихъ соціалдемократовъ требовать народной иниціативы и *обязательнаго* референдума для всѣхъ законовъ, какъ союзныхъ, такъ и кантональныхъ.

---

*) См. «Женщина и Соціализмъ», 246 стр., нашего перевода. (Библ. Русск. Прол., № 26.)

Каутскій борется съ народнымъ законодательствомъ не только скудными фактами, но и обширными разсужденіями или соображеніями.

Его основное положеніе — отрицаніе народа — мы уже разобрали, но у него въ «Парламентаризмѣ» имѣются еще соображенія, такъ сказать, спеціально относящіяся къ прямому народному законодательству въ формѣ народной иниціативы и референдума, хотя и эти спеціальныя отношенія находятся въ тѣсной связи съ его отношеніемъ къ народу.

Первое изъ этихъ спеціальныхъ соображеній противъ прямого народнаго законодательства формулировано самимъ Каутскимъ такъ: «Прямое законодательство лишаетъ большіе горо а ихъ спеціальнаго политическаго вліянія и передаетъ его деревнямъ.»

Этимъ спеціальнымъ политическимъ вліяніемъ большіе города пользуются, по мнѣнію Каутскаго, благодаря «парламентаризму», который не благопріятенъ мелкой буржуазіи и крестьянамъ, не обладающимъ достаточнымъ политическимъ развитіемъ, чтобы выдвигать изъ своей среды депутатовъ и контролировать дѣятельность парламента; парламентаризмъ, напротивъ, особенно благопріятенъ крупнымъ собственникамъ (земельнымъ, промышленнымъ, денежнымъ), интеллигенціи и сознательной части промышленнаго пролетаріата.

Что современный парламентаризмъ благопріятенъ крупнымъ собственникамъ — это совершенно вѣрно: они выѣзжаютъ на голосахъ обманутыхъ ими крестьянъ, ремесленниковъ и т. д., а отчасти и запуганныхъ ими пролетаріевъ; что онъ неблагопріятенъ мелкой буржуазіи и крестьянамъ это тоже вѣрно; но и то, и другое отнюдь, конечно, не говоритъ въ пользу парламентаризма, если, конечно, стоять на пролетарской точкѣ зрѣнія. Можно, пожалуй, согласиться также, что современный парламентаризмъ благопріятствуетъ интеллигенціи, которая, особенно способна къ произнесенію рѣчей, но и это «преимущество» чистаго парламентаризма передъ прямымъ законодательствомъ не можетъ считаться преимуществомъ пролетаріата. Почему же перламентаризмъ выгоднѣе пролетаріату, чѣмъ прямое законодательство? Пролетаріатъ, по утвержденію Каутскаго, «становится однимъ изъ классовъ, откуда рекрутируются парламентскіе дѣятели»,

онъ попадаетъ такимъ образомъ въ привиллегированное положеніе по сравненію съ крестьянами и мелкими буржуа, а привиллегія, если и несправедлива, то всегда выгодна.

Чтобы согласиться или не согласиться съ этимъ, необходимо, увы, изъ области покладистыхъ соображеній спуститься въ область упрямыхъ фактовъ.

81 соціалдемократическихъ депутатовъ, избранныхъ въ германскій рейхстагъ 16 іюня 1903 года, распредѣляются по профессіямъ слѣдующимъ образомъ: одинъ рантье (т. е. живущій на % съ капитала), 21 занятыхъ въ промышленности, 10 въ торговлѣ и 49 занятыхъ «свободными профессіями». Среди «занятыхъ въ промышленности» 5 владѣльцевъ табачныхъ или сигарныхъ фабрикъ, 1 владѣлецъ перчаточной фабрики, 1 владѣлецъ ткацкой фабрики, 4 владѣльца типографій, 2 издателя, 7 хозяевъ-ремесленниковъ, 1 бухгалтеръ *и ни одного настоящаго рабочаго.*

Среди занятыхъ торговлею — 7 трактирщиковъ, 2 табачныхъ лавочника, 1 книготорговецъ. Въ числѣ лицъ «свободныхъ профессій» 3 адвоката, 37 журналистовъ и 9 занимающихъ платныя должности въ партійныхъ и рабочихъ учрежденіяхъ.

И такъ среди представителей соціалдемократической партіи въ рейхстагѣ много «интеллигенціи», не мало «мелкой буржуазіи», и нѣтъ ни одного рабочаго. Нѣтъ ихъ, конечно, и среди представителей другихъ партій. Правда, *многіе* изъ теперешнихъ журналистовъ, табачныхъ фабрикантовъ, трактирщиковъ и т. п. *были когда-то рабочими*, но всѣ они за-долго до выступленія кандидатами въ депутаты рейхстага пробились кверху и добились во всѣхъ отношеніяхъ болѣе независимаго положенія, чѣмъ положеніе фабричнаго рабочаго. Обыкновенный рабочій слишкомъ придавленъ непрерывною работою съ утра до вечера и матерьяльною нуждою; онъ слишкомъ зависитъ отъ своего хозяина, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться парламентскимъ депутатомъ. Это совершенно понятно, но за то утвержденіе Каутскаго, что промышленные пролетаріи находятся въ привиллегированномъ положеніи по отношенію къ проникновенію въ парламентъ, становится мало понятнымъ.

Что касается контроля надъ депутатами, то, разу-

мѣется, промышленный пролетаріатъ контролируетъ своихъ представителей, гораздо больше, чѣмъ крестьяне и мелкіе буржуа контролируютъ своихъ господъ, попадающихъ въ парламентъ съ помощью ихъ голосовъ; но и тутъ не надо увлекаться. Контроль надъ соціалдемократическими депутатами принадлежитъ партейтагамъ. Партейтаги составляются изъ самихъ депутатовъ и изъ делегатовъ, посылаемыхъ мѣстными соціалдемократическими организаціями, но эти организаціи (избирательные ферейны) охватываютъ очень незначительную часть промышленнаго пролетаріата. Всѣхъ соціалдемократическихъ избирателей въ Германіи около 3 милльоновъ, а «организованныхъ товарищей», могущихъ посылать на партейтагъ своихъ делегатовъ не болѣе 300.000 чел. Каутскій указываетъ еще на непосредственный контроль со стороны пролетаріата той столицы, въ которой засѣдаетъ парламентъ. Депутаты будто-бы находятся подъ давленіемъ массы столичнаго населенія и должны до извѣстной степени считаться съ его настроеніемъ и съ его желаніями. Это совершенно вѣрно для тѣхъ случаевъ, когда пролетаріатъ, какъ это бывало въ Бельгіи, Швеціи, Австріи, Италіи устраиваетъ всеобщія стачки и уличныя демонстраціи, когда онъ дополняетъ парламентаризмъ революціонными массовыми дѣйствіями, но онъ не оказываетъ на парламентъ рѣшительно никакого давленія, если ведетъ себя, какъ «слѣдуетъ вести себя» нѣмецкимъ соціалдемократамъ, т. е. «мирно» работаетъ и соблюдаетъ «тишину и порядокъ», какъ бы нагло не издѣвались надъ его судьбою засѣдающіе въ рейхстагѣ господа депутаты. Побоялись развѣ аграріи въ 1902 г. нарушить парламентскій уставъ и согнуть въ бараній рогъ представителей промышленнаго пролетаріата, представителей огромнаго большинства столичнаго населенія, чтобы поскорѣе провести свой ростовщическій тарифъ?!

Именно нѣмецкимъ соціалдемократамъ, не могущимъ или не желающимъ выходить демонстративною толпою на улицы и устраивать политическія стачки, надо особенно усиленно стоять за референдумъ и національную инициативу, которые являются, между прочимъ, средствами законнаго давленія на парламентъ и дѣйствительнаго «контроля» надъ депутатами.

Какъ бы то ни было, но парламентская привиллегія пролетаріата при повѣркѣ ея фактами представляется намъ очень сомнительной; но если бы пролетаріатъ, дѣйствительно, находился по отношенію къ пользованію парламентаризмомъ въ привиллегированномъ положеніи, то эта привиллегированность была бы для него скорѣе вредной, чѣмъ полезной, такъ какъ онъ раздѣлялъ бы ее со своими естественными врагами—крупными собственниками—на счетъ своихъ естественныхъ союзниковъ—крестьянъ.

Безъ содѣйствія малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, безъ ихъ благожелательнаго нейтралитета пролетаріату не перевернуть существующаго строя*), а чтобы крестьяне сдѣлались союзниками пролетаріата для этого ихъ необходимо вывести изъ ихъ теперешняго «застоя», ихъ необходимо пробудить къ «политической жизни», а это лучше всего можетъ сдѣлать референдумъ, т. е. привлеченіе всѣхъ гражданъ къ голосованію законовъ. Вторымъ соображеніемъ за чистый парламентаризмъ и противъ народнаго законодательства Каутскій выставляетъ то, что первый благопріятствуетъ образованію крупныхъ и опредѣленныхъ партій, второе же ведетъ къ ихъ поглощенію народомъ.

«Если бы—говоритъ Каутскій—было возможно замѣнить представительную систему прямымъ законодательствомъ, то это было ихъ (партій) смертью». Неужели большія партіи живутъ представительной системой, а не интересами представляемыхъ ими классовъ, неужели нѣмецкая соціалдемократія существуетъ въ зависимости отъ рейхстага, а не въ зависимости отъ нѣмецкаго пролетаріата?! Мелкія партіи или вѣрнѣе партійныя фракціи могутъ, дѣйствительно, порождаться парламентаризмомъ и убиваться народнымъ законодательствомъ, но никакъ не партіи, опирающіяся на общественные классы. Каутскій увѣряетъ, что народное законодательство «постоянно перебра-

*) На Лильскомъ конгрессѣ нынѣшняго (1904) года марксистскій ортодоксъ Гэдъ даже противъ всеобщей стачки высказался между прочимъ на томъ основаніи, что ея не хотятъ крестьяне, а безъ крестьянъ пролетаріатъ не можетъ измѣнить существующаго строя. Въ отчетѣ «Искры» этотъ «доводъ» Гэда пропущенъ.

сываетъ новые мосты между партіями, которыя идутъ въ различныхъ направленіяхъ».

«Не подлежитъ сомнѣнію, — говоритъ онъ — что едва-ли существуетъ хоть одно практическое требованіе, которое было бы выставляемо исключительно одной какой-нибудь партіей. Даже соціалдемократія съ трудомъ выставляетъ нѣсколько спеціально своихъ собственныхъ требованій. То, что ее отдѣляетъ отъ другихъ партій, это совокупность ея практическихъ требованій и цѣли, къ которымъ эти требованія ведутъ. Законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ не является, напримѣръ, самъ по себѣ требованіемъ революціоннымъ; оно стоитъ въ соціалистической программѣ, какъ средство поднять пролетарскій уровень и дать ему политическую и соціальную зрѣлость и способность, которыя ему необходимы, чтобы онъ могъ взять въ свои руки дѣло своего освобожденія и соціальнаго переустройства. Тотъ же законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ можетъ быть требованіемъ консервативной программы реформистской партіи, которая тѣшится тщетной надеждой, что она уступками будетъ въ состояніи примирить рабочій классъ съ современнымъ соціальнымъ режимомъ».

И такъ практическія требованія соціалдемократіи — вотъ тотъ мостъ, который, по мнѣнію Каутскаго, народное законодательство можетъ перекинуть между партіей пролетаріата и партіями буржуазіи. Неужели соціалдемократіи слѣдуетъ бояться подобнаго «моста»? Онъ былъ бы гибеленъ не для нея, а для буржуазныхъ партій: про него, какъ про извѣстный мостъ Крылова, можно сказать, что онъ

...свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ не одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ —
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».

Если буржуазныя партіи выступаютъ съ соціалдемократическими «практическими требованіями», то они обыкновенно лгутъ, чтобы привлечь на свою сторону избирателей. Въ избирательныхъ рѣчахъ буржуазные кандидаты выступаютъ защитниками инте-

ресовъ широкихъ массъ, но, сдѣлавшись депутатами, въ парламентѣ они проводятъ лишь тѣ практическія мѣры, которыя выгодны привиллегированному меньшинству. Широкимъ народнымъ массамъ, особенно сельскимъ, трудно ихъ контролировать, лжецы спокойно проѣзжаютъ по парламентскому мосту. Иное дѣло съ ростомъ непосредственнаго народнаго законодательства. Возьмемъ приводимый Каутскимъ примѣръ. Соціалдемократы ставятъ на всенародное голосованіе законъ объ ограниченіи рабочаго дня восмью часами. Буржуазнымъ политикамъ приходится тутъ уже безъ виляній высказаться за или противъ закона. Если они посовѣтуютъ «своимъ» избирателямъ голосовать восьмичасовой рабочій день, то этимъ они усилятъ шансы проведенія закона, шансы побѣды соціалдемократіи, шансы побѣды пролетаріата: ограниченіе рабочаго времени подыметъ пролетарскій уровень, вѣдь, и въ томъ случаѣ, если оно будетъ установлено «народными», а не только пролетарскими голосами.

Если же буржуазные политики посовѣтуютъ своимъ избирателямъ голосовать противъ закона, то они вполнѣ опредѣленно и всенародно обнаружатъ свою «сущность» и многихъ изъ «своихъ» избирателей переведутъ въ лагерь соціалдемократовъ.

Каутскій увѣряетъ, что при народныхъ голосованіяхъ неизбѣжны постоянные «компромиссы». Я этого совершенно не вижу. При голосованіи хотя бы того же «восьмичасового рабочаго дня» соціалдемократамъ не пришлось бы прибѣгать рѣшительно ни къ какому компромиссу; между тѣмъ при выборахъ въ рейхстагъ они постоянно дѣлаютъ компромиссы, голосуя при перебалотировкахъ за свободомыслящихъ, представителей торговаго и денежнаго капитала, противъ консерваторовъ, представителей крупной поземельной собственности.

Каутскій, видимо, самъ чувствуетъ, какъ слаба его позиція противъ народной иниціативы и референдума и это чувство какъ будто у него возрастаетъ, чѣмъ больше онъ старается показать преимущества чистаго парламентаризма передъ прямымъ законодательствомъ; по крайней мѣрѣ, въ самомъ концѣ своей книги о «Парламентаризмѣ, народномъ законодательствѣ и соціалдемократіи» онъ признаетъ, что прямое зако-

нодательство, «пожалуй», «до извѣстной степени» даже и до побѣды пролетаріата можетъ быть примѣнимо въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи, въ англійскихъ колоніяхъ, ,,при извѣстныхъ обстоятельствахъ также во Франціи и Бельгіи; — но для европейскаго востока оно принадлежитъ къ программѣ «государства будущаго».“

Почему такъ? А потому, что «въ Германіи, Австріи и даже въ большинствѣ европейскихъ странъ условія, предварительно необходимыя для удачнаго примѣненія прямого законодательства — главнымъ образомъ демократическія конституціи — не осуществимы до торжества пролетаріата».

«Дѣйствительно, — говоритъ Каутскій — буржуазія Европы на востокъ отъ Рейна, сдѣлалась столь слабой и трусливой, что, по всей вѣроятности, режимъ сабли и бюрократіи, не можетъ быть разбитъ до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не будетъ въ состояніи завоевать политической власти, и паденіе абсолютическаго милитаризма поведетъ прямо къ захвату власти пролетаріатомъ».

Это совершенно вѣрно, но это нисколько не говоритъ противъ необходимости и для соціалдемократовъ восточной Европы быть демократически послѣдовательными и стремиться не къ чисто парламентскому режиму, а къ «народному законодательству при содѣйствіи представительныхъ собраній». Если имъ въ своихъ требованіяхъ ограничиваться лишь тѣмъ, что «осуществимо» до пролетарской побѣды, то имъ придется отказаться почти отъ всей своей положительной программы. Въ своей брошюрѣ «Соціальная революція» Каутскій, какъ мы уже указывали, предполагаетъ, что не наканунѣ, а «на другой день послѣ соціальной революціи» «пролетаріатъ смететъ съ лица земли всѣ остатки феодализма и осуществитъ демократическую программу, которую защищала нѣкогда и буржуазія». «Онъ введетъ всеобщее избирательное право при выборахъ во всѣ учрежденія, обезпечитъ полную свободу печати и союзовъ; онъ сдѣлаетъ государство независимымъ отъ церкви, онъ уничтожитъ всѣ наслѣдственныя привиллегіи» и т. д.

Вся соціалдемократическая программа составляется такимъ образомъ на случай «соціальной революціи», и

въ ней «народное законодательство» также умѣстно, какъ «полная свобода печати и союзовъ».

«Намъ — (нѣмцамъ и австрійцамъ) — говоритъ Каутскій — приходится начать великую битву противъ абсолютизма и милитаризма».

Намъ, русскимъ, «битва съ абсолютизмомъ и милитаризмомъ» предстоитъ, конечно, не менѣе «великая»; но и вамъ, и намъ въ эту битву слѣдуетъ идти не съ боязнью народа, а съ довѣріемъ къ нему; и вамъ, и намъ, чтобы побѣдить въ этой великой битвѣ надо поставить на своемъ знамени не самодержавіе парламента, а самодержавіе народа.

Сознательному пролетаріату, идущему «на бой, послѣдній бой», новгородское вѣче должно быть ближе, чѣмъ англійскій парламентъ. Пролетаріатъ долженъ стремиться къ такому строю, при которомъ бы народъ не только во время выборовъ, но всегда, во всякую минуту былъ хозяиномъ своей судьбы.

Только такая народоправческая форма можетъ включить въ себя соціалистическое содержаніе.

Значеніе для пролетаріата народнаго права принимать и отвергать законы, казалось бы, должно быть столь несомнѣнно для каждаго соціал*демократа*, что съ перваго взгляда непонятно, какимъ образомъ такой видный представитель соціалдемократіи какъ Каутскій, могъ такъ старательно «опровергать» это значеніе; но, когда примешь во вниманіе, что Каутскому приходилось бороться со взглядами Риттингаузена, который неосновательно считалъ народное законодательство непримиримымъ съ народнымъ представительствомъ и, совершенно отвергая послѣднее, предлагалъ фантастическую систему всенародныхъ парламентовъ, то стремленіе Каутскаго «перегнуть палку въ другую сторону» становится отчасти понятнымъ.

Во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ слабость своихъ доводовъ и не рѣшился предложить выкинуть «народное законодательство» изъ проэкта партійной программы.

Искристамъ на своемъ невиданномъ съѣздѣ не приходилось бороться со взглядами Риттингаузена, отъ которыхъ Плехановъ еще до съѣзда торжественно отрекся; тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ даже не заикнулся о народномъ законодательствѣ, никто даже изъ

«болота» не предложилъ внести его въ программу «Р. С. Д. Р. П.».

Отсутствіе въ программѣ права народа принимать и отвергать законы и на ряду съ этимъ провозглашеніе народнаго самодержавія невольно выдаетъ якобинско-іезуитскій характеръ ея составителей. Жалѣть объ этомъ нечего, но подчеркнуть это слѣдуетъ. Qu'on sache! Пролетарская программа, какъ намъ кажется, должна требовать народнаго законодательства, но въ то же время не отвергать народнаго представительства.

Законодательная власть принадлежитъ народу, но онъ пользуется ею при содѣйствіи представительныхъ собраній. Исходя изъ союзно-общиннаго устройства общества мы предполагаемъ существованіе представительныхъ собраній общинныхъ, областныхъ и союзныхъ или союзно-областныхъ.

Соотвѣтственно этому законы будутъ общинными, областными и союзными. Для всѣхъ нихъ должна существовать народная иниціатива, т. е. право извѣстнаго числа лицъ вырабатывать законопроектъ независимо отъ народнаго представительства и предлагать его на всеобщее голосованіе общины, области или союза. Право голоса должно быть и при голосованіяхъ законовъ такимъ же широкимъ, такимъ же дѣйствительно всеобщимъ, какъ и при выборахъ.

Представительныя собранія въ свою очередь сами вырабатываютъ законопроекты, которые считаютъ необходимымъ для народнаго блага, но въ общинахъ эти законопроекты получаютъ силу закона только въ томъ случаѣ, если они приняты народнымъ голосованіемъ. Здѣсь, слѣдовательно, устанавливается обязательный референдумъ. Для законовъ, вырабатываемыхъ областными и союзными собраніями можно бы ограничиться референдумомъ факультативнымъ. Законопроекты пріобрѣтали бы силу закона, если въ теченіе извѣстнаго времени не опротестованы извѣстнымъ числомъ гражданъ. Въ случаѣ этого протеста соотвѣтствующія собранія должны передавать ихъ на народное голосованіе, которое принимаетъ или отвергаетъ ихъ.

Нечего бояться, что народу придется при этомъ терять много времени на голосованія.

«*Народу*—справедливо замѣтилъ какъ-то Консиде-

ранъ — *«вовсе не надо много законовъ»*: девять десятыхъ труда затрачиваемаго теперь на законодательную дѣятельность можно будетъ сберечь».

IV.

Прямое народное законодательство, разумѣется, значительно уменьшаетъ опасность возникновенія диктатуры народныхъ уполномоченныхъ или представителей. При современномъ буржуазномъ строѣ огромное большинство «народныхъ представителей» являются слугами капиталистовъ; въ новомъ, пролетарскомъ обществѣ, гдѣ не будетъ «власти денегъ», это зло устраняется, но однимъ только изъятіемъ средствъ производства и обращенія изъ частной собственности не устраняется возможность превращенія общественныхъ уполномоченныхъ въ общественныхъ повелителей. Революція способствуетъ развитію, къ сожалѣнію, не только благородныхъ свойствъ человѣческой природы, она способствуетъ развитію и такихъ опасныхъ для народа свойствъ, какъ *властолюбіе*. И очень возможно, что многіе изъ революціонныхъ вожаковъ, полезные народу въ моментъ соціальной революціи, «на другой день послѣ нея» сдѣлаются для него опасными. Всякая власть — по справедливому замѣчанію Джона Стюарта Милля — развращаетъ человѣка. Властвующаго развращаетъ его господствующее положеніе даже тогда, когда оно опирается на добровольное подчиненіе. Такою властью, вытекающею изъ добровольнаго подчиненія массы, пользовались и пользуются многіе революціонные, многіе пролетарскіе вожаки, и на нихъ въ большей или меньшей степени отражалось и отражается развращающее вліяніе власти.

Извѣстный голландскій соціалдемократъ Ванъ Коль, бывшій предсѣдателемъ Амстердамскаго международнаго соціалистическаго конгресса, въ своей книгѣ «О свободѣ и соціализмѣ»*), направленной противъ анархистовъ, дѣлаетъ нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній относительно соціалдемократическихъ вожаковъ.

---

*) Socialisme en Vrijheid door Rienzi (псевдонимъ Ванъ Коля), переведена на французскій языкъ «Socialisme et liberté» par Rienzi

«Фатальное вліяніе власти на характеръ — говоритъ онъ — проявляется очень часто и по отношенію къ такъ называемымъ вожакамъ. Сколько разъ уже видѣли, какъ самые чистые характеры портились подъ вліяніемъ власти и какъ часто гордость, высокомѣріе, амбиція, нетерпимость приносили огромный вредъ нашему прекрасному движенію. Опасность, несомнѣнно, существуетъ, такъ какъ человѣку врождена потребность властвовать. Съ этой точки зрѣнія суровая критика анархистовъ приноситъ больше добра, чѣмъ зла. Тамъ, гдѣ есть полномочія, нуженъ и контроль, гдѣ есть власть, необходимо позаботиться о предупрежденіи злоупотребленій ею. Совѣтъ умирающаго Анахарзиса Каотца всегда своевременъ: «Франція, излечи себя отъ индивидуумовъ»".

Не надо понимать «власть» слишкомъ узко, она пораждается не только «подчиненіемъ», но и «преклоненіемъ», и тогда она обыкновенно называется «авторитетомъ» или авторитетнымъ положеніемъ. Бебель, напр., пользуется властью въ видѣ авторитета, ему не «подчиняются», передъ нимъ «преклоняются», но ея развращающее вліяніе замѣтно и на немъ. Правда, оно сильно парализуется несомнѣнно очень чистою, прямою, искреннею натурою Бебеля и демократическою организаціею нѣмецкой соціалдемократіи, но все же въ его «партійныхъ» рѣчахъ и заявленіяхъ слышится очень непріятный *властный тонъ*.

И надо порадоваться за партію, и за самого Бебеля, что среди его партійныхъ «товарищей» находятся люди, которые по этому поводу говорятъ ему открыто и гласно рѣзкую демократическую правду.

„ Я спрашиваю васъ — сказалъ на Дрезденскомъ партейтагѣ Фольмаръ, обращаясь ко всѣмъ делегатамъ — я спрашиваю, въ какомъ тонѣ говорилъ Бебель ко всей партіи? «Я не потерплю», «я намылю голову», «я надѣюсь еще заставить своихъ враговъ и друзей провести не одинъ тяжелый часъ», «я имѣю за собою массы», «я еще сведу съ вами счеты». Я, я, я — развѣ это языкъ равнаго къ равнымъ, не скорѣе ли это языкъ диктатора? (Сильный шумъ, оживленное одобреніе, бурные протесты и шиканье). Такъ лордъ протекторъ Кромвель говорилъ долгому парламенту.

(Сильный шумъ). Это слѣдовало наконецъ сказать. (Возгласъ: Давно пора!)».

На томъ же Дрезденскомъ партейтагѣ Бебель въ высшей степени характерно для «авторитетнаго вожака» опровергнулъ «разговоры» о соперничествѣ между нимъ и Фольмаромъ.

«Тогда стали говорить, будто это соперничество двухъ вожаковъ, для двухъ Александровъ нѣтъ мѣста въ партіи и при всѣхъ этихъ разногласіяхъ играетъ роль ревность. Я на это неоднократно отвѣчалъ: для насъ обоихъ и еще для многихъ другихъ вполнѣ достаточно мѣстъ въ партіи. Круга, которые почитаютъ Фольмара, совсѣмъ другіе, чѣмъ тѣ, которые выказываютъ симпатію мнѣ. И, если бы даже это были тѣ же круга, то я сказалъ бы, какъ сказалъ, говорятъ, Гете по отношенію къ Шиллеру и себѣ: Перестаньте спорить, кто изъ насъ двоихъ лучшій или, если хотите, большій, радуйтесь, что вы имѣете насъ обоихъ».

И это тоже не тонъ, которымъ говорятъ равные съ равными. Съ одной стороны «мы», Бебель и Фольмаръ, подобные литературнымъ олимпійцамъ Гете и Шиллеру, съ другой стороны «вы», простые смертные, которыхъ «мы» дѣлаемъ счастливыми однимъ своимъ существованіемъ.

Я нарочно беру Бебеля, чтобы показать, что даже, такая чистая и въ основѣ своей демократическая натура, какъ его, не вполнѣ застраховываетъ все же отъ «развращающаго» вліянія «авторитетнаго положенія». Такія натуры, какъ Бебель, подъ вліяніемъ «почитанія» способны «развратиться» только въ смыслѣ склонности къ диктаторству, но отнюдь не къ демагогіи, а «диктаторы» въ сущности не такъ опасны для пролетаріата, какъ демагоги. Ленинъ правъ, когда говоритъ, что «демагоги худшіе враги рабочаго класса» *), но онъ ошибается, думая, что «демагоги» (въ обычномъ значеніи этого слова) могутъ *искренно* выступать въ качествѣ друзей рабочихъ, онъ ошибается, думая, что демагогомъ можно стать «въ силу одной только политической наивности». Искренніе и наивные люди никогда не бываютъ худшими врагами рабочаго класса, они въ худшемъ случаѣ для него безразличны и, на-

*) Что дѣлать? стр. 93.

примѣръ, назвать типичнаго «рабочедѣльца» Акимова демагогомъ также несправедливо и смѣшно, какъ Плеханова назвать человѣкомъ искреннимъ и наивнымъ. Демагогъ это тотъ, для кого народъ, пролетаріатъ, партія служатъ лишь средствомъ для удовлетворенія своего властолюбія. Онъ притворяется мягкимъ, уступчивымъ, особенно по отношенію къ «наивнымъ и искреннимъ», онъ зорко слѣдитъ за всѣми болѣе сильными и менѣе наивными «товарищами», чтобы въ удобную минуту устранить опаснаго соперника во имя... «демократическаго принципа»; въ зависимости отъ настроенія массы, которую онъ хочетъ подчинить себѣ, онъ то выдвигаетъ впередъ «принципы», то ловко прячетъ ихъ въ карманъ, онъ быстро переходитъ отъ «утвержденія» къ «отрицанію», онъ съ большимъ діалектическимъ искусствомъ «превращается въ свою собственную противоположность»; и все это, чтобы добиться «власти», а добившись...

«Кто чина важнаго *лисой* добился,
Тотъ *волкомъ* станетъ въ немъ».

Во всякомъ случаѣ побѣдоносному пролетаріату придется позаботиться о томъ, чтобы «народные представители» даже при всемъ ихъ желаніи не могли превратиться въ народныхъ властелиновъ. Парижская коммуна, какъ указываетъ Энгельсъ въ предисловіи къ «Гражданской войнѣ»*) тотчасъ увидѣла, что рабочій классъ, разъ онъ не хочетъ тотчасъ послѣ своей побѣды снова превратиться въ классъ угнетенный, долженъ не только устранить всю «старую государственную машину», «весь механизмъ угнетенія», но и «обезопасить себя противъ своихъ собственныхъ служащихъ и уполномоченныхъ» Но какъ?

«Эти служащіе и уполномоченные могли быть въ каждое данное время и всѣ безъ исключенія лишены своего званія». Такая постановка дѣла можетъ съ перваго взгляда показаться очень демократичной, удачной, вообще, что называется, счастливой, и таковой она дѣйствительно кажется Энгельсу и Марксу. Намъ, напротивъ, она не кажется удачной, и мы думаемъ, что Коммуна, если бы она просуществовала

*) Библ. Русскаго Пролетарія, № 27.

достаточно долго, чтобы испытать ее *на практикѣ*, принуждена была бы отъ нея отказаться; мы думаемъ, что «лишеніе во всякое время и всѣхъ безъ исключенія уполномоченныхъ и служащихъ ихъ званія» можетъ быть очень удобно для демагогіи, но врядъ ли удобно для истинной демократіи.

Не поведетъ ли это на практикѣ къ осуществленію демагогическихъ вожделѣній Плеханова и К°, намѣревающихся по своему усмотрѣнію, то предоставлять парламенту засѣдать безъ новыхъ выборовъ до безконечности, то «разгонять» его каждые двѣ недѣли.

Народъ долженъ обезпечить себя отъ диктатуры своихъ уполномоченныхъ, но въ то же время въ своихъ собственныхъ интересахъ онъ долженъ и ихъ обезпечить не только отъ насилій толпы, но и отъ своихъ капризовъ. Убѣжденные, стойкіе, любящіе свои обязанности и свое дѣло люди — а таковыми должны быть народные уполномоченные и служащіе — врядъ ли согласятся брать на себя какія-бы то ни было полномочія, если не будутъ знать, сколько времени они могутъ разсчитывать выполнять ихъ, если не будутъ увѣрены, что ихъ нельзя въ любую минуту по-просту прогнать.

Право избирателей смѣнять народныхъ уполномоченныхъ въ любую минуту гораздо менѣе въ сущности гарантируетъ народъ отъ ихъ господства, чѣмъ *ограниченность* и *кратковременность* вручаемыхъ имъ *полномочій*, *полная гласность всѣхъ ихъ засѣданій*, *всего ихъ дѣлопроизводства*, *независимость отъ нихъ судей*, *уничтоженіе военной службы* и вся совокупность условій демократическаго общежитія.

Ограниченность полномочій вполнѣ достигается введеніемъ народной инициативы и референдума. Что касается *кратковременности*, то «идеаломъ» въ этомъ отношеніи уже давно считается одинъ годъ. Однолѣтняго парламента вмѣсто семилѣтняго требовали, какъ извѣстно, еще чартисты. Это требованіе удержано и программой англійской соціалдемократіи. Нѣмецкая соціалдемократія отступила къ *двумъ годамъ*, и намъ кажется, что въ данномъ случаѣ она поступила правильно. Два года — срокъ достаточно краткій, чтобы депутаты не успѣли «забыться», и въ то же время достаточно долгій, чтобы они успѣли прораб-

тать наиболѣе сложные законопроекты, требующіе иногда обслѣдованій и очень внимательной формулировки: одинъ годъ, какъ показываетъ законодательная практика парламентскихъ странъ, для того не достаточенъ.

Гласность или *публичность* всѣхъ засѣданій и всѣхъ работъ представительныхъ собраній имѣетъ огромное значеніе, какъ въ современномъ, такъ и будущемъ обществѣ. Безъ нея невозможенъ контроль избирателей надъ своими представителями, безъ нея избиратели не будутъ знать, кто изъ ихъ избранниковъ оправдалъ возлагаемыя на него надежды, кто нѣтъ, кого слѣдуетъ вновь выбрать, кого нѣтъ. Для парламентскаго самодержавія гласность также неудобна, какъ для самодержавія монархическаго, и англійскій парламентъ очень упорно боролся противъ гласности своихъ засѣданій и своихъ голосованій. Только съ 1770 г. парламентъ сталъ допускать помѣщеніе въ газетахъ отчетовъ о своихъ засѣданіяхъ, но еще въ 1832 году О'Коннеля обвиняли въ нарушеніи «свободы слова» за то, что онъ сообщилъ въ Ирландіи голосованія депутатовъ.

Лишь въ 1834 году въ залѣ засѣданій была устроена для публики галлерея, но попадать туда для простыхъ смертныхъ и до сихъ поръ очень трудно. Съ 1836 г. палата общинъ стала опубликовывать списки своихъ рѣшеній, т. е. результаты голосованій, но до сихъ поръ въ англійскомъ парламентѣ нѣтъ оффиціальныхъ стенографовъ и онъ не опубликовываетъ отчетовъ о своихъ засѣданіяхъ.

Въ другихъ парламентахъ имѣются оффиціальные стенографы и опубликовываются стенографическіе отчеты или отдѣльно, или въ оффиціальной правительственной газетѣ, но они обыкновенно на столько дороги, что не находятъ широкаго распространенія.

Фактически гласность и публичность парламентскихъ и вообще предоставительныхъ засѣданій находятъ свое выраженіе почти исключительно въ отчетахъ частныхъ газетъ, но такъ какъ газеты эти или «партійныя» или по-просту капиталистическія, т. е. прислуживающія буржуазіи, то ихъ отчеты часто искажаютъ рѣчи депутовъ, особенно представителей пролетаріата.

Чтобы гласность выполняла свое назначеніе, чтобы она дѣйствительно служила средствамъ контроля избирателей надъ представителями, чтобы вообще она соединяла народъ съ его уполномоченными, необходима *даровая доставка всѣмъ избирателямъ оффиціальныхъ стенографическихъ отчетовъ о всѣхъ засѣданіяхъ представительныхъ собраній.*

Въ настоящее время это дѣлается, если не ошибаемся, только въ небольшомъ герцогствѣ Луксембургъ.

Бельгійскій соціалистическій депутатъ Дестрэ предлагаетъ даже вообще замѣнить парламентскія засѣданія *парламентской газетой* *).

«Опубликованіе—говоритъ онъ—все: произнесеніе рѣчей—ничто. Упразднимъ произнесеніе рѣчей. Пусть государство издаетъ большую ежедневную газету, черезъ посредство которой каждый депутатъ будетъ имѣть возможность знакомить общественное мнѣніе со всѣмъ, что у него есть сказать. Если газета окажется слишкомъ разросшейся, пусть опубликовываютъ объективную сводку ея. Пусть эта газета, или по крайней мѣрѣ, ея резюмэ, безплатно раздается всѣмъ избирателямъ. Въ этой газетѣ правительство будетъ давать разъясненія, которыя у него будутъ требовать по поводу его правленія; въ этой газетѣ правительство будетъ отвѣчать на предлагаемые ему запросы; въ этомъ журналѣ будутъ формулировать, дополнять и обсуждать законопроекты. Политическая жизнь будетъ развиваться непосредственно передъ всею націей. То, что казалось нѣкогда невозможнымъ, становится чрезвычайно простымъ, благодаря печати и легкости сообщеній! И какимъ чуднымъ орудіемъ гражданскаго образованія и воспитанія явилась бы оффиціальная газета, приходящая каждое утро къ гражданину, чтобы освѣдомить его объ очередныхъ вопросахъ этого дня, приносящая ему це то или другое изолированное мнѣніе, но обширнѣйшіе дебаты всѣхъ выдающихся умовъ страны, защищающихъ самыя противоположные взгляды!»

Подобный парламентскій органъ былъ бы, конечно, очень полезенъ, но онъ можетъ лишь дополнить, но не замѣнить парламентскія работы въ ко-

*) Jules Destre. La fin du parlamentarisme. Bruxelles, стр. 38-39.

миссіяхъ и общихъ собраніяхъ, какъ не можетъ соціалистическая пресса замѣнить соціалистическихъ съѣздовъ или конгрессовъ. Важно уже само пребываніе вмѣстѣ лицъ, призванныхъ обсудить тѣ или другіе общественные вопросы и мѣропріятія: для устраненія недоразумѣній, для болѣе быстраго соглашенія нерѣдко важно видѣть и слышать другъ друга; тонъ, жестъ. выраженіе лица иногда дѣлаютъ болѣе ясными, болѣе доказательными тѣ или другіе доводы. При детальномъ обсужденіи проектовъ въ комиссіяхъ пренія нерѣдко принимаютъ форму дѣлового разговора, бесѣды, гдѣ одно какое-нибудь указаніе помогаетъ уясненію дѣла больше обширныхъ газетныхъ статей. Съ другой стороны обличенія правительства, большинства и пр. дѣйствуютъ опять таки гораздо сильнѣе, когда обличитель стоитъ лицомъ къ лицу съ обличаемымъ: прусскимъ министрамъ было бы, конечно, пріятнѣе читать обличенія хотя бы того же Бебеля у себѣ въ кабинетѣ, чѣмъ ежиться подъ ихъ ударами въ открытыхъ засѣданіяхъ рейхстага, такъ сказать, «на людяхъ», но непріятность, получаемая министрами, обыкновенно очень полезна народу. Нѣтъ, упразднять живое слово, устную рѣчь при обсужденіи общественныхъ дѣлъ было бы большой ошибкой. Жаль, конечно, что кромѣ самихъ депутатовъ лишь ничтожная часть «народа» можетъ *слушать* парламентскія пренія, но было бы еще болѣе жаль, если бы депутаты не могли устно обмѣниваться мыслями, а принуждены были бы переписываться.

Для избирателей, повторяемъ, безплатная разсылка отчетовъ *парламентскихъ работъ* необходима; мы нарочно говоримъ—работъ, чтобы подчеркнуть необходимость гласности всего дѣлопроизводства, а не только общихъ засѣданій, такъ называемаго plenum'а; необходима гласность и для преній и голосованій въ комиссіяхъ, гдѣ часто тотъ или другой вопросъ уже предрѣшается. Это требованіе тѣмъ болѣе важно, что Амстердамскій соціалистическій конгрессъ, этотъ, по мнѣнію многихъ, «парламентъ международнаго пролетаріата» укрылся отъ гласности въ свои комиссіи, главнымъ облазомъ, въ «комиссію тактики»; въ комиссіяхъ происходили самыя интересныя и важныя пренія и предрѣшались всѣ вопросы, но комиссіи засѣ-

дали при закрытыхъ дверяхъ, черезъ которыя, принимая во вниманіе усердіе приставленныхъ къ нимъ церберовъ, не могли проникнуть не только обыкновенные смертные, но даже и большинство представителей соціалистической печати.

Подача голосовъ въ представительныхъ собраніяхъ должна быть, конечно, *открытая* и по возможности *поименная*; это вытекаетъ изъ парламентской гласности, какъ средства *контроля* надъ депутатами со стороны избирателей.

Свободу слова народнымъ представителямъ въ законодательныхъ собраніяхъ гарантируютъ всѣ конституціи, устанавливая, что за рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ, депутаты преслѣдоваться не могутъ; но на дѣлѣ свобода слова и въ законодательныхъ собраніяхъ такихъ странъ, какъ Германія, значительно ограничивается *властью предсѣдателя*, который при поддержкѣ большинства всегда можетъ «оборвать» оратора и не дать ему высказаться. Въ германскомъ рейхстагѣ предсѣдатель не позволяетъ, напр., критиковать дѣйствія и рѣчи императора и вообще очень часто «призываетъ къ порядку» соціалдемократическихъ ораторовъ, хотя они, надо отдать имъ справедливость, рѣдко выходятъ изъ границъ умѣренности.

Чтобы представительное собраніе не нарушало и не узурпировало народныхъ правъ, необходимо, какъ мы видѣли, точно опредѣлить и ограничить его полномочія; въ самомъ же представительномъ собраніи особенно важно точно опредѣлить и ограничить власть предсѣдателя во имя правъ меньшинства и отдѣльныхъ представителей. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій полезности для общества представительныхъ собраній является то, чтобы каждый отдѣльный представитель имѣлъ возможность высказать и обосновать свое мнѣніе и чтобы при всѣхъ парламентскихъ работахъ (подготовкѣ проектовъ, преніяхъ, голосованіяхъ, выборахъ должностныхъ лицъ и т. д.) *строго соблюдались опредѣленныя правила*, составляющія конституцію или *уставъ даннаго представительнаго собранія*.

Уставы большинства современныхъ парламентовъ даютъ возможность болѣе или менѣе значительному меньшинству бороться съ большинствомъ, задерживая

принятіе того или другого законопроекта; они требуютъ, чтобы законопроекты проходили «три чтенія», т. е. три раза обсуждались и три раза голосовались, они даютъ право извѣстному числу депутатовъ (одной десятой части общаго числа и даже меньше) требовать поименнаго голосованія каждой статьи, они устанавливаютъ minimum депутатовъ, присутствіе которыхъ необходимо для того, чтобы собраніе могло принимать рѣшенія, они предоставляютъ право каждому говорить «къ порядку дѣлопроизводства» и т. д. Пользованіе этими правилами для затягиванія преній и голосованій получило названіе *обструкціи*, которая играла большую роль въ парламентахъ англійскомъ, австрійскомъ, итальянскомъ, германскомъ и нерѣдко заставляла большинство идти на уступки, особенно, если оно чувствовало, что за меньшинствомъ стоитъ въ данномъ случаѣ большинство націи.

При существованіи народной иниціативы и референдума обструкція теряетъ почти всякое значеніе, но при ихъ отсутствіи она можетъ помѣшать большинству парламента провести тотъ или другой законъ вопреки волѣ большинства націи. Само собой разумѣется, что обструкція все же очень слабый, ненадежный суррогатъ референдума. Въ серьезныхъ случаяхъ большинство обыкновенно рѣшается измѣнить парламентскій уставъ, выкинуть изъ него формальности, которыми пользуются обструкціонисты, и тѣмъ приходится или подчиняться, какъ это дѣлаютъ законники нѣмцы, или прибѣгать къ обструкціи насильственной, т. е. производить въ залѣ засѣданія безпорядокъ, шумѣть, пѣть, свистать, бить стекла и пр., какъ дѣлаютъ итальянцы, австрійцы и венгерцы.

Мы видимъ такимъ образомъ, что необходимо еще и самый «уставъ» представительныхъ собраній оградить отъ произвола большинства; это можетъ быть достигнуто внесеніемъ его въ основные законы или конституцію страны, при чемъ само представительство не должно имѣть права измѣнить основныхъ законовъ, т. е. долженъ существовать, по крайней мѣрѣ, конституціонный референдумъ.

Огражденіе парламентскаго устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меньшинства отъ произвола большинства важно и помимо «обструкціи», поэтому даже и при

ществованіи народной иниціативы и референдума надо спеціально позаботиться о томъ, чтобы парламентскій уставъ ни въ коимъ случаѣ не былъ внутреннимъ дѣломъ представительнаго собранія, т. е., чтобы не отъ него зависѣли правила и формы преній, голосованій и всего вообще парламентскаго дѣлопроизводства.

При современномъ строѣ кромѣ всѣхъ этихъ гарантій противъ произвола парламентскаго большинства очень большое значеніе имѣетъ охрана народныхъ представителей отъ произвола государственной власти; эта охрана почти во всѣхъ конституціяхъ находитъ себѣ выраженіе въ требованіи согласія парламента на судебное преслѣдованіе его членовъ за какія бы то нибыло проступки и преступленія. Въ будущемъ обществѣ, гдѣ судъ будетъ выборнымъ и гдѣ государственной власти въ современномъ смыслѣ совершенно не будетъ, спеціальная неприкосновенность личности депутата покрывается «неприкосновенностью личности» вообще.

Мы должны упомянуть еще о *вознагражденіи народнымъ представителямъ*. Многіе этому «требованію» придаютъ исключительно большое значеніе. Искристы, не упоминающіе въ своей программѣ ни о народномъ законодательствѣ, ни о пропорціональномъ представительствѣ, ни о неприкосновенности народномъ представителей, безъ колебаній и вполнѣ единодушно выставляютъ въ ней требованіе «жалованья народнымъ представителямъ».

Нѣмецкіе соціалдемократы довольствуются требованіемъ «вознагражденія», подразумѣвая подъ этимъ «суточныя» или, выражаясь парламентскимъ языкомъ «діэты», т. е. плату за тѣ дни, которые депутатъ посвящаетъ парламентской работѣ. Такой способъ оплаты парламентской работы примѣняется почти во всѣхъ парламентахъ, гдѣ вообще существуетъ вознагражденіе. Противъ требованія вознагражденія при буржуазномъ строѣ возражать не приходится, но врядъ-ли слѣдуетъ вводить для народныхъ представителей чиновничье 20-ое число, такъ какъ обыкновенно около полугода они совершенно свободны отъ парламентскихъ занятій. Не надо также преувеличивать значеніе «вознагражденія». Отсутствіе его врядъ-ли помѣшало хоть одному представителю пролетаріата проникнуть въ германскій рейхстагъ.

Соціалдемократическіе депутаты получаютъ вознагражденіе изъ партійной кассы, и Бебель какъ-то сказалъ въ рейхстагѣ, что отсутствіе діэтъ соціалдемократамъ не страшно, и они могли бы изъ своихъ партійныхъ средствъ вознаграждать всѣхъ депутатовъ рейхстага. Въ Англіи при полученіи депутатскаго мѣста въ палатѣ общинъ денежный вопросъ играетъ очень большую роль, но не потому или во всякомъ не столько потому, что тамъ не существуетъ вознагражденія членамъ парламента, а потому, что тамъ страшно дорого стоятъ кандидату самые выборы.

Англійскіе избирательные обычаи требуютъ отъ кандидата, чтобы онъ заботился о правильномъ занесеніи избирателей въ избирательные списки, а, главное, чтобы онъ ихъ *канвассировалъ*, т. е. располагалъ въ свою пользу. Канвассированье заключается въ разсылкѣ всѣмъ избирателямъ даннаго округа циркуляровъ и манифестовъ, въ визитахъ къ нимъ самого кандидата или его агентовъ и т. д. Все это стоитъ большихъ денегъ. Выборы 1895 года обошлись кандидатамъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 9.585.310 рублей. Въ 1880 г. Гладстонъ истратилъ на выборы въ своемъ округѣ 26.930 руб., и каждый полученный имъ голосъ обошелся ему въ среднемъ въ 17 руб.*)

Англійскіе соціалдемократы требуютъ запрещенія канвассированья, но этимъ врядъ ли можно помочь горю. Ему можно помочь лишь просвѣщеніемъ народныхъ массъ.

Разъ трудящаяся масса сознаетъ свои интересы, тогда не страшно никакое «канвассированье» кандидатовъ капиталистическихъ партій. Избирательное конвассированье капиталистовъ можетъ быть разбито лишь постояннымъ канвассированіемъ сознательныхъ пролетаріевъ, т. е. постоянной пролетарской пропагандой и агитаціей.

Въ будущемъ обществѣ съ уничтоженіемъ «власти денегъ» исчезнетъ и сила денежнаго канвассированія. Что касается до вознагражденія народныхъ представителей, то при окончательномъ установленіи пролетарскаго строя вообще не будетъ «вознагражденій» —

---

*) См. статью Сатурина въ сборникѣ «Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и С.-Амер. Соед. Штатахъ.»

а будетъ равномѣрное удовлетвореніе потребностей. Пока «вознагражденіе» существуетъ, оно съ пролетарской точки зрѣнія должно быть одинаково для всѣхъ видовъ труда, и размѣръ вознагражденія депутата не долженъ превышать средняго заработка фабрично-заводскаго рабочаго.

И Марксъ, и Энгельсъ съ особеннымъ сочувствіемъ указываютъ на то, что въ парижской революціонной коммунѣ всѣ общественныя должности, начиная съ членовъ самой коммуны до послѣдняго чиновника оплачивались заработною платою. «Присвоенные высшимъ сановникамъ привиллегіи и оклады исчезли вмѣстѣ съ этими сановниками.» Энгельсъ считаетъ сведеніе высокихъ окладовъ къ скромной заработной платѣ однимъ изъ «непреодолимыхъ средствъ» «противъ превращенія государственныхъ органовъ изъ слугъ общества въ его повелителей».

«Высшій окладъ при коммунѣ — говоритъ онъ—не превышалъ 6000 фр. Такимъ образомъ карьеризму и погонѣ за мѣстами былъ положенъ конецъ, даже безъ помощи наказовъ, которые получали представители народа отъ своихъ избирателей и которые въ сущности были излишни».

Прекрасно, но все же коммуна въ этомъ отношеніи остановилась на полдорогѣ. У ней были высшіе и низшіе оклады, и высота вознагражденія въ узкихъ, правда, границахъ 6000 фр. опредѣлялась «высотою должности», а не высотою потребности даннаго лица, т. е. главнымъ образомъ, его семейнымъ положеніемъ (числомъ малолѣтнихъ дѣтей). Хорошо, если молодой здоровый человѣкъ получалъ 600 фр., а пожилой, болѣзненный отецъ многочисленнаго семейства получалъ 6000 фр. Съ этимъ можно бы помириться, но на дѣлѣ, навѣрное, были случаи и какъ разъ обратные.

Пролетарско-трудоваго принципа, по которому вознагражденіе опредѣляется не «высотою», «отвѣтственностью» и т. д. занимаемаго «мѣста», а объективно установленной потребностью, не придерживаются, къ сожалѣнію, и современныя соціалистическія партіи.

Въ соціалистическихъ политическихъ и экономическихъ организаціяхъ, въ соціалистическихъ редакціяхъ, типографіяхъ и пр. служащіе и работающіе обы-

кновенно оплачиваются по принципу буржуазному; т. е. вознагражденіе обыкновенно обратно пропорціонально тяжести вознаграждаемаго труда.

Въ связи съ этимъ выпросомъ, требующимъ, какъ намъ кажется, серьезнаго вниманія, стоитъ и вопросъ о «фабрикантахъ, банкирахъ» и вообще богатыхъ людяхъ, вступающихъ въ пролетарскія партіи. Ихъ вступленію можно радоваться только въ томъ случаѣ, если они *сразу* отдаютъ на нужды партіи свое состояніе, оставляя себѣ только самое необходимое, другими словами оставляя себѣ лишь столько средствъ, сколько необходимо для скромной жизни ихъ самихъ и ихъ семей; мѣриломъ скромности должна быть жизнь хорошо поставленнаго фабрично-заводскаго рабочаго.

Было бы уже очень хорошо, если бы соціалистическіе капиталисты оставили себѣ тысячъ по сто франковъ, а остальное отдали своимъ партіямъ; мы увѣрены, что средства партій тогда-бы значительно поднялись, но, главное, усилилась бы связь между выходцами изъ буржуазнаго класса, выходцами, которые, быть можетъ, слишкомъ быстро становятся вожаками, и пролетарскою массою, въ рядахъ которыхъ они хотятъ бороться за осуществленіе идеала свободы и справедливости. Конечно, было-бы самымъ лучшимъ, если бы капиталисты, становясь соціалистами, пролетаризировались до конца, отдавая все свое состояніе въ распоряженіе борющагося пролетаріата и тѣмъ самымъ подвергая себя всей тяжести пролетарскаго существованія, но самого лучшаго никогда нельзя требовать, его можно только желать.

Буржуазныя газеты и вообще представители буржуазныхъ партій очень любятъ указывать на противорѣчіе между пролетарскими идеалами и крупными состояніями носителей этихъ идеаловъ; они дѣлаютъ это изъ самыхъ гнусныхъ, конечно, соображеній, и не имъ говорить вообще о какихъ-то ни было противорѣчіяхъ, но съ другой такъ отдѣлываться отъ этихъ непріятныхъ указаній, какъ отдѣлывается «Vorwärts», по нашему мнѣнію, никакъ нельзя. Соціалдемократія, по его словамъ, стоитъ совсѣмъ не за бѣдность, она стоитъ за повышеніе потребностей, и поэтому не можетъ ничего имѣть противъ вступленія въ ея ряды милльонеровъ.

Это не болѣе, какъ софизмъ, который не хочется даже опровергать. Дѣло совсѣмъ не въ проповѣди «бѣдности» или борьбѣ съ «повышеніемъ потребностей». Дѣло въ томъ, можетъ ли быть правдивымъ, искреннимъ борцомъ за пролетарское дѣло человѣкъ, владѣющій милльономъ и не отдающій его на нужды этого дѣла?

Мы отвѣчаемъ: нѣтъ, не можетъ быть. Соціалдемократъ знаетъ, что деньги, обращенныя на соціалистическую организацію, пропаганду, агитацію и т. д., ускоряютъ наступленіе соціальнаго переворота и, потому не отдавая партіи своего «милльона», онъ сознательно остается равнодушнымъ къ успѣху того дѣла, за которое онъ на словахъ хочетъ бороться.

Хуже всего, если «товарищъ», оставляя капиталъ въ своемъ распоряженіи, по немногу и по своему желанію «помогаетъ» партіи; это имѣетъ несомнѣнно деморализирующее вліяніе, какъ на самого товарища-капиталиста, такъ и на многихъ товарищей-пролетаріевъ, занимающихъ партійныя должности.

Все это лишь небольшая частица того огромнаго вреда, которое приноситъ пролетарскому движенію вторгающаяся въ него *буржуазность*. Однимъ изъ хорошихъ противодѣйствій противъ нея было бы болѣе конкретное представленіе пролетарскаго строя, въ особенности тѣхъ его сторонъ, которыя всѣмъ безъ исключенія обезпечиваютъ совершенно одинаковыя условія для развитія своей человѣческой личности; но объ этомъ намъ придется еще поговорить подробнѣе по другому поводу.

V.

Буржуазная теорія государственнаго устройства требуетъ, какъ извѣстно, «*раздѣленія властей*»: законодательной, исполнительной и судебной; въ этомъ «раздѣленіи» хотѣли видѣть народную гарантію отъ злоупотребленій государственной власти вообще. Во Франціи во время великой революціи, въ Сѣв. Амер. Соед. Шт. и во многихъ другихъ странахъ при выработкѣ конституціи буржуазные политики старались

придерживаться этой теоріи, но на дѣлѣ никакого раздѣленія не получалось, и всѣ власти сливались въ единое орудіе угнетенія и эксплуатаціи народныхъ массъ. Пролетаріямъ, замѣняющимъ государственную власть народнымъ самоуправленіемъ, не приходится, конечно, проводить въ жизнь теорію раздѣленія властей, но и пролетарскій строй предполагаетъ выдѣленіе изъ общей народной массы должностныхъ лицъ, уполномоченныхъ, представителей (названіе не важно), которые, сохраняя тѣсную связь съ этою массою, содѣйствуютъ ей въ выполненіи общественныхъ функцій законодательныхъ, исполнительныхъ и судебныхъ. Раздѣлять въ пролетарскомъ обществѣ функціи законодательныя отъ исполнительныхъ нѣтъ основаній. Этого раздѣленія не знала Парижская Коммуна 1871 г., его нѣтъ и во многихъ современныхъ мѣстныхъ самоуправленіяхъ. Члены представительныхъ собраній могутъ на ряду съ дѣятельностью по выработкѣ законопроектовъ брать на себя завѣдываніе тѣми или другими отраслями управленія, распредѣляя ихъ по взаимному соглашенію и въ зависимости отъ спеціальныхъ способностей и знаній каждаго. Но на ряду съ этими «завѣдующими» изъ среды общихъ представительныхъ собраній — (общинныхъ, областныхъ, союзныхъ) будутъ, навѣрное, спеціальные завѣдующіе, выбираемые для какой-нибудь опредѣленной отрасли общественнаго управленія, напр., для народнаго образованія.

Примѣры такихъ органовъ самоуправленія, выбранныхъ для завѣдыванія спеціально однимъ какимъ-нибудь общественнымъ дѣломъ можно встрѣтить и въ настоящее время. Особенно поучителенъ примѣръ англійскихъ «школьныхъ комитетовъ» (School Boards), введенныхъ въ Англіи закономъ Ферстера въ 1870 г. «Школьные комитеты» выбирались всѣмъ населеніемъ каждаго округа; правомъ голоса и правомъ быть выбранной пользовались и женщины, многія изъ которыхъ сдѣлались очень дѣятельными, очень цѣнными членами комитетовъ. Школьные комитеты уполномачивались строить новыя школы, завѣдывать ими и слѣдить за выполненіемъ закона объ обязательномъ обученіи. Комитеты проявили кипучую дѣятельность не только въ созданіи и прекрасной постановкѣ новыхъ школъ для дѣтей, но и въ устройствѣ вечернихъ классовъ для взрослыхъ. Прос-

вѣтительная работа школьныхъ комитетовъ — одна изъ свѣтлыхъ страницъ современной исторіи Англіи, но, подымая духовный уровень народа, эта дѣятельность была опасна для господства буржуазіи, и въ 1902 г. «школьнымъ комитетамъ» былъ нанесенъ смертельный ударъ извѣстнымъ «образовательнымъ билемъ» (Education Bill), который прошелъ въ парламентѣ большинствомъ 286 голосовъ противъ 134; но противъ него наиболѣе прогрессивная часть англійскаго народа продолжаетъ вести упорную борьбу, прибѣгая даже къ стачкѣ плательщиковъ налоговъ, правда, въ очень незначительныхъ размѣрахъ.

Учрежденія, подобныя этимъ «школьнымъ комитетамъ» и въ пролетарскомъ обществѣ будутъ имѣть большое и благотворное значеніе.

Мы даже думаемъ, что въ процессѣ общественнаго развитія, который послѣ побѣды пролетаріата, разумѣется, не остановится, а двинется ускореннымъ темпомъ, выборныя коллегіальныя учрежденія для соціальныхъ общественныхъ задачъ будутъ постепенно уменьшать кругъ дѣятельности общихъ представительныхъ собраній и, въ концѣ концовъ, можетъ быть сдѣлаютъ ихъ совсѣмъ излишними.

Во время Парижской Коммуны, по словамъ Энгельса, «*всѣ должности* учительскія, судебныя, административныя *замѣщались путемъ выбора*, при чемъ голосовали *всѣ тѣ, которые были заинтересованы въ исполненіи данной функціи*».

Какъ общее правило такой способъ врядъ-ли можно назвать цѣлесообразнымъ. Интересы дѣла потребуютъ въ пролетарскомъ обществѣ, вѣроятно, не одного способа замѣщенія всѣхъ должностей, а нѣсколькихъ.

Кромѣ *выборовъ* при замѣщеніи должностей пролетарское общество найдетъ, можетъ быть, необходимымъ прибѣгнуть къ «*дежурству*» или поочередности и назначенію со стороны лицъ, отвѣтственныхъ за правильный ходъ дѣла.

При выборахъ должностныхъ лицъ въ большинствѣ случаевъ должны имѣть право голосовать всѣ члены данной общины или, если дѣло идетъ о должности областной или союзной, то всѣ жители данной области или союза; въ выборахъ, наприм., завѣдующаго школой, судьи и пр. несомнѣнно заинтересованы

всѣ, а не какая-нибудь отдѣльная группа; но возможны и такіе случаи, когда къ голосованію будетъ привлекаться только одна какая нибудь группа гражданъ, спеціально заинтересованная въ исполненіи данной функціи; такъ, напр., выборъ завѣдывающаго той или другой общиной мастерской можетъ быть предоставленъ исключительно работающимъ въ этой мастерской.

«Дежурство» или «поочередность» могутъ оказаться умѣстными при исполненіи обязанностей по наблюденію за порядкомъ и чистотой на улицахъ, назначенія со стороны завѣдующихъ цѣлесообразны при подборѣ преподавательскаго персонала.

«Бюрократизмъ» отъ примѣненія этихъ способовъ замѣщенія не можетъ развиться, если будутъ соблюдаться необходимыя пролетарско-демократическія условія, во-первыхъ: одинаковое вознагражденіе или, вѣрнѣе, одинаковое удовлетвореніе потребностей для всѣхъ должностныхъ лицъ отъ «высшихъ» до «низшихъ» и при томъ такое же, какъ и для обыкновенныхъ работниковъ; во вторыхъ, обязательная выборность на короткій срокъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ назначеніе тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ; и въ третьихъ, отсутствіе всякихъ отличій, чиновъ, орденовъ, наградъ.

Остановимся нѣсколько на послѣднемъ условіи, такъ какъ многіе современные соціалдемократы сильно заражены мѣщанскою страстью къ титуламъ и отличіямъ и могутъ, пожалуй, занести эту заразу въ будущее пролетарско-демократическое общество. Казалось бы не только для соціалдемократа, но и просто для демократа не должно существовать никакихъ сословныхъ различій, между тѣмъ нѣкоторые нѣмецкіе соціалдемократы парадируютъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, ставя передъ своей фамиліей частицу von, о которой такъ мечтаетъ каждый нѣмецкій мѣщанинъ. Непомѣрное значеніе имѣетъ и титулъ «доктора», хотя добиться званія «доктора философіи» или «доктора юриспруденціи» въ Германіи можно съ *очень легкимъ* научнымъ багажемъ,

Въ соціалдемократической печати встрѣчались не разъ указанія, что «товарищъ» съ титуломъ доктора имѣетъ больше шансовъ попасть въ число соціалде-

мократическихъ кандидатовъ въ рейхтагъ, чѣмъ товарищъ безъ всякаго титула.

Орденовъ у нѣмецкихъ соціалдемократическихъ вожаковъ, кажется, нѣтъ, и они не могли получить къ нимъ ни склонности, ни «вкусу»; но среди французскихъ соціалистовъ есть «ситуаэны», которые не прочь пощеголять въ орденахъ.

Достаточно указать, что на одномъ изъ конгрессовъ французскихъ соціалистовъ нѣкоторые делегаты находили необходимымъ для успѣха соціализма выхлопатывать у правительства ордена для вліятельныхъ избирателей тѣхъ округовъ, которые посылаютъ въ палату соціалистическихъ депутатовъ.

Въ Сѣв. Ам. Соед. Штатахъ своихъ настоящихъ орденовъ нѣтъ, но страсть къ орденамъ иностраннымъ и ко всевозможнымъ отличіямъ, титуламъ и «значкамъ» достигаетъ прямо болѣзненныхъ размѣровъ.

Въ виду всего этого очень не мѣшаетъ, чтобы въ соціалистической программѣ опредѣленно требовалась: «*Отмѣна сословныхъ различій, отмѣна чиновъ и титуловъ, отмѣна орденовъ*».

VI.

При замѣщеніи судебныхъ должностей «назначеніе» со стороны законодательныхъ или административныхъ органовъ должно совершенно отпасть, какъ несовмѣстимое съ самостоятельнымъ положеніемъ суда, которому въ пролетарскомъ обществѣ еще болѣе, чѣмъ въ обществѣ буржуазномъ, придется разрѣшать столкновенія гражданъ съ органами управленія и самихъ этихъ органовъ между собою. Остаются выборы и поочередное исполненіе судебныхъ функцій.

Въ современномъ обществѣ выборность судей — явленіе рѣдкое, но принципъ поочередности находитъ себѣ, правда, очень несовершенное примѣненіе въ «судѣ присяжныхъ». Судъ присяжныхъ обыкновенно болѣе человѣченъ, менѣе черствъ, менѣе впадаетъ въ жестокій формализмъ, лучше умѣетъ индивидуализировать преступленія, т. е. замѣчать особенности каждаго изъ нихъ, вообще онъ болѣе «справедливъ», чѣмъ

«судъ коронный», судъ назначенныхъ правительствомъ профессіональныхъ юристовъ, но и судъ присяжныхъ въ современномъ обществѣ является, несомнѣнно, судомъ классовымъ, для котораго охрана интересовъ господствующаго класса въ концѣ концовъ важнѣе «справедливости» и «человѣчности». Классовой характеръ суда присяжныхъ объясняется между прочимъ тѣмъ, что буржуазія старательно исключаетъ изъ круга лицъ, призываемыхъ къ выполненію обязанностей присяжныхъ, всѣхъ настоящихъ пролетаріевъ. Кромѣ того судебныя функціи «присяжныхъ» повсюду очень связаны тѣмъ, что предварительное слѣдствіе, руководство судебными засѣданіями и, наконецъ, назначеніе наказанія во всякомъ случаѣ находятся въ рукахъ судей правительственныхъ. Наконецъ, — и это главное, — все уголовное законодательство, опредѣляющее, какіе поступки считать преступленіями, и вся система наказаній, проникнуты духомъ буржуазнымъ, враждебнымъ духу пролетарскому: справедливость буржуазная съ точки зрѣнія пролетарской является часто несправедливостью, и наоборотъ справедливость пролетарская должна казаться буржуазіи величайшей несправедливостью.

Но съ устраненіемъ всѣхъ этихъ буржуазныхъ элементовъ и условій форма суда присяжныхъ будетъ, вѣроятно, принята и пролетарскимъ обществомъ. Къ выполненію судебныхъ функцій будутъ призываться всѣ граждане въ извѣстной очереди; «судъ» будетъ, конечно, состоять не изъ одного судьи, а изъ цѣлой коллегіи судей или народныхъ засѣдателей, которые будутъ рѣшать вопросъ о виновности, о наказаніи и т. д. по большинству голосовъ. Обвиняемому, какъ и теперь, будетъ предоставляться «отводить» народныхъ засѣдателей, въ безпристрастіи которыхъ онъ имѣетъ право сомнѣваться. Производство предварительнаго слѣдствія, руководство судебными засѣданіями и назначеніе наказанія въ случаѣ признанія даннаго лица виновнымъ, вообще функціи «коронныхъ судей» перейдутъ къ выборнымъ судьямъ, или же и эти всѣ функціи будутъ выполняться тѣми же очередными народными засѣдателями, соотвѣтствующими нынѣшнимъ присяжнымъ. Названіе «присяжные» засѣдатели сохранить будетъ нельзя, такъ какъ проле-

таріатъ несомнѣнно *уничтожитъ* лицемѣрную гнусность — *присягу во всѣхъ ея формахъ*. На ряду съ очередными судьями, которыхъ мы по аналогіи съ присяжными, называемъ народными засѣдателями, или вмѣсто нихъ будутъ существовать судьи выборные. Для дѣлъ, рѣшеніе которыхъ въ болѣе или менѣе одинаковой степени важно для всѣхъ членовъ даннаго общежитія судьи будутъ выбираться всѣми гражданами; для дѣлъ же, носящихъ болѣе частный характеръ, самымъ цѣлесообразнымъ надо признать *третейскій судъ*. Третейскій судъ по мѣрѣ исчезновенія «преступленій», будетъ вытѣснять другія формы суда. Одной изъ задачъ пролетарскаго общественнаго воспитанія является уничтоженіе «преступленія» и «наказанія», но недоразумѣнія, требующія третейскаго суда врядъ-ли когда-нибудь исчезнутъ и въ пролетарскомъ обществѣ.

Точно устанавливать форму суда въ современной пролетарской программѣ нѣтъ надобности; ее установитъ практика; въ началѣ же будетъ разнообразная комбинація; однѣ общины остановятся исключительно на выборныхъ судьяхъ; другія исключительно на народныхъ засѣдателяхъ; третьи соединятъ выборность съ поочередностью; четвертыя попытаются обойтись, быть можетъ, обязательнымъ третейскимъ судомъ и т. д.

Въ программѣ достаточно указать, что пролетаріатъ признаетъ судей или выбранныхъ всѣми, или выбранныхъ заинтересованными сторонами, или, наконецъ, очередныхъ при участіи въ выполненіи судебныхъ функцій всѣхъ гражданъ, т. е. всѣхъ взрослыхъ мужчинъ и *женщинъ*.

Назначеніе и *несмѣняемость* судей пролетаріатъ отвергаетъ, какъ это видно и на примѣрѣ Парижской Коммуны.

«Судьи—говоритъ Марксъ въ «Гражданской войнѣ» —были лишены той мнимой независимости, которая служила только маской подчиненности ихъ всѣмъ послѣдовательно смѣнявшимся правительствамъ; каждому изъ этихъ правительствъ они приносили въ свое время присягу на вѣрность. Подобно другимъ общественнымъ служащимъ, они сдѣланы были выборными и смѣняемыми»,

Смѣняемость мы понимаемъ въ смыслѣ выборно-

сти на короткій срокъ, но не въ смыслѣ отнятія судебныхъ функцій въ любую минуту.

Въ связи съ организаціей суда стоитъ и **неприкосновенность личности**.

«Неприкосновенность личности» многимъ *кажется* чѣмъ то «само собой понятнымъ». «Искристы», напр., какъ гласитъ протоколъ ихъ невиданнаго съѣзда, приняли требованіе «неприкосновенности личности и жилища» «*безъ преній* единогласно». Но, если бы ихъ попросить разъяснить, что они подразумѣваютъ подъ этою «неприкосновенностью», то они, вѣроятно, стали бы путать и въ концѣ концовъ попали бы въ тупикъ, одинъ только развѣ Плехановъ, по «находчивости» стоящій несомнѣнно головой выше всѣхъ своихъ сослуживцевъ*), не задумываясь, отвѣтилъ бы: «Неприкосновенность личности означаетъ то, что мы не повѣсимъ того, кого не можемъ или не хотимъ повѣсить». Такъ понималъ «неприкосновенность личности» и «образецъ» Плеханова Робеспьеръ. Но, если отрѣшиться отъ пониманія Плеханова и Робеспьера, то понятіе «неприкосновенность личности» можетъ быть, болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое «понятіе» соціалдемократической программы, требуетъ поясненія, требуетъ «раскрытія».

«Неприкосновенность личности»—это тотъ пунктъ, на которомъ *сходятся и въ то же время расходятся анархисты и соціалдемократы*.

Тѣ и другіе требуютъ «неприкосновенность личности», но понимаютъ неприкосновенность различно! Для анархистовъ она совпадаетъ съ абсолютной независимостью личности отъ коллективной общественной воли, какъ бы эта воля не проявлялась: прямымъ ли народнымъ законодательствомъ, всеобщими ли выборами народныхъ уполномоченныхъ. Они не признаютъ ни законовъ, ни судовъ, они не признаютъ за народомъ или обществомъ права ограничивать свободу

*) Читателямъ, слѣдящимъ не достаточно внимательно за «Искрой», не лишне указать, что терминъ «сослуживцы» для искристовъ введенъ самимъ Плехановымъ. Мы находимъ этотъ терминъ очень удачнымъ. Ихъ взаимныя отношенія очень напоминаютъ взаимныя отношенія департаментскихъ сослуживцевъ, «подкапывающихся» другъ подъ друга. «Товарищами» они теперь могутъ называть себя только иронически.

отдѣльнаго лица поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится, они, другими словами, не признаютъ за обществомъ права издавать какія-бы то ни было обязательныя для всѣхъ членовъ постановленія.

Соціалдемократы признаютъ это общественное право, они признаютъ и законы, и суды; они считаютъ необходимымъ извѣстное принужденіе со стороны коллективной воли общества по отношенію къ волѣ отдѣльнаго члена его для огражденія болѣе слабыхъ «личностей» отъ насилія болѣе сильныхъ. Соціалдемократы понимаютъ, что практически приходится имѣть дѣло не съ «личностью», а съ личностями или лицами, изъ которыхъ одни нарушаютъ «неприкосновенность» другихъ. Во имя огражденія слабыхъ отъ сильныхъ они ограничиваютъ волю отдѣльныхъ лицъ коллективною волею всего общества, они признаютъ абсолютную неприкосновенность личности въ смыслѣ охраны одного лица отъ насилія другого, но они отвергаютъ абсолютную неприкосновенность личности въ смыслѣ устраненія всякаго общественнаго принужденія по отношенію къ отдѣльной личности.

«Неприкосновенность личности» со стороны общества сводится для соціалдемократовъ къ ряду гарантій противъ *произвола* и *ошибокъ* какъ всего народа, такъ и должностныхъ лицъ или что то же къ обезпеченію неприкосновенности отдѣльныхъ лицъ, на сколько они не нарушаютъ установленныхъ общественныхъ законовъ. Пролетарская соціалдемократія имѣетъ при этомъ въ виду законы общества пролетарскаго, общества соціальнаго (политическаго и экономическаго) равенства. Въ современномъ буржуазномъ обществѣ «законность» является *по премуществу* орудіемъ угнетенія неимущихъ и охраны привиллегій имущихъ; съ буржуазною «законностью» пролетаріату приходится бороться; но эта борьба, подрывая почву подъ законностью буржуазной, подготовляетъ въ то же время законность пролетарскую: одни законы пролетаріатъ уничтожаетъ, постоянно нарушая ихъ, другіе создаетъ, принуждая буржуазію ограничивать рабочее время, запрещать работу малолѣтнихъ и т. д.

Уже изъ сказаннаго видно, что различіе между анархической и соціалдемократической «неприкосновенностью личности» очень существенно, въ немъ

коренится вообще различіе между воззрѣніями анархическими и соціалдемократическими.

Чтобы сознательно стать на соціалдемократическую или пролетарскую точку зрѣнія, необходимо познакомиться съ обоснованіемъ анархистической точки зрѣнія; это тѣмъ болѣе необходимо, что анализъ анархическихъ доводовъ можетъ предостеречь отъ увлеченія не только анархизмомъ, но и законностью *современнаго* строя.

Философомъ анархизма справедливо считается Максъ Штирнеръ (Каспаръ Шмидтъ), который въ своей замѣчательной книгѣ «Индивидумъ и его собственность» («Der Einzige und sein Eigenthum») съ необычайною силою выдвинулъ самоопредѣленіе личности противъ порабощенія ея «священнымъ», къ которому онъ свелъ церковь, государство, отечество, законность, партійность и т. д.

Для насъ въ данномъ случаѣ особенно важно отношеніе Штирнера къ «преступленію» и «наказанію».

«Лучшимъ государствомъ—говоритъ онъ*)—будетъ очевидно то, которое имѣетъ наиболѣе лояльныхъ гражданъ, и чѣмъ болѣе теряется преданность къ *законности*, тѣмъ сильнѣе теряетъ въ силѣ и достоинствѣ государство, эта система нравственности, эта сама нравственная жизнь. Вмѣстѣ съ «хорошими гражданами» пропадаетъ и хорошее государство, разлагаясь въ анархію и беззаконіе. «Уваженіе передъ закономъ!» Этимъ цементомъ сдерживается государственная цѣльность. «Законъ—*священенъ*, и кто оскверняетъ его тотъ *преступникъ*». Безъ преступленія нѣтъ государства: нравственный міръ,—а онъ и есть государство — полонъ мошенниками, обманщиками, лжецами, ворами и т. д. Такъ какъ государство есть «господство закона», его іерархія, то эгоизмъ во всѣхъ случаяхъ, когда *его* выгода противорѣчитъ выгодѣ государства, можетъ найти себѣ удовлетвореніе лишь путемъ преступленія.

«Государство не можетъ отказаться отъ притязанія, что его *законы* и распоряженія *священны*. При этомъ индивидуумъ считается по отношенію къ госу-

*) M. Stirner: «Die Einzige und sein Eigenthum» Verlag von Reclam Leipzig, стр. 277 и слѣд.

дарству такимъ же *нечестивымъ* (варваромъ, первобытнымъ человѣкомъ, «эгоистомъ»), какимъ нѣкогда считала его церковь; передъ индивидуумомъ государство окружаетъ себя сіяніемъ святости. Такъ, напр., оно издаетъ законъ противъ дуэли. Два человѣка, оба согласны въ томъ, что они хотятъ поставить на карту свою жизнь за какое нибудь дѣло (все равно какое), не должны этого смѣть, такъ какъ этого не хочетъ государство. Гдѣ же тогда свобода самоопредѣленія? Совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда какъ, напр., въ Сѣверной Америкѣ, общество заставляетъ дерущихся на дуэли нести извѣстныя непріятныя *послѣдствія* своего поступка, напр., оно лишаетъ ихъ кредита, которыми они до сихъ поръ пользовались. Отказывать въ кредитѣ, это дѣло каждаго и, если общество на томъ или другомъ основаніи хочетъ лишить его, то пострадавшій не можетъ жаловаться на нарушеніе своей свободы: общество осуществляетъ только свою собственную свободу.

Это не наказаніе грѣха, это не наказаніе за *преступленіе*. Дуэль тамъ не преступленіе, а только дѣяніе, противъ котораго общество принимаетъ соотвѣтствующія мѣры, устанавливаетъ *оборону*. Государство, напротивъ, заклеймляетъ дуэль, какъ преступленіе, т. е. какъ нарушеніе своего священнаго закона: оно дѣлаетъ ее *уголовнымъ случаемъ*. Въ то время, какъ это общество предоставляетъ рѣшенію личности, желаетъ ли она навлекать на себя непріятныя послѣдствія и неудобства своимъ образомъ дѣйствій и признаетъ этимъ ея свободное рѣшеніе, государство поступаетъ какъ разъ наоборотъ, отрицая всякое право за рѣшеніемъ личности, но за то все право признавая за своимъ рѣшеніемъ, за государственнымъ закономъ, такъ что кто поступаетъ противъ заповѣди государства, тотъ считается поступающимъ противъ заповѣди Божьей; этого же взгляда придерживается и церковь. Богъ здѣсь священенъ самъ по себѣ, и заповѣди церкви, какъ и государства является заповѣдями этого священнаго, и онъ дастъ ихъ міру черезъ своихъ помазанниковъ и государей Божьей милостью. У церкви были *смертные грѣхи*, у государства имѣются *заслуживающія смерти преступленія*, у ней были *ереси*, у него есть *государственные преступ*

ники, тамъ *церковныя наказанія*, здѣсь *уголовныя наказанія*, тамъ *инквизиціонные* процессы, здѣсь *фискальные*, однимъ словомъ тамъ грѣхъ, здѣсь преступленіе, тамъ грѣшники, здѣсь преступники, тамъ инквизиція и здѣсь—инквизиція. Не падетъ ли святость государства подобно тому, какъ пала святость церкви? Священный ужасъ передъ его законами, преклоненіе передъ его высочествомъ, униженіе его «подданныхъ» — останется ли все это? не сотрется ли этотъ «ликъ святыхъ»?

Какая глупость требовать отъ государственной власти, чтобы она вступала съ личностью въ частный бой и, какъ выражаются по поводу свободы печати, распредѣляла бы равномѣрно солнце и вѣтеръ. Если государство должно быть при этомъ рѣшающей силой, то оно по необходимости будетъ силой, высшей по отношенію къ личности. Государство — «священно» и не должно быть допущено, чтобы отдѣльныя лица производили на него «дерзкія покушенія». Разъ государство *священно*, то должна существовать цензура. Политическіе либералы признаютъ первое и оспариваютъ слѣдствіе. Во всякомъ случаѣ они признаютъ за государствомъ право репрессивныхъ мѣръ, такъ какъ они стоятъ на томъ, что государство — нѣчто *большее*, чѣмъ личность и выполняетъ справедливое мщеніе, называемое наказаніемъ.

Наказаніе имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если оно должно служить искупленіемъ за оскорбленіе *священнаго*. Если кому-нибудь что-нибудь священно, то онъ, конечно, заслуживаетъ наказанія, когда нападаетъ на него. Человѣкъ, который предоставляетъ какой-нибудь человѣческой жизни продолжаться, такъ какъ она ему священна и который чувствуетъ *боязнь* покуситься на нее, такой человѣкъ — *религіозенъ*.

Вейтлингъ возлагаетъ отвѣтственность за преступленія на «общественный порядокъ» и живетъ ожиданіемъ, что при коммунистическихъ учрежденіяхъ преступленія сдѣлаются невозможными, такъ какъ отпадутъ искушенія для нихъ, напр. деньги. Такъ какъ между тѣмъ и его организованное общество подымается на высоту священнаго и неприкосновеннаго, то его добросердечное мнѣніе таитъ въ себѣ ошибку. Не будетъ недостатка въ такихъ, которые, объявляя себя

приверженцами коммунистическаго общества, станутъ подъ шумокъ содѣйствовать его разрушенію. Но и безъ того Вейтлингъ долженъ держаться за «цѣлительныя средства противъ естественнаго остатка человѣческихъ болѣзней и слабостей», а «цѣлительныя средства» всегда возвѣщаютъ уже, что личности считаются «призванными» къ опредѣленному «благу», слѣдовательно съ ними и будутъ обращаться въ зависимости отъ этого «человѣческаго призванія».

Цѣлительное средство или *врачеваніе* лишь обратная сторона *наказанія*, *теорія исцѣленія* идетъ паралельно съ *теоріей наказанія;* если первая видитъ въ извѣстномъ поступкѣ прегрѣшеніе противъ права, то вторая считаетъ его прегрѣшеніемъ человѣка *противъ себя*, отступленіемъ отъ его здоровья. Вѣрнымъ же является то, чтобы я смотрѣлъ на свой поступокъ какъ на *правильный* или *неправильный*, какъ дружественный или враждебный по отношенію *ко мнѣ*, т. е. чтобы я къ нему относился, какъ къ своей *собственности*, которую я оберегаю или разрушаю.

«Преступленіе» или «болѣзнь» — и то, и другое не *эгоистическій* взглядъ на вещь, т. е. сужденіе, исходящее *не отъ меня*, а отъ *другого*, о томъ, нарушаетъ ли она право, всеобщее или *здоровье* отчасти личности (больного), отчасти всеобщаго (общества). «Преступленіе» лечится съ безпощадностью, «болѣзнь» съ «любвеобильной мягкостью», «состраданіемъ» и т. п.

За преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе. Исчезаетъ священное и падаетъ преступленіе, въ своемъ паденіи оно должно увлечь и наказаніе; ибо и оно имѣетъ значеніе только по отношенію къ священному. Отмѣнили церковныя наказанія. Почему? Потому что, какъ каждый ведетъ себя по отношенію къ «святому Богу», это собственное дѣло каждаго. Но какъ пало это одно наказаніе, *наказаніе церковное*, такъ должны пасть всѣ *наказанія*. Какъ грѣхъ противъ такъ называемаго Бога — собственная вещь человѣка, такъ и грѣхъ противъ всякаго рода такъ называемой святыни (священнаго). По нашимъ уголовно-правовымъ теоріямъ, съ улучшеніемъ которыхъ «соотвѣтственно духу» времени напрасно только мучатся, людей хотятъ *наказывать* за ту или другую «безчеловѣчность» и дѣлаютъ нелѣпость этихъ теорій особенно

ясной, вѣшая мелкихъ воровъ и предоставляя крупнымъ ворамъ спокойно разгуливать. За нарушеніе собственности имѣется каторга, а за «насиліе надъ мыслью», за угнетеніе «естественныхъ правъ человѣка» только—представленія и просьбы.

Уголовный кодексъ держится лишь «священнымъ» и самъ собою исчезнетъ, если уничтожить наказаніе. Повсюду хотятъ въ настоящее время создать новое уложеніе о наказаніяхъ, не сомнѣваясь въ необходимости самого наказанія. Какъ разъ наказаніе должно уступить мѣсто удовлетворенію, которое опять таки можетъ имѣть въ виду удовлетворять не право или справедливость, а *насъ*. Если кто-нибудь дѣлаетъ намъ то, чего мы *не хотимъ допустить по отношенію къ себѣ*, то мы сламываемъ его насиліе и осуществляемъ свое: мы удовлетворяемъ *себя* на немъ и не впадаемъ въ глупость желать удовлетворять право (призракъ). Не *священное* должно обороняться противъ человѣка, но человѣкъ противъ человѣка, точно также какъ уже и *Богъ* не обороняется болѣе противъ человѣка, Богъ, которому прежде, отчасти, впрочемъ, еще и теперь, всѣ «божьи слуги» предлагали свои услуги, чтобы наказать нечестивца, какъ еще и нынѣ они ссужаютъ свои руки священному. Этою преданностью священному объясняется и то, что не имѣя жизненнаго собственнаго интереса преступниковъ выдаютъ полиціи и судамъ: безучастная передача отвѣтственности начальству, которое «наилучшимъ способомъ управится со священнымъ». Народъ яростно натравляетъ полицію на все, что ему кажется безнравственнымъ, а часто просто неприличнымъ, и эта народная ярость охраняетъ институтъ полиціи болѣе, чѣмъ могло бы его охранить правительство.

Въ преступленіи съ этихъ поръ утверждается эгоистъ и надсмѣхается надъ священнымъ: разрывъ со священнымъ или скорѣе священнаго можетъ стать всеобщимъ.

Революція не возвращается, но могучее, безпощадное, безсовѣстное, гордое — *преступленіе* не грохочетъ ли уже въ отдаленномъ громѣ и не видишь ли ты, какъ небо, полное предчувствія, молчитъ и омрачается?»

Въ этихъ выраженіяхъ Штирнера сжато и сильно

выражена сущность анархизма, какъ теоріи, съ ея слабыми и сильными сторонами. Если вдуматься въ эти разсужденія, то поймешь, почему анархизмъ не сдѣлался главенствующей идеологіей рабочаго класса, почему анархизмъ въ его чистомъ видѣ остается чуждымъ пролетарской массѣ или перерабатывается ею въ соціалдемократическомъ направленіи; съ другой стороны понятно и то, что отдѣльныя сильныя и революціонно настроенныя личности въ извѣстные періоды пролетарской борьбы разочаровываются въ соціалдемократіи и уходятъ въ анархическій лагерь.

Всѣ условія жизни и борьбы ежедневно и ежечастно доказываютъ каждому пролетарію, что онъ можетъ осуществить свои *личные* интересы лишь въ организованномъ союзѣ съ массою другихъ пролетаріевъ, что его личные интересы не всѣ равноцѣнны и что нѣкоторыми изъ нихъ, менѣе цѣнными, онъ долженъ жертвовать для другихъ болѣе цѣнныхъ, совпадающихъ съ интересами всего пролетаріата, пролетаріата, какъ класса. Современный пролетарій съ естественной необходимостью, какъ мы это старались доказать, въ предыдущихъ главахъ, проникается чувствомъ солидарности, изъ которой вытекаетъ положеніе: всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ; онъ научается не выставлять впередъ свою индивидуальность, а, напротивъ, подчинять ее общей волѣ товарищей, онъ не признаетъ абсолютной свободы «самоопредѣленія», видя, какое зло и другимъ, и себѣ приносятъ такъ называемые штрейкбрехеры (нарушители стачки), не желающіе подчиняться товарищеской дисциплинѣ. *Въ пролетаріи нараждается новый человѣкъ — человѣкъ-товарищъ, поглащающій въ себѣ человѣка-эгоиста.* Пролетарій не боится подчиненія общей волѣ, онъ видитъ въ этомъ не униженіе личности, а нерѣдко повышеніе ея. Онъ противъ государства не потому, что оно ограничиваетъ свободу личности, а потому, что оно не воля народа, а произволъ привиллегированнаго класса, онъ противъ законовъ, не потому, что они ограничиваютъ свободу личности, а потому, что они въ большинствѣ случаевъ охраняютъ свободу эксплуатаціи, хотя она нерѣдко фигурируетъ подъ названіемъ «свободы труда».

Что касается законовъ противъ дуэли, возмуща-

ющихъ анархическую душу Штирнера, то пролетаріи къ нимъ довольно равнодушны, такъ какъ сами на дуэляхъ не дерутся, но, смотря со стороны, они болѣе сочувствуютъ англійскому закону, приравнивающаго убійство на дуэли къ обыкновенному преднамѣренному убійству, чѣмъ военнымъ приказамъ (прусскому и русскому), поощряющимъ дуэли между офицерами.

Въ Англіи теперь дуэлей не бываетъ, и отъ этого не страдаетъ свобода личности. Никакого свободнаго соглашенія двухъ свободныхъ личностей при дуэли обыкновенно нѣтъ. Вызывая на дуэль и принимая вызовъ, личность подчиняется предразсудку, который вполнѣ можетъ быть отнесенъ въ области «священнаго».

Законъ, уравнивающій дуэль съ убійствомъ или покушеніемъ на него, не ограничиваетъ свободы личности, а помогаетъ ей освободиться отъ одного изъ «священныхъ» предразсудковъ и вступается за неприкосновенность человѣческой жизни. При господствѣ предразсудка священной чести, возстанавляемой дуэлью, человѣкъ нерѣдко принуждается подставлять свой лобъ подъ пистолетъ какого-нибудь ловкаго негодяя-бретера. Пушкинъ, Лермонтовъ, Лассаль пали на дуэли не свободными личностями, а «*невольниками* чести», какъ выразился Лермонтовъ по поводу смерти Пушкина, и «честь» эта была не ихъ *собственная*, а того «общества», которое ихъ угнетало, того общества въ которомъ достаточно «пустыхъ сердецъ.»

«Пустое сердце бьется ровно,
«Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.»

Впрочемъ вопросъ о дуэли, повторяемъ, для пролетаріата не важенъ, и мы коснулись его только потому, что Штирнеръ выставляетъ запрещеніе дуэлей, какъ примѣръ насилія государства надъ личностью. Для насъ важенъ не этотъ побочный вопросъ, а основные вопросы, выдвинутые Штирнеромъ — о соотношеніи между свободою личности, государствомъ, законами, преступленіями и наказаніями.

Вѣрно-ли, какъ утверждаетъ Штирнеръ, а за нимъ и всѣ анархисты, что только при существованіи государства возможны законы, преступленія и наказанія; вѣрно-ли далѣе, что съ уничтоженіемъ законовъ и на-

казаній торжествуетъ свобода и неприкосновенность личности? Съ пролетарской точки зрѣнія это не вѣрно. Пролетаріатъ стремится уничтожить государство, какъ организацію насилія господствующаго класса, но онъ въ то же время стремится и къ созданію общественной организаціи на основѣ дѣйствительной соціальной равноправности.

Такая организація предполагаетъ общеобязательныя правила или постановленія, т. е. другими словами *законы*; такъ какъ законы эти будутъ представлять изъ себя *среднюю* волю народа, то, навѣрное, воля отдѣльныхъ личностей будетъ съ ними иногда сталкиваться, будетъ ихъ преступать, т. е. будутъ и *преступленія*; средняя воля или воля общественная принуждена будетъ ограждать себя противъ воли отдѣльныхъ личностей, и однимъ изъ этихъ огражденій является *наказаніе*.

Но такъ какъ организація пролетарскаго общества кореннымъ образомъ будетъ отличаться отъ современнаго государства, то и законы, преступленія и наказанія будутъ совершенно иными, чѣмъ теперь.

За современнымъ закономъ, преступленіемъ и наказаніемъ господствующій классъ старательно сохраняетъ «религіозный» характеръ, ловко соединяя преступленіе съ грѣхомъ, наказаніе съ искупленіемъ; это прекрасно отмѣчено Штирнеромъ. Законы, преступленія и показанія пролетарскаго общества не будутъ, разумѣется, носить этого религіознаго характера, такъ какъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ господства одного класса надъ другимъ исчезнетъ весь трепетъ передъ всевозможными «святынями». Множество преступленій исчезнетъ вмѣстѣ съ тѣми «учрежденіями», противъ которыхъ они направлены; множество другихъ преступленій исчезнетъ вмѣстѣ съ устраненіемъ условій, необходимыхъ для порожденія преступнаго замысла; достаточно указать на уничтоженіе частной собственности.

Но было бы большой ошибкой предполагать, что съ установленіемъ пролетарской организаціи въ обществѣ сразу исчезнетъ «злая воля» отдѣльныхъ личностей, отъ которыхъ свою свободу, неприкосновенность и жизнь многіе не въ состояніи будутъ ограждать своими личными силами. Какъ, напр., дѣвушка-ребенокъ защититъ себя отъ насилія развратника, а

развратниковъ, не останавливающихся ни передъ ничѣмъ для удовлетворенія своей ненасытной похоти, современное общество передастъ будущему, навѣрное, въ очень большомъ количествѣ.

Многіе перейдутъ изъ буржуазнаго общества въ пролетарское, продолжая нести въ своей душѣ зависть, ревность, властолюбіе и т. д.; установленіе соціальной равноправности не уничтожитъ еще клеветы, насилія, убійства...

И пролетарское общество должно придти на помощь отдѣльнымъ лицамъ, для охраны отъ всѣхъ этихъ проявленій злобы. Здѣсь неизбѣжно придется прибѣгнуть къ наказанію, но *не какъ возмездію, искупленію и даже исправленію, не въ имя возстановленія «оскверненной святыни права», не во имя «свободы» самого преступника* и пр., *а просто во имя спокойнаго пользованія радостями жизни огромнаго большинства людей.*

Какъ *мѣра огражденія* наказаніе приметъ совершенно иную форму, чѣмъ теперь, когда оно носитъ еще характеръ *мести.* Мстить преступнику сознательный пролетаріатъ не можетъ, такъ какъ онъ понимаетъ, что «злая воля» такой же продуктъ общественныхъ условій, какъ и «добрая», что она—несчастіе, несчастная случайность и что всякій преступникъ въ сущности «безъ вины виноватый».

Теряя характеръ мести, наказаніе сохраняетъ характеръ средства *предупрежденія* преступленія, и предупреждать оно можетъ двоякимъ образомъ.

Во-первыхъ преставленіе о немъ, какъ непріятномъ послѣдствіи того или другого поступка, можетъ пересилить желанія, толкающія на этотъ поступокъ. Человѣкъ, напр., можетъ отказаться отъ клеветы, если знаетъ, что онъ будетъ привлеченъ къ суду, который «накажетъ» его, объявивъ клеветникомъ и опубликовавъ этотъ «приговоръ» въ газетахъ.

Во-вторыхъ, «наказаніе» можетъ предупредить повтореніе преступленія однимъ и тѣмъ лицомъ, поставивъ его въ условія невозможности совершить тотъ или другой поступокъ, другими словами, ограничивъ свободу его дѣйствій. Въ этомъ случаѣ «наказаніе» направляется противъ людей ненормальныхъ, съ болѣзненно слабой волей, бѣшено-вспыльчивыхъ, жесто-

кихъ, находящихъ сладострастное наслажденіе при видѣ человѣческихъ мученій и т. д.

Отъ нихъ приходится ограждаться, какъ вообще отъ душевно больныхъ или сумашедшихъ, къ которымъ можно отнести большинство тяжкихъ преступниковъ.

На нихъ пролетарское общество будетъ смотрѣть такъ же, какъ русскій народъ смотритъ на всѣхъ вообще арестантовъ, какъ на *несчастныхъ* и станетъ ограждать отъ нихъ «неприкосновенность личности» своихъ сочленовъ, помѣщая ихъ въ рабочія колоніи, больницы и воспитательныя дома, руководимые врачами и воспитателями по призванію, а не въ тюрьмы съ ихъ жестокимъ и ожесточающимъ режимомъ.

Современныя тюрьмы усиливаютъ, а не ослабляютъ преступныя наклонности заключенныхъ, и преступникъ, прошедшій черезъ тюремный или каторжный режимъ, становится еще болѣе опаснымъ для «неприкосновенности» своихъ «ближнихъ», чѣмъ до «наказанія»; условія тюремной жизни какъ будто нарочно созданы для воспитанія ненормальныхъ, болѣзненно-преступныхъ свойствъ человѣка; пролетаріатъ же долженъ создать для заключенныхъ условія, благопріятныя для развитія нормальной человѣческой личности: Совмѣстныя работы, главнымъ образомъ, на открытомъ воздухѣ, въ полѣ, предоставленіе свободнаго выбора занятій, устройство въ мѣстахъ заключенія общеобразовательныхъ и техническихъ курсовъ. Эти мѣста заключенія должны быть своего рода противоположностью какъ современнымъ тюрьмамъ, такъ и большинству современныхъ «сумашедшихъ домовъ», мало отличающихся отъ тюремъ.

Установленіе закономъ и судомъ опредѣленныхъ сроковъ заключенія при этой новой системѣ «наказанія», какъ «огражденія», вѣроятно окажется не цѣлесообразнымъ. Должны быть установлены лишь сроки, черезъ которые осужденный можетъ требовать обсужденія вопроса, не даетъ ли его поведеніе права на освобожденіе? Суду, даже и убѣдившемуся въ виновности даннаго лица, должно быть предоставлено право оставлять «виновнаго» на свободѣ или безусловно, или подъ условіемъ извѣстнаго контроля за его поведеніемъ. Завѣдующимъ мѣстами заключенія можетъ быть

предоставлено право по собственному усмотрѣнію выпускать заключенныхъ.

Такимъ образомъ, вся современная «лѣстница наказаній» рушится. «Наказанія» сводятся съ одной стороны къ осужденію извѣстнаго поступка, преданію гласности этого осужденія, лишенію осужденнаго тѣхъ или или другихъ удобствъ, связанныхъ съ общественнымъ довѣріемъ, исключенію его изъ участія въ общественныхъ празднествахъ и пр., вообще къ мѣрамъ, аналогичнымъ предлагаемому Штирнеромъ «лишенію кредита», которое, конечно, тоже относится къ категоріи «наказанія»; съ другой стороны къ стѣсненію свободы дѣйствій виновнаго путемъ помѣщенія его въ «мѣста заключенія» съ условіями, благопріятными для развитія лучшихъ сторонъ человѣческой природы, или просто путемъ установленія контроля за его поведеніемъ. «Наказаній» жестокихъ, наказаній преступныхъ — разумѣется, не должно быть. Казалось бы нѣтъ нужды доказывать, что сознательный пролетаріатъ долженъ быть безусловнымъ противникомъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, но, увы, мы видѣли, что «искристы», мнящіе себя руководителями русскаго пролетаріата, отказались внести въ свою программу отмѣну смертной казни и демонстративно не упоминали ни однимъ словомъ о необходимости вообще измѣнить существующую систему наказаній, мы видѣли также, что среди нѣмецкихъ соціалдемократическихъ органовъ нашлась газета, предлагавшая тѣлесныя наказанія для анархистовъ, мы видимъ, что русскіе революціонеры не безъ гордости называютъ политическія убійства «казнями», мы знаемъ, наконецъ, что въ «правовыхъ государствахъ» для установленія которыхъ, по мнѣнію русскихъ и иностранныхъ «соціалдемократовъ», русскій пролетаріатъ долженъ произвести буржуазную революцію, что въ этихъ государствахъ процвѣтаютъ тѣлесныя наказанія и смертная казнь. Въ «правовой» странѣ Англіи за каждое предумышленное убійство вѣшаютъ, а за грабежъ съ насиліемъ кромѣ каторги *обязательно* наказываютъ плетьми. Какъ бы и у насъ сторонники «правового государства» не ввели вновь тѣлеснаго наказанія, отмѣненнаго государствомъ неправовымъ!

Среди горячихъ сторонниковъ смертной казни,

яко-бы помогающей естественному подбору, мы встрѣчаемъ и такого высоко культурнаго человѣка, какъ знаменитый дарвинистъ Эрнестъ Геккель, недавно предсѣдательствовавшій на Римскомъ конгрессѣ «свободныхъ мыслителей». А для сколькихъ менѣе знаменитыхъ «свободныхъ мыслителей» и «соціалдемократовъ» вопросъ о смертной казни все еще остается спорнымъ! Спорнымъ представляется для многихъ высококультурныхъ людей и вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, за введеніе которыхъ упорно борется *либеральное* министерство Даніи.

Но у насъ, признаемся, не хватаетъ выдержки и хладнокровія, чтобы разбираться въ доводахъ всѣхъ этихъ защитниковъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Съ тѣми, у кого еще остаются доводы въ пользу этихъ самыхъ ужасныхъ преступленій противъ человѣческой природы послѣ прочтенія ярки ъ описаній смертной казни и тѣлеснаго наказанія, описаній, которыхъ очень много во всемірной литературѣ, съ тѣми спорить нельзя.

Впрочемъ, спокойныхъ опроверженій «пользы» и «необходимости» тѣлесныхъ наказаній и смертной казни можно не мало найти у извѣстныхъ юристовъ, напр., у Миттермапера, Фойницкаго, Кистяковскаго и т. д. Но что стоятъ всѣ эти спокойные юридическіе доводы по сравненію съ той горячей кровью сердца человѣческаго, которой написаны нѣкоторыя страницы въ произведеніяхъ Толстого и Достоевскаго, такъ глубоко прочувствовавшихъ ужасъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія. Вспомните «Разсказъ Кривцова», «Экзекуцію», «Стыдно» Толстого, вспомните нѣкоторыя мѣста изъ «Мертваго дома» Достоевскаго *). Смертная казнь, плети, розги, должны бы невыносимо унижать, оскорблять каждаго члена общества какъ бы далеко онъ не стоялъ отъ наказываемаго или его палача. Смертная казнь, розги, плети оскорбляютъ «насъ», какъ это отмѣтилъ Нитше, несравненно сильнѣе, чѣмъ убійство, чѣмъ самое ужасное преступленіе. Жестокость, звѣрство преступленія гораздо меньше, чѣмъ жестокость и звѣрство наказанія, свидѣтельствуетъ объ общественномъ гніеніи.

*) Все это собрано въ NN№ 2, 3 и 4 Листковъ «Жизни».

«Общество — говоритъ Достоевскій — равнодушно смотрящее на такое явленіе (тѣлесное наказаніе), уже само заражено въ своемъ основаніи».

Въ современномъ обществѣ, несомнѣнно, «зараженномъ въ своемъ основаніи», пролетаріатъ не долженъ, по нашему мнѣнію, выдавать преступниковъ въ руки полиціи и судовъ, напротивъ, онъ долженъ ихъ спасать, ибо съ его точки зрѣнія въ настоящее время преступны почти всѣ законы, преступны почти всѣ наказанія, и очень печально, что соціалдемократическія газеты съ «Vorwärts'омъ во главѣ такъ заботятся о поимкѣ «преступниковъ», печатая ихъ примѣты и приглашая читателей помочь полиціи отыскать ихъ и «обезвредить». Это печальный признакъ того, что рабье преклоненіе передъ священною собственностью и священною полиціей, вѣками прививаемое народу церковью и государствомъ, еще далеко не вытѣснено классовымъ сознаніемъ.

Безпощадныя нападки Штирнера на «народную ярость» въ преслѣдованіи преступниковъ, «ярость», поддерживающую современную полицію, остаются до сихъ поръ справедливыми. Анархисты вполнѣ освободились отъ «трепета» передъ «святынею» законности, они постигли также *творческую роль преступленія* въ современномъ обществѣ, гдѣ пролетаріатъ постояннымъ, упорнымъ противодѣйствіемъ законамъ, подчиняющимъ его буржуазіи, расшатываетъ основы современнаго строя насилія и подготовляетъ будущій строй взаимопомощи.

Чѣмъ скорѣе пролетаріатъ окончательно освободится отъ священнаго трепета передъ «правомъ» и «законами», чѣмъ яснѣе онъ сознаетъ творческую силу систематическаго нарушенія порабощающихъ его законовъ, тѣмъ скорѣе грянетъ соціальная революція. Буржуазная революція больше не вернется, но уже грохочетъ отдаленный грохотъ революціи пролетарской, которая будетъ великимъ преступленіемъ противъ священнаго закона буржуазіи, признающаго неприкосновенной священную собственность.

Но пока гроза еще далеко, и раскаты грома слышны быть можетъ слабѣе всего въ Англіи и Германіи, гдѣ слишкомъ сильно «чувство законности», гдѣ люди, по

остроумному замѣчанію Штирнера, могли бы говорить: «Не я живу, но законъ живетъ во мнѣ».

Штирнеръ приводитъ при этомъ превосходный афоризмъ одного высшаго прусскаго офицера: «Всякій пруссакъ носитъ въ груди своего жандарма», и добавляетъ отъ себя:

«Почему не развиваются извѣстныя *оппозиціи*? Единственно потому, что онѣ не хотятъ оставить пути нравственности или законности. Отсюда безмѣрное лицемѣріе преданности, любви и т. д., и это такъ отвратительно, что можно ежедневно испытывать самую основательную тошноту отъ подобнаго гнилого и лицемѣрнаго отношенія «законной оппозиціи»".

Штирнеръ имѣлъ въ виду прусскихъ либераловъ, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣкоторые прусскіе соціалдемократическіе вожаки наживаютъ на законности румяныя щеки, нося въ груди своего прусскаго жандарма, у прусскаго же пролетаріата щеки остаются блѣдными.

«Неприкосновенность личности» въ узкомъ значеніи слова означаетъ въ настоящее время не болѣе того, что гарантируетъ англійскому гражданину знаменитый Habeas corpus*). Этотъ законъ, изданный парламентомъ въ 1679 г., обязываетъ судей во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ обвиненій въ государственной измѣнѣ или тяжкомъ уголовномъ преступленіи, дѣлать, по просьбѣ заключеннаго или лицъ, въ немъ заинтересованныхъ, распоряженіе соотвѣтствующему должностному лицу (тюремному смотрителю) о приводѣ арестованнаго въ судъ съ представленіемъ подробнаго отзыва о времени, причинахъ и обстоятельствахъ задержанія. Выслушавъ стороны судъ либо освобождаетъ заключеннаго (совсѣмъ или подъ залогъ или поручительство), либо снова возвращаетъ въ мѣсто заключенія.

Что касается до обвиняемыхъ въ государственной

---

*) Habeas corpus — два первыхъ слова латинской формулы приказа суда о приводѣ арестованнаго въ судъ для выясненія причины ареста и значатъ они въ буквальномъ переводѣ «(Если) имѣешь тѣло (человѣка)»...

измѣнѣ или тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, то законъ требуетъ, чтобы въ предписаніяхъ о задержаніи ихъ было ясно и точно указано, въ чемъ обвиняется арестуемый. Обвиняемому въ этихъ преступленіяхъ предоставляется кромѣ того право просить судъ, чтобы его дѣло было разобрано въ ближайшую сессію. Если этого не послѣдуетъ, то судъ обязанъ отпустить обвиняемаго на свободу подъ залогъ или поручительство. Если дѣло не будетъ разобрано въ слѣдующую сессію, то обвиняемый вовсе освобождается отъ преслѣдованія.

Въ связи съ «неприкосновенностью личности» стоитъ «неприкосновенность жилища», означающая по законамъ большинства «правовыхъ государствъ» запрещеніе дѣлать домашніе обыски безъ письменнаго распоряженія судебной власти (судебнаго слѣдователя и т. п.), которая должна указать и причину обыска. Такова неприкосновенность личности въ современномъ «правовомъ государствѣ».

Пролетарское общество можетъ, мы думаемъ, обойтись совсѣмъ безъ обысковъ и ограничить право арестовъ, еще несравненно большими гарантіями противъ произвола и ошибокъ должностныхъ лицъ, чѣмъ тѣ, которыя даетъ обвиняемому Habeas corpus: такъ, напр., необходимо, чтобы во всѣхъ случаяхъ арестованный немедленно представлялся суду, гдѣ разбирательство вопроса о законности и необходимости ареста происходило бы при открытыхъ дверяхъ и при участіи въ преніяхъ, какъ самого обвиняемаго, такъ и лица, которое онъ пожелаетъ выбрать въ свои защитники.

Но что особенно важно: гарантіи, ограждающія личность отъ произвольныхъ задержаній, должны быть признаны ни въ какомъ случаѣ ни *отмѣняемыми* и ни *пріостанавливаемыми*. Англійскій Habeas corpus можетъ быть пріостановленъ на годъ постановленіемъ парламента, и это подрываетъ его значеніе. Въ Ирландіи, гдѣ англійскому правительству неудобно было стѣсняться формальностями при арестахъ и преслѣдованіяхъ ирландскихъ націоналистовъ, въ особенности феніевъ, Habeas corpus пріостанавливался очень часто въ теченіе всего прошлаго столѣтія.

Англійскій парламентъ можетъ вообще «пріоста-

новить» дѣйствіе всѣхъ гарантій личной и народной свободы; его власть или воля ограничена лишь физической или фактической невозможностью; иначе должно быть въ пролетарскомъ обществѣ, гдѣ власть или воля народа должна быть ограничена не парламентомъ, конечно, а гарантіями личной свободы.

Народная воля верховна или «самодержавна» въ томъ смыслѣ, что ей принадлежитъ рѣшающее слово при изданіи и отмѣнѣ законовъ, выборѣ уполномоченныхъ и должностныхъ лицъ, но она должна сама себя ограничить рядомъ незыблемыхъ правъ личности, къ которымъ кромѣ расширеннаго Habeas corpus, относится *свобода слова, совѣсти, печати, передвиженія, собраній, сообществъ.* Всѣ эти свободы и вольности стоятъ выше народной воли; передъ ними она должна останавливаться и отступать, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можетъ быть обезпечена и дѣйствительная *народная свобода.*

Народная воля, «пріостанавливающая» гарантіи личной свободы, «пріостанавливающая» свободу устнаго и печатнаго слова, вводящая «исключительные» законы и исключительные суды, неизбѣжно становится волею толпы и демагоговъ. этихъ «худшихъ враговъ рабочаго класса» и ведетъ, въ концѣ концовъ, къ уничтоженію народной свободы. Для народа и въ частности для пролетаріата нѣтъ ничего опаснѣе, какъ внушаемая ему вѣра въ его непогрѣшимость, какъ внушаемое ему убѣжденіе въ необходимость *диктатуры*, не останавливающейся ни передъ какими мѣрами «подавленія» «враговъ народа», которые въ дѣйствительности иногда бываютъ его лучшими друзьями. Сознательный пролетарій уже теперь долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что лучшей гарантіей прочности пролетарской побѣды является уваженіе къ правамъ личности, уваженіе къ свободѣ слова. Во время первой французской республики именемъ «народной воли» была уничтожена сперва только что завоеванная личная свобода, съ ея «правами человѣка», а затѣмъ и народная свобода.

Въ періодъ робеспьеровскаго террора народъ признавался самодержавнымъ, воля его суверенной, и между тѣмъ свобода личности и «права человѣка» попирались хуже, чѣмъ у насъ при самодержавномъ царѣ; въ

результатѣ воля народа смѣнилась волею честолюбиваго генерала.

Что такое народная воля безъ личной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народной свободы лучше всего выяснилъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей этой «воли безъ свободы» якобинецъ Сэнъ Жюстъ въ своей обвинительной рѣчи противъ крайнихъ гебертистовъ и умѣренныхъ дантонистовъ.

«Граждане—говорилъ онъ—вы хотѣли республики. Если бы вы въ то же время не хотѣли того, что составляетъ ея содержаніе, то народъ былъ бы погребенъ подъ ея развалинами. Наказуемо должно быть состраданіе съ арестованнымъ, наказуемо нежеланіе добродѣтели, наказуемо нежеланіе террора.»

И на эшафотъ посылались гебертисты за крайность убѣжденій и не признаніе бога, на эшафотъ посылались дантонисты за умѣренность взглядовъ, за желаніе остановить терроръ. Не было гнусности, которой не придумали бы «люди добродѣтели» и «носители народной воли», чтобы «подавить» своихъ противниковъ.

Пролетарская революція должна быть чиста отъ всѣхъ этихъ надругательствъ надъ свободою, отъ всѣхъ этихъ насилій надъ личностью, отъ всѣхъ этихъ оскорбленій человѣчества и человѣчности...

Уваженіе къ «правамъ личности», хотя бы она казалась «врагомъ народа», неприкосновенность ея свободы пропагандировать свои взгляды, должно войти въ плоть и кровь пролетаріата, тѣмъ болѣе, что его побѣда, если и означаетъ конецъ классовой борьбы, но отнюдь еще не означаетъ конца борьбы индивидуальной, въ особенности борьбы «идейной» между строителями новой жизни. Чѣмъ больше будетъ въ пролетарскомъ обществѣ личной свободы, тѣмъ меньшую роль будетъ играть творческая сила преступленія; но и послѣ пролетарской революціи пройдетъ вѣроятно, не мало времени до того момента, когда преступленіе станетъ только вреднымъ и когда оно сдѣлается совершенно ненужнымъ для прогресса, счастья и свободы, когда исчезнетъ всякое противорѣчіе между народной волей и народной свободой.

Характерно, что такой видный *соціалдемократическій вождь*, какъ Ванъ Коль въ своей уже цитированной нами книгѣ «Соціализмъ и свобода» полагаетъ,

что «босяцкому пролетаріату» придется искать защиты у «анархистовъ» отъ притѣсненій со стороны соціалистовъ.

«Не только—говоритъ онъ—нельзя считать невозможнымъ, но надо признать историческою вѣроятностью, что подымутся всякого рода недовольные новымъ порядкомъ вещей и въ концѣ концовъ образуютъ соціальный слой еще неизвѣстный до сихъ поръ.

«Тогда могъ бы возникнуть новой классъ, образованный съ одной стороны экспропріированными ворами, которые, отвыкнувъ отъ труда вслѣдствіе богатства и праздности, были бы враждебны выполненію соціальнаго долга; съ другой—наиболѣе несчастными, которые, ослабѣвъ и отупѣвъ отъ нищеты, сдѣлались бы неспособными выполнять свою задачу.

«Какъ образуется этотъ классъ? Это также трудно точно опредѣлить, какъ было трудно въ 1789 году предугадать, какъ побѣда третьяго сословія вызоветъ образованіе рабочаго класса.

«Чтобы предупредить притѣсненіе пятаго сословія или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это притѣсненіе возможно меньшимъ, критика анархистовъ можетъ быть полезной, тѣмъ болѣе, что они освободились отъ всѣхъ ходячихъ предразсудковъ, привычекъ и условностей, продуктовъ глупости и самомнѣнія, предразсудковъ, которые еще оказываютъ вліяніе на многихъ соціалистическихъ работниковъ.

«Пожелаемъ, чтобы эти новыя партіи нашли протекцію у анархистовъ!»

Мы съ своей стороны можемъ лишь пожелать, чтобы всѣ соціалдемократическіе вожди «освободились отъ всѣхъ ходячихъ предразсудковъ, привычекъ и условностей, этихъ продуктовъ глупости и самомнѣнія», тогда само собой исчезнетъ опасность, что побѣдоносный пролетаріатъ спустится до позорнаго притѣсненія «наиболѣе несчастныхъ», ослабленныхъ нищетой до невозможности трудиться наравнѣ съ другими.

Мы, впрочемъ, представляемъ пролетарскій строй нѣсколько иначе, чѣмъ почтенный предсѣдатель Амстердамскаго конгресса, мы не считаемъ возможнымъ существованія въ немъ никакой *классовой* борьбы; но борьба *индивидуальная*, вѣроятно, будетъ очень сильной, страстной, и чтобы она не повредила, а напро-

тивъ принесла пользу пролетаріату, народу, человѣчеству, *необходимо самоограниченіе народной воли гарантіями свободы личности.*

VII

Къ правамъ личности относится и такъ называемая **свобода совѣсти** или свобода вѣроисповѣданія, составляющая частный случай *свободы слова* вообще. Признавая неприкосновенность свободы слова, пролетаріатъ тѣмъ самымъ признаетъ и свободу вѣроисповѣданія, свободу вѣрить въ кого и во что угодно и пропагандировать свою «вѣру».

Сознательный пролетаріатъ—вѣротерпимъ уже по одному тому, что онъ сознательный, слѣдовательно невѣрующій. Сознаніе предполагаетъ *знаніе* себя и окружающаго міра, *вѣра* же — незнаніе, возведенное на степень высшей истины. Знаніе терпимо, такъ какъ оно можетъ не только утверждать, но и доказывать, такъ какъ оно не можетъ быть разбито вѣрой; напротивъ, вѣра нетерпима, такъ какъ она можетъ только утверждать, но не доказывать, такъ какъ она можетъ быть разбита знаніемъ. Чѣмъ больше знаній пріобрѣтаетъ человѣкъ, тѣмъ меньше остается у него вѣры. Нѣтъ ничего непреодолимѣе объективно доказаннаго факта, и никакая вѣра не можетъ въ концѣ концовъ устоять передъ нимъ, поэтому тѣ, кому вѣра выгодна, стараются не допустить объективнаго доказательства фактовъ, стараются не допустить знанія.

Вѣротерпимость — смерть для вѣры и одно изъ условій торжества знанія. Незнаніе не можетъ быть единымъ, и разъ каждому дана свобода возводить свое незнаніе на степень высшей истины, незнаніе быстро дробится, появляется масса «высшихъ истинъ», пожирающихъ другъ друга и въ концовъ изчезающихъ, «яко дымъ» передъ лицомъ знанія. Знаніе, приведенное въ систему—*наука;* незнаніе, приведенное въ систему, — *религія.* Наука едина, какъ едино знаніе; религій много, какъ много незнаній.

Религія — буквально значитъ «*связанность*», и, дѣйствительно, религія связываетъ человѣка, связы-

ваетъ его умъ, не давая свободно и объективно мыслить. Умъ религіознаго человѣка порабощенъ системою нелѣпостей, въ родѣ трехъ лицъ въ одномъ лицѣ, тѣлеснаго воскресенья изъ мертвыхъ послѣ превращенія тѣла въ «прахъ» и землю», зачатія отъ духа святаго, превращенія этого духа въ голубя, сотворенія свѣта раньше солнца, остановки солнца для окончанія битвы и пр. и пр.

Чѣмъ законченнѣе религія въ своей нелѣпости, тѣмъ труднѣе знанію найти точку наименьшаго сопротивленія, но разъ одинъ стяжекъ религіознаго хитросплетенія разорванъ, все оно быстро рвется, какъ «машинное шитье», по выраженію Елены Альвингъ въ «Призракахъ» Ибсена. Религія—великое благо для класса поработителей, для класса господствующаго и угнетающаго, но она столь же великое зло для класса порабощеннаго и угнетеннаго. Люди, пріученные къ внушеніямъ религіознымъ, воспріимчивы и ко всякимъ другимъ внушеніямъ, въ томъ числѣ государственнымъ; при томъ поработители, сохраняя за собой знаніе, порабощеннымъ же предоставляя религію, сумѣли религіозныя «истины» связать съ «истинами» государственными, бога съ царемъ и вообще съ государственной властью, заповѣди съ законами, грѣхи съ преступленіями, такъ что вѣрующій въ божественную власть вѣритъ и въ государственную власть, вѣритъ и повинуется. За то, если знаніе «превратило» какую нибудь религіозную «истину» въ нелѣпость, то то же превращеніе происходитъ и съ «истиной» государственной.

Соціалдемократія враждебна всякой религіи: классовое сознаніе предполагаетъ вообще сознаніе, т. е. освобожденіе отъ религіознаго внушенія, отъ религіознаго гипноза, но бороться съ религіей соціалдемократія можетъ лишь путемъ пропаганды, а не путемъ преслѣдованій. Преслѣдованіемъ возможно только укрѣпить вѣру, но никакъ не замѣнить ее знаніемъ. Религіи такъ сильны и долговѣчны, въ значительной степени, благодаря взаимнымъ преслѣдованіямъ, взаимной нетерпимости.

Чтобы отмѣтить свою «вѣротерпимость», т. е. свое отрицательное отношеніе къ религіознымъ преслѣдованіямъ, которые, помимо нарушенія свободы лично-

сти, задерживаютъ *процессъ развитія религіи*, или что тоже *процессъ ея уничтоженія**), нѣмецкіе соціалдемократы внесли въ свою программу извѣстное положеніе: «*Религія—частное дѣло!*»

Религія—«частное дѣло» въ томъ смыслѣ, что пролетарская общественная организація не можетъ быть связана ни съ какимъ религіознымъ культомъ, что пролетаріатъ не можетъ, подобно революціонной буржуазіи, устанавливать общественнаго поклоненія ни богинѣ разума, ни робеспьеровскому высшему существу, что пролетаріатъ не станетъ ни поддерживать, ни преслѣдовать никакой религіи, предоставляя всѣмъ гражданамъ одинаковыя общественныя права, не зависимо отъ того, освободились ли они отъ всякой религіи, или вѣрятъ въ бога толстовскаго или въ бога побѣдоносцевскаго, въ святую пятницу или каменнаго истукана, въ іегову Моисея или аллаха Магомета; но религія—*не* «частное дѣло», если подъ этимъ положеніемъ понимать*), что сознательный соціалдемократъ можетъ быть человѣкомъ «религіознымъ», принадлежать къ какому-нибудь изъ существующихъ «вѣроисповѣданій», вѣрить въ «высшее существо», завѣдующее «судьбами человѣчества», и приказывающее «обрѣзываться», «креститься» и т. д. Соціалдемократія не примирима съ религіей, такъ какъ соціалдемократическое міровоззрѣніе, построенное на чистомъ знаніи, не примиримо ни съ одной религіей, всегда построенныхъ на незнаніи. Въ поясненіе позволимъ себѣ здѣсь повторить то, что мы уже два съ половиною года тому назадъ писали въ «Иностранномъ обозрѣніи» четвертой книжки «Жизни».

Признавая религію дѣломъ совѣсти каждаго человѣка, мы конечно, не думаемъ, чтобы совѣсть сознательнаго соціалдемократа могла примириться съ православіемъ, католицизмомъ, магометанствомъ, буддизмомъ, или какой-угодно другой изъ существующихъ религій. Соціалдемократъ по самой своей сущности—человѣкъ ясно, опредѣленно смотрящій, какъ внутрь себя, такъ и вокругъ себя.

---

*) Но это указываетъ между прочимъ нѣмецкій философъ-пролетарій, любимый ученикъ Маркса Іосифъ Дитцгенъ въ очень интересной брошюрѣ: «Die Religion der Socialdemokratie».

Онъ строитъ свое міровоззрѣніе на сознаніи и знаніи, а между тѣмъ въ основѣ всѣхъ существующихъ религій лежатъ предположенія, противорѣчащія современному знанію. Въ міровоззрѣніи соціалдемократа не должно быть ничего, взятаго просто на вѣру или опирающагося исключительно на авторитетъ. Въ основѣ всѣхъ существующихъ религій лежатъ вѣра и авторитетъ.

Существующія религіи для поясненія проявленій человѣческой жизни выдумываютъ незыблемыя основы. Соціалдемократъ ищетъ законовъ развитія жизни и, сообразуясь съ этими законами, направляетъ свою дѣятельность на улучшеніе участи современнаго и будущихъ поколѣній. Религіи утверждаютъ незыблемость настоящаго во имя воображаемой незыблемости прошлаго, соціалдемократизмъ или, точнѣе, научный соціализмъ отрицаетъ незыблемость настоящаго во имя дѣйствительной измѣнчивости прошлаго и первыхъ проблесковъ будущаго. Религія — консервативна, научный соціализмъ — прогрессивенъ. Религія успокаиваетъ и примиряетъ съ существующимъ, выдумывая «загробную жизнь», научный соціализмъ возбуждаетъ къ постоянной, непримиримой борьбѣ, отрицая вѣру въ «загробную жизнь», но за то утверждая знаніемъ неизбѣжность измѣненія къ лучшему современнаго строя.

Мы настаиваемъ на несовмѣстности соціалдемократическихъ убѣжденій съ религіозною вѣрою, не смотря на то, что многіе соціалдемократы объявляютъ себя принадлежащими къ тому или другому изъ существующихъ вѣроисповѣданій или уклоняются отъ отвѣта на вопросъ о своемъ отношеніи къ религіи, прячась за «признаніе религіи частнымъ дѣломъ».

Изъ 81 соціалдемократическихъ депутатовъ, выбранныхъ въ нѣмецкій рейхстагъ 16-го іюня 1903 г. 42 объявляютъ себя открыто не принадлежащими ни къ какому «вѣроисповѣданію», но изъ остальныхъ 39 —5 считаютъ себя «свободно религіозными», 4—іудейскаго вѣроисповѣданія, 7 — католиковъ, 1 старокатоликъ, 18 евангелическаго вѣроисповѣданія, 1 лютеранинъ и 3 «принципіально» прячутся за формулу «религія—частное дѣло»*).

*) Данныя о «вѣроисповѣданіи» соціалистическихъ депутатовъ мы заимствуемъ изъ справочной книжки «Kurschner's Deutscher Reich-

Присутствіе столькихъ евангелистовъ, католиковъ, іудеевъ и т. д. среди соціалдемократическихъ депутатовъ, не смотря на то, что германскіе законы предоставляютъ каждому право выйти изъ «своей церкви» и не приписываться ни къ какой другой, доказываетъ только, что можно быть соціалдемократическимъ депутатомъ рейхстага и считаться соціалдемократическимъ вожакомъ и не быть въ то же время *сознательнымъ, искреннимъ и смѣлымъ* соціалдемократомъ.

Всѣ эти господа, вѣроятно, совсѣмъ не религіозны, не вѣрятъ въ своихъ боговъ и не исполняютъ ихъ предписаній, но у нихъ не хватаетъ искренности и смѣлости открыто признать себя не принадлежащими ни къ какому вѣроисповѣданію, такъ какъ это «шокируетъ» и «озлобляетъ» лицемѣрную буржуазную среду, съ которой они связаны тѣсными *личными* связями.

Среди нѣмецкихъ соціалдемократовъ-рабочихъ «вѣрующихъ», можно сказать, почти нѣтъ, но открыто вышедшихъ изъ «своей церкви» очень мало. Простому рабочему выходъ изъ церкви, хотя онъ и допущенъ закономъ, нерѣдко можетъ стоить лишенія заработка, такъ какъ всѣ хозяева, будучи не въ силахъ остановить разрушеніе религіозности знаніемъ, стараются, по крайней мѣрѣ, не позволить рабочимъ открыто заявлять о своемъ освобожденіи, открыто порвать съ церковью, что могло бы повысить личность рабочаго, повысить его способность къ протесту противъ рабской зависимости отъ хозяина.

Кромѣ того выходъ изъ церкви сопряженъ въ Германіи съ извѣстными расходами и формальностями, требующими потери времени, а у простаго рабочаго и денегъ, и времени въ обрѣзъ.

Но что извинительно соціалдемократу-рабочему, то не извинительно вожакамъ-депутатамъ, имѣющимъ независимое положеніе и не страдающимъ отъ недостатка средствъ, необходимыхъ для жизни.

Вообще отношеніе вожаковъ нѣмецкой соціалдемократіи къ религіи очень боязливое и даже двухсмысленное; они боятся, какъ бы атеизмъ не скомпрометировалъ ихъ партію въ глазахъ народныхъ слоевъ,

---

stag», составленной на основаніи свѣдѣній, присланныхъ самими депутатами.

еще не освободившихся отъ поповскаго дурмана, они находятъ необходимымъ для своихъ «избирательныхъ успѣховъ» считаться съ «предразсудками массы», хотя эти предразсудки являются одною изъ главныхъ помѣхъ для его соціальнаго освобожденія.

Въ 70-хъ годахъ прямодушный Мостъ началъ энергичную агитацію въ пользу массоваго выхода изъ церкви, но онъ не только не былъ поддержанъ видными «товарищами», но скорѣе «взятъ на подозрѣніе», какъ человѣкъ для соціалдемократіи не подходящій. Это было одно изъ его первыхъ «недоразумѣній» съ партіей, которыя постепенно вогнали его въ анархизмъ.

Въ 1903 году движеніе въ пользу массоваго выхода изъ церкви возникло среди саксонскихъ ткачей помимо всякой агитаціи подъ вліяніемъ явнаго союза духовенства съ хозяевами во время кримитчаутской стачки, но это движеніе, къ сожалѣнію, не распространилось достаточно широко и заглохло вмѣстѣ съ прекращеніемъ стачки.

Для характеристики отношенія вожаковъ къ агитаціи противъ религіозныхъ предразсудковъ очень цѣнны пренія на Мюнхенскомъ партейтагѣ 1902 г., пренія вызванныя предложеніемъ делегата отъ Висбадена Велькера бороться съ «церковною вѣрою» путемъ «просвѣтительной пропаганды», распространяя летучіе листки, ведя соотвѣтствующія бесѣды и пр., особенно въ католическихъ округахъ, гдѣ господствуетъ католическій «центръ».

Первымъ выступилъ противъ предложенія Велькера фонъ Фольмаръ.

«Предложеніе Велькера — по словамъ фонъ Фольмара—абсолютно противорѣчитъ «нашей» программѣ. Пунктъ программы о религіи точно также обязателенъ, какъ всякій другой, онъ принятъ не изъ тактическихъ соображеній, нѣтъ мы придаемъ серьезное значеніе нашему отношенію къ религіи. И что вышло бы изъ того, если бы мы пустились въ подобную культуръ-авантюру? По нашей программѣ религія частное дѣло, т. е. въ религіозныхъ вопросахъ каждый пользуется полной свободой убѣжденія; его *религіозныя убѣжденія не имѣютъ ничего общаго съ вопросами политическими и хозяйственными.* Это положеніе даетъ,

конечно, каждому право высказывать его собственное частное религіозное или антирелигіозное убѣжденіе, но *соціалдемократъ по отношенію къ этому вопросу долженъ какъ можно больше воздерживаться отъ выраженія своихъ убѣжденій.* Если я даю кому-нибудь право пропагандировать свое частное убѣжденіе, свободную религію, атеизмъ, противоцерковность, то я долженъ естественно дать право пропагандировать свои убѣжденія и тому, кто придерживается положительной (?) религіи. Мы бы тогда пришли къ условіямъ, подобнымъ англійскимъ, и отъ этого пострадалъ бы интересъ партіи. И такъ здѣсь необходимо наложить на себя воздержаніе и ограничиться тѣмъ, что составляетъ содержаніе нашего существованія, экономическими и политическими вопросами».

Фонъ Фольмару горячо апплодировали и ревизіонисты, и радикалы. Радикальнѣйшій Ледебуръ заявилъ, что Фольмаръ сказалъ «необходимое». Крайній радикалъ Адольфъ Гофманъ, извѣстный тѣмъ, что написалъ брошюру «Десять заповѣдей», въ которой съ сомнительнымъ остроуміемъ доказываетъ нарушеніе ихъ буржуазіей, посовѣтовалъ Велькеру «сначала поучиться въ партіи, а потомъ уже выступать на партейтагѣ».

Велькеръ пробовалъ защищаться и высказалъ при этомъ нѣсколько мыслей, которыя, казалось бы, должны были вызвать сочувствіе всего партейтага, но онѣ встрѣчены были ироническимъ смѣхомъ.

«Какъ цѣнна для господствующаго класса зависимость массъ отъ церкви, видно изъ того, что рядомъ съ порфирой находится всегда и ряса и что новыхъ церквей строится еще больше, чѣмъ казармъ. Гдѣ церковь сильна, тамъ взрослые вполнѣ стоятъ подъ ея эгидой. Если мы хотимъ сдѣлать религію частнымъ дѣломъ, то для этого недостаточно отдѣлить церковь отъ государства, нѣтъ, мы должны уничтожить власть церкви надъ умами; мы должны положить конецъ насилію надъ дѣтьми со стороны государства, церкви, школы и родителей. Начнемъ битву по всей линіи, не только противъ церкви, но и противъ безсовѣстныхъ родителей, совершающихъ насиліе надъ духовною жизнью дѣтей, приписывая ихъ къ тому или другому вѣ-

роисповѣданію, когда они еще не научились отличать правой руки отъ лѣвой. Ecrasez l'infame!»*)

Велькеръ сослался, между прочимъ, на авторитетъ Бебеля, который не разъ указывалъ на то, что церковь она изъ главныхъ опоръ буржуазнаго господства, но Бебель поспѣшилъ отречься отъ всякой солидарности съ Велькеромъ и нанесъ ему coup de grace или, говоря по русски, окончательно пристрѣлилъ его.

«Велькеръ — сказалъ Бебель — сослался на нѣкоторыя фразы моей брошюры «Христіанство и Соціализмъ». Я никогда не воображалъ, чтобы эти, по моему мнѣнію, очень ясныя заключительныя фразы могли бы быть такъ поняты. Противъ этого я долженъ протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Помимо всѣхъ другихъ словъ Велькера меня къ этому побуждаетъ фраза, которой онъ закончилъ свою рѣчь—«Ecrasez l'infame!» Это—извѣстныя слова, которыми Вольтеръ призывалъ къ уничтоженію католической церкви. Нечего сказать, хорошо бы это вышло, если бы соціалдемократическая партія выступила съ подобнымъ избирательнымъ девизомъ. Велькеръ въ началѣ своей первой рѣчи опредѣленно заявилъ, что необходимо указывать противорѣчія, которыми полны религіозные и церковные взгляды. Наша партія тогда совершенно потеряла бы свой характеръ, и мы превратились бы въ своего рода церковныхъ проповѣдниковъ (совершенно вѣрно!). Не можетъ быть сомнѣнія, что это противорѣчитъ тексту нашей программы. «Религія — частное дѣло», это не (?) стоитъ **) въ нашей программѣ, потому что это само собой разумѣется и при томъ потому само собой разумѣется, что нигдѣ въ программѣ не говорится, что мы спрашиваемъ товарища по партіи, какихъ онъ держится религіозныхъ убѣжденій. Каждый пусть вѣритъ, какъ хочетъ; *онъ, какъ соціалдемократъ, можетъ быть католическимъ христіаниномъ*, онъ можетъ быть и атеистомъ и матерьялистомъ, а это въ партіи никого не касается. Только въ томъ случаѣ, если онъ, какъ соціалдемократъ, за-

*) «Раздавите нечесть!» — слова Вольтера, призывавшаго къ уничтоженію вліянія католической церкви.

**) Здѣсь должно быть въ протоколѣ ошибка, такъ какъ это положеніе стоитъ въ программѣ нѣмецкой соціалдемократіи.

хочетъ пропагандировать свои религіозныя убѣжденія, мы энергично выступаемъ противъ него, такъ какъ онъ нарушаетъ несомнѣнный для насъ принципъ: «религія — частное дѣло». (Очень хорошо!). На основаніи этого программнаго пункта ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ касаться религіозныхъ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ, мы стоимъ напротивъ на той точкѣ зрѣнія — и это наше самое святое убѣжденіе, — что *въ религіозныхъ вопросахъ мы должны соблюдать абсолютный нейтралитетъ и ничего болѣе, кромѣ нейтралитета*».

Если понимать положеніе «религія—частное дѣло» такъ, какъ понимаютъ его Фольмары и Бебели, то ему, по нашему мнѣнію, не мѣсто въ соціалдемократической программѣ, и правы тѣ соціалдемократы, которые требуютъ, чтобы оно было вычеркнуто. *)

Мы хотѣли бы видѣть вѣрующаго католика, который былъ бы въ то же время *сознательнымъ* соціалдемократомъ, который примирялъ бы «научный соціализмъ съ «ученіемъ» католической церкви. Хорошъ соціалдемократъ, который вѣритъ въ непогрѣшимость папы, этого высшаго наставника, указывающаго даже какія книги можно и какія нельзя читать, хорошъ соціалдемократъ, который дѣлаетъ судьей всѣхъ своихъ поступковъ іезуита исповѣдника, хорошъ соціалдемократъ, который вѣритъ, что нѣтъ власти не отъ бога и т. д.! Въ концѣ концовъ каждому нѣмецкому соціалдемократу придется носить въ груди кромѣ «своего жандарма», еще «своего попа», «своего фельдфебеля» и т. д.. Не слишкомъ ли это будетъ ужъ много?!

Не мѣсто въ соціалдемократической программѣ и другому извѣстному положенію: «отдѣленіе церкви отъ государства». Этого положенія нѣтъ въ Эрфутской программѣ, такъ какъ — говорилъ Либкнехтъ въ своей пояснительной рѣчи — этою формулировкою «церковь признается учрежденіемъ, существующимъ рядомъ съ государствомъ; а мы этого не хотимъ».

---

*) Это положеніе было внесено нами въ нашъ проектъ программы русскаго пролетаріата; мы его теперь выбрасываемъ. Надо замѣтить, что нѣкоторыя ошибки программы замѣчаешь только тогда, когда пишешь къ ней подробное поясненіе, когда стараешься разобраться во всѣхъ возможныхъ возраженіяхъ противъ каждаго ея слова.

Съ нашей точки зрѣнія этою формулировкою пролетаріатъ какъ бы признаетъ право на существованіе и за государствомъ, и за церковью, а ему слѣдуетъ отказать въ этомъ правѣ имъ обоимъ.

Церковная организація съ ея «духовно»-бюрократической іерархіей такое же орудіе господствующаго класса для угнетенія и эксплуатаціи трудящихся массъ, какъ и организація государственная. Формально ихъ можно раздѣлить, но фактически они будутъ связаны между собою эксплуататорскимъ интересомъ буржуазіи. Они поддерживаютъ ея господство въ «равновѣсіи»; тамъ, гдѣ государство ослабѣваетъ, буржуазія старается усилить церковь, усилить порабощающее вліяніе церкви.

«Чѣмъ меньше — говоритъ Бебель — государственная власть при посредствѣ своей организаціи руководитъ массами, тѣмъ больше это должна дѣлать религія — церковь —, поэтому буржуазія всего благочестивѣе тамъ, гдѣ государственная власть всего слабѣе; на ряду съ Соед. Штат. въ Англіи, Бельгіи и Швейцаріи.» *)

Церковь старается оглушить или одурманить мозгъ человѣка, когда онъ еще не окрѣпъ, когда онъ находится въ періодѣ развитія, — она старается поэтому захватить въ свои руки школу. Пролетаріату надо, разумѣется, не щадить усилій, чтобы защитить своихъ дѣтей отъ поповскаго вліянія, онъ долженъ стремиться къ отмѣнѣ преподаванія догматовъ какой бы то ни было религіи на общественный счетъ и въ общественныхъ зданіяхъ. Но не надо увлекаться современною «свѣтскостью» школъ; если буржуазія въ нѣкоторыхъ странахъ, наприм., во Франціи отмѣнила въ государственныхъ школахъ преподованіе религіозныхъ догматовъ, то за то она ввела преподованіе догматовъ государственной морали, стараясь внушить вѣру въ божественность собственности, законовъ, обязательной военной службы и т. д. О томъ, каковы должны быть пролетарскія школы, мы поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

---

*) Женщина и соціализмъ» стр. 504 нашего перевода.

VIII.

Одной изъ главныхъ опоръ буржуазнаго владычества и однимъ изъ главныхъ препятствій для созданіи дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ гарантій народной и личной свободы является **милитаризмъ**, подъ которымъ мы понимаемъ систему всѣхъ военныхъ или воинскихъ учрежденій и явленій: воинскую повинность, военные расходы, вооруженный миръ, войну и т. д.

Развитіе современнаго милитаризма стоитъ въ непосредственной зависимости отъ развитія капитализма. Характерныя черты милитаризма можно назвать капиталистическими.

Представительница капитализма, современная буржуазія отнюдь не воинственна, она любитъ миръ, *правда, вооруженный*, и всѣ ея политическіе главари, коронованные и не коронованные, стараются заслужить наиболѣе почетное въ настоящее время прозвище «миротворца». Николай II, Эдуардъ VII, Рузвельтъ, Лубэ, Францъ Іосифъ и даже Вильгельмъ, все это — «миротворцы». Миръ славословится на всѣхъ языкахъ и на всѣ лады. Дипломаты устраиваютъ мирныя конференціи, заключаютъ договоры о третейскомъ разрѣшеніи возникающихъ между государствами недоразумѣній, парламентскіе дѣльцы обмѣниваются «международными» визитами, съѣзжаются на «конгрессы мира», одинъ изъ владыкъ Сѣв. Ам. Соед. Штатовъ промышленникъ Карнеджи жертвуетъ нѣсколько милльоновъ на постройку въ Гаагѣ дворца мира и т. д. и т. д. Нельзя сказать, чтобы все это говорилось и дѣлалось неискренно. Современная буржуазія искренно хочетъ *мирно выжиматъ прибавочную цѣнность* изъ всего рабочаго народа независимо отъ расы, національности, вѣроисповѣданія, пола и возраста. «Настоящей» европейской войны буржуазія боится, какъ огня, понимая, или по крайней мѣрѣ, предчувствуя, что эта война можетъ разрушить всѣ эксплуататорскіе расчеты, что она можетъ не только «разорить» капиталистовъ, но и послужить исходной точкой пролетарскаго переворота, когда всѣ акціи, облигаціи, векселя и проч. будутъ превращены въ бумажную массу, изъ которой выйдетъ прекрасная бумага для напечатанья исторіи первой пролетарской революціи. Когда въ февралѣ этого года

вспыхнула русско-японская война европейская *буржуазная* пресса не могла скрыть трепета и страха, какъ бы это манджурское кровопролитіе не повело за собой войны европейской; миролюбивый тонъ повысился; «дружественныя» отношенія ,между правительствами усилились; и никакія «неосторожности» русскаго флота, топившаго нейтральные торговые корабли, нападавшаго на англійскіе рыбацкіе суда и т. д. не могли до сихъ поръ раздуть манджурскій пожаръ въ европейскую войну. Если русскому правительству приходится съ осторожностью выводить войска изъ Западнаго края и другихъ пограничныхъ мѣстностей на Дальній Востокъ, то не изъ опасенія неожиданностей со стороны Германіи, Австріи, Швеціи, а изъ страха передъ «внутреннимъ врагомъ».

Не смотря на эту искреннюю боязнь европейской войны, всѣ современные государства неустанно вооружаются, безпрестанно увеличивая количество войскъ и военныхъ судовъ, вводя все болѣе и болѣе усовершенствованные орудія массового убійства. «Молохъ ростетъ» прогрессивно съ ростомъ буржуазнаго миролюбія и правительственныхъ заявленій въ пользу мира.

Мирный составъ армій превышаетъ въ настоящее время 4 милльона человѣкъ. Ежегодный военно-морской бюджетъ современныхъ государствъ превышаетъ 4 милльярда рублей, не считая огромныхъ процентовъ на государственные долги, значительная часть которыхъ сдѣлана на покрытіе издержекъ по вооруженію, постройкѣ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій и т. п.

Въ Россіи по росписи 1903 г. на военное министерство приходилось около 330 милльоновъ рублей, на морское около 116 милльоновъ, на платежи процентовъ по государственнымъ долгамъ около 291 милльона рублей.

Лошадей въ европейскихъ арміяхъ занято болѣе 710.000. «Nouveau manuel du soldat» (Новое руководстволя солдатъ), изданное французской конфедераціей труда, высчитываетъ, что вооруженный миръ обходится одной Европѣ ежегодно въ 11 милльярдовъ 363 милльона франковъ, если считать цѣнность каждаго рабочаго дня солдата въ 3 франка, лошади въ 2 франка.

Съ трудовой энергіей, выражаемой этой цѣнностью, вѣроятно, можно было бы въ нѣсколько лѣтъ всѣ пустыни земного шара превратить въ плодоносныя нивы, можно было бы создать достаточно продуктовъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ жителей земного шара, но миролюбивая буржуазія боится устраненія человѣческой нужды еще больше, чѣмъ европейской войны, такъ какъ, разъ исчезнетъ нужда, исчезнетъ и капиталистическая эксплуатація.

Огромные военно-морскіе расходы давятъ трудящіяся массы, но буржуазія переноситъ ихъ не только легко, но даже съ удовольствіемъ, такъ какъ очень почтенный процентъ этихъ расходовъ попадаетъ въ карманы капиталистовъ, какъ промышленныхъ, такъ и и денежныхъ. *Вооруженный* миръ поддерживаетъ обширную военно-морскую промышленность, гдѣ рабочій трудъ даетъ предпринимателямъ превосходную прибавочную цѣнность. Ни на чемъ нельзя такъ быстро нажиться, какъ на всевозможныхъ доставкахъ военному и морскому вѣдомству. Не даромъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Германіи считался пушечный король Круппъ. Что касается банкировъ и вообще финансистовъ, то они сильно похудѣли бы, если бы правительства не дѣлали постоянныхъ займовъ на новыя вооруженія арміи и флота.

Въ этихъ выгодахъ одна изъ причинъ, что буржуазія любитъ миръ не безоружный, а вооруженный.

Вторая причина въ тѣхъ гарантіяхъ, которыя, какъ думаетъ буржуазія, ей даетъ сильная и хорошо вооруженная армія противъ возстанія эксплуатируемаго пролетаріата.

Это — причины «любви» буржуазіи къ вооруженіямъ, но не причины ихъ прогрессивнаго роста.

Вооруженія безпрерывно возрастаютъ подъ вліяніемъ соревнованія капиталистовъ различныхъ странъ въ отысканіи все новыхъ и новыхъ источниковъ эксплуатаціи и наживы. Капиталисты гоняются за прибылью по земному шару въ перегонку. Эта міровая гонка происходитъ не между отдѣльными лицами, а между группами ихъ, во главѣ которыхъ стоятъ правительства современныхъ цивилизованныхъ государствъ. Невѣрно было бы назвать эти группы «національными». За правительствомъ той или другой страны,

участвующей въ гонкѣ, стоятъ нерѣдко капиталисты самыхъ различныхъ національностей; бываетъ и такъ, что капиталисты одной и той же національности гонятся въ различныхъ группахъ. Все зависитъ отъ того, куда вложилъ капиталистъ свои капиталы, отъ успѣха какого правительства ожидаетъ онъ увеличенія своей прибыли.

Нѣкоторымъ, даже англійскимъ капиталистамъ, хотя бы напр., собственникамъ Юзовскихъ заводовъ, успѣхъ Россіи въ «международной гонкѣ» важнѣе успѣха самой Англіи; но среди англійскихъ капиталистовъ русскіе «патріоты» все же исключеніе; среди же французскихъ и бельгійскихъ собственниковъ «русскіе патріоты», горячо принимающіе къ сердцу или, что то-же, къ карману «международные интересы» Россіи составляютъ большинство.

Успѣхъ въ международной гонкѣ изъ за новыхъ рынковъ для сбыта товаровъ и изъ за новыхъ областей съ дешевыми рабочими руками и богатыми залежами руды, каменнаго угля и т. д. зависитъ отъ силы арміи и флота, и правительства стараются перегнать другъ друга, увеличивая постоянное войско, строя броненосцы и миноносцы, вводя усовершенствованія смертоносныхъ орудій, проводя новыя стратегическія желѣзнодорожныя линіи... «Европейскій миръ» при этомъ не нарушается, «великія державы» ограничиваются взаимнымъ подсчетомъ силъ и въ зависимости отъ результатовъ его уступаютъ или не уступаютъ другъ другу, но «*войны колоніальныя*» ведутся безпрерывно, обильно орошая кровью «цивилизованныхъ» пролетаріевъ и не цивилизованныхъ «варваровъ»—туземцевъ горъ и долинъ Азіи, Африки, Филиппинъ и т. д.

Особенностью и общимъ признакомъ «колоніальныхъ войнъ» является то, что онѣ ведутся въ «колоніяхъ», вдали отъ Европы, вдали отъ центровъ «культуры и цивилизаціи», вдали отъ резиденціи капиталистовъ, вызывающихъ ихъ; сжигаются и разрушаются деревни и города въ Манджуріи, Трансваалѣ, на Филиппинскихъ островахъ; до городовъ же Европы и Сѣверной Америки не доносится пушечнаго гула, и жизнь въ нихъ течетъ обычнымъ порядкомъ: здѣсь мирно играютъ на биржахъ, мирно наслаждаются деликатесами, музыкой, флиртомъ, спортомъ и т. д.; тамъ

же за десятки тысячъ верстъ на манджурскихъ или африканскихъ поляхъ десятки и сотни тысячъ людей, не зная зачѣмъ и почему, колютъ другъ друга штыками, разрываютъ на части бомбами, душатъ руками; здѣсь въ культурно-биржевыхъ центрахъ со смакомъ читаютъ описанія всѣхъ этихъ звѣрствъ, высчитывая на сколько они могутъ повысить или понизить цѣны тѣхъ или другихъ акцій; тамъ, на поляхъ битвы воздухъ зараженъ смрадомъ разлагающихся труповъ, здѣсь въ салонахъ истинныхъ виновниковъ бойни воздухъ напоенъ ароматомъ тонкихъ модныхъ духовъ...

«Колоніальныя войны» ведутся со свирѣпой жестокостью, отъ нихъ страдаютъ не только воюющіе солдаты, но и «нейтральные» жители, битвы принимаютъ характеръ безпощадной бойни; европейскіе солдаты десятками тысячъ гибнутъ не только отъ бомбъ, штыковъ и пуль, но и отъ убійственныхъ для нихъ климатическихъ условій; но для капиталистовъ эти войны совершенно безопасны и безвредны; эта безопасность, эта безвредность можетъ, повторяемъ, считаться ихъ общимъ признакомъ; другимъ общимъ признакомъ является ихъ чисто капиталистическій характеръ, т. е. ихъ возникновеніе исключительно ради матерьяльныхъ интересовъ или всей *) буржуазіи, или части ея.

Къ «колоніальнымъ войнамъ» слѣдуетъ причислить и происходящую въ настоящее время русско-японскую войну. Эта самая кровопролитная и самая значительная изъ всѣхъ колоніальныхъ войнъ, происходившихъ до сихъ поръ; она подготовлена быстрымъ развитіемъ капиталистическаго строя двухъ юныхъ, но могучихъ странъ, она связана съ судьбами капитализма всего міра, она чревата событіями, важными для развитія всего человѣчества.

Въ русской нелегальной печати господствуетъ взглядъ, что эта война ничто иное, какъ «авантюра русскаго самодержавія», подъ которымъ понимается придворная клика съ царемъ во главѣ, ничто иное какъ «его послѣдняя карта» (сколько ужъ было этихъ «послѣднихъ картъ»!) въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ.

*) Въ интересахъ всей буржуазіи Европа, Америка, Японія усмиряли Китай въ 1901 г.

Даже Парвусъ, отъ котораго болѣе, чѣмъ отъ кого нибудь другого, можно было ожидать выдержаннаго историко-матеріалистическаго взгляда на эту войну, ставитъ ее въ зависимость отъ «сумасброднаго романтизма дома Романовыхъ!»

«Торговые интересы, которыя въ колоніальной политикѣ Европы — пишетъ онъ*) — играютъ главную роль, въ политикѣ царскаго правительства отступаютъ на задній планъ. Ея цѣль — распространить могущество россійской имперіи: обратить весь міръ въ собственность дома Романовыхъ. Сумасбродный романтизмъ! Весь земной шаръ со всѣми его странами и народами привести къ подножію царскаго трона; всю игру міровой исторіи, промышленность, войны, національную борьбу, классовую борьбу, матерьяльную и духовную жизнь направить къ единой цѣли: къ вящей славѣ династіи Романовыхъ! Это, конечно, глупость, образовавшаяся путемъ историческимъ и потому порождающая абсурды, которые становятся «разумнымъ» факторомъ человѣческой исторіи.»

Послѣ такихъ разсужденій по поводу русско-японской войны со стороны Парвуса нечего удивляться, что какой-нибудь пѣтушекъ въ родѣ г. Т., не научившійся еще хорошенько выводить даже ортодоксально-искровское ку-ку-ре-ку, съ комичнымъ задоромъ налетаетъ на комитеты искровскаго «большинства», не воспринявшіе такихъ, напр., непреложныхъ пѣтушинныхъ истинъ, какъ слѣдующія: «величайшимъ осужденіемъ» комитетскихъ прокламацій служитъ то, что «онѣ могли бы быть безъ измѣненій переведены на японскій языкъ для политическаго вразумленія японскаго пролетаріата»; «война Россіи съ Японіей совсѣмъ не то, что война Японіи съ Россіей»; «со стороны Японіи — это война буржуазной «націи» за условія ея буржуазнаго развитія, т. е. дальнѣйшаго расширенія капиталистической эксплуатаціи; со стороны Россіи — это война самодержавнаго правительства, ставшаго въ непримиримое противорѣчіе съ условіями *буржуазнаго* развитія націи» и т. п.

Все это можетъ показаться истиной лишь для того, кто не можетъ или не хочетъ твердо стоять на

*) «Искра» № 59.

почвѣ фактовъ въ ихъ объективной причинной связи. Въ дѣйствительности русско-японская война вызвана совсѣмъ не «сумасброднымъ романтизмомъ династіи Романовыхъ», а закономѣрнымъ позитивизмомъ международнаго капитализма; величайшей похвалой комитетскимъ прокламаціямъ было бы утвержденіе, что они могли бы, будучи переведены на японскій языкъ, служить для политическаго вразумленія японскаго пролетаріата, который въ подобномъ вразумленіи нуждается еще больше, чѣмъ пролетаріатъ русскій;*) война Россіи съ Японіей въ основѣ то же самое, что война Японіи съ Россіей, такъ какъ съ той и другой стороны она ведется во имя прибыли капиталистовъ на счетъ трудящихся массъ пролетаріата. Правда, японскій народъ ведетъ войну, гораздо болѣе опьяненный, одурманенный патріотизмомъ, чѣмъ народъ русскій, но это объясняется совсѣмъ не большою культурностью Японіи,**) какъ думаютъ «искристы», а, напротивъ, ея

*) «Нѣтъ никого — писалъ въ концѣ февраля 1904 г. органъ японскихъ соціалистовъ «Хейминъ Шимбунъ» — никого во всей странѣ, кто бы хоть на моментъ пришелъ въ себя и задумался о томъ злѣ, которое несомнѣнно повлечетъ за собою эта война. Даже рабочее населеніе не видитъ, что война для него событіе, о наступленіи котораго ему нужно сильнѣйшимъ образомъ сожалѣть; и оно серьезно мечтаетъ, что его положеніе улучшится, благодаря современному бѣдствію. Кажется, что всѣ люди одурманили себя алкоголемъ. Кто дрожитъ отъ леденящаго кровь холода, то можетъ, конечно, почувствовать облегченіе, проглотивъ хорошій глотокъ водки, но не почувствуетъ ли онъ свою нужду еще сильнѣе, когда пройдетъ дѣйствіе алкоголя! Мы, соціалисты, (ихъ, увы, очень мало! В. П.) хотимъ въ этомъ сумбурѣ *остаться трезвыми* и обсудить дѣло холоднымъ разсудкомъ. Была ли война между Россіей и Японіей дѣйствительно *неизбѣжна?* Правильно ли воззрѣніе, что независимости Японіи грозитъ опасность, если русскія войска не будутъ вытѣснены изъ Манджуріи? Развѣ не вѣрно, что война приноситъ рядъ выгодъ *только немногимъ капиталистамъ*, въ то время какъ *пролетаріату она приноситъ самый горестный жребій?* Пока эти вопросы не получатъ удовлетворительнаго отвѣта, мы *не можемъ одобрить начинающуюся теперь войну*».

**) Чтобы опровергнуть басни о культурности Японіи достаточно указать на рабское положеніе японской женщины, на ужасающія условія фабричнаго труда, почти совершенно не регламентированнаго рабочимъ законодательствомъ. Невольно вспоминаю также одного своего пріятеля японца, нынѣ доктора медицины, который въ началѣ 90-хъ годовъ много разсказывалъ мнѣ о японской жизни и ея быст-

меньшею культурностью по сравненію съ Россіей, взятой въ цѣломъ со всѣми ея окраинами: въ Японіи воинственныхъ феодальныхъ элементовъ гораздо больше, сознательнаго интеллигентнаго и промышленнаго пролетаріата гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи; ея политическая свобода чисто кажущаяся; ея конституціонализмъ — чисто «показной» и, какъ таковой, лишь укрѣпляетъ абсолютизмъ *); «добродѣтели Микадо», по словамъ адмирала Того, взрывающія русскіе броненосцы, играютъ въ японской жизни большую роль, чѣмъ благословенія царя, отбивающія японцевъ отъ Портъ-Артура.

Объяснять русско-японскую войну авантюризмомъ царя столь же ненаучно, какъ объяснять ее авантюризмомъ микадо. Причины лежатъ гораздо глубже, и, дѣйствительно, научную *попытку* выяснить ихъ дѣлаетъ М. Бэръ, сотрудникъ «Die Neue Zeit», въ статьѣ «О русско-японскомъ конфликтѣ», напечатанной въ декабрѣ 1903 г., т. е. еще до начала военныхъ дѣйствій. Эта небольшая статья выясняетъ причину войны несравненно лучше, чѣмъ всѣ статьи «Искры», написанныя на ту же тему послѣ начала военныхъ дѣйствій.

Бэръ указываетъ прежде всего на поразительное сходство борьбы между Россіей и Японіей изъ за сѣвернаго Китая со старою двухсотлѣтнею борьбою Россіи изъ за Турціи. И тамъ и тутъ «основа и двигательныя силы однородны: неспособность Китая и Турціи сбросить устарѣлую соціальную организацію, и принять организацію, подходящую къ общимъ культурнымъ условіямъ или вѣрнѣе къ европейскому типу, имѣющему рѣшающее значеніе; далѣе стремленіе Россіи найти себѣ выходъ къ міровымъ морскимъ путямъ и противодѣйствіе этимъ русскимъ цѣлямъ со стороны нѣкоторыхъ великихъ державъ. На дальнемъ востокѣ дѣло идетъ для Россіи о свободномъ выходѣ черезъ Печилійскій заливъ и Корейскій проливъ, на ближнемъ востокѣ — черезъ

ромъ культурномъ развитіи. Однимъ изъ важныхъ шаговъ по пути прогресса онъ считалъ введеніе «ѣзды на людяхъ»: удешевилось передвиженіе и уменьшилась безработица.

*) Что показной или кажущійся конституціонализмъ укрѣпляетъ абсолютизмъ хорошо доказывалъ еще Лассаль.

Черное море и Дарданеллы. На ближнемъ востокѣ Россія встрѣтила противниковъ въ самой Турціи и въ отдѣльныхъ европейскихъ великихъ державахъ, на дальнемъ востокѣ на пути Россіи стоятъ Японія, Англія, Соединенные Штаты и, быть можетъ, Китай.»

«Великая дипломатическая руководящая мысль, господствующая уже два столѣтія надъ внѣшней политикой Россіи — хорошо извѣстна», говоритъ далѣе Бэръ. Она выражается въ словахъ: «*Россіи нужна вода*». Ее формулировалъ Петръ Великій... «Петръ Великій не только формулировалъ дипломатическую мысль Россіи, но и указалъ направленіе мечемъ. Онъ бросился на Турцію, чтобы получить доступъ къ Черному морю, онъ уничтожилъ силу Швеціи, чтобы господствовать на Балтійскомъ морѣ и подъ ничтожнымъ предлогомъ объявилъ Персіи войну, чтобы отобрать у нея Каспійское море. Направленіе было дано; оно шло отъ Петербурга къ Босфору; оно было осью, вокругъ которой вращалась русская дипломатія до второй половины XIX столѣтія. Съ этихъ поръ замѣчается все болѣе рѣзкое отклоненіе отъ Босфора къ Печилійскому заливу. Разочарованіе Россіи исходомъ послѣдней восточной войны (1877—78) можетъ быть было одною изъ причинъ этого поворота. Но нельзя разсматривать это, какъ главную причину. *Такъ механически всемірно-политическія событія не совершаются.*

Кромѣ того этотъ поворотъ — явленіе не изолированное. Въ серединѣ XIX столѣтія произошли глубокія измѣненія въ странахъ на Великомъ океанѣ. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Китай пережилъ сильное внутреннее броженіе, нашедшее себѣ выраженіе въ возстаніи Тайпинговъ. Около того же времени Соединенные Штаты ищутъ доступа къ Восточной Азіи; Англія и Франція навязываютъ Китаю войну; Россія утверждается на Амурѣ (1858 г.); Японія начинаетъ искать новую соціальную форму организаціи! Весь этотъ комплексъ явленій заставляетъ придти къ

---

*) Здѣсь мы невольно вспоминаемъ тотъ панегирикъ, который произнесъ Петру Великому Плехановъ на митингѣ въ Амстердамѣ 21 августа. Онъ доказывалъ, что русскому пролетаріату выпадаетъ на долю продолжать дѣло русской цивилизаціи, начатое Петромъ Великимъ.

В. П.

тому заключенію, что міровая торговля передвинулась къ Великому Океану, и это пробудило европейскіе народы и привлекло вниманіе европейскихъ державъ. Причину этого перемѣщенія міровой торговли можно найти въ расширеніи англійской торговой жизни и въ открытіи калифорнскихъ золотыхъ розсыпей, а также въ послѣдовавшемъ за этимъ промышленнымъ подъемомъ Соединенныхъ Штатовъ. Англія, Франція и Соединенные Штаты раскрыли Восточную Азію, и она со второй половины прошлаго столѣтія все болѣе и болѣе втягивалась въ кругъ міровой политики. Уже въ 1866 г. генералъ Богдановичъ *) представилъ царю Александру II планъ желѣзной дороги отъ Москвы къ Великому Океану».

Бэръ излагаетъ затѣмъ извѣстныя событія международной борьбы изъ за Великаго Океана и Китая (Японско-китайскую войну, постройку Сибирской дороги, занятіе Германіей Кіао-Чоу, Россіей Портъ-Артура, Англіей Вей-Ха-Вея, возстаніе боксеровъ и т. д.).

Подойдя къ попыткамъ Россіи утвердиться въ Кореѣ и ея отказу очистить Манджурію, Бэръ указываетъ, что съ одной стороны Японія справедливо видитъ въ этомъ опасность для своего «культурнаго» (понимай — капиталистическаго) развитія, но съ другой «Россія точно также не можетъ допустить сильную враждебную державу утвердиться въ Манджуріи и Кореѣ». «Движеніе Россіи въ Восточную Азію вызывается потребностью въ незамерзающихъ гаваняхъ. Портъ-Артуръ считается одною изъ лучшихъ военныхъ гаваней въ мірѣ и онъ господствуетъ надъ путемъ въ Пекинъ. Корея во владѣніи морской державы—угроза Портъ-Артуру. Если Россія хочетъ господствовать надъ Манджуріей и Печелійскимъ заливомъ, она должна занять Корею. Кто на столько ознакомился съ имперіалистическимъ мышленіемъ, что можетъ перенестись въ него, тотъ долженъ находить смѣшнымъ, что отъ державы, растянувшейся на два континента, ожидаютъ внезапной остановки передъ восточно-азіатскимъ полуостровомъ, именуемомъ Кореей. Такой по-

*) Здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ военномъ историкѣ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ «современнымъ» генераломъ Богдановичемъ, извѣстнымъ шутомъ гороховымъ. В. П.

луостровъ, какъ Корейскій, который господствуетъ надъ входомъ въ Печелійскій заливъ, а черезъ Корейскій проливъ и надъ Японіей, имѣетъ для Россіи, какъ восточно-азіатской морской державы, огромное значеніе. Представимъ себѣ, что Германская имперія послѣ большихъ финансовыхъ усилій, послѣ политической и военной борьбы изъ за морского порта, получила бы Любекъ и Киль. Гамбурга и Бремена не существовало бы, и прорытіе канала къ Сѣверному морю и Атлантическому океану было бы невозможно. Любекъ и Киль стояли бы тогда подъ угрозой со стороны датскаго берега и Зунда. Чтобы сдѣлать изъ Любека и Киля безопасныя гавани, политика Германіи должна была бы быть направлена на то, чтобы или Данію держать въ состояніи слабости, или—если бы Швеція была сильна и претендовала на Данію—разбить Швецію и присоединить Данію. Что Любекъ и Киль, Данія и Швеція были бы для Германіи, то Дальній и Портъ-Артуръ, Корея и Японія для Россіи. Но для Россіи надо принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Она владѣетъ въ восточной Азіи еще Владивостокомъ и хочетъ имѣть безопасную соединительную линію между нимъ и Портъ-Артуромъ, но между этими двумя гаванями клинообразно врѣзывается Корея, которая со своей южной стороны во всякое время можетъ угрожать русской соединительной линіи. Для охраны своей морской силы Россія принуждена такимъ образомъ завладѣть Кореей и господствовать на ея берегахъ, но на пути къ этому господству стоитъ подымающаяся Японія»...

«Японія хочетъ жить и расширяться; линія ея расширенія идетъ черезъ Корею. Въ Сѣверномъ Китаѣ между тѣмъ нѣтъ мѣста для двухъ сильныхъ державъ. Такимъ образомъ Японія препятствіе для Россіи, Россія препятствіе для Японіи».

Эти разсужденія гораздо ближе къ истинѣ, т. е. къ дѣйствительности, чѣмъ ссылки «на сумасбродный романтизмъ дома Романовыхъ», на «авантюру придворной клики», на противорѣчіе между буржуазнымъ развитіемъ и самодержавіемъ.

Съ буржуазно-капиталистической точки зрѣнія Россія и Японія совершенно «правы», не желая другъ другу уступать въ томъ важномъ для ихъ буржуазіи

вопросѣ, какъ владѣніе Манджуріей и Кореей. Стремясь дотянуться до Великаго Океана и занять на немъ «надлежащее» положеніе сильной морской державы, русское «самодержавіе» дѣйствовало въ интересахъ какъ русскихъ капиталистовъ, такъ и иностранныхъ, вложившихъ свои «сбереженія» въ русскія предпріятія и русскіе фонды. Бэръ въ концѣ своей статьи указываетъ, что «представители русской индустріи» требовали отъ правительства, чтобы оно «разъ на всегда присоединило Манджурію и превратило ее въ русскую хозяйственную область». Къ восточной политикѣ русскаго правительства особенно сочувственно относились прогрессивные «иностранные капиталы», и не даромъ именно ихъ главный *политическій* представитель Витте «устроилъ» манджурскую желѣзнодорожную линію, которая непосредственно вела къ войнѣ. Восточно-азіатская политика была также одной изъ причинъ примиренія крупныхъ польскихъ капиталистовъ-предпринимателей съ русскимъ владычествомъ, какъ на это, указываетъ Роза Люксембургъ въ своей книгѣ о «Промышленномъ развитіи Польши». Въ русской и иностранной печати никогда не было недостатка въ краснорѣчивыхъ и «убѣжденныхъ» защитникахъ активной политики Россіи на Дальнемъ Востокѣ, и это совсѣмъ не приверженцы самодержавно-монархическаго режима: въ то время, какъ князь Мещерскій готовъ отказаться и отъ Манджуріи, и отъ Кореи, лишь бы поскорѣе покончить опасную войну, такіе писатели, какъ Луговой и Левъ Толстой-сынъ выполняютъ свой «патріотическій долгъ», съ горячностью проповѣдуя необходимость для Россіи во что бы то ни стало сломить Японію и утвердиться на Великомъ Океанѣ.

Если бы Россія изъ единой и нераздѣльной самодержавной имперіи превратилась въ *единую и нераздѣльную буржуазную республику*, ея «имперіалистская политика» проводилась бы, вѣроятно, еще съ большею настойчивостью, но во всякомъ случаѣ въ томъ же направленіи къ «водѣ», къ выходамъ на великіе морскіе пути, къ «незамерзающимъ портамъ».

Форма правленія не имѣетъ ничего общаго съ этимъ капиталистическимъ стремленіемъ занять хорошую позицію на восточно-азіатскихъ берегахъ Великаго Океана, куда передвинулась ось міровой торговли.

Россія ведетъ теперь кровопролитную войну не потому, что она — абсолютная монархія, а потому, что она буржуазно-капиталистическая страна. Многіе сознательные и безсознательные идеологи буржуазіи стараются, правда, свалить передъ народомъ вину за войну и всѣ ея бѣдствія и неудачи исключительно на самодержавную форму правленія, но сознательные пролетаріи должны употребить всѣ усилія, чтобы раскрыть этотъ сознательный или безсознательный обманъ и указать главнаго виновника — международную буржуазію. Какъ во всѣхъ странахъ, какъ въ Англіи, Японіи и т. д., такъ и у насъ виновниками милитаризма съ его давящимъ народы *вооруженнымъ* миромъ съ его свирѣпыми колоніальными войнами являются капиталисты, которые подъ культурой понимаютъ высокую прибыль, подъ человѣческимъ благомъ высокій процентъ. Только покончивъ съ ихъ міровымъ господствомъ, только замѣнивъ производство товаровъ ради прибыли производствомъ продуктовъ ради потребленія, пролетаріатъ положитъ конецъ милитаризму и сдѣлаетъ невозможной войну со всѣми ея ужасами.

Но, чтобы покончить съ капитализмомъ, пролетаріату нужно ясно понять, что милитаризмъ, необходимый для господства буржуазіи, несовмѣстимъ съ пролетарскою свободою; пролетаріату нужно отвергнуть его рѣшительно и *во всѣхъ формахъ*. Въ современномъ обществѣ милитаризмъ — орудіе угнетенія пролетаріата, въ будущемъ обществѣ не будетъ никакого угнетенія и не нужно будетъ никакихъ орудій угнетенія. Пролетаріатъ долженъ стремиться совершенно уничтожить милитаризмъ, а не *исправить* его замѣною постояннаго войска милиціей, несправедливыхъ войнъ «справедливыми». Часть рабочихъ массъ сознаетъ это вполнѣ ясно, какъ показываетъ, напр., антимилитаристическая дѣятельность французскихъ революціонныхъ синдикалистовъ, но соціалдемократическіе «верхи», пропитанные мелкобуржуазнымъ духомъ, еще крѣпко стоитъ за исправленіе мидитаризма».

«Неужели — восклицаетъ авторъ брошюры «Милитаризмъ и рабочій классъ», изданной Лигой русской революціонной соціалдемократіи—соціалистическій про-

летаріатъ хочетъ оставить *отечество* безъ всякихъ средствъ къ оборонѣ?» И спѣшитъ успокоить своихъ читателей: «Нѣтъ. Требуя отмѣны постоянныхъ армій, соціалистическая рабочая партія требуетъ замѣны ихъ *народнымъ ополченіемъ* (милиціей).»

Далѣе идетъ призывъ къ обученію «всѣхъ молодыхъ людей *военному ремеслу*», т. е. массовому убійству и успокоительное указаніе, что тѣмъ «немногимъ теперь странамъ, въ которыхъ нѣтъ постоянныхъ армій, а господствуетъ система народнаго ополченія (милиція), какъ, наприм., Швейцарія, не приходится раскаиваться въ этомъ».

Чего тутъ раскаиваться! *Милиція въ Швейцаріи прекрасно усмиряетъ стачечниковъ*, вполнѣ замѣняя нашихъ «конныхъ городовыхъ», жандармовъ и казаковъ.

Успокаиваетъ авторъ читателей и на счетъ храбрости и дисциплины, въ которыхъ у милиціи недостатка нѣтъ и не будетъ.

«Гражданинъ, знающій за что онъ сражается, всегда будетъ сражаться *лучше*, чѣмъ солдатъ, готовый изъ подъ палки бить направо и налѣво. Такой гражданинъ подчинится и необходимой дисциплинѣ». Такой гражданинъ еще *лучше*, чѣмъ русскіе и японскіе солдаты подъ Мукденомъ и Портъ-Артуромъ, будетъ выполнять основное правило «военнаго ремесла»», формулированное Драгомировымъ въ такихъ приблизительно словахъ: «Коли штыкомъ *твердо*, сломался штыкъ, бей ружейнымъ ложемъ, разбилось ложе, души руками, обрубили руки, кусай зубами»!

Всѣ эти восторги русскаго революціоннаго соціалдемократа по поводу необычайной способности милиціи къ «военному ремеслу» вполнѣ «ортодоксальны» и постоянно встрѣчаются на страницахъ партійныхъ изданій нѣмецкой соціалдемократіи, но русскій революціонный соціалдемократъ впадаетъ въ непозволительную ересь, когда съ одобреніемъ отзывается о пропагандѣ соціализма въ казармахъ. Если бы онъ вздумалъ одобрять подобныя «безтактности» въ нѣмецкой соціалдемократической печати, то вожаки такъ бы на него прикрикнули, что онъ сразу прикусилъ бы языкъ. Но оставимъ пока вопросы о милиціи и пропагандѣ въ казармахъ, присмотримся сначала къ *отечеству*, столь

любезному сердцу революціоннаго русскаго соціалдемократа.

«*Есть нѣчто ужасное въ священной любви къ отечеству*; — говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей «сослуживецъ» Робеспьера Сенъ Жюстъ, — она такъ исключительна, что безъ состраданія, безъ страха, безъ вниманія къ человѣку она всѣмъ жертвуетъ общественному интересу. Она низвергаетъ Манлія въ пропасть; она жертвуетъ своими частными интересами; она ведетъ Регула въ Карѳагенъ, она бросаетъ римлянина въ бездну и помѣщаетъ въ Пантеонъ Марата, какъ жертву преданности общественному дѣлу».

И какъ бы въ отвѣтъ на эти пышныя слова представителя революціонной буржуазіи, раздались полстолѣтія спустя простыя слова представителей революціоннаго пролетаріата: «У рабочихъ нѣтъ отечества».

Слова священной любви къ отечеству раздались подъ шумъ ударовъ ножа гильотины, слова коммунистическаго манифеста объ отсутствіи у рабочихъ отечества грянули подъ шумъ ударовъ трудового молота, кующаго счастье людей, освобожденныхъ отъ вѣры, царя и отечества.

У рабочихъ нѣтъ отечества, но у нихъ есть человѣчество, которое имъ суждено освободить отъ всѣхъ ужасовъ «военнаго ремесла»-

Чѣмъ ненадежнѣе становится «священная любовь» къ царю, чѣмъ рѣшительнѣе вѣру разбиваетъ знаніе, тѣмъ важнѣе для буржуазіи одурманивать пролетаріатъ священною любовью къ отечеству.

— Что такое это отечество?

«Отечество не представляетъ болѣе миѳа, оно болѣе даже не идея, не чувство, не моральное понятіе, оно — совокупность интересовъ, сгрупированныхъ на опредѣленной территоріи, которую изолируютъ пограничныя заставы въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Отечество, которое опиралось на идеалъ, на абстракцію, опирается нынѣ на матерьяльный интересъ. Идеализированнымъ оно было; матерьяльнымъ оно стало. Оно отождествлялось съ чувствомъ, теперь оно отождествляется съ товаромъ.

Нынѣ патріотъ считаетъ своимъ долгомъ избѣгать всякой военной тягости; онъ боится того, чего искали

предки, но онъ толкаетъ въ опасность наивныхъ, вѣрующихъ въ него, а самъ готовъ бѣжать по первому тревожному сигналу. Онъ озабоченъ единственно тѣмъ, чтобы событія, которыя имъ вызываются, благопріятствовали его самымъ матерьяльнымъ интересамъ. Если онъ видитъ возможность кого-нибудь ограбить и присвоить чужія богатства, онъ толкаетъ событія къ войнѣ, въ которой не принимаетъ участія. Его существованіе слишкомъ драгоцѣнно, чтобы онъ сталъ имъ рисковать. Это — буржуа, хозяинъ, капиталистъ.

Но чтобы вести войну во имя своихъ интересовъ противъ интересовъ такихъ же патріотовъ, какъ онъ, собранныхъ въ другой странѣ, онъ, какъ человѣкъ практическій, пользуется людьми, оторванными отъ земли. Эти послѣдніе по трусости или невѣжеству улавливаются на ложь и, какъ дикіе, бросаются на другихъ людей, толкаемыхъ такими же мотивами. Ихъ столкновеніе причиняетъ опустошенія, которыя послѣ войны они должны будутъ исправлять своимъ трудомъ.

Это — рабочіе, труженники. Въ благодарность за то, что они прикованы къ рабскому труду въ полѣ или на фабрикѣ, они являются послушными боевыми орудіями; кромѣ того они плательщики налоговъ, они уплачиваютъ за разбитыя горшки наличными деньгами, которыя капиталисты соотвѣтствующихъ странъ и виновники войны опускаютъ въ свои карманы.

Ихъ нечего за это осуждать, но рабочимъ не слѣдуетъ давать себя дурачить.

Всегда изъ столкновенія одного народа съ другимъ для имущихъ получается масса выгодъ, прибылей, а для рабочихъ увеличеніе тягостей и нищеты...

...И отечество представляетъ теперь только извѣстную сумму привиллегій для однихъ и тягостей для другихъ...

Отечество превратилось въ естественнаго покровителя сильнаго противъ слабаго; оно сдѣлалось эмблемой спекуляціи, эксплуатаціи и останется таковой, пока рабочіе не освободятся отъ буржуазныхъ софизмовъ, которые представляютъ его, какъ образное выраженіе семьи и кормилицы земли».

Все это пишетъ въ органѣ французскихъ синдикатовъ В. Гриффюльсъ. Увѣренъ, что никто изъ читателей никогда о немъ не слыхалъ, признаюсь, что

и я узналъ о его существованіи только по статьѣ объ отечествѣ, изъ которой я привелъ нѣсколько мѣстъ, но признаюсь также, что мысли этого неизвѣстнаго Гриффюльса объ отечествѣ и защитѣ его доставляютъ мнѣ гораздо больше нравственнаго удовлетворенія, чѣмъ соотвѣтствующія мысли извѣстнаго всѣмъ читателямъ вождя нѣмецкой соціалдемократіи Августа Бебеля.

Мы уже приводили его патріотическое заявленіе о томъ, что нѣмецкія соціалдемократы будутъ бороться до послѣдняго издыханія противъ попытки оторвать отъ Германіи хотя бы клочекъ территоріи, что для защиты отечества они будутъ сражаться до послѣдняго человѣка и т. д.

Эти патріотическія слова, сказанныя отъ имени нѣмецкой соціалдемократіи въ германскомъ рейхстагѣ, такъ сказать передъ лицомъ всего міра, вызвали восторженное одобреніе со стороны реакціонеровъ всѣхъ странъ. Бебеля хвалили не только прусскіе юнкера; его ставили въ примѣръ французскимъ «интернаціоналистамъ» французскіе націоналисты; на него ссылались норвежскіе консерваторы, отстаивая милитаризмъ отъ нападокъ норвежскихъ радикаловъ; его, какъ искренняго патріота, «Московскія Вѣдомости» выставляли противъ «японскаго агента» Струве и т. д.

Для Бебеля всѣ эти похвалы не могутъ быть безразличны, такъ какъ онъ самъ не разъ указывалъ «ревизіонистамъ», что ихъ осуждаютъ похвалы враговъ пролетаріата, что соціалдемократу, которымъ восторгаются представители буржуа, слѣдуетъ задуматься, не сбился ли онъ съ дороги?

Не знаемъ задумался-ли самъ Бебель, но во всякомъ случаѣ его заявленіе на Бременскомъ партейтагѣ показываетъ несокрушимую увѣренность, что онъ съ своимъ нѣмецкимъ патріотизмомъ стоитъ на вѣрномъ пути.

Делегатъ Марбурга Михельсъ очень деликатно и робко коснулся вопроса, не слишкомъ-ли далеко заходитъ Бебель въ своемъ патріотизмѣ?

«Бебель — сказалъ Михельсъ — въ большой парламентской рѣчи заявилъ: соціалдемократы стали бы вмѣстѣ съ другими, защищать отечество, если бы на

на него было совершено нападеніе; мы не уступили бы ни одного клочка земли. Одинъ организованный товарищъ написалъ мнѣ тогда, что должно быть Бебель сдѣлался націоналистомъ (Смѣхъ). Я отвѣтилъ ему: Этого я не думаю. Бебель чудесный скрипачъ, но иногда онъ настраиваетъ скрипку фальшиво, и тогда вырывается нота однимъ тономъ выше (Смѣхъ.) Я во всякомъ случаѣ держусь мнѣнія, что заявленіе: Мы будемъ защищать каждый клочокъ имперіи противорѣчитъ партійной программѣ (Бебель: «Ну, ну!») Я имѣю въ виду положеніе нашей программы о *правѣ самоопредѣленія народовъ*. Да, если бы у насъ было отграниченное національное государство, то Бебель былъ бы правъ. Но мы живемъ въ государствѣ, которое присоединило къ себѣ датскія, французскія, и польскія области.

Представьте себѣ такой случай: гакатисты *) довели польское населеніе до возстанія; не должны ли быть тогда наши симпатіи на сторонѣ поляковъ? Или и тогда мы должны сражаться до послѣдней капли нашей крови, чтобы по царски подавить поляковъ?»

На этотъ прямо поставленный вопросъ Бебель не далъ никакого отвѣта, но еще разъ подтвердилъ свою патріотическую точку зрѣнія.

«Еще одно слово—сказалъ онъ—о моемъ заявленіи, что въ случаѣ наступательной войны мы ни при какихъ условіяхъ не потерпимъ потери нѣмецкой земли. Я удивлялся, что это заявленіе обратило на себя такое большое вниманіе въ партіи и внѣ ея. Это происходитъ отъ того, что у большинства людей слишкомъ короткая память и что въ партіи масса молодыхъ людей, незнающихъ партійной исторіи. Подобное заявленіе я сдѣлалъ въ рейхстагѣ въ первый разъ 24 года тому назадъ, и въ 1880 году намъ пришлось даже поспорить по этому поводу съ Фольмаромъ въ «Соціалдемократѣ». Фольмаръ держался тогда другого мнѣнія, но позже онъ присоединился къ моему взгляду (hat sich bekehrt — букв. «обратился»). Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ мы неоднократно повторяли то же самое при

*) Прусскія націоналисты, сторонники репрессивныхъ мѣръ противъ польскаго населенія въ польскихъ провинціяхъ для сохраненія въ нихъ господства прусскаго меньшинства.

обсужденіи бюджета. Это заявленіе ни въ коимъ случаѣ не противорѣчитъ нашей тактикѣ голосовать противъ военнаго бюджета, такъ какъ мы въ этомъ случаѣ оспариваемъ систему*) обороны страны. Но разъ мы убѣждаемся, что предстоитъ наступательная война съ цѣлью завоеванія нѣмецкой земли, то мы постоянно заявляли готовность защищать ее (Совершенно вѣрно!). Если бы въ 1870 году мы убѣдились въ томъ, что выяснилось впослѣдствіи, а именно, что Бисмаркъ изысканно ловкой политикой такъ перемѣшал [illegible], что Наполеонъ былъ вынужденъ объявить войну въ тотъ моментъ, въ который желалъ этого Бисмаркъ, то мы тогда не воздержались бы отъ голосованія, а голосовали бы противъ кредитовъ, Мы и въ этомъ вопросѣ всегда держались *корректно*».

Эти постоянныя заявленія нѣмецкихъ соціалдемократовъ, что они не потерпятъ обиды нѣмецкому отечеству и не уступятъ ни одного клочка «нѣмецкой» земли вызываютъ въ нашей памяти одну сцену изъ «Тяжелыхъ дней» Островскаго. Московскій купецъ Китъ Китычъ торжественно заявляетъ, что онъ не дастъ себя въ обиду. «Полно, Китъ Китычъ—резонно замѣчаетъ ему жена—кто тебя обидитъ, ты самъ всякаго обидишь.»

Кто самъ въ самомъ дѣлѣ обидитъ современную Германію, она сама всякаго обидитъ!?

Что касается до оправданія Бебелемъ своего нерѣшительнаго отношенія къ франко-прусской войнѣ незнаніемъ того, что Бисмаркъ былъ болѣе ловкій дипломатъ, чѣмъ Наполеонъ и сумѣлъ заставить Наполеона объявить войну въ удобной для себя, а не для него моментъ, то на такую точку зрѣнія становиться представителю сознательнаго пролетаріата, по меньшей мѣрѣ, неудобно. Съ пролетарской точки зрѣнія всякая дипломатія и наполеоновская, и бисмарковская одинакова лжива, одинаково направлена противъ интересовъ трудящихся массъ, которымъ приходится расплачиваться за нее своимъ потомъ и кровью.

Наконецъ, указаніе на многократность патріотическихъ заявленій нисколько не дѣлаетъ фальшиваго

*) Т. е. постоянное войско, которое, по мнѣнію Бебеля, должно быть замѣнено милиціей. В. И.

тона ихъ болѣе правильнымъ. Обѣщать отъ лица нѣмецкаго пролетаріата, что онъ прольетъ до послѣдней капли всю свою кровь, при какихъ бы обстоятельствахъ ни грозила Германской имперіи потеря клочка земли, обѣщать этого не долженъ соціалдемократическій вождь, каждое слово котораго многими встрѣчается, какъ «слово Божіе». Мы сказали бы, что онъ совершаетъ подобнымъ заявленіемъ преступленіе, если бы мы не относились ко многимъ преступленіямъ съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ прусскимъ законамъ. Скажемъ лучше—Бебель поступаетъ въ данномъ случаѣ согласно прусскому закону.

Вопросъ о защитѣ отечества возникъ на Бременскомъ партейтагѣ въ связи съ вопросомъ о «воздержаніи» соціалдемократической фракціи при голосованіи кредитовъ на расходы по усмиренію «возстанія Хереро», туземцевъ одной изъ африканскихъ «колоній» Германіи. Соціаллемократія до сихъ поръ всегда заявляла себя принципіальной противницей современной «колоніальной политики», которая въ сущности ничто иное, какъ грабежъ и истребленіе туземцевъ, безсильныхъ противъ скорострѣльныхъ ружей и митральезъ. По временамъ, однако, насилія культуртрегеровъ вызываютъ возстанія или, вѣрнѣе, взрывы отчаянья туземцевъ. Таково возстаніе Хереро. Правительство требуетъ у рейхстага средствъ для посылки въ Африку войскъ, которыя бы усмирили возставшихъ и примѣрно наказали ихъ. Соціалдемократическіе депутаты *не знаютъ*, какъ имъ отнестись къ этому требованію. Часть хочетъ голосовать за ассигнованіе необходимыхъ для усмиренія средствъ, часть—противъ и, наконецъ, большинство съ Бебелемъ во главѣ стоитъ за воздержаніе отъ голосованія. Побѣждаетъ это «среднее», пилатовское рѣшеніе, и при «первомъ чтеніи» противъ «кредитовъ» на усмиреніе не подается ни одного голоса. Совѣсть сознательнаго пролетаріата была возмущена, и въ рабочихъ собраніяхъ поведеніе фракціи подвергалось рѣзкому осужденію. Бебелю на бременскомъ партейтагѣ пришлось объясниться.

«У насъ (депутатовъ)—говоритъ онъ—были очень жаркія пренія. Въ концѣ концовъ большинство, въ томъ числѣ и я, высказалось за воздержаніе отъ голосованія. Почему? Потому что въ періодъ, когда об-

суждалось дѣло, *дѣйствительно доказанныхъ фактовъ о причинахъ возстанія еще не было. Въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ не приходится нести никакой прямой отвѣтственности, оратору легко выступить и попросту заявить: мы ни при какихъ условіяхъ не должны соглашаться на это требованіе.* Но мнѣ, какъ народному представителю, приходится взвѣшивать, какъ имѣющійся матеріалъ долженъ повліять на мое рѣшеніе. Поэтому я отъ имени фракціи заявилъ приблизительно такъ: мы очень боимся, что возстаніе въ юго-западной Африкѣ вызвано вашей политикой, но у насъ въ данный моментъ нѣтъ этихъ доказательствъ и, такъ какъ съ другой стороны мы не можемъ думать, что вина лежитъ только на противной сторонѣ, то мы пока воздерживаемся отъ голосованія, но, въ случаѣ, если наше опасеніе оправдается, что возстаніе вызвано вашей политикой, мы будемъ голосовать противъ требованія. Это было заявленіе, *корректнѣе* котораго нельзя было сдѣлать, и ярость нашихъ противниковъ по поводу нашего поведенія доказала, что мы поступили правильно.»

Ахъ, ужъ эта корректность! Какихъ еще Бебелю нужно было «доказательствъ» противъ «колоніальной политики» нѣмецкой буржуазіи?! Не зналъ онъ развѣ, что всѣ «колоніи» ничто иное, какъ хищническій захватъ чужой земли, не зналъ онъ развѣ, что «колонисты» превращаютъ чернокожихъ въ рабовъ и вьючныхъ животныхъ, предварительно отнявъ у нихъ землю и стада?

Онъ хочетъ, чтобы нѣмецкіе соціалдемократы лучше легли костьми, чѣмъ отдали клочекъ нѣмецкой земли, но, вотъ, у хереро нѣмцы отняли и землю, и свободу, и какія же могутъ быть сомнѣнія, на чьей сторонѣ лежитъ вина за вспыхнувшее возстаніе?!

И какъ страненъ для вождя пролетаріата этотъ взглядъ съ высоты отвѣтственнаго положенія народнаго представителя на оратора въ народномъ собраніи, гдѣ какъ-будто можно говорить все, что угодно, безъ всякихъ доказательствъ!?

Съ преніями по поводу защиты отечества и усмиренія хереро вполнѣ гармонировали пренія по поводу предложенія нѣкоторыхъ «товарищей» организовать пропаганду соціалистическихъ идей среди пролета-

ріевъ, призываемыхъ къ выполненію воинской повинской *до вступленія ихъ въ армію.*

«Въ особенности — говорилось въ этомъ «предложеніи» — слѣдуетъ выяснить будущимъ солдатамъ путемъ брошюръ ихъ обязанности по отношеніи къ такъ называемому «внутреннему врагу». Въ этихъ брошюрахъ слѣдуетъ также давать солдатамъ совѣтъ, какъ они должны держать себя по отношенію къ многочисленнымъ истязаніямъ солдатъ».

Вы, можетъ быть, подумаете, что это предложеніе было сочувственно встрѣчено партейтагомъ, по крайней мѣрѣ его «радикальнымъ» большинствомъ; вѣдь заявляетъ же «Искра» въ своемъ отчетѣ о Бременскомъ съѣздѣ, что онъ выполнилъ предстоявшую ему «задачу бороться съ оппортунистическими тенденціями при разрѣшеніи отдѣльныхъ очередныхъ вопросовъ, и затѣмъ, сильнѣе подчеркнуть свою революціонную позицію по отношенію къ существующимъ общественнымъ условіямъ»*).

Если вы это подумаете, то сильно ошибетесь. Предложеніе о пропагандѣ среди будущихъ солдатъ было встрѣчено бурей негодованія, объединившаго ортодоксовъ съ ревизіонистами. Надо удивляться, что молодого Карла Либкнехта (сына покойнаго Вильгельма Либкнехта) не исключили изъ партіи за то, что онъ имѣлъ «дерзость» выступить въ защиту этого непозволительнаго предложенія, занесеннаго въ протоколы подъ № 105.

Уже въ отчетѣ о состояніи кассы партійный кассиръ и вмѣстѣ съ тѣмъ членъ партійнаго правленія Геришъ, говоря о различныхъ предложеніяхъ, касающихся печати, заявилъ, что предложеніе 105 не только неудачно, но «прямо-таки вредно.»

По мнѣнію Геришъ брошюрная пропаганда среди молодыхъ людей, призываемыхъ къ военной службѣ, «чрезвычайно затрудняла бы имъ жизнь» въ казар-

*) Кстати сказать искровскій отчетъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни о преніяхъ по поводу защиты отечества, ни о преніяхъ о воздержаніи при голосованіи кредитовъ на усмиреніе хереро, ни о предложеніи пропаганды среди призывныхъ, вообще въ этомъ отчетѣ нѣтъ ни слова изъ того, что мы приводимъ на основаніи протоколовъ, изданныхъ партіей. «Искра» и на этотъ разъ «выясняетъ истину, урѣзывая ее.»

махъ. Когда въ заключеніе Геришъ высказался за передачу всѣхъ предложеній относительно печати на усмотрѣніе партійнаго правленія, Бебель крикнулъ: «105 отклонить!» и Геришъ поспѣшилъ поправиться: «Разумѣется, за исключеніемъ предложенія 105, которое мы просимъ отклонить!»

Неизвѣстный Вильгельмъ Фишеръ рѣшился все же просить партейтагъ передать и предложеніе 105 на разсмотрѣніе партійному правленію, но тогда поднялся извѣстный Рихардъ Фишеръ *) и заявилъ:

«Если вы передадите предложеніе 105 партійному правленію но разсмотрѣніе, то вы ставите его передъ задачей, которую онъ по просту не можетъ выполнить. Правленіе, если оно серьезно отнесется къ своей задачѣ, должно будетъ пойти въ разрѣзъ съ желаніемъ конгресса и заявить: я не могу выполнить «предложенія». Вы не можете же требовать отъ правленія, чтобы оно принимало предложенія, относительно которыхъ оно убѣждено, что не можетъ ихъ выполнить (Совершенно вѣрно!) Что мы всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы сдѣлать молодежь соціалдемократической, объ этомъ намъ нѣтъ надобности здѣсь толковать, мы должны это дѣлать, это — наша жизненная задача и кромѣ того она — необходимость, обусловливаемая обстоятельствами. Но подобными предложеніями молодежь нельзя сдѣлать соціалдемократической. *До извѣстной степени молодежь все же молодежь, она должна перебѣситься и она еще не годится для серьезности жизни».*

«Подобныя предложенія не слѣдуетъ принимать, такъ какъ они не имѣютъ успѣха. Въ тотъ моментъ какъ мы захотѣли бы привести ихъ въ исполненіе, у насъ отняли бы для этого возможность. Я уже теперь питаю довѣріе къ нашимъ судьямъ, что они помѣшаютъ подобной пропагандѣ соотвѣтствующимъ примѣненіемъ существующихъ законовъ, но если бы это оказалось невозможнымъ, то рейхстагъ въ теченіе двухъ недѣль принялъ бы законъ, который сдѣлалъ бы подобную

*) Въ отчетѣ «Vorwärts'a» указано, что на предложеніе Вильгельма Фишера Бебель реагировалъ восклицаніемъ: «по отношенію къ 105 это невозможно!» Рихардъ Фишеръ успокоилъ его замѣчаніемъ: «Положись ужъ на меня!» Въ протоколахъ этого инцидента нѣтъ.

агитацію невозможной (Совершенно вѣрно!). Вообще, охъ ужъ вся эта агитація среди молодежи! Посмотрите на наши законы о союзахъ и собраніяхъ! Что возможно въ Австріи, Бельгіи и т. д., то у насъ, если бы это и было желательно, невозможно. Это вы попросту играете въ игрушки. (Фольмаръ: «Въ очень опасныя игрушки!»). Я думаю, что партейтагъ отклонитъ предложеніе.» (Бебель: «совершенно вѣрно!»).

Послѣ рѣчи «перебѣсившагося» Рихарда Фишера Либкнехтъ и другіе сторонники предложенія 105, не стали уже настаивать на его принятіи, а попытались провести болѣе «невинное» постановленіе: «Признавая необходимость организовать среди молодежи систематическую агитацію въ пользу соціалдемократическаго ученія; признавая далѣе необходимость ставить при этой агитаціи среди молодежи на первый планъ борьбу съ милитаризмомъ, конгрессъ считаетъ вопросъ о предложеніи 105 покончеинымъ.»

Но и этому новому «предложенію» посчастливилось не болѣе, чѣмъ предложенію 105.

Противъ него рѣзко высказались докторъ Зюдекумъ, Шёпфлинъ, Молькенбуръ, фонъ Фольмаръ, Фромэ и др. Бебель отказался отъ взятаго было слова, заявивъ, что предложеніе «достаточно хорошо убито.»

Шёпфлинъ, принадлежащій, если не ошибаюсь къ «ортодоксамъ», нарисовалъ картину ужасныхъ послѣдствій принятія предложенія о пропагандѣ среди «призывныхъ».

«Представьте, что дѣло доходитъ до суда, и боязливый рекрутъ — они *всѣ* боязливы, когда стоятъ передъ офицерами — говоритъ, что онъ дѣйствовалъ по нашимъ инструкціямъ. Это была бы хорошая исторія. Генералъ фонъ Эндерсъ, возражая Бебелю въ рейхстагѣ, сказалъ, что соціалдемократы, оказывая на военной службѣ пассивное сопротивленіе, приводятъ этимъ начальниковъ въ нервное состояніе и вызываютъ такимъ образомъ истязанія солдатъ. Генералъ вѣритъ въ это, и это воззрѣніе, если бы мы приняли предложеніе 105, распространилось бы тѣмъ скорѣе, и результатъ проявился бы въ военно-судебныхъ приговорахъ. Молодыхъ рекрутовъ изъ соціалистическихъ округовъ прижимали бы еще сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, и матерьяльный успѣхъ выразился бы въ сот-

нях лѣтъ тюремнаго заключенія. (Оживленное одобреніе).»

Молькенбургъ, несомнѣнный ортодоксъ, указалъ, между прочимъ, что «основная идея предложенія до сихъ поръ всегда рѣшительно отклонялась партіей.» «Когда Домела Ньювенгаусъ велъ свою пропаганду въ пользу военной стачки, противъ этой утопіи рѣшительно выступила нѣмецкая соціалдемократія. Та же мысль скрывается за всѣми изгибами предложенія 105.»

Фонъ Фольмаръ говорилъ противъ злосчастнаго «предложенія» съ большимъ и, видимо, вполнѣ искреннимъ возмущеніемъ.

«Я сожалѣю, что эти пренія были вообще вызваны (совершенно вѣрно!). Ибо чѣмъ меньше говорится о вопросѣ милитаризма въ той странной формѣ, въ какой это начато здѣсь, тѣмъ лучше (совершенно вѣрно!)».

«Искренно признаюсь, меня удивляетъ, какъ кто-нибудь, кто въ состояніи взвѣшивать послѣдствія дѣла и умѣетъ думать нѣсколько дальше того момента, въ который онъ говоритъ, могъ такое дѣло въ такой формѣ поставить здѣсь на обсужденіе (совершенно вѣрно!). Такія предложенія и такія обоснованія могутъ выглядѣть очень сильными, но въ дѣйствительности они ничто иное, какъ игра съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и при томъ насчетъ *другихъ* (совершенно вѣрно!). Прежде всего на счетъ тѣхъ, кто должны идти въ казармы (совершенно вѣрно!) и затѣмъ на счетъ партіи вообще и отдѣльныхъ товарищей, ея ораторовъ въ частности (совершенно вѣрно!). Ибо несомнѣнно, что нужно обладать не только массой знаній, но и чрезвычайною ловкостью, чтобы обсуждать относящіеся сюда вопросы и не быть арестованнымъ» и т. д. въ томъ же духѣ, при такихъ же возгласахъ: «совершенно вѣрно!». Но рѣзче всѣхъ говорилъ самый неумѣренный поклонникъ умѣренности товарищъ Фромэ.

«Послѣ прямо-таки уничтожающей критики, выпавшей на долю предложенія Либкнехта, я не намѣревался еще дополнять эту критику. Меня теперь вынуждаетъ взять слово прямо-таки поражающая наглость, съ которой выступаетъ товарищъ Либкнехтъ, чтобы обходнымъ путемъ добиться того, чего онъ не можетъ добиться первымъ предложеніемъ. Либкнехтъ устраивается чрезвычайно легко съ помощью юридическаго

крючкотворства. Для него дѣло, видимо, въ томъ, чтобы какимъ-то-ни было способомъ достичь того, чего онъ не можетъ добиться первымъ предложеніемъ послѣ услышанной критики. Важнѣйшіе принципы и многообразныя отношенія обязываютъ насъ передъ нашей партіей, какъ это было уже достаточно выяснено, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть это предложеніе и все, что съ нимъ связано, слѣдовательно, и второе предложеніе. Я прошу васъ и черезъ второе предложеніе перейти къ порядку дня. Этимъ мы наилучшимъ образомъ развяжемся со всей этой непристойной исторіей».

Партейтагъ поступилъ согласно желанію Фромэ и перешелъ черезъ оба предложенія, касающіяся организаціи антимилитаристической агитаціи среди молодежи, къ порядку дня.

Мы не станемъ разбираться въ «уничтожающей критикѣ», постигшей злополучное предложеніе 105, намъ важно только подчеркнуть ту ярость, которую оно вызвало въ душахъ нѣкоторыхъ признанныхъ вождей нѣмецкой соціалдемократіи. Такую же ярость до сихъ поръ возбуждали попытки поставить на обсужденіе партіи вопросъ о всеобщей стачкѣ. Въ обоихъ случаяхъ вожди боялись, какъ бы соціалдемократическая армія не сошла съ рельсъ законности, по которымъ она такъ быстро катится..., но куда? Вотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ не къ соціальной революціи. Само слово «революція» для многихъ «соціалдемократовъ» — законниковъ скоро станетъ чѣмъ-то «непристойнымъ»; пока оно лишь «безсмысленно».

«Если не хотятъ отдать народъ *на зарѣзъ* (ans Messer)—заявляетъ одинъ соціалдемократическій товарищъ Іоганнъ Леймпетерсъ*)—если мы убѣдились, что нельзя больше бороться на баррикадахъ, тогда не надо также играть съ огнемъ, ибо пропаганда въ пользу всеобщей стачки была-бы ничѣмъ инымъ, какъ настоящей игрой съ огнемъ. *Мы отвергаемъ революцію, какъ безсмыслицу*, и потому мы должны отбросить всѣ дѣйствія, черезъ которыя наши противники могли-бы насъ вогнать въ революцію».

Но соціалдемократическая масса, но соціалдемокра-

*) Socialistische Monatschefte, 1904, № 11, стр. 884 и 885.

тія, какъ борющійся рабочій классъ не боится огня, которому суждено спалить буржуазную законность, идея всеобщей стачки съ каждымъ днемъ завоевываетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ, и соціалдемократическимъ «руководителямъ» приходится—умѣрить свою ярость, чтобы не остаться съ законностью, но безъ рабочихъ. Ахъ, если-бы они не умѣряли своей ярости!

То же будетъ и съ антимилитаристической пропагандой. Она и въ Германіи изъ фабрики перейдетъ въ казарму: рабочіе не побоятся «тысячъ лѣтъ тюремнаго заключенія», но казарма будетъ уничтожена.

Пропаганда должна прежде всего окончательно разсѣять «военный психозъ», которымъ больны, къ сожалѣнію, очень многіе соціалдемократы, она должна быть направлена на самое «военное ремесло», а не на ту или другую форму его. Требуя «вооруженнаго народа» или «милиціи», требуя *воспитанія* «способности защищаться» соціалдемократія не ослабляетъ, а скорѣе усиливаетъ «военный психозъ», который, несомнѣнно, одно изъ условій господства буржуазіи.

Какъ германская, такъ и австрійская соціалдемократическія программы выставляютъ требованія «воспитанія къ всеобщей способности защищаться и народнаго ополченія вмѣсто постояннаго войска», и нѣтъ ни одной соціалдемократической программы, которая бы требовала уничтоженія вообще военной службы и «военнаго ремесла». Впрочемъ бельгійская программа требуетъ замѣны постояннаго войска милиціей лишь, какъ переходную ступень къ полному уничтоженію военной организаціи, къ полному уничтоженію военной службы.

«Воспитаніе къ всеобщей способности защищаться» или, говоря проще и отступая отъ буквальнаго перевода, *всеобщее воинское воспитаніе*, котораго требуютъ нѣмецкіе, австрійскіе и многіе другіе соціалдемократы, предполагаетъ зараженіе всѣхъ школъ военнымъ психозомъ. Соціалдемократы мечтаютъ о введеніи во всѣхъ школахъ обязательнаго обученія военному ремеслу. Изъ оффиціальнаго комментарія, составленнаго Шенланкомъ, къ Эрфуртской программѣ, видно, что это обученіе должно носить форму гимнастическихъ и военныхъ игръ.

«Руководящей мыслью при установленіи размѣра

и рода гимнастическихъ и боевыхъ игръ — читаемъ мы въ указанномъ комментаріи — является обученіе гражданъ умѣнью сражаться. Свободный народъ долженъ умѣть обращаться съ оружіемъ, его боевая доброкачественность является охраной и защитой мира общежитія. *Уже ребенку необходимо привить представленіе, что никто не заслуживаетъ названія свободнаго, кто не умѣетъ пользоваться оружіемъ* и не умѣетъ пролить свою кровь и умереть за свободу. Если придется удержать вдали отъ отечества дерзкаго врага, то гражданинъ, съ дѣтства занимавшійся физическими упражненіями и обученный пользоваться оружіемъ, станетъ защищать свой очагъ и общее благо съ пламеннымъ рвеніемъ и мужественной отвагой».

Все это очень красиво и невольно переноситъ насъ въ древнюю Спарту, но въ современномъ обществѣ буржуазія прекрасно умѣетъ пользоваться всеобщимъ воинскимъ обученіемъ для усмиренія своего «дерзкаго врага» — стачечниковъ, какъ это показываетъ примѣръ Швейцаріи; въ будущемъ же, пролетарскомъ обществѣ народы будутъ относиться другъ къ другу не какъ «дерзкіе враги» — а какъ вѣрные друзья. Мы знаемъ, что многимъ соціалдемократамъ, въ томъ числѣ Бебелю, какъ онъ самъ замѣтилъ въ рейхстагѣ, очень нравится перспектива соціалдемократическаго войска съ соціалдемократическими вождями въ качествѣ генераловъ, но мы думаемъ, что пролетаріатъ, въ моментъ побѣды проявитъ нѣсколько иной вкусъ. Онъ, я думаю, позаботится, чтобы въ школахъ прививали каждому ребенку воззрѣніе, *что свободнымъ имѣетъ право называться не тотъ, кто умѣетъ обращаться съ военнымъ оружіемъ, съ этимъ орудіемъ убійства, а тотъ, кто умѣетъ обращаться съ орудіемъ труда.*

Воинскій идеалъ соціалдемократическихъ программъ уже почти полностью осуществленъ въ Швейцаріи.

Швейцарская военная организація — идеалъ, къ которому стремятся, между прочимъ, и наши искристы, бундисты и т. д. Программа искристовъ требуетъ «замѣны постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа». Формулировка эта не вполнѣ ясна, но, что подъ «всеобщимъ вооруженіемъ народа» предполагается швейцарская милиція, это видно *изъ искровской*

брошюры «Милитаризмъ и рабочій классъ», а также отчасти изъ протоколовъ «невиданнаго съѣзда».

На «восемнадцатомъ засѣданіи» представитель Бунда Либеръ предложилъ замѣнить слова «всеобщее вооруженіе» словомъ «милиція», такъ какъ «всеобщее вооруженіе можетъ быть обычнымъ, оно можетъ быть объявлено во время войны, но это не то, что существуетъ въ Швейцаріи».

На это Ленинъ возразилъ, что «слово «милиція» ничего новаго не дастъ и вноситъ путаницу: «слова «всеобщее вооруженіе народа» ясны и вполнѣ русскія, и онъ находитъ поправку тов. Либера излишней».

Ни Ленинъ, ни другіе «сослуживцы» не замѣтили Либеру, что они совсѣмъ не желаютъ «того, что существуетъ въ Швейцаріи» и своимъ молчаніемъ показали, что они желаютъ швейцарской милиціи. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, видимо, не знали, что собственно «существуетъ въ Швейцаріи».

Такъ, наприм., когда Брукеръ и Либеръ предложили уничтоженіе военныхъ судовъ, то Мартовъ, который, видимо, допускаетъ возможность только своихъ собственныхъ «предложеній», тотчасъ «возразилъ», что разъ требуется отмѣна постояннаго войска, то нечего говорить объ отмѣнѣ военныхъ судовъ.

Плеханову пришлось разъяснить, что «введеніе милиціи еще не уничтожаетъ военныхъ судовъ, чему примѣръ мы видимъ въ Швейцаріи».

Что же въ дѣйствительности представляетъ военная организація Швейцаріи?

Военная служба *обязательна*.

Швейцарская армія дѣлится на три класса: отборъ (elite), ландверъ и ландштурмъ *). Каждый изъ здоровыхъ швейцарскихъ гражданъ въ возрастѣ отъ 17 до 50 лѣтъ включительно принадлежитъ къ одному изъ этихъ классовъ. Лица моложе 17 лѣтъ и старше 50 могутъ быть причислены къ ландштурму въ качествѣ добровольцевъ. Въ «отборъ» входятъ граждане отъ 20 до 32 лѣтъ, въ ландверъ отъ 32 до 44 лѣтъ;

*) При изложеніи швейцарской военной организаціи мы пользуемся непосредственно текстомъ соотвѣтствующихъ законовъ, собранныхъ въ двухъ оффиціальныхъ изданіяхъ: «Organisation militaire de la confederation Suisse» и «Les lois etc. concernant l'organisation des troupes de l'armée Suisse».

освобождаются отъ службы въ этихъ двухъ классахъ члены федеральнаго совѣта, чиновники и служащіе почтовой и телеграфной администраціи, директора и часть служебнаго персонала больницъ и тюремъ, лица духовнаго званія, учителя общественныхъ школъ и нѣкоторые желѣзнодорожные служащіе; но всѣ эти лица должны все же пройти курсъ военнаго обученія въ «рекрутской школѣ»; послѣ чего они входятъ въ составъ ландштурма, къ которому причисляются кромѣ того всѣ лица отъ 17 лѣтъ до 20 и отъ 44 до 50.

Обязательное подготовленіе къ военной службѣ начинается съ десятилѣтняго возраста. Оно состоитъ по ст. 81 регламента «военной организаціи» въ курсахъ военной гимнастики, преподаваемой особыми учителями (régents), которые подготовляются въ федеральныхъ рекрутскихъ школахъ и въ кантональныхъ семинаріяхъ.

Кантоны должны принимать мѣры, чтобы молодые люди не только въ школахъ, но и по окончаніи ихъ принимали участіе въ военно-гимнастическихъ упражненіяхъ вплоть до 20 лѣтъ, т. е. до вступленія въ «рекрутскую школу». Въ два послѣдніе года (отъ 18-20 лѣтъ) по требованію конфедераціи, къ гимнастическимъ упражненіямъ присоединяется упражненіе въ стрѣльбѣ.

Въ прививкѣ военнаго духа 13 кантоновъ изъ 22 пошли еще дальше, чѣмъ требуютъ союзные законы; они организовали 52 кадетскихъ батальона изъ гимназистовъ и реалистовъ въ возрастѣ отъ 13 до 16 лѣтъ. Намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось видѣть ихъ маневры. Всѣ одѣты въ военные мундиры съ иголочки; артиллеристы маневрируютъ съ настоящими пушками; пѣхота подползаетъ къ редутамъ; изъ главнаго штаба летятъ въ разныя стороны ординарцы на велосипедахъ. Все это можетъ показаться красивымъ, но, если подумать хорошенько, то эта прививка дѣтямъ военнаго духа—вещь очень гнусная.

Въ 20 лѣтъ всѣ граждане вступаютъ въ рекрутскія школы, гдѣ изучаютъ военное ремесло уже не играючи.

Обученіе въ «рекрутскихъ школахъ» для артиллеристовъ продолжается 55 дней, для пѣхотинцевъ 43 дня, для саперовъ — 50 дней, для кавалеристовъ — 80 дней. Затѣмъ артиллеристы, пѣхотинцы и саперы

созываются *каждые два года* для «репетиціи» на 16 дней, кавалеристы же *каждый годъ* на 10 дней.

Эти «созывы» касаются только «отбора», т. е. имъ подвергаются граждане лишь до 32 лѣтъ; ландверъ созывается каждые два года лишь на 1 день.

Но помимо этихъ регулярныхъ «учебныхъ сборовъ» правительство (какъ кантональное, такъ и федеральное) можетъ въ любую минуту созвать и «отборъ» и «ландверъ» «подъ знамена» не только «для защиты отечества», но и для возстановленія порядка; фактически «сборы» происходятъ только для усмиренія» стачечниковъ; *милиція* все болѣе и болѣе *превращается* въ Швейцаріи въ *вооруженную полицію*, дѣйствующую исключительно въ интересахъ хозяевъ-капиталиталистовъ. Съ 1875 года милиція созывалась «подъ знамена», по крайней мѣрѣ, 30 разъ для выполненія обязанностей «полиціи безопасности» при крупныхъ стачкахъ и не разъ показывала стачечникамъ, что «военное ремесло» изучается въ Швейцаріи «хорошо», и солдаты умѣютъ стрѣлять мѣтко и колоть твердо.

При сборахъ «на дѣйствительную службу» войска каждый разъ приносятъ присягу.

Офицеры *назначаются и производятся* въ высшіе чины отчасти кантональными *правительствами*, отчасти союзнымъ совѣтомъ. Предварительно каждый кандидатъ въ офицеры долженъ пройти курсъ въ офицерской школѣ и получить соотвѣтствущій атестатъ; посылаются въ эти школы солдаты и унтеръ-офицеры по выбору кантональныхъ властей, которыя руководствуются указаніями офицеровъ, завѣдующихъ «единствомъ тактики» или «инструкторовъ».

Швейцарская армія-милиція обмундирована и вооружена въ общемъ также, какъ и «постоянныя войска» другихъ государствъ. Мундиры офицеровъ отличаются, конечно, отъ мундировъ солдатъ, имѣются особые значки или нашивки для отличія высшихъ чиновъ объ низшихъ и т. д. Русскій революціонный соціалдемократъ въ своей брошюрѣ «Милитаризмъ и рабочій классъ» вводитъ читателей въ заблужденіе, указывая, что съ замѣной постоянныхъ армій милиціей каждый гражданинъ выполняетъ свой долгъ (защиты отечества) «какъ нельзя лучше, не смотря на то, что *не будетъ въ мундирѣ съ погонами*. Милиція

отнюдь не устраняетъ военнаго мундира, съ погонами или безъ погоновъ, что, конечно, безразлично. Въ военномъ ремеслѣ мундиръ играетъ немаловажную роль.

«Личное оружіе, по правилу, остается въ рукахъ солдатъ въ продолженіе всей его службы», т. е. во все время, пока онъ числится въ «отборѣ», ландверѣ и ландштурмѣ.

Но кантоны могутъ его отбирать у тѣхъ, которые почему нибудь не въ состояніи имъ пользоваться и у тѣхъ, которые проявляютъ при пользованіи имъ небрежность.

Во время нахожденія на дѣйствительной службѣ офицеры и солдаты получаютъ суточныя, разумѣется, не одинаковыя. Главнокомандующій получаетъ 50 фр. въ день и 6 «раціоновъ» фуража для его лошадей, бригадный полковникъ—25 франковъ, лейтенантъ—7 фр., солдатъ—80 сантимовъ; рекрутъ (т. е. солдатъ во время обученія въ рекрутской школѣ) — 50 сант.; такимъ образомъ главнокомандующій получаетъ въ 100 разъ, полковникъ въ 50 разъ, а лейтенантъ въ 14 разъ больше, чѣмъ солдатъ, который обыкновенно неизмѣримо больше нуждается, чѣмъ офицеръ.

За всѣ проступки и преступленія, связанныя съ военной службой, виновные отвѣтственны передъ военнымъ судомъ (изъ офицеровъ), судящимъ на основаніи военно-уголовнаго кодекса.

Такова эта швейцарская милиція, о которой такъ мечтаютъ соціалдемократы всѣхъ странъ, такова эта идеальная швейцарская военная организація!

Милитаризма она во всякомъ случаѣ не убиваетъ. Военные расходы въ Швейцаріи очень значительны, не смотря на то, что швейцарскому народу нечего бояться нападенія «дерзкаго врага».

Относительно милиція Швейцаріи обходится дороже, чѣмъ постоянное войско Россіи.

Военный бюджетъ Швейцаріи въ 30 разъ меньше военнаго бюджета Россіи, а населеніе Россіи почти въ 40 разъ больше населенія Швейцаріи.

Вообще само по себѣ замѣна постояннаго войска милиціей не уменьшаетъ военныхъ расходовъ; этого не оспариваетъ даже такой защитникъ милиціи, какъ Каутскій.

«Отъ проведенія милиціи — говоритъ онъ въ «Аграрномъ вопросѣ» — едва-ли можно ожидать чрезвычайнаго прямого экономическаго облегченія населенія. Въ этотъ отношеніи идея вѣчнаго мира рѣшительно превосходитъ идею милиціи. Идея милиціи ни въ коемъ случаѣ не означаетъ уменьшенія вооруженія народа, скорѣе увеличеніе, такъ какъ она хочетъ привлечь къ оборонѣ каждаго способнаго носить оружіе. Какихъ это потребуетъ расходовъ, это дѣло техническаго развитія, которое нельзя наперед опредѣлить, и какъ разъ въ военной области оно будетъ одерживать величайшіе и опаснѣйшіе тріумфы до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать противоположности между капиталистическими націями».

Такимъ образомъ одно изъ главнѣйшихъ золъ милитаризма — его экономическая тяжесть, поглощеніе огромныхъ народныхъ средствъ — отнюдь не устраняется «замѣной постояннаго войска милиціей или «вооруженнымъ народомъ».

Не устраняется этимъ и второе зло — война или массовое убійство во славу капитализма; система милиціи скорѣе усиливаетъ опасность войны, вводя военное обученіе въ школѣ, отравляя еще совсѣмъ юныя души «воинственностью», которая неразлучна съ національнымъ шовинизмомъ. Авторъ брошюры «Милитаризмъ и рабочій классъ» съ осужденіемъ указываетъ, что «школы и церковь, государство и магистратура прославляютъ воинское ремесло, какъ наиболѣе благородную дѣятельность на пользу отечества». Но развѣ этого нѣтъ при режимѣ «вооруженнаго народа», когда каждый гражданинъ каждую минуту долженъ быть готовъ взять со стѣны оружіе и идти «подъ знамя», когда знаніе «воинскаго ремесла»—обязанность, «священная обязанность» и мальчика, и старика?!

Что система милиціи не отнимаетъ у господствующаго класса распоряженія военною силою, какъ средствомъ «охраны» своихъ капиталистическихъ интересовъ, это блестяще доказываетъ примѣръ Швейцаріи. Командованье и въ милиціи неизбѣжно сосредоточивается въ рукахъ представителей господствующаго класса; къ безпрекословному повиновенію «въ строю» пріучаются солдаты и при милиціонной системѣ, тѣмъ бо-

лѣе, что обученіе дисциплинѣ начинается очень рано, и повторные уроки даются почти ежегодно.

Не даромъ среди швейцарскаго пролетаріата началось и быстро разростается движеніе въ пользу массового неповиновенія въ случаяхъ призыва «подъ знамена» для «возстановленія порядка» во время стачекъ.

Такъ, напр., въ августѣ 1904 г. цюрихская секція швейцарскаго союза металлургическихъ рабочихъ единогласно приняла резолюцію, въ которой требуетъ, чтобы центральный комитетъ немедленно обратился ко всѣмъ рабочимъ Швейцаріи съ призывомъ не повиноваться приказамъ, созывающимъ милицію «на службу» для «охраны порядка» во время стачекъ.

Секція требуетъ, чтобы противъ швейцарскаго милитаризма была начата борьба всѣми средствами и чтобы товарищамъ, отказывающимся повиноваться идти «усмирять стачки», была оказана нравственная и матерьяльная поддержка.

Это воззваніе вызвало, разумѣется, ярость буржуазной прессы, въ союзѣ съ которой оказался на этотъ разъ и оффиціальный органъ швейцарской «соціалдемократіи» «Grütlianer». Онъ издѣвается надъ этимъ движеніемъ противъ милитаризма и защищаетъ необходимость посылки милиціи въ районы стачекъ для охраны порядка.

Издѣвается часть швейцарской соціалдемократической прессы и надъ тѣми швейцарскими пролетаріями, которые вообще отказываются выполнять воинскую повинность, считая, что «военное ремесло» во всѣхъ его формахъ приноситъ пролетаріату одно только зло. Начало этому движенію въ прошломъ году положилъ соціалдемократъ Нэнъ изъ Шо-де-фонъ. Нэнъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ временному лишенію политическихъ правъ. Въ нынѣшнемъ году тюрьму предпочли «рекрутской школѣ» уже не одинъ, а нѣсколько сознательныхъ пролетаріевъ.

Рано или поздно, а придетъ-таки время, когда пролетаріатъ всего міра пойметъ, что военщина, хотя бы и въ формѣ «милиціи» или «вооруженнаго народа», нужна только буржуазіи для поддержанія своего господства.

Онъ пойметъ, что при современномъ строѣ и во-

оруженный миръ, и всѣ войны одинаково порождены капитализмомъ и хищной жадностью буржуазіи, въ будущемъ же строѣ съ уничтоженіемъ капитализма народамъ незачѣмъ будетъ разорять и истреблять другъ друга. Пусть буржуазія старается исправлять милитаризмъ, пролетаріатъ же долженъ безъ колебаній направить свои удары въ самое сердце этого чудовища. Не надо намъ ни вооруженнаго мира, ни справедливыхъ войнъ, не надо намъ ни постояннаго войска, ни народной милиціи!

Глава X.

Экспропріація экспропріаторовъ.

I.

«*Свобода, равенство и братство*», провозглашенныя революціонной буржуазіей и «осуществленныя» въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Франціи и другихъ «правовыхъ государствахъ», являются ея свободной, равной и братской *ложью*.

Въ учебникахъ гражданской морали, принятыхъ во всѣхъ республиканскихъ школахъ Франціи, мы читаемъ:

«На стѣнахъ префектуры, мэріи, школы начертанъ девизъ Франціи: Свобода, равенство, братство.

Этотъ прекрасный девизъ означаетъ:

Всѣ французы, свободны дѣлать то, что не противорѣчитъ закону: *свобода*.

Всѣ французы, *богатые или бѣдные*, равны передъ закономъ и равнымъ образомъ наказываются, когда они его нарушаютъ: *равенство*.

Всѣ французы братья и должны любить, помогать, защищать другъ друга, какъ братья: *братство*».

Въ этихъ «прекрасныхъ» поясненіяхъ къ «прекрасному» девизу есть два правдивыхъ слова: *бѣдные* и *богатые*, и эти два правдивыхъ слова освѣщаютъ, раскрываютъ отвратительную ложь прекраснаго девиза.

Въ обществѣ, раздѣленномъ на богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ и не можетъ быть ни свободы, ни равенства, ни братства.

«Всѣ французы свободны дѣлать то, что не про-

тиворѣчитъ закону: свобода». Злая насмѣшка! Милльоны неимущихъ работниковъ принуждены, чтобы не умереть съ голоду дѣлать все, что имъ приказываютъ десятки имущихъ «хозяевъ». Свобода! Почти ежедневно то тотъ, то другой проголодавшійся безработный *нарочно* «дѣлаетъ то, что противорѣчитъ закону», чтобы лишиться этой свободы, чтобы попасть въ тюрьму, гдѣ, по крайней мѣрѣ, не дадутъ замерзнуть или умереть съ голоду.

Равенство передъ закономъ! Равенство между какимъ нибудь милльонеромъ, закуривающимъ для шику папироску банковымъ билетомъ въ тысячу франковъ, какъ это сдѣлалъ недавно пресловутый сахарный король, «императоръ Сахары» Лебоди, и какимъ нибудь пролетаріемъ, который съ трудомъ продаетъ за три франка свою рабочую силу на цѣлый день, чтобы поддержать ее на эти три франка для продажи на слѣдующій день.

Законъ обоимъ *одинаково* запрещаетъ «воровать», законъ обоихъ одинаково пошлетъ въ тюрьму, если они стащатъ съ прилавка копеечную булку; но зачѣмъ станетъ «воровать» милльонеръ, когда его «бумаги» и «предпріятія» безъ труда даютъ ему ежедневно десятки тысячъ франковъ, когда одинъ довкій биржевой оборотъ приноситъ ему сотни тысячъ?

Братство?! Всѣ французы, какъ братья, должны помогать другъ другу, должны другъ друга любить и защищать. Во имя этого братства ліонскіе хозяева отвѣчали голодающимъ ткачамъ, просившихъ работы и хлѣба: мы заткнемъ вамъ животы штыками! Во имя этого братства хозяйское государство, хозяйская республика заставляетъ рабочихъ въ мундирахъ топтать лошадьми, рубить и разстрѣливать работниковъ въ блузахъ, когда эти блузники возстаютъ противъ своихъ братьевъ-хозяевъ. готовыхъ пролить потоки рабочей крови, лишь бы не уменьшилась прибыль, создаваемая рабочимъ потомъ.

Нѣтъ, чтобы прекрасный девизъ: свобода, равенство и братство перестали быть ложною и злой насмѣшкой, необходимо формальную политическую свободу дополнить экономическимъ равенствомъ, и тогда только осуществятся дѣйствительно свобода, равенство

и братство, и братство не французовъ или нѣмцевъ, а всѣхъ людей.

Выполнить эту задачу, установить экономическое равенство выпадаетъ на долю пролетаріямъ, которыхъ капиталисты экспропріаторы экономически *уравняли*, лишивъ ихъ всякой собственности, за исключеніемъ рабочей силы; теперь пролетаріи проникаются сознаніемъ необходимости *уравнять съ собою всѣхъ капиталистовъ-экспропріаторовъ*, лишивъ ихъ богатства, лишивъ ихъ всѣхъ средствъ труда, созданныхъ пролетаріями, но присвоенныхъ капиталистами.

Произвести экономическое уравненіе простымъ раздѣленіемъ присвоенныхъ капиталистами орудій и средствъ производства по-ровну между всѣми невозможно уже по одной той простой причинѣ, что наиболѣе цѣнныя орудія и средства труда, составляющія основу богатства, недѣлимы или, если и дѣлимы, то теряютъ при этомъ, свое производственное значеніе: нельзя «раздѣлить по-ровну» желѣзную дорогу, фабрику, шахту и т. д.; и какъ разъ потому, что это невозможно, капиталисты не хотятъ представить себѣ «экспропріаціи экспропріаторовъ» и проведеніе въ жизнь экономическаго равенства иначе, какъ въ видѣ раздѣленія капитала, т. е. орудій и средствъ производства по-ровну. Сознательные пролетаріи представляютъ себѣ дѣло совсѣмъ по-другому и при томъ *по возможному и необходимому*. Они не хотятъ изъ неимущихъ работниковъ превратиться въ мелкихъ собственниковъ, они не хотятъ «дѣлить» орудія и средства, они не хотятъ прекращать совмѣстнаго, организованнаго труда, они хотятъ сдѣлать его, напротивъ, еще болѣе совмѣстнымъ и еще болѣе организованнымъ, чѣмъ теперь, устранивъ, разумѣется, тѣ вредныя для здоровья условія, въ которыхъ приходится работать въ настоящее время. Ихъ цѣль, диктуемая условіями жизни и развитіемъ самого производства, заключается въ экспропріаціи, т. е. изъятіи изъ частной собственности средствъ производства, присвоенныхъ капиталистами и предоставленіе этихъ средствъ въ распоряженіе общества, какъ организаціи труженниковъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности остается неимущимъ. Экономическое равенство, къ которому человѣчество приближается въ упорной

классовой борьбѣ, заключается въ уничтоженіи частной собственности, т. е. въ превращеніи всѣхъ въ неимущихъ работниковъ и въ раздѣленіи между всѣми *по-ровну продуктовъ* совмѣстнаго, организованнаго труда, продуктовъ, остающихся за удовлетвореніемъ общихъ, т. е. общественныхъ нуждъ. Процессъ общественнаго развитія, неизбѣжно приводящій къ подобной экспропріаціи экспропріаторовъ, былъ подробно разсмотрѣнъ нами уже раньше; были выяснены и вытекающія изъ него средства и способы борьбы, которыми пролетаріатъ добивается и долженъ добиться побѣды, т. е. возможности перестроить общество согласно своимъ идеаламъ; мы разсмотрѣли также ту форму самоуправленія, которой онъ замѣнитъ современное государство; намъ остается разсмотрѣть теперь тѣ способы, которыми будетъ произведена экспропріація капиталистовъ, тѣ мѣры, которыя будутъ приняты для установленія экономическаго равенства въ вышеуказанномъ нами смыслѣ.

Способы пролетаріата и мѣры, переводящіе производство изъ стадіи капиталистической въ стадію соціалистическую, не могутъ быть просто «выдуманы», они, какъ и способы пролетарской борьбы опредѣляются, диктуются всѣмъ общественнымъ развитіемъ, въ частности современными формами производства, степенью концентраціи капитала, общественной дифференціаціей и т. д.

Въ основныхъ чертахъ пролетаріатъ долженъ *знать* эти способы и мѣры, разъ онъ сознательно борется за свое соціальное освобожденіе; онъ долженъ знать, *что* ему дѣлать въ моментъ побѣды, если она достанется ему *не въ неопредѣленно далекомъ будущемъ*, а *теперь же*, какъ онъ этого несомнѣнно желаетъ, несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ «соціалдемократическихъ» филистеровъ, что побѣда пролетаріата въ настоящее время была бы «преждевременной», была бы величайшимъ для него «несчастьемъ».

Выставляя въ своей практической программѣ конкретную форму экспропріаціи экспропріаторовъ, конкретную форму соціальной революціи, сознательно-революціонный пролетаріатъ долженъ считаться съ *современнымъ* развитіемъ техники, съ *современными* способами производства, съ *современной* стадіей капитализма, но

это не значитъ, что онъ долженъ былъ бы при этомъ приспособляться къ «соотношенію общественныхъ силъ», заранѣе дѣлая уступки буржуазіи. Сознательно-революціонный пролетаріатъ составляетъ свою программу на случай соціальной революціи, т. е. на случай полной своей побѣды; возможно, конечно, что побѣда достанется сознательному пролетаріату не сразу, что буржуазія, опираясь на часть трудящихся массъ, еще не ясно сознающихъ свои интересы, отстоитъ нѣкоторыя экономическія привиллегіи нынѣ господствующаго класса, и эти привиллегіи въ качествѣ «буржуазныхъ пережитковъ» будутъ сильно и долго тормозить развитіе соціалистическаго общества, но пролетаріатъ сдѣлалъ бы громадную ошибку, если бы сталъ вслѣдствіе этого выставлять въ своей программѣ не полную, а частичную экспропріацію экспропріаторовъ, не «мѣры», а «полу-мѣры». Это значило бы играть въ руку противнику и затемнять свое собственное сознаніе. Эту громадную ошибку дѣлаютъ, между прочимъ, русскіе соціалисты-революціонеры въ своемъ «проектѣ программы», выработанномъ редакціей «Революціонной Россіи». При составленіи его они исходили изъ представленія о томъ, какова будетъ революція въ Россіи. Настроенные болѣе оптимистически, чѣмъ искристы, они предполагаютъ, что въ Россіи будетъ *не совсѣмъ* буржуазная но и не пролетарская революція; поэтому они выставляютъ въ своей программѣ лишь такія «реформы», которыя могутъ быть проведены, разъ «преобразованіе Россіи будетъ идти подъ руководствомъ не соціалистическихъ силъ», но, видимо, и не чисто буржуазныхъ.*)

«Невозможность», съ которою соціалистической программѣ, дѣйствительно, необходимо считаться это невозможность техническая или хозяйственная. Программа соціалистической партіи не можетъ, наприм., выставлять двухчасовой рабочій день и въ то же время удовлетвореніе всѣхъ индивидуальныхъ потребностей каждаго члена соціалистическаго общества, если это не достижимо при *современномъ* развитіи техники. Это

*) Что «руководство» будетъ не чисто буржуазнымъ доказываетъ надежда провести такую «реформу», какъ «соціализація всѣхъ частновладѣльческихъ земель».

было бы «утопично», но совсѣмъ не утопично и очень практично указывать въ соціалистической программѣ конкретныя формы экспропріаціи и переходныя мѣры отъ строя капиталистическаго къ соціалистическому. Авторы «Коммунистическаго манифеста» были врагами всякихъ «утопій», тѣмъ не менѣе и въ этомъ «манифестѣ» и въ «воззваніи коммунистической партіи Германіи» они выставляютъ рядъ вполнѣ опредѣленныхъ мѣръ, изъ которыхъ составляется то, что Марксъ называлъ «экспропріаціей экспропріаторовъ». По поводу программы практическихъ «требованій», вѣрнѣе «деспотическихъ вторженій въ право частной собственности», программы, обнародованной въ вышеуказанномъ «воззваніи», Мерингъ*), говоритъ, что «нельзя сказать, чтобы она была непрактичной и утопичной».

«Она не была непрактичной, такъ какъ направляла революціонно-возбужденныя массы на правильный путь; она не была утопичной, такъ какъ ея составители очень хорошо знали и отнюдь не скрывали, что для проведенія ея нуженъ еще длинный рядъ революціонныхъ битвъ и переворотовъ».

Оптимизмъ или пессимизмъ при составленіи соціалистической программы совершенно неумѣстенъ; вносить въ нее тѣ или другія требованія въ зависимости отъ предполагаемой ихъ «осуществимости» при данномъ «соотношеніи общественныхъ силъ» не практично уже по одному тому, что сама программа, какъ одно изъ средствъ соціалистической пропаганды, отчасти предназначается для измѣненія этого соотношенія, и она достигаетъ этой своей цѣли тѣмъ лучше, чѣмъ яснѣе, точнѣе, конкретнѣе выражены въ ней тѣ измѣненія или, если хотите, реформы, которыя необходимы для освобожденія трудящихся и неимущихъ массъ.

«Соціалдемократическая программа — говоритъ Каутскій **) пишется не для даннаго момента, — она должна по возможности дать директиву при всѣхъ и

---

*) «Geschichte der deutschen Socialdemokratie». Первое изд. т. I. стр. 361.

**) «Neue Zeit» XIV 2 S 513-514. Мы цитируемъ по статьѣ Ленина «Аграрная программа русской соціалдемократіи» въ 4-ой книжкѣ «Зари» Стр. 163 и 164 прим. Соотвѣтствующаго № «Neue Zeit» у насъ нѣтъ подъ руками. Подчеркнуто нами.

всякихъ конъюктурахъ въ современномъ обществѣ Она должна служить не только практическому дѣйствію, но и пропагандѣ, она должна въ формѣ конкретныхъ требованій указать съ большей наглядностью, чѣмъ могутъ это сдѣлать абстрактныя разсужденія, то направленіе въ которомъ мы хотимъ идти впередъ. *Чѣмъ болѣе отдаленныя практическія цѣли можемъ мы при этомъ себѣ ставить, не теряясь въ утопическихъ спекуляціяхъ,—тѣмъ лучше.* Тѣмъ яснѣе будетъ для массъ — даже для тѣхъ массъ, которыя не въ состояніи понять наши теоретическія разсужденія, — то направленіе, которому мы слѣдуемъ.»

Возражая Розѣ Люксембургъ, которая находила, что требованіе возстановленія Польши неумѣстно въ программѣ польскихъ соціалдемократовъ, какъ неосуществимое въ современномъ обществѣ, Каутскій указываетъ на требованіе выбора чиновниковъ народомъ, требованіе внесенное въ эрфуртскую программу и замѣчаетъ, что «это требованіе, если мѣрить его по масштабу Розы Люксембургъ, также утопично, какъ и требованіе создать польское національное государство. Никто не впадетъ въ такую иллюзію, что бы считать осуществимымъ при современныхъ политическихъ соотношеніяхъ, требованіе выбирать государственныхъ чиновниковъ въ Германской Имперіи.

Съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ можно принять, что польское національное государство *осуществимо лишь по завоеваніи пролетаріатомъ политической власти,* — съ такимъ же правомъ можно это утверждать и о данномъ требованіи! Но развѣ это достаточное основаніе, что бы не принимать его практическую программу?!»

Но, покончивъ такъ рѣшительно съ «осуществимостью» программы, Каутскій не менѣе рѣшительно выдвигаетъ необходимость ея «*совмѣстимости съ существующимъ общественнымъ строемъ*»

«Наши практическія требованія — говоритъ онъ,— выражены-ли они прямо въ программѣ или представляютъ изъ себя молчаливо принимаемые «постуляты» должны быть сообразованы не съ тѣмъ, *достижимы*-ли они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, *совмѣстимы* ли они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно-ли проведеніе ихъ облегчить

классовую борьбу пролетаріата, дать толчокъ ея развитію и расчистить пролетаріту путь къ политическому господству. Съ даннымъ же соотношеніемъ силъ мы при этомъ нисколько не считаемся».

Во имя «совмѣстимости» практической части соціалистической программы съ буржуазнымъ общественнымъ строемъ Каутскій во время выработки нынѣ дѣйствующей (эрфуртской) программы возставалъ противъ внесенія въ нее «переходныхъ мѣропріятій», которыя «необходимы для расчистки пути соціалистическому обществу», и эрфуртская программа, въ основу которой легъ его проэктъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ «требованій», «несовмѣстимыхъ» съ буржуазнымъ строемъ: на ряду съ общественными требованіями въ области рабочаго законодательства «она выдвигаетъ лишь старую всемірно-извѣстную демократическую *эктенью*: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, вооруженіе народа и т. д.,» какъ выражался Марксъ по поводу Готской программы, прибавляя, что «всѣ эти требованія являются простымъ отголоскомъ буржуазной народной партіи, союза мира и свободы.»

Недопуская въ программу никакихъ «требованій», или революціонныхъ мѣропріятій, которымъ буржуазные демократы должны отказать въ своемъ «Господи подай», Каутскій ссылается на авторитетъ... фельдмаршала Мольтке.

«Къ политической борьбѣ — пишетъ онъ въ комментаріи къ «Проекту новой партійной программы» — примѣнимо здѣсь тоже, что къ борьбѣ армій. Полководецъ можетъ предварительно изслѣдовать и урегулировать *боевой порядокъ* (Aufmarsch) своего войска, но не дальнѣйшее развитіе войны. «Это вообще иллюзія — пишетъ Мольтке въ своей «Исторіи франко-германской войны»—если думаютъ, что можно на много впередъ установить и провести до конца планъ похода. Первое столкновеніе съ войскомъ врага въ зависимости отъ его исхода создастъ новое положеніе вещей. Многое, что предполагалось возможнымъ, становится невыполнимымъ, а иное, чего прежде нельзя было ожидать, становится возможнымъ. Правильно схватить измѣнившіяся обстоятельства, сообразно съ этимъ намѣтить цѣлесообразныя мѣры на срокъ, поддающійся

предвидѣнью и провести ихъ съ рѣшительностью, вотъ все, на что способны руководящіе войскомъ.»

«Позаботимся — добавляетъ Каутскій отъ себя — о хорошихъ солдатахъ и полководцахъ, о точномъ знаніи силъ обѣихъ сторонъ и мѣстности; но не будемъ терять времени на то, чтобы дѣлить шкуру медвѣдя, который еще не убитъ.»

Мы понимаемъ, что военный авторитетъ Мольтке долженъ быть подавляющимъ для каждаго нѣмца*), но мы, признаться сказать, не понимаемъ, какое отношеніе имѣютъ стратегическія разсужденія почтеннаго фельдмаршала къ вопросу объ умѣстности или неумѣстности указанія въ соціалистической программѣ мѣропріятій, которыми должна начаться соціалистическая стадія общественнаго развитія.

Между соціалистической программой и планомъ военнаго похода столь же существенная разница, какъ между классовой борьбой и войной. Въ классовой борьбѣ революціонный пролетаріатъ побѣдитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ шире тотъ кругъ, которому извѣстна и понятна его программа; можно сказать даже, что въ пониманіи, въ усвоеніи соціалистической программы широкими массами трудящагося народа лежитъ уже побѣда революціоннаго пролетаріата; напротивъ, успѣхъ военнаго похода въ значительной степени зависитъ отъ того, насколько «генеральный штабъ» сумѣетъ сохранить въ тайнѣ планъ похода. Въ классовой борьбѣ для успѣха необходимо, чтобы каждый пролетарій въ каждый моментъ борьбы сознательно и самостоятельно дѣйствовалъ въ согласіи съ партійной программой; на войнѣ для успѣха необходимо безусловное повиновеніе въ іерархическомъ порядкѣ. Планъ похода или войны исчерпывается тактикой и *не идетъ дальше предполагаемой побѣды*, программа же соціалистической партіи выясняетъ причины борьбы, объективную неизбѣжность побѣды, и *указываетъ цѣль побѣды*; и какъ разъ «переходныя мѣропріятія» относятся къ цѣли побѣды или во всякомъ случаѣ не предшествуютъ ей, а являются ея слѣд-

*) Возможно, что иные нѣмецкіе соціалдемократы станутъ вскорѣ ссылаться и на военный авторитетъ Куропаткина, въ особенности, когда дѣло пойдетъ о *наступательномъ отступленіи*.

ствіемъ; такъ что по отношенію къ нимъ ссылаться на планъ военнаго похода совершенно невозможно. «Переходныя мѣропріятія» составляютъ въ сущности «экспропріацію экспропріаторовъ», выраженную «съ большей наглядностью», «въ формѣ конкретныхъ требованій.» Къ нимъ, болѣе чѣмъ къ какимъ-нибудь другимъ программнымъ требованіямъ примѣнимы слова Каутскаго о томъ, что выставленіе въ программѣ наивозможно болѣе отдаленныхъ практическихъ и конкретныхъ требованій необходимо, чтобы выяснить «массамъ, которыя не въ состояніи понять наши теоретическія разсужденія, то направленіе, которому мы слѣдуемъ.»

Уподобляя программу пролетаріата плану военнаго похода, Каутскій какъ-будто забываетъ, что «программа должна служить пропагандѣ», планъ же военнаго похода съ «пропагандой» не имѣетъ ничего общаго.

Что касается до «дѣлежа шкуры еще не убитаго медвѣдя», то, вѣроятно, самъ Каутскій, какъ авторъ «Соціальной революціи», найдетъ подобную характеристику выясненія вопроса объ «экспропріаціи экспропріаторовъ» неудачной и во всякомъ случаѣ ничего недоказывающей.

Кромѣ авторитета Мольтке и неудобства дѣлить шкуру не убитаго медвѣда у Каутскаго есть еще одинъ доводъ противъ внесенія «переходныхъ мѣръ» въ соціалдемократическую программу.

Заявивъ, что «мы рѣшительно ничего не знаемъ» относительно того, можемъ ли «мы» достигнуть «нашихъ цѣлей» «мирнымъ и законнымъ путемъ» или «насиліемъ» (durch Gewalt) *), Каутскій прибавляетъ:

«Если *рѣшительно ничего* нельзя сказать о формахъ грядущаго политическаго развитія, то естественно ничего нельзя сказать также и о переходныхъ формахъ къ соціализму, которыя стояли въ самой тѣсной связи съ этимъ «*какъ и когда*». Мы совершенно

*) Въ 1847 г. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ были въ этомъ отношеніи болѣе освѣдомлены. «Коммунисты — гласитъ «Манифестъ Коммунистической партіи» — считаютъ позоромъ утаивать свои взгляды и намѣренія, они заявляютъ открыто, что *ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь насильственнымъ переворотомъ* всего существующаго общественнаго порядка».

не знаемъ также, какія производительныя силы и производственныя формы разовьетъ еще до тѣхъ поръ капиталистическій способъ производствъ; мы не знаемъ, до какой степени они достигнутъ зрѣлости въ отдѣльныхъ странахъ; у насъ нѣтъ такимъ образомъ никакихъ фактическихъ основаній, на которыхъ мы уже теперь могли бы построить крѣпкое зданіе.

Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ шаткими предположеніями. Не выдумкой шаблона переходныхъ мѣропріятій, но лишь основательнымъ познаніемъ фактически происходящаго вокругъ насъ развитія будемъ мы въ состояніи во всякомъ будущемъ положеніи, каково бы оно ни было, постоянно дѣлать цѣлесообразное и способствовать ему.»

Совершенно вѣрно, что «*выдумка* переходныхъ мѣропріятій» никакой пользы не принесетъ, но большую пользу можетъ принести выводъ ихъ изъ «фактически происходящаго вокругъ насъ развитія». И этотъ выводъ можно сдѣлать научно точно также, какъ Марксъ считалъ возможнымъ научно отвѣтить на вопросъ, какія «общественныя функціи, аналогичныя современнымъ государственнымъ функціямъ останутся въ коммунистическомъ обществѣ.»

Каутскій ужъ слишкомъ много «незнаній» приписываетъ научнымъ соціалистамъ въ томъ числѣ и себѣ самому. Если бы у нихъ не было рѣшительно никакихъ «фактическихъ основаній», на которыхъ можно построить твердое знаніе будущаго, то и «переходъ всѣхъ средствъ производства и обращенія въ общественное распоряженіе» пришлось-бы признать «шаткимъ предположеніемъ», какъ это и сдѣлалъ «ревизіонизмъ», который въ значительной степени является развитіемъ положеній, высказанныхъ Каутскимъ въ 1891 году въ своихъ комментаріяхъ къ «проекту новой партійной программы».

Въ своей «Соціальной революціи» Каутскій самъ указываетъ «фактическія основанія» для вывода переходныхъ мѣропріятій, когда начинаетъ главу объ «экспропріаціи экспропріаторовъ» слѣдующими словами:

«И такъ предположимъ, что наступилъ прекрасный день, передающій въ руки пролетаріата разомъ всю власть. Что начнетъ онъ съ нею? Не *захочетъ* на-

чать на основаніи той или другой теоріи или настроенія, а *долженъ* будетъ начать, толкаемый своими *классовыми интересами* и принуждаемой *экономической необходимостью*?»

Классовые интересы пролетаріата и экономическая необходимость вотъ тѣ «фактическія основанія», изъ которыхъ можно вывести «переходныя мѣропріятія.» И «классовые интересы пролетаріата» и «экономическая необходимость» уже выяснились и могутъ продиктовать рядъ вполнѣ опредѣленныхъ «переходныхъ мѣропріятій», примѣнимыхъ не только въ данный моментъ, но и во весь періодъ, который можетъ еще длиться капиталистическій строй; необходимо только, чтобы они не противорѣчили той тенденціи, которая замѣчается въ развитіи «производительныхъ силъ» и «производственныхъ формъ». Но «будущее развитіе» намъ при составленіи программы не такъ важно; она должна, какъ мы говорили выше, считаться прежде всего съ настоящимъ развитіемъ она должна указать, что дѣлать, какія мѣры принять, если «прекрасный день» побѣды пролетаріата наступитъ завтра же, т. е. въ самое ближайшее время. И развѣ это такъ невозможно, такъ «утопично»? О, я знаю, что на этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ послышутся крики: Да, невѣроятно, да утопично, и не только невѣроятно и утопично, но и нежелательно!

Но могутъ ли эти крики заглушить громовые раскаты всеобщихъ стачекъ, эту могучую прелюдію соціальной революціи?!

Въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія коммунисты съ Марксомъ и Энгельсомъ во главѣ были увѣрены, что побѣдоносная соціальная революція грянетъ за долго до конца XIX вѣка; это была ошибка, но ошибка людей дальнозоркихъ, людей, видящихъ самые отдаленные предметы ясно и отчетливо и ошибающихся въ разстояніи, уменьшая его. Подобная ошибка не вредитъ движенію, иногда она можетъ даже ускорить его. Многіе изъ нынѣшнихъ «соціалдемократовъ», наоборотъ,— люди близорукіе, видящіе только то, что происходитъ подъ самымъ ихъ носомъ; въ «ихъ глазахъ» соціальная революція ушла въ туманную даль, а затѣмъ и совершенно исчезла, ихъ ошибка вредитъ движенію, тормозя его.

Почему соціальная революція возможна лишь въ такомъ отдаленномъ будущемъ, что мы не можемъ даже знать, каковы тогда будутъ «производительны силы» и «формы производства», почему она невозможна теперь же, въ «наши дни»?

«Капитализмъ еще не созрѣлъ — отвѣтятъ намъ — существуетъ слишкомъ еще много экономическихъ затрудненій для соціализаціи производства».

На это мы отвѣтимъ резолюціей Лондонскаго международнаго соціалистическаго конгресса 1896 г.

«Во всѣхъ странахъ рабочіе угольнаго, желѣзнодѣлательнаго, кожевеннаго и другихъ производствъ выброшены на улицу и лишены работы вслѣдствіе экономическихъ причинъ, контролировать которыя они до сихъ поръ были безсильны. *Во всѣхъ странахъ уже назрѣла безусловная необходимость замѣны столь безпорядочной системы общественною собственностью, и обширныя каменноугольныя копи, огромные плавильные и химическіе заводы, желѣзныя дороги и всѣ главнѣйшія заводы находятся уже въ такомъ состояніи, когда ихъ соціализація и націонализація не представляютъ никакого затрудненія съ экономической точки зрѣнія.*

«Конгрессъ призываетъ поэтому трудящихся всего міра приложить всѣ усилія, настаивая въ своихъ странахъ на проведеніи *вполнѣ опредѣленныхъ мѣръ соціализаціи, націонализаціи* и *муниципализаціи*, причемъ каждая страна должна увѣдомлять о своихъ дѣйствіяхъ всѣ другія страны для того, чтобы избранная тактика была бы по возможности примѣнена повсюду одновременно».

Но, если — скажутъ намъ — производство даже и зрѣло для соціализаціи, то не зрѣлы еще рабочіе, чтобы взять его въ свои руки.

Что понимать подъ «зрѣлостью»? Если понимать подъ нею способность организовать и вести «производство» безъ хозяевъ и ихъ надсмотрщиковъ, но за то съ своими выборными руководителями, то эту способность пролетаріатъ уже достаточно доказалъ и рабочими союзами, требующими строгой добровольной дисциплины и кооперативами (потребительными и производительными) разростающимися, не смотря на то, что буржуазный строй ставитъ имъ массу препятствій.

И вообще можно-ли говорить о неспособности къ самостоятельному веденію производствъ по отношенію къ классу, создавшему своимъ трудомъ всѣ «чудеса цивилизаціи», классу, изъ котораго вышли геніальные изобрѣтатели машинъ Уаттъ, Аркрайтъ, Фультонъ и масса другихъ менѣе извѣстныхъ?!

Но, если понимать «зрѣлость» въ смыслѣ освобожденія отъ буржуазнаго трепета передъ неприкосновенностью частной собственности, отъ буржуазнаго уваженія къ государственной законности въ смыслѣ яснаго представленія, что дѣлать въ моментъ побѣды, какъ экспропріировать экспропріаторовъ, то, дѣйствительно, рабочій классъ еще не зрѣлъ, иначе экспропріаторы были бы уже экспропріированы; но, чтобы ускорить наступленіе этой «зрѣлости» передовые, «сознательные» слои пролетаріата должны не отбрасывать вопросъ о «передовыхъ мѣрахъ» къ соціализму въ туманную даль «утопій», а поставить его прямо и рѣшительно, какъ вопросъ самый важный, самый насущный, самый ближайшій.

Болѣе 33 лѣтъ тому назадъ побѣдоносное знамя пролетаріата два мѣсяца развѣвалось надъ одной изъ первыхъ столицъ міра, надъ Парижемъ. Великій, знаменательный моментъ! Парижская коммуна показала, что могъ въ то время совершить передовой пролетаріатъ въ моментъ своего торжества; и онъ совершилъ много, и совершенное имъ не погибло въ крови мученниковъ коммуны; въ болѣе современныхъ и законченныхъ формахъ оно возродится въ моментъ не двухмѣсячнаго, а окончательнаго торжества пролетаріата, и не въ Парижѣ только, а во всемъ мірѣ; но было бы вреднымъ преувеличеніемъ утверждать, будто парижская коммуна сдѣлала все, что было необходимо, все, что она могла сдѣлать для разрушенія буржуазнаго господства и обезпеченія пролетарскаго торжества.

«Въ послѣднее время — писалъ Энгельсъ въ двадцатую годовщину парижской коммуны — нѣмецкій филистеръ снова сталъ обнаруживать спасительный ужасъ при словахъ: *диктатура пролетаріата*. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Всмотритесь въ Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетаріата».

Нѣтъ, это не была диктатура пролетаріата или, скажемъ лучше, революціонная воля пролетаріата *во всемъ ея объемѣ, во всей ея зрѣлости*, и нѣмецкій филистеръ очень ошибется, если, всмотрѣвшись въ парижскую коммуну, подумаетъ, что такова будетъ *рѣшительная* соціальная революція, такова будетъ экспропріація экспропріаторовъ.

Коммуна конфисковала только «церковныя имущества», что дало ей всего 8000 фр.; она постановила передать въ распоряженіе рабочихъ ассоціацій лишь тѣ мастерскія, которые были оставлены ихъ хозяевами, бѣжавшими изъ Парижа; она не могла отрѣшиться отъ «уваженія къ священной собственности» и оставила неприкосновеннымъ даже французскій національный банкъ.

«Когда въ мартѣ 1871 г.—пишетъ Кропоткинъ*)—работники стали хозяевами Парижа, они не только не тронули права собственности буржуазіи, но даже охраняли ее. Вожди Коммуны грудью покрывали національный банкъ. Не смотря на кризисъ, парализовавшій промышленность и послѣдовавшую отъ того безработицу, Коммуна своими декретами охраняла права владѣльцевъ фабрикъ, торговыхъ учрежденій и жилыхъ помѣщеній города Парижа.»

Было бы иначе, если-бы у рабочихъ было опредѣленное представленіе о томъ, что такое экспропріація экспропріаторовъ, и какими мѣрами она можетъ быть произведена.

«Ни одно правительство — говоритъ Кропоткинъ**) — не имѣло въ своемъ составѣ столько представителей крайнихъ партій, какъ Совѣтъ Коммуны, избранный 25 марта 1871 г. Въ немъ были представлены въ соотвѣтствующей пропорціи всѣ оттѣнки революціонныхъ мнѣній: бланкисты, якобинцы, интернаціоналисты. А между тѣмъ, такъ какъ сами работники не имѣли опредѣленныхъ взглядовъ на соціальныя реформы, то они и не могли ихъ внушить своимъ представителямъ; и потому правительство Коммуны ничего не сдѣлало въ этомъ направленіи».

Это сказано ужъ слишкомъ сильно; Коммуна сдѣ-

*) «Записки революціонера» стр. 275.
**) Тамъ же стр. 380.

лала нѣсколько серьезныхъ шаговъ въ направленіи соціальныхъ реформъ, но необходимо было не двигаться въ направленіи соціальныхъ реформъ, а твердо и рѣшительно изъять изъ частной собственности всѣ средства производства и обращенія, нанеся смертельный ударъ частной собственности, но для этого уже раньше каждый сознательный рабочій долженъ былъ ясно и конкретно представить себѣ, изъ какихъ мѣропріятій слагается экспропріація средствъ производства. Невольно вспоминаемъ совѣтъ Каутскаго не дѣлить шкуру еще не убитаго медвѣдя. Медвѣдь былъ убитъ, но охотники не знали, какъ снять съ него шкуру.

Въ «Запискахъ революціонера» Кропоткинъ передаетъ слѣдующее характерное признаніе Элизэ Реклю, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ борцовъ Коммуны.

«Когда мы съ братомъ выходили изъ нашихъ маленькихъ комнатъ на улицу, — сказалъ мнѣ однажды Элизэ Реклю,—люди изъ зажиточныхъ классовъ спрашивали насъ со всѣхъ сторонъ: «говорите, что дѣлать? Мы готовы пытаться на новомъ пути». Но мы (и тутъ онъ ударилъ себя по лбу) тогда не знали, что имъ сказать».

Въ моментъ грядущей соціальной революціи не только Реклю, но и каждый простой рабочій долженъ знать, что отвѣтить на этотъ простой вопросъ, и отвѣтить просто и рѣшительно.

Очень можетъ быть, что именно подъ вліяніемъ Коммуны, доказавшей необходимость тѣхъ соціальныхъ мѣръ, которыя долженъ предпринять пролетаріатъ для превращенія капиталистическаго строя въ соціалистическій, Де-Папъ написалъ свой замѣчательный докладъ брюссельскому конкрессу «Интернаціонала», докладъ, въ которомъ, какъ намъ уже приходилось упоминать, онъ разбираетъ вопросъ о соціалистической организаціи «общественныхъ службъ».

Признавая, что точно установить «будущее невозможно», Де Папъ ставитъ вопросъ:

«Но то, что намъ не дано знать будущее съ такою несомнѣнностью, какъ настоящее, является ли основаніемъ, чтобы постоянно идти ощупью отъ одного дня къ другому, никогда не спрашивая, куда мы идемъ, къ какому положенію направляется движеніе

и каковы должны быть, по всей вѣроятности, формы и процессы этого будущаго положенія?»

«Мы этого не думаемъ», отвѣчаетъ Де-Папъ, «Болѣе того, мы думаемъ, что, независимо отъ новыхъ нуждъ, которыя могутъ быть созданы обстоятельствами, необходимо знать, что пролетаріату придется предпринять въ томъ случаѣ, когда онъ найдетъ необходимымъ вмѣшаться. Мы этимъ выставляемъ гипотезу рѣзкаго вмѣшательства собирательнаго и организованнаго пролетаріата, сдѣлавшагося внезапно путемъ ли революціи, путемъ ли пользованія правомъ голоса, распорядителемъ общественной власти...»

«Рабочему классу, болѣе, чѣмъ кому нибудь другому, свойственно научное знаніе; слѣдуетъ поэтому, чтобы въ своихъ ассоціаціяхъ, на своихъ митингахъ, въ своихъ газетахъ, на своихъ конгрессахъ, онъ изучалъ данныя соціальной проблемы и искалъ среди нихъ элементы разрѣшенія. Выясненіе того, что придется сдѣлать пролетаріату на другой день послѣ своего торжества, чтобы обезпечить существованіе мѣстныхъ и общихъ общественныхъ службъ, кажется намъ не только вещью допустимой, но необходимой и самой насущной».

Совершенно вѣрно, но необходимо еще прибавить, что выясненіе это должно быть поставлено въ тѣсную связь съ выработкой соціалистической или соціалдемократической программы, чтобы оно было дѣломъ партіи, что бы его результаты служили путеводною нитью для борющагося пролетаріата.

II.

Критика*) «Проекта новой программы», послужившая основой эрфуртской программы, заключаетъ въ себѣ точки отправленія для «ревизіонизма или «бернштеніанства». Это можетъ показаться парадоксальнымъ, но это такъ. Судите сами. «Научный со-

*) Критика эта появилась ва 1891 г. въ Die Neue Zeit», какъ *редакціонныя* статьи; написаны онѣ были Каутскимъ, но съ нимъ былъ, конечно вполнѣ солидаренъ Эдуардъ Бернштейнъ, въ то время соредакторъ «Die Neue Zeit».

ціализмъ приготовилъ основательный конецъ какъ государственно-соціалистической и вульгарно-демократической, такъ и *революціонной фразѣ*. Если пролетаріатъ долженъ освободить себя самъ, то революція не можетъ быть дѣломъ толпы заговорщиковъ; и если двигательной силой соціальнаго переворота является классовая борьба, то *отдѣльная катастрофа*, какъ бы могуча она не была, *всегда можетъ образовать лишь отдѣльное звено въ большой цѣпи развитія отъ стараго общества къ новому*, но ни въ коемъ случаѣ *не единственное звено, на которомъ одномъ концентрировалось бы все вниманіе соціалистовъ*».

Нѣтъ ли въ этихъ словахъ исходной точки для отрицанія «теоріи катастрофы», теоріи, по которой пролетаріатъ, завоевавъ политическую власть, сразу и «по диктаторски» превращаетъ капиталистическій строй въ соціалистическій, по которой пролетаріату предстоитъ теперь «la lutte finale», конечная, послѣдняя борьба. Отрицаніе «теоріи катастрофы» — первый признакъ «ревизіонизма», вторымъ является отрицаніе «теоріи обнищанія», что, какъ знаетъ читатель, мы ставимъ скорѣе на активъ, чѣмъ на пассивъ «бернштеніанства».

Послушаемъ, что говоритъ «критика» Каутскаго.

«Съ точки зрѣнія классовой борьбы представляется безсмысленнымъ не только дѣланіе революціи, но точно также и тѣсно связанное съ этимъ положеніе: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; чѣмъ сильнѣе нищета, тѣмъ ближе революція».

«Это положеніе, являясь передѣлкою благочестиво утѣшительной поговорки: чѣмъ нужда сильнѣе, тѣмъ Богъ ближе; въ «соціально-революціонную», основывается на взглядѣ, который братски раздѣляютъ между собою какъ анархисты, такъ и проповѣдники гармоніи классовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, утверждаютъ, что облегченіемъ нищеты пролетаріата, подъемомъ его положенія подкапывается почва къ соціализму...»

«Вѣрно, что современный способъ производства имѣетъ тенденцію все болѣе повышать нищету низшихъ народныхъ слоевъ—падающихъ среднихъ классовъ и пролетаріата. Но тотъ же способъ производства съ тою же естественною необходимостью какъ

нищету, порождаетъ и возмущеніе противъ нее, которое накопляясь все сильнѣе и сильнѣе, оказываетъ все болѣе энергичныя сопротивленія дезорганизующей тенденденціи капитализма и при особенно благопріятныхъ условіяхъ достигаетъ того, что *движеніе жизненнаго положенія рабочихъ изъ убывающаго превращается въ повышающее.*

«Способствовать пролетаріату по мѣрѣ своихъ силъ въ его борьбѣ для *улучшенія его положенія въ современномъ обществѣ* является не только совмѣстимымъ съ принципами соціалдемократіи, это скорѣе одна изъ важнѣйшихъ ея задачъ, быть можетъ *самая важная ея задача*»,

Здѣсь, какъ видите, теоріи обнищанія наносится смертельный ударъ, а утвержденіе, что быть можетъ важнѣйшей задачей соціалдемократіи является забота объ улучшеніи положенія рабочихъ въ современномъ обществѣ, представляется намъ, не смотря на наше отрицательное отношеніе къ «теоріи обнищанія», идущимъ уже слишкомъ далеко въ сторону «соціалъ-реформаторовъ».

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ современныхъ «ревизіонистовъ» является «шаткость» въ вопросахъ милитаризма, ихъ боязнь, что требованіе замѣны постояннаго войска милиціей несвоевременно, что можно бы ограничиться и просто демократическими реформами современной арміи.

И для этой ревизіонистской «шаткости» комментарій Каутскаго даетъ твердую точку опоры.

«Формулу «Превращеніе постояннаго войска въ (zur) милицію» вмѣсто «Милиція на мѣсто постояннаго войска» предлагаемъ мы — пишетъ Каутскій — потому, что она устанавливаетъ цѣль и все же представляетъ партіи свободу *нынѣ, когда распущеніе постояннаго войска неумѣстно,* требовать уже ряда мѣропріятій, которыя, по крайней мѣрѣ, на сколько возможно уменьшаютъ противоположность между войскомъ и народомъ, какъ, напр., уничтоженія военнаго судопроизводства, уменьшенія продолжительности военный службы и т. д.».

Въ «критикѣ» «проекта новой программы» можно бы найти еще не мало другихъ точекъ отправленія и опоры для «ревизіонизма», но всѣ они вмѣстѣ съ

только что указанными не были бы достаточны для разцвѣта «ревизіонизма», старающагося поглотить «революціонизмъ», если бы «ортодоксія» съ Каутскимъ во главѣ не открыла ему широкой двери для входа въ партію своимъ *незнаніемъ* и *нежеланіемъ знать*, какъ произойдетъ соціальная революція, изъ какихъ мѣропріятій должна состоять экспропріація экспропріаторовъ, что должны сдѣлать рабочіе въ моментъ своей побѣды для превращенія капиталистическаго строя въ соціалистическій и т. д.

Каутскій отбросилъ въ область непознаваемаго не только «переходныя мѣропріятія», не только детали будущаго общества, но и *принципы*, на которыхъ оно будетъ устроено.

«Еще менѣе, разумѣется, чѣмъ «переходныя мѣропріятія» — писалъ онъ — принадлежитъ къ нашей программѣ «государство будущаго». Отъ разрисовки его деталей нынѣ отказываются, правда, и сами (!) наши товарищи. *Но то, что они требуютъ, это изложеніе принциповъ, на которыхъ оно будетъ построено. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ даже этого изложенія*».

Каутскій не видѣлъ никакихъ «фактическихъ основаній», на которыхъ можно было бы построить зданіе будущаго. Каутскій призывалъ заботиться объ улучшеніи положенія рабочихъ *въ современномъ обществѣ*, не теряя времени на дѣлежъ шкуры еще не убитаго медвѣдя, онъ радовался, что соціалдемократы перестали толковать о томъ, что будетъ «на другой день послѣ соціальной революціи», которая, по его мнѣнію, можетъ исчезнуть съ горизонта, если даже и появится на немъ.

Бернштейнъ поставилъ лишь точку на i, онъ сдѣлалъ еще лишь одинъ шагъ «впередъ» изъ области «утопіи» въ область «реальности», когда выставилъ свое знаменитое положеніе: «Движеніе—все, цѣль, по просту говоря, ничто»; положеніе, принятое съ восторгомъ всѣми, кто хотѣлъ принимать участіе въ рабочемъ движеніи въ качествѣ депутата, должностного лица партіи или рабочаго синдиката, завѣдующаго кассою для больныхъ, литератора и пр., но кому вовсе не хотѣлось туманной и въ то же время несомнѣнно опасной «соціальной» революціи.

Но съ другой стороны среди «вожаковъ партіи»

нашлось не мало людей, которые испугались этой голой «реальности», этого движенія безъ цѣли, и Роза Люксембургъ поспѣшила противопоставить тезису Бернштейна свой антитезисъ: «Цѣль — все, движеніе — ничто», а Либкнехтъ примирилъ тезисъ съ антитезисомъ въ синтезисъ: «Движеніе къ цѣли».

«Цѣль», казалось, умиравшая въ «туманной дали», не только не умерла отъ удара, который ей нанесъ Бернштейнъ, но ожила, и туманъ, окружавшій ее сталъ понемногу разсѣиваться. Въ этомъ несомнѣнная заслуга Бернштейна.

Тотъ самый Каутскій, который въ 1891 г. относилъ къ области «политическаго утопизма» «споры въ партійныхъ кругахъ о томъ, что произойдетъ на *другой день послѣ соціальной революціи*», который радовался, что эти споры отошли въ область прошлаго, самъ снова вызываетъ ихъ въ 1902 г. своей брошюрою о «Соціальной революціи», вторая часть которой такъ таки и называется «на другой день послѣ соціальной революціи».

Органъ «крайней ортодоксіи», органъ «чистаго марксизма» «Leipziger Volkszeitung» привѣтствовалъ работу Каутскаго, какъ «*свѣжій вѣтеръ во всевозможный ревизіонистскій туманъ*», Бернштейнъ въ свою очередь встрѣтилъ ее слегка ироническою критикой и назвалъ «утопіей». Для насъ «Соціальная революція» Каутскаго можетъ послужить однимъ изъ удобныхъ исходныхъ пунктовъ для выясненія вопроса о томъ, какія «переходныя мѣропріятія» отъ современнаго строя къ будущему диктуются классовыми интересами пролетаріата.

На другой день послѣ соціальной революціи пролетаріатъ, по словамъ Каутскаго, прежде всего «смѣтетъ остатки феодализма» *) и осуществитъ демократическую программу» буржуазіи, не забывъ сдѣлать *государство*, независимымъ отъ церкви».

Государство, какъ видите, умираетъ лишь отвлеченно, на практикѣ оно остается и «на другой день послѣ соціальной революціи», причемъ пролетаріатъ бе-

*) Обращаемъ еще разъ вниманіе искристовъ на то, что Каутскій, который для нихъ авторитетъ авторитетовъ, не считаетъ необходимой «буржуазную революцію» для устраненія пережитковъ феодализма, а предоставляетъ выполнить это пролетаріату на другой день послѣ соціальной революціи.

ретъ на себя заботу о его «независимости» отъ церкви; останется ли церковь зависимой отъ государства — Каутскій не говоритъ. Атлантикусъ въ своемъ «Взглядѣ на государство будущаго», изданномъ подъ «отвѣтственностью» Каутскаго, предполагаетъ, какъ мы видѣли, что соціалдемократическое государство сдѣлаетъ поповъ всѣхъ вѣроисповѣданій своими вѣрными слугами, посадивъ ихъ на такое же хорошее жалованіе, какъ и будущихъ соціалдемократическихъ офицеровъ.

Исчезнутъ «на другой день послѣ соціальной революціи» и всѣ «наслѣдственныя привиллегіи». Не хочетъ ли Каутскій сказать «эзоповскимъ языкомъ», что пролетаріатъ отмѣнитъ *наслѣдственную* монархію? Атлантикусъ, какъ мы видѣли, примиряетъ сохраненіе наслѣдственной монархіи съ установленіемъ соціалдемократическаго государства и, нисколько при этомъ не расходится съ Эрфуртской программой, которая о замѣнѣ монархіи республикой ничего не говоритъ, какъ не говоритъ и ея предшественница программа Готская.

По поводу этого «замалчиванія» Марксъ еще въ 1875 году писалъ главарямъ нѣмецкой соціалдемократіи: Бебелю, Либкнехту и др. такъ рѣзко и саркастически, что «Die Neue Zeit», опубликовывая его письмо въ 1891 году, нашло необходимымъ отчасти замѣнить рѣзкія выраженія «мягкими», или прикрыть ихъ фиговымъ листкомъ, т. е. многоточіями.

«Такъ какъ [не въ состояніи] *)—и мудро, ибо обстоятельства предписываютъ осторожность—требовать демократической республики, какъ это дѣлали французскіе программы при Люи Филиппъ и Люи Наполеонѣ, то не слѣдовало прибѣгать и къ...**) уловкѣ — вещи, которыя имѣютъ смыслъ лишь въ демократической республикѣ требовать отъ государства, которое— ничто иное, какъ парламентскими формами опушенный, феодализмомъ приправленный, буржуазнымъ вліяніемъ проникнутый, бюрократически сплоченный, полицейски охраняемый военный деспотизмъ...»***)

*) Смягченное выраженіе. Въ подлинникѣ было, по меньшей мѣрѣ: «трусятъ».

**) Фиговый листокъ.

***) Фиговый листокъ.

Отъ «кануна соціальной революціи» вернемся къ дню, слѣдующему за ней.

Пролетаріатъ займется тогда, по словамъ Каутскаго, и «устраненіемъ милитаризма», но, разумѣется, съ осторожностью. Осторожное разоруженіе будетъ произведено одновременно съ введеніемъ милиціи. Разоруженіе—предостерегаетъ Каутскій—«можетъ быть проведено такимъ образомъ, что сила правительствъ еще увеличится, если на мѣсто войска всеобщей воинской повинности будетъ поставлено войско безхарактерныхъ босяковъ (Lumpenproletarier), которые за деньги готовы на все, что угодно.» Поэтому приходится прибѣгнуть къ милиціи, которая «при случаѣ можетъ стоить столько же, сколько постоянное войско», но которая «необходима для укрѣпленія демократіи отнятіемъ у правительства его важнѣйшаго средства силы противъ народа».

Странная штука! На другой день послѣ соціальной революціи, по убѣжденію Каутскаго, должна быть «диктатура пролетаріата», должно быть *пролетарское правительство*, чего же заботиться объ отнятіи у него «важнѣйшаго средства силы» противъ народа, власть котораго, по словамъ того же Каутскаго, можетъ представлять все что-угодно, всѣ виды реакціи: антисемитизмъ, клерикаризмъ и т. д.?!

Не потребуется-ли «милиція» противъ «безхарактерныхъ босяковъ», которымъ, какъ увѣрялъ насъ товарищъ Каутскаго Ванъ-Коль, придется на другой день послѣ соціальной революціи прибѣгать къ защитѣ анархистовъ противъ преслѣдованія соціалистовъ?

Но это можно-бы сказать прямо. Босяки теперь также слабы, какъ сильна династія Гогенцоллерновъ, и по отношенію къ нимъ всякія «уловки» излишни.

«Само собою разумѣется—пишетъ далѣе Каутскій — побѣдоносный пролетаріатъ подвергнетъ и налоговую систему основательной реформѣ. Онъ будетъ стремиться отмѣнить всѣ налоги, отягощающія въ настоящее время рабочій народъ, такихъ образомъ прежде всего налоги косвенные, удорожающіе жизненныя средства, и вмѣстѣ того прегрессивнымъ подоходнымъ налогомъ или налогомъ на имущества болѣе привле-

четъ къ покрытію государственныхъ расходовъ крупные доходы и состоянія.»

И все это, замѣтьте, на другой день послѣ соціальной революціи! Пролетаріатъ «побѣдилъ», соціальная революція совершена, но крупные доходы и состоянія продолжаютъ здраствовать, и пролетаріатъ стремится болѣе чѣмъ теперь, привлечь ихъ къ покрытію государственныхъ издержекъ, развивая и улучшая прусскую податную систему, которой прусская монархія, по мнѣнію Каутскаго и Бебеля, такъ выгодно отличается отъ французской республики.

«Но особенно важной для насъ областью — говоритъ Каутскій—будетъ школьное дѣло».

Здѣсь онъ совершенно вѣрно указываетъ, что школа можетъ сыграть большую роль въ уничтоженіи послѣдствій классовыхъ различій, которыя «нельзя просто стереть, какъ губка стираетъ съ доски мѣловые штрихи».

Перечисливъ всѣ эти реформы побѣдоноснаго пролетаріата, Каутскій заявляетъ:

«Но революція естественно не можетъ остановиться на этихъ измѣненіяхъ; она вѣдь не просто (!) буржуазно-демократическая, но пролетарская революція.» Онъ хочетъ поэтому разсмотрѣть, что еще вынужденъ будетъ сдѣлать пролетаріатъ, если, повинуясь давленію экономическихъ условій, «онъ захочетъ дѣйствовать цѣлесообразно.»

И здѣсь, какъ первая пролетарская задача, передъ Каутскимъ выдвигается—*устраненіе безработицы*.

Указавъ, что «безработица—худшее проклятіе рабочаго», что «она означаетъ для него нищету, духовное ослабленіе, преступленіе», Каутскій утверждаетъ, что «пролетарскій режимъ во всякомъ случаѣ будетъ стремиться положить конецъ этому положенію вещей, даже если пролетаріи мыслили бы не соціалистически, но либерально, какъ въ Англіи». «Какимъ образомъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о безработныхъ, этого — добавляетъ онъ — мы не станемъ здѣсь изслѣдовать; для этого существуютъ очень различные методы, и со стороны цѣлаго рода соціалполитиковъ сдѣланы многообразныя предложенія.»

И такъ Каутскому представляется возможнымъ пролетарскій режимъ съ пролетаріями, мыслящими

«либерально», а не «соціалистически»; но какъ бы ни думали пролетаріи, они, по его представленію, на другой день послѣ соціальной роволюціи должны будутъ еще только стремиться (trachten) къ разрѣшенію вопроса о безработныхъ по одному изъ методовъ, выработанныхъ современными соціалполитиками.

Казалось бы, что исходя изъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, противоположныхъ классовымъ интересамъ буржуазіи, можно предоставить лишь одинъ «методъ» разрѣшенія вопроса о безработныхъ, а именно «экспропріацію экспропріаторовъ», экспропріацію всѣхъ средствъ производства; казалось бы, что побѣдоносному пролетаріату приходится прежде всего устранить капиталистическое производство и тогда само собой устранится и вытекающая изъ этого производства «безработица»; но Каутскому дѣло представляется *на-оборотъ*: устраненіе безработицы приводитъ у него къ экспропріаціи средствъ производства и замѣнѣ капиталистическаго производства соціалистическимъ.

«Только пролетаріатъ, *побѣдоносный пролетаріатъ* — говоритъ онъ — можетъ провести и проведетъ мѣропріятія, которыя въ состояніи устранить всю нужду безработицы, вызывается ли она болѣзнью или чѣмъ-нибудь другимъ.

Дѣйствительно достаточная поддержка всѣхъ безработныхъ должна совершенно измѣнить соотношеніе силъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, между пролетаріатомъ и капиталомъ; она сдѣлаетъ пролетаріатъ господиномъ на фабрикѣ. Если рабочіе теперь продаются предпринимателю, если они должны позволять ему ихъ эксплуатировать и угнетать, то ихъ къ этому принуждаетъ призракъ безработицы, бичъ голода. Если, напротивъ, существованіе рабочаго обезпечено, даже тогда, когда у него нѣтъ работы, то для него нѣтъ ничего легче, какъ нанести капиталу пораженіе. Онъ тогда болѣе не нуждается въ капиталистѣ, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній не можетъ вести безъ него предпріятія.

Разъ это достигнуто, то капиталистамъ ни при одномъ конфликтѣ не сладить съ рабочими и они принуждены будутъ уступать. Капиталисты могутъ, правда, и тогда продолжать быть руководителями фа-

брикъ, но они перестанутъ быть ихъ господами и эксплуататорами. Но разъ капиталисты убѣдятся, что имъ приходится нести лишь рискъ и тяжести капиталистическаго предпріятія, тогда эти господа первые откажутся отъ продолженія капиталистическаго производства и станутъ настаивать, чтобы у нихъ выкупили ихъ предпріятія, которыя они не могутъ болѣе вести съ прибылью. Такіе случаи уже бывали. Такъ, напримѣръ, въ Ирландіи, когда движеніе арендаторовъ достигло своей высшей точки, крупные землевладѣльцы были не въ состояніи взымать свои ренты; тогда сами лэндлорды потребовали, чтобы вся поземельная собственность была выкуплена при посредствѣ государства.»

Этотъ методъ «экспропріаціи экспропріаторовъ» слѣдовало бы признать превосходнымъ,—*разумѣется, съ точки зрѣнія капиталистовъ;* но онъ не свободенъ отъ нѣкоторой утопичности. Зачѣмъ рабочіе станутъ вообще работать, если они и «безъ работы» будутъ *вполнѣ* обезпечены? «Дѣйствительная поддержка» безработныхъ «предполагаетъ обезпеченіе имъ дохода, соотвѣтствующаго ихъ привычкамъ».

«Что называется безработицей?» ставитъ вопросъ Каутскій въ своей критикѣ «Проекта новой партійной программы» и отвѣчаетъ вполнѣ правильно такъ:

«Это не только то, что понимаетъ подъ нею современный буржуа, а именно, что рабочій вообще не находитъ никакой работы, а то, что онъ не находитъ работы, которая ему свойственна и которая обезпечиваетъ ему доходъ, соотвѣтствующій его привычкамъ.»

Но, если такъ понимать безработицу, то кто и какъ опредѣлитъ, имѣется ли въ томъ или другомъ случаѣ «безработица» или нежеланіе работать?

«Задачей соціалдемократіи — писалъ Каутскій въ 1891 г.—не можетъ быть систематическое поощреніе притворства и выращиванье лумпенпролетаріата (босячество) на счетъ работающей части населенія.»

«Требовать поддержки попросту всѣхъ неимѣющихъ заработка, это значитъ направлять къ государственному корыту не только всякаго, кто не можетъ найти работы. но и всякаго кто не желаетъ найти работы, а таковыхъ современное общество выращиваетъ слишкомъ достаточно.»

Поддержка всѣхъ безработныхъ «утопична», но не въ ней суть предлагаемаго Каутскимъ метода «экспропріаціи экспропріаторовъ»; — суть его въ *продажѣ* капиталистами своихъ предпріятій во имя сохраненія выгодъ положенія богатыхъ людей и освобожденія отъ «риска и тяготъ» капиталистическаго предпринимательства. Англійскіе лэндлорды, требуя выкупа своихъ земель, требовали освобожденія отъ риска, но отнюдь не отъ ихъ привилегированнаго положенія. точно также и прусскіе юнкера, которые, по словамъ Атлантикуса, перейдутъ на сторону соціалдемократовъ, какъ только поймутъ, что съ ихъ помощью они могутъ выгодно продать свои малоплодородныя имѣнія, не разсчитываютъ превратиться въ пролетаріевъ.

«Дѣловой человѣкъ» всегда скажетъ: отчего не продать, лишь бы выгодно, лишь бы покупатель нашелся «хорошій».

И Каутскій озабоченъ тѣмъ, чтобы найти хорошаго покупателя. «Какіе же представляются капиталистамъ покупатели, которымъ они могли бы продать свои предпріятія? Часть фабрикъ, копей и т. д. могла бы быть продана самимъ работающимъ въ нихъ рабочимъ, которые продолжали бы затѣмъ производство на кооперативныхъ началахъ. Другія предпріятія могли бы быть проданы потребительнымъ товариществамъ, наконецъ, третьи общинамъ или государству. Но ясно, что капиталъ обратится въ большинствѣ случаевъ къ наиболѣе платоспособнымъ и надежнымъ покупателямъ, а это — государство и общины, и уже по одной этой причинѣ большинство предпріятій перейдетъ въ государственную и общинную собственность. Что соціалдемократія разъ она достигнетъ власти, будетъ стремиться къ подобному рѣшенію, это—извѣстно.»

«Экспропріировавъ» такимъ образомъ промышленный капиталъ, Каутскій подходитъ къ капиталу денежному и поземельной собственности.

«Денежный капиталъ это—та часть капитала, которая принимаетъ форму приносящихъ процентъ, отданныхъ въ долгъ денегъ. Денежному капиталу не приходится выполнять никакихъ личныхъ функцій въ хозяйственной жизни, онъ излишенъ, и его безъ затрудненій можно экспропріировать однимъ почеркомъ

пера. Къ этому приступятъ тѣмъ скорѣе, что именно эта излишняя часть класса капиталистовъ — крупные финансисты—все болѣе и болѣе захватываютъ въ свои руки господство надъ всей хозяйственной жизнью. Они являются также господами крупныхъ частныхъ монополій, трёстовъ и т. п. И не возможно экспропріировать промышленный капиталъ и остановиться передъ капиталомъ денежнымъ. Оба слишкомъ тѣсно между собою спаяны. Обобществленіе капиталистическихъ предпріятій (какъ коротко можно обозначить переходъ ихъ въ государственную, общинную и кооперативную собственность) само собой ведетъ уже къ тому, что большая часть денежнаго капитала обобществляется; если фабрика или имѣніе переходитъ въ государственную собственность, то ихъ долги перехо-дятъ къ государству, *изъ частныхъ долговъ они дѣлаются долгами государственными.*

Тѣ же соображенія относятся и къ землевладѣльцамъ. Землевладѣльцу (но не сельскому хозяину) «точно также не приходится болѣе выполнять никакихъ личныхъ функцій въ хозяйственной жизни и онъ легко можетъ быть отстраненъ. Какъ по отношенію къ вышеупомянутымъ частнымъ монополіямъ, такъ и по отношенію къ частной поземельной собственности мы встрѣчаемъ уже и нынѣ даже въ буржуазныхъ кругахъ стремленіе къ ея обобществленію, такъ какъ эта частная монополія становится особенно въ городахъ все тягостнѣе и вреднѣе.»

Изъ указанной Каутскимъ тѣсной внутренней связи между тремя родами капитала слѣдуетъ, что разъ одинъ изъ нихъ (промышленный) «экспропріируется» путемъ выкупа, то и оба остальные (денежный и земельный) точно также выкупаются, а не конфискуются. Это самъ Каутскій ясно сознаетъ, какъ видно, изъ его указанія, что разъ фабрика или имѣніе переходятъ къ государству, то ихъ долги становятся государственными, и ему не слѣдовало бы трудиться выискивать доводовъ въ пользу *выкупа*, а не конфискаціи денежнаго и земельнаго капитала, какъ онъ это дѣлаетъ въ главѣ «Конфискація или выкупъ».

И такъ «на другой день послѣ соціальной революціи», послѣ рѣшительной побѣды пролетаріата, послѣ «экспропріаціи экспропріаторовъ», положеніе ве-

щей представляется, по Каутскому, въ слѣдующемъ видѣ:

Капиталисты всѣхъ родовъ, промышленные, денежные и земельные превращаются въ кредиторовъ государства, получаютъ по прежнему «хорошіе» доходы, но избавляются отъ всякаго «риска» и непріятныхъ столкновеній съ рабочими, отъ всѣхъ «капиталистическихъ тяготъ», хлопотъ, заботъ, за исключеніемъ стрижки купоновъ государственныхъ бумагъ.

Долги государства и общинъ сильно возрастутъ, и уплата процентовъ будетъ поглащать еще большую часть ихъ бюджетовъ, чѣмъ теперь.

А рабочіе? Рабочіе будутъ, разумѣется, работать, на то они и рабочіе. Когда одинъ нашъ товарищъ спросилъ во время Амстердамскаго конгресса какого-то мѣстнаго соціалдемократа, почему ни среди делегатовъ, ни среди публики совсѣмъ не видно рабочихъ, тотъ резонно отвѣтилъ: «Рабочіе должны работать; засѣдать же на конгресахъ и обсуждать ихъ интересы должны соціалдемократы».

Если соціальная революція произойдетъ по рецепту Каутскаго, то засѣдать въ государственныхъ и общинныхъ учрежденіяхъ и обсуждать рабочіе интересы будутъ, вѣроятно, государственные кредиторы, у которыхъ найдется достаточно свободнаго времени не только, чтобы «предаваться наукамъ, искуствамъ», но и заниматься политикой, быть можетъ, при поддержкѣ той части пролетаріевъ, которая, по увѣренію Каутскаго, «изъ-за денегъ готова на все», а денегъ у кредиторовъ государства будетъ достаточно.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, сколько капиталисты получатъ за согласіе «экспропріироваться», другими словами, во что обойдется «государству» и общинамъ «экспропріація экспропріаторовъ», приведемъ нѣсколько «биржевыхъ» цифръ.

Однимъ только бельгійскимъ *денежнымъ* капиталистамъ, живущимъ въ Бельгіи, которая по числу населенія составляетъ менѣе, чѣмъ $^1/_{60}$ Европы, принадлежитъ процентныхъ бумагъ приблизительно на 8 милльярдовъ 485 милліоновъ франк., изъ нихъ 4 милльярда 96 милльоновъ бумагъ государственныхъ, городскихъ и провинціальныхъ и 298 милльоновъ

акцій иностранныхъ; такъ что бельгійскому государству и бельгійскимъ общинамъ пришлось бы за выкупъ только денежныхъ капиталовъ уплатить около 4 милльярдовъ франковъ, т. е. увеличить свой и безъ того огромный долгъ вдвое. А надо еще выкупить крупную поземельную собственность и промышленный капиталъ, не вошедшій въ акціи и облигаціи.

Однимъ французскимъ капиталистамъ процентныхъ бумагъ принадлежитъ на 130 милліардовъ франковъ.

На германскихъ биржахъ въ 1902 г. обращалось всѣхъ цѣнныхъ бумагъ по номинальной стоимости на сумму въ 5 милльярдовъ 480 милльоновъ марокъ, изъ нихъ нѣмецкихъ на 2 милльярда 748 милльоновъ марокъ, въ томъ числѣ 576 милльоновъ государственныхъ долговъ.

Сумма всѣхъ европейскихъ государственныхъ долговъ составляетъ въ настоящее время болѣе 130 милльярдовъ франковъ. Послѣ «выкупа-экспропріаціи» она поднялась бы въ нѣсколько разъ.

Не оказалось-ли бы тогда «пролетарское государство» еще въ большей зависимости отъ своихъ кредиторовъ-капиталистовъ, чѣмъ «государство буржуазное».

Каутскій думаетъ, что «пролетарское государство»; выкупивъ всѣ «капиталы» и превративъ всѣхъ капиталистовъ въ своимъ кредиторовъ, начнетъ ихъ снова экспропріировать, но уже другимъ манеромъ, а именно постепеннымъ повышеніемъ прогрессивнаго подоходнаго налога или налога на имущества до такой высоты, что онъ будетъ равносиленъ почти, или даже вполнѣ конфискаціи крупныхъ состояній.

Ну если пролетаріатъ «на другой день послѣ соціальной революціи» не рѣшится конфисковать крупныя состоянія, то впослѣдствіи-то у него этой «рѣшимости» будетъ, вѣроятно, еще меньше.

Въ новомъ строѣ «соціалдемократія» озаботится, вѣдь, о томъ, чтобы никто не оставался «безъ работы» и въ тоже время не станетъ поощрять «систематическое притворство» не желающихъ работать; однимъ словомъ капиталисты будутъ избавлены отъ тягостныхъ конфликтовъ съ «трудомъ», а рабочіе отъ тягостной «безработицы».

«Она—писалъ Каутскій въ 1891 году про „безработицу“ — подстрекатель, дѣлающій изъ современнаго

пролетарія прирожденнаго революціонера, прирожденнаго борца за политическій и соціальный прогрессъ. Желать добиться нынѣ для рабочаго государственнаго содержанія на время безработицы—утопія, такъ какъ современное государство или современное общество *не можетъ* дать ему этого содержанія и утопія *консервативная*, такъ какъ, если бы государство могло бы дать это содержаніе и дало бы, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явилось бы полнѣйшее *ослабленіе* рабочаго движенія: рабочій классъ пересталъ бы съ этого дня быть классомъ революціоннымъ — онъ ничего бы болѣе не ожидалъ отъ своихъ собственныхъ политическихъ и экономическихъ дѣйствій,— идеалъ нашихъ враговъ былъ бы достигнутъ.»

Намъ сильно сдается, что «идеалъ нашихъ враговъ былъ бы достигнутъ», какъ разъ въ томъ случаѣ, если бы всѣ капиталисты были превращены въ государственныхъ кредиторовъ, а рабочіе избавлены отъ безработицы.

Къ счастію способъ «экспропріаціи экспропріаторовъ» путемъ выкупа всѣхъ капиталистовъ представляетъ лишь консервативную *утопію*: побѣдоносный пролетаріатъ, повинуясь своему классовому сознанію и инстинкту, не станетъ выкупать того, что создано вѣковымъ трудомъ рабочихъ поколѣній, не станетъ увеличивать государственныхъ и прочихъ долговъ, а всѣ ихъ сведетъ на нѣтъ, признавъ ихъ недѣйствительными, отказавъ кредиторамъ въ судебно-полицейской поддержкѣ.

III.

Сохраняя въ соціалистическомъ обществѣ *движимую собственность* въ формѣ государственныхъ и общинныхъ процентныхъ бумагъ (выкупныхъ свидѣтельствъ), Каутскій сохраняетъ отчасти и *собственность недвижимую*, предполагая, что побѣдоносный пролетаріатъ не станетъ экспропріировать мелкихъ хозяйствъ и предпріятій.

«Кромѣ розничной торговли, къ потребительнымъ товариществамъ и общинамъ перейдетъ также непос-

редственное производство предметовъ потребленія для мѣстнаго спроса, напр., приготовленіе хлѣба, молочное производство, огородничество, постройка жилищъ.

«Но нельзя предположить, что такимъ образомъ исчезнутъ всѣ частныя мелкія предпріятія. Прежде всего этого не будетъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Правда, тѣ сельскохозяйственныя предпріятія, которыя уже теперь сдѣлались капиталистическими, разобьются о систему наемной платы и перейдутъ къ государству, общинамъ и производительнымъ товариществамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ нынѣшнихъ мелкихъ крестьянъ бросятъ свое самостоятельное хозяйство и перейдутъ, въ качествѣ рабочихъ, въ крупныя промышленныя и сельскохозяйственныя предпріятія, которыя обезпечатъ имъ сносное существованіе. Но слѣдуетъ предполагать, что все же останутся крестьяне, которые будутъ продолжать свое маленькое хозяйство при помощи своихъ собственныхъ членовъ семьи и, самое большее, *съ помощью батрака или батрачки*, которыя причисляются къ семьѣ. При нынѣшней консервативной натурѣ нашего крестьянина въ высшей степени вѣроятно, что многіе изъ нихъ захотятъ продолжать вести хозяйство по-прежнему. Точно также и у пролетарской государственной власти совершенно не будетъ склонности взять въ свои руки подобныя мелкія хозяйства. Никогда еще ни одинъ соціалистъ, заслуживающій серьезнаго отношенія, не требовалъ, чтобы крестьяне были экспропріированы или чтобы даже ихъ имѣнія были конфискованы. Гораздо вѣроятнѣе, что каждому крестьянину будетъ предоставлено хозяйничать такъ, какъ онъ хозяйничалъ до сихъ поръ. Крестьянину нечего бояться соціалистическаго режима. Очень вѣроятно, что этотъ режимъ даже укрѣпитъ крестьянскія хозяйства».

Каутскій, не смотря на это, все же предполагаетъ что въ концѣ концовъ крестьяне найдутъ для себя выгоднымъ перейти отъ мелкаго хозяйства къ крупному — «вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ одинъ изъ послѣднихъ оплотовъ частной собственности».

«Но побѣдоносный пролетаріатъ не станетъ насильственно способствовать этому развитію, не станетъ по той вполнѣ основательной причинѣ, что у него не будетъ стремленія безъ нужды вызывать кро-

вавыя столкновенія. А они явились бы результатомъ всякой попытки навязать крестьянамъ новый способъ производства. Какъ бы высоко мы не оцѣнивали боевой духъ и неустрашимость пролетаріата,—его борьба направляется не противъ мелкаго люда, который самъ эксплуатируется, но противъ крупныхъ эксплуататоровъ!»

Дѣйствительно — не хватало только, чтобы «боевой духъ и неустрашимость побѣдоноснаго пролетаріата», предоставившіе крупнымъ капиталистамъ выгодно продать свои предпріятія, направились противъ мелкаго угнетеннаго люда!

Разъ противъ всѣхъ крупныхъ эксплуататоровъ «побѣдоносный пролетаріатъ» направляетъ одну только «поддержку безработнымъ», которая должна побудить капиталистовъ перейти на положеніе «государственныхъ кредиторовъ», то о *насильственной* экспропріаціи мелкаго люда не можетъ быть и рѣчи, хотя бы она обошлась и безъ «кровавыхъ столкновеній».

На ряду съ мелкими сельскохозяйственными предпріятіями неопредѣленно долгое время сохранятся въ соціалистическомъ обществѣ — по представленію Каутскаго — и мелкія промышленныя заведенія.

Вообще, по его словамъ, «въ соціалистическомъ обществѣ рядомъ могутъ существовать самые разнообразные роды собственности на средства производства — государственная, общинная, потребительно-товарищеская, *частная*; самыя различныя формы предпріятій — *бюрократическая*, синдикальная, товарищеская, единоличная; самыя различныя вознагражденія рабочихъ — постоянное жалованіе, плата повременная, *поштучная*, участіе во всѣхъ сбереженіяхъ сырья, машинъ и т. д., участіе въ результатахъ болѣе интенсивнаго труда; самыя различныя формы обращенія продуктовъ — контракты на поставку, покупки изъ складовъ государства, общинъ, потребительныхъ обществъ, у самихъ производителей и т. д. и т. д.». Однимъ словомъ, все, какъ въ современномъ обществѣ, только исчезнутъ «рабочее движеніе», исчезнутъ стачки, и капиталисты будутъ спокойно рѣзать купоны, что, какъ извѣстно, не только безопаснѣе, чѣмъ рѣзать людей, но и чѣмъ на свой рискъ выжимать «прибавочную цѣнность».

Такъ представляется «соціальная революція» и ея результаты современной *законной* соціалдемократіи. Она исходитъ при этомъ, между прочимъ, изъ слѣдующихъ положеній, выставляемыхъ Каутскимъ въ его «Аграрномъ вопросѣ»:

«Революція, къ которой стремится соціалдемократія, въ конечномъ подсчетѣ *не юридическая*, но *экономическая*, *переворотъ не имущественныхъ отношеній*, но *способа производства*. *Не уничтоженіе частной собственности*, но уничтоженіе капиталистическаго производства *является ея цѣлью*; къ уничтоженію первой она стремится лишь на столько, на сколько оно является средствомъ уничтоженія послѣдняго».

«Соціальное развитіе стоитъ выше интересовъ пролетаріата, *соціалдемократія не можетъ охранять пролетарскихъ интересовъ, стоящихъ на пути соціальнаго развитія*».

Иначе смотритъ на дѣло *незаконная* соціалдемократія, которая въ противоположность соціалдемократіи *законной* ставитъ своей задачей не только оборону, но и нападеніе. Она стремится къ *перевороту* именно *имущественныхъ отношеній*, т. е. «отношеній» богатства и бѣдности, перевороту, требующему уничтоженія государства, а это можетъ быть названо революціей юридической. Ея цѣль именно *уничтоженіе частной собственности*, вытекающее изъ классовыхъ интересовъ пролетаріата. Эти интересы для нея выше всего, выше «соціальнаго развитія».

На сколько «соціальное развитіе» опредѣляется борьбою классовъ, незаконная соціалдемократія является представительницей не этой «борьбы», а одного изъ борющихся классовъ, который, разумѣется, желаетъ подчинить своимъ интересамъ «соціальное развитіе», совершенно устранивъ вліяніе на него интересовъ класса враждебнаго. «Незаконная соціалдемократія, подобно «коммунистамъ», можетъ сказать, что вся ея теорія сводится къ одному выраженію: уничтоженіе частной собственности». Подобно коммунистамъ, представителемъ которыхъ былъ Карлъ Марксъ, незаконная соціалдемократія утверждаетъ, что «пролетаріи могутъ завоевать общественныя производственныя силы, лишь уничтоживъ свои собственные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ прежнія способы пріобрѣте-

нія» и что «*у пролетаріевъ нѣтъ ничего для своего обезпеченія, имъ предстоитъ разрушить всѣ существовавшія до сихъ поръ частныя обезпеченности и частныя обезпеченія*» *).

Пока это не будетъ достигнуто, классовая борьба не прекратится, и «незаконная» или пролетарская соціалдемократія не перестанетъ защищать интересы пролстаріата,стараясь подчинить имъ «соціальное развитіе», хотя бы для этого пришлось напасть не только на буржуазію, но и на «законную соціалдемократію», нерѣдко именующую себя «революціонной».

Соціалистическій или коммуннистическій строй, къ которому стремится пролетарская соціалдемократія, не совмѣстимъ ни съ какою «собственностью», ни съ какимъ «вознагражденіемъ», но онъ совмѣстимъ съ различными способами производства. Побѣдоносный пролетаріатъ, по убѣжденію пролетарской соціалдемократіи, безъ колебаній и безъ всякихъ обходныхъ путей, *безвозмездно* экспропріируютъ всѣ средства производства и всѣ продукты труда**); онъ не остановится передъ экспропріаціей и мелкой земельной собственности, но это не значитъ, что онъ «сгонитъ» крестьянъ съ теперешнихъ земельныхъ участковъ. Крестьяне перестанутъ быть «собственниками» ***), перестанутъ эксплуатировать «своихъ семейныхъ», а также «батраковъ и батрачекъ», «причисленныхъ къ семьѣ», но съ другой стороны и они перестанутъ подвергаться эксплуатаціи со стороны государства и крупныхъ хищниковъ. Но это нисколько не исключаетъ возможности такого соглашенія между всѣми членами общежитія, по которому теперешніе владѣльцы мелкихъ земельныхъ участковъ будутъ по-прежнему обрабатывать ихъ, пользуясь частью продуктовъ для непосредственнаго потребленія, остальное же передавая въ общественные склады, изъ которыхъ они въ свою очередь будутъ

*) См. нашъ пер. «Манифестъ Коммунист. Партіи» стр. 26.

**) Лучше не употреблять слова «конфискація», которое *буквально* значитъ «присвоеніе государственной казной».

***) Два года тому назадъ мы еще не рѣшались довести пролетарское пониманіе соціальной революціи до самого конца, и въ проектѣ программы исключали изъ безвозмездной экспропріаціи (конфискаціи) частновладѣльческія земли, обрататываемыя самими владѣльцами безъ наемнаго труда.

получать всѣ другіе продукты и предметы, необходимые для удовлетворенія ихъ потребностей и поддержанія или улучшенія хозяйства.

У крестьянина въ соціалистическомъ строѣ не можетъ быть ни «батрака», ни «батрачки», но у него могутъ быть товарищи по совмѣстной работѣ, и всѣ они будутъ работать одинаковое время и одинаково пользоваться продуктами труда всѣхъ членовъ общежитія для удовлетворенія своихъ потребностей.

Такая пролетарская постановка дѣла избавитъ всѣхъ крестьянъ, всѣхъ батраковъ отъ нужды, зависимости, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, и бояться той революціи, къ которой стремится незаконная соціалдемократія имъ приходится еще меньше, чѣмъ той «эволюціи», къ которой стремится соціалдемократія законная.

IV.

Въ чемъ же состоитъ «разрушеніе всѣхъ частныхъ обезпеченій» и созданіе вмѣсто нихъ обезпеченія общественнаго, что значитъ уничтоженіе частной собственности и отмѣна всѣхъ «вознагражденій», но за то созданіе условій для равномѣрнаго удовлетворенія потребностей и всесторонняго развитія личности всѣхъ и каждаго, въ чемъ, однимъ словомъ, состоитъ соціальная революція, къ которой стремится незаконная, пролетарская соціалдемократія, исходя изъ классовыхъ интересовъ современнаго пролетаріата?

Послѣ того, какъ мы прослѣдили путь, указываемый законной соціалдемократіей, путь, приводящій въ концѣ концовъ къ «идеалу нашихъ враговъ», намъ не трудно отвѣтить на вопросъ, не боясь сойти съ пути, ведущаго къ идеалу сознательно-революціоннаго пролетаріата.

Побѣдоносный пролетаріатъ прежде всего признаетъ не дѣйствительными всѣ долговыя обязательства: государственныя, общинныя, частныя; онъ отмѣнитъ въ то же время все «гражданское уложеніе» онъ раз-

рушить «сводъ гражданскихъ законовъ» *). Это, если хотите, будетъ настоящая «юридическая» революція.

Огромное соціальное значеніе этой «юридической» революціи хорошо понимаетъ А. Бебель, который въ своей замѣчательной книгѣ «Женщина и соціализмъ», стоитъ на точкѣ зрѣнія пролетарской, незаконной, противогосударственной соціалдемократіи.

«Храмы Мамона (биржи) — пишетъ онъ — опустѣютъ, — такъ какъ государственныя бумаги, акціи, облигаціи, векселя и т. д. дѣлаются простой макулатурой. *Слова Шиллера: «разъ уничтожена наша книга долговъ, примирился весь міръ», станутъ реальной дѣйствительностью...*»

«Одновременно пролетаріатъ отмѣнитъ всѣ вообще «права собственности». Вся земля, фабрики, заводы, дома, торговые склады, вообще всѣ средства производства и обращенія, а также всѣ уже произведенные продукты объявляются изъятыми изъ владѣнія частныхъ лицъ, кооперацій и т. д., и право распоряжаться ими переходитъ къ общинамъ и союзамъ общинъ или, что то же, къ самоуправляющимся общежитіямъ, изъ которыхъ, какъ мы старались доказать въ предыдущихъ главахъ, должно сложиться пролетарское общество.

Въ соціалистической литературѣ очень распространено представленіе, что «соціальная революція» будетъ заключаться въ захватѣ и въ присвоеніи рабочими тѣхъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ они работаютъ и той земли, которую они обрабатываютъ; это представленіе отразилось, между прочимъ и въ извѣстной брошюрѣ Дикштейна: «Кто чѣмъ живетъ».

Но «присвоеніе» противорѣчитъ революціонному пролетарскому движенію; пролетаріи стремятся пролетаризировать все общество, а не превратить себя въ собственниковъ, хотя бы и на «кооперативныхъ началахъ». Рабочіе, «присвоившіе» себѣ средства производства, быстро потеряли бы свой пролетарскій характеръ и превратились бы въ новую буржуазію, которая была бы «горше» старой и въ концѣ концовъ стала бы эксплуатировать и угнетать «пятое сословіе», нарожденіе котораго на другой день послѣ соціальной

*) Въ томъ числѣ и законы, касающіеся «семейнаго права» (брака, отношеній между родителями и дѣтьми, наслѣдства и т. п). См. объ этомъ слѣдующую главу.

революціи предвѣщаетъ Ванъ-Коль. Де-Папъ еще въ 1874 г. указывалъ на опасность подобнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Возражая Прудону, стоявшему за предоставленіе рабочимъ союзамъ и рабочимъ товариществамъ эксплуатаціи нѣкоторыхъ «общественныхъ службъ», напримѣръ, желѣзныхъ дорогъ, Де Папъ говоритъ:

«Разумѣется, концессія желѣзныхъ дорогъ, угольныхъ копей и т. д. *рабочимъ компаніямъ* (товариществамъ), не имѣла бы, въ началѣ, по крайней мѣрѣ, того характера безудержной эксплуатаціи, который пріобрѣли финансовыя компаніи, пользующіяся въ настоящее время концессіями на эти крупныя общественныя службы. Но не забудемъ, что и сама современная капиталистическая аристократія точно также вышла изъ третьяго сословія; не забудемъ, что высокіе финансовые бароны (или если не они сами, то ихъ отцы или дѣды), прежде чѣмъ сдѣлаться тѣмъ, что они представляютъ изъ себя нынѣ, были рабочими, поставленными въ привиллегированное положеніе. Благодаря постояннымъ улучшеніямъ механическихъ двигателей, благодаря новымъ промышленнымъ примѣненіямъ научныхъ открытій, благодаря уменьшенію издержекъ производства и аккумуляціи капитала, какъ слѣдствія развитія машинъ и примѣненія научныхъ открытій всякаго рода, эти рабочія товарищества, *собственники* обширнаго усовершенствованнаго матеріяла, располагая естественной или искусственной монополіей, предоставленной имъ обществомъ, очень скоро стали бы господствовать надъ всѣмъ экономическимъ положеніемъ подобно ихъ старшимъ компаніямъ финансовымъ...»

«*Мы бы такимъ образомъ имѣли бы по-просту непріятное удовольствіе аристократію буржуазную, явившуюся на смѣну аристократіи дворянской, замѣнить аристократіей рабочей*».

Но этой опасности, конечно, нѣтъ, если общины передадутъ земли, фабрики и другія орудія производства, *рабочимъ* союзамъ или *артелямъ*, не какъ собственникамъ, не какъ предпринимателямъ, а какъ пролетаріямъ—производителямъ, которые въ опредѣленное время обязуются изготовить опредѣленное количество продуктовъ или выполнить опредѣленную работу (по-

строить зданіе, желѣзную дорогу и т. п..); при этомъ продукты или вообще результаты ихъ совмѣстнаго труда не присваиваются ими, а идутъ въ распоряженіе всего общежитія (общины или союза общинъ). Рабочіе сами распредѣляютъ между собою работу, выбираютъ руководителей и пр. *«Вознагражденія» никто не получаетъ, но всѣ одинаково получаютъ отъ общества все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей.*

Точно также и отдѣльнымъ лицамъ могутъ быть оставлены или даны земельные участки, мастерскія и вообще средства производства, но опять-таки, не какъ собственникамъ или предпринимателямъ, а какъ производителямъ, работающимъ на всѣхъ членовъ общежитія, получая за это право на удовлетвореніе своихъ потребностей.

Такое подрядное производство въ первый періодъ соціалистическаго общества будетъ, вѣроятно, преобладать, и здѣсь сыграютъ большую роль современные рабочіе союзы, артели и кооперативы.

Но на ряду съ этимъ въ самомъ же началѣ должны возникнуть и «образцовыя» мастерскія, заводы, фермы и т. д., завѣдываніе которыми будетъ сосредоточено въ рукахъ лицъ, спеціально выбранныхъ для этого всей общиной или союзомъ общинъ. Въ этихъ «образцовыхъ» мастерскихъ, на этихъ «образцовыхъ» фермахъ будутъ примѣняться всѣ новѣйшія изобрѣтенія и усовершенствованія, и производство на нихъ будетъ служить указателемъ, какія условія могутъ быть поставлены при передачѣ земли и оругихъ средствъ производства рабочимъ артелямъ и отдѣльнымъ лицамъ, т. е. какого количества работы и какого количества продуктовъ можно требовать отъ нихъ въ опредѣленный періодъ времени? При невыполненіи опредѣленнаго такимъ образомъ minimum'а, община можетъ дать другое назначеніе уступленнымъ средствамъ производства, предоставивъ данному лицу или лицамъ выбрать то или другое занятіе въ общинныхъ мастерскихъ или на общинныхъ фермахъ. Что трудъ въ такихъ соціалистическихъ хозяйствахъ и мастерскихъ будетъ столь же разнообразенъ и пріятенъ, насколько онъ однообразенъ и непріятенъ въ современныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, объ этомъ

много опредѣленныхъ и безспорныхъ данныхъ читатель найдетъ, между прочимъ, въ книгѣ Бебеля «Женщина и соціализмъ», къ которой мы его и отсылаемъ.

Но что понимать подъ «удовлетвореніемъ потребностей»? Можно ли установить для этого какую-нибудь объективную норму? Не является ли удовлетвореніе «потребностей» понятіемъ чисто субъективнымъ, не будетъ ли для иного «нуждой» то, что для другого — роскошь, излишекъ?

Такіе и подобные имъ вопросы возникаютъ въ головѣ лишь привиллегированныхъ, лишь тѣхъ, кто пользуется обыкновенно «излишкомъ»; у пролетарской массы потребности приблизительно одинаковы, и несомнѣнно можно объективно установить то количество продуктовъ, которое необходимо для полнаго удовлетворенія потребностей каждаго пролетарія, каждаго рабочаго человѣка, даже принимая во вниманіе разнообразіе личныхъ «вкусовъ». Мы имѣемъ въ виду потребности матерьяльныя: пищу, жилище, одежду и т. д.

Что касается до удовлетворенія потребностей «духовныхъ», то въ пролетарскомъ обществѣ не будетъ недостатка въ общедоступныхъ музеяхъ, театрахъ, концертахъ и т. д. Будутъ, навѣрное, устраиваться и общедоступныя экскурсіи, путешествія и пр.

Людямъ, привыкшимъ къ роскоши и исполненію всѣхъ своихъ капризовъ, придется, правда, сильно «сократиться», и они субъективно будутъ чувствовать «нужду», но не пролетаріату, конечно, заботиться объ устраненіи подобной «нужды»! Но для многихъ членовъ господствующаго класса будетъ чувствительно не столько «сокращеніе своихъ потребностей», сколько переходъ отъ праздности къ труду, хотя и не тяжелому: пролетаріатъ въ общемъ всегда добродушный, сдѣлаетъ, навѣрное, «господамъ» «снисхожденіе», принявъ во вниманіе барскую привычку сидѣть, сложа руки.

Трудъ въ пролетарскомъ обществѣ будетъ обязателенъ, по крайней мѣрѣ, въ періодъ развитія физическихъ и умственныхъ силъ. Норма (количество) обязательнаго труда будетъ устанавливаться въ зависимости отъ общихъ и частныхъ потребностей общежитія. Распредѣляться занятія будутъ въ зависимости отъ склонностей, силъ, здоровья и т. д. Необходимыя

«непріятныя» работы, на которыя не нашлось бы желающихъ, будутъ исполняться всѣми по-очереди, но, разумѣется, техника, направляемая коллективной волей свободныхъ производителей, быстро уничтожитъ необходимость какихъ бы то ни было «непріятныхъ» работъ.

Такъ называемый умственный трудъ въ пролетарскомъ обществѣ приравнивается къ такъ называемому физическому; пролетарскія школы, обязательныя для всѣхъ, будутъ и юношей, и дѣвушекъ подготовлять одинаково какъ къ «умственному», такъ и «физическому» труду.

Общеполезные результаты работы мозга будутъ давать не меньшее, но и не большее право на удовлетвореніе всѣхъ личныхъ потребностей, чѣмъ результаты работы мускульной; тѣмъ болѣе, что эти два рода работы неотдѣлимы другъ отъ друга: нѣтъ плодотворнаго труда, въ которомъ принималъ бы участіе только мозгъ, или только мускулы.

Каждый продуктъ таитъ въ себѣ результаты какъ «духовной», такъ и «тѣлесной» дѣятельности. На это не разъ указывалъ философъ-пролетарій Дитцгенъ *), чрезвычайно просто и въ то же время вполнѣ научно, «философски» обосновавшій какъ нераздѣльность результатовъ «духовной» и «тѣлесной» работы, такъ и необходимость дѣлить продукты труда «по потребностямъ, а не «по заслугамъ».

«Духъ — не призракъ и не дыханіе Бога, — говоритъ Дитцгенъ въ одной изъ своихъ рѣчей о «Религіи соціалдемократіи»: — «Идеалисты и матерьялисты согласно утверждаютъ: онъ принадлежитъ къ категоріи «мірскихъ вещей», живетъ въ человѣческой головѣ и представляетъ изъ себя ничто иное, какъ отвлеченное выраженіе, сборное слово для слѣдующихъ одна за другой мыслей. Если такимъ образомъ духъ лишь другое слово для выраженія нашей мыслительной способности, то кто можетъ оспаривать,

*) Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ ни одна изъ работъ I. Дитцгена не переведена на русскій языкъ. Сколько ненужнаго, ничтожнаго появляется въ нашей нелегальной печати, а между тѣмъ русскимъ соціалистамъ, не владѣющимъ нѣмецкимъ языкомъ остаются недоступными Дитцгенъ, Вейтлингъ и такой безспорно *великій* революціонный мыслитель, какъ Штирнеръ.

правда, парадоксальное, но тѣмъ не менѣе наблюденіемъ установленное положеніе: *духовная работа — тѣлесное усиліе?* Я ввожу здѣсь уважаемыхъ слушателей въ трудную главу противоположностей. Какъ линія и точка — лишь математическія понятія, такъ противоположности не дѣйствительныя вещи, а лишь логическія увертки, т. е. они имѣютъ лишь сравнительное значеніе. Сравнительно—малое велико, велико мало. Точно также тѣло и духъ, правда, логическія, но поэтому не дѣйствительныя противорѣчія. *Наше тѣло связано съ своимъ духомъ такимъ образомъ, что физическая работа абсолютно невозможна безъ духовнаго содѣйствія.* Самая простая ручная работа требуетъ соучастія разсудка. Съ другой стороны вѣра въ метафизику или безтѣлесность духовной работы — безсмыслица. Самое чистое изслѣдованіе безспорно тѣлесное усиліе. Всякая человѣческая работа — одновременно духовна и тѣлесна. Кто что-нибудь понимаетъ въ наукѣ духа, тотъ знаетъ, что мысли зависятъ не только отъ мозга, слѣдовательно субъективно исходятъ изъ матеріи, но всегда имѣютъ предметомъ или содержаніемъ какой-нибудь матерьялъ.

Мозговой матерьялъ — субъектъ мысли, ея же объектомъ является безконечный матерьялъ міра.

Духовный, какъ и тѣлесный трудъ, требуютъ производства, хотятъ приносить плоды. Поэтому интеллигентный трудъ долженъ воплощаться, а тѣлесный трудъ долженъ быть интеллигентнымъ. На продуктѣ труда невозможно узнать, сколько его создано духомъ и сколько тѣломъ; они создаютъ въ солидарной общности, одинъ съ помощью другого. Можно всякій трудъ одинаково называть какъ духовнымъ, такъ и тѣлеснымъ, всякій продуктъ, повторяю, созданъ одновременно духомъ и тѣломъ. Внесенное идеей невозможно отдѣлить отъ внесеннаго матерьяломъ. Кто могъ бы въ огородѣ опредѣлить, какія части овощей созданы лопатой, рукой огородника, почвой, дождемъ, удобреніемъ? Дѣленіе продуктовъ труда соотвѣтственно продуктивности каждаго работника — вещь плохая. Это — взбалмонная буржуазная идея, которая не поддается выполненію и потому на практикѣ превращается въ свою противоположность. Она — слѣдствіе кардинальной несообразности, желающей каждаго сдѣлать неза-

висимымъ производителемъ, который долженъ осуществить безъ общества въ конкурренціи съ другими людьми фантастическій идеалъ личной независимости. Товарищамъ извѣстно, какъ уже въ буржуазномъ обществѣ весь трудъ сдѣлался дѣломъ общимъ. Интеллигентность журналиста работаетъ для фабрикантовъ, а фабриканты дѣлаютъ носовыя платки для журналистовъ, полицейскихъ, чистильщиковъ сапогъ и т. д. Одинъ для всѣхъ. Никто не ищетъ своей цѣли въ своемъ продуктѣ, всякій ставитъ цѣлью общій продуктъ, который выставляется на разнообразномъ товарномъ рынкѣ общества для продажи и воплощается въ деньгахъ. Если бы деньги распредѣлялись по продуктивности, то стригуны купоновъ должны бы быть, конечно, исполнителями огромной части работы.

Работа отдѣльнаго лица и семьи, работа фабрики и работа общества — все это организмъ, въ которомъ каждая часть содѣйствуетъ созданію общаго продукта. Органическое содѣйствіе нельзя опредѣлять механически.

Соціализмъ понимаетъ, что рабочіе являются членами трудового процесса. *Онъ не носится съ безсмысленной идеей сообща произведенный продуктъ дѣлить не сообща; желать каждаго вознаграждать по заслугамъ.* Чрезмѣрно заботиться о глазѣ и отказывать въ необходимомъ ногѣ, такъ приблизительно или даже еще неразумнѣе дѣйствуетъ наша странная справедливость съ ея двусмысленнымъ suum cuique. Какъ машинистъ заботливѣе оберегаетъ маленькую кнопку, чѣмъ большое колесо, такъ и *мы требуемъ, чтобы продуктъ нашего труда раздѣлялся соотвѣтственно потребностямъ*, чтобы сильный со слабымъ, ловкій съ неловкимъ, умственная сила съ физической силой, на сколько они обѣ человѣческія, чтобы всѣ трудились и пользовались плодами труда, сообща, по человѣчески».

Для развитія и творчества геніальныхъ и талантливыхъ ученыхъ, художниковъ, музыкантовъ, писателей пролетарское общество создастъ условія несомнѣнно болѣе благопріятныя, чѣмъ общество буржуазное. Вдохновеніе не будетъ размѣниваться на деньги, талантъ и геній не будутъ прислуживать и продавать себя богачамъ-«меценатамъ». Ихъ творенія будутъ принадлежать всему обществу, но за то и общество по-

старается поставить «творцовъ» въ условія наиболѣе благопріятныя для ихъ «творчества».

Само собой разумѣется, что отъ геніевъ и талантовъ не станутъ требовать опредѣленныхъ результатовъ, опредѣленнаго количества ихъ произведеній, не станутъ принуждать ихъ принимать участіе въ производствѣ необходимыхъ продуктовъ, но будутъ въ то же время представлять пользоваться всѣмъ необходимымъ для развитія ихъ творческой силы.

Вообще пролетарскому обществу, живущему и сообща трудящемуся во имя всесторонняго развитія человѣческой личности, не знающему никакихъ нормъ вознагражденія и стремящемуся использовать силы каждаго наилучшимъ для него образомъ и удовлетворить всѣ его потребности, такому обществу должны быть совершенно чужды мѣщанская придирчивость и педантичность.

V

Время, которое каждому члену пролетарскаго общества придется посвятить обязательному труду, будетъ, конечно, до извѣстной степени зависѣть отъ того, какъ станетъ понимать удовлетвореніе общественныхъ и частныхъ потребностей то или другое общежитіе; но современное развитіе техники несомнѣнно даетъ возможность удовлетворить *самымъ полнымъ образомъ* всѣ потребности и матерьяльныя и духовныя всего человѣчества при затратѣ *каждымъ изъ взрослыхъ и здоровыхъ людей несравненно менѣе 8-ми часовъ въ день* на работу, если во всѣхъ отрасляхъ хозяйства (сельской, добывающей и обработывающей промышленности) примѣнить усовершенствованные способы производства. Убѣдительныхъ данныхъ для подтвержденія этого читатель найдетъ достаточно у Бебеля въ его книгѣ «Женщина и Соціализмъ», у Кропоткина въ его «Хлѣбъ и Волѣ» и «Fields, Factories and Workshops».

Въ современномъ обществѣ приходится *непосильно* трудиться очень многимъ пролетарскимъ женщинамъ и дѣтямъ, но съ другой стороны множество здоровыхъ

мужчинъ совсѣмъ не трудятся или трудятся *непроизводительно*.

Въ Англіи и Шотландіи на 26 милльоновъ жителей насчитывается не болѣе 8 милльоновъ настоящихъ рабочихъ-производителей. Какая масса «рабочаго времени» тратится совершенно непроизводительно или прямо ко вреду общества всевозможными торговыми «посредниками», чиновниками, лакеями, попами, военными и пр. и пр.! А какая масса «рабочаго времени» тратится непроизводительно или прямо ко вреду общества и самыми рабочими-производителями! Мильярды рублей, которые тратятся ежегодно великими, средними и малыми «державами» на войско и флотъ представляютъ изъ себя мильярды рабочихъ дней, проработанныхъ пролетаріями къ своему собственному вреду. Рабочій металлургическаго завода несомнѣнно трудится «производительно», но значительная часть продуктовъ его труда непосредственно или въ дальнѣйшей обработкѣ служитъ въ видѣ пушекъ, броненосцевъ и т. п. милитаризму, слѣдовательно, приноситъ вредъ всему человѣчеству и въ частности пролетаріату. То же можно сказать и по отношенію къ «производительному труду» углекоповъ, добытый которыми уголь отчасти идетъ на военные корабли, то же можно сказать и по отношенію ко многимъ другимъ отраслямъ труда.

Если бы весь трудъ направлялся исключительно на производство предметовъ, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе здоровыхъ человѣческихъ потребностей, т. е. потребностей, связанныхъ съ поддержаніемъ и развитіемъ физическихъ и духовныхъ силъ человѣка, то на землѣ не было бы ни нужды, ни переутомленія; никому не пришлось бы работать больше, чѣмъ это необходимо для сохраненія организма въ здоровомъ состояніи: бездѣятельность также почти вредна, какъ чрезмѣрный трудъ. Намъ кажется, что пролетарскому обществу скорѣе придется «страдать» отъ слишкомъ малого количества труда, необходимаго для удовлетворенія всѣхъ нормальныхъ потребностей, чѣмъ отъ чрезмѣрнаго большого.

Изъ продуктовъ современнаго труда, на ряду съ предметами «военнаго ремесла», огромный вредъ при-

носитъ человѣчеству и спеціально пролетаріату — алкоголь и всѣ заключающіе его «напитки».

Алкоголь — одинъ изъ надежнѣйшихъ союзниковъ буржуазіи, одинъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ ея господства; алкоголь — одинъ изъ опаснѣйшихъ враговъ рабочаго класса, ибо онъ вызываетъ спеціальное явленіе, именуемое **алкоголизмомъ** *), или, по-просту пьянствомъ, явленіе, которое задерживаетъ освободительную борьбу едва-ли не больше, чѣмъ милитаризмъ. Алкоголь — ядъ, имъ можно отравиться до полной потери сознанія и даже до смерти, но соціальное значеніе имѣетъ не острое отравленіе имъ, а *хроническое*, превращающее человѣка въ алкоголика.

Ядовитое дѣйствіе алкоголя объясняется его свойствомъ вбирать въ себя воду, вытягивая ее изъ тканей, приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе; онъ ихъ сушитъ. Вводимый въ человѣческій организмъ, онъ сушитъ нервныя клѣтки и волокна мозга, временно нарушая или даже совершенно пріостанавливая ихъ дѣятельность. Сначала засыхаютъ, съеживаются и замираютъ наиболѣе тонкія, наиболѣе нѣжныя клѣтки и волокна, завѣдующія способностью сужденія, затѣмъ болѣе грубыя, завѣдующія движеніемъ мускуловъ и, наконецъ, волокна и клѣтки, завѣдующія рефлексами. Эта постепенность распространенія дѣйствія алкоголя на мозговое вещество проявляется въ различныхъ стадіяхъ опьяненія. При частыхъ повтореніяхъ отравленія алкоголемъ въ мозговыхъ клѣткахъ и волокнахъ происходитъ уже постоянное патологическое измѣненіе; они теряютъ способность функціонировать съ нормальной быстротой, отчетливостью, ясностью; онѣ быстро утомляются и т. д. Прежде всего измѣняются, мы сказали бы, портятся наиболѣе тонкія, наиболѣе нѣжныя развѣтлѣнія, идущія отъ нервныхъ клѣтокъ мозга, а имъ соотвѣтствуютъ наивысшія проявленія человѣческой жизни, человѣческаго характера.

Измѣненная, отравленная алкоголемъ нервная плаз-

---

*) Въ Китаѣ роль алкоголя играетъ опіумъ, который освобожденіе китайскаго пролетаріата будетъ навѣрное, также задерживать, какъ алкоголь задерживаетъ освобожденіе пролетаріата европейскаго и американскаго.

ма, изъ которой состоятъ клѣтки мозга, вызываетъ у хроническаго алкоголика постоянно или періодически, особенно при утомленіи, нервномъ потрясеніи, вообще при нарушеніи «душевнаго равновѣсія», извѣстныя непріятныя ощущенія и чувства недовольства, безпокойства, которыя порождаютъ желаніе (потребность) заглушить ихъ, забыться, и вотъ на сцену снова выступаетъ алкоголь и отравленіе имъ.

Алкоголь разрушаетъ не только нервную систему, но и печень, почки, желудокъ, вообще всѣ важнѣйшіе органы человѣческаго организма, и много правды въ утвержденіяхъ нѣкоторыхъ врачей, что «въ мірѣ существуютъ только три болѣзни: сифилисъ, туберкулезъ и алкоголизмъ». Во всякомъ случаѣ данныя медицинской статистики даютъ основаніе думать, что болѣе 10% всѣхъ болѣзней, несущихъ преждевременную смерть, вызываются употребленіемъ спиртныхъ напитковъ.

Число душевнобольныхъ, причиной заболѣванія которыхъ является алкоголь, въ нѣкоторыхъ больницахъ, напр., въ Вѣнскомъ сумашедшемъ домѣ, превышаетъ 40% общаго числа душевнобольныхъ.

Въ Вюртембергѣ въ серединѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія 48,75% всѣхъ душевнобольныхъ и 60% всѣхъ душевнобольныхъ мужского пола были алкоголики.

Число алгоколиковъ очень велико и между уголовными преступниками; въ Германіи, напр., въ 80-ыхъ годахъ 46% убійцъ были алкоголики.

Всего ужаснѣе, что отъ вредныхъ послѣдствій чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ страдаютъ не только сами алкоголики, но и ихъ дѣти. Добрая половина дѣтей ненормальныхъ (идіотовъ, преступниковъ и т. д.) происходятъ отъ родителей-алкоголиковъ.

45% мальчиковъ и 50% дѣвочекъ изъ всѣхъ «малолѣтнихъ преступниковъ», содержавшихся въ началѣ 90-хъ годовъ въ швейцарскихъ исправительныхъ заведеніяхъ, происходили отъ родителей, изъ которыхъ хотя одинъ (мать или отецъ) былъ завѣдомымъ алкоголикомъ.

Алкоголизмъ свирѣпствуетъ во всѣхъ слояхъ населенія всѣхъ «цивилизованныхъ» странъ, но особенно жестоко страдаетъ отъ него пролетаріатъ. Дѣло

въ томъ, что вредное дѣйствіе алкоголя усиливается, если пьющій плохо питается, чрезмѣрно работаетъ, вообще принужденъ вести пролетарски-нищенскій образъ жизни. Кромѣ того важную роль играетъ качество спиртного напитка (водки, вина, пива и т. д.). Хорошо очищенная хлѣбная водка не такъ вредна, какъ картофельная сивуха; натуральное виноградное вино гораздо безопаснѣе для здоровья, чѣмъ поддѣльныя вина, которыя подаются въ дешевыхъ парижскихъ ресторанахъ и т. д.

Пролетарій, пьющій дешевую водку, нерѣдко, чтобы заглушить голодъ, пролетарій, истомленный непосильною работой, дѣлается гораздо скорѣе жертвой алкоголизма, чѣмъ буржуа, выпивающій бутылку шампанскаго послѣ сытнаго обѣда и отправляющійся на кушетку, чтобы дать желудку спокойно совершить свою работу.

Вообще условія жизни пролетарія столь же благопріятны для развитія алкоголизма, какъ и условія жизни офицера или нѣмецкаго «цвѣтнаго» студента. Офицеръ или нѣмецкій студентъ толкаются къ выпивкѣ нищетой духовной, пролетарій нищетой матеріяльной.

«Алкоголизмъ—сказалъ на Майнскомъ партейтагѣ нѣмецкій соціалдемократъ Вурмъ — во первыхъ — вопросъ заработной платы, такъ какъ онъ стоитъ въ зависимости отъ слишкомъ низкихъ доходовъ населенія, принужденнаго пить спиртные напитки, чтобы обманывать свой организмъ, не достаточно насыщенный плохой пищей или просто дѣлать эту пищу болѣе вкусной; но алкоголизмъ, во вторыхъ, — и вопросъ квартирный, ибо всѣ, принужденные жить въ плохихъ квартирахъ, гдѣ нѣтъ «домашняго очага», какъ бы выгоняются въ трактиры; тамъ они должны обѣдать, туда они толкаются потребностью въ общеніи и тамъ постепенно умѣренное потребленіе алкоголя переходитъ въ излишество.»

Въ этихъ словахъ много правды, но *далеко не вся правда.* Алкоголизмъ, какъ мы упоминали выше, тѣсно связанъ съ самыми насущными, т. е. денежными интересами всѣхъ слоевъ буржуазіи, отъ самыхъ высшихъ, до самыхъ низшихъ; въ «процвѣтаніи» алкоголизма заинтересованы даже многіе изъ соціалдемо-

кратическихъ «вожаковъ», среди которыхъ повсюду, за исключеніемъ одной развѣ Россіи, не мало трактирщиковъ или кабатчиковъ, по большей части выбившихся изъ пролетарской среды.

Отъ алкоголизма гибнутъ милльоны пролетаріевъ и ихъ малолѣтнихъ дѣтей, но алкоголизмомъ «живутъ» и наживаютъ капиталы водочные и пивоваренные заводчики, владѣльцы картофельныхъ полей и виноградниковъ, винодѣлы и виноторговцы, трактирщики и кабатчики; алкоголизмъ поддерживаетъ и государство, которому онъ создаетъ одинъ изъ «удобнѣйшихъ» косвенныхъ налоговъ.

Представленіе о томъ, какая капиталистическая сила стоитъ за алкоголемъ, могутъ дать хотя бы слѣдующія статистическія данныя.

Въ 1901 г. на пивоваренныхъ заводахъ Германіи выварилось 7.115.700.000—читай: семь милльярдовъ сто пятнадцать милльоновъ семьсотъ тысячъ литровъ пива, которые «пьющимъ» обошлись не менѣе, чѣмъ на 800 милльоновъ рублей*). На каждаго жителя, считая и всѣхъ грудныхъ младенцевъ, въ Германіи изготовляется въ среднемъ въ годъ 124 литра.

Водочнаго алкоголя въ томъ же 1901 году было выкурено въ Германіи 423.890.800, т. е. около 424 милльоновъ литровъ, т. е. приблизительно около 7 литр. на каждаго жителя считая и грудныхъ младенцевъ.

Одного картофелю, дающаго скверную пролетарскую водку, переработано въ 1901 г. на водочныхъ заводахъ Германіи болѣе 3 милльоновъ тоннъ, т. е. болѣе 3 милльярдовъ килограммовъ или 187.500.000 пуд.

Деньги за всю эту «картофельную водку» уплачиваютъ, главнымъ образомъ, нѣмецкіе пролетаріи, и значительная часть этихъ денегъ попадаетъ въ карманы дворянъ-помѣщиковъ или такъ называемыхъ юнкеровъ.

«Эти юнкеры — пишетъ докторъ Фрёлихъ въ брошюрѣ: «Алкогольный вопросъ и рабочій классъ» — своей картофельной водкой вытягиваютъ у сотенъ тысячъ не только деньги изъ кармана, но и разсудокъ изъ головы. О! прусскіе юнкера знаютъ, зачѣмъ они

*) Всего на всѣ спиртные напитки населеніе Германіи тратитъ въ годъ около 3 милльярдовъ марокъ.

выкуриваютъ свою водку. Если когда-нибудь масса населенія, которая ее покупаетъ, будетъ знать это также хорошо, тогда она перестанетъ ее пить, и эта каста будетъ поражена въ одно изъ своихъ самыхъ чувствительныхъ мѣстъ.»

Въ Бельгіи водочнаго спирта потреблялось ежегодно до 1903 годъ по 9 литровъ на каждаго жителя; но въ настоящее время послѣ повышенія акциза въ $1^1/_2$ раза потребленіе водочнаго спирта упало до 6-ти литровъ на каждаго жителя. Надо замѣтить, что соціалисты вели усиленную агитацію въ пользу бойкота водки, какъ протеста противъ повышенія акциза, т. е. важнѣйшаго косвеннаго налога.

«Устройте стачку противъ алкоголя — гласитъ манифестъ бельгійскихъ соціалистическихъ депутатовъ— замѣните здоровыми напитками смертные напитки, которые васъ отравляютъ! Сумѣйте въ высшихъ интересахъ вашего класса наложить на себя воздержаніе! Сдѣлавъ это усиліе, вы отнимете у врага самый вѣрный его доходъ, сами же будете располагать еще большими средствами для вашей организаціи, пропаганды, духовнаго освобожденія и съ удесятеренной энергіей вы будете продолжать борьбу за свое политическое и соціальное освобожденіе.»

Вообще многіе видные руководители бельгійскаго рабочаго класса, въ томъ числѣ Вандервельдъ, понимаютъ, какимъ огромнымъ препятствіемъ для освобожденія рабочаго класса является алкоголизмъ и ведутъ противъ него энергичную борьбу. Въ соціалистическихъ «народныхъ домахъ», по постановленію конгресса соціалистической партіи, не продаются никакіе спиртные напитки за исключеніемъ пива и виноградна го вина; начинается агитація за недопущеніе кабатчиковъ въ кооперативы и къ занятію довѣренныхъ мѣстъ въ партіи и т. д

Въ Бельгіи борьба съ алкоголизмомъ особенно необходима, такъ какъ тамъ онъ свирѣпствуетъ едва-ли не больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ.

За 20 лѣтъ съ 1876 по 1896 г. бельгійскій народъ истратилъ на спиртные напитки два съ половиной милльярда франковъ; эта сумма превышаетъ сумму, истраченную Бельгіей въ теченіе 66 лѣтъ на всѣ общественныя общеполезныя учрежденія: почту, теле-

графы, желѣзныя дороги, больницы, учебныя заведенія и пр.

Бельгійскій алкоголизмъ стоитъ въ причинной связи съ огромнымъ числомъ мелкой кабачной буржуазіи. Относительно нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столько кабаковъ, именующихся Estaminet, Café и пр., какъ въ Бельгіи. Въ 1900 г. ихъ насчитывалось 175 тыс., т. е. на каждые 35 жителей приходилось по 1 кабаку. Въ Норвегіи, благодаря мѣрамъ принятымъ противъ свободнаго открытія кабаковъ, число ихъ въ настоящее время очень незначительно: кабакъ приходится на 52.000 жителей; за то алкоголизмъ тамъ не развивается, а, напротивъ, скорѣе ослабѣваетъ.

175.000 кабатчиковъ на 6 милльоновъ жителей! Это страшная реакціонная сила! На каждые три десятка жителей по одной «западнѣ», какъ назвалъ кабакъ Золя въ своемъ знаменитомъ романѣ, посвященномъ выясненію соціальнаго зла алкоголизма! 175.000 пламенныхъ «проповѣдниковъ» алкоголизма, 175.000 «агитаторовъ», старающихся споить какъ можно больше людей!

Кабатчиковъ много и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странахъ, и всюду они составляютъ огромную силу. Имъ повинуется англійскій парламентъ, оберегающій ихъ свободу спаивать людей безъ всякихъ стѣсненій; ихъ боится французскій сенатъ, не рѣшающійся даже обсуждать мѣръ, ведущихъ къ сокращенію кабаковъ, хотя онъ и знаетъ, что за послѣдніе 20 лѣтъ потребленіе спиртныхъ напитковъ возросло во Франціи въ три раза, а населеніе почти не увеличилось.

Англійскій законъ и обычай строго оберегаютъ воскресный отдыхъ, даже дѣтямъ не позволяютъ играть на улицахъ по воскресеньямъ, но кабаки открыты, и у дверей ихъ валяются пьяные, между которыми нерѣдки молодыя и старыя женщины въ «культурныхъ» шляпкахъ.

Алкоголизмъ—страшное зло, это признаютъ и многіе представители буржуазіи, но они не могутъ съ нимъ серьезно бороться, не могутъ подкосить его подъ корень, такъ какъ имъ пришлось бы для этого перестать быть представителями буржуазнаго строя. Уничтожить алкоголизмъ удастся только пролетарскому

строю, который устранивъ капиталистическое производство для прибыли, устранивъ торговлю, устранивъ нищету матерьяльную и духовную, устранитъ вмѣстѣ съ нимъ все то, что способствуетъ развитію пьянства. Но врядъ-ли возможно, чтобы пролетаріатъ на другой день послѣ соціальной революціи рѣшилъ прекратить производство спиртныхъ напитковъ, какъ ненужныхъ для удовлетворенія нормальныхъ потребностей человѣка. У большинства современнаго человѣчества привычка къ спиртнымъ напиткамъ слишкомъ велика, чтобы оно могло отъ нея сразу отказаться; вѣроятно, и въ пролетарскомъ обществѣ пройдетъ не мало времени, смѣнится, быть можетъ не одно поколѣніе, пока люди окончательно не перестанутъ отравлять себя алкоголемъ; но несомнѣнно, что тотчасъ послѣ побѣды пролетаріата прекратится производство наиболѣе вредныхъ спиртныхъ напитковъ, производство же другихъ постепенно будетъ уменьшаться.

Но какъ быть съ алкоголизмомъ въ современномъ обществѣ, какъ бороться съ нимъ теперь, когда онъ задерживаетъ освободительное движеніе пролетаріата, ослабляя его боевую энергію, его стойкость, его выдержанность, затуманивая его сознаніе, вообще ослабляя его духовныя и физическія силы?

Пролетаріатъ долженъ идти въ бой съ трезвой, ясной головой, одушевленный великими идеями, а не опьяненный винными парами. Это несомнѣнно, но существуютъ-ли какія-нибудь спеціальныя средства, которыми сознательный пролетаріатъ могъ бы, если и не освободиться отъ алкоголизма, то, по крайней мѣрѣ, ослабить его?

Мы уже указывали, что *уничтожить* алкоголизмъ при современномъ строѣ невозможно, но мы думаемъ, что сознательный пролетаріатъ, организованный въ политическую партію можетъ и теперь принять мѣры и мѣры очень дѣйствительныя для ослабленія алкоголизма, для ослабленія привычки отравлять себя спиртными напитками.

Такими мѣрами мы считаемъ: широкую пропаганду и агитацію противъ алкоголизма съ выясненіемъ всего его вреда для рабочаго движенія и съ призывомъ къ полному воздержанію отъ спиртныхъ напитковъ; образованіе соціалистическихъ обществъ трезво-

сти; устройство дешевыхъ ресторановъ, залъ для собраній и т. д. безъ продажи спиртныхъ напитковъ; упорную борьбу путемъ, напр., бойкота противъ «принужденія пить», существующаго въ очень многихъ гостиницахъ, столовыхъ, гдѣ требуютъ, чтобы каждый берущій себѣ обѣдъ или вообще пищу, бралъ-бы какой-нибудь спиртной напитокъ; изгнаніе спиртныхъ напитковъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вредныхъ, изъ «народныхъ домовъ», и другихъ общественныхъ помѣщеній, устраиваемыхъ соціалистическими партіями *); подъемъ уровня совмѣстныхъ рабочихъ увеселеній и пр.

Сознательные, революціонно настроенные пролетаріи повсюду не только начинаютъ сознавать необходимость борьбы противъ распространенія алкоголизма въ ихъ средѣ, но уже и ведутъ ее съ такой рѣшительностью, съ такимъ воодушевленіемъ, на какія совершенно неспособны буржуазные проповѣдники трезвости.

Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ конгрессъ, созванный въ Амстердамѣ въ концѣ октября 1904 г. голландскими рабочими организаціями при содѣйствіи голландской соціалдемократической партіи для обсужденія вопроса о «зависимости между соціальнымъ положеніемъ рабочаго класса и алкоголизмомъ». На конгрессѣ присутствовали представители отъ 40 рабочихъ организацій.

Особенно интересны были пренія о «вліяніи организаціи рабочихъ на алкоголизмъ». Въ своемъ рефератѣ на эту тему роттердамскій соціалдемократъ Штикманнъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Факты доказываютъ, что повсюду, гдѣ рабочее движеніе оказываетъ вліяніе на духовную жизнь рабочихъ и на условія труда, злоупотребленіе спиртными

*) Въ настоящее время въ Германіи, напр., огромное большинство залъ для общественныхъ собраній принадлежитъ пивоварнямъ или находится отъ нихъ въ зависимости. Даже «дома ремесленныхъ союзовъ» (Gewerkschafthäuser) строятся при содѣйствіи пивныхъ капиталистовъ, которые обусловливаютъ это содѣйствіе введеніемъ въ нихъ «принужденія пить» пиво (Trinkzwang). Берлинскій «Gewerschaftshaus» отказывалъ въ пользованіи своимъ помѣщеніемъ *рабочимъ* обществамъ трезвости.

напитками уменьшается, и моральный уровень рабочихъ повышается, между тѣмъ, какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя еще закрыты для рабочаго движенія, злоупотребленіе спиртными напитками особенно сильно...» «Привычка пить является съ другой стороны ужаснымъ препятствіемъ для рабочаго движенія. Въ мѣстностяхъ, каковы Вааловикъ, Маастрихтъ, Тильбургъ, гдѣ населеніе выродилось вслѣдствіе пьянства, рабочее движеніе не имѣетъ стойкаго успѣха; такимъ образомъ рабочее движеніе не можетъ обойтись безъ борьбы съ алкоголемъ.»

Другой соціалдемократъ Лансбергъ указалъ, что въ Дельфтѣ пьянство среди рабочихъ стеклянныхъ заводовъ замѣтно уменьшилось послѣ того, какъ рабочей организаціи удалось добиться сокращенія рабочаго дня. Въ Шидамѣ, гдѣ нѣтъ рабочей организаціи и гдѣ рабочій день на $1^1/_2$ часа длиннѣе, чѣмъ въ Дельфтѣ, алкоголизмъ распространенъ гораздо сильнѣе. Уже одна принадлежность къ рабочей организаціи заставляетъ рабочихъ остерегаться излишествъ при употребленіи спиртныхъ напитковъ.

Рабочій Виллемсъ высказалъ мнѣніе, что всякій принимающій активное участіе въ рабочемъ движеніи, долженъ совершенно воздерживаться отъ спиртныхъ напитковъ. Многіе делегаты указывали на массу примѣровъ, когда подъ вліяніемъ сознательныхъ товарищей, заядлые пьяницы становились трезвенниками. Въ нѣкоторыхъ портовыхъ городахъ рабочіе прежде при разгрузкѣ получали въ видѣ прибавки къ заработной платѣ извѣстное количество водки; теперь подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды отказываются отъ водки и требуютъ денегъ, которыя кладутъ въ стачечную кассу своей организаціи.

Подъ давленіемъ соціалистовъ очень сравнительно много дѣлается для борьбы съ алкоголизмомъ въ нѣкоторыхъ городахъ Швейцаріи.

Въ Цюрихѣ и Базелѣ кантональные совѣты, въ которыхъ много представителей рабочихъ, всѣми мѣрами содѣйствуютъ учрежденію ресторановъ безъ крѣпкихъ напитковъ.

Въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ въ Цюрихѣ открылось девять, въ Базелѣ пять такихъ ресторановъ.

Всѣ они постоянно переполнены и даютъ хорошій доходъ; многіе изъ нихъ соединены съ читальнями.

Быстро развивается антиалкогольное движеніе и въ средѣ сознательныхъ нѣмецкихъ рабочихъ; германское правительство прекрасно понимаетъ классовой характеръ этого движенія и весною 1904 года выслало изъ предѣловъ Германіи австрійскаго соціалдемократа доктора Фрёлиха, который въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ читалъ рефераты, призывая рабочихъ къ энергичной борьбѣ съ алкоголизмомъ. Фрёлихъ — борецъ неутомимый, глубоко убѣжденный, знающій и твердо стоящій на классовой точкѣ зрѣнія.

Два года тому назадъ ему удалось убѣдить партейтагъ австрійской соціалдемократіи рѣшительно и опредѣленно высказаться за необходимость соціалдемократической борьбы съ алкоголизмомъ; не безъ вліянія осталась его пропаганда и въ Германіи, не смотря на то, а отчасти именно потому, что противъ нея направило свою полицейскую власть прусское правительство: Фрёлихъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно «поддержалъ» германскихъ соціалистовъ-антиалкоголиковъ, агитаціонной дѣятельности которыхъ ставили не мало помѣхъ нѣкоторые видные авторитеты соціалдемократической партіи, въ томъ числѣ самъ Каутскій.

Въ началѣ 90-хъ годовъ Каутскій самымъ рѣшительнымъ образомъ ополчился противъ соціалистической агитаціи за воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, видя въ этой агитаціи огромную опасность для классовой борьбы и соціалдемократической партіи.

«Единственный оплотъ политической свободы пролетарія — писалъ Каутскій въ 1891 году *) — оплотъ, который у него нельзя такъ легко конфисковать, это —трактиръ. Трезвенники могутъ возмущаться, но это нисколько не измѣняетъ того факта, что при современныхъ условіяхъ Германіи трактиръ является единственнымъ мѣстомъ, гдѣ низшіе народные классы могутъ свободно собираться и обсуждать свои общія дѣла. *Безъ трактира для нѣмецкаго пролетарія не существуетъ не только общенія, но и политической жизни.*» «Законъ противъ соціалистовъ, который не

*) Die Neue Zeit IX. Jahrgang, № 30, стр. 107.

дѣлаетъ для пролетаріевъ невозможнымъ посѣщенія трактировъ, никогда не будетъ имѣть вліянія.

«Напротивъ, если движенію въ пользу трезвости удастся достигнуть въ Германіи своей цѣли и побудить нѣмецкихъ рабочихъ въ ихъ массѣ избѣгать трактировъ и свободное отъ работы время посвящать исключительно столь заманчиво рисуемой трезвенниками семейной жизни; если все это удастся трезвенникамъ, тогда они добьются того, чего даже и приблизительно не могъ добиться законъ противъ соціалистовъ: сплоченность пролетаріата будетъ разрушена, онъ будетъ сведенъ къ массѣ разрозненныхъ, а потому неспособныхъ къ сопротивленію атомовъ...»

«Это счастье, что движеніе въ пользу трезвости при нѣмецкихъ условіяхъ, столь отличныхъ отъ англійскихъ, не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Если бы это было иначе, то оно представляло бы прямо таки опасность для освободительной борьбы пролетаріата. Усиленіе всемогущества полиціи, политическое развращеніе и нарушеніе (Störung) классовой борьбы— таковы тѣ единственные результаты, которое оно могло бы имѣть у насъ».

Однимъ словомъ въ кабакѣ для насъ спасеніе! Недружелюбно относился къ агитаціи трезвенниковъ и Бебель, находившій, что такая «мелочь», какъ алкоголизмъ, не имѣетъ никакого отношенія къ соціалдемократіи и что на обсужденіе этого вопроса не слѣдуетъ тратить времени на соціалдемократическихъ партейтагахъ.

Но въ рабочихъ массахъ движеніе трезвенниковъ нашло себѣ сочувствіе, которое быстро растетъ и проявляется въ образованіи товарищескихъ союзовъ трезвости, ведущихъ печатную и устную пропаганду, въ борьбѣ съ «принужденіемъ пить», въ устройствѣ различныхъ общественныхъ увеселеній, гдѣ пѣніе, музыка, игры и т. д., а не «спиртные напитки» поддерживаютъ веселое настроеніе участниковъ. Однимъ изъ признаковъ силы и значенія этого движенія является то, что послѣдній (Бременскій) партейтагъ огромнымъ большинствомъ принялъ слѣдующую резолюцію, предложенную кенигсбергской организаціей:

«Въ виду огромнаго вреда, который алкоголь причиняетъ рабочему классу, въ особенности тѣмъ, что

онъ является большимъ препятствіемъ для осуществленія нашихъ цѣлей, партейтагъ считаетъ безусловно необходимымъ въ интересахъ прогресса нашего движенія бороться противъ злоупотребленія алкоголемъ въ рабочей средѣ. Онъ приглашаетъ поэтому всѣхъ партійныхъ товарищей и въ особенности всѣ партійныя газеты еще болѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, обращать вниманіе рабочихъ на опасность потребленія алкоголя».

Всѣхъ рѣшительнѣе со стороны противниковъ алкоголя выступилъ на партейтагѣ Катценштейнъ, который, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто нибудь другой изъ нѣмецкихъ товарищей, проникнутъ пролетарскимъ соціализмомъ и менѣе, чѣмъ кто нибудь изъ нихъ готовъ идти на компромиссы.

Когда онъ началъ свою рѣчь съ заявленія, что будетъ говорить объ алкогольномъ вопросѣ, съ разныхъ сторонъ раздались недовольные и насмѣшливые возгласы, но онъ быстро сумѣлъ заинтересовать огромное большинство делегатовъ, и подъ конецъ его рѣчь стала прерываться одобрительнымъ: «совершенно вѣрно!»

«Вопросъ объ алкоголѣ—сказалъ, между прочимъ, Катценштейнъ,—заслуживаетъ серьезнаго отношенія. Мы соціалдемократическіе трезвенники не имѣемъ ничего общаго со вздоромъ буржуазныхъ трезвенниковъ, скомпрометировавшихъ анти-алкоголизмъ въ рабочихъ кругахъ. Особенно много повредили благочестивцы, которые лицемѣрно проповѣдуютъ воду, а тайкомъ пьютъ вино (Очень хорошо!). Мы не принадлежимъ къ тѣмъ брюзгамъ, которые отказываютъ народу во всякой радости и хотятъ превратить землю въ долину плача и воздыханій, чтобы усилить стремленіе къ небу. Отъ нихъ мы такъ-же далеки, какъ небо отъ земли. *Мы не хотимъ портить рабочему классу его скромныхъ радостей, напротивъ мы хотимъ возбудить его къ воспріятію большихъ и высшихъ наслажденій.* Не служитъ ли проклятый недостатокъ потребностей почвою, на которой разростается алкоголизмъ, и не является въ свою очередь алкоголь одною изъ причинъ этой недостаточности потребностей? (совершенно вѣрно!). Высоко заслуженный, нынѣ умершій Стефанъ Гивиндъ на основаніи своихъ наблюденій въ Швейцаріи, гдѣ

у него была фабрика, заявлялъ: «Я долженъ констатировать, что воздерживающіяся отъ спиртныхъ напитковъ — самые *недовольные* рабочіе. Пьющіе алкоголь работаютъ гораздо дольше и не предъявляютъ претензій» (Выраженіе несогласія). Онъ указалъ далѣе, что тѣ рабочіе, которые относятся враждебно къ алкоголю, предъявляютъ болѣе высокія требованія по отношенію къ семейной жизни, чѣмъ пьющіе алкоголь; они скорѣе позаботятся, чтобы ихъ ребенокъ не бѣгалъ въ рваной одеждѣ. У насъ должно хватить мужества, чтобы указывать и на тѣ темныя стороны, которыя проявляются въ рабочемъ движеніи. И здѣсь мы должны признаться, что употребленіе алкоголя часто нарушаетъ и разрушаетъ семейную жизнь (Совершенно вѣрно!). Это употребленіе алкоголя поддерживается предразсудками. Вредъ, причиняемый алкоголемъ безконечно великъ. Нашъ товарищъ, судья Лангъ въ Цюрихѣ указалъ на то, что по статистикѣ преступленій на воскресенье приходится въ 6 разъ больше случаевъ причиненія тѣлесныхъ поврежденій, чѣмъ за время со вторника до пятницы. (Слушайте!). Подъ вліяніемъ алкоголя это огромное количество приходится на тотъ день, когда, можно было бы думать, люди мирно сидятъ вмѣстѣ, между тѣмъ, какъ въ теченіе недѣли должно бы было быть гораздо больше поводовъ къ столкновенію. То же самое замѣчается по отношенію къ убійствамъ и преступленіямъ противъ нравственности. Вредъ, приносимый алкоголемъ здоровью, очевиденъ. Категоріи рабочихъ, которые по своей спеціальности имѣютъ дѣло съ алкоголемъ, кельнера и пивовары, имѣютъ смертность въ два и три раза болѣе высокую, чѣмъ другія категоріи. И опасность несчастныхъ случаевъ возрастаетъ съ употребленіемъ алкоголя. По нѣмецкой статистикѣ число несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ въ понедѣльникъ значительнѣе, чѣмъ въ пятницу, когда рабочіе должны быть утомлены работой.

Говорятъ: мы, вѣдь, всѣ противъ пьянства! Потребленіе алкоголя не должно переходить границъ разумной умѣренности. *Да, если бы контроль надъ собою былъ такъ легокъ!* (Совершенно вѣрно!). Конечно, было бы безнадежно желать, чтобы принадлежность къ партіи предполагала воздержаніе отъ спиртныхъ

напитковъ. Это было бы къ тому смѣшно, такъ какъ это было бы вторженіемъ въ область личной свободы. Но партія должна съ особымъ удареніемъ указать на то, что рабочему классу слѣдуетъ серьезнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, отнестись къ вопросу алкоголизма. Этого можно достигнуть и этого слѣдуетъ достигнуть».

Катценштейнъ взялъ вѣрный топъ, поставивъ борьбу противъ алкоголизма въ связь съ пробужденіемъ въ рабочемъ классѣ потребности въ новыхъ и высшихъ наслажденіяхъ. Творцу новаго міра свободы, знанія и любви, идущаго на смѣну стараго міра угнетенія, суевѣрія и человѣконенавистничества должно быть чуждо пьяное, безсмысленное веселье, расслабляющее тѣло и духъ, ему должно быть свойственно веселье разумное, веселье трезвое, укрѣпляющее физическія и духовныя силы.

Пусть пролетаріи всѣхъ странъ всегда, и въ минуты горя и въ минуты радости, помнятъ прекрасныя слова Лассаля:

«Нѣтъ ничего, что могло бы сильнѣе наложить на сословіе печать достоинства и нравственности, чѣмъ сознаніе, что ему опредѣлено быть господствующимъ сословіемъ, что оно призвано принципъ своего класса поднять до принципа всего столѣтія, *свою* идею сдѣлать руководящею идеею всего общества и такимъ образомъ преобразовать это общество по своему образу и подобію.

«*Высокая всемірноисторическая честь этого назначенія должна охватить всѣ ваши мысли. Вамъ не подходятъ болѣе ни пороки угнетенныхъ, ни праздныя развлеченія пустоголовыхъ; вамъ не подходятъ даже легкомысліе незначительныхъ.* Вы — скала, на которой должна быть воздвигнута церковь современности».

VI.

Пролетарскій строй, уничтожающій государство и частную собственность, устраняющій всѣ виды проіобрѣтенія: прибыль, заработную плату, жалованье и вводящій общественное производство, продуктами котораго удовлетворяются всѣ общественныя и частныя потребности, тѣмъ самымъ устраняетъ не только не-

обходимость, но и возможность какихъ бы то ни было налоговъ; поэтому пролетарская программа, исходящая изъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, которые могутъ восторжествовать только путемъ соціальной революціи, программа, имѣющая въ виду не буржуазное исправленіе современнаго общества, а установленіе тѣхъ основъ, на которыхъ должно быть построено общество соціалистическое, такая программа отрицаетъ всѣ вообще налоги, а не рекомендуетъ ту или другую ихъ систему, какъ наиболѣе современную. Съ пролетарской точки зрѣнія не существуетъ хорошихъ налоговъ, не существуетъ справедливой системы податного обложенія; съ пролетарской точки зрѣнія всѣ налоги въ концѣ концовъ уплачиваются трудящейся массой населенія, создающей всѣ цѣнности; пролетаріатъ эксплуатируется независимо отъ лучшей или худшей системы налоговъ, и законы развитія капиталистическаго общества нисколько не исключаютъ возможности большей эксплуатаціи рабочаго класса, т. е. полученія меньшей доли продуктовъ капиталистическаго производства при единомъ подоходномъ прогрессивномъ налогѣ, чѣмъ при исключительномъ господствѣ косвенныхъ налоговъ, лишь бы средній размѣръ заработной платы въ первомъ случаѣ былъ ниже, чѣмъ во второмъ.

«Я не стану пускаться въ разслѣдованіе того, что лучше — прямые или косвенные налоги. При настоящемъ положеніи вещей не можетъ быть справедливаго распредѣленія податной тяжести ни при прямомъ, ни косвенномъ обложеніи. *Ибо сама природа современныхъ общественныхъ отношеній такова, что всякій налогъ. — какую бы форму ему не придавали, какое бы имя онъ ни носилъ, — всякій налогъ высшіе классы сваливаютъ на плечи низшихъ трудящихся классовъ, которые производятъ всѣ цѣнности*, а стало быть, какъ само собой разумѣется,—и все то, за что приходится платить налоги».

Такъ отъ имени нѣмецкой соціалдемократіи Либкнехтъ началъ свою извѣстную рѣчь о налогахъ въ германскомъ рейхстагѣ 22 ноября 1875 г.*)

Тотъ же взглядъ подробно развиваетъ и авторъ

*) См. В. Либкнехтъ «О налогахъ» «Библ. рус. пролет.», № 34.

статьи «Плоды реформъ», помѣщенной въ т. V. (1877 г.) лавровскаго «Впередъ».

«Лассаль въ своей знаменитой рѣчи старался вычислить, съ документами въ рукахъ, долю государственныхъ тягостей, выносимыхъ рабочимъ классомъ. Съ его легкой руки и другіе писатели стремились примѣнить тотъ-же способъ къ другимъ государствамъ. Намъ кажется, что это было совершенно излишне. Вѣдь въ сущности, въ конечномъ результатѣ, всѣ доходы государства выбираются изъ рабочихъ классовъ населенія. Если на содержаніе государства необходимо 500 милліоновъ въ годъ, то эти 500 милліоновъ должны быть взяты изъ продуктовъ годовой производительности страны, т. е. отняты отъ рабочаго населенія, какъ единственнаго производителя богатства. Будетъ ли это сдѣлано такъ, что доходы государства будутъ уплачиваться непосредственно самими рабочими — въ видѣ ли прямой подати или въ видѣ косвенной, налагаемой на предметы первой необходимости,—или же эту подать государство будетъ снимать съ нихъ посредственно, черезъ руки состоятельныхъ классовъ, предоставляя этимъ послѣднимъ трудъ переложенія податной тяжести на спину рабочихъ, — результатъ останется тотъ-же. Размѣръ государственнаго бюджета зависитъ отъ того, какую долю ежегодной народной производительности господствующіе и управщіе классы считаютъ нужнымъ затратить на содержаніе будочника. Опредѣливъ же размѣръ затраты, обязанность уплаты ея они всецѣло взваливаютъ на рабочихъ. Извѣстныя соображенія могутъ побудить ихъ взять на себя непосредственное внесеніе въ казначейство потребной суммы, но тогда на нихъ ляжетъ только трудъ переложенія этой суммы на другіе классы. Въ нашъ вѣкъ отчаянной конкурренціи и всемірнаго рынка это сдѣлать совсѣмъ не трудно. Въ борьбѣ проигрываетъ слабѣйшій, а такъ какъ теперь общественную силу представляетъ капиталъ, имущество, то, конечно, не имущество, не капиталъ уплатятъ подать, а трудъ. — Всѣ разсужденія мудрыхъ финансистовъ о различіи между прямыми и косвенными налогами не стоятъ мѣднаго гроша. Всякій налогъ будетъ прямой, если онъ падаетъ на лицо, которое не въ силахъ переложить его на своего «брата по Хри-

сту»; но тотъ же налогъ станетъ косвеннымъ, лишь только плательщикъ будетъ поставленъ въ условія, благопріятствующія переложенію».

Въ этихъ разсужденіяхъ много вѣрнаго, но необходимо сдѣлать одну существенную поправку.

Система налоговъ безразлична лишь для пролетаріата въ его чистомъ видѣ, для пролетаріата, живущаго исключительно *продажей* своей рабочей силы, исключительно заработной платой, но не для всѣхъ «трудящихся классовъ», не для всего трудящагося люда. Для мелкихъ крестьянъ, имѣющихъ свой клочокъ земли, для «самостоятельныхъ» ремесленниковъ и пр. система податного обложенія далеко не безразлична, такъ какъ переложить на нихъ тотъ или другой налогъ, къ уплатѣ котораго непосредственно привлекается доходъ крупнаго капиталиста, довольно трудно, трудно, конечно, на столько, на сколько они живутъ работой, выполняемой при посредствѣ ихъ собственныхъ средствъ производства (земли, рабочаго скота, орудій и т. д.). Система податного обложенія, при которой остаются свободными отъ налоговъ мелкіе участки земли, небольшіе доходы, небольшія наслѣдства, при которой не существуетъ косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости, не существуетъ таможенныхъ пошлинъ на желѣзо, сельскохозяйственныя орудія и пр., такая система можетъ значительно облегчить положеніе малоземельнаго крестьянства и отчасти ремесленниковъ, можетъ спасти часть ихъ, если не отъ пролетаризаціи, то отъ *обнищанія*.

Мы думаемъ поэтому, что при существующемъ буржуазномъ строѣ соціалдемократіи слѣдуетъ поддерживать требованіе изъятія изъ податного обложенія земель мелкихъ собственниковъ, уничтоженія налоговъ на предметы первой необходимости, устраненія ряда таможенныхъ пошлинъ и пр.; но въ *программу русскаго сознательнаго пролетаріата*, имѣющаго въ виду не реформы, а *революцію*, мы не считаемъ умѣстнымъ помѣщать требованіе исправленія податной системы, такъ какъ пролетаріатъ стремится, чтобы *революція* не исправляла податную систему, а вовсе ее устранила.

Но, если мы признаемъ, что пролетаріатъ въ интересахъ не менѣе его обездоленныхъ малоземельныхъ

крестьянъ и ремесленниковъ можетъ при существующемъ капиталистическомъ строѣ предпочесть ту или другую податную систему, то мы при этомъ не думаемъ, чтобы наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса было требованіе «отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства». Это требованіе выдвигаетъ программа «Искры» и выдвигаетъ, какъ требованіе особенно важное, основное; изъ всѣхъ остальныхъ требованій только оно выдѣлено курсивомъ; кромѣ того программа сопровождаетъ его рекомендаціей, какъ «основного условія демократизаціи нашего государственнаго хозяйства».

На небываломъ по своей продолжительности съѣздѣ это требованіе прошло безъ преній, безъ всякаго обсужденія, какъ нѣчто безспорное и, «само собой понятное». Для людей мало знающихъ, мало думающихъ, но много о себѣ воображающихъ, наиболѣе трудные вопросы всегда «безспорны» и «сами собою понятны», но среди сознательныхъ пролетаріевъ найдется не мало лицъ, которымъ подобное требованіе «само собою» совсѣмъ не понятно и во всякомъ случаѣ не безспорно.

«*Отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ!*» Предполагаетъ ли это требованіе отмѣну всѣхъ такъ называемыхъ *покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ?* По точному смыслу — предполагаетъ. Но возможно ли «молодымъ» капиталистическимъ странамъ отмѣнить всѣ покровительственныя пошлины, при условіи сохраненія современнаго буржуазнаго строя, на который разсчитана программа «Искры». Можетъ ли, напр., капиталистическая Россія сразу отъ современной покровительственной системы перейти къ полной свободѣ торговли? Не нанесетъ ли это жестокаго удара ея промышленности и не пострадаютъ ли отъ этого фабрично-заводскіе рабочіе? Ни одинъ знающій и думающій человѣкъ не рѣшится причислить эти вопросы къ числу «безспорныхъ».

Далѣе. Косвенные налоги — специфически буржуазны, ихъ высшее развитіе стоитъ въ причинности зависимости отъ торжества буржуазіи. На это указывали и Лассаль, и Марксъ. «Налоги на потребленіе — говоритъ Марксъ въ «Нищетѣ философіи» — достигли своего полнаго развитія лишь съ побѣдой буржуазіи.»

«Искра» составила свою программу на случай побѣды буржуазіи, на случай буржуазной революціи, расчищающей путь развитію капитализма; умѣстно-ли въ подобной программѣ требовать полной отмѣны какъ разъ тѣхъ налоговъ, которые «достигаютъ своего полнаго развитія лишь съ побѣдой буржуазіи?»

Этотъ вопросъ, если и можно назвать безспорнымъ, то только въ томъ смыслѣ, что на него нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно.

Идемъ далѣе. Самымъ крупнымъ косвеннымъ налогомъ во многихъ странахъ, въ томъ числѣ, въ Россіи является налогъ на спиртные напитки*), въ особенности на водку. Отмѣна его удешевила-бы водку въ нѣсколько разъ, и является вопросъ, не вызвало-ли бы подобное удешевленіе при сохраненіи «свободы производства» острое усиленіе алкоголизма, что было бы равносильно народному бѣдствію? Мы видѣли, что повышеніе въ Бельгіи акциза на спиртъ въ $1^1/_2$ раза, уменьшило потребленіе его также въ $1^1/_2$ раза. Не въ той конечно степени, но все же есть основанія ожидать и обратно — повышенія потребленія съ пониженіемъ акциза, и очень значительнаго повышенія въ случаѣ полной отмѣны акциза или вообще обложенія водки.

Наконецъ, почему съ «демократической точки зрѣнія» слѣдуетъ требовать отмѣны косвенныхъ налоговъ на предметы роскоши? Косвенные налоги на предметы роскоши, можетъ быть труднѣе, чѣмъ налогъ подоходный перелагать на «трудящіеся классы».

Что касается до второй половины искровскаго требованія, то *прогрессивный* налогъ на доходы и наслѣдства, если онъ проводится болѣе или менѣе строго, и его прогрессія не мнимая а дѣйствительная, несомнѣнно долженъ замедлять образованіе крупныхъ состояній и дѣлать болѣе устойчивыми состоянія среднія, несомнѣнно долженъ идти въ разрѣзъ съ экономической концентраціей капитала; другими словами его тенденція можетъ быть реакціонной: для пролетаріата въ моментъ соціальной революціи несравненно удобнѣе имѣть дѣло съ небольшимъ числомъ архи-

*) Въ Россіи водочная монополія и акцизъ приносятъ казнѣ ежегодный доходъ въ 530 милльоновъ рублей.

милльонеровъ, чѣмъ со множествомъ «состоятельныхъ людей», обыкновенно самыхъ ярыхъ сторонниковъ «существующаго общественнаго порядка».

Таково «основное условіе демократизаціи нашего государственнаго хозяйства»! Трудно, какъ видите, расчищать путь развитію капитализма и въ то же время «демократизировать государственное хозяйство», и еще труднѣе *составлять буржуазную программу съ пролетарской точки зрѣнія.*

VII

Аграрный вопросъ, въ частности вопросъ объ избавленіи малоземельнаго крестьянства отъ тяжелой нужды, разрѣшается, какъ мы уже видѣли, введеніемъ соціалистическаго строя, устраняющимъ прибыль, но за то установливающимъ удовлетвореніе потребностей всѣхъ и каждаго. Прибыли деревенская бѣднота никогда не получаетъ, потребности ея никогда не удовлетворяются; не жизнь, а полугодное прозябаніе — таковъ удѣлъ не только безземельныхъ, но и «малоземельныхъ» крестьянъ. При капиталистическомъ строѣ скорѣе фабрично-заводскій пролетаріатъ можетъ себѣ «помочь», можетъ нѣсколько улучшить свое положеніе, чѣмъ большинство «крестьянъ-собственниковъ». Для нихъ нѣтъ спасенія внѣ соціализма. Только коренной соціальный переворотъ можетъ создать для нихъ условія, необходимыя для развитія человѣческой личности; только революціонная, соціалистическая пролетаризація можетъ положить конецъ пролетаризаціи капиталистической, которая въ деревнѣ совершается *особенно болѣзненно*, сопровождаясь вырожденіемъ, обнищаніемъ: если «теорія обнищанія» не примѣнима къ фабрично-заводскому пролетаріату, то къ мелкимъ крестьянамъ собственникамъ до извѣстной степени примѣнима. Развитіе капитализма особенно жестоко бьетъ мелкихъ труженниковъ, не вполнѣ еще оторванныхъ отъ своихъ жалкихъ «средствъ производства», и удары эти «*пришибаютъ*», но, къ сожалѣнію, мало возмущаютъ, мало побуждаютъ къ протесту и борьбѣ, а, главное, мало способствуютъ пробужденію созна-

нія своихъ истинныхъ интересовъ или, что то же, пробужденію сознанія соціалистическаго.

Многіе соціалисты хотятъ помочь этому горю рядомъ мѣропріятій, долженствующихъ ослабить или измѣнить вліяніе капиталистическаго развитія на сельское населеніе, мѣропріятій, которыя съ одной стороны должны улучшить положеніе крестьянъ, съ другой — пробудить въ нихъ соціалистическое сознаніе. Разумѣется всѣ эти мѣропріятія относятся въ настоящее время лишь къ области пожеланій и составляютъ содержаніе «минимальныхъ» аграрныхъ программъ, проектовъ которыхъ за послѣдніе два три года придумано не мало русскими соціалистами.

Особенно важное значеніе минимальной аграрной программѣ придаютъ соціалисты-революціонеры. Въ ихъ проектѣ имѣются цѣлыхъ двѣ минимальныхъ аграрныхъ программы: одна—просто минимумъ, а другая минимумъ минимума, т. е. наименьшее наименьшаго.

Просто минимумъ гласитъ такъ:

«Въ вопросахъ аграрной политики и поземельныхъ отношеній Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ ставитъ себѣ цѣлью использовать въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, какъ общинныя, такъ и вообще трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства, и въ особенности взглядъ на землю, какъ на общее достояніе всѣхъ трудящихся. Въ этихъ видахъ партія будетъ стоять за соціализацію всѣхъ частно-владѣльческихъ земель, т. е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія».

Чтобы у читателя не явилось сомнѣнія (вполнѣ возможнаго), что это требованіе наибольшей, а не наименьшей программы, проектъ, переходя къ минимуму минимума, заявляетъ: «Въ случаѣ, если это *главное и основное требованіе аграрной программы-минимумъ* не будетъ осуществлено сразу, въ качествѣ революціонной мѣры» и т. д.

Точно также и въ пояснительныхъ къ проекту статьяхъ усиленно подчеркивается, что «соціализація земли» — программа минимумъ.

Что же такое, по мнѣнію соціалистовъ-революціонеровъ, программа-максимумъ?

Въ принципіальной части проекта мы находимъ такое ея опредѣленіе:

«Его (международнаго революціоннаго соціализма) практическая задача сводится къ тому, чтобы всѣ слои трудового и эксплуатируемаго населенія сознали себя единымъ рабочимъ классомъ, видѣли въ своемъ классовомъ единствѣ залогъ своего освобожденія и путемъ планомѣрной, организованной борьбы совершили соціально-революціонный переворотъ, программой котораго является: освобожденіе всѣхъ общественныхъ учрежденій изъ подъ власти эксплуатирующихъ классовъ; уничтоженіе, вмѣстѣ съ частной собственностью на естестественныя силы природы и общественныя средства производства, самаго дѣленія общества на классы; уничтоженіе современнаго, классового, принудительно-репрессивнаго характера общественныхъ учрежденій, при сохраненіи и развитіи ихъ нормальныхъ культурныхъ функцій, — т. е. планомѣрной организаціи всеобщаго труда на всеобщую пользу».

Разберемся или, точнѣе, *постараемся* разобраться въ этой программѣ-максимумъ.

Первое положеніе «программы соціально-революціоннаго переворота» говоритъ объ «освобожденіи всѣхъ общественныхъ учрежденій изъ подъ власти всѣхъ эксплуатирующихъ классовъ»; третье — «объ уничтоженіи современнаго, классового, принудительно-репрессивнаго характера общественныхъ учрежденій» и пр. Составители проекта видятъ здѣсь такимъ образомъ, двѣ отдѣльныя задачи «переворота», но мы при всемъ стараніи не можемъ найти различія между освобожденіемъ общественныхъ учрежденій изъ подъ власти эксплуатирующихъ классовъ и уничтоженіемъ ихъ классового характера; не думаемъ, чтобы это удалось и самому «международному революціонному соціализму».

И что слѣдуетъ понимать подъ «современными общественными учрежденіями»? Изъ того, что имъ приписывается классовой, *принудительно-репрессивный* характеръ, надо полагать, что это учрежденія *государственныя*: полиція, войско и т. п., но тогда «*нормальными*» являются какъ разъ репрессивныя функ-

ціи, а не тѣ «культурныя», которыя долженъ «сохранить и развить» соціально-революціонный переворотъ.

Сохраненіе и развитіе нормальныхъ культурныхъ функцій современныхъ общественныхъ учрежденій проектомъ *отождествляется* съ «планомѣрной организаціей всеобщаго труда на всеобщую пользу»; но такое отождествленіе, вѣроятно, покажется слишкомъ смѣлымъ «международному революціонному соціализму». Неужели достаточно только *сохранять* и развивать нормальныя культурныя функціи современныхъ общественныхъ учрежденій, чтобы создать соціалистическую организацію производства?

Третьимъ положеніемъ программы переворота, положеніемъ, поставленнымъ проектомъ въ середину между освобожденіемъ общественныхъ учрежденій отъ власти эксплуатирующихъ классовъ и уничтоженіемъ ихъ классового характера, является уничтоженіе самого дѣленія общества на классы вмѣстѣ съ уничтоженіемъ «частной собственности на *естественныя* силы природы и *общественныя* средства производства».

Интересно было-бы знать, какія еще бываютъ силы природы, кромѣ «естественныхъ» (вѣроятно, сверхестественныя или неестественныя!), но просто силы природы, на сколько дѣло идетъ о собственности и производствѣ, обнимаются понятіемъ «средства производства и обращенія». О «средствахъ обращенія» проектъ не упоминаетъ, но мы не думаемъ, чтобы онъ отождествлялъ ихъ съ «естественными силами природы». Непонятно, наконецъ, что понимаетъ проектъ подъ «общественными» средствами производства? Если онъ подразумѣваетъ средства производства, принадлежащія «общественнымъ учрежденіямъ», то тогда нечего уничтожать частную собственность на нихъ, такъ какъ они уже изъяты изъ нея; если же онъ имѣетъ въ виду средства производства, явившіяся результатомъ не индивидуальнаго труда ихъ собственника, а сложнаго процесса производства, въ которомъ нельзя опредѣлить долю произведеннаго каждымъ отдѣльнымъ работникомъ, то въ современномъ обществѣ индивидуально произведенныхъ средствъ производства въ сущности нѣтъ: даже крестьянская соха — результатъ работы многихъ участниковъ процесса производ-

ства, такъ какъ въ нее входитъ желѣзо, добытое и очищенное на желѣзодѣлательномъ заводѣ.

Неясность программы-максимумъ затрудняетъ, конечно, и пониманіе аграрной программы-минимумъ, но все же *попытаемся* понять ее.

Программа минимумъ должна осуществиться, разумѣется, до осуществленія программы максимумъ; такимъ образомъ «соціализацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель» мы должны представить себѣ при сохраненіи «общественными учрежденіями» ихъ «классоваго, принудительно-репрессивнаго характера», при сохраненіи дѣленія общества на классы, вмѣстѣ съ сохраненіемъ «частной собственности на естественныя силы природы и общественныя средства производства», при отсутствіи «планомѣрной организаціи всеобщаго труда на всеобщую пользу», однимъ словомъ, при современномъ капиталистическомъ строѣ.

Что же такое эта примиренная или, по крайней мѣрѣ, совмѣщенная съ капиталистическимъ строемъ «соціализація всѣхъ частновладѣльческихъ земель»?

Прежде всего «изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ». Это мыслимо и при капиталистическомъ строѣ, и при существованіи товарнаго производства, эксплуатаціи, наемнаго труда и т. п., и соціалисты-революціонеры могли-бы въ данномъ случаѣ сослаться на такой иностранный авторитетъ русскихъ авторитетовъ, какъ Каутскій.

«Частная собственность на землю—пишетъ Каутскій въ своемъ «Аграрномъ вопросѣ»—гораздо раньше и гораздо больше стала въ противорѣчіе съ производственными условіями сельскаго хозяйства и сдѣлалась для него невыносимыми оковами, чѣмъ частная собственность на средства производства въ индустріи. При этомъ собственность на землю уже совершенно обособилась отъ хозяйства. Въ то время, какъ въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ тенденція къ централизаціи едва замѣтна, во многихъ случаяхъ существуетъ даже тенденція къ раздробленію, въ крупной поземельной собственности господствуетъ рѣшительная тенденція къ централизаціи, которая особенно ярко проявляется въ гипотечной (залоговой) собственности, и эта собственность въ преобладающихъ размѣрахъ сдѣлалась уже безличной. Превращеніе позе-

мельной собственности въ собственность государственную возможно поэтому уже въ капиталистическомъ обществѣ; оно возможно при удержаніи товарнаго производства и системы наемной платы, безъ измѣненія существующаго способа производства ».*)

Но у Каутскаго изъятіе земли изъ частной собственности ведетъ къ переходу ея въ государственную собственность или къ ея *націонализаціи*, у соціалистовъ революціонеровъ же къ «переходу ея въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ, общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія», что они называютъ *соціализаціей*. И здѣсь мы сразу вступаемъ въ область неопредѣленностей, ведущихъ къ недоразумѣніямъ.

Въ какомъ отношеніи стоятъ между собой «общественное владѣніе» и «распоряженіе» общинъ и ихъ союзовъ? Можно подумать, что соціалисты-революціонеры хотятъ одну часть частно-владѣльческихъ земель передать въ «общественное владѣніе», другую въ «распоряженіе общинъ».

Но что такое при капиталистическомъ строѣ «общественное владѣніе», не представляющее изъ себѣ «распоряженія общинъ»? Это владѣніе государственное, это націонализація земли.

Можно съ другой стороны подумать, что соціалисты-революціонеры хотятъ предоставить «обществу» или, что въ данномъ случаѣ, равнозначуще—государству, право владѣнія землею, а общинамъ и ихъ союзамъ — право распоряженія; но что такое владѣніе безъ распоряженія и распоряженіе безъ владѣнія?

За «владѣніемъ» и «распоряженіемъ» слѣдуетъ «пользованіе», и въ немъ, повидимому, вся суть «соціализаціи.» Пользованіе предполагается «уравнительнымъ», но что понимать подъ этой уравнительностью? Такъ какъ соціалисты-революціонеры хотятъ использовать «какъ *общинныя*, такъ и вообще трудовыя воззрѣнія, *традиціи и формы* жизни русскаго крестьянства», то подъ «уравнительностью» вѣроятно, понимается раздѣлъ и передѣлы земли между домохозяевами, по душамъ или по работникамъ, но не общественныя

*) «Die Agrarfrage», 2 Aufl. S. 324-325.

запашки съ раздѣломъ продуктовъ между всѣми членами общины по ихъ потребностямъ.

Уравнительное пользованіе продуктами было бы дѣйствительно рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса въ смыслѣ устраненія крестьянской нищеты, но оно вытекаетъ не изъ общинныхъ воззрѣній, не изъ традицій и формъ крестьянской жизни, а изъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, оно не можетъ ограничиться продуктами исключительно земледѣльческаго труда и не совмѣстимо съ современнымъ капиталистическимъ строемъ.

Что касается до раздѣла земли, то тутъ фактически никакой уравнительности не будетъ; если многолошадный богатѣй и безлошадный бѣднякъ получатъ одинаковое количество земли, то эта «уравнительность» все же не спасетъ бѣдняка отъ кабалы богатѣя.

Кромѣ этихъ «главныхъ и основныхъ» недоумѣній максимально-минимальная программа соціалистовъ-революціонеровъ вызываютъ еще недоумѣнія второстепенныя. Будутъ ли, напр., изъяты изъ перехода въ распоряженіе общинъ частно-владѣльческія земли, на которыхъ построены заводы и фабрики или которыя содержатъ эксплуатируемыя частными лицами минеральныя богатства?

Почему, напр., въ распоряженіе общинъ передаются частно-владѣльческія земли и не передаются земли государственныя, удѣльныя, церковныя, монастырскія?

Въ «нѣсколькихъ мысляхъ по поводу проекта партійной программы» *), которыя должны служить, какъ бы комментаріемъ къ программѣ-минимумъ соціалистовъ революціонеровъ, Л. Э. Шишко даетъ иную формулировку «основного и главнаго требованія» минимальной программы соц.-рев., чѣмъ ту, которую мы находимъ въ опубликованномъ «Рев. Россіей» (№ 46) проектѣ.

«Соціализація всѣхъ земель, могущихъ служить орудіемъ производства, т. е. переходъ ихъ въ общественное владѣніе на условіяхъ уравнительнаго пользованія и свободнаго доступа къ нимъ всѣхъ трудящихся».

*) См. Приложеніе къ № 53 «Рев. Россіи».

«Здѣсь нѣтъ «распоряженія демократически организованныхъ общинъ и ихъ территоріальныхъ союзовъ», но здѣсь имѣется за то «свободный доступъ всѣхъ трудящихся», который въ минимальной программѣ представляется намъ максимальной загадкой. Не ясно намъ также, что слѣдуетъ понимать подъ землями, не могущими служить орудіемъ производства и не переходящими въ общественное владѣніе?

Л. Э. Шишко въ своихъ «нѣсколькихъ мысляхъ»*) этихъ вопросовъ совершенно не разъясняетъ, но ему представляется важнымъ отвѣтить на «возраженія, шедшія отнюдь не съ враждебной стороны»**), возраженія, которыя онъ формулируетъ такъ:

«Какимъ образомъ въ одной и той же программѣ, вы предлагаете городскому пролетаріату требованія, вполнѣ совмѣстимыя съ буржуазно-демократическимъ строемъ государства, въ то время, какъ въ крестьянской программѣ у васъ выставлены требованія, подрывающія въ основѣ самый принципъ***) частной собственности на землю? Неужели же городскія рабочія массы вы считаете менѣе подготовленными для соціалистическаго переворота, нежели крестьянскія?»

«Признавая — отвѣчаетъ Л. Э. Шишко — тѣсную классовую связь между городскимъ пролетаріатомъ и трудовымъ крестьянствомъ, признавая полное внутреннее единство этихъ интересовъ и стремленій, партія соціалистовъ-революціонеровъ тѣмъ самымъ признаетъ полное единство ихъ программныхъ требованій

---

*) Кстати сказать Л. Э. Шишко въ своихъ «нѣсколькихъ мыслях» указываетъ на то, что «всякая партійная программа должна по необходимости охватывать очень многія стороны общественныхъ отношеній и общественной дѣятельности, что ведетъ къ тому, что при систематическомъ ея изложеніи она должна по необходимости разбиться на нѣсколько различныхъ отдѣловъ и на множество отдѣльныхъ пунктовъ. Это обстоятельство — говоритъ онъ, — вмѣстѣ съ *неизбѣжною сжатостью изложенія*, придаетъ программѣ слишкомъ отрывистый, формальный, алгебраическій характеръ».

Чего другого, а сжатости изложенія проектъ программы соц.-рев. избѣжалъ.

**) Мы, къ слову сказать, тоже не хотимъ и не можемъ отнести себя къ «враждебной сторонѣ». *В. П.*

***) Соц.-рев. въ своей программѣ уничтожаютъ частную собственность на землю, а не только «подрываютъ принципъ». *В. П.*

Съ ея точки зрѣнія у нихъ не можетъ быть двухъ отдѣльныхъ программъ. Экономическая программа трудовой крестьянской массы является въ то же время экономической программой городского пролетаріата и наоборотъ, ибо, очевидно, если между ними существуетъ тѣсная классовая связь, то она существуетъ не въ теоріи только, но и въ самой жизни. Тѣ или другія условія труда въ деревнѣ, то или другое общее положеніе деревенской трудовой массы отражаются самымъ непосредственнымъ образомъ на условіяхъ труда и на общемъ положеніи городскихъ рабочихъ массъ. Коренное измѣненіе въ условіяхъ землевладѣнія, полный подрывъ индивидуальной буржуазной собственности въ области земельныхъ отношеній не можетъ не отразиться самымъ рѣшительнымъ образомъ на борьбѣ пролетаріата съ капиталомъ во всѣхъ другихъ областяхъ производства и не можетъ не нанести болѣе или менѣе рѣшительнаго удара всевластію буржуазіи вообще, укрѣпивъ, съ одной стороны, позиціи трудового лагеря, *точно также, какъ съ другой стороны, сохранившееся еще господство капиталистическихъ отношеній въ областяхъ не сельскаго производства неизбѣжно должно болѣе или менѣе ослабить революціонизирующее дѣйствіе соціализаціи земли.* А это значитъ, что требованія нашей экономической программы, относящіяся какъ къ области рабочаго законодательства, такъ и къ области аграрной политики составляютъ въ сущности систему требованій одной и той же экономической программы рабочаго класса, въ которой одинаково заинтересованы рабочія массы какъ города, такъ и деревни.»

Все это прекрасно, но не заключается ли въ этихъ разсужденіяхъ скорѣе осужденіе, чѣмъ защита проекта программы соц.-рев.? Если сохраненіе господства капиталистическихъ отношеній «въ областяхъ не-сельскаго производства неизбѣжно должно болѣе или менѣе ослабить революціонизирующее дѣйствіе соціализаціи земли», то зачѣмъ же сохранять это господство? Если между трудовымъ крестьянствомъ и городскимъ пролетаріатомъ существуетъ тѣсная классовая связь, если ихъ программа должна быть единой, то почему «основнымъ и главнымъ требованіемъ ея» не поставить «уравнительность» въ удовлетвореніи по-

требностей всѣхъ трудящихся вмѣсто «уравнительности въ пользованіи землею»; уравнительности, фактически исключающей изъ пользованія городской, да въ сущности и сельскій пролетаріатъ?

Конечно, «уравнительная» «соціализація» не примѣнима къ фабрикамъ, заводамъ, шахтамъ, желѣзнымъ дорогамъ и т. д., но къ нимъ примѣнима настоящая соціализація, т. е. общественное производство въ общественныхъ интересахъ. «Уравнительность въ пользованіи землей» соотвѣтствуетъ, быть можетъ, «традиціямъ и формамъ жизни русскаго крестьянства», соціалистическій же строй несомнѣнно соотвѣтствуетъ классовымъ интересамъ пролетаріата, совпадающимъ съ интересами всей деревенской бѣдноты; и, разъ у крестьянства и городскаго пролетаріата «не можетъ быть двухъ отдѣльныхъ программъ», то программой для того или другого должна быть программа *пролетарская*.

Посмотримъ теперь на минимально-минимальную аграрную программу соціалистовъ-революціонеровъ. Она состоитъ, по проекту, изъ «возможныхъ переходныхъ мѣръ» къ осуществленію «соціализаціи земли», «какъ, напр.: расширеніе права общинъ и ихъ территоріальныхъ союзовъ по экспропріаціи частно владѣльческихъ земель; конфискація земель монастырскихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и т. п. и обращеніе ихъ, равно, какъ и государственныхъ имуществъ, на то же дѣло обезпеченія общинъ достаточнымъ количествомъ земли, а также на нужды разселенія и переселенія; ограниченіе платы за пользованіе землею размѣрами чистаго дохода хозяйства (за вычетомъ изъ валоваго дохода издержекъ производства и нормальнаго вознагражденія за трудъ), вознагражденіе за произведенныя улучшенія въ землѣ при переходѣ пользованія ею отъ одного лица къ другому; обращеніе ренты путемъ спеціальнаго налога въ доходную статью общинъ и органовъ самоуправленія».

Надо отдать справедливость соціалистамъ-революціонерамъ: они необычайно щедры или, если хотите, требовательны. Ихъ минимально-минимальныя требованія въ области «аграрной политики» едва-ли не превышаютъ максимальныя требованія, которыя, по мнѣнію Каутскаго, побѣдоносный пролетаріатъ

выставитъ на другой день послѣ соціальной революціи.

Ахъ, если бы въ то же время они не были также слишкомъ щедры на неясности и неопредѣленности!

«Расширеніе правъ общинъ и т. д.» Но откуда взялись не расширенныя права общинъ и территоріальныхъ союзовъ по экспропріаціи частновладѣльческихъ земель? Нѣтъ-ли у соціалистовъ-революціонеровъ еще минимума минимально-минимальной программы? Противъ второго пунтка («конфискація» и пр.) ничего, конечно, возразить нельзя, но, повторяемъ, почему этой конфискаціи нѣтъ въ минимальной программѣ, проводимой «сразу, въ качествѣ революціонной мѣры»?

Третье требованіе («ограниченіе платы» и пр.) — по существу въ высшей степени неопредѣленно. Что понимать подъ «нормальнымъ вознагражденіемъ»? Какъ установить издержки производства, которые въ сельскомъ хозяйствѣ особенно «индивидуальны» и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависятъ отъ совокупности цѣлаго ряда условій: размѣра и качества земельнаго участка, способа обработки, количества рабочаго скота, метереологическихъ вліяній и пр.

Четвертое требованіе (вознагражденіе за произведенныя улучшенія и пр.) опять-таки неясно. Какой «переходъ пользованія» здѣсь имѣется въ виду? При общинныхъ передѣлахъ или при смѣнѣ арендаторовъ или, наконецъ, при «разселеніяхъ»? Кто вознаграждаетъ: община, государство, землевладѣлецъ или то лицо, къ которому переходитъ пользованіе? Во всякомъ случаѣ не понимаемъ, какъ выполненіе этого требованія можетъ послужить «переходною мѣрою» къ «соціализаціи земли».

Послѣднимъ требованіемъ («обращеніе ренты» и пр.) соціалисты-революціонеры устраняютъ возможность пользованія землею путемъ аренды, такъ какъ ограниченная третьимъ пунктомъ арендная плата, какъ разъ, и составляетъ ренту, экспропріируемую пятымъ пунктомъ. Землевладѣльцы не станутъ, разумѣется, при этотъ условіяхъ сдавать землю въ аренду, а постараются завести капиталистическое хозяйство, чтобы получать прибыль въ видѣ прибавочной цѣнности.

Правда, въ Россіи экспропріація ренты, ограни-

ченіе размѣровъ аренды и предлагаемая проектомъ нормировка наемной работы (8 часовой рабочій день и т. д.) фактически повела-бы къ экспропріаціи и крупной поземельной собственности, но безвозмездная экспропріація поземельной собственности является уже не «возможной переходной мѣрой» минимума минимальной программы, а «революціонной мѣрой» просто минимальной программы. Но зачѣмъ тогда всѣ эти сложныя пути налоговъ, расширеній правъ, ограниченій аренды и т. д.? Можно экспропріировать крупныхъ поземельныхъ собственниковъ гораздо проще.

Вообще проектъ программы соціалистовъ-революціоннеровъ можетъ служить яркимъ примѣромъ, демонстрирующимъ невозможность примирить «максимальность» съ «минимальностью», революціонную «соціализацію» съ капиталистическимъ строемъ, уравнительность мелко-буржуазную съ уравнительностью пролетарской и т. д.

Не менѣе яркимъ примѣромъ служитъ и аграрная программа «Искры», но примѣръ этотъ демонстрируетъ нѣчто иное, чѣмъ проектъ соціалистовъ-революціонеровъ, онъ демонстрируетъ невозможность остаться на пролетарской точкѣ зрѣнія, остаться соціалдемократомъ, придумывая мѣры для «введенія деревни въ условія буржуазнаго строя.» Проектъ соціалистовъ-революціонеровъ отличается недостаточною продуманностью *), аграрная программа «Искры» поражаетъ, напротивъ, придуманностью, кабинетною *вымученностью*, оттого, вѣроятно, она такъ и дорога ея автору Ленину, который съ очень большимъ упорствомъ и очень малой убѣдительностью защищаетъ ее въ статьяхъ, рефератахъ, докладахъ и пр.

---

*) Изъ статьи «Наши задачи и ихъ формулировка», помѣщенной въ приложеніи къ № 53, видно, что нѣкоторые соціалисты-революціонеры сильно сомнѣваются въ «научности» теоретической части проекта программы. «...Было бы крайне вреднымъ актомъ политическаго расчета — справедливо пишетъ авторъ этой статьи А. Комовъ — вводить въ программу сомнительныя и спорныя предложенія только потому, что «надо-же что-нибудь дать» и «чѣмъ же замѣнить марксизмъ?», какъ приходится иногда слушать и отъ соціалистовъ-революціоннеровъ! «Не относятся-ли такъ нѣкоторые соціалисты-революціонеры и къ нѣкоторымъ требованіямъ своей минимальной программы. «Надо же что-нибудь дать!»

«Въ цѣляхъ же устраненія остатковъ крѣпостного порядка, которые тяжелымъ гнетомъ лежатъ непосредственно на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ партія требуетъ — говоритъ аграрная программа «Искры» — прежде всего:

1) Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

2) Отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

3) Возвращенія крестьянамъ денежныхъ суммъ, взятыхъ съ нихъ въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей: конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а также имѣній удѣльныхъ, кабинетныхъ и принадлежащихъ лицамъ царской фамиліи; а равно обложенія особымъ налогомъ земель землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

4) Учрежденія крестьянскихъ комитетовъ: а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или—въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки, — выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія; б) для передачи въ собственность крестьянъ на Кавказѣ тѣхъ земель, которыми они пользуются, какъ временно-обязанные, хизаны и проч.; в) для устраненія остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ Западномъ Краѣ и въ другихъ областяхъ государства;

5) Предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.»

«Наиболѣе важнымъ, центральнымъ, придающимъ особый характеръ аграрной программѣ» является, по удостовѣренію ея автора, — пунктъ четвертый, въ которомъ говорится объ «отрѣзкахъ». Возвращеніе «отрѣзковъ» — вотъ что главнымъ образомъ, должно по мнѣнію искристовъ, устранить остатки крѣпостного

права, «внести классовую борьбу въ деревню» и вообще «ввести деревню въ условія буржуазнаго строя».

Что же представляютъ изъ себя эти «отрѣзки», каковы ихъ размѣры, какую часть сельскаго населенія «раскрѣпоститъ» ихъ возвращеніе, какая сумма потребуется для выкупа той части «отрѣзковъ», которыя перешли въ другія руки, какая часть ихъ уже выкуплена самими крестьянами, какая часть отрѣзанныхъ земель служитъ въ рукахъ помѣщиковъ «орудіемъ закабаленія» крестьянъ, т. е., другими словами, велико-ли число случаевъ, въ которыхъ крестьянамъ для веденія хозяйства на своей надѣльной землѣ необходимо пользованіе въ той или другой формѣ землями у нихъ отрѣзанными? — вотъ вопросы, которые чрезвычайно важны для оцѣнки значенія возвращенія крестьянамъ «отрѣзковъ».

Ленину и другимъ многочисленнымъ ученымъ теоретикамъ «Искры» необходимо было приложить всѣ старанія для всесторонняго выясненія и статистическаго обоснованія «наиболѣе важнаго, центральнаго и пр.», а, главное, какъ сознается Ленинъ, и «наиболѣе уязвимаго пункта» своей аграрной программы, между тѣмъ онъ остался неяснымъ, темнымъ даже многимъ «делегатамъ» невиданнаго съѣзда, какъ это видно, хотя бы изъ того, что при его голосованіи изъ 51 голосовъ делегатовъ *20 воздержалось* отъ голосованія. О различныхъ комбинаціяхъ 51 голоса делегатовъ съѣзда въ партійной «литературѣ» имѣются цѣлыя изслѣдованія съ картограмами, а относительно «отвѣзковъ» простые смертные должны вѣрить вождямъ на слово, «что этотъ «революціонный пунктъ» опредѣленъ, какъ «центръ» максимума крестьянскихъ требованій *«на основаніи научныхъ данныхъ»**).

---

*) «...Мы должны»—говоритъ Ленинъ въ своей статьѣ «Аграрная программа россійской соціалдемократіи» — во имя своихъ революціонныхъ принциповъ и своего революціоннаго долга должны — бороться *всѣми силами* всегда и непремѣнно за *максимумъ* нашихъ требованій...» Такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло — опредѣлить, на основаніи научныхъ данныхъ—*максимумъ* нашихъ требованій и помочь товарищамъ бороться за этотъ максимумъ, а тамъ уже пускай смѣются надъ его «проблематичностью» трезвенные легальные критики и влюбленные въ осязательность результатовъ нелегальные «хвостисты»!

Ни въ комментаріи къ проекту программы Плеханова, ни въ объяснительной статьѣ спеціально къ аграрной программѣ Ленина, помѣщенныхъ въ 4-ой книжкѣ «Зари» мы не находимъ рѣшительно никакихъ фактическихъ данныхъ объ «отрѣзкахъ». Нѣтъ ихъ и въ составленномъ Ленинымъ «объясненіи для крестьянъ, чего хотятъ соціалдемократы» (Къ деревенской бѣднотѣ), гдѣ за то много совершенно непозволительныхъ наускиваній на соціалистовъ-революціонеровъ. Нѣкоторыя статистическія данныя, касающіяся «отрѣзковъ», Ленинъ даетъ только въ своемъ «отвѣтѣ на критику нашего («Искры») проекта программы», критику, исходившую отъ господина Икса.

Онъ ссылался здѣсь на «данныя, доставленныя» ему «однимъ товарищемъ, статистикомъ по спеціальности».

«Онъ сравнилъ данныя Военно-Статистическаго Сборника о землевладѣніи помѣщичьихъ крестьянъ до реформы съ данными Статистики поземельной собственности 1878 г. и опредѣлилъ такимъ образомъ величину отрѣзковъ по каждой губерніи. Оказалось, что въ девяти нечерноземныхъ губерніяхъ (Псковская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимірская, Смоленская, Калужская, Ярославская и Костромская) у помѣщичьихъ крестьянъ было до реформы 10.421 тысяча десятинъ, а осталось въ 1878 г. — 9.746 тысячъ десятинъ, т. е. отрѣзало по 72,8 тыс. дес. въ среднемъ на губернію». Въ 14 черноземныхъ (Орловская, Тульская, Рязанская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Нижегородская, Симбирская, Казанская, Пензенская, Саратовская, Черниговская, Харьковская и Полтавская) у крестьянъ было 12 795 тыс. дес., а осталось 9.996 тыс. дес., т. е. отрѣзано 2.799 т. дес. или 21,9%, отрѣзано въ среднемъ на губернію по 199,1 тыс. дес. Въ пяти губерніяхъ степного района, (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Донская (приблизительный расчетъ) и Самарская) у крестьянъ было 2.203 тыс. дес., а осталось 1.580 т. дес., т. е. отрѣзано 623 т. дес. или 28,3%, отрѣзано въ среднемъ на губернію по 124,6 тыс. тыс.».

Въ томъ же «отвѣтѣ» Ленинъ приводитъ еще изъ «Матерьяловъ къ вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» въ Саратовской губерніи»

размѣръ «отрѣзковъ» для Саратовской губ., а именно 600 тыс. десятинъ или 42,7%.

Вотъ въ сущности всѣ фактическія данныя объ отрѣзкахъ, приводимыя, какъ основаніе для оцѣнки ихъ значенія, искровской партіей, но и эти данныя приведены безъ поясненій, необходимыхъ для ихъ правильнаго пониманія.

Лѣтъ 16—17 тому назадъ мы спеціально занимались вопросомъ о «малоземельѣ» и средствахъ помочь ему и уже въ то время, кромѣ Военно-Статистическаго сборника и Статистики поземельной собственности, мы нашли много интересныхъ статистическихъ данныхъ, освѣщающихъ, какъ вопросъ о малоземельѣ вообще, такъ спеціально, объ «отрѣзкахъ», въ оффиціальныхъ отчетахъ Крестьянскаго Поземельнаго банка, въ отчетахъ о поѣздкахъ членовъ его совѣта, въ повременной печати, въ земскихъ статистическихъ изданіяхъ и особенно въ сборникѣ отвѣтовъ земскихъ управъ на запросъ Мин. Внутр. Дѣлъ о причинахъ бѣдственнаго положенія сельскаго населенія, сборникѣ, изданномъ Центральнымъ Стастическимъ бюро въ началѣ 80-хъ годовъ *). Съ тѣхъ поръ мы не занимались этимъ вопросомъ, но несомнѣнно теперь статистическихъ и вообще точныхъ фактическихъ данныхъ для выясненія вопроса объ «отрѣзкахъ» несравненно больше, и они, конечно, хорошо извѣстны Ленину и другимъ защитникамъ возвращенія отрѣзковъ, какъ «революціонной мѣры» огромнаго значенія, почему же они не подѣлятся ими съ менѣе компетентными товарищами и «деревенской бѣднотой»?

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ въ настоящее время тѣхъ данныхъ, которыми мы могли пользоваться 16 лѣтъ тому назадъ, мы вообще въ смыслѣ пользованія «источниками» поставлены въ данный моментъ въ очень неблагопріятныя условія, но тѣмъ не менѣе все же попытаемся, хотя и очень слабо, хотя и очень недостаточно освѣтить кардинальный пунктъ искровской программы, остающійся совершенно темнымъ для мно-

*) Результатомъ нашихъ занятій была большая работа «Малоземелье и Крестьянскій банкъ», принятая въ качествѣ кандидатской диссертаціи юрид. фак. Петерб. унив. Эта работа, взятая нами изъ архива университета для передѣлки и напечатанья безслѣдно пропала вслѣдствіе одного несчастнаго стеченія обстоятельствъ. *В. П.*

гихъ, членовъ партіи, по уставу, «принимающихъ ея программу».

Начнемъ съ вещей «общеизвѣстныхъ», которыя, какъ извѣстно, часто бываютъ не извѣстны лицамъ очень извѣстнымъ.

Крестьяне во времена крѣпостного права раздѣлялись въ Россіи на три главныхъ группы: помѣщичьихъ, государственныхъ, удѣльныхъ.

Ко времени реформы 1861 г. помѣщичьихъ крестьянъ насчитывалось около 9 милльоновъ 800 тысячъ муж. п., государственныхъ — около 9 милліоновъ 200 тысячъ ревизскихъ душъ и, наконецъ, удѣльныхъ — около 900 тысячъ рев. душъ.

При выдачѣ владѣльныхъ записей государственные и удѣльные крестьяне сохранили въ качествѣ надѣловъ всѣ земельныя угодья, находившіяся въ ихъ пользованіи; *никакихъ отрѣзокъ у нихъ сдѣлано не было.*

Государственные получили въ надѣлъ въ общемъ около 75 милльоновъ дес., по 8,7 дес. на душу; удѣльные около 4 мил. 400 тыс. десят. приблиз. по $5^3/_4$ дес. на душу.

Отрѣзки были сдѣланы только у помѣщичьихъ крестьянъ, но и то не у всѣхъ. По «положенію» земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ, отрѣзывалась если количество ея, приходившееся на каждую душу превышало извѣстный размѣръ (различный для различныхъ мѣстностей), и, напротивъ, прирѣзывалось, если въ пользованіи крестьянъ въ моментъ освобожденія земли было меньше установленнаго для каждой мѣстности наименьшаго надѣла. Кромѣ того въ «положеніе», по настоянію крѣпостниковъ, былъ введенъ такъ называемый «даровой надѣлъ»: крестьянамъ представлялась отказываться отъ выкупа полнаго надѣла и получать даромъ (безъ выкупа) четверть его.

Размѣръ «отрѣзковъ» въ дѣйствительности былъ чрезвычайно различенъ не только для различныхъ районовъ, но и въ одномъ и томъ же районѣ для различныхъ имѣній или сельскихъ обществъ. Много зависѣло отъ «сообразительности» какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, отъ большей или меньшей порядочности мировыхъ посредниковъ, наконецъ, отъ «политическихъ соображеній» правительства: въ Западномъ и отчасти

Юго-западномъ краяхъ правительство въ виду польскаго возстанія искало сочувствія крестьянъ и до извѣстной степени охраняло ихъ интересы отъ посягательствъ помѣщиковъ, такъ что здѣсь отрѣзки въ общемъ были очень незначительны.

Въ общемъ 9.800.000 крест. рев. душъ, принадлежавшіе 103.158 помѣщикамъ, «владѣли» къ моменту освобожденія 35.800.000 десят., что составляетъ по 3,6 на рев. душу, т. е. вдвое меньше, чѣмъ на ревизскую душу государственныхъ крестьянъ. Это показываетъ, что уже до «реформы» были сдѣланы «отрѣзки» самими помѣщиками безъ содѣйствія правительства; эти дореформенные отрѣзки были особенно значительны въ сравнительно густо населенныхъ и черноземныхъ районахъ, гдѣ земля цѣнилась дорого и приносила хорошій доходъ при обработкѣ барщиннымъ трудомъ.

Крестьяне, державшіеся положенія: «мы — ваши, земля наша», нерѣдко реагировали на этотъ «переходъ» земли активными протестами, бунтами, но помѣщики, опиравшіеся на государство, были сильнѣе и продолжали грабить. Въ сущности вся та земля, которой помѣщики владѣли въ моментъ «реформы» «отрѣзана» у крестьянъ, и «отрѣзки», произведенныя при «освобожденіи», являются лишь послѣднимъ хищническимъ набѣгомъ на крестьянскую землю, добыча котораго незначительна по сравненію со всей добычей, захваченной при дореформенныхъ грабежахъ.

Помѣщичьей земли въ 1861 г. (наканунѣ реформы) считалось въ Европейской Россіи (не считая Прибалтійскаго края, Царства Польскаго и, разумѣется, Финляндіи) — 82.466.000 десятинъ; отрѣзано же у крестьянъ при «надѣленіи ихъ землею» не болѣе 6 милльоновъ десятинъ*).

Васильчиковъ въ своемъ изслѣдованіи «Землевладѣніе и Земледѣліе», опираясь на нѣкоторыя статистическія данныя, предполагаетъ, что значительная часть этихъ «отрѣзковъ» была выкуплена крестьянами еще до начала 80-хъ годовъ.

---

*) Общая сумма отрѣзковъ» въ 28 губерніяхъ, за предѣлами которыхъ операція «отрѣзокъ» почти не имѣла мѣста, по вычисленію товарища Ленина, составляетъ немного больше 4-хъ милльоновъ десятинъ.

Указавъ, что наканунѣ реформы на рев. душу помѣщичьихъ крестьянъ *приходилось по 3,6 десят.*, онъ говоритъ:

«Такъ какъ при утвержденіи уставныхъ грамотъ произведена была въ значительныхъ размѣрахъ отрѣзка земель, то надо было бы думать, что пропорція эта въ настоящее время уменьшилась. Но по послѣднимъ свѣдѣніямъ (до 1 января 1880 г.) оказывается, что при совершеніи выкупныхъ сдѣлокъ общій итогъ крестьянскихъ земель очень мало измѣнился; хотя выкупная операція еще далеко не кончена, но число крестьянъ, приступившихъ къ выкупу, составляетъ уже болѣе $^2/_3$ всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ, а потому и позволяетъ судить объ общемъ ходѣ операціи: къ 1-му января 1880 г. число крестьянъ, выкупившихъ земли было 7.853.748, а число выкупленной земли 28.039.090 десятинъ, *на душу по 3,5 десятины.* Такимъ образомъ, оказывается, что несмотря на право отрѣзки, предоставленное помѣщикамъ, коимъ они и воспользовались въ многоземельныхъ губерніяхъ очень широко, не смотря *на право такъ называемаго дарового надѣла, которое было примѣнено въ обширныхъ размѣрахъ въ Саратовской* и другихъ степныхъ губерніяхъ и уменьшило пространство крестьянскихъ угодій на $^3/_4$, не смотря на это — въ общемъ итогѣ среднее число выкупленныхъ земель (3,5 десятинъ на душу) почти равняется среднему числу десятинъ, бывшихъ въ пользованіи крѣпостныхъ (3,5 десятинъ на душу). Самое замѣчательное пониженіе средняго душевого надѣла оказывается въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне поддались соблазну дарового надѣла: *въ Саратовской губ. средній надѣлъ уменьшился на 0,65 дес. на душу*, въ Воронежской на 0,65, въ Екатеринославской губ. на 0,54. Увеличеніе надѣловъ послѣдовало преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земли имѣютъ мало цѣнности: въ Астраханской на 2,31 десятины на душу, въ Оренбургской на 1,68 дес.

Поэтому надо предположить, что при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ и актовъ крестьяне старались возвратить въ свое владѣніе отрѣзныя земли, бывшія въ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ и отобранныя у нихъ по уставнымъ грамотамъ и что, такимъ образомъ, общее пространство крестьянскихъ

земель, показанное въ 1861 г. въ 35.779.014 десятинъ, немного измѣнится по окончаніи выкупной операціи».

«Въ сѣверной части Россіи — говоритъ Васильчиковъ въ другомъ мѣстѣ той же книги — какъ извѣстно, большая часть крестьянъ до ихъ освобожденія была на оброчномъ положеніи и пользовалась de facto, если не de jure, всѣмъ пространствомъ помѣщичьихъ земель; самые ихъ надѣлы были очень обширные, большею частью, превышающіе высшій размѣръ, установленный положеніемъ 1861 г.; при введеніи уставныхъ грамотъ почти во всѣхъ имѣніяхъ произведенъ былъ въ значительныхъ размѣрахъ отрѣзокъ земель и отдѣльными, мелкими и черезполосными участками и изъ худшихъ земель, такъ какъ ближайшія навозныя пашни поступили въ надѣлъ крестьянамъ. Эта система отрѣзокъ возбудила сначала въ помѣстномъ сословіи сильнѣйшій ропотъ и неудовольствіе, въ особенности между крупными владѣльцами, коихъ земли были, такимъ образомъ, разбита на мелкіе участки, лежавшіе посреди мірскихъ полей и луговъ; придерживаясь классическаго правила, что для общей пользы землевладѣнія необходимо округленіе дачъ, уничтоженіе черезполосности, отмежеваніе къ однимъ мѣстамъ, они требовали, чтобы отрѣзныя земли были имъ отведены къ ихъ смежнымъ дачамъ и когда требованія эти не были уважены, потеряли всякую надежду, на извлеченіе какой-нибудь доходности, изъ своихъ имѣній. Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ обнаружился неожиданный переворотъ: земли отрѣзанныя оказались крайне нужными для крестьянъ, и переходъ ихъ въ распоряженіе помѣщиковъ очень стѣснительнымъ для сельскихъ обществъ... Землевладѣльцы, отсутствующіе и не занимающіеся хозяйствомъ, *поспѣшили продать ихъ по цѣнамъ очень выгоднымъ, сравнительно съ прежними;* люди разсчетливые и предусмотрительные сдавали ихъ въ срочное содержаніе и выручали изъ этихъ неудобныхъ земель неожиданные доходы. Такимъ образомъ, въ безплодныхъ мѣстностяхъ и нахудшія земли явились многочисленные покупатели: вятскіе переселенцы въ Костромской губ.; чухны и латыши въ Псковской и Новгородской губ., промышленные крестьяне въ Ярославской. *За 15 лѣтъ въ одномъ уѣздѣ число владѣльцевъ не-дворянъ увели-*

чилось въ 32½ раза (съ 20—650); въ другомъ въ одинъ годъ распродано земли на 2 милліона рублей».

Переходъ помѣщичьей земли, въ томъ числѣ и отрѣзковъ, въ руки крестьянскихъ обществъ и товариществъ особенно усилился послѣ открытія Крестьянскаго банка.

Съ 1883 по 1900 г. при его посредствѣ крестьянами куплено 5.107.797 десятинъ, т. е., вѣроятно, почти столько же, сколько у нихъ было «отрѣзано» при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Въ теченіе одного лишь 1900 г. 395.883 крестьянъ (душъ) муж. п. купили черезъ крестьянскій банкъ — 817,365 десят. Если предположить, что за послѣдніе 4 года крестьянскія общества и товарищества пріобрѣли черезъ крестьянскій поземельный банкъ лишь 1.200.000 десятинъ*), то въ настоящее время только черезъ крестьянскій банкъ крестьянами куплено не менѣе 6 мил. 300 тыс. десят. земли у частныхъ владѣльцевъ, и при томъ почти исключительно, у дворянъ-помѣщиковъ. Помимо крестьянскаго банка крестьянами до 1892 года куплено было удобной земли около 5 мил. 700 тыс. дес.: такъ что въ общемъ крестьянами со времени «отрѣзокъ» куплено не менѣе 12 милльоновъ дес. т. е., вѣроятно вдвое болѣе, чѣмъ было у нихъ «отрѣзано». Это не значитъ, конечно, чтобы *всѣ* отрѣзкибыли пріобрѣтены крестьянами, лишившимися ихъ въ 1861 г.; но несомнѣнно, что число крестьянъ, заинтересованныхъ въ ихъ возвращеніи, въ настоящее время очень не значительно сравнительно со всею массой сельскаго населенія.

Что часть — и не малая — отрѣзковъ выкуплена крестьянами — это фактъ безспорный. На это, какъ мы видѣли, указываетъ еще Васильчиковъ. Многимъ сельскимъ обществамъ выкупить отрѣзки помогъ впослѣдствіи крестьянскій банкъ, во главѣ котораго особенно въ первый періодъ его дѣятельности стояли люди искренно преданные крестьянскому дѣлу **).

*) Мы беремъ среднее годовое число (300 000) за все время дѣятельности банка; но въ дѣйствительности за послѣдніе 4 года куплено крестьянами земли гораздо больше, такъ какъ операціи банка до сихъ поръ непрерывно расширялись и увеличивались.

**) Одного изъ нихъ, члена совѣта П. П. Храповицкаго, я очень хорошо зналъ, и онъ меня въ свое время подробно ознакомилъ съ дѣлами банка и со взглядами, которыми руководился совѣтъ при назначеніи ссудъ.

Въ то же время «отрѣзки» теряли и теряютъ свое значеніе для сотенъ тысячъ крестьянъ, благодаря переселеніямъ: среди переселенцевъ громный процентъ всегда составляли «дарственники», т. е. крестьяне, попавшіеся на удочку «дароваго надѣла» и особенно пострадавшіе отъ «отрѣзокъ». Несомнѣнно, что и среди крестьянъ, превратившихся въ фабрично-заводскій пролетаріатъ, особенно великъ процентъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ земельной «тѣсноты» и этимъ уменьшившихъ число заинтересованныхъ въ возвращеніи «отрѣзковъ». Надо, наконецъ, принять во вниманіе и тотъ установленный фактъ, что приростъ (превышеніе рожденій надъ смертями) среди государственныхъ крестьянъ, какъ поставленныхъ въ лучшія условія, былъ и послѣ реформы значительнѣе, чѣмъ среди крестьянъ помѣщичьихъ.

Однимъ словомъ за 44 года, прошедшихъ со времени «реформы», произошелъ въ нашей деревнѣ цѣлый рядъ измѣненій, сведшихъ къ *незначительному меньшинству*, то *значительное меньшинство* сельскаго населенія, которое было заинтересовано въ возвращеніи «отрѣзковъ».

Совершенно понятно, что крестьяне относительно ленинскихъ «отрѣзковъ» отзываются довольно презрительно: «канитель одна — нечего и рукъ марать» *). И такіе отзывы доносятся даже изъ Саратовской губ., которая по размѣру и зловредности «отрѣзковъ» занимаетъ едва ли не первое и болѣе или менѣе исключительное мѣсто. Въ Саратовской губ. крупнымъ помѣщикамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, удалось «одарить» крестьянъ «четвертнымъ» или «даровымъ» надѣломъ.

По даннымъ «Матерьяловъ къ вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ Саратовской губ.» у крестьянъ въ этой губерніи было отрѣзано 600.000 дес., по вычисленію ленинскаго товарища 512 тыс.; между тѣмъ, какъ въ среднемъ на каждую изъ 14 губ. черноземнаго района отрѣзковъ приходится 199.100 десятинъ. Брать поэтому Саратовскую губ. для иллюстраціи значенія «отрѣзковъ», какъ это

*) См. «Изъ впечатлѣній пропагандиста» (Изъ Саратовской губ.) «Рев. Россія», № 55.

пытается дѣлать Ленинъ, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ удобно.

Ленинъ удивляется, какъ можно «сомнѣваться въ томъ, что отрѣзки въ общемъ и цѣломъ служатъ орудіемъ крѣпостнической кабалы», которая у него отождествляется съ «отработочной системой хозяйства». По его словамъ, экспропріація отрѣзковъ подорветъ отработочную систему, подыметъ самостоятельность и демократическій духъ въ крестьянствѣ, подниметъ его жизненный уровень, дастъ могучій толчекъ дальнѣйшему развитію денежнаго хозяйства и дальнѣйшему прогрессу земледѣлія». Эта «экспропріація отрѣзковъ» надѣлаетъ вообще массу чудесъ, она даже «встряхнетъ Обломова и заставитъ его перейти на болѣе маломъ количествѣ своей земли къ болѣе усовершенствованному хозяйству.»

И такъ съ одной стороны пробудившійся крестьянинъ съ «поднятой» «самостоятельностью», «демократическимъ духомъ», «жизненнымъ уровнемъ» и, разумѣется, съ «румяными щеками», которыя по наблюденіямъ Энгельса, нѣмецкіе рабочіе нагуляли себѣ на почвѣ «законности»; съ другой «встряхнувшійся Обломовъ», споспѣшествующій «успѣху земледѣлія». Веселая картина! Къ сожалѣнію, вѣру въ ея осуществимость посредствомъ «экспропріаціи отрѣзковъ» «подрываетъ» самъ Ленинъ.

Выдвигая въ № 4 «Зари» въ пользу «пункта объ отрѣзкахъ» тотъ «фактъ», «что по новѣйшимъ даннымъ отработочная система помѣщичьяго хозяйства считается преобладающей не менѣе, какъ въ 17 губерніяхъ Евр. Россіи», онъ въ своемъ «отвѣтѣ Иксу» принужденъ признать тотъ фактъ, что въ степномъ районѣ, включающемъ пять губерній: Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую и Самарскую, *преобладаетъ капиталистическая система надъ отработочной, тогда какъ процентный размѣръ отрѣзковъ здѣсь наибольшій.*»

Правда, Ленинъ считаетъ этотъ районъ «исключеніемъ» (Обширное «исключеніе»!), и оно, по его словамъ, «скорѣе (?) подтверждаетъ общее правило, ибо здѣсь вліяніе отрѣзковъ было парализовано такими крупными обстоятельствами, какъ наибольшіе надѣлы у крестьянъ, не смотря на отрѣзки и наибольшее ко-

личество свободнаго земельнаго фонда для аренды земли».

Нѣтъ такими «исключеніями» общія правила не подтверждаются, а подрываются, и само ленинское пояснѣніе, сопровождающее «исключеніе», можетъ служить лишь доводомъ противъ признанія «отрѣзковъ» основною причиною «отработочной системы»: разъ въ цѣломъ обширномъ районѣ изъ 5 земледѣльческихъ губерній, не смотря на наивысшіе отрѣзки, господствуетъ капиталистическая, а не отработочная система, на томъ основаніи, что у крестьянъ наканунѣ реформы было въ распоряженіи много земли и что имѣется «большой свободный земельный фондъ для аренды», то отсюда слѣдуетъ заключить, что «въ общемъ и цѣломъ» отработочная система зависитъ не столько отъ отрѣзокъ, сколько отъ захвата крестьянской земли помѣщиками до освобожденія и отъ недостатка «свободнаго земельнаго фонда», т. е. отъ *сравнительнаго* малоземелья.

Въ этомъ выводѣ есть извѣстная доля истины, но далеко не вся истина, какъ нѣтъ всей истины въ «поясненіи» Ленина.

Прежде всего надо замѣтить, что если судить о «свободномъ земледѣльческомъ фондѣ для аренды» по количеству арендуемой земли приходящемуся на каждаго крестьянина, по свѣдѣніямъ, приводимымъ Лохтинымъ*) то въ Саратовской губ., которая для Ленина, разумѣется, «общее правило», а не «исключеніе», этотъ «фондъ» не меньше, чѣмъ въ губерніяхъ степныхъ.

Въ Саратовской губ. на каждаго крестьянина приходится 0,4 арендованной земли; въ Самарской губ. тоже 0,4; въ Екатеринославской—0,35; въ Таврической —0,25 и только въ Херсонской 0,45 **).

Далѣе, несомнѣнно существуютъ мѣстности, гдѣ «отработочная система парализуется» иными «крупными обстоятельствами», чѣмъ тѣ, которыя парализуютъ ее въ степномъ районѣ; такъ, напр., въ Костромской и Ярославской губ. она парализуется, «отхожими промыслами», отвлекающими крестьянъ отъ земледѣлія.

---

*) П. Лохтинъ. «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами.» Петербургъ, 1901.

**) Относительно Области Войска Донскаго свѣдѣній нѣтъ.

Возвращаясь къ непосредственной связи между «отрѣзками» и «отработочной системой» нельзя не указать еще, что, если съ одной стороны во всемъ степномъ районѣ при наибольшихъ отрѣзкахъ замѣчается наименьшее развитіе отработочной системы, то съ другой существуютъ мѣстности, гдѣ господствуетъ «отработочная система» при небольшихъ сравнительно «отрѣзкахъ».

Самъ Ленинъ указываетъ, что по «новѣйшимъ даннымъ отработочная система хозяйствъ считается преобладающей не менѣе, какъ въ 17 губерніяхъ Евр. Россіи», между тѣмъ черноземный районъ, которымъ Ленинъ, повидимому, ограничиваетъ или, по крайней мѣрѣ, на основаніи вычисленій своего товарища-статистика долженъ бы ограничить кругъ непаразитизованыхъ и «преобладающихъ» отрѣзковъ, охватываетъ только 14 губерній.

Но, впрочемъ, что понимать подъ «отработочной системой»?!

«Отработочная система хозяйства — говоритъ Ленинъ — означаетъ вотъ что. Фактически не по праву владѣнія, а по хозяйственному пользованію, земли и угодья помѣщиковъ и крестьянъ не раздѣлены окончательно, а продолжаютъ оставаться слитыми: часть крестьянской земли служитъ, напр., для содержанія скота, необходимаго для обработки не крестьянской, а помѣщицьей земли; часть помѣщичьей земли безусловно необходима для сосѣдняго крестьянскаго хозяйства въ данной его системѣ (водяной, выгоны и т. п.). И это фактическое сплетеніе землепользованія *неизбѣжно* порождаетъ (вѣрнѣе: сохраняетъ порожденныя тысячелѣтней (!) исторіей) такія же отношенія мужика къ барину, какія были и при крѣпостномъ правѣ. Мужикъ de facto остается крѣпостнымъ, работая по-прежнему своимъ исконнымъ инвентаремъ, по исконной рутинѣ трехпольнаго хозяйства, на исконнаго своего «государя-вотчинника».

Ну, если понимать «отработочную систему хозяйства» въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, то кругъ ея «преобладанія» очень суживается.

Ленинъ бросаетъ «тѣмъ, кто видитъ въ пунктѣ объ отрѣзкахъ чисто-искусственную, «вымученную», хитрую (?) выдумку» вызывающее «пусть попробуютъ

оспорить тотъ фактъ, что отработочная система преобладаетъ не менѣе, какъ въ 17 губерніяхъ Европейской Россіи.» Пусть-ка лучше онъ самъ попробуетъ «по новѣйшимъ даннымъ» доказать, что не менѣе, какъ въ 17 губерніяхъ Европ. Россіи существуетъ сплетеніе землепользованія, *неизбѣжно* порождающее такія же отношенія мужика къ барину, какія были и при крѣпостномъ правѣ!

«Отработочная система» въ широкомъ смыслѣ, а только о такой и можно говорить, какъ о преобладающей формѣ хозяйства не менѣе, какъ въ 17 губерніяхъ-вызывается очень различными условіями и проявляется въ очень различныхъ формахъ. Одною изъ распространенныхъ ея формъ является обработка помѣщичьей земли и уборка хлѣбовъ и сѣна крестьянами при посредствѣ ихъ собственныхъ лошадей и орудій изъ за извѣстной доли урожая. Крестьяне обыкновенно получаютъ половину урожая, и ихъ работа называется работой «*исполу*». Эта форма въ представленіи крестьянъ нерѣдко отождествляется съ «арендой», и они называютъ себя «арендателями» такого-то. При сдачѣ земли «исполу» помѣщики иногда выговариваютъ скосъ того или другого луга, не сданнаго «исполу», или одинъ или нѣсколько рабочихъ дней. Со «сплетеніемъ землепользованія» эта система имѣетъ мало общаго. Помѣщикъ иногда переходитъ отъ сдачи «исполу» къ обработкѣ наемными рабочими и затѣмъ снова возвращается къ исподней системѣ; крестьяне берутъ землю не всегда у одного и того же владѣльца. Обрабатываютъ землю «исполу» не только бывшіе помѣщичьи, но и бывшіе государственные. Испольная система ложится на крестьянъ не такъ тяжело, какъ «продовольственная аренда» и имѣетъ, между прочимъ, то преимущество передъ послѣдней, что помѣщикъ, сдавая землю исполу, даетъ обыкновенно удобреніе и сѣмена. Разумѣется и при такой системѣ крестьяне достаточно эксплуатируются, но эта эксплуатація, можетъ быть, менѣе, чѣмъ какая нибудь другая, заслуживаетъ названія «крѣпостнической». Неизмѣримо болѣе «крѣпостнической» и «кабальной» является, напр., эксплуатація «усадебныхъ поденщиковъ» (Instleute), господствующая въ помѣщичьей или «юнкерской» Пруссіи. «Усадебные поденщики» образовались изъ быв-

шихъ крѣпостныхъ, которымъ помѣщики предоставили въ пользованіе «жилища» и небольшіе клочки земли съ обязательствомъ работать исключительно на данное помѣстье. «Усадебные поденщики» обязаны ежедневно вмѣстѣ съ семьею являться къ помѣщику на работу, и ихъ положеніе, дѣйствительно, очень напоминаетъ положеніе крѣпостныхъ.

Подобная система эксплуатаціи рабочихъ, получающихъ отъ помѣщика «усадебную осѣдлость», встрѣчается и въ Россіи (въ Западномъ краѣ, напр., въ Гродненской губ.), но господствуетъ она за-границей, въ Пруссіи. Вообще еще вопросъ, гдѣ больше выражены «крѣпостническія отношенія», въ русской или прусской деревнѣ? Возьмите хотя бы пресловутое прусское «положеніе о прислугѣ» (Gesindeordnung), подъ которое въ деревнѣ подводятся *всѣ батраки*, живущіе въ имѣніи. По этому «положенію» прислуга обязана предоставлять свой трудъ въ распоряженіе хозяевъ во всякое время дня и ночи, въ будни и праздники. Она должна терпѣливо выносить «ругательныя слова и небольшія оскорбленія дѣйствіемъ».

До самаго послѣдняго времени (1898 г.) хозяева имѣли по отношенію къ «прислугѣ» формальное право тѣлеснаго наказанія; въ деревнѣ по отношенію къ подросткамъ обоего пола оно фактически примѣняется и теперь, не смотря на формальную отмѣну.

На «невиданномъ» съѣздѣ Плехановъ, защищая искровскую аграрную программу, указывалъ, что она «имѣетъ цѣлью модернизацію нашего общества», подобно тому, какъ «модернезировались» Пруссія, Австрія, Венгрія, въ каждой изъ которыхъ «въ 1848 г. пришлось раздѣлываться съ тѣми историческими несправедливостями по отношенію къ крестьянству, которыя не были устранены предшествующими реформами». Пруссія представляется ему модернизированной, и онъ съ достоинствомъ заявляетъ: «Когда рѣчь идетъ о новѣйшемъ буржуазномъ обществѣ, мы стоимъ на точкѣ зрѣнія Каутскаго и не считаемъ нужнымъ вырабатывать особую аграрную программу. Мы далеки отъ оппортунизма à la Давидъ.»

И такъ всѣ эти «революціонные» хлопоты объ «отрѣзкахъ», «выкупныхъ платежахъ», «благотворительныхъ фондахъ» и пр. и пр. имѣютъ цѣлью «модерниза-

цію» русской деревенской кабалы на прусскій образецъ; разъ эта «модернизація» совершилась — особая аграрная программа — оппортунизмъ.

Спеціально «модернизирующее» дѣйствіе, по словамъ Плеханова, должно имѣть возвращеніе отрѣзковъ.

«Требованіе возвращенія отрѣзковъ — говоритъ онъ — принадлежитъ къ числу частныхъ требованій. Но оно имѣетъ одну особенность. Оно имѣетъ цѣлью модернизацію нашего общества».

«Особенность» требованія отрѣзковъ пояснилъ Плехановъ, а «всю суть аграрной программы» выяснилъ самъ Ленинъ.

«Вся суть нашей аграрной программы — пишетъ онъ въ своемъ «отвѣтѣ Иксу» — состоитъ въ томъ, что сельскій пролетаріатъ долженъ вмѣстѣ съ богатымъ крестьянствомъ бороться за уничтоженіе остатковъ крѣпостничества, за отрѣзки».

Осуществить «особенность» аграрной программы, разумѣется, гораздо легче, чѣмъ осуществить «всю ея суть»; «модернизировать» русскую деревню по образцу прусской гораздо легче, чѣмъ заставить бороться сельскій пролетаріатъ вмѣстѣ съ богатымъ крестьянствомъ «за отрѣзки». И одна изъ трудностей заключается какъ разъ въ «отработочной системѣ», но не барскаго, а кулацкаго хозяйства. Ленинъ любитъ ссылаться на авторитетъ «народнической литературы». «Система хозяйства за отрѣзныя земли, какъ таковыя» описана, по его словамъ, «народнической литературой еще въ то доброе старое время, когда о шаблонныхъ и узкихъ марксистахъ не было и слуху».

Это такъ; но тою же народническою литературою описана система кулацкаго хозяйства, закабаляющая мужика-бѣдняка мужику-богачу; и чѣмъ новѣе и злѣе становилось время, тѣмъ больше кабала кулацкая оттѣсняла на задній планъ кабалу барскую.

Крестьяне-богачи заставляютъ крестьянъ-бѣдняковъ «отрабатывать» какъ за ссуды деньгами, хлѣбами, выдаваемыя въ «черные дни» на ростовщическихъ условіяхъ, такъ и за сдаваемыя въ «аренду» земли, нерѣдко за тѣ же «отрѣзки», перешедшія изъ барскихъ рукъ въ руки кулацкія.

Ростовщическую отработочную систему совершенно

вѣрно описываетъ въ «Гражданинѣ»*) нѣкій крестьянинъ Е. В. Киселевъ, стоящій на стражѣ «самодержавія и православія», что не мѣшаетъ однако ему сообщать интересныя наблюденія, вынесенныя «изъ жизни въ кругу крестьянъ до 60 лѣтъ отроду».

...«Если нѣтъ у бѣдняка-крестьянина, жителя деревни — пишетъ Киселевъ — хлѣба на содержаніе его семейства, что чаще случается въ зимнее время, когда нѣтъ въ деревнѣ работъ, по крайней мѣрѣ, спѣшныхъ, то такой бѣднякъ отправляется къ своему богатому сосѣду и беретъ у него, смотря по надобности, пудъ или два муки, стоющихъ, по базарной цѣнѣ, допустимъ, по 50 коп. за пудъ. Но такъ какъ денегъ за муку уплатить онъ не можетъ, то за эту муку *бѣднякъ обязывается отработать* личнымъ трудомъ богатому сосѣду лѣтомъ, *въ страду, при уборкѣ хлѣбовъ, отъ 2 до 3 и болѣе рабочихъ дней за каждый данный ему пудъ муки* **), тогда какъ въ горячую рабочую пору поденная заработная плата одному работнику ежедневно бываетъ отъ 50 до 75 коп., а нерѣдко и 1 рубль въ день. Спрашивается: какіе безумные проценты бѣднякъ платитъ за взятый имъ въ долгъ хлѣбъ, и во сколько разъ дешевле противъ цѣнъ заработной поденной платы, существующихъ въ извѣстное время года, онъ тратитъ свои силы; и когда онъ будетъ въ состояніи отработать весь свой долгъ, если для содержанія его семейства ему нужно хлѣба по 5 пуд. въ мѣсяцъ въ продолженіе только одного зимняго времени? И можетъ ли онъ въ продолженіе рабочаго лѣтняго времени, уплативъ долгъ, обезпечить свое семейство содержаніемъ на предстоящую такую же голодную зиму?..»

На аренду земли бѣдняками («бобылями») за отработки у своихъ богатыхъ сосѣдей въ Юго-Западномъ краѣ указываетъ, между прочимъ, Б. В. въ статьѣ къ «Къ характеристикѣ аграрныхъ отношеній въ Юго-Западномъ краѣ» ***).

Кабально отработочныя отношенія между крестьянами-бѣдняками и крестьянами-богачами существу-

*) 1904 г. № 78.

**) Курсивъ въ подлинникѣ.

***) «Народное хозяйство» 1903 г. кн. I.

ютъ и въ формѣ, очень напоминающей отношенія прусскихъ «усадебныхъ поденщиковъ» (Instleute) къ прусскимъ юнкерамъ. Таковы отношенія многочисленнаго слоя малороссійскихъ *підсусідковъ*, работающихъ на своихъ богатыхъ сосѣдей *казаковъ*, дающихъ имъ «натурою» необходимыя средства для жалкаго существованія. Въ 80-хъ годахъ часть этихъ «підсусідковъ» пыталась превратиться въ самостоятельныхъ хозяевъ при помощи земли, купленной черезъ Крестьянскій банкъ, по никакого толку изъ этой попытки не вышло: черезъ два или три года они оказались несостоятельными и отказались отъ купленной земли, не смотря на то, что совѣтъ банка выхлопоталъ имъ какія-то высочайшія льготы; они снова возвратились къ состоянію «підсусідковъ», а земля, отъ которой они отказались, перешла, вѣроятно, къ казакамъ.

Правильно сознанные и правильно понятые интересы всѣхъ этихъ бѣдняковъ, бобылей, підсусідковъ и т. д. требуютъ борьбы совсѣмъ не въ союзѣ съ богачами, кабала которыхъ одну часть ихъ уже гнететъ и давитъ, другой же части грозитъ гнетомъ послѣ «подбѣды»; эти интересы требуютъ, напротивъ, борьбы противъ богачей, какъ *самыхъ опасныхъ и сильныхъ враговъ* того общественнаго строя, при которомъ прозябаніе деревенской бѣдноты должно превратиться въ настоящую жизнь.

Россійская революціонная соціалдемократія съ одной стороны призываетъ сознательный городской пролетаріатъ къ поддержкѣ дворянъ-землевладѣльцевъ въ борьбѣ ихъ съ «самодержавіемъ», съ другой призываетъ деревенскій пролетаріатъ къ союзу съ кулаками для борьбы съ дворянами землевладѣльцами. Какъ все это «хитро», ортоксально, соціалдемократично! Соціалдемократическіе герольды вскорѣ будутъ призывать деревенскую бѣдноту на бой въ такихъ, вѣроятно, выраженіяхъ:

«Не довольно намъ вѣчнаго горя!
Встанемъ, братья, повсюду за-разъ —
Отъ Днѣпра и до Бѣлаго моря
И Поволжье, и дальній Кавказъ —
Не довольно намъ гнета богатыхъ!
Пусть «отрѣзки» получатъ они!

Кабалы намъ надбавятъ проклятой,
Тогда и начнемъ мы бороться одни.
Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Поддержи кулаковъ, братъ голодный!

Этотъ призывъ вполнѣ и безъ всякихъ преувеличеній отражаетъ основныя революціонно-аграрныя мысли Ленина и его сослуживцевъ. Здѣсь принятъ во вниманіе не только «первый шагъ» — боевой союзъ сельскаго пролетаріата съ мужиками-богатѣями во имя «отрѣзковъ», но и «второй шагъ», когда пролетаріатъ, по предписанію Ленина, пойдетъ уже одинъ.

Выяснивъ «всю суть нашей аграрной программы» (борьба сельскаго пролетаріата въ союзѣ съ богачами за отрѣзки) Ленинъ добавляетъ:

«Кто внимательно всмотрится *) въ это положеніе, тотъ пойметъ неправильность, *неумѣстность*, нелогичность возраженій въ родѣ того, почему *только* отрѣзковъ, разъ этого недостаточно? Потому, что *вмѣстѣ съ богатымъ крестьянствомъ* пролетаріатъ *не можетъ и не долженъ* идти дальше уничтоженія крѣпостничества, дальше отрѣзковъ и т. п. *Дальше этого* пролетаріатъ вообще и сельскій въ особенности *пойдетъ одинъ*, не вмѣстѣ съ «крестьянствомъ», не вмѣстѣ съ богатымъ мужикомъ, а *противъ него*» **).

Часть «отрѣзковъ» при помощи и безъ помощи крестьянскаго банка несомнѣнно уже «возвращена»... богатымъ мужикамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что огромный процентъ земель, купленныхъ крестьянами и не только отдѣльными лицами, но и «товариществами» и сельскими обществами, сосредоточивается въ рукахъ богатѣевъ. Даже надѣльныя земли все болѣе и болѣе распредѣляются между общинниками не столько по душамъ, сколько по «деньгамъ». «Сильные» крестьяне получаютъ сравнительно со «слабыми» большіе земельные участки и при томъ, наилучшіе, наиболѣе удобно расположенные. Еще сильнѣе проявляется неравномѣрность при раздѣлѣ купленныхъ земель, и эта неравномѣрность быстро возрастаетъ съ каждымъ годомъ «общиннаго» и въ осо-

*) Но не вдумается! В. П.
**) Курсивъ всюду въ подлинникѣ.

бенности «товарищескаго» владѣнія. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія идетъ рука объ руку и въ причинной связи съ дифференціаціей сельскаго населенія и съ выдѣленіемъ изъ его среды крестьянъ-богатѣевъ. Этой дифференціаціи содѣйствовалъ и содѣйствуетъ и крестьянскій поземельный банкъ, не смотря на то, что среди его руководителей было не мало искреннихъ народниковъ, мечтавшихъ о крестьянской «уравнительности». Поразительно, съ какою быстротою выростаютъ изъ «товариществъ» отдѣльные богатѣи, фактически захватывающіе въ свои руки всю товарищескую землю.

Подтвержденій для всего этого можно найти не мало въ русской марксистской литературѣ новаго, злого времени, и эти данныя, вѣроятно, хорошо извѣстны вожакамъ искристовъ.

Понятно, что и окончательное возвращеніе «отрѣзковъ» пойдетъ на пользу не деревенской бѣднотѣ, а деревенскимъ богатѣямъ, которымъ особенно въ случаѣ полнаго осуществленія искровской программы тѣмъ легче будетъ захватить въ свои руки землю, что воля «міра» уничтожится, и каждый крестьянинъ получитъ право «распоряжаться» своею землею, т. е. приходящимся на его долю земельнымъ участкомъ независимо отъ рѣшенія земельнаго схода. Деньги кулаковъ заставятъ бѣдняковъ «распоряжаться» своею землею такъ, что она превратится въ новое средство кабалы, въ новое средство самой жестокой эксплуатаціи, эксплуатаціи богатымъ мужикомъ мужика бѣднаго.

На невиданномъ съѣздѣ Плехановъ очень кстати вспомнилъ цѣнное наблюденіе А. Н. Энгельгардта.

«Въ деревнѣ — писалъ Энгельгардтъ — черный передѣлъ энергичнѣе всего пропагандируется именно богатыми кулаками, которые надѣются, что отобранная у помѣщиковъ земля будетъ дѣлиться «по деньгамъ», т. е. перейдетъ къ богачамъ».

Надежда кулаковъ имѣетъ твердое основаніе. Въ капиталистическомъ обществѣ «черный передѣлъ» можетъ быть лишь передѣломъ «по деньгамъ».

Плехановъ признаетъ, что «такое движеніе въ пользу передѣла было бы движеніемъ въ пользу буржуазіи.»

«Мы, конечно, не обязаны (!) — добавляетъ онъ

— активно (?) выставить программу для буржуазіи, но если бы въ борьбѣ противъ остатковъ крѣпостныхъ отношеній крестьянство пошло по этому пути, то не мы стали бы задерживать это прогрессивное движеніе. Наша роль состояла бы только въ томъ, чтобы въ отличіе отъ нашихъ противниковъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые видятъ въ немъ начало соціализаціи, мы направили бы всѣ силы, чтобы не оставить у пролетаріата никакихъ иллюзій насчетъ результатовъ этого движенія, разоблачая буржуазный характеръ его. Признавая возможность такого движенія, мы должны себѣ сказать, что не мы, революціонные соціалдемократы, остановимъ этотъ процессъ, крикнувъ ему, какъ нѣкогда крикнулъ Архимедъ римскимъ воинамъ: «остановись! Ты испортишь нашу схему!»

Не знаемъ, какъ «процессъ», а самъ Плехановъ совершенно испортилъ схему Архимеда-Ленина. Перепутались всѣ его «перегородки», всѣ его «шаги».

Ленинъ безконечное число разъ повторялъ: «Отрѣзки! и не шагу далѣе!». Плехановъ же съ одной стороны обѣщаетъ «не задерживать прогрессивнаго движенія» въ пользу «чернаго передѣла по деньгамъ», въ пользу перехода всей отобранной у помѣщиковъ земли къ богачамъ, съ другой заявляетъ, что онъ вмѣстѣ со своими сослуживцами направитъ «всѣ силы, чтобы не оставить у пролетаріата никакихъ иллюзій насчетъ результатовъ этого движенія» и т. д., т. е. всѣми силами постараемся его задержать. Это очень дипломатично, но схема Ленина Архимеда совершенно испорчена. Впрочемъ, она была уже испорчена Плехановымъ въ комментаріи къ проекту программы въ той самой книжкѣ «Зари», гдѣ Ленинъ такъ старательно начертилъ свою схему.

Высказываясь противъ внесенія въ программу «націонализаціи земли», Плехановъ разсуждаетъ такъ:

«Дѣло въ томъ, что при нынѣшнемъ положеніи всемірнаго хозяйства націонализація земли, — которая въ *буржуазномъ* обществѣ могла бы совершиться разумѣется, лишь при условіи денежнаго вознагражденія землевладѣльцевъ, — *была бы выгодна этимъ послѣднимъ*, — а слѣдовательно *невыгодна рабочему классу и всему вообще трудящемуся населенію*. Въ

виду этого соціалисты могутъ защищать ее *только по недоразумѣнію.*

«Когда политическая власть окажется въ рукахъ рабочаго класса, тогда вопросъ о націонализаціи земли приметъ, конечно, совсѣмъ другой видъ: но тогда онъ будетъ *лишь одной изъ составныхъ частей гораздо болѣе широкаго вопроса о націонализаціи*, — т. е. о переходѣ въ общественную собственность, — *всѣхъ вообще средствъ производства и обращенія продуктовъ*».

«Правда и то, что *въ революціонную эпоху* экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ можетъ явиться у насъ необходимымъ условіемъ соціально-политической побѣды революціонной партіи. Но это — вопросъ совсѣмъ (!) другой. Его постановка и его рѣшеніе будетъ обусловливаться *соотношеніемъ общественныхъ силъ въ такую эпоху.* Говорить о немъ теперь преждевременно, хотя теперь же слѣдуетъ замѣтить, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ *его необходимо будетъ поставить*».

Въ первыхъ двухъ абзацахъ говоритъ соціалдемократъ, въ третьемъ — дипломатъ. Дипломатъ портитъ положеніе соціалдемократа, но портитъ въ то же время и схему Архимеда Ленина, восклицающаго: «дайте мнѣ отрѣзки, и я переверну весь міръ». Дипломатъ перекидываетъ мостъ отступленія отъ «отрѣзковъ» къ «черному передѣлу», не тому «черному передѣлу», который былъ ему дорогъ въ концѣ 70-хъ годовъ, а къ тому, который дорогъ деревенскимъ кулакамъ.

Плехановъ, видимо, отлично понимаетъ, что «отрѣзками ничего не перевернешь, что они «одна канитель», что они ни въ коемъ случаѣ не могутъ послужить всероссійскимъ боевымъ лозунгомъ ни для сельскаго пролетаріата, ни для богатыхъ крестьянъ; онъ, конечно, знаетъ, что «отрѣзки» ничего не говорятъ не только крестьянамъ обширныхъ инородческихъ окраинъ, но и въ чисто русскихъ мѣстностяхъ они интересны лишь меньшинству и меньшинству, какъ мы старались показать, не слишкомъ значительному; онъ, конечно, понимаетъ, что на дѣлѣ «вся суть» искровской аграрной программы — чистѣйшій вздоръ, что «отрѣзками» не объединишь сельскій пролетаріатъ съ кулаками. Все это онъ знаетъ и понимаетъ и, если до сихъ поръ

дѣлалъ видъ, что тоже стоитъ «за возвращеніе отрѣзковъ», какъ за «всю суть», то, вѣроятно, руководствовался тѣми же соображеніями, которыя побуждали его защищать ленинское «Что дѣлать», не смотря на то, что тамъ, по его словамъ, авторомъ проявлено полное непониманіе основъ научнаго соціализма. Плехановъ защищалъ «отрѣзки», вѣроятно, исключительно изъ *педагогическихъ* соображеній, надѣясь мягкостью и лаской исправить своего питомца. Теперь онъ убѣдился, что питомецъ неисправимъ, и скоро онъ напомнитъ своимъ сослуживцамъ нѣкоторыя мѣста изъ своей брошюры «О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи»; въ особенности слѣдующее:

«Буржуазные представители надѣются все уладить незначительными прирѣзками. Но соціалдемократы и тутъ не оставляютъ ихъ въ покоѣ. Они добиваются полной экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ...»*)

«Видите, скажетъ онъ, я всегда говорилъ, что только буржуазные представители могутъ носиться съ разными прирѣзками, да отрѣзками, и, если я но совсѣмъ ясно высказалъ это въ комментаріи къ программѣ и на невиданномъ съѣздѣ, то лишь потому, что мнѣ это предписывало мудрое педагогическое правило: чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало». Дѣйствительно, «отрѣзками», какъ революціоннымъ рычагомъ, можетъ тѣшиться лишь Ленинъ. Для большинства искристовъ-практиковъ за «отрѣзками» скрывается вся помѣщичья земля**), и пропаганда отрѣзковъ, навѣрное, увлечетъ ихъ къ пропагандѣ чернаго передѣла. При такомъ «толкованіи» аграрная программа «Искры» можетъ имѣть успѣхъ, но этотъ успѣхъ не будетъ успѣхомъ соціализма.

«Мы знаемъ, товарищи, — писалъ Плехановъ въ своей только что упомянутой брошюрѣ—путь, ведущій соціалистовъ къ ихъ великой цѣли. Онъ опредѣляется немногими словами: *содѣйствіе росту классового сознанія пролетаріата.* Кто содѣйствуетъ росту этого сознанія, тотъ соціалистъ. Кто мѣшаетъ ему, тотъ

*) См. Г. А. Куклинъ «Итоги» Добавл. стр. 57.

**) Если не ошибаемся петербургскій комитетъ въ одной изъ своихъ прокламацій прямо заявилъ, что подъ отрѣзками нужно понимать всю помѣщичью землю.

врагъ соціализма. А кто занимается дѣломъ, неимѣющимъ къ нему непосредственнаго отношенія, тотъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія и къ соціализму...» Золотыя слова! Но, увы, сослуживцы Плеханова, ведущіе пропаганду кулацкаго «чернаго передѣла» подъ видомъ пропаганды «отрѣзковъ», какъ разъ, *мѣшаютъ росту классового сознанія пролетаріата и потому должны быть признаны врагами соціализма.* Но можно-ли винить ихъ?! «Горе тому, кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ!»

Только путемъ затемнѣнія, а никакъ не просвѣтленія классового сознанія можно «подталкивать»*) пролетаріатъ къ поддержкѣ и усиленію *мелкихъ собственниковъ-эксплуататоровъ*, а чѣмъ же инымъ можетъ быть при сохраненіи капиталистическаго строя кулацкій «черный передѣлъ»?

Задача соціалдемократовъ не объединять деревенскую бѣдноту съ деревенскими богачами, а отдѣлять ее отъ нихъ; ея задача организовать бѣдноту для тяжелой и трудной борьбы съ деревенскими богатѣями. Нѣтъ злѣйшаго врага соціализма и пролетарскаго освобожденія, какъ крестьянинъ-эксплуататоръ, какъ мелкій собственникъ, который «имѣетъ въ виду» не собственную пролетаризацію, а пролетаризацію своихъ бѣдныхъ сосѣдей. Литература иностранная и русская дала не мало рѣзко очерченныхъ типовъ этихъ хищниковъ. Ихъ знаетъ всякій, кому долго пришлось жить въ деревнѣ и проникнуть въ глубь крестьянской жизни. Между ними не мало сильныхъ, способныхъ людей, которые сумѣютъ постоять за «порядокъ» и собственность, которые сумѣютъ несравненно лучше, чѣмъ крупные капиталисты и землевладѣльцы, оказать сопротивленіе соціалистическому движенію пролетаріата.

Послушайте, что разсказываетъ латышскій соціалдемократъ, по происхожденію крестьянинъ, о современныхъ крестьянахъ-хозяевахъ Прибалтійскаго края**).

«Тѣлесное наказаніе, барщина или «издѣльная повинность» и всякія ограниченія свободы, противъ которыхъ прежде такъ храбро боролись передовые

*) Любимое выраженіе Ленина.

**) «Эволюція латышскаго крестьянства», «Жизнь», 1902, № 6.

элементы крестьянъ-хозяевъ, все это находитъ теперь у нихъ защиту, разъ дѣло идетъ о примѣненіи къ батракамъ. Хозяева, прежде бывшіе прогрессистами и боровшіеся за свою свободу, сдѣлались реакціонерами, разъ дѣло идетъ о требованіи свободы батраками. Тѣ самые хозяева, которые прежде возмущались, если помѣщики запрещали арендаторамъ читать оппозиціонныя газеты, дѣлаются теперь доносчиками, если увидятъ въ рукахъ батрака неугодную имъ книжку. Охотно повторяютъ они рѣчи, которыя нѣкогда произносились помѣщиками и пасторами по отношенію къ нимъ, рѣчи о томъ, что школьное образованіе дѣлаетъ крестьянина (теперь только батрака) лѣнтяемъ и плохимъ работникомъ.»

«Батраку нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью; ни въ будни, ни въ праздникъ...»

«Заработокъ сдѣлался менѣе обезпеченнымъ и постояннымъ... Работниковъ охотно нанимаютъ лишь на страдное время, чтобы въ другое время не имѣть лишнихъ ртовъ. На поденщиковъ въ страду спросъ великъ, но спросъ на годовыхъ работниковъ сократился...»

«Батраку часто приходится мѣнять хозяина, о семейной жизни нечего и думать, такъ какъ семейнымъ нѣтъ мѣста въ общей батрацкой комнатѣ. Со стороны семейныхъ батраковъ — большой спросъ на хатки-особняки, хотя бы за нихъ приходилось отдать себя «въ барщину» своему хозяину. Эту систему «вознагражденія» съ восторгомъ и, повидимому, не безъ пользы для себя, приняли хозяева, бывшіе борцы противъ той же «издѣльной (отработной) повинности».

Хозяева прежде жаловались, что судиться съ помѣщиками имъ приходится въ судѣ, находящемся въ рукахъ дворянства; батракамъ теперь приходится обращаться въ волостной судъ, состоящій почти исключительно изъ хозяевъ!»

Такова деревня, «введенная въ условія буржуазнаго строя», такова деревня, гдѣ съ 60-хъ годовъ началась «эпоха денежнаго хозяйства»; таковъ тотъ деревенскій буржуазный строй, за который «Искра» приглашаетъ бороться пролетаріатъ.

Нѣтъ, только «врагъ соціализма» можетъ звать пролетаріатъ на борьбу для усиленія «хозяевъ», хотя

бы и самыхъ мелкихъ, только «врагъ соціализма» можетъ «подталкивать» пролетаріатъ на поддержку собственности, хотя и мелкой, но достаточной для безпощадной эксплоатаціи батраковъ.

Ленинъ признаетъ, что искровская программа хочетъ «поддержать» мелкую собственность и что, хотя вообще говоря, поддержка мелкой собственности реакціонна, ибо она направляется противъ крупнаго капиталистическаго хозяйства, но «въ данномъ случаѣ» она не реакціонна, такъ какъ направляется не противъ капитализма, а противъ крѣпостничества.

Онъ думаетъ, что этою поддержкою онъ «расчиститъ дорогу для развитія буржуазнаго классового антагонизма въ деревнѣ, ибо этотъ антагонизмъ *прикрытъ* нынѣ общей и одинаковой, якобы, угнетенностью всѣхъ крестьянъ остатками крѣпостничества.»

Совершенные пустяки! Сознательный пролетаріатъ расчищаетъ путь не «буржуазному классовому антагонизму», а соціализму. Онъ ведетъ классовую борьбу одновременно и противъ остатковъ крѣпостничества и противъ капитализма. Буржуазія боролась въ былое время противъ феодализма во имя капитализма, но пролетаріатъ, если онъ сознательный, если онъ соціалдемократическій, можетъ воспользоваться крестьянскимъ движеніемъ противъ остатковъ крѣпостничества не для расчистки пути развитію капитализма, а для нанесенія капитализму по возможности смертельнаго удара. Соціалдемократія должна стараться малоземельное крѣстьянство привлечь на сторону пролетаріата, на сторону соціализма, а не пролетаріатъ привлекать на сторону богатаго крестьянства для поддержки капитализма.

Возможно, что несознательный пролетаріатъ станетъ поддерживать крестьянъ въ ихъ борьбѣ за «черный передѣлъ», но не соціалдемократіи способствовать этому! И «остатки крѣпостничества» ничего въ этомъ отношеніи не мѣняютъ. Ихъ не мало и въ другихъ странахъ: въ Австріи, Германіи и т. д.; однако Каутскій, который для Ленина и всѣхъ остальныхъ искристовъ является несомнѣнно «безспорнымъ» авторитетомъ, прямо заявляетъ*):

*) Die Agrarfrage, S. 321–322.

«Соціалдемократическая аграрная программа въ смыслѣ охраны крестьянской *собственности* была бы не только безцѣльной, но хуже того — она повредила бы соціалдемократіи сильнѣйшимъ образомъ. Ибо она стояла бы въ противорѣчіи съ ея характеромъ, какъ партіи пролетарской, эволюціонной или, если хотите, революціонной.

«Она бы заплатила за очень проблематическіе минутные успѣхи потрясеніемъ всего своего внутренняго строя, уменьшеніемъ силы своего нападенія и потерей своего престижа, какъ партіи самой дальновидной.»

Что же сказать о соціалдемократической программѣ, которая хочетъ усилить и укрѣпить собственность крестьянскихъ богатѣевъ?!

На этомъ намъ бы хотѣлось покончить съ разборомъ искровской аграрной программы. Занятіе это не особенно пріятное. Получается ощущеніе, какъ будто попалъ рукою въ квашню съ тѣстомъ. Скользитъ, липнетъ, тянется. Но мы чувствуемъ себя не вправѣ послѣдовать своему желанію и пройти молчаніемъ «крестьянскіе комитеты», «благотворительные фонды» и пр. Какъ ни какъ, а вѣдь изъ этого тѣста Россійская соціалдемократическая рабочая партія собирается испечь революціонно-буржуазный пирогъ.

И такъ передъ нами «крестьянскіе комитеты», главной задачей которыхъ является возвращеніе «отрѣзковъ». Изъ программы совершенно не видно, какъ они будутъ составляться, будутъ-ли они кѣмъ-нибудь назначаться или выбираться и, если выбираться, то всѣмъ-ли крестьянскимъ населеніемъ или только заинтересованною въ отрѣзкахъ частью его, т. е. будутъ ли участвовать въ выборахъ государственные и удѣльные крестьяне, а также частные землевладѣльцы изъ крестьянъ? Точный отвѣтъ на эти вопросы, конечно, чрезвычайно важенъ, но мы его не находимъ даже въ коментаріяхъ къ программѣ. Составители ея, вѣроятно, предполагаютъ, что крестьянскіе комитеты будутъ выбираться всѣмъ крестьянскимъ сословіемъ, но тогда можетъ оказаться, что въ комитетахъ большинство вовсе не будетъ заинтересовано въ безвозмездномъ возвращеніи отрѣзковъ соотвѣтствующимъ обществамъ, а распорядится ими болѣе для себя выгодно.

Эта сторона дѣла искристовъ не интересовала, имъ важно было подчеркнуть лишь *сословность* комитетовъ. Эти комитеты должны быть, по выраженію Ленина, проявленіемъ «диктатуры» низшаго угнетеннаго «сословія».

Но дѣйствія этой своеобразной сословной диктатуры ставятся программой въ очень узкія и въ то же время неопредѣленныя рамки. «Отрѣзки, не переходившія изъ рукъ въ руки», экспропріируются, переходившіе—«выкупаются государствомъ на счетъ крупнаго *дворянскаго* землевладѣнія».

Выкупъ, какъ можно судить по коментаріямъ составителей программы, предполагается *принудительный*, экспропріація *безвозмездной*. Въ первомъ случаѣ расплачиваются отдѣльные отрѣзочные помѣщики, во второмъ все дворянское землевладѣніе.

«Искра», во что бы то ни стало, хочетъ быть сословной и исторически справедливой, но у ней при этомъ получается нелѣпость, которая не вяжется ни съ исторіей, ни съ справедливостью.

Можно всякую собственность признавать священной и неприкосновенной, можно всякую собственность признавать законной, но допускать экспропріацію извѣстнаго вида ея при условіи соотвѣтствующаго вознагражденія эквивалентомъ всякой собственности —деньгами, можно признать законной и справедливой лишь ту собственность, которая не служитъ для эксплуатаціи труда другихъ и требовать безвозмездной экспропріаціи всякой эксплуатирующей собственности, можно, наконецъ, всякую вообще собственность признавать несправедливой и стремиться къ ея безвозмездной экспропріаціи. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія вполнѣ опредѣленна и относительно «справедлива»: каждая изъ нихъ соотвѣтствуетъ опредѣленному, исторически сложившемуся взляду на общественныя отношенія и справедливость. Точка же зрѣнія «Искры» въ данномъ случаѣ совершенно произвольна. Въ ея требованіи заключается такой же въ сущности произволъ, какъ, напримѣръ, въ требованіи безвозмездной экспропріиціи у близорукихъ, а выкупа у дальнозоркихъ.

Почему въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь Калупаевъ, купившій тотчасъ послѣ «реформы» «по сходной цѣнѣ» имѣніе съ отрѣзками и хищнически эксплуатировав-

шій въ теченіи 4-хъ десятилѣтій окружныхъ крестьянъ, имѣетъ право получить за отрѣзки хорошую выкупную сумму, которая, быть можетъ, превыситъ то, что онъ заплатилъ за все имѣніе, а помѣщикъ-дворянинъ, иногда относившійся къ крестьянамъ съ извѣстной добротой *), долженъ не только отдать безвозмездно «отрѣзки», но еще уплатить часть суммы, идущей на вознагражденіе Калупаева?

Почему дворянинъ, «неразумно» сохранившій имѣніе вплоть до «крестьянскихъ комитетовъ», долженъ отдать свои «отрѣзки» и платить за «отрѣзки», перешедшіе въ другія руки; а дворянинъ, разумно продавшій имѣніе наканунѣ «крестьянскихъ комитетовъ» и купившій процентныя бумаги, ничѣмъ не платится и остается незатронутымъ «экспропіаціей» Справедливость «Искры» дѣлаетъ еще и такой скачокъ въ область произвола. Оставляя неприкосновенной частную поземельную собственность за исключеніемъ «отрѣзковъ», она хочетъ конфисковать земли, принадлежащія лицамъ царской фамиліи.

На невиданномъ съѣздѣ это требованіе было «обосновано» тѣмъ, что всѣ имѣнія царской фамиліи не куплены, а украдены у народа».

Если смотрѣть на дѣло «по существу», то вся капиталистическая собственность украдена у народа, а если смотрѣть формально, то многія имѣнія лицъ царской фамиліи куплены «законнымъ порядкомъ» и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ названія «краденныхъ» менѣе, чѣмъ имѣнія, розданныя Екатериной II своимъ любимцамъ, или бывшія «башкирскія земли, расхищенныя» вліятельными и ловкими чиновниками и дѣльцами. Послѣдовательность требовала бы конфискаціи и всѣхъ этихъ земель.

Ставить признаніе или непризнаніе неприкосновенности собственности въ зависимость отъ честнаго или нечестнаго ея пріобрѣтенія—путь для искристовъ

*) Среди помѣщиковъ-дворянъ встрѣчались и встрѣчаются сентиментальные люди, подчиняющіе иногда выгоду чувству жалости. Мы знаемъ лично помѣщика-дворянина, позволявшаго крестьянамъ невозбранно рубить лѣсъ въ его лѣсу для постройки новыхъ избъ. «Добрые господа» бываютъ, но «добрыхъ кулаковъ» врядъ-ли можно встрѣтить.

скользкій и опасный: можно легко скатиться — чего Боже упаси—прямо въ соціальную революцію.

Возражая на небываломъ съѣздѣ Мартынову, указавшему, что отрѣзки не вездѣ имѣютъ одинаковое положеніе, такъ какъ мѣстами помѣщики налегали особенно на выкупные платежи, Плехановъ заявилъ:

«Но здѣсь мы подкованы на обѣ ноги, потому что мы требуемъ возвращенія и отрѣзковъ, и выкупныхъ платежей.» Но кузнецъ у нихъ былъ, видно, плохой. На ногу съ отрѣзками они сильно хромаютъ. Посмотримъ какъ обстоитъ дѣло съ другой ногой.

Прежде всего параграфъ третій, трактирующій о выкупныхъ платежахъ, формулированъ крайне неясно.

Его можно понять такъ, что имущества церковныя и монастырскія, а также имѣнія удѣльныя, кабинетскія и принадлежащія лицамъ царской фамиліи конфискуются для возвращенія крестьянамъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей; земли же дворянъ-землевладѣльцевъ, воспользовавшихся выкупной ссудой, облагаются особымъ налогомъ съ цѣлью устройства особаго народнаго фонда для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ.

Но можно понять и такъ, что образованіе народнаго фонда и составляетъ возвращеніе крестьянамъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей.

Какъ представляютъ себѣ дѣло искристы не видно даже изъ протоколовъ съѣзда. Но какъ бы не толковать это требованіе, все равно ясно, что туть вся суть въ демагогической *игрѣ съ фразой* о «возвращеніи выкупныхъ платежей», какъ откровенно замѣчаетъ делегатъ Николаевскаго комитета Маховъ, предлагая вычеркнуть весь «пунктъ третій».

«Культурно-матерьяльный уровень крестьянства— сказалъ онъ между прочимъ — мы можемъ поднять и другими средствами. Нечего играть такой фразой, какъ «возвращеніе выкупныхъ платежей». Мы хотимъ получить деньги для извѣстныхъ цѣлей,— такъ и скажемъ.»

Это было сказано слишкомъ вѣрно и слишкомъ искренно, чтобы найти откликъ у большинства делегатовъ, порабощенныхъ Мартовымъ, Ленинымъ и Плехановымъ.

Необходимо при современномъ буржуазномъ строѣ

поднять жизненный уровень сельскаго населенія и для этого нужны средства. Прекрасно! Но почему называть это «возвращеніемъ выкупныхъ платежей», а не подушной подати или налоговъ на средства первой необходимости? Чѣмъ эти налоги справедливѣе выкупныхъ платежей?

И почему *для этой цѣли* конфисковать удѣльныя, церковныя и т. д. земли? Конфискованныя земли пришлось бы въ данномъ случаѣ немедленно распродать для полученія «суммъ», возвращаемыхъ крестьянамъ или поступающихъ «въ благотворительный фондъ»; а распродажа была бы равносильна переходу ихъ къ кулакамъ и созданію лишняго препятствія для обобществленія земли.

Наилучшій способъ получить средства, необходимыя для поднятія жизненнаго уровня сельскаго населенія, *при буржуазномъ строѣ*, былъ бы, конечно, государственный заемъ.

Что касается до конфискованныхъ земель, то соціалдемократамъ слѣдуетъ стараться, чтобы онѣ были признаны собственностью мѣстныхъ самоуправленій, а никакъ не распроданы частнымъ лицамъ.

Особый налогъ на земли землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой, вещь очень эфемерная. Трудно найти болѣе неудобный объектъ для особаго обложенія: дворянскія земли заложены и перезаложены и съ трудомъ выдерживаютъ ипотечные проценты и существующіе налоги.

Нельзя, конечно, назвать этотъ налогъ и «справедливымъ».

Дворянинъ, получившій крупную выкупную ссуду и продавшій свое имѣніе, чтобы вложить свой капиталъ въ какую-нибудь желѣзнодорожную «концессію», отъ особаго налога освобождается, а дворянинъ, сохранившій имѣніе, платить непосредственно за себя и косвенно за него.

Пустая это вообще затѣя исправлять отдѣльныя «историческія несправедливости», когда весь нашъ строй—одна сплошная несправедливость.

Пустая затѣя выдумывать и особый народный фондъ для культурныхъ и *благотворительныхъ* нуждъ сельскихъ обществъ.

Въ «демократической республикѣ» съ «демократи-

зированнымъ государственнымъ хозяйствомъ» нѣтъ, казалось бы, надобности выдумывать еще какой-то особый «народный фондъ».

Странно также назначать этотъ «народный фондъ» для нуждъ спеціально «сельскихъ обществъ». Въ «демократической республикѣ», конфискующей земли, возвращающей выкупные платежи и пр. и пр. не можетъ быть рѣчи о такихъ *сословно*-административныхъ организаціяхъ, каковы современныя «сельскія общества»; они должны тотчасъ преобразоваться въ безсословныя самоуправляющіяся общины. Забота о культурныхъ нуждахъ сельскаго (какъ впрочемъ и городского) населенія и будетъ главной заботой самоуправляющихся общинъ или того «широкаго мѣстнаго самоуправленія», которое по искровской программѣ должно быть обезпечено конституціей. Средства у мѣстнаго самоуправленія найдутся, только бы «центральныя власти» («единая республика») не слишкомъ заботились о «нуждахъ антикультурныхъ». Для первоначальныхъ крупныхъ затратъ пришлось-бы, какъ мы указывали, прибѣгнуть къ займамъ.

Выраженіе «благотворительныя нужды» совершенно неумѣстно въ программѣ соціалдемократическаго пролетаріата, которому противна всякая благотворительность, всякая филантропія, какъ порожденіе буржуазнаго лицемѣрія.

Редакція «Sozialdemokrats'a», органа латышской соціалдемократіи, тотчасъ по выходѣ искровскаго проекта сдѣлала по поводу этой «благотворительности» нѣсколько совершенно вѣрныхъ замѣчаній *).

«Очень возможно — писала она — что составители проекта словомъ «благотворительность» хотѣли опредѣлить что-нибудь невинное, или даже хорошее. Но само это слово противно и оскорбляетъ ухо каждаго демократа и потому его не слѣдовало употреблять. Ни одинъ демократъ не можетъ вести политику благотворительности. Благотворительность надо оставить старымъ барынямъ, нуждающимся въ лѣстницѣ, по которой ихъ грѣшнымъ душамъ было бы легче взобраться на небо. Въ демократическомъ государствѣ все должно быть такъ устроено, чтобы всякій нуждаю-

*) См. «Жизнь», 1902 г., № 4.

щійся въ помощи, имѣлъ бы *право* требовать ея и получить, а не по нищенски прибѣгать къ помощи «благотворительныхъ» заведеній.»

Несмотря на это или, вѣроятно, именно по этому за сохраненіе слова «благотворительныхъ» на съѣздѣ рѣшительно высказался Мартовъ, и «благотворительность» была сохранена.

«Я стою—сказалъ онъ—за сохраненіе здѣсь слова «*благотворительность*»; его нужно сохранить, такъ какъ это будетъ борьба съ пауперизмомъ, который выросъ на почвѣ дарственныхъ надѣловъ 61 года.»

Благотворительность, отождествляемая съ борьбой противъ пауперизма! Пауперизмъ, выросшій на почвѣ дарственныхъ надѣловъ, а не на почвѣ всего крѣпостническо-буржуазнаго строя! Неужели никто изъ делегатовъ не сконфузился, выслушивая подобныя заявленія на соціалдемократическомъ съѣздѣ?

Выкупная нога, какъ видно, подкована не лучше отрѣзочной. Но «Искра» въ данномъ случаѣ не двуногая и даже не четвероногая, а пятиногая.

Посмотримъ, какъ подкована нога арендная?

«Предоставленіе судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.»

Требованіе многообѣщающее, но не способное выполнить своихъ обѣщаній!

Самъ Ленинъ въ отвѣтъ Иксу справедливо говоритъ, что «при капиталистическихъ хозяйствахъ *вездѣ и всегда* конкуренція мелкихъ собственниковъ и мелкихъ арендаторовъ вздуваетъ продажныя и арендныя цѣны на землю до «кабальныхъ» размѣровъ. *Этого рода* кабалы намъ не избыть никакъ, покуда мы не избавимся отъ капитализма.»

Если «кабалы» не избыть при капитализмѣ, то то зачѣмъ же въ программѣ, имѣющей въ виду дать толчекъ развитію капитализма, выставлять требованіе, которое обнадеживаетъ крестьянъ избавиться отъ кабальныхъ сдѣлокъ при помощи «судовъ»?

Правда, въ примѣчаніи къ вышеприведеннымъ словамъ Ленинъ оговаривается, что «ограниченіе, обузданіе этой кабалы возможно посредствомъ предоставленія судамъ права понижать арендныя цѣны.»

Эту «возможность» слѣдовало бы доказать, такъ

какъ пока «суды» еще нигдѣ не имѣли сколько-нибудь серьезнаго значенія въ дѣлѣ обузданія капиталистической эксплуатаціи или «кабалы». Она обуздывалась не судами, а боевой организованностью и организованной борьбой эксплуатируемыхъ. Соціалдемократамъ не слѣдовало бы вводить сельское населеніе въ заблужденіе надеждами на «суды» и «комитеты», имъ слѣдовало бы сосредоточить вниманіе пролетарскаго крестьянства на борьбѣ и боевыхъ организаціяхъ.

Не ясенъ въ программѣ даже и пунктъ объ «отмѣнѣ всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ въ распоряженіи его землей».

«Этотъ пунктъ — сказалъ на небываломъ съѣздѣ Мартыновъ—косвенно намекаетъ, но не даетъ отвѣта на нѣчто важное. Какъ понимать слова: «его землей»? Изъ послѣднихъ комментаріевъ «Искры» и «Зари» слѣдуетъ, что крестьянинъ можетъ не только выдѣлиться, но и взять себѣ надѣлъ. Слѣдовательно, возможны два толкованія: 1) всякій крестьянинъ имѣетъ право выкупа, тогда интересы общины не нарушаются (?); 2) всякій крестьянинъ имѣетъ право присвоить себѣ землю безъ выкупа. Я требую отвѣта, какъ понимать это? Есть-ли это нежеланіе дать отвѣтъ?

Ленинъ разсердился.

«Вопросъ Мартынова—заявилъ онъ—мнѣ кажется лишнимъ. Вмѣсто выставленія общихъ принциповъ насъ заставляютъ(!) вдаваться въ частности (!). Если мы это дѣлали, мы бы никогда не кончили съѣзда. Принципъ вполнѣ опредѣленъ: всякій крестьянинъ имѣетъ право распоряжаться своей землей, все равно *общинной* или *частновладѣльческой*.

Мартыновъ.—Меня совершенно не поняли. Я говорю не о деталяхъ, а о общемъ принципѣ. Кто собственникъ земли? Община или крестьянинъ, распоряжающійся ею? Если община, то, считая ее еще стѣснительной для экономическаго развитія, мы стоимъ за право выкупа. Если крестьянинъ, то выкупа не надо.

Ленинъ. — Мартыновъ очевидно въ недоразумѣніи. Мы добиваемся одинаковаго примѣненія общаго законодательства—того, которое теперь принято во всѣхъ буржуазныхъ государствахъ, а именно исходящаго изъ основаній римскаго права, признающаго и част-

ную собственность, и личную. Общинное землевладѣніе мы хотѣли бы (!) разсматривать, какъ общую собственность.

Не знаю удовлетворили ли эти разъясненія Мартынова, но насъ они совершенно не удовлетворяютъ, не смотря на внушительное напоминаніе о римскомъ правѣ. Мы видимъ въ разсужденіяхъ Ленина вопіющее противорѣчіе. Если земля общинная, то каждый отдѣльный общинникъ не можетъ распоряжаться ею, какъ «своей», т. е., напримѣръ, продать находящійся въ его пользованіи участокъ. Вопросъ о характерѣ собственности можно въ данномъ случаѣ рѣшить лишь на основаніи способа пользованія ею. Передѣлы, совмѣстное пользованіе пастбищами, лѣсомъ, озерами и т. д., все это показываетъ, что общинную собственность нельзя разсматривать, какъ сумму частныхъ владѣній членовъ общины.

Противорѣчитъ себѣ не только Ленинъ, но и Мартыновъ. Если собственникомъ земли является община, то нельзя сказать, какъ говоритъ Мартыновъ, что тогда «всякій крестьянинъ имѣетъ право выкупа». Онъ не имѣетъ *права*, а лишь можетъ выкупить, разъ на это согласны остальные общинники или, что то же, товарищи по владѣнію. Скорѣе можно допустить право каждаго крестьянина требовать отъ общины при выходѣ*) изъ нея уплаты извѣстной суммы за отказъ отъ пользованія общинной землею.

Право свободнаго выкупа, безъ всякаго сомнѣнія можетъ нарушить интересы общины, т. е. интересы общинниковъ, не желающихъ отказываться отъ общиннаго землевладѣнія. Кулакамъ право выкупа ихъ участковъ, обыкновенно наиболѣе удобно расположенныхъ, еще облегчило бы закабаленіе общинниковъ-бѣдняковъ.

«Общинное владѣніе — говоритъ Ленинъ — мы *хотѣли бы разсматривать*, какъ общую собственность.»

Желаніе похвальное и кто же мѣшаетъ вамъ послѣдовать ему? Но, если вы послѣдуете ему, то вамъ уже нельзя будетъ требовать для каждаго крестьянина права распоряжаться общинной землей по своему усмотрѣнію.

---

*) Выходъ долженъ быть, разумѣется, свободнымъ.

Въ своемъ обращеніи «Къ деревенской бѣднотѣ» Ленинъ, стараясь поддѣлаться подъ мужика, говоритъ о правѣ распоряженія общественной землей въ такихъ «простонародныхъ» выраженіяхъ:

«Говорятъ еще: у крестьянина земля не своя, а общественная. Нельзя разрѣшить каждому общественную землю продавать.— И это тоже обманъ. Развѣ у дворянъ и купцовъ не бываетъ также обществъ? развѣ дворяне и купцы не соединяются тоже въ компаніи, не покупаютъ вмѣстѣ земли и фабрикъ и чего угодно? Почему же для дворянскихъ обществъ не выдумываютъ никакихъ стѣсненій, а для мужика всякая полицейская сволочь наровитъ придумать ограниченіе да запрещеніе? Никогда крестьяне ничего добраго не видали отъ чиновниковъ, а видали только битье, поборы, да обиды.

Никогда крестьяне не дождутся добра, пока сами всѣ свои дѣла не возьмутъ въ свои руки, пока, не добьются полной равноправности и полной свободы. Хотятъ крестьяне, чтобы земля была общественная,— никто не смѣетъ имъ мѣшать, и они по добровольному соглашенію составляютъ себѣ общество изъ кого хотятъ и какъ хотятъ, напишутъ себѣ общественный договоръ, какой хотятъ (а римское-то право?), совершенно свободно. И чтобы никакой человѣкъ не смѣлъ въ крестьянскія общественныя дѣла совать свой носъ. И чтобы никто не смѣлъ на крестьяниномъ мудрить и выдумывать для мужика стѣсненія да запрещенія.»

Хорошо поете, господинъ почтенный, убѣдительно поете! Только и вамъ бы не мѣшало поменьше мудрить надъ крестьяниномъ и поменьше напускать, если не «обмана», то тумана. Суть совсѣмъ не въ чиновничьихъ запретахъ, а въ правѣ общины охранять свои общіе интересы отъ отдѣльныхъ членовъ, желающихъ «выдѣлиться». Въ товариществахъ, устраиваемыхъ «дворянами и купцами», отдѣльные товарищи тоже не могутъ распоряжаться по своему усмотрѣнію «общею собственностью»; нерѣдко они не имѣютъ права даже продать своего «пая»; о выдачѣ соотвѣтствующей имъ доли общаго имущества безъ согласія товарищества не можетъ быть и рѣчи.

Община является уже существующимъ товариществомъ, общинная земля — ея общая собственность.

И никакимъ «римскимъ правомъ» нельзя доказать, что каждый общинникъ можетъ по своему усмотрѣнію распоряжаться частью этой общей собственности.

Въ другихъ мѣстахъ того же обращенія «Къ деревенской бѣднотѣ» Ленинъ слогомъ ростопчинскихъ воззваній 1812 года бьетъ на мужицкое самолюбіе, указывая, что «всѣ дворяне, купцы и мѣщане могутъ свободно распоряжаться землей, а крестьянинъ не можетъ.» «Мужикъ—дитя малое. Къ нему надо земскаго приставить, чтобы за нимъ смотрѣлъ, вродѣ няньки. Мужику надо запрещать продавать свой надѣлъ, а то мужикъ свой надѣлъ промотаетъ! — Вотъ какъ разсуждаютъ помѣщики, и находятся простячки, которые имъ вѣрятъ и, желая добра мужику, говорятъ, что надо запретить ему продавать землю. Даже народники (о которыхъ мы говорили раньше) и люди, называющіе себя «соціалисты-революціонеры», тоже на это сдаются и находятъ, что лучше пускай немножечко крѣпостнымъ останется нашъ мужикъ, а земли не продаетъ. Соціалдемократы говорятъ: это одно лицемѣріе, одно барство, одни только сладкія слова!»

Иному кулаку подобная «дешевка» должна очень понравиться, но иному соціалдемократу должно сдѣлаться конфузно. Ленину должно быть хорошо извѣстно о существованіи въ «буржуазныхъ государствахъ» и отчасти у насъ майоротовъ, фидеикомиссовъ, родовыхъ имѣній и т. п., очень сильно ограничивающихъ право дворянъ-владѣльцевъ распоряжаться своей землей, и никто не видитъ въ этомъ «крѣпостничества», а многіе, напротивъ, видятъ въ этомъ привиллегію крупнаго землевладѣнія. Никому не придетъ въ голову бить на самолюбіе владѣльца маіората, говоря, что онъ «дитя малое». Но это только мимоходомъ. Въ дѣйствительности свою частицу земли крестьянинъ можетъ продавать также какъ всякій другой, и вся ленинская ошибка происходитъ отъ того, что онъ частную собственность не отдѣляетъ отъ общинной или общей. По отношенію къ послѣдней ни съ демократической, ни съ соціалистической, ни, слѣдовательно, съ соціалдемократической точки зрѣнія нельзя требовать для каждаго члена права свободнаго распоряженія участками общей земли, находящейся въ его временномъ пользованіи. Если члены общины

или ихъ большинство постановятъ раздѣлиться—тогда другое дѣло.

Общинное землевладѣніе нельзя, конечно, приравнивать къ «соціализаціи земли», но оно во всякомъ случаѣ является меньшимъ препятствіемъ для обобществленія земли, чѣмъ мелкая земельная собственность; и соціалдемократія дѣйствовала противъ основъ своего ученія, если бы стремилась *искусственно* разрушить общинное землевладѣніе, поддерживая частновладѣльческій произволъ отдѣльныхъ крестьянъ противъ общевладѣльческаго права общины.

Отношеніе къ этому вопросу искристовъ или не соціалдемократично, или неясно.

Изъ всей искровской аграрной программы ясенъ лишь пунктъ объ «отмѣнѣ выкупныхъ и оброчныхъ повинностей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянъ, какъ на податное сословіе», но онъ въ сущности заключается уже въ требованіяхъ общедемократической части программы.

Проектъ аграрной программы «Искры» былъ встрѣченъ состороны нѣкоторыхъ русскихъ соціалдемократовъ уничтожающей критикой, что однако не помѣшало ему сдѣлаться аграрной программой Р. С. Д. Р. П., такъ какъ на небываломъ съѣздѣ рѣшающей была не критика съ ея доводами, а дипломатія съ ея комбинаціями. Первой печатно со своими критическими замѣчаніями выступила «группа соц. дем. одного изъ южныхъ городовъ Россіи и лицъ, сочувствующихъ соц. дем.» *)

Группа предлагала выбросить пункты 3-ій и 4-ый, требующія возвращенія выкупныхъ платежей и отрѣзковъ, другими словами, она отвергала «всю суть» искровской программы.

«Съ пунктомъ же 3-мъ и 4-мъ группа согласиться не можетъ, ибо лежащій въ основѣ ихъ принципъ исправленія исторической несправедливости основнымъ принципомъ революціонной партіи, — стремящейся подготовить условія будущаго, а не исправлять ошибки прошлаго, — признанъ быть не можетъ. Ис-

*) См. Г. Куклинъ «Итоги» Отд. III стр. 38-42.

ходя изъ этого принципа, партія не должна бы остановиться передъ частичнымъ исправленіемъ (возвращеніемъ выкупныхъ платежей и прирѣзковъ), но потребовать возвращенія всей помѣщичьей земли, всѣхъ, когда либо уплаченныхъ, косвенныхъ и иныхъ налоговъ (какъ подушныя подати мѣщанства) и проч. Въ частности, проведеніе этого требованія, съ одной стороны, содѣйствовало бы укрѣпленію частной собственности (и при томъ ея наихудшаго вида — мелкой собственности), слѣдовательно, пришло бы въ противорѣчіе съ нашимъ основнымъ принципомъ; съ другой — практически явилось бы наименѣе пригоднымъ (и даже не совсѣмъ справедливымъ) палліативомъ, распространяющимся не на все крестьянство и не устраняющимъ основной причины крестьянскихъ бѣдствій — малоземелья. Выставленіе этихъ двухъ пунктовъ (3 и 4) могло бы оправдываться чисто практическими соображеніями — интересами агитаціи, стремящейся найти доступъ къ крестьянину и потому избирающей въ качествѣ боевого лозунга излюбленный пунктъ его мечтаній. Но группа полагаетъ, что интересы соціалдемократической агитаціи заставляютъ не приспособляться къ наличной психологіи трудящихся массъ, но всячески расширять и углублять ее. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія (принципіальности, практической осуществимости и радикальности и интересовъ агитаціи) группа находитъ болѣе цѣлесообразнымъ:

«Отдачи въ долгосрочную аренду крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ государственныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель: покупки за счетъ государства для той же цѣли частновладѣльческихъ земель; сосредоточенія операцій, какъ по покупкѣ, такъ и по раздачѣ земель крестьянамъ, въ рукахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія; установленія опредѣленныхъ условій аренды, ограничивающихъ количество государственной земли, приходящейся на отдѣльнаго арендатора, обезпечивающихъ возможность ея обработки и гарантирующихъ высокую ступень культуры».

Съ этою поправкою аграрная программа была бы несравненно болѣе реальной и не противорѣчила бы основнымъ принципамъ соціалдемократіи, но объ этой поправкѣ на невиданномъ съѣздѣ даже не вспомнили.

Съ очень обстоятельной критикой всего искровскаго проекта и въ частности его аграрнаго отдѣла выступилъ Н. Рязановъ *). Какъ выводъ изъ этой критики явился проектъ программы, предложенный группой «Борьба».

Вся суть его аграрной части въ требованіи «экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ и перехода ихъ земли въ собственность государства» для «отдачи этой земли въ аренду преимущественно обществамъ для совмѣстной ея обработки». Изъ текста проекта не видно, какимъ образомъ «Борьба» хотѣла бы экспропріировать крупныхъ землевладѣльцевъ — путемъ ли выкупа или путемъ конфискаціи. Повидимому путемъ конфискаціи: если бы имѣлся въ виду выкупъ, то, вѣроятно было бы сказано «экспропріація крупной поземельной собственности», а не «экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ», хотя, впрочемъ, Каутскій употребляетъ это послѣднее выраженіе и въ смыслѣ выкупа.

Предположимъ «конфискацію». Слово «конфискація» подходитъ въ данномъ случаѣ тѣмъ лучше, что «Борьба» требуетъ перехода земли въ *государственную* собственность. Вмѣсто неопредѣленной формулировки изъ 10 словъ «Борьба» могла бы выразить свое требованіе болѣе опредѣленно въ трехъ словахъ: *конфискація крупнаго землевладѣнія.*

Если «Борьба» предпочла этой извѣстной краткой формулировкѣ свою болѣе длинную, то у нея на это были, вѣроятно, свои причины. Она, видимо, хотѣла указать, что экспропріацію произведетъ народъ, но экспропріированное перейдетъ въ собственность не органовъ самоуправленія, не общинъ или ихъ союзовъ, а *государства*, которое общая часть ея программы опредѣляетъ, какъ «*органъ классового господства*».

Такимъ образомъ, «Борьба» стремится при помощи народной революціи укрѣпить органъ классового господства.

Для экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ потребуется, по представленію «Борьбы», революція, но сама эта экспропріація съ передачей земли въ собственность государства будетъ реформой.

---

*) Матерьялы для выработки партійной программы, Вып. II и III. Изданіе группы «Борьба».

«Эта *реформа* *) — гласитъ комментарій «Борьбы» къ ея проекту — вполнѣ совмѣстима съ сохраненіемъ капитализма, который будетъ ею очищенъ отъ историческихъ примѣсей».

Товарищъ Ленинъ расчищаетъ путь капитализму, а товарищъ Рязановъ очищаетъ самъ капитализмъ.

«Проведеніе же этой мѣры или даже какой нибудь болѣе слабой, но ей подобной — говоритъ въ другомъ мѣстѣ комментарій «Борьбы» — свяжетъ интересы многомилльонной народной массы съ интересами революціи, создастъ во всякомъ захолустьѣ ея защитниковъ, связанныхъ съ ней самыми кровными своими интересами, и такимъ образомъ сдѣлаетъ невозможнымъ возвращеніе стараго порядка».

Но связавъ «интересы многомилльонной народной массы» съ интересами *буржуазной* революціи, не задержитъ ли «проведеніе этой мѣры» наступленія того «новаго порядка», за который борется соціалистическій пролетаріатъ, не задержитъ ли она наступленія революціи *пролетарской*?

Рязановъ, подобно искристамъ, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ священнаго трепета передъ капитализмомъ, передъ торжественнымъ шествіемъ котораго долженъ сторониться соціализмъ. Онъ боится нарушить буржуазный строй, онъ не можетъ отрѣшиться отъ программы-минимумъ, хотя и доводитъ ее, подобно соціалистамъ-революціонерамъ до «максимума».

«Требованія соціалдемократической программы-минимумъ — говоритъ комментарій «Борьбы» — не должны противорѣчить сущности капиталистическаго производства, они *теоретически* должны быть совмѣстимы съ сохраненіемъ буржуазнаго общества, какъ такового. Это значитъ, что если мы предположимъ даже полное осуществленіе нашихъ минимальныхъ требованій, то осуществившее ихъ общество, *хотя и исправленное*, и реформированное, останется все таки буржуазнымъ, разъ не будетъ осуществлена планомѣрная организація общественнаго хозяйства и переходъ всѣхъ орудій производства въ руки общества. Программа-минимумъ есть логически мыслимый мак-

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

симумъ уступокъ, которыя можетъ сдѣлать буржуазія, не отрицая сама себя».

Удивительное дѣло! Ортодоксальнѣйшіе ортодоксы (а къ нимъ слѣдуетъ, конечно, причислить и Рязанова) самымъ жестокимъ образомъ нападаютъ на бернштеніанцевъ и жоресистовъ, когда тѣ говорятъ объ «исправленіи буржуазнаго общества», какъ ближайшей задачи соціалдемократіи, а между тѣмъ сами ортодоксальнѣйшіе ортодоксы заботятся, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы исправить буржуазное общество, но, боже упаси, не выставить въ своей программѣ такихъ практическихъ требованій, которыя могутъ пошатнуть это общество, могутъ повести къ «отрицанію буржуазіи».

Почему не выставить требованій, проведеніе которыхъ связало-бы народныя массы съ пролетаріатомъ и его революціей, проведеніе которыхъ очистило путь соціализму, низвергнувъ капитализмъ?

Экспропріація землевладѣльцевъ и не только крупныхъ, должна быть, конечно, занесена въ программу сознательнаго пролетаріата, но не какъ средство исправленія, а какъ средство разрушенія буржуазнаго строя.

Къ средствамъ исправленія буржуазнаго общества «Борьба» относитъ и *совмѣстную обработку* земли, арендуемой сельскими обществами у государства.

На сколько мы понимаемъ программу «Борьбы», заботу о томъ, чтобы крестьяне обрабатывали землю «совмѣстно» предполагается возложить на «органъ классового господства». Намъ кажется, что это не «исправленіе буржуазнаго строя», а просто... недоразумѣніе.

Товарища Ленина товарищъ Рязановъ раскритиковалъ очень не дурно, но въ своей собственной аграрной программѣ онъ, къ сожалѣнію, уперся въ максимумъ минимума и увлекся «очисткой капитализма отъ историческихъ примѣсей».

Жестоко напалъ на аграрную программу товарища Ленина и товарищъ Иксъ.

Разобравъ центральный пунктъ программы («отрѣзки») Иксъ приходитъ къ такому заключенію: «Итакъ, надѣленіе отрѣзками является, во-первыхъ, мѣрой реакціонной, закрѣпляющей кабалу мелкихъ хозяевъ

землевладѣльцамъ и лишь выгодной для послѣднихъ, во-вторыхъ, мѣрой неисполнимой во всей ея полнотѣ, такъ какъ ведетъ къ экспропріаціи огромнаго числа мелкихъ собственниковъ. *С. Д. П., разумѣется, не можетъ принять программу, противорѣчащую ея основнымъ принципамъ».*

Въ этой увѣренности Иксъ вмѣсто ленинской программы предложилъ партіи свою собственную.

Чтобы охарактеризовать эту программу, въ особенности ея внѣшнюю форму, мы не находимъ болѣе литературнаго выраженія, какъ — *корявая.*

Вслѣдъ за заявленіемъ, что въ такихъ то и такихъ то интересахъ «партія будетъ добиваться», проектъ приводитъ 8 пунктовъ; первые шесть согласованы со сказуемымъ (будемъ добиваться) и начинаются обычными: «отмѣны», «уничтоженія» и т. д., но пунктъ 7-ой, не считаясь съ правилами грамматики высказываетъ въ такой формѣ: «Соц. дем. партія стремится, чтобы въ ближайшее время часть частновладѣльческихъ земель (крупное землевладѣніе), а, если возможно и всѣ земли перешли во владѣніе самоуправляющихся крупныхъ общественныхъ организацій (земства), Но, ставя конечною цѣлью организацію соціалистическаго строя, она не приметъ непосредственнаго участія въ борьбѣ изъ за расширенія права собственности на землю между различными сословіями. Ея участіе въ этой борьбѣ будетъ лишь постольку, поскольку возможно расширеніе общественной собственности на счетъ личной и т. д.» Затѣмъ слѣдуетъ пунктъ 8-ой, начинающійся слѣдующимъ *безспорнымъ* положеніемъ: «Ставя задачей замѣну частной собственности на средства производства общественною, соц. дем. партія можетъ этого достигнуть лишь тогда, когда и земля, и капиталъ будутъ экспропріированы для планомѣрнаго общественнаго производства».

И заканчивается она положеніемъ тоже безспорнымъ: «Эту (классовую) борьбу соц. дем. партія поведетъ съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, чѣмъ цѣлесообразнѣе она поставитъ свои задачи въ настоящее время».

Господинъ Иксъ, видимо, человѣкъ очень ортодоксальный, очень добросвѣстный, очень старательный, можетъ быть, даже «вѣчный труженникъ», но онъ «сотворилъ» не столько программу аграрныхъ требованій со-

ціалдемократіи, сколько программу опасеній за соц.-дем цѣломудріе. Цѣломудріе, можетъ быть, и сохранилъ, но русскую рѣчь несомнѣнно изнасиловалъ выраженіями въ родѣ слѣдующаго: «передачи ихъ во владѣніе демократическаго государства для наиболѣе удобнаго пользованія ими населеніемъ».

Отъ разбора наиболѣе неудобной для пользованія программы г-на Икса освобождаетъ насъ г. Игрекъ, заявляющій на страницахъ «Искры», что между программой, предлагаемой Иксомъ, въ которой проектируется (!) экспропріація крупнаго землевладѣнія и программой соц. дем., принятой въ настоящее время, по существу нѣтъ никакой разницы, потому что та и другая программа имѣетъ въ виду вскрыть и обострить классовыя противорѣчія» *).

Относительно аграрной программы «Искры» г-нъ Иксъ доказалъ, что она противорѣчитъ основнымъ принципамъ соц. дем. партіи, а г. Игрекъ, увѣряющій, что программа «Искры» по существу не отличается отъ программы г. Икса, какъ двѣ капли воды похожъ на этого послѣдняго — ему и книги въ руки; а мы съ удовольствіемъ устраняемся отъ разбора неудобной для пользованія программы, не смотря на то, что она полна истинъ, по своей «безспорности», превосходящихъ даже такія, наприм.: «кто покупаетъ вещь, тотъ платитъ за нее», «кто хочетъ поскорѣе достигнуть намѣченной цѣли, тотъ долженъ идти по направленію къ ней, а не въ противоположную сторону» и т. д.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ аграрной программѣ «Жизни».

Она начинается съ признанія что «полное устраненіе хронической нужды сельскаго населенія возможно только при соціалистическомъ строѣ» и съ указанія, что выполненіе общедемократическихъ требованій должно несомнѣнно «улучшить положеніе малоземельныхъ крестьянъ. и затѣмъ уже перечисляетъ рядъ спеціально аграрныхъ мѣръ, которыя могутъ нѣсколько поднять жизненный уровень сельскаго населенія въ періодъ, предшествующій пролетарской революціи. Это рядъ реформъ, не требующихъ для своего осуществленія никакой революціи и не предполагающихъ

*) «Искра» № 77.

никакого вторженія въ право частной собственности. Онѣ имѣютъ въ виду помочь сельскому населенію, облегчивъ возможность повысить производительность земледѣльческаго труда и вообще облегчивъ условія борьбы за существованіе неимущему крестьянству.

Несомнѣнно, что большинство русскаго крестьянства терпитъ страшную нужду не столько отъ малоземелья, сколько отъ недостатка матерьяльныхъ средствъ и знанія для удовлетворительной обработки земли съ одной стороны, отъ непомѣрно высокихъ налоговъ съ другой стороны.

По сравненію съ другими странами русское крестьянство располагаетъ довольно значительнымъ количествомъ земли и въ большинствѣ случаевъ о малоземельѣ не могло бы быть и рѣчи, если бы у крестьянъ былъ хорошій инвентарь и если бы ихъ способъ обработки не понижалъ плодородія земли, вмѣсто того, чтобы повышать его.

Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи въ 1892 г. было 10.589.967 крестьянскихъ дворовъ, владѣвшихъ 132.649.266 десятинъ земли, т. е. *въ среднемъ по 12,5 десятинъ на 1 дворъ*.

Въ Германіи средній размѣръ хозяйства, если принять во вниманіе даже и крупное землевладѣніе, равняется 8,2 дес.; во Франціи — 7,06 дес., въ Австріи — 5,1 дес., въ Бельгіи — 2,4 дес., наконецъ, *въ Японіи всего только 0,75 дес.*

Посмотримъ, какъ распредѣляется крестьянская земля по отдѣльнымъ дворамъ или хозяйствамъ. По даннымъ 1877-78 г. въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи, не считая земель казаковъ оренбургскихъ и астраханскихъ, крестьянская земля распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Размѣръ надѣла на 1 дворъ	Число дворовъ	%	Всей земли надѣльной и купленной	%	Среднее число десятинъ на 1 дворъ
До 5 дес.	891.378	10,6	3.164.885	2,9	3,6
До 10 дес.	2.219.444	26,4	17.359.751	15,8	7,8
До 15 дес.	3.289.358	39,2	39.722.152	36,2	12,1
До 20 дес.	1.024.953	12,2	17.841.449	16,2	17,4
Болѣе 20 д.	.972.334	11,6	31.724.286	28,9	32,6

Съ 70-хъ годовъ площадь крестьянскаго землевладѣнія увеличилась на нѣсколько милльоновъ десятинъ, но въ то же время процентъ мелкихъ хозяйствъ наивѣрное значительно повысился по сравненію съ процентомъ хозяйствъ среднихъ и крупныхъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что и въ настоящее время процентное отношеніе мелкихъ сельскихъ хозяйствъ, т. е. малоземельныхъ крестьянъ въ Россіи менѣе значителенъ, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы.

Во Франціи, напримѣръ, число хозяйствъ менѣе одной десятины составляетъ около 40% всѣхъ сельскихъ хозяйствъ, число же хозяйствъ менѣе 5 десятинъ составляетъ около 72%; тогда какъ въ Россіи въ 70-хъ годахъ оно составляло лишь около 10%.

Въ Германіи хозяйства менѣе 2-хъ дес. составляютъ около 60%, менѣе 5 дес.—около 77%.

Въ Бельгіи хозяйства менѣе одной десятины составляютъ около 66%, менѣе 5 дес.—болѣе 90% и т. д.

Во всѣхъ этихъ странахъ «малоземелья» несравненно больше, а между тѣмъ нѣтъ нашихъ ужасныхъ голодовокъ, нѣтъ нашего страшнаго обнищанья. Не въ «малоземельѣ» значитъ тутъ дѣло, или, по крайней мѣрѣ, не въ немъ одномъ.

Иная получается картина, если взять не относительное количество земли, а относительное количество сбора хлѣбовъ. Здѣсь мы увидимъ, что въ Россіи съ одной и той же земельной площади собирается хлѣба несравненно меньше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ свѣта.

Въ Бельгіи съ десятины собирается 128,5 пудовъ важнѣйшихъ хлѣбовъ. Въ Англіи—123,4 п.; въ Японіи — 115,7 п.; въ Норвегіи — 120,2 п.; въ Голландіи —113,7 п.; во Франціи—80,5 п.; въ Германіи—77,8 п.; въ Соед.-Штат.—83,2; а въ Россіи въ среднемъ всего лишь 38,8 при maximum'ѣ въ 49,5 и minimum'ѣ въ 29,0.

Десятина земли частновладѣльческой даетъ сборовъ больше, чѣмъ десятина земли крестьянской, въ особенности въ неурожайные годы. Неурожаи обрушиваются на крестьянъ сильнѣе, чѣмъ на помѣщиковъ. Такъ въ 1891 году крестьяне не добрали до высшаго сбора почти милльярдъ пудовъ или $^2/_3$ своего «чистаго отстатка», т. е. сбора безъ сѣмянъ; помѣщики же не добрали — 200 милльоновъ пудовъ — при-

зительно $^1/_3$ ихъ «чистаго остатка». У частныхъ владѣльцевъ 1 дес. дала въ 1891 г. въ среднемъ 31 пуд., у крестьянъ—16,7 пуд.

Одною изъ главныхъ причинъ такой разницы слѣдуетъ признать лучшую обработку, въ частности лучшее одобреніе полей помѣщичьихъ по сравненію съ полями крестьянскими. Это рядомъ краснорѣчивыхъ цифръ доказываетъ П. Лохтинъ въ своей интересной работѣ «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи».

Лохтинъ съ большой убѣдительностью доказываетъ, что при отсутствіи у насъ малоземелья, при большомъ сравнительно количествѣ земли, находящемся въ распоряженіи крестьянъ, для большинства изъ нихъ «землепашество или не даетъ достаточно хлѣба для личнаго прокормленія, причемъ *избытковъ* для прокормленія скота или на продажу не остается. При этомъ пополненіе крестьянами дефицита покупками возможно лишь въ весьма тѣсныхъ границахъ, такъ какъ хлѣба для такихъ покупокъ въ государствѣ не остается.»

Поднятіе производительности крестьянскаго хозяйства является такимъ образомъ самой насущной задачей аграрной политики въ Россіи. Вотъ почему «Жизнь» въ своей аграрной программѣ выставляла требованіе «утсройства на государственный счетъ складовъ сельскохозяйственныхъ машинъ для отдачи ихъ въ пользованіе крестьянскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ лицамъ; устройства на государственный счетъ складовъ сѣмянъ и продажи ихъ на льготныхъ условіяхъ тѣмъ же категоріямъ для обсѣмененія ихъ земель», и наконецъ «устройстойства мелкаго земельнаго кредита изъ процентовъ, не превышающихъ нисшій банковый процентъ.»

Въ связи со стремленіемъ поднять крестьянское сельское хозяйство стоятъ требованія предоставленія въ пользованіе всѣмъ лицамъ, желающимъ обработытывать землю собственнымъ трудомъ, государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель на льготныхъ условіяхъ и передачи въ пользованіе тѣмъ же лицамъ всѣхъ недоимочныхъ имѣній, заложенныхъ въ государственныхъ и общественныхъ банкахъ.»

Выполненіемъ этихъ требованій открылась бы возможность многимъ болѣе или менѣе интеллигентнымъ

лицамъ*) заняться сельскимъ хозяйствомъ безъ наемнаго труда, но на раціональныхъ, научныхъ основахъ съ примѣненіемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и пр. Эти раціональныя хозяйства могли бы послужить поучительнымъ примѣромъ для хозяйствъ крестьянскихъ.

Но, конечно, указанными землями прежде всего воспользовались бы малоземельные крестьяне. Если у насъ нѣтъ абсолютнаго малоземелья, то у насъ есть малоземелье относительное, т. е. при большомъ количествѣ земли по сравненію съ населеніемъ у насъ имѣется не менѣе 10% крестьянскихъ дворовъ, имѣющихъ земли и абсолютно и относительно слишкомъ мало. Ихъ малоземелье было-бы уже сильно парализовано, если бы государство отдало въ ихъ пользованіе земли всѣхъ тѣхъ владѣльцевъ, которые не уплачиваютъ аккуратно и полностью процентовъ за деньги взятыя подъ залогъ имѣній изъ дворянскаго банка. Эти владѣльцы искусственно поддерживаются правительствомъ, слагающимъ съ нихъ или разсрочивающимъ имъ недоимки. Прекрати правительство эту поддержку, и значительное число дворянскихъ имѣній окажется экспропріированнымъ безъ всякаго вторженія въ право частной собственности.

Для борьбы съ относительнымъ малоземельемъ необходимо, конечно, и облегченіе переселеній. Аграрная программа «Жизни» требуетъ поэтому «отведенія государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель въ безплатное пользованіе переселенцамъ; а также безплатнаго провоза переселенцевъ и снабженіе ихъ орудіями и скотомъ на льготныхъ условіяхъ постепенной, безпроцентной выплаты».

Послѣднее условіе имѣетъ въ виду опять таки поднятіе производительности крестьянскаго хозяйства: снабженіе переселенцевъ инвентаремъ (орудіями и скотомъ) дало бы имъ возможность настоящимъ образомъ распахивать, а не «выпахивать» землю, какъ это приходится имъ дѣлать теперь.

Одной изъ главныхъ причинъ, недававшей возможности крестьянамъ оснастить свое хозяйство какъ

*) Къ такимъ интеллигентнымъ лицамъ мы относимъ, напримѣръ, латышскихъ крестьянъ-переселенцевъ.

слѣдуетъ, завести достаточное количество скота, выдерживать тѣ или другія «бѣдствія», вообще одной изъ главныхъ причинъ ихъ столь быстраго обнищанія является, какъ мы уже указывали выше, то, что съ самаго момента «освобожденія» ихъ давятъ непомѣрно высокія подати, особенно выкупные платежи.

Комиссія Воронежскаго уѣзднаго Комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ своемъ знаменитомъ «докладѣ» дѣлаетъ по этому поводу слѣдующія указанія, относящіяся, правда, спеціально къ Воронежскому уѣзду, но по существу справедливыя и для другихъ уѣздовъ почти всѣхъ русскихъ губерній.

«Но главное затрудненіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ состояло въ томъ, что къ этому хозяйству не только не привлекались средства извнѣ въ формѣ земельнаго кредита, какъ это практиковалось на частновладѣльческихъ земляхъ, а наоборотъ, значительная доля крестьянскихъ земель облагалась платежами далеко выше того, сколько получали крестьяне съ земли чистаго дохода. Цифры даютъ поразительныя указанія на этотъ счетъ. Оказывается, что въ теченіе 40 лѣтъ съ крестьянскихъ земель было взято не менѣе 30 мил. рублей. Это составляетъ 95 руб. на десятину, т. е. на 4 руб. 50 коп. болѣе того, во сколько можно оцѣнить крестьянскія земли при капитализаціи дохода ихъ по самой высокой нормѣ изъ 4%. Иначе говоря, въ теченіе 40 лѣтъ крестьяне только работали на своихъ земляхъ, питаясь скудно сами и поддерживая свои жалкія хозяйства, и отдали буквально все то, что стоитъ земля. Въ настоящее время, при нѣсколько измѣнившихся условіяхъ, чистый доходъ съ крестьянскихъ земель равняется въ среднемъ въ 3 руб. 62 к. на десятину, а однихъ прямыхъ платежей, казенныхъ, земскихъ, волостныхъ и мірскихъ, падаетъ на ту же десятину 2 р. 55 к., или 70%. Но и этотъ плюсъ является очень условною величиною. Изъ 333 общинъ въ уѣздѣ только по 174 общинамъ съ 20.298 хозяевами чистый доходъ съ земли выше платежей, а по 159 общинамъ съ 7.997 хозяевами чистымъ доходомъ не покрываются прямые платежи».

Понятно, поэтому, что аграрная программа «Жизни» требовала: «немедленнаго и одновременнаго сложенія

съ крестьянъ всѣхъ государственныхъ и земскихъ недоимокъ; отмѣны выкупныхъ платежей; отмѣны всѣхъ натуральныхъ повинностей и всѣхъ налоговъ, падающихъ исключительно на сельское населеніе».

Что касается до арендныхъ договоровъ, то «Жизнь» требовала признаніе недѣйствительными тѣхъ изъ нихъ, которые упоминаютъ о неустойкѣ. Это требованіе вполнѣ опредѣленное, осуществимое значеніе, котораго можетъ оцѣнить всякій, кто знаетъ, какъ помѣщики и кулаки пользуются неустойками, чтобы пускать по міру своихъ «арендаторовъ» въ неурожайные годы.

Про аграрную программу «Жизни» намъ приходится сказать, что она до извѣстной степени nostra culpa; мы и въ настоящее время считаемъ, что выполненіе требованій, выставленныхъ въ ней, нѣсколько облегчило бы участь сельскаго населенія, и нисколько не задержало бы дѣло освобожденія рабочаго класса, но тѣмъ не менѣе мы видимъ теперь, что въ соціалдемократической программѣ, имѣющей въ виду пролетарскую революцію, неумѣстно требованіе всѣхъ этихъ паліативныхъ аграрныхъ мѣропріятій, что оно можетъ отвлечь вниманіе пролетаріата отъ основной причины всѣхъ соціальныхъ бѣдствій въ томъ числѣ и аграрныхъ,— частной собственности на средства и продукты производства. Подобныя паліативныя мѣропріятія могутъ явиться однимъ изъ первыхъ результатовъ рабочаго и крестьянскаго движенія, какъ уступки со стороны господствующаго класса, но соціалдемократическая программа должна состоять не изъ перечисленія уступокъ, которыя можетъ сдѣлать господствующій классъ, а изъ перечисленія тѣхъ мѣропріятій, которыя намѣчаетъ себѣ сознательный пролетаріатъ для превращенія капиталистическаго строя въ строй соціалистическій. Съ этой точки зрѣнія для соціалдемократіи не существуетъ особаго аграрнаго вопроса, отдѣльнаго отъ вопроса соціальнаго, не существуетъ особенной аграрной программы, отдѣльной отъ программы пролетарской.

Сознательный пролетаріатъ не станетъ, разумѣется, бороться противъ паліативовъ, противъ «уступокъ», какъ бы минимальны онѣ не были, разъ ими хоть сколько-нибудь улучшается положеніе массы

крестьянства, но онъ будетъ бороться не за эти палліативы, не за эти уступки, а за великую соціальную революцію, программа которой — полное отрицаніе капиталистическаго строя, отрицаніе, слагающееся изъ такихъ, приблизительно, мѣръ:

Признаніе недѣйствительными всѣхъ долговыхъ обязательствъ (долговъ государственныхъ, общественныхъ, частныхъ) и отмѣна законовъ охраняющихъ современныя имущественныя отношенія и учрежденія (куплю-продажу, кредитъ, наслѣдованіе и т. д.).

Уничтоженіе частной собственности на всѣ средства и продукты производства и переходъ ихъ въ распоряженіе самоуправляющихся общинъ и ихъ союзовъ. Превращеніе крупныхъ, сельскохозяйственныхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и т. д. предпріятій въ общинныя производительныя учрежденія или передача ихъ эксплуатаціи рабочимъ союзамъ. Предоставленіе нынѣшнимъ мелкимъ собственникамъ права продолжать самостоятельную обработку находившихся въ ихъ владѣніи земельныхъ участковъ и самостоятельную работу въ принадлежавшихъ имъ предпріятіяхъ, на сколько результаты ихъ труда достигаютъ наименьшихъ результатовъ, достигаемыхъ трудомъ въ общинныхъ производительныхъ учрежденіяхъ. Устраненіе системы вознагражденія за трудъ и введеніе равномѣрнаго удоелетворенія потребностей всѣхъ и каждаго при установленіи минимума обязательнаго труда въ зависимости отъ отношенія между трудовой производительностью и потребностями личными и общественными даннаго общежитія.

Глава XI.

Бракъ, семья и школа.

I.

«Уничтоженіе семьи! Даже самые крайніе радикалы возмущаются этимъ гнуснымъ намѣреніемъ коммунистовъ.

На чемъ основывается современная буржуазная семья?

На капиталѣ, на частной наживѣ. Въ совершенно развитомъ видѣ она существуетъ только для буржуазіи; но она находитъ свое дополненіе въ вынужденной безсемейности пролетаріевъ и въ публичной проституціи.

Семья буржуа естественно отпадаетъ съ отпаденіемъ этого ея дополненія; и то, и другое исчезаетъ съ уничтоженіемъ капитала.

Не упрекнете ли вы насъ въ томъ, что мы хотимъ уничтожить эксплуатацію дѣтей ихъ родителями? Мы сознаемся въ этомъ преступленіи.

Но, говорите вы, мы уничтожаемъ самыя дорогія отношенія, ставя на мѣсто домашняго воспитанія — общественное. А развѣ ваше воспитаніе не опредѣляется обществомъ? Развѣ оно не опредѣляется общественными отношеніями, внутри которыхъ вы воспитываете, болѣе или менѣе прямымъ вмѣшательствомъ общества при посредствѣ школы и т. д.? Коммунисты; не выдумываютъ воздѣйствія общества на воспитаніе, они лишь измѣняютъ его характеръ, они вырываютъ воспитаніе изъ подъ вліянія господствующихъ классовъ.

Буржуазныя фразы о семьѣ и воспитаніи, о нѣжныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми вызываютъ тѣмъ большее отвращеніе, чѣмъ больше вслѣд-

ствіе развитія крупной промышленности для пролетарія разрываются всѣ семейныя узы, и дѣти превращаются въ простые предметы торговли и рабочіе инструменты.

Но вы коммунисты желаете ввести общность женъ, кричитъ намъ хоромъ вся буржуазія.

Буржуа видитъ въ своей женѣ простое орудіе производства. Онъ слышитъ, что орудія производства должны находится въ общественномъ пользованіи и, естественно, онъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что жребій общаго пользованія выпадаетъ равнымъ образомъ и на долю женъ.

Онъ не подозрѣваетъ, что дѣло идетъ какъ разъ о томъ, чтобы устранить положеніе женщинъ, какъ простыхъ орудій производства.

Впрочемъ, нѣтъ ничего смѣшнѣе высоко-нравственнаго негодованія нашихъ буржуа противъ воображаемой общности женъ у коммунистовъ. Коммунистамъ нѣтъ надобности вводить общность женъ, она почти всегда существовала.

Наши буржуа не довольствуясь тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи имѣются жены и дочери ихъ пролетаріевъ, не говоря уже объ офиціальной проституціи, находятъ главное удовольствіе въ томъ, чтобы попеременно соблазнять своихъ законныхъ женъ.

Буржуазный бракъ является въ дѣйствительности общностью законныхъ женъ. Самое большее, въ чемъ можно было бы упрекнуть коммунистовъ, это то, что они на мѣсто лицемѣрно скрытой хотѣли бы ввести откровенную общность женъ. Впрочемъ само собой понятно, что съ уничтоженіемъ теперешнихъ производственныхъ отношеній исчезнетъ и вытекающая изъ нихъ общность женъ, т. е. оффиціальная и неоффиціальная проституція.»

Въ этомъ смѣломъ переходѣ отъ обороны къ нападенію, въ этой полной горечи и сарказма правдѣ, которую коммунистическій манифестъ бросаетъ въ лицо лицемѣрнымъ моралистамъ буржуазіи, намѣчено нѣсколькими штрихами отношеніе сознательнаго пролетаріата къ браку, семьѣ и школѣ.

Коммунисты не отрицаютъ, что ихъ дѣятельность направлена, между прочимъ, на уничтоженіе современной формы брака и семьи; стремясь устранить всякое угнетеніе, всякую эксплуатацію человѣка чело-

вѣкомъ, стремясь освободить личность отъ государственнаго и церковнаго насилія и въ то же время защищать слабаго отъ сильнаго, стремясь, наконецъ, уничтожить всякую наживу, коммунисты не могутъ не быть врагами современнаго брака и современной семьи, гдѣ все это зло проявляется особенно жестоко и отвратительно.

Какая безпощадная правда заключается въ коммунистическомъ утвержденіи, что буржуазная семья построена на наживѣ, что она тѣсно связана съ публичной проституціей, что буржуазный бракъ не имѣетъ ничего общаго съ единобрачіемъ, вытекающимъ изъ взаимной любви, что онъ представляетъ изъ себя скрытую проституцію, союзъ золота съ грязью, прибыли съ развратомъ, союзъ, освящаемый церковью и государствомъ — это съ ужасной ошеломляющей яркостью показываютъ романы Золя и Гюи де Мопассана. Но не лучше и семьи царствующихъ домовъ. Семейныя драмы австрійскаго кронпринца Рудольфа, кобургской принцессы Луизы, саксонской кронпринцессы Луизы и т. д. даютъ достаточное понятіе о томъ семейномъ адѣ кромѣшномъ, который царитъ въ европейскихъ дворахъ. Но, быть можетъ, еще ужаснѣе семейный адъ въ крестьянскихъ лачугахъ, въ рабочихъ каморкахъ... Нѣтъ печальнѣе участи рабы раба, угнетенной угнетеннымъ.

«Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу поклониться,

И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.
Вѣка протекали—все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки...

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не вѣдяла...

Ты вся — воплощенный испугъ,
Ты вся — вѣковая истома!
Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ! ».

Какъ ни искренна само по себѣ эта некрасовская лирика, но она все же скрашиваетъ дѣйствительность, прикрывая грустью ужасъ, заглушая слезами скрежетъ зубовный. Дѣйствительность — это толстовская «Власть тьмы», это горьковскій «Выводъ».

«Къ передку телѣги прикручена веревкой за руки маленькая совершенно нагая женщина, почти дѣвочка. Она идетъ какъ-то странно бокомъ, ея голова, въ густыхъ растрепанныхъ темнорусыхъ волосахъ, поднята кверху и немного откинута назадъ, глаза широко открыты и смотрятъ куда-то вдаль тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго. Все тѣло ея въ синихъ и багровыхъ пятнахъ, круглыхъ и продолговатыхъ, лѣвая упругая дѣвическая грудь разсѣчена, и изъ нея сочится кровь... Она образовала пурпуровую полосу на животѣ и ниже по лѣвой ногѣ до колѣна, а на голени ее скрываетъ коричневая короста пыли. Кажется, что съ тѣла этой женщины содрана узкая и длинная полоса кожи, и должно быть по животу этой женщины долго били полѣномъ, — онъ чудовищно вспухъ и весь страшно синій.

Ноги этой женщины, странныя и маленькія, еле ступаютъ по пыли, весь корпусъ страшно изогнутъ и качается, и никакъ нельзя понять, почему она еще держится на этихъ ногахъ, сплошь, какъ и все ея тѣло, покрытыхъ синяками, почему она не падаетъ на землю и, вися на рукахъ, не волочится за телѣгой по пыльной и теплой землѣ... А на телѣгѣ стоитъ высокій мужикъ въ бѣлой рубахѣ, въ черной смушковой шапкѣ, изъ подъ которой, перерѣзывая ему лобъ, свѣсилась прядь ярко-рыжихъ волосъ; въ одной рукѣ онъ держитъ вожжи, въ другой кнутъ — и методически хлещетъ имъ разъ по спинѣ лошади и разъ по тѣлу маленькой женщины, и безъ того уже добитой до утраты человѣческаго образа. Глаза рыжаго мужика налиты кровью и блещутъ злымъ торжествомъ. Волосы оттѣняютъ ихъ зеленоватый цвѣтъ. Засучен-

ные по локти рукава рубахи обнажили крѣпкія мускулистыя руки, густо поросшія рыжей шерстью; ротъ его открытъ, полонъ острыхъ бѣлыхъ зубовъ и порой мужикъ хрипло вскрикиваетъ:

— Н-ну... вѣ-ѣдьма! Гей! Н-ну! Ага! Разъ!... Такъ-ли, братцы?...

А сзади телѣги и женщины, привязанной къ ней, валомъ валитъ толпа и тоже кричитъ, воетъ, свищетъ, смѣется, улюлюкаетъ... позадориваютъ...» Довольно! Мы прерываемъ здѣсь описаніе страшной картины.

«Это я написалъ — заканчиваетъ свое описаніе Горькій — не аллегорическое изображеніе гоненія и истязанія пророка, не признаннаго въ своемъ отечествѣ, — нѣтъ, къ сожалѣнію! Это называется — *выводъ*. Такъ наказываютъ мужья женъ за измѣну; это бытовая картина, обычай, — это я видѣлъ въ 1891 г. 15 іюля, въ деревнѣ Кандыбовкѣ, Херсонской губ.»

Въ печатной передачѣ этого факта дѣйствительности Горькій упустилъ одну чрезвычайно характерную подробность, которую онъ упомянулъ намъ при устномъ описаніи той-же сцены.

Сцену «вывода» съ видимымъ удовольствіемъ и одобреніемъ наблюдалъ мѣстный священникъ. Онъ, вѣроятно, видѣлъ въ этомъ наказаніи невѣрной жены выводъ изъ святости и ненарушимости таинства, именуемаго бракомъ. И рядомъ съ этимъ некультурнымъ православнымъ попомъ могъ бы стоять и благословлять «выводъ» и культурный католическій патеръ. Прочтите такое, напр., посланіе, опубликованное недавно въ нѣмецкой соціалдемократической печати.

Шлухтернъ, 25 ноября 1904 г.

Госпожѣ...

Къ моему глубокому прискорбію и съ величайшимъ возмущеніемъ узналъ я, что ваша дочь пала и скоро родитъ. Пфуй, позоръ такой дѣвушкѣ! Предоставляя себѣ другой разъ свести съ ней счеты, я хотѣлъ бы теперь же сообщить вамъ, что я съ благодарностью отклоняю загрязненіе книги о крещеніи внесеніемъ въ нее позора и разврата. Въ теченіе моей уже пятилѣтней службы пасторомъ въ здѣшней общинѣ мнѣ, благодареніе Богу, никогда еще не при-

ходилось выполнять печальную обязанность быть вынужденнымъ крестить незаконнаго ребенка. Не желаете ли Вы положить начало Вашей фамилией? Вашей дочери непозволительно оставаться здѣсь, пока родится ребенокъ! Гдѣ она его заполучила, тамъ она — съ позволенія сказать — и должна «опорожниться». Я ей рѣшительно совѣтую своевременно удалиться и выждать въ Гейдельбергской клиникѣ или Мангеймскомъ родильномъ домѣ и тамъ крестить ребенка.

Если же она все же останется здѣсь, то я ее въ церкви передъ всей общиной такъ «выставлю», что она не въ состояніи уже будетъ показаться среди приличныхъ людей.

Католическій пасторатъ

И. Горнъ, пасторъ.

Это тоже своего рода «выводъ» изъ святости и ненарушимости брака и католическій пасторъ нѣмецкой деревни Шлухтернъ стоитъ приблизительно на той же нравственной высотѣ, какъ и православный священникъ русской деревни Кондыбовки. Въ деревнѣ «власть тьмы», въ деревнѣ «выводъ»... но много-ли лучше и въ городѣ?

«...Свадьба. Вѣнчаются люди простые.
Вотъ у налоя стоятъ молодые:
Парень ремесленникъ фертомъ глядитъ,
Красенъ съ лица и съ затылка подбритъ

Видно разгульнаго сорта дѣтина!
Рядомъ невѣста: такая кручина
Въ блѣдномъ лицѣ, что глядѣть тяжело...
. . . . . .

Ждетъ тебя много попрековъ жестокихъ,
Дней трудовыхъ, вечеровъ одинокихъ:
Будешь ребенка больного качать,
Буйнаго мужа домой поджидать,

Плакать, работать — да думать уныло,
Что тебѣ жизнь молодая сулила,
Чѣмъ подарила, что дастъ впереди...
Бѣдная! Лучше впередъ не гляди! »

Это — некрасовская поэзія, скрашивающая дѣйствительность, а вотъ — горьковская безпощадная проза.

«Раздавались тяжелые, глухіе удары по чему-то мягкому, вздохи, взвизгиванія, напряженное кряхтѣнье человѣка, ворочающаго большую тяжесть.

— И-эхъ ты! Ка-акъ онъ ее колодкой-то саданулъ! — иллюстрировалъ Чижикъ ходъ событій въ подвалѣ, а собравшаяся вокругъ него публика—портные, судебный разсыльной Левченко, гармонистъ Кисляковъ и другіе любители безплатныхъ развлеченій — то и дѣло спрашивали Сеньку, въ нетерпѣніи дергая его за ноги и за штанишки, пропитанныя жирными красками:

— Ну? А теперь что? Какъ онъ ее?

— Сидитъ на ней верхомъ и мордой ее въ полъ тычетъ.., — докладывалъ Сенька, сладострастно поеживаясь отъ переживаемыхъ имъ впечатлѣній...

Публика тоже наклонялась къ окнамъ Орловыхъ, охваченная горячимъ стремленіемъ самой видѣть всѣ детали боя; и хотя она уже давно знала пріемы Гришки Орлова, употреляемые имъ въ войнѣ съ женой, но все таки изумлялись:

— Ахъ, дьяволъ! Разбилъ.

— Весь носъ въ кровь.. такъ и тикетъ! — захлебываясь сообщалъ Сеньки.

— Ахъ ты, Господи, Боже мой! — восклицали женщины.

— Ахъ, извергъ-мучитель!

Мужчины разсуждали болѣе объективно:

— Безпремѣнно онъ ее долженъ до смерти забитъ.. — говорили они.

А гармонистъ тономъ провидца заявлялъ:

— Помните мое слово — ножемъ распотрашитъ онъ ее! Устанетъ когда-нибудь возиться вотъ этакимъ манеромъ, да сразу и кончитъ всю музыку!»

Если мы изъ этого грязнаго русскаго подвала перенесемся въ роскошный дворецъ герцога кобурскаго Рудольфа, то и тамъ мы встрѣтимъ то же страшное, то же жестокое издѣвательство надъ женщиной, дочерью бельгійскаго короля, правда, несравненно болѣе «культурное», болѣе утонченное...

Отъ подвала до дворца, отъ жалкой лачуги до

роскошныхъ палатъ, всюду при современномъ бракѣ идетъ жестокая «война» между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми, всюду человѣческая личность подвергается самымъ ужаснымъ издѣвательствамъ, всюду у семейнаго очага свиваютъ себѣ гнѣздо не дружба-любовь, не взаимное довѣріе и уваженіе, а ложь, обманъ, лицемѣріе...

Причины этого коренятся во всѣхъ условіяхъ современнаго строя: въ режимѣ частной собственности, распространяемой и на человѣческую личность, въ духовной и матерьяльной нищетѣ и т. д.; но есть и спеціальная причина брачнаго ада, она заключается въ томъ законномъ насиліи, въ томъ законномъ принужденіи, съ которымъ государство и церковь вторгаются въ область любви, не терпящую никакого насилія, никакого принужденія. Нѣтъ ничего болѣе непримиримаго, какъ любовь и принужденіе, между тѣмъ государственные и церковные законы хотятъ во что бы то ни стало привить людямъ принудительную любовь. Ни церковь, ни государство не хотятъ допустить ни возникновенія, ни прекращенія любви безъ своего разрѣшенія.

На сколько принужденіе враждебно любви, на столько тѣсно и неразрывно связана съ ней свобода. *Свобода любви* вотъ одна изъ тѣхъ благихъ вѣстей, которыя несетъ міру пролетарская революція. Долой и церковный, и гражданскій бракъ и да здравствуетъ чистая, правдивая свободная любовь!

Однимъ изъ первыхъ, смѣло и рѣшительно провозгласившихъ свободу любви, какъ элементъ пролетарскаго идеала, былъ Вильгельмъ Вейтлингъ, самое рожденіе котораго было отмѣчено незаконностью.

Изображая въ своихъ «Гарантіяхъ гармоніи и свободы» будущій пролетарскій строй, Вейтлингъ въ порывѣ пророческаго вдохновенія обращается къ женщинѣ освобожденной отъ цѣпей законнаго брака, съ такими пламенными словами:

«Осуши свои слезы! Бѣдная, несчастная, презираемая, истерзанная женщина! и подумай, много еще слабыхъ страдаетъ на землѣ. Когда-нибудь и къ тебѣ пробьется золотой лучъ освободительнаго утра, чтобы поцѣлуемъ осушить горячія, горькія слезы рабства на твоихъ влажныхъ рѣсницахъ. Тогда гордо посмотри

въ глаза твоему тирану, ибо ты болѣе въ немъ не нуждаешься, и никакой законъ болѣе не охраняетъ его; тогда бѣдная, обманутая, соблазненная проститутка и ты найдешь еще смѣлаго и честнаго человѣка, который растопчетъ ногами предразсудокъ толпы; тогда вы жизнерадостные юноши и дѣвушки въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ, живите и любите! Тогда дайте вылиться горячей страсти, противоестественно замкнутой въ вашей груди, страсти, которая гложетъ ваше сердце и парализуетъ вашу дѣятельность, дайте вырваться ей, пока она не приняла направленія, нарушающаго гармонію общества и вашего здоровья. Тогда люби, кто способенъ любить!»

Одновременно съ незаконнорожденнымъ пролетаріемъ Вейтлингомъ раскрыла рабскую сущность законнаго брака и провозгласила свободу любви писательница, рожденная и воспитанная въ аристократической средѣ, писательница извѣстная міру подъ псевдонимомъ Жоржъ Зандъ.

«Я не примирился съ обществомъ — говоритъ она устами своего любимаго героя Жака — и бракъ, на мой взглядъ, является однимъ изъ самыхъ варварскихъ учрежденій, порожденныхъ этимъ обществомъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ будетъ устраненъ, если человѣческій родъ двинется впередъ въ смыслѣ справедливости и разума, его замѣнитъ связь болѣе человѣчная и не менѣе святая, и существованіе дѣтей, рожденныхъ отъ этого союза мужчины и женщины будетъ обезпечено безъ наложенія оковъ на свободу родителей, какъ мы это видимъ нынѣ. Но мужчины слишкомъ подлы, а женщины слишкомъ трусливы, чтобы требовать закона болѣе благороднаго, чѣмъ тотъ, который властвуетъ надъ ними: созданія безъ совѣсти и добродѣтели нуждаются въ тяжелыхъ цѣпяхъ.»

«Общество — пишетъ Жакъ своей невѣстѣ — формулу клятвеннаго обѣщанія, вы будете кляться быть мнѣ вѣрной и послушной, т. е. только меня одного всегда любить и мнѣ во всемъ повиноваться.

Первое — нелѣпость, второе — низость. Вы не можете ручаться за Ваше сердце, если бы даже я былъ величайшій и совершеннѣйшій человѣкъ. Вы не должны обѣщать мнѣ повиноваться, такъ какъ это значитъ унизить насъ обоихъ.»

Смѣлое и правдивое отношеніе Жоржъ Зандъ къ любви и браку вызвало противъ нея бурю «моральнаго» возмущенія, охватившаго даже такого выдающагося, честнаго, но тѣмъ не менѣе мелкобуржуазнаго революціонера, какъ Прудонъ.

Прудонъ старался смѣшать Жоржъ Зандъ за ея проповѣдь свободы любви положительно съ грязью и рѣшительно выступилъ на защиту брака.

«Бракъ — говоритъ онъ — болѣе чѣмъ простая любовь, онъ означаетъ подчиненіе любви справедливости, подчиненіе, которое можетъ идти даже до отрицанія любви; этого, конечно, не можетъ понять «эмансипированная», это она отвергаетъ со всею силою своего заблудившагося чувства. Это легкомысленное отрицаніе брака создаетъ безчисленный рядъ невозможностей для соціальнаго порядка, для семьи, для сохраненія рода, для гармоніи обоихъ половъ, для женщины и для самой любви; невозможностей, которыя отражаются и въ томъ, что намъ разсказъ авторши представляется безконечнымъ абсурдомъ. Но эти опасенія не трогаютъ госпожу Зандъ, она художница и, сообразно ходу мыслей «свободной» женщины, она преслѣдуетъ свою идею, не заботясь о дѣйствительности и смыслѣ вещей. Художница и эмансипированная госпожа Зандъ остается во власти своей идеи, которая — говоря слогомъ романа — приводитъ ее къ самому безудержному безстыдству.»

Прудонъ справедливо считается однимъ изъ родоначальниковъ анархистовъ, но въ настоящее время съ его взглядами на бракъ и свободную любовь вполнѣ солидарны очень многіе соціалдемократы. Ни одна соціалдемократическая программа не требуетъ устраненія вмѣшательства государства въ союзъ любви, а нѣкоторые, какъ, напр., проектъ программы «Борьбы», выставляютъ требованіе «обязательнаго гражданскаго (т. е. государственнаго) брака». Тѣмъ болѣе необходимо поставить вопросъ ребромъ, и мы, оставаясь вѣрными коммунистами, выставляемъ въ своей программѣ не требованіе «обязательнаго гражданскаго брака», а *признаніе брака соободнымъ союзомъ съ устраненіемъ узаконенія его церковнымъ или гражданскимъ порядкомъ.*

Въ представленіи крупныхъ и мелкихъ буржуевъ,

въ представленіи церковныхъ, государственныхъ и даже анархическихъ моралистовъ свободная любовь смѣшивается съ половою разнузданностью, съ развратомъ, съ половыми оргіями. Иначе представляютъ себѣ свободную любовь ея сознательные сторонники. Она имъ представляется, какъ одно изъ необходимыхъ условій для устраненія разврата, для устраненія проституціи, для установленія истиннаго свободнаго единобрачія.

Принудительная любовь неизбѣжно ведетъ къ измѣнамъ, къ обманамъ, напротивъ, свободная любовь, не подчиненная, ни церковнымъ, ни государственнымъ законамъ, въ своемъ развитіи должна въ концѣ концовъ сдѣлаться любовью *вѣрной*. При заключеніи «законнаго брака» рѣшающую роль большею частью играетъ что угодно, только не взаимная любовь; при свободномъ союзѣ въ концѣ концовъ будетъ играть роль только одна взаимная любовь.

Постоянство любви, неразрывность разъ заключеннаго союза любви представляется намъ идеаломъ, составляющимъ необходимый элементъ идеальнаго человѣческаго счастья. Человѣкъ,—какъ мужчина, такъ и женщина—въ высшемъ и гармоническомъ развитіи своихъ духовныхъ силъ представляется страстнымъ и въ то же время цѣломудреннымъ въ смыслѣ психологической и физіологической необходимости и возможности любить только разъ въ жизни, т. е. знать объятія только одного возлюбленнаго, одной возлюбленной.

Свободная любовь въ концѣ концовъ уничтожитъ проклятую ревность. Свободная любовь будетъ дѣйствительно сильнѣе смерти.

II

Свободный союзъ любви — полная противоположность **проституціи**, но «законный бракъ» находится съ ней въ самой тѣсной связи. Проституція «дополняетъ» законный бракъ, какъ выражается Коммунистическій манифестъ; проституція представляетъ обратную сторону той медали, лицевую сторону которой представляетъ законный бракъ, какъ выражается Бебель.

Огромное большинство мужчинъ-горожанъ подготовляются къ законному браку развратомъ съ проститутками, огромное большинство вступаетъ въ бракъ, загрязнивъ душу и тѣло продажнымъ развратомъ. Очень многіе продолжаютъ «пользоваться» проститутками и послѣ «принятія вѣнца» и послѣ вступленія въ законный бракъ.

Вся современная буржуазная жизнь усиленно поощряетъ развратъ и проституцію. Цѣлый рядъ условій съ одной стороны чрезмѣрно ускоряетъ появленіе половой потребности у молодыхъ людей и затѣмъ взвинчиваетъ ее у лицъ всѣхъ возрастовъ до ненормальныхъ предѣловъ, до полной разнузданности, съ другой —ставитъ огромныя препятствія для нормальнаго удовлетворенія этой потребности въ союзѣ взаимной свободной любви, жаждущей, а не боящейся своего завершенія въ рожденіи дѣтей.

Безобразное «воспитаніе» и «обученіе» дѣтей во всѣхъ слояхъ населенія*), во всѣхъ отношеніяхъ нездоровыя условія фабричнаго и ремесленнаго труда (жаръ и духота въ рабочихъ мастерскихъ, ночной трудъ, монотонность работы, ежедневное многочасовое нахожденіе въ одномъ и томъ же положеніи, алкоголизмъ, праздность обезпеченныхъ слоевъ, промышленная «литература» и промышленное «искусство», спекулирующія на развратъ — вотъ тѣ причины, которыя слишкомъ рано пробуждаютъ половую потребность и ненормально усиливаютъ ее.

Необезпеченность существованія пролетаріевъ, необезпеченность, особенно чувствительная для лицъ семейныхъ, солдатчина, запрещеніе жениться бѣднымъ офицерамъ, законныя и «обычныя» препятствія внѣбрачному сожительству, страхъ вступать въ бракъ, не могущій быть по желанію расторгнутымъ и пр.—вотъ причины, которыя заставляютъ большинство мужчинъ въ годы молодости «довольствоваться» проституціей и, если вступать въ бракъ, то только ради матерьяльныхъ выгодъ, а не «любви».

Самыхъ проститутокъ создаетъ, главнымъ образомъ, трудность для женщины найти въ современномъ

---

*) Разумѣется, безобразіе «воспитанія и обученія» въ высшихъ слояхъ иное, чѣмъ въ низшихъ.

обществѣ сколько-нибудь обезпечивающій ея существованіе заработокъ. Но значительную роль играютъ также неразвитость, забитость современной женщины, подлость всевозможныхъ соблазнителей, пользующихся невинностью, неопытностью, слабостью молоденькихъ дѣвушекъ, ловкость представителей буржуазной спекуляціи, именуемой торговлей живымъ товаромъ, наконецъ, полицейская жестокость государства, толкающаго въ ряды проститутокъ каждую дѣвушку, «паденіе» которой замѣчено его агентами.

Гонкуры, Золя, Гюи-де-Мопассанъ, Достоевскій, Толстой, Чириковъ и многіе другіе дали рядъ правдивыхъ, простыхъ и въ своей правдивости и простотѣ страшныхъ исторій превращенія невинныхъ дѣвушекъ въ проститутокъ, подвергающихся самымъ ужаснымъ надругательствамъ и въ концѣ концовъ неизбѣжно обреченныхъ сгнить въ больницѣ или въ тюрьмѣ. Эти исторіи — безпощадный обвинительный актъ противъ буржуазно-христіанской морали, противъ государственнаго «порядка», противъ всего современнаго общественнаго строя.

Передъ соблазненной и обманутой дѣвушкой въ минуты растерянности и безпомощности всегда появляется представитель государства, полицейскій и, вручая «желтый билетъ», властно указываетъ путь въ ряды оффиціальныхъ проститутокъ, гдѣ подъ государственнымъ контролемъ ея тѣломъ торгуютъ содержатели публичныхъ домовъ или еще болѣе мелкіе паразиты, именуемые сутенерами, котами и т. п.

Полицейскій контроль съ его желтыми билетами, медицинскими освидѣтельствованіями, обязательствомъ жить въ опредѣленныхъ мѣстахъ и даже домахъ, запрещеніемъ выходить на улицы за исключеніемъ извѣстныхъ часовъ и т. д. окончательно принижаетъ, забиваетъ проститутку и заграждаетъ всякій выходъ на путь мало-мальски человѣческаго существованія.

Вспомните исторію Катюши Масловой.

«И съ тѣхъ поръ началась для Масловой та жизнь хроническаго преступленія заповѣдей божескихъ и человѣческихъ, которая ведется сотнями и тысячами тысячъ женщинъ не только съ разрѣшенія, но подъ покровительствомъ правительственной власти, озабоченной благомъ своихъ гражданъ, и кончается для девяти

женщинъ изъ десяти мучительными болѣзнями, преждевременной дряхлостью и смертью.

«Утромъ и днемъ тяжелый сонъ послѣ оргіи ночи. Въ 3-мъ, 4-мъ часу усталое вставанье съ грязной постели, зельтерская вода съ перепоя, кофе, лѣнивое шлянье по комнатамъ въ пеньюарахъ, кофтахъ, халатахъ, смотрѣнье изъ-за занавѣсокъ въ окна, вялыя перебранки другъ съ другомъ, потомъ обмываніе, обмазываніе, душеніе тѣла, волосъ, примѣриванье платьевъ, споры изъ-за нихъ съ хозяйкой, разсматриванье себя въ зеркало, подкрашиванье лица, бровей, сладкая жирная пища, потомъ одѣванье въ яркое, обнажающее тѣло платье, потомъ выходъ въ разукрашенную, ярко освѣщенную залу, — пріѣздъ гостей, музыка, танцы, конфеты, вино, куренье и прелюбодѣянія съ молодыми, средними, полудѣтьми и разрушающимися стариками, холостыми, женатыми, купцами, прикащиками, армянами, евреями, татарами, богатыми, бѣдными, здоровыми, больными, пьяными, трезвыми, грубыми, нѣжными, военными, штатскими, студентами, гимназистами — всѣхъ возможныхъ сословій, возрастовъ и характеровъ. И крики, и шутки, и драки, и музыка, и табакъ, и вино, и табакъ и музыка съ вечера и до разсвѣта. И только утромъ освобожденіе и тяжелый сонъ. И такъ каждый день, всю недѣлю. Въ концѣ же недѣли поѣздка въ государственное учрежденіе — участокъ, гдѣ находящіеся на государственной службѣ чиновники, доктора — мужчины, иногда серьезно и строго, а иногда съ игривой веселостью, уничтожая данный отъ природы для ограждения отъ преступленія не только людямъ, но и животнымъ — стыдъ, осматривали этихъ женщинъ и выдавали патентъ на продолженіе тѣхъ же преступленій, которыя они совершали съ своими сообщниками въ продолженіе недѣли. И опять такая же недѣля. И такъ каждый день—и лѣтомъ, и зимой, и въ будни, и въ праздники.»

Устранить проституцію возможно, лишь устранивъ основы буржуазнаго строя; мало того, очень вѣроятно, что даже и въ пролетарскомъ обществѣ она еще будетъ нѣкоторое время существовать въ качествѣ самаго отвратительнаго «буржуазнаго пережитка»; но устранить государственный «контроль» надъ прости-

туціей, контроль, равносильный ея поддержкѣ, устранить безчеловѣчную «регламентацію» проституткъ вполнѣ возможно теперь же, независимо отъ общаго соціальнаго переворота, какъ теперь же «въ предѣлахъ буржуазнаго строя» возможно устранить тѣлесное наказаніе, смертную казнь и пр.

Возможно, но желательно-ли? Не является-ли полицейскій надзоръ надъ проститутками съ его медицинскими освидѣтельствованіями и пр. необходимымъ для «народнаго здравія», для успѣшной борьбы съ венерическими болѣзнями?

Несомнѣнные факты, особенно примѣръ Англіи, гдѣ въ 1886 г. отмѣнено медицинское освидѣтельствованіе проституткъ, и гдѣ съ тѣхъ поръ число венерическихъ заболѣваній сильно понизилось, показываютъ, что «народное здравіе» не выигрываетъ, а проигрываетъ отъ регламентаціи проституціи*); но. если бы даже полицейская регламентація проституціи и спасала посѣтителей публичныхъ домовъ отъ заражснія венерическими болѣзнями, соціалдемократія должна бы все-же рѣшительно высказаться противъ полицейско-медицинскихъ насилій надъ личностью, къ которымъ неминуемо сводится «регламентація проституціи»: для сознательнаго пролетарія «падшая» дѣвушка—такая же личность, съ тѣми же правами, какъ и всякій другой человѣкъ.

Въ большинствѣ современныхъ странъ идетъ въ настоящее время оживленная агитація противъ регламентаціи проституціи. Движеніе это извѣстно подъ названіемъ *аболитіонизма* (освобожденіе отъ рабства). Во главѣ его стоитъ рядъ энергичныхъ женщинъ, понимающихъ, что освобожденіе проститутки отъ полицейскаго рабства составляетъ часть освобожденія женщины вообще. Кому, какъ не партіи, стремящейся къ устраненію угнетенія человѣка человѣкомъ, какія бы формы это угнетеніе не принимало, кому, какъ не соціалдемократіи поддержать аболиціонизмъ?

Во всякой соціалдемократической программѣ, какъ намъ кажется, должно быть выставлено требованіе *отмѣны регламентаціи проституціи*, но, къ сожа-

*) См. объ этомъ у Бебеля въ его книгѣ «Женщина и Соціализмъ».

лѣнію, оно до сихъ поръ отсутствуетъ во всѣхъ извѣстныхъ соціалдемократическихъ и вообще соціалистическихъ программахъ.

Этотъ пробѣлъ объясняется въ значительной степени тѣмъ, что вопросъ о регламентаціи и ея «пользѣ» или вредѣ многимъ соціалдемократамъ кажется еще не «выясненнымъ». Если бы для законной соціалдемократіи вопросъ о регламентаціи проституціи былъ выясненъ, то такой извѣстный ея теоретикъ, какъ П. Камфмейеръ не могъ бы на Дрезденскомъ конгрессѣ аболиціонистовъ въ сентябрѣ 1904 года выступить съ проектомъ *исправленія* регламентаціи.

По проекту Камфмейера во всѣхъ городахъ, гдѣ распространены венерическія болѣзни, должны быть образованы особыя «санитарныя комиссіи», имѣющія право отъ *каждаго лица* мужского и *женскаго пола* требовать докторскаго свидѣтельства о состояніи его здоровія. Если кто-нибудь отказывается представить свидѣтельство или будучи признаннымъ больнымъ, не позволяетъ себя лечить, то комиссія должна такого предать суду, который *издаетъ распоряженіе о насильственномъ освидѣтельствованіи* и въ случаѣ болѣзни о *насильственномъ леченіи*».

Противъ этого ученаго соціалдемократа выступила госпожа Пичинская, къ соціалдемократамъ себя, кажется, не причисляющая.

Она справедливо указала, что мѣра, предлагаемая Камфмейромъ, должна въ концѣ концовъ свестись къ той же регламентаціи, съ которой борются аблюціонисты. «Комиссія» превратится въ органъ полицейскаго надзора за «поведеніемъ» подозрительныхъ въ «нравственномъ» отношеніи лицъ.

Многія дѣвушки и женщины изъ естественнаго чувства стыдливости не станутъ добровольно подвергать себя медицинскому освидѣтельствованію, и тогда комиссія опозоритъ ихъ, предавъ суду, а судъ позаботится о присоединеніи къ позору насилія, самымъ жестокимъ образомъ оскорбляющаго чувство стыдливости.

Большинство членовъ конгресса — къ чести ихъ замѣтить — отнеслось къ проекту Камфмейера очень не сочувственно, но Камфмейеръ продожаетъ агити-

ровать въ пользу своего полицейскаго идеала. Тѣмъ болѣе необходимо, чтобы и въ этомъ вопросѣ соціалдемократическая программа высказалась вполнѣ опредѣленно.

III

Законный бракъ съ одной стороны «дополняется» законной проституціей, съ другой законнымъ **разводомъ**. Гражданскія и церковныя власти предоставляютъ себѣ право расторгать браки, по желанію супруговъ, но обставляютъ это расторженіе или разводъ такими условіями, что онъ въ большинствѣ случаевъ невозможенъ для людей бѣдныхъ.

Право на разводъ въ большинствѣ странъ даетъ почти исключительно доказанное прелюбодѣяніе. У насъ въ православной Россіи прелюбодѣянія при разводахъ всегда «доказывается» подкупленными лжесвидѣтелями; требуется и подкупъ вліятельныхъ консисторскихъ чиновниковъ и поповъ. Супругъ, признанный виновнымъ въ любодѣяніи на основаніи показаній завѣдомыхъ лжесвидѣтелей, формально лишается права вступать въ новый законный бракъ, но за «порядочные» деньги онъ всегда находитъ попа, соглашающагося его повѣнчать. Подкупъ, лжесвидѣтельство, лицемѣріе, грязь—и все это во имя нравственности, законности, святости, чистоты.

Въ странахъ съ гражданскимъ бракомъ для развода требуется много денегъ, лжи и грязи, но совершенно обойтись безъ всѣхъ этихъ буржуазныхъ атрибутовъ людямъ, желающимъ развестись, нигдѣ нельзя. Лицемѣрная законность развода лишь оттѣняетъ лицемѣрную законность брака. Отмѣна узаконенія брака желательна, между прочимъ, уже и потому, что вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и разводъ со всѣми его гнусностями.

Но еще важнѣе, что съ отмѣной узаконенія брака исчезаетъ **дѣленіе дѣтей на законныхъ и незаконныхъ**.

Буржуазное общество клеймитъ и наказываетъ дѣтей за «вину» родителей, не испросившихъ у его властей разрѣшенія на любовь. Хорошо извѣстно

каждому тяжелое положеніе *незаконнорожденныхъ;* ихъ положеніе среди законнорожденныхъ до извѣстной степени аналогично положенію евреевъ среди православныхъ христіанъ. Среди буржуазныхъ подлостей презрительное отношеніе къ «незаконнорожденнымъ» —одна изъ самыхъ подлыхъ. И не даромъ изъ среды «незаконнорожденныхъ» вышли такіе революціонные, какіе непримиримые враги буржуазности, какъ Вильгельмъ Вейтлингъ, Луиза Мишель и Александръ Герценъ.

Мы подошли къ глубоко важному и сложному **вопросу о дѣтяхъ** въ современномъ и будущемъ обществѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ какой то американскій или англійскій журналъ обѣщалъ выдать премію тому, кто удачнѣе всѣхъ отвѣтитъ на вопросъ: что такое ребенокъ. Премію получилъ ядовитый острякъ, отвѣтившій: «Это — единственное счастье, которому никто не завидуетъ».

Если бы журналъ поставилъ вопросъ: что больше всего интересуетъ современныхъ супруговъ въ вопросѣ о дѣтяхъ, то тотъ же острякъ, навѣрное, отвѣтилъ бы: «то, какъ ихъ не имѣть».

И въ этомъ отвѣтѣ было бы много горькой правды. Посмотрите, какой огромный успѣхъ имѣетъ во всѣхъ культурныхъ странахъ (Англіи, Германіи, Франціи и т. д.) брошюры, дающія совѣты, какъ избѣжать большого количества дѣтей, посмотрите, какъ пестрятъ объявленія распространенныхъ западноевропейскихъ газетъ рекламами различныхъ ново-изобрѣтенныхъ средствъ для «охраны женщины» отъ дѣторожденія! Спросите врачей и акушерокъ, какихъ гигіеническихъ совѣтовъ» отъ нихъ чаще всего требуютъ молодыя женщины, и вы отъ всѣхъ услышите, что женщинъ во всѣхъ слояхъ населенія въ настоящее время не такъ интересуетъ вопросъ о томъ, какъ вырастить здоровымъ ребенка, какъ вопросъ о томъ, какія предосторожности слѣдуетъ принимать, чтобы не имѣть дѣтей или имѣть ихъ не болѣе одного или двухъ.

Мальтузіанизмъ, какъ теорія Мальтуса о перенаселеніи не имѣетъ въ настоящее время даже среди буржуазныхъ ученыхъ сколько-нибудь серьезныхъ и искреннихъ сторонниковъ, но **нео-мальтузіанизмъ,**

какъ практика, состоящая въ добровольномъ ограждении дѣторожденія путемъ примѣненія предупредительныхъ средствъ при половомъ общеніи, этотъ неомальтузіанизмъ завоевываетъ массы едва-ли не скорѣе, чѣмъ соціализмъ и при томъ имѣетъ одинаковый успѣхъ, какъ у буржуазіи, такъ и у пролетаріата. Среди пролетаріата нео-мальтузіанизмъ распространяется рука объ руку и въ связи съ соціализмомъ и анархизмомъ.

Семьи «сознательныхъ» рабочихъ на Западѣ очень невелики, и рѣдко супруги, примыкающіе къ соціалдемократической партіи, не заботятся о «семейномъ счастьѣ» путемъ примѣненія предупредительныхъ средствъ, спасающихъ отъ слишкомъ щедраго «благословенія дѣтьми». *)

Успѣху нео-мальтузіанства среди сознательнаго пролетаріата нисколько не мѣшаетъ очень отрицательное отношеніе къ нему нѣкоторыхъ видныхъ соціалдемократическихъ вожаковъ, въ особенности Бебеля. «Употребленіе предупредительныхъ мѣръ» онъ въ своей «Женщинѣ» называетъ «противоестественнымъ» и говоритъ, что оно грозитъ сдѣлаться «общественнымъ бѣдствіемъ».

Во вниманіе къ этимъ моралистамъ и сторонникамъ «естественности» соціалдемократическія газеты отказываются печатать объявленія, гдѣ прямо предлагаются предупредительныя средства и помѣщаютъ лишь такія рекламы, гдѣ эти средства рекомендуются въ видѣ «семейнаго счастья» и «гигіены»; но это, конечно, способъ борьбы съ «общественнымъ бѣдствіемъ» довольно невинный.

Открыто признавать себя сторонникомъ нео-мальтузіанизма до послѣдняго времени считалось въ соціалистическихъ кругахъ невозможнымъ, предосудительнымъ, но въ настоящее время и въ средѣ соціалдемократовъ стали появляться откровенные проповѣдники нео-мальтузіанизма. Къ таковымъ принадлежитъ цюрихскій врачъ Фрицъ Брунбахеръ, выпустившій недавно (1904 году) брошюру «Kindersgen und kein Ende?»

*) На это указываетъ, между прочимъ, одна нѣмецкая женщина-врачъ, превратившаяся на $3^1/_2$ мѣсяца въ простую фабричную работницу для изученія домашней и фабричной жизни нѣмецкихъ работницъ.

(«Благословеніе дѣтьми и нѣтъ ему конца») въ издательствѣ соціалдемократическаго депутата Бирка. Брошюра эта въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержала пять изданій.

Брошюра написана съ большею искренностью и убѣдительностью; видно, что автору знакома горькая участь «многосемейной» жены современнаго пролетарія.

«Беременность — пишетъ Брупбахеръ — ее (жену пролетарія) совершенно ослабляетъ, такъ какъ и въ этомъ состояніи она должна работать много, чаще еще больше, чѣмъ раньше, а питается она при этомъ недостаточно. Она должна ѣсть за двоихъ, но мужъ не зарабатываетъ отъ того больше, что жена находится въ благословенномъ состояніи. Такимъ образомъ слѣдствіемъ беременности является дефицитъ, покрываемый ея собственнымъ тѣломъ, ея собственною плотью и кровью, такъ какъ ребенокъ, котораго она носитъ въ своемъ чревѣ, долженъ же откуда нибудь брать свою пищу. И это повторяется каждые роды, и съ каждыми родами женщина опускается все болѣе, слишкомъ рано старится и къ 35 годамъ она обыкновенно развалина съ морщинистой кожей, худая, желтая, болѣзненная, преждевременная старуха.

И тѣмъ скорѣе наступаютъ всѣ эти явленія старости и разрушенія, чѣмъ чаще слѣдуютъ одни за другими роды. Рука объ руку съ этими явленіями идетъ постоянное ослабленіе способности сопротивленія всевозможнымъ болѣзнямъ отъ ревматизма и инфлуенцы до чахотки. Ибо ослабленный организмъ не можетъ обороняться отъ болѣзненныхъ зародышей. Такова участь огромнаго большинства пролетарскихъ женщинъ. Скорѣе, чѣмъ ихъ товарки буржуазнаго круга, теряютъ онѣ молодость и здоровье. И то же самое происходитъ съ ихъ духовными способностями. Мозгъ точно также теряетъ соки, плохо питается, истощается, и это обнаруживается сначала въ нервности, затѣмъ въ нарушеніи всей духовной жизни. Къ физическимъ страданіямъ присоединяются постоянный страхъ новой беременности, заботы по поводу постоянно возрастающихъ расходовъ. Малѣйшая задержка мѣсячныхъ (менструаціи) вызываетъ у женщины страхъ, не произошло ли зачатіе? Мысль о маткѣ, о беременности въ концѣ концовъ поглощаетъ всю ея душу, всѣ ея мысли. Женщина поэтому въ этихъ кругахъ,

помимо хозяйственныхъ заботъ, думаетъ только о беременности. Ея мышленіе сводится къ этому единственному представленію. Въ этомъ весь ея интересъ и только въ этомъ. Это видно уже изъ разговоровъ этихъ женщинъ. Все ихъ содержаніе — задержка менструаціи и средства противъ этого. Эта тема поглощаетъ все ихъ вниманіе...

Ей недоступно пониманіе классовыхъ интересовъ, стремленіе къ общему улучшенію экономическаго положенія, ее не интересуетъ освобожденіе женщины. Она уже болѣе не чувствуетъ своего плохого положенія, какъ такового, она становится тупой ко всему мало-мальски высшему, она не чувствительна, она безразлична ко всему, что не имѣетъ отношенія къ ея маткѣ. Въ этой стадіи она болѣе не читаетъ даже фельетонныхъ романовъ, даже газетныхъ сообщеній о происшествіяхъ. Ея забота разрушаетъ даже эти культурныя потребности...»

«Дѣйствительное женское освобожденіе не будетъ возможно до тѣхъ поръ, пока женщина до такой степени страдаетъ подъ тяжестью родовъ. Лишь тогда, когда женщина освободится отъ рабства матки, она освободится вообще. Поэтому женщина должна энергично бороться съ чрезмѣрнымъ благословеніемъ дѣтьми, и средства противъ такого очень удачно называютъ «охраной женщинъ.»

Брунбахеръ въ своей пропагандѣ «предупредительныхъ средствъ» стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и французскіе революціонные синдикалисты, которые придаютъ огромное значеніе нео-мальтузіанизму въ дѣлѣ освобожденія рабочаго класса. Вотъ, напр., характерное объявленіе, попавшееся намъ на глаза въ органѣ «Всеобщей конфедераціи труда» «La voix du peuple» («Голосъ народа»).

Четвергъ 25 іюня въ $8^1/_2$ час. веч.

Большая зала Биржи Труда (3, rue du Chateau d'eau)

БОЛЬШАЯ ПУБЛИЧНАЯ БЕСѢДА,

организованная подъ предсѣдательствомъ Поля Робэна съ участіемъ Леопольда Лакура, Г. Ивето, Ш. Депланка и гражданки Якоби.

Тема: *Добровольное ограниченіе рожденій.*

Къ работницамъ и работникамъ синидкальнымъ и не синдикальнымъ.

Товарищи!

Мы всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы не производить на свѣтъ не желанныхъ дѣтей, для хорошаго питанія и воспитанія которыхъ у насъ нѣтъ средствъ. Мы должны отказаться путемъ разумнаго ограниченія дѣторожденія увеличивать число несчастныхъ, предназначенныхъ къ военной и капиталистической каторгѣ. Дѣти, которымъ мы не можемъ обезпечить поддержки неизбѣжно становятся выродками, которые своей покорностью задерживаютъ движеніе пролетаріата къ его освобожденію. Рабочіе лучше выдержатъ удары владѣющей буржуазіи, если ихъ не будутъ угнетать семейныя тягости, а вмѣстѣ съ тѣмъ борьба будетъ вестись болѣе смѣло. Женщины, освобожденныя отъ естественнаго рабства плодовитости, будутъ раздѣлять радостно борьбу за освобожденіе рядомъ съ своими товарищами. Въ хозяйствахъ появится немного больше довольства, и женщина съ мужчиной, примиренные любовью, добровольно бездѣтные, двинутся вмѣстѣ къ будущему строю благосостоянія и свободы.

Синдикальный Комитетъ.»

Подобныя заявленія должны, навѣрное, страшно возмущать Бебеля и многихъ другихъ соціалдемократовъ, видящихъ въ примѣненіи «искусственныхъ средствъ» для ограниченія дѣторожденія «величайшее общественное бѣдствіе». Бебель сходится въ данномъ случаѣ съ Л. Н. Толстымъ, хотя вообще ихъ взгляды на половую жизнь совершенно противоположны.

Еще въ 1886 г. въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Такъ что же намъ дѣлать?» Толстой писалъ, что

«всякая женщина, какъ бы она не одѣвалась, какъ бы не называла себя, какъ бы ни была утончена, если она, не воздерживаясь отъ половыхъ сношеній, воздерживается отъ дѣторожденія, — блядь*) »

*) Толстой для выраженія своего негодованія не нашелъ ничего лучше кабацкаго ругательства. Ругательство это считается «непечатнымъ», но мы не могли его выкинуть, буквально цитируя Толстого по изданію чертковскаго «Свободнаго Слова».

Не менѣе рѣзко по тому же вопросу высказался Толстой и въ 1901 г. въ отвѣтъ на просьбу Чертковыхъ дать свой отзывъ объ англійской книжкѣ, пропагандирующей нео-мальтузіанизмъ.

«Книжку просмотрѣлъ. Писать объ этомъ и возражать нельзя, какъ нельзя возражать на то, что человѣкъ будетъ доказывать, что пріятно и безвредно совокупленіе съ трупами. Человѣку, который не чувствуетъ того, что чувствуютъ слоны, что совокупленіе вообще есть актъ, унижающій и себя, и сообщницу, и потому отвратительный, въ которомъ человѣкъ отдаетъ невольную дань своей животности и который искупляется только тѣмъ, что исполняетъ ту цѣль (дѣторожденіе), для которой непреодолимая въ извѣстное время потребность этого отвратительнаго, унизительнаго акта вложена въ его природу, — такому человѣку, несмотря на свою способность разсуждать, стоящему на уровнѣ животнаго, невозможно объяснить и доказать этого. Не говорю уже о лживости мальтузіанства, которое соображенія объективныя (да еще ложныя) кладетъ въ основу дѣла нравственности, всегда субъективнаго. Не говорю и о томъ, что между убійствомъ, умерщвленіемъ плода и этимъ пріемомъ нѣтъ качественнаго различія.

Простите: стыдно и отвратительно серьезно говорить про это. Надо говорить и думать о томъ, какая извращенность или тупость нравственнаго чувства могла привести къ этому. И не спорить съ ними, а лѣчить ихъ. Ну, право, русскій безграмотный, пьяный мужикъ, вѣрящій въ «пятницу», который съ ужасомъ отнесся бы къ такому поступку и который всегда на актъ совокупленія смотритъ, какъ на грѣхъ, — стоитъ неизмѣримо выше людей, прекрасно пишущихъ и имѣющихъ дерзость приводить философію въ подтвержденіе своей дикости».

Слова, какъ видите, очень сильныя и, какъ мы увѣренны, вполнѣ искреннія, но тѣмъ не менѣе огромному большинству думающихъ правдивыхъ людей они не покажутся убѣдительными. Убѣдительнымъ могъ бы показаться развѣ только авторитетъ слона въ виду его огромныхъ размѣровъ, но, судя по примѣчанію редакціи изданій «Свободнаго Слова», слонъ отно-

сится къ половымъ отношеніямъ иначе, чѣмъ Толстой и его совершенно не поддерживаетъ.

«Естествоиспытатели — гласитъ примѣчаніе ред. «С. С.» — замѣтили, что слоны отличаются чрезвычайною умѣренностью въ половыхъ отношеніяхъ, а въ неволѣ и особенной застѣнчивостью въ этомъ отношеніи.»

Но развѣ «умѣренность» и «застѣнчивость» въ половыхъ отношеніяхъ равносильно съ отвращеніемъ къ нимъ? Намъ кажется, что «умѣренность» и «застѣнчивость» въ половыхъ сношеніяхъ скорѣе свидѣтельствуютъ объ отношеніи къ половому акту, какъ къ чему то серьезному, важному, цѣнному и въ высшей степени интимному, а потому укрывающемуся отъ постороннихъ глазъ.

Для Толстого половой актъ — грѣхъ, паденіе, мерзость; рожденіе ребенка — искупленіе или наказаніе за этотъ грѣхъ или паденіе.

Мы же вмѣстѣ со многими сознательными пролетаріями дошли до такой «извращенности или тупости нравственнаго чувства», что смотримъ на половой актъ, объединяющій въ одномъ порывѣ страсти два чистыхъ любящихъ другъ друга существа, какъ на великую радость жизни.

Эта радость имѣетъ смыслъ, имѣетъ значеніе и помимо рожденія ребенка. Рожденіе ребенка, какъ слѣдствіе любви двухъ разумныхъ существъ, новая еще сильнѣйшая радость жизни, а совсѣмъ не искупленіе или наказаніе.

Фактически ребенокъ является результатомъ одного полового акта, но въ сознаніи родителей, онъ — результатъ всей ихъ длительной любви, въ извѣстные моменты достигающей интенсивности интимныхъ объятій.

Любовь къ ребенку вытекаетъ изъ любви супруговъ и укрѣпляетъ ее. При другихъ равныхъ условіяхъ союзъ любви, порождающій дѣтей, большее счастіе, большая радость, чѣмъ союзъ любви бездѣтный, но и этотъ послѣдній можетъ быть счастіемъ, радостью, можетъ быть «нравственнымъ», т. е. можетъ способствовать развитію и повышенію личности каждаго изъ супруговъ.

Конечно, объятія могутъ быть отвратительными, мо-

гутъ быть мерзостью, но это можетъ быть лишь тогда, когда, напр., они совершаются безъ взаимной любви, когда, напр., мужчина тѣмъ или другимъ способомъ принуждаетъ женщину «отдаваться» ему, но это немыслимо при свободномъ союзѣ свободной любви.

Рожденіе ребенка великая радость и для матери, и для отца, но *не при всѣхъ условіяхъ*. Могутъ быть условія, при которыхъ это рожденіе — великое горе, великое несчастіе и для матери, и для отца, и таковы условія, въ которыхъ нарождается въ настоящее время большинство пролетаріевъ. Пока эти условія не будутъ измѣнены соціальной революціей, успѣхъ неомальтузіанизма неизбѣжно будетъ возрастать, не смотря на всѣ «филиппики» противъ него Бебеля и Толстого.

Сознательная работница или сознательный рабочій, навѣрное, найдутъ вполнѣ «естественнымъ», не отказываясь отъ любовныхъ объятій, стремленіе къ которымъ, какъ указываетъ Толстой, иногда бываетъ непреодолимымъ, воспрепятствовать зарожденію ребенка, котораго они не въ силахъ воспитать здоровымъ и который ихъ горькую нужду сдѣлаетъ еще болѣе горькой. И намъ кажется, что обязанность каждаго врача указать супругамъ безвредное для ихъ здоровья средство, препятствующее зарожденію «нежеланныхъ» дѣтей. Говорить въ данномъ случаѣ о «противоестественности«, какъ это дѣлаетъ Бебель, также безполезно, какъ и о «грѣхѣ», какъ это дѣлаетъ Толстой.

Что такое «естественность»? Для человѣка самымъ естественнымъ является создать себѣ условія жизни согласно своимъ разумнымъ желаніямъ, властвовать надъ «природой», а не подчиняться ей, очищать путь отъ «случайностей», а не быть ихъ игрушкой, «игрушкой судьбы».

Разъ человѣкъ достигъ возможности не имѣть дѣтей, когда онъ не хочетъ ихъ имѣть, онъ естественно будетъ пользоваться этой возможностью.

Въ соціалистическомъ обществѣ, гдѣ продукты будутъ распредѣляться по потребностямъ, гдѣ беременная женщина будетъ пользоваться особымъ уваженіемъ и самымъ внимательнымъ уходомъ, гдѣ всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ будетъ предоставлены одина-

ково благопріятныя условія для физическаго и духовнаго развитія, въ соціалистическомъ обществѣ рѣдкая женщина не захочетъ быть матерью, но и съ другой стороны и рѣдкая женщина захочетъ имѣть больше 3-хъ, 4-хъ дѣтей. Такъ, что и въ будущемъ обществѣ, вѣроятно, люди не обойдутся безъ нео-мальтузіанизма, но ни проповѣдывать его, ни возмущаться имъ никто не станетъ.

IV

Стремясь устранить вообще угнетеніе и эксплоатацію человѣка человѣкомъ, сознательный пролетаріатъ стремится устранить въ частности также угнетеніе и эксплуатацію дѣтей родителями, но это не значитъ, чтобы онъ хотѣлъ ослабить между ними семейную связь взаимной любви. Семью разрушаетъ капитализмъ, а не соціализмъ, который, напротивъ, даетъ могучій толчекъ развитію *здоровыхъ* семейныхъ началъ. Вводя всеобщее общественное воспитаніе и обученіе дѣтей, пролетарскій соціализмъ отнюдь не уничтожаетъ этимъ воспитанія семейнаго, отнюдь не устраняетъ нерѣдко столь благотворнаго для дѣтей вліянія любящей матери и любящаго отца. Свободное отъ школьныхъ занятій время дѣти будутъ проводить съ своими родителями въ своихъ семьяхъ, и у родителей пролетарскаго общества будетъ несравненно больше, чѣмъ у родителей современныхъ, и времени, и охоты, и знаній для занятій, бесѣдъ прогулокъ и т. д. со своими дѣтьми. Современныя закрытыя учебныя заведенія и пріюты со всею ихъ скрытою мерзостью исчезнутъ, но образуются открытыя дѣтскія колоніи подъ руководствомъ любящихъ дѣтей воспитателей для сиротъ и для дѣтей, почему-нибудь оставленныхъ родителями или освобожденныхъ отъ ихъ доказанной жестокости.

Посѣщеніе общественныхъ школъ будетъ для всѣхъ дѣтей обязательно, и въ этихъ школахъ всѣ дѣти будутъ поставлены въ одинаково благопріятныя условія для ихъ развитія, при чемъ, конечно, будетъ приниматься во вниманіе индивидуальныя особенности и склонности дѣтей.

Уже и при современномъ строѣ сознательный пролетаріатъ выставляетъ требованіе *«обязательнаго посѣщенія общественныхъ и народныхъ школъ.»*

Это требованіе надо строго отличать какъ отъ требованія «обязательнаго образованія», такъ и отъ требованія «общедоступнаго образованія».

«Обязательное образованіе» предполагаетъ, что каждый ребенокъ получаетъ извѣстный минимумъ образованія дома, въ одной частной школѣ, или въ одной изъ школъ общественныхъ, которыя могутъ быть очень различными.

«Общедоступное образованіе» предполагаетъ, что имѣется достаточное количество школъ, въ которыя могутъ посылать своихъ дѣтей всѣ родители, желающіе *(но не обязанные)* дать имъ образованіе.

«Обязательное посѣщеніе общественной народной школы» предполагаетъ, что всѣ родители обязаны посылать своихъ дѣтей въ общественныя школы, устроенныя на однородныхъ основахъ, независимо отъ того даютъ-ли они своимъ дѣтямъ еще какое-нибудь образованіе или нѣтъ.

Опредѣленное число часовъ въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ или опредѣленнаго возрастнаго періода всѣ дѣти всѣхъ родителей должны обучаться вмѣстѣ въ одинаковыхъ общественныхъ школахъ.

Сознательный пролетаріатъ всегда требовалъ и требуетъ именно «обязательнаго посѣщенія общественной народной школы».

«Обученіе должно быть цѣльнымъ, т. е. одновременно теоретическимъ и практическимъ, и слѣдовательно *равнымъ для всѣхъ и общимъ для всѣхъ.»* Такъ писалъ Де-Папъ въ своемъ докладѣ брюссельскому конгрессу Интернаціонала и въ этомъ случаѣ онъ несомнѣнно являлся выразителемъ убѣжденій всего сознательнаго пролетаріата.

«Обязательнаго посѣщенія общественной народной школы» требовали всѣ извѣстныя программы нѣмецкой соціалдемократіи, требуетъ его и программа эрфуртская.

«Обязательство посѣщать школы—говоритъ Шенланкъ въ своемъ оффиціальномъ коментаріи къ эрфуртской программѣ — должно быть расширено въ обязательство посѣщать народную школу. *Если всѣ дѣти*

независимо отъ положенія ихъ родителей принуждены будутъ посѣщать одну и ту же школу, тогда народная школа дѣйствительно будетъ заслуживать своего названія.»

Въ этомъ отношеніи въ нѣмецкой соціалдемократіи царитъ полное единодушіе. И всякій разъ, какъ на ея съѣздахъ или въ ея печати заходитъ рѣчь о народной школѣ, непремѣнно подчеркивается, что посѣщеніе ея должно быть обязательно для всѣхъ дѣтей.

Такъ, напримѣръ, на Бременскомъ партейтагѣ при общемъ одобреніи Ланге заявилъ:

«Въ резолюціи Линдемана (о коммунальной политикѣ) главнѣйшимъ упущеніемъ является отсутствіе требованія *единой народной школы*. Во всѣхъ нашихъ коммунальныхъ программахъ содержится это требованіе, и всѣ настоящіе педагоги стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Мы должны требовать единой народной школы, и только въ томъ случаѣ, если всѣ дѣти будутъ посѣщать ту же самую школу, и богатые станутъ относиться съ интересомъ къ этой народной школѣ.»

Противъ этого никто не возражалъ, а Линдеманъ объяснилъ опущеніе тѣмъ, что этотъ вопросъ разрѣшенъ въ партійной программѣ.

На соціалдемократической женской конференціи, предшествовавшей Бременскому партейтагу, Клара Цеткина въ своемъ по-истинѣ превосходномъ рефератѣ о «школьномъ вопросѣ» выяснила значеніе единой обязательной школы въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Во главу нашихъ реформаторскихъ требованій въ пользу народной школы мы ставимъ требованіе единства и безплатности всего обученія отъ дѣтскаго сада до университета. *Основой должна быть обязательная элементарная школа, которую должны посѣщать всѣ дѣти независимо отъ класса и мошны ихъ родителей.* Тамъ дѣти должны получить столь достаточное духовное развитіе, должны быть на столько снабжены знаніемъ и общимъ образованіемъ, чтобы ко времени выбора профессіи они вступали въ жизнь хорошо духовно вооруженными и для своего дальнѣйшаго образованія нуждались бы только въ общеобразовательныхъ курсахъ (Fortbildungsschule), обязательныхъ для всѣхъ, не переходящихъ для дальнѣйшаго образованія въ среднія школы...»

«Если каждый ребенокъ можетъ получить элементарное образованіе *только* въ народной школѣ, то и господствующіе классы станутъ ею интересоваться и по заботятся о болѣе высокихъ ассигновкахъ для лучшей ихъ постановки, о введеніи лучшихъ способовъ преподованія, объ устраненіи фальсификаціи знанія и т. д. Лишь тогда, когда ребенокъ рабочаго человѣка будетъ сидѣть въ единой школѣ рядомъ съ ребенкомъ богатаго фабриканта, лишь тогда, когда буржуазія должна будетъ посылать въ эту школу свою плоть и кровь, лишь тогда она выступитъ въ пользу реформы не достаточнаго, полнаго пробѣловъ народнаго образованія. (Возгласы: совершенно вѣрно!).»

Какое значеніе единая обязательная школа будетъ имѣть *въ пролетарскомъ обществѣ*, правильно указываетъ Каутскій въ своей «Соціальной революціи.»

«Конечно — пишетъ онъ — побѣдоносный пролетаріатъ не можетъ, какъ бы радикально онъ не былъ настроенъ, сразу уничтожить всѣ классовыя различія, такъ какъ они являются результатомъ тысячелѣтняго развитія и ихъ послѣдствія нельзя стереть, какъ стираютъ съ доски мѣловые штрихи. Но въ этомъ направленіи предварительную работу можетъ совершить школа, она можетъ очень существенно помочь устраненію классовыхъ различій тѣмъ, что всѣ дѣти будутъ одинаково питаться и одѣваться, одинаковымъ образомъ обучаться, одинаково получать возможность для всесторонняго развитія своихъ духовныхъ и физическихъ способностей».

Всѣ эти доводы въ пользу «единой обязательной для всѣхъ школы», видимо, совершенно недоступны русскимъ интеллигентамъ соціалдемократическаго и соціалистическо-революціоннаго лагеря. Ни въ программѣ «Искры», ни въ программѣ «Революціонной Россіи» нѣтъ требованія обязательнаго посѣщенія единой народной школы. На «невиданномъ съѣздѣ» никто о ней даже не заикнулся. Это требованіе имѣется лишь въ проектѣ программы «Жизни», но и въ организаціи «Жизни» оно прошло лишь благодаря случайности (въ общемъ несчастной), именно выходу изъ организаціи двухъ ея членовъ во время обсужденія проекта программы.

«Обязательность посѣщенія народной школы» нѣ-

которымъ русскимъ интеллигентамъ представляется «насиліемъ надъ личностью» и они требуютъ лишь общедоступности образованія, не видя, что этимъ они поддерживаютъ совсѣмъ не свободу личности, а произволъ невѣжественныхъ и своекорыстныхъ родителей надъ дѣтьми.

Сторонники обязательнаго образованія, но не обязательнаго посѣщенія школы ссылаются тоже на свободу родителей, не замѣчая, что въ дѣйствительности здѣсь можетъ быть рѣчь лишь о привилегіи незначительнаго меньшинства, о привилегіи буржуазіи, такъ какъ для массы населенія, для всего пролетаріата и всего бѣднаго крестьянства обязательное обученіе равнозначуще съ обязательнымъ посѣщеніемъ народной школы, такъ какъ ни дома, ни въ частныхъ образцовыхъ школахъ они своихъ дѣтей учить не могутъ.

Требуя обязательнаго посѣщенія общественной школы, сознательный пролетаріатъ требуетъ въ то же время, чтобы не только обученіе было даровымъ, но чтобы и учебныя пособія выдавались всѣмъ дѣтямъ безплатно. Мало того. Онъ требуетъ, чтобы всѣ дѣти получали въ школѣ даромъ пищу и одежду.

«Искра» хочетъ, чтобы одеждой и учебными пособіями снабжались *только бѣдныя дѣти*.

Оффиціальный органъ латышской соціалдемократіи назвалъ подобное выдѣленіе бѣдныхъ дѣтей «оскорбительнымъ, недемократичнымъ и даже реакціоннымъ.»

«Неужели — писалъ онъ — составители-соціалдемократы уже въ школѣ желаютъ установить разницу между дѣтьми *богатыхъ* и *бѣдныхъ*? По нашему мнѣнію, какъ посѣщеніе первоначальной школы, такъ и даровая пища, даровая одежда, и даровыя учебныя пособія должны быть обязательны для всѣхъ дѣтей. Только тогда дѣйствительно всѣ будутъ сыты и одѣты, ибо имущіе не будутъ стремиться сокращать суммы на содержаніе учениковъ, а, главное, будетъ уничтожено это унизительное и оскорбительное для бѣдныхъ раздѣленіе дѣтей на богатыхъ и бѣдныхъ.»

На «невиданномъ съѣздѣ» представитель Бунда Либеръ, которому, видимо, хорошо понятна пролетарская психологія, предлагалъ вычеркнуть изъ программы слово «бѣдныхъ» и требовать даровыхъ учебниковъ, пищи и одежды для всѣхъ вообще дѣтей, но

большинство осталось вѣрно Мартову, вступившемуся за «бѣдныхъ» съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ онъ вступился и за «благотворительность».

«Для соціалиста и революціонера — сказалъ онъ — не можетъ быть обидно, что есть бѣдные и богатые. Для слезоточивыхъ демократовъ этотъ фактъ нужно замазать. Дѣти бѣдныхъ рабочихъ все равно будутъ знать, что они бѣдные. Соціалистическія партіи Запада, вводившіе этотъ пунктъ въ свои программы не боялись подчеркивать, что есть бѣдные и богатые, и не считали его деталью.»

Апломбу, какъ всегда, много, но «замазыванье факта», «слезоточивость» и даже «соціалистическія партіи»; подчеркивающія въ пунктѣ о школѣ дѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ, все это — истерическая выдумка господина Мартова, умѣющаго не только «урѣзывать истину» (по свидѣтельству Плеханова), но и прирѣзывать ложь. И Мартову-ли, которому его товарищи печатно выдали свидѣтельство, если не о бѣдности, то объ истеричности и котораго Плехановъ отнесъ къ категоріи «скандальныхъ женъ» называть «слезоточивыми демократами» такихъ пролетаріевъ, какъ редакторъ латышскаго «Соціалдемократа»?!

Не отнесетъ-ли Мартовъ къ «слезоточивымъ демократамъ», желающихъ замазать фактъ существованія бѣдныхъ, представителей политическихъ и экономическихъ рабочихъ организацій Англіи (въ томъ числѣ Соціалдемократической федераціи), которые на «національной конференціи труда», засѣдавшей въ январѣ 1905 г. въ Лондонѣ, принявъ во вниманіе самолюбіе несостоятельныхъ родителей, подчеркнули необходимость даровой пищи для *всѣхъ* дѣтей въ школахъ, а не только для бѣдныхъ?

Не отнесетъ-ли онъ къ «слезоточивымъ демократамъ» членовъ нѣмецкой соціалдемократической партіи, которая требуетъ даровыхъ пособій, пищи и одежды для всѣхъ дѣтей, а не только для бѣдныхъ?

Какъ программа германской соціалдемократіи (эрфуртская), такъ и программа австрійской соціалдемократіи (вѣнская) требуютъ безплатности учебныхъ пособій для всѣхъ дѣтей. Вѣнская программа прямо говоритъ: «Безплатность учебныхъ пособій и пищи (Verpflegung) въ народныхъ школахъ для *всѣхъ* дѣтей.»

Наконецъ лондонскій международный соціалистическій конгрессъ въ своей резолюціи «о воспитаніи» подчеркиваетъ требованіе устройства въ школахъ ежедневнаго общаго обѣда *«безъ различія между бѣдными и богатыми»*.

Да, нужно имѣть... апломбъ, чтобы ссылаться на соціалистическія партіи Запада, подчеркивающія дѣленіе дѣтей въ школахъ на бѣдныхъ и богатыхъ!

«Безплатность обученія является — говорятъ противники—вторженіемъ въ священнѣйшія родительскія права, разрушаетъ нравственныя основы семейной жизни. Ничего подобнаго; оно — матерьяльная необходимость, оно—культурная необходимость, оно—элементарная нравственная обязанность общества, которое покоится на крѣпкомъ фундаментѣ труда рабочаго населенія. Здѣсь дѣти народа будутъ имѣть возможность пріобрѣтать, наблюдать и увеличивать культурныя богатства. Способный сынъ народа, котораго пламенное стремленіе къ образованію толкаетъ на крутую стезю, ведущую въ рай знанія не долженъ быть вынужденъ подниматься по столь колючей и каменистой дорогѣ милости, стипендій. Ибо стипендіи выпадаютъ на долю лишь небольшому числу и не всегда самымъ способнымъ и достойнымъ. Ибо принятіе милостыни убиваетъ способности, способствуетъ внѣшней дрессировкѣ, портитъ характеръ, создаетъ продажныхъ слугъ, создаетъ рабскія души вмѣсто свободныхъ мыслителей. Въ концѣ концовъ путь милостыни въ дѣлѣ образованія ведетъ къ созданію послушной духовной стражи для буржуазнаго общества...

Точно также, какъ обученіе, безплатными должны быть и учебныя пособія. Не въ видѣ милости, не путемъ особой просьбы, не изъ скудныхъ фондовъ должны получаться эти средства, нѣтъ, *всякій ученикъ долженъ получать ихъ по праву, какъ солдатъ получаетъ ружье и форму.*

Къ безплатности учебныхъ пособій должно прибавить и безплатность школьныхъ обѣдовъ, такъ какъ на обязаности общества лежитъ содержаніе изъ общественныхъ средствъ питомцевъ ея учебныхъ и образовательныхъ заведеній.»

Автора этихъ строкъ, ясно говорящихъ противъ выдѣленія бѣдныхъ дѣтей въ категорію пользующихся

даровыми учебными пособіями и пищей, Мартовъ, навѣрное, причислитъ къ «слезливымъ демократамъ», если Плехановъ не шепнетъ ему во время, что это — извѣстная нѣмецкая соціалдемократка Клара Цеткина.

Школы отъ низшихъ до высшихъ должны быть общими для всѣхъ и въ смыслѣ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, юношей и дѣвушекъ.

Мы можемъ здѣсь повторить то, что писали по этому поводу въ № 1 нелегальной «Жизни» въ замѣткѣ о «Свободной школѣ».

Сближеніе половъ на почвѣ разумнаго труда, разумныхъ занятій вызываетъ взаимное уваженіе, уравновѣшиваетъ характеры и облегчаетъ установленіе между мужчиной и женщиной простыхъ и дружескихъ отношеній. Само собой разумѣется, что и среди преподавателей не должно быть никакого различія въ положеніи мужчинъ и женщинъ.

«Совмѣстное обученіе и равноправность женщины съ мужчиной въ области обученія и воспитанія — говоритъ Клара Цеткина въ упомянутомъ бременскомъ рефератѣ (1904 г.)—является необходимостью, имѣющей большое значеніе; это будетъ способствовать устраненію нездороваго, искусственнаго, чрезмѣрно повышеннаго въ отношеніи половъ, что особенно замѣчается въ періодъ наступленія зрѣлости».

Въ основу системы обученія и воспитанія желательныхъ пролетаріату школъ долженъ быть положенъ *трудовой принципъ*. Обученіе должно быть, по возможности тѣсно связано съ производительнымъ трудомъ.

Разумѣется количество работы и гигіеническія условія ея должны быть таковы, чтобы способствовать укрѣпленію здоровья, а не вредить ему.

Отдыхомъ могутъ служить совмѣстныя игры, но, конечно, не военныя упражненія, противъ которыхъ мы высказываемся самымъ рѣшительнымъ образомъ. Религіознымъ догматамъ и религіозной морали не мѣсто въ школахъ, желательныхъ пролетаріату; это ясно изъ того, что мы говорили въ IX-ой главѣ о религіи вообще; но изученіе исторіи религіи, изученіе такихъ культурныхъ памятниковъ, какъ библія, спеціально евангеліе, должно занять въ планѣ школьныхъ занятій не послѣднее мѣсто. Объективное преподаваніе

исторіи религіи лучше всего предохранитъ юношей и дѣвушекъ отъ религіознаго мистицизма, не говоря уже о томъ, что незнаніе, напр., библіи дѣлаетъ почти недоступной широкую область искуства, созданнаго на почвѣ христіанства.

Входить въ подробности постановки преподаванія и воспитанія въ пролетарской школѣ мы здѣсь не будемъ.

Многіе лучшіе завѣты такихъ педагоговъ, какъ Амосъ Каменскій и Дистервегъ, завѣты, оставшіеся пустымъ звукомъ для міра буржуазнаго, найдутъ себѣ полное осуществленіе въ мірѣ пролетарскомъ.

Таковъ завѣтъ Амоса Коменскаго: «Всеобщее обраваніе всѣхъ рожденныхъ людьми, ко всему человѣческому.»

Слѣдуя завѣтамъ Дистервега, пролетарская школа поставитъ въ основу обученія не вѣру въ авторитеты, а самостоятельное мышленіе.

«Привычка къ пассивному повиновенію, къ слѣпому подчиненію приказу высшихъ, однимъ словомъ, авторитету, это — превосходная школа для деспотизма противъ подчиненныхъ и для рабьяго чувства по отношенію къ повелителямъ. Предверьемъ къ этой привычкѣ вѣрить является ничто иное, какъ одуреніе... Авторитетъ, или вѣра въ авторитеты — такова истинная причина медленности прогресса и даже остановки его и регресса. Авторитетъ и свободное мышленіе, изслѣдованіе — вещи несовмѣстимыя. Кто поэтому ставитъ въ главу угла авторитетъ, тотъ принципіальный, сознательный врагъ развитія и прогресса, тотъ прирожденный реакціонеръ».

Да не забудетъ этихъ прекрасныхъ словъ Дистервега русскій борющійся пролетаріатъ!

Подводя итоги всему сказанному въ этой главѣ, мы можемъ свести требованія пролетаріата въ области брака, семьи и школы къ слѣдующимъ краткимъ положеніямъ:

Признаніе брака свободнымъ союзомъ съ устраненіемъ узаконенія его церковнымъ или гражданскимъ порядкомъ.

Отмѣна регламентаціи проституціи.

Обязательное посѣщеніе первоначальной обществен-

ной школы съ обязательнымъ техническимъ образованіемъ и работами на образцовыхъ фермахъ и въ образцовыхъ мастерскихъ. Безплатное пользованіе всѣми общественными учебными заведеніями и научными пособіями. Обязательныя общія трапезы для всѣхъ дѣтей, посѣщающихъ народную школу. Устраненіе преподаванія религіозныхъ догматовъ и религіозной морали въ общественныхъ школахъ.

Глава XII.

Рабочее законодательство.

I.

«Рабочее законодательство», какъ все вообще законодательство, повсюду выражаетъ среднюю волю господствующаго класса или буржуазіи. Государственная власть, какъ исполнительница буржуазной воли, издавая законы, регламентирующіе трудъ, дѣлаетъ это въ интересахъ капиталистовъ, въ интересахъ развитія капитализма, но тѣмъ не менѣе въ конечномъ подсчетѣ рабочее законодательство служитъ интересамъ пролетаріата и соціализма. Воля буржуазіи, конечно, не свободна. Среди условій, опредѣляющихъ въ данномъ случаѣ ея волю. самымъ важнымъ является рабочее движеніе, которое, какъ мы видѣли, почти совпадаетъ съ движеніемъ стачечнымъ. Въ крупной промышленности и крупныхъ предпріятіяхъ рабочіе стачками вырываютъ у отдѣльныхъ капиталистовъ уменьшеніе рабочаго дня и вообще улучшеніе условій труда; уступившіе капиталисты стремятся тогда къ обобщенію этихъ уступокъ, къ распространенію ихъ на всѣхъ предпринимателей путемъ законодательства. Иногда всеобщія стачки воздѣйствуютъ на законодательную волю буржуазіи и непосредственно. Буржуазія, какъ цѣлое, находитъ выгоднымъ «успокоить» рабочихъ, принудивъ путемъ закона часть капиталистовъ улучшить условія труда. Такъ, напр., всеобщая стачка австрійскихъ углекоповъ въ 1900 г. принудила австрійскую буржуазію издать законъ, ограничивающій работу въ копяхъ 9-ю часами, Вѣроятно, и все-

общая стачка германскихъ углекоповъ, происходящая въ настоящее время (январѣ 1905 г.) въ Вестфаліи, заставитъ германскую буржуазію издать рядъ законовъ, нѣсколько стѣсняющихъ произволъ углепромышленныхъ компаній по отношенію къ рабочимъ. Точно также всеобщія стачки, какъ ураганъ, проносящіяся теперь по Россіи, если и не сметутъ царизмъ, то во всякомъ случаѣ дадутъ могучій толчекъ развитію русскаго рабочаго законодательства, которое вообще, можно сказать, почти «создано» рабочими «безпорядками».

Но, если брать рабочее законодательство во всемъ его развитіи во всѣхъ странахъ, то рабочее движеніе является не единственнымъ условіемъ, побуждающимъ буржуазію къ законодательной «охранѣ труда». Не сдерживаемая законами капиталистическая эксплуатація съ такою безпощадностью расточаетъ рабочую силу всего трудящагося пролетаріата, что это становится прямо невыгоднымъ классу капиталистовъ, взятому въ цѣломъ. Обезсиленный, вырождающійся пролетаріатъ не въ состояніи создавать высокую «прибавочную цѣнность», не въ состояніи выдѣлять необходимыхъ для успѣшности производства «обученныхъ» рабочихъ (механиковъ, электротехниковъ и т. д.), не въ состояніи быть хорошимъ солдатомъ, морякомъ, не въ состояніи однимъ словомъ служить развивающемуся капитализму и неразрывно связанному съ нимъ милитаризму. Понятно поэтому, что наиболѣе предпріимчивый слой капиталистовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ стремится улучшить «условія труда». Это улучшеніе никогда не вредитъ развитію капитализма, никогда не останавливаетъ роста капитала въ его цѣломъ, но мелкимъ, слабымъ предпріятіямъ оно нерѣдко наноситъ смертельный ударъ, дѣлая ихъ окончательно неспособными конкуррировать съ предпріятіями крупными. Не даромъ лодзинскіе фабриканты, какъ наиболѣе «просвѣщенные» и сильные, были у насъ сторонниками законодательнаго ограниченія рабочаго дня.

Между рабочимъ законодательствомъ и развитіемъ техники существуетъ несомнѣнное взаимодѣйствіе. Развитіе техники требуетъ болѣе здоровыхъ, болѣе смышленныхъ и внимательныхъ рабочихъ, съ другой стороны рабочее законодательство, повышая цѣну «ра-

бочихъ рукъ», ограничивая дѣтскій трудъ, требуя различныхъ приспособленій для огражденія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и отъ болѣзней, поощряетъ техническую изобрѣтательность, а, главное, повторяемъ, ускоряетъ поглощеніе слабыхъ и отсталыхъ предпріятій сильными и «передовыми».

Рабочее законодательство и вообще улучшеніе условій труда (уменьшеніе рабочаго времени, повышеніе заработной платы и т. д.) далеко не совпадаютъ, но между ними тоже существуетъ взаимодѣйствіе. Уступки, которыхъ добиваются рабочіе отъ хозяевъ, непосредственно вызываютъ соотвѣтствующіе законы по «охранѣ труда» и, наоборотъ, рабочее законодательство нерѣдко служитъ исходнымъ пунктомъ для борьбы рабочихъ и для завоеванія новыхъ уступокъ.

Какъ вообще улучшеніе условій труда, такъ въ частности и рабочее законодательство, являются такимъ образомъ необходимыми спутниками капиталистическаго развитія, правда, не въ первоначальной, а позднѣйшей его стадіи. Они не тормозятъ, а ускоряютъ это развитіе, они не тормозятъ, а ускоряютъ накопленіе и сосредоточеніе богатствъ въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, они, такимъ образомъ, облегчаютъ возможность соціальнаго переворота. Но еще важнѣе для возможности того же соціальнаго переворота, что они подымаютъ уровень рабочаго класса въ физическомъ и духовномъ отношеніи, что они способствуютъ выработкѣ не только хорошихъ производителей, но и хорошихъ борцовъ за освобожденіе рабочаго класса. Разумѣется, и помимо всякаго переворота, и помимо всякой «цѣли», облегченіе участи трудящагося пролетаріата при современномъ строѣ фактъ въ высшей степени положительный, вещь въ высшей степени желательная.

Такимъ образомъ, если безъ рабочаго законодательства не можетъ обойтись капиталистическая буржуазія, стремящаяся къ «накопленію богатствъ», то оно въ то же время важно и выгодно въ лучшемъ значеніи этого слова трудящемуся пролетаріату. «Выгода» пролетарская, какъ высшая, какъ совпадающая съ интересами человѣчества, и въ этомъ случаѣ поглощаетъ выгоду буржуазную или капиталистическую.

Примѣръ рабочаго законодательства лишній разъ

подтверждаетъ положеніе о неизбѣжномъ превращеніи капитализма въ его противоположность — соціализмъ. Конечно, различное «значеніе» рабочаго законодательства для буржуазіи и для пролетаріата вызываетъ и различное къ нему отношеніе съ ихъ стороны: буржуазія медлитъ, колеблется, старается дать какъ можно меньше и въ формѣ какъ можно болѣе неопредѣленной; пролетаріатъ требуетъ немедленно точныхъ законовъ, ограничивающихъ капиталистическую безпощадность и дающихъ ему самому возможность охранять свою жизнь и здоровье отъ хищническихъ посягательствъ хозяевъ-предпринимателей.

На первое мѣсто онъ выдвигаетъ **сокращеніе рабочаго дня.**

Нечего доказывать, какое огромное значеніе для здоровья и духовнаго развитія рабочихъ имѣетъ уменьшеніе числа часовъ, которые они принуждены отдавать подневольному труду, и соотвѣтствующее увеличеніе числа часовъ, которые они могутъ посвятить отдыху, свободнымъ занятіямъ, общественнымъ интересамъ и пр.

За «норму» давно уже берутся 8 часовъ.

«Eight Hours to Work, Eight Hours to Play,
Eight Hours to Sleep, Eight Shillings a Day»

«Восемь часовъ работы, восемь часовъ игры,
Восемь часовъ сна, восемь шиллинговъ*) въ день».

Таково традиціонное желаніе англійск : о рабочаго таковъ его давнишній «идеалъ». Англійскій рабочій любитъ ссылаться при этомъ на короля Альфреда, царствовавшаго въ Англіи болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ. Про короля Альфреда исторія или вѣрнѣе легенда разсказываетъ, что онъ 8 часовъ работалъ, 8 часовъ предавался удовольствіямъ и 8 часовъ спалъ, заповѣдавъ своимъ подданнымъ слѣдовать тому же правилу. Завѣты короля Альфреда — легендарны, но за то вполнѣ достовѣрны «статуты», которыми различные англійскіе короли и королевы по требованію нарождающагося капитализма старались удлинить рабочій день и по возможности отучить рабочихъ и отъ отдыха, и отъ сна.

*) Шиллингъ — 50 коп.

Такихъ статутовъ издано не мало за время съ XIV столѣтія до второй половины XVIII ст.

Къ концу XVIII ст. статуты, удлиняющіе рабочій день, сдѣлались излишними, такъ какъ капиталистическая экспропріація создала массу свободныхъ рабочихъ, которымъ предоставлялся свободный выборъ между тюрьмой, рабочимъ домомъ и фабрикой. Англійскія тюрьмы и рабочія дома были въ то время такъ страшны, что многіе предпочитали «зарабатываться до смерти» на фабрикахъ и заводахъ. Но, главное, та же капиталистическая экспропріація «создала» массу нищихъ дѣтей, которыхъ родители и въ особенности приходы, обязанные печься о нихъ, продавали фабрикантамъ. Сотни тысячъ этихъ дѣтей были изуродованы и замучены до смерти работой на фабрикахъ, въ копяхъ, работой безъ отдыха и сна.

Въ исторіи человѣчества записано не мало массовыхъ истязаній и убійствъ беззащитныхъ человѣческихъ существъ, истязаній и убійствъ, которыя нельзя назвать звѣрствами, такъ какъ «царству животныхъ», царству звѣрей неизвѣстны подобныя гнусныя жестокости.

Варѳоломеевская ночь, кишиневская рѣзня, петербургскій разстрѣлъ и пр. и пр.! Но всѣ эти жестокіе «дни» не могутъ по своей гнусности сравниться съ десятками лѣтъ медленнаго умерщевленія дѣтей на англійскихъ фабрикахъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

Что значитъ легендарное «избіеніе младенцевъ» царемъ Иродомъ по сравненію съ этимъ «историческимъ избіеніемъ младенцевъ» царемъ Капиталомъ съ его парламентомъ, неприкосновенностью личности и проч.!?

Но не смотря на всѣ эти капиталистическіе ужасы освободительное рабочее движеніе, этотъ истинный Спаситель, этотъ истинный Мессія зарождается и появляется на свѣтъ.

Начинается упорная и долгая борьба за уменьшеніе рабочаго дня. На знамени рабочаго движенія стоитъ идеальный 8-ми часовой рабочій день, но фактически борьба ведется лишь за ограниченіе рабочаго дня женщинъ и подростковъ десятью часами *).

*) Исторія этой борьбы изложена К. Марксомъ въ VIII гл. I т. «Капитала».

Въ 1847 г. парламентъ былъ, наконецъ, принужденъ принять законъ, ограничивающій работу подростковъ (отъ 13—18 лѣтъ) и всѣхъ женщинъ, десятью часами. Еще раньше прошли законы, запрещавшіе фабричный трудъ дѣтей до 9 лѣтъ и ограничивающіе рабочее время дѣтей отъ 9 до 13 лѣтъ $6^1/_2$ часами.

Понятно, что ограниченіе продолжительности женскаго и дѣтскаго труда, косвенно заставило хозяевъ ограничить рабочее время и взрослыхъ мужчинъ.

Во всякомъ случаѣ эти законы сильно ослабили конкурренцію на рабочемъ рынкѣ, сдѣлали взрослыхъ рабочихъ болѣе необходимыми фабрикантамъ и въ связи съ отвоеванной свободой союзовъ и стачекъ помогли англійскимъ рабочимъ во многихъ отрасляхъ производства добиться къ концу XIX вѣка «идеальнаго» восьмичасового рабочаго дня. Но на ряду съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ въ нѣкоторыхъ производствахъ часть рабочихъ продолжаютъ работать 11, 12 и даже больше часовъ.

Въ однихъ только австралійскихъ колоніяхъ, дѣйствительно, господствуетъ восьмичасовой рабочій день.

Рабочіе, которые явились сюда уже закаленные классовой борьбой въ Англіи, благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ для нихъ условій (недостатку рабочихъ рукъ, демократическому строю и пр.), довольно быстро и *сравнительно* легко добились *фактическаго* установленія восьмичасового рабочаго дня, но *по закону* рабочій день ограниченъ восьмью часами только для женщинъ и подростковъ.

Вообще *законодательное* ограниченіе рабочаго времени *взрослыхъ рабочихъ* существуетъ сравнительно въ немногихъ странахъ, и при томъ «норма» значительно превышаетъ 8 часовъ.

Во Франціи февральская республика 1848 г. ограничила рабочій день для всѣхъ рабочихъ 12 часами, но уже въ началѣ 50-хъ годовъ «имперія» въ угоду капиталистамъ «освободила» отъ 12-часовой нормы цѣлый рядъ производствъ. Третья республика съ большимъ трудомъ послѣ 30 лѣтъ своего существованія согласилась ограничить рабочій день для всѣхъ рабочихъ, работающихъ въ предпріятіяхъ, пользующихся женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, десятью часами. Въ Швейцаріи рабочій день взрослыхъ рабочихъ ограни-

ченъ 11 часами; въ Россіи $11^1/_2$ часами. Въ Германіи ограниченія рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ совершенно не существуетъ; трудъ же женщинъ ограниченъ 11 часами, трудъ подростковъ — 10 часами. Въ Бельгіи по закону предприниматели даже женскимъ и дѣтскимъ трудомъ могутъ пользоваться 12 часовъ въ день.

Въ Австріи только трудъ углекоповъ законъ ограничиваетъ 9 часами; для другихъ категорій ограниченіе рабочаго дня 11 часами распространяется только на женщинъ и подростковъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что законодательство не только отсталыхъ, но и самыхъ передовыхъ странъ еще очень далеко отъ признанія той «нормы», которая казалась естественной королю Альфреду болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ или за которую во всякомъ случаѣ высказался Робертъ Оуэнъ около 100 лѣтъ тому назадъ.

При отсутствіи законодательнаго ограниченія рабочаго дня для *взрослыхъ* мужчинъ или при недостаточности этого ограниченія, пролетаріатъ не только въ различныхъ странахъ, но въ одной и той же странѣ, въ одной и той же отрасли производства, иногда въ одномъ и томъ же предпріятіи пользуется далеко не равнымъ для всѣхъ его членовъ свободнымъ временемъ: въ то время, какъ нѣкоторымъ рабочимъ приходится работать въ день лишь 8 часовъ и даже меньше, другіе принуждены еще работать 12, 13 и даже болѣе часовъ; при этомъ заработокъ работающихъ ежедневно менѣе продолжительное время обыкновенно выше заработка работающихъ болѣе продолжительное время. Это не можетъ, конечно, оставаться безъ пагубнаго вліянія на солидарность рабочаго класса. Для поясненія можно привести печальный примѣръ англійскаго «національнаго союза углекоповъ», который въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія велъ агитацію противъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня 8-ью часами. Эта агитація противниками рабочаго класса приводилась и приводится какъ доказательство того, что сами рабочіе не хотятъ «государственнаго вмѣшательства» въ условія ихъ труда; но въ дѣйствительности эта агитація показываетъ лишь, что и къ рабочимъ иногда примѣнима пословица: «сытый голоднаго не разумѣ-

етъ», что и въ рабочей средѣ идетъ борьба индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ, иногда совершенно затемняющая классовое самосознаніе и отодвигающая на задній планъ общую борьбу за общій интересъ всего класса.

Подкладка этой агитаціи такова.

„«Національный» союзъ углекоповъ — разсказываетъ Бернштейнъ*), — состоитъ изъ организованныхъ углекоповъ провинцій Дургемъ и Нортумберлендъ и Кливлендскаго округа Іоркшира. Большинство его членовъ, больше двухъ третей, составляетъ ассоціація дургемскихъ углекоповъ, насчитывающая 40.000 чел., но въ нее входятъ только углекопы въ тѣсномъ значеніи этого слова, вспомогательные же рабочіе, занятые въ тѣхъ же дургемскихъ шахтахъ, принадлежатъ къ другому союзу — «Федераціи углекоповъ». Затѣмъ слѣдуетъ ассоціація нортумберлендскихъ углекоповъ съ 15.000 членовъ и наконецъ, кливлендская съ 5000 членовъ. Въ угольныхъ промыслахъ Дургема и Нортумберленда господствуютъ при этомъ совершенно своеобразныя отношенія. Для шахтеровъ, выламывающихъ уголь, имѣются двѣ дневныхъ смѣны, каждая въ 7 часовъ считая съ начала спуска до конца подъема, что составляетъ немного болѣе 6 часовъ дѣйствительной работы. Такимъ образомъ этимъ рабочимъ максимальный 8-мичасовой рабочій день ненуженъ. Они добились болѣе короткаго рабочаго времени безъ закона, «свободнымъ соглашеніемъ съ работодателями». Но для рабочихъ, откатывающихъ руду и пр., между которыми много мальчиковъ и юношей, существуетъ лишь *одна* смѣна, и она продолжается *десять* или *одиннадцать* часовъ; ни одинъ углепромышленный округъ въ Англіи не показываетъ такихъ низкихъ среднихъ чиселъ для продолжительности работы углекоповъ въ тѣсномъ значеніи слова и такихъ высокихъ среднихъ цифръ для вспомогательныхъ рабочихъ, какъ Дургемъ и Нортумберлендъ и ни въ одномъ другомъ округѣ нѣтъ такого большого процента рабочихъ въ *юношескомъ* возрастѣ.

Предприниматели высчитали, что для полнаго использованія рабочей силы вспомогательныхъ рабочихъ

*) «Die Neue Zeit», 1890/91, № 35.

необходимо, чтобы ломка угля начиналась на часъ или на два раньше и кончалась на столько же позже остальной работы; но въ виду того, что заставить такъ долго работать углекоповъ (въ тѣсномъ значеніи слова) было совершенно невозможно, предприниматели по собственному почину «свободно согласились» на двѣ короткихъ смѣны. Длинное рабочее время вспомогательныхъ рабочихъ является основой для короткаго рабочаго времени углекоповъ въ собственномъ значеніи слова. *Отсюда* протестъ этихъ послѣднихъ противъ установленія максимальной границы въ восемь часовъ для *всѣхъ* рабочихъ, занятыхъ въ шахтахъ. Они боятся, что такой законъ сдѣлаетъ ихъ короткія смѣны не достаточно выгодными для предпринимателей и поэтому они вмѣстѣ съ ними борются противъ закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.»

Бернштейнъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «подобные протесты» рабочихъ «въ соціальнополитическомъ отношеніи имѣютъ не больше цѣнности, чѣмъ протесты привилегированныхъ кастъ противъ законовъ, которые грозятъ нарушить выгоды, вытекающія изъ ихъ привилегій.»

Съ «подобными протестами» соціалдемократія, какъ представительница интересовъ всего рабочаго класса считаться, конечно, не можетъ. Временной «выгодѣ» той или другой небольшой группы рабочихъ законъ, ограничивающій работу всѣхъ рабочихъ 8-ью часами, можетъ не соотвѣтствовать, но онъ несомнѣнно соотвѣтствуетъ интересамъ рабочаго класса, какъ цѣлаго, и особенно большое значеніе онъ имѣетъ для рабочихъ неорганизованныхъ, рабочихъ наиболѣе эксплоатируемыхъ; во всякомъ случаѣ онъ долженъ способствовать уравненію и объединенію всего трудящагося пролетаріата.

Какое громадное значеніе ограниченію продолжительности рабочаго дня придавалъ «Интернаціоналъ», видно изъ того, что его Женевскій конгрессъ 1866 г. въ одной изъ своихъ резолюцій призналъ эту реформу «условіемъ, безъ котораго всѣ другія стремленія пролетаріата къ своему освобожденію должны окончиться неудачей.» Эта реформа, по мнѣнію конгресса, необходима, чтобы «возстановить тѣлесную энергію и здоровье рабочаго класса, чтобы обезпечить ему возмож-

ность духовнаго развитія, соціальной и политической дѣятельности».

Законъ, по мнѣнію конгресса, долженъ запретить во всѣхъ производствахъ для всѣхъ рабочихъ работу свыше 8 часовъ въ день, при чемъ эти 8 часовъ должны приходиться на опредѣленный періодъ дня, охватывая, какъ 8 часовъ работы, такъ и перерывы, необходимые для принятія пищи.

Первый изъ новѣйшихъ международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ, Парижскій 1889 года, точно также счелъ себя обязаннымъ принять резолюцію, требующую рабочаго законодательства, причемъ на первое мѣсто поставилъ 8-ми часовой рабочій день. Къ сожалѣнію, это требованіе формулировано довольно неопредѣленно.

Въ «постановленіяхъ и порядкахъ дня» международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ, оффиціально изданныхъ «международнымъ соціалистическимъ бюро»*) Парижскому конгрессу 1889 года приписываются двѣ резолюціи о рабочемъ законодательствѣ, при чемъ требованія, выставленыя въ нихъ, значительно другъ отъ друга отличаются.

Въ нѣмецкомъ протоколѣ этого конгресса имѣется только одна резолюція, и откуда взялась вторая понять мудрено**).

Резолюція, помѣщенная и въ нѣмецкомъ протоколѣ, требуетъ «установленія рабочаго дня самое большое въ 8 часовъ для *молодыхъ рабочихъ*.»

Та же резолюція на французскомъ языкѣ (въ «постановленіяхъ и порядкахъ дня», изданныхъ международнымъ бюро) требуетъ «ограниченія рабочаго дня до максимума въ 8 часовъ *для взрослыхъ* (pour les adultes)».

Наконецъ, въ резолюціи, помѣщенной только въ «постановленіяхъ и пр.» требуется «максимальный 8-мичасовой рабочій день, *установленный международнымъ закономъ*.»

---

*). На русскомъ языкѣ это изданіе вышло въ «Библ. Русскаго Пролетарія» № 2.

**) Возможно, что она была принята на «побочномъ» конгрессѣ, засѣдавшемъ въ Парижѣ одновременно съ главнымъ, но тогда это слѣдовало въ изданіи «Бюро», по крайней мѣрѣ, оговорить.

Разница между тремя текстами очень значительна. Въ первомъ случаѣ законъ распространяется только на «молодыхъ рабочихъ», во второмъ на всѣхъ вообще взрослыхъ, въ третьемъ требуется непремѣнно «международный» законъ, ограниченіе же рабочаго дня «національнымъ» законодательствомъ признается, по видимому, не желательнымъ. Хорошо, конечно, если 8-ми часовой день установленъ будетъ «международнымъ закономъ», но, пока-что, пролетаріи каждой страны не откажутся и отъ «національнаго ограниченія».

Не достаточно точны въ этомъ важномъ пунктѣ и многія программы соціалистическихъ партій.

Эрфуртская программа требуетъ «установленія нормальнаго рабочаго дня, не превышающаго восьми часовъ». Для кого? Для всѣхъ-ли работающихъ во всѣхъ отрасляхъ труда, въ предпріятіяхъ всѣхъ размѣровъ или нѣтъ?

Вопросъ—не праздный въ виду множества исключеній, которыя дѣлаютъ даже сторонники «нормальнаго 8-ми часового рабочаго дня».

Не даромъ вѣнская программа австрійской соціалдемократіи требуетъ «восьмичасового максимальнаго рабочаго дня *безъ оговорокъ и безъ исключеній*».

Существенное исключеніе дѣлаетъ искровская программа, требуя 8-ми часового рабочаго дня только для *наемныхъ* рабочихъ.

Редакція латышскаго «Соціалдемократа» очень основательно протестовала противъ этого суженія «охраны труда».

«Составители проекта программы—писалъ латышскій «Соціалдемократъ» тотчасъ послѣ опубликованія искровскаго проекта — требуютъ 8-ми часового рабочаго дня, но лишь для «наемныхъ» рабочихъ; они запрещаютъ предпринимателямъ пользоваться трудомъ дѣтей, — но опять таки только «наемныхъ».*) Даже санитарнаго надзора требуютъ только въ предпріятіяхъ, употребляющихъ «наемный» трудъ.

Подобное ограниченіе составителями навѣрное

*) Въ этомъ случаѣ съѣздъ, по настоянію антиискриста Махова, выбросилъ слово «наемныхъ». Такимъ образомъ въ своемъ окончательномъ видѣ программа «Искры», по крайней мѣрѣ, не санкціонируетъ безпощадной эксплуатаціи *ремесленныхъ учениковъ*

сдѣлано изъ политики, дабы не отпугнуть мелкихъ производителей, которые не могутъ обойтись безъ воскреснаго труда, которые работаютъ 14—15 часовъ въ сутки и не въ состояніи соблюдать санитарныхъ условій. Но намъ кажется, что именно у мелкихъ и кустарныхъ промышленниковъ больше всего эксплуатируется дѣтскій и женскій трудъ и если-бы общество, по плану редакцій «Искры» и «Зари», ограничило бы эксплуатацію рабочихъ только на большихъ фабрикахъ, а оставило бы безъ вниманія мелкихъ и кустарныхъ производителей, число «наемныхъ рабочихъ» сильно сократилось бы, но за то безчеловѣчная эксплуатація труда женъ и дѣтей рабочихъ сильно бы увеличилась въ антисанитарныхъ помѣщеніяхъ мелкихъ производителей. Поэтому намъ кажется, что охрану рабочаго класса нужно распространить не только на наемныхъ рабочихъ, но и на рабочихъ вообще, во всѣхъ предпріятіяхъ.»

Эти правдивыя слова не произвели, конечно, на господъ Мартовыхъ никакого впечатлѣнія: для Мартовыхъ все это не болѣе, какъ «слезливость» демократовъ!

Партія соціалистовъ-революціонеровъ требуетъ въ своемъ проектѣ сокращенія рабочаго времени не просто, а «по-ученому»*).

Партія обѣщаетъ «отстаивать: возможно большее сокращеніе рабочаго времени *въ предѣлахъ прибавочнаго труда;* установленіе законодательнаго максимума рабочаго времени *сообразно нормамъ указываемымъ научною гигіеной (въ ближайшее время* — 8-ми часовая норма для большинства отраслей производства и соотвѣтственно меньшая въ болѣе опасныхъ и вредныхъ для здоровья).»

Заботу о соблюденіи «предѣловъ прибавочнаго труда» можно было предоставить господамъ капиталистамъ!

Ссылку на «указанія научной гигіены» тоже можно отбросить! Въ Англіи во время борьбы изъ-за «десятичасового билля» находились врачи, которые, опира-

*) Весь проектъ программы Соц.-Рев. составленъ такъ, что въ немъ трудно разобраться обыкновенному рабочему или крестьянину, а вѣдь, партія стремится завоевать широкія народныя массы.

ясь на свои научныя знанія, увѣряли комиссію «Верхней палаты», что для дѣтскаго организма не вредно работа въ теченіе 16, 17, 18 и даже 23 час. въ сутки.

«Такъ какъ вы — спросилъ предсѣдатель комиссіи одного такого ученаго эксперта—выражаете сомнѣніе, чтобы ребенку была вредна 23 часовая работа, то не сомнѣвастесь ли вы также во вредѣ 24-хъ часовой работы?»

«Я не въ состояніи—отвѣчалъ ученый экспертъ—указать границу ниже 24 часовъ. Необычайные факты побудили меня сомнѣваться въ правильности общихъ мѣстъ, приводимыхъ для доказательства вреда подобной работы.»

Рабочіе требуютъ восьмичасового рабочаго дня независимо отъ «научной гигіены», они требуютъ его, между прочимъ, и для того, чтобы имѣть свободное время для занятій общественными дѣлами, для самообразованія и т. д. Восьмичасовой рабочій день внесенъ въ программу требованій пролетаріата не «научной гигіеной», а вѣковой борьбой рабочаго класса.

Было бы лучше, если бы вмѣсто разныхъ ученыхъ привѣсокъ проектъ программы С.-Р. опредѣленно сказалъ, требуется-ли распространеніе законодательнаго ограниченія рабочаго времени на сельскохозяйственныхъ рабочихъ, «служащихъ», прикащиковъ, прислугу и т. д.?

Среди ученыхъ и не ученыхъ очень распространено «убѣжденіе», что сельское хозяйство «не терпитъ» ограниченія рабочаго времени: въ «страду» приходится работать, не считаясь съ часами и пр. При этомъ забывается, что все зависитъ отъ количества рабочихъ: если необходимо работать не 8, а 16 часовъ, то можно установить двѣ смѣны. При хорошей платѣ и человѣческомъ обращеніи «рабочихъ рукъ» и въ деревнѣ найдется достаточно.

Любопытно, что еще въ 1848 г. въ Мекленбургѣ, вслѣдствіе возстанія сельскохозяйственныхъ батраковъ, было закономъ введено ограниченіе рабочаго времени для всѣхъ рабочихъ, въ томъ числѣ и сельскохозяйственныхъ.

Намъ кажется, что требованіе законодательнаго ограниченія рабочаго времени во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній должно быть формулировано такъ:

Максимальный восьмичасовой рабочій день для всѣхъ категорій рабочихъ, въ томъ числѣ и сельскохозяйственныхъ, а также для служащихъ въ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, прикащиковъ и домашней прислуги.

Независимо отъ ограниченія продолжительности рабочаго дня сознательный пролетаріатъ требуетъ обезпеченія закономъ праздничнаго отдыха. До послѣдняго времени соціалистическія программы обыкновенно требовали 36 часового недѣльнаго минимума. Но теперь успѣхи рабочаго движенія даютъ возможность выставить требованіе уже 42 часоваго недѣльнаго отдыха. Сознательный пролетарій желаетъ, по крайней мѣрѣ, 42 часа въ недѣлю быть безпрерывно хозяиномъ своего времени. Желательно, конечно, чтобы всѣ пролетаріи могли отдыхать, могли праздновать одновременно, но это не вполнѣ достижимо, такъ какъ врядъ-ли возможна полная пріостановка *всѣхъ* работъ, *всякаго* передвиженія и пр. на 42 часа каждую недѣлю, а, если и возможна, то нежелательна для тѣхъ же пролетаріевъ, такъ какъ полная пріостановка всякой работы лишила бы ихъ возможности пользоваться въ свободное время «завоеваніями культуры», хотя бы, напр., желѣзными дорогами. Но огромное большинство рабочихъ могли бы праздновать одновременно, меньшинству же пришлось бы чередоваться, и одну недѣлю пользоваться отдыхомъ въ воскресенье, а другую, положимъ, въ четвергъ и т. д. Но 42 часа безпрерывнаго отдыха долженъ имѣть каждый.

Всюду, гдѣ установленъ закономъ максимальный рабочій день, предприниматели въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имъ «неудобенъ», стараются обойти его «сверхурочными работами», которыя обыкновенно допускаются любезными законодателями «для исключительныхъ случаевъ». Отрѣзать этотъ обходный путь для нарушенія закона возможно только *совершеннымъ запрещеніемъ сверхурочныхъ работъ.*

На дѣтскій, юношескій и отчасти женскій организмъ фабрично-заводская работа, какъ это доказано массою безспорныхъ фактовъ, дѣйствуетъ несравненно вреднѣе, чѣмъ на организмъ взрослыхъ мужчинъ; поэтому для дѣтей, подростковъ и женщинъ требуется особая охрана противъ капиталистической безпощадности.

Было время, когда пятилѣтнія и шестилѣтнія малютки замучивались до смерти работой на фабрикахъ и въ копяхъ; въ настоящее время почти нѣтъ «цивилизованной страны, гдѣ бы не запрещалось предпринимателямъ пользоваться трудомъ малолѣтнихъ на фабрикахъ, заводахъ и въ копяхъ. По подъ малолѣтними въ разныхъ странахъ понимаются дѣти разнаго возраста. Въ Италіи запрещается работа дѣтей, лишь не достигшихъ 9-ти лѣтъ. Въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Россіи, Швеціи, Норвегіи, Голландіи и Люксембургѣ требуется исполненія 12 лѣтъ для допущенія къ фабрично-заводскому труду. Въ Германіи—13 лѣтъ, но кромѣ того въ Германіи запрещается пользованіе трудомъ дѣтей, обязанныхъ посѣщать школу, а во всѣхъ германскихъ государствахъ, за исключеніемъ Баваріи, дѣти обязаны посѣщать школу до 14 лѣтъ. Въ Австріи и Швейцаріи прямо требуется исполненіе 14 лѣтъ.

Любопытно, что «Интернаціоналъ» на Женевскомъ конгрессѣ 1866 г. высказался за необходимость привлекать дѣтей къ производительной работѣ, *начиная съ 9 лѣтъ*.

Въ этомъ постановленіи отразилось очень распространенное мнѣніе, что хорошимъ, ловкимъ, выносливымъ рабочимъ можетъ быть лишь тотъ, кто привыкъ производительно трудиться съ ранняго возраста. Въ этомъ мнѣніи, можетъ быть, и заключается доля правды, но, разумѣется, пріучать дѣтей къ производительному труду должна образцовая школа съ образцовыми мастерскими, опытными полями и т. д., а не современная фабрика, убивающая или «въ лучшемъ случаѣ» калѣчащая дѣтскій организмъ.

При современныхъ условіяхъ производства чѣмъ позже попадаетъ ребенокъ на фабрику, тѣмъ лучше и для него, и для всего пролетаріата. Помимо убійственнаго вліянія фабрики на дѣтскій организмъ, въ пользу запрещенія дѣтскаго труда говоритъ и то, что онъ оплачивается очень низко и, конкурируя съ трудомъ взрослыхъ рабочихъ, понижаетъ ихъ заработную плату.

Парижскій конгрессъ 1889 г. требовалъ запрещенія работы дѣтей, не достигшихъ 14 лѣтъ. Ту же возрастную границу указываетъ большинство соціалъ-демократическихъ программъ (Эрфуртская, Вѣнская

и др.), но намъ кажется, что сознательный пролетаріатъ могъ бы въ данномъ случаѣ не преувеличивать умѣренность своихъ требованій и пойти нѣсколько дальше законодательствъ швейцарскаго и австрійскаго, требуя полнаго запрещенія работы лицъ обоего пола до 16 лѣтъ и ограничивая работу подростковъ отъ 16—18 лѣтъ шестью часами.

Противъ особой регламентаціи женскаго труда возстаютъ не только многіе капиталисты, но и нѣкоторыя ярыя «феминистки», т. е. сторонницы полной равноправности мужчинъ и женщинъ. Запрещеніе женщинамъ работать на равнѣ съ мужчинами, т. е. столько же и при тѣхъ же условіяхъ, противорѣчитъ, молъ, принципу равноправности половъ и мѣшаетъ окончательной женской эмансипаціи! Почтенныя дамы забываютъ, что при настоящемъ строѣ существуетъ не право работать, а право пользоваться работой другихъ, это — во-первыхъ, а во-вторыхъ, что только на долю женщины, а не на долю мужчины выпадаетъ беременность, роды, кормленіе ребенка и что во всѣ эти періоды фабрично-заводская работа не только убійственно вредна для женщины, но и для ребенка съ момента его зачатія до отнятія отъ груди... Феминистки не могущественнѣе англійскаго парламента, и точно также не могутъ сдѣлать изъ женщины мужчину.

Сознательный пролетаріатъ не требуетъ полнаго запрещенія фабрично-заводскаго труда женщинъ, но онъ требуетъ освобожденія женщинъ отъ тѣхъ работъ, которыя спеціально вредны для женскаго организма, онъ требуетъ, чтобы ребенокъ пролетарій не калѣчился современнымъ капиталистическимъ производствомъ еще до появленія на свѣтъ, и этимъ требованіемъ онъ лучше служитъ дѣлу освобожденія женщины, чѣмъ феминистки съ ихъ требованіемъ права женщины предоставлять себя эксплуатировать также безпощадно, какъ эксплуатируются мужчины. Право болѣе слабого существа получать столь же сильный ударъ, какъ и существа болѣе сильнаго! Вотъ суть равноправности половъ въ области современнаго фабрично-заводскаго труда, которую требуютъ феминистки, нерѣдко считающія себя при этомъ соціалистками.

«Но—скажутъ намъ—здѣсь дѣло идетъ о правѣ на заработокъ; ограничивая женскій трудъ, вы ограничи-

заете ея заработокъ, вы обрекаете ее на голодную смерть.»

Ничуть не бывало! Совсѣмъ напротивъ! Ограниченіе женскаго труда ослабляетъ конкуренцію на рабочемъ рынкѣ, усиливаетъ спросъ на мужскую болѣе дорогую рабочую силу, повышаетъ способность къ сопротивленію всего рабочаго класса, и въ результатѣ женщина-работница при меньшей затратѣ силъ и здоровья получаетъ большій заработокъ, чѣмъ при отсутствіи всякой регламентаціи женскаго труда.

Кромѣ того сознательный пролетаріатъ долженъ требовать закона, который сохранялъ бы за женщиной заработокъ въ теченіе того времени, когда она не можетъ безъ опасности для себя или для ребенка продолжать работать, а именно въ извѣстныя періоды беременности и извѣстное время послѣ родовъ.

Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства женскій трудъ долженъ быть совсѣмъ запрещенъ, въ другихъ онъ долженъ быть запрещенъ въ извѣстные періоды беременности *).

Всего лучше, если бы законъ точно указывалъ тѣ производства, въ которыхъ женскій трудъ допускается, запрещая его во всѣхъ остальныхъ; это лучшій способъ воспрепятствовать обходу закона.

Ночной трудъ долженъ быть совершенно запрещенъ для *всѣхъ* женщинъ. Для мужчинъ ночной трудъ можетъ быть допущенъ лишь въ возрастѣ свыше 18 лѣтъ.

Еще Женевскій конгрессъ «Интернаціонала» постановилъ, что женскій ночной трудъ долженъ быть безусловно и строго запрещенъ. Конгресъ вообще принципіально высказался противъ ночного труда всѣхъ вообще рабочихъ, но онъ призналъ необходимость нѣкоторыхъ исключеній, *которыя должны быть точно указаны въ законѣ.*

Такого рѣшенія вопроса о ночномъ трудѣ должны бы требовать всѣ соціалистическія программы.

Каждое новое исключеніе пришлось бы проводить законодательнымъ порядкомъ, а это сопряжено, конечно, не съ малыми затрудненіями; и техники по-

*) См. объ этомъ у Бебеля въ его книгѣ «Женщина и Соціализмъ», стр. 259-265 нашего перевода. «Библ. Русск. Пролет.» № 26.

старались бы найти способы въ новыхъ отрасляхъ производства обойтись безъ ночного труда.

Удачной, впрочемъ, надо признать формулировку этого пункта и въ программѣ «Искры», которая для «исключеній» требуетъ «одобренія рабочихъ организацій».

Вредъ ночной работы могутъ представить себѣ даже свѣтскія дамы, которымъ послѣ «сезона баловъ», во время котораго они обыкновенно ночью танцуютъ, а днемъ спятъ, приходится лечиться, возстановлять разшатанные нервы, ѣздить на «воды» и т. д.

Для пролетарія нѣтъ, увы, возможности ни возстановлять нервы, ни лечиться какъ слѣдуетъ, ни ѣздить на «воды», онъ «долженъ» работать, работать и работать! Дайте же ему немного ночного покоя, ночного сна!

II

Вполнѣ устранить вредное вліяніе фабрично-заводского труда на здоровье рабочихъ при современномъ буржуазномъ строѣ невозможно, но рабочіе могутъ заставить и, дѣйствительно, заставляютъ хозяевъ чаще всего черезъ посредство законодательства принимать мѣры для ослабленія этого вреднаго вліянія и вводить различныя приспособленія для огражденія жизни и здоровья рабочихъ отъ массы опасностей, сопряженныхъ съ работой на фабрикахъ, заводахъ, въ шахтахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д.

Нѣкоторыя производства, при которыхъ рабочимъ приходится вдыхать ядовитые газы или пары, или вообще медленно отравлять себя, слѣдовало бы вовсе запретить, пока не будетъ пріобрѣтенъ безопасный способъ приготовленія данныхъ продуктовъ, большей частью имѣющихъ очень незначительную *культурную* цѣнность. Но, если и не идти такъ далеко, то все же необходимо требовать, чтобы при существованіи двухъ способовъ производства какого нибудь продукта, способа болѣе вреднаго и менѣе вреднаго, первый былъ бы безусловно запрещенъ, хотя бы онъ и былъ болѣе дешевымъ. Надо пожалѣть, что этого простого, яснаго и крайне необходимаго требованія нѣтъ ни въ одной программѣ.

Но еще важнѣе установленіе гражданской отвѣтственности хозяевъ за полную или частичную потерю рабочими способности къ труду вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или вредныхъ условій производства.

Подобная отвѣтственность должна прекрасно «поощрять» хозяевъ вводить усовершенствованные и болѣе безопасные способы производства.

Необходимо, конечно, чтобы законъ о гражданской отвѣтственности примѣнялся бы надлежащимъ образомъ, для чего необходимо между прочимъ, чтобы рабочіе не были обязаны доказывать, что потеря ими полной или частичной работоспособности произошла по винѣ хозяина.

Въ *проектѣ* программы «Искры» имѣлось соотвѣтствующее требованіе, формулированное довольно удачно, но программная комиссія невиданнаго съѣзда нашла почему-то нужнымъ вычеркнуть его, но за то къ государственному страхованію на случай старости прибавить государственное страхованіе на случай полной или частичной потери способности къ труду.

Подобная мѣра гораздо меньше «поощряетъ» хозяевъ къ введенію приспособленій, необходимыхъ для огражденія здоровья и жизни рабочихъ, чѣмъ гражданская отвѣтственность каждаго отдѣльнаго хозяина въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Правда, окончательная программа «Искры» требуетъ, чтобы это «государственное страхованіе» производилось «за счетъ спеціальнаго фонда (охъ, ужъ эти «спеціальные фонды»!), составленнаго путемъ особаго налога на капиталистовъ»; но все же этотъ налогъ не будетъ наиболѣе недобросовѣстнымъ хозяевамъ съ наиболѣе убійственными способами производства такъ чувствителенъ, какъ непосредственная гражданская отвѣтственность, какъ принужденіе обезпечить семью каждаго погибшаго при работѣ рабочаго и уплатить каждому пострадавшему при работѣ рабочему капиталъ, соотвѣтствующей потерянной рабочей силы*). При строгомъ

*) Если, напримѣръ, рабочій, получавшій 1 р. въ день при несчастномъ случаѣ совершенно потеряетъ способность работать, то хозяинъ долженъ уплатить ему сумму, средній государственный процентъ съ которой составляетъ 1 рубль въ день. Считая всѣхъ рабочихъ дней въ году 300 и беря 4% годовыхъ, мы получимъ $7\frac{1}{2}$ тыс. рублей.

проведеніи закона о такой гражданской отвѣтственности увѣчья и профессіональныя заболѣванія быстро и значительно сократились бы.

Правда, мелкія и отсталыя предпріятія были бы разорены и уничтожены, но это—*тѣмъ лучше.*

Любопытно, что «Искра» въ номерѣ отъ 1 сентября 1903 г., когда «невиданный съѣздъ», вѣроятно, уже подходилъ къ концу, если не окончился, расхваливаетъ исчезнувшій изъ программы пунктъ о гражданской отвѣтственности, ставя его въ примѣръ неудовлетворительному русскому закону «о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ.» «Искра» хвалила и хвалитъ себя очень часто, но это былъ едва-ли не единственный случай, когда она хвалила себя какъ-будто основательно, но и тутъ вышло —недоразумѣніе.

Пролетаріату важно огражденіе не только своей жизни и здоровья отъ «несчастныхъ случаевъ», но и своего достоинства отъ хозяевъ и ихъ прикащиковъ. Разумѣется, здѣсь наиболѣе дѣйотвителенъ и цѣлесообразенъ непосредственный индивидуальный и групповой *отпоръ* оскорбляемыхъ рабочихъ. Каждый пролетарій долженъ брать примѣръ съ ткача Беккера, дающаго надлежащій отпоръ фабриканту Дрейссигеру въ первой сценѣ «Ткачей» Гауптмана.

Но и въ этомъ отношеніи могутъ быть не безполезны нѣкоторыя «законныя запрещенія», изданныя подъ натискомъ борющагося пролетаріата. Законъ, напр., долженъ запретить унизительные обыски, которымъ во многихъ мѣстахъ рабочіе подвергаются при выходѣ съ фабрики. Запрещены должны быть «хозяйскія» наказанія, которыя въ настоящее время сводятся къ наложенію *денежныхъ штрафовъ.* Штрафами (до знаменитой Морозовской стачки и вызваннаго ею закона 1886 года) на нѣкоторыхъ русскихъ фабрикахъ чуть не половина заработной платы возвращалась въ карманы хозяевъ или, вѣрнѣе, оставалась въ нихъ. Теперь хозяйскій произволъ въ этомъ отношеніи нѣсколько сокращенъ, но положить ему конецъ можетъ, конечно, лишь полное запрещеніе хозяевамъ налагать на рабочихъ штрафы и дѣлать какіе-бы то ни было вычеты изъ заработной платы.

Рабочій долженъ заставить хозяина смотрѣть на себя, какъ на равнаго, чего хозяину обыкновенно очень не хочется. Въ этомъ отношеніи хорошую роль могутъ сыграть *промысловые суды, составленные по-ровну изъ выборныхъ представителей хозяевъ и рабочихъ.*

Подобные суды существуютъ далеко еще не во всѣхъ странахъ, и сколько-нибудь серьезную роль они играютъ лишь въ Австралійскихъ колоніяхъ, Германіи и нѣкоторыхъ штатахъ Сѣв. Америки *).

Труднымъ является вопросъ о предсѣдателяхъ промысловыхъ судовъ. Какъ найти въ современномъ обществѣ съ его классовой борьбой людей безпристрастныхъ для разрѣшенія споровъ между рабочими и хозяевами?

Въ Австралійскихъ колоніяхъ предприниматели назначаются правительствомъ изъ высшихъ коронныхъ судей. Въ Германіи ихъ назначаютъ органы самоуправленія, при чемъ требуется, чтобы назначенное лицо не было ни рабочимъ, ни предпринимателемъ.

Промысловые суды дѣйствуютъ довольно удачно, и предсѣдатели оказываются довольно безпристрастными, на сколько дѣло идетъ о разрѣшеніи споровъ и недоразумѣній на чисто юридической почвѣ, т. е. изъ за различнаго пониманія существующихъ рабочихъ законовъ и постановленій, а также заключенныхъ между сторонами договоровъ. Только въ такихъ случаяхъ рѣшенія германскихъ промысловыхъ судовъ имѣютъ обязательный характеръ. Стороны могутъ прибѣгать къ ихъ посредничеству и въ спорахъ на почвѣ чисто экономической (повышенія заработной платы, уменьшенія рабочаго времени и т. д.), но здѣсь ихъ рѣшенія не имѣютъ обязательнаго характера. Серьезные экономическіе конфликты по прежнему разрѣшаются открытой борьбой — стачками, да иначе и быть не можетъ при современномъ строѣ.

Правда, въ Новой Зеландіи съ 1895 года существуетъ законъ, по которому *всѣ* недоразумѣнія, *всѣ*

*) «Искра» (№ 47) ошибается, думая, что «такіе суды существуютъ во *всѣхъ* цивилизованныхъ государствахъ». Въ данномъ случаѣ «ошибка въ фальшъ не ставится», въ большинствѣ случаевъ «ошибки» «Искры» приходится «ставить въ фальшъ».

конфликты между хозяевами и рабочими должны рѣшаться «комитетами примиренія», соотвѣтствующими по своему составу промысловымъ судамъ. Законъ формально устраняетъ стачки, и, дѣйствительно, за послѣдніе годы стачекъ въ Новой Зеландіи не было. Сторонники «гармоніи классовъ» воображаютъ, что Новая Зеландія изобрѣла средство для уничтоженія ненавистныхъ имъ стачекъ при сохраненіи любезнаго имъ капиталистическаго строя.

Въ дѣйствительности примѣръ Новой Зеландіи въ данномъ случаѣ ничего не доказываетъ. Рабочихъ тамъ меньше, чѣмъ въ любомъ промышленномъ округѣ Европы или Америки, и къ моменту изданія закона они добились такихъ условій труда, о которыхъ рабочимъ другихъ странъ приходится еще только мечтать; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тамъ не происходило стачекъ. Законъ объ обязательномъ обращеніи къ суду въ случаѣ недоразумѣній между хозяевами и рабочими, конечно, задерживаетъ возникновеніе мелкихъ стачекъ, но за то въ концѣ концовъ, навѣрное, и въ Новой Зеландіи классовая борьба прорвется хотя и незаконной, но очень внушительной стачкой. Въ другихъ странахъ, менѣе оторванныхъ отъ центровъ капиталистическаго хозяйства, чѣмъ Новая Зеландія, законъ, пытающійся замѣнить стачки обязательнымъ третейскимъ судомъ, съ самаго начала былъ бы, вѣроятно, мертвой буквой, очень живо нарушаемой. Возможно, впрочемъ, что введеніе «обязательности» третейскаго или промысловаго суда при всѣхъ экономическихъ конфликтахъ между трудомъ и капиталомъ на время задержало бы стачечное движеніе въ такихъ странахъ, какъ Англія и Германія, гдѣ буржуазія непосредственно или посредствомъ «рабочихъ вожаковъ» привила рабочимъ массамъ «чувство законности»; но отъ этого дѣло освобожденія рабочаго класса только проиграло бы.

На Лондонскомъ конгрессѣ трэдъ-юніонистовъ въ 1902 г. нѣкоторые рабочіе вожаки предлагали резолюцію въ пользу обязательности третейскихъ или промысловыхъ судовъ для устраненія «промышленныхъ столкновеній», ссылаясь на ново-зеландскій опытъ.

Но огромное большинство организованныхъ англійскихъ рабочихъ отвергло эту резолюцію.

Легенда о необычайно благопріятныхъ для рабочихъ результатахъ ново-зеландскихъ третейскихъ судовъ была разрушена котельщикомъ Каммингсомъ.

— Я переписывался — сказалъ онъ — съ котельщиками Новой Зеландіи, и они мнѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявили, что законъ объ обязательномъ третейскомъ судѣ не принесъ имъ пользы. Рѣшающимъ является голосъ назначеннаго правительствомъ судьи, а судьи полны классовыхъ предразсудковъ и думаютъ, что положеніе рабочихъ *слишкомъ* хорошо!

Свою рѣчь Камминг закончилъ утвержденіемъ, что «обязательный третейскій судъ для рабочихъ союзовъ—смерть.»

Это, можетъ быть, ужъ — слишкомъ сильно, но съ классовой пролетарской точки зрѣнія нельзя желать *обязательныхъ* третейскихъ судовъ для разрѣшенія экономическихъ конфликтовъ между хозяевами и рабочими; что касается до промысловыхъ судовъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ Германіи, то ихъ пользу отрицать врядъ-ли возможно.

Промысловые суды не исключаютъ необходимости такъ называемой **фабричной инспекціи** для наблюденія за строгимъ выполненіемъ предписаній рабочаго законодательства, а также за санитарнымъ состояніемъ не только шахтъ, фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, но и помѣщеній, отводимыхъ предпринимателями рабочимъ.

Названіе «фабричная инспекція» не соотвѣтствуетъ тѣмъ задачамъ, которые должны быть въ интересахъ рабочаго класса возложены на должностныхъ лицъ, контролирующихъ соблюденіе предписаній рабочаго законодательства, уже по одному тому, что рабочее законодательство необходимо распространить на промышленность кустарную, домашнюю, ремесленную и сельско-хозяйственную, а также на торговлю и передвиженіе. Какъ разъ въ производствахъ, стоящихъ внѣ промышленности фабрично-заводской, надзоръ за исполненіемъ предписаній закона всего труднѣе, но въ то же время и всего необходимѣе. Фабричная инспекція уже и теперь постоянно развивается въ *ин-*

спекцію общепромышленную, въ инспекцію всѣхъ отраслей народнаго хозяйства.

Можетъ быть наиболѣе удачнымъ названіемъ было бы — «*рабочая инспекція*», тѣмъ болѣе что пролетаріату слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы она, такъ сказать, исходила отъ рабочаго класса. Въ настоящее время «фабричные инспектора» — повсюду чиновники, назначаемые правительствомъ и хотя они нерѣдко, не въ примѣръ прочимъ чиновникамъ, люди добросовѣстные, но все же — чиновники. Полное довѣріе пролетаріатъ можетъ питать только къ инспекціи, имъ *самимъ выбранной* лучше всего изъ спеціалистовъ: техниковъ и докторовъ. Въ выборахъ могутъ принимать участіе, разумѣется, и предприниматели. Право голоса должно принадлежать всѣмъ работающимъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Важно, чтобы право быть избраннымъ распространялось и на женщинъ, т. е. чтобы на ряду съ инспекторами были *инспектрисы*, которыя лучше, чѣмъ инспектора, могутъ понять многія нужды работницъ.

III

Уменьшеніе продолжительности рабочаго дня обыкновенно ведетъ за собой возрастаніе *интенсивности труда*. Послѣ уменьшенія рабочаго времени развитіе техники усиленно направляется въ сторону такихъ нововведеній и усовершенствованій, которыя заставляютъ рабочаго въ уменьшенное количество времени производить по меньшей мѣрѣ, прежнее количество продуктовъ и вырабатывать для хозяина, по меньшей мѣрѣ, прежнюю прибавочную цѣнность. Но и помимо техническихъ усовершенствованій интенсивность труда при уменьшеніи рабочаго дня часто усиливается, если рабочіе работаютъ *сдѣльно*, т. е. если ихъ трудъ оплачивается не по времени, а по результату его, напр., по числу сотканныхъ аршинъ полотна и если вмѣстѣ съ уменьшеніемъ рабочаго времени не удается добиться высшей сдѣльной платы. Рабочему приходится или «довольствоваться» меньшимъ заработкомъ, а это большей частью равносильно голоду или работать болѣе интенсивно, чѣмъ онъ работалъ раньше,

т. е. въ каждую единицу времени затрачивать соотвѣтственно больше своей рабочей силы.

Въ этомъ отношеніи очень любопытны сообщенія*) директора одного богемскаго желѣзодѣлательнаго завода, гдѣ въ 1892 г. былъ введенъ 8-ми часовой рабочій день. Директоръ могъ констатировать, что рабочіе при 8 часахъ работы зарабатываютъ столько же и даже больше, чѣмъ прежде при 12 часахъ; «разумѣется — прибавляетъ онъ — и производятъ они столько же, такъ какъ сдѣльная плата осталась прежнею».

Конечно, не всегда возможно усилить интенсивность труда: въ нѣкоторыхъ случаяхъ машины работаютъ такъ автоматически, что рабочій не можетъ увеличить количества производимыхъ съ ихъ помощью продуктовъ, какъ бы ни старался онъ интенсировать свой трудъ. Въ этихъ случаяхъ прежній заработокъ можетъ сохраниться лишь въ томъ случаѣ, если сдѣльная плата повысится соотвѣтственно уменьшенію рабочаго времени.

Это, конечно, хорошо понимаютъ рабочіе и, требуя уменьшенія рабочаго дня, напр., на 10%, они обыкновенно, какъ разъ, на столько же требуютъ и повышенія сдѣльной платы.

Они требуютъ и должны требовать повышенія сдѣльной платы и въ тѣхъ случаяхъ, когда машины допускаютъ увеличеніе интенсивности труда, такъ какъ иначе не достигается одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ болѣе короткаго рабочаго дня, а именно сбереженіе части рабочей энергіи для саморазвитія, общественной дѣятельности и т. д. Мало того, есть данныя, показывающія, что совершеніе извѣстной работы въ теченіе болѣе короткаго времени требуетъ большой затраты мускульной и нервной энергіи, чѣмъ совершеніе той же работы въ болѣе продолжительное время. При интенсивномъ трудѣ организмъ изнашивается скорѣе, чѣмъ при трудѣ экстенсивномъ.

Такимъ образомъ, многія выгоды ограниченія рабочаго времени были бы лишь кажущимися, если бы одновременно рабочіе не могли сохранить прежній заработокъ безъ повышенія интенсивности своего труда. Добиться этого гораздо легче и проще при платѣ по-

*) См. Herkner. «Die Arbeiterfrage». 3 Aufl. S. 167—173.

денной (или недѣльной), чѣмъ при платѣ сдѣльной. Хозяева поэтому горячіе сторонники сдѣльной работы, но сознательному пролетаріату слѣдуетъ быть ея послѣдовательнымъ противникомъ *и не только потому*, что при ней труднѣе воспользоваться всѣми преимуществами ограниченія рабочаго дня... Въ послѣднее время нѣкоторые соціалдемократы выступили, правда, на защиту сдѣльной работы. Каутскій хочетъ оставить ее «на другой день послѣ соціальной революціи», Бернштейнъ поетъ ей цѣлый дифирамбъ*), не требуетъ ея отмѣны и программа «Искры», но тѣмъ не менѣе для сознательнаго пролетаріата остается безусловно вѣрнымъ суровое и безусловное осужденіе ея, произнесенное Брюссельскимъ международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ въ 1891 г.

«Конгрессъ — гласитъ резолюція — разсмотрѣвъ:

Что поштучная**) и сдѣльная работа распространяются все болѣе;

Что эта форма заработной платы постоянно увеличиваетъ *эксплуатацію рабочей силы*, а вслѣдствіе этого бѣдность и нищету трудящихся; что она все болѣе и болѣе приводитъ рабочаго къ *состоянію машины*;

Что она способствуетъ пониженію *нормы заработной платы*, порождая между рабочими ожесточенную конкурренцію и устанавливая въ качествѣ мѣрила продуктъ, произведенный самой отборной частью рабочихъ;

Что эта система постоянно является причиной *столкновеній* между хозяевами и рабочими, а также между самими рабочими;

Наконецъ, что слѣдствіемъ, ея является распространеніе во многихъ производствахъ *работы на дому*, вмѣсто работы въ мастерской, что она ослабляетъ *духъ солидарности*, вредитъ рабочимъ *союзамъ*, и дѣлаетъ невозможнымъ *примѣненіе законовъ*, охраняющихъ трудъ;

Конгрессъ считаетъ, что эта чудовищная «*система*

---

*) Socialistische Monatshefte 1804, Avril.

**) Поштучную работу можно разсматривать, какъ частный случай работы сдѣльной. Все, что мы говорили о послѣдней, примѣнимо и къ первой.

надсаживанія» (sistème de surmènage») — неизбѣжное слѣдствіе капиталистическаго строя и исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ;

Что рабочія организаціи всѣхъ странъ также обязаны бороться всѣми средствами противъ развитія этой системы;

Что «потогонная система» (sweating-system) также производитъ гибельныя послѣдствія и что по тѣмъ же соображеніямъ съ ней надо бороться».

«Потогонной системой» называется работа на дому, оплачиваемая поштучно посредниками, берущими у крупныхъ фирмъ подрядъ на доставку извѣстнаго количества продуктовъ, (наприм., готовыхъ платьевъ). Часть заработной платы попадаетъ при этомъ въ карманъ посредника, и чтобы заработать сумму, необходимую для поддержанія своей рабочей силы, работнику или работницѣ, а иногда цѣлой рабочей семьѣ до малыхъ ребятъ включительно, приходится напряженно трудиться въ теченіе 14 и болѣе часовъ, «выжимая изъ себя всѣ соки».

Хозяева вообще придумали не мало «системъ», чтобы по возможности уменьшить расходы на покупку рабочей силы. Особенно извѣстна «Truksystem» или, по просту, выдача заработной платы товарами изъ хозяйской лавочки. Товары при этомъ оцѣниваются такъ же дорого, какъ дешево оцѣнивается рабочая сила. Не мало пришлось рабочимъ выдержать борьбы противъ этого «сверхестественнаго» хищничества, и борьба эта была не безрезультатна; въ нѣкоторыхъ странахъ «Truksystem» запрещена закономъ, повсюду она идетъ на убыль. Пролетаріату необходимо добиться во всѣхъ странахъ закона, требующаго, чтобы заработная плата выдавалась всегда наличными деньгами безъ всякихъ вычетовъ.

Своего рода «системой» является и по возможности рѣдкая выдача заработной платы; рабочему при этомъ приходится жить въ кредитъ, переплачивая за всѣ продукты, а хозяину задержанная плата приноситъ надлежащій процентъ. Законъ долженъ предписать выдачу заработной платы, по крайней мѣрѣ, еженедѣльно и при томъ въ рабочіе часы безъ вычета за время, потерянное при ожиданіи и полученіи разсчета. Послѣднее необходимо, такъ какъ иначе рабо-

чимъ иногда приходится по-долгу стоять у конторы, безполезно теряя тѣ немногіе часы, которые у нихъ остаются отъ работы для разумнаго отдыха.

IV.

Въ своей повседневной борьбѣ рабочіе добиваются не только сокращенія рабочаго времени, но и увеличенія заработной платы. И то, и другое для нихъ одинаково важно. Добиваясь сокращенія рабочаго времени, они заставляютъ законодательство поддерживать ихъ борьбу путемъ запрещенія эксплуатировать рабочую силу свыше опредѣленнаго числа часовъ въ сутки, и совершенно естественно, является вопросъ, нельзя ли заставить законодательство поддержать и борьбу за увеличеніе заработной платы путемъ установленія нормы, ниже которой хозяева не могутъ платить своимъ рабочимъ? Нельзя ли максимальный рабочій день дополнить **минимальной заработной платой?**

Вопросъ этотъ ставится уже давно, и борющіяся рабочія массы давно уже отвѣчаютъ на него утвердительно, но теоретики марксизма относились до сихъ поръ къ вопросу объ установленіи минимума рабочей платы безусловно отрицательно. Но въ настоящее время и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, борющіяся рабочія массы начинаютъ побѣждать теоретиковъ марксизма, заставляя ихъ склоняться на сторону минимума заработной платы.

Такъ, напр., Каутскій присоединяетъ свой голосъ виднаго теоретика марксизма къ сотнямъ тысячамъ голосовъ простыхъ практиковъ-углекоповъ, повсюду все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе требующихъ установленія закономъ минимальной нормы заработной платы въ углекопной промышленности. Въ германскихъ городскихъ собраніяхъ или думахъ соціалдемократы начинаютъ все чаще и чаще выступать съ требованіемъ установленія минимума заработной платы для рабочихъ, нанимаемыхъ или непосредственно городскомъ управленіемъ или подрядчиками, берущими городскіе заказы. Во многихъ англійскихъ городахъ подобный минимумъ заработной платы уже установленъ по требованію представителей рабочаго класса.

Въ предѣлахъ цѣлаго «государства» минимумъ заработной платы введенъ только въ австралійской колоніи Викторіи, и то не во всѣхъ отрасляхъ производства, а лишь бѣлошвейной, сапожной, столярной и хлѣбопекарной. Практика этого частичнаго примѣненія принципа минимума заработной платы еще слишкомъ кратковременна (5-6 лѣтъ) и ограничена слишкомъ небольшимъ райономъ, чтобы ее можно было брать, какъ исходный пунктъ для рѣшенія вопроса о минимумѣ заработной платы. Не здѣсь нужно искать исходнаго и опорнаго пункта, его нужно искать въ практикѣ рабочихъ союзовъ или синдикатовъ, устанавливающихъ такъ называемыя «синдикальныя цѣны», ниже которыхъ не имѣетъ права соглашаться работать ни одинъ членъ синдиката или профессіональнаго рабочаго союза.

Въ Англіи въ настоящее время едва ли не всѣ трэдъюніоны установили обязательный для своихъ членовъ минимумъ заработной платы.

На этомъ пути и долженъ, по нашему мнѣнію, найти себѣ «разрѣшеніе» вопросъ о заработной платѣ при капиталистическомъ строѣ, но необходимо, чтобы законодательство не только признало *полную свободу союзовъ*, но и *обязало каждаго рабочаго* войти въ тотъ или другой рабочій союзъ.

Горячимъ сторонникомъ этого «принужденія» является, между прочимъ, Бебель и, намъ кажется, что онъ въ данномъ случаѣ совершенно правъ.

Разъ всѣ рабочіе будутъ принадлежать къ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ, устанавливающимъ «синдикальныя цѣны», вопросъ о минимумѣ заработной платы разрѣшается самъ собою и наилучшимъ для рабочихъ способомъ. Тогда сдѣлаются излишними и «биржи труда», на сколько подъ ними понимаются учрежденія для посредничества при наймѣ рабочихъ. Частныя посредническія конторы являются одной изъ самыхъ отвратительныхъ язвъ современнаго общества, и во Франціи, гдѣ онѣ особенно распространены, рабочіе въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ вели противъ нихъ самую ожесточенную борьбу, и только въ 1903 г. рядомъ бурныхъ манифестацій, не обошедшихся безъ пролитія рабочей крови, французскимъ рабочимъ удалось заставить палату и сенатъ принять

законъ, по которому городскимъ управленіямъ разрѣшается закрыть всѣ «частныя посредническія конторы», вознаградивъ ихъ владѣльцевъ.

Другое дѣло — посредническія учрежденія, въ управленіи которыхъ принимаютъ участіе представители общинныхъ управленій и рабочихъ союзовъ. Такія «биржи труда» могутъ быть полезны, пока не всѣ рабочіе входятъ въ синдикаты и не всѣ синдикаты держатся обязательныхъ «синдикальныхъ цѣнъ».

Для удержанія завоеваннаго уровня заработной платы сознательные рабочіе во многихъ мѣстахъ, между прочимъ, въ Прибалтійскомъ краѣ считаютъ необходимымъ изданіе закона, «запрещающаго предпринимателямъ пользоваться трудомъ рабочихъ, приглашаемыхъ изъ другихъ мѣстностей, а также арестантскимъ и солдатскимъ за плату ниже той, которые получаютъ мѣстные рабочіе».

Извѣстной пользы такого запрещенія отрицать нельзя.

V.

Правительственные соціалполитики, эти большіе и маленькіе Бисмарки, ужасно любятъ выѣзжать на всевозможныхъ **государственныхъ страхованіяхъ**, отъѣзжая отъ настоящаго рабочаго законодательства; и сознательному пролетаріату нѣтъ никакихъ основаній опрометчиво бросаться вслѣдъ за этими соціалполитиками въ надеждѣ государственнымъ страхованіемъ осуществить «право каждаго человѣка на существованіе».

Пролетаріату слѣдуетъ добиваться не государственнаго страхованія, а своихъ собственныхъ кассъ взаимопомощи на случай болѣзни, немощности, старости, кассъ, стоящихъ въ тѣсной связи съ профессіональными рабочими союзами. Что касается государства, то отъ него нужно прежде всего вырвать полную коалиціонную свободу (свободу союзовъ и стачекъ), затѣмъ дѣйствительную «охрану труда» въ смыслѣ ограниченія рабочаго времени, запрещенія ночной работы и т. п., наконецъ, строгую гражданскую отвѣтственность всѣхъ предпринимателей за смерть, увѣчья,

болѣзни и т. д. рабочихъ, остальное не важно, не важно для революціоннаго сознательнаго пролетаріата, не предполагающаго примиряться съ существующимъ капиталистическимъ строемъ.

Отъ чрезмѣрныхъ увлеченій «государственнымъ страхованіемъ» слѣдовало-бы застраховать себя особенно вожакамъ, если не рабочаго класса, то соціализма. Это увлеченіе отразилось въ нѣмецкой резолюціи о «соціальной политикѣ и рабочемъ страхованіи», принятой *почти* единогласно Амстердамскимъ соціалистическимъ конгрессомъ.

Эта резолюція, исходя, между прочимъ, изъ того соображенія, что «каждый человѣкъ имѣетъ право на существованіе и общество имѣетъ интересъ въ сохраненіи рабочей силы», признаетъ необходимымъ *созданіе такихъ учрежденій, которыя препятствуютъ нуждѣ рабочихъ* и вызываемому этимъ паденію ихъ рабочей силы».

«Въ капиталистическомъ обществѣ — утверждаетъ резолюція — это *наилучшимъ образомъ можетъ быть достигнуто* дѣйствительнымъ *законодательствомъ по рабочему страхованію*».

«Рабочіе всѣхъ странъ — продолжаетъ резолюція должны поэтому требовать учрежденій, которыя по возможности препятствуютъ болѣзнямъ, несчастнымъ случаямъ и немощности и путемъ обязательныхъ страховыхъ законовъ даютъ имъ права на достаточныя средства для поддержки жизни и врачебной помощи, если они вслѣдствіе болѣзни, несчастнаго случая, немощности, старости, беременности, материнства или *безработицы* лишены возможности примѣнять свою рабочую силу.

Издержки по страхованію на случай старости, немощности, вдовства и сиротства должны покрываться прежде всего прямыми налогами на имущество, доходы и наслѣдства. Гдѣ этого не будетъ, взносы, если они даже дѣлаются предпринимателями, всегда будутъ отчасти падать на заработную плату. Поэтому задача рабочихъ уравнивать эту потерю заработной платы усиленіемъ своихъ профессіональныхъ организацій.

«Рабочіе должны требовать, чтобы эти страховыя учрежденія были поставлены подъ самоуправленіе

застрахованныхъ и чтобы одни и тѣ же правила примѣнялись какъ къ туземнымъ, такъ и иностраннымъ рабочимъ всѣхъ націй».

Странно звучитъ въ соціалдемократической резолюціи заявленіе о «правѣ человѣка на существованіе» въ современномъ буржуазномъ обществѣ, странно звучитъ ссылка на «интересъ» общества въ сохраненіи рабочей силы для соціалистическаго доказательства необходимости помочь рабочимъ, но удивительнѣе всего эта вѣра въ страховое законодательство, уничтожающее нужду, утѣшающее вдовъ и сиротъ.

Такъ и вспоминается извѣстный стихъ изъ Корана:

«Отри слезу вдовицы, помоги неимущему, накорми алчущаго, напои жаждущаго!» На тебя вся надежда, великое страховое законодательсво, великая утѣха человѣчества. Аллаху слава!

Американскій делегатъ Хильквитъ сдѣлалъ по поводу нѣмецкой резолюціи нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній.

«У человѣка нѣтъ прирожденнаго права на существованіе это — пережитокъ энциклопедическо-идеалистической философіи. Только на основаніи своей силы рабочій классъ можетъ требовать и добиваться улучшенія своего положенія».

«Резолюція говоритъ также объ «интересѣ общества. Но подъ «интересомъ общества» вообще понимается «интересъ господствующаго класса». Неправильно говоритъ намъ о необходимости созданія учрежденій, имѣющихъ цѣлью возстановленіе «рабочей силы». Не о рабочей силѣ мы заботимся, — это дѣло капиталистовъ, мы заботимся о жизни и здоровьѣ рабочихъ. Какъ разъ во время кризиса у «общества» нѣтъ никакого интереса сохранить рабочую силу, скорѣе оно заинтересовано въ устраненіи части ея. Мы не призваны провозглашать общія мѣста для общества. Эти положенія настолько общи, что ихъ могъ бы принять каждый филантропъ, каждое общество покровительства животнымъ. Мы являемся здѣсь представителями рабочихъ и должны побуждать рабочій классъ бороться за свои права».

Рѣчь Хильквитта не произвела впечатлѣнія на делегатовъ, и резолюція трехмилліонной партіи вмѣстѣсъ

«правомъ человѣка на существованіе» была принята огромнымъ большинствомъ, что, конечно, не дѣлаетъ критику Хильквита менѣе правильной. Да, представителямъ рабочаго класса не подобаетъ успокаивать рабочій классъ перспективой возможности застраховаться отъ всѣхъ бѣдствій современнаго общества, исправивъ его страховымъ законодательствомъ. Для представителей рабочаго класса, если и важно какое нибудь законодательство, то во всякомъ случаѣ не то, которое «даетъ право на существованіе» въ современномъ обществѣ, а то, которое даетъ право на борьбу съ современнымъ обществомъ, на борьбу до конца, до полнаго уничтоженія всѣхъ его государственныхъ основъ. Не о сохраненіи рабочей силы въ интересахъ эксплуатирующаго общества должны заботиться представители рабочаго класса, а о созданіи боевой силы для уничтоженія господства современнаго «общества». Съ этой и только съ этой точки зрѣнія, сознательный пролетаріатъ долженъ смотрѣть на «рабочее законодательство». Не миръ несетъ оно съ собою, а мечъ, не ослабленіе классовой борьбы, а усиленіе и расширеніе ея. Оно подымаетъ низшіе слои рабочаго класса до высшихъ, оно объединяетъ ихъ и сплачиваетъ въ рядъ крѣпкихъ союзовъ, оно подымаетъ энергію и достоинство всего пролетаріата, оно ускоряетъ приближеніе пролетарской соціальной революціи.

И чѣмъ больше вырываетъ пролетаріатъ уступокъ у буржуазнаго законодательства, тѣмъ яснѣе его передовой соціалистическій отрядъ долженъ представлять себѣ, какъ совершится соціальная революція, тѣмъ опредѣленнѣе долженъ быть соціалистическій идеалъ, къ которому онъ идетъ во главѣ великой арміи труда.

Вредны пролетаріату тѣ его «руководители», которые въ погонѣ до «уступками буржуазіи» стараются совлечь его съ прямого пути къ соціалистическому идеалу, которые знамя съ программой рабочаго законодательства подымаютъ такъ высоко, что оно застилаетъ знамя соціальнаго переворота. Съ другой стороны, если не вредны, то безсильны тѣ, которые стараются отвлечь пролетаріатъ отъ повседневной борьбы, которая укрѣпляетъ его физическія силы и проясняетъ его классовое сознаніе, той повседневной борьбы, которая

разрушаетъ препятствія, воздвигнутыя буржуазіей на прямомъ пути къ соціализму.

Программа мѣръ, превращающая буржуазный строй въ пролетарскій разсчитана на пролетарскую соціальную революцію.

Программа мѣръ, поддерживающихъ и подымающихъ боевую силу пролетаріата, разсчитана на борьбу длительную, повседневную, давно уже начатую и безпрерывно происходящую, борьбу, совершающуюся во всѣхъ странахъ, при всѣхъ формахъ буржуазнаго господства, отъ демократической республики до самодержавной монархіи. Въ Россіи осуществленіе программы «рабочаго законодательства» мыслимо независимо отъ какой бы то ни было революціи.

Мы формулируемъ эту программму въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«*При капиталистическомъ строѣ въ своей повседневной борьбѣ пролетаріи Россіи, какъ и пролетаріи другихъ странъ для охраны себя отъ вырожденія и для укрѣпленія своихъ боевыхъ силъ, стремятся вырвать у господствующихъ классовъ* **свободу союзовъ и стачекъ,** *а также рабочее законодательство на слѣдующихъ основахъ:*

а) Максимальный восьмичасовой рабочій день для всѣхъ категорій рабочихъ, въ томъ числѣ и сельскохозяйственныхъ, а также для служащихъ въ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, прикащиковъ и домашней прислуги.

б) 42 часа безпрерывнаго отдыха каждую недѣлю для каждаго рабочаго и каждой работницы.

в) Ограниченіе рабочаго дня шестью часами для лицъ отъ 16 до 18 лѣтъ.

г) Запрещеніе женскаго труда за исключеніемъ производствъ, перечисленныхъ въ соотвѣтствующемъ законѣ, какъ не вредящихъ женскому организму болѣе, чѣмъ мужскому.

д) Запрещеніе работы дѣтей, не достигшихъ 16 лѣтъ.

е) Запрещеніе ночной работы. Точное законодательное опредѣленіе исключеній изъ этого общаго правила. Совершенное запрещеніе ночной работы для

всѣхъ женщинъ и всѣхъ мужчинъ, не достигшихъ 18 лѣтняго возраста.

ж) Совершенное запрещеніе сверхурочныхъ работъ.

з) Запрещеніе работъ сдѣльныхъ.

и) Освобожденіе отъ работъ беременныхъ, съ сохраненіемъ заработка, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда продолженіе работы вредно самой беременной или ея плоду. Освобожденіе отъ работы, тоже съ сохраненіемъ заработка, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 6 недѣль послѣ родовъ.

к) Введеніе на фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ всѣхъ изобрѣтеній, ограждающихъ здоровье рабочихъ отъ вліяній производства. При существованіи двухъ способовъ производства, болѣе вреднаго и менѣе вреднаго, запрещеніе перваго.

л) Установленіе закономъ гражданской отвѣтственности хозяевъ за полную или частичную потерю рабочими способности къ труду вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или вредныхъ условій производства и освобожденіе рабочихъ отъ обязательства доказывать, что эта потеря произошла по винѣ хозяина.

м) Установленіе закономъ обязательства для всѣхъ рабочихъ и работницъ состоять членами профессіональныхъ рабочихъ союзовъ.

н) Запрещеніе предпринимателямъ пользоваться трудомъ рабочихъ, приглашаемыхъ изъ другихъ мѣстностей, а также арестантскимъ и солдатскимъ, за плату ниже той, которую получаютъ мѣстные рабочіе.

о) Еженедѣльная выдача заработной платы въ рабочіе часы подъ наблюденіемъ выборныхъ рабочими старостъ. Выдача заработной платы исключительно наличными деньгами. Браковка подъ наблюденіемъ выборныхъ старостъ.

п) Запрещеніе хозяевамъ налагать штрафы и дѣлать какіе бы то ни было вычеты изъ заработной платы.

р) Запрещеніе обысковъ рабочихъ.

с) Введеніе для санитарно-техническаго надзора и для контроля за выполненіемъ рабочаго законодательства выбираемыхъ самими рабочими и работницами инспекторовъ и инспектрисъ.

т) Распространеніе санитарнаго надзора на жилища, отводимыя предпринимателями рабочимъ.

у) Учрежденіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности промысловыхъ судовъ, составленныхъ по-ровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей подъ предсѣдательствомъ представителя отъ органа мѣстнаго самоуправленія, при чемъ этотъ представитель не долженъ быть предпринимателемъ.

ф) Распространеніе рабочаго законодательства на промышленности: домашнюю, кустарную и сельскохозяйственною.

Проектъ пролетарской программы.

I. Современное общество, основанное на частной собственности и товарномъ производствѣ, постепенно раздѣляется на два класса съ противуположными интересами: на пролетаріатъ или неимущихъ и трудящихся, лишенныхъ средствъ производства и обращенія, и вслѣдствіе этого принужденныхъ продавать свою рабочую силу, и буржуазію или имущихъ, никакихъ цѣнностей не производящихъ, но сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ средства производства и обращенія.

II. Усовершенствованіе техники, дѣлая трудъ болѣе производительнымъ, обусловливаетъ ростъ общественнаго богатства, но оно присваивается классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

III. Вслѣдствіе этого въ буржуазномъ обществѣ все глубже развивается противорѣчіе между жизненнымъ уровнемъ промышленнаго пролетаріата и возрастающею производительностью его труда, все больше становится разстояніе между имущими и неимущими, все рѣзче проявляется несоотвѣтствіе между потребностями трудящихся массъ и ихъ удовлетвореніемъ.

IV. Это противорѣчіе обостряется промышленными кризисами съ сопровождающими ихъ безработицей и всевозможными лишеніями для рабочихъ массъ.

V. Процессъ капиталистическаго развитія, вытѣсняя мелкія, самостоятельныя хозяйства крупными предпріятіями, въ которыхъ вмѣстѣ работаютъ сотни и тысячи наемныхъ рабочихъ, увеличиваетъ число пролетаріевъ и, ставя ихъ въ одинаковое положеніе, создаетъ благопріятныя условія для ихъ объединенія, просвѣтленія ихъ классового сознанія и организаціи совмѣстной борьбы противъ класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

VI. Съ интересами промышленнаго пролетаріата

совпадаютъ интересы ремесленниковъ и земледѣльцевъ, огромное большинство которыхъ при капиталистическомъ строѣ обречено на полуголодное прозябаніе.

VII. Сила пролетаріата увеличивается и постепеннымъ вступленіемъ въ его ряды части представителей умственнаго труда, необезпеченность которыхъ возрастаетъ съ развитіемъ капиталистическаго строя.

VIII. Такимъ образомъ, всей совокупностью условій развитія капиталистическаго строя, пролетаріатъ становится могучимъ врагомъ буржуазіи, не имѣющимъ никакого интереса въ сохраненіи современнаго строя и единственнымъ классомъ, необходимымъ для хозяйственной жизни всѣхъ промышленныхъ странъ. Капиталисты же и крупные землевладѣльцы превращаются исключительно въ собирателей прибылей и становятся ненужными для руководства промышленными предпріятіями.

IX. Развитіе промышленности, дающее возможность современному обществу, при планомѣрномъ устройствѣ производства, удовлетворять потребности всѣхъ его членовъ, и сознательная классовая борьба пролетаріата неизбѣжно ведутъ къ замѣнѣ современнаго капиталистическаго строя строемъ соціалистическимъ.

X. При соціалистическомъ строѣ уничтожается частная собственность на всѣ средства производства и обращенія (землю, шахты, заводы, фабрики, желѣзныя дороги, торговые склады и проч.) и они переходятъ въ распоряженіе всего общества. Товарное производство, имѣющее цѣлью прибыль, замѣняется при этомъ производствомъ общественнымъ, имѣющимъ цѣлью продукты, необходимые для равномѣрнаго удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общества безъ исключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается раздѣленіе общества на классы и устанавливается полная равноправность между расами, національностями, вѣроисповѣданіями и полами.

XI. Капиталистическое производство международно, поэтому и классовая борьба носитъ международный характеръ и ведется соединенными усиліями пролетаріевъ всѣхъ странъ.

Опираясь на всеобщую стачку — трудовую, военную и податную — борющійся пролетаріатъ стремится покончить съ господствомъ буржуазіи, политически проявляющимся въ государствѣ и положить начало новому общественному строю на слѣдующихъ основахъ:

1. Федерація областныхъ и національныхъ союзовъ самоуправляющихся общинъ.

2. Признаніе недѣйствительными всѣхъ долговыхъ обязательствъ (долговъ государственныхъ, общественныхъ, частныхъ) и отмѣна законовъ, охраняющихъ современныя имущественныя отношенія и учрежденія (куплю-продажу, кредитъ, наслѣдованіе и т. д.).

3. Уничтоженіе частной собственности на всѣ средства и продукты производства и переходъ ихъ въ распоряженіе самоуправляющихся общинъ и ихъ союзовъ.

4. Превращеніе крупныхъ предпріятій (сельскохозяйственныхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и т. д.) въ общинныя производительныя учрежденія или передача ихъ эксплуатаціи рабочимъ союзамъ.

5. Предоставленіе хозяевамъ мелкихъ земельныхъ участковъ, мастерскихъ и т. п. продолжать самостоятельное веденіе своихъ хозяйствъ и предпріятій, насколько результаты ихъ труда достигаютъ наименьшей производительности общинныхъ учрежденій.

6. Устраненіе системы вознагражденія за трудъ и введеніе равномѣрнаго удовлетворенія потребностей всѣхъ при установленіи минимума обязательнаго труда въ зависимости отъ отношенія между трудовой производительностью и потребностями личными и общественными даннаго общежитія.

7. Содержаніе на общественный счетъ дѣтей, беременныхъ, роженицъ, стариковъ и больныхъ.

8. Свобода слова, печати, совѣсти.

9. Свобода союзовъ и сообществъ.

10. Свобода передвиженія

11. Неприкосновенность личности и жилища.

12. Всеобщая прямая и равная подача голосовъ при всѣхъ голосованіяхъ.

13. Пропорціональное представительство.

14. Референдумъ и народная инициатива.

15. Уравненіе женщинъ во всѣхъ правахъ съ мужчинами.

16. Отмѣна военной службы во всѣхъ ея формахъ.

17. Признаніе всѣхъ церквей частными обществами, не пользующимися никакими преимуществами.

18. Постепенная замѣна всѣхъ формъ суда судомъ третейскимъ.

19. Отмѣна всѣхъ наказаній, носящихъ характеръ общественнаго мщенія.

20. Признаніе брака свободнымъ союзомъ съ устраненіемъ узаконенія его церковнымъ или гражданскимъ порядкомъ.

21. Отмѣна регламентаціи проституціи.

22. Обязательное посѣщеніе общественной школы, подготовляющей, какъ къ умственному, такъ и физическому труду. Общедоступность всѣхъ учебныхъ заведеній и научныхъ пособій.

23. Отмѣна титуловъ, отличій, наградъ.

* * *

При капиталистическомъ строѣ въ своей повседневной борьбѣ пролетаріи всѣхъ странъ для охраны себя отъ вырожденія и для укрѣпленія своихъ боевыхъ силъ стремятся вырвать у господствующихъ классовъ свободу союзовъ и стачекъ, а также рабочее законодательство на слѣдующихъ основахъ:

а) Максимальный восьмичасовой рабочій день для всѣхъ категорій рабочихъ, въ томъ числѣ и сельскохозяйственныхъ, а также для служащихъ въ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, прикащиковъ и домашней прислуги.

б) 42 часа безпрерывнаго отдыха для каждаго рабочаго и работницы.

в) Ограниченіе рабочаго дня шестью часами для лицъ отъ 16 до 18-ти лѣтъ.

г) Запрещеніе рабо ы дѣтей, не достигшихъ 16 лѣтъ.

д) Запрещеніе женскаго труда за исключеніемъ производствъ, перечисленныхъ въ соотвѣтствующемъ законѣ, какъ не вредящихъ женскому организму болѣе, чѣмъ мужскому.

е) Запрещеніе ночной работы. Точное законодательное опредѣленіе исключеній изъ этого общаго

правила. Совершенное запрещеніе ночной работы для всѣхъ женщинъ и для всѣхъ мужчинъ не достигшихъ 18 лѣтняго возраста.

ж) Совершенное запрещеніе сверхурочныхъ работъ.

з) Запрещеніе работы сдѣльныхъ.

и) Освобожденіе отъ работъ беременныхъ съ сохраненіемъ заработка во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда продолженіе работы вредно самой беременной или ея плоду. Освобожденіе отъ работы, тоже съ сохраненіемъ заработка, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 6 недѣль послѣ родовъ.

к) Введеніе на фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ всѣхъ изобрѣтеній, ограждающихъ здоровье рабочихъ отъ вредныхъ вліяній производства. При существованіи двухъ способовъ производства, болѣе вреднаго и менѣе вреднаго, запрещеніе перваго.

л) Установленіе закономъ гражданской отвѣтственности хозяевъ за полную или частичную потерю рабочими способности къ труду вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или вредныхъ условій производства и освобожденіе рабочихъ отъ обязательства доказывать, что эта потеря произошла по винѣ хозяина.

м) Установленіе закономъ обязательствъ для всѣхъ рабочихъ и работницъ состоять членами профессіональныхъ рабочихъ союзовъ.

н) Запрещеніе предпринимателямъ пользоваться трудомъ рабочихъ, приглашаемыхъ изъ другихъ мѣстностей, а также арестантскимъ и солдатскимъ за плату ниже той, которую получаютъ мѣстные рабочіе.

о) Еженедѣльная выдача заработной платы въ рабочіе часы подъ наблюденіемъ выбирамыхъ рабочими старостъ. Выдача заработной платы исключительно наличными деньгами. Браковка подъ наблюденіемъ выборныхъ старостъ.

п) Запрещеніе хозяевамъ налагать штрафы и дѣлать какіе-бы то ни было вычеты изъ заработной платы.

р) Запрещеніе обысковъ рабочихъ.

с) Введеніе для санитарно-техническаго надзора и для контроля за выполненіемъ рабочаго законодательства выбираемыхъ самими рабочими и рабочницами инспекторовъ и инспектрисъ.

т) Распространеніе санитарнаго надзора на жилыя

помѣщенія, отводимыя предпринимателями рабочимъ.

у) Учрежденіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности промысловыхъ судовъ, составленныхъ по-ровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей подъ предсѣдательствомъ преставителя отъ органа мѣстнаго самоуправленія, при чемъ этотъ представитель не долженъ быть предпринимателемъ.

ф) Распространеніе рабочаго законодательства на промышленности домашнюю, кустарную и сельскохозяйственную.

Оглавленіе.

Предисловіе V

Глава I. **Названіе партіи.** — Соціалдемократія англійская, французская и нѣмецкая. Единство принциповъ у русскихъ соціалдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Рабочая партія. Русская или россійская. Положеніе Бунда 3

Глава II. **Построеніе программы.** — Коммунистическій манифестъ. Категоріи необходимости и свободы. Разумъ и воля. Соціалдемократическая программа, какъ программа сознательныхъ дѣятелей. Программа максимумъ и программа минимумъ. Римская программа итальянской соціалистической партіи. Программа бразильской соціалистической федераціи. Бирмингамская программа англійской соціалдемократической федераціи. Программа англійской независимой рабочей партіи. Программа соціалистической рабочей партіи Соединенныхъ Штатовъ. Національная программа соціалистической американской партіи. Брюссельская программа бельгійской рабочей партіи. Турская программа французской соціалистической партіи. Развитіе нѣмецкой соціалдемократической программы въ связи съ исторіей партіи. Эйзенахская программа. Готская программа. Эрфуртская программа. Гайнфельдская программа соціалдемократической рабочей партіи въ Австріи. Вѣнская программа соціалдемократической рабочей партіи Австріи. Программа французской рабочей партіи. Особенность положенія русскаго пролетаріата и сущность его программы. Программа Сѣверно-русскаго рабочаго союза. Программа рабочихъ членовъ «Народной Воли». Программа группы «Освобожденія Труда». Манифестъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Проектъ программы «Искры» и «Зари». Проектъ программы «Жизни». Проектъ группы «Борьба». Проектъ программы, предлагаемый авторомъ. 21

Глава III. **Теоретическая часть программы.** — Частная собственность и товарное производство. Пролетаріатъ и буржуазія. Первоначальное и вторичное накопленіе. Трудъ и рабочая сила. Что такое общественный классъ? Усовершенствованіе техники и производительность труда. Присвоеніе общественнаго богатства классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Противорѣчіе между жизненнымъ уровнемъ пролетаріата и возрастающею производительностью его труда. Теорія обнищанія. Промышленные кризисы. Пролетаріи-собственники. Концентрація предпріятій техническая и

экономическая. Значеніе условій фабрично-заводскаго труда для выработки классового самосознанія пролетаріата. Ремесленники и крестьяне. Кустари. «Міръ» и общинное землевладѣніе. Интеллигенція. Пролетаріатъ, какъ единственный классъ, необходимый для хозяйственной жизни всѣхъ просвѣщенныхъ странъ. Превращеніе капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ исключительно въ собирателей прибылей. Бюрократія. Необходимость превращенія капиталистическаго строя въ соціалистическій. Сущность революціоннаго марксизма. Соціальная революція. Диктатура пролетаріата. Государство. Соціалистическое общество. Соціализмъ и собственность. Международность классовой борьбы. Пролетаріатъ и соціалдемократія 73

Глава IV. **Самодержавная буржуазія и буржуазное самодержавіе.** — Иностранные капиталы. Освобожденіе крестьянъ и либеральныя реформы. Самодержавіе, какъ «взаимное упованіе.» Самодержавіе, какъ воля угнетающаго класса, являющаяся произволомъ по отношенію къ классу угнетаемому. Ткачевъ, Аксельродъ и Энгельсъ. Іезуитизмъ и искризмъ. Союзъ капиталиста, ученаго и казака. Конституція 187

Глава V. **Средства и способы борьбы.** — Стачка рабочихъ. Развитіе всеобщихъ стачекъ изъ стачекъ частичныхъ. Исторія стачечнаго движенія: Англія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Аргентина, Чили, Австралія, Испанія, Италія, Швейцарія, Франція, Бельгія, Голландія, Швеція, Данія, Норвегія, Германія, Австрія, Венгрія, Японія, Россія, Финляндія. Всеобщія стачки и организованность рабочихъ. Отношеніе къ всеобщимъ стачкамъ соціалдемократіи. Всеобщія стачки и государство. Первое мая. Стачка солдатъ. Фабрика и казарма. Стачка плательщиковъ налоговъ . . . 229

Глава VII. **Революція и народная воля.**—Революціонныя дѣйствія, вытекающія изъ побѣдоносной всеобщей стачки. Освобожденіе всѣхъ заключенныхъ и ссыльныхъ. Распущеніе арміи. Смѣна должностныхъ лицъ. Захватъ запасовъ предметовъ первой необходимости. Свободное проявленіе народной воли 471

Глава VII. **Государственная власть и общественное самоуправленіе.** — Гегель. Лассаль. Р. Блатчфордъ. Де-Папъ. Энгельсъ. Бебель. Каутскій. К. Марксъ. Парижская коммуна 1871 г. Современное мѣстное самоуправленіе. 483

Глава VIII. **Національная автономія и всемірная федерація.** — Разъединяющее вліяніе централизаціи. Національное самосознаніе и буржуазный націонализмъ. Брюнская программа соціалдемократіи въ Австріи. Вопросъ о національномъ представительствѣ на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ. М. А. Бакунинъ. А. И. Герценъ. Щаповъ. Драгомановъ. Кропоткинъ. «Народное Дѣло». Лавровскій «Впередъ». «Община». «Черный пе-

редѣлъ». «Народная Воля», «Жизнь». Соціалисты-революціонеры. Соціалистическія партіи, народностей, включенныхъ въ Россійскую имперію. Польскій вопросъ. Еврейскій вопросъ 527

Глава IX. **Гарантіи народной и личной свободы.** — Формы государственной власти и ихъ значеніе для пролетаріата. Монархія и республика. Всеобщее избирательное право. Пропорціональное право. Пропорціональное представительство. Инціатива и референдумъ. Раздѣленіе властей. Судъ. Неприкосновенность личности. Преступленіе и наказаніе. Свобода совѣсти. Вѣра и знаніе, религія и наука. Церковь и государство. Милитаризмъ. Война. Вопросъ о милиціи 556

Глава X. **Экспропріація экспропріаторовъ.**—Буржуазная «свобода, равенство и братство». Осуществимость и совмѣстимость съ буржуазнымъ строемъ требованій соціалдемократической программы. Каутскій и Мольтке. Классовая борьба и война. Классовые интересы пролетаріата и экономическая необходимость, какъ фактическія основанія для вывода переходныхъ мѣропріятій къ соціалистическому строю. Лондонскій конгрессъ 1891 г. о зрѣлости капитализма. Коммуна и диктатура пролетаріата. Каутскій, какъ одинъ изъ творцомъ бернштеніанства. Соціальная революція Каутскаго и соціальная революція пролетаріата. Устраненіе безработицы, какъ средство устранить капиталистическое производство. Безвозмездная экспропріація и выкупъ. Мелкая собственность. Соціальное развитіе и интересы пролетаріата. Коммуна побѣдоноснаго пролетаріата. Вознагражденіе по заслугамъ и удовлетвореніе потребностей. Умственный и физическій трудъ. Алкоголизмъ. Аграрный вопросъ. . 741

Глава XI. **Бракъ, семья и школа.** — Современный бракъ. Отношеніе къ браку Вейтлинга, Жоржъ Зандъ и Прудона. Идеальная свобода любви. Проституція. Разводъ. Законныя и незаконныя дѣти. Неомальтузіанизмъ. Пролетарскія требованія по отношенію къ школѣ. Обязательное посѣщеніе народной школы. Школа и религія 868

Глава XII. **Рабочее законодательство.** — Отношеніе къ рабочему законодательству буржуазіи и пролетаріата. Максимальный рабочій день. Отдыхъ. Ночной трудъ. Трудъ женскій и дѣтскій. Сдѣльная работа. Отвѣтственность за несчастные случаи. Вредные для здоровья способы производства. Инспекція. Промысловые суды. Минимальная заработная плата. Рабочіе союзы. Страхованіе. Рабочее законодательство и соціальная революція 904

Проектъ пролетарской программы 941

Важнѣйшія замѣченныя опечатки:

Стр.	*Строка*		*Напечатано*	*Слѣд. читать*
11	13	снизу	Рѣчь	Роль
32	5	сверху	націонализаціи	націонализація
32	16	,,	достоинства	достоинствъ
57	17	,,	что помнить,	помнить, что
62	9	,,	Uuzidg	Unding
91	13	,,	собственность	способность
119	2	снизу	Пустъ	Пусть
140	12	сверху	на военно-конной переписи	военно-конной переписи
177	9	снизу	ряди	ради
192	11	сверху	видрый	видный
205	12	снизу	обезпечиваетъ	обезпечиваютъ
210	2	,,	женевскихъ, что	женевскихъ заявленіемъ, что
517	2	сверху	6 лѣтъ какого-нибудь	6 лѣтъ для выбора какого-нибудь
556	2	снизу	безсознательныхъ	безсознательность
560	6	,,	тѣ «Костровно-русскихъ»	не «собственно-русскихъ
560	5	,,	собственъ	Костровъ
565	5	,,	зависимости	зависимость
568	18	,,	чт	что
,,	19	,,	отчету о orwärts'a	отчету Vorwärts'a
,,	20	,,	Въ и ція Сѣв. при	Въ комиссіи при
,,	21	,,	Франкоммисі Ам.	Франція, Сѣв. Ам.
570	16	сверху	демократіи такихъ	демократіи къ республикѣ такихъ
578	16	снизу	во главѣ подписываетъ	во главѣ совѣтывалъ подписывать
,,	17	,,	совѣтъ партійнаго правленія	партійное правленіе
635	17	сверху	солидарностью	солидарность
655	14	,,	Каотца	Клотца
661	3	снизу	облазомъ	образомъ
668	1	,,	политики	политики
693	1	сверху	съ	къ
694	16	снизу	партіи	маріи

754	10	сверху	законности въ смыслѣ	законности, въ смыслѣ
,,	17	,,	передовыхъ	переходныхъ
767	13	,,	малоплодородныхъ	малодоходныхъ
782	4	снизу	моннал	мощная
790	16	сверху	смертные	спиртные
811	19	,,	вызываютъ	вызываетъ
837	15	снизу	постараемся	постарается
877	9	,,	Общество—пишетъ	Общество предпишетъ вамъ—пишетъ
878	6	,,	коммунистами	коммунистамъ
890	1	сверху	горожданъ	горожанъ
,,	23	,,	положенія,	положеніи),

Библиотека
Университета
им. А. И. Герцена

Печатаются и скоро выйдутъ № 46 и 47 «Библіотеки Русскаго Пролетарія»:

Г. А. Куклинъ.

МАТЕРІАЛЫ

къ изученію исторіи революціоннаго движенія въ Россіи

Томъ второй (1854—1868 гг.)

Оглавленіе: А. И. Герценъ, «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ».—Н. П. Огаревъ.—Н. Г. Чернышевскій.—«Народныя волненія въ началѣ царствованія Александра II.—Прокламаціи 60-хъ годовъ.—П. В. Долгоруковъ и его журналы. — Студенческія волненія при Николаѣ I и Александрѣ II. — Каракозовское дѣло и покушеніе Березовскаго.—Конституціонные адреса.—Польское движеніе при Александрѣ II и возстаніе 1863 г.—А. Серно-Соловьевичъ и его брошюры.

Томъ третій (1868—1877 гг.)

Оглавленіе: М. А. Бакунинъ.—«Народное Дѣло» и Народная Расправа» и С. Г. Нечаевъ. — А. В. Долгушинъ и его кружокъ.—П. Л. Лавровъ и журналъ «Впередъ».— П. Н. Ткачевъ и «Набатъ». — «Работникъ».—«Община».—Кружокъ «Чайковцевъ». — Народныя волненія въ концѣ царствованія Александра II.—Казанская демонстрація.—Процессъ 50-ти. — Южно-русскій рабочій Союзъ.—Процессъ 193-хъ.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія «Библіотеки Русскаго Пролетарія»:

А. БЕБЕЛЬ. — «**О Бернштейнѣ**».
Цѣна 80 коп., 2 фр.

А. БЕБЕЛЬ. — «**Женщина и Соціализмъ**».
Цѣна 2 руб., 5 фр.

К. КАУТСКІЙ.—«**Классовые интересы**».
Цѣна 15 коп., 40 сант.

Ф. ЛАССАЛЬ. — «**Гласный отвѣтъ центральному комитету**». Цѣна 20 коп., 50 сант.

Ф. ЛАССАЛЬ. — «**О сущности конституціи.**
Цѣна 15 коп., 40 сант.

В. ЛИБКНЕХТЪ.—«**Отъ обороны къ нападенію.**»
Цѣна 30 коп., 80 сант.

В. ЛИБКНЕХТЪ.—«**Рѣчь о налогахъ**».
Цѣна 10 коп., 25 сант.

К. МАРКСЪ.—«**Гражданская война во Франціи (1870-1871 г.)**». Цѣна 40 коп., 1 фр.

К. МАРКСЪ.—«**Наемный трудъ и капиталъ**».
Цѣна 20 коп., 50 сант.

К. МАРКСЪ.—«**Первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ.**»
Цѣна 8 коп., 20 сант.

К. МАРКСЪ.—«**18-ое Брюмера Луи Бонапарта.**»
Цѣна 40 коп., 1 фр.

К. МАРКСЪ и Ф. ЭНГЕЛЬСЪ. — «**Манифестъ коммунистической партіи.**»
Цѣна 15 коп., 40 сант.

Рус

А.

А.

К. І

Ф. Ј

Ф. Ј

В. Л

В. Л

К. М

К. М

К. М

К. М

К. М